ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ VI.

ГОДЪ XLVII. — ТОМЪ CCLXXVIII. — 1/13 НОЯБРЯ, 1883.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ. № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1883

(828)

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ

Is fecit, cui prodest.

XIV *).

Не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что Сесиль Рено потеряна для меня навсегда. Причины страннаго переворота, происшедшаго такъ быстро и неожиданно въ чувствахъ моей бывшей невѣсты, я не зналъ, но смутно начиналъ подозрѣвать, что вся наша немурская идиллія была съ ея стороны не болѣе какъ простымъ капризомъ болѣзненно-настроеннаго воображенія. Соображая, что молодая дѣвушка захворала тотчасъ же по возвращеніи съ ужасной сцены казни Шарлотты Кордэ, я начиналъ спрашивать себя иногда, не произвела ли эта сцена на умъ Сесили одно изъ тѣхъ двойственныхъ впечатлѣній, которыя въ одно и то же время увлекаютъ пылкія головы на подражаніе примѣру павшей жертвы и приводятъ ихъ въ невольный ужасъ при мысли, что ихъ можетъ постигнуть таже страшная участь. Подъ вліяніемъ такого ужаса Сесиль могла ухватиться за мою любовь къ ней какъ за средство совершенно заградять дорогу мыслямъ о подражаніи Шарлоттѣ Кордэ. Догадка эта казалась мнѣ иногда наиболѣе вѣроятною, но въ такія минуты я съ внутреннимъ трепетомъ задавалъ себѣ вопросъ, чѣмъ же кончитъ несчастная дочь бумажнаго торговца? и боялся дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Постоянныя думы о Сесили Рено становились невыносимо тяжелыми и, чтобы какъ-нибудь отогнать ихъ, я сталъ снова усердно заниматься происходившими вокругъ меня политическими событіями, стараясь стоять какъ можно ближе къ совершающемуся, а

*) См. выше: октябрь, стр. 483.

при удобномъ случаѣ и принимать въ немъ непосредственное участіе. Клубъ якобинцевъ былъ отличнымъ подспорьемъ для осуществленія этого плана. Его безпорядочныя и шумныя засѣданія начинали играть рѣшающую роль въ судьбахъ республики. Съ каждымъ днемъ все чаще и чаще слышались фразы: «якобинцы рѣшили», «якобинцы несогласны», замѣняющія фразы: «конвентъ постановилъ», «конвентъ отвергъ». Въ вечернихъ засѣданіяхъ клуба, дѣятельность представителей народа обсуждалась въ формахъ прямо подразумѣвавшихъ, что якобинцы имѣютъ право контроля надъ этою дѣятельностью. Изъ провинцій начинали приходить въ знаменитый клубъ настоящія апелляціи на законодательное собраніе республики и даже прямыя требованія *заставить* его принять ту или другую мѣру. Члены конвента, состоявшіе членами клуба якобинцевъ, не только не протестовали противъ подобныхъ выходокъ, но сами пользовались клубомъ, чтобы вліять на рѣшенія конвента. Максимиліанъ Робеспьеръ не составлялъ исключенія. Съ того дня, какъ восторжествовалъ вмѣстѣ съ терроромъ такъ-называемый эбертизмъ, и конвентъ, подъ давленіемъ уличной толпы, отнесся сочувственно къ публичному отступничеству нѣсколькихъ конституціонныхъ епископовъ, объявившихъ, что они отрекаются отъ «заблужденій христіанства», Робеспьеръ сталъ вести въ клубѣ якобинцевъ упорную и ожесточенную борьбу противъ Эбера и главныхъ его единомышленниковъ, въ особенности противъ пруссака Клоотса, принявшаго имя Анахарсиса взамѣнъ своего христіанскаго имени Жана-Баптиста. Въ этомъ случаѣ всѣ мои симпатіи были на сторонѣ знаменитаго трибуна. Слушая его пламенныя рѣчи въ клубѣ якобинцевъ и наблюдая за впечатлѣніемъ, которое производили онѣ на сторонниковъ террора, я начиналъ понимать ту неизмѣримую разницу, которая существовала между Робеспьеромъ и его многочисленными политическими соперниками. Бесѣды Максимиліана съ Просперомъ Ландэ, на которыхъ я теперь старался присутствовать какъ можно чаще, еще болѣе разъясняли для меня эту разницу. Въ откровенныхъ разговорахъ съ моимъ наставникомъ, Робеспьеръ прямо сознавался, что онъ еще не знаетъ, кого онъ ненавидитъ болѣе—враговъ ли республики, желающихъ возстановленія монархіи, или террористовъ, компрометирующихъ существующій порядокъ вещей своими крайностями.

— Съ монархистами справиться было бы не трудно,—говорилъ онъ,—еслибъ только имъ не помогали разные плуты и сумасшедшіе вродѣ Тальяна, Фуше, Карръе, Клоотса, Эбера и т. д. Мы низвергли монархію для блага страны и если народъ въ

огромномъ большинствѣ отнесся сочувственно къ совершенному нами перевороту, то ужъ конечно не потому что понималъ философскую нелѣпость низвергнутаго порядка вещей, а потому, что надѣялся, что при республикѣ ему будетъ лучше жить. Оправдайся вполнѣ это ожиданіе — монархисты ничего бы не могли сдѣлать противъ насъ. Наиболѣе благоразумные и себялюбивые кончили бы тѣмъ, что перешли бы на нашу сторону, а отъ другихъ мы бы избавили страну, облегчая имъ средства въ эмиграціи, а съ упорными фанатиками кончая, пожалуй, и гильотиною. Къ несчастью Эберы, Клоотсы и Карье разрушаютъ все, что успѣваемъ мы сдѣлать для блага страны и народа. По милости этихъ негодяевъ почти ни одно изъ предпріятій нашихъ не удается какъ слѣдуетъ. Благосостояніе не увеличивается, доносы, возведенные въ систему, не даютъ спокойно жить никому, оффиціально водворяемый въ республикѣ атеизмъ возмущаетъ сердца большинства. Видѣть все это и не пытаться противодѣйствовать обороту, принимаемому дѣлами, я не могу. Надо положить конецъ всѣмъ крайностямъ и безчинствамъ эбертизма, приводящимъ втайнѣ въ восторгъ вожаковъ монархическаго заговора. Терроръ, ужъ если онъ существуетъ, долженъ быть нашимъ оружіемъ противъ всѣхъ безъ исключенія, кто мѣшаетъ республикѣ упрочиться и сдѣлаться любезной народу.

Проспсръ Ландэ часто оспаривалъ подобныя мнѣнія своего друга, доказывая, что насиліе, употребляемое даже съ благою цѣлью, никогда не можетъ привести къ добру; но Робеспьеръ попрежнему называлъ его за это «неисправимымъ мечтателемъ» и мнѣ начинало иногда казаться, что онъ правъ!

Между тѣмъ клубъ якобинцевъ, все еще находившійся почти всецѣло подъ вліяніемъ Максимиліана, начиналъ вступать чуть не въ открытую борьбу съ клубомъ кордельеровъ, гдѣ первенствовали Эберъ, Шометтъ и прочіе члены парижской коммуны. Антагонизмъ этихъ двухъ клубовъ разгорался все болѣе и болѣе. Въ самомъ конвентѣ стали ясно обрисовываться двѣ, тайно враждующія между собою группы сторонниковъ и противниковъ Робеспьера. Дантонъ почти открыто перешелъ въ лагерь послѣднихъ, благодаря ловко веденной интригѣ Баррера и Фуше. Камилль Демулэнъ, опутанный тѣми же интригами, начиналъ толковать въ своемъ журналѣ объ опасностяхъ «диктатуры», которую будто бы желаетъ захватить въ свои руки «краснорѣчивый ораторъ, до сихъ поръ довольствовавшійся какъ лучшею наградою за гражданскую доблесть, высоко-лестнымъ прозваніемъ *неподкупнаго*». Становилось ясно, что готовится борьба, въ которой

Робеспьеръ долженъ будетъ или разгромить всѣхъ своихъ недоброжелателей, или погибнуть самъ....

Мало-по-малу захватывающій интересъ этой борьбы, имѣвшей такое громадное и рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу Франціи, овладѣлъ моимъ вниманіемъ до такой степени, что стали выдаваться дни, когда я только мимоходомъ вспоминалъ о моемъ личномъ горѣ, озабоченный тѣмъ, какъ разыграется тотъ или другой эпизодъ, возбужденный наканунѣ въ клубѣ якобинцевъ? Инстинктивное отвращеніе, которое внушалъ мнѣ Робеспьеръ, не исчезло окончательно, но его пересиливало очень часто сочувствіе къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ онъ пробовалъ добиться, безпощадно преслѣдуя въ своихъ рѣчахъ крайности террористовъ и эбертистовъ. Робеспьеръ, повидимому, замѣчалъ происшедшую во мнѣ перемѣну и ему случилось въ спорахъ съ Просперомъ Ландэ обращаться иногда прямо ко мнѣ съ очевидною увѣренностію, что я выскажусь въ смыслѣ тѣхъ идей, которыя онъ развивалъ; но эти обращенія не мѣшали ему безпрестанно подтрунивать надъ моими республиканскими симпатіями и пророчить, что моя «сантиментальная дурь» пройдетъ съ годами. Однажды, когда его сарказмы показались мнѣ почему-то особенно чувствительными, я не выдержалъ и спросилъ его:

— Скажите, пожалуйста, гражданинъ-представитель, что̀ заставляетъ васъ съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовать меня своими насмѣшками и нынѣ, когда мнѣ такъ часто приходится поневолѣ соглашаться съ вами?

Робеспьеръ улыбнулся и, потрепавъ меня по плечу, отвѣтилъ:

— Лично вы тутъ не при чемъ, мой юный другъ. Въ вашемъ лицѣ я преслѣдую всѣхъ вообще иностранцевъ, налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ во Францію съ требованіями себѣ права вмѣшиваться въ наши дѣла подъ тѣмъ предлогомъ, что они сочувствуютъ республиканской формѣ правленія. Эти выходцы съ своимъ нелѣпымъ запѣвалой Клоотсомъ только вооружаютъ противъ насъ монархическую Европу, а я считаю ея недоброжелательство фактомъ, тѣмъ болѣе прискорбнымъ для насъ, что оно даетъ нашимъ монархистамъ надежду вернуться во власть при помощи иноземныхъ армій. Уѣзжайте въ Россію и у меня останется только доброе воспоминаніе о вашей искренности и юномъ пылѣ, съ которыми вы стремились отдать себя на служеніе свободѣ и правамъ человѣка.

— Но отъѣздъ одного Эжена не измѣнитъ того положенія дѣлъ, которое ты считаешь неудобнымъ,—возразилъ полу-серьезно, полу-шутя Проспэръ Ландэ.—Его удаленіе будетъ капля въ морѣ.

— Не до такой степени, какъ ты думаешь,—возразилъ Робеспьеръ.—Твой питомецъ и молодой графъ Ш*, сколько мнѣ извѣстно—два единственные знатные русскіе, проживающіе въ настоящее время въ Парижѣ, и я имѣю основаніе полагать, что ихъ присутствіе здѣсь значительно способствуетъ недоброжелательному отношенію къ намъ петербургскаго правительства.

— Не знаю, насколько это справедливо,—сказалъ я не безъ нѣкотораго задора,—но знаю, что удалить меня изъ Франціи удастся только насилію.

Глаза Робеспьера сверкнули зловѣщимъ блескомъ. Закинувъ назадъ голову и прищурясь, онъ возразилъ:

— Если вы называете насиліемъ законодательныя мѣры, воспрещающія временно пребываніе иноземцевъ во Франціи, то вамъ, пожалуй, и придется испытать насиліе, потому что я рѣшилъ добиваться всѣми средствами въ конвентѣ такихъ мѣръ.

— Тѣхъ, кого ты главнымъ образомъ имѣешь въ виду,—замѣтилъ спокойно Проспeръ Ландэ,—новый законъ не коснется потому, что всѣ они уже получили права французскихъ гражданъ.

— Для такихъ самозванныхъ французовъ, эскамотировавшихъ себѣ гражданскія права напыщенною фразеологіей въ республиканскомъ духѣ, у меня найдется другое средство,—сухо возразилъ Робеспьеръ.

— Т.-е. гильотина?—нахмурясь спросилъ Ландэ.

— Конечно! Если они желаютъ рядиться въ костюмъ гражданъ республики, то должны быть равными съ нами не только въ правахъ, но и въ отвѣтственности передъ закономъ.

— Вотъ съ этимъ я совершенно согласенъ,—воскликнулъ я. —Не изгонять насъ, а дать намъ всѣмъ званіе, налагающее эту отвѣтственность, слѣдуетъ для того, чтобы присутствіе иноплеменниковъ не вредило дѣлу республики.

Робеспьеръ удивленно посмотрѣлъ на меня и хотѣлъ что-то сказать, но остановился и, пожавъ плечами, пробормоталъ сквозь зубы:

— Quos vult perdere Jupiter....

Впечатлѣніе этого непріятнаго разговора держалось однакоже во мнѣ не долго. Въ слѣдующихъ же засѣданіяхъ клуба якобинцевъ Робеспьеръ снова подчинилъ меня своему обаянію пламенными импровизаціями, въ которыхъ онъ клеймилъ звѣрства, совершаемыя въ провинціи террористами конвента.

Въ публикѣ эти импровизаціи производили необыкновенно сильное дѣйствіе. Городская молва стала все чаще и чаще повторять, что Робеспьеръ рѣшился «обуздать излишества революціи».

Неизвѣстно откуда начали появляться чрезвычайно странные, иногда рѣшительно ни съ чѣмъ несообразные слухи о намѣреніяхъ грознаго трибуна. Всѣ, кого безпощадно угнеталъ терроръ, стали полагать свои надежды на «неподкупнаго Максимиліана». Въ монархическихъ кружкахъ пресерьезно разсказывали, что вступаясь, послѣ казни злополучной Маріи-Антуанетты, за принцессу Елисавету Бурбонскую, которой грозила та же участь, Робеспьеръ имѣлъ въ виду жениться на ней и сдѣлаться, такимъ образомъ, родственникомъ низвергнутой династіи, а въ послѣдствіи и ея возстановителемъ. Католики, видя, что онъ возстаетъ противъ безбожія, проповѣдуемаго эбертистами, сообщили другъ другу по секрету, что отъ него именно слѣдуетъ ожидать возстановленія христіанства. Деисты, сгруппировавшіеся въ полу-тайное общество «теософовъ», считали знаменитаго трибуна «своимъ», простой народъ ожидалъ отъ него пониженія цѣнъ на съѣстные припасы и остальные предметы первой необходимости.

Противники Максимиліана вскорѣ замѣтили опасность, которою грозило имъ это быстрое увеличеніе, и безъ того уже громадной популярности Робеспьера. Вскорѣ съ ихъ стороны стали распускаться слухи, приписывавшіе ему отвѣтственность за всѣ жестокія мѣры, которыя принимались комитетомъ общественной безопасности, состоявшимъ въ большинствѣ изъ террористовъ. О существованіи этой адской интриги я узналъ первоначально отъ Проспера Ландэ и вскорѣ, прислушиваясь къ разговорамъ, происходившимъ въ клубѣ якобинцевъ дó и послѣ формальныхъ засѣданій, убѣдился, что мой наставникъ не ошибается.

Событія быстро подвигались впередъ. Я не пишу исторіи революціи и потому не стану перечислять всего, чтò видѣлъ и пережилъ Парижъ, а съ нимъ вмѣстѣ, до извѣстной степени, и я, въ первые мѣсяцы 1794 года. Въ концѣ марта, т.-е. по новому календарю въ началѣ «мѣсяца жерминаля второго года единой и нераздѣльной республики», Робеспьеръ казался полнымъ побѣдителемъ. Царство эбертистовъ кончилось. 4 жерминаля (24 марта) пали подъ ножомъ гильотины головы Эбера, Клоотса, и вмѣстѣ съ ними погибъ мой бывшій банкиръ, голландецъ Ванъ-Деръ-Кокъ, успѣвшій до своего ареста передать одному изъ своихъ соотечественниковъ всѣ свои банкирскія дѣла и ввѣренные ему капиталы. Насколько былъ виновенъ въ гибели эбертистовъ искренно ненавидѣвшій ихъ Робеспьеръ, я не знаю, но могу засвидѣтельствовать, видѣвши его вечеромъ въ день казни Эбера и его товарищей, что онъ, даже въ дружеской бесѣдѣ съ Проспероамъ Ландэ, держалъ себя несравненно достойнѣе группы дантонистовъ,

которая открыто ликовала и главный журналистъ которой Камилль Демулэнъ позволилъ себѣ крайне неприличныя выходки противъ осужденныхъ.

«Дантонисты» торжествовали, впрочемъ, недолго. Въ началѣ второй декады мѣсяца жерминаля они были арестованы и вскорѣ затѣмъ приговорены къ смерти.

Хотя приговоръ надъ Дантономъ и былъ мотивированъ признаніемъ его виновнымъ въ подкупѣ, общій голосъ приписалъ его смерть Робеспьеру, для котораго Дантонъ былъ дѣйствительно опаснымъ соперникомъ. Проспeръ Ландэ не раздѣлялъ этого мнѣнія, но говорилъ, что Робеспьеръ все-таки виноватъ въ томъ, что не вступился за Дантона, а предоставилъ его собственной его участи. Съ этого времени бывшіе друзья перестали видѣться и мой наставникъ въ минуты хандры, овладѣвавшей имъ все чаще и чаще, намекалъ что и его, можетъ быть, ожидаетъ участь Дантона.

Я былъ глубоко потрясенъ и сбитъ съ толку всѣмъ, что̀ происходило и говорилось около меня. Робеспьеръ становился все болѣе и болѣе загадочнымъ и если въ клубѣ якобинцевъ его рѣчи еще держали меня порой подъ своимъ обаяніемъ, то внѣ клуба все способствовало возрожденію моей бывшей антипатіи къ знаменитому трибуну.

Робеспьеръ, очевидно, и самѣ понималъ, что со смертью Дантона началась реакція противъ того увлеченія, котораго онъ былъ предметомъ въ первые мѣсяцы 1793 года. 18 флореаля (7 мая) онъ произнесъ въ конвентѣ свою знаменитую рѣчь, требовавшую введенія культа Верховнаго Существа....

Я былъ на этомъ засѣданіи и до сихъ поръ ясно помню всѣ малѣйшія черты картины, которую представляла зала конвента въ то время, когда на трибунѣ появился Робеспьеръ. Многіе знали заранѣе цѣль, съ которою онъ потребовалъ слова, но никому не было извѣстно, что̀ именно онъ скажетъ въ защиту своего смѣлаго предложенія. Зала засѣданія была совершенно полна. Въ публичныхъ трибунахъ происходила такая давка, что оттуда безпрестанно раздавались невольныя восклицанія горемыкъ, которыхъ плечи и бока страдали отъ напора заднихъ рядовъ, старавшихся заглянуть хоть на минуту внизъ, чтобы увидать говорившаго оратора. На скамьяхъ представителей не было ни одного пустого мѣста. Различныя парламентскія группы волновались при каждомъ новомъ періодѣ необыкновенно длинной рѣчи Робеспьера, который не сразу приступилъ къ главной сущности своего предложенія, а началъ издалека,

очевидно стараясь подготовить умы къ тому, чего онъ желалъ добиться отъ собранія. Перечитывая впослѣдствіи неоднократно эту знаменитую рѣчь, я не могъ не дивиться всякій разъ неподражаемому мастерству предварительной подготовки конвента Робеспьеромъ. Въ краснорѣчіи грознаго трибуна была одна замѣчательная особенность. Онъ никогда не заботился, подобно лучшимъ ораторамъ партіи жирондистовъ, объ артистической цѣлостности и законченности своихъ рѣчей. Если ему случалось замѣчать, что та или другая часть рѣчи не производила желаемаго впечатлѣнія на публику, онъ повторялъ уже разъ приведенные аргументы, развивая ихъ въ тонѣ, наиболѣе способномъ подѣйствовать на слушателей. Если различныя группы конвента обнаруживали не одинаковое настроеніе, онъ старался разными эпизодическими вставками изгладить это различіе, не отступая ни передъ грубою лестью, ни передъ намеками, дающими понять, что съ мнѣніемъ, имъ высказываемымъ, *опасно* не согласиться. Все это придавало многимъ рѣчамъ Робеспьера внѣшній характеръ непослѣдовательности и даже нѣкоторой безтолковости, но тѣ, кому случалось видѣть, какое дѣйствіе производили на слушателей подобныя импровизаціи, могли бы засвидѣтельствовать ихъ поразительную цѣлесообразность.

Рѣчь 18 флореаля знаменитый трибунъ началъ слѣдующимъ вступленіемъ:

«Граждане! Народы точно такъ же, какъ и частныя лица должны избирать время своего благоденствія и успѣха для того, чтобы при полномъ молчаніи страстей выслушивать голосъ мудрости. Нынѣ, когда громъ нашихъ побѣдъ раздается по всей вселенной, законодателямъ французской республики необходимо съ особою заботливостью наблюдать за собою и за отечествомъ, утверждая принципы, на которыхъ должны покоиться прочность и благополучіе республики»...

За этимъ вступленіемъ слѣдовала длинная тирада, клонившаяся къ тому, чтобы доказать, что основою республики должна быть «добродѣтель» и вдругъ ораторъ неожиданно напалъ на террористовъ, энергически утверждая, что они—союзники монархистовъ.

— Эти люди,—восклицалъ онъ, сверкая глазами и протягивая впередъ правую руку,—юродивые, объявившіе безумную войну людской совѣсти! Они возвели безнравственность не только въ систему, но даже на степень религіи. Они стремились заглушить въ сердцахъ всѣ благородныя чувства, какъ своимъ примѣромъ, такъ и проповѣдуемымъ ими ученіемъ. Чего хотѣли

они, къ чему стремились, когда посреди угрожавшихъ намъ заговоровъ, въ самый разгаръ затрудненій нынѣшней войны, не давъ еще угаснуть факеламъ междоусобія, вдругъ напали съ такимъ ожесточеніемъ на всѣ религіи? Какую цѣль могла имѣть эта обширная затѣя, задуманная въ ночномъ мракѣ, безъ вѣдома конвента, священниками, иностранцами и заговорщиками? Ненависть къ духовенству?—но священники были ихъ друзьями и пособниками! Любовь къ отечеству?—но отечество уже покарало ихъ, какъ измѣнниковъ и предателей! Отвращеніе къ фанатизму?—но то, что они сдѣлали, было лучшее средство дать оружіе въ руки фанатиковъ! Желаніе ускорить побѣду разума?—но разуму наносились ежедневно самыя тяжкія оскорбленія сумасшедшими выходками, придуманными для того, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ! Можно подумать, что его нарочно запирали въ храмы для того, чтобы изгнать изъ республики...

И Робеспьеръ настойчиво доказывалъ, что все это—не что иное, какъ планъ, задуманный врагами революціи, внутренними и внѣшними. Террористы «горы» блѣднѣли все болѣе и болѣе, умѣренные республиканцы такъ-называемой «долины» восторженно рукоплескали оратору. Въ публичныхъ трибунахъ шелъ смутный говоръ не то недоумѣнія, не то одобренія словъ оратора.

Робеспьеръ остановился на секунду, дѣлая видъ, что ему необходимо справиться съ конспектомъ рѣчи, лежавшимъ на трибунѣ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ, по своей близорукости, всегда надѣвалъ очки, которыя и снималъ, какъ только было прочитано необходимое. Я замѣтилъ, что на этотъ разъ онъ только опустилъ голову на лежащую передъ нимъ тетрадку и тотчасъ же поднялъ глаза, всматриваясь въ лица своихъ слушателей. Это продолжалось всего одно мгновеніе. На губахъ его мелькнула довольная улыбка, и, быстро снявъ очки, онъ снова сталъ говорить, приступая къ главному предмету рѣчи.

Съ этой минуты началась пламенная, хотя все еще нѣсколько безпорядочная импровизація, въ которой ораторъ не столько доказывалъ необходимость провозглашенія культа Верховнаго Существа, сколько умолялъ собраніе признать этотъ культъ. Но увлекаясь, повидимому, развиваемою имъ мыслью, Робеспьеръ все-таки, очевидно, соображалъ тѣ возраженія, которыя могутъ сдѣлать ему атеисты, не разъ уже обвинявшіе его въ тайномъ доброжелательствѣ католическому духовенству. Онъ прямо обратился къ этому духовенству, предупреждая его, что католицизмъ ровно ничего не выиграетъ отъ провозглашенія новаго культа...

— Истинный священнослужитель Верховнаго Существа—

сама природа,—воскликнулъ онъ съ тѣмъ искуственнымъ паѳосомъ, къ которому считалъ нужнымъ прибѣгать всякій разъ, когда ему необходимо было произвести сильное впечатлѣніе на многочисленныхъ слушателей.—Его храмъ—вселенная, его культъ—добродѣтель, его празднества — ликованіе великаго народа, собравшагося передъ лицомъ его съ тѣмъ, чтобы сдѣлать еще тѣснѣе сладостныя узы всемірнаго братства и принести ему благодарность чувствительныхъ и чистыхъ сердецъ!

Надо быть современникомъ эпохи, когда произнесена была эта, нынѣ кажущаяся напыщеннымъ пустословіемъ тирада, для того, чтобы понять впечатлѣніе, произведенное ею на слушателей, составленныхъ на половину изъ ненавистниковъ католицизма и на половину изъ людей, негодовавшихъ на оффиціально-провозглашенное подъ видомъ «религіи разума» безусловное безбожіе. Какъ тѣ, такъ и другіе истолковали слова Робеспьера въ свою пользу. Врагамъ католицизма они были ручательствомъ, что дѣло идетъ не о возстановленіи прежней государственной религіи, ненавистникамъ безбожія или «деистамъ», какъ они любили себя называть, слова эти обѣщали конецъ порядка вещей, глубоко возмущавшаго ихъ совѣсть и шедшаго въ разрѣзъ съ ихъ философскими воззрѣніями. Громъ рукоплесканій, какъ на скамьяхъ народныхъ представителей, такъ и въ публичныхъ трибунахъ впервые указалъ уцѣлѣвшимъ эбертистамъ, до какой степени, даже въ Парижѣ, ихъ кощунственное отрицаніе самой идеи Божества имѣло мало сторонниковъ, не смотря на то, что всего какихъ-нибудь пять или шесть недѣль назадъ весь Парижъ казался обратившимся въ «религію разума».

Робеспьеръ необыкновенно ловко воспользовался достигнутымъ имъ впечатлѣніемъ для того, чтобы провести почти безъ преній свой проектъ декрета о провозглашеніи культа Верховнаго Существа. У меня чрезвычайно отчетливо сохранился въ памяти слѣдующій эпизодъ, доказывающій, до какой степени умѣлъ этотъ высоко-талантливый ораторъ обращать въ свою пользу каждую мелочь той обстановки, при которой ему приходилось говорить. Стараясь убѣдить конвентъ въ необходимости публичныхъ проявленій предлагаемаго имъ новаго культа, Робеспьеръ заговорилъ о публичныхъ «религіозно-цивическихъ» празднествахъ. Изъ глубины залы раздался при этомъ вдругъ чей-то голосъ, насмѣшливо воскликнувшій:

— Ну, конечно! какъ не возвратиться къ католическимъ фиглярствамъ!

Слова эти вызвали язвительный смѣхъ на вершинахъ такъ-

называемой «горы». Робеспьеръ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, но тотчасъ же измѣнилъ порядокъ, въ которомъ перечислены были въ его декретѣ праздники новаго культа и началъ свое перечисленіе съ праздника въ память «героевъ, погибшихъ въ борьбѣ за свободу». Когда онъ упомянулъ о знаменитомъ четырнадцатилѣтнемъ барабанщикѣ Баррà, спасшемъ свой отрядъ тревогою, пробитою подъ дулами непріятельскихъ ружей, въ одной изъ публичныхъ трибунъ раздалось неожиданно десятка два дѣтскихъ голосовъ, кричавшихъ: «да здравствуетъ республика!» Голоса эти принадлежали школьникамъ гренелльскаго квартала, входившимъ въ составъ депутаціи, присланной имъ въ конвентъ. Въ залѣ произошло нѣкоторое волненіе, которымъ Робеспьеръ тотчасъ же воспользовался для того, чтобы разсказать подвигъ другого малолѣтняго героя, марсельца Віала́, пожертвовавшаго жизнью для того, чтобы спасти небольшую кучку безоружныхъ республиканцевъ отъ опасности, которою грозилъ имъ сильный отрядъ марсельскихъ инсургентовъ-федералистовъ. Спасаясь отъ преслѣдованія своихъ враговъ, упомянутые республиканцы успѣли переправиться на другой берегъ рѣки Дюрансы на паромѣ, но въ попыхахъ позабыли перерубить канатъ, по которому ходилъ этотъ паромъ. Инсургенты добравшись до рѣки, отыскали гдѣ-то большую барку и посадили на нее сильный отрядъ, который сталъ переправляться съ помощью уцѣлѣвшаго каната. Обрубить канатъ у самаго берега, не представлялось никакой возможности, потому что мѣткій огонь инсургентовъ не давалъ никому подступиться къ столбу, за который этотъ канатъ былъ прикрѣпленъ. Маленькій Віола́ отыскалъ въ сосѣдней хижинѣ топоръ, отбѣжалъ довольно далеко вверхъ по теченію отъ мѣста переправы, бросился въ воду и поплылъ къ канату. Увидавъ его, съ барки стали стрѣлять, но мужественный мальчикъ все-таки добрался до своей цѣли и ударилъ канатъ топоромъ. Въ это время новый выстрѣлъ поразилъ его въ грудь. Маленькій герой ухватился за канатъ и прокричалъ прямо въ лицо своимъ убійцамъ:

— Я умираю, но мнѣ на это наплевать, потому что я гибну за свободу!

Всякій, кто живалъ, съ французами знаетъ, какое сильное, хотя всегда поверхностное впечатлѣніе производятъ на нихъ разсказы о трагическихъ случаяхъ, въ которыхъ главную роль играютъ дѣти. Разсказъ Робеспьера произвелъ на слушателей потрясающее дѣйствіе. Многіе громко рыдали, въ публичныхъ трибунахъ нѣсколько женщинъ попадали въ обморокъ.

Не давая никому времени опомниться, Робеспьеръ началъ читать скороговоркой текстъ декрета, первая статья котораго гласила:

«Французскій народъ признаетъ существованіе Верховнаго Существа и *безсмертіе души*»...

Далѣе слѣдовало изложеніе сущности новаго культа и списокъ, его празднествъ, кончавшійся праздникомъ «несчастныхъ», которымъ, по словамъ Робеспьера, «человѣчество обязано было утѣшеніемъ и облегченіемъ ихъ горькой участи, будучи безсильнымъ устранить самыя причины постигающихъ ихъ несчастій»... Декретъ былъ принятъ *единогласно* при громкихъ, долго неумолкавшихъ рукоплесканіяхъ, и засѣданіе было объявлено вслѣдъ затѣмъ закрытымъ.

Сильно потрясенный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ, я пробирался сквозь толпу, запрудившую сѣни конвента, когда до меня долетѣла сказанная на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ фраза:

— Ну, теперь онъ до насъ доберется! Надо будетъ держать ухо востро!

— Это мы еще посмотримъ,—отвѣчалъ другой голосъ на томъ же языкѣ съ характернымъ эльзаскимъ произношеніемъ. Федералисты авось выручатъ!

— Да они первые примутъ теперь его сторону!—возразилъ плохо говорившій по-нѣмецки.

— Можно будетъ устроить такъ, что комитетъ общественной безопасности раздражитъ ихъ какою-нибудь безполезною жестокостью. Вѣдь у насъ всѣ убѣждены, что комитетомъ ворочаетъ *онъ*.

Я постарался разглядѣть лица говорившихъ. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ тотчасъ же Баррера, восторженно рукоплескавшаго за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ Робеспьеру. Лицо другого оказалось мнѣ незнакомо. Позднѣе я узналъ, что собесѣдникъ Баррера былъ ненавидимый Робеспьеромъ Шнейдеръ, эльзасецъ родомъ и одинъ изъ самыхъ кровожадныхъ террористовъ.

XV.

Трудно себѣ представить ту поразительную перемѣну, которая произошла въ Парижѣ на другой день послѣ побѣды, одержанной Робеспьеромъ въ конвентѣ надъ атеистами. Физіономія города совершенно измѣнилась. На улицѣ, въ кафе, на публичныхъ гуляньяхъ появилось множество прежнихъ знакомыхъ лицъ,

куда-то исчезнувшихъ въ эпоху торжества эбертизма. Всѣми высказывалось громко убѣжденіе, что господству мрачнаго террора наступилъ конецъ. Имя Максимиліана Робеспьера слышалось повсюду въ сопровожденіи восторженныхъ, хотя, можетъ быть, не всегда искреннихъ похвалъ. Впечатлительныя массы ликовали, сами не зная хорошенько чему, и публика со всѣхъ концовъ города спѣшила на площадь Революціи, гдѣ живописецъ Давидъ уже распоряжался съ ранняго утра 19 флореаля, приготовленіями къ предстоявшему празднеству «Верховнаго Существа». Проспeръ Ландэ былъ въ восторгѣ. Онъ еще наканунѣ вечеромъ помирился съ Робеспьеромъ, извинясь въ томъ, что не съумѣлъ угадать цѣли, къ которой тотъ стремился. Этотъ шагъ со стороны моего почтеннаго наставника, былъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что самъ онъ, не смотря на свое поклоненіе Жанъ-Жаку Руссо, вовсе не былъ деистомъ, а держался въ религіи взглядовъ Вольтера. Необходимость религіи для народныхъ массъ онъ однакоже всегда признавалъ и къ крайностямъ эбертизма относился съ величайшимъ отвращеніемъ. Говоря со мною о рѣчи Робеспьера и о декретѣ, утвержденномъ конвентомъ, Ландэ сказалъ:

— Максимиліанъ поставилъ вчера свою послѣднюю карту, но за то отчаянная ставка доставила ему огромный выигрышъ. Отнынѣ все будетъ зависѣть отъ его умѣнья воспользоваться достигнутыми результатами. Обстоятельства слагаются такъ, что нравственная диктатура Робеспьера стала единственнымъ средствомъ снова направить республику на тотъ путь внутренняго упроченія и примиренія съ нею Европы, съ котораго сбили ее безумства террористовъ. Боюсь только, что Максимиліанъ не съумѣетъ смѣло идти впередъ по открывающейся передъ нимъ дорогѣ.

Я съ своей стороны вскорѣ началъ опасаться другого. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ къ общему увлеченію Робеспьеромъ стали примѣшиваться признаки новой подземной работы его враговъ. Комитетъ общественной безопасности сдѣлался особенно безпощаденъ, публичный обвинитель грознаго революціоннаго трибунала, Фукье Тэнвилль началъ обнаруживать усиленную дѣятельность. Аресты и казни участились, и рѣзко бросались въ глаза своею очевидною несправедливостью. Все это приписывалось Робеспьеру, будто бы сбросившему маску умѣренности съ того дня, какъ онъ почувствовалъ себя побѣдителемъ. Я начиналъ спрашивать себя иногда, не составляетъ ли это прямыхъ послѣдствій той интриги, на которую такъ ясно

намекалъ случайно слышанный мною разговоръ Шнейдера съ Барреромъ?

Самъ Робеспьеръ пристально слѣдилъ за начинавшейся реакціей и, какъ я сообразилъ позднѣе, подозрѣвалъ козни своихъ многочисленныхъ враговъ даже въ нѣкоторыхъ черезъ чуръ уже восторженныхъ демонстраціяхъ въ пользу проведенной имъ въ конвентѣ мѣры. У меня чрезвычайно отчетливо сохранился въ памяти разговоръ, происходившій въ моемъ присутствіи между имъ и Проснеромъ Ландэ въ послѣднихъ числахъ флореаля, т.-е. въ началѣ второй половины мая мѣсяца 1794 года.

Робеспьеръ явился прямо изъ комитета общественной безопасности къ моему наставнику, страдавшему легкимъ припадкомъ подагры и уже нѣсколько дней не появлявшемуся на засѣданіяхъ конвента. Онъ вошелъ въ кабинетъ сумрачный, очевидно чѣмъ-то озабоченный.

— Что съ тобою?—спросилъ Проспeръ Ландэ.

— Со мною?—проговорилъ сквозь зубы Робеспьеръ.—Ничего особеннаго! Я только начинаю жалѣть, что взялъ на себя совершенно неосуществимую задачу отрезвленія умовъ моихъ неисправимыхъ соотечественниковъ!

— Почему же неосуществимую?—Вѣдь она, благодаря твоему краснорѣчію, на половину уже рѣшена.

— Очень ошибаешься! Ничего не рѣшено. Напротивъ, къ прежнимъ безчисленнымъ недоразумѣніямъ прибавилось еще одно новое.

— Это какимъ образомъ!

— А очень просто. Въ то время, какъ друзья Фуше, Карье и прочихъ негодяевъ, позорившихъ республику, стараются возбудить противъ меня порядочныхъ людей, способныхъ понять истинную цѣль моей идеи культа Верховнаго Существа, приписывая мнѣ подъ рукою всѣ звѣрства, совершенныя комитетомъ общественной безопасности, гдѣ я постоянно оказываюсь въ меньшинствѣ, разные полоумные, а можетъ быть и проходимцы, не даютъ мнѣ прохода устными и письменными комплиментами, приписывающими мнѣ такія намѣренія, которыхъ я никогда не имѣлъ. Мои добрые хозяева, Дюплэ и ихъ дочери, просто не могутъ отбиться отъ посѣтителей, желающихъ видѣть меня съ цѣлью «излить свои чувства восторга и удивленія», какъ они выражаются. Я получаю безчисленное множество писемъ которыя часто бываютъ похожи на дурную шутку, преувеличеніемъ переполняющаго ихъ энтузіазма и неприличіемъ грубой лести. Иногда просто не знаешь, читая этотъ напыщенный вздоръ —

смѣяться или сердиться? Да, еслибъ все ограничивалось одними письмами! Бываетъ и хуже! Ты слыхалъ, можетъ быть, о существованіи въ Парижѣ полоумной сектанки Катерины Тео? Эта юродивая, какъ мнѣ сообщаютъ, начала проповѣдывать съ 18 флореаля, что я—Мессія, явившійся еще разъ на землю, чтобы «разгромить гидру безбожія». Въ общинѣ Маріонъ, по поводу декрета о Верховномъ Существѣ, католики отслужили молебенъ и, по окончаніи его орали вмѣстѣ съ своимъ попомъ: «Да здравствуетъ Робеспьеръ!» Вѣдь все это кончится не болѣе не менѣе какъ тѣмъ, что меня станутъ обвинять въ стремленіи къ диктатурѣ, къ захвату власти въ мои руки!

— Обвиненія эти и безъ того уже давно въ ходу между твоими врагами,—возразилъ Ландэ. До сихъ поръ они тебѣ не вредили, не повредятъ и нынѣ.

— На этотъ счетъ ты ошибаешься, — сказалъ Робеспьеръ. —Мое нынѣшнее положеніе совсѣмъ не то, какимъ оно было всего какой-нибудь мѣсяцъ назадъ. Возстановленіе деизма—фактъ, до поры до времени неразрывно связанный съ моимъ именемъ и, противъ моего желанія, выдвигаетъ меня на первый планъ. Отказаться отъ роли, которую предназначаетъ мнѣ конвентъ въ великій день провозглашенія культа Верховнаго Существа — я не считаю себя въ правѣ, а эта роль подразумѣваетъ всѣ внѣшніе признаки, если не настоящей диктатуры, то стремленія стать во главѣ республики. Я надѣюсь конечно разыграть ее до конца, но предвижу что это будетъ моимъ послѣднимъ шагомъ на трудномъ поприщѣ безкорыстнаго, самоотверженнаго служенія отечеству. Впрочемъ, пожалуй, и этого шага мнѣ не удастся сдѣлать. Въ ножахъ подкупленныхъ или фанатизированныхъ убійцъ у насъ въ настоящую минуту недостатка нѣтъ!

— Что это такое?—спросилъ Ландэ голосомъ, въ которомъ звучало выраженіе нѣкоторой тревоги:—простая догадка или результатъ сообщенныхъ тебѣ свѣдѣній?

— Свѣдѣній никакихъ мнѣ никто не сообщалъ, если не считать чуть не ежедневныхъ просьбъ этого негодяя Фукье Тэнвилля: «быть какъ можно осторожнѣе»; но что же ты находишь удивительнаго въ томъ, что человѣка, котораго одни выдаютъ за кровопійцу, а другіе—за кандидата въ похитители власти, можетъ постигнуть участь Мишеля Лепельтье и Марата? Парижъ кишитъ заговорщиками всѣхъ оттѣнковъ и партій. Агенты Питта и Кобурга, фанатическіе приверженцы монархіи, друзья жирондистовъ, повторяютъ на всѣ тоны, что главная причина всего зла—никто другой, какъ я! Террористы очень хорошо понимаютъ,

что я раздавлю ихъ всѣхъ, какъ мерзостныхъ гадинъ, если мое вліяніе на конвентѣ упрочится безповоротно. При такихъ условіяхъ будетъ почти чудомъ, если я благополучно доживу до праздника Верховнаго Существа!

— А мнѣ кажется,—возразилъ Ландэ,—что ты преувеличиваешь, другъ Максимиліанъ. Въ тебѣ за послѣднее время сильно развилась наклонность видѣть все въ черномъ свѣтѣ. Въ этомъ отчасти виноватъ, кажется, Дюплэ. И самъ онъ и все его семейство, конечно, прекрасные люди, но я не разъ замѣчалъ въ нихъ наклонность выдавать себя за единственныхъ друзей, на которыхъ ты можешь вполнѣ положиться, и хвастаться, что они одни въ состояніи оградить тебя отъ грозящихъ будто бы со всѣхъ сторонъ опасностей.

Робеспьеръ, расхаживавшій въ волненіи по кабинету, остановился при этихъ словахъ и, нахмуривъ брови, сказалъ:

— Разъ навсегда прошу тебя, Ландэ, воздерживаться отъ подобныхъ намековъ. Ты знаешь, что къ семейству, о которомъ ты такъ невыгодно отзываешься, принадлежитъ особа, которая для меня дороже всего на свѣтѣ.

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ съ грустнымъ вздохомъ мой наставникъ.—Мнѣ и въ голову не приходитъ ссорить тебя съ Дюплэ. Я только хотѣлъ указать на причину столь сильно развившейся въ тебѣ съ нѣкоторыхъ поръ подозрительности.

— Никакою подозрительностью я не страдаю,—сухо возразилъ Робеспьеръ.—Дѣлать логическіе выводы изъ несомнѣнныхъ фактовъ еще не значитъ быть подозрительнымъ.

На этомъ разговоръ и кончился. Робеспьеръ ушелъ отъ насъ, очевидно не въ духѣ, и съ этого дня вплоть до 4-го преріаля (23-го мая) мнѣ не удалось уже его видѣть.

Въ ночь съ 3-го на 4-е преріаля было сдѣлано покушеніе на жизнь народнаго представителя Колло д'Эрбуа. Слухъ объ этой попыткѣ распространился на другой день съ ранняго утра по всему Парижу, но имя убійцы еще оставалось неизвѣстно. Знали только, что Колло д'Эрбуа былъ легко раненъ въ ту минуту, когда онъ, возвращаясь изъ гостей въ часъ ночи, стучалъ двернымъ молоткомъ въ ворота дома улицы Фаваръ, гдѣ онъ жилъ, и что стрѣлявшій былъ тоже жильцомъ этого дома. По просьбѣ Проспера Ландэ, все еще не поправившагося отъ своего припадка подагры, я отправился въ засѣданіе конвента, чтобы разузнать подробности случившагося. Подробности эти сообщилъ въ самомъ началѣ засѣданія Барреръ, отъ имени комитета всеобщей безопасности. Онъ объявилъ, что убійцу зовутъ Ламираль

и что по его собственному сознанію онъ намѣревался сначала застрѣлить не Колло д'Эрбуа, а Робеспьера, но послѣ двухъ тщетныхъ попытокъ встрѣтиться съ послѣднимъ, въ припадкѣ досады на двукратную неудачу, «сорвалъ свою злость» на попавшемся ему подъ руку Колло. Меня сильно поразила настойчивость, съ которою Барреръ возвращался нѣсколько разъ къ своей рѣчи въ опасности, грозившей, по его словамъ, Робеспьеру, утверждая, что Ламираль—агентъ Питта, который будто бы «страшно боялся вліянія краснорѣчиваго оратора».

Конвентъ сильно волновался, слушая Баррера. Съ верхнихъ скамеекъ Горы раздавались негодующія восклицанія, черезъ-чуръ громкія и свирѣпыя для того, чтобы ихъ можно было считать искренними. Одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ террористовъ, Ровэръ, потребовалъ даже, чтобы членамъ комитета общественной безопасности и Робеспьеру въ особенности былъ немедленно назначенъ вооруженный конвой; но предложеніе это было замято дѣйствительными друзьями Максимиліана, кажется, понявшими коварство преувеличенной тревоги Ровэра.

Я вышелъ изъ залы конвента значительно озабоченный совпаденіемъ мрачныхъ предчувствій Робеспьера съ добровольными признаніями человѣка, покусившагося, «за неимѣніемъ лучшаго», на жизнь Колло д'Эрбуа. Самое имя этого человѣка казалось мнѣ какъ будто бы знакомымъ... Перебирая въ головѣ обстоятельства, при которыхъ я могъ слышать фамилію Ламираля, я вдругъ съ поразительною ясностью вспомнилъ первый вечеръ, проведенный въ семействѣ Камилла Рено. Сначала мнѣ показался очень страннымъ такой прыжокъ моей памяти, потому что никакихъ указаній на связь между упомянутымъ вечеромъ и именемъ убійцы, повидимому, не существовало, но какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, маленькая гостиная бумажнаго торговца мелькала у меня передъ глазами при всякомъ новомъ усиліи вспомнить, гдѣ и когда слышалъ я, не выходившее у меня изъ головы, имя Ламираля? Сложный процессъ внезапно пробудившихся воспоминаній рисовалъ передо мною въ то же время плѣнительный образъ Сесили. Испытываемое мною чувство было очень сильно и необыкновенно тяжело. Я старался думать о другомъ, но усилія достигнуть этого оставались тщетными. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока совершенно случайное обстоятельство не навело меня на надлежащій путь. Почти у самаго нашего дома на встрѣчу мнѣ попались двѣ старушки, очень оживленно толковавшія о чемъ-то. Въ то время, когда я проходилъ мимо, одна изъ нихъ съ комическимъ негодованіемъ воскликнула:

— Я ему такъ прямо и сказала: съ этихъ поръ никогда, слышите, никогда я не стану болѣе играть съ вами въ безигъ!

Слово «безигъ» сразу положило конецъ моимъ исканіямъ. Я вспомнилъ, что одинъ изъ партнеровъ Камилля Рено въ этой игрѣ на вышеупомянутомъ вечерѣ былъ высокій и довольно неряшливый господинъ, котораго мнѣ представили, назвавъ фамилію Ламираля. Съ этой минуты я какъ-то сразу успокоился. Дѣло шло, очевидно, о простомъ совпаденіи именъ и личность, которую я встрѣчалъ у Камилля Рено, не могла имѣть ничего общаго съ кровожаднымъ фанатикомъ, покусившимся на жизнь Колло д'Эрбуа.

Я быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ нашего дома и прошелъ прямо въ кабинетъ Проспера Ландэ, чтобы сообщить ему свѣдѣнія, собранныя въ конвентѣ. Внимательно выслушавъ меня, мой наставникъ задумался.

— Робеспьеръ, пожалуй, окажется правъ въ своихъ предчувствіяхъ,—сказалъ онъ.—Эта исторія съ покушеніемъ на жизнь такого политическаго ничтожества, какъ Колло д'Эрбуа—симптомъ положительно тревожный. Занимаясь полжизни исторіей, я много и часто думалъ о странномъ фактѣ различныхъ нравственныхъ эпидемій, обнаруживающихся посреди народовъ и обществъ, выведенныхъ изъ своего нормальнаго состоянія какими-нибудь событіями исключительной важности и потрясающаго свойства. Ужасное дѣло, совершенное Шарлоттой Кордэ, кажется, было первымъ признакомъ подобной эпидеміи и совершенно понятно, что Робеспьеръ долженъ сдѣлаться главною цѣлью для подражателей казненной дѣвушки. Обвиняя его въ чрезмѣрной подозрительности, я былъ не правъ и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока ему не станетъ извѣстно, что я сознаю это. Ты долженъ оказать мнѣ маленькую услугу, Эженъ. Проклятая подагра не позволитъ мнѣ навѣстить сегодня же Максимиліана. Замѣни меня. Я дамъ тебѣ небольшую записку, а ты на словахъ передашь Робеспьеру, до какой степени взволновали меня свѣдѣнія, сообщенныя конвенту Бареромъ.

Я, разумѣется, охотно взялся исполнить порученіе моего наставника и, дождавшись часа, когда кончались засѣданія комитета общественной безопасности, т.-е. 6-ти час. вечера, отправился въ улицу Сентъ-Оноре̂, гдѣ Максимиліанъ Робеспьеръ занималъ небольшую комнату въ квартирѣ своего друга и поклонника, столярнаго мастера Мориса Дюплэ. Домъ, на дворѣ котораго находились мастерскія и квартира Дюплэ, носилъ въ то время № 366. Когда позднѣе я вторично посѣтилъ Парижъ,

въ рядахъ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, номеръ дома былъ уже другой, именно 398-й. Мнѣ еще ни разу не приходилось до тѣхъ поръ бывать у знаменитаго трибуна и потому я съ особеннымъ чувствомъ любопытства сталъ отыскивать въ улицѣ Сентъ-Онорѐ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Фасадъ строенія былъ самый обыкновенный, ровно ничѣмъ не бросающійся въ глаза. Зданіе было трехъ-этажное, но невысокое, такъ какъ второй его этажъ состоялъ изъ такъ называемаго entresol. Посрединѣ фасада были расположены сводчатыя ворота, ведущія на дворъ. По обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ въ нижнемъ этажѣ виднѣлись магазинъ бриллiантщика Рулльи и небольшой ресторанъ.

Дворъ дома № 366-й былъ очень обширенъ и глубокъ. Направо и налѣво отъ воротъ тянулись большіе сараи, изъ которыхъ одинъ служилъ столярною мастерскою для работниковъ Дюплэ, а другой—складомъ для столярныхъ матеріаловъ. Этотъ второй сарай былъ нѣсколько короче перваго и за нимъ, въ самой глубинѣ двора, помѣщался крошечный садикъ съ густо-засаженною цвѣтами клумбою посрединѣ.

Самъ Морисъ Дюплэ помѣщался въ небольшомъ двухъ-этажномъ флигелѣ, расположенномъ въ концѣ двора параллельно дому, выходившему на улицу.

Фасадъ этого флигеля имѣлъ довольно значительный выступъ въ срединѣ. Когда, войдя на дворъ, я спросилъ у привратницы, какъ мнѣ пройти къ гражданину Дюплэ, она указала мнѣ на стеклянную дверь только-что упомянутаго выступа.

Я постучалъ въ дверную скобу и, пока мнѣ открыли, успѣлъ разсмотрѣть черезъ стеклянную раму, что за дверью прямо расположена жилая комната, судя по обстановкѣ—столовая. Черезъ минуту въ этой комнатѣ показалась молодая дѣвушка высокаго роста, довольно красивая собою. Она пріотворила дверь и, стоя на порогѣ, спросила не совсѣмъ любезнымъ тономъ, кого мнѣ надо?

— Я имѣю порученіе къ гражданину Робеспьеру, отъ его друга и товарища по конвенту, гражданина Проспера Ландэ,—отвѣчалъ я, вынимая изъ бокового кармана записку моего наставника.

— Гражданинъ Робеспьеръ очень занятъ и не принимаетъ никого,—сказала она, протягивая руку къ запискѣ.—Позвольте, я передамъ ему...

— Извините, гражданка,—возразилъ я, улыбаясь и смотря ей прямо въ глаза.—Записку я долженъ передать самъ, потому

что мнѣ поручено дополнить сказанное въ ней личными объясненіями.

Молодая дѣвушка нахмурила свои густыя брови и, подумавъ нѣсколько минутъ, произнесла недовольнымъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ благоволите сообщить мнѣ свое имя, я спрошу гражданина-представителя, желаетъ ли онъ принять васъ.

— Скажите ему только, что его желаетъ видѣть воспитанникъ гражданина Проспера Ландэ, молодой русскій. Этого будетъ достаточно.

Лицо моей собесѣдницы сразу прояснилось.

— Гражданинъ Робеспьеръ навѣрное приметъ васъ,—сказала она.—Онъ часто говорилъ намъ о питомцѣ гражданина Ландэ. Пожалуйте сюда, я проведу васъ.

Мы вошли въ столовую, за которой въ открытую дверь виднѣлась скромно убранная гостиная. Направо отъ входа деревянная, сильно навощенная лѣстница въ два поворота, вела во второй этажъ. Молодая дѣвушка указала мнѣ на эту лѣстницу, говоря:

— Благоволите подняться. Я слѣдую за вами.

Эта предосторожность не идти вверхъ по лѣстницѣ передъ мужчиной, весьма рѣдко соблюдавшаяся въ то время молодыми француженками средняго сословія, была достаточна для того, чтобы доказать, что передо мною стоитъ невѣста Робеспьера, Элеонора Дюплэ. Слухи о ея необыкновенной выдержкѣ, соблюдаемой въ угоду жениху, страшно щекотливому на всѣ вопросы приличія, давно уже ходили по Парижу.

Войдя по лѣстницѣ во второй этажъ, я остановился на минуту, чтобы дать Элеонорѣ время подняться и опередить меня для указанія дороги. На небольшой площадкѣ были двѣ двери. Невѣста Робеспьера отворила дверь, расположенную налѣво, и ввела меня въ небольшую, очень узенькую комнату, въ которой стояли: умывательный приборъ, невысокое трюмо въ деревянной рамѣ, выкрашенной бѣлою краскою и нѣсколько такихъ же стульевъ. Молодая дѣвушка постучала въ закрытую дверь слѣдующей комнаты и сказала:

— Максимиліанъ, васъ желаетъ видѣть воспитанникъ гражданина Ландэ.

Дверь въ ту же минуту отворилась и на порогѣ показался Робеспьеръ, одѣтый, какъ-будто онъ собирался на какое-нибудь публичное засѣданіе. Онъ былъ въ очкахъ и за его правымъ ухомъ торчало гусиное перо.

— Вотъ сюрпризъ-то!—весело воскликнулъ онъ, протягивая мнѣ обѣ руки.—Какой добрый вѣтеръ приводитъ васъ?

— Я съ порученіемъ отъ моего почтеннаго наставника,—отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный и радушіемъ этого пріема, и веселымъ тономъ человѣка, только-что избѣгшаго давно уже предусматриваемой имъ опасности.

— Милости просимъ, милости просимъ,—сказалъ Робеспьеръ, увлекая меня за руку въ свою комнату.—Я весь къ услугамъ моего друга Ландэ и къ вашимъ. Элеонора! распорядитесь, моя дорогая, чтобы никто намъ не мѣшалъ!

— Будьте спокойны, Максимиліанъ,—отвѣчала дѣвица Дюплэ и вышла, привѣтливо кивнувъ мнѣ головою и плотно затворивъ за собой дверь.

Робеспьеръ подвинулъ мнѣ соломенный стулъ къ письменному столу, заваленному бумагами, и самъ сѣлъ у этого стола, чтобы прочесть поданную мною ему записку Проспера Ландэ. Пока онъ читалъ, я успѣлъ внимательно оглядѣть комнату, въ которой мы находились.

Эта невысокая комната, освѣщенная однимъ окномъ, выходившимъ на маленькій внутренній дворикъ столярной мастерской, поразила меня необыкновенной простотой своего убранства. У окна стоялъ незатѣйливый письменный столъ съ покатою верхнею доскою, покрытою потемнѣвшимъ отъ времени краснымъ сафьяномъ, и заваленный бумагами. Передъ столомъ помѣщалось кресло-табуретъ съ низкою спинкою и подъемнымъ сидѣньемъ, обитое тоже порыжѣвшимъ краснымъ сафьяномъ. Нѣсколько соломенныхъ стульевъ стояли вдоль боковыхъ стѣнъ, на одной изъ которыхъ была прикрѣплена полка для книгъ изъ простого сосноваго, некрашенаго дерева. Въ глубинѣ комнаты, противъ окна, виднѣлась кровать орѣховаго дерева съ точеными столбиками, поддерживавшими пологъ. Этотъ пологъ былъ единственнымъ предметомъ во всей комнатѣ, заявлявшимъ нѣкоторую претензію на щегольство и даже роскошь. Занавѣсы его были голубые штофные съ бѣлыми узорами; но внимательно приглядываясь къ богатой матеріи, изъ которой они были выкроены, можно было легко замѣтить многочисленные швы, шедшіе по разнымъ направленіямъ и доказывавшіе, что роскошный штофъ полога служилъ прежде для другого употребленія. Дѣйствительно, какъ я узналъ позднѣе, изъ бывшихъ одно время въ моихъ рукахъ записокъ г-жи Ле-Ба, младшей дочери Мориса Дюплэ, знаменитые занавѣсы были сооружены изъ штофнаго платья г-жи Дюплэ, оказавшагося ненужнымъ ея владѣтельницѣ съ того вре-

мени, какъ шелковыя матеріи были изгнаны совершенно изъ туалета женщинъ, желавшихъ доказать свою приверженность республикѣ. Небогатое убранство комнаты Робеспьера не мѣшало однакоже ей имѣть какой-то праздничный видъ, зависѣвшій отъ поразительной, доходившей до педантизма чистоты, въ ней господствовавшей. Паркетъ, мебель и всѣ находившіеся въ комнатѣ мелкіе предметы блестѣли и лоснились точно ихъ только-что вычистили, натерли воскомъ и тщательно отполировали. Нигдѣ незамѣтно было ни пылинки. На письменномъ столѣ стояли двѣ простенькихъ фарфоровыхъ вазы съ свѣжими букетами недорогихъ цвѣтовъ, изъ тѣхъ, которые можно было въ ту эпоху пріобрѣсти за нѣсколько су у каждой уличной торговки цвѣтами.

Робеспьеръ, кончившій чтеніе записки Проспера Ландэ замѣтилъ то нѣсколько удивленное вниманіе, съ которымъ я разсматривалъ все меня окружавшее. На его тонкихъ губахъ показалась не то насмѣшливая, не то довольная улыбка и, положивъ мнѣ руку на плечо, онъ спросилъ:

— Что, мой юный другъ, похоже все это на распространяемые эбертистами слухи о томъ, что я преобразилъ мою квартиру въ роскошный будуаръ древней прелестницы?

— Слухи эти мнѣ извѣстны, но я никогда не вѣрилъ имъ,— былъ мой отвѣтъ, совершенно, впрочемъ, искренній, потому что за исключеніемъ изысканнаго щегольства одежды, ничто въ привычкахъ и въ манерѣ держать себя знаменитаго трибуна не давало повода думать, что онъ любитъ роскошь.

— Оставимъ это, однакоже, — продолжалъ Робеспьеръ,—и поговоримъ о порученіи, съ которымъ вы ко мнѣ явились. Прежде всего знайте и передайте вашему достойному наставнику, а моему другу, что извиняться ему передо мной было рѣшительно не въ чемъ. Ландэ не обязанъ, да и не можетъ знать всего, что извѣстно мнѣ, какъ члену комитета общественной безопасности, о козняхъ и злодѣйскихъ умыслахъ враговъ республики. Съ его стороны совершенно естественно находить преувеличенными мои мрачныя предчувствія. Я самъ начинаю иногда задавать себѣ вопросъ, не слишкомъ ли легко я вѣрю разнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ мнѣ изъ источниковъ, не всегда чистыхъ, насчетъ безчисленныхъ будто бы злоумышленій противъ меня. Что-то ужъ слишкомъ часто люди, въ душѣ меня ненавидящіе и желающіе погубить мою популярность, толкуютъ объ этихъ злоумышленіяхъ, выражая преувеличенную заботу о моей безопасности. Это начинаетъ становиться подозрительнымъ. Сегодня, напримѣръ, по поводу сумасшедшей выходки какого-то дурака, выстрѣлившаго

въ Колло д'Эрбуа и объявившаго потомъ, что онъ хотѣлъ убить не Колло, а меня, Барреръ что-то ужъ очень долго распространялся о томъ, какъ «драгоцѣнна» моя скромная личность для республики. Мой злѣйшій врагъ, желающій подтвердить ходячіе толки о моихъ мнимыхъ стремленіяхъ къ диктатурѣ, не могъ бы говорить иначе!

— Но развѣ вы не придаете вѣры показаніямъ Ламираля, гражданинъ?—спросилъ я, удивленный тономъ, которымъ вдругъ заговорилъ вѣчно подозрительный Робеспьеръ.

— Трудно повѣрить подобному заявленію человѣку, который, какъ я, самъ былъ адвокатомъ. Ламиралю выгодно заявлять, что Колло д'Эрбуа сдѣлался почти случайною его жертвою. Это можетъ вѣдь повести къ отрицательному отвѣту со стороны присяжныхъ революціоннаго трибунала на вопросъ о предумышленности совершеннаго Ламиралемъ преступленія.

— Но какую же выгоду представляетъ ложное признаніе въ томъ, что онъ намѣревался убить не Колло д'Эрбуа, а васъ?

Робеспьеръ горько усмѣхнулся.

— Какую выгоду?—сказалъ онъ, откидываясь на спинку стула.—А хотя бы ту, что подобное заявленіе можетъ расположить въ его пользу всѣхъ моихъ многочисленныхъ недоброжелателей, изъ которыхъ многіе имѣютъ сильное вліяніе на присяжныхъ революціоннаго трибунала и на публичнаго обвинителя Фукье Тэнвилля! Я въ дѣйствительность замысла Ламираля противъ меня, во всякомъ случаѣ, повѣрю не ранѣе, чѣмъ мнѣ представятъ болѣе достовѣрныя доказательства, чѣмъ его личное заявленіе. Такъ и скажите Просперу Ландэ, не кстати перетревожившемуся вчерашнимъ происшествіемъ.

Я принялъ эти слова за вѣжливый намекъ, что Робеспьеръ считаетъ нашъ разговоръ конченнымъ и всталъ со стула.

— Куда же вы!—воскликнулъ Робеспьеръ, хватая меня за руку и отбирая у меня шляпу.—Неужели вы воображаете, что въ такой часъ я отпущу васъ безъ обѣда? Не смѣйте и думать этого! Рады или не рады, а вамъ придется раздѣлить мою скромную трапезу. Вечеръ у меня сегодня свободенъ. Въ клубъ якобинцевъ я не пойду, да и васъ не пущу. Тамъ сегодня будутъ нести всякій вздоръ по поводу покушенія Ламираля! За стаканомъ добраго вина, которое принесетъ намъ почтенный Морисъ Дюплэ, мы потолкуемъ съ вами о разныхъ предметахъ, повидимому, сильно васъ интересующихъ. Я люблю бесѣдовать съ молодежью того разбора, къ которому вы принадлежите вслѣдствіе

воспитанія, полученнаго вами у Проспера Ландэ. Вы согласны, не правда-ли?

Все это было сказано тономъ, исключавшимъ всякую возможность возраженія, да я, впрочемъ, и не думалъ возражать. Моему юношескому самолюбію необыкновенно льстила перспектива продолжительной интимной бесѣды съ человѣкомъ, доступа къ которому добивались по цѣлымъ мѣсяцамъ лица, весьма высоко поставленныя въ республиканской іерархіи.

Робеспьеръ, казалось, очень обрадовался моему согласію. Онъ быстро вышелъ въ смежную съ его спальней-кабинетомъ уборную и, отворивъ дверь на лѣстницу, крикнулъ:

— Элеонора! Будьте такъ добры, скажите матушкѣ, что я прошу ее прислать сегодня обѣдъ въ мою комнату. Насъ двое. Нужно два прибора.

— Сейчасъ, — отвѣтилъ голосъ дѣвицы Дюплэ. — Обѣдъ готовъ.

Робеспьеръ вернулся, и потирая руки съ довольнымъ видомъ, сказалъ:

— Въ видѣ исключенія мы сочинимъ маленькую оргію! Я попрошу, чтобы намъ принесли бутылочку стараго бордо.

Съ этими словами онъ принялся дѣлать различныя приготовленія къ «маленькой оргіи», отодвигая къ стѣнѣ свое кресло-табуретъ и притягивая къ срединѣ комнаты ногою небольшой квадратный коверъ, лежавшій передъ постелью. Во время этихъ приготовленій явилась толстая служанка, принесшая съ низу небольшой круглый столъ краснаго дерева съ мѣдными украшеніями. Слѣдомъ за ней вошла Элеонара Дюплэ съ большимъ подносомъ, на которомъ стояли приборы, суповая чаша и бутылка вина. Столъ оказался накрытъ въ нѣсколько минутъ, при помощи самого Робеспьера, который весело суетился и попросилъ молодую дѣвушку прислать другую бутылку вина, «того, которое пьютъ по праздникамъ».

Элеонора не безъ удивленія взглянула при этомъ на меня и незамѣтно пожала плечами, очевидно удивляясь, съ какой это стати ея знаменитый женихъ пускался въ экстраординарные расходы для такого молокососа? Потребованное вино было однакоже немедленно прислано.

Обѣдъ оказался очень скромнымъ. Супъ изъ протертыхъ зеленыхъ бобовъ, жареная макрель, кусокъ вареной баранины и дессертъ, состоявшій изъ сыра и дешевыхъ фруктовъ—вотъ все, что составляло «скромную трапезу», предложенную мнѣ Робеспьеромъ. За то старое бордо, присланное Морисомъ Дюплэ, было

превосходно, вполнѣ оправдавъ почти восторженныя похвалы, которыми встрѣтилъ появленіе его на столѣ Робеспьеръ.

Я долженъ прибавить однакоже, что похвалы эти были почти платоническія, потому-что, угощая меня усердно превознесеннымъ имъ до небесъ виномъ, знаменитый трибунъ не выпилъ во все время обѣда и трехъ четвертей стакана этого нектара, наливая себѣ каждый разъ самую малость, въ то время, какъ мой стаканъ онъ наполнялъ почти до краевъ. Дѣлалось это весьма просто, безъ всякаго желанія порисоваться воздержностью, которую поклонники Робеспьера ставили ему въ важную заслугу.

Послѣ второго блюда и двухъ или трехъ глотковъ вина, мой амфитріонъ, находившійся съ самаго начала обѣда въ самомъ лучшемъ и веселомъ настроеніи духа, откинулся на спинку своего стула и спросилъ меня, потирая руки:

— Такъ мы рѣшительно не намѣрены покинуть Францію?

— Рѣшительно не намѣренъ,—отвѣчалъ я, стараясь попасть въ его шутливый тонъ, но въ душѣ досадуя, что Робеспьеръ снова поднимаетъ вопросъ для меня крайне непріятный.

— De gustibus et coloribus non est disputandum! — произнесъ онъ улыбаясь и щуря свои близорукіе глаза. Если вы, мой юный другъ, выдержите характеръ до конца, то я принесу покаяніе и объявлю, что ошибался, недовѣряя возможности искренняго увлеченія иноземцевъ идеями, положенными въ основу существующаго у насъ порядка вещей.

— Что взгляды мои не измѣнятся, за это я ручаюсь, но мнѣ любопытно было бы узнать, гражданинъ-представитель, въ чемъ долженъ состоять тотъ «конецъ», про который вы только-что упомянули?—возразилъ я.

Робеспьеръ выпилъ еще глотокъ вина и отвѣтилъ мнѣ уже не прежнимъ, шутливымъ и нѣсколько поддразнивающимъ тономъ:

— Подъ словомъ «конецъ» я разумѣю, понятно, развязку нынѣшнихъ событій, предполагая притомъ, что она окажется сообразною съ вашими и моими желаніями.

— Ждать въ такомъ случаѣ придется, недолго. До праздника Верховнаго Существа, остается всего нѣсколько недѣль.

— Ну, этотъ праздникъ, если онъ и пройдетъ вполнѣ благополучно, «развязкой» ни въ какомъ случаѣ не будетъ! Съ него то, напротивъ, по всей вѣроятности и начнутся главныя затрудненія.

— Почему вы такъ думаете?

— А потому, что съ этого дня безчисленные недоброжелатели тѣхъ принциповъ и идей, борьбѣ за которыя я посвятилъ себя,

увидятъ, что для побѣды надъ честными республиканцами у нихъ не остается другого средства какъ коалиція съ монархическими заговорщиками. До сихъ поръ наши многочисленные враги дѣйствовали въ раздробь, каждый за свой счетъ и мѣшая другъ другу. Отнынѣ они будутъ дѣйствовать за одно, для достиженія общей цѣли т.-е. ниспроверженія одержавшихъ верхъ политическихъ дѣятелей, которые одни способны упрочить республику, помиривъ съ нею окончательно общественное мнѣніе большинства. Одолѣть козни такого союза будетъ не легко и единственное средство, которымъ этого можно достигнуть, пожалуй, придется не по вкусу тому идеальному республиканизму, который развило въ васъ воспитаніе, полученное у моего пріятеля Проспера Ландэ.

— А если я сообщу вамъ, гражданинъ-представитель, съ просьбой сохранить мою тайну, что за послѣднее время взгляды, которые вы мнѣ приписываете, значительно измѣнились и я началъ понимать проповѣдуемую вами безусловную необходимость нѣкоторыхъ уклоненій отъ теоріи?

Робеспьеръ нагнулся къ столу, положилъ на него локти и, пристально глядя мнѣ въ глаза, спросилъ:

— Это искренно?

— Совершенно искренно!—отвѣчалъ я, обрадованный возможностью убѣдить знаменитаго трибуна въ томъ, что я не простой «мечтатель».—Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ въ первый разъ довелось слышать ваше мнѣніе на этотъ счетъ, я много думалъ и наблюдалъ за происходившими событіями. Окончательный выводъ изъ моихъ размышленій тотъ, что вы правы и что іезуиты, провозгласившіе знаменитый афоризмъ, «цѣль оправдываетъ средства», были, можетъ быть, и плохими христіанами съ евангельской точки зрѣнія, но людьми страстно и сознательно преданными той задачѣ, во имя которой Игнатій Лойола создалъ ихъ орденъ.

Пока я говорилъ, нѣсколько путаясь въ словахъ отъ волненія и торопясь изложить мою мысль, Робеспьеръ одобрительно кивалъ головою и улыбался тою странною, загадочною улыбкою, которая была ему свойственна. Когда я кончилъ, онъ помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ сказалъ:

— Молоды вы еще очень, вотъ въ чемъ бѣда! А впрочемъ, кто знаетъ? Въ наше лихорадочное время умы зрѣютъ съ небывалою быстротою. Мой другъ и товарищъ Сенъ-Жюстъ немногимъ старше васъ, а ужь, конечно, ему никто не откажетъ въ политической возмужалости, несмотря на иныя эксцентричности, какъ его пресловутый проэктъ закона о причисленіи *неблагодар-*

ности, къ числу уголовныхъ преступленій, наказуемыхъ смертью! Чтожъ, попробуйте пожалуй! Намъ нужны люди и послѣ сказаннаго вами я готовъ содѣйствовать дарованію вамъ правъ гражданства республики, несмотря даже на кое-какія свѣдѣнія, имѣющіяся о васъ—чего вы, вѣроятно, и не подозрѣваете—въ комитетѣ общественной безопасности.

Я вспыхнулъ и на минуту смутился при этомъ намекѣ, но тотчасъ же однако поправившись, отвѣчалъ:

— Вы ошибаетесь, гражданинъ-представитель. Мнѣ хорошо извѣстны не только эти свѣдѣнія, но даже, что именно *вамъ* я обязанъ тѣмъ, что меня не арестовали вслѣдствіе письма Люцинды Сентъ-Амарантъ.

Робеспьеръ сверкнулъ глазами и, стукнувъ кулакомъ по столу, вскрикнулъ:

— А меня еще упрекаютъ въ комитетѣ, когда я говорю, что тайна нашихъ совѣщаній не соблюдается надлежащимъ образомъ! Откуда у васъ эти свѣдѣнія? Я требую, чтобы вы назвали мнѣ предателя!

Было что-то до того грозное и властное въ этомъ требованіи, не совсѣмъ-то умѣстномъ при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ Робеспьеръ его заявлялъ, что мнѣ и въ голову не пришло обидѣться. На сдѣланный мнѣ вопросъ я отвѣчалъ просто и безъ всякой задней мысли:

— Исполнить ваше желаніе я могу тѣмъ легче, что, во-первыхъ, не связанъ никакимъ обязательствомъ хранить тайну на этотъ счетъ, а во-вторыхъ, что человѣка, сообщившаго мнѣ извѣстіе о вашемъ заступничествѣ за меня, уже нѣтъ въ живыхъ... Извѣстіе это было передано мнѣ покойнымъ Дантономъ.

Трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое произвело на Робеспьера это, столь неожиданно для него произнесенное имя. Онъ вскочилъ со стула, точно собираясь ринуться на меня, но тотчасъ же запнулся и схватился рукою за голову. Лицо его было блѣдно, губы стиснуты, руки дрожали. Снова опускаясь на стулъ, онъ произнесъ едва слышно, точно надтреснутымъ голосомъ:

— Когда и при какихъ обстоятельствахъ?

Я разсказалъ подробно мою встрѣчу съ Дантономъ у г-жи Сентъ-Амарантъ. Робеспьеръ слушалъ, опустивъ голову и разсматривая свои тщательно отполированные ногти.

— Да! этотъ безумецъ былъ способенъ и не на такія неосторожности. Его языкъ былъ его злѣйшимъ врагомъ,—задумчиво проговорилъ онъ по окончаніи моего разсказа.—Предательства тутъ, очевидно, не было. Я беру назадъ сказанное мною.

Покойный просто хотѣлъ похвастаться своимъ всезнаніемъ а, можетъ быть, и уступилъ искушенію попугать того, кого я взялъ подъ свою защиту въ комитетѣ. Оставимъ это! Что было, то прошло...

— Пусть будетъ такъ,—возразилъ я,—но все-таки вы позволите мнѣ, гражданинъ-представитель, считать себя вашимъ должникомъ за сохраненную мнѣ вами свободу.

— Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны,—какъ-то неохотно произнесъ онъ.—Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ отчасти по дружбѣ къ Ландэ, отчасти потому, что въ письмѣ, возбудившемъ подозрѣніе противъ васъ, не было ни малѣйшаго намека на вашу прикосновенность къ интригѣ, въ которой повидимому принимала участіе близкая вамъ особа. Не будемъ продолжать случайно начатаго разговора, вернемся лучше къ вашимъ планамъ на будущее. Я сказалъ, что готовъ помочь вамъ въ полученіи французскаго гражданства и слова своего назадъ не беру. Желаете моего содѣйствія?

— Горжусь сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ и не замедлю имъ воспользоваться,—отвѣчалъ я, кланяясь черезъ столъ.

— А все-таки, я не совсѣмъ понимаю васъ, мой юный другъ! —воскликнулъ Робеспьеръ своимъ прежнимъ веселымъ тономъ.— Неужели же вы такъ-таки совершенно равнодушны къ выгодамъ и приманкамъ того высокаго положенія, которое могло бы стать вашимъ удѣломъ въ Россіи? Вѣдь что ни говори, а страна эта — ваше отечество. Даже и съ точки зрѣнія повсемѣстнаго торжества тѣхъ идей, служенію которымъ вы рѣшились себя посвятить, ваше возвращеніе въ Россію могло-бы представить огромную пользу. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что я—рѣшительный противникъ той пропаганды свободы за-границей посредствомъ французскихъ штыковъ и ружей, которую наши эбертисты, сбитые съ толку этимъ негодяемъ Клоотсомъ, провозглашали одной изъ главныхъ задачъ республиканскаго правительства. По моему мнѣнію, удовольствіе узнать, что гдѣ-нибудь въ Томбукту или въ Тегеранѣ провозглашена республика и низвергнуто владычество тирановъ, было бы куплено нами слишкомъ дорого, еслибы оно стоило намъ жизни хотя бы одного французскаго солдата, но изъ этого однакоже не слѣдуетъ, чтобы я не желалъ видѣть торжества нашихъ идей среди другихъ народовъ и въ особенности народовъ европейскихъ. У насъ вы ни въ какомъ случаѣ не будете играть выдающейся роли, между тѣмъ какъ въ Россіи....

— Осмѣлюсь замѣтить, гражданинъ-представитель,—перебилъ я его,—что какъ ни мало знакомъ я съ положеніемъ дѣлъ моей

родины, но все-таки думаю, что не ошибусь, отвѣтивъ вамъ увѣреніемъ въ полной немыслимости превращенія Россіи въ республику.

— Да кто же говоритъ вамъ о подобномъ превращеніи? — воскликнулъ Робеспьеръ, трепля меня черезъ столъ по плечу.— Республика — только одна изъ формъ, которою можетъ быть достигнуто господство свободы, правосудія и гражданской полноправности всѣхъ жителей данной страны! У насъ она сдѣлалась неизбѣжною необходимостью потому, что между вождями прежнихъ руководящихъ классовъ не оказалось ни одного человѣка, вполнѣ искренно перешедшаго на сторону принциповъ провозглашенныхъ національнымъ собраніемъ 1789 года. Въ другихъ странахъ, особенно у васъ въ Россіи, можетъ случиться совершенно иначе. Императрица Екатерина, бросившаяся теперь въ реакцію, обнаруживала прежде искренно-либеральныя стремленія. Еслибъ въ средѣ людей, ее окружающихъ — а кому же неизвѣстно, что она еще и нынѣ любитъ окружать себя *молодыми* людьми? — нашлись лица, хорошо знакомыя съ истинными стремленіями лучшихъ людей нашей республики, гражданская и политическая свобода могли бы водвориться въ вашемъ отечествѣ и безъ помощи насильственнаго переворота.

Я не безъ удивленія посмотрѣлъ на моего знаменитаго собесѣдника. Въ первый разъ мнѣ стало понятно, что этотъ краснорѣчивый трибунъ — не простой фанатикъ республиканскаго принципа, а глубокій политикъ, ставящій идею свободы выше той правительственной формы, которая обезпечила Франціи эту, столь дорого доставшуюся ей свободу. Ни въ конвентѣ, ни въ клубѣ якобинцевъ, Робеспьеръ ни разу не объяснялъ столь понятно и откровенно побужденій своей упорной борьбы съ проповѣдниками «космополитической революціи», во главѣ которыхъ стоялъ Анахарсисъ Клоотсъ. Новость и неожиданность слышаннаго мною были такъ велики, что я не сразу нашелся, что̀ отвѣчать. Молчаніе мое Робеспьеръ, повидимому, истолковалъ тѣмъ, что онъ поколебалъ мою рѣшимость принять французское гражданство, потому что взялъ меня за руку и, дружески пожимая ее, онъ произнесъ убѣждающимъ тономъ:

— Нѣтъ, право, возвращайтесь-ка въ Россію!

— Вы, можетъ быть, и правы, гражданинъ-представитель, — отвѣтилъ я нѣсколько опомнившись, — но моя рѣшимость непоколебима. Остаться навсегда во Франціи, у меня есть множество причинъ, изъ которыхъ иныя касаются меня лично.

Онъ усмѣхнулся и прищурилъ глаза, говоря:

— И одна изъ этихъ причинъ, конечно та особа, о которой писала вамъ Люцинда Сентъ-Амарантъ?

— Можетъ быть, и такъ,—отвѣчалъ я уклончиво.

— Ну, значитъ, вы еще очень молоды въ такомъ случаѣ и въ подражатели моему другу Сенъ-Жюсту не годитесь! Впрочемъ, это меня успокоиваетъ. Въ ваши годы любовь чувство не долговѣчное. Пройдетъ ваше нынѣшнее увлеченіе—измѣнится и ваша рѣшимость остаться навсегда во Франціи. Дальнѣйшій разговоръ объ этомъ предметѣ будетъ излишнимъ. Я вовсе не желаю, чтобы вы вынесли непріятное воспоминаніе о нашей сегодняшней бесѣдѣ.

Я только-что хотѣлъ отвѣтить на эту любезную фразу какою-нибудь банальною любезностью, какъ черезъ открытую дверь на лѣстницу донесся снизу женскій голосъ, громко и досадливо говорившій:

— Я уже сказала вамъ, что гражданинъ Робеспьеръ занятъ и не принимаетъ!

Робеспьеръ съ странною поспѣшностью вскочилъ при этихъ словахъ изъ-за стола и пробравшись на цыпочкахъ до открытой двери тихонько ее затворилъ, стараясь неслышно защелкнуть внутреннюю задвижку. Когда онъ исполнилъ этотъ трудный маневръ и обернулся ко мнѣ, на лицѣ его сіяла довольная улыбка школьника, удачно ускользнувшаго изъ-подъ надзора строгаго учителя.

— Какой-нибудь проситель,—произнесъ онъ шопотомъ.—Отбою нѣтъ отъ этого надоѣдливаго народа! Съ утра до ночи осаждаютъ мою дверь. Пусть Элеонора Дюплэ справляется какъ знаетъ! Она на эти дѣла мастеръ.

Говоръ внизу однакоже не умолкалъ. Словъ не было теперь слышно, но по долетавшимъ до насъ звукамъ легко было догадаться, что внизу идетъ оживленный споръ. Рядомъ съ голосомъ Элеоноры Дюплэ слышался другой женскій голосъ, звуки котораго казались мнѣ знакомыми. Вслѣдъ за тѣмъ раздался грубый мужской говоръ и какой-то странный шумъ. Робеспьеръ снова пробрался на цыпочкахъ къ двери и сталъ прислушиваться, дѣлая мнѣ рукою знакъ не вставать изъ-за стола. Шумъ усиливался все болѣе и болѣе и вдругъ изъ него выдѣлилось пронзительное восклицаніе Элеоноры Дюплэ:

— Ахъ ты, мерзавка! такъ вотъ зачѣмъ тебѣ надобно было его видѣть! На помощь, граждане! Держите убійцу!

Робеспьеръ быстро отдернулъ задвижку, распахнулъ дверь и выбѣжалъ на лѣстницу. Я послѣдовалъ за нимъ.

На дворѣ передъ флигелемъ Дюплэ раздавался шумъ мно-

жества голосовъ и слышались слова: «держите ее крѣпче!» — «хорошенько обыскивайте!» — «Ахъ ты, подлая гадина!»

Робеспьеръ нагнулся черезъ перила и крикнулъ:

— Элеонора! Что тамъ такое случилось?

— Не спускайтесь внизъ, Максимиліанъ, идите въ вашу комнату! Я сейчасъ поднимусь и разскажу, — отвѣчала дѣвица Дюплэ.

Но онъ не послушался и сталъ сходить съ лѣстницы. На заворотѣ Элеонора остановила его. Молодая дѣвушка была страшно блѣдна и едва стояла на ногахъ отъ волненія.

— Идите назадъ! — крикнула она, топнувъ ногою.

Робеспьеръ машинально повиновался, глядя на свою невѣсту недоумѣвающими глазами. Черезъ минуту мы снова были въ его комнатѣ. Элеонора заперла дверь на задвижку и, упавъ на стулъ, проговорила тяжело дыша.

— Она приходила васъ убить!

— Кто? — спросилъ въ недоумѣніи Робеспьеръ!

— Она! эта негодная дѣвчонка! Выдала себя за просительницу. Въ карманѣ нашли складной ножъ!

Онъ сверкнулъ глазами и бросился къ двери.

— Максимиліанъ! — умоляющимъ голосомъ произнесла Элеонора.

Но дверь уже была открыта и Робеспьеръ исчезъ за нею. Черезъ минуту на лѣстницѣ раздался его голосъ.

— Мой дорогой Дюплэ, приведите сюда арестованную. Я хочу ее видѣть.

— Поздно, гражданинъ-представитель! — отвѣчалъ голосъ столяра. — Злодѣйка уже въ рукахъ народнаго правосудія.

Элеонора Дюплэ при этихъ словахъ тоже быстро вышла изъ комнаты. Я остался одинъ, боясь показаться нескромнымъ, но уединеніе мое было непродолжительно. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошли Робеспьеръ, Элеонора и Морисъ Дюплэ.

— Она созналась въ своемъ намѣреніи? — спрашивалъ Робеспьеръ, входя.

— Прямого сознанія не было, — отвѣчалъ столяръ, видимо еще не оправившійся отъ волненія и тяжело дышавшій. — Главное, что въ карманѣ нашли складной ножъ.

— Но почему вамъ пришла мысль ее обыскать?

— Да ужъ очень настойчиво требовала свиданія съ вами. Когда Элеонора сказала ей, что вы заняты и никого не принимаете, эта дѣвчонка дерзко возразила, что представитель народа

долженъ быть всегда къ услугамъ тѣхъ, кто имѣетъ въ немъ нужду...

— Мнѣ это и показалось страннымъ, — перебила дѣвица Дюплэ.—Я попросила ее обождать и позвала батюшку.

— Я вошелъ и спрашиваю, что ей надо?—снова заговорилъ Морисъ Дюплэ.—Она отвѣчала: «Видѣть Робеспьера!» —Сказано вѣдь вамъ, что онъ занятъ и не принимаетъ! — «Но если мнѣ необходимо!» —Заходите въ другой разъ!— «Мнѣ надо сегодня!» —Мало ли, что, говорю нельзя!... А она все лѣзетъ впередъ. Я взялъ ее за плечи. Она какъ крикнетъ: «Не смѣйте меня трогать! Вы налагаете руку на женщину!» —Шарлотта Кордэ была тоже женщина! — вырвалось у меня такъ просто съ досады, а она какъ затрясется и бросилась къ двери. Я смекнулъ, что это не спроста, да и говорю:—нѣтъ ужъ позвольте, гражданка, теперь я васъ не отпущу, не пошаривъ по вашимъ карманамъ!— У нея и ноги подкосились! Элеонора поддержала сзади; да кстати и за локти ее прихватила. Я полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда большой складной ножъ. Дочка, увидавъ это, стала звать на помощь. Явились мои молодцы и потащили злодѣйку на дворъ. Тутъ раздался вашъ голосъ и, пока я посылалъ къ вамъ Элеонору, наши увели эту дѣвчонку къ коммиссару. Онъ вѣдь живетъ напротивъ.

Выслушавъ нескладный разсказъ Дюплэ, Робеспьеръ повернулся ко мнѣ и какимъ-то страннымъ голосомъ сказалъ:

— Выходитъ, какъ видите, что Просперу Ландэ было въ чемъ извиниться передо мной!

Онъ снялъ съ гвоздя висѣвшую на немъ шляпу и спросилъ Мориса Дюплэ:

— А имени своего не сказала?

— Мы, признаться, и не догадались спросить, — отвѣчалъ столяръ, вытирая вспотѣвшій лобъ.

Робеспьеръ, очевидно сильно взволнованный, хотя и старавшійся казаться хладнокровнымъ, какъ-то машинально пожалъ мнѣ руку, не говоря ни слова, и вышелъ. Я послѣдовалъ за нимъ, поклонившись тоже безмолвно Морису Дюплэ и его дочери.

На улицѣ толпилось не мало любопытныхъ и при видѣ знаменитаго трибуна раздались крики: «да здравствуетъ Робеспьеръ». Герой этой импровизированной оваціи отвѣчалъ отрывисто: «благодарю васъ, граждане; позвольте пройти!» и исчезъ черезъ минуту въ воротахъ противуположнаго дома.

Я постоялъ минуту въ нерѣшимости посреди шумѣвшей и волновавшейся толпы и почти машинально двинулся по дорогѣ

къ клубу якобинцевъ. Все, только-что разсказанное выше, произошло такъ быстро, было такъ неожиданно и имѣло такой потрясающій характеръ, что я еще не могъ придти въ себя и задаться вопросомъ о причинѣ странной, болѣзненной тревоги, которую я ощущалъ. Съ того мгновенія, какъ крикъ Элеоноры Дюплэ показалъ, что дѣло идетъ о чемъ-то въ родѣ страшнаго подвига Шарлотты Кордэ, я находился исключительно подъ вліяніемъ ужаса при мысли объ участи, которой чуть-чуть было не подвергся Робеспьеръ. Только теперь вспомнилось мнѣ, что тревога охватила меня прежде, чѣмъ я догадался объ этой опасности, и что ее вызвалъ первоначально звукъ женскаго голоса, отвѣчавшаго Элеонорѣ Дюплэ. Спрашивая себя теперь о причинѣ этого впечатлѣнія, я внезапно похолодѣлъ отъ головы до ногъ. Голосъ дѣвушки, арестованной Морисомъ Дюплэ, былъ похожъ на голосъ Сесили Рено!

Никакими словами не передать, что̀ сдѣлалось со мною послѣ этого ужаснаго открытія! Какъ безумный, толкая прохожихъ, бросился я бѣжать по направленію клуба якобинцевъ, почти инстинктивно соображая, что тамъ скорѣе всего удастся мнѣ узнать имя арестованной. Мысли, одна другой ужаснѣе, тѣснились въ моей головѣ. Я вспоминалъ мою встрѣчу съ Сесиль передъ домомъ Марата, ея восторженные отзывы о Шарлоттѣ Кордэ, болтовню покойнаго Дантона о «летучемъ эскадронѣ» жены Ролана, загадочныя фразы Люцинды Сентъ-Амарантъ. Въ ушахъ у меня звенѣло, во рту ощущалась жгучая сухость, виски стучали невыносимо...

Какъ я очутился на своемъ мѣстѣ въ клубѣ якобинцевъ, этого я рѣшительно не помню. Знаю только, что когда вернулось ко мнѣ пониманіе меня окружающаго, я былъ пораженъ относительнымъ спокойствіемъ всѣхъ присутствующихъ. На ораторской трибунѣ разглагольствовалъ какой-то неизвѣстный мнѣ якобинецъ, сообщавшій о «спартанскомъ» терпѣніи, которое обнаруживаетъ на «одрѣ страданій» легко раненый-Колло д'Эрбуа. О случившемся съ Робеспьеромъ еще не зналъ никто. Это было тѣмъ страннѣе, что обыкновенно первыя извѣстія о подобныхъ происшествіяхъ доходили прежде всего до клуба якобинцевъ. Я просидѣлъ около получаса въ залѣ засѣданій, все ожидая, что явится какой-нибудь вѣстникъ происшедшаго событія, но ожиданіе это не оправдалось. Списокъ очередныхъ занятій клуба оказался на этотъ разъ непривычно скуденъ и въ половину одиннадцатаго президентъ объявилъ засѣданіе закрытымъ. Въ ту минуту, когда онъ передъ этимъ объявленіемъ обратился къ собра-

нію съ вопросомъ, не желаетъ ли кто-нибудь слова? я чуть-чуть было не поднялся съ мѣста, чтобы разсказать то, что было мнѣ извѣстно о предполагаемомъ покушеніи на жизнь Робеспьера, но меня удержали во-первыхъ, нежеланіе сдѣлаться предметомъ безконечныхъ разспросовъ, а во-вторыхъ какое-то внутреннее чувство ужаса при мысли, что мой разсказъ вызоветъ взрывъ негодованія противъ молодой дѣвушки, задержанной Морисомъ Дюплэ. Я поторопился выйдти изъ клуба и, вернувшись домой, прошелъ прямо въ свою комнату очень довольный сообщеніемъ служанки, что Ландэ уже спитъ послѣ довольно сильнаго припадка подагры, случившагося съ нимъ вскорѣ послѣ моего ухода.

XVI.

Всю ночь съ 4-го на 5-е преріаля, я провелъ безъ сна. Смутная тревога, овладѣвшая мною при выходѣ изъ квартиры Мориса Дюплэ, понемногу переходила въ какую-то странную увѣренность, что героиня вчерашняго происшествія—Сесиль Рено. Откуда могла у меня явиться эта увѣренность, я не знаю, и сколько помнится, не зналъ и тогда, когда она начала закрадываться мнѣ въ душу. Кажется, что она была результатомъ одного изъ тѣхъ припадковъ бреда на яву, которые случаются иногда съ очень молодыми людьми, страдающими безсонницей. Лучи восходящаго солнца уже начинали пробиваться сквозь щели моихъ рѣшетчатыхъ ставней, когда усталость и волненіе ослабили меня до того, что я погрузился въ тяжелое, чисто болѣзненное забытье...

Когда я очнулся и открылъ глаза, было уже 9 часовъ утра, т.-е. по тогдашнему довольно поздно. Первою моею мыслью было —идти или не идти къ Ландэ съ разсказомъ о вчерашнемъ событіи? Подумавъ немного, я снова испыталъ тоже чувство, которое помѣшало мнѣ наканунѣ заговорить въ клубѣ якобинцевъ, и рѣшился не идти къ моему наставнику, а прямо отправиться въ конвентъ, гдѣ, конечно, я узнаю всѣ подробности о допросѣ, сдѣланномъ полицейскимъ коммиссаромъ арестованной дѣвушкѣ. Одѣвшись на скорую руку, я позвалъ служанку и приказалъ ей передать Ландэ, что ухожу съ утра по очень важному дѣлу и вернусь только поздно вечеромъ. Рѣшимость провести весь день внѣ дома явилась у меня внезапно уже въ то время, какъ служанка вошла на мой зовъ.

Идти въ конвентъ было еще рано и я отправился въ садъ Палé-Эгалите, многочисленныя кофейни котораго были всегда

полны съ утра до вечера политическими вѣстовщиками и журналистами. Прислушиваясь къ оживленнымъ разговорамъ, шедшимъ за столиками этихъ кофеенъ, выставленными въ саду, я скоро убѣдился, что роковая вѣсть еще не проникла въ публику. Толковали о покушеніи Ламираля, смѣялись надъ изнѣженностію и трусостію Колло д'Эрбуа, слегшаго въ постель отъ вздорной царапины дурно направленной пули. У одного столика я услыхалъ фразу:

— Ужъ конечно не Робеспьеръ обнаружилъ бы такое постыдное малодушіе!

Было ясно, что никто изъ завсегдателей сада не слыхалъ еще о случившемся наканунѣ вечеромъ. У меня вдругъ мелькнула странная надежда, что Робеспьеръ рѣшился замять дѣло, убѣдившись въ ошибочности подозрѣній Мориса Дюплэ и его дочери и не желая показаться смѣшнымъ. Эта догадка какъ-то сразу меня успокоила и дала мнѣ возможность терпѣливо ожидать часа открытія засѣданія конвента. Явился даже обычный утренній аппетитъ и я съ удовольствіемъ выпилъ большую чашку кофе съ хлѣбомъ, но увы! безъ масла, потому что этого продукта нельзя было достать въ Парижѣ и на вѣсъ золота въ теченіе всего лѣта 1794 года.

Въ конвентѣ, при началѣ засѣданія тоже все было спокойно. Террористы «горы», правда, о чемъ-то перешептывались между собою съ таинственнымъ видомъ, но остальные члены собранія и публика трибунъ были, очевидно, въ самомъ заурядномъ настроеніи духа. Президентъ объявилъ засѣданіе открытымъ и далъ слово докладчику одной изъ безчисленныхъ коммиссій конвента. Въ то время, какъ докладчикъ уже взошелъ на трибуну и приготовился читать свой докладъ, у входныхъ дверей появился блѣдный, какъ смерть, народный представитель, громко воскликнувшій взволнованнымъ голосомъ:

— Гражданинъ-президентъ, я прошу слова для сообщенія извѣстія крайней, неотложной важности!

Всѣ обернулись при звукахъ этого голоса. Президентъ, взглянувъ на говорившаго и увидавъ его разстроенное лицо, поспѣшилъ сказать:

— Слово принадлежитъ гражданину Тайльферу для экстреннаго сообщенія.

Тайльферъ взбѣжалъ на трибуну и, задыхаясь отъ волненія, началъ:

— Граждане! Новая Кордэ пробовала вчера покуситься на жизнь Робеспьера. Злодѣйскій замыселъ не удался. Виновница

покушенія арестована. У нея нашли складной ножъ. На вопросъ коммиссара: зачѣмъ ей надо было видѣть Робеспьера, она отвѣчала, что она хотѣла посмотрѣть, на что похожъ тиранъ, топящій Францію въ потокахъ крови и прибавила на другой вопросъ коммиссара, что предпочитаетъ одного короля шестидесяти тысячамъ деспотовъ.

Съ первыхъ же словъ оратора весь конвентъ былъ на ногахъ. Конецъ его небольшого разсказа былъ едва слышенъ за шумнымъ говоромъ сотни голосовъ. Отовсюду раздавались крики:

— Имя! имя злодѣйки! Назовите имя!

— Ее зовутъ Сесиль Рено. Отецъ ея держитъ бумажный магазинъ въ улицѣ de la Lanterne!—крикнулъ охриплымъ голосомъ Тайльферъ, стараясь покрыть шумный говоръ, стоявшій въ залѣ.

Я какъ сумасшедшій вскочилъ съ своего мѣста въ публичной трибунѣ и, бѣшено расталкивая сплошную массу, её наполнявшую, бросился къ выходу. Смутныя предчувствія и безпричинная увѣренность прошлой ночи оказывались пророческими! Увлекаемый настоящимъ припадкомъ помѣшательства, я летѣлъ внизъ по лѣстницѣ, самъ не зная зачѣмъ, но съ твердою, непреклонною рѣшимостью сдѣлать что-то такое, что непремѣнно спасетъ отъ неминуемой гибели несчастную Сесиль...

Какимъ образомъ очутился я передъ дверью Мориса Дюплэ —рѣшительно не помню. Знаю только, что на мой громкій стукъ въ дверную скобу, вышла ко мнѣ Элеонора, объявившая, что Робеспьера нѣтъ дома и что онъ вернется не ранѣе вечера.

Услышавъ этотъ отвѣтъ, я почему-то вообразилъ, что мнѣ необходимо отправиться къ Камиллю Рено и помочь ему избѣгнуть ареста. «Ему надо немедленно оставить Парижъ», думалъ я, «бѣжать далеко-далеко. Для этого надобны деньги. Если ихъ у него нѣтъ, я дамъ своихъ». Но тутъ я вспомнилъ, что денегъ у меня съ собою нѣтъ и тотчасъ же, все еще не понимая хорошенько, что я дѣлаю, я снова повернулъ въ другую сторону и быстро зашагалъ по направленію къ нашей квартирѣ.

Служанка, открывшая мнѣ дверь, была блѣдна, и взволнована нисколько не менѣе меня. Она загородила мнѣ входъ и быстро прошептала:

— Уходите скорѣе, гражданинъ Эженъ. Тамъ наверху агенты комитета. Они явились васъ арестовать. Идетъ обыскъ вашихъ бумагъ.

Я не только не испугался, но просто обрадовался этому извѣстію. Оттолкнувъ движеніемъ руки добрую женщину, я взбѣ-

жалъ на верхъ и, распахнувъ притворенную дверь моей комнаты, вошелъ въ нее съ крикомъ:

— Вы ищете Стародубскаго? Вотъ онъ!

Рывшійся въ ящикахъ моего письменнаго стола высокій человѣкъ, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, повернулся съ изумленіемъ въ мою сторону и спросилъ строгимъ голосомъ, кто я и что мнѣ надо?

Я вспомнилъ, что позабылъ произнести свою фамилію на французскій манеръ и исправилъ эту ошибку.

Человѣкъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ какъ-то досадливо пожалъ плечами, взглянувъ въ сторону сопровождавшихъ его агентовъ и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ я имѣю порученіе васъ арестовать.

— Исполняйте ваше порученіе,—отвѣчалъ я, складывая руки и глядя прямо ему въ лицо.

— Не торопитесь, молодой человѣкъ,—проговорилъ онъ, какъ-то странно улыбаясь.—Прежде чѣмъ вести васъ въ тюрьму, я долженъ еще повидаться съ вашимъ покровителемъ, достойнымъ Просперомъ Ландэ. Благоволите слѣдовать за мною въ его комнату.

Я машинально повиновался.

Наставникъ мой былъ уже, очевидно, предупрежденъ. Увидѣвъ меня, онъ грустно, но спокойно протянулъ мнѣ руку, говоря:

— Не пугайся, Эженъ. Тутъ очевидно недоразумѣніе, которое скоро разъяснится. Тебя считаютъ прикосновеннымъ къ безумному покушенію этой несчастной дѣвушки, потому что ты посылалъ ей письма въ Немуръ.

— Я ничего не боюсь,—отвѣчалъ я сухо, почти грубо.—Быть замѣшаннымъ въ дѣлѣ гражданки Рено, считаю за истинное счастіе потому, что буду такимъ образомъ въ состояніи доказать ея невинность.

Ландэ переглянулся съ человѣкомъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ. Тотъ слегка кивнулъ ему головою и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Подозрѣніе, падающее на васъ, не очень серьезно. Если вы дадите слово не удаляться изъ вашей квартиры, я могу оставить васъ на поруки гражданина Ландэ.

— Слово это я отказываюсь дать. Ведите меня въ тюрьму! —былъ мой отвѣтъ.

Ландэ еще разъ поднялъ на меня глаза, вздохнулъ и, обращаясь къ моему спутнику, сказалъ:

— Исполняйте его желаніе, гражданинъ-коммиссаръ! Остальное ужъ будетъ моимъ дѣломъ.

Черезъ часъ я находился уже въ канцеляріи тюрьмы Консьержери. Смотритель этой тюрьмы, переговоривъ съ приведшимъ меня полицейскимъ коммиссаромъ, позвалъ сторожа и коротко приказалъ:

— Помѣстить во второе отдѣленіе подозрительныхъ!

Сторожъ повелъ меня по длинному и темному сводчатому корридору, въ которомъ сильно пахло сыростью и плѣсенью. Пройдя шаговъ сто, мы повернули направо въ другой корридоръ, кончавшійся большою стеклянною дверью. Спутникъ мой отворилъ эту дверь и мы очутились на довольно обширномъ тюремномъ дворикѣ, обсаженномъ деревьями.

— Это—лужокъ второго отдѣленія. Побудьте здѣсь, пока вамъ отведутъ особую коморку,—сказалъ сторожъ и прибавилъ, указывая на толпу заключенныхъ, прогуливавшихся по дворику:

— Компанія здѣсь веселая. Не соскучитесь!

Тюремщикъ сказалъ правду. Общество, собравшееся на лужкѣ, дѣйствительно не отличалось — по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда, —меланхолическимъ настроеніемъ. Еслибъ не высокія стѣны, окружавшія этотъ полный зелени уголокъ,—ни кому, не предупрежденному конечно, не пришло бы въ голову угадать въ представлявшейся ему оживленной картинѣ, ея характеръ сборнаго мѣста людей, почти поголовно обреченныхъ заранѣе на смертную казнь однимъ свойствомъ дѣяній, въ которыхъ они были заподозрѣны. Я много слышалъ о любопытной распущенности, которую представляли въ то время тюрьмы, отведенныя исключительно для политическихъ «заподозрѣнныхъ», но признаюсь, что всѣ, казавшіеся наиболѣе преувеличенными, разсказы на этотъ счетъ были только слабымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. То, что̀ происходило вокругъ меня, напоминало скорѣе игорныя собранія г-жи Сентъ-Амарантъ и полуденныя сборища въ саду Палѐ-Эгалите, чѣмъ тюремную рекреацію узниковъ, рискующихъ сложить головы на эшафотъ. Повсюду виднѣлись нарядныя группы молодыхъ мужчинъ и женщинъ, беззаботно бесѣдовавшихъ о чемъ-то очевидно очень веселомъ, потому что взрывы хохота раздавались со всѣхъ сторонъ. Въ одномъ уголкѣ лужайки слышались звуки скрипки и женскіе голоса, распѣвавшіе какой-то чувствительный романсъ, въ другомъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ играли въ жмурки съ веселыми выкрикиваніями. Подъ яркими лучами лѣтняго солнца кипѣла совершенно своеобразная оргія, въ которой пары вина замѣняло подавляемое сознаніе неизбѣжной трагической развязки. Никогда еще не приходилось мнѣ видѣть такого

полнаго и яркаго примѣненія эпикурейскаго правила «недолго, но весело!»

Появленіе мое на лужайкѣ произвело нѣкоторый эффектъ. Одинъ изъ узниковъ, красивый молодой человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ низверженной монархіи и украшенный бѣлою лиліею въ петличкѣ своего вышитаго разноцвѣтными шелками кафтана, воскликнулъ:

— Милостивые государыни и государи! Наше общество пріобрѣтаетъ новаго сочлена. Встрѣтимте его съ тѣмъ почетомъ, который довлѣетъ каждому нашему единомышленнику!

— Браво, герцогъ! Привѣтъ новому товарищу несчастія!—закричали, весело хлопая въ ладоши, двѣ молодыя и хорошенькія женщины. Тотъ, кого онѣ назвали «герцогомъ», взялъ ихъ обѣихъ подъ руки и всѣ трое пошли въ мою сторону, любезно улыбаясь и стараясь соблюдать всѣ пріемы изящной шаловливости, введенной въ моду при дворѣ Людовика XVI-го злополучною Маріей Антуанетой.

Я понялъ, что меня принимаютъ за роялиста, и не счелъ возможнымъ оставлять въ заблужденіи то общество, въ которое случайно попалъ. Предупреждая дружескій привѣтъ герцога и сопровождавшихъ его молодыхъ женщинъ, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Не тратьте вашихъ комплиментовъ недостойному, гражданки и гражданинъ. Передъ вами стоитъ непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ республиканецъ.

Фраза моя, сказанная не безъ нѣкоторой напыщенности и мѣтившая на эффектъ, не произвела однакоже ожидаемаго мною впечатлѣнія. Молодой человѣкъ и его спутницы протянули мнѣ свои руки, и одна изъ молодыхъ женщинъ сказала съ какою-то странною, поразившею меня беззаботностію:

— Роялистъ или республиканецъ — вы нашъ уже потому, что насъ съ вами ожидаетъ по всей вѣроятности, одна и таже участь. Добро пожаловать!

И вслѣдъ затѣмъ, указывая на своихъ спутницу и спутника, она прибавила:

— Графиня де-ла-Рошъ-Бризакъ, герцогъ Вьёвиль де-Керкандекъ. Что же касается до меня, то я позволю себѣ представить вамъ вдовствующую маркизу де-Гомонъ-Версиньякъ.

Въ отвѣтъ на такое представленіе, я назвалъ себя по имени и по фамиліи, произнося послѣднюю, какъ всегда съ французскими удареніями.

— Вы иностранецъ?—спросила меня хорошенькая маркиза.

— Да!—Я русскій!

— И, конечно, дворянинъ? Изъ вашихъ соотечественниковъ во Франціи, можно вѣдь встрѣтить только членовъ благороднаго сословія.

— Вы не ошибаетесь, гражданка, но отъ привилегій моего рожденія я уже давно отрекся.

— Что не помѣшало вамъ попасть въ нашу компанію, — сказалъ герцогъ Вьёвиль де-Кернандекъ.—У единой и нераздѣльной республики весьма своеобразная манера благодарить за жертвы, приносимыя въ ея честь Молоху равенства! Это однако между прочимъ. По нашимъ убѣжденіямъ, перестать быть дворяниномъ нельзя путемъ простого отреченія отъ привилегій своего рода. Вы вдвойнѣ нашъ, и потому мы привѣтствуемъ васъ вдвойнѣ, прося оказать намъ честь присоединиться къ нашей компаніи и быть здѣсь какъ дома.

Отвѣчать на эти любезности отказомъ было бы совершенно неумѣстно и неприлично. Я поклонился и послѣдовалъ за выступившею мнѣ на встрѣчу группою.

Когда мы присоединились къ играющимъ въ жмурки, герцогъ представилъ меня имъ, прибавляя къ моему имени:

— Русскій бояринъ, мнящій себя республиканцемъ.

Эта прибавка, повидимому, никому не показалась странною и не вызвала никакихъ замѣчаній. Ко мнѣ привѣтливо протянулись десятки мужскихъ и женскихъ рукъ со словами: «Добро пожаловать, сударь!»

Но такъ какъ во время представленія молодая дѣвушка, ловившая остальныхъ въ игрѣ, сняла свою повязку, то возникъ споръ, слѣдуетъ ли ей снова надѣть ее. Маркиза де-Гомонъ-Версиньякъ рѣшила этотъ споръ по своему. Взявъ повязку, она подошла ко мнѣ и, смѣясь, сказала:

— Ну-съ, извольте платиться за ваше отступничество! Такъ какъ вы и безъ того ослѣплены, то роль слѣпого вамъ будетъ какъ разъ къ лицу.

Я, конечно, не сталъ сопротивляться и позволилъ завязать себѣ глаза. Было что-то опьяняющее въ настроеніи беззаботной толпы, меня окружавшей. Весь трагизмъ событій, приведшихъ меня въ тюрьму, на минуту былъ мною забытъ... Подобное же чувство испыталъ я позднѣе въ сраженіи при Аустерлицѣ, когда въ нашемъ каре, истребляемомъ французскою картечью, вокругъ меня раздавались прибаутки и беззаботныя шуточки нашихъ героевъ-солдатъ.

Игра возобновилась. Я слышалъ вокругъ себя веселый смѣхъ и граціозныя вскрикиванія ускользавшихъ изъ-подъ моихъ рукъ молодыхъ женщинъ, шорохъ ихъ юбокъ и легкій топотъ маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ башмаки на высокихъ каблукахъ. Желаніе поймать одну изъ этихъ хорошенькихъ хохотушекъ, овладѣло мною съ какою-то, почти болѣзненною силою, вытѣсняя изъ головы всѣ прочія мысли. Молодость брала свое и платила мнѣ чрезвычайно своебразнымъ образомъ за долгое пренебреженіе, которое я оказывалъ до тѣхъ поръ ея непререкаемымъ потребностямъ!

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, мнѣ удалось охватить чью-то женскую талію. Быстро сорвавъ повязку, я узналъ въ своей плѣнницѣ маркизу де-Гомонъ-Версиньякъ. Молодая женщина смѣялась, и шутя била меня по плечу своей пухлой ручкой, говоря:

— У! противный кровопійца!

Въ это время у входа на лужайку появился тюремщикъ, громко кричавшій:

— Гражданинъ Стародубскій! Васъ требуютъ въ канцелярію!

Я простился наскоро съ игравшими въ жмурки и послѣдовалъ за тюремщикомъ. Мы снова прошли по длиннымъ корридорамъ тюрьмы и вошли въ низкую сводчатую комнату канцеляріи.

У стола, за которымъ помѣщался смотритель, сидѣлъ въ креслѣ молодой человѣкъ поразительной красоты, одѣтый въ форменный костюмъ народнаго представителя, имѣющаго особыя порученія. Я съ перваго же взгляда узналъ Сенъ-Жюста, котораго мнѣ доводилось много разъ видѣть въ конвентѣ. Знаменитый идеалистъ революціи пристально посмотрѣлъ на меня своими большими темносиними глазами, и, вставъ съ кресла, сказалъ:

— По просьбѣ друга моего, Максимиліана Робеспьера, я беру васъ на поруки. Обѣщаете ли вы не покидать Парижа до суда надъ Сесиль Рено и ея сообщниками?

Я отвѣчалъ простымъ наклоненіемъ головы.

Сенъ-Жюстъ сдѣлалъ знакъ смотрителю и тотъ немедленно отворилъ выходную въ сѣни дверь, говоря мнѣ:

— Въ такомъ случаѣ вы свободны, гражданинъ.

Сенъ-Жюстъ вышелъ изъ канцеляріи вслѣдъ за мною на набережную Сены. Я, конечно, сталъ благодарить его за оказанную мнѣ услугу, но онъ остановилъ меня на первыхъ же словахъ, говоря:

— Услуги тутъ нѣтъ никакой. Робеспьеръ убѣжденъ, что вашъ арестъ былъ дѣломъ рукъ его недоброжелателей и я вполнѣ раздѣляю это убѣжденіе. Данное вами обѣщаніе не уѣзжать изъ Парижа, вовсе для васъ не обязательно. Напротивъ, Максимиліанъ и я, мы желаемъ и даже находимъ необходимымъ по многимъ соображеніямъ, чтобы васъ не было здѣсь на время предстоящаго процесса. Уѣзжайте сегодня же и если можно, то даже за предѣлы республики.

— Ничего подобнаго я обѣщать не могу,—твердо отвѣтилъ я, глядя прямо ему въ глаза.

— Почему? — спросилъ онъ, нахмуривъ свои прекрасныя бархатныя брови.

— Во-первыхъ, потому что не считаю возможнымъ нарушить только-что даннаго мною обѣщанія, хотя вы и разрѣшаете мнѣ это, а во-вторыхъ, потому что имѣю самыя серьёзныя причины горячо интересоваться участью несчастной дѣвушки, обвиняемой въ покушеніи на жизнь Робеспьера.

Сенъ-Жюстъ досадливо пожалъ плечами, и, взявъ меня за руку, крѣпко стиснулъ мнѣ пальцы, говоря:

— Неужели же вы не понимаете, что именно по этой второй причинѣ намъ необходимо, чтобы васъ не было въ Парижѣ во время процесса? Такъ или иначе, а наша цѣль будетъ достигнута. Не уѣдете вы добровольно, васъ арестуютъ сегодня же вечеромъ вторично, но уже не для того, чтобы отправить въ Консьержери́, а для того, чтобы выслать изъ Франціи какъ подозрительнаго иностранца, съ воспрещеніемъ возвращаться въ предѣлы республики. Никто не спрашиваетъ васъ, согласны или несогласны вы исполнить наше требованіе. Оно должно быть и будетъ исполнено!

Было что-то странно обаятельное въ этихъ рѣзкихъ словахъ, произнесенныхъ мелодическимъ, бархатно-мягкимъ голосомъ молодого народнаго представителя. Я сразу понялъ, что сопротивляться предъявленному мнѣ требованію невозможно, но самолюбіе не позволяло мнѣ признаться въ этомъ немедленно.

— Надѣюсь, что во всякомъ случаѣ мнѣ дозволено будетъ посовѣтоваться съ моимъ почтеннымъ другомъ Просперомъ Ландэ? —спросилъ я, дрогнувшимъ отъ досады голосомъ.

— Это само собою разумѣется,—отвѣчалъ Сенъ-Жюстъ уже менѣе рѣзко.—Мы согласны даже, чтобы вы исполнили буквально только то, что́ посовѣтуетъ вамъ нашъ уважаемый товарищъ. Если позволите—мы отправимся къ нему теперь же вмѣстѣ.

Онъ сдѣлалъ знакъ и изъ-за угла сосѣдней улицы выѣхала

карета съ опущенными шторами. Сенъ-Жюстъ отворилъ дверцы, и знакомъ пригласилъ меня сѣсть. Я молча повиновался.

Въ продолженіе всего пути отъ Консьержери до нашей квартиры мой спутникъ не вымолвилъ ни слова. Онъ сидѣлъ скрестивъ руки на груди и думалъ о чемъ-то, повидимому, не особенно ему пріятномъ, потому что прекрасныя черты его лица античной статуи, были искажены выраженіемъ досады и сдерживаемаго раздраженія. Поразительная красота Сенъ-Жюста много выигрывала въ характерности отъ этого угрюмаго выраженія. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не случалось мнѣ встрѣчать той странной двойственности, которою отличалась эта красота. Когда юный сподвижникъ Робеспьера былъ веселъ и спокоенъ, безукоризненно-правильныя черты его прелестнаго лица имѣли черезъчуръ женственный оттѣнокъ и не вязались съ громкою репутаціей человѣка, съумѣвшаго одною энергіей характера превратить въ героевъ патріотизма и самоотверженія миролюбивыхъ и разсчетливыхъ «бюргеровъ» Страсбурга. Въ эти минуты про Сенъ-Жюста можно было сказать, что онъ «слишкомъ красивъ для мужчины», а кто же не знаетъ, съ какимъ чувствомъ внутренней гадливости произносится обыкновенно не только нами мужчинами, но даже и представительницами прекраснаго пола, эта убійственная фраза? Когда же Сенъ-Жюстъ сердился или вообще волновался, онъ становился неузнаваемъ. Его женоподобное лицо принимало мужественное и грозное выраженіе, о которомъ я часто вспоминалъ впослѣдствіи, читая и перечитывая тотъ перлъ германской поэзіи, которыя называется «Мессіада». Для художника, желающаго изобразить грандіозно-фантастическій обликъ Аббадонны, достаточно было бы нарисовать совершенно схожій портретъ молодого народнаго представителя, раздѣлявшаго славу и—до извѣстной степени—популярность Максимиліана Робеспьера. Именно такимъ являлся Сенъ-Жюстъ во время нашей молчаливой поѣздки.

Проспeръ Ландэ ждалъ насъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ крѣпко обнялъ меня и вслѣдъ затѣмъ протянулъ руку Сенъ-Жюсту, который, пожимая ее сказалъ:

— Уговори, пожалуйста, твоего взбалмошнаго питомца не стѣснять насъ своимъ присутствіемъ въ Парижѣ въ настоящую минуту. Онъ и слышать не хочетъ объ отъѣздѣ изъ Франціи.

Ландэ вздохнулъ и посмотрѣлъ на меня какимъ-то просительнымъ, почти робкимъ взглядомъ. Мнѣ становилось жалко добраго и честнаго старика, но рѣшимость моя не уѣзжать не поколебалась. Отвернувшись въ сторону, я сказалъ:

— Есть вещи, которыхъ мнѣ совѣсть не дозволяетъ сдѣлать, даже для моего уважаемаго наставника, котораго, однакоже, я люблю какъ втораго отца.

Сенъ-Жюстъ порывисто прошелся по кабинету и остановился передо мною.

— Отвѣчайте на мой вопросъ, — произнесъ онъ громко и повелительно.—Что заставляло васъ до сихъ поръ жить во Франціи?

— Любовь къ свободѣ и преданность порядку вещей, наиболѣе способному ее обезпечить,—сказалъ я, прямо глядя ему въ глаза.

— Это искренно?

— Совершенно искренно.

— Въ такомъ случаѣ, вы не можете не исполнить нашего требованія. Вашъ отъѣздъ изъ Франціи, или по крайней мѣрѣ изъ Парижа, необходимъ для торжества свободы и ея защитниковъ надъ адски-хитрою интригою ихъ враговъ.

Я вопросительно посмотрѣлъ на Сенъ-Жюста. Въ искренности имъ сказаннаго не было никакой возможности сомнѣваться, потому что это былъ человѣкъ совершенно неспособный покривить совѣстью, а тѣмъ болѣе путемъ лести такому неоперившемуся юношѣ, какимъ былъ я въ то время. Я вѣрилъ, но не понималъ...

Проспeръ Ландэ догадался объ испытываемыхъ мною ощущеніяхъ и, сдѣлавъ знакъ Сенъ-Жюсту, сказалъ мнѣ:

— Успокойся и сядь, мой милый Эженъ. Я постараюсь объяснить тебѣ сколько возможно загадочный для тебя смыслъ только-что сказаннаго гражданиномъ Сенъ-Жюстомъ.

Я повиновался, и Просперъ Ландэ началъ такимъ образомъ:

— Видишь ли въ чемъ дѣло! Ни Робеспьеръ, ни кто-либо изъ насъ, его друзей, не вѣритъ въ серьезный характеръ мнимаго покушенія несчастной молодой дѣвушки, которую молва выдаетъ за подражательницу Шарлотты Кордэ. Врачи, видѣвшіе Сесиль Рено послѣ ея арестованія, и докторъ, у котораго она лечилась прошлымъ лѣтомъ вскорѣ послѣ казни Шарлотты Кордэ, утверждаютъ, что она уже давно, чуть ли не съ дѣтства страдаетъ нервнымъ разстройствомъ, нарушающимъ по временамъ равновѣсіе ея умственныхъ способностей. Они говорятъ, что въ прежнія времена, когда у насъ господствовало католическое суевѣріе, изъ этой дѣвушки, могла легко выйдти одна изъ тѣхъ, мнимыхъ «бѣсноватыхъ», которыя гибли десятками на кострахъ фанатизма. Что такимъ настроеніемъ духа бѣднаго ребенка желали

воспользоваться заговорщики, замышляющіе гибель республики и свободы—это весьма вѣроятно, но ровно ничѣмъ не доказано. Никакихъ слѣдовъ сношеній Сесили Рено съ жирондистами и монархистами не отыскано. Существуетъ только одно указаніе — письмо дѣвицы Сентъ-Амарантъ къ тебѣ; но для того, чтобы это указаніе могло имѣть юридическую силу, необходимо, чтобы стало извѣстно имя молодой особы, о которой въ немъ говорится. Назвать это имя могутъ только два лица: Люцинда Сентъ-Амарантъ, которая, разумѣется, этого не сдѣлаетъ, и ты, который конечно, не выдашь дѣвушки, считавшейся въ теченіе нѣсколькихъ дней твоей невѣстой. По несчастію извѣстно, что ты ѣздилъ въ Немуръ, когда тамъ находилась Сесиль Рено. Самый фактъ поѣздки ничего конечно не доказываетъ, хотя тебя арестовали именно вслѣдствіе этой поѣздки, но на допросахъ тебя могутъ легко сбить и даже самыя твои отрицанія, неизбѣжно неискреннія, могутъ быть истолкованы въ смыслѣ гибельномъ для главной обвиняемой. Если ты исчезнешь на время процесса, исчезнетъ и главная улика противъ молодой дѣвушки. Такимъ образомъ ты въ одно и то же время спасешь Сесиль и окажешь важную услугу нашей партіи, къ которой, если не ошибаюсь, ты всегда гордился принадлежать.

Сенъ-Жюстъ во все время этой длинной тирады нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу и нервно подергивалъ шеею, окутанною въ огромный галстухъ изъ бѣлой, туго накрахмаленной кисеи. Воспользовавшись минутною остановкой Ландэ, онъ сказалъ какимъ-то металлическимъ голосомъ:

— Сказано довольно, можетъ быть, даже слишкомъ. Согласны или не согласны вы повиноваться по доброй волѣ?

Рѣзкость его тона подѣйствовала на меня крайне непріятно и чуть-чуть не вызвала съ моей стороны отрицательнаго отвѣта. Сила доводовъ Проспера Ландэ была, однакоже, такъ велика, что я воздержался и отвѣчалъ:

— Если мнѣ дадутъ честное слово, что Сесиль Рено не погибнетъ на эшафотѣ—я уѣду куда-нибудь изъ Парижа подъ условіемъ, что мнѣ будетъ дозволено возвратиться по окончаніи процесса.

Сенъ-Жюстъ гордо поднялъ голову и, остановивъ Ландэ, собиравшагося что-то сказать, возразилъ все тѣмъ же металлическимъ голосомъ:

— Мы съ вами не торгуемся, а только изъ уваженія къ вашему наставнику желаемъ избѣгнуть насильственныхъ мѣръ. Ваши слова—не отвѣтъ на мой вопросъ.

— Не раздражай его напрасно, Сенъ-Жюстъ, — вмѣшался Ландэ. — Подумавъ, Эженъ пойметъ и самъ, что никакихъ обязательствъ мы принимать не можемъ, потому что дѣло находится не въ нашихъ рукахъ.

И, обращаясь ко мнѣ, онъ прибавилъ ласково:

— Эженъ! Подумай хорошенько и не упрямься. Сенъ-Жюстъ подождетъ изъ дружбы ко мнѣ до завтрашняго утра.

— Такъ и быть, — сказалъ Сенъ-Жюстъ. — Но завтра, въ 10 часовъ утра, мнѣ нуженъ категорическій отвѣтъ.

Съ этими словами онъ взялъ со стола шляпу, пожалъ руку Ландэ и, сухо поклонившись мнѣ, вышелъ изъ комнаты.

Когда мы остались наединѣ, мой добрый наставникъ чуть не со слезами на глазахъ сталъ умолять меня не противиться требованію Робеспьера. Онъ говорилъ, что мое упорство поведетъ только къ тому, что меня вышлютъ изъ Франціи, съ воспрещеніемъ въѣзда въ страну, и повредитъ Сесили Рено, для которой въ такомъ случаѣ не будетъ сдѣлано ничего со стороны друзей Робеспьера въ комитетѣ общественной безопасности и въ революціонномъ трибуналѣ. Ландэ прибавлялъ, что, въ случаѣ моего согласія уѣхать добровольно онъ, «уполномоченъ» дать мнѣ средства прожить необходимое время въ Брюсселѣ, гдѣ мнѣ легко будетъ слѣдить за всѣмъ совершавшимся въ Парижѣ, а, слѣдовательно, и за ходомъ процесса Сесили Рено. Эти доводы подѣйствовали, и вечеромъ того-же дня, снабженный подложнымъ паспортомъ на имя Аристида Вьешэнъ (переводъ моей фамиліи), я выѣхалъ изъ Парижа въ почтовой каретѣ, отправлявшейся въ Лилль. На третьи сутки я былъ въ Брюсселѣ и занялъ комнату въ старинной, посѣщаемой по преимуществу французскими купцами, гостинницѣ улицы des Fripiers.

Не прошло однакоже и недѣли, какъ я понялъ нравственную невозможность оставаться въ Брюсселѣ. Извѣстія, приходившія о слѣдствіи надъ Сесиль Рено, ясно показывали, что мое отсутствіе ничѣмъ не можетъ облегчить участи несчастной. Газеты сообщали объ арестѣ Камилля Рено и его старшаго сына, равно какъ Люцинды Сентъ-Амарантъ (мать ея была арестована еще ранѣе по подозрѣнію въ устройствѣ роялистскихъ сходбищъ въ ея игорномъ домѣ). Не предупредивъ ни однимъ словомъ моего наставника, я вернулся въ Парижъ 18-го преріаля, т.-е. за два дня до знаменитаго историческаго праздника Верховнаго Существа.

Проспeръ Ландэ не очень смутился моимъ возвращеніемъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что копія съ письма Люцинды Сентъ-Амарантъ какимъ-то «непонятнымъ образомъ» исчезла изъ карто-

новъ комитета общественной безопасности и потому меня рѣшено не привлекать къ дѣлу.

— Фукье Тэнвилль какъ-то особенно скоро уступилъ въ этомъ случаѣ настояніямъ Робеспьера,—прибавилъ, хмуря брови Ландэ.—За тебя я, конечно, искренно этому радуюсь, но готовность его все-таки мнѣ подозрительна.

На мои распросы о ходѣ слѣдствія Ландэ отвѣчалъ, что дѣло вѣроятно затянется, потому что Фукье Тэнвилль видитъ въ немъ какую-то связь съ покушеніемъ Ламираля, оказавшагося пріятелемъ Камилля Рено, и съ монархическими сходбищами въ игорномъ домѣ г-жи Сентъ-Амарантъ.

— Этотъ мерзавецъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь жаждущій крови, старается притянуть къ дѣлу возможно большее число подсудимыхъ,—говорилъ мой наставникъ.—Онъ затягиваетъ слѣдствіе, не подозрѣвая, что это можетъ повести совсѣмъ не къ тому результату, на который онъ разсчитываетъ. Если послѣ-завтрашній праздникъ пройдетъ благополучно и приведетъ къ ожидаемымъ нами результатамъ, то, пожалуй, не Фукье Тэнвиллю придется оканчивать начатое имъ дознаніе. Во всякомъ случаѣ, ты теперь можешь безнаказанно оставаться въ Парижѣ. Робеспьеръ, съ которымъ я видѣлся вчера, далъ мнѣ понять косвенно, что я могу вызвать тебя изъ Брюсселя.

Я вздохнулъ свободнѣе. Слова Ландэ почему-то внушили мнѣ надежду на благополучный исходъ процесса Сесили Рено. Эта надежда, соединенная съ сознаніемъ, что самъ я лично ничѣмъ не могу облегчить участи любимой мною дѣвушки, придали мнѣ силу спокойнѣе ожидать развязки судебнаго слѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предстоявшій праздникъ Верховнаго Существа пріобрѣлъ для меня особое значеніе и я рѣшилъ, что буду личнымъ свидѣтелемъ всѣхъ событій этого знаменательнаго дня.

XVII.

Раннимъ утромъ 20-го преріала II-го года единой и нераздѣльной республики, т.-е. 8 іюня 1794 г., Парижъ поднялся на ноги при свѣтлой и совершенно безоблачной погодѣ. Когда я вышелъ въ 7 часовъ утра на улицу, направляясь къ Тюильерійскому саду, солнце уже сильно пекло, но зной освѣжался нѣсколько легкимъ вѣтеркомъ. Всѣ улицы, по которымъ я проходилъ, уже пестрѣли трехцвѣтными знаменами и гирляндами зелени. На каждомъ шагу попадались воткнутыя въ промежуткѣ

камней мостовой или привязанныя къ дверямъ магазиновъ, маленькія деревца, украшенныя красными, бѣлыми и синими лентами. Толпы разряженнаго народа двигались сплошными массами все въ одну и ту же сторону, къ саду Тюильери. Оживленный говоръ тысячей голосовъ; запахъ цвѣтовъ, которые держалъ въ рукахъ или имѣлъ въ петличкѣ почти каждый прохожій, придавали совершенно праздничный видъ красивому и оживленному зрѣлищу, происходившему передъ моими глазами. Повсюду формировались группы, весело болтавшія въ ожиданіи муниципальныхъ сановниковъ, которые должны были идти во главѣ жителей каждаго квартала. Вдали слышались пушечные выстрѣлы орудій, разставленныхъ на плацѣ дома Инвалидовъ и на разныхъ площадяхъ, для подачи сигналовъ и для салютовъ.

Чѣмъ ближе подходилъ я къ саду Тюильери, тѣмъ гуще и оживленнѣе становилась толпа. Въ моей петличкѣ красовался значекъ клуба якобинцевъ, открывавшій мнѣ свободный доступъ въ самый садъ, куда до поры до времени впускались только «избранные».

Я едва узналъ любимое мѣсто прогулокъ тогдашнихъ парижанъ. Старый садъ совершенно преобразился отъ безчисленнаго множества украшеній, которыми загромоздилъ его распорядитель праздника, живописецъ Давидъ. Центромъ этихъ украшеній являлся большой бассейнъ сада. На самой срединѣ его возвышалась огромная холщевая декорація, изображавшая «храмъ атеизма». У входа въ этотъ храмъ виднѣлась аллегорическая группа, изображавшая—по объясненію распубликованной наканунѣ газетами программы праздника—«честолюбіе», «эгоизмъ» и «ложную простоту». Три фигуры группы держались за руки и средняя изъ нихъ поднимала лѣвою рукою черное знамя съ надписью: «надежда иноземныхъ враговъ». Около бассейна помѣщались символическія колесницы, хоры пѣвцовъ и оркестры музыки. На террасѣ Фейльянтинцевъ была разбита громадная холщевая палатка, въ которой были устроены уборныя актрисъ и фигурантокъ, имѣвшихъ принять участіе въ эмблематической процессіи. Между бассейномъ и тюильерійскимъ дворцомъ, въ которомъ должны были собраться члены конвента, высилась громадная покатая эстрада, изображавшая собою «гору» въ честь монтаньяровъ конвента. Эта «гора» была прилажена своею вершиною къ балкону одного изъ боковыхъ флигелей дворца, въ которомъ помѣщалось зало засѣданій конвента.

Народные представители безпрестанно входили въ садъ со стороны площади Революціи, какъ называлась тогда прежняя

площадь Согласія. Всѣ они были одѣты одинаково, въ темносиніе фраки съ широкими отворотами, застегнутые на нижнія пуговицы и опоясанные трехцвѣтными шарфами. Бѣлые лосиновые штаны въ обтяжку, невысокіе сапоги съ желтыми отворотами, и широкополыя шляпы, украшенныя трехцвѣтными перьями, составляли этотъ костюмъ, ставшій чѣмъ-то въ родѣ мундира. Многіе изъ представителей держали въ рукахъ букеты цвѣтовъ.

Около бассейна суетился, отдавая послѣднія приказанія, Давидъ, котораго сопровождали извѣстные всему тогдашнему Парижу композиторы—капельмейстеры Мэгюль и Госсэкъ. Давидъ горячился, кричалъ, топалъ ногами, хватался за голову въ припадкахъ весьма комическаго отчаянія, и вслѣдъ затѣмъ улыбающійся, довольный и веселый летѣлъ на встрѣчу костюмированнымъ хорошенькимъ женщинамъ, спускавшимся одна за другой съ террасы Фейльянтинцевъ, на которой сильный отрядъ національныхъ гвардейцевъ секціи Пельтье, едва успѣвалъ отгонять безчисленныхъ охотниковъ поглядѣть поближе на актрисъ и танцовщицъ, одѣвавшихся въ импровизированныхъ уборныхъ.

Было около 9 часовъ утра, когда на главной аллеѣ сада прошелъ торопливымъ шагомъ, точно куда-то спѣша, Максимиліанъ Робеспьеръ, избранный за четыре дня передъ тѣмъ очереднымъ президентомъ конвента. Толпа, наполнявшая аллею, почтительно передъ нимъ разступалась. Я замѣтилъ какъ-то невольно, что синій фракъ знаменитаго трибуна былъ нѣсколько свѣтлѣе фраковъ прочихъ представителей. Робеспьеръ, напудренный до бѣла и причесанный особенно тщательно, шелъ съ непокрытою головою, держа въ правой рукѣ свою шляпу съ перьями. У самаго бассейна къ нему подошла молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и подала ему огромный букетъ великолѣпныхъ розъ со словами: «привѣтъ опорѣ и надеждѣ республики!» Онъ взялъ, улыбаясь, букетъ лѣвой рукою и пошелъ далѣе къ павильону Флоры, гдѣ жилъ его пріятель Вилатъ, одинъ изъ присяжныхъ революціоннаго трибунала.

Красивая женщина, одѣтая «богиней Разума» и сидѣвшая, болтая маленькими ножками на краѣ символической колесницы, около которой я стоялъ, поглядѣла вслѣдъ Робеспьеру и, громко разсмѣявшись, сказала:

— Какимъ королемъ шествуетъ! Настоящій диктаторъ!

— Я бы совѣтовалъ тебѣ осторожнѣе выражаться, гражданка Фёдора́,—внушительно произнесъ неизвѣстно откуда появившійся Давидъ.—Званіе любимой публикою артистки театра Фейдо еще

не гарантируетъ твоей хорошенькой головки отъ непріятнаго приключенія на площади Революціи.

Актриса, шутливо надувъ губки, ударила Давида по плечу, говоря:

— У! противный людоѣдъ. Вѣчно суется съ своимъ длиннымъ носомъ, куда его не спрашиваютъ.

Давидъ, смѣясь, погрозилъ пальцемъ и взялъ её за подбородокъ съ ухватками зрѣлаго волокиты, убѣжденнаго въ своей неотразимости.

— А зачѣмъ онъ одѣлся иначе, чѣмъ другіе представители? —капризно допрашивала Фёдора́, дѣлая смѣшныя гримаски.

— Какъ иначе? Съ чего ты это взяла!—удивленно произнесъ Давидъ.

— А то какже—развѣ не видалъ? Вѣдь у него фракъ свѣтлѣе, чѣмъ у тебя и у другихъ представителей.

— Если ничего не понимаешь, такъ молчи! Онъ—президентъ конвента и надо, чтобы его могли отличать издалека въ толпѣ прочихъ членовъ. Свѣтло-синій фракъ—моя выдумка, — внушительно и принимая важный видъ, сказалъ живописецъ.

— А ему не слѣдовало слушаться твоихъ выдумокъ!—продолжала дразниться Фёдора́.—Это нарушеніе равенства и тебя надо укоротить національною бритвою за такое дѣло. Да!

Давидъ захохоталъ и, самодовольно оглянувшись кругомъ, произнесъ:

— А кто же будетъ устроивать тріумфы республики и увѣковѣчивать своею кистью дѣянія ея знаменитыхъ сыновъ? Для богини Разума ты разсуждаешь очень плохо.

— Вольно же было тебѣ выбрать меня на эту глупую роль, —шутила артистка.—Ты думаешь пріятно изображать богиню, которая сейчасъ будетъ объявлена низвергнутою и замѣненною какимъ-то Верховнымъ Существомъ, выдуманнымъ вашимъ ханжею Робеспьеромъ?

Давидъ хотѣлъ что-то возразить, но въ это время раздались на главной аллеѣ звуки марсельезы. Всѣ обратились въ сторону, откуда неслись эти звуки, и живописецъ ринулся впередъ съ комически-озабоченнымъ видомъ, восклицая:

— Это сыны Марса. Наконецъ-то!

Между рядами разступившейся толпы показался отрядъ молодыхъ людей, въ странныхъ, еще не виданныхъ парижанами нарядахъ. Это были воспитанники новой военной школы, собранные со всѣхъ концовъ Франціи и предназначавшіеся, какъ ходила молва, на роль почетной стражи комитета общественной

безопасности. Они были одѣты въ красныя туники съ желтыми снурами на груди и въ довольно высокія мѣховыя шапки, формы, напоминавшей головные уборы воиновъ Кира и Артаксеркса на картинахъ французскихъ художниковъ конца XVII-го и начала XVIII-го столѣтія. Каждый изъ этихъ молодыхъ людей шелъ, потрясая въ воздухѣ короткимъ, греческимъ мечомъ. Во главѣ ихъ отряда двигался Барреръ. «Сыны Марса» по указанію Давида выстроились шпалерами у подножія трибунъ, приготовленныхъ для членовъ конвента, революціоннаго трибунала и парижской общины.

Раздались три пушечныхъ выстрѣла. Трибуны конвента стали наполняться народными представителями. Черезъ нѣсколько минутъ въ этихъ трибунахъ незанятымъ осталось только одно мѣсто впереди. Все было готово къ началу празднества, но Давидъ медлилъ подать сигналъ хорамъ и оркестрамъ, тревожно поглядывая на это порожнее мѣсто. Въ окружавшей меня толпѣ поднялся смутный говоръ.

— Чего же они ждутъ, пора начинать! — А, Робеспьера еще нѣтъ. Безъ него нельзя! — Куда это онъ запропастился? — Ждать себя заставляетъ! — Видно слухи-то справедливы. — Подожди еще, не то увидимъ!

Ропотъ становился все громче и громче. Нѣсколько народныхъ представителей поспѣшно встали съ своихъ мѣстъ и пошли на верхъ по ступенямъ трибуны, дѣлая знаки кому-то, стоявшему на балконѣ дворца. Другіе шептались между собою, пожимая плечами, кто досадливо, кто иронически.

Минутъ десять прошло въ неловкомъ ожиданіи. Наконецъ на верхней ступенькѣ трибуны появился Робеспьеръ. Мнѣ показалось, что онъ что-то жуетъ на ходу и дѣйствительно, какъ стало извѣстно позднѣе, онъ не успѣлъ окончить завтрака, предложеннаго ему Вилатомъ и прямо изъ-за стола бросился на свое мѣсто.

Появленіе Робеспьера положило конецъ нетерпѣливому ожиданію толпы. Президентъ конвента умѣлъ справиться съ неловкимъ чувствомъ, которое замѣтно было на его лицѣ въ первую минуту. Онъ подошелъ къ краю эстрады и едва замѣтно кивнулъ головою ожидавшему внизу Давиду. Живописецъ махнулъ съ довольнымъ видомъ рукою и вслѣдъ затѣмъ раздались звуки марсельезы, исполняемой всѣми хорами музыки и пѣвцовъ. Когда эти звуки смолкли, Робеспьеръ поднялся съ мѣста и уже открылъ ротъ, чтобы начать свою рѣчь, какъ вдругъ внизу эстрады раздалось нѣсколько голосовъ, кричавшихъ:

— Да здравствуетъ Робеспьеръ!

Съ разныхъ сторонъ послышалось шиканье, покрытое громовымъ кличемъ: «да здравствуетъ республика! да здравствуетъ нація!». «Сыны Марса», затѣявшіе неумѣстную демонстрацію, казались смущенными, на эстрадѣ народныхъ представителей замѣтно было движеніе неудовольствія. Одинъ Робеспьеръ сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Казалось, что онъ не замѣчалъ ничего вокругъ него происходившаго. Его, точно преобразившееся, лицо сіяло какимъ-то страстнымъ вдохновеніемъ. Все смолкло и въ саду, наполненномъ многотысячной толпой, водворилась мертвая тишина.

— Республиканцы Франціи! — раздался звучный, немного дрожащій отъ волненія голосъ знаменитаго оратора. — Настaлъ наконецъ счастливый день, который французскій народъ посвящаетъ Верховному Существу. Никогда еще созданная имъ вселенная не представляла зрѣлища, болѣе достойнаго его божественныхъ очей. До сихъ поръ очамъ этимъ приходилось видѣть торжество тираніи, преступленія и лжи, теперь передъ ними является цѣлая нація, борющаяся противъ притѣснителей рода человѣческаго и пріостанавливающая теченіе своихъ героическихъ подвиговъ для того, чтобы вознести свои помыслы и свои мольбы къ великому Существу, давшему ей порученіе предпринять эти подвиги, и силу ихъ совершить...

Вся рѣчь Робеспьера, не особенно впрочемъ длинная, была произнесена въ этомъ тонѣ, который, вѣроятно, покажется читателемъ моихъ признаній, напыщенно-холоднымъ и надуто-риторическимъ, но не такое впечатлѣніе производила она на слушателей, привыкшихъ къ этому роду краспорѣчія! Каждое слово оратора находило отзвукъ въ многочисленной толпѣ, истомившейся отъ возмутительныхъ безобразій атеистическаго культа Разума. Происходило нѣчто совершенно похожее на то, что происходитъ сплошь и рядомъ въ молитвенныхъ собраніяхъ, слушающихъ проповѣдника, не особенно заботящагося о простотѣ и ясности своихъ періодовъ. Наименѣе понятныя большинству фразы дѣйствовали всего сильнѣе на нервы этого большинства своею загадочною звучностью. Робеспьеръ тщательно избѣгалъ употреблять терминологію христіанства, а между тѣмъ я самъ видѣлъ женщинъ, набожно и радостно крестившихся втихомолку, когда онъ произносилъ слова «Верховное Существо» и «великій Руководитель вселенной». Простая рѣчь свѣтскаго оратора обращалась въ какое-то смутно-понятное для массы священнодѣйствіе. Когда онъ кончилъ, раздались громкія и продолжительныя рукоплеска-

нія, съ которыми слились звуки музыки, исполнявшей симфонію Госсэка, написанную спеціально для праздника Верховнаго Существа. Давидъ подошелъ къ эстрадѣ и, высоко поднявъ руку, подалъ Робеспьеру зажженный факелъ. Съ этимъ факеломъ въ рукѣ, президентъ конвента спустился внизъ и подошелъ къ бассейну, посреди котораго возвышался «храмъ атеизма». Отъ храма къ краю бассейна былъ протянутъ стопинъ. Робеспьеръ поднесъ факелъ къ концу скоропалительной нити и черезъ минуту на вершинѣ храма показался огонь. Холстъ декораціи быстро воспламенился со всѣхъ сторонъ и она съ шумомъ рухнула въ воду. Изъ-за дыма и пламени появилась громадная гипсовая статуя Мудрости. Раздался новый взрывъ рукоплесканій, но уже менѣе единодушный. Символическое сожженіе храма атеизма не особенно сильно подѣйствовало на толпу. Въ ней слышались смѣхъ и шутки. Робеспьеръ нахмурился, нервно бросилъ факелъ въ бассейнъ и, быстро поднявшись на эстраду, сдѣлалъ знакъ, что хочетъ снова говорить. Все опять смолкло. Нѣсколькими звучными, превосходно сказанными фразами великій ораторъ снова овладѣлъ публикой, чуть-чуть было не потерявшей желаемаго настроенія, вслѣдствіе грандіозно задуманной, но неудачно выполненной затѣи Давида.

По окончаніи этой второй рѣчи Робеспьера члены конвента сошли съ эстрады на площадку, отдѣлявшую ее отъ главнаго бассейна. Имъ предстояло теперь отправиться во главѣ собравшейся на праздникъ толпы народа, черезъ площадь Революціи и мостъ того же имени, на плацъ-парадъ дома Инвалидовъ, а оттуда на Марсово поле, гдѣ должно было состояться исполненіе гимновъ и патріотическихъ кантатъ, написанныхъ по случаю справляемаго праздника. Робеспьеръ, въ качествѣ президента, сталъ на самой срединѣ перваго ряда народныхъ представителей. Его характерная хорошо знакомая всему Парижу фигура рельефно выдѣлялась между другими членами конвента бѣлоснѣжною прической напудренной головы, яркимъ цвѣтомъ его синяго фрака и огромнымъ букетомъ розъ, который онъ продолжалъ держать въ рукѣ, тогда какъ почти всѣ другіе члены конвента, точно заранѣе сговорившись, положили свои букеты у края бассейна, посреди котораго высилась теперь статуя Мудрости.

Шествіе двинулось, но я замѣтилъ, что послѣ нѣсколькихъ шаговъ первый рядъ народныхъ представителей сталъ укорачивать шагъ, предоставляя Робеспьеру идти впереди. Онъ не сразу обратилъ вниманіе на этотъ предательскій маневръ и продолжалъ двигаться одинъ, устремивъ близорукіе глаза куда-то въ даль.

Разстояніе между нимъ и прочими членами конвента все увеличивалось и увеличивалось. На площади Революціи передъ представителями пошли группы стариковъ, матерей семействъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей съ зелеными вѣтвями въ рукахъ. Робеспьеръ, все еще погруженный въ восторженное раздумье, двигался теперь за этими группами совершенно одинъ. Конвентъ слѣдовалъ въ разстояніи десяти шаговъ. У самаго моста онъ наконецъ замѣтилъ свое одиночество и пріостановился, выжидая товарищей, но тѣ въ свою очередь тоже пріостановились, сохраняя прежнюю дистанцію. Удивленный этимъ маневромъ, я сталъ всматриваться въ лицо перваго ряда народныхъ представителей и увидалъ знакомыя лица Фуше, Талльяна, Баррера и другихъ завѣдомыхъ недоброжелателей знаменитаго трибуна. Было ясно, что они умышленно оставляютъ Робеспьера одного. Обернувшись, и самъ онъ очевидно догадался объ этомъ, потому что сдѣлалъ было движеніе пойдти назадъ, но потомъ остановился, дернулъ плечами и быстро зашагалъ по мосту.

Я двигался въ толпѣ, окружавшей съ обѣихъ сторонъ конвентъ и слышалъ, какъ громче и громче раздавались порицанія Робеспьеру за то, что онъ идетъ впереди товарищей, точно желая доказать свое право на первое мѣсто. Вокругъ меня слышались слова: «Э, да онъ уже не церемонится!» — «Первосвященникъ новой религіи!» — «Папа деизма!» — «Не достаетъ только митры и епископскаго посоха!» и т. д. и т. д. Когда мы дошли до Марсова поля, добрая половина публики казалась враждебно настроенною и противъ праздника и противъ его главнаго виновника. Робеспьеръ однако ничего не замѣчалъ. Съ его лица не сходило прежнее восторженное выраженіе.

На Марсовомъ полѣ высилась колоссальная трибуна для членовъ конвента. Она опять изображала «гору», но естественнѣе, чѣмъ трибуна Тюильерійскаго сада. Мѣста народныхъ представителей находились на высокой платформѣ, покатые бока которой были замаскированы дерномъ и глыбами камней, между которыми были живописно расположены невысокіе кусты. Входъ на платформу изображалъ извилистую горную тропинку.

Лирическая часть праздника прошла безъ всякихъ выдающихся эпизодовъ. Мало кто замѣтилъ, что вмѣсто значившагося въ программѣ гимна Верховному Существу, написаннаго Жозефомъ Шенье и заключавшаго въ себѣ нѣсколько стиховъ, считавшихся намекомъ на диктаторскія наклонности Робеспьера, былъ исполненъ гимнъ Дезоржа, уже слышанный публикою въ Тюильерійскомъ саду. Когда кончилось исполненіе кантатъ, раз-

дался пушечный салютъ, возвѣщавшій окончаніе оффиціальной части праздника. Толпа стала медленно расходиться почти безъ всякихъ восклицаній.

Я вернулся домой, сильно разочарованный. Начало дня, утреннее настроеніе толпы и впечатлѣніе, произведенное двумя рѣчами Робеспьера, предрасположили меня совершенно къ другимъ впечатлѣніямъ чѣмъ тѣ, которыя я принесъ съ Марсова поля. Вмѣсто увѣренности въ побѣдѣ здраваго смысла надъ крайностями терроризма явилось у меня внутреннее убѣжденіе, что все останется по прежнему съ тою только, можетъ быть, разницею, что во главѣ террористовъ силою вещей очутятся ихъ вчерашніе противники, Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ.

XVIII.

Событія вскорѣ начали повидимому оправдывать мои мрачныя предчувствія. Вслѣдъ за праздникомъ 20 преріаля преслѣдованія политическаго характера усилились до небывалыхъ размѣровъ. 22-го преріаля конвентъ утвердилъ безчеловѣчный законъ, дававшій временнымъ «народнымъ коммиссіямъ» права, почти равныя съ правами грознаго революціоннаго трибунала, и всѣ громко говорили, что проектъ этого ужаснаго закона былъ выработанъ комитетомъ общественной безопасности по предложенію Робеспьера и Кутона. Кровожадный Фукье Тэнвилль не только не потерялъ своего мѣста, но обнаруживалъ усиленную дѣятельность. Предварительное слѣдствіе по процессу Сесили Рено принимало грандіозные размѣры. Прикосновенными къ дѣлу оказывались люди, никогда не видавшіе въ глаза ни бумажнаго торговца улицы de la Lanterne, ни его дочери.

Я жилъ въ какомъ-то чаду, проводя цѣлые дни внѣ дома, посѣщая всѣ мѣста публичныхъ сборищъ, гдѣ можно было надѣяться узнать хоть что-нибудь новое о ходѣ слѣдствія. Встрѣчаться съ Просперомъ Ландэ я избѣгалъ сколько возможно, по смутному предчувствію, что онъ станетъ толковать по своему слухи о жестокомъ настроеніи, внезапно охватившемъ Робеспьера, котораго я снова сталъ ненавидѣть, вѣря слѣпо всему, что́ разсказывалось о его безпощадности и стремленіяхъ къ диктатурѣ. Опасность, грозившая Сесили Рено, заставляла забывать все, что́ расположило меня одно время въ пользу знаменитаго трибуна.

Въ началѣ мессидора, т.-е. во второй половинѣ іюня, газеты возвѣстили близость процесса «заговорщиковъ на жизнь Робес-

пьера». Имя Сесили Рено стояло во главѣ этихъ заговорщиковъ. За нимъ слѣдовали имена ея отца, брата и тетки Терезы, смиренной немурской огородничихи. Далѣе шли имена учителя Кардиналя, хирурга Сэнтанака, г-жи Сентъ-Амарантъ и ея дочери Люцинды, Ламираля, и совершенно незнакомыхъ мнѣ даже по имени Маринó, Сулэса, Фруадюра и Данжэ. Гибель всѣхъ этихъ несчастныхъ признавалась неминуемою.

Мною овладѣло какое-то тупое отчаяніе. Каждое утро, вставая съ постели послѣ почти безсонной ночи, я говорилъ себѣ, что мнѣ слѣдуетъ спасти во что бы то ни стало Сесиль Рено. Я выходилъ съ этою мыслью изъ дому... и возвращался поздно вечеромъ, ничего не придумавъ, проклиная свое безсиліе и отсутствіе изобрѣтательности. Иногда я заставалъ въ своей комнатѣ ожидавшаго меня Проспера Ландэ, который, тоже потерявъ свои недавнія надежды на благодѣтельныя послѣдствія праздника Верховнаго Существа, не пробовалъ увѣрять меня въ возможности спасенія Сесили Рено, а только старался допытаться, чтó именно я намѣренъ дѣлать послѣ неизбѣжной трагической развязки ея процесса. Мнѣ было несказанно жалко моего добраго наставника, но сказать ему что-либо успокоительное я былъ не въ силахъ, не зная и самъ, чтó я сдѣлаю послѣ гибели Сесили Рено, и только смутно предчувствуя ужасный характеръ той рѣшимости, которая охватитъ меня послѣ казни моей бывшей невѣсты.

Наконецъ наступилъ и роковой день процесса. Я могъ бы, при протекціи Проспера Ландэ, пробраться въ залу засѣданія, но даже и не подумалъ объ этомъ. Съ ранняго утра я заперся въ своей комнатѣ и просидѣлъ неподвижно передъ письменнымъ моимъ столомъ, ни о чемъ не думая, погруженный въ невыразимо тяжелое оцѣпенѣніе. Два раза ко мнѣ въ дверь стучалась наша старая служанка, спрашивая, не желаю ли я поѣсть чего-нибудь, и уходила, не получивъ никакого отвѣта.

Около восьми часовъ вечера раздался въ третій разъ стукъ въ дверь и я услышалъ голосъ Проспера Ландэ, говорившій:

— Отвори, Эженъ. Мнѣ необходимо видѣть тебя во что бы то ни стало!

Я понялъ, что сейчасъ услышу извѣстіе о приговорѣ революціоннаго трибунала, и почти обрадовался тому, что наступилъ конецъ мучительной неизвѣстности. Шатаясь, я всталъ съ своего мѣста и отодвинулъ задвижку. Просперъ Ландэ вошелъ блѣдный, со слезами на глазахъ, съ протянутыми ко мнѣ руками.

— Мужайся, дитя мое, собери всѣ свои силы! — проговорилъ онъ, старчески всхлипывая.

— Обвинена?—спросилъ я, задыхаясь.

— Единогласно! Несчастная и всѣ другіе подсудимые приговорены къ казни съ обрядомъ совершаемымъ надъ отцеубійцами!..

Что было далѣе, я не помню... Знаю только, что какъ будто вслѣдъ за тѣмъ, я очутился въ постели, у которой стояла лампа подъ зеленымъ абажуромъ. У ногъ моей кровати сидѣлъ въ большомъ креслѣ одѣтый въ халатъ Ландэ, а у изголовья суетилась наша старая служанка. Я взглянулъ на мои карманные часы, лежавшіе подлѣ меня на ночномъ столикѣ. Стрѣлка стояла на половинѣ второго часа.

— Очнулся! — прошепталъ мой наставникъ, обращаясь къ служанкѣ и вслѣдъ затѣмъ спросилъ меня:

— Эженъ, дитя мое! какъ ты себя чувствуешь?

Я пожалъ ему руку и, не отвѣтивъ ни слова, повернулся на другой бокъ, испытывая непреодолимую дремоту.

Когда я проснулся, солнечные лучи пробивались яркими полосками сквозь рѣшетчатыя ставни оконъ. Какъ-то сразу вспомнилось мнѣ, что приговоры революціоннаго трибунала всегда исполняются на слѣдующій же день. До казни Сесили Рено оставалось всего нѣсколько часовъ!

Я вскочилъ съ постели и посмотрѣлъ на часы. Было уже половина десятаго. Съ судорожной поспѣшностью сталъ я рыться въ моемъ платяномъ шкафу, отыскивая между моими модными нарядами что-нибудь потемнѣе. Поиски оказались напрасны. Всѣ мои фраки и рединготы (введенные въ употребленіе во Франціи герцогомъ Филиппомъ Орлеанскимъ) были сшиты изъ матерій яркихъ или свѣтлыхъ цвѣтовъ... Вдругъ меня озарила совершенно неожиданная мысль. Я выбралъ самый нарядный и свѣтлый костюмъ и, спрятавъ пару карманныхъ, заряженныхъ пистолетовъ въ боковой карманъ фрака, поспѣшно вышелъ изъ дома, направляясь прямо къ продавщицѣ букетовъ, торговавшей на углу нашей улицы. Я выбралъ у нея самый лучшій букетъ бѣлыхъ розъ, и зашелъ въ сосѣдній магазинъ принадлежностей дамскаго туалета. Здѣсь я попросилъ обвязать мой букетъ широкою бѣлою лентою, и вышелъ изъ магазина, держа въ рукѣ этотъ пукъ цвѣтовъ такимъ образомъ, чтобы онъ бросался въ глаза всѣмъ встрѣчнымъ. Не вполнѣ ясно давая себѣ отчетъ, чтó именно я сдѣлаю съ купленнымъ и изукрашеннымъ мною букетомъ, я рѣшилъ однакоже, что онъ будетъ играть первенствующую роль въ томъ, что я совершу при появленіи роковой телѣги, на которой повезутъ къ эшафоту Сесиль. Бѣлыя розы и

пистолеты, находившіеся у меня въ карманѣ, имѣли какую-то таинственную и роковую связь между собою, хотя какую именно, я и самъ еще не могъ бы сказать...

Состояніе, въ которомъ я находился въ эту минуту, было необыкновенно странно. Я не испытывалъ никакого ужаса и страданія. Было даже что-то пріятное въ чувствѣ злобы и отчаянія, съ которымъ я шелъ все впередъ и впередъ, кусая до крови свои губы и хмуря до головной боли брови. Мысленно я повторялъ все время двѣ, въ сущности совершенно нелѣпыя фразы, именно. «Я имъ покажу!» и «Нѣтъ, мы еще посмотримъ, чья возьметъ!» Осмыслить побужденія, заставлявшія меня твердить эти угрозы, я никакъ не могъ, сколько ни старался.

Площадь Революціи была уже недалеко. Подходя, я увидалъ, что всѣ подступы къ ней загромождены отрядами національной гвардіи. Передъ ихъ рядами разъѣзжалъ краснощекій и красноносый человѣкъ, въ разстегнутомъ мундирѣ съ генеральскими истрепанными эполетами. Это былъ извѣстный Анріо, котораго городская молва, уже давно провозглашала слѣпымъ орудіемъ «честолюбивыхъ замысловъ» Робеспьера.

Хотя я и понялъ сразу, что національные гвардейцы не пропустятъ меня на площадь, тѣмъ не менѣе, совершенно машинально подвигался впередъ. Мнѣ казалось, что это необходимо для успѣха того, что я сдѣлаю при появленіи телѣгъ съ осужденными.

Въ толпѣ, сквозь которую я пробирался, слышались крайне противорѣчивыя восклицанія, возбуждаемыя моимъ нарядомъ и букетомъ бѣлыхъ розъ. Одни негодовали, другіе хвалили патріотизмъ, побудившій меня, по ихъ мнѣнію, явиться такимъ наряднымъ на казнь злоумышленниковъ, «собиравшихся лишить республику ея лучшей опоры». Всѣ давали однакоже мнѣ дорогу, съ любопытствомъ провожая меня глазами.

Я держалъ мой букетъ въ лѣвой рукѣ, прижимая его къ груди, и ощупывая локтемъ пистолеты, спрятанные въ боковомъ карманѣ. Чувство бѣшеной злобы заставляло меня стискивать зубы и тяжело дышать.

— Назадъ! — Здѣсь не проходятъ! раздался вдругъ надъ моей головой хриплый и грубоватый голосъ.

Я поднялъ голову и увидалъ, что мнѣ загораживаетъ дорогу Анріо, горячившій своего коня. Командиръ національной гвардіи съ любопытствомъ разглядывалъ мой нарядъ и цвѣты. Я глядѣлъ въ свою очередь ему въ глаза и не двигался съ мѣста.

— Назадъ, говорю!—что вы оглохли, что-ли!—Куда лѣзете. На площадь нѣтъ пропуска,—повторилъ Анріо.

Я продолжалъ молчать и стоять неподвижно.

Вдругъ глаза «генерала» налились кровью. Онъ наклонился на сѣдлѣ, и вырвалъ у меня изъ рукъ букетъ, визгливо крикнувъ:

— Негодяй! ты явился сюда глумиться надъ послѣдними минутами осужденныхъ!—Это оскорбленіе правосудію республики. Убирайся прочь!

Въ толпѣ раздался одобрительный говоръ. Анріо бросилъ далеко въ сторону мои цвѣты, и продолжая тѣснить меня своимъ конемъ, проговорилъ вполголоса, не глядя на меня:

— Уходите скорѣе, гражданинъ. Дѣлу вы не поможете, а только дадите врагамъ республики предлогъ для новой клеветы противъ насъ.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, и почти машинально отступилъ на нѣсколько шаговъ въ самую глубь толпы, тѣснившейся у тротуара.

Вокругъ меня шли оживленные толки.

— Говорятъ, ихъ много?—спросила хорошенькая и бойкая гризетка, безпрестанно поднимавшаяся на цыпочки и протягивавшая голову въ ту сторону, съ которой долженъ былъ появиться поѣздъ осужденныхъ.

— Много, дѣвушка, много! Всякіе есть!—отвѣчала дряхлая старуха.

— И неужели они дѣйствительно замышляли убить Робеспьера?—продолжала гризетка.

— Разно толкуютъ. Послушать иныхъ, такъ все дѣло не стоитъ мѣднаго гроша,—прошамкала старуха.

— Что вздоръ-то несешь, старая вѣдьма,—вмѣшался широкоплечій чернорабочій.—Цѣлый заговоръ открытъ, весь конвентъ собирались перерѣзать.

— Я ничего, голубчикъ! повторяю, что̀ отъ добрыхъ людей слышала.

— А много изъ-за этого Робеспьера народу гибнетъ,—воскликнулъ пожилой человѣкъ въ карманьолкѣ и въ красномъ фригійскомъ костюмѣ.—Знатный поставщикъ палачу!

— Туда имъ и дорога, мерзавцамъ! Все это—враги республики,—возразилъ рабочій.

Я стоялъ неподвижно, спустивъ правую руку за бортъ застегнутаго фрака. Пальцы мои чувствовали металлическую оправу рукояти одного изъ пистолетовъ...

Вдругъ толпа заколебалась и хлынула въ сторону, противоположную площади, съ криками «везутъ! везутъ!» Вдали слышался глухой барабанный бой. Національные гвардейцы по командѣ Анріо взяли ружья на плечо.

Я двигался невольно съ толпою, почти потерявъ способность отдавать себѣ отчетъ въ томъ, чтó происходитъ вокругъ меня. Кровь стучала въ вискахъ, въ глазахъ ходили радужные круги. Барабанный бой слышался все яснѣе и яснѣе. Толпа замялась на мѣстѣ и стала пятиться. Кто-то около меня воскликнулъ:

— Что это значитъ? Они одѣты въ красныя рубашки, и лица у нихъ закрыты!

— А то какъ же? Вѣдь они приговорены къ казни, положенной отцеубійцамъ,—отвѣчалъ другой голосъ.

— Съ какой это стати? Когда казнили Шарлотту Кордэ...

— Мало ли что! То былъ Маратъ, а это Робеспьеръ!

— Ну такъ что же?

— Развѣ забылъ, что его отцомъ республики величаютъ?

Толпа все болѣе и болѣе пятилась, прижимая меня къ стѣнѣ дома, у котораго я очутился, уступая ея напору. Вдругъ послышался невдалекѣ стукъ колесъ. Я поднялъ голову и увидалъ нѣчто ужасное...

Вдоль по улицѣ, направляясь къ площади Революціи, почти рысью двигался цѣлый рядъ телѣгъ, наполненныхъ человѣческими фигурами въ красномъ, съ черными шерстяными покрывалами на лицахъ. Фигуры эти, привязанныя къ боковымъ рѣшеткамъ телѣгъ, безпомощно качались изъ стороны въ сторону отъ тряски. На передней телѣгѣ, высокій человѣкъ въ синей курткѣ, палачъ Сансонъ, крѣпко держалъ за плечи, старавшуюся вырваться изъ его рукъ и сбросить покрывало, невысокую фигуру. Въ то время, какъ эта ужасная группа проѣзжала передо мною, раздался отчаянный женскій крикъ:

— Пустите меня! Я не хочу умирать! Это ужасно!

Кровь застыла у меня въ жилахъ... Я узналъ голосъ Сесили Рено!

Выхватить изъ кармана пистолетъ и ринуться впередъ было для меня дѣломъ одного мгновенія, но толпа, все продолжавшая пятиться, въ какомъ-то безсознательномъ ужасѣ, снова отбросила меня къ стѣнѣ. Нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ какъ разъ передо мною, взобрались на подножіе фонарнаго столба и заслонили мнѣ своими спинами видъ на улицу и на площадь. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я слышалъ еще стукъ колесъ

и удаляющіеся, отчаянные вопли Сесили, потомъ все стихло и и въ этой ужасной тишинѣ раздалась команда Анріо:

— Сомкнись!

У меня потемнѣло въ глазахъ и сердце сжалось отъ адски-невыносимой, чисто-физической боли...

Очнулся я въ сосѣдней аптекѣ на большомъ креслѣ. Какая-то пожилая женщина съ добродушнымъ лицомъ растирала мнѣ виски, а за прилавкомъ толстый аптекарь хлопотливо и съ озабоченнымъ видомъ лилъ въ большую стклянку какую-то бурую жидкость. Въ комнатѣ пахло спиртомъ и камфарой.

— Кажется, бѣдный мальчикъ приходитъ въ чувство, Жеромъ,—шептала женщина:—давай скорѣе твое подкрѣпительное.

Я хотѣлъ вскочить съ кресла, но почувствовалъ невыразимую слабость и только могъ проговорить:

— Пустите меня!

— Ну, ужъ это извините!—сказала она.—Никуда мы васъ не пустимъ, извольте сидѣть тутъ, пока окончательно придете въ себя. Вы и шагу не сдѣлаете безъ того, чтобы опять не грохнуться о земь, какъ тамъ, на улицѣ.

Слово «улица» возвратило мнѣ полное сознаніе. Задыхаясь и смотря умоляющимъ взоромъ на пожилую женщину, я спросилъ:

— Ради неба! Что тамъ?

Она смущенно опустила глаза и едва слышно прошептала:

— Вы были въ безпамятствѣ около часа.

Я понялъ, что все кончено... Неимовѣрнымъ усиліемъ воли поднявшись съ кресла и оправляя мое разстегнутое платье, я сказалъ:

— Благодарю васъ, гражданка. Мнѣ гораздо лучше. Позвольте мнѣ удалиться.

Аптекарь переглянулся съ моей импровизированной сидѣлкой и, показывая на приготовленное имъ лекарство, сказалъ:

— Хорошо,. но только прежде извольте выпить вотъ это.

Онъ взялъ съ выручки небольшой стаканъ и наполнилъ его изъ стклянки, взболтавъ ее предварительно. Я выпилъ, и вынимая изъ кармана кошелекъ, спросилъ:

— Сколько я вамъ долженъ, гражданинъ?

— Ровно ничего,—отвѣчалъ онъ.—Мы съ женою не беремъ денегъ за услуги подобныя той, которую я вамъ оказалъ, поднявъ васъ безчувственнаго на улицѣ и принеся сюда. Если вы дѣйствительно въ силахъ, идите себѣ домой, но прежде возьмите и спрячьте хорошенько вотъ эту опасную игрушку, которую я вынулъ изъ вашей стиснутой руки.

И онъ подалъ мнѣ мой пистолетъ.

Я даже не поблагодарилъ добрыхъ людей, заботившихся привести меня въ чувство и спасшихъ, можетъ быть, мнѣ жизнь, скрывъ находку пистолета. Всѣмъ моимъ существомъ овладѣла какая-то сумасшедшая потребность поскорѣе попасть на площадь, гдѣ часъ назадъ погибла Сесиль Рено. Стараясь ступать, какъ можно тверже плохо слушавшимися меня ногами, я вышелъ изъ аптеки и оглядѣлся вкругъ себя. На улицѣ было уже немного народу. По ней, отбивая шагъ и хмуро глядя въ землю, уходили съ площади національные гвардейцы Анріо. За то вся площадь Революціи представляла издали сплошное море головъ. Я пошелъ впередъ и вмѣшался въ эту толпу. Надъ головами высились красные столбы гильйотины и слышался плескъ льющейся воды... Слуги палача обмывали страшное орудіе казни, кончившее на этотъ день свою службу.

Вокругъ меня раздавался смутный говоръ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, но сильнѣйшій звонъ въ ушахъ не позволялъ мнѣ разслышать ни одного слова. На минуту побѣжденная мною слабость снова охватила мои члены. Боясь вторично упасть въ обморокъ, я повернулъ назадъ и машинально пошелъ по направленію къ нашей квартирѣ.

М. Загуляевъ.

КРЫМЪ

и

КРЫМСКІЕ ТАТАРЫ

Крымскій полуостровъ несомнѣнно имѣетъ для Россіи громадное значеніе и по географическому положенію, и по естественнымъ богатствамъ, и по благорастворенному климату. Завоеваніемъ Крыма Россія пріобрѣла, повидимому, возможность пользоваться всѣми благами счастливыхъ странъ юга. Всѣ европейскіе путешественники, посѣщавшіе полуостровъ, въ одинъ голосъ удостовѣряютъ, что находили на немъ такіе уголки, какихъ нѣтъ даже въ Европѣ. Извѣстный путешественникъ и ученый, П. С. Палласъ, обстоятельно изучившій Тавриду, говоритъ слѣдующее о впечатлѣніи, произведенномъ на него этою чудною страною: «Соединеніе грандіознаго великолѣпія горъ, поднятыхъ въ облака, и громадныхъ обрушившихся скалъ—съ роскошнѣйшею зеленью садовъ и лѣсовъ, съ ручьями и водопадами, отовсюду сбѣгающими; сосѣдство моря, разстилающаго свои безбрежныя дали—все это дѣлаетъ эти долины самыми живописными и самыми очаровательными, какія только можетъ вообразить или нарисовать поэтическій геній. Простая жизнь добрыхъ татарскихъ горцевъ, которые населяютъ эти райскія долины, ихъ хижины, покрытыя землею, на половину высѣченныя въ каменистыхъ скатахъ горъ и почти спрятанныя въ густой листвѣ окружающихъ садовъ; стада козъ и маленькихъ овецъ, разсыпавшіяся по обрывамъ уединенныхъ скалъ, стоящихъ вблизи; звукъ пастушьей свирѣли, раздающійся среди этихъ скалъ,—все здѣсь рисуетъ

въ воображеніи золотой вѣкъ природы, все заставляетъ любить простую, уединенную сельскую жизнь и обожать это жилище смертныхъ». Что касается прирожденныхъ обитателей полуострова —крымскихъ татаръ, то они извѣстны издавна своимъ трудолюбіемъ и трезвостью, хотя, правда, они и утилизировали естественныя богатства края первобытными способами. Особенно славились они умѣньемъ разводить сады. Изъ изслѣдованій, производившихся въ прошломъ столѣтіи, извѣстно, что Крымъ въ то время изобиловалъ безконечными фруктовыми и виноградными садами; Палласъ встрѣчалъ здѣсь фрукты всевозможныхъ сортовъ и названій: татары, по словамъ его, воздѣлывали свои сады съ замѣчательнымъ искусствомъ, не только поливая ихъ, унаваживая, разчищая и т. д., но и дѣлая искусственныя прививки. Нѣкоторые крымскіе города буквально утопали въ зелени садовъ; виноградники простирались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на цѣлыя мили, напр., въ Судакѣ, въ долинахъ отъ Алушты до Ѳеодосіи, по берегамъ рѣчекъ Качи, Бельбека, Альмы; сорта винограда считались десятками; татары изощрялись въ способахъ посадки лозъ, въ искусственной прививкѣ для облагороженія винограда, и крымскіе виноградники давали ежегодно до сотни тысячъ ведеръ отличнаго вина, которое, по словамъ Палласа, не уступало венгерскому. Земля крымскихъ степей, теперь почти пустынныхъ, была въ высшей степени плодородна:—изъ Крыма вывозили ежегодно сотни тысячъ четвертей пшеницы для снабженія другихъ мѣстностей. Весьма развито было въ Крыму и скотоводство: вездѣ встрѣчались хорошо содержимые табуны лошадей, стада рогатаго скота, овецъ и козъ; смушки съ крымскихъ овецъ особенно славились тонкостью шерсти и вывозились отсюда ежегодно сотнями тысячъ; изъ козьихъ шкурокъ выдѣлывался отличный сафьянъ; всюду встрѣчались верблюды, буйволы, дорогіе кони, волы...

Теперь же отъ всего этого остались одни слѣды: всевозможные червячки и гусеницы пожираютъ фрукты еще до того, какъ они успѣваютъ созрѣть. Виноградники разводятся менѣе нежели въ половинномъ размѣрѣ противъ прежняго, да и тѣмъ угрожаетъ филоксера. Нѣтъ теперь и помину тѣхъ хлѣбовъ и травъ, что были когда-то,—нѣтъ, главнымъ образомъ, потому, что столь необходимые для орошенія безводныхъ крымскихъ степей колодцы, съ изумительнымъ искусствомъ копавшіеся татарами, запущены, фонтаны засорены, рѣчки повысохли, и, не орошаемый искусственно, край буквально задыхается отъ безводья. Далѣе, жучки, саранча, мушки и прочая «тля», съ которой мы никакъ не справимся, пожираетъ хлѣбъ на корню. Въ результатѣ, передъ оби-

тателями одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей міра, стоитъ продовольственный вопросъ въ неменѣе грозномъ видѣ, нежели передъ остальной Россіей. Не вѣдомо куда исчезла и животная жизнь: буйволы и верблюды встрѣчаются крайне рѣдко; лошади измельчали и даже не напоминаютъ собою прежнихъ крымскихъ коней, систематически облагораживавшихся арабскою и турецкою кровью; мелкіе проворные волы, незамѣнимые въ горныхъ мѣстностяхъ, почти совершенно выродились; овецъ и козъ не осталось и третьей части. Вмѣсто большихъ деревень, встрѣчавшихся въ прошломъ столѣтіи, сплошь да рядомъ можно найти лишь историческіе памятники, свидѣтельствующіе о процвѣтавшихъ здѣсь нѣкогда поселеніяхъ съ благоденствовавшими обитателями.

I.

Этотъ печальный переворотъ въ хозяйствѣ Крыма находится въ тѣсной связи съ исторіею періодически повторяющихся повальныхъ выселеній татаръ въ Турцію.

Эмиграція татаръ началась вскорѣ послѣ окончательнаго присоединенія полуострова къ Россіи, именно въ 1784 году, и за три года число татаръ въ Крыму уменьшилось на 300.000 человѣкъ. Такъ свидѣтельствуютъ переписи, произведенныя въ 1793 и 1800 гг. По увѣренію тогдашнихъ администраторовъ, выселеніе татаръ вызывалось магометанскимъ духовенствомъ, которое всячески агитировало въ пользу эмиграціи, увѣряя невѣжественную массу, будто мурзы продали ихъ русскому правительству, намѣревающемуся силою обратить въ православіе всѣхъ татаръ Крыма. Султанъ, какъ говорили, помогалъ въ этомъ дѣлѣ мулламъ, присылая въ Крымъ и съ своей стороны проповѣдниковъ необходимости выселенія татаръ; эти проповѣдники будто и электризовали фанатическія чувства «правовѣрныхъ».

Такъ объясняли причину перваго выселенія татаръ русскіе чиновники, присланные управлять только-что покоренной страной. Нужно сказать, что еще до сихъ поръ не умолкаютъ голоса, обвиняющіе татаръ въ религіозномъ и племенномъ фанатизмѣ, забывая, что этотъ фанатизмъ вовсе не замѣчается, напримѣръ, у казанскихъ татаръ. Съ другой стороны обнаруживаются данныя, по которымъ тогдашнее раздраженіе и недовольство татаръ можно приписывать также неумѣлости и злоупотребленіямъ первыхъ русскихъ администраторовъ, отправленныхъ въ Крымъ «насаждать культуру»; вмѣсто того, чтобы разъяснять татарамъ рус-

скіе законы, никому не препятствующіе исповѣдывать религію предковъ, они даже «подгоняли» бѣжавшихъ, завладѣвая бросаемою татарами на произволъ судьбы землею. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ эмиграція росла, достигнувъ въ короткое время приведенной выше громадной цифры.

Эмиграція повторилась, также въ крупныхъ размѣрахъ, послѣ крымской войны—въ началѣ 60-хъ годовъ. Причины этой эмиграціи уже могутъ быть прямо отнесены къ той политикѣ, которой мы придерживались по отношенію къ завоеванному народу. Это было уже черезъ 80 лѣтъ послѣ покоренія Крыма—періодъ весьма значительный, въ теченіе котораго населеніе успѣло достаточно ознакомиться съ дѣятельностью и стремленіями администраціи. Дѣло въ томъ, что на хозяйственное положеніе татаръ не обращалось рѣшительно никакого вниманія; стародавнія поземельныя права ставились ни во что. Земли татарскія захватывались чуть ли не каждымъ, кто хотѣлъ—судьями, чиновниками, мурзами и т. д. Въ Петербургъ посылались обычныя ходатайства и представленія о награжденіи землей за разныя заслуги, причемъ умалчивалось о существующихъ владѣльцахъ этихъ земель. Помимо этого, у татаръ отбирались земли и другими путями, еще болѣе незаконными: громадные участки просто-напросто вымеживались изъ владѣній татарскихъ ауловъ, и робкій крымскій татаринъ и помышлять не могъ о принесеніи жалобъ въ высшія инстанціи, а блаженной памяти гражданской палатѣ было выгоднѣе рѣшать дѣла не въ пользу слабаго. При такихъ порядкахъ, царившихъ въ Крыму, не мудрено, что въ концѣ-концовъ, побѣжденный народъ очутился на землѣ русскихъ помѣщиковъ, при чемъ ему приходилось отбывать крайне тяжкія повинности въ пользу своихъ новыхъ господъ. Захватывая у татаръ лѣса, съ нихъ же брали плату за пользованіе лѣсными матеріалами и заставляли окапывать канавами отобранные у нихъ же участки, сгоняя для этой повинности татаръ за десятки и болѣе верстъ. Посягали не только на землю, но даже и на воду: проточная вода, необходимая для поливки огородовъ и садовъ, а также для водопоевъ, безпрепятственно отводилась частными лицами въ особые резервуары и возвращалась въ прежнее русло лишь за отдѣльную плату...

Налоги, взимавшіеся съ татаръ, достигали до 10 руб. съ души, а иногда и превышали эту сумму. Увеличеніе налоговъ шло до того быстро, что въ теченіе 25 лѣтъ, предшествовавшихъ крымской войнѣ, они успѣли удвоиться. Также точно и число чиновниковъ изъ года въ годъ быстро увеличивалось: на-

примѣръ, количество служащихъ въ вѣдомствѣ палаты государственныхъ имуществъ за тотъ же періодъ *учетверилось*, такъ что на одно только это управленіе съ татаръ взималось болѣе 100,000 руб. ежегодно... И это на то самое учрежденіе, дѣйствія котораго по отношенію къ татарамъ, жившимъ на казенной землѣ, были главною причиною ихъ полнаго хозяйственнаго разстройства.

Но особенно непригляднo было положеніе татаръ, жившихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ—дворянъ, мурзъ и т. д. При обложеніи татаръ-земледѣльцевъ господствовалъ неограниченный произволъ; буквально не было того предмета въ татарскомъ хозяйствѣ, съ котораго не удѣлялась бы извѣстная доля въ пользу господина: пахарь давалъ ему зерно, фрукты, вино, птицу, яйца, нитки, сѣно; онъ обязанъ былъ извѣстное число дней въ году на помѣщичьей землѣ пахать, косить, жать, сѣять, молотить и проч. и проч. Но татары все сносили въ той надеждѣ, что центральное правительство наконецъ услышитъ обо всемъ и защититъ ихъ, возвративъ земли, захваченныя его агентами. И дѣйствительно, былъ моментъ, когда казалось, что ожиданія ихъ сбудутся: это было въ 1856 г., когда снаряжена была особая коммиссія, которой поручено было выяснить отношенія татаръ къ помѣщикамъ и вообще изыскать способы къ болѣе опредѣленному и прочному ихъ устройству. Фактъ учрежденія коммиссіи произвелъ на татаръ самое благопріятное впечатлѣніе, и будущее уже начинало представляться имъ въ болѣе свѣтломъ видѣ. Вскорѣ имъ пришлось, однако, разочароваться: помѣщики стали выселять татаръ съ своихъ земель, опасаясь, чтобы предполагавшееся тогда устройство быта татаръ не было произведено въ ущербъ помѣщичьей собственности. И такъ какъ помощь ни откуда не являлась, то татары окончательно прониклись убѣжденіемъ, что никогда уже не возстановятся ихъ права на отнятыя земли. Тогда они стали обращаться къ правительству съ просьбами о надѣлѣ ихъ землей, но въ 1859 году отъ департамента сельскаго хозяйства было объявлено, что ходатайства о надѣлѣ не будутъ удовлетворяться.

Крымская война значительно ухудшила положеніе татаръ. Война эта во очію показала имъ, что ихъ не считаютъ равноправными съ русскими поселянами; такъ, въ то время, крестьянамъ за потери въ военное время уменьшены были платежи слишкомъ на семь руб. на душу, татары получили льготу лишь на 1 р. 70 к., а мѣстами и того меньше—на 1 руб. 10 коп. Далѣе, за павшихъ, при перевозкѣ войскъ, воловъ татарамъ вы-

давали лишь одного вола за погибшую пару, а больше одной пары имъ не выдавалось, какъ бы велики ни были потери. За оказанное имъ пособіе въ продовольствіи взималось потомъ гораздо больше, нежели стоили затраченные на нихъ запасы, причемъ надбавка платежа доходила иногда свыше 30%.

Помимо всего этого и нравственное состояніе татаръ во время войны было по истинѣ гнетущее: военное начальство, почему-то, видѣло въ нихъ враждебный элементъ и все ожидало бунтовъ съ ихъ стороны, хотя татары, особенно деревенскіе, только и знающіе свой плугъ да повинности, ничѣмъ не проявляли наклонности къ безпорядкамъ, исключая лишь нѣсколько единичныхъ случаевъ явнаго нерасположенія къ русскимъ, да и то, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ высаживались турки. Между тѣмъ, этихъ случаевъ оказалось достаточно, чтобы заподозрить цѣлый народъ. Для наблюденія за татарами, по деревнямъ разъѣзжали казаки, которые, не находя для себя «дѣла», хватали мирныхъ жителей и подъ угрозой доставить по начальству, какъ измѣнниковъ, вымогали у нихъ деньги, обращаясь съ ними при этомъ самымъ жестокимъ образомъ. Были даже установлены таксы, по которымъ бѣдняки платили отъ 3—5 р., а кто побогаче платилъ 50, и даже 100 р. По деревнямъ безпрестанно производились поголовные обыски, и стоило найти у кого-нибудь заржавленныя, Богъ-вѣсть съ какихъ временъ валявшіяся, шашку или ружье, какъ хозяева этого «оружія» уже считались тяжкими преступниками: закованныхъ въ кандалы, ихъ заключали въ тюрьму и высылали изъ Крыма во внутреннія губерніи. Аресты были до того неразборчивы, что между узниками попадались 90-лѣтніе старцы и малыя дѣти. Какъ ни неопасны, казалось бы, были преступники этихъ возрастовъ, но и ихъ, еле двигавшихся, этапомъ отправляли въ ссылку, «на общемъ положеніи».

Едвали нужно упоминать о тѣхъ чувствахъ, которыя вызывались у татаръ при видѣ такого обращенія съ ихъ родственниками и единовѣрцами. Однако, татары почти на всемъ полуостровѣ сохраняли спокойствіе, хотя несомнѣнно съ трудомъ сдерживали себя. Единственное, чѣмъ они выразили свое неудовольствіе противъ нашего суроваго обращенія съ ними — это удаленіе изъ Крыма вслѣдъ за турецкою арміею.

Но эмиграція не приняла бы такихъ грандіозныхъ размѣровъ, если бы она не подогрѣвалась еще и другими обстоятельствами; такъ, когда кавказскимъ горцамъ было воспрещено оставаться на Кавказѣ и предложено или переселиться въ оренбург-

скую губернію, или, кто не пожелаетъ, выселиться въ Турцію, то они, предпочитая послѣднее и отправляясь черезъ Крымъ, жаловались татарамъ на свое бѣдственное положеніе, и татары, слушая ихъ разсказы, невольно задумывались и о своемъ положеніи — не предстоитъ ли и имъ насильственное выселеніе? Никто не трудился разубѣждать ихъ; напротивъ — сама администрація довольно прозрачными намеками поддерживала ихъ опасенія, имѣя въ виду воспользоваться имуществомъ, которое татары должны будутъ покинуть. Разсчетъ оказался вѣренъ.

Кромѣ того, эмиграція была на руку многимъ землевладѣльцамъ и учрежденіямъ еще въ томъ отношеніи, что они брали съ выселявшихся татаръ «выкупъ» за право выселенія: такъ, напримѣръ, помѣщикъ деревень Бекелы-Базы и Орсунки взялъ съ выселившихся съ его земли татаръ по 21 руб. съ каждаго семейства; карасубазарская дума брала съ выселявшихся мѣщанъ-татаръ по 10 руб., помимо того, что за паспортъ взималось особо по 3 р. 50 к. Такихъ примѣровъ можно бы привести множество. Мѣстное чиновничество также не упускало случая «попользоваться», взимая при выдачѣ свидѣтельствъ о неимѣніи препятствій къ выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, а также и за самые паспорты, до того крупныя «вознагражденія», что многіе, прежде ничего не имѣвшіе, вдругъ дѣлались обладателями значительныхъ состояній.

Выселеніе, между тѣмъ, принимало все большіе размѣры, и въ Крыму стало повторяться то же, что̀ было вскорѣ послѣ его завоеванія: мирные труженики бросали насиженныя мѣста, беря съ собою лишь то, что̀ не обременяло ихъ, и бѣжали въ Турцію. Просвѣщенный міръ былъ свидѣтелемъ необычайнаго явленія — переселенія стотысячнаго народа изъ предѣловъ благоустроенной христіанской державы въ страну, прославленную неправдами и беззаконіемъ правителей.

Бѣдствія, ожидавшія въ пути несчастныхъ эмигрантовъ, не останавливали ихъ. Вотъ что̀, между прочимъ, разсказываетъ объ этомъ очевидецъ, мѣстный житель, г. Кандараки, въ книгѣ своей: «Описаніе Крыма». «Я не могу,—говоритъ онъ, — безъ грусти вспомнить это время, напоминавшее изгнаніе мавровъ изъ Испаніи!.. Коровы, волы и лучшіе бараны — все рѣзалось безпощадно, солилось въ бочкахъ, сушилось на солнцѣ; лошади и верблюды, которыхъ не приходилось подвергать этого рода сбереженію, дарились или продавались ближайшимъ сосѣдямъ и помѣщикамъ за самыя ничтожныя деньги. Покончивши съ животными, народъ сталъ упаковывать свои вещи, необходимыя

для его обихода; все же остальное, напримѣръ, деревянные громоздкіе предметы и различнаго рода сельско-хозяйственныя орудія, бросались безъ вниманія. Затѣмъ, назначался день для отъѣзда данной деревни къ ближайшему портовому городу, куда ѣздили предварительно выборные для найма парохода или парусныхъ судовъ. Наконецъ, все выступало, и моментально воцарялась тишина въ селеніи, гдѣ наканунѣ еще раздавались сотни голосовъ. Выпроваживая обитавшихъ на нашей землѣ татаръ, изъ деревни Копурчи до Евпаторіи, я былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ сценъ: какъ только обозы выступали за деревню и поровнялись съ кладбищемъ, всѣ взяли по горсти земли съ могилъ родственниковъ, которую тщательно завязали въ полотенца. Это дѣлалось въ утѣшеніе душъ усопшихъ и для успокоенія собственной совѣсти; причемъ снова повторялись рыданія. Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи я былъ свидѣтелемъ смерти двухъ стариковъ и троихъ дѣтей, которые вывезены были изъ деревни, не смотря на ихъ предсмертныя муки. Несчастные, они преданы были погребенію прежде нежели успѣли остыть. Не менѣе грустно было смотрѣть на беременныхъ женщинъ, которымъ пришлось разрѣшиться на движущихся подводахъ». На морѣ положеніе переселенцевъ было также плачевно. Масса эмигрантовъ погребена въ пучинахъ Чернаго моря. «Всѣмъ прибрежнымъ жителямъ Крыма,—продолжаетъ авторъ «Описанія»,—и въ особенности карантинному начальству, извѣстно, что въ періодъ эмиграціи *ежедневно* море выбрасывало по нѣскольку труповъ переселенцевъ; но сколько изъ нихъ достались въ пищу рыбамъ или занесены на противоположные берега—трудно опредѣлить. Намъ извѣстно только, что изъ числа всѣхъ татаръ, выступившихъ изъ Тавриды, прибыло въ Турцію не болѣе двухъ третей». Если принять цифру эмигрировавшихъ тогда изъ Крыма татаръ въ 300,000 человѣкъ, то въ волнахъ моря погребено около 100,000 ни въ чемъ неповинныхъ людей. И не взирая на это, татары цѣлыми толпами, точно тучи саранчи, двигались къ приморскимъ портамъ для посадки на суда. Невыразимо тяжки должны были быть условія, окружавшія ихъ въ Крыму, если татары рѣшались на такой подвигъ.

Когда изъ Петербурга пришло распоряженіе о пріостановкѣ выдачи паспортовъ и сдѣланъ запросъ по поводу эмиграціи, то мѣстное начальство дало крайне неблагопріятный отзывъ о татарахъ, представивъ ихъ людьми опасными для насъ, относящимися враждебно ко всему русскому и при томъ неспособными къ земледѣлію. Въ этомъ смыслѣ высказалось и дворянство та-

врической губерніи: оно полагало, что переселеніе въ Крымъ, на покидаемыя татарами земли, казенныхъ крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній, болѣе желательно, нежели удержаніе татаръ. Опредѣленіе дворянскаго собранія не успѣло еще дойти до Петербурга, когда министерство государственныхъ имуществъ командировало въ Крымъ директора департамента, г. Гернгросса, который сообщилъ, что задержка татаръ является мѣрой временной, что эмиграціи будетъ открытъ полнѣйшій просторъ, такъ какъ правительство и само имѣетъ въ виду переселить въ Крымъ казенныхъ крестьянъ. Г. Гернгроссъ немедленно составилъ дворянскіе комитеты — губернскій и уѣздные, при участіи землевладѣльцевъ и другихъ сословій, которые выразили желаніе, чтобы переселеніе къ намъ казенныхъ крестьянъ производилось на правахъ вольныхъ людей. Тогда же было сдѣлано распоряженіе о выселеніи изъ центральныхъ губерній въ Крымъ казенныхъ крестьянъ.

Желаніе свое избавиться отъ татаръ мѣстное дворянство, — то самое дворянство, которое завладѣвало бросаемыми на произволъ судьбы землями, — мотивировало слѣдующими доводами: «переселеніе татаръ—одно изъ самыхъ счастливыхъ событій послѣдняго времени; недавняя война показала до какой степени Россія можетъ разсчитывать на вѣрноподданность своего мусульманскаго населенія (?!). Съ этой точки зрѣнія, для государства, которому нужны на жизнь и на смерть преданныя дѣти, лучше всего избавиться отъ расы, конечно, *мирной*, *кроткой*, *спокойной*, но которой всѣ помыслы, вся душа, весь упорный фанатизмъ устремлены туда, гдѣ ея братья по религіи и по крови. Казна потеряетъ отъ этого милліонъ рублей, но страна выиграетъ не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи: не должно забывать, что Крымъ — лучшій портъ Россіи, что съ проведеніемъ желѣзной дороги для него начинается блестящая роль посредника между Россіей и остальнымъ европейскимъ и азіатскимъ міромъ. По силамъ ли татарскаго населенія стать на высоту этой завидной, но трудной роли? Не прямой ли вредъ государству, когда едва ли не главный международный рынокъ его попадаетъ въ неспособныя руки? Вѣдь, не государство создаетъ промышленные и торговые центры: ихъ создаетъ природа и населеніе. Природа съ избыткомъ одарила Крымъ въ этомъ отношеніи; что̀ въ состояніи сдѣлать для него татарское населеніе? Относительно собственно края мусульманскія племена имѣютъ то же значеніе, какъ и относительно всего государства. Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы улучшить въ Крыму земледѣліе, осо-

бенно же усилить овцеводство и вездѣ, гдѣ только можно, развести сады и виноградники. Крымъ долженъ со временемъ поить всю Россію своимъ виномъ, кормить своими фруктами и снабжать своимъ табакомъ. Татарамъ никогда этого не достигнуть; имъ даже и не думается и не снится такая перспектива; ихъ присутствіе обрекаетъ полуостровъ на вѣчный застой, тогда какъ *всякое другое* населеніе быстро двинетъ его впередъ; благословенна та минута, когда Крымъ разстанется съ туземцами и заселится иною, болѣе одаренною породою». Такъ разсуждали «смѣлые люди», по свидѣтельству одного мѣстнаго дворянина, г. Н. Щербаня [1]), помѣстившаго тогда сочувственную по этому поводу статью въ «Русск. Вѣстникѣ» (1860 г., т. XXX).

Безъ сомнѣнія, русскіе крестьяне — болѣе «одаренная порода», нежели крымскіе татары; но неужели это можетъ послужить поводомъ къ изгнанію цѣлаго народа? Неужели татары могли бы помѣшать кому-либо двинуть Крымъ впередъ? Почему же заселеніе Крыма невозможно было безъ выселенія татаръ? Вѣдь, въ Крыму такая масса свободныхъ земель, что ихъ хватило бы для всѣхъ!.. Нѣтъ, нужно было не столько *заселеніе*, сколько *выселеніе*,—нужны были бросаемыя эмигрантами земли, и притомъ вовсе не для русскихъ крестьянъ. И вотъ, въ этихъ видахъ и стали чернить дѣятельность татаръ, стали взваливать на нихъ столько небылицъ, находя ихъ неспособными къ торговлѣ и земледѣлію, игнорируя историческіе факты, свидѣтельствующіе совсѣмъ противное,—именно, что земледѣліе въ Крыму, въ прошломъ столѣтіи процвѣтало, что татары искони вели морскую и сухопутную торговлю, особенно съ Греціей, при чемъ изъ Крыма вывозились въ изобиліи бумажныя и шелковыя ткани, масса пшеницы и пр. Подобныхъ свидѣтельствъ можно найти не мало въ любомъ изслѣдованіи. Такъ, наприм., въ описаніи Крыма Мартына Броневскаго говорится, между прочимъ, что онъ нашелъ крымскую степь «*обработанной*, плодородной и изобилующей травами»; около Инкермана, по свидѣтельству его, были виноградники и сады съ всевозможными плодами. Трахейскій полуостровъ или, такъ-называемый, Малый Херсонесъ, Броневскій нашелъ также плодороднымъ, засѣяннымъ хлѣбами и засаженнымъ «безконечными садами». Это было въ XVI столѣтіи. Что же видимъ мы въ этихъ самыхъ мѣстностяхъ теперь, послѣ выселенія татаръ? Крымская степь, какъ замѣчено выше, обез-

---

[1]) Нынѣ г. Щербань въ качествѣ губернскаго гласнаго присоединился къ ходатайству собранія о надѣлѣ татаръ землею.

людена и обезводена, представляя собою въ лѣтніе жары желтую выжженную поверхность съ жалкой растительностью. Инкерманъ совершенно запустѣлъ, а Трахейскій полуостровъ представляется голой, скалистой возвышенностью и т. д. Могло ли, спрашивается, присутствіе татаръ «обрекать полуостровъ на вѣчный застой», могли ли татары мѣшать намъ «быстро двинуть его (Крымъ) впередъ»? Не ясно ли, что всѣ эти аргументы — пустая выдумка?

Совсѣмъ иное говорили «осторожные умы», противники выселенія, упрекаемые тогдашнимъ «Русскимъ Вѣстникомъ» въ стремленіи къ застою. Для нихъ, по словамъ этого тогда либеральнаго журнала, «status quo—вѣнецъ творенія: во всякой перемѣнѣ они видятъ лишь нарушеніе существующей гармоніи, не принимая во вниманіе ни обѣщаемой перемѣною пользы, ни средствъ избѣжать сопровождающаго ее зла» Люди, упрекаемые здѣсь въ консерватизмѣ, говорили: «переселеніе татаръ лишаетъ государство около 300,000 смирныхъ, кроткихъ, покорныхъ подданныхъ, исправныхъ плательщиковъ податей. Государственная казна потеряетъ часть доходовъ. Что до самого края — онъ въ конецъ и навсегда разорится. Татары — единственная рабочая сила полуострова; въ ихъ рукахъ сосредоточена торговля съѣстными припасами, дровами, словомъ, всѣмъ необходимымъ для жизни. Съ отсутствіемъ татаръ, города и села опустѣютъ, поля заглохнутъ, лавки и базары закроются. Кто станетъ обработывать землю помѣщиковъ? Откуда возьмутъ и они, и остальное населеніе—хлѣбъ, овощи, мясо? Придется умирать съ голоду, мерзнуть безъ дровъ, скитаться по необитаемымъ пространствамъ. Роскошная Таврида обратится въ пустырь; цѣлая страна будетъ вычеркнута изъ списка живущихъ. Вотъ результатъ переселенія». До этого, къ счастію, дѣло не дошло, но во многомъ предсказанія «консерваторовъ» сбылись. Крымъ и безъ того всегда нуждался въ рабочихъ рукахъ, а съ выселеніемъ татаръ, эта нужда достигла своего апогея. Завладѣвъ громадными пространствами покинутой эмигрантами земли, новоиспеченные землевладѣльцы не знали, что̀ имъ дѣлать съ легко-доставшимся богатствомъ. Дѣло въ томъ, что *заселить* оказалось не такъ легко, какъ *выселить*; — для водворенія новыхъ пришельцевъ потребовалось много времени и затратъ.

Предположенія нашихъ доморощенныхъ прожектеровъ потерпѣли фіаско на первыхъ порахъ. Запасы истощились, дороговизна на предметы первой необходимости достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Все въ краѣ притихло, какъ бы замерло: земледѣліе,

торговля, ремесла, соляной промыселъ. Цѣлый край, еще недавно кипѣвшій жизнью, точно обреченъ былъ на смерть. Городскія управленія вмѣсто прежнихъ тысячъ руб. дохода, едва получали десятки руб. и т. д. А размѣры выселенія все возрастали; новыя же силы, о которыхъ мечтали «враги status quo», прибывали въ самомъ ограниченномъ количествѣ, да и тѣ представляли самое плачевное зрѣлище: палата государственныхъ имуществъ указала имъ самые неудобные, каменистые и песчаные, участки, которые не только нельзя было распахать плугомъ, но и вскопать лопатой. Странствуя по Крыму изъ одного мѣста въ другое, терпя отъ безводья, потерявъ скотъ свой, пригнанный съ родины, несчастные переселенцы, въ числѣ почти 5,000 душъ, вынуждены были, наконецъ, наняться въ качествѣ батраковъ къ помѣщикамъ. Обрекшіе ихъ на безплодныя скитанія по полуострову, быть можетъ, именно этого и добивались. Впрочемъ, и тутъ пришлось по неволѣ вспомнить о татарахъ. Оказалось, прежде всего, что не вездѣ вода въ Крыму могла безъ вредныхъ послѣдствій употребляться пришельцами; а для работъ въ крымскихъ степяхъ, подъ палящими лучами южнаго солнца, требовался навыкъ, который могъ выработаться только со временемъ. Наконецъ, крымскія лихорадки, съ которыми сжился, привыкшій къ климатическимъ особенностямъ края татаринъ, имѣли разрушительное вліяніе на здоровье голодныхъ пришельцевъ. Тогда только стало ясно, какъ велика была для Крыма, особенно для степной его части, потеря выселившихся татаръ. Начавшіе серьезно нуждаться, землевладѣльцы обратились къ правительству за денежною помощью. Ходатайство было удовлетворено, и землевладѣльцамъ была отпущена ссуда въ 300,000 рублей.

II.

Прошло слишкомъ четверть вѣка съ тѣхъ поръ, а положеніе дѣлъ въ Крыму не измѣнилось: по прежнему бытъ крымскихъ татаръ-земледѣльцевъ остается крайне ненормальнымъ и тяжелымъ. Въ настоящій моментъ они представляютъ собою населеніе, съ тѣми же неограждеными правами, какъ и прежде; они все еще находятся въ полной зависимости отъ частныхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ они живутъ въ качествѣ съемщиковъ на самыхъ обременительныхъ условіяхъ. Съ каждымъ переходомъ земли отъ одного владѣльца къ другому, арендныя условія мѣняются по усмотрѣнію новаго владѣльца, что́ еще

болѣе ухудшаетъ положеніе татаръ, которые, волей-неволей, должны соглашаться на всякія сдѣлки,—иначе они рискуютъ совершенно быть изгнанными, такъ какъ каждый землевладѣлецъ пользуется правомъ всегда выселять живущихъ на его землѣ татаръ, оставивъ въ свою пользу всѣ ихъ посѣвы.

И надо сказать, что примѣровъ изгнанія татаръ—изгнанія самаго безпощаднаго—мы видимъ въ Крыму не мало: людей гонятъ изъ избъ, построенныхъ ихъ дѣдами, безъ всякой жалости, зимою, въ лютые морозы. Такъ, напр., недавно еще въ ѳеодосійскомъ уѣздѣ мурза Ага-челеби выселилъ всѣхъ татаръ, жившихъ и работавшихъ на его землѣ, вслѣдствіе нежеланія ихъ выполнить требованіе его о возвышеніи повинностей. Далѣе, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, одинъ русскій владѣлецъ выселилъ цѣлую татарскую деревню съ своей земли, въ симферопольскомъ уѣздѣ, также вслѣдствіе несогласія поселянъ на предложенныя имъ новыя условія, весьма тяжелыя: напримѣръ, косить его хлѣбъ по 50 коп. въ день, въ то время, когда въ Крыму, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, касарь получаетъ minimum 2 руб. въ день, а въ урожайные годы 3—4 руб. Такихъ примѣровъ изгнанія татаръ, повторяемъ, масса... Положеніе татаръ тѣмъ болѣе тягостно, что тутъ же, рядомъ, живутъ русскіе крестьяне, такъ или иначе устроенные—имѣющіе хотя бы незначительный клочекъ собственной земли, съ которой ихъ никто не въ правѣ согнать. Понятно, что, живя бокъ-о-бокъ съ земледѣльцами, болѣе прочно устроенными, татары тѣмъ менѣе склонны примириться съ мыслію объ отсутствіи у нихъ права на искони воздѣлываемую ими землю, на дѣдовскія и отцовскія пепелища.

Мѣстныя земства почти съ самаго основанія своего не перестають указывать на бѣдственное состояніе татаръ и необходимость улучшить его путемъ надѣла землей. Такъ, еще въ 1868 г.,—черезъ два года послѣ введенія въ таврической губерніи земскихъ учрежденій—губернскому собранію доложено было предложеніе ѳеодосійскаго уѣзднаго земства — продать вакуфныя земли [1]) съ тѣмъ, чтобы на вырученныя деньги купить пустопорожнія земли для поселенія на нихъ безземельныхъ татаръ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. Губернское собраніе сочувственно отнеслось къ этому проекту и, признавая въ принципѣ необходимымъ надѣлить татаръ землею, поручило ѳеодо-

[1]) Вакуфное имущество—пожертвованія съ благотворительной цѣлью.

сійскому земству представить будущему собранію болѣе подробныя свѣдѣнія по этому предмету. Ѳеодосійское земское собраніе, въ слѣдующемъ, 1869 году, снова обсуждало вопросъ о безземельныхъ татарахъ, и на этотъ разъ согласилось съ предложеніемъ гласнаго Безкровнаго — ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи выдать поселянамъ-татарамъ изъ имѣвшагося тогда значительнаго продовольственнаго капитала ссуды на покупку земель, подобно тому, какъ комитетъ иностранныхъ поселенцевъ выдаетъ ссуды колонистамъ,—съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ этихъ земель татары погашали долгъ и уплачивали извѣстный процентъ. Соглашаясь съ этимъ предложеніемъ въ принципѣ, собраніе поручило уѣздной управѣ выработать по этому предмету особый проектъ съ представленіемъ его слѣдующей сессіи. Въ имѣющихся у насъ документахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній — что̀ сдѣлано затѣмъ по этому вопросу ѳеодосійскимъ земствомъ вплоть до 1878 г. Только въ этомъ году, какъ видно изъ протоколовъ собранія, опять обсуждался давно поднятый уѣзднымъ земствомъ вопросъ. Изъ преній выяснилось, что въ одномъ только ѳеодосійскомъ уѣздѣ проживаютъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ до 10,000 безземельныхъ татаръ и что «отношенія ихъ къ владѣльцамъ земель ничѣмъ не регулированы». На этотъ разъ, собраніе, видя, что прежнія предположенія не могутъ осуществиться, возбудило ходатайство предъ правительствомъ объ отводѣ безземельнымъ татарамъ надѣла, причемъ высказало, между прочимъ, что если надѣлъ этотъ будетъ установленъ въ томъ видѣ, какъ во всей Россіи и въ Крыму по положенію 19-го февраля, то быть татаръ мало улучшится, такъ какъ здѣсь земля гораздо хуже, нежели въ остальной Россіи. Душевой надѣлъ, опредѣленный положеніемъ 19-го февраля, вообще слишкомъ незначительный, никоимъ образомъ не можетъ, по мнѣнію собранія, удовлетворить потребностямъ крестьянскаго хозяйства въ Крыму. Въ слѣдующемъ, 1879 году, вопросъ о безземельныхъ татарахъ снова обсуждался губернскимъ собраніемъ, которое возбудило слѣдующія два ходатайства: 1) «объ участіи правительства въ пріобрѣтеніи земель для безземельныхъ татаръ въ Крыму пособіемъ со стороны казны въ видѣ ссуды или примѣненіемъ выкупной сдѣлки на условіяхъ добровольнаго соглашенія самихъ татаръ съ владѣльцами земель или же вознагражденіемъ послѣднихъ казенными оброчными землями таврической губерніи и 2) чтобы до надѣла безземельныхъ татаръ землею, они были освобождены отъ подушной подати». Но бывшій таврическій вице-губернаторъ, исправлявшій тогда должность

губернатора, опротестовалъ это постановленіе, и земское ходатайство не получило дальнѣйшаго движенія. Между прочимъ, протестъ основывался на томъ, что «земству предоставлено право вѣдать дѣла, относящіяся только къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ губерніи». И такъ, надѣлъ мѣстныхъ татаръ землею не есть «мѣстная» польза для Крыма!

Не говоря уже о значеніи такого протеста по существу, нужно замѣтить, что еще въ 1871 году сенатомъ было разъяснено, что «губернаторы обязаны представлять *всякое* ходатайство земства высшему правительству, такъ какъ удовлетвореніе или отклоненіе ихъ зависитъ единственно отъ подлежащаго министерства или отъ комитета министровъ». Такимъ образомъ, остановить земское ходатайство не было во власти мѣстной администраціи; тѣмъ не менѣе она задержала его на цѣлый годъ. Отчасти это оправдывалось, быть можетъ, тѣмъ, что по поводу ходатайства таврическаго земства о надѣлѣ татаръ землею «Московскія Вѣдомости» разразились особой статьей, въ которой придавали этому ходатайству зловредное значеніе и предлагали выселить крымскихъ татаръ во вновь пріобрѣтенныя нами средне-азіатскія владѣнія, такъ какъ татары будто никогда не обрусѣютъ и твердое водвореніе ихъ въ Крыму угрожаетъ Россіи. По обыкновенію, названная газета придавала вопросу политическій характеръ, въ то время, когда дѣло сводится къ чисто экономической задачѣ. Губернское земское собраніе съ своей стороны отклонило губернаторскій протестъ, рѣшивъ «остаться при прежнемъ постановленіи».

Въ 1881 году, при обсужденіи вопроса о пріобрѣтеніи земель для всѣхъ безземельныхъ поселянъ таврической губерніи, снова былъ поднятъ въ собраніи вопросъ о крымскихъ татарахъ, причемъ выяснилось, что въ 1876 году правительствомъ была учреждена коммиссія для обсужденія вопроса объ устройствѣ быта татаръ въ Крыму, которой поручено было заняться не только вопросомъ о земельномъ ихъ устройствѣ, но разсмотрѣть и вопросъ объ образованіи татаръ, объ обезпеченіи быта магометанскаго духовенства и т. д. Къ сожалѣнію, дѣйствія коммиссіи были пріостановлены по случаю войны, а «татары,—какъ заявилъ въ собраніи гласный Султанъ-Крымъ-Гирей, — продолжаютъ по прежнему оставаться въ тяжеломъ положеніи: безземельные изгоняются цѣлыми деревнями съ мѣстъ своего жительства и не знаютъ куда дѣться». Далѣе, говоря, о дѣятельности упомянутой коммиссіи, г. Султанъ-Крымъ-Гирей обратилъ вниманіе собранія и на то обстоятельство, что въ составѣ ея не

было ни одного представителя мѣстнаго населенія, и что въ качествѣ свѣдущаго лица, знающаго условія края, былъ приглашенъ коммиссіей, при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ вопросовъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ профессоръ Айвазовскій, постоянно живущій въ Крыму. Но его присутствіе едвали принесло дѣлу какую-либо пользу: «всѣми уважаемый, какъ художникъ и человѣкъ,—заявилъ г. Султанъ-Крымъ-Гирей, — г. Айвазовскій едва ли можетъ быть признанъ знатокомъ быта татаръ». Между тѣмъ, въ таврической губерніи проживаетъ кн. Дадешкиліани, который былъ командированъ бывшимъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, гр. Коцебу, для изслѣдованія вопроса о вакуфныхъ земляхъ и имѣлъ возможность основательно изучить аграрное положеніе татаръ въ Крыму. Поэтому, г. Султанъ-Крымъ-Гирей предложилъ, чтобы въ коммиссію, въ случаѣ ея возобновленія, былъ приглашенъ въ качествѣ свѣдущаго лица кн. Дадешкиліани. Собраніе, рѣшивъ отдѣлить вопросъ о безземельныхъ татарахъ отъ вопроса о прочихъ безземельныхъ поселянахъ губерніи, такъ какъ татары вообще находятся въ исключительномъ положеніи,—возбудило ходатайство о возобновленіи дѣйствій упомянутой коммиссіи, съ тѣмъ, во-первыхъ, чтобы «коммиссія приглашала, когда встрѣтится надобность въ выслушаніи мнѣнія свѣдущаго лица, указанное собраніемъ лицо» и чтобы «по всѣмъ заключеніямъ, которыя будутъ выработаны этой коммиссіей, предварительно ихъ утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, — было бы выслушано мнѣніе таврическаго губернскаго собранія».

Голосъ земства, не перестающаго въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ обращать вниманіе правительства на бѣдственное положеніе татаръ, на этотъ разъ, кажется, услышанъ: разработка проекта объ устройствѣ быта крымскихъ татаръ возложена, по газетнымъ сообщеніямъ, на особую коммиссію изъ представителей министерствъ народнаго просвѣщенія, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Пока неизвѣстно еще, будетъ ли предоставлено и таврическому земству сказать свое компетентное слово по предмету, столь близко его касающемуся. Едва ли кто усомнится, что при разработкѣ и рѣшеніи вопроса о крымскихъ татарахъ — вопроса чисто мѣстнаго,—невозможно обойтись безъ выслушанія мѣстныхъ свѣдущихъ людей.

III.

Вслѣдъ за земельнымъ устройствомъ татаръ, прежде всего необходимо удовлетворить ихъ духовныя нужды, совершенно игнорируемыя въ настоящее время. Историческіе документы свидѣтельствуютъ, что татарскія школы въ Крыму, до покоренія его, стояли не въ примѣръ выше и были несравненно многочисленнѣе, нежели теперь: каждая община имѣла свою школу грамотности — «мехтэбе», нѣсколько общинъ имѣли высшую школу—«медресэ», дававшую имъ муллъ, учителей и судей. Съ теченіемъ времени, большинство этихъ учебныхъ заведеній зачахли. Та же участь постигла и школы, открытыя до Крымской войны по иниціативѣ бывшаго новороссійскаго генералъ-губернатора, кн. Воронцова,—волостныя татарскія училища для приготовленія сельскихъ и волостныхъ писарей, три уѣздныя училища съ отдѣльными классами для татарскихъ дѣтей и, при симферопольской гимназіи,—татарское отдѣленіе, въ которомъ воспитывалось 20 казеннокоштныхъ и 10 своекоштныхъ пансіонеровъ. Кромѣ того и крымскія уѣздныя земства открыли для татарскаго населенія сельскія школы, но татары не посылаютъ въ нихъ своихъ дѣтей, по той причинѣ, что воспрещено преподаваніе въ сельскихъ школахъ татарскаго языка, а обученіе всѣмъ прочимъ предметамъ должно производиться обязательно на русскомъ языкѣ, недоступномъ татарскому населенію, особенно деревенскимъ подросткамъ. Поэтому, остаются безъ дѣла и учителя татарскихъ школъ, приготовляемые въ спеціально съ этою цѣлію учрежденной симферопольской татарской учительской семинаріи. Между тѣмъ, семинарія эта поглощаетъ значительныя средства, отпускаемыя на ея содержаніе казною и мѣстнымъ губернскимъ земствомъ.

Земства крымскихъ уѣздовъ не разъ уже возбуждали ходатайство объ отмѣнѣ закона, воспрещающаго преподаваніе родного языка въ татарскихъ школахъ, но ходатайства эти не имѣли успѣха. Впрочемъ, одно ходатайство вызвало переговоры: попечитель одесскаго учебнаго округа, въ бытность свою, въ 1879 г., въ Ялтѣ, при посѣщеніи земскихъ училищъ, выразилъ предсѣдателю мѣстной земской управы, что «министерство народнаго просвѣщенія находится въ затрудненіи относительно разрѣшенія ходатайства земства о необходимости введенія въ земскихъ школахъ уѣзда, преобладающее населеніе котораго—татары, преподаванія татарскаго языка»; затрудненіе состоитъ въ томъ—«какъ

понимать ходатайство земства: допустить ли въ земскихъ училищахъ, въ коихъ будутъ обучаться дѣти изъ татарскаго населенія, преподаваніе только магометанскаго *вѣроученія* или же земство желаетъ открыть и преподаваніе татарскаго *языка*?» Въ первомъ случаѣ, по словамъ г. попечителя, не можетъ встрѣтиться препятствія со стороны правительства, но «во-второмъ случаѣ едва ли возможно допустить, такъ какъ для преподаванія татарскаго языка не имѣется даже спеціальныхъ учебниковъ» [1]. Представители же земства утверждаютъ совсѣмъ другое; въ послѣднюю (1883 г.) сессію таврическаго губернскаго земскаго собранія, при обсужденіи доклада управы «о результатѣ ходатайства о введеніи преподаванія татарскаго языка, для желающихъ, въ народныхъ училищахъ Крымскаго полуострова»,— предсѣдатель ѳеодосійской уѣздной земской управы, г. Султанъ-Крымъ-Гирей, высказалъ собранію, что «въ настоящее время на татарскомъ языкѣ уже издаются въ Россіи двѣ газеты и много книгъ, въ числѣ которыхъ есть календари, грамматики и руководства для изученія языка по звуковому методу и что въ татарскія школы родители не посылаютъ своихъ дѣтей единственно потому, что, хотя преподаетъ учитель изъ татаръ, но на незнакомомъ имъ русскомъ языкѣ; что изученіе татарами русскаго языка пойдетъ успѣшнѣе лишь тогда, когда татары будутъ изучать свой языкъ». Собраніе снова повторило ходатайство свое— «о разрѣшеніи открывать въ мѣстностяхъ со сплошнымъ татарскимъ населеніемъ народныя училища съ преподаваніемъ на татарскомъ языкѣ и введѐніемъ въ курсъ такихъ училищъ изученія татарскаго языка».

Какъ бы то ни было, намъ слѣдуетъ позаботиться, наконецъ, если не о созданіи для татаръ чего-либо новаго въ дѣлѣ ихъ просвѣщенія, то, по крайней мѣрѣ, о возвращеніи имъ того, что̀ они имѣли прежде, до знакомства съ нами, — знакомства, поведшаго между прочимъ къ утратѣ важнѣйшаго народнаго достоянія—школы. Обязательное преподаваніе на русскомъ языкѣ и изгнаніе изъ татарскихъ школъ родного языка, вѣроятно, сдѣлано съ цѣлью «сліянія» татарскаго населенія съ русскимъ; но система эта не оправдывается многолѣтнимъ опытомъ. Напротивъ, опытъ другихъ мусульманскихъ странъ (Туниса, Египта) доказываетъ, что невѣжественная мусульманская масса можетъ слиться съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ лишь въ томъ случаѣ, если въ ея среду будетъ данъ свободный доступъ знанію,

[1]) Постановленія ялтинскаго уѣзд. земск. собр. XV сессіи.

а это можетъ быть достигнуто лишь признаніемъ права гражданства за татарскимъ языкомъ. Заставлять подростка-татарина предварительно заучивать чуждыя ему русскія слова и фразы для того, чтобы онъ могъ впослѣдствіи понимать преподаваніе предметовъ на русскомъ языкѣ,—значитъ требовать невозможнаго. Нераціональность этого требованія тѣмъ болѣе очевидна, что даже малороссы съ трудомъ выучиваются грамотѣ по русскимъ учебникамъ. Итакъ, если признать, что только знанія могутъ вывести татаръ изъ той тьмы и неподвижности, въ которыхъ они теперь глохнутъ; что только знанія могутъ способствовать ихъ сближенію съ остальнымъ міромъ, то необходимо также согласиться, что просвѣщать мусульманскую среду можно только на родномъ, доступномъ ей языкѣ,—тѣмъ болѣе, что до 70% крымскихъ татаръ свободно читаютъ и даже пишутъ по-татарски, ни звука не зная по-русски. Дальше обученія грамотности татары, къ сожалѣнію, не идутъ. Но несомнѣнно, что этою грамотностью татарскаго населенія слѣдовало бы воспользоваться, какъ проводникомъ знаній. Съ этою цѣлью, самое лучшее было бы возстановить тѣ самыя школы, которыя нѣкогда существовали у крымскихъ татаръ, а кое-гдѣ существуютъ и теперь, со введеніемъ лишь въ ихъ программу нѣкоторыхъ новѣйшихъ предметовъ, главнымъ образомъ, отечествовѣдѣнія, и съ обновленіемъ старой рутинной системы преподаванія. Только при этихъ условіяхъ дѣло народного образованія у татаръ можетъ сдѣлаться дѣломъ сколько-нибудь живымъ, приносящимъ извѣстную долю пользы, такъ какъ татарскія «мехтэде» и «медресэ» пользуются въ мусульманской массѣ довѣріемъ, — она сжилась съ ними; а при теперешней неподвижности русскихъ мусульманъ, все, кромѣ ихъ «родныхъ» школъ, какъ они сами говорятъ, кажется имъ чѣмъ-то чуждымъ, искусственно привитымъ извнѣ.

Сами татары не разъ высказывали, что для возстановленія закрытыхъ и приведенія въ порядокъ существующихъ въ Крыму татарскихъ школъ, можно бы затратить имѣющійся остатокъ спеціальнаго, такъ называемаго, «крымско-татарскаго» капитала, составленнаго изъ взносовъ, по 17 коп. съ каждаго татарина, въ періодъ съ 1826 г. по 1874 г., на содержаніе упраздненнаго нынѣ крымско-татарскаго эскадрона. Остатокъ этотъ составляетъ довольно солидную сумму—нѣсколько сотъ тысячъ руб., переданныхъ въ 1878 г. въ военное министерство. Изъ этого капитала часть затрачена на такія потребности, которыя не имѣютъ для татаръ никакого значенія,—на постройку православныхъ храмовъ, казармъ для донского войска, и только часть

употреблена на предметъ, касающійся, между прочимъ, и татаръ—ремонтъ дорогъ въ Крыму, но для этого было бы справедливо обложить и остальное населеніе полуострова. Какъ бы то ни было, но остатокъ упомянутаго капитала можно употребить на просвѣщеніе татаръ, которое они такъ чтутъ, благодаря тому, что грамота, по установившемуся у мусульманъ обычаю, считается для всѣхъ обязательною. Наконецъ, только школа, а отнюдь не какія-либо «мѣропріятія», въ родѣ тѣхъ, какія употреблялись до сихъ поръ, можетъ со временемъ обрусить татаръ. Въ Индіи, среди мусульманскаго населенія, существуетъ періодическая литература, образованіе всячески поощряется, и англичане видятъ въ этомъ для себя одну только пользу; то же самое видимъ мы и въ Алжирѣ, находящемся подъ владычествомъ французовъ. Отчего же мы, русскіе, играемъ въ политику и видимъ для себя опасность тамъ, гдѣ слѣдуетъ только не мѣшать людямъ сѣять сѣмена добра и правды?..

Приведенные выше примѣры доказываютъ, что тѣ, кто считаетъ мусульманскую массу не стремящеюся къ ученію, сильно ошибаются. Это видно ужъ изъ того, что двѣ трети крымскихъ татаръ обучены чтенію и письму, и если они не идутъ дальше по пути просвѣщенія, то потому, что этотъ путь для нихъ закрытъ. Да и грамота дается татарскому подростку съ трудомъ, благодаря стѣснительнымъ условіямъ, въ которыя поставлена «неоффиціальная» школа, которой онъ только одной и пользуется. Вотъ что говоритъ о состояніи татарскихъ школъ директоръ народныхъ училищъ таврической губерніи въ оффиціальномъ отчетѣ за 1882 г.: «татарскія (не-земскія) училища помѣщаются въ наемныхъ домахъ, малоудобныхъ, тѣсныхъ и не приспособленныхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учителя живутъ въ классной же комнатѣ; только въ одномъ училищѣ имѣется собственное, просторное, хотя и безъ квартиры учителю и на самомъ краю города, помѣщеніе—въ Бахчисараѣ при медресэ Двенжерли». Вообще же «въ татарскихъ мехтэбе и медресэ сплошь и рядомъ царитъ жалкая и убогая обстановка, безъ половъ, скамеекъ и столовъ; мѣста выдолбленныя собственнымъ тѣломъ учащихся, на земляномъ полу, составляютъ ихъ скамьи»...

Почему допускается преподаваніе татарскаго языка въ убогихъ общинныхъ школахъ и воспрещается въ болѣе или менѣе удобно устроенныхъ земскихъ училищахъ — это врядъ ли для кого понятно.

Мы замѣтили выше мимоходомъ, что если бы татарамъ были даны средства къ дальнѣйшему образованію, то они не остано-

вились бы на одной грамотѣ. Передъ нами свѣжій сравнительно фактъ, подтверждающій это: въ бытность въ Ялтѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, А. А. Сабурова, мѣстный землевладѣлецъ-татаринъ, г. Муфти-Заде, заявилъ ему о недостаточномъ образованіи не только громаднаго большинства татарскаго населенія, но даже высшаго его сословія и о происходящей, вслѣдствіе того, отчужденности цѣлой трети жителей крымскаго полуострова отъ русскаго цивилизованнаго міра. Нечего и говорить, что устранить эту отчужденность необходимо. Съ этою цѣлью, по мнѣнію г. Муфти-Заде, нужно открыть при симферопольской мужской гимназіи особенный приготовительный классъ для татарскихъ дѣтей, а въ гимназическомъ пансіонѣ—нѣсколько для нихъ вакансій. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ этой мысли и посовѣтовалъ г. Муфти-Заде передать таврическому губернскому земству, одобрительный его, г. Сабурова, взглядъ на это дѣло, а также и его просьбу о посильномъ содѣйствіи земства благому почину. Сообразно этому указанію, г. Муфти-Заде представилъ земскому собранію особую «записку» по этому предмету, въ которой онъ высказываетъ «глубокое убѣжденіе, что въ татарское населеніе Крыма уже проникло сознаніе необходимости образованія его дѣтей», и проситъ собраніе помочь ему въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ «отсутствіе собственныхъ матеріальныхъ средствъ препятствуетъ татарскому населенію провести это отвлеченное сознаніе въ дѣйствительную жизнь, но малѣйшій толчекъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно двинетъ его на путь культурнаго сліянія съ русскими соотечественниками». Для достиженія этой цѣли, г. Муфти-Заде полагаетъ достаточнымъ: «1) устроить при симферопольской гимназіи приготовительный классъ собственно для татарскихъ дѣтей, въ составъ преподаванія котораго входилъ бы Законъ Божій магометанскаго исповѣданія и татарскій языкъ,—куда дѣти принимались бы безъ требованія какихъ бы то ни было познаній, кромѣ умѣнья говорить по-русски, и откуда они шли бы далѣе по пути гимназическаго образованія, и 2) предоставить имъ 20 вакансій въ пансіонѣ при симферопольской мужской гимназіи, гдѣ постоянное общеніе съ русскими дѣтьми положило бы начало ихъ дальнѣйшей ассимиляціи». Расходовъ на этотъ предметъ потребовалось бы, по его исчисленію, всего — единовременно 7,000 руб. и ежегодно по 8,200 р. При этомъ г. Муфти-Заде объясняетъ, что онъ далекъ отъ намѣренія испрашивать у губернскаго земства всѣ суммы, требующіяся для осуществленія его учебнаго плана: онъ надѣется

«покрыть значительную часть ежегодной затраты добровольными взносами, по подпискѣ мурзъ и вообще зажиточныхъ представителей мѣстнаго татарскаго населенія». Но такъ какъ «послѣднее несетъ земскія повинности наравнѣ съ прочими обитателями полуострова, то имѣетъ право на нѣкоторое вниманіе земства къ его законнымъ потребностямъ, и такъ какъ обезпеченіе за нимъ способовъ образованія естественно повлекло бы къ улучшенію его быта, къ расширенію его налоговой способности, къ развитію промысловъ и къ увеличенію благосостоянія всего края, —слѣдовательно, входитъ въ область особенно близкихъ для земства заботъ», — то онъ проситъ удѣлить изъ земскихъ сборовъ весь единовременный расходъ — 7,000 р. для расширенія пансіона при гимназіи и по 2,950 р. ежегодно на содержаніе въ немъ пяти татаръ-стипендіатовъ земства, а также на содержаніе приготовительнаго класса. Губернская управа, въ докладѣ своемъ по этому предмету, находитъ, что «инипіатива г. Муфти-Заде вполнѣ заслуживаетъ самаго теплаго участія со стороны собранія, такъ какъ было бы въ высшей степени полезно для полуострова, если бы татарскій элементъ его слился, наконецъ, посредствомъ совмѣстнаго образованія, съ русскимъ населеніемъ».—Далѣе, признавая предложеніе г. Муфти-Заде вѣрнымъ и цѣлесообразнымъ въ принципѣ, управа въ то же время предложила собранію ходатайствовать предъ правительствомъ о нѣкоторомъ облегченіи, для воспитанниковъ-татаръ, программы преподаванія симферопольской мужской гимназіи, именно — объ освобожденіи желающихъ отъ слушанія греческаго и латинскаго языковъ, съ тѣмъ однако, чтобы это освобожденіе не мѣшало имъ по воинской повинности и по поступленію въ высшія учебныя заведенія, кромѣ филологическихъ факультетовъ, присвоенныхъ гимназическимъ аттестатомъ правъ. «Освобожденіе это, нынѣ существующее въ оренбургской гимназіи, едвали,—по мнѣнію управы,—можетъ быть встрѣчено отказомъ». Продолжительныя и весьма оживленныя пренія, вызванныя этимъ докладомъ, выяснили, что, дѣйствительно, «татарскимъ дѣтямъ почти не возможно получить образованіе, съ одной стороны — вслѣдствіе недостаточности программы существующаго въ Симферополѣ татарскаго училища, съ другой — вслѣдствіе трудности для нихъ продолжать свое образованіе въ существующихъ гимназіяхъ: выходя прямо изъ семьи, гдѣ ребенокъ не слышитъ другого языка, кромѣ своего родного, татарскаго, дѣти на первыхъ же порахъ, при самомъ поступленіи встрѣчаютъ трудности, не существующія для русскихъ дѣтей и отчасти для дѣтей другихъ національ-

ностей; при прохожденіи же гимназическаго курса, имъ, плохо знакомымъ съ русскимъ языкомъ, предстоитъ еще изученіе двухъ совершенно чуждыхъ имъ древнихъ языковъ. Результатомъ этого и выходитъ, что въ гимназіяхъ крымскаго полуострова почти нѣтъ татарскихъ учениковъ, а если и есть, то они покидаютъ гимназію съ первыхъ же классовъ». Передавъ этотъ важный вопросъ на предварительное обсужденіе особой коммиссіи, уполномоченной приглашать въ свои засѣданія представителей мѣстнаго татарскаго населенія, собраніе, «желая не откладывать дѣла на долго, но по возможности скорѣе оказать татарскому населенію хотя бы нѣкоторую помощь въ стремленіи его дать своимъ дѣтямъ образованіе», постановило ходатайствовать объ открытіи при симферопольской гимназіи низшаго отдѣленія приготовительнаго класса, для изученія поступающими туда татарами русскаго языка, и уполномочить управу израсходовать на открытіе его 900 руб., если въ программу сверхъ изученія русскаго языка и предметовъ, которые признаетъ нужнымъ училищное начальство, будетъ введено преподаваніе магометанскаго Закона Божія и татарскаго языка. — Но приготовительнаго класса для татарскихъ дѣтей при гимназіи не существуетъ и до сихъ поръ, хотя со времени возбужденія земствомъ ходатайства прошло уже нѣсколько лѣтъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность мѣстнаго земства относительно татаръ не заслуживаетъ упрека: съ самаго основанія своего оно сознало, что Россія можетъ привлечь къ себѣ симпатіи кореннаго населенія Крыма лишь путемъ внимательнаго отношенія къ его насущнымъ нуждамъ и потребностямъ, которыя оно видитъ, главнымъ образомъ, какъ указано выше, въ надѣленіи татаръ землею и проведеніи знаній въ ихъ среду. Ходатайствуя объ этомъ чуть ли не изъ года въ годъ, оно дѣлаетъ все, что можетъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлены нынѣ земскія учрежденія.

М. Гольденбергъ.

ДРУГЪ МАНСО

ПОВѢСТЬ.

El amigo Manso, por B. Perez Galdos. Madrid, 1882.

XII *).

Что вы читали вчера ночью?

Ирена смутилась; она поняла, что ея сокровенная тайна открыта, не знала, чтó отвѣтить, колебалась съ минуту, произнесла двѣ-три уклончивыя фразы, и въ свою очередь что-то спросила меня. Я истолковалъ ея смущеніе въ благопріятномъ для себя смыслѣ и подумалъ: «Можетъ быть, она читала что-нибудь мое». Но такъ какъ я не писалъ ничего въ легкомъ духѣ, то, если она читала дѣйствительно меня, это могло быть или «Мемуаръ о психогенесѣ и неврозѣ», «Комментаріи на Дюбуа-Реймона», или «переводъ Вундта» или, быть можетъ, мои статьи противъ «Трансформиза» и Геккеля. Именно сухость этихъ матерій прекрасно объясняла смущеніе и краску на лицѣ моей подруги, потому что, разсуждалъ я, ей совѣстно сказать, что она читаетъ такія вещи, чтобы не показаться педанткой и синимъ чулкомъ.

Дѣвочки подбѣжали ко мнѣ. Онѣ были очень хорошенькія, величали себя моими невѣстами и цѣловали меня наперерывъ. Пепито тоже бросился ко мнѣ на встрѣчу. Ему было всего три

*) См. выше, октябрь, стр. 624.

года, онъ еще не учился, но его держали тамъ, чтобы онъ не шалилъ и не бѣгалъ по комнатамъ. Это былъ красивенькій звѣрокъ, который думалъ только о ѣдѣ и боролся за существованіе самымъ ярымъ образомъ. Когда его спрашивали, чѣмъ онъ хочетъ быть, онъ отвѣчалъ, что кондитеромъ. Изабелита и Хесусита были очень умны; онѣ прилежно учили свои уроки и выводили палочки съ тѣмъ дѣтскимъ усиліемъ, при которомъ пускаются въ ходъ мускулы рта и глазъ.

Школьная комната была единственная въ домѣ, гдѣ царствовалъ порядокъ, но она была самая темная, такъ что въ три часа уже приходилось зажигать лампу. Какой поэтически прекрасной показалась ты мнѣ, блѣдная учительница, съ своимъ прозрачнымъ, мраморнымъ лицомъ при свѣтѣ лампы и погасающаго огня! Для тебя душа моя вышла изъ нормальнаго равновѣсія, бросившись въ дѣтскія мечтанія и мысли, недостойныя серьезнаго человѣка!....

— Ну, Изабэль,—сказала Ирена,—займемся неправильными глаголами.

Начались занятія, это отрезвило меня. Чтобы сблизиться мыслью съ Иреной, я помогалъ ей склонять и спрягать, описывалъ вмѣстѣ съ нею различныя страны свѣта, и это, признаюсь, мнѣ было очень пріятно. Мы долго занимались священной исторіей, я разсказалъ жизнь Іосифа и его братьевъ, къ великому удовольствію дѣтей и даже самой учительницы. Затѣмъ выступили на сцену французскій языкъ и кастильская грамматика,—но справедливость требуетъ сказать, что эти отрасли знанія немножко усыпляли Ирену.

Когда дѣвочки занялись чистописаніемъ, у насъ осталось больше свободы. Изабэль и Хесуса, выводя свои каракули, пачкали себѣ пальцы чернилами. Пепито, которому пришлось дать карандашъ и бумаги, чтобы онъ замолчалъ, дѣлалъ кружочки и іероглифы на стулѣ, и поминутно приходилъ показывать мнѣ свои произведенія, увѣряя, что они изображаютъ ословъ, лошадей и дома. Ирена принялась вязать что-то, а я смотрѣлъ на ея красивые тонкіе пальцы. Эти вязанья она дѣлала на продажу, чтобы увеличить свои скудные заработки. Милое трудолюбіе! Оно заканчивало и вѣнчало многочисленныя прелести этой благородной дѣвушки. Чтобы ей не отрываться отъ работы, я присматривалъ за писаніемъ дѣтей и поминутно говорилъ: «слишкомъ длинно, дѣвочка; не надавливай такъ перо; ну, быстрѣй»! Но невидимая сила вновь тянула меня къ Иренѣ, и неожиданно съ моихъ устъ сорвался вопросъ:

— Довольны вы этой жизнью?

Она пожала плечами, посмотрѣла на меня, улыбнулась и... зачѣмъ скрывать, когда я хочу излагать только правду въ этихъ запискахъ? Да, мнѣ показалось, что взглядъ ея выражалъ усталость и скуку. Но она отвѣтила:

— Надо брать жизнь, какъ она есть. Я довольна, Máximo; чего мнѣ еще желать теперь?

— Вы призваны, Ирена.... вамъ предстоитъ великая будущность! Ради Бога, Хесусита, не пачкай, сдѣлай другое *а*...— Ваши замѣчательныя способности.... Ахъ, Изабэль, куда ты дѣвала свой локоть! Ты его хочешь спрятать, кажется, подъ столъ.....

— Не набирай такъ много чернилъ.... Я говорю, что ваши способности....

Такъ я и застрялъ на «способностяхъ» и принужденъ былъ замолчать! Какъ вчера въ театрѣ, точно пробка засѣла въ моемъ мозгѣ, не рѣшаясь выпустить давно созрѣвшія и опредѣленныя мысли. Вульгарное объясненіе въ любви было мнѣ противно, мнѣ хотѣлось облечь его въ красивую литературную форму; но эта форма не находилась, несмотря на всѣ старанія.

— Ирена, вы лучшій человѣкъ, какихъ я знаю.

Она продолжала вязать, и на мои похвалы, въ свою очередь отвѣчала похвалами, но такими гиперболическими, что мнѣ стало досадно. По ея словамъ, я былъ человѣкъ совершенный, безподобный, безъ недостатковъ, однимъ словомъ такой, какихъ и нѣтъ совсѣмъ. Отвѣчая на это, я счелъ нужнымъ бросить, какъ-бы мимоходомъ, нѣсколько общихъ мыслей, чтобы позондировать почву. Ирена, кажется, отлично поняла, въ чемъ дѣло, и опять посыпались похвалы. Она особенно настаивала теперь на томъ, что я человѣкъ очень умный и оригинальный.

Вечеръ былъ прекрасный и мы вышли погулять. Не помню, въ этотъ-ли вечеръ или въ другой, возвращаясь къ себѣ, я твердо рѣшился не торопиться приводить въ исполненіе свой планъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не станутъ вполнѣ очевидны чувства Ирены. «Не будемъ торопиться,—повторялъ я себѣ.—Будемъ поступать въ этомъ важномъ случаѣ также осторожно и методично, какъ мы поступаемъ въ самыхъ обыденныхъ вещахъ. Надо прежде всего обуздать свои чувства и посмотрѣть на дѣло хладнокровно. Знаю-ли я ее, какъ слѣдуетъ? Нѣтъ; каждый день я въ ней открываю что-нибудь новое, чего прежде не замѣчалъ. Пока я вижу ясно одно: ея удивительное умѣнье говорить только то, что выставляетъ ее съ хорошей стороны, и скрывать все остальное. Будемъ ждать; ближайшее знакомство непремѣнно обнаружитъ такія сто-

роны ея характера, которыя до сихъ поръ оставались въ тѣни; съ другой стороны, дружба, которая явится какъ прямой результатъ близкаго знакомства, и частые разговоры—по неволѣ и незамѣтно выяснять ей мои намѣренія, а мнѣ—ея отношеніе къ нимъ. Такимъ образомъ я избавлюсь отъ необходимости дѣлать глупое объясненіе, которое такъ противно моей умственной и эстетической организаціи».

Такъ я и сдѣлалъ. Часто сидѣлъ на ея урокахъ, участвовалъ въ ея прогулкахъ, но выказывалъ хладнокровіе и даже сухость. Ея тактъ мнѣ съ каждымъ разомъ больше нравился. Однажды насъ засталъ ливень на улицѣ; мы промокли до костей, прежде чѣмъ я успѣлъ взять карету. Я очень боялся, чтобы она и дѣти не простудились.

— О, за меня не бойтесь,—замѣтила Ирена,—у меня здоровье.... страшное!

Я благодарилъ Промыслъ, что ко всѣмъ качествамъ этой дѣвушки Онъ присоединилъ еще крѣпкое здоровье, дабы она могла легче выполнить назначеніе женщины въ семьѣ. Счастливъ человѣкъ, который будетъ мужемъ этой избранной изъ избранныхъ! Ему не придется довѣрять воспитаніе своихъ дѣтей подставной и наемной матери, не придется видѣть въ своемъ домѣ чудовище, которое зовутъ кормилицей, этотъ позоръ материнства и нашего вѣка.

— Берегите, берегите себя,—сказалъ я заботливо,—чтобы ваше превосходное здоровье никогда не измѣнилось.

Два дня подъ-рядъ я не ходилъ послѣ этого къ брату. Произошло ли это случайно или по заранѣе обдуманному хитрому плану,—рѣшайте, какъ знаете. Мой методическій аффектъ имѣлъ тоже свою тактику и даже умѣлъ дѣлать любовныя засады...

Когда наконецъ я явился послѣ отсутствія, которое мнѣ показалось очень долгимъ, я замѣтилъ, что Ирена очень обрадовалась.

— Какъ вы дорожите своимъ временемъ! — сказала она, блѣднѣя.

— Мнѣ кажется,—отвѣчалъ я,—что мы два вѣка не видались. Я такъ много думалъ о васъ, мысленно велъ съ вами длинные разговоры.

— Вы... ужасный человѣкъ.

— Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, будто вы печальны.... Случилось съ вами что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего,—отвѣтила она быстро и какъ-бы спохватившись.

— Но мнѣ казалось... Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы вы

были довольны этой жизнью, этой рутиной, недостойной вашей благородной души.

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣтила она горячо.

— Говорите со мной откровенно, скажите все, ничего не скрывая... Эта жизнь...

— Ужасна!

— Вы заслуживаете лучшей доли и вы ее будете имѣть. Иначе не можетъ быть.

— Неужели-же моя молодость пройдетъ въ обученіи азбукѣ дѣтей, въ обученіи тому, чего я сама хорошо не понимаю?!..

Она бросила на книги, лежавшія на столѣ, такой презрительный взглядъ, что мнѣ показалось, будто онѣ сконфузились подъ тяжестью его.

— Вы скучаете, не правда-ли? Вы слишкомъ умны, слишкомъ красивы, чтобы довольствоваться ролью гувернатнки.

Она поблагодарила меня нѣжнымъ взглядомъ за то, что я такъ хорошо понялъ ея чувства.

— Этому будетъ конецъ, Ирена. Я отвѣчаю...

— Если-бы не вы, Махимо, я бы давно ушла отсюда.

— Но развѣ... вы недовольны семьей?

— Нѣтъ... т.-е.... нѣтъ, нѣтъ!

— Что-то есть однако....

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ.

— Мы давно съ вами друзья, Ирена. Неужели вы станете скрывать отъ меня....

— Никогда, никогда!—отвѣтила она, одушевляясь.—Вы мой единственный другъ, мой покровитель... Вы...

Лицо ея дышало глубокой искренностью. Казалось, сама правда говоритъ ея устами.

— Ваша жизнь, Ирена, ваше счастье и будущее меня такъ занимаютъ, что...

— Я знаю это, и потому мнѣ нужно будетъ съ вами посовѣтоваться о нѣкоторыхъ... ужасныхъ вещахъ.

— Ужасныхъ!

Я не придавалъ большого значенія этому прилагательному, потому-что Ирена употребляла его на каждомъ словѣ.

— Клянусь вамъ,—прибавила она, складывая руки на груди,—клянусь, я сдѣлаю только то, что вы мнѣ прикажете.

— Что-же....

И съ этимъ «что-же» весь умъ какъ-будто выскочилъ изъ моей головы.... Не знаю, что было-бы дальше, если-бы въ это время Лика не отворила двери.

— Махимо,—сказала она, не входя,—иди сюда, голубчикъ...
Ей нужно было, чтобы я написалъ ей приглашенія на предстоящій вечеръ. Бѣдная Лика, какъ я проклиналъ ее въ тотъ разъ! Я не могъ больше увидѣть Ирены въ этотъ вечеръ, но я былъ такъ счастливъ, какъ-будто она была передо мною и я слушалъ ее безпрерывно. Маленькая рѣчь, изъ которой я не произнесъ ни слова, раздавалась во мнѣ, какъ-будто я ее повторилъ сто разъ и какъ-будто Ирена столько-же разъ отвѣтила на нее одобрительно, какъ я того ожидалъ.

XIII.

Я унесъ ее съ собою.

Она проникла, казалось, все мое существо, ея душа слилась съ моею. И это переполнило меня такой лучезарной радостью, которая брызгала изо всѣхъ моихъ поръ, отражалась въ глазахъ и играла улыбкой на моихъ устахъ. Я сдѣлался вдругъ оптимистомъ, всѣ казались мнѣ добрыми, хорошими и нѣжными, какъ и я самъ. Это произошло въ четвергъ, когда у брата собирались на его jour fixe. Я присутствовалъ на этомъ вечерѣ, болталъ безъ устали и всѣхъ видѣлъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Братъ казался мнѣ Бисмаркомъ, Симорра—добродѣтельнѣй Катона, поэтъ затмѣвалъ собой Гомера, а моя золовка Мануэла была дамой самой аристократической, образованной и элегантной изъ всѣхъ, которыя когда-либо удостоивали нашу планету своимъ присутствіемъ. Чтобы понять, до какого безумія дошелъ я въ своемъ оптимизмѣ, достаточно сказать, что самъ поэтъ слышалъ изъ моихъ устъ поощрительныя фразы, я даже почти пообѣщалъ заняться въ ближайшей статьѣ критическимъ разборомъ его сочиненій. Это повергло его въ такой телячій восторгъ, что, дѣлая мнѣ комплименты, онъ принялся утверждать, что я оставилъ далеко позади себя Канта, Шеллинга и прочихъ отцовъ философіи. Эта подлая лесть раскрыла мнѣ глаза и немного отрезвила отъ оптимистическаго опьянѣнія. Но отъ поэта не такъ легко было отвязаться, онъ ходилъ за мною по пятамъ и надоѣдалъ разсказами о невѣроятныхъ успѣхахъ «Общества инвалидовъ промышленности». Ему удалось завербовать въ него трехъ эксъ-министровъ и еще одну мадридскую знаменитость, неутомимаго пропагандиста, который произносилъ по шести рѣчей въ недѣлю въ различныхъ обществахъ. Все шло прекрасно,

и пойдетъ еще лучше, когда планы сердобольныхъ членовъ-основателей получатъ свое полное примѣненіе. Въ настоящую минуту рѣшено употребить всѣ собранныя суммы на изданіе замѣчательныхъ рѣчей, произнесенныхъ на бурныхъ засѣданіяхъ Общества. Нельзя допустить, чтобы такія произведенія краснорѣчія были затеряны для потомства. Испанія прежде всего классическая страна ораторскаго искусства! Авторы отдѣльнаго мнѣнія и большинство коммиссіи не могли столковаться по поводу этого щекотливаго вопроса; чтобы выйти изъ затрудненія, назначена новая, смѣшанная коммисія, составленная изъ сторонниковъ пропаганды и непосредственнаго дѣйствія, они должны были редактировать вопросъ въ новой формѣ. Послѣ долгихъ дебатовъ коммиссія постановила, что прежде всего слѣдуетъ открыть поэтическій конкурсъ и премировать лучшую «Оду на трудъ». Первая премія будетъ состоять въ золотомъ кочанѣ цвѣтной капусты, и напечатаніи сочиненія въ 500 экземплярахъ, а вторая въ серебряномъ подсолнухѣ и двухъ-стахъ экземплярахъ. Меня назначили президентомъ жюри. Подумывали также устроить большую лотерею, съ помощью дамъ, и великолѣпный вечеръ или matinée, на которомъ, по прочтеніи Бардалемъ отчета о работахъ общества, имѣли быть музыка, рѣчи, чтеніе стихотвореній,— обычныя приманки подобныхъ филантропическихъ празднествъ.

При первой возможности я убѣжалъ отъ жужжанья этой надоѣдливой мухи и сталъ блуждать по комнатамъ. Вдругъ кто-то ударилъ меня по плечу и симпатичный голосъ произнесъ надъ моимъ ухомъ:

— Маэстро!.. Я видѣлъ васъ съ *тифомъ* и не осмѣливался подойти.

— Ахъ, Пенья, припадокъ былъ такой жестокій, что я не выздоровѣю за ночь... Сядемъ, я чувствую слабость...

— Это febris carnis... Я не церемонюсь съ Сенсъ-де-Бардалемъ. Когда онъ подходитъ, я поворачиваюсь къ нему спиной. И если онъ все-таки продолжаетъ заговаривать, я обливаю его карболовой кислотой, иначе говоря—называю глупцомъ.

— Ну, какъ ты поживаешь?

— Какъ видите, маэстро; уйдемъ отсюда. Углубимся въ этотъ кабинетъ.

— Ты имѣешь мнѣ что сказать?

— Ничего особеннаго.

— Правда, что ты не ухаживаешь больше за Амаліей Вендесоль?

— Что вы, маэстро! Сто лѣтъ, какъ это кончилось. Она не-

спосна. Какія претензіи, щепетильность какая!.. Разъ проѣду верхомъ мимо ея оконъ, такъ, Господи, сколько потомъ упрековъ! На гуляньѣ головы повернуть не позволяетъ... Ей-Богу, она хуже своей тетки Розауры, которая выцарапала мужу глазъ изъ ревности. При мнѣ Амалія разъ изодрала зубами вѣеръ въ клочки... и знаете почему? Потому что я не могъ достать четной ложи въ комедіи и намъ пришлось сѣсть въ нечетной. И что за воспитаніе, маэстро! Пишетъ, какъ курица, говоритъ pedrominio (вмѣсто per dominio), и обожаетъ тряпки...

— Какъ всѣ... какъ большинство... А правда, что ты неравнодушенъ къ одной изъ дочерей Песа?

— Онѣ здѣсь обѣ. Видѣли ихъ? Я болтаю съ ними иногда, особенно съ младшей, она очень хорошенькая. Обѣ хорошо воспитаны, т.-е. имѣютъ лоскъ...

— Именно, только лоскъ. Ровно ничего не знаютъ изъ того, что можно знать; но видъ имѣютъ благовоспитанныхъ дѣвицъ. Въ сущности это не больше, какъ куклы, которыя умѣютъ говорить *папа* и *мама*.

— Ну, эти вмѣсто *папа* и *мама* говорятъ: *мужа, мужа*. Старшая особенно торопится. Я увѣренъ, она знаетъ такія вещи... Вчера я просто въ ужасъ пришелъ, слушая ее. По правдѣ сказать, обѣ онѣ весьма милыя, но тяжелыя дѣвицы; въ нихъ много схожаго съ металлическими отраженіями маяка. Онѣ то свѣтятъ, то ослѣпляютъ; утомляютъ и влюбляются, забавляютъ и вселяютъ ужасъ. Старшая, Адела, тщеславна до невѣроятности. Я думаю, еслибъ монархъ ей предложилъ руку и сердце, ей и того бы мало показалось.

— Увидишь, она кончитъ тѣмъ, что выйдетъ за благороднаго рантьера.

— Я увѣренъ въ этомъ. Младшая, та съ душкомъ... заразилась-таки отъ своей толстѣйшей маменьки-торговки.

— Ну, и отъ родителя тоже пристало. Это самый надутый и самоувѣренный человѣкъ, какихъ свѣтъ производилъ...

— Васъ не поражаетъ роскошь этихъ господъ?

— Что касается тупости человѣческой — меня ничѣмъ не удивишь.

— Это роскошь самая непонятная и таинственная. Что у него есть, у этого Песа? Пятьдесятъ тысячъ реаловъ, самое большее.

— Мадридъ — долина загадокъ.

— Я думаю, что дѣвицы эти, въ смыслѣ претензій, опередили далеко своихъ родителей. Законъ наслѣдственности тутъ ясно сказался. Кто возьметъ на себя такую обузу? Вѣдь несчаст-

ный, который рѣшится связать свое сердце съ одной изъ нихъ, связываетъ на всю жизнь свой кошелекъ съ модистками, обойщиками, директорами театровъ, съ Биндеромъ—для каретъ, съ Вортомъ—для платьевъ, и со всѣми прочими разорителями рода человѣческаго. Какихъ капиталовъ хватитъ на это? Говорятъ о мужской молодежи, объ ея испорченности, отвращеніи къ семейной жизни, о томъ, что наука, кафѐ, казинò отвлекаютъ насъ отъ семьи... Но что сказать о дѣвушкахъ? Легкомысліе, роскошь, извѣстная скороспѣлость дурного тона дѣлаютъ нашу дѣвушку совершенно неспособной создать будущую семью. Чѣмъ это можетъ кончиться? Разрушеніемъ семьи, организаціей общества на началахъ атомистическаго индивидуализма, разнузданіемъ животныхъ страстей, безъ единства и гармоніи, возрожденіемъ материнской семьи, гинекократіи?

— Женскій элементъ,—серьезно отвѣтилъ я,—повинуется законамъ, которыхъ не можетъ обойти. Не будь пессимистомъ, не обобщай, основываясь только на фактахъ, ибо какъ бы ихъ много ни было, они все-таки единичны.

— Единичны!

— Ты мало знаешь свѣтъ, ты еще мальчикъ. Прежде невинность заключалась въ незнаніи зла; теперь, въ наше парадоксальное время, она идетъ рядомъ съ знаніемъ зла и незнаніемъ добра, добра, которое мало блеститъ и прячется, какъ все то, чего мало. Повѣрь мнѣ, я говорю правду.

И, взявшись за петлицу его фрака, я продолжалъ такъ:

— Есть много сокровищъ, много добра и счастья, которыхъ ты не видишь, потому что невинность закрываетъ тебѣ глаза, ты ослѣпленъ блескомъ и яркостью зла. Есть существа исключительныя, привилегированныя натуры, одаренныя всѣми совершенствами природы. И еслибъ это было не такъ,—святой, великій принципъ гармоніи поколебался бы въ своемъ основаніи, а тогда —прощай разнообразіе, прощай высшее единство...

— Я не отрицаю этого...

Онъ запустилъ руку въ задній карманъ своего фрака, продолжая внимательно слушать меня, и вытащилъ портъ-сигаръ.

— Ахъ, я и забылъ, что вы не курите!.. Не могу отдѣлаться отъ этой привычки. Съ вашего позволенія, маэстро, сбѣгаю покурить. Вы не пойдете?

Я не послѣдовалъ за нимъ. Меня заинтересовала восторженная группа, образовавшаяся вокругъ брата. Мнѣ показалось, что его поздравляютъ, а синьоръ де-Песъ имѣлъ такой покро-

вительственный видъ, что я не знаю, почему весь родъ людской не простерся въ благодарности у его ногъ.

Причиной этихъ поздравленій и шумной суеты была телеграмма, полученная съ Кубы, и въ которой сообщалось, что избраніе Хозе-Марія—несомнѣнно.

XIV.

«Увѣряю васъ, господа»!..

— сказалъ братъ, и, запутавшись вслѣдствіе умственнаго потемнѣнія, которое являлось у него въ критическіе моменты, онъ помолчалъ и снова повторилъ:

— Увѣряю васъ...

Послѣ нѣкотораго труда ему удалось, наконецъ, импровизировать маленькую рѣчь, выпуская періоды толчками, подобно тому, какъ вытекаетъ вода изъ фонтана, въ трубу которой попалъ камешекъ. Я приблизился и услышалъ отрывочныя фразы, въ родѣ слѣдующихъ. «Я не желаю выходить изъ своихъ четырехъ стѣнъ... ибо странѣ можно служить и сидя у себя дома... Но эти господа берутъ на себя трудъ... Благосклонности этихъ господъ я обязанъ... Наконецъ, съ моей стороны это положительная жертва... Но я все-таки готовъ защищать священные интересы»...

Послѣ этого собраніе приняло совершенно политическій характеръ, который придалъ ему еще больше блеску. Въ числѣ гостей было три экс-министра, много депутатовъ и журналистовъ; всѣ шумно разговаривали другъ съ другомъ. Игорная комната казалась уголкомъ передней палаты. Особенно шумѣли члены «пресмыкающейся демократіи», партіи молодой и безпокойной, къ которой присталъ Хозе-Марія.

Примиряющія наклонности доходили у Хозе до бреда; самыя противоположныя и несовмѣстимыя вещи онъ желалъ соединить вмѣстѣ. Это, по его мнѣнію, было *совершенно по-англійски*. Слова: *послѣдовательная серія сдѣлокъ*—не сходили у него съ языка, они были въ родѣ его политическаго «Отче нашъ», онъ все примирялъ и постоянно подыскивалъ способы, чтобы осуществить свои факторскіе идеалы. Не было той вражды двухъ партій, исторически и фатально необходимой, которой онъ не собирался бы устранить посредствомъ знаменитаго «братскаго объятія» Вергары. У него обнимались сепаратизмъ съ націонализмомъ,

возстаніе съ арміей, монархія съ республикой, церковь съ свободнымъ мышленіемъ и аристократія съ равенствомъ. Всякая простая мысль была для него «преувеличеніемъ», всевозможные вопросы рѣшались одной фразой «довольно исключительности!» Онъ не терпѣлъ исключительности ни въ искусствѣ, ни въ религіи, ни въ философіи. Всякая идея, всякая теорія, художественная или моральная, должны были дѣлать уступки противной идеѣ или теоріи.

Глупости этихъ людей мнѣ такъ надоѣли, что я рѣшился пойти отдохнуть въ комнату доньи Хесусы. Она сидѣла въ креслѣ, завернувшись въ мантилью, и разсказывала Рупертико сказки.

— Не хочу ложиться,—сказала мнѣ старуха,—потому что галдѣнье салона и бѣготня лакеевъ не даютъ мнѣ спать. Этотъ домъ по четвергамъ настоящая сутолока. Господи, какое землетрясеніе! Вамъ это не нравится, я знаю. И вѣдь какіе обжоры! этимъ чаемъ, сладостями, говядиной, пирожками, которые они поѣли, можно бы накормить цѣлый полкъ. Бѣдная Лика не любитъ этого; если такъ продолжится—она погубитъ свое здоровье... Я бы вамъ разсказала, что́ тутъ у насъ было вчера, если бы не дала себѣ слова молчать... У нея съ Хозе вышла исторія. Господи, что тутъ было!.. Она упрекала его, что онъ возвращается поздно, а онъ говорилъ, что она не умѣетъ держать себя. Лика очень разсердилась. Она ему сказала, что онъ думаетъ только о глупостяхъ, проводитъ ночи въ казино, и, кто знаетъ! быть можетъ, гдѣ-нибудь и похуже...

Она придвинула ко мнѣ свое кресло и, нагнувшись, продолжала:

— Понимаешь, а?.. Хозе-Марія—какъ всѣ. Эта мадридская жизнь... Вѣдь тутъ всякаго народу много. Здѣшнія женщины способны развратить святого. Я бы имъ сказала въ лицо, еслибъ съ ними встрѣтилась: «безстыдницы! зачѣмъ вы прельщаете отца семейства, такого простого добраго человѣка»?... Потому что Хозе-Марія до сихъ поръ былъ очень добръ; только въ послѣднее время, дѣтко, мы не узнаемъ его...

Я защищалъ брата какъ могъ и успокоилъ его тещу, стараясь объяснить ей, что вольность нашихъ нравовъ больше наружная, чѣмъ дѣйствительная, и что не слѣдуетъ считать развратомъ простую распущенность.

— Я,—отвѣтила старушка, понизивъ голосъ:—ни во что не вмѣшиваюсь. Пусть дѣлаютъ какъ знаютъ. Я не двигаюсь съ своего кресла, слаба я очень. Рупертико со мною тутъ всегда. Сегодня, пока тамъ смѣялись и толклись въ залѣ, мы съ Иреной

читали молитвенникъ, разговаривали о разныхъ разностяхъ... Однако куда она дѣвалась теперь?

— Вѣроятно еще не легла, она не ложится такъ рано.

— Подожди, дѣтко; она, должно быть, тамъ,... побѣжала въ корридоръ взглянуть на залъ.

Я собирался уже идти поискать ее, когда она вошла. Лицо ея было возбужденное и радостное, глаза блестѣли, а щеки раскраснѣлись.

— Ну, что, Ирена, видѣли?

— Немножко... изъ корридора... Очень красиво; какая роскошь, какія платья!

— Я думалъ, что вы ушли уже къ себѣ.

— Нѣтъ, я осталась съ доньей Хесусой для компаніи... И потомъ мнѣ хотѣлось посмотрѣть на эти вещи, которыхъ я, мой другъ Мансо, никогда не видала. Вѣдь все надо видѣть и знать, не такъ ли?

— Да, это правда!—сказалъ я, думая о томъ, какой фуроръ произвела бы Ирена въ элегантномъ обществѣ, и сколько ея красота выиграла бы отъ богатой обстановки.—Но вѣдь это дѣло вкуса; ни вамъ, ни мнѣ это не нравится. Мы созданы, къ счастью, такимъ образомъ, что блестящія и шумныя удовольствія не привлекаютъ насъ, мы предпочитаемъ имъ спокойныя наслажденія семейной жизни, исполненной труда и счастія.

— Господи, Боже мой! какой талантъ у этого человѣка, и какъ онъ умѣетъ говорить хорошо!—воскликнула донья Хесуса.

Ирена засмѣялась энтузіазму бабушки Чучи, и энергическими кивками головы одобряла ея похвалы.

— Máхимо,—сказала вдругъ старуха,—отчего вы не женитесь? Чего вы ждете, дѣтко?

— Время терпитъ, сеньора. Увидимъ...

— Въ этомъ «увидимъ» пройдетъ вся жизнь.

Я посмотрѣлъ на Ирену, которая устремила на меня внимательный взоръ, и, чтобы сказать что нибудь, спросилъ:

— А дѣвочки?

— Онѣ поздно сидѣли сегодня. Имъ тоже хотѣлось посмотрѣть на балъ, а потомъ разогнали себѣ сонъ, бѣгали по комнатамъ, шалили... Теперь, впрочемъ, спятъ.

— А вамъ не хочется спать?

— Нисколько.

— Но вѣдь ужъ очень поздно.

— Я ухожу къ себѣ.

— Будете читать?—сказалъ я, слѣдуя за ней со свѣчкой.

— Нѣтъ, черезчуръ поздно... Постараюсь заснуть. Завтра...

— Что завтра?

— Завтра будетъ другой день.

— Безъ сомнѣнія.

— И мы потолкуемъ...

— Потолкуемъ... — повторилъ я, а сердце у меня радостно забилось, предчувствіе близкаго счастья закружило мнѣ голову. Но она взяла свѣчку изъ моихъ рукъ, скользнула въ свою комнату и оттуда уже пожелала мнѣ спокойной ночи; не много спустя я услышалъ какъ она запирала изнутри дверь на замокъ. Потомъ она стукнула въ дверь и сказала:

— Принесите же мнѣ, что обѣщали.

— Что, милая?—Въ эту минуту мнѣ казалось, что я обѣщался отдать ей всю свою жизнь.

— Какъ вы забывчивы! Англійскую грамматику Ана...

— Ахъ, да... хорошо...

— И два карандаша Фабера, нумера 2 и 3.

— Хорошо; еслибъ вы попросили принести вамъ солнце и луну...

— Не будьте ужасны... До свиданья.

— Не утомляйте себя чтеніемъ.

— Я уже сплю.

— Отлично, отдыхъ... спокойной ночи.

— Вы еще здѣсь, Мансо?

— Я думалъ, вы уже заснули.

— Я молюсь... Прощайте.

Я ушелъ. Меня нѣсколько удивила раздражительность Ирены, несогласная съ ея обычной серьезностью и мягкостью; но потомъ я разсудилъ, что это случайное обстоятельство нисколько не измѣняетъ дѣла или, вѣрнѣе говоря, что случайная дисгармонія не исключаетъ ровности характера.

Пора было расходиться съ собранія; но Симарра и братъ задержали меня, сдѣлавши нападеніе по всѣмъ правиламъ военнаго искусства на мою скромность; имъ непремѣнно хотѣлось, чтобы я сдѣлался политическимъ дѣятелемъ, бросился бы вмѣстѣ съ ними на единственную дорогу, которая ведетъ къ благополучію. Я сопротивлялся, ссылаясь на свой характеръ и убѣжденія. Симарра увѣрялъ, что мнѣ можно облегчить доступъ въ палату, подготовивъ мою кандидатуру въ одномъ изъ вакантныхъ округовъ. Братъ говорилъ уже объ этомъ съ министромъ, который отвѣтилъ: «О! разумѣется!»... Хозе брался даже уладить неудобства, проистекающія отъ несовмѣстимости моихъ убѣжде-

ній съ олигархическимъ образомъ правленія, мнѣ стоило только бросить разъ навсегда свои утопіи и преувеличенія, сдѣлаться практическимъ человѣкомъ, отыскать на обширномъ полѣ своей учености переходную формулу, которая примирила бы теорію съ практикой, мысль съ дѣломъ. Подобнаго же мнѣнія держался и маркизъ де-Теллерія, завзятый врагъ утопій, человѣкъ практическій по преимуществу, до того практическій, что онъ жилъ даже на счетъ ближняго. Это былъ важный баринъ, который презрительно называлъ пустяками все, чего не понималъ. Разсчитывая на силу своего обаянія, онъ отвелъ меня въ сторону, очень хвалилъ и заключилъ тѣмъ, что такіе люди какъ я должны посвятить себя защитѣ интересовъ производительныхъ классовъ противъ притязаній пролетаріата, защищать священныя преданія нашихъ предковъ противъ наплыва варварства свободнаго мышленія и отеческую заботливость правительства противъ бреда теоретиковъ. Я старался скрыть вѣжливыми фразами свое презрѣніе къ этому человѣку, котораго я зналъ уже давно со словъ его зятя и моего друга Леона Рока.

При прощаніи, онъ сказалъ мнѣ:

— Я пришлю вамъ небольшую брошюрку своего сочиненія, въ ней собраны всѣ рѣчи и дебаты, происшедшіе въ сенатѣ по поводу моего законо-проекта о бродягахъ. Вы меня много обяжете, если прочитаете ее и выскажете свое безпристрастное мнѣніе...

Мануэла, узнавъ, что мнѣ навязываютъ кандидатуру, не скрывала своего удовольствія. Она никакъ не могла понять, почему я отказываюсь выступить на политическое поприще, и бранила меня за мое упорство и любовь къ неизвѣстности.

XV.

Въ буньолеріи.

Было три часа ночи. Я чувствовалъ страшную пустоту въ головѣ и механически передвигалъ ноги, какъ во снѣ. Надо было убираться во-свояси. Проходя черезъ столовую, я остановился, чтобы выпить стаканъ воды и съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ комнатѣ Ирены еще былъ свѣтъ. «Что-жъ это такое?» —подумалъ я.—«Развѣ два часа тому назадъ она не увѣряла меня, что ей хочется спать?.. Что она дѣлаетъ? Молится, читаетъ романы или... пожираетъ мои философскія произведенія?..» Стаканъ холодной

воды успокоилъ меня нѣсколько на этотъ счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не дерзко ли было требовать правильности во всѣхъ поступкахъ Ирены? Чтó особеннаго въ томъ, что она сидитъ двумя часами позже чѣмъ хотѣла? Можетъ быть, она починяетъ свое платье, или готовится къ урокамъ на завтра... Три съ половиной часа!.. Сколько часовъ спитъ эта дѣвушка, которая встаетъ въ семь часовъ? Плохая привычка утомлять себѣ мозгъ по ночамъ! О, когда она будетъ моею, я заставлю ее строго исполнять требованія гигіены!

У воротъ меня догналъ Пенья.

— Вы идете домой, маэстро?

— Безумецъ, куда же мнѣ идти? А ты куда идешь?

— Мнѣ еще не хочется спать, рано.

— Четыре часа, это по твоему рано?

Я не выдержалъ и произнесъ горячую филиппику противъ его неправильнаго образа жизни, противъ пагубной, анти-гигіенической привычки превращать ночь въ день, этой главной причины худосочія и рахитизма нашей молодежи. Пенья засмѣялся.

— Изъ уваженія къ вамъ, маэстро, я провожу васъ до дому, а потомъ уйду въ «Фармацію».

— А мать, между тѣмъ, тебя ждетъ и Богъ знаетъ какъ безпокоится! Ахъ, Мануэль, я не узнаю тебя. Кажется невѣроятнымъ, что ты мой ученикъ.

— Попались, маэстро!.. А вы-то, а вы не возвращаетесь на зарѣ? Нѣтъ, право, философу это непростительно. Пошаливать начинаете!.. Этакъ вы, пожалуй, не ложась спать, станете отправляться въ классъ во фракѣ. Ахъ, какъ заразителенъ дурной примѣръ!..

Его шутки сконфузили меня немного; но я не хотѣлъ уступать.

— Слушай, несчастный, — сказалъ я, взявъ его за руку. — Какъ ты ни отговаривайся, я насильно тебя уведу домой. Не пойдешь ты въ «Фармацію». Я тебѣ приказываю, ты обязанъ слушаться учителя.

— Сдѣлка!.. Постараемся все примирить, какъ вашъ любезный братецъ. Я не пойду въ «Фармацію», но и не лягу, не поѣвши чего-нибудь.

— Да развѣ, злодѣй, ты не ужиналъ у Хозе?

— Ужиналъ... Но теперь—другое дѣло, мнѣ теперь не ѣсть хочется, а зайти куда-нибудь.

— Куда же ты хочешь зайти?

— Вотъ сюда, въ *буньолерію* [1]). Ночь холодная и рюмка водки будетъ очень встати.

— Съума ты сошелъ? Неужели ты воображаешь, что я...

— Пойдемъ, magister, будьте любезны. Вѣдь я же въ угоду вамъ не пошелъ въ свой клубъ. Всего на десять минутъ. Потомъ мы вмѣстѣ вернемся домой, какъ самые почтенные филистеры.

И, схвативъ за плащъ, онъ съ такой силой повлекъ меня по направленію къ противной харчевнѣ, что мнѣ осталось только повиноваться.

— Упорный!

— Сядемъ, маэстро.

Я, на скамьѣ буньолеріи, въ четыре часа утра, передъ миской оладьевъ и рюмкой водки! Это было такъ невѣроятно, что я разсмѣялся. Противъ насъ, за сосѣднимъ столикомъ, сидѣли двѣ парочки — пѣвцы и пѣвицы изъ сосѣдняго кафе-шантана, откуда они только-что вышли, такъ какъ представленія длились тамъ почти цѣлую ночь. Пѣвицы имѣли довольно развязныя манеры, но были очень недурны въ своихъ платочкахъ, небрежно повязанныхъ на головѣ и длинныхъ темныхъ мантильяхъ. За-то трудно себѣ представить что-нибудь болѣе противное, чѣмъ ихъ кавалеры, нахальные, длинно-гривые и гладко-выбритые какъ патеры. Всѣ въ четверомъ вели весьма оживленный скоромный разговоръ, прерывавшійся восклицаніями и междометіями дурного тона. Первый разъ въ жизни былъ я въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ подобными типами и не могъ оторвать отъ нихъ глазъ.

— Какая смѣлая эта толстушка!..—сказалъ мнѣ Мануэль.— Я вижу, маэстро, что вы приходите въ восторгъ.

— Я?..

— Вы имѣете видъ какъ будто хотите съѣсть ее глазами...

— Не говори глупостей.

— И она не въ претензіи, маэстро; даже глазки вамъ дѣлаетъ. То, что въ нашемъ обществѣ называютъ кокетствомъ, здѣсь называютъ «давать роэги».

— Кончилъ ты, лѣнтяй, тянуть свою водку? — спросилъ я, чувствуя живѣйшее желаніе убѣжать оттуда.

— А вы не пьете?

— Я? Брось эту мерзость, этотъ ядъ...

— Знаете, маэстро, сегодня я очень возбужденъ, кровь горитъ во мнѣ, кажется, будто электрическій токъ проходитъ по моему тѣлу! Мнѣ бы хотѣлось побить кого-нибудь.

---

[1]) Нѣчто въ родѣ нашей харчевни, гдѣ спеціально продаются оладьи и водка.

Я внимательно и съ грустью смотрѣлъ на своего ученика, не понимая, что съ нимъ дѣлается. Въ такомъ состояніи я его еще не видалъ.

— Да, да, сеньоръ; бываютъ случаи, когда необходимо совершить какое-нибудь варварство, въ видѣ мести за глупости и подлости, которыя наполняютъ нашу жизнь; сдѣлать что-нибудь жестокое, драматическое. Выбросьте изъ жизни драматическій элементъ и тогда — прощай, молодость. Какъ вы полагаете, не развлечетъ ли насъ это, если я заведу ссору вонъ съ тѣми господами?

— Съ ними!.. Господи, Мануэль, да ты съума сошелъ, ты пьянъ...

— Ну что изъ этого вышло бы? Ничего. Вѣдь это народъ трусливый. Ну, повели бы насъ въ кутузку, а завтра... нѣтъ, сегодня вы бы не явились въ классъ. Вотъ и все. Директоръ навѣрно пошелъ бы освобождать васъ изъ полицейскихъ узъ.

— Еслибъ здѣсь была линейка, я бы тебя наказалъ, какъ самаго сквернаго ученика. Ты другого не стоишь. Я не узнаю тебя съ тѣхъ поръ, какъ ты вышелъ изъ-подъ моей ферулы. У тебя теперь такія низкія мысли и рѣчи, что, кажется, весь мой трудъ на тебя пропалъ даромъ.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ Пенья, ударяя себя кулакомъ въ грудь и хлопнувъ рукой по лбу.—Кое-что осталось. Много еще осталось и здѣсь, и здѣсь, маэстро, и останется тамъ на-вѣки. Этотъ свѣтъ никогда не погаснетъ, и пока будетъ существовать пространство и время...

Пѣвцы поднялись, собираясь уходить. При видѣ энтузіазма Мануэля, мужчины переглянулись, а дамы задыхались со смѣху. Я былъ чрезвычайно радъ, когда они очутились за дверью, ибо теперь Мануэлю не съ кѣмъ было затѣвать ссоры, которую онъ такъ желалъ.

Буньолерія была выкрашена красной краской, по образцу прочихъ мадридскихъ тавернъ; стѣны были грязныя и скользкія; стойка, обитая жестью, разрозненные стулья, часы и американскій календарь, неизвѣстно для чего попавшій сюда, составляли всю меблировку этой трущобы, насквозь пропитанной запахомъ жаренаго масла.

— Уйдемъ, Мануэль; это скандалъ.

— Еще немножечко...

— Я падаю отъ сна.

— А я такъ возбужденъ, что мнѣ кажется, будто я никогда больше спать не буду.

— Съ тобой что-то дѣлается.

— Про то я вамъ и говорю. Что-то драматическое происходитъ во мнѣ, чтò меня жжетъ и гложетъ. Я хочу дѣлать что-нибудь, маэстро, мнѣ нужна дѣятельность. Эта неподвижная жизнь, эта глупая пассивность мнѣ надоѣла, она утомляетъ меня. Я нахожусь на драматической стадіи развитія, на томъ историческомъ пунктѣ, который называю флорентинскимъ, потому что его отличительная черта—искусство, страсти, жестокость. Медичисы засѣли въ моемъ тѣлѣ и завладѣли имъ, какъ дьяволъ бѣсноватымъ.

Я не могъ не засмѣяться.

— Чтò же ты читаешь теперь, чѣмъ занимаешься?

— Макіавеля читаю. Его Исторія Флоренціи, Мандрагора, Комментаріи на Тита Ливія, особенно Трактатъ о монархѣ—самыя замѣчательныя книги, когда-либо вышедшія изъ рукъ человѣческихъ.

— Скверное это, нездоровое чтеніе, если ему не предшествуетъ приличная подготовка. Это мое убѣжденіе, Мануэль; если ты не послушаешь меня, ты испортишь свою голову. Займись лучше изученіемъ общихъ принциповъ...

— О, маэстро, пожалуйста, не продолжайте! Я ненавижу философію, она не влѣзаетъ въ меня. Это игра словъ, только всего. Онтологія! О, Господи, пронеси эту отвратительную чашу мимо меня! Когда я приму ложку «субстанціи», «бытія» и «небытія»—я боленъ три дня послѣ того. Я люблю факты, жизнь, частности. Не говорите вы мнѣ о теоріяхъ и системахъ, говорите лучше о людяхъ, объ успѣхахъ. Макіавель представляетъ мнѣ живую, правдивую панораму человѣческой природы, и я не промѣняю его на всѣхъ философовъ прошлыхъ и будущихъ.

— Мы дѣлаемъ глупости, Пенья; не въ такомъ мѣстѣ слѣдуетъ разсуждать о столь возвышенныхъ предметахъ. Такъ не будемъ же профанировать человѣческаго разума и пойдемъ спать... Мы потолкуемъ въ другой разъ. Ты выросъ здоровый и крѣпкій, но немного кривой; надо тебя выпрямить. Многое въ тебѣ мнѣ не нравится, я не училъ тебя этому. Можетъ быть, это временное потемнѣніе души, кипѣніе молодой крови... Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, уйдемъ, пожалуйста...

Наконецъ-таки мнѣ удалось вытащить его изъ таверны.

— Я вамъ сообщу секретъ,—сказалъ онъ вдругъ, когда мы проходили мимо рынка, въ галереяхъ котораго начинали мелькать огоньки и слышался неясный шумъ, первые признаки пробуждавшагося дня.—Съ тѣхъ поръ, какъ я такой...

— Какой?

— Такой нервный, возбужденный, съ потребностями метать и рвать, совершить что-нибудь драматическое... Ну-съ, такъ съ тѣхъ самыхъ поръ во мнѣ пробудились ужасныя антипатіи; мнѣ самому онѣ противны, я ненавижу ихъ всей душой. Знаете, кого я терпѣть не могу больше всѣхъ на свѣтѣ?

— Кого же?

— Вашего братца, амфитріона сегодняшняго бала, сеньора донъ-Хозе-Марія Мансо, будущаго маркиза и проч.

Огорченный этими словами, я горячо сталъ защищать брата, говоря, что если у него много маній и смѣшныхъ сторонъ, онъ все-таки добродушный и честный человѣкъ. Но моя защита еще больше раздражила юношу; онъ утверждалъ, что вся прямота и честность Хозе не стоятъ двухъ мѣдныхъ грошей. Я подумалъ, что Пенья подслушалъ въ политическихъ салонахъ моего брата какую-нибудь пикантную сплетню на свой счетъ, какой-нибудь оскорбительный намекъ на свое низкое происхожденіе и что въ порывѣ раздраженія онъ смѣшалъ въ одной ненависти хозяина дома и его сплетниковъ. Такъ я подумалъ, и долженъ былъ сознаться, что дѣйствительно ходили слухи весьма оскорбительные для его достоинства. Авторомъ этихъ сплетенъ былъ Леопольдито Теллеріа, маркизъ де-Каза-Бохіо, съ которымъ Пенья былъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ.

— Ужъ не замышляешь ли ты дуэль?—спросилъ я, возмущенный при мысли, чтобы мой ученикъ, которому я старался внушить самыя строгія правила нравственности, могъ рѣшать вопросъ чести несправедливымъ и варварскимъ способомъ поединковъ, этого наслѣдства вандализма и невѣжества.

— Вы, маэстро, не отъ міра сего,—отвѣтилъ онъ.—Тѣнь ваша блуждаетъ по салонамъ Мансо, но сами вы остаетесь постоянно въ Вавилонѣ мысли, гдѣ все—онтологическое, гдѣ человѣкъ—безплотное бытіе, безъ крови и нервовъ, дѣтище мысли, мечты скорѣе, чѣмъ природы и жизни, безъ страстей, безъ родины, безъ общества. Говорите что угодно, но если я не воспользуюсь случаемъ поколотить благороднаго маркиза де-Каза Бохіо, я буду думать, что земной шаръ покачнулся въ своемъ основаніи и что законы природы перестали дѣйствовать... Но при всемъ томъ, повѣрите вы? есть другой человѣкъ, который мозолитъ мнѣ глаза больше, чѣмъ Леопольдито, и это никто иной, какъ почтенный братецъ моего маэстро.

— Что-же ты и его вызовешь на дуэль, безумецъ. Ты, видно, объявилъ войну всему роду человѣческому... Ахъ, Мануэль,

умѣрь свои порывы, голубчикъ, не то на тебя придется надѣть сумасшедшую рубашку!

Когда мы взбирались по лѣстницѣ, сеньора де-Пенья отворила дверь. Она никогда не ложилась спать, не дождавшись сына. Знаменитая донья Хавьера была въ этотъ разъ очень не въ духѣ и встрѣтила насъ упреками:

— Ай, какъ поздно возвращаетесь домой!.. И вы, другъ Мансо, пошли по его стопамъ? Вы, такой скромникъ, такой степенный, приходите домой въ четыре часа утра! Ай-да учитель, ай-да папаша!..

— Этотъ злодѣй, сеньора, этотъ злодѣй меня развращаетъ.

— Неправда, мама; это онъ меня.

— Ахъ, дѣтко, какой ты блѣдный... Чтó съ тобой? Чтò случилось?..

— Ничего, мама, ничего не случилось.

— Отчего же ты не идешь спать?

— Я зайду на минутку къ сеньору Мансо. Нужно книжки у него взять.

— Какія книжки?—спросилъ я, отпирая дверь.—Зачѣмъ тебѣ книжки?

— Чтобы приготовить рѣчь.

— Какую рѣчь? Опять новая выдумка?

— Такъ и есть, что вы въ Вавилонѣ обрѣтаетесь. Я вѣдь вамъ сказалъ, что буду говорить на вечерѣ.

— На какомъ вечерѣ?

— Который устраиваетъ «Общество помощи инвалидамъ промышленности».

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ. О чемъ же ты будешь говорить? Выбирай книги, какія хочешь...

Мнѣ очень хотѣлось спать. Я оставилъ его въ кабинетѣ, а самъ прошелъ въ альковъ, который былъ тутъ же рядомъ. Мнѣ слышно было, какъ онъ рылся на полкахъ, снимая и откладывая книги.

Передъ тѣмъ какъ заснуть, я сказалъ ему:

— Завтра ты мнѣ разскажешь, чтó ты имѣешь противъ Хосе-Марія.

— Не могу, это секретъ... Какъ вы полагаете, пригодится мнѣ Спенсеръ?

— Проваливай, братецъ, дай мнѣ заснуть.

Сквозь дремоту мнѣ послышалось:

— Онъ подлецъ, настоящій подлецъ!

Но я уже спалъ, и эти слова блеснули въ моемъ сознаніи, какъ падающая звѣзда во мракѣ ночи.

XVI.

На слѣдующій день.

На слѣдующій день я засталъ брата въ школьной комнатѣ. Онъ пришелъ лично освѣдомиться объ успѣхахъ дѣтей. Будущій маркизъ былъ очень возбужденъ, любезничалъ и заигрывалъ съ учительницей, но по отношенію къ дѣвочкамъ выказывалъ такую напыщенную строгость, которая мнѣ показалась совершенно неумѣстной. Ирена была какъ-будто сконфужена отъ любезностей своего патрона и имѣла растерянный видъ. Когда онъ ушелъ, она до того путалась при объясненіи уроковъ, что дѣвочкамъ приходилось ее поправлять. Все это было очень подозрительно. Въ довершеніе непріятности, братъ потащилъ меня на свиданіе съ министромъ народнаго просвѣщенія, по какому-то пустяшному дѣлу, и я лишился возможности погулять съ Иреной.

Теперь я убѣдился, что Хозе-Марія не былъ примѣрнымъ мужемъ. Уже и раньше Лика намекала мнѣ нѣсколько разъ на это обстоятельство, но я не обращалъ вниманія, думая, что это съ ея стороны капризы и преувеличенія. Однажды, когда мы остались дома съ Ликой одни (всѣ прочіе ушли гулять), она стала горько жаловаться мнѣ на мужа и вдругъ заплакала. Бѣдная Лика! Никогда я не забуду этихъ экзотическихъ выраженій и гиперболъ, этихъ отрывочныхъ фразъ, которымъ страданіе и искренность придавали убѣдительное краснорѣчіе. Она все терпѣла для своего Хозе-Марія, но силъ ея не хватаетъ больше. Онъ совсѣмъ забылъ и жену, и дѣтей; по цѣлымъ днямъ не бываетъ дома, ночи проводитъ, Богъ знаетъ, гдѣ, за завтракомъ отъ него слова не добьешься или услышишь какое-нибудь сухое замѣчаніе относительно предстоящаго вечера или званаго обѣда... Но это бы все ничего, если-бъ за нимъ не было другихъ, болѣе важныхъ проступковъ. Хозе-Марія стоитъ на краю гибели, сообщество Симарры его развращаетъ, онъ испортился, какъ здоровый плодъ отъ соприкосновенія съ гнилымъ... Бѣдняжка не сомнѣвалась уже относительно невѣрности своего супруга. Она такъ была оскорблена этимъ, что при одной мысли — краска выступала на ея лицѣ, она не находила словъ, чтобы передать это... Но мнѣ, мнѣ все можно разсказать. Роясь однажды въ карманахъ Хозе, она нашла тамъ письмо отъ одной «безстыдницы»... Письмо, въ которомъ у него просили денегъ!.. Она приходила въ ужасъ при мысли, что деньги ея дѣтей попадутъ

въ руки какой-нибудь... Но не въ деньгахъ дѣло, ее мучитъ безсовѣстность его... Еслибъ ей не было совѣстно самой себя, она бы отправилась къ этой потерянной женщинѣ, которая обкрадывала ея мужа, и дала бы ей пару добрыхъ пощечинъ. Ахъ, этотъ Мадридъ, этотъ Мадридъ! Лучше ходить въ простомъ камизолѣ по роднымъ горамъ, жить въ лачугѣ, ѣсть мясо, хутію и красные апельсины, чѣмъ причесываться по модѣ, носить шлейфы, вести умные разговоры и обѣдать съ министрами. Лучше ей было на своей родинѣ, чѣмъ въ этомъ проклятомъ Мадридѣ. Тамъ она была госпожей, царицей въ народѣ, а здѣсь на нее обращаютъ вниманіе лишь тѣ, которые приходятъ объѣдать ее, и, поживши на ея счетъ, еще смѣются надъ ней... Нѣтъ, нѣтъ, эта жизнь не по ней; если Хозе не исправится, она прямо уѣдетъ на родину и увезетъ съ собой дѣтей.

Я утѣшалъ ее, говоря то же, что̀ она сама часто говорила мнѣ,—что не слѣдуетъ преувеличивать. Развѣ не можетъ статься, что открытое ею письмо вовсе не имѣетъ того преступнаго значенія, которое она ему хочетъ придать?.. На это она отвѣтила нѣкоторыми интимными поясненіями и числами, которыя исключали всякое сомнѣніе относительно дурного поведенія ея супруга. Въ своемъ собственномъ домѣ онъ позволялъ себѣ дѣлать такія вещи, которыя ложились позоромъ на всей его семьѣ, и особенно на его бѣдной женѣ... И потомъ, развѣ онъ не довелъ свою дерзость до того, что сталъ ухаживать за Иреной?..

— За Иреной?!..

— Да, да!..—Бѣдная Лика вышла изъ себя, затронувъ этотъ пунктъ... Въ ея домѣ, на ея собственныхъ глазахъ!.. Да онъ и не скрываетъ уже теперь этого... Онъ проводитъ цѣлые часы въ школьной комнатѣ, каждый день. Однажды ночью онъ вошелъ даже въ комнату Ирены, когда она ушла спать. Не стоитъ и говорить объ этихъ мерзостяхъ! Въ позапрошлую ночь между мужемъ и женой произошла бурная сцена у самыхъ дверей... у самыхъ дверей комнаты учительницы. Но Лика не сомнѣвалась, что послѣдняя нисколько не поощряла ухаживаній хозяина дома. Напротивъ, Ирена не скрывала, что ей это было очень тяжело; она—честная, достойная дѣвушка, она не можетъ быть отвѣтственна за дерзости человѣка, столь... Наконецъ сегодня утромъ Ирена сама заявила ей свое рѣшеніе оставить мѣсто. Обѣ плакали... Въ концѣ-концовъ, я, Махимо Мансо, человѣкъ прямой и чистый, философъ, ученый, честь семьи и проч., былъ призванъ уладить все, растолковавъ Хозе неприличіе его коварнаго поведенія и ужасныя послѣдствія, могущія отъ того произойти...

Бѣдная женщина заранѣе изъявляла готовность простить своего супруга, если онъ исправится, простить отъ всего сердца, если онъ возвратится на путь истинный, потому что она очень-очень любила его... Оставалось мнѣ, стало быть, только пустить въ ходъ свои совѣтническія способности.

XVII.

Исторія на одномъ листикѣ.

Слѣдуетъ наблюдать спокойно и безпристрастно событія, — сказалъ я себѣ, возвращаясь домой. Надо сохранить хладнокровіе, столь неоцѣненное на полѣ сраженія, и если судьба, внѣшнія обстоятельства или собственный интересъ заставляютъ насъ разыгрывать роль полководца, слѣдуетъ пустить въ ходъ всю тактику, знакомую намъ изъ книгъ, и всю зоркость, которую мы пріобрѣли изъ сравнительнаго изученія топографіи человѣческаго сердца.

Послѣ долгаго и всесторонняго обсужденія фактовъ я составилъ планъ дѣйствій. Утромъ я побѣжалъ къ брату и сказалъ Ликѣ:

— Наблюдай за доньей Кандидой, а я буду присматривать за Иреной.

Она возразила, что я ошибаюсь на счетъ Калигулы, что отъ такой доброй и услужливой женщины нельзя ожидать ничего дурного.

— Берегись этой женщины, говорю тебѣ!—твердо сказалъ я, увѣренный, что напалъ на слѣдъ. — Не смотря на помощь, которую она получаетъ отъ васъ, ея денежныя дѣла не улучшились, каждый день у нея являются новыя потребности. Ей всего мало, и чѣмъ больше у нея есть, тѣмъ большаго она желаетъ. Она утолила голодъ и теперь мечтаетъ объ удобствахъ, которыхъ прежде у нея не было. Дай ей эти удобства и она будетъ стремиться къ роскоши, къ мотовству. Это ненасытное животное.

— Что же мнѣ нужно дѣлать, голубчикъ?

— Наблюдай, говорю тебѣ, наблюдай и молчи.

— А ты будешь слѣдить за Иреной?

— Да; я считаю ее доброй, недюжинной дѣвушкой. Я не видалъ еще подобныхъ, но...

— На все ты находишь «но»...

— Ахъ, Мануэла, ты не знаешь, какимъ соблазнамъ подвер-

гается добродѣтель въ наше время. Бывали случаи, что невинныя, божественныя созданія, въ минуту слабости уступали внушеніямъ честолюбія и съ высоты своей почти нечеловѣческой чистоты падали на самую низшую ступень порока. Ихъ укусилъ змѣй, отравилъ кровь ихъ ядомъ безумной жажды, знаешь чего?.. роскоши. Роскошь—это то, что прежде называлось дьяволомъ, зміемъ, падшимъ ангеломъ, потому что и роскошь была когда-то херувимомъ, была искусствомъ, благородствомъ, а теперь это—зловредная язва нашего общества, болѣзнь, которая отравила весь родъ человѣческій...

— Перестань, Махимо; по правдѣ сказать, я не понимаю что ты говоришь; но, разумѣется, если ты говоришь — значитъ, это правда... Ладно; стало быть, осторожнѣе съ учительницей...

«Осторожнѣе съ учительницей»! Эта фраза такъ странно зазвучала въ моихъ ушахъ, что я самъ себѣ сталъ противенъ въ своей шпіонской роли. Противенъ потому, что страшное сомнѣніе вкралось въ мою душу. Я не довѣряю Иренѣ; но почему, какое у меня разумное основаніе для этого? Вѣдь сомнѣніе и нерѣшительность—моя характернѣйшая черта, я самъ развилъ ее въ себѣ во время своихъ долгихъ научныхъ занятій, какъ точку опоры для открытія истины. И тамъ она была мнѣ полезна. Но въ жизненныхъ, практическихъ вопросахъ такой скептицизмъ могъ довести до абсурда и несправедливости. Можетъ быть, я несправедливъ и къ Иренѣ; можетъ быть...

Непосредственнымъ результатомъ этихъ мучительныхъ колебаній было рѣшеніе ничего не говорить съ Иреной, не показать ей даже вида, что я заподозрилъ ея чистоту. Принявъ это рѣшеніе, я пошелъ въ ея комнату. Господи, какое смущеніе овладѣло мной, когда я увидѣлъ ее скучной, задумчивой и блѣдной какъ смерть! Казалось, она была подавлена подъ тяжестью страшной душевной борьбы. Что происходило съ ней? Этого я не могъ узнать. Всѣ мои іезуитскіе подходы, всѣ лукавые разспросы не могли открыть тайниковъ ея души, остались совершенно безплодны. Углубивъ лицо въ свою работу, она молча дѣлала шовъ за швомъ и отвѣчала мнѣ односложно и неохотно. Сильно разстроенный, я поплелся домой.

Но я не могъ дольше терпѣть; на другое утро я побѣжалъ къ ней и прямо началъ:

— Я все знаю. Лика разсказала мнѣ о продѣлкахъ Хозе.

Она спокойно выслушала и улыбнулась. А я, напротивъ, ждалъ, что она смутится.

— Вашъ братецъ,—отвѣтила она,—странный человѣкъ. Но

что же васъ не видать, мой другъ. Вы какъ красное солнышко покажетесь и спрячетесь.

Я продолжалъ говорить о братѣ, о его тщеславіи, легкомысліи, слегка оправдывалъ его, вознесъ до облаковъ Лику, и...

Она прервала меня на полусловѣ:

— Хотя донъ-Хозе не входилъ ко мнѣ послѣ этой сцены и даже не заговаривалъ со мною, но мнѣ кажется, что я не могу больше оставаться въ этомъ домѣ.

Я сдѣлалъ только знакъ удивленія, не рѣшаясь ее оспаривать. Я понималъ, что она была права.

— Вѣроятно, эти непозволительныя ухаживанія брата и были причиной вашей вчерашней тоски?

— Да и нѣтъ... долго было-бъ объяснять.

Да и нѣтъ! Странное объясненіе!

— Однако, Ирена, вы обѣщались быть откровенной со мной. Помните, вы сказали даже, что «сдѣлаете такъ, какъ я вамъ прикажу».—Она внимательно посмотрѣла мнѣ въ глаза, и этотъ умный, проницательный взглядъ, какъ острый ножъ проникъ въ мою душу. Я смутился, почувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ и мелкимъ, что почти задрожалъ, когда услышалъ ея отвѣтъ:

— Вы усомнились во мнѣ... Поэтому вы недостойны, чтобы я съ вами совѣтовалась.

Это была правда. Мои вчерашніе разспросы и инквизиторскія выпытыванія обидѣли ее... Но эта благородная гордость понравилась мнѣ, она была новымъ доказательствомъ твердости ея характера. Я сталъ увѣрять ее въ своей искренной дружбѣ, но не позволилъ себѣ дать понять что-нибудь другое—для этого еще не наступило время.

Мы вышли гулять. Она была очень любезна и весела, но разговоръ нашъ не клеился, видно было, что она что-то скрываетъ отъ меня, и это «что-то» волновало и мучило меня.

— Постараюсь,—сказалъ я,—заслужить вновь ваше довѣріе и узнать, о чемъ вы хотѣли совѣтоваться со мною.

— Посмотримъ. А теперь...

— Что?

— А теперь не бомбардируйте меня разспросами. Кто многаго хочетъ, ничего не получитъ. Имѣйте побольше терпѣнія и довѣрія ко мнѣ. Въ этомъ отношеніи я ужасна, т.-е. я хочу сказать, что люблю разсказывать что-нибудь лишь тогда, когда на меня не ворчатъ. Что касается совѣтовъ, они теряютъ всю свою соль, если не даются во время и когда не исходятъ сами отъ сердца.

Это меня разсмѣшило, и я еще больше смѣялся, когда, возвращаясь домой, Ирена обратилась ко мнѣ съ слѣдующей тирадой:

— Чтобы дать вамъ возможность поскорѣе выслужиться, я попрошу у васъ еще одного одолженія... Сдѣлайте мнѣ, пожалуйста, маленькій конспектъ, такъ, на одномъ листикѣ... исторіи Испаніи. Повѣрите, я никакъ не могу запомнить нашихъ одиннадцати Альфонсовъ и всѣхъ ихъ перепутываю. Мнѣ кажется, будто всѣ они сдѣлали одно и то же... Такъ сдѣлаете?

— Какъ же такъ, всю исторію Испаніи на одномъ листикѣ?

— Да вѣдь только одиннадцать Альфонсовъ. Начиная отъ Донъ Педро Жестокаго до нашего времени, я ихъ помню хорошо... Господи, какая это скучная вещь всѣ эти мавританскія войны, всегда похожія одна на другую, эти браки того съ той, и эти короли, которые только и дѣлаютъ что мирятся и ссорятся... Это ужасно. Если-бъ я была правительствомъ, я бы все это уничтожила.

— Всю исторію?

— Нѣтъ, то, что́ сказала. Не сердитесь за эту ересь и до свиданья.

XVIII.

Онъ будетъ говорить.

Въ этотъ вечеръ я не остался на собраніи у брата, на слѣдующій день меня пригласили на прощальный обѣдъ, который давался одному моему коллегѣ, и только отсюда, прежде чѣмъ отправиться домой, я забѣжалъ посмотрѣть, что дѣлается у Хозе. Меня встрѣтила Лика съ очень непріятной новостью. На вчерашнемъ собраніи произошелъ очень крупный разговоръ между Мануэлемъ Пенья и маркизомъ де-Каза-Бохіо. Рѣчь зашла сначала объ этикетѣ, это повлекло за собою вопросъ о сословіяхъ, а затѣмъ перешли прямо на личности. Дуэль была неизбѣжна, тѣмъ болѣе, что молодые люди и до того были на ножахъ, а Пенья ни за что не хотѣлъ взять назадъ своихъ оскорбительныхъ выраженій. Напрасно старался Хозе примирить враждебныя стороны, предлагая найти «переходную формулу»; но «братское объятіе» могло явиться только послѣ пролитія крови. Такъ и порѣшили, дуэль должна была состояться завтра, рано утромъ. Симарра и еще какой-то дворянинъ были секундантами моего ученика. Это происшествіе очень огорчило Лику, я же былъ

внѣ себя отъ досады. Столько души вложилъ я въ этого талантливаго юношу, такъ много старался привить ему здравые взгляды, и вдругъ онъ ставитъ на карту свою жизнь изъ-за какихъ-то глупыхъ вопросовъ о чести, пускаетъ въ ходъ грубое кулачное право! Это меня возмутило до глубины души, и я не могъ удержаться, чтобы не высказать громко свое омерзѣніе къ этимъ остаткамъ средневѣковаго варварства. Лика вполнѣ раздѣляла мои взгляды и удивлялась только, что не всѣ думаютъ такъ, какъ я.

Много стоило мнѣ труда въ этотъ вечеръ, чтобы не обругать самымъ неприличнымъ образомъ поэта-секретаря «Общества инвалидовъ», который назойливо надоѣдалъ мнѣ своими приставаніями. Ему непремѣнно хотѣлось включить меня въ число ораторовъ предстоящаго музыкально-литературнаго вечера. Я отвѣчалъ рѣзко, что не умѣю и не хочу говорить рѣчей. Но это мнѣ нисколько не помогло, потому что на помощь поэту подоспѣли братъ, Песъ и другіе важные господа (между прочимъ, одинъ эксъ-министръ), которые напали на меня со всѣхъ сторонъ. Въ блестящихъ рѣчахъ, говорили они, недостатка не будетъ; я нуженъ имъ, какъ ораторъ солидный, ученый, это придастъ вечеру торжественность и авторитетъ, на которые нельзя разсчитывать, если въ немъ примутъ участіе только пѣвцы и краснобаи; что, наконецъ, если я откажу въ своемъ «почтенномъ содѣйствіи», на вечерѣ окажется такой пробѣлъ, который Общество не въ состояніи будетъ пополнить, ни другими рѣчами, ни музыкой. Эта лесть не подкупила меня, я все-таки отказался произносить рѣчь. Тогда братъ разсердился, сказавъ, что со мной ничего не подѣлаешь, Лика обозвала меня упорнымъ, а *говорящая голова* сентенціозно замѣтила, что у философовъ нѣтъ практическаго такта и что ихъ содѣйствіе прогрессу цивилизаціи сводится на нуль. Я не обратилъ на это вниманія и ушелъ домой.

Мнѣ хотѣлось увидать поскорѣе Пенью. Но я его не засталъ; онъ увѣрилъ мать, что уѣзжаетъ въ Толедо и такимъ образомъ донья Хавьера ничего не подозрѣвала и была спокойна. Я, однако, волновался всю ночь и рано утромъ побѣжалъ къ брату справиться объ исходѣ дуэли. Лика, страшно перепуганная, сообщила мнѣ ужасную вѣсть, что Пенья убилъ маркиза де-Каза-Бохіо. Я обомлѣлъ. Итакъ, этотъ юноша, одаренный такимъ благороднымъ и добрымъ сердцемъ, такимъ симпатичнымъ и свѣтлымъ умомъ, сдѣлался убійцей человѣка, неповиннаго ни въ чемъ, кромѣ глупости!.. И за что? За нѣсколько пустыхъ словъ, за которыя мухи убить бы не слѣдовало. Это возмутительно!

Впрочемъ, чортъ возьми! Это извѣстіе исходило отъ Сенсъ-де-Бардаля,—можетъ быть, онъ навралъ?

— Очень можетъ быть,—сказала Лика.—Бѣги скорѣй къ Симаррѣ, тамъ все узнаешь. Хове-Марія ушелъ рано утромъ и сказалъ, что вернется только къ ночи; я его и не видѣла.

Проклятый лгунъ! Откуда выкопалъ ты, парнасская чума, свое извѣстіе? Можетъ быть, ничего этого и не было, можетъ быть, Пенья затронулъ только своей рапирой длинное ухо маркиза де-Бохіо и выпустилъ изъ него счетомъ четыре капли крови, послѣ чего благородные рыцари протянули другъ другу руки и дѣло кончилось къ общему благополучію рода человѣческаго?..

Это именно мнѣ сообщилъ Симарра, который горячо восхвалялъ хладнокровіе, благородство и храбрость моего ученика. Ни мало не медля, я полетѣлъ съ пріятной вѣстью къ Ликѣ, которая для успокоенія себя успѣла выпить уже пять чашекъ кофе. Въ домѣ поднялась всеобщая радость. Донья Хесуса громко возносила благодарственныя молитвы, Мерседесъ принялась пѣть отъ радости, и даже мамка, Рупертико и мулатка были очень довольны, что все обошлось хорошо.

Послѣ завтрака мы прошли съ Мануэлой въ школьную комнату. Ирена встрѣтила насъ очень весело, щеки ея раскраснѣлись, глаза горѣли счастіемъ и дѣтской беззаботностью.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ я,—я былъ очень занятъ и не могъ вамъ принести «исторіи на одномъ листкѣ»...

— О, какія глупости! Не безпокойтесь, не стоитъ труда... Вы меня очень балуете, а я злоупотребляю вашей добротой. Лучше всего, не обращайте на меня вниманія. Неправда ли, сеньора, ему не слѣдуетъ обращать на меня вниманія?..

— О, нѣтъ! Пусть работаетъ, пусть помогаетъ вамъ, голубушка... На то онъ и ученый!

— Но какой онъ увалень, какой увалень!—засмѣялась Ирена, бросивъ на меня свой огненный взглядъ, отъ котораго у меня голова закружилась.—Вѣдь онъ не хочетъ участвовать на вечерѣ, знаете? Это, право, ужасно...

— Упорный!..

— Но вамъ все-таки слѣдуетъ участвовать, сеньоръ. Прикажите вы ему, сеньора; прикажите, а то онъ никого не слушаетъ...

— Да, Махимо, тебѣ слѣдуетъ произнести рѣчь.

— Вечеръ потеряетъ всякій интересъ, если онъ не будетъ говорить,—прибавила Ирена.—Я ужъ ему сказала: «если вы

будете молчать, мой другъ Мансо, я не пойду». А между тѣмъ сеньора обѣщалась взять меня съ собою въ ложу.

— Да, мы возьмемъ ложу на верху, тамъ удобнѣе... И мама тоже пойдетъ, если ты будешь говорить.

Въ это время томный, старческій голосъ раздался у дверей:

— Да, да, ты долженъ говорить...

То была донья Хесуса. Изабеллита тоже стала меня теребить:

— Говори, дядюшка, говори...

Ирена смотрѣла на меня такимъ мягкимъ, нѣжнымъ взглядомъ... Я растаялъ, растаялъ окончательно. А Ирена, ликуя, произнесла:

— Да, да, онъ будетъ говорить!

Придется ораторствовать! Но о чемъ? думалъ я, возвращаясь домой, и готовъ уже былъ сожалѣть о своей слабости. Но внезапная мысль блеснула въ головѣ и лихорадка вдохновенія овладѣла всѣмъ моимъ существомъ. Вотъ сюжетъ, благородный и величественный! Я буду говорить о христіанской идеѣ любви къ ближнему. Мысли, одна другой богаче и оригинальнѣе, длинныя цитаты, тексты и факты затѣснились въ моемъ умѣ, спѣша и перегоняя другъ друга. Я проанализирую сначала догматическое опредѣленіе этой добродѣтели, по которой мы должны любить ближняго, какъ себя самихъ, исполняя волю Божію. Затѣмъ можно перейти къ апостоламъ и святымъ отцамъ, подготовивъ, такимъ образомъ, незамѣтно переходъ на философскую почву, тутъ привести, какъ бы мимоходомъ, знаменитыя изреченія философовъ, кратко изложить наиболѣе выдающіяся теоріи нравственности и потомъ перейти въ область политической экономіи; здѣсь можно будетъ коснуться различныхъ системъ общественной благотворительности, самопомощи и проч., и проч. Богатство сюжета подчинило меня своей власти, теперь у меня было матеріала не на одну, а на семь рѣчей. Оставалось только сжать этотъ матеріалъ, потому что нельзя же было говорить три часа подъ рядъ. Но сжать оказалось вовсе не такъ легко и, какъ только я взялся за эту работу, все перепуталось въ моей головѣ. Послѣ долгихъ размышленій я увидѣлъ, что было верхомъ глупости и педантизма лѣзть на увеселительный вечеръ съ святыми отцами, философіей и соціальными науками. Меня положительно поднимутъ на смѣхъ. «Нѣтъ, любезнѣйшій,—сказалъ я себѣ,— оставь лучше въ покоѣ святыхъ отцовъ; отъ тебя требуется не академическая лекція, напичканная цитатами, а лишь нѣсколько прочувствованныхъ словъ и нѣсколько любезностей по направле-

нію благотворительныхъ дамъ; только всего». Сказавъ себѣ это, я сѣлъ обѣдать; мнѣ больше ничего не оставалось дѣлать, потому что сочинить такой рѣчи я въ то время не могъ. А между тѣмъ на другой день меня ожидала новая непріятность.

Я рѣшилъ наконецъ объясниться съ Иреной. Роль безпристрастнаго наблюдателя начинала меня тяготить, выжидать больше становилось не подъ силу, потому что моя страсть къ учительницѣ рвалась наружу, прося воли и свѣта. Такъ продолжать было невозможно. Надо было сказать ей все и получить ея согласіе.

Но Ирены я не засталъ дома, она ушла къ теткѣ. Донья Кандида, — разсказывала мнѣ Лика, — получила часть платы за свое имѣніе и собиралась переѣхать на новую, болѣе просторную квартиру. Она покупала теперь дорогую мебель, ковры и проч. и Ирена пошла помочь ей устроиваться.

Я хотѣлъ побѣжать туда, но Лика удержала меня жалобами на кормилицу. Это, оказалось, невозможная женщина. Каждый день она заводила ссоры съ мулаткой и приходила въ такую ярость, что ей угрожала опасность потерять молоко; крестника моего не любила, Ликѣ на каждомъ шагу говорила дерзости и не ставила ее ни въ грошъ, хотя послѣдняя всячески угождала ей и чуть не поминутно дѣлала ей подарки. Лика положительно дрожала передъ ней, не рѣшаясь перечить ни въ чемъ.

— Я боюсь ей сказать что-нибудь,—закончила моя золовка,—потому что она все вымещаетъ на бѣдномъ ребенкѣ.

— Надѣлила тебя Кандида сокровищемъ!

— Да чѣмъ же она виновата, бѣдняжка!.. Не преувеличивай, пожалуйста!.. Еслибъ можно было поискать потихоньку другую, а эту потомъ прогнать... Возьми это на себя, голубчикъ. На Хозе-Марія разсчитывать нечего. Его какъ будто не существуетъ.

— А что же говоритъ донья Кандида?

— Ея теперь не видать совсѣмъ... Съ тѣхъ поръ, какъ она продала свои владѣнія и имѣетъ деньги...

— У Кандиды деньги!

— Да, она разбогатѣла; увидѣлъ бы ты, какія она траты дѣлаетъ...

— Ахъ, Лика, Лика! Я говорилъ, чтобъ ты слѣдила за этой тварью. Сдѣлала ты это?

— Сюда идутъ, замолчимъ.

Я не зналъ, чтб думать. Необходимость повидаться съ Иреной, и какой-то инстинктъ, заставлявшій меня пристально слѣдить за поведеніемъ доньи Кандиды, увлекли меня на ея квартиру. Долго

тянулъ я засаленный шнурокъ звонка—отвѣта не было. Наконецъ портьерка крикнула снизу, что сеньора вмѣстѣ съ племянницей отправились на новую квартиру; но гдѣ эта квартира —ни она, ни сосѣди не знали.

Я вернулся назадъ. Ирена пришла очень поздно, усталая и блѣдная болѣе обыкновеннаго. Новая квартира ея тетки находилась въ недавно отстроенномъ кварталѣ Санта-Барбара, въ концѣ города.

— Я столько наглоталась пыли сегодня!..—сказала Ирена. —Просто падаю отъ сна и усталости. До завтра, другъ Мансо.

До завтра! Это завтра настало, но Ирена вновь исчезла.

Меня разбирало живѣйшее нетерпѣніе посмотрѣть на удивительный домъ, который былъ купленъ и меблированъ на деньги отъ продажи имѣнія, тогда какъ само имѣніе существовало, насколько я зналъ, только въ возбужденномъ воображеніи гордой Калигулы.

Я отправился, бѣгалъ по новымъ улицамъ квартала Санта-Барбара, разспрашивалъ всѣхъ встрѣчныхъ—но безуспѣшно: ни дома, ни улицы никто не зналъ. Адресъ, который дала мнѣ Ирена, былъ такой же фантастическій, какъ и владѣнія доньи Кандиды. Нечего было дѣлать, я вернулся въ центръ города. На улицѣ Санъ-Матео я встрѣтился съ Мануэлемъ, который мнѣ сказалъ: «Гарсія-Гранде съ племянницей переѣзжаютъ на улицу Фуэнкарраль».

Мы потолковали немного о нашихъ предстоящихъ рѣчахъ и затѣмъ разстались. Была уже ночь.

XIX.

Сонъ.

Всю ночь терзалъ меня мучительный сонъ. Я видѣлъ Ирену, она шла впереди меня одна, ускореннымъ шагомъ, по другой сторонѣ тротуара. Я сталъ за ней слѣдить. Она очень спѣшила и какъ будто кралась куда-то... Разъ она остановилась передъ витриной ярко освѣщеннаго магазина, я приблизился, чтобы увѣриться, она ли это. Да, то была она; на ней было голубое платье и широкая шляпа, бросавшая тѣнь на ея лицо. Я хорошо ее узналъ.

Затѣмъ, она опять ускорила шаги. Проходя мимо церкви Санта-Марія, она заглянула туда и перекрестилась, продолжая

свой путь. Я перешелъ на другой тротуаръ, чтобы лучше ее видѣть. Она завернула за уголъ, потомъ за другой, и остановилась, розыскивая номеръ дома. Я тоже остановился. О, какія мучительныя подозрѣнія разрывали мое сердце!... Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и исчезла подъ темнымъ порталемъ. Я остался одинъ, убитый, уничтоженный, охваченный невыразимымъ ужасомъ, не въ силахъ двинуться съ мѣста. Вдругъ загрохотала карета по мостовой, подкатила къ порталю, дверцы раскрылись и изъ нихъ выскочилъ человѣкъ... То былъ мой братъ!

Странный сонъ этотъ былъ несомнѣнно продуктъ моихъ вчерашнихъ гипотезъ. Тѣмъ не менѣе, онъ меня очень разстроилъ. Въ немъ было много вѣроятнаго. Къ счастью, я не могъ долго размышлять объ немъ: нужно было спѣшить въ классъ, а затѣмъ подумать о рѣчи, которую мнѣ предстояло произнести въ тотъ вечеръ. Какъ импровизаторъ я никуда негодился, а потому рѣчь свою мнѣ пришлось написать прежде на бумагѣ и заучить наизусть если не всю цѣликомъ, то хоть главныя части и планъ.

Когда насталъ часъ, я одѣлся и потащилъ свою персону въ театръ; буквально «потащилъ», какъ тащатъ воришку, который выказываетъ поползновеніе удрать. Я долженъ былъ употребить всю силу своего характера, чтобы не сбѣжать со средины дороги и не вернуться домой. Но воля таки побѣдила трусость и крѣпко скрученной благополучно доставила на мѣсто назначенія.

Внѣшній видъ театра ясно показывалъ, что въ немъ имѣетъ быть великое торжество. Было еще рано, но публика уже толпилась у дверей; десятокъ негодяевъ въ фуражкахъ съ галунами шныряли въ толпѣ, предлагая всѣмъ и каждому билеты, и ругались, если у нихъ не покупали. Безпрерывно подъѣзжали кареты, двери хлопали, какъ ружейные залпы; и когда я вспомнилъ, что̀ составляло часть зрѣлища, которое привлекало столько народу, дрожь пробѣжала у меня по спинѣ. Рѣчь вдругъ улетучилась изъ головы, затѣмъ, вновь вспомнилась и опять померкла, какъ тѣ газовыя буквы, зажженныя надъ входомъ театра, свѣтъ которыхъ то исчезалъ, то появлялся вновь, колеблемый вѣтромъ.

Не успѣлъ я сдѣлать двухъ шаговъ въ коррндорѣ, какъ натолкнулся на какой-то твердый и очень подвижной предметъ. То былъ Сенсъ-де-Вардаль, который суетился въ этотъ вечеръ въ десять разъ больше обыкновеннаго. Въ теченіе меньше чет-

верти часа я видѣлъ его въ разныхъ концахъ театра и началъ думать, что творческія силы природы создали въ эту ночь цѣлую дюжину Бардалей для испытанія рода человѣческаго. Онъ былъ на сценѣ, устанавливая декораціи, пюпитры, пьянино; въ фойе — разставляя горшки съ живыми цвѣтами: въ ложахъ, въ креслахъ, обмѣниваясь рукопожатіями направо и налѣво, онъ — сверху, снизу, внутри и снаружи; мнѣ показалось даже, что я его видѣлъ въ будкѣ суфлера и въ оркестрѣ, пролѣзающимъ подъ ручкой контрбаса. Въ одно изъ подобныхъ его летаній мимо меня, онъ прокричалъ мнѣ на ходу:

— Наверху, во второй ложѣ, сидятъ Мануэла, Мерседесъ и... до свиданья, до свиданья!

Я пошелъ туда. Меня удивило, что Лика сидитъ такъ высоко, въ ложѣ, которая граничила съ райкомъ. Публикѣ, навѣрное, покажется страннымъ, что сеньора де-Мансо не находится въ одной изъ переднихъ литерныхъ ложъ. Это было похоже на бѣгство со стороны дамы, въ домѣ которой былъ организованъ праздникъ. Когда я вошелъ, Ирена сидѣла, облокотившись на перила. Она дружески поздоровалась со мною тихимъ голосомъ:

— А я ужъ боялась, что вы...

— Что?

— Надуете насъ и не захотите говорить.

— Да вѣдь я обѣщалъ...

Она приложила палецъ ко рту, предлагая молчать.

Эта скромность очаровала меня. Она говорила, казалось: «Мы потолкуемъ послѣ о многихъ пріятныхъ вещахъ».

— Знаешь? — сказала Лика, — Хозе-Марія пришелъ въ бѣшенство оттого, что я не захотѣла пойти въ литерную ложу. Онъ говоритъ, что это дикость... Что-жъ, тѣмъ лучше; пусть бѣсится. Я не хочу выставлять себя на показъ. Намъ и здѣсь хорошо... Мы видимъ все, а насъ никто не видитъ... Господи, какъ онъ разсердился! Я, по его мнѣнію, гожусь только въ кухарки... Какъ тебѣ нравится? Ну, да пусть бѣсится.

Мерседесъ разсматривала ложи и, казалось, была не особенно довольна видѣть весь этотъ блескъ и роскошь съ высоты птичьяго полета. Донья Хесуса тоже засѣдала въ ложѣ, что̀ было вполнѣ необычайно при ея затворнической жизни.

— Я пришла только васъ послушать, — сказала она мнѣ съ наивной добротой. — Если бы не хотѣлось посмотрѣть на вашъ успѣхъ, меня бы никакими силами небесными не вытащили изъ кресла.

Добрая старушка была разодѣта по праздничному; громадныя, блестящія серьги и множество колецъ украшали ея персону, а на груди висѣлъ медальонъ, величиною съ блюдечко, съ портретомъ ея покойнаго супруга. До того я не видалъ физіономіи родителя Лики, и теперь могу сказать только, что это былъ весьма бородатый человѣкъ въ мундирѣ кубанскаго волонтера.

— Будетъ соло на арфѣ,—замѣтила Мерседесъ, просматривая программу.

— Да, и еще...

— Ахъ, какіе прелестные стихи приготовилъ Бардаль!—прервала меня Лика. — Онъ мнѣ ихъ читалъ сегодня. Тамъ говорится о Сократѣ и еще о комъ-то, забыла.

— А кто еще декламируетъ?

— Лучшіе актеры.

Ирена не раскрывала рта. Она сидѣла на почтительномъ разстояніи отъ Лики, въ качествѣ подчиненной, не выказывая, однако, никакихъ признаковъ раболѣпства и угодливости. Выходя, я замѣтилъ въ красной полутьмѣ ложи черную физіономію Рупертико, который смотрѣлъ на меня, зажимая себѣ ладонью носъ и ротъ, чтобы не хихикать. Онъ сидѣлъ, скорчившись на полу, и старался не подавать никакихъ признаковъ жизни.

— Ничего нельзя было подѣлать съ нимъ, — сказала мнѣ бабушка Чуча,—пришлось взять съ нами. Эдакій дурень! Весь вечеръ плакалъ, хотѣлось пойти васъ слушать.

— Я боялась, чтобъ онъ не умеръ съ горя, если мы его не возьмемъ,—прибавила Лика. «Хочу послушать своего господина Махимо, господина Махимо!» — только и хныкалъ весь вечеръ.

Потянувъ его за ухо въ видѣ ласки, я замѣтилъ, что въ углу, за его спиной, помѣщался большой пакетъ, завязанный въ красный платокъ. Негритенокъ, увидѣвъ, что я разсматриваю это, бросился поправлять платокъ, чтобы скрыть отъ меня его содержимое. Рупертико конвульсивно хихикалъ, Лика и Мерседесъ тоже смѣялись.

— Маршъ, маршъ, ты здѣсь не нуженъ. Когда кончишь рѣчь—тогда приходи!

На сценѣ нельзя было пройти. Сенсъ-де-Бардаль и его помощники не приняли мѣръ, чтобы туда не пускали постороннихъ лицъ, и потому тамъ происходила невѣроятная толкотня. Репортеры, которые пришли искать деталей для своихъ хроникъ, ораторы, друзья ораторовъ, музыканты, друзья музыкантовъ,

актеры, которые пришли декламировать, и поэты, творенія которыхъ должны были декламировать, члены Общества и множество лицъ, никому неизвѣстныхъ, наполняли сцену. Сенсъ-де-Бардаль красный какъ ракъ, и еще одинъ филантропъ, его пріятель, употребляли всѣ усилія, чтобы возстановить порядокъ и вѣжливо выпроваживали постороннихъ. Наконецъ занавѣсъ взвился; на эстрадѣ за длиннымъ столомъ усѣлись организаторы Общества, между которыми выдавался самый величественный изъ величественныхъ, Донъ-Рамонъ-Марія-Песъ. Этотъ государственный мужъ долженъ былъ произнести нѣсколько краткихъ словъ, которыя должны были объяснить цѣль праздника и выразить благодарность почтеннѣйшимъ и знаменитѣйшимъ господамъ, удостоившимъ его своимъ содѣйствіемъ «во благо человѣчества и бѣдныхъ людей». Онъ началъ такъ:

«Весьма похвально, въ высшей степени утѣшительно и необыкновенно лестно для нашего вѣка, для нашего времени, для нашего поколѣнія, что столько почтенныхъ лицъ, столько людей знаменитыхъ въ искусствахъ и наукахъ, столько звѣздъ нашего отечества въ той и другой области знанія, предлагаютъ свои услуги, свое содѣйствіе, свое время для» и т. д. Всѣ эти изящныя фразы сопровождались длиннѣйшими, но многозначительными паузами и ударяли въ уши слушателя какъ молотомъ. Я не слушалъ дальше, такъ какъ вспомнилъ, что не знаю еще порядка программы и того, когда мнѣ придется выходить.

Программа была безконечная и составляла страшный ералашъ; сейчасъ видно было, что она вышла изъ безтолковой головы Сенсъ-де-Бардаля. Говорить предстояло двоимъ: знаменитому оратору Мануэлю Пенья и мнѣ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе актерами стихотвореній знаменитыхъ поэтовъ. Единственный поэтъ, который хотѣлъ читать себя самъ, былъ Сенсъ-де-Бардаль, такъ какъ, по нѣкоторымъ особенностямъ своего характера, онъ не довѣрялъ чужимъ устамъ чтенія произведеній своего генія. Кромѣ того имѣли быть: квартетъ извѣстныхъ артистовъ консерваторіи, концертъ на фортепьяно, исполненный двѣнадцатилѣтней дѣвицей; соло на арфѣ, исполненное вновь прибывшимъ на дняхъ въ Мадридъ итальянскимъ профессоромъ, пѣніе теноромъ королевскаго театра знаменитой аріи Моцарта «Al mio tesoro intanto», дуэтъ «I marinari». Не помню, было ли еще что-нибудь; кажется, что нѣтъ.

Сенсъ-де-Бардаль сообщилъ мнѣ, что моя очередь слѣдуетъ послѣ соло на арфѣ; это меня ошеломило немного, особенно когда я увидалъ солиста. Онъ стоялъ въ глубинѣ сцены, настраи-

вая свой инструментъ и былъ окруженъ настоящей тучей музыкантовъ и своихъ соотечественниковъ изъ королевскаго театра. Въ немъ видимо заискивали. «Ну,—сказалъ я себѣ,—вѣроятно послѣ его игры ты не приведешь въ особенный восторгъ своихъ слушателей!»

Въ ожиданіи очереди я прохаживался одинъ. Ко мнѣ приблизился репортеръ и спросилъ:

— О чемъ вы будете говорить? Не дадите ли мнѣ экстракта своей рѣчи?

— Такъ, вообще... да вотъ увидите.

— Этому сеньору де-Песъ не очень-то повезло!

Подошелъ одинъ мой бывшій ученикъ:

— Какой скандалъ съ этими перекупщиками билетовъ! Это можетъ происходить только въ Испаніи... Интересно было бы знать, кто имъ далъ билеты, вѣдь они не продавались въ кассѣ и всѣ имянные...

Мало по малу вокругъ меня образовался кружокъ знакомыхъ. Меня разспрашивали о сюжетѣ рѣчи и сожалѣли, что приходится говорить послѣ арфиста. Изъ залы доносились дружные аплодисменты,—извѣстный актеръ декламировалъ поэму...

— Эта поэма—превосходная вещь, это верхъ совершенства.

— Да, но актеръ — настоящій эпилептикъ; я не удивлюсь, если съ нимъ сдѣлается на сценѣ ударъ.

Тѣмъ не менѣе мы всѣ за сценой аплодировали до боли въ ладоняхъ. Въ это время я замѣтилъ въ числѣ окружавшихъ меня Мануэля Пенья. Шляпа его была сдвинута на затылокъ, а руки запущены въ карманы; въ такомъ видѣ онъ напоминалъ кутилу, который только-что всталъ изъ-за рулетки.

— Какой ты смѣшной!

— Какой вы счастливый, маэстро, что можете быть спокойны.

— А ты трусишь?

— Я чувствую себя какъ пойманный воръ.

— О чемъ ты будешь говорить?

— О чемъ попадется.

— Развѣ ты ничего не приготовилъ?

— Въ томъ-то и дѣло... Повѣрите, мой другъ, я еще сегодня утромъ даже приблизительно не зналъ, о чемъ говорить? Да и теперь не знаю... Увидимъ, чтó выйдетъ. Я иначе не умѣю. Передъ тѣмъ какъ идти сюда, читалъ стихи Виктора Гюго и заимствовалъ у него дюжину óбразовъ...

— Въ раздирательномъ духѣ?

— Весьма возвышенные. И этого мнѣ довольно... Буду говорить о дамахъ, о вліяніи женщины въ исторіи, о христіанствѣ...

— О христіанской женщинѣ, можетъ быть?

— Да, и о любви... Очень много о любви... Кстати, господа, кто это сказалъ, что «любовь бѣжитъ къ несчастному, какъ вода въ море»?

— Шатобріанъ.

— Нѣтъ, это, кажется, изъ Гратри.

— О, нѣтъ! Вы, Мансо, не знаете?

— Ммм... не помню...

— Ну, все равно, выдамъ за свое.

— Ахъ!.. это фраза Виктора Кузена...

— Чья бы тамъ ни была... вамъ, маэстро, скоро выходить.

— Послѣ арфы... Вотъ онъ.

Итальянецъ и его итальянская свита прошли мимо насъ. Мой заслуженный предшественникъ шевелилъ пальцами какъ будто хотѣлъ оцарапать воздухъ.

Настало выжидательное молчаніе, которое меня очень взволновало, я вспомнилъ, что скоро и передо мною раскроется нѣмая и страшная бездна подобнаго молчанія. Послышались аккорды. То дѣлались, какъ будто, щипки воздуху, на которые онъ отвѣчалъ волнами дѣтскаго смѣха. Потомъ мы услышали дробные аккорды, звучные и твердые, какъ капли ливня, послѣ рѣдкаго дождя, зазвенѣли звуки острые и стальные, и полилась пѣсня безконечная, дрожащая, исполненная таинственной гармоніи.

— Чортъ возьми, какъ онъ хорошо играетъ!

— Тише!

— Что за мелодія! Откуда это?

— Это фантазія на Estrella del Norte.

— Какіе пальцы!

— Они бѣгаютъ у него какъ пауки по паутинѣ.

— И какъ онъ задыхается, бѣдняга!.. Посмотрите, Мансо, какъ у него поднимается грудь.

— А видѣли, сколько медалей у этого человѣка?

— Кто онъ такой? Онъ похожъ на бабу съ бородой...

— Тс... тише, господа; этотъ смѣхъ...

Когда онъ кончилъ и раздались рукоплесканія, у меня потемнѣло въ глазахъ, разумъ, казалось, вылетѣлъ изъ моей головы. Мой часъ насталъ. Я сдѣлалъ нѣсколько механическихъ шаговъ.

— Подождите, онъ повторитъ; еще съиграетъ.

Какое счастье!.. Еще пять минутъ жизни.

Чтобы придать себѣ смѣлости, я представился веселымъ и беззаботнымъ, что было не очень легко сдѣлать, но все-таки развлекло меня немного. Наконецъ, фатальная минута наступила. Итальянецъ ушелъ, опять вышелъ, вызываемый публикой, и затѣмъ ушёлъ окончательно. Я видѣлъ, какъ онъ вытиралъ потъ съ своего побагровѣвшаго лица, слышалъ поздравленія окружавшихъ его музыкантовъ. Когда я протолкался сквозь нихъ, чтобы выйти на сцену, ноги у меня дрожали. Я очутился передъ дракономъ съ ужасомъ человѣка, котораго сейчасъ проглотятъ; люстры представлялись мнѣ съ огненными зубами, рядъ креселъ—складками огромнаго языка, а красное, горячее и душное углубленіе залы—вмѣстимостью страшной пасти. Но самый видъ опасности какъ будто укрѣпилъ меня и возвратилъ мою храбрость. «Право,—подумалъ я,—глупо бояться этихъ добрыхъ людей; да и не слѣдуетъ, ибо меня осмѣютъ». Я поднялъ глаза и наверху, подъ дурно размалеванным потолкомъ, увидѣлъ группу головъ.

XX.

Голова Ирены выдавалась между ними.

По крайней мѣрѣ, я видѣлъ ее яснѣе прочихъ. Когда я началъ, не очень твердымъ голосомъ, мельканіе стеколъ биноклей и движеніе множества вѣеровъ развлекли меня. Внизу, въ одной изъ литерныхъ ложъ, сидѣла одна прекрасная дама, вѣеръ которой, колоссальныхъ размѣровъ, закрывался и открывался поминутно съ какимъ-то дерзкимъ шелестомъ. Она какъ будто коверкала мои фразы и смѣялась надо мною. Въ ту минуту, когда я закончилъ одну фразу, очень красиво и твердо, раздался опять шелестъ вѣера, который раздражалъ мнѣ нервы... Но дѣлать было нечего, пришлось терпѣть и продолжать дальше, такъ какъ я не могъ сказать этой дамѣ, какъ ученику въ классѣ: «сдѣлайте одолженіе, не смѣйтесь»...

Я все шелъ дальше и дальше. Періодъ за періодомъ, фраза за фразой выходили ясно и правильно изъ моихъ устъ, съ легкостью, которая стоила мнѣ раньше такъ много труда. Я продолжалъ, и недурно; громко произнося фразы, я въ то же время говорилъ самъ себѣ: «не дурно, не дурно, сеньоръ; продолжайте дальше, я доволенъ». Что сказать о моей рѣчи? Привести ее здѣсь было бы нелѣпо. Одинъ изъ многихъ нашихъ журналовъ напечаталъ ее цѣликомъ и любопытные могутъ ее тамъ прочи-

тать. Въ ней не было ничего ни новаго, ни оригинальнаго. Это было краткое и простое разсужденіе о пауперизмѣ, его причинахъ, его отношеніи къ законодательству и положеніи рабочихъ на фабрикахъ. Затѣмъ я сдѣлалъ обзоръ существующихъ благотворительныхъ учрежденій, останавливаясь особенно на тѣхъ, предметомъ которыхъ было покровительство дѣтямъ. Эта часть рѣчи была сказана съ большимъ чувствомъ, но въ общемъ я говорилъ довольно сухо, холодно и черезчуръ точно, какъ будто казенно. Публика слушала меня не особенно внимательно, дамы въ ложахъ разговаривали и смѣялись съ кавалерами; и только нѣсколько старичковъ въ первомъ ряду креселъ поощрительными кивками головы показывали, что одобряютъ мои воззрѣнія. Выводъ я сдѣлалъ въ томъ смыслѣ, что оффиціальныя учрежденія благотворительности не разрѣшаютъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ вопроса о пауперизмѣ, что личная инициатива, благопріятныя усилія отдѣльныхъ группъ, которыя... и т. д., читатель вѣроятно знаетъ эти выводы не хуже меня. Однимъ словомъ, я кончилъ, чего мнѣ очень хотѣлось и нѣкоторой части публики точно также. Раздались апплодисменты, механическіе и оффиціальные, безъ энтузіазма, но все-таки съ достаточной симпатіей и почтеніемъ ко мнѣ. Значитъ, я отдѣлался недурно: я былъ скроменъ и правдивъ, публика вѣжлива и доброжелательна — чего же еще! Я раскланялся, собираясь уходить, какъ вдругъ...

Какая-то разноцвѣтная масса, брошенная изъ-подъ потолка, полетѣла по воздуху, шелестя множествомъ лентъ. Господи Боже мой, что это такое? Да это вѣнокъ! Онъ хлопнулся объ люстру и повисъ. Не помню ужъ кто его снялъ, кто подалъ мнѣ, я взялъ его машинально и потащилъ съ собою. Смущеніе и раздраженіе мое были такъ велики, что я чуть не надѣлъ этотъ вѣнокъ на лысую голову сеньора де-Песъ, который столкнулся со мною за кулисами, говоря: «Вполнѣ заслужили, вполнѣ заслужили!»

Ропотъ публики показалъ мнѣ, что она считала эту демонстрацію, какъ и я, неприличной и смѣшной.

— Это семейная любезность! — сказалъ кто-то изъ креселъ.

Теперь я понялъ, что̀ пряталъ глупый негритенокъ въ красномъ платкѣ. Экая глупость! Навѣрно бабушка Чуча придумала...

За кулисами, во время концерта на фортепьяно, меня окружили друзья; одни поздравляли съ успѣхомъ, а другіе, подъ покровомъ искренности, дѣлали довольно злыя замѣчанія.

— Очень хорошо, другъ Мансо... Вамъ довольно много хлопали.

— Мнѣ очень-очень понравилось... Не скромничайте, вы должны быть довольны.

— Увѣнчанный ораторъ!.. ни больше, ни меньше.

— Какая жалость, что вы не говорили немножко погромче. Начиная со второй половины васъ едва было слышно.

— Очень хорошо, очень хорошо... Поздравляю... Немножечко побольше теплоты не помѣшало бы, но это пустяки.

— Однако вы говорили очень хорошо... Какая ясность!

— Что же вы говорили, что ваша рѣчь въ легкомъ родѣ...

— Брависсимо, кавалеръ Мансо, брависсимо!

— Эхъ, братецъ, можно было и возвысить голосъ немного, а главное нервовъ, нервовъ недоставало.

— Не размахивай такъ въ другой разъ руками... Но все-таки рѣчь мнѣ понравилась. Дамы ничего не поняли, но и имъ понравилось.

— Ну, и вѣнокъ тоже, и прочее. Нѣтъ, это успѣхъ несомнѣнный.

Пришелъ и арфистъ поздравлять меня, «дозволивъ себѣ лично представиться и пожать руку почтенному профессору». Его комплименты требовали взаимности и съ моей стороны, я произнесъ панегирикъ его игрѣ, добавивъ, что игру на арфѣ предпочитаю всѣмъ прочимъ. Занятый этими разговорами, я совсѣмъ забылъ, что дѣлается на сценѣ, а тамъ между тѣмъ священнодѣйствовалъ Сенсъ-де-Бардаль. Напыщенныя фразы декламаціи вылетали изъ его устъ какъ мыльные пузыри, къ великому наслажденію дамъ и глупцовъ. Онъ говорилъ то важно и торжественно, то завывалъ и канючилъ до приторности, сквозь шумъ и разговоры окружавшихъ меня лицъ изрѣдка слышалось: «вѣра и надежда... возвышенная безконечность... таинственные знаки... привѣтствую тебя, святая вѣра». Изъ этихъ отрывочныхъ фразъ и восклицаній я понялъ, что сеньоръ Бардаль «искалъ убѣжища подъ плащемъ религіи, плавалъ по морю жизни», что его душа «могучей рукой разрывала покровы таинственности» и что этотъ глупецъ намѣревался порвать цѣпь, которая его связывала съ «людской неправдой». Много говорилъ онъ также о «маякахъ надежды, дверяхъ убѣжища, бурныхъ вѣтрахъ и заливѣ сомнѣній», куда онъ отправлялся «на утлой ладьѣ вдохновенія»...

— Бѣдный человѣкъ, онъ тамъ потонетъ...

— Протянуть бы ему хоть весло!

— Какъ ему аплодируютъ однако!

— О-о, пока существуетъ дамскій полъ, музы попугаевъ

могутъ быть покойны... Публика апплодируетъ больше этимъ пошлостямъ, чѣмъ дѣйствительно прекраснымъ стихамъ. Таковъ свѣтъ.

— Такова участь искусства... Уйдемъ, онъ идетъ сюда.

— Чортъ бы его взялъ!

— Отъ этого поэта меня всегда тошнитъ... Бѣжимъ!

— Спасайся, кто можетъ!

Я также ушелъ, боясь нападенія поэта. Въ низенькомъ корридорѣ было много публики, которая вышла покурить, сдѣлавъ себѣ пріятный антрактъ изъ декламаціи поэта. Нѣкоторые холодно поздравляли меня, другіе осматривали меня съ любопытствомъ. На лѣстницѣ я встрѣтился съ братомъ. Въ петличкѣ его красовалась роза, а въ рукахъ онъ держалъ номеръ «La Correspondencia».

— Ты говорилъ какъ настоящій философъ,—сказалъ онъ мнѣ,—но, признаюсь, мы, обыкновенные смертные, не понимаемъ твоей метафизики. Жалко, что ты не воспользовался цифрами смертности, которыя далъ тебѣ Песъ, и не привелъ процентнаго отношенія нищихъ на 1,000 жителей въ главныхъ городахъ Европы. Я занимался этимъ вопросомъ; оказывается, что первоначальныя школы даютъ намъ 414³/₄ дѣтей на...

— Ты былъ наверху, въ ложѣ своей семьи? — перебилъ я, чтобы прекратить скучный потокъ его статистики.

— Нѣтъ, и не пойду. Чортъ знаетъ, что̀ онѣ дѣлаютъ! Какъ ты смотришь на это? Забраться въ эдакую дыру! Какая глупость, тупость и неприличіе! Жена срамитъ меня сто разъ на день... А тебя нѣтъ развѣ? Какъ тебѣ понравилась исторія съ вѣнкомъ?.. Я говорю тебѣ, это совершенно дикіе люди... Мануэла—олицетворенное упорство. Достаточно мнѣ чего-нибудь захотѣть...

Я оправдывалъ Лику, онъ начиналъ сердиться, говорилъ, что я съ своими учеными глупостями поддерживалъ упорство и капризы его супруги.

— Однако, Хозе...

— Ты тоже моя напасть, да, да, напасть. Никогда ты ничего не добьешься... потому что ты никогда не идешь въ уровень съ жизнью. Посмотри на свою сегодняшнюю рѣчь; она вѣдь и практическая, и философская, неправда ли? Но она никому не понравилась, какъ и всѣ твои писанія, ты никогда не увлечешь публику, не составишь себѣ ни славы, ни карьеры, и останешься навсегда жалкимъ учителишкой... Ты проповѣдуешь въ моемъ домѣ глупую скромность, сантиментальныя философствованія и педантическую аккуратность.

— Ахъ, Хозе, Хозе...

— Да, да, любезный другъ.

Въ это время раздался страшный шумъ, исходившій изъ залы. Мы было испугались; но то оказались аплодисменты, дикіе и яростные, выражавшіе сильный энтузіазмъ.

— Что тамъ такое?—спрашивали другъ у друга.

Корридоръ опустѣлъ въ одну минуту. Всѣ бросились на свои мѣста, чтобы посмотрѣть, что́ дѣлается въ залѣ.

XXI.

Пеньита говоритъ —

Раздалось со всѣхъ сторонъ. Желая послушать своего ученика, я оставилъ брата и отправился наверхъ въ ложу, гдѣ сидѣли наши. Никто не обернулся посмотрѣть, кто вошелъ,—такъ всѣ четыре дамы были поглощены рѣчью. Только негръ, оскаливъ зубы, смотрѣлъ на меня. Я приблизился безъ шуму и черезъ головы дамъ посмотрѣлъ на залъ. Никогда я не видѣлъ такого вниманія и интереса, направленныхъ въ одну сторону. И справедливость требуетъ сказать, что никогда я не видѣлъ лучшаго и болѣе блестящаго образца человѣческаго краснорѣчія. Публика была очарована и поражена. Юный ораторъ увлекъ своимъ восхитительнымъ словомъ, исполненнымъ красоты, оригинальности и смѣлыхъ образовъ, своимъ сильнымъ и гибкимъ голосомъ, всю эту разнородную массу: невѣжда и ученый, женщина и мужчина, солидные господа и легкомысленные юноши— все смѣшалось въ одномъ могучемъ и безконечномъ крикѣ восторга. Онъ разбудилъ мелодіей своей благородной души спавшія чувства этой массы, и не было ни одного слушателя, который бы не отвѣчалъ на дивные звуки этого призыва. Донья Хесуса обернулась ко мнѣ и на ея лицѣ я замѣтилъ слезы восторга. Даже разрисованный супругъ, который покоился на ея груди, казалось, разчувствовался на своей фарфоровой пластинкѣ. Мерседесъ тоже посмотрѣла на меня, и ея жестъ говорилъ: «видите, какъ хорошо!» Лика и Ирена не обернулись, волненіе превратило ихъ какъ будто въ статуи.

Что касается меня, то я долженъ сказать, что удивленіе къ таланту Мануэля и счастіе присутствовать при его колоссальномъ успѣхѣ увеличивались еще отъ сознанія, что доля его тріумфа приходится и на мою сторону. Да, я имѣлъ право на долю славы моего ученика. Это я оформилъ его природный даръ, я придалъ ему внутреннее содержаніе, и даже теперь, во время

рѣчи, я узнавалъ себя въ его техническихъ пріемахъ и выраженіяхъ. Поэтому, когда онъ кончилъ одинъ періодъ и публика заглушила его громомъ аплодисментовъ, я хлопалъ больше всѣхъ, желая быть въ это время около него, чтобы заключить его въ свои объятія.

О чемъ онъ говорилъ? этого я не могу хорошенько сказать. Онъ говорилъ обо всемъ и ни о чемъ въ частности. Онъ не останавливался на одномъ предметѣ, его краснорѣчивыя отступленія казались полетомъ въ фантастическія выси. Замѣтны были усилія подчинить фантазію какому-то логическому плану, но бѣшеный конь фантазіи становился на дыбы и фыркалъ, и затѣмъ, закусивъ удила, снова мчался и мчался безостановочно въ пространствѣ. Рѣчь не теряла отъ этого своей прелести, нелогичность и разбросанность не мѣшала ей увлекать за собой публику, и я, какъ и прочіе, не разсуждалъ, не анализировалъ, а слушалъ. Да и нужна ли была тутъ логика, когда главная цѣль оратора была потрясти и взволновать, и онъ достигъ этого въ высшей мѣрѣ! Онъ обладалъ неподражаемымъ секретомъ подчинять голосъ своему чувству, и отъ союза ихъ получался эффектъ потрясающій; граціозность выраженій, богатство тоновъ, энергія и сила красокъ волновали и размягчали душу слушателя. Образы были не очень новы, нѣкоторые какъ будто даже поблекшіе, какъ букетъ, который долго трепали въ рукахъ, но намъ всѣмъ они казались поразительной свѣжести и красоты.

О чемъ же онъ-все таки говорилъ? Какъ и хотѣлъ раньше, онъ говорилъ о христіанствѣ, о высокой роли женщины, о свободѣ, немного о великихъ идеалахъ XIX вѣка. Тутъ озарялись яркимъ свѣтомъ и Изабелла католическая, отдающая свои украшенія для борьбы за родину, и Колумбъ, «округлившій цивилизацію», и Стефенсонъ, который своимъ локомотивомъ «породнилъ всѣ части свѣта»; тутъ говорилось о христіанскихъ катакомбахъ, о «Линкольнѣ—Христѣ негровъ», о сестрахъ милосердія, объ андалузскомъ небѣ, Ньютонѣ и пирамидахъ; все это было связано съ такимъ искусствомъ и ловкостью, что очарованный слушатель слѣдилъ за нимъ, не переводя духа, переходилъ отъ восторга къ восторгу, немного ослѣпленный обиліемъ свѣта и красокъ и неожиданностью сравненій.

Когда онъ кончилъ, театръ, казалось, развалится и рухнетъ, отъ громовъ рукоплесканій. Сидѣвшіе въ переднихъ мѣстахъ вскочили и подошли къ сценѣ, какъ будто хотѣли заключить его въ свои объятія; дамы подносили платочки къ глазамъ, чтобы осушить слезы, бѣжавшія по ихъ щекамъ. Мануэль ушелъ, но

новые залпы апплодисментовъ заставили его выйти еще и еще, не помню ужъ, сколько разъ. Сеньоръ де-Песъ, не желая потерять случая, чтобы показать свою торжественную физіономію, взялъ молодого человѣка за руку и съ отеческой заботливостью представилъ его публикѣ. Одни говорили: «это ребенокъ», другіе: «это чудо!», а я кричалъ во все горло сосѣдямъ смежной ложи: «Это мой ученикъ, господа, мой ученикъ!»

Лика обернулась ко мнѣ и сказала:

— Какая жалость, что его маменька не пришла послушать его!

А донья Хесуса, предполагая, что я завидую Пеньѣ, обернулась ко мнѣ и добродушно меня утѣшила:

— И ты тоже хорошо говорилъ...

А я и забылъ уже и свою рѣчь, и злосчастный вѣнокъ!

— Какая жалость, что мы не принесли двухъ вѣнковъ!

— Кстати, Мануэла, какъ это было неумѣстно!..

— Молчи, голубчикъ, ты бо̀льшаго заслуживаешь.

— Правда, правда,—сказала донья Хесуса съ еще большей добротой, продолжая думать, что я очень огорченъ, — Махимо былъ тоже очень хорошъ... Всѣ, всѣ были хороши...

Ирена молчала; когда апплодисменты кончились, она сѣла и тогда я посмотрѣлъ на нее: щеки ея раскраснѣлись, видно, и она тоже плакала.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо! — восклицала Лика безпрестанно. — Этотъ мальчикъ—настоящее чудо. Какъ вамъ понравилось, Ирена?

Ирена посмотрѣла на меня и произнесла божественную фразу:

— Это дѣлаетъ честь его учителю.

— Этотъ мальчикъ, — подтвердилъ я, — будетъ великимъ ораторомъ. Да и теперь онъ такой. Природа какъ будто хотѣла сдѣлать изъ него типичнаго представителя современной эпохи. Онъ сложенъ и вылитъ по образцу своего вѣка и составляетъ неразрывную часть его.

— Вотъ здѣсь въ сосѣдней ложѣ одинъ человѣкъ говорилъ, что не пройдетъ десяти лѣтъ какъ Мануэль будетъ министромъ.

— Я увѣренъ; онъ будетъ всѣмъ чѣмъ захочетъ, это баловень судьбы. Всѣ парки присутствовали при его рожденіи.

— Надо уходить однако. Я очень устала. А вы, мама?

— Что-жъ, уйдемъ.

— Не послушавъ тенора? — сказала Мерседесъ съ неудовольствіемъ.

— Мы его въ оперѣ послушаемъ, милая.

Всѣ встали. Ирена пошла въ корридоръ доставать верхнее платье. Когда всѣ одѣлись, она тоже стала одѣваться. Я помогъ прежде Хесусѣ, Ликѣ, Мерседесъ, а потомъ уже Иренѣ, которая въ это время развертывала свое манто, держа булавку въ зубахъ. Она поблагодарила меня. Не знаю, почему, но мнѣ показалось, что она все еще плачетъ. Мы вышли. Негритенокъ схватилъ меня за руку и нагнулъ къ себѣ, желая сказать что-то по секрету:

— Никто не игралъ такъ хорошо, какъ *таито* [1]). Мой господинъ Махимо говорилъ лучше всѣхъ, а они говорятъ, что —нѣтъ...

— Замолчи, дурень.

— Потому что не понимаютъ,—добавилъ Рупертико.

Такъ какъ я долженъ былъ проводить дамъ, то не могъ пойти поздравить и обнять своего возлюбленнаго ученика. Я надѣялся, впрочемъ, увидать его дома и тамъ потолковать съ нимъ подробно объ исходѣ этого замѣчательнаго вечера.

Вѣнокъ свой я забылъ на сценѣ и мысленно преподнесъ его арфисту. Лика не одобряла этого, и садясь въ карету, сказала:

— Правду говоритъ Ирена, что ты увалень... Почему ты не взялъ вѣнка?.. Думаешь, не заслужилъ, что ли? Ошибаешься. Это была моя мысль, какъ тебѣ нравится?

— Нѣтъ, нѣтъ, это я придумала, — съ живостью перебила бабушка Чуча.

— Не спорьте, сеньоры; чья бы это мысль ни была, она отвратительна.

— Не угодили!

— Привередникъ!

— Времени не было, потому мы не могли выбрать чего-нибудь получше. Цвѣты выбирала Лика.

— А я зеленые листья.

— А я красныя ленты.

— У всѣхъ васъ пресквервый вкусъ.

— Хорошо же, въ другой разъ мы за тобой ухаживать не будемъ.

— Ахъ, какой капризный!

Ирена молчала. Она сидѣла рядомъ со мною на передней скамейкѣ и при движеніи кареты наши локти слегка терлись другъ о друга. Если-бъ я былъ склоненъ къ игрѣ словъ, я бы

---

[1]) Исковерканное *tüto*—дядюшка.

сказалъ, что отъ этого тренія рождались искры, которыя зажигали мой мозгъ и производили въ немъ идеалистическіе пожары и взрывы... Качаніе кареты усыпило донью Хесусу. Лика, замѣтивъ это, засмѣялась:

— Мама уже всхрапываетъ. А вы, Ирена, тоже вздремнули?

— Нѣтъ, сеньора, — довольно сухо отвѣтила учительница.

— Вы такъ молчите... А ты, Махимо, что съ тобой, что ты не разговариваешь?

Я вспомнилъ, что дѣйствительно давно уже не раскрывалъ рта, но и теперь я ничего не отвѣтилъ Ликѣ. Наконецъ, мы пріѣхали домой. Я помогъ доньѣ Хесусѣ подняться по лѣстницѣ и вернулся скорѣе, желая поговорить съ Иреной, но ея не было. Побѣжалъ въ столовую — нѣтъ; въ кабинетѣ Мануэлы — тоже. Мулатка объяснила мнѣ, что она заперлась въ своей комнатѣ... Господи, какая поспѣшность!.. Ну, ладно, уйду и я домой.

Негритенокъ схватилъ меня въ корридорѣ за руку, чтобы нагнуть и сказать что-то на ухо. Онъ говорилъ со мною неиначе какъ по секрету, съ ласковымъ шопотомъ, который вливалъ въ меня, казалось, самую чистую эссенцію человѣческой невинности.

— Это я притащилъ вѣнокъ изъ лавки, — сказалъ онъ съ наивной гордостью и картавя по обычаю своего племени.

— Молодецъ, братецъ, на здоровье! Прощай.

Прежде чѣмъ зайти къ себѣ, мнѣ хотѣлось поздравить донью Хавьеру. Бѣдная женщина была внѣ себя отъ восторга. Она тоже была въ театрѣ и изъ райка видѣла грандіозный тріумфъ своего сына. Мануэль досталъ ей билетъ въ ложу, но она не захотѣла идти туда, боясь, чтобы материнская любовь не заставила ее через-чуръ неумѣренно выражать свои чувства и тѣмъ компрометтировать себя. Въ райкѣ она могла плакать вволю, а когда услышала апплодисменты и увидала энтузіазмъ публики, ей казалось, что она въ седьмомъ небѣ. Меня добрая женщина обняла отъ полноты чувства, говоря, что я, какъ учитель этого чуда природы, имѣю главную часть въ его побѣдѣ.

— Этотъ мальчикъ, — прибавляла она безпрестанно, — сдѣлаетъ большую карьеру, онъ непремѣнно будетъ депутатомъ и министромъ... Ахъ, мой другъ Мансо, я плакала какъ безумная. Мнѣ хотѣлось встать и крикнуть на весь театръ: «это мой сынъ, я сама его выносила и выкормила своей грудью»... Однимъ словомъ, я была какъ съумасшедшая... Я васъ замѣтила въ ложѣ съ дамами... Ахъ, Господи, я и забыла! Вѣдь и вы тоже

говорили... очень хорошо говорили. Рядомъ со мною сидѣлъ одинъ шутникъ, который болталъ о васъ глупости... Я съ нимъ за это ссорилась. По правдѣ сказать, наверху неслышно васъ было, потому что вы говорите такъ тихо... Я даже задремала немножко... Но когда вамъ бросили вѣнокъ, я проснулась и хлопала. Потомъ были стихи... Ахъ, какіе прелестные стихи! Мнѣ очень понравилось! Когда слушаешь хорошіе стихи, то, кажется, будто щекочатъ тебя. И плачешь, и смѣешься... не знаю, вѣрно ли я выражаюсь.

Долго болтала она безъ умолку. Я очень усталъ, глаза мои слипались отъ сна, а между тѣмъ Мануэль все еще не возвращался. Нечего было дѣлать, пришлось уйти, не повидавши его въ тотъ вечеръ.

XXII.

Тоска.

Но я долго не могъ заснуть; страшная и безотчетная тоска грызла мое сердце, душила кошмаромъ подъ утро, когда я немного забылся. Я всталъ поздно и побѣжалъ въ классъ. Ученики поздравляли меня, но я былъ такъ печаленъ, что не могъ даже объяснять урока. Я задавалъ вопросы, и не отдавалъ себѣ отчета, хорошо или дурно мнѣ отвѣчали. Сгарая отъ нетерпѣнія пойти скорѣе къ брату, я ушелъ изъ класса раньше звонка. Меня встрѣтила Мануэла съ таинственнымъ видомъ:

— Новость!—сказала она мнѣ.—Донья Кандида заперлась въ кабинетѣ съ Хозе-Марія. Дѣла какія-то...

— Бѣдный Хозе! Она доведетъ его до несчастія.

— Тише, голубчикъ. Она теперь очень богата... Продала землю...

— Землю!.. Должно быть ту, которая прилипла къ подошвамъ ея башмаковъ. Лика, Лика, тутъ что-то не чисто... Я пойду спасти Хозе. Калигула ужасная женщина; она опутала его своей ложью, а такъ какъ онъ великодушенъ...

— Нѣтъ, оставь ихъ... Молчи, вотъ идетъ Гарсія-Гранде.

Дѣйствительно, то была она. Она зашла какъ бы крадучись, запихивая что-то въ карманъ своего платья. Навѣрное прятала добычу своего грабежа. Хищные глаза ея выражали блаженство наѣвшагося звѣря. Она посмотрѣла на насъ съ лицемѣрной нѣжностью, величественно сѣла и, опять дотронувшись до кармана, проговорила:

— Наконецъ-таки реализировала эти бумаги. Хозе такъ

добръ!.. А, ты здѣсь, увалень? Мнѣ передавали, что вчера ты былъ очень плохъ. Вся публика, кажется, спала. Такъ мнѣ говорили. Кто отличился, такъ это, повидимому, Пенилья... этотъ сынъ колбасницы, твоей сосѣдки... Ну-съ, обратимся къ дѣлу, Манолита; знаете, я имѣю сообщить вамъ непріятность?

— Мнѣ? Чтó такое?—переспросила моя бѣдная золовка съ испугомъ.

— Придется, дочь моя, отобрать отъ васъ Ирену. Видите ли... я такъ одинока и такого деликатнаго здоровья; кромѣ того, мои дѣла измѣнились, и, право, неприлично, чтобы Ирена... такъ мнѣ кажется... оставалась наемной учительницей, имѣя тетку...

— Богатую.

— Не богатую, но которая имѣетъ достаточно средствъ, чтобы жить прилично. Развѣ вы не согласны со мною? Развѣ вы не думаете, что я должна ее взять къ себѣ, чтобы она холила, берегла меня...

— Разумѣется...

— Вѣдь она—вся моя семья; я ее воспитала, она будетъ моей наслѣдницей... потому что я очень очень больна, Мануэла, повѣрьте... — крошечная слезинка выступила на ея глазахъ и исчезла въ складкѣ морщинъ.—Я не хочу сказать, что уведу Ирену сію минуту; это было бы ужасное дѣло. Она можетъ остаться здѣсь еще нѣсколько дней, чтобы закончить свои уроки... или, если хотите, пусть останется, пока вы найдете другую учительницу... Рѣшите это вмѣстѣ съ ней... Она такъ вами довольна, что... навѣрно ей будетъ немножко тяжело уходить отсюда. Теперь обратимся къ дѣтямъ.

Мануэла смутилась.

— Что ваша кормилица?—спросила Калигула съ большимъ интересомъ.—Все еще капризничаетъ и..?

— Ахъ, не говорите мнѣ о ней, донья Кандида! — воскликнула Мануэла. — Она несносна, несносна. Это настоящій бѣсъ.

Я оставилъ ихъ на этомъ разговорѣ и побѣжалъ къ Иренѣ. Она давала урокъ грамматики и, когда я входилъ, она спрягала съ нѣкоторой страстностью: «вы были бы любимы, вы были любимы, вы будете любимы».

Тоска моя мгновенно прошла и я спросилъ ее:

— Итакъ, вы уходите отъ насъ?

— Да,—рѣшительно отвѣтила она и прямо смотря мнѣ въ глаза.

— Вотъ какъ! И когда же?

— Сегодня же. Что должно случиться...

— Жалко!.. Но что же, вы недовольны чѣмъ-нибудь?

— Не говорите глупостей. Недовольна! Скажите лучше: благодарна, отъ всей души.

— Стало быть...

— Но это необходимо, мой другъ. Я не могу здѣсь оставаться всю жизнь. А если это такъ, то не лучше ли уйти сразу? Чѣмъ дальше тянуть, тѣмъ тяжелѣе будетъ... Вотъ я и рѣшилась, сдѣлала надъ собой усиліе.

— Это ужасно! — воскликнулъ я съ отчаяніемъ.

— Да, сеньоръ; меня жметъ ошейникъ... учительницы, — отвѣтила она и засмѣялась.

Лицо ея выражало безумную радость и это смутило меня, такъ, что я не нашелся сказать ничего другого какъ:

— У васъ есть планы?

— Да, сеньоръ, есть маленькіе планы, и какіе славные! Да, что же вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что только ученые имѣютъ планы?

Обѣ дѣвочки, Изабель и Мерседитосъ, смотрѣли на насъ съ большимъ вниманіемъ, держа раскрытыя книги на колѣняхъ. Имъ очень нравился этотъ отдыхъ во время урока, и онѣ, вѣроятно, ничего не имѣли бы противъ того, чтобы мы болтали весь день.

— Напротивъ, я очень радъ, что вы имѣете планы и оставляете эту жизнь... Я бы имѣлъ только возразить кое-что противъ частностей... Впрочемъ, продолжайте урокъ, потомъ...

— Поговоримъ? Отлично, я тоже хочу потолковать съ вами; но мнѣ нужно такъ много вамъ сказать...

— Послѣ... на этомъ мѣстѣ, — сказалъ я, и въ это время замѣтилъ, что говорю черезчуръ торжественно и мелодраматично, какъ плохіе актеры на сценѣ. Я, кажется, былъ очень блѣденъ и голосъ у меня дрожалъ.

— Нѣтъ, не здѣсь... — сказала она, точно также смутившись, и взглядывая то на грамматику, то на своихъ учениць.

Это «не здѣсь» было сказано мягкимъ тономъ любовнаго предостереженія. То былъ чуткій инстинктъ благоразумія, которое въ первой любви женщины обнаруживается въ такой же широкой мѣрѣ, какъ будто въ немъ упражнялись нѣсколько лѣтъ.

— Вы правы, не здѣсь, — повторилъ я.

Я не могъ придумать, гдѣ именно это должно произойти, но она, очевидно, предвидѣла это раньше.

— У меня дома, на новой квартирѣ. Вѣдь вы придете насъ навѣстить?

— Завтра же.

— Немножко позже. Я васъ извѣщу тогда.

— Но это будетъ скоро?

— Думаю, что да. Ни въ какомъ случаѣ не приходите прежде, чѣмъ я васъ позову.

Она написала мнѣ на бумажкѣ свой адресъ карандашомъ. За дверью послышался шопотъ и мы всѣ вчетверомъ принялись усердно спрягать глаголы...

Въ комнату вошла Лика очень взволнованная. Я слышалъ голосъ удалявшагося Хозе-Марія и понялъ, что между супругами произошла ссора. Но братъ ушолъ завтракать внѣ дома и такимъ образомъ прекратилъ военныя дѣйствія. За завтракомъ Лика сказала мнѣ съ большимъ волненіемъ:

— Донья Кандида уже убѣжала. Что съ ней такое!.. Никогда я ее не видѣла такой торопливой. Вѣдь все равно ей дѣлать нечего. Даже завтракать не хотѣла остаться... Богъ знаетъ, что тутъ дѣлается. Донья Кандида мнѣ показалась сегодня очень странной. Она такъ спѣшила... Я ее разспрашивала и о новомъ домѣ, а она все сворачивала разговоръ на другое. Ты-таки правду говорилъ, она лживая женщина.

Я молчалъ, но про себя подумалъ: «Скоро узнаемъ все». Лика продолжала ѣсть, молча, изрѣдка вздыхая, а я, углубленный въ свои мысли, не раскрывалъ рта.

Хозе-Марія вернулся очень поздно. Онъ, какъ будто, подъ предлогомъ занятій въ своемъ кабинетѣ, хотѣлъ быть въ извѣстный часъ дома. Онъ очень любезничалъ со мной и съ Ликой, но по лицу видно было, что эта любезность стоила ему большихъ усилій. Передавая намъ билеты на какой-то благотворительный праздникъ въ садахъ дель-Ретиро, онъ усердно уговаривалъ насъ отправиться туда, такъ какъ прогулка, по его словамъ, въ такую погоду истинное удовольствіе. Мануэла не хотѣла идти, я тоже.

— А ты не пойдешь?—спросила она мужа.

— Нѣтъ, я занятъ.

Дѣйствительно, прихожая и залъ были наполнены просителями всякаго рода. Съ тѣхъ поръ какъ братъ сталъ играть роль, цѣлыя тучи искателей мѣстъ наводняли домъ съ утра до ночи. Начинающіе судьи, лѣсные сторожа, интендантскіе чиновники, однимъ словомъ, всѣ многочисленные типы людей, которые чѣмъ-нибудь были или желали быть, приходили безпрестанно съ прось-

бами о рекомендаціи. Одни приносили визитную карточку отъ друга, другіе письма, а нѣкоторые рекомендовали себя сами. Обыкновенно Хозе-Марія отдѣлывался довольно безцеремонно отъ этихъ докучливыхъ людей: онъ или уходилъ изъ дому, оставивъ ихъ въ передней, либо приказывалъ сказать, чтобы пришли въ другой разъ. Но въ этотъ день мой благодѣтельный братецъ желалъ дать несомнѣнныя доказательства своей заботливости объ участи бѣдняковъ и принималъ просителей одного за другимъ, обнадеживая всѣхъ обѣщаніями.

— Прекрасно, изложите все это на бумагѣ... Я представилъ вашу записку министру... Видите ли, что мнѣ отвѣтилъ директоръ: онъ требуетъ докладной записки... Я думаю, что мы ошиблись въ редакціи докладной записки, вотъ почему дирекція... Лучше напишите другую записку... Помню, помню, любезнѣйшій, я это записалъ въ памятную книжку.

Въ этихъ разговорахъ о докладныхъ запискахъ и замѣткахъ прошла большая часть вечера. Между тѣмъ Ирена укладывала свои вещи. Больше двухъ часовъ она оставалась запершись въ своей комнатѣ. Съ нею были только дѣвочки, помогая укладывать и увязывать вещи. Наконецъ, чемоданъ ея, обвязанный веревкой, вынесли въ корридоръ. Ирена вышла прощаться съ Мануэлой, слезы текли по ея щекамъ, глаза и носъ были красны отъ рыданій. Ученицы ея также плакали навзрыдъ, закрывши ручками свои физіономіи.

— Ахъ, какъ это глупо! — сказала Ирена, цѣлуя ихъ въ послѣдній разъ.—Я буду приходить каждый день.

Прощаніе было очень нѣжное, но Мануэла была нѣсколько смущена и не плакала. Въ дверяхъ обѣ женщины вновь дружески обнялись.

Въ это время Хозе-Марія вышелъ изъ своего кабинета. Занятія и докладныя записки были забыты, какъ будто ихъ не существовало.

— Вы уже уходите?—спросилъ онъ весело.—И я тоже; я васъ довезу въ своей каретѣ.

— Нѣтъ, сеньоръ, благодарю васъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что! —отвѣчала Ирена, сбѣгая внизъ по лѣстницѣ.—Меня проводитъ Руперто.

Хозе-Марія побѣжалъ за ней. Мы съ Мануэлой подошли къ окну посмотрѣть, чѣмъ это кончится...

Дѣйствительно, Ирена не могла отказаться отъ галантнаго приглашенія моего брата и зашла въ карету, Хозе послѣдовалъ за ней, и карета рысью понеслась по улицѣ Санъ-Матео.

— Видѣлъ, видѣлъ? — вскричала Лика, вперивъ въ меня гнѣвный взглядъ.

— Что такое? Не дѣлай, пожалуйста, нелѣпыхъ заключеній... Еще...

— Что еще?.. Это ужасно! Увезти ее въ своей каретѣ... Вотъ зачѣмъ онъ торчалъ тутъ весь вечеръ... онъ надѣялся... О, Максимо, какой позоръ! Господи, какая подлость!.. Если-бъ я не видѣла собственными глазами. Я раздеру ее на части, у меня хватитъ храбрости...

Затѣмъ, бросившись въ кресло, она судорожно заплакала.

— Я умру, я не могу здѣсь жить, — проговаривала она. — Ахъ, Махимо, это ужасно! Въ моемъ домѣ, на моихъ глазахъ... Вѣдь это значитъ не имѣть совсѣмъ стыда, а безстыдства я не могу простить.

— Послушай однако, если у тебя нѣтъ другихъ основаній, кромѣ этого—такъ успокойся. Увидимъ дальше, что̀ будетъ...

— Глупый человѣкъ, я догадываюсь, у моей ревности—тысячи глазъ. Я не знаю ничего вѣрнаго, но что-то есть, что-то есть.. Я тебѣ говорила, что Ирена очень добра. Вздоръ! Она насъ всѣхъ обманываетъ... Слушай, я замѣтила въ ней... Ахъ, я съ ума схожу! Но вѣдь я все-таки могу понять, когда женщина заигрываетъ и кокетничаетъ, какъ бы она ни скрывала этого. Ирена обманываетъ насъ всѣхъ. Она лицемѣрка!

XXIII.

Она лицемѣрка!

Эти слова поразили меня въ самое сердце.

— Успокойся, Лика, подумай...

— Я не думаю, я чувствую и отгадываю, вѣдь я женщина.

— Что ты замѣтила?

— Въ послѣднее время она очень плохо занималась съ дѣтьми. Она пятилась назадъ какъ ракъ. Она учила не такъ, какъ слѣдуетъ... Однажды вечеромъ... о, теперь я соображаю всѣ эти мелочи... я застала ее за чтеніемъ какого-то письма. Я пристально посмотрѣла на нее. Ея глаза горѣли... Потомъ эта торопливость переѣхать поскорѣе къ своей теткѣ... Безсовѣстная! Теперь я понимаю, что и тетка порядочная дрянь...

— Она читала письмо! Но почему же это письмо непремѣнно отъ твоего мужа?

— Не знаю... я его видѣла издали, на одно мгновеніе... Оно мелькнуло только въ моихъ глазахъ, я не успѣла разглядѣть почерка, но мнѣ показалось, что *p* и *h* такія точно, какъ дѣлаетъ Хозе-Марія... Нѣтъ, нѣтъ, тутъ что-нибудь есть, навѣрное, что-нибудь есть. Сегодня ночью я поговорю рѣшительно съ мужемъ. Я уѣзжаю въ Кубу. Если онъ хочетъ продолжать свои шашни, разоряться, оставить дѣтей моихъ безъ куска хлѣба, —я не могу этого дозволить, я мать, я уѣду къ себѣ на родину, мнѣ тамъ будетъ лучше; я не хочу быть посмѣшищемъ, не хочу, чтобы мои деньги уходили на прихоти распутныхъ женщинъ... Мама, мама!

И едва появилась донья Хесуса, тяжело ступая и запыхавшись, Лика, добрая, миролюбивая Лика впала въ состояніе такого гнѣва и ревности, на какіе я не считалъ ее способной. Потомъ она бросилась въ объятія своей матери и долго рыдала на весь домъ. Но вдругъ бѣдная женщина потеряла сознаніе и стала корчиться въ страшныхъ судорогахъ, ей свело руки и ноги и трясло такъ, что мы не въ состояніи были ее удержать. Наконецъ, она успокоилась, мы уложили ее въ кровать и дали выпить чашку липоваго цвѣта.

— Мы уѣдемъ, милое дитя,—утѣшала ее донья Хесуса,— мы уѣдемъ въ нашъ край, гдѣ нѣтъ этихъ извергозъ.

Весь вечеръ и часть ночи просидѣлъ я у Лики. Когда я уходилъ, Хозе-Марія еще не возвратился. Но на слѣдующій день, когда я прибѣжалъ послѣ класса узнать, не случилось ли новой бѣды, я засталъ Лику очень спокойной. Ея мужъ вернулся поздно и, увидавъ ее въ такомъ горѣ, далъ объясненія, которыя были, надо полагать, очень удовлетворительны, потому что несчастная успокоилась и даже почти развеселилась. Она обладала крайне впечатлительной натурой, послѣднее впечатлѣніе покрывало и изглаживало у нея всѣ предъидущія, пока, въ свою очередь, не изглаживалось другимъ. Переходы отъ одного состоянія духа къ другому, отъ гнѣва къ восторгу, вызывались пустякомъ, часто однимъ словомъ, сказаннымъ мимоходомъ. Но довѣрчивость была у нея всегда сильнѣе подозрительности, и я не понимаю, почему Хозе-Марія не умѣлъ пользоваться этимъ ея качествомъ. Въ этотъ разъ, впрочемъ, онъ имъ воспользовался, потому что въ критическіе моменты жизни будущій маркизъ обнаруживалъ нѣкоторый тактъ или, вѣрнѣе, хитрость. Онъ тоже былъ теперь въ праздничномъ настроеніи духа и когда мы заговорили о щекотливомъ вопросѣ, онъ сказалъ:

— Вы, кажется, всѣ тутъ съ ума посходили. Изъ того, что

мнѣ пришло въ голову сказать любезность Иренѣ и отвезти ее въ своей каретѣ, вы уже Богъ знаетъ что выводите... Это, положительно, бѣда; и ты, ученый, глубокомысленный человѣкъ, анализаторъ сердца человѣческаго, полагаешь ты, что еслибъ въ этомъ скрывалась какая-нибудь задняя мысль, то я бы такъ это и показалъ передъ всѣми?

— Нѣтъ, я ничего не полагаю. Если что-нибудь есть, оно узнается само собою, потому что по нынѣшнимъ временамъ ни одинъ дурной поступокъ не можетъ скрыться отъ корректива гласности; это, разумѣется, коррективъ не очень строгій, нѣкоторые его даже не признаютъ, но, за неимѣніемъ другихъ, съ нимъ все-таки приходится считаться... А теперь, такъ какъ мы говоримъ объ этомъ, не объяснишь ли ты мнѣ вопросъ, который меня очень занимаетъ? Откуда появились деньги у доньи Кандиды, которыя даютъ ей возможность покупать дома и пускать пыль въ глаза?

— А я почему знаю! Она мнѣ притащила дисконтировать кое-какія бумаги... И я далъ деньги. Не Богъ вѣсть сколько, пустякъ. Это она старается увѣрить, что много и считаетъ песэты за дуро [1]), чтобы промотать ихъ потомъ какъ сантимы. Если-бъ я и хотѣлъ тебѣ сказать, откуда попали къ ней эти бумаги,— я положительно не знаю. Продала какія-то земли, цензы какіе-то... однимъ словомъ, не знаю, да мнѣ совсѣмъ не интересно и знать. Я увѣренъ, что ея домъ—лачужка какая-нибудь. Бѣдная женщина!.. Какъ тебѣ нравится вчерашнее засѣданіе? Если-бъ ты видѣлъ, что̀ тамъ дѣлалось; министръ ушелъ, схватившись за голову, а лѣвый центръ смѣшался съ правой стороной... Читалъ ты заявленіе Симарры? Мы...

— Ничего я не читалъ.

— Съ завтрашней почтой получатся мои полномочія. Если-бъ ты не былъ такой неповоротливый, ты бы могъ принять предложеніе, которое мнѣ сдѣлалъ министръ.

— Оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ... Возвратимся къ доньѣ Кандидѣ...

— Оставь и ты меня въ покоѣ съ доньей Кандидой.

Я понялъ, что эта тема была ему не по вкусу и намоталъ себѣ это на усъ.

— А, вотъ газеты, въ которыхъ говорятъ о вечерѣ... Смотри, вотъ здѣсь тебя называютъ «добросовѣстнымъ», этотъ терминъ дается посредственнымъ актерамъ; здѣсь тебя превозносятъ до

---

[1]) Песэта=франкъ, дуро=5 франковъ.

облаковъ. Одно другого стоитъ. Относительно Пеньи мнѣнія раздѣляются: всѣ согласны, что онъ большой ораторъ, но нѣкоторые утверждають, что если-бъ резюмировать то, что онъ говорилъ, то окажется отсутствіе всякаго содержанія. Хочешь знать мое мнѣніе? Этотъ Пеньита, на мой взглядъ, попугай! У него есть только блестящій талантъ и это чисто испанское умѣнье говорить красивыя фразы, въ которыхъ нѣтъ никакого практическаго смысла! Уже теперь начинають поговаривать, чтобы предложить ему кандидатуру и избавить его отъ возрастнаго ценза... Это недостойно серьезныхъ и опытныхъ людей... Откровенно признаюсь тебѣ, мнѣ противенъ этотъ мальчишка и его манера говорить... Будь онъ попомъ, ему не найти равнаго, который бы могъ такъ легко заставить плакать старушекъ, но въ палатѣ... Ей-Богу, крайне печально, что у насъ составляются такимъ образомъ репутаціи. Ну, что онъ, въ концѣ-концовъ, сказалъ? Крестовые походы, Христофоръ Колумбъ, сестры милосердія въ своихъ бѣлыхъ чепцахъ... Господи, да вѣдь мы кончимъ тѣмъ, что станемъ говорить стихами, а затѣмъ музыкой, и превратимъ наши палаты въ оперный залъ... Ты посмотри на конгрессъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ тамъ трактуются вопросы. Тамъ ораторъ производитъ впечатлѣніе чиновника, читающаго рапортъ. А между тѣмъ посмотри на практическіе результаты... Они въ буквальномъ смыслѣ слова поразительны. Нѣтъ, нѣтъ, наши ораторы, наши двадцатилѣтнія знаменитости, эти парламентскіе трубадуры мнѣ раздражають нервы. А этотъ Пеньита мнѣ противенъ. Я бы его заставилъ бить камни въ каменоломнѣ, чтобы онъ сдѣлался практическимъ человѣкомъ... И вмѣсто его болтовни о человѣческихъ идеалахъ, эволюціяхъ и пангенезисахъ, я бы его послалъ выгружать мѣшки въ гаванскомъ портѣ или копать руду на Ріо-Тинто, чтобы онъ составилъ себѣ представленіе, что такое трудъ человѣческій. Не возражай, пожалуйста. Будь я автократомъ, имѣй я право распоряжаться по своему усмотрѣнію, я бы первымъ дѣломъ отдалъ въ солдаты всѣхъ ораторовъ, философовъ, поэтовъ, романистовъ и прочихъ дармоѣдовъ, и навѣрное очистилъ бы и осчастливилъ общество.

— Хозе!—воскликнулъ я съ юмористическимъ энтузіазмомъ, —ты самый дикій варваръ, какіе только существовали на свѣтѣ.

— А ты—восьмая язва египетская.

— А ты—валаамская ослица.

Онъ какъ-будто начиналъ сердиться... Я тоже.

— Если бы ихъ отдать въ солдаты, это было бы очень недурно.

— О, да! Нація превратилась бы въ свиной хлѣвъ.

— Ну, это мы бы еще увидѣли... Я бы сказалъ...

— Да ты бы не говорилъ, ты бы хрюкалъ...

— Послушай, любезнѣйшій, тщеславіе, самодовольство, заносчивость господъ ученыхъ, по истинѣ, несносны. Они ровно ничего не дѣлаютъ, ни для чего не нужны, это—скопище идіотовъ...

Я начиналъ злиться.

— Но тщеславіе невѣжды, — сказалъ я, — кромѣ того, что несносно, еще и вредно, оно распространяетъ пошлость и посредственность.

— Ахъ, какъ было бы хорошо, если-бъ нами управлялъ такой мудрецъ.

— Ахъ, какъ было бы хорошо, если-бъ управлялъ такой дуракъ.

— Неправда, сеньоръ!

Онъ поблѣднѣлъ.

— Совершеннѣйшая правда, сеньоръ!

Я покраснѣлъ...

— Ты самый...

— А ты...

Дрожа отъ гнѣва, я вышелъ, хлопнувъ дверью, такъ что стекла зазвенѣли. Когда мы увидѣлись послѣ этого, онъ избѣгалъ говорить со мною и видимо дулся. Что касается меня, то у меня осталась только непріятность воспоминанія объ этой ребяческой ссорѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторой долей угрызеній совѣсти. Я сожалѣлъ, что изъ-за нѣсколькихъ глупыхъ словъ измѣнились наши дружелюбныя отношенія и исчезла прежняя непринужденность между нами. Я старался помириться съ Хове, но онъ оставался насупленнымъ и, проходя мимо меня, не удостоивалъ даже взглядомъ.

И. П.

ОБМѢНЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ
ВЪ
РОССІИ

II *).

Наши агрономы дѣлаютъ попытки дѣлить Россію на сельско-хозяйственные районы, кладя въ основаніе классификаціи различіе, какъ культурныхъ пріемовъ, такъ и видовъ добываемыхъ въ той или иной мѣстности продуктовъ. Изъ числа этихъ попытокъ мы остановимся на классификаціи г. Ермолова (принимаемой кажется и всѣми другими компетентными лицами), а изъ его районовъ упомянемъ о тѣхъ, которые характеризуются родомъ производимыхъ продуктовъ, именно: льняномъ, свекловичномъ, скотоводческомъ и зерновомъ. Мы ничего не можемъ возразить противъ такихъ попытокъ, если онѣ имѣютъ цѣлью указать на различія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, существующія между той и другой областью Россіи. Въ этомъ смыслѣ льноводческій районъ дѣйствительно отличается отъ свекловичнаго тѣмъ, что въ немъ сѣется ленъ, а въ томъ—свекловица. Но такимъ утвержденіемъ мы не думаемъ рѣшать вопросъ о спеціализаціи земледѣльческихъ областей; мы не хотимъ этимъ сказать, напримѣръ, что продуктъ скотоводства свеклосахарная область станетъ получать изъ соотвѣтствующаго района и не отвергаемъ того факта, что господствующимъ растеніемъ, напри

---

*) См. выше: октябрь, 484 стр.

сѣръ, въ льноводческомъ районѣ являются все-таки зерновые хлѣба. Иное дѣло, если вмѣсто простого констатированія нѣкотораго разнообразія въ добываемыхъ продуктахъ, которое частью основывается на общественномъ раздѣленіи труда, частью же существуетъ независимо отъ послѣдняго, мы своей классификаціей думаемъ указать на развивающуюся въ Россіи новую сельско-хозяйственную организацію, долженствующую замѣнить ея прежнюю земледѣльческую систему. Если *такое* разчлененіе Россіи на районы существуетъ въ дѣйствительности и имѣетъ шансы на дальнѣйшее развитіе и полное господство, то въ основѣ его должно лежать общественное раздѣленіе труда въ сферѣ разсматриваемаго промысла: различныя области страны вырабатываютъ каждая спеціальный продуктъ, которыми потомъ и обмѣниваются другъ съ другомъ. Въ подобномъ случаѣ спеціализація земледѣльческаго промысла по районамъ есть явленіе не только частное, зависящее отъ разнообразія естественныхъ условій страны, но и представляется фактомъ огромной общественной важности: каждый районъ не является оторваннымъ отъ другихъ, а играетъ предназначенную ему роль въ общей сельско-хозяйственной организаціи страны; онъ необходимъ при этой организаціи, дополняетъ ее и самъ держится ею. Это совершенно иное, чѣмъ существованіе того же явленія, но какъ результата исключительно естественныхъ условій почвенныхъ и климатическихъ: въ подобномъ случаѣ отдѣльныя области страны будутъ производить не одинаковые продукты потому, что это требуется естественными условіями мѣстности, и сами жители приноровили къ таковымъ свое потребленіе. Въ этомъ случаѣ между обособившимися районами или нѣтъ вовсе связи, или она существуетъ лишь въ ограниченной степени; они не составляютъ частей одного цѣлаго, членовъ одной организаціи, дополняющихъ другъ друга, а связаны лишь внѣшнимъ образомъ, принадлежностью къ одному государству. Такъ, вѣроятно, начинается всегда раздѣленіе земледѣльческаго труда: сначала области хотя и различаются по роду добываемыхъ продуктовъ (сообразно мѣстнымъ условіямъ), но это различіе отражается лишь на характерѣ потребленія жителей районовъ, такъ какъ добываемые продукты почти не вывозятся за предѣлы области. Затѣмъ начинаются сношенія сосѣдей другъ съ другомъ, мѣна избытками своихъ произведеній, сначала болѣе или менѣе случайно, потомъ систематически. Сообразно новымъ отношеніямъ измѣняется сельско-хозяйственная физіономія всѣхъ районовъ: каждый изъ нихъ бросаетъ производство продуктовъ, которые онъ прежде добывалъ съ большими затрудненіями лишь

въ силу необходимости, ибо теперь имѣетъ возможность получить ихъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ отъ сосѣда, и сосредоточиваетъ всѣ силы на одномъ-двухъ спеціальныхъ предметахъ, которые за то онъ производитъ для обмѣна. Спеціализація производства становится такимъ образомъ болѣе рѣзкой; она превращается въ общественное раздѣленіе труда, а всѣ районы въ совокупности образуютъ одну систему, одну организацію.

Читатель видитъ и знаетъ, что такое обособленіе районовъ необходимо предполагаетъ обмѣнъ, который немыслимъ безъ удобныхъ путей сообщенія. До недавняго времени Россія, если и представляла изъ себя нѣкоторое разнообразіе въ указанномъ отношеніи, то оно было лишь небольшой частью основано на обмѣнѣ, главнѣйшимъ же образомъ зависѣло отъ естественнаго разнообразія въ почвенномъ и климатическомъ отношеніи областей, входящихъ въ составъ страны. «Указанные хозяйственные районы (по схемѣ г. Ермолова), — говоритъ напр. г. Левитскій, — возникли на территоріи Европейской Россіи въ сравнительно недавнее время и съ каждымъ годомъ продолжаютъ все болѣе и болѣе развиваться и обособляться» [1]). Причина этого кроется въ измѣненіи торговыхъ условій Россіи въ послѣднее двадцатилѣтіе. Желѣзныя дороги, «бросая на сѣверные рынки нечерноземной полосы большое количество южнаго хлѣба, дѣлаютъ менѣе выгоднымъ, а съ улучшеніемъ ихъ эксплуатаціи сдѣлаютъ еще менѣе выгоднымъ воздѣлываніе хлѣбовъ въ нечерноземной полосѣ и вызовутъ воздѣлываніе льна», хмѣля, цикорія, мяты и пр. [2]). «Теперь уже привозный (южный) хлѣбъ въ г. Москвѣ значительно дешевле, чѣмъ въ уѣздахъ», въ подтвержденіе той же мысли говоритъ другой изслѣдователь русскаго хозяйства, а потому для московской губерніи, равно какъ и для другихъ нечерноземныхъ мѣстностей необходимо зерновое хозяйство замѣнить другимъ, основаннымъ на воздѣлываніи льна, картофеля и въ соединеніи съ технической переработкой названныхъ продуктовъ [3]). Такое измѣненіе хозяйства нечерноземной полосы въ свою очередь развяжетъ руки хлѣбороднымъ мѣстностямъ, которыя тогда свободнѣе обратятся къ осуществленію культурной системы, всего болѣе соотвѣтствующей ихъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, а также задачамъ, поставленнымъ временемъ. Въ результатѣ будетъ всеобщій сельско-хозяйственный

[1]) Историко-статист. обзоръ промышленности Россіи, группа III и др., стр. 15.

[2]) Стебутъ. Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, стр. 41, 44.

[3]) Сборн. стат. свѣд. по моск. губ., т. VII, вып. I, статья К. А. Вернера, стр. 54—55.

прогрессъ, и онъ уже, какъ мы видѣли, начался: «переходъ отъ первобытныхъ формъ полеводства къ болѣе совершеннымъ формамъ совершается въ настоящее время почти повсемѣстно въ Россіи. Введеніе картофеля, какъ кормового и какъ промышленнаго растенія, распространеніе культуры льна на волокно, травосѣяніе, развитіе свеклосахарнаго производства и пр.—представляютъ наиболѣе характерные и очевидные признаки того улучшенія, которое совершается въ практикѣ русскаго полеводства» и которое ставится въ зависимость отъ развивающагося общественнаго раздѣленія земледѣльческаго труда [1]).

Посмотримъ же, насколько эти оптимистическія предвкушенія будущаго оправдываются на практикѣ; насколько выясняющіеся наши сельско-хозяйственные районы имѣютъ корни въ земледѣльческой организаціи страны и слѣдовательно шансы на дальнѣйшее развитіе. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ: сколь широко развитъ у насъ взаимный обмѣнъ продуктовъ различныхъ сельско-хозяйственныхъ областей?

Начнемъ свое повѣствованіе съ зерновыхъ хлѣбовъ и прежде всего остановимся на самомъ дорогомъ изъ нихъ—на пшеницѣ, дальнѣйшую судьбу которой, послѣ того, какъ она изъ рукъ природы перешла въ руки человѣка, мы и станемъ изучать.

Къ области преимущественнаго воздѣлыванія пшеницы принадлежитъ собственно степная полоса, но въ торговлѣ ею не послѣднюю роль играютъ и остальныя части чернозема. Въ общемъ, вся эта область съ населеніемъ въ 38 милліоновъ душъ обоего пола даетъ пшеницы ежегодно 19—20 милліоновъ четвертей, а съ присоединеніемъ привислянскаго края количество это должно быть еще увеличено на 2 милліона четвертей. Такъ какъ здѣсь мы будемъ слѣдить за обращеніемъ пшеницы въ 1878 году, а урожай каждаго года поступаетъ въ торговлю въ главной своей части на слѣдующій, то мы и приведемъ свѣдѣнія о сборѣ пшеницы въ 1877 году. Въ разсматриваемой области онъ составлялъ 29 милліоновъ четвертей [2]). Изъ этого количества $17^1/_4$ мил. было вывезено за границу, слѣдовательно въ кругъ обмѣна этого продукта въ Россіи не входитъ. Оставшихся $11^3/_4$ милліоновъ четвертей,—составляющихъ 0,15 четв. на душу населенія Россіи,—какъ разъ достаточно для того, чтобы помазать по губамъ русскаго мужика въ праздникъ, и представляетъ maximum тѣхъ надеждъ, которыя нашъ внутренній обмѣнъ даетъ

[1]) Левитскій, id.

[2]) Сб. свѣд. по департаменту землед. и пр., вып. II.

черноземной полосѣ для организаціи ея хозяйства на принципѣ раздѣленія труда съ другими мѣстностями, при чемъ на ея долю выпало бы между прочимъ производство пшеницы для себя и другихъ.

Но эта цифра ($11^3/_4$ милліоновъ четвертей) пшеницы далеко не представляетъ товара въ меж-областномъ смыслѣ, т.-е. продукта, назначеннаго для вывоза въ другія мѣстности; значительная ея часть будетъ потреблена здѣсь же, не выходя за предѣлы пшеничнаго района. А чтобы судить, насколько потребности другихъ областей Россіи представляютъ основаніе для выдѣленія спеціальнаго пшеничнаго района, мы должны опредѣлить дѣйствительное количество этого продукта, вывозимое за предѣлы разсматриваемаго района для потребленія внутри страны. По даннымъ «Статистическаго Сборника» министерства путей сообщенія въ 1878 году пшеницы было перевезено зерномъ 132,5 милліоновъ пудовъ, что составитъ 13,25 мил. четвертей (принимая, какъ это дѣлаетъ «Обзоръ Внѣшней торговли» въ четверти 10 пудовъ), да мукою 30,8 милліоновъ пудовъ. Часть этого хлѣба была вывезена за границу, другая потреблена внутри страны. Всего за границу въ этомъ году отпущено, какъ мы говорили выше, $17^1/_4$ мил. четвертей, но далеко не все указанное количество привезено было къ таможнямъ желѣзными и водяными путями: около половины хлѣба, отпущеннаго южными портами, была туда доставлена гужемъ. Судить же о томъ, какая часть пшеницы, обращавшейся по путямъ перваго рода, отправилась за границу, мы можемъ по цифрамъ прибытія ея къ пограничнымъ пунктамъ, при чемъ оказывается, что подвезено къ нимъ желѣзными дорогами и рѣками (Невою и Дономъ) 9,41 мил. четв. зерномъ и и 740,000 четв. мукой. Однако, все это количество пшеницы въ зернѣ и мукѣ мы не можемъ считать ушедшимъ за границу, такъ какъ въ числѣ приграничныхъ пунктовъ встрѣчаемъ Петербургъ, т.-е. мѣсто, представляющее съ своей стороны значительный центръ потребленія хлѣба и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Выдѣлить изъ общей массы привезенной пшеницы его долю мы можемъ путемъ слѣдующаго вычисленія: мы знаемъ, что въ Петербургъ въ 1878 году было доставлено 1.768,100 четвертей пшеницы зерномъ и 606,400 четвертей мукою; вывозъ заграницу здѣсь совершается чрезъ столичную и кронштадтскую таможни, которыми и было отпущено тогда 1.587,735 четвертей зерна и 119,846 четвертей муки, а осталось въ Петербургѣ значитъ 186,400 четвертей зерна и около $486^1/_2$ тыс. четв. муки. Эту цифру нужно вычесть изъ общей суммы пше-

ницы и муки, подвезенной къ пограничнымъ пунктамъ, и остатокъ въ 9,23 мил. четвертей зерна и 254 тысячи муки будетъ выражать приблизительное количество пшеницы, вывезенной за границу нашими желѣзными и водяными путями сообщенія, а разница между этимъ послѣднимъ и общей массой этого хлѣба, перевезенной указанными способами, будетъ выражать всю ту массу продуктовъ, какую нечерноземная Россія получила отъ черноземной; ею будетъ измѣряться ширина того основанія, какое воздвигаетъ обмѣнъ для дифференцированія земледѣльческаго производства по спеціальностямъ и мѣстностямъ. Это будетъ именно 4 милліона четвертей зерна и 2,8 мил. муки, которые по переводѣ въ зерно (считая потерю при размолѣ въ 20%) даетъ 3,5 мил. четвертей.

Итакъ, что касается разсматриваемаго продукта, обмѣнъ внутри Россіи даетъ черноземной полосѣ возможность собрать сверхъ собственнаго ея потребленія 7,5 мил. четвертей. Такъ какъ въ 1877 году чистый сборъ пшеницы составлялъ здѣсь самъ 3,65, то раздѣливъ 7,5 мил. на 3,65 мы получимъ количество высѣеннаго зерна (2 мил. четвертей), давшаго пшеницу для вывоза въ разныя мѣста Россіи, а зная, сколько на югѣ высѣвается этого хлѣба на десятину (отъ 6 четвериковъ до 1 четверти), мы опредѣлимъ площадь пашни черноземной полосы, предназначенную ростить пшеницу для потребленія нечерноземной; эта площадь будетъ 2—2²/₃ мил. десятинъ, что̀ составитъ около 5% пахатной земли всей черноземной полосы и 10% пашни нижневолжскихъ, заволжскихъ и южныхъ степныхъ губерній, производящихъ пшеницу по преимуществу [1]).

Итакъ, возможность югу Россіи сосредоточить свое вниманіе на производствѣ пшеницы, образовать особый культурный районъ, на двѣ слишкомъ трети, дана ему внѣшнимъ рынкомъ: вывозъ пшеницы вмѣстѣ съ потребленіемъ нечерноземной полосы составляетъ около 26 милліоновъ четвертей, изъ числа которыхъ на долю внутренняго обмѣна приходится 7,5 милліоновъ, т.-е. меньше одной трети.

Читатель, можетъ быть, вздумаетъ замѣтить, что не однѣ желѣзныя дороги и рѣки служатъ для перевозки хлѣба, что вѣдь самъ я выше указывалъ на милліоны четвертей, подвезенныхъ гужемъ къ южнымъ портамъ; нѣчто подобное могло случиться и съ пшеницей, предназначенной для внутренняго потребленія.

На это я отвѣчу, что южные порты находятся въ самомъ

---

[1]) Цифры пахатной земли мы беремъ у Левитскаго, тамъ же.

сердцѣ области, производящей разсматриваемый продуктъ и при томъ лежать въ мѣстности, еще очень мало изрѣзанной желѣзными дорогами.

Чѣмъ дальше же мы подвигаемся на сѣверъ, тѣмъ больше становится разстояніе, отдѣляющее мѣсто производства пшеницы отъ центра ея потребленія и тѣмъ гуще становится желѣзнодорожная сѣть; а вслѣдствіе этого тѣмъ большая часть пшеницы направляется туда по этимъ путямъ сообщенія. Правда, на границѣ обоихъ районовъ, обмѣнъ вѣроятно, происходитъ также при посредствѣ гужевой доставки, но за то и часть пшеницы, перевозимой желѣзными путями, выгружается въ черноземной полосѣ; мы же ее всю считаемъ назначенной для нечерноземной Россіи.

Итакъ остается несомнѣннымъ, что пшеничный районъ Россіи обязанъ своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, внѣшнему сбыту, а потому и прочность его обусловливается постоянствомъ послѣдняго. Насколько же основательна надежда на внѣшній сбытъ—пусть говорятъ факты и цифровые разсчеты. Извѣстно, что за хлѣбный международный рынокъ идетъ борьба Россіи и Америки; эти двѣ страны главнымъ образомъ снабжаютъ Европу и пшеницей. Кто же беретъ перевѣсъ? «Въ срединѣ 60-хъ годовъ вывозъ пшеницы изъ Россіи колебался между 7 и 8 милліонами четвертей, а вывозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ не превышалъ $2^1/_2$ мил. четвертей; между тѣмъ въ 1880 году Соединенные Штаты отправили въ Европу 28 мил. четв. пшеницы, а Россія—всего 6 мил. четв. (въ 1873 г. 14 мил. ч.). Великобританія получала въ срединѣ 60 годовъ изъ Россіи цѣлую треть всего ввоза пшеницы, и въ 1879 г. взяла изъ Россіи только 13,4%, а изъ Соединенныхъ Штатовъ 60,7% своего ввоза; въ 1880 году участіе Россіи въ снабженіи англійскаго рынка пшеницей спустилось до 5,2%, а вывозъ Сѣверной Америки возросъ до 65%. Если наконецъ взять торговый годъ отъ жатвы 1880 г. до жатвы 1881 г. то въ этотъ періодъ Америка доставила 85% всего англійскаго ввоза пшеницы [1]).

Итакъ, дѣла на внѣшнемъ рынкѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ: запросъ на пшеницу тамъ съ каждымъ годомъ ростетъ, но еще быстрѣе развивается производительность американскаго земледѣлія. Однако послѣдняя еще недоросла до того, чтобы взять на себя удовлетвореніе всей потребности Европы въ хлѣбѣ. Доля ея на внѣшнемъ рынкѣ съ каждымъ годомъ

---

[1]) Чупровъ. Товарные склады, с. 4.

увеличивается, но пока она не заняла его весь, остается мѣсто и для Россіи, которая даже, благодаря сильнѣйшему росту самого рынка и неурожаямъ въ Америкѣ по временамъ расширяется абсолютно. Когда же наконецъ Америка достигнетъ того, что будетъ въ состояніи снабжать Европу хлѣбомъ одна—Россія естественно стушуется, такъ какъ она двинетъ лишь настолько, насколько это дозволитъ ей Америка, такъ какъ она даже не воюетъ съ ней, а безъ всякой борьбы уступаетъ поле битвы, по мѣрѣ того, какъ его занимаетъ соперникъ. Если это вѣрно, то какая судьба грозитъ нашему пшеничному району? Во что превратится обособленіе, специализація нашего земледѣлія по районамъ? Не начнется ли вмѣсто того обратный процессъ сглаживанія особенностей различныхъ мѣстностей, насколько это допускается естественными условіями; не упрощеніе ли нашей сельско-хозяйственной организаціи вмѣсто ожидаемаго дифференцированія въ этой области ждетъ насъ впереди?

Нѣкоторые факты заставляютъ предполагать, что это упрощеніе не только мыслимая возможность, но и уже наступающее явленіе; районъ пшеницы начинаетъ сглаживать свои рѣзкія особенности, онъ уже проявляетъ движеніе въ направленіи не обособленія отъ другихъ областей, а уравненія съ ними; онъ начинаетъ расширять въ своемъ сѣвооборотѣ такіе хлѣба, которые раньше составляли привилегію сѣверной черноземной и даже нечерноземной полосы. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ г. Левитскій о послѣднихъ годахъ нашей сельско-хозяйственной жизни: «Возвышеніе цѣнъ на рожь повело за собой отчасти расширеніе посѣвовъ ея, гдѣ таковое оказалось возможнымъ, какъ, напримѣръ, въ *степныхъ губерніяхъ*. Размноженіе вредныхъ насѣкомыхъ вызвало въ южныхъ степныхъ и полустепныхъ губерніяхъ сокращеніе посѣвовъ яровой пшеницы и замѣну ея озимыми *рожью* и пшеницей, отчасти кукурузой и масличными; съ другой стороны опустошенія, производимыя въ послѣдніе годы гессенской мухой, сопровождались въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ черноземныхъ губерніяхъ замѣной культуры *озимой пшеницы рожью*». О расширеніи посѣвовъ пшеницы авторъ упоминаетъ только въ губерніяхъ Кіевской, Подольской. Г. Левитскій сообщаетъ намъ даже нѣчто большее: не только дорогая рожь, но и болѣе дешевый хлѣбъ—овесъ—вытѣсняетъ въ черноземной полосѣ пшеницу [1]).

Итакъ, дальнѣйшее обособленіе пшеничнаго района въ Рос-

[1]) Истор.-стат. обзоръ промышленности Россіи и пр., стр. 41—43.

сіи — явленіе болѣе чѣмъ сомнительное: пшеница, какъ мы видѣли, начинаетъ здѣсь замѣщаться рожью и овсомъ. Соглашаясь съ этимъ фактомъ, читатель можетъ однако не признавать того, чтобы здѣсь было полное противорѣчіе съ мыслью о раздѣленіи земледѣльческаго труда по районамъ; онъ будетъ утверждать, что черноземная полоса продолжаетъ обособляться въ зерновой районъ и принимаетъ на себя лишь болѣе сложную обязанность, снабжать остальную Россію не одной пшеницей, но также и рожью, для чего она и расширяетъ ея посѣвы. Это приводитъ насъ къ тому, чтобы, ознакомившись съ движеніемъ ржи по нашимъ путямъ сообщенія, рѣшить вопросъ: велико ли требованіе на перемѣщеніе изъ одной области Россіи въ другую названнаго продукта; можно ли на существующемъ запросѣ рынка строить проекты разграниченія Россіи на культурные районы?

Если человѣкъ несвѣдущій, но вѣрующій въ силу и значеніе торговли сельско-хозяйственными продуктами на Руси, познакомится съ цифрами движенія хлѣба по нашимъ путямъ сообщенія—онъ будетъ пріятно удивленъ разочарованіемъ, какое испытаетъ относительно экономическаго положенія народа. Онъ привыкъ отовсюду слышать, что мужикъ живетъ впроголодь, а здѣсь узнаетъ, что напротивъ того онъ имѣетъ возможность выбирать между рожью и пшеницей и предпочитаетъ послѣднюю. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1878 году было перевезено: ржи зерномъ 101,4 милліона пудовъ и мукой 50,1 милліоновъ, всего 151,5 мил. пудовъ; пшеницы же какъ мы видѣли, обращалось въ торговлѣ 163 мил. пудовъ, т.-е. больше, чѣмъ ржи. Но читатель, знакомый съ дѣломъ, усмотритъ здѣсь нѣчто иное: онъ просто скажетъ, что пшеницы обращалось внутри Россіи больше потому, что ея больше требовалось за границу, ибо вѣдь хлѣбный обмѣнъ въ Россіи есть по преимуществу продолженіе обмѣна западно-европейскаго. Сколько же нашей ржи вывезено за границу и сколько ея перевезено изъ спеціальнаго зернового района для потребленія нечерноземной полосы?

Отпущено было за границу въ 1878 году ржи 10.138,000 четвертей, но не вся она прошла по желѣзнымъ и воднымъ путямъ сообщенія: около 4 милліоновъ четвертей подвезено къ портамъ чернаго и азовскаго морей гужемъ, желѣзными же и рѣчными путями перевезено для заграничнаго спроса 6,5 милліоновъ четвертей, а для сбыта внутри Россіи слѣдовательно 4,73 мил. четвертей зерна и 5 мил. четвертей муки (для превращенія пудовъ въ четверти мы согласно «Обзору внѣшней

торговли» считаемъ четверть зерна въ 9 пудовъ, а муки — 10 пуд.), всего 9,73 мил. четвертей. Переводя муку въ зерно, изъ котораго она получена, мы будемъ имѣть вмѣсто 5 милліоновъ четвертей муки 6,3 мил. четвертей зерна, что вмѣстѣ съ обращавшейся въ торговлѣ рожью составитъ 11 мил. четв., т.-е. въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ обращалось на внутреннемъ рынкѣ пшеницы. Зная, что урожай ржи въ черноземной полосѣ въ 1877 г. былъ самъ — 4,8, мы вычислимъ количество высѣяннаго зерна, давшаго 11 мил. ржи для продажи: оно будетъ 2,3 мил. четв., что соотвѣтствуетъ посѣву столькихъ же десятинъ земли.

Итакъ, весь запросъ нечерноземной Россіи на продовольственный хлѣбъ немѣстнаго происхожденія выражается цифрою 18,5 мил. четвертей (7,5 мил. ч. пшеницы и 11 мил. ч. ржи). И здѣсь мы видимъ, что насколько торговля хлѣбомъ можетъ послужить основаніемъ для выдѣленія особаго зерноваго района, Россія обязана будетъ этимъ, главнымъ образомъ, заграничному спросу, такъ какъ онъ открываетъ хлѣбородной полосѣ Россіи рынокъ въ 29 мил. четвертей, а нечерноземныя губерніи потребляютъ всего 18,5 мил. четвертей продовольственнаго хлѣба.

Но мы въ своемъ изслѣдованіи чуть ли не перешагнули черезъ вопросъ: намъ важно знать не запросъ на продажный хлѣбъ внутри Россіи вообще, а требованіе его исключительно земледѣльческой частью населенія. Ибо само собой разумѣется, что часть народа, спеціально занимающаяся промыслами, не обойдется безъ покупного хлѣба, и насколько у насъ такой классъ существуетъ, настолько есть и почва для товарной организаціи земледѣлія и можетъ быть для общественнаго раздѣла здѣсь труда. Но вѣдь у насъ вопросъ другой, намъ интересно знать, широко ли пойдетъ такое раздѣленіе труда въ будущемъ, для чего весьма важно, чтобы путемъ купли - продажи удовлетворялась потребность питанія не одного лишь малочисленнаго въ Россіи спеціально-промышленнаго класса, а всей массы народа, слѣдовательно, и той части его, которая занимается хлѣбопашествомъ. Предполагается, что и земледѣльцы различныхъ районовъ займутся производствомъ разныхъ продуктовъ на продажу, а все нужное для себя будутъ покупать: одинъ районъ станетъ снабжать всѣхъ хлѣбомъ, другой — мясомъ, масломъ, третій—сахаромъ и т. д. Утверждаютъ, что въ этомъ направленіи уже и происходитъ движеніе сельскаго хозяйства въ Россіи. Съ этой точки зрѣнія и по отношенію собственно къ продовольственному хлѣбу намъ и важно знать требованіе не промышленнаго, а земледѣльческаго класса. Не имѣя возможности

произвести такое разчлененіе хлѣба, перевозимаго по желѣзнымъ дорогамъ и рѣкамъ, на двѣ части, ибо намъ неизвѣстно число рабочихъ на фабрикахъ нечерноземной полосы, войска, расположеннаго здѣсь, и прочаго люда, питающагося покупнымъ хлѣбомъ, мы удовольствуемся хоть тѣмъ, что изъ общей массы хлѣба, привезенной изъ черноземной полосы, выдѣлимъ потребленіе двухъ нашихъ столицъ, имѣющихъ вмѣстѣ $1^1/_2$—2 милліона жителей.

Изъ цитируемаго «Сборника» министерства путей сообщенія мы можемъ вычислить количество хлѣба, остающагося въ Петербургѣ и Москвѣ. Именно, оно будетъ: пшеницы въ Петербургѣ 144,165 четвертей зерномъ и 417,154 четв. мукой; въ Москвѣ 140,800 четв. зерномъ и 429,300 четв. мукой; переводя муку въ зерно, узнаемъ, что Петербургъ потребляетъ пшеницы 665,620 четвертей, а Москва 677,425 ч. По тому же способу вычислимъ и потребленіе ржи обѣими столицами, которое окажется равнымъ для Петербурга 1.190,000 четв., для Москвы—1.680,000 четв. [1]). Обоего рода хлѣбовъ потреблено столицами 4.218,000 четвертей. Такимъ образомъ, мы видимъ, что два города купили для собственнаго потребленія около 18% пшеницы, привезенной изъ хлѣбнаго района, и 26% ржи, обоего рода хлѣбовъ вмѣстѣ—23%.

Итакъ, земледѣльческое населеніе нечерноземной полосы требуетъ для своего продовольствія 14,2 милліоновъ четвертей привознаго хлѣба. Вотъ почва для выдѣленія спеціальнаго хлѣбнаго района, насколько такое обособленіе можетъ у насъ основываться на общественномъ раздѣленіи земледѣльческаго труда. И имѣя въ виду такія-то требованія внутренняго рынка, — думаютъ,—возможно организовать производство въ территоріи, населенной 35 милліонами душъ, территоріи, обнимающей десятки губерній и имѣющей до 60 милліоновъ десятинъ пахатной земли. Четыре-пять губерній еще могли бы воспользоваться такимъ рынкомъ, но никакъ не цѣлая половина Россіи.

Мы остановились только на двухъ хлѣбахъ потому, что внутренняя торговля остальными сравнительно играетъ небольшую роль. Такъ, крупы всякой перевезено 18,3 мил. пудовъ, изъ числа которыхъ къ пограничнымъ пунктамъ и къ г. Москвѣ прибыло около 10 милліоновъ пудовъ; на потребленіе остальной (будемъ считать ее земледѣльческой) Россіи приходится 8,5 мил.

---

[1]) Разница въ количествѣ обоихъ хлѣбовъ въ пользу Москвы не есть ли результатъ невѣрности данныхъ, о привозимомъ въ Петербургъ хлѣбѣ по р. Невѣ?

пудовъ или меньше 1 милліона четвертей. Ячменя обращалось по путямъ сообщенія 25 мил. пудовъ, и вся эта масса за исключеніемъ 3—4 милліоновъ пудовъ была вывезена за границу и потреблена столицами. Овесъ, повидимому, составляетъ исключеніе: изъ 79 милліоновъ пудовъ, перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто, 56 мил. были подвезены къ пограничнымъ пунктамъ и къ Москвѣ, а 23 остались на долю потребленія земледѣльческаго населенія. Но за-то овесъ характеризуется другой чертой: производство его для продажи захватываетъ гораздо большую площадь, чѣмъ это можно сказать про другіе хлѣба; онъ вывозится какъ черноземными, такъ и не черноземными мѣстностями и покупаютъ его безразлично же, какъ нечерноземныя (кромѣ столичныхъ—двѣ-три), такъ и степныя губерніи (екатеринославская, херсонская губерніи). Слѣдовательно, культура его для продажи не составляетъ привилегіи спеціальнаго хлѣбнаго района.

Если внутренняя торговля хлѣбомъ въ Россіи такъ мало говоритъ въ пользу раціональности и возможности выдѣленія спеціальнаго хлѣбнаго района, то еще меньше даетъ она указаній на обособленіе въ культурный районъ нечерноземной полосы, на то, чтобы эта часть Россіи выступила на путь сокращенія собственнаго производства зерновыхъ хлѣбовъ и замѣны ихъ другими культурами.

Въ самомъ дѣлѣ, если она потребляетъ нѣсколько милліоновъ привознаго хлѣба, то это прежде всего обусловливается естественными причинами, малоплодородіемъ почвы и скученностью населенія. Общественныя вліянія — въ родѣ раздѣленія труда, обособленіе районовъ—здѣсь могутъ быть не причемъ. Мѣстность можетъ продолжать вести исключительно зерновое хозяйство и все-таки не имѣть достаточно хлѣба для собственнаго прокормленія. Въ этой-то относительной безплодности почвы главнымъ образомъ и заключается причина того, что нечерноземная полоса Россіи въ своемъ продовольствіи не можетъ обойтись безъ помощи хлѣбородныхъ губерній. Что общественное раздѣленіе земледѣльческаго труда здѣсь не играетъ роли, видно изъ неподвижности потребленія нечерноземной Россіей привознаго хлѣба. Такъ въ московскую губернію доставлено хлѣба разныхъ сортовъ: въ 1874 году—31 милліонъ пудовъ, 1875 г.—36 мил. пуд., въ 1878 г.—34,7 мил. пудовъ. Во владимірскую: въ 1874 г. — 2,5 мил. пудовъ, въ 1875 г.—3 мил., въ 1878 г.—2,9 мил. пуд. 1878 годъ представляетъ увеличеніе сравнительно съ 1874

¹) Стат. Врем. Рос. Имп., вып. 16.

годомъ, но уменьшеніе по отношенію къ 1875-му. Если же для московской губерніи выдѣлить потребленіе столицы, не имѣющее никакого отношенія къ интересующему насъ вопросу о раздѣленіи земледѣльческаго труда, то для уѣздовъ мы получимъ слѣдующія цифры потребленія привознаго хлѣба: въ 1874 году куплено его было 7,1 милліоновъ пудовъ, въ 1875 г.—8,6 мил. пуд., въ 1878 г.—6,6—7,3 мил. пудовъ (двѣ цифры выставляю потому, что не увѣренъ въ разсчетѣ г. Чупрова, у котораго мною взяты цифры относительно 1874 года; именно, не знаю, считалъ ли онъ прибытіе хлѣба въ Орѣхово, находящееся уже во владимірской губерніи, или такое показаніе — типографская ошибка). Въ наиболѣе невыгодномъ для нашей мысли случаѣ потребленіе московской губерніей привознаго хлѣба возросло за 4 года на 0,2 мил. пудовъ или меньше чѣмъ на 3%. Такое увеличеніе потребленія весьма просто объясняется ростомъ населенія и для его уразумѣнія нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ помощи общественныхъ явленій, въ родѣ, напримѣръ, обособленія культурныхъ районовъ. Въ I отдѣленіи шуйско-ивановской желѣзной дороги прибыло хлѣба: въ 1874 году — 1,246 тыс. пудовъ, въ 1874 г.—1,235 тыс. пуд., въ 1878 г.—1,213 тыс. пуд., въ 1880 г.—1,400 тыс. пуд. [1]),

Хотя приведенныя цифры не доказываютъ сокращенія производства зерна въ нечерноземной полосѣ, однако существуютъ указанія другого рода, повидимому, свидѣтельствующія въ пользу такого сокращенія. Именно, нѣкоторые хозяева утверждаютъ, что недостаточное количество получаемаго въ нечерноземной полосѣ хлѣба частью зависитъ отъ распространенія тамъ культуры льна. Они объясняютъ, что подъ ленъ занимаются тамъ выгоны, луга, отчего сокращается скотоводство, а за нимъ и урожаи; что къ тому же ведетъ и посѣвъ льна въ яровомъ полѣ, результатомъ чего должно быть уменьшеніе корма для скота, а, слѣдовательно, и количества послѣдняго. Такимъ образомъ, мы присутствуемъ какъ бы при выдѣленіи особаго льняного района, выдѣленіи, ведущемъ къ сокращенію производства хлѣба и необходимости полученія его изъ другихъ областей; мы здѣсь имѣемъ, повидимому, то именно обособленіе районовъ, то раздѣленіе труда въ сферѣ земледѣльческаго производства, существованіе котораго, какъ явленія общаго, опредѣляющаго всю организацію промысла, мы именно и отрицаемъ. Посмотримъ же, въ чемъ тутъ дѣло!

---

[1]) Кромѣ Статист. сборника мин. пут. сообщ., см. Чупрова, Желѣзно-дорожное хозяйство, т. II и Стат. Врем., вып. 16. Отчетъ шуйско-иванов. жел. дороги.

Для домашнихъ надобностей ленъ или замѣняющая его конопля у насъ разводится повсюду; но въ значительной области Россіи онъ кромѣ того культивируется спеціально для продажи. Различіе его отъ хлѣбовъ состоитъ въ томъ, что тогда какъ послѣдніе служатъ для непосредственнаго потребленія населенія и потому прямо переходятъ отъ производителя къ потребителю, первый, будучи снятъ съ поля, долженъ еще подвергнуться цѣлому ряду превращеній въ различныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и только послѣ того поступаетъ въ руки потребителей. Иначе говоря, распространеніе культуры льна зависитъ отъ развитія промышленности въ странѣ, отъ массы существующихъ въ ней прядильныхъ и ткацкихъ заведеній. Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется абсолютный запросъ на разсматриваемый продуктъ, но въ сельско-хозяйственномъ отношеніи не столь важна абсолютная сторона, сколько относительная: сбытъ извѣстнаго продукта долженъ быть таковъ, чтобы производство его соотвѣтствовало сельско-хозяйственнымъ условіямъ области распространенія его культуры. Прочное и улучшающее вліяніе на земледѣліе культура какого-либо растенія можетъ оказать лишь въ томъ случаѣ, если самъ сбытъ его достаточно проченъ и достигъ такихъ размѣровъ, что растеніе можетъ быть введено въ правильный сѣвооборотъ, занять тамъ мѣсто, соотвѣтствующее его агрономическому значенію, вліянію на почву и пр. Если же этого нѣтъ,—оно будетъ воздѣлываться или на особомъ отъ поля участкѣ, или если въ самомъ полѣ, то здѣсь оно займетъ мѣсто совершенно случайно, безъ связи съ другими растеніями, сегодня большую поверхность, завтра меньшую, и потому не только не окажетъ благотворнаго агрикультурнаго вліянія, но, пожалуй, станетъ играть вредную роль въ этомъ отношеніи, ибо нарушитъ систему, выработанную долголѣтнимъ опытомъ и въ которой всѣ части приспособлены одна къ другой и къ извѣстной общей цѣли. Правда, теоретически разсуждая, никакой размѣръ сбыта не могъ бы препятствовать земледѣльческому прогрессу, онъ бы опредѣлялъ только площадь той поверхности, на которую могутъ быть распространены улучшенія. Но практически это невѣрно: чтобы на сбытѣ извѣстнаго продукта основать новую систему хозяйства, для введенія которой требуется не мало расходовъ, нужно быть увѣрену, что запросъ на сказанный продуктъ не уменьшится; что мой сосѣдъ, или кто другой не прельстится выгодами культуры новаго растенія и не явится моимъ конкуррентомъ на рынкѣ, а если это случится, то не измѣнитъ въ замѣтной степени прежняго отношенія между спросомъ и предложеніемъ продукта. А

чтобы такая увѣренность существовала, необходимо, чтобы запросъ на продуктъ соотвѣтствовалъ области возможнаго распространенія его производства, такъ что появленіе новыхъ конкуррентовъ не вело бы къ переполненію рынка; если же этого нѣтъ, то необходима наличность другого условія, именно, нужно, чтобы страна представляла извѣстную устойчивость въ экономическомъ отношеніи; чтобы земледѣлецъ, ради копѣйки, не накидывался на всякое дѣло, которое, какъ онъ видитъ, даетъ барыши сосѣду; иначе, предложеніе продукта всегда будетъ идти впереди спроса, а производитель, мечтающій о преобразованіи хозяйства, окажется въ неустойчивомъ положеніи. Я уже не говорю о томъ, что для той же цѣли необходимо еще одно условіе: нужны капиталы, безъ затраты которыхъ невозможно и преобразованіе промысла. Прилагая все вышеизложенное къ интересующему насъ теперь вопросу, мы должны его разбить на слѣдующіе: какъ велика площадь возможнаго распространенія въ Россіи культуры льна; сколь великъ и постояненъ спросъ на этотъ продуктъ со стороны рынка; какую степень экономической устойчивости и сдержанности по отношенію къ воздѣлыванію даннаго растенія выказываетъ русскій земледѣлецъ.

Что касается воздѣлыванія льна на волокно (о чемъ, главнымъ образомъ, мы и будемъ вести рѣчь), то оно распространено по преимуществу въ нечерноземной полосѣ Россіи. Это не значитъ, что малоплодородная почва особенно благопріятствуетъ его произрастенію, а зависитъ отъ того, что «урожаи хлѣбовъ, при господствующей системѣ и пріемахъ хозяйства, здѣсь обыкновенно настолько низки, что крестьянинъ съ трудомъ можетъ прокормить себя и семью свою хлѣбомъ». А такъ какъ кромѣ хлѣба, ему нужны деньги для уплаты податей и пріобрѣтенія другихъ продуктовъ потребленія, то «крестьяне этой полосы, чтобы пополнить доходы отъ хлѣбопашества, уже давно обратились къ воздѣлыванію льна—одного изъ немногихъ цѣнныхъ промышленныхъ растеній, *разведеніе которыхъ возможно* при климатическихъ условіяхъ сѣверной половины Россіи» [1]). Итакъ, область возможной культуры льна занимаетъ очень обширное пространство, и вся она мало-по-малу привлекается къ производству разсматриваемаго продукта. Такъ, въ настоящее время ленъ разводится въ вологодской, вятской, пермской, даже олонецкой и архангельской губерніяхъ; въ костромской, ярославской, влади-

[1]) Истор.-статист. обз. пром. въ Россіи, группы III, X и XI, ст. Шульца, стр. 71—72.

мірской, нижегородской, казанской—на сѣверовостокѣ; затѣмъ,—въ псковской, лифляндской, курляндской, ковенской, виленской, гродненской, минской, могилевской, витебской, смоленской, тверской и новгородской—составляющихъ западный льноводческій районъ.

Какъ видитъ читатель, область льноводства захватываетъ огромное пространство въ 30 слишкомъ милліоновъ десятинъ пахатной земли. Правда, не все населеніе перечисленныхъ губерній съ одинаковой охотой посвящаетъ свои силы этой отрасли хозяйства; но это происходитъ не потому, чтобы его положеніе было достаточно обезпечено прежними культурами и системами хозяйства, и онъ не нуждался бы въ перемѣнѣ и не искалъ лучшаго, а зависитъ просто отъ того, что сознаніе выгоды культуры новаго растенія еще не проникло въ его среду. Но понемногу льноводство все больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе земледѣльца и распространяется по поверхности вышеперечисленныхъ губерній. Такъ, въ по-реформенное время оно сильно распространилось, и продолжаетъ распространяться годъ отъ году въ губерніяхъ: вятской, костромской, тверской, смоленской, ярославской, псковской и лифляндской. Оно заглядываетъ и въ такія мѣстности, которыя мы еще не перечисляли и которыя принадлежатъ совсѣмъ къ другому культурному району, какъ-то губерніи: черниговскую, калужскую, полтавскую и другія.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что льну особенно посчастливилось въ послѣднее время на Руси не вслѣдствіе какихъ-либо его ясно сознанныхъ населеніемъ агрикультурныхъ преимуществъ, что онъ вводится земледѣльцами не по основательномъ обсужденіи всѣхъ его сильныхъ и слабыхъ сторонъ; нѣтъ, на него накидываются крестьяне зажмуря глаза, накидываются единственно вслѣдствіе крайней нужды въ деньгахъ, накидываются потому, что это одно «изъ немногихъ цѣнныхъ промышленныхъ растеній, разведеніе которыхъ возможно при климатическихъ условіяхъ сѣверной половины Россіи» и не смотря на то, что они часто сознаютъ весь вредъ отъ неправильной культуры этого растенія. Чтобы воздѣлываніе льна не вредило хлѣбопашеству, его нужно ввести въ правильный сѣвооборотъ, для чего преобразовать послѣдній изъ трехпольнаго въ многопольный (ленъ не долженъ возвращаться на то же мѣсто раньше 6—7 лѣтъ). Такъ какъ, затѣмъ, ленъ требуетъ обильнаго удобренія земли, а между тѣмъ, занимая часть ярового поля, онъ сокращаетъ кормъ для скота, то вмѣстѣ съ тѣмъ является необходимость ввести въ сѣвооборотъ и кормовыя травы. При этихъ условіяхъ

ленъ окажется у мѣста, система полеводства будетъ прочной, земля не станетъ истощаться, количество хлѣба не уменьшится. У насъ же дѣло идетъ иначе: требуя плодородной земли, ленъ лучше всего удается на залежахъ, подсѣкахъ, облогахъ и другихъ угодьяхъ вовсе не бывшихъ подъ культурой или давно отдыхающихъ отъ хлѣбовъ; здѣсь его главнымъ образомъ и разводятъ на сѣверѣ. Но такъ какъ количество земель этого рода ограничено, то рано или поздно приходится ввести ленъ въ полевой сѣвооборотъ а такъ какъ при этомъ не соблюдается правилъ правильнаго плодосмѣна и другихъ агрономическихъ законовъ, то естественно, если почва подъ нимъ скоро истощается и съ каждымъ годомъ даетъ меньшіе и меньшіе сборы льна, а можетъ быть и хлѣбовъ. Это заставляетъ хозяина жаловаться на урожаи, а если къ тому же подойдутъ низкія цѣны, то и вовсе бросить культуру этого нѣкогда столь любимаго растенія. А въ то же время другіе крестьяне въ погонѣ за деньгой накидываются на него, получаютъ сначала хорошій доходъ и не намолятся Богу. Поэтому въ русской сельско-хозяйственной практикѣ вмѣстѣ съ расширеніемъ области воздѣлыванія льна мы сплошь и рядомъ будемъ встрѣчаться съ фактами противоположнаго характера; мы имѣемъ здѣсь одновременно двѣ волны,— одну положительную, другую отрицательную, что и можно видѣть изъ ниже приводимыхъ отвѣтовъ хозяевъ въ 1882 году. Въ тверской губерніи въ нѣкоторыхъ уѣздахъ посѣвы льна въ этомъ году сократились вслѣдствіе неурожаевъ и низкихъ цѣнъ на волокно и сѣмя, а въ ржевскомъ уѣздѣ, напротивъ того, посѣвъ этого растенія увеличился; во владимірской губерніи мы видимъ тоже: одни уѣзды расширяютъ производство льна вслѣдствіе хорошаго на него спроса, другіе сокращаютъ по причинѣ упадка цѣнъ; въ ярославской и костромской губерніяхъ дѣло идетъ, кажется, согласнѣе; тамъ сокращеніе льноводства по причинѣ низкихъ цѣнъ на волокно и высокихъ на овесъ, повидимому, повсемѣстно; въ смоленской—крестьяне и помѣщики въ этомъ отношеніи разошлись: первые съ каждымъ годомъ увеличиваютъ посѣвы льна, вторые—сокращаютъ ихъ и т. д. Даже въ лифляндской губерніи, гдѣ ленъ въ сѣвооборотѣ поставленъ въ отношеніи другихъ растеній правильнѣе, и тамъ дѣло неладно, и тамъ «культура льна» съ упадкомъ цѣнъ на волокно постепенно сокращается [1]).

Изъ этихъ фактовъ, приведенныхъ для примѣра (число ко-

---

[1]) 1882 годъ въ сельско-хоз. отношеніи, весенній періодъ.

торыхъ въ отношеніи не только льна, но и другихъ растеній мы могли бы увеличить до безконечности), читатель можетъ усмотрѣть, въ какомъ неустойчивомъ положеніи находится хозяйство нашего крестьянина, коль скоро онъ вздумаетъ основать его на требованіяхъ рынка: сегодня онъ культивируетъ одно растеніе, завтра, вслѣдствіе измѣнившихся цѣнъ, замѣняетъ его другимъ. Тутъ крестьяне сократили посѣвъ льна, вслѣдствіе закрытія мѣстныхъ льно-прядиленъ (костромская губернія), но увеличиваютъ посѣвъ картофеля; тамъ уменьшаютъ культуру послѣдняго по причинѣ закрытія винокуренныхъ заводовъ (гродненская губернія); въ третьей мѣстности опять кинулись на картофель вмѣсто свекловицы, бросить культуру которой заставило крестьянъ прекращеніе дѣятельности сахарнаго завода (могилевская губернія) и т. д. [1]). Мы ясно видимъ, какъ земледѣлецъ кидается изъ стороны въ сторону, побуждаемый единственно нуждою въ деньгахъ; вполнѣ понимаемъ и оправдываемъ его съ экономической точки зрѣнія; но въ тоже время не можемъ не признать, что пользы для земледѣлія отъ этого шныранія нѣтъ никакой, что при такой эмансипаціи хозяина отъ агрикультурныхъ соображеній (эмансипація), вполнѣ объясняемой его общественно-экономическимъ положеніемъ, невозможенъ и прогрессъ сельскаго хозяйства. Намъ понятна и причина этого вѣчно колебательнаго состоянія земледѣльческаго промысла: онъ думаетъ организоваться на запросѣ рынка, а размѣры послѣдняго вслѣдствіе бѣдности народа, слабаго развитія у насъ спеціально обработывающей промышленности, отсутствія расчлененія населенія на классы по занятіямъ, отсутствія внѣшняго рынка для многихъ продуктовъ земледѣлія—крайне недостаточны для такой огромной площади какъ Россія и такой массы земледѣльцевъ; а будучи недостаточенъ для всѣхъ, онъ непроченъ и для тѣхъ, которые завладѣли имъ сегодня. Натуральное хозяйство земледѣльца разстроилось, денежное — организоваться не можетъ. Это мы говоримъ о нашемъ земледѣліи вообще. Посмотримъ теперь въ частности на льноводство; рѣшимъ вопросъ, какъ великъ сбытъ льна, сравнительно съ областью распространенія его культуры, и здѣсь прежде всего обратимся къ даннымъ о перевозкѣ этого продукта по рельсовымъ и воднымъ путямъ.

Въ 1878 году по рѣкамъ и желѣзнымъ дорогамъ перевезено было льна 11 милліоновъ пудовъ и льняного сѣмени 16,9. Въ томъ числѣ подвезено къ таможнямъ около 7,4 милл. пуд. льна

[1]) Тамъ же.

и 10,5 милл. пудовъ сѣмени; изъ этого количества осталось въ Петербургѣ 460 тыс. пуд. льна и 1,5 милл. пуд. сѣмени; вывезено за границу слѣдовательно 6,8 милл. пуд. волокна и около 9 милл. пуд. сѣмени; въ Россіи потреблено слѣдовательно 4,2 милл. пудовъ перваго и около 8 милліоновъ пудовъ второго. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что показанное количество разсматриваемыхъ продуктовъ, перевезенныхъ желѣзными и водяными путями сообщенія, далеко не выражаетъ всего ихъ количества, обращавшагося въ торговлѣ. Это потому, во-первыхъ, что во многихъ мѣстностяхъ, добывающихъ ленъ, находятся льно-прядильныя, полотняныя фабрики и кустарныя избы, куда прямо и поступаетъ волокно, минуя желѣзныя дороги; во-вторыхъ, многіе таможенные пункты по Балтійскому морю и сухопутной границѣ расположены въ самомъ льноводческомъ районѣ, такъ что и къ нимъ этотъ продуктъ подвозится гужевымъ способомъ; для примѣра укажемъ на городъ Перновъ, находящійся вдали отъ желѣзно-дорожныхъ и рѣчныхъ путей сообщеній и тѣмъ не менѣе отпустившій заграницу въ 1878 году до 1.300,000 пуд. льна. Отъ этого происходитъ, что кромѣ вывезенныхъ за границу и учтенныхъ нами 6,8 милл. пудовъ волокна и 9 милл. пуд. сѣмени (соотвѣтствующихъ 1 милл. четвертей) въ 1878 году отправлено было за границу еще 3 слишкомъ милліона пуд. волокна (да пакли 1,1 милл. пуд.) и до 1.700,000 четвертей (или 15.300,000 пуд. сѣмени). Присоединивъ это къ числамъ, выражающимъ количество продукта, перевезенное по желѣзнымъ дорогамъ и рѣкамъ, мы для размѣровъ разсматриваемаго товара, обращающагося въ Россіи, будемъ имѣть уже 14 — 15 милл. пуд. волокна и 32,2 милл. пуд. льняного сѣмени, что, по переводѣ въ четверти, даетъ 3,6 милліоновъ четвертей.

Вспомнивъ, что часть волокна и сѣмени, остающаяся на мѣстѣ производства для переработки въ пряжу, масло и проч., не попала въ нашъ учетъ, мы должны признать, что и послѣднія цифры не выражаютъ еще всего количества растенія, произрастающаго въ Россіи. Г. Шульцъ считаетъ таковое равнымъ 20 милл. пудамъ волокна и слишкомъ 4 милл. четвертямъ сѣмени. Если признать эти цифры за приблизительно вѣрныя, то нашъ вывозъ за границу поглощаетъ около половины всего производимаго въ Россіи льна, а безъ существованія этого вывоза культура разсматриваемаго растенія должна бы сократиться на половину.

Теперь посмотримъ, въ какомъ количественномъ отношеніи стоитъ добываніе льна къ площади возможнаго распространенія

его культуры, и насколько можетъ быть серьезна увѣренность, что запросъ со стороны рынка будетъ рости пропорціонально стремленію къ воздѣлыванію этого растенія, обнаруженному русскимъ земледѣліемъ, стремленію, далеко еще вполнѣ неосуществившемуся и которому поэтому впереди еще предстоитъ сильно растянуть площадь культуры льна.

Мы видѣли, что все количество льна, добываемаго въ Россіи, измѣряется 20 милл. пуд. волокна и 4—5 милл. четв. сѣмени. Цифры эти соотвѣтствуютъ приблизительно посѣву 1 милл. десятинъ земли для волокна и столько же для сѣмени [1]); тогда какъ все пространство района, стремящагося сдѣлаться льноводческимъ (на волокно), измѣряется, какъ мы видѣли, 30 милл. десятинъ пашни. Еслибы эта область приступила къ преобразованію своего хозяйства по правиламъ науки и примѣнительно къ воздѣлыванію льна, то существующій запросъ на волокно (добываніе льняного сѣмени относится къ другому культурному району) со стороны рынка далъ бы возможность совершить такое преобразованіе, смотря по принятому сѣвообороту, на пространствѣ нижеуказаннаго количества десятинъ пашни: преобразуя трехпольный сѣвооборотъ въ 15-польный, по примѣру г. Энгельгардта въ смоленской губерніи, можно организовать 15 милл. десятинъ или половину льноводческаго района; принимая 7-польный сѣвооборотъ г. фанъ-деръ-Флита (псковской губерніи), преобразованіе не охватитъ и четвертой части района. Слѣдовательно, игнорируя увеличеніе урожаевъ льна, — которое несомнѣнно произойдетъ послѣ предполагаемаго преобразованія системы полеводства, основаннаго на введеніи въ сѣвооборотъ кормовыхъ травъ, и поведетъ за собой, при неизмѣнномъ запросѣ рынка, сокращеніе площади посѣва льна, а, слѣдовательно, и преобразуемой территоріи пахатной земли,—принимая, что урожай льна останется теперешній, т.-е. 20 пудовъ волокна съ десятины,—мы видимъ, что для возможности распространенія новой системы полеводства на весь льноводческій районъ, сбытъ волокна долженъ быть увеличенъ въ 2—4 раза сравнительно съ существующимъ. Если же имѣть въ виду исключительно требованія на ленъ внутренняго рынка, которое, какъ мы видѣли, равняется половинѣ всего продукта, добываемаго въ странѣ, то

---

[1]) Считая съ десятины льна 20 пуд. волокна и 4 четв. сѣмени, что соотвѣтствуетъ какъ оффиціальнымъ даннымъ о числѣ десятинъ, засѣяннымъ льномъ, и урожаю послѣдняго (см. Протоколы собранія льноводовъ въ 1880 г.), такъ и нормамъ, даннымъ календаремъ Баталина и Шульцемъ. Г. Стебутъ считаетъ урожай его больше.

приведенныя цифры должны быть еще удвоены; т. е. едва 1/4—1/8 часть льноводческаго района можетъ преобразовать свое хозяйство сообразно запросу на разсматриваемый продуктъ внутри Россіи. Итакъ, чтобы оказать серьезное вліяніе на русское хозяйство, сбытъ льна внутри страны и за границу долженъ быть увеличенъ по крайней-мѣрѣ въ 2—4 раза. Сколь же основательны могутъ быть надежды на такое расширеніе рынка?

Изъ числа продуктовъ добывающей промышленности ленъ вмѣстѣ съ коноплей принадлежитъ къ отживающимъ вѣкъ своего господства. Тотъ и другой матеріалъ служили, главнымъ образомъ для переработки въ холстъ, полотно, употреблявшееся для носки людьми и въ парусномъ судоходствѣ. Но съ развитіемъ цивилизаціи, какъ извѣстно, полотно въ носкѣ замѣняется бумажными тканями, введеніе паровыхъ двигателей понемногу уничтожаетъ потребность въ парусахъ; расширеніе примѣненія желѣза дѣлаетъ излишнимъ употребленіе пеньковыхъ канатовъ, а разные джуты вырываютъ у разсматриваемыхъ растеній второстепенныя зацѣпки (мѣшки и т. п.), за которыя тѣ думаютъ удержаться въ производствѣ, послѣ того, какъ они почувствовали, что теряютъ свою главную опору. Такое положеніе дѣла на аренѣ всемірнаго производства довольно ясно отражается на нашей торговлѣ льномъ. Начать съ того, что съ 1870 по 1880 годъ вывозъ волокна почти не увеличился, хотя годами и отклонялся въ ту и другую сторону (впрочемъ въ 1881 году вывозъ его увеличился на 25% сравнительно съ 1870 годомъ). Но гораздо характеристичнѣе исторія цѣнъ этого продукта. Тогда какъ стоимость овса въ Ригѣ съ 1871 по 1879 годъ поднялась съ 4,13 р. до 7,2 р. за четверть, т.-е. на 70%, цѣна берковца льна (1—3-го сорта) тамъ колебалась между 36—53 р. въ 1871 году и 35—57 р. въ 1879 г., т.-е. оставалась неизмѣнной. На петербургской биржѣ въ четырехлѣтіе 1877—80 гг. цѣна овса поднялась на 14%, ржи—на 40%, стоимость же льна даже нѣсколько понизилась (съ 26—73 р. берковецъ до 24—68 р.). Если принять во вниманіе, что въ 1871 году металлическій рубль равнялся 119 кредитнымъ копейкамъ, а въ 1879 г.—157, т.-е. что цѣнность кредитнаго рубля упала въ продолженіе этого періода на 32%, то неподвижность денежной цѣны льна должна быть признана за пониженіе его мѣновой стоимости. Впрочемъ, не заставило себя ждать обратное движеніе и денежной цѣны разсматриваемаго продукта. «Въ 1881 г. цѣны на ленъ средняго достоинства замѣтно понизились, что особенно ощущалось въ западномъ районѣ льновоздѣлыванія. Это обстоя-

тельство побуждаетъ многихъ хозяевъ лифляндской, курляндской и ковенской губерній сократить на будущее время посѣвы льна, ибо при существующихъ цѣнахъ на рабочія руки культура льна обѣщаетъ мало выгодъ» [1]).

Итакъ, насколько дѣло идетъ о выдѣленіи въ Россіи спеціальнаго района съ интенсивнымъ хозяйствомъ, приноровленнымъ къ воздѣлыванію названнаго растенія на волокно,—мы можемъ объ этомъ сказать слѣдующее:

Вслѣдствіе неустойчивости экономическаго положенія крестьянина, послѣдній накидывается на всякое дѣло, способное дать ему временной доходъ; такимъ въ нечерноземной полосѣ является льноводство, которое съ каждымъ годомъ и распространяется. Поэтому область, какая въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ займется культурой этого растенія, черезчуръ велика для возможнаго спроса на этотъ продуктъ, почему цѣна его врядъ-ли достигнетъ такого уровня, чтобы окупить издержки по грядущему преобразованію хозяйства. Если это вѣрно, то культура разсматриваемаго растенія въ большинствѣ случаевъ будетъ носить свой теперешній неправильный характеръ, отъ котораго хозяинъ получаетъ временно большіе барыши, но за то истощаетъ землю и нарушаетъ безъ всякаго агрономическаго смысла, исключительно ради экономическихъ разсчетовъ, долгимъ опытомъ выработанную систему полеводства.

Если рынокъ представляетъ такъ мало основаній для введенія въ правильный сѣвооборотъ столь общеупотребительнаго растенія, какъ ленъ, то тѣмъ болѣе этого нужно ожидать для другихъ спеціальныхъ культуръ, какъ-то: конопля, хмѣль и пр. Въ самомъ дѣлѣ, что касается конопли, то «сокращеніе посѣвовъ ея въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію. Какъ на ближайшія причины этого, можно указать на прекращеніе употребленія конопляннаго масла для освѣщенія, сокращеніе паруснаго судоходства, употребленіе желѣзныхъ цѣпей и проволочныхъ канатовъ на судахъ, вмѣсто канатовъ пеньковыхъ, усиленіе производства растительныхъ маслъ—сурѣпнаго и подсолнечнаго, вытѣснившихъ отчасти изъ употребленія конопляное» [2]). Что касается размѣровъ этого производства въ настоящее время, то мы знаемъ, что въ 1878 году по воднымъ и желѣзнымъ путямъ сообщенія перевезено было пеньки 5,3 мил. пудовъ, изъ числа которой

[1]) Истор.-ст. обз. пром. Россіи и т. д., стр. 89. Данныя о цѣнахъ льна и пр. взяты нами какъ изъ поименованнаго сочиненія, такъ и изъ „Обзора внѣшней торговли“, а также и у Строкина: „Льноводство псковской губерніи“.

[2]) Истор.-стат. обз. промышленности и пр., стр. 95.

3 мил. пудовъ ушло за границу; сколько ея перевезено иными путями, неизвѣстно, почему мы и лишены возможности опредѣлить внутреннее потребленіе этого продукта. Еслибы еще пункты переработки пеньки находились далеко отъ мѣста ея добыванія, тогда бы вся она пошла желѣзными и рѣчными путями и не избѣгла бы нашего контроля; но въ томъ-то и дѣло, что много пенько-прядильныхъ и канатныхъ заведеній находится въ мѣстахъ произрастанія конопли въ орловской, курской губерніи и другихъ, куда она, вѣроятно, подвозится гужомъ. Г. Шульцъ считаетъ производство ея minimum въ 6 мил. пудовъ, прибавимъ еще одну треть, и все-таки посѣвъ конопли окажется не больше 400,000 дес. земли (среднiй урожай съ 1 десятины—20 пудовъ пеньки). Другія культуры занимаютъ еще меньшую площадь: такъ подсолнечникъ культивируется меньше, чѣмъ на 100,000 десятинахъ; табакъ на 50,000; рапсъ и сурѣпка на 200,000 (сѣмена этихъ растеній почти всѣ вывозятся, и вывозъ ихъ, вмѣстѣ съ маковыми и подсолнечными, равнялся въ 1878 году 916 тыс. четвертей; считая, что рапсъ и сурѣпка образуютъ $^8/_9$ этого количества и зная, что среднiй урожай ихъ—40 пудовъ съ десят., мы и получимъ вышеприведенную цифру); даже свекловица, и та занимаетъ не больше 250,000 десятинъ.

Перечисленныя растенія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ еще очень недавно начали разводиться въ Россіи (рапсъ и др.), отличаются такимъ же характеромъ — скажемъ хоть, подвижности, какой вообще свойственъ культурамъ, вводимымъ у насъ исключительно ради денегъ: мы постоянно наблюдаемъ, какъ производство того или другого растенія въ одной мѣстности сокращается, въ другой расширяется подъ вліяніемъ многихъ, очень часто совершенно случайныхъ условій. Въ 1878 году, напримѣръ, табаководство сократилось въ самарской и харьковской губерніяхъ, а увеличилось въ бессарабской, херсонской, орловской, подольской; въ 1879 г. уже въ подольской, бессарабской, а также въ черниговской и полтавской производство табаку, по причинѣ неурожая и низкихъ цѣнъ, сократились, а высокія цѣны 1880 года вызвали опять усиленіе табачныхъ посѣвовъ. Культура подсолнечника въ воронежской и саратовской губ. уменьшилась, въ другихъ—расширилась. Относительно рапса мы приводили (въ другомъ мѣстѣ) аналогичные факты изъ сельско-хозяйственной практики 1881 года; въ 1882 году продолжалась таже исторія сокращенія его культуры въ одномъ мѣстѣ, расширенія—въ другомъ.

Посмотримъ теперь, какія основанія представляетъ нашъ рынокъ для выдѣленія особаго скотоводческаго района или даже

нѣсколькихъ: мясного, молочнаго, и пр. Здѣсь мы должны указать читателю на то обстоятельство, что въ противоположность зерновымъ продуктамъ сельскаго хозяйства, пока еще находящимъ себѣ помѣщеніе за границей, продукты скотоводства стоятъ въ этомъ отношеніи въ весьма незавидномъ положеніи и должны разсчитывать, главнымъ образомъ, не на внѣшній, а на внутренній сбытъ. Это видно уже изъ того, что тогда какъ вывозъ хлѣба, льна и другихъ продуктовъ полевого хозяйства колеблется за послѣдніе годы между 300—400 милліонами рублей, отпускъ продуктовъ животноводства не превышаетъ 50—60 мил. рублей сер. [1]). Но еще краснорѣчивѣе исторія нашей торговли съ западомъ продуктами этого рода: сравнивая два послѣднихъ десятилѣтія текущаго вѣка относительно вывоза различныхъ товаровъ мы видимъ, что тогда какъ отпускъ хлѣба увеличился на 153%, отпускъ главныхъ продуктовъ льно- и пеньководства на 48%, нашъ вывозъ главнѣйшихъ скотскихъ продуктовъ уменьшился на 23% [2]). Это обстоятельство служитъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на раздающіяся отовсюду предположенія и предложенія строить преобразованіе русскаго земледѣлія на сбытѣ продуктовъ скотоводства за границу; оно доказываетъ, что главныя наши надежды должны основываться на потребленіи собственнаго населенія и что въ этомъ послѣднемъ мы должны искать указаній и для общественнаго раздѣленія труда въ сферѣ разсматриваемаго промысла. Каковы же эти указанія, сколь велики шансы будущаго скотоводческаго (возьмемъ) мясного района, разсчитаннаго на продажу его продуктовъ внутри страны?

Въ настоящее время количество мясного скота, покупаемаго гуртовщиками въ однихъ областяхъ для перепродажи въ другихъ, отстоящихъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи, доходитъ до 1,300,000 головъ; 300,000 идетъ на потребленіе обѣихъ столицъ, а милліонъ головъ для остальной Россіи и на салотопенные заводы. Если хотите, это можно уже считать тѣмъ рынкомъ, который, говорятъ, такъ нуженъ нашему хозяйству, и если бы Россія была величиной съ Нассау, существующаго спроса на убойный скотъ было бы достаточно для преобразованія ея земледѣлія. Но при настоящихъ ея размѣрахъ милліонъ головъ, это — капля въ морѣ, почему мы и не замѣчаемъ большого вліянія указаннаго сбыта рогатаго скота на наше сельское хозяйство, не видимъ и района, серьёзно приспособляющаго земледѣліе къ

---

[1]) Истор.-стат. обзоръ, груп. XI, стр. 2.
[2]) „Внѣшняя торговля Россіи за 1879 годъ".

производству этого продукта. И дѣйствительно, откуда только ни набирается контингентъ несчастнаго милліона рогатыхъ субъектовъ, предназначеннаго питать наши тѣла: здѣсь есть уроженцы донской, кубанской областей, поволжскихъ и заволжскихъ степей, Новороссіи, Малороссіи, курской, воронежской, тамбовской, ставропольской губерній, киргизскихъ степей, даже Сибири. Спеціальнымъ продуктомъ хозяйства, рогатый мясной скотъ можно признать развѣ въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще много свободной земли, не обращенной подъ распашку. Но и здѣсь скотоводство, какъ отрасль экстенсивнаго хозяйства, перестаетъ удовлетворять экономическимъ условіямъ новаго времени; оно должно погибнуть и возродиться уже въ видѣ интенсивной системы, а въ такомъ видѣ оно можетъ быть выгоднымъ уже не въ одной рѣдко-населенной степной полосѣ, а въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ Россіи. Но и теперь, когда моментъ преобразованія скотоводческой отрасли сельскаго хозяйства изъ экстенсивной въ интенсивную еще, можетъ быть, не наступилъ, поставщикомъ скота на всероссійскій рынокъ является, какъ мы видѣли, не только мѣстность со спеціально-скотоводческимъ хозяйствомъ, но и цѣлый рядъ губерній, хозяйство которыхъ давно уже вышло изъ первобытной стадіи развитія, и не дошло еще до той ступени, когда продажный скотъ является естественнымъ, а не случайнымъ продуктомъ земледѣлія. Это видно уже изъ способа образованія гуртовъ. Мелкіе прасолы разъѣзжаютъ по Россіи и, вѣроятно, пользуясь всякимъ затруднительнымъ положеніемъ крестьянина, выбиваніемъ податей и пр., пріобрѣтаютъ — гдѣ корову, гдѣ двѣ и т. д. Такимъ образомъ, а также при помощи закупокъ на ярмаркахъ, составляются большіе гурты, которые двигаются на сѣверъ, по дорогѣ выкармливаются (крестьянская животина, проданная за недоимку, не особенно вѣдь вкусна и питательна) на пастбищахъ, винокуренныхъ заводахъ и т. п., и затѣмъ направляются или къ большимъ рынкамъ, или на салотопенные заводы (къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками, — да, вѣроятно, ихъ вовсе нѣтъ, — данныхъ для отдѣленія скота, спеціально предназначеннаго для прокормленія населенія, отъ того, который пойдетъ на салотопенные заводы).

Изъ вышеизложеннаго проницательный читатель можетъ, пожалуй, усмотрѣть, что у насъ не только выдѣляется спеціальный мясной районъ, но что въ его области даже образуется раздѣленіе труда, такъ какъ однѣ мѣстности берутъ на себя обязанность выращивать убойный скотъ, а другія — его откармливать. Нѣчто подобное усмотрѣлъ въ этомъ дѣлѣ и проф. Стебутъ, кото-

рый находитъ, что среднія наши черноземныя губерніи (курская, воронежская, тамбовская, орловская, тульская, рязанская, пензенская и симбирская) должны будутъ преобразовать свое земледѣліе такимъ образомъ, чтобы главной его цѣлью сдѣлалось откармливаніе дойныхъ коровъ, которыхъ онѣ будутъ получать съ С. З., и убойнаго скота, пригоняемаго съ Ю. В. «Я утверждаю,—говоритъ г. Стебутъ,—что эти отрасли скотоводства будутъ постоянно усиливаться здѣсь и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ получать здѣсь преобладающее значеніе, такъ какъ ими, этими, а не другими отраслями хозяйства будетъ опредѣляться общій характеръ мѣстнаго хозяйства»[1]). Въ виду этого и чтобы съ своей стороны споспѣшествовать прогрессу нашего земледѣлія г. Стебутъ произвелъ рядъ разсчетовъ о выгодности откармливанія скота въ этой мѣстности тѣми или другими продуктами полеводства и далъ рядъ рецептовъ хозяевамъ, желающимъ, слѣдуя указаніямъ исторіи, переорганизовать свои зерновыя хозяйства въ скотоводческія. По разсчетамъ ученаго агронома, хозяйство въ 120 десятинъ пашни можетъ давать ежегодно отъ 60 до 90 головъ молочнаго скота или 45—60 мясного. Такъ какъ раньше, говоря о скотоводствѣ нечерноземной полосы, онъ и послѣдней предрекалъ всякіе успѣхи на поприщѣ молочнаго хозяйства, то мы и не станемъ обижать эту обиженную Богомъ мѣстность, оставимъ ей молочное хозяйство и будемъ предполагать, что черноземныя губерніи займутся исключительно откармливаніемъ убойнаго скота. Какихъ же размѣровъ долженъ быть рынокъ, чтобы эта полоса выполнила свое естественное назначеніе и образовала изъ себя скотоводческій мясной районъ?

Мы видѣли, что по разсчету г. Стебута 120 десятинъ пашни могутъ прокормить отъ 45 до 60 штукъ убойнаго скота; будемъ умѣренны и возьмемъ низшую цифру—всего 40 штукъ; это значитъ, что каждыя 3 десятины пашни могутъ кормить одну голову скота, и такъ какъ разсматриваемая область заключаетъ въ себѣ слишкомъ 20 милліоновъ десятинъ пашни, то она въ состояніи приготовить на продажу около 7 милліоновъ головъ въ годъ. Нашъ же рынокъ представляетъ запросъ всего на 1,3 мил., т.-е. ради него преобразовано можетъ быть хозяйство не всѣхъ семи, а всего одной-двухъ губерній разсматриваемой области: «районъ», сообразный съ обширными размѣрами Россіи, превращается въ районъчикъ, умѣстный гдѣ-нибудь въ Англіи или Франціи. Для провѣрки своихъ заключеній мы воспользуемся данными желѣз-

[1]) Статьи о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, стр. 287—288.

но-дорожной перевозки, именно прослѣдимъ движеніе по нимъ мяса, посмотримъ, куда и въ какихъ размѣрахъ оно направляется. Правда, мясной скотъ съ юга доставляется въ мѣста потребленія гономъ, поэтому онъ ускользаетъ отъ занесенія въ матерьялы, которыми мы пользуемся; но есть мѣстность, куда онъ завѣдомо попадаетъ не иначе, какъ по желѣзнымъ дорогамъ; это именно — петербургская и новгородская губерніи. Во избѣжаніе занесенія чумы, отъ которой такъ страдаютъ названныя мѣстности, въ послѣдніе годы запрещено прогонять черезъ нихъ скотъ; поэтому послѣдній идетъ съ юга гономъ лишь до Москвы, и немного до Рыбинска, а отсюда слѣдуетъ по николаевской и рыбинско-бологовской желѣзнымъ дорогамъ по направленію къ Петербургу. Желѣзно-дорожная коммиссія сгруппировала данныя за нѣсколько лѣтъ по интересующему насъ вопросу въ «Докладѣ о перевозкѣ скота, мясныхъ и молочныхъ продуктовъ», откуда мы и почерпаемъ нижеслѣдующія цифры.

Если сосчитать все количество скота (переводя его въ мясо) и разныхъ сортовъ мяса, перевозившихся и оставлявшихся по станціямъ николаевской дороги съ ея побочными вѣтвями (новгородской и др.), варшавской (въ участкѣ отъ Петербурга до Вильны) и балтійской (до Нарвы) въ 1878 году, то на первый взглядъ мы получимъ довольно солидную цифру 4,741 тыс. пуд. Но если, пользуясь тѣмъ же источникомъ, опредѣлить количество мяса, потребляемаго Петербургомъ (около 4,5 милліоновъ пуд.), то окажется, что на провинцію, обнимающую петербургскую, новгородскую, тверскую, частью псковскую, витебскую и др. губерніи, остается всего какихъ-нибудь 250,000 пудовъ. Это, какъ мѣра потребленія привознаго мяса деревней, должно быть признано просто нулемъ. И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ окрестностей Петербурга и нѣкоторыхъ городовъ, на остальныя станціи доставляется ничтожное количество мяса. Напримѣръ, по станціямъ новгородской дороги, длиною на 157 верстъ, осталось мяса во всѣхъ видахъ 23$^{1}/_{2}$ тысячи пудовъ, на рыбинско-бологовской —5,000, по новоторжской (длиною въ 127 верстъ)—2,130 пуд. и т. д. Мы врядъ ли много ошибемся, если скажемъ, что въ большинствѣ случаевъ мясо, перевозимое по желѣзнымъ дорогамъ и оставляемое по станціямъ, служитъ лишь для пропитанія мѣстныхъ служащихъ и проѣзжающей публики, а что за предѣлы станціи оно почти никогда и не удаляется. Но вѣдь это не значитъ, что окрестное населеніе не имѣетъ понятія о мясѣ, а доказываетъ лишь то, что оно питается мясомъ туземнаго происхожденія; что за этимъ продуктомъ ему не зачѣмъ обращаться

на всероссійскій рынокъ, такъ какъ оно находитъ его ближе — на мѣстныхъ торжищахъ. Чтобы удовлетворить потребности русскаго мужика въ мясѣ, нѣтъ надобности задаваться цѣлью спеціально воспитывать убойный скотъ; нужное количество найдется всегда около, какъ побочный продуктъ зернового хозяйства, котораго придерживается нашъ крестьянинъ. И не только онъ находитъ подъ бокомъ въ своемъ околоткѣ, почти-что въ своемъ хозяйствѣ, кусокъ мяса, который онъ пососетъ въ праздникъ; онъ находитъ еще возможнымъ удѣлить отъ своихъ щедротъ другимъ, онъ самъ посылаетъ мясо для прокормленія болѣе падкихъ на этотъ продуктъ горожанъ, что̀ и видно изъ нижеприводимыхъ данныхъ о мѣстностяхъ, отправляющихъ этотъ продуктъ по желѣзнымъ дорогамъ петербургскаго района. Именно, изъ 4,74 мил. пудовъ мяса, потребленныхъ въ этой области, по дорогамъ прямого сообщенія городами (Москвою и Рыбинскомъ), доставлено меньше 4 милліоновъ пудовъ, и около 850 тысячъ пудовъ могли удѣлить отъ своихъ избытковъ бѣдныя деревни района; такъ, станціи николаевской дороги отправили скотомъ, птицей и мясомъ около 175,000 пудовъ, варшавской — около 240,000, новгородской 194,000, рыбинско-бологовской 185,000 пудовъ. Мало того. Петербургъ значительную часть скота получаетъ гономъ на лошадяхъ, такъ около 75,000 штукъ мелкаго скота этимъ способомъ доставляютъ ему ближайшіе къ столицѣ уѣзды. Мы видимъ, что деревни петербургскаго района отдаютъ своего мяса въ 3—4 раза больше, чѣмъ его получаютъ; т.-е. они хотя и не ведутъ спеціально скотоводческаго хозяйства, тѣмъ не менѣе по своимъ теперешнимъ потребностямъ имѣютъ мяса въ избыткѣ (добровольномъ или вынужденномъ, это въ данномъ случаѣ все равно); поэтому грядущій спеціально-скотоводческій районъ врядъ ли найдетъ здѣсь потребителей своихъ продуктовъ. И чуть ли не тоже самое нужно сказать объ остальной Россіи: большіе города — вотъ чуть ли не единственная надежда нашего спеціализующагося земледѣлія! Но что значатъ города въ Россіи!

Воспитаніе мясного скота составляетъ лишь одинъ отдѣлъ скотоводства; другая его отрасль состоитъ въ разведеніи молочнаго скота для приготовленія масла, сыра и тому подобныхъ продуктовъ. По плану нашихъ агрономовъ, производству этихъ послѣднихъ должно быть посвящено хозяйство нечерноземной полосы, гдѣ теперь столь нераціонально ведется невыгодное зерновое хозяйство. Область эта заключаетъ въ себѣ милліоны десятинъ пахатной земли, и чтобы поглотить всю массу молочныхъ продуктовъ, какую она выставитъ на рынокъ, нуженъ не маленькій

запросъ. Есть ли у насъ таковой; развивается ли молочное хозяйство съ быстротой, указывающей на то, что для его процвѣтанія существуютъ благопріятныя условія со стороны рынка?

Если послушать нашихъ агрономовъ, то несомнѣнно. Вотъ, напримѣръ, въ серьёзномъ статистическомъ изданіи увѣряютъ, что молочное хозяйство «въ послѣднія 15 лѣтъ сдѣлало очень большіе успѣхи. До шестидесятыхъ годовъ маслодѣліе, за очень немногими исключеніями, стояло на очень низкомъ уровнѣ; за границу шло лишь топленое и чухонское масло». Послѣ же освобожденія крестьянъ, благодаря энергической дѣятельности частныхъ лицъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, у насъ стало распространяться сыровареніе и улучшенное маслодѣліе, которое водворилось не только въ нечерноземной полосѣ, но и въ губерніяхъ курской, харьковской, уфимской, бессарабской, даже на Кавказѣ. Что касается цифрового выраженія этихъ успѣховъ, то по увѣренію цитируемаго изданія въ Россіи дѣйствуетъ до 2,000 масло - и сыроваренныхъ заводовъ. Указанная цифра да не смущаетъ читателя своими размѣрами: большинство заводовъ находится въ рукахъ крестьянъ и принадлежитъ къ разряду мелкихъ, считающихъ свои годовые обороты десятками пудовъ. Это подтверждается и дальнѣйшими цифровыми свѣдѣніями цитируемаго нами «Обзора». Именно, центръ маслодѣлія сѣверной Россіи — губерніи ярославская, вологодская и тверская — отпускаютъ за свои предѣлы всего 250 тысячъ пуд. масла, да и то сбитаго по преимуществу домашнимъ, а не заводскимъ способомъ. Районъ, снабжающій молочными продуктами «главные центры потребленія—Петербургъ и Москву» (въ составъ котораго входятъ и перечисленныя три губерніи) производитъ ихъ до 1,125 тысячъ пудовъ [1]). Въ эту цифру вошли не только сыръ и масло заводского и домашняго приготовленія, какъ потребляемое самими крестьянами, такъ и вывозимое на рынокъ, но и творогъ (540 тыс. пуд.), продуктъ, не идущій далеко отъ мѣста производства. Что же касается спеціально сыра и масла, то (насколько можно судить по желѣзно-дорожнымъ даннымъ) въ петербургскомъ районѣ (со включеніемъ Москвы) обращалось ихъ въ 1878 году около 400,000 пудовъ, изъ числа которыхъ обѣими столицами потреблено 350,000 пудовъ, а на провинцію остается 50,000. Въ остальной Россіи желѣзными дорогами перевозится масла и сыра еще того меньше—около 300,000 пуд.

---

[1]) Истор.-стат. обзоръ промыш. Россіи, гл. IX, стр. 45—46; Ковалевскій и Левитскій, Стат. оч. молочнаго хоз.

Да и куда ихъ перевозить больше, если все-то потребленіе Россіей сыра, напримѣръ, составляетъ лишь $^1/_3$—$^1/_2$ количества, уничтожаемаго однимъ только Парижемъ! [1]). Если къ сказанному прибавить еще, что вывозъ за границу захватываетъ всего 230,000 пудовъ масла и 38,420 пуд. сыру, а ввозъ (который своимъ производствомъ мы можемъ надѣяться уничтожить) не достигаетъ и 70,000 пудовъ, то намъ кажется, что по данному вопросу мы должны придти къ слѣдующему окончательному заключенію: разсматриваемая отрасль промышленности находится у насъ на той еще ступени развитія, которую нельзя иначе назвать, какъ зачаточной (вспомнимъ, что ровесники наши по этому дѣлу,— Сѣверо-Американскіе штаты, гдѣ молочное производство самими американцами признается находящимся въ младенческомъ состояніи,—вырабатываютъ ежегодно полтора милліарда фунтовъ масла и треть милліарда фунтовъ сыра); поэтому класть ее въ основаніе плановъ преобразованія сельскаго хозяйства цѣлаго народа можно только по недоразумѣнію, зависящему отъ того, что увлекаются качественной внѣшностью дѣла и считаютъ излишнимъ обратить вниманіе на количественную сторону существующаго производства и потребленія производимыхъ продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы сопоставить цифры, рисующія то и другое, съ территоріей области, нуждающейся въ сельско-хозяйственномъ преобразованіи.

Мы пересмотрѣли главнѣйшія отрасли сельскаго хозяйства, долженствующія представить основаніе для грядущихъ интенсивныхъ системъ, приноровленныхъ каждая къ особенностямъ мѣстности, въ которой она вводится. Мы видимъ, что наше сельскохозяйственное производство характеризуется незначительностью количества добываемыхъ продуктовъ, не составляющихъ предмета первой необходимости, и еще болѣе слабымъ развитіемъ производства для рынка. Уже первое обстоятельство—мизерность потребленія народомъ различныхъ продуктовъ земледѣлія и связанныхъ съ нимъ техническихъ производствъ—служитъ препятствіемъ повсемѣстному возвышенію сельско-хозяйственной культуры; и препятствія эти сдѣлаются еще грандіознѣе, если такое возвышеніе вздумаютъ основать на запросѣ рынка, составляющемъ лишь незначительную долю реальнаго запроса населенія, большую часть котораго онъ удовлетворяетъ продуктами собственнаго хозяйства. Чтобы показать значеніе разсматриваемаго рыночнаго

[1]) Доклад о перевозкѣ мясныхъ и молочныхъ продуктовъ; Ковалевскій и Левитскій, тамъ же, стр. 62.

запроса для хозяйства страны, мы попробуемъ преобразовывать по его указанію нашу центральную черноземную полосу, руководствуясь при этомъ въ агрономическомъ отношеніи работою г. Стебута, составившаго планъ такого преобразованія.

Мы видѣли, что центральнымъ пунктомъ новаго хозяйства въ разсматриваемой области, по мнѣнію г. Стебута, должно быть откармливаніе мясного и молочнаго скота. Сейчасъ мы имѣли дѣло съ потребленіемъ въ Россіи продуктовъ послѣдняго (сыра и масла) и убѣдились, что запросъ рынка не представляетъ сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, такихъ размѣровъ, на которыхъ можно было бы строить будущую судьбу мало-мальски значительной области. Кромѣ того, насколько такой запросъ существуетъ — онъ удовлетворяется производствомъ нечерноземныхъ губерній; поэтому мы примемъ, что центральная черноземная область составитъ спеціальный скотоводческій мясной районъ. Будемъ же ее превращать въ послѣдній.

Мы знаемъ, что всероссійскій рынокъ представляетъ запросъ на 1, 3 милліона головъ мясного скота и что если построить хозяйство ради выкармливанія послѣдняго, то 3 десятины поля могутъ выкормить 1 штуку скота; т.-е. для приготовленія всего мяса, требуемаго рынкомъ, нужно занять 4,000,000 десятинъ или пятую часть предполагаемаго мясного района. Эта площадь въ двѣ губерніи, преобразуя полеводство сообразно поставленной цѣли, можетъ идти различными путями: для откармливанія скота она можетъ высѣвать на поляхъ клеверъ, кукурузу, кормовую свеклу, картофель; или станетъ кормить его бардой, свекловичнымъ жамомъ, для чего устроитъ у себя винокуренные и свеклосахарные заводы и т. д. Предположимъ, что она послѣдуетъ второму пути и станетъ разводить на своихъ поляхъ сахарную свеклу и картофель для винокуренія. Наиболѣе подходящій для разсматриваемой мѣстности сѣвооборотъ, по мнѣнію г. Стебута, есть четырехъ-польный; еслибы всѣ 4 милліона десятинъ послѣдовали совѣту г. Стебута и стали воздѣлывать на поляхъ рядомъ съ другими растеніями сахарную свеклу, то подъ послѣднюю нужно было бы занять милліонъ десятинъ. Возможно ли это сдѣлать по экономическимъ условіямъ; потребитъ ли рынокъ все количество сахара, которое можно будетъ получить съ указаннаго количества десятинъ, засѣянныхъ свеклою? Отвѣтомъ служатъ новѣйшія данныя о сахавареніи въ Россіи въ кампанію 1881—82 года: сахару въ этотъ періодъ выработано 16 милліоновъ пудовъ, для чего было засѣяно свеклой около

250 тысячъ десятинъ земли [1]). Мы видимъ, что эта цифра въ 4 раза меньше той, какую получили, преобразовывая хозяйство только двухъ губерній, т.-е. описанное нами преобразованіе полеводства съ посѣвомъ сахарной свеклы на одномъ изъ четырехъ полей потребовало бы отъ насъ производства сахара въ количествѣ, въ 4 раза превышающемъ все потребленіе страны. Слѣдовательно, это преобразованіе въ указанныхъ размѣрахъ невозможно по экономическимъ причинамъ: подъ свеклой можетъ быть занято лишь 250 тысячъ десятинъ, что̀ соотвѣтствуетъ милліону десятинъ пашни въ 4 поляхъ. Остается еще 3 милліона, которые пусть будутъ преобразованы по пяти-польной системѣ (предлагаемой г. Стебутомъ же) съ посѣвомъ картофеля для винокуренія. Такъ какъ подъ картофелемъ по этому плану кромѣ одного цѣлаго поля будетъ занята еще третья часть другого, то, значитъ, ему отведется всего четвертая часть пашни, т.-е. 750 тысячъ десятинъ. Сборъ съ этой площади пойдетъ на винокуренные заводы, откуда явится на рынокъ въ количествѣ 61,5 мил. ведеръ спирта, т.-е. почти вдвое большемъ, чѣмъ его требуется рынкомъ всей Россіи [2]). Слѣдовательно, ради винокуренія изъ картофеля, сообразно существующему потребленію спирта, будетъ реорганизована еще 1,6 милліоновъ десятинъ (подъ картофель займется 400 тысячъ десятинъ). Остается еще 1,4 милліона, для которыхъ приходиться отыскивать какія-нибудь другія выгодныя растенія.

На этомъ примѣрѣ читатель видитъ, что̀ значитъ преобразованіе сельскаго хозяйства по однимъ теоріямъ. Мы имѣли цѣлью образовать спеціальный мясной скотоводческій районъ, поставляющій на всероссійскій рынокъ требуемое количество мяса; и оказалось, что для этого не только достаточно двухъ губерній изъ семи, ждущихъ своей очереди, но что попутно онѣ могутъ снабжать Россію всѣмъ требуемымъ количествомъ сахара и вина. Двухъ губерній достаточно, чтобы исчерпать главнѣйшіе всероссійскіе рыночные источники преобразовательнаго движенія хозяйства въ черноземной полосѣ, ибо, кромѣ разсмотрѣнныхъ растеній, подъ остальными (производимыми въ черноземныхъ губерніяхъ) находятся десятинъ: подъ подсолнечникомъ около 100,000, рапсомъ и сурѣпкой—200,000, подъ табакомъ 50,000,

---

[1]) Русскія Вѣдомости, 1882 г. № 349.

[2]) По календарю Баталина десятина картофеля при среднемъ урожаѣ 750 пудовъ, даетъ 81,90 градусовъ или около 82 ведеръ спирту. Все производство послѣдняго въ Россіи, по Ежегоднику мин. финансовъ, простиралось въ 1879—80 году до 33 мил. ведеръ.

подъ коноплей 400,000 — всего 750,000 десятинъ. Но и эту цифру придется сократить на половину, если не больше, такъ какъ конопля, занимающая 400,000 десятинъ, культивируется небольшими количествами на крестьянскихъ огородахъ и въ полевой сѣвооборотъ входитъ очень мало. Во всякомъ случаѣ и эти растенія, если ввести ихъ въ правильный сѣвооборотъ (что̀ будетъ возможно сдѣлать повсемѣстно лишь впослѣдствіи по приведеніи къ извѣстному культурному состоянію почвъ) потребуютъ преобразованія не больше 3—4 милліоновъ десятинъ, т.-е. еще двухъ губерній. Но здѣсь мы уже вводимъ новый элементъ въ свои предположенія: намъ интересно знать, какъ широки основанія для разграниченія Россіи на земледѣльческіе районы ради требованій внутренняго рынка, а мы беремъ между тѣмъ и запросъ внѣшній, на который воздѣлывается почти весь рапсъ и сурѣпка (200,000 десятинъ) и около половины конопли (150,000 десят.); исключивъ ихъ, окажется, что внутренній рынокъ требуетъ посѣва масляничныхъ растеній и табака на 400 тыс. десятинахъ, каковое требованіе можетъ быть удовлетворено, пожалуй, одной губерніей.

Попробуемъ теперь организовать на раціональныхъ основаніяхъ льноводческій районъ, и въ руководство себѣ возьмемъ того же агронома, указаніями котораго мы пользовались, имѣя дѣло съ хлѣбородной полосой. Это для насъ тѣмъ подходящѣе, что система, предлагаемая г. Стебутомъ для нечерноземныхъ губерній, въ отношеніи льна мало чѣмъ отличается отъ сѣвооборота г. Энгельгардта, который мы выше брали за образецъ для этой мѣстности. Именно, въ сѣвооборотѣ г. Стебута, занимающемъ поле въ 100 десятинъ пашни, подъ ленъ отведено 6 десятинъ или $^1/_{16}$ поля. Принимая урожай льна, указанный имъ же, т.-е. 30 пудовъ волокна съ десятины, мы видимъ, что для удовлетворенія требованія на этотъ продуктъ со стороны рынка какъ внутренняго, такъ и внѣшняго (выражающихся 20 милліонами пудовъ), подъ ленъ нужно отвести около 700 тысячъ десятинъ, а вся площадь пашни, преобразуемой для производства льна, охватитъ 700,000 $\times$ 16 или 11 милліоновъ десятинъ, т.-е. только третью часть того района, который стремится сдѣлаться льноводческимъ. Если же основываться только на требованіяхъ внутренняго рынка, то и указанную цифру нужно еще уменьшить на половину.

Но преобразовавъ 11 милліоновъ десятинъ пашни ради добыванія льна, мы этимъ достигаемъ многихъ другихъ результатовъ, которые явятся естественнымъ послѣдствіемъ реформы. Во-первыхъ, въ нашемъ сѣвооборотѣ слишкомъ милліонъ деся-

тинъ будетъ занято картофелемъ, урожай котораго здѣсь по нашему автору равняется 500 пудовъ съ десятины, изъ которыхъ можетъ быть выкурено 54 ведра спирту; а вся реорганизованная полоса даетъ, слѣдовательно, 54 милліона ведеръ,—чуть не вдвое больше, чѣмъ его потребляется въ настоящее время въ Россіи. Во-вторыхъ, преобразованное хозяйство, гдѣ въ сѣвооборотъ, кромѣ названныхъ растеній, введены еще травы, даетъ возможность на 100 десятинахъ пашни содержать 35—40 штукъ рогатаго скота (молочнаго); вся преобразованная площадь будетъ, такимъ образомъ, выращивать около 4 милліоновъ головъ скота, на милліонъ слишкомъ штукъ больше, чѣмъ она содержитъ его въ настоящее время. Этимъ количествомъ скота не только удовлетворится существующій спросъ на масло и сыръ, но и возможна будетъ конкурренція съ черноземной полосой, приготовляющей, какъ мы видѣли, мясной скотъ для продажи. Словомъ, существующій спросъ на различные продукты сельскаго хозяйства такъ у насъ незначителенъ, что перестраивая земледѣліе маленькой частицы Россіи ради удовлетворенія требованія одного какого-либо продукта, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ возможность отвѣтить на запросъ чуть ли не всѣхъ остальныхъ продуктовъ, такъ что остающейся большей части Россіи дѣлать уже и нечего. Можно бы предположить, что перестраивая свое хозяйство для добыванія одного продукта, извѣстная мѣстность броситъ производство зерновыхъ хлѣбовъ и такимъ образомъ открываетъ возможность другимъ губерніямъ увеличить культуру этихъ растеній. Но и того нѣтъ! Хотя агрономы и настаиваютъ на необходимости для нечерноземной полосы прекратить зерновое хозяйство, для чего и г. Стебутъ предложилъ свой планъ, основанный на выращиваніи молочнаго скота, тѣмъ не менѣе, не имѣя другихъ подходящихъ растеній для замѣны ими хлѣбовъ, приходится дать въ сѣвооборотѣ мѣсто и послѣднимъ. Хотя площадь ихъ посѣва при этомъ и сокращается, но интенсивность хозяйства держитъ абсолютную цифру получаемаго хлѣба на прежнемъ уровнѣ или даже возвышаетъ ее. Такъ, въ разсматриваемомъ случаѣ, площадь подъ хлѣбами, вмѣсто 66 десятинъ (на 100 дес. всего поля) трехполья, занимаетъ всего 40 въ сѣвооборотѣ г. Стебута, остальная же земля идетъ подъ ленъ, картофель и травы; и, однако, развившееся скотоводство даетъ такое количество удобренія, послѣ котораго урожай хлѣба подымается вдвое [1]), т.-е. съ меньшей площади получится больше зерна, и требованіе на

[1]) Стебутъ, тамъ же, стр.—263.

привозный хлѣбъ со стороны населенія нечерноземной области не увеличится.

Все это даетъ намъ право высказать еще разъ убѣжденіе, что, если преобразованіе сельскаго хозяйства въ нашей странѣ будетъ основываться на требованіяхъ рынка, то это грандіозное и важное дѣло съузится до такихъ мизерныхъ размѣровъ (далеко отстающихъ даже отъ запроса покупателей на продукты земледѣлія), что потеряетъ почти всякое общественное значеніе, превратится въ дѣло частное, если даже не личное. Вотъ почему мы не придаемъ большого значенія и тѣмъ попыткамъ интенсивнаго хозяйства, которыя проявляются тамъ и самъ среди нашего помѣщичьяго класса: расшириться до того, чтобы охватить весь земледѣльческій промыселъ, изъ частнаго дѣла превратиться въ общественное, эти попытки по вышеизложеннымъ причинамъ не могутъ: для этого не существуетъ благопріятныхъ экономическихъ условій.

Читатель скажетъ, пожалуй, что вѣдь настоящее положеніе не сохранится на вѣки, что запросъ рынка будетъ рости, а не уменьшаться, а съ его ростомъ поднимаются шансы преобразованія хозяйства по принципу раздѣленія труда. На это мы отвѣтимъ поговоркой, что Улита ѣдетъ — когда-то будетъ! Факты, если и не опровергаютъ совершенно высказанной надежды, то во всякомъ случаѣ ясно показываютъ, какъ медленно растетъ потребленіе внутри Россіи различныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и какъ поэтому медленно развиваются различныя отрасли послѣдняго. Всего болѣе увеличилось у насъ съ 1864 года потребленіе сахара; именно вмѣсто 4 милліоновъ пудовъ песку, добывавшихся на заводахъ Россіи (безъ Царства Польскаго) въ 1864 году, въ 1879 поступило 10 мил. пуд. Хотя, относительно, потребленіе этого продукта возрасло довольно сильно, но на посѣвѣ свекловицы это отразилось увеличеніемъ его на 80—90 тысячъ десятинъ! Но что же это значитъ для цѣлой Россіи; и идя съ такой быстротой, скоро ли мы доберемся до милліоновъ десятинъ, необходимыхъ для возможности преобразованія, по новому, хозяйства цѣлаго народа, а не сотни-другой плантаторовъ?

Количество выкуриваемаго спирта за послѣднее двадцатилѣтіе увеличилось на 8 милліоновъ ведеръ, что соотвѣтствуетъ приблизительно 100 тыс. десятинъ картофеля. Скотоводство у насъ развилось еще медленнѣе: съ 1851 по 1876 годъ количество рогатаго скота возрасло въ нечерноземной полосѣ на 5,7%, а въ черноземной—на 3,2%; число овецъ возрасло въ первой на 12%, во второй—на 22%.

Это главнѣйшіе продукты сельскаго хозяйства, служащіе

народному потребленію (о хлѣбѣ мы не говоримъ, такъ какъ его потребленіе не можетъ вырости въ значительныхъ размѣрахъ). Производство ихъ растетъ такими тихими шагами, что столѣтіями слѣдуетъ считать время, въ продолженіе котораго оно достигнетъ размѣровъ, способныхъ послужить основаніемъ для реорганизаціи хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, прикинемъ для примѣра, — сколько времени должно пройти для того, чтобы можно было преобразовать хозяйство только семи центральныхъ черноземныхъ губерній при условіи, что онѣ возьмутъ на себя обязанность снабжать всю Россію сахаромъ и водкой и выкармливать убойный скотъ, и что потребленіе этихъ продуктовъ и впредь будетъ идти въ указанныхъ размѣрахъ. Если преобразовать полеводство разсматриваемыхъ семи губерній по плану г. Стебута, изъ трехъ-полья въ четырехъ-полье, то въ каждомъ изъ полей мы будемъ имѣть 5 мил. десятинъ, и одно изъ нихъ будетъ занято свеклой или картофелемъ. Предположимъ, что его раздѣлятъ между ними поровну, такъ что свеклой и картофелемъ займется по 2,5 мил. десятинъ, причемъ свекла пойдетъ на сахарные, а картофель на винокуренные заводы. Сколько будетъ добыто при этихъ условіяхъ сахару и вина?

Въ настоящее время съ 250 тыс. дес., засѣянныхъ свеклой, получается въ концѣ концовъ 16 мил. пуд. сахару, слѣдовательно, 2,5 мил. дес. дастъ его 160 мил. пудовъ. Десятина подъ картофелемъ позволяетъ выкурить 82 ведра спирту, значитъ, 2,5 мил. дес. дадутъ его около 200 мил. ведеръ. Кромѣ того, указанная система полеводства дозволитъ разсматриваемой мѣстности выкармливать ежегодно 6 милліоновъ головъ рогатаго скота, сверхъ одного милліона, содержимаго ею въ настоящее время; семь губерній развили у себя количество скота, равное третьей части скотоводства всей современной Россіи!

Если потребленіе вина и сахару и впредь будетъ идти въ указанныхъ размѣрахъ, т.-е. производство сахару будетъ увеличиваться каждыя 15 лѣтъ въ $2^1/_2$ раза, а спирта въ 20 лѣтъ на 33%, то требуемыхъ размѣровъ спросъ на сахаръ достигнетъ черезъ 35—40 лѣтъ, а на вино — черезъ 120. Но вѣдь потребленіе народа не растетъ безъ конца въ геометрической прогрессіи. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о сахарѣ; до недавняго времени онъ потреблялся только привилегированными классами; теперь же продуктъ этотъ постепенно входитъ въ общее потребленіе, чѣмъ и объясняется быстрый ростъ его производства. Но это не будетъ продолжаться вѣчно: дойдя до извѣстныхъ предѣловъ, соотвѣтствующихъ всенародному потребленію сахара, производство его станетъ рости уже медленнѣе,

въ родѣ того, какъ ростетъ теперь винокуреніе. Если, напримѣръ, принять, что нормальнымъ потребленіемъ народомъ сахару будетъ у насъ 24 фунта въ годъ на душу (какъ въ Италіи или Франціи), то быстрый ростъ его производства будетъ продолжаться 20 лѣтъ, и тогда оно достигнетъ цифры 50 мил. пуд. Послѣ того оно будетъ рости нѣсколько быстрѣе размноженія населенія; предполагая, что послѣднее (будемъ считать его въ 100 мил. душъ) станетъ увеличиваться на 1,5% въ годъ, потребленіе сахара, если бы оно удовлетворяло только спросу прибывающаго народа, ежегодно возрастало бы на 300 тыс. пудовъ. Удвоимъ это количество, и все-таки требуемыхъ нашимъ примѣромъ размѣровъ оно достигло бы не раньше какъ черезъ 70 лѣтъ отъ настоящаго момента.

Итакъ, несмотря на преувеличеніе цифръ въ пользу противной теоріи, все-таки оказывается, что для преобразованія хозяйства семи губерній, основываясь на требованіяхъ всероссійскаго рынка, нужно время 50—100 лѣтъ. Но вѣдь кромѣ этихъ семи губерній у насъ ихъ еще семью семь! Когда же настанетъ ихъ-то чередъ?

Не лучше ли отложить въ сторону всякія мудрствованія надъ русскимъ хозяйствомъ по западно-европейскому образцу и заботиться не о развитіи его интенсивности, а о возвышеніи народнаго благосостоянія, послѣ чего не замедлитъ явиться и столь желательная интенсивность. До той же поры мы врядъ ли чего-нибудь достигнемъ на этомъ поприщѣ. Ибо рынокъ, какъ мы видѣли, не представляетъ достаточнаго основанія для преобразованія земледѣлія, что̀ зависитъ какъ отъ бѣдности населенія, такъ и оттого, что массу продуктовъ потребленія хлѣбопашецъ находитъ въ собственномъ хозяйствѣ. Поэтому увеличеніе народнаго потребленія—вотъ основа прогресса русскаго земледѣлія. Но росту потребностей мелкихъ хозяевъ мѣшаетъ слишкомъ большая масса долговъ, на нихъ лежащихъ, побуждающая ихъ работать не столько для своего потребленія, сколько для продажи. Сельское хозяйство наше, какъ видимъ, запуталось въ противорѣчіи, изъ котораго выйдетъ лишь въ томъ случаѣ, если упорядоченіемъ аграрныхъ отношеній и измѣненіемъ податной системы (по преимуществу выкупной операціи) мы устранимъ главные мотивы народной кабалы, послѣ чего крестьянинъ получитъ возможность заботиться не объ одной копейкѣ, но и о болѣе вкусной и разнообразной пищѣ, лучшемъ и удобномъ платьѣ и пр. А въ этомъ, какъ мы видѣли, и заключается суть дѣла.

В. В.

ДВОРЕЦЪ и РАЗВАЛИНА.

ПОВѢСТЬ

Болеслава Пруса.

ГЛАВА I,

въ которой читатель знакомится съ очень большой трубкой въ очень маленькомъ дворцѣ.

Есть острова среди моря, оазисы среди пустынь и тихіе кварталы среди большого и шумнаго города. Такія убѣжища бываютъ иногда вблизи отъ главныхъ улицъ, а иногда даже составляютъ ихъ продолженіе. Чтобы найти ихъ, нужно только свернуть вправо или влѣво съ какой-нибудь главной артеріи движенія и грохота. Тогда черезъ нѣсколько минутъ гладкій асфальтовый тротуаръ смѣнится острой мостовой, мостовая — обыкновенной дорогой, городской протокъ — тропинкой или рвомъ. Большіе каменные дома уступаютъ мѣсто желтымъ, розовымъ, оранжевымъ и чернымъ домикамъ, полускрытымъ гнилымъ гонтомъ или загородкой изъ старыхъ досокъ, сложенныхъ отвѣсно или горизонтально. Еще дальше можно встрѣтить голубятни, наклонившіяся отъ старости, колодцы съ шестомъ, доисторическіе масляные фонари, грядки капустныхъ кочней и деревья, силящіяся покрыться листьями и дать плоды.

Въ такихъ кварталахъ толстякъ, ѣдущій на обтрепанныхъ дрожкахъ, играетъ роль милліонера, осматривающаго мѣста, а фельдшерскій подмастерье въ зеленомъ галстухѣ и блестящей шляпѣ изображаетъ чиновника. Молодыя женщины не улыбаются

здѣсь мимоходомъ, потому что некому подивиться ихъ бѣлымъ зубамъ; мужчины тащатся, какъ черепахи, и готовые каждую минуту остановиться и заѣваться даже на худую лошадь со стертымъ хребтомъ, которая, прищуривъ глаза съ выраженіемъ несказанной меланхоліи, щиплетъ чахлую травку.

Вокругъ пустыря поднимаются высокія трубы, черныя или красныя крыши и острыя башни костеловъ, вездѣ кипитъ жизнь, слышенъ шумъ людскихъ голосовъ, грохотъ экипажей, звонъ колоколовъ или свистъ локомотивовъ, но здѣсь тишина. Рѣдко заѣзжаетъ въ эти мѣста точильщикъ со своимъ ужасно звучащимъ орудіемъ и еще рѣже шарманщикъ со своимъ астматичнымъ инструментомъ. Никакой баритонъ не реветъ здѣсь: каменный уголь! никакой дискантъ не пищитъ: угли для самовара! и только иногда оборванный жидокъ бормочетъ подъ носомъ: продажа! продажа! какъ можно скорѣе удирая въ болѣе цивилизованныя страны.

Добрые люди живутъ здѣсь безъ церемоніи. Въ будничные дни они, скрытые загородками, доятъ своихъ коровъ, сзываютъ поросятъ или выдѣлываютъ гробы и бочки на пользу ближнихъ, а въ воскресенье, одѣвшись въ цвѣтные жилеты и въ халаты, садятся на скамейки, разставленныя вдоль домовъ, и разговариваютъ съ сосѣдями черезъ огороды. Въ это время ихъ дѣти играютъ среди улицы въ бабки, плещутся водой, или бросаютъ камни въ рѣдкихъ прохожихъ, смотря по обстоятельствамъ и расположенію духа.

Въ такомъ-то кварталѣ среди разноцвѣтныхъ лачугъ, разваливающихся навѣсовъ, небрежно содержимыхъ садовъ и площадей, покрытыхъ мусоромъ, возвышалось блѣднозеленое двухъэтажное зданіе, которое богатый хозяинъ и бѣдные сосѣди называли дворцомъ. Справедливость заставляетъ признать, что дворецъ этотъ былъ очень обыкновенный каменный домъ съ палисадникомъ и водокачалкой на дворѣ, садомъ за дворомъ, съ шестью трубами и двумя громоотводами на крышѣ, двумя большими камнями у воротъ и гипсовымъ изображеніемъ бараньей головы подъ воротами. Вотъ и все о дворцѣ, въ которомъ черезъ два открытыя окна въ первомъ этажѣ прохожій могъ видѣть и слышать нижеслѣдующее:

— Ванда!.. Вандюня!.. Вандѐчка!.. — кричалъ съ разстановками какой-то низкій басъ, обнаруживавшій сильную усталость.

Въ то же время въ комнатѣ блеснула лысина, за ней желтые нанковые панталоны, за ними пара цвѣтныхъ носковъ, и раздался глухой шумъ, какъ бы отъ паденія.

— Вандюня!..—повторилъ голосъ съ такой особенной интонаціей, какъ будто на горлѣ кричавшей особы пробовали крѣпость веревки.

— Слышу, дѣдушка! — отвѣчалъ въ глубинѣ дома голосокъ дѣвочки.

Лысина, нанковые панталоны и цвѣтные носки промелькнули въ окнѣ нѣсколько разъ сряду, послѣ чего снова раздался шумъ.

— А дай-ка мнѣ, котикъ, *Четвергъ*!—простонала особа, называемая дѣдушкой.

— А табакъ у дѣдушки есть?

На этотъ разъ нанковые панталоны и носки составили въ окнѣ фигуру, похожую на вилы,—послѣ чего снова наступило паденье, но только гораздо болѣе тяжкое, чѣмъ предъидущія.

— А... здорово!.. Янекъ, Янекъ!.. налей-ка воды въ душъ... Богъ съ тобой, какая ты безголовая, Вандѐчка!

— Отчего, дѣдушка?—спросила дѣвочка.

— Какъ отчего? я просилъ *Четвергъ*, а ты принесла *Пятницу*. Вѣдь *Четвергъ*—вишневый съ остроконечнымъ мундштукомъ. Стыдно!.. О-о-о! здорово!..

— Вамъ-то, дѣдушка, здорово, а я все боюсь, какъ бы не случилось чего дурного... Вы такой толстый и такъ кувыркаетесь!..

— Ты говоришь: толстый? Ну, если я такой толстый, такъ берись ты, худенькая, за кольца и валяй!..

— Дѣдушка!..

— Валяй, говорю тебѣ!..

— Дѣдушка... въ моемъ платьѣ!..

— Валяй, худенькая, валяй!..

Послѣ этихъ словъ въ окнѣ мелькнули темнорусые локоны, за ними венгерскіе башмачки, послышались два взрыва смѣха баса и сопрано, потомъ бѣготня и... тишина. Черезъ нѣсколько минутъ въ томъ же самомъ окнѣ показалась большая пѣнковая трубка, насаженная на баснословно-длинномъ чубукѣ, а за ней узорчатый халатъ, шапочка съ золотой кисточкой и лицо, напоминающее цвѣтомъ и формой небывалыхъ размѣровъ редиску. Черезъ минуту всѣ эти особенности, принадлежавшія, какъ кажется, только одному владѣльцу, исчезли въ густомъ туманѣ благовоннаго дыма.

— Ванда!.. Вандѐчка!..—началъ снова румяный старикъ.

— Слышу, дѣдушка!

Легкое дуновеніе разсѣяло клубы дыма, среди котораго, какъ въ облакѣ, показалось бѣлое и розовое лицо, большіе голубые глаза и темнорусыя кудри пятнадцатилѣтней дѣвочки.

Въ то же время изъ-за загородокъ вышелъ на улицу высокій, согнутый старикъ въ длинномъ сюртукѣ и большой ваточной шапкѣ и, опираясь на кривую палку, медленно зашагалъ по той сторонѣ дороги, которая прилегала къ *дворцу*.

— Ахъ ты, гадкая!.. ахъ ты, негодная!..—говорилъ сидящій у окна владѣлецъ пѣнковой трубки, — такъ ты дѣдушку зовешь толстякомъ? а? сейчасъ извинись!

— Ну извиняюсь, очень извиняюсь, только... дастъ дѣдушка канарейкѣ сѣмянъ?—отвѣчала внучка.

— Дамъ, только поцѣлуй...

Раздался поцѣлуй.

— А дастъ дѣдушка голубямъ гороху?

— Дамъ, только поцѣлуй...

Раздался другой и третій поцѣлуй, и оба такъ громко, что даже старый прохожій остановился, прислушиваясь подъ окномъ.

— А дастъ дѣдушка моимъ курамъ гречихи, дастъ?

— Отчего-жъ не дать, только поцѣлуй...

— Курамъ?—шепнулъ старикъ на улицѣ.—У моей Костуни тоже были куры, только онѣ ужъ подохли!..

— А позволитъ дѣдушка дать Азоркѣ сливокъ?

— Вздоръ!..—разсердился дѣдушка,—этого ужъ не дамъ, не дамъ!..

— Дай, дѣдушка, сливокъ Азоркѣ,—просила дѣвочка, обнявъ его руками за шею.

— Моя маленькая Гелюня, мое дитятко, ужъ такъ давно не пила сливокъ,—прошепталъ старикъ подъ окномъ.

— Дай, дѣда, Азоркѣ, онъ такой худой,—восклицала она, все сильнѣе обнимая и все громче цѣлуя дѣдушку изъ перваго этажа, который оборонялся, размахивалъ чубукомъ и вообще выказывалъ большой гнѣвъ.

— Моя Гелюня... ахъ! такая маленькая... такая худенькая и кашляетъ,—пробормоталъ старикъ съ улицы.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что что-то упало ему на голову, поднялъ руку и нашелъ на своей шапкѣ огромную еще горячую трубку.

— Спасите!—закричалъ дѣдушка изъ перваго этажа.—Пропала моя трубка!

И онъ высунулся изъ окна съ такой энергіей, какъ будто имѣлъ намѣреніе вмѣстѣ съ вишневымъ чубукомъ, узорчатымъ халатомъ и вышитой шапочкой, разбиться о ту самую мостовую, на которую полетѣлъ его любимый инструментъ.

— Здѣсь трубка, здѣсь! — отозвался старикъ снизу, показывая уцѣлѣвшую вещь.

— Моя трубка цѣла... Вандя... цѣла и невредима... упала и не разбилась! Вотъ этотъ панъ былъ такъ любезенъ... Вандя, попроси пана, приведи пана съ моей трубкой,—говорилъ живой дѣдушка съ лихорадочной поспѣшностью.

Дѣвочка быстро сбѣжала внизъ и съ акомпаниментомъ множества пансіонерскихъ книксеновъ попросила незнакомца наверхъ.

— Ничего!.. ничего...—шепталъ сконфуженный старикъ.— Очень пріятно... Не за что!

— Вандюлька! Вандѐчка! Нѐ пускай пана, зови его къ намъ, а если онъ самъ не пойдетъ, такъ принеси его!—командовалъ изъ окна неугомонный дѣдушка.

Трудно было противустоять такимъ настойчивымъ приглашеніямъ; не удивительно, что наконецъ старикъ и милая дѣвочка, обмѣнявшись еще нѣсколькими поклонами, вошли въ ворота.

Увѣрившись, что желаніе его исполнено, дѣдушка отошелъ отъ окна и вошелъ въ залу, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ принять тамъ ожидаемаго гостя. Сначала онъ сѣлъ на кресло, но, повидимому, ему было тамъ неловко, такъ какъ онъ перешелъ на диванъ, съ него на стулъ и, посидѣвъ на немъ около трехъ секундъ, снова вернулся въ комнату, гдѣ были открыты окна. Во время этихъ эволюцій самый неопытный наблюдатель могъ бы легко замѣтить, что у румянаго, круглаго и безпокойнаго старичка были очень короткія ноги, и что янтарный наконечникъ вишневаго чубука былъ несравненно выше отъ земли, нежели лысая голова и вышитая шапочка подвижного курильщика.

Дверь залы скрипнула и въ ней показался бѣдный гость съ Вандой, которая, дуя и строя смѣшныя гримасы, перебрасывала съ руки на руку еще горячую трубку. Вошедшій старикъ остановился на порогѣ, робко посмотрѣлъ на окружающую его обстановку и неловко поклонился, увидавъ въ боковыхъ дверяхъ край узорчатаго халата и порядочный кусокъ вишневаго чубука.

— Пожалуйте, пожалуйте, благодѣтель, избавитель!— восклицалъ толстый хозяинъ, шлепая по направленію къ своему гостю. —Почтенная госпожа *Четверговa* даже не погасла!—прибавилъ онъ, беря изъ рукъ внучки гигантскую трубку и насаживая ее на чубукъ, который сейчасъ же началъ сосать.

Бѣдный старикъ все болѣе и болѣе конфузился.

— Ага! правда, честь имѣю рекомендоваться. Это я, старый Клѐменсъ Піолуновичъ, а это моя внучка, Ванда Цецилія Піолуновичóвна, — говорилъ дѣдушка, дѣлая удареніе на имени дѣвочки.

— А я Гофъ, Фредерикъ Гофъ,—отвѣчалъ гость.

— Очень пріятно! — увѣрилъ хозяинъ.—Пожалуйста, отдохните. Вандюня, посади пана въ кресло!

И это порученіе было исполнено среди поклоновъ.

— Эй, Янекъ! налей-ка воды въ душъ! Вандюлька, занимай пана. Чистая совѣсть, дорогой панъ Гофъ, души и гимнастика—вотъ первыя условія счастья на землѣ. Прошу извиненія, но я долженъ выйти на минутку, я очень взволнованъ. Моя трубка упала внизъ и даже не погасла. Янекъ, воды! Сказавши это, старикъ убѣжалъ въ свою комнату и заперъ дверь. Въ то же время съ другой стороны туда вошла другая особа, вѣроятно, Янекъ съ ожидаемой водой. Въ залѣ осталась Ванда и гость, неспокойно вертѣвшійся на креслѣ.

— Вы вѣрно не изъ этихъ сторонъ?—начала дѣвочка.

— Нѣтъ, изъ этихъ,—отвѣчалъ гость.

— Что? что?—спросилъ дѣдушка изъ другой комнаты, изъ которой доносились звуки какихъ-то гидро-динамическихъ операцій.

— Панъ говоритъ, что онъ изъ этихъ сторонъ, — отвѣчала внучка, возвышая голосъ на полъ-тона.—Вы далеко живете?—прибавила она.

— Вонъ тамъ на другой сторонѣ улицы, это мѣсто, которое отсюда видно, и на немъ домикъ,—это мое.

— Вонъ тотъ оранжевый?

— Тотъ самый.

— Дѣдушка, панъ живетъ въ томъ оранжевомъ домикѣ, который видѣнъ изъ окна.

— Скажите, пожалуйста! — дивился дѣдушка изъ другой комнаты.

— А тотъ прудъ тоже вашъ?

— Мой.

— И рыбки тамъ есть?

— Право, не знаю!—отвѣчалъ озабоченный гость.

— Что, что, Вандюлька?—спросилъ дѣдушка.

— Панъ говоритъ, дѣдушка, что онъ не знаетъ, есть ли рыбки въ прудѣ.

— Скажи, пожалуйста!—прокричалъ дѣдушка, продолжая свои водяныя упражненія.

Гость сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

— Вамъ скучно у насъ?

— Т.-е. мнѣ нѣтъ времени.

— Дѣдушка, панъ хочетъ уходить!

— Не позволяй же, дитя! я сейчасъ буду готовъ къ вашимъ услугамъ, вотъ и я.

Въ ту же минуту отворились таинственныя двери, и въ нихъ показался дѣдушка, еще болѣе бодрый, чѣмъ прежде.

— Вы въ самомъ дѣлѣ хотите ужъ уходить?

— Мнѣ нужно... то-есть... — отвѣчалъ гость, вставая съ кресла.

— Не можетъ быть, чтобы вы ушли, не узнавши талантовъ моей Ванди. Вандюня, берись за кольца и кувыркайся.

— Дѣдушка!..

Теперь только Гофъ замѣтилъ, что въ другой комнатѣ были придѣланы къ потолку двѣ толстыя веревки, а къ нимъ два большихъ кольца, къ которымъ дѣдушка силой привелъ внучку.

— Ну, Вандюня... разъ! два!.. кувыркайся впередъ.

Дѣвочка покраснѣла, какъ вишня, перекувырнулась впередъ и хотѣла убѣжать, но дѣдушка удержалъ ее новой командой:

— Кувыркайся назадъ... разъ! два!.

— Боже мой! — улыбнулся Гофъ, котораго начала уже интересовать эта оригинальная семья.

— А теперь я! — сказалъ дѣдушка, быстро сбрасывая шапочку и халатъ и хватаясь за кольца. — Вотъ такъ кувыркаются впередъ и назадъ. Разъ, два! разъ, два!

— Боже мой, Боже мой! — восклицалъ развеселившійся гость, смотря на новаго знакомаго, который во время кувырканья дѣлался удивительно похожъ на гигантскій клубокъ разноцвѣтныхъ нитокъ.

— Охъ, здорово!.. — вздохнулъ дѣдушка, тяжело становясь на полъ и отирая потъ со лба. — Кровь, панъ Гофъ, должна согрѣваться и расходиться по всему тѣлу, иначе она сдѣлается слишкомъ густа. Вандюлька! поиграй теперь пану на фортепьяно. Разъ, два! все, что знаешь!

Добрая дѣвочка начала играть, не откладывая ни минуты, а тѣмъ временемъ дѣдушка разспрашивалъ гостя:

— Тотъ оранжевый домикъ вашъ?

— Да, мой.

— А гимнастика у васъ есть?

— Нѣтъ.

— Жалко! а душъ у васъ есть?

— Нѣтъ.

— Жаль! душъ, это — лучшая машина подъ солнцемъ.

Старикъ выпрямился, глаза его блеснули и на лицѣ его выступила краска.

— Лучшей машины еще нѣтъ, но будетъ, да, будетъ!.. Я ужъ двадцать лѣтъ надъ ней работаю...

— Надъ душемъ?—спросилъ удивленный хозяинъ.

— Надъ машиной, которая замѣнитъ локомотивы, мельницы и... все, все!—говоря это, гость дрожалъ.

— Какая же это машина?—спросилъ дѣдушка отступая.

— Простая, самая простая!.. Нѣсколько колесъ и винтовъ... Чѣмъ больше завинчивать, тѣмъ скорѣе она ѣдетъ и больше дѣлаетъ; безъ воды, безъ углей... Это сокровище... это спасеніе человѣчества!

— И вы изобрѣли такую машину?

— Я... да, я! Ахъ, что я выстрадалъ, сколько работалъ прежде, чѣмъ выдумалъ послѣднее колесо безъ оси! Но я уже придумалъ!..

— И машина идетъ?

— Нѣтъ еще, потому что отдѣльныя части не хорошо прилажены и нѣтъ послѣдняго колеса. Но это скоро... еще нѣсколько дней, и я отдамъ людямъ мое изобрѣтеніе. Пусть они пользуются имъ!

— Милостивый государь!—сказалъ дѣдушка, снимая свою шапочку,—я благодарю Бога за то, что онъ привелъ васъ ко мнѣ. Это большое удовольствіе думать, что человѣкъ, который спасъ мою трубку, есть великій изобрѣтатель и работаетъ для общаго блага.

— Теперь именно я хочу идти къ моему колесу,—прервалъ Гофъ.

— Идите, идите!.. и позвольте, чтобы я засвидѣтельствовалъ вамъ почтеніе въ вашемъ собственномъ домѣ. Можетъ быть, также я и мои друзья поможемъ вамъ въ вашихъ замыслахъ.

Бѣдный гость былъ глубоко тронутъ и, взявъ за руку добраго дѣдушку, отвѣчалъ со слезами.

— Пусть Богъ благословитъ васъ за ваши обѣщанія. Теперь я не хочу ничего, кромѣ добраго слова. Люди зовутъ меня съумасшедшимъ... Но, когда я кончу мою машину, окажите мнѣ протекцію... Вѣдь это не для меня, я ужъ стою у гроба!

И, сильно потрясши руку хозяина, онъ прибавилъ:

— Я долженъ идти къ колесу.

— Вандюля!—закричалъ дѣдушка: играющей внучкѣ—довольно. Простись съ паномъ. Панъ Гофъ—великій изобрѣтатель. Онъ идетъ къ колесу.

Съ этими словами и съ знакомъ величайшаго почтенія онъ проводилъ своего гостя до дверей, и тотъ съ лихорадочной поспѣшностью ушелъ изъ дому, не оглядываясь и не отвѣчая на многочисленные поклоны.

Но добрый дѣдушка не обращалъ вниманія на подобныя мелочи, потому что въ эту минуту его обычный энтузіазмъ дошелъ до высшей степени.

— Сокровище! я нашелъ сокровище, это также вѣрно, какъ то, что я жажду спасенія души!.. Изобрѣтатель удивительной машины, благодѣтель свѣта у меня въ домѣ! Ого! задамъ я имъ перцу въ собраніи!

Mein lieber Augustin
Трубочку все курилъ!
Тра ла ла! Тра ла ла!

Распѣвая такимъ образомъ, дѣдушка подобралъ полы халата и танцовалъ по залѣ то одинъ, то съ внучкой, которая привыкла къ подобнымъ порывамъ и вторила дудушкѣ серебристымъ голоскомъ:

Mein lieber Augustin...

Скоро этотъ дуэтъ превратился въ тріо и квартетъ, такъ какъ канарейка, какъ бы завидуя пѣнью дѣвочки, начала свистать во все горло, и въ то же время ворвалась въ залу молодая, но очень толстая собака, которая увеличила всеобщее веселье громкимъ лаемъ и самыми неуклюжими прыжками.

ГЛАВА II,

ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ ДАМЪ, СКУЧАЮЩИХЪ ОТЪ НЕДОСТАТКА ЗАНЯТІЙ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда Фредерикъ Гофъ вводилъ въ свой домъ молодую жену, все тамъ было иначе. Правда, на улицѣ такъ же, какъ и теперь, весной была грязь, а лѣтомъ пыль, но въ саду зеленѣли деревья и овощи, въ стойлѣ мычали коровы, въ пруду плавали утки и гуси, а въ одной половинѣ дома отъ восхода до захода солнца раздавался стукъ молотовъ, визгъ пилъ и рубанокъ. Теперь высохшій прудъ превращается въ лужу, отъ веселаго сада осталась пустая земля и на ней нѣсколько глохнущихъ деревьевъ. Строенья исчезли, въ мастерской уже много лѣтъ не отпирали гнилыхъ ставней и дверей, а домъ пошатнулся и вросъ въ землю, которая пожираетъ не однихъ людей.

На этомъ печальномъ памятникѣ безвозвратно погибшаго счастья каждая рама имѣла свою исторію. Трубу два года назадъ разрушила гроза; верхушка крыши изогнулась въ дугу подъ сугробами послѣдняго снѣга, а бока сломались подъ ногами без-

путнаго мальчика, который ловилъ тамъ воробьевъ. Неизвѣстный преступникъ вынулъ желѣзные крюки изъ гнилыхъ ставней; штукатурку по срединѣ стѣны сбилъ головой какой-то пьяница, тотъ самый, который изъ мести выбилъ потомъ оконныя стекла, замѣненныя теперь досками. Наконецъ, вслѣдствіе того, что почва со стороны сада была мягче, домъ пошатнулся назадъ, покривился и имѣлъ такой видъ, какъ-будто онъ намѣревался съ великой силой перескочить на другую сторону немощеной улицы. Болѣе попорченная и вслѣдствіе этого запертая половина дома отдѣлялась отъ жилыхъ комнатъ сѣнями. Этихъ комнатъ было двѣ одна за другой; каждая освѣщалась двумя окнами, однимъ со двора и другимъ съ улицы. Въ первой была печка, старый шкафъ, кровать за ширмами, столикъ, пара стульевъ, скамейка и швейная машина. Въ другой комнатѣ стояла постель, сундукъ, хромой столъ и столикъ, множество металлическихъ и деревянныхъ вещицъ загадочной формы, токарня и станокъ, на которомъ Гофъ уже двадцать лѣтъ тщетно строилъ свою машину, и, наконецъ, старые стѣнные часы, медленно выстукивающіе свое такъ-токъ, такъ-токъ.

Въ день, когда начинается нашъ разсказъ, около шести часовъ вечера, три человѣка сидѣло въ первой комнатѣ описаннаго дома Гофъ, его дочь Констанція и ея маленькая дочка Гелюня. Мать и дочь были поразительно похожи другъ на друга: тѣ же самые бѣлокурые волосы, тѣ же большіе, сѣрые, глубокіе глаза, тѣ же усталыя больныя лица и, наконецъ, то же изношенное черное платье, которое мать носила нѣсколько лѣтъ, а дитя никогда не смѣняло. Изъ троихъ присутствующихъ больная женщина что-то шила руками, больной ребенокъ, сидя у открытаго окна, игралъ съ какимъ-то брошеннымъ колесомъ машины, а старикъ монотоннымъ голосомъ читалъ библію:

— «Былъ мужъ въ землѣ Узъ именемъ Іовъ, мужъ праведный, искренній, боящійся Бога и удаляющійся отъ зла».

Старикъ умолкъ и посмотрѣлъ въ окно. Вокругъ лужи колебался зеленый тростникъ, сухія вѣтки мертвыхъ деревьевъ дрожали подъ дыханіемъ вѣтра, а тамъ на небѣ медленно двигались продолговатыя облака. Гофъ читалъ дальше:

« И родилось у него семь сыновей и три дочери».

На пустой дворъ слетѣло неизвѣстно откуда нѣсколько воробьевъ, искавшихъ зеренъ между камнями и кричавшихъ: чирикъ! чирикъ!.. на что жабы изъ лужи отвѣчали имъ своимъ крикомъ, и къ этимъ голосамъ присоединилось издали доносившееся кудахтанье курицы, которая сзывала своихъ цыплятъ.

«И сходились сыновья его и устраивали пиры, каждый въ домѣ своемъ въ свой день; и посылали, и звали трехъ сестеръ своихъ, чтобы ѣли и пили съ ними».

Гофъ отодвинулъ книгу, опустилъ голову на руки и пробормоталъ:

— У меня нѣтъ ужъ больше сыновей, а моя дочь... голодная!

— Отецъ!—шепнула худая женщина, тревожно смотря на печальное лицо отца.

— Дочь и ребенокъ, оба больные и голодные. И откуда мнѣ взять? Ахъ, горе бѣднымъ.

Такъ-токъ,—безсмысленно стучали часы въ другой комнатѣ.

Женщина опустила руки.

— Гораздо лучше быть воробьемъ,—бормоталъ старикъ.— Воробей улетаетъ съ пустого сора, а человѣкъ отъ своихъ несчастій не уйдетъ... нѣтъ! воробьи весь день чирикаютъ, а мои дѣти кашляютъ. Ужъ не знаю, что и дѣлать!..

— Папочка, отецъ! не надо такъ говорить. Къ чему себя мучить?—умоляла дочь. Старикъ махнулъ рукой.

— Что-жъ дѣлать, когда дурныя мысли сами приходятъ въ голову!

— Подумай о чемъ-нибудь другомъ. День такой славный, солнце такъ грѣетъ...

— А наша печка ужъ давно холодная, и на завтра ничего нѣтъ.

— Еще есть рубль. Поиграй съ Гелькой, папа.

— Боже мой, Гелюня больна!—вздохнулъ Гофъ.

— А ляля, ляля!—закричалъ ребенокъ, протягивая ручки къ окну.

— Что она говоритъ?—воскликнулъ Гофъ со смѣхомъ.— Какая тамъ ляля?

— Это не ляля, Гелюня, это коза,—отозвалась мать.

Лицо старика прояснилось; онъ перешелъ со стула на скамейку и взялъ ребенка на руки, говоря:

— Ты такъ зови, Гелюня: коза, коза, бе!

— Козя,—повторилъ ребенокъ, хлопая въ ладоши.

— Коза... бе, бе!—восклицалъ старикъ.

— Бе,—отвѣчала коза.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Гофъ и снова заблеялъ. Коза снова отвѣтила.

— Поблагодари, Гелюня, козу за то, что она отвѣчаетъ,— вставила мать.

— Дя, козя, дя!—благодарила Гелюня, прыгая на рукахъ восхищеннаго дѣдушки.

Коза помахала хвостомъ, раза два кивнула бородой и ушла, а на ея мѣсто прилетѣла стая воробьевъ.

— Скажи, Гелюня: воробьи,—учила мать.

— Биби!—повторила дѣвочка.

Дѣдушка весь трясся отъ смѣха; съ его лица и сердца уже улетѣла грусть.

— Что это за ребенокъ! что это за ребенокъ,—удивлялся дѣдушка.

— Попроси, Гелюня, дѣдушку, чтобы онъ отдалъ мамѣ челнокъ,—вставила мать.

— Какой челнокъ?—спросилъ старикъ.

— Отъ моей машины, тотъ, который ты хотѣлъ поправить.

— Поправить? ну, такъ я поправлю.

— Папочка, лучше пусть его слесарь поправитъ,—умоляла дочь.

Старикъ нахмурился.

— Ты думаешь, я не съумѣю?

— Но вѣдь...

— Ты думаешь,—продолжалъ онъ, горячась,—что сумасшедшій старикъ ужъ ничего больше не съумѣетъ сдѣлать кромѣ того, чтобы кропать надъ своей, какъ вы говорите, глупой машиной?

— Развѣ я такъ когда-нибудь говорила?

— Бубу!—воскликнулъ ребенокъ.

Лицо старика снова просвѣтлѣло и, видя это, мать сказала:

— Гелюня, попроси дѣдушку: дай, дѣда, дай!..

— Дя, дѣдя, дя,—повторила Гелюня.

— Ха, ха, ха!—смѣялся старикъ, утирая слезы,—ужъ отдамъ, ужъ отдамъ, коли дя!

Въ глазахъ бѣдной женщины блеснула радость. Можетъ быть, она подумала, что поправленная машина возвратитъ здоровье ея ребенку и хлѣбъ всѣмъ остальнымъ.

— Гдѣ же челнокъ, папочка?

— Сейчасъ принесу,—отвѣчалъ Гофъ и, посадивъ дитя на скамейку, пошелъ въ другую комнату.

— Сегодня Господь Богъ милостивъ къ намъ,—шепнула женщина.

Черезъ минуту старикъ вернулся и сказалъ, отдавая челнокъ:

— Ты права, Костуня, это не для меня работа. Я хочу приняться за свою машину, а когда кончу ее...

На лицѣ дочери появилось выраженіе безпокойнаго ожиданія, старикъ замѣтилъ это и продолжалъ:

— Ты думаешь опять, что я брежу? Но не бойся: меня ужъ это не раздражаетъ и мнѣ даже все равно. Одно доброе слово вознаграждаетъ за все, а доброе слово сказали мнѣ тамъ, видишь ли тамъ, во дворцѣ. Теперь говорите себѣ, что́ хотите. —Онъ началъ ходить по комнатѣ.

— Онъ обѣщалъ придти ко мнѣ и оказать мнѣ протекцію, только бы я кончилъ. А я кончу, кончу...

— Если бы онъ только пришелъ,—шепнула дочь.

— Кончу,—продолжалъ Гофъ,—и скажу ему такъ: я имѣю нѣчто сообщить вамъ. Мы, какъ видите, очень бѣдны...

Говоря это, онъ поклонился.

— Злые люди хотятъ оттягать у насъ этотъ дворъ и домъ. Я спасалъ ихъ, покуда силъ хватало, такъ какъ это приданое Гелюни... но теперь вы должны помочь мнѣ!

Онъ говорилъ съ трудомъ, прерывающимся голосомъ, сильно размахивая руками. Глаза его сверкали дико.

— Господа! я жертвую вамъ свою машину, спасеніе человѣчества, милліоны. А вы дайте мнѣ за это... ничего... Не допустите только моихъ сиротъ умереть съ голоду.

Онъ повернулся къ испуганной дочери.

— Ты думаешь, можетъ быть, что меня не будутъ слушать? Что? Ты такъ думаешь? Это глупо! Говорю тебѣ, насъ засыплютъ золотомъ... у насъ будетъ опять домъ, садъ, коровы... Что, ты, можетъ быть, не вѣришь?

— Вѣрю,—отвѣчала дочь тихимъ голосомъ.

— Домъ, садъ, коровы... и каждый день молоко для тебя и для Гелюни... Ты, можетъ быть, не вѣришь?

— Вѣрю,—еще разъ отвѣтила дочь.

— Домъ, садъ... покой и людская любовь... О, покой!..

Такъ-токъ!—флегматично постукивали часы.

Въ эту минуту солнце было прямо противъ окна и бѣдную комнату залили потоки свѣта, въ то же время раздался звонъ съ отдаленной церковной башни.

Старикъ встрепенулся.

— Что это такое?

Теперь Гофъ походилъ на человѣка, размышляющаго надъ непріятнымъ сномъ. Звонъ, сначала тихій, постепенно усиливался и снова ослабѣвалъ, удалялся и снова приближался, какъ будто облеталъ всѣ дворы тихаго квартала и разносилъ повсюду благословенье и покой.

«Ангелъ господень возвѣстилъ Дѣвѣ Маріи»...—шептала колѣнопреклоненная женщина.

— Помолись дочь за себя и за нашу Гелюню, — сказалъ Гофъ, но самъ не сталъ на колѣни, такъ какъ былъ протестантъ.

«Богородица, дѣва, радуйся»...

— И за душу твоей матери и твоихъ братьевъ.

Звонъ усилился.

— И за всѣхъ людей такихъ же бѣдныхъ какъ мы, и за тѣхъ, кто насъ ненавидитъ,—бормоталъ Гофъ.

Казалось, какъ будто колокола застонали.

«И слово стало плотью и жило между нами».

— И за твоего отца, чтобы Богъ сжалился надъ нимъ.

— О, Боже! послѣдняя надежда наша, смилуйся надъ нами, — шепнула дочь.

— Смилуйся надъ нами!—повторилъ старикъ какъ эхо, складывая руки и смотря на небо влажными глазами.

Потомъ онъ подошелъ къ столу и надорваннымъ голосомъ сталъ снова читать библію.

«И случилось однажды, что когда пришли ангелы божіи, чтобы стать передъ Богомъ, пришелъ и сатана съ ними.

«Тогда сказалъ Господь сатанѣ: Откуда ты пришелъ? И отвѣчалъ сатана Богу и сказалъ: Я обошелъ небо и землю.

«И сказалъ Господь сатанѣ: Видѣлъ ли ты раба моего Іова, равнаго которому нѣтъ на землѣ? Онъ мужъ праведный и искренній, боящійся Бога и удаляющійся отъ зла.

«И отвѣчалъ сатана Господу и сказалъ: развѣ Іовъ даромъ чтитъ Господа?

. . . .

«Тогда сказалъ Господь сатанѣ: Все, чтó имѣетъ, отдаю въ руки твои»...

Въ то время, какъ старикъ читалъ это, звонъ умолкъ и настала полная тишина. Птицы улетѣли, молящаяся женщина наклонила голову къ землѣ, а больное дитя широко открыло глаза, какъ бы всматриваясь съ удивленьемъ въ таинственный блескъ того страшнаго величія, которое наполняло комнату бѣдняковъ. И казалось, что вдругъ остановился быстрый потокъ времени и что изъ дали тысячелѣтій долетаетъ эхо печальнаго разговора, законченнаго приговоромъ: «Все, что имѣетъ, отдаю въ руки твои!» Въ эту минуту какая-то тѣнь медленно выдвинулась изъ-за забора одичалаго сада и почти въ ту же минуту скрипнула дверь.

Кто-то вошелъ въ сѣни.

ГЛАВА III.

Сатана въ семьѣ Іова.

Услыхавъ шумъ, Констанція вскочила и машинально поправила складки изношеннаго платья. Гофъ поднялъ голову и на лицѣ его блеснула радость. Между тѣмъ въ сѣняхъ послышался тихій стукъ шаговъ.

— Должно быть, это тотъ господинъ!—шепнула дочь.

— Изъ дворца...—прибавилъ Гофъ.

— Ахъ, Боже мой! отецъ, на тебѣ нѣтъ рубашки...

— Фу!—заворчалъ старикъ и поднялъ воротникъ сюртука.

Въ эту минуту двери комнаты тихо отворились и безпокойно ожидающіе бѣдняки увидали худую и желтую руку, которая протягивалась по направленію къ кружкѣ съ святой водой, которая была прибита къ косяку. Казалось, эта рука хотѣла заслонить имъ изображеніе распятаго Спасителя, послѣднее прибѣжище для нихъ, оставленныхъ свѣтомъ. Въ то же время послышался чей-то тихій, сдержанный голосъ.

— Хвала Іисусу Христу!..

За рукой показалось желтое бритое лицо, синіе очки и темные, коротко остриженные волосы, а наконецъ, и весь тонкій и низкій человѣкъ. Это привидѣніе въ длинномъ сюртукѣ, съ круглой шляпой и тростью въ рукѣ продолжало:

— Миръ дому почтеннаго еретика, который однако боится святой воды. Ха, ха, ха!

— Панъ Вавжинецъ,—пробормоталъ Гофъ, съ безпокойствомъ смотря на дочь.

— Но набожная дочь должна направлять отца на истинный путь,—продолжалъ гость.

— Я забыла налить...—отвѣчала Констанція, складывая руки.

— Забыла налить святой воды,—говорилъ вошедшій,—хотя каждый день повторяю съ псалмопѣвцемъ: Господи, Ты окропишь меня иссопомъ, и я буду очищенъ, омоешь меня, и я буду бѣлѣе снѣга. Хи, хи, хи! Добраго вечера, дорогой панъ Гофъ.

— Низко кланяюсь,—отвѣчалъ старикъ, только теперь вставая со стула.

— Добраго вечера, дорогая пани Голымбѣвская, какъ здоровье ваше и вашей дорогой Гелюни?

— Очень благодарна за память, довольно хорошо. Сдѣлайте одолженіе, садитесь.

Гость не сѣлъ, но продолжалъ говорить, стоя посреди комнаты, опершись на свою трость:

— Если довольно хорошо, то это истинное доказательство помощи Божіей... Какой холодный воздухъ! кажется, даже дыханье превращается въ паръ. Такъ кровохарканье больше не повторялось?

— Что? кровохарканье?.. какое кровохарканье?—воскликнулъ Гофъ, ступивши шагъ впередъ.

Худая женщина сжала руки и бросила умоляющій взглядъ на деревянное лицо гостя, который заговорилъ тѣмъ же самымъ спокойнымъ, однообразнымъ голосомъ:

— Какъ? въ самомъ дѣлѣ вы ничего не знаете, дорогой панъ Фредерикъ?.. Боже мой! зачѣмъ я сказалъ!

— У Костуни было кровохарканье? когда? — спрашивалъ Гофъ съ величайшимъ безпокойствомъ.

— Дня четыре тому назадъ,—отвѣчалъ гость,—но это ничего, легкія очистились, надо бы только доктора...

— Дитя мое, недоброе дитя!—шепталъ старикъ, съ горькимъ упрекомъ смотря на дочь, которая оперлась головой объ стѣну и молчала.—О, моя машина!.. чего она мнѣ стоитъ...—прибавилъ онъ.

— А еще такъ далеко до конца,—вставилъ посѣтитель.

— Что мнѣ дѣлать? Гдѣ я возьму?.. Гдѣ я возьму?..—повторялъ Гофъ и началъ быстро ходить по комнатѣ.—Ни гроша нѣтъ и заработать негдѣ!..

— И у дочери тоже нѣтъ работы?—спросилъ гость, стоя посреди комнаты.

— Машина испортилась!—отвѣчалъ Гофъ.—Машина испорчена,—повторилъ онъ нѣсколько разъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? И вы еще ее не поправили?

Гофъ остановился и, смотря мутными глазами въ уголъ комнаты, сталъ повторять:

— Не поправилъ... не поправилъ!..

— Въ самомъ дѣлѣ?—удивился гость,—такая простая вещь!

— А?

— Конечно! раза два провести напилкомъ и все. Все бы было у васъ рубля два.

Гофъ началъ порывисто искать чего-то въ карманахъ, вдругъ ударилъ себя по лбу и, обратившись къ дочери, сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Отдай челнокъ!

— Папа!—простонала Констанція.

— Слышишь? отдай челнокъ!

Желтый старикъ слегка дотронулся до его плеча.

— Панъ Гофъ, одно слово. Мнѣ пришло въ голову, что лучше бы отдать это слесарю. Здѣсь нуженъ очень тонкій напилокъ.

— У меня есть такой.

— Нѣтъ, здѣсь нужно еще тоньше.

— Я сейчасъ куплю.

— Жаль денегъ...

— Слесарь возьметъ больше. Дай челнокъ!..

— Отецъ, успокойся!—умоляла дочь, вставши со скамейки и подойдя къ старику.

— Пожалуйста, — обратилась она къ гостю, — успокойте отца... Гелюня!..

— Вы видите, что я его успокоиваю,—отвѣчалъ гость, дѣлая сомнѣвающуюся мину за плечами Гофа.

— Отдай челнокъ!—заревѣлъ Гофъ съ бѣшенствомъ, смотря на дочь.

— Панъ Гофъ, дорогой панъ Гофъ!—говорилъ гость, хватая его за плечи.—Къ чему же челнокъ, если нѣтъ напилка?

— Я сейчасъ куплю напилокъ. Давай!—крикнулъ онъ, топнувъ ногой.

— Отецъ!—умоляла дочь, протягивая къ нему руки,—въ домѣ послѣдній рубль, неужели ты хочешь, чтобы завтра не было для Гелюни даже куска хлѣба?

— Я этого хочу!.. — закричалъ несчастный безумецъ. — Я!.. Это ты этого хочешь, ты ее губишь... ты... злая мать и злая дочь...

— Успокойтесь, дорогой панъ Гофъ,—вставилъ гость.

Глаза Констанціи сверкнули.

— Это я оттого злая мать и дурная дочь, что не хочу бросать деньги за окно?

— Успокойтесь, дорогая пани Голымбёвская, — уговаривалъ гость.

Гофъ схватилъ ее за руку и, смотря ей въ глаза, спросилъ глухимъ голосомъ:

— Отдашь или нѣтъ?

— Не отдамъ!—отвѣчала она твердо.

Старикъ сжалъ ей пальцы.

— Не отдамъ!—крикнула она, рыдая.—Пусти меня, отецъ!

— Не пущу!..

— На!—сказала она, доставая челнокъ изъ кармана,—съѣшь насъ всѣхъ!..

Старикъ схватилъ челнокъ и прибавилъ:—Гдѣ деньги?

Минуту спустя послѣдній рубль былъ тоже въ его рукахъ. Взявъ, что хотѣлъ, Гофъ бросился къ двери.

— Панъ Фредерикъ, а шапка?—закричалъ гость.

Шапка висѣла на гвоздѣ. Гофъ надѣлъ ее на голову и сѣлъ на стулъ.

— А! злая дочь!—пробормоталъ онъ, дико смотря на женщину; потомъ вскочилъ и быстро выбѣжалъ на улицу. Констанція, казалось, не обращала на это вниманія, занятая утѣшеніемъ ребенка.

По уходѣ старика гость нѣсколько расшевелился, смотрѣлъ въ окно, прислушивался къ чему-то у дверей и, наконецъ, сказалъ, сѣвши у стола на стулѣ:

— Странный характеръ! иногда онъ спокоенъ какъ камень, а сегодня такъ вышелъ изъ себя. Удивительный человѣкъ!

И онъ началъ грызть ногти.

— О, Боже! за что Ты насъ такъ наказываешь?—говорила, рыдая, бѣдная женщина.

— Не такъ, не такъ, дорогая пани Голымбёвская; надо говорить: о, Боже! да будетъ воля Твоя! Я слишкомъ заслужила горе и нужду. Всѣ мы грѣшны, пани Голымбёвская.

— Есть ли люди несчастнѣе насъ?

— Хорошо, говоритъ Ѳома Кемпійскій, что мы испытываемъ иногда горе и нужду. Развѣ одни мы только страдаемъ?.. Напримѣръ, этотъ добрый Ендрусь...

— Что?—крикнула Констанція, всматриваясь въ гостя. Слезы ея высохли.

Гость спокойно вынулъ круглую табакерку, раза два перевернулъ ее, стукнулъ по крышкѣ и прибавилъ:

— Бѣдный малый! Мало того, что онъ боленъ, голоденъ и неспокоенъ, но еще долженъ скрываться отъ людской жестокости.

— Такъ его выпустили?—спросила Констанція, отодвигая отъ себя ребенка.

Гость флегматично понюхалъ табаку.

— Хуже, дорогая пани Голымбёвская, хуже: онъ самъ убѣжалъ...

Губы Констанціи поблѣднѣли.

— Добрые люди ищутъ его, какъ евангельская женщина потерянный динарій, а онъ, бѣдняга, въ это время ночуетъ надъ Вислой, дни проводитъ въ землянкахъ, а что ѣстъ, ужъ и не знаю, потому что въ нашей милой Варшавѣ нѣтъ даже акридъ и дикаго меду.

Констанція оперлась плечами объ окно; руки ея опустились, голова склонилась на бокъ.

— Былъ бѣдняга вчера у меня ночью; по правдѣ сказать, немного меня испугалъ и отдалъ вотъ это письмецо къ дорогой пани.

Сказавъ это, гость вынулъ изъ бокового кармана грязное, смятое письмо и положилъ его на столъ. Констанція даже не взглянула.

— Пустой малый! Въ величайшей бѣдѣ занимается пустяками. Посмотрите, какъ онъ адресовалъ письмо:

«Благородной Констанціи изъ дома Гофъ, по первому мужу Голымбёвской, гражданкѣ и помѣщицѣ».

«Дражайшая жена моя»...

— Вамъ дурно, дорогая пани Голымбёвская!—прибавилъ онъ.

— Читайте!—отвѣчала она тихо.

— Правда, это семейные секреты, но кому же и знать ихъ, какъ не опытному другу?

Сказавъ это, онъ открылъ письмо и прочелъ:

«Сердца моего и души моей дражайшая жена Констанція!!!

«Такъ какъ рука Божія избавила меня отъ бѣдствій, то я долженъ удирать въ Америку; если меня другой разъ посадятъ въ дыру, такъ ужъ прощай!!! По этой причинѣ нуждаюсь въ деньгахъ, хотя бы въ десяти рубляхъ, если ты не хочешь, чтобы я повѣсился на сухой вѣткѣ передъ твоимъ окномъ, на твоихъ собственныхъ глазахъ!!!

«Дѣлай, что хочешь: намыль голову твоему старику или продай что-нибудь, хоть украдь, только бы кое-что было на дорогу, а то такая бѣда, что хоть помирай!

«Цѣлую тебя въ мордочку милліонъ разъ и 15 грошей!!! Пусть Гелька хорошенько выростетъ, чтобы, Боже сохрани, не осрамить своего отца!!!

«Любящій васъ мужъ и отецъ, которому въ ловушкѣ стало тѣсно!!!

«Коли ты мнѣ ничего не дашь, такъ я приду къ твоему старому монаху и скажу ему такъ: или дай, или я вытяну у тебя изъ глотки, потому что я твой зять и мужъ твоей дочери, и такъ далѣе!!!»

«Жду!!! помни!!!»

Окончивъ чтеніе, панъ Вавжинецъ пробормоталъ:

— Ловкій малый, что и говорить! Умѣетъ написать; ну, и что же изъ этого выйдетъ?..

Панъ поднялъ свои синіе очки на лицо неподвижно сидящей Констанціи, но, не дождавшись отвѣта, прибавилъ:

— Можно и такъ сдѣлать: ничего не давать, ждать, чтобы самъ пришелъ, а пока дать знать полиціи...

Женщина вздрогнула.

— Торговля! торговля! торговля!—послышался чей-то носовой голосъ на улицѣ. Продаю, покупаю, мѣняю!..

— Надо позвать торговца,—сказала она, вставая со скамейки.

Панъ Вавжинецъ всполошился.

— Къ чему? Я знаю одного благороднаго человѣка, который одолжитъ вамъ подъ росписку.

На улицѣ подъ окномъ прошелъ жидокъ; Констанція застучала ему въ окно.

— Пани Голымбёвская, что это опять?—уговаривалъ ее гость.

Жидъ вошелъ и пытливо осмотрѣлъ комнату.

— Ну, что такое?

— Какая необдуманная женщина! — пробормоталъ Вавжинецъ, прохаживаясь по комнатѣ и грызя ногти.

Констанція опустила руки и молчала.

— Можетъ быть, старое платье?—спросилъ жидокъ.

— Къ чему это!—самъ съ собой разговаривалъ гость.

— Старая обувь, старое бѣлье, старыя бутылки?

— Какъ только человѣкъ пожелаетъ чего-нибудь слишкомъ сильно, сейчасъ становится неспокоенъ,—говоритъ святой Ѳома Кемпійскій.

— Можетъ быть, мебель, постели?

— Матрацы,—отвѣчала Констанція.

Панъ Вавжинецъ кончилъ свой монологъ и присѣлъ къ ребенку.

— Какіе матрацы? гдѣ они?—спрашивалъ жидокъ.

Констанція пошла за ширмы и медленно достала три тюфяка.

— Сколько за это?

— Пятнадцать рублей.

— Стоитъ,—сказалъ торгашъ осматривая вещи,—только не для меня.

— А что дадите?

— Шесть.

— Не продамъ.

— Въ торговлѣ не сердятся... Послѣднее слово?

— Пятнадцать.

— Не могу, не быть мнѣ здоровымъ!..

— Двѣнадцать.

— Дамъ шесть съ половиной—по совѣсти!

— Постыдитесь, господинъ еврей, — вставилъ гость,—такъ торговаться съ бѣдняками!

— А я-то не бѣдный? У меня жена и шестеро дѣтей, и я оставилъ имъ полтинникъ на весь день. Даже луку за эти деньги не достанешь. Даю шесть съ половиной, auf meine munes!

— Одиннадцать,—сказала Констанція.

— Не торгуйтесь же!—уговаривалъ гость.—Эта бѣдная женщина отдала сегодня послѣдній рубль!..

— Ну! ну!—отвѣчалъ жидъ съ улыбкой. Панъ такой жалостливый въ торговлѣ, что мнѣ бы надо было, чтобы ему угодить, купить эти матрацы за три рубля. Я вамъ вотъ что скажу, моя пани: всѣмъ надо жить, я дамъ вамъ шесть рублей съ половиной и... двадцать грошей. Gut?

Констанція молчала.

— Семь рублей, пани, ни гроша больше... Самыми новыми деньгами. Ein, zwei, drei.

— Не могу,—отвѣчала Констанція.

Казалось, что за открытымъ окномъ кто-то стоитъ. Жидъ вынималъ деньги изъ разныхъ кармановъ и, отсчитавши, положилъ ихъ на столъ.

— Ну, пани! Семь рублей ваши, а матрацы мои. Gut?

— Десять!—шепнула женщина.

— Десять? я самъ не знаю, получу ли я семь рублей, я могу потерять, издохни я на этомъ мѣстѣ. Пани видитъ, какія это деньги? Ну, мои матрацы, а?...

— Твои, паршивый жидъ, твои!.. отвѣтилъ хриплый голосъ.

Въ то же время на открытое окно всталъ какой-то оборванецъ, нагнулся впередъ, сбросилъ на землю, сидѣвшую на скамейкѣ Гелюню и схватилъ деньги въ грязный кулакъ.

— Гевалтъ!.. что это?—закричалъ испуганный жидъ, пятясь къ дверямъ.

— Ендрусь! — крикнула женщина, бросаясь къ ребенку,— Боже мой! Гелюня!..

Ребенокъ залился плачемъ.

— Кто-жъ такъ дѣлаетъ?—спросилъ Вавжинецъ, обращаясь къ оборванцу, который, заложивъ руки въ карманы, хохоталъ во все горло.

— Мои деньги! мои семь рублей! — пищалъ жидокъ. — Я пойду въ полицію...

— Нѣтъ тебѣ, собачій сынъ, матрацовъ, что? — спросилъ оборванецъ изъ-за окна.

Констанція положила ребенка на кровать за ширмы и рыдала. Скоро ея плачъ превратился въ страшный кашель.

— Фу! — разсердился панъ Вавжинецъ. — Ну гдѣ это видано, чтобы быть такимъ сворымъ? Ребенокъ расшибся, а у этой бѣдной женщины опять кровохарканье. Боже мой!

— Кровохарканье? а чортъ съ ней! можетъ идти на лоно Авраамово, правда, торгашъ? — говорилъ оборванецъ, равнодушно осматривая свои жертвы.

— Что мнѣ дѣлать? — спрашивалъ жидокъ у пана Вавжинца.

— Брать матрацы и уходить, потому что здѣсь больныя, — отвѣчалъ спрошенный.

Рыданія Констанціи раздирали душу.

Жидъ быстро связалъ тюфяки и ушелъ. Въ сѣняхъ онъ прошелъ мимо возвращающагося Гофа, который, войдя въ комнату, остановился передъ окномъ какъ окаменѣлый.

— Gut morgen, старый трупъ! — крикнулъ оборванецъ.

Гофъ подошелъ къ столу, оперся объ него руками и смотрѣлъ въ лицо говорящаго.

— Что ты такъ вытаращилъ бѣльмы, монахъ? людей что ли не видалъ?..

— Этотъ колодникъ на волѣ? — пробормоталъ старикъ какъ бы самому себѣ.

— Успокойтесь, дорогой панъ Гофъ, — говорилъ Вавжинецъ.

— На волѣ, на волѣ! и пришелъ узнать, когда ты протянешь копыта, старая кляча!..

— Успокойтесь, дорогой панъ Голымбѣвскій! — вставилъ гость.

— Ааа! — простонала Констанція.

Гофъ бросился за ширмы.

— Боже праведный! — воскликнулъ Гофъ, садясь на скамейку и хватаясь руками за голову. — Мои дѣти умираютъ, а у меня нѣтъ ни гроша!..

— Я знаю одного благороднаго человѣка, который одолжитъ подъ росписку, — шепнулъ панъ Вавжинецъ.

— Ну, прощай, старый грибъ. Только я долженъ еще передъ отъѣздомъ убить муху на твоей лысинѣ.

Сказавъ это, негодяй ударилъ рукой по головѣ старика и, минуту спустя, исчезъ между заборами.

Полчаса спустя, оставилъ развалину и панъ Вавжинецъ, унося съ собой росписку на 15 рублей, за которую далъ Гофу пять.

ГЛАВА IV,

въ которой дворецъ выказываетъ большую симпатію къ развалинѣ.

Уважаемый Клеменсъ Піолуновичъ торжественно начиналъ и оканчивалъ вторникъ каждой недѣли. Проснувшись утромъ около шести часовъ, онъ прежде всего благодарилъ Бога за то, что Онъ далъ ему внучку Вандю и за то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ во вторникъ Онъ позволилъ ему выиграть въ лотерею 75,000 рублей. Потомъ онъ шелъ къ своей милой дѣвочкѣ и поздравлялъ ее какъ съ тѣмъ, что она родилась во вторникъ, такъ и съ тѣмъ, что она сдѣлалась его внучкой. Потомъ онъ приказывалъ Янку налить въ души цѣлые два ведра воды, которую изводилъ до послѣдней капли. Потомъ онъ надѣвалъ чистую рубашку, закуривалъ самую большую трубку и забавлялся до самаго вечера. Наконецъ, идя спать, онъ вторично благодарилъ Бога и за внучку, и за выигрышъ, прося Его при этомъ, чтобы (если ужъ такъ непремѣнно должно быть) Онъ отозвалъ его душу на послѣдній судъ въ этотъ, а не въ другой день недѣли, и потомъ помѣстилъ бы ее вмѣстѣ съ трубками и душемъ въ томъ углу неба, который когда-нибудь послѣ долгой и счастливѣйшей жизни займетъ его дорогая Вандюлька, лучшее дитя на землѣ.

Украшеніе вторниковъ составляли научно-общественныя собранія съ горячимъ ужиномъ. Ужины поставлялъ хозяинъ, а собранія организовалъ нѣкій панъ Дамазій, величайшій ораторъ въ девятомъ кварталѣ. Живой старикъ не игралъ особенно выдающейся роли ни въ научныхъ, ни въ общественныхъ спорахъ, прикрываясь наклонностью къ апоплексіи. Однако онъ серьезно слушалъ разсужденія, время отъ времени поднимая брови и внимательно смотрѣлъ, сдѣлалъ ли онъ это въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Впрочемъ, онъ давалъ хорошій чай, хорошее вино и ростбифъ, и льстилъ себя надеждой, что рано или поздно члены собранія позволятъ ему употребить хоть часть своей фортуны на осуществленіе плановъ, которые созрѣвали въ его салонѣ. На этотъ случай румяный старикъ давно сочинилъ рѣчь. По его проекту онъ долженъ былъ встать посреди залы, вынуть изъ кармана одинъ ключъ и сказать присутствующимъ: «Господа, вотъ мой ключъ, а вотъ моя касса, половину того, что въ ней найдете, оставьте для Ванди, остальное возьмите и баста!»

Послѣ этого вступленія мы можемъ уже прямо увѣдомить

читателя, что настоящій вторникъ до девятаго часа ничѣмъ не отличался отъ предъидущихъ. На лѣстницѣ, какъ всегда, горѣла лампа, а въ кухнѣ, какъ всегда, разносился чадъ отъ готовящихся кушаній и слышалось шипѣнье самовара и громкая ссора кухарки съ лакеемъ, кухарки съ горничной, горничной съ лакеемъ и наконецъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Гостиная полна была мужчинъ, изъ которыхъ одни сидѣли на диванѣ у стѣны, другіе на диванѣ въ углу комнаты, третьи на качалкѣ, четвертые на стульяхъ и креслахъ и разговаривали между собой вполголоса. Свѣтло было, какъ днемъ, что нѣкоторые приписывали двумъ лампамъ и восьми стеариновымъ свѣчамъ, панъ Клеменсъ своей внучкѣ, раздающей гостямъ чай, а панъ судья—присутствію пана Дамазія. Хозяинъ обходилъ всѣ группы, спрашивая кого о здоровьѣ, кого о политикѣ, кого о погодѣ. Онъ бросалъ также взглядъ на свою коллекцію трубокъ, цѣловалъ мимоходомъ раскраснѣвшуюся внучку и заглядывалъ время отъ времени въ комнату, гдѣ были гимнастическія приспособленія, съ видомъ человѣка, котораго только важность момента удерживаетъ отъ того, чтобы перекувырнуться два раза впередъ и два раза назадъ.

Между тѣмъ присутствующіе жужжали, какъ пчелы въ ульѣ, аккомпанируя себѣ звономъ чашекъ и окружаясь клубами дыма.

Вдругъ скрипнула входная дверь и посреди гостиной показался нотаріусъ въ сопровожденіи высокаго красиваго блондина. Гулъ въ комнатѣ постепенно утихъ, хозяинъ пошелъ на встрѣчу новымъ гостямъ, а нотаріусъ сказалъ:

— Панъ Густавъ Вольскій, художникъ! Только-что вернулся изъ-за границы и дѣлаетъ первое знакомство съ вами. Я думаю, что онъ хорошо сдѣлалъ.

— Премного обязанъ!—отвѣчалъ хозяинъ.—Вандюня! панъ Вольскій, художникъ; панъ Вольскій, моя внучка Ванда Піолуновичѣвна. Подай, сердце мое, панамъ чаю...

Произошелъ шумъ, двиганье стульями и шарканье ногами, сопровождающіе привѣтствія. Пришелъ новый транспортъ чаю, и все пришло въ обычный порядокъ.

— Кажется, мы уже всѣ собрались,—шепнулъ кто-то.

Панъ Дамазій откашлялся, а панъ судья значительно высморкался.

— Мы могли бы продолжать,—прибавилъ кто-то другой.

— Осмѣлюсь возразить,—сказалъ на это панъ Петръ,—по той собственно причинѣ, что прибылъ новый членъ.

Взгляды присутствующихъ обратились на Вольскаго, который

сидѣлъ, какъ человѣкъ, ожидающій, что на голову его сойдетъ небесная благодать.

— Дамазій! панъ Дамазій!—загудѣли всѣ.

Хозяинъ улыбнулся всему собранію, полагая, что такимъ образомъ онъ безъ труда станетъ на высоту положенія; панъ Дамазій слегка потянулся въ креслѣ, чтó должно было означать настоящаго оратора, и началъ:

— Я того мнѣнія, что уважаемый членъ всего лучше, разностороннѣе и полнѣе ознакомится съ характеромъ нашихъ собраній, прислушавшись къ совѣщаніямъ. Поэтому я предлагаю признать засѣданіе открытымъ и просить нашего уважаемаго хозяина, чтобы онъ соблаговолилъ занять предсѣдательское кресло.

— Осмѣлюсь возражать...—началъ панъ Петръ.

— Пожалуйста, пожалуйста!.. пусть панъ Піолуновичъ будетъ предсѣдателемъ!—послышались голоса.

Уважаемый хозяинъ былъ близокъ къ апоплексіи, однако, опомнившись, онъ сказалъ робкимъ голосомъ:

— А нельзя ли... ходя?

— Отчего-жь нѣтъ?—отозвался нотаріусъ,—мы уважаемъ ваши привычки.

— Осмѣлюсь обратить вниманіе на то, что я не вижу звонка,—прибавилъ панъ Петръ.

— Звонокъ! гдѣ звонокъ?—закричалъ хозяинъ.—Вандюня! Вандèчка!.. гдѣ звонокъ, сердце мое?..

Дѣвочка вся вспыхнула.

— Что-жъ это? онъ испорченъ? потерянъ?—говори сейчасъ.

— Дѣдушка... я отдала его той больной дамѣ съ верху... у которой обѣды...

— Наказаніе Божіе!—сердился дѣдушка.

— Пока можно ударять ложкой въ чашку,—предложилъ нотаріусъ и все уладилъ.

Засѣданіе было открыто.

— Не пожелаетъ ли уважаемый предсѣдатель въ нѣсколькихъ словахъ представить пану Вольскому выводы нашихъ совѣщаній?—спросилъ Дамазій.

— Гм!.. насколько я помню, мы говорили что-то объ необходимости гимнастики?...

— Осмѣлюсь замѣтить, что на послѣднемъ засѣданіи мы говорили о постройкѣ дешевыхъ квартиръ для бѣдныхъ,—прервалъ панъ Петръ.

Піолуновичъ посинѣлъ.

— И объ обезпеченіи ихъ существованія!—прибавилъ панъ Дамазій.

— О способахъ поднять ремесла,—прибавилъ кто-то другой.

— Клянусь честью!—шепнулъ нотаріусу сіяющій Вольскій,—я никогда не думалъ, что въ нашихъ кружкахъ занимаются подобными вопросами.

— И ихъ осуществленіемъ!—шепнулъ Дамазій.

Вольскій и Дамазій протянули другъ другу руки, воодушевленные одинаковымъ вдохновеніемъ. Они поняли другъ друга.

— Я напоминаю вамъ, господа, что на сегодняшнемъ засѣданіи я долженъ былъ прочесть мой мемуаръ о пауперизмѣ,—произносилъ въ эту минуту панъ Зенонъ, человѣкъ, несомнѣнно обладающій глубочайшими познаніями и высочайшимъ лбомъ въ Европѣ.

— Вы правы!—сказалъ Дамазій.—Мы слушаемъ.

Вольскій смотрѣлъ на собравшихся съ невыразимымъ восторгомъ.

Между тѣмъ панъ Зенонъ развернулъ какую-то бумагу и прочелъ:

«Мемуаръ о пауперизмѣ».

«Не касаясь вопроса, вѣрно ли то, что наши прародители вели въ началѣ райскую жизнь»...

— Прошу голоса!

— Панъ Петръ имѣетъ голосъ!—сказалъ Дамазій, очевидно чувствуя позывъ замѣнить предсѣдателя.

— Осмѣлюсь замѣтить, что, принимая во вниманіе низкую степень просвѣщенія у насъ, слѣдуетъ осторожно трактовать догматическіе вопросы. Мы слушаемъ.

Панъ Зенонъ продолжалъ:

«Мы должны однако замѣтить, что во всей, такъ сказать, ткани исторіи видна черная нить горя и бѣдности. Въ Спартѣ невольникъ имѣлъ вдвое меньше пищи, нежели свободный человѣкъ, при Людовикѣ XIV десятая часть народа жила милостыней, а въ Кантонѣ и въ наше время тысячи людей живутъ на плотахъ, питаются змѣями и крысами и... мало того, топятъ новорожденныхъ дѣтей.

«Тамъ же множество рабочихъ выпрашиваетъ работу на улицахъ. Въ Остъ-Индіи бѣдняки питаются падалью и червями, а въ Бенгаліи въ концѣ XVIII-го вѣка третья часть населенія умерла съ голоду»...

Здѣсь началось длившееся около трехъ четвертей часа описаніе всякаго рода несчастій, губящихъ человѣческій родъ. При-

сутствующіе сидѣли, какъ на иголкахъ, наконецъ панъ Дамазій прервалъ:

— Прошу голоса!

— Панъ Дамазій имѣетъ голосъ!

— Хотя свѣдѣнія, такъ старательно и добросовѣстно собранныя паномъ Зенономъ, безъ сомнѣнія необыкновенно важны съ теоретической, экономической и, наконецъ, исторической стороны, я допускаю, что для удовлетворенія нашихъ мѣстныхъ, ближе насъ касающихся нуждъ они представляютъ небольшой интересъ. Итакъ, я полагаю, что мы могли бы оставить теперь эту интересную и поучительную фактическую часть и отложить ее до слѣдующаго собранія.

— Итакъ, я долженъ сейчасъ же перейти къ новѣйшимъ временамъ?—спросилъ панъ Зенонъ, стараясь скрыть подъ наружнымъ равнодушіемъ внутреннее неудовольствіе.

— Пожалуйста! пожалуйста!

Піолуновичъ приблизился къ Вольскому и шепнулъ:

— Вы въ самомъ дѣлѣ рисуете?

— Да,—отвѣчалъ, улыбаясь, Вольскій.

— А Вандюню мою вы нарисуете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

— А меня?...

— Конечно!

— Только въ сидячемъ положеніи передъ этимъ самымъ столомъ, на которомъ будетъ звонокъ. Я сейчасъ велю его принести.

Панъ Зенонъ началъ:

«По таблицѣ Оттона Гюбнера въ 1867-мъ году изъ 10,000 жителей въ Бельгіи 2,500 жило милостыней, въ Пруссіи 457, въ Австріи 333, во Франціи 280»...

Здѣсь опять началась длинная, уснащенная цифрами рѣчь, слушая которую присутствующіе могли прійти къ убѣжденію, что на земномъ шарѣ есть только двѣ категоріи людей: нищіе и дающіе милостыню.

— Я полагаю, что и это можно бы отложить до слѣдующаго собранія,—прервалъ панъ Дамазій.

— Отчего же, позвольте? — спросилъ сильно задѣтый панъ Зенонъ.

— Оттого, что, по моему мнѣнію (которое я, однако, не смѣю навязывать уважаемому собранію), эти цифры, хотя онѣ въ высшей степени интересны, не могутъ имѣть непосредственной связи съ предметомъ, который насъ занимаетъ.

— Позвольте! — отвѣчалъ панъ Зенонъ, — я по этимъ цифрамъ могу вывести заключеніе о состояніи нужды у насъ.

— Мы слушаемъ.

— Очень просто. Если, напримѣръ, въ Бельгіи на каждые 10,000 человѣкъ 2,500 живутъ милостыней, то у насъ въ странѣ, несравненно менѣе цивилизованной и богатой, должно быть по крайней мѣрѣ 5,000 нищихъ на 10,000 человѣкъ.

Нотаріусъ подскочилъ на стулѣ.

— Это какъ же?

— А такъ, что въ странѣ менѣе цивилизованной и богатой...

— Хорошо, хорошо! позвольте, однако, васъ спросить, которое изъ двухъ государствъ стоитъ выше по отношенію къ цивилизаціи: Австрія или Бельгія?

— Разумѣется, Бельгія.

— А сколько въ Австріи нищихъ на 10,000 человѣкъ?

— Триста тридцать...

— Несравненно меньше... Въ такомъ случаѣ ваше разсужденіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики!..

Панъ Зенонъ потерялъ послѣднее хладнокровіе.

— Ну, если такъ, — воскликнулъ онъ, — то я долженъ буду отказаться отъ общественныхъ вопросовъ!

Всѣ зашумѣли. Хозяинъ заклиналъ пана Зенона не уходить до ужина. Панъ Дамазій громко возгласилъ, что мемуаръ о пауперизмѣ—самая замѣчательная литературная работа XIX-го вѣка, а панъ Петръ оппонировалъ и пану Зенону, и нотаріусу, и даже Дамазію. Наконецъ среди общаго замѣшательства выработалось постановленіе, въ силу котораго нотаріусъ былъ призванъ къ порядку при звонѣ ложки объ чашку, а пана Зенона упросили отложить чтеніе своего во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго мемуара до слѣдующаго собранія.

Тогда вышелъ на середину предсѣдатель и вмѣстѣ хозяинъ и сказалъ, утирая со лба капли пота:

— Я, я... хотѣлъ тоже сообщить вамъ интересную новость.

— Осмѣлюсь спросить, имѣетъ ли она связь съ цѣлями нашихъ собраній?—прервалъ панъ Петръ и посмотрѣлъ на присутствующихъ какъ человѣкъ, который умѣетъ направлять оппозиціонный мечъ даже противъ высокопоставленныхъ особъ.

— Я хочу разсказать объ одномъ очень интересномъ открытіи.

— Мы слушаемъ! пожалуйста!..

— Послѣ завтра будетъ этому недѣля,—продолжалъ стари-

чекъ:—сижу я себѣ разъ въ своей комнатѣ у окна вотъ съ этой трубкой...

Всѣ взглянули на коллекцію трубокъ.

— Смотрю себѣ на садъ и курю, вдругъ пафъ... трубка моя падаетъ, угадайте, куда?

— На полъ!.. на мостовую!.. въ садъ!.. — отгадывали присутствующіе.

— Нѣтъ! она упала на голову какого-то старичка и не погасла и даже не разбилась!..

Панъ Петръ хотѣлъ возражать по обычаю всякой оппозиціи, но другіе его удержали.

— Ну, думаю себѣ, слова нѣтъ, человѣкъ осторожный! Я зову его къ себѣ, болтали мы, болтали... онъ хочетъ уходить. Куда?—говорю.—Иду къ колесу.—Къ какому колесу?—А къ моей машинѣ.—Къ какой машинѣ?—А къ той, которая замѣнитъ локомотивы, мельницы и... все! Будетъ два винта, два колеса, и чѣмъ больше ее вертѣть, тѣмъ лучше.

Теперь собраніе раздѣлилось на двѣ группы: одни слушали серьезно, другіе недовѣрчиво.

— Кто вы? какъ васъ зовутъ?—Я,—говоритъ,—Фредерикъ Гофъ, у меня земля и домъ съ другой стороны улицы, и я ужъ двадцать лѣтъ работаю надъ моей машиной. Люди зовутъ меня съумасшедшимъ...

— Это важно!—прервалъ панъ Дамазій.

— Всѣхъ великихъ людей называли съумасшедшими,—прибавилъ нотаріусъ и посмотрѣлъ на пана Зенона.

— Осмѣлюсь предостеречь, что это можетъ быть только искусная мистификація,—прибавилъ панъ Петръ.

— Ахъ, ужъ сейчасъ и мистификація!—прервалъ хозяинъ.—Этотъ человѣкъ совсѣмъ не похожъ на мошенника. Ванда! Вандюня!

— Что, дѣдушка?

— Скажи, дитя, какъ тебѣ показался Гофъ?

— Мнѣ кажется, что... что онъ очень бѣденъ, — отвѣчала дѣвочка, краснѣя, какъ ракъ.

— Устами младенца...—сказалъ панъ Дамазій.—Впрочемъ, мошенникъ не потратилъ бы цѣлую жизнь на изобрѣтеніе одной машины.

— А видѣли вы машину?—спросилъ нотаріусъ.—Я боюсь, что это самое обыкновенное perpetuum mobile.

— Нѣтъ, не видалъ еще,—отвѣтилъ Піолуновичъ,—но увижу, потому что онъ пригласилъ меня къ себѣ. Онъ, должно быть,

совсѣмъ кончаетъ ее на этихъ дняхъ, и желаетъ только тогда, только тогда, говорю я, просить нашей протекціи.

Изъ другой части квартиры донесся звонъ посуды и серебра.

— Уважаемый предсѣдатель, я прошу голоса!

— Панъ Дамазій имѣетъ голосъ.

— Я полагаю, что мы могли бы резюмировать совѣщанія нынѣшняго засѣданія?

— Пожалуйста! Мы слушаемъ!—отвѣчали гости, вставая съ мѣстъ, разумѣется, для того, чтобы лучше слышать.

— Итакъ, господа, прежде всего мы просимъ и обязуемъ уважаемаго пана Зенона, чтобы онъ прочелъ намъ въ будущемъ собраніи свой достойный вниманія мемуаръ о пауперизмѣ. Затѣмъ мы познакомились, хотя поверхностно и не вполнѣ, съ новымъ открытіемъ нѣкоего пана Гофа. Что же касается до этого послѣдняго пункта нашихъ совѣщаній, то я осмѣлюсь сдѣлать два предложенія: во-первыхъ, вполнѣ изучить это изобрѣтеніе съ цѣлью убѣдиться, заслуживаетъ ли таковое поддержки; во-вторыхъ, послѣ предварительнаго изученія изобрѣтенія удостовѣриться въ степени состоятельности изобрѣтателя для пожертвованія таковому, разумѣется, если онъ окажется достойнымъ и нуждающимся, денежнаго вспоможенія въ формѣ подарка или ссуды.

— А нельзя ли начать съ этого? — робко спросилъ хозяинъ.

— Господинъ предсѣдатель, вы провинились противъ дисциплины. Уставъ обязуетъ всѣхъ, и съ другой стороны трудно допустить, чтобы человѣкъ, имѣющій землю и домъ, находился въ такомъ исключительно дурномъ положеніи.

— Прежде покончимъ съ изобрѣтателемъ, а потомъ перейдемъ къ человѣку,—дополнилъ панъ Зенонъ.

— Дѣдушка... ужинъ!—сказала Ванда.

Гости двинулись къ двери.

— Позвольте,—прервалъ нотаріусъ,—а кто же пойдетъ къ этому Гофу изучить изобрѣтеніе?

— Надо бы послать спеціалиста,—отвѣтилъ кто-то.

— Панъ Піолуновичъ живетъ ближе всѣхъ, — прибавилъ судья,—и уже знаетъ его.

— А затѣмъ,—сказалъ Дамазій,—просимъ уважаемаго предсѣдателя изучить вопросъ основательно.

Гости вошли въ столовую и усѣлись вокругъ огромнаго стола. Панъ Дамазій что-то вспомнилъ и, обратившись къ нѣкой печальной особѣ, сказалъ:

— Панъ Антоній не разу не поднималъ голоса.

— Я не хочу нарушать всеобщей гармоніи,—отвѣтилъ спрошенный, поднося ко рту громадный кусокъ мяса.

— Ваши взгляды не разъ служили поводомъ къ оживленію совѣщаній.

— Смотря какъ!.. я имѣю обыкновеніе подозрѣвать всѣхъ изобрѣтателей въ сумасшествіи и не вѣрю, чтобы кто бы то ни было могъ избавить свѣтъ отъ нужды.

— Но облегчить, облегчить!..

— Для того, чтобы сдѣлать пріятной жизнь негодяевъ и бездѣльниковъ...

Онъ не докончилъ, такъ какъ былъ очень занятъ ростбифомъ.

— Я предлагаю,—отозвался панъ Зенонъ,—чтобы во время визита уважаемаго предсѣдателя къ его механику, ему сопутствовалъ панъ Антоній. У нашего уважаемаго предсѣдателя слишкомъ доброе сердце.

Эту поправку приняли единогласно.

Въ эту минуту вошла Ванда и тихо попросила о чемъ-то дѣдушку.

— А, возьми, возьми!—отвѣчалъ онъ.

— Панна Ванда, — спросилъ Дамазій, — можно узнать секретъ?

— Видите ли, у этой дамы нѣтъ денегъ на лѣкарство.

— Бѣдная!.. И вы хотите ей дать?

Панъ Петръ предложилъ заняться вопросомъ о бѣдной женщинѣ въ слѣдующемъ засѣданіи, но другіе рѣшили иначе, панъ Дамазье посовѣтовалъ Вандѣ взять поднось и обойти весь столъ и пожертвовалъ самъ три рубля. Скоро поднось наполнился деньгами. Дѣвочка подошла по очереди и къ Густаву.

— Это отъ меня, — сказалъ онъ, кладя серебряную монету, — а это я кладу отъ имени моего дяди, — прибавилъ онъ тихо и положилъ десять рублей.

— Панъ Вольскій, вы вѣрно очень любите своего дядю?— шепнулъ Піолуновичъ.

— Я люблю его, какъ мать!—отвѣчалъ Вольскій.

Ванда, увидавши такую массу денегъ, положенныхъ для ея бѣдной, открыла красныя губки, начала моргать глазами все скорѣе и скорѣе и наконецъ расплакалась и убѣжала. Всѣ встали.

— За здоровье хозяина и его внучки!—воскликнулъ кто-то.

— Ура!—отвѣчали всѣ хоромъ.

— Господа! благодарю васъ отъ всего сердца, — отвѣчалъ вспотѣвшій старикъ: — и вмѣстѣ съ тѣмъ пью за здоровье нашего новаго друга пана Густава и его дяди, который долженъ быть благородный человѣкъ!

— Яблочко отъ яблони не далеко падаетъ!—вставилъ панъ Дамазій.—Каковъ дядя, таковъ и племянникъ. Ура!..

Вольскій поклонился и хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ умолкъ. Онъ сидѣлъ противъ открытаго окна и смотрѣлъ въ темноту. Былъ уже второй часъ ночи и только въ двухъ отдаленныхъ окнахъ былъ еще свѣтъ. Вольскому казалось, что онъ видитъ тѣнь шьющей женщины, а въ другомъ окнѣ—тѣнь мужчины, наклоненнаго надъ какимъ-то станкомъ. Онъ былъ подъ впечатлѣніемъ какого-то страннаго, непріятнаго чувства,—почему! онъ не зналъ, какъ не подозрѣвалъ того, что одна изъ тѣней принадлежала Гофу, другая его дочери. Тостъ, провозглашенный въ честь пана Дамазія, отрезвилъ, Густава.

ГЛАВА V,

изъ которой видно, что для облегченія нужды не годится ни доброе сердце, ни больная печень.

Мы не знаемъ, который платокъ примѣривалъ достопочтенный Піолуновичъ, когда въ его домъ вошелъ вѣчно печальный панъ Антоній.

— Здравствуйте! здравствуйте! какъ ваше здоровье? что хорошаго въ городѣ?—спросилъ хозяинъ.

— Сколько мнѣ извѣстно, было пять случаевъ холеры,—пробормоталъ гость, садясь въ кресло и вынимая изъ кармана зубочистку.

Панъ Клѐменсъ чуть не уронилъ платка на землю.

— Пять... холеры?

— Я не ручаюсь за десять,—прибавилъ гость.

— Вѣдь до сихъ поръ мы ничего не слыхали о ней.

— Смотря какъ!.. Я убѣжденъ, что холера постоянно скрывается между людьми, только не всѣ обращаютъ на нее вниманіе.

— Ванда! Вандюня!—закричалъ панъ Клѐменсъ.

— Слышу, дѣдушка!—отвѣчала дѣвочка изъ другой комнаты.

— Вели кухаркѣ сейчасъ же выбросить изъ дому всѣ огурцы.

Между тѣмъ гость спокойно ковырялъ въ зубахъ.

— Жарко на дворѣ!—пробормоталъ панъ Клѐменсъ, видимо желая отогнать черныя мысли.

— Посвѣжѣетъ,—отвѣчалъ панъ Антоній.

— Такъ будетъ дождь?

— Будетъ гроза съ градомъ, а можетъ быть, и ураганъ...

— Ураганъ?..—простоналъ Піолуновичъ, безпокойно смотря на пана Антонія.

— Я замѣтилъ на западѣ очень подозрительное облако! — отвѣтилъ панъ Антоній, равнодушно смотря въ потолокъ.

— Ванда! мы не поѣдемъ въ ботаническій садъ, будетъ гроза,—закричалъ старикъ.

— Хорошо, дѣдушка,—спокойно отвѣчала дѣвочка.

— А нельзя ли отложить на другой день нашъ визитъ къ этому Гофу?—робко спросилъ Піолуновичъ, смотря на небо, которое никогда не было такъ чисто, какъ въ эту минуту.

— Собраніе постановило: сегодня, значитъ, мы должны идти, —отвѣчалъ Антоній, не вынимая изо рта зубочистки.

— А ураганъ?

— Пунктуальность прежде всего.

— Такъ посовѣтуйте мнѣ, по крайней мѣрѣ, какой изъ этихъ платковъ лучше надѣть.

— Никакого.

— Отчего?

— Оттого что вы слишкомъ наклонны къ апоплексіи.

Услыхавъ это, Піолуновичъ сдѣлалъ такой жестъ, какъ будто хотѣлъ перекреститься, потомъ онъ быстро спряталъ платки въ комодъ, безъ сомнѣнія боясь даже самаго ихъ вида, и, наконецъ, натянулъ на спину полотняное пальто, надѣлъ панамскую шляпу и сказалъ:—Идемъ!..

Панъ Антоній флегматично положилъ въ карманъ жилета зубочистку и, минуту спустя, оба были на улицѣ.

— Гдѣ же живетъ этотъ маньякъ? — спросилъ печальный спутникъ, который съ необыкновенной важностью смотрѣлъ на небо, какъ бы ища тамъ упомянутаго подозрительнаго облака.

— Недалеко!.. Мы минуемъ эту улицу, потомъ пойдемъ налѣво, потомъ опять на лѣво... вонъ къ тому оранжевому домику.

— Гм!.. удивительный бѣднякъ, у котораго есть домъ. Я знаю ростовщиковъ, у которыхъ есть свои дома, и они, не смотря на это, побираются.

— Господи, да что вы говорите?

— Я говорю, что на свѣтѣ много негодяевъ, больше ничего.

Піолуновичъ началъ пыхтѣть, его видимо тяготило общество идеальнаго пессимиста. Не смотря на врожденную болтливость, онъ шелъ нѣкоторое время молча, боясь услышать что-нибудь

еще болѣе непріятное. Но такъ какъ солнце пекло, а панъ Антоній шествовалъ посреди улицы, старикъ замѣтилъ:

— Не войти ли намъ въ тѣнь подъ заборы?

— Я не такъ глупъ!—пробормоталъ пессимистъ, — не такъ давно одинъ заборъ упалъ и зашибъ...

— Кого?..

— Двухъ телятъ, которыхъ гнали на убой.

Съ этой минуты панъ Клёменсъ поклялся молчать и держаться какъ можно дальше отъ заборовъ. Такимъ-то образомъ два делегата научно - общественно - филантропическаго общества шли утѣшать несчастныхъ. А солнце пекло немилосердно.

— Должно быть, здѣсь!—сказалъ неожиданно панъ Антоній, останавливаясь передъ домомъ Гофа.

— Что здѣсь?—безсмысленно спросилъ Піолуновичъ.

— Да этотъ маньякъ,—т.-е. я хотѣлъ сказать механикъ.

Эта рѣзкая фраза немного отрезвила пана Клёменса, который сказалъ, подумавъ съ минуту:

— Знаете что, дорогой панъ Антоній, отложимъ этотъ визитъ до другого раза. Я какъ-то не расположенъ, а помочь бы стоило...

— Та, та, та!.. вы все забываете о постановленіи собранія...

— Да, но только...

— Какое *но* и какое *только*!.. Собраніе постановило сегодня изучить изобрѣтеніе, а потомъ заняться человѣкомъ, такъ какъ опытъ научаетъ насъ, что эти мнимые изобрѣтатели бываютъ по большей части мошенники, попрошайки et caetera!.. Нужно хоть разъ поучиться дисциплинѣ, пунктуальности и уваженію постановленій...

Съ этими словами удивительный пессимистъ вошелъ въ сѣни и толкнулъ дверь комнаты. Здѣсь на знакомомъ намъ столѣ у окна стояло зазубренное блюдечко съ солью и чашка съ накрошенными огурцами, которые Гофъ ѣлъ деревянной ложкой, а Констанція оловянной. Больное дитя спало за ширмами.

При видѣ вошедшихъ, отецъ и дочь встали. Констанція покраснѣла, Гофъ не зналъ, что начать. Съ минуту длилось молчаніе, которое прервалъ панъ Антоній, сказавъ:

— Мы пришли сюда осмотрѣть машину, о которой вы говорили уважаемому предсѣдателю.

Сказавъ это сухимъ голосомъ, онъ указалъ на Піолуновича. Сконфуженный Гофъ поклонился такъ, какъ будто хотѣлъ удариться лбомъ о землю.

— Дрянь ѣдятъ, — шепнулъ панъ Клёменсъ, не подумавши

даже о томъ, что рядомъ съ зловѣщими огурцами лежалъ большой сѣрый хлѣбъ.

— Вы можете показать намъ свою машину? — продолжалъ панъ Антоній.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... сдѣлайте одолженіе... пожалуйста... — отвѣчалъ Гофъ, топчась на мѣстѣ и указывая пришедшимъ на дверь въ другую комнату.

Делегаты вошли туда.

— Богъ ихъ посылаетъ,—шепнулъ старикъ.

Дочь поцѣловала его руку и слегка толкнула его впередъ. Потомъ пошла за ширмы и приложила ухо къ стѣнѣ, чтобы не потерять ни слова изъ разговора.

— Вы узнаете меня?—спросилъ старика Піолуновичъ.

— Еще бы! — отвѣчалъ бѣднякъ. — Я дни и ночи думалъ о вельможномъ панѣ.

— Панъ предсѣдатель желаетъ осмотрѣть машину,—прервалъ неумолимый панъ Антоній тономъ чиновника.

— Ахъ, да, да! вотъ она...—говорилъ Гофъ, поднимая дрожащими руками тяжелый инструментъ странной формы, состоящій изъ мѣдныхъ колесъ и желѣзныхъ рычаговъ.

— Для чего-жъ это служитъ?—допрашивалъ пессимистъ.

— Для всего... двадцать лѣтъ...

— Она дѣйствуетъ?..

— Нѣтъ еще, потому что...

— Какой же тутъ принципъ? Чѣмъ она приводится въ движеніе или скорѣе... что ее будетъ приводить въ движеніе! — снова прервалъ панъ Антоній.

— Сейчасъ я объясню все вельможнымъ панамъ, только я долженъ буду...

Съ этими словами старикъ началъ искать на своемъ станкѣ какого-то инструмента, онъ бралъ въ руки разныя долота, щипчики и рубанки, но, очевидно, ему не удавалось найти требуемое, онъ клалъ ихъ на станокъ и снова съ лихорадочной поспѣшностью начиналъ искать.

Въ это время панъ Антоній барабанилъ пальцами по краю станка, а Піолуновичъ тоже не обращалъ вниманія на затрудненіе бѣднаго Гофа, такъ какъ думалъ о холерѣ и съ безпокойствомъ поглядывалъ на небо.

— Можетъ быть, вы объясните намъ устно, какъ дѣйствуетъ ваша машина?—обратился панъ Антоній къ Гофу съ оттѣнкомъ скуки и нетерпѣнія въ голосѣ.

— Видите ли, вотъ какъ... надо повернуть этотъ винтъ, онъ

надавить на этотъ рычагъ... рычагъ придавитъ это колесо совсѣмъ такъ, какъ вѣсы...

— Что же дальше?

— Дальше?.. машина будетъ идти.

— Не будетъ идти,—очень настойчиво прервалъ панъ Антоній, потому что здѣсь нѣтъ механической силы.

— Будетъ, вельможный панъ,—отвѣчалъ Гофъ.

— Я не вижу произведенія пространства и силы...

— Воздушное колесо,—ввернулъ Гофъ.

— Вздоръ!..

— Этотъ винтъ и этотъ рычагъ...

— Игрушки,—отвѣчалъ безжалостный пессимистъ.

Старикъ посмотрѣлъ долгимъ взглядомъ въ глаза оппонента, потомъ опустилъ голову и умолкъ. Панъ Антоній снова принялся барабанить пальцами по станку и началъ смотрѣть на дворъ, куда съ начала разговора смотрѣлъ Піолуновичъ, не понимая ни колесъ, ни винтовъ, ни произведенія силы и пространства. Старикъ печально смотрѣлъ на своихъ гостей и молчалъ.

— Такъ ничего?

Гофъ молчалъ.

— Пойдемте отсюда!

Піолуновичъ очнулся отъ своихъ печальныхъ размышленій о холерѣ и ураганѣ и сказалъ, протянувъ руку Гофу;

— Въ другой разъ мы поговоримъ хорошенько... Моя трубка въ отличномъ видѣ. До свиданья!

Паны вышли.

Дорогой доброе сердце пана Клеменса начало немного безпокоиться.

— Панъ Антоній, мнѣ кажется, что у нихъ страшная бѣдность.

— Скупость и неряшливость обыкновенныя черты нашихъ мѣщанъ,—отвѣчалъ Антоній.

— Не вернуться ли?—сказалъ Піолуновичъ, останавливаясь.

Панъ Антоній пожалъ плечами.

— Хорошо вы исполняете постановленія, господинъ предсѣдатель!

— Но бѣдность, панъ Антоній.

Пессимистъ разсердился.

— Вы думаете, можетъ быть, что мнѣ жаль нѣсколькихъ рублей?

— Съ какой стати!

— Ну, такъ будемъ ждать постановленія собранія. Я въ принципѣ противъ милостыни, которая только деморализуетъ низшіе классы, и изъ принципа исполняю постановленія большинства. Затѣмъ, я ничего не знаю, ничего не хочу слышать и совѣтую вамъ дѣлать то же. Намъ всегда недоставало порядка и пунктуальности.

Эта энергичная аргументація произвела соотвѣтствующее дѣйствіе на пана Клеменса, который выпрямился, какъ солдатъ на часахъ, и мѣрнымъ шагомъ направился къ своему дому. Между тѣмъ въ развалинѣ прежде, чѣмъ гости переступили порогъ сѣней, разыгралась слѣдующая сцена.

— Отецъ,—говорила Констанція, — у насъ ужъ ничего не осталось, можно бы попросить у нихъ.

— Я не смѣю,—отвѣчалъ Гофъ.

— Ну, такъ я попрошу!—сказала женщина твердо и пошла къ двери. Но минутная храбрость оставила ее.

— Не могу,—шепнула она,—а здѣсь больная Гелюня.

— А! трудно... я пойду за ними! — прервалъ старикъ и вышелъ.

Минуты двѣ дочь съ бьющимся сердцемъ ждала результата, наконецъ, она пошла за отцомъ, который стоялъ въ сѣняхъ, опершись о косякъ и смотрѣлъ на улицу.

— Ну что-жъ?—спросила она.

— Одинъ хочетъ вернуться...

— Вернуться!..

— Да. Теперь стоятъ и о чемъ-то говорятъ.

— Что-жъ они говорятъ?

— Ужъ уходятъ!

— Уходятъ,—вздохнула дочь.

Бѣдняки вернулись въ свой домъ; Гофъ началъ осматривать станокъ, Констанція швейную машину. Наступила тишина, среди которой слышно было безпокойное дыханье спящаго ребенка, жужжанье мухи, попавшейся въ сѣть паука, и часы, которые не торопясь, но и не опаздывая отбивали свое такъ-токъ...

ГЛАВА VI,

въ которой разсказъ нѣкоей пани Матеевой оказывается интересными наблюденіями нѣкоего пана Теофраста.

Панъ Теофрастъ Яжджевскій уже семь лѣтъ получалъ пенсію и потому у него было много свободнаго времени, но такъ

какъ онъ ненавидѣлъ праздность, то и придумалъ себѣ два почтенныя и никому не мѣшающія занятія. Первое состояло въ томъ, чтобы свистать и смотрѣть въ окно, другое—въ томъ, чтобы учить свистать своего дрозда и также смотрѣть въ окно. Это смотрѣнье удивительно обогатило бѣдную отъ природы мысль пана Теофраста. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изученія этотъ добрый человѣкъ зналъ всѣхъ извощиковъ, живущихъ на его улицѣ, научился угадывать, когда именно будутъ перекрашиваться сосѣдніе дома и когда будетъ поправляться мостовая, на которую онъ неустанно смотрѣлъ. Но самые интересные матеріалы для наблюденій представлялъ каменный домъ, стоявшій противъ окна пана Теофраста. Каждый день, не исключая праздниковъ и воскресныхъ дней, множество лицъ посѣщало этотъ скромный домикъ, какъ какое-то мѣсто чудесъ. Люди всякаго пола, возраста и положенія бѣжали туда наперерывъ пѣшкомъ, на дрожкахъ и даже въ собственныхъ экипажахъ. Съ высоты своего окна панъ Теофрастъ замѣтилъ, что почти всякій изъ этихъ пилигримовъ входилъ озабоченный въ узкія и грязныя двери дома, почти всякій колебался и думалъ и каждый, разъ вошедши туда, оставался недолго и возвращался въ несравненно лучшемъ настроеніи. Панъ Теофрастъ никого не разспрашивалъ о томъ, чтó приводило этихъ людей, и тайна оставалась невыясненной. Однако, любопытный человѣкъ на мѣстѣ нашего друга могъ бы узнать много интересныхъ вещей. Прежде всего онъ замѣтилъ бы, что съ незапамятныхъ временъ нѣсколько разъ въ недѣлю въ этотъ домъ около девяти часовъ утра входилъ одинъ низенькій, желтый человѣкъ въ синихъ очкахъ и выходилъ оттуда около девяти часовъ вечера. Далѣе онъ замѣтилъ бы, что пилигримы, посѣщающіе этотъ домъ, очень часто приносили бóльшіе или меньшіе узелки и возвращались съ пустыми руками. Наконецъ, онъ замѣтилъ бы, что самымъ частымъ и смѣлымъ посѣтителемъ былъ жидокъ среднихъ лѣтъ съ хитрой физіономіей, который единственный изъ всѣхъ вбѣгалъ въ дверь съ пѣснями и, возвращаясь, считалъ на лѣстницѣ деньги. Если бы этотъ любопытный человѣкъ рѣшился вечеромъ описываемаго дня послѣдовать за жидкомъ, онъ могъ бы увидать то, чтó мы опишемъ ниже. Жидокъ миновалъ входную дверь и вошелъ по старой лѣстницѣ во второй этажъ. Тамъ онъ остановился передъ низкой дверью, съ минуту прислушивался, а потомъ, взявшись за замокъ, очутился въ комнатѣ, гдѣ у рѣшетчатаго окна сидѣла пожилая женщина и вязала чулокъ.

— Добраго вечера, пани Матеева,—началъ жидъ.

Старуха подняла глаза.

— А, панъ Юдка!.. добраго вечера.

— Панъ дома?—прибавилъ вошедшій нѣсколько тише.

— Разумѣется.

— А гости у него какіе?

— У него Гофъ... должно быть, у него здѣсь нечисто дѣло: онъ часто сюда заглядываетъ.

— Ну, ну!—засмѣялся жидокъ.—Сюда и не такіе, какъ онъ, заглядываютъ.

Старуха положила чулокъ на колѣни и отвѣчала:

— Вѣдь ему же это не нужно, у него есть деньги, а если есть, то ему лучше бы было хвалить Бога за печкой и не лѣзть на глаза нашему пану...

— Вы его знаете?—спросилъ Юдка.

— Еще бы не знать! Ужъ вотъ скоро 25 лѣтъ, какъ я у него служила.

— Ну, такъ вы его не знаете: онъ теперь обѣднѣлъ.

— Обѣднѣлъ и приходитъ къ нашему пану? о-го!..

— Ну да, приходитъ, потому что нашъ панъ даетъ деньги, и землю свою продаетъ пану.

— Продаетъ мѣсто нашему пану? судъ Божій!—шепнула старуха какъ бы про себя.

Лицо жида оживилось.

— Что вы такъ удивляетесь?—спросилъ онъ.

— Да!—отвѣчала женщина,—если бы вы знали то, что я.

— Отчего-жъ мнѣ не знать? я много знаю, а чего не знаю, то вы мнѣ доскажите.

Старуха подняла палецъ вверхъ и показала на дверь другой комнаты.

— Разговариваютъ,—шепнулъ жидъ.

— Юдка знаетъ, какъ Гофы обидѣли нашего пана?

— Слыхалъ, только не помню,—отвѣчалъ жидъ съ видомъ человѣка, знающаго обо всемъ.

Матеева наклонилась къ его уху.

— Юдка знаетъ, что я служила у Гофа?

— Ну, ну!..

— Скажу я вамъ, лѣтъ двадцать тому назадъ Гофъ справлялъ крестины. Родилась у него тогда эта... какъ ее тамъ?... Костуся!..

— Я ее знаю, у нея теперь ребенокъ.

— Замужъ вышла?

— За того Голымбёвскаго.

— Господи Іисусе!—шепнула пораженная женщина.—За того, что нашъ панъ посадилъ въ тюрьму.

— Нѣтъ,—онъ ужъ ходитъ по городу.

Эта новость видимо взволновала старуху, которая только спустя нѣсколько минутъ вернулась къ своему разсказу.

— На крестинахъ была тьма гостей, а на дворѣ такой морозъ, что просто стекла лопались!.. Ѣли они, ѣли, а ужъ пили...

— Теперь имъ нечего въ ротъ положить,—прибавилъ Юдка.

— Одинъ разъ,—продолжала старуха,—было часовъ девять вечера, смотрю я, входятъ двое людей съ ребенкомъ на рукахъ. Это былъ нашъ панъ съ сестрой и ея мальчикомъ. Оборванные, замерзшіе, страхъ просто!.. Тогда говоритъ нашъ панъ (какъ теперь его вижу): добрые люди, дайте намъ поѣсть и обогрѣться, не то у меня мальчикъ и сестра умрутъ!.. А пьяные-то гости давай хохотать да ихъ водкой поить вмѣсто того, чтобы имъ дать чего-нибудь поѣсть. И полчаса не прошло, а та голодная женщина бухъ на землю и ни рукой, ни ногой.

— Ай, вай!—воскликнулъ жидъ.

— Жаль мнѣ ихъ стало и повела я ихъ въ хлѣвъ; стащила немного молока и напоила мальчика; женщина-то ужъ не могла пить, а панъ ничего не хотѣлъ въ ротъ брать. На другой день прихожу я утромъ въ хлѣвъ, а они спятъ. Я бужу его, онъ едва на ноги всталъ, будимъ ее, а она ужъ мертвая!..

Жидъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ.

— Кончилось тѣмъ, что пришелъ судъ, похоронили покойницу, а нашъ панъ съ мальчикомъ пошли дальше.

— Ну, а какъ же онъ васъ потомъ нашелъ, пани Матеёва?—спросилъ Юдка.

— Искалъ меня, ну и нашелъ, прости ему, Господи, его прегрѣшенія. Встрѣтились мы черезъ шесть лѣтъ послѣ того. Онъ сейчасъ меня узналъ и къ себѣ взялъ, и сказалъ мнѣ: «Ты дала моему мальчику хлѣвъ на одну ночь, а я дамъ тебѣ уголъ на всю жизнь; ты дала ему ложку молока, а я дамъ тебѣ хлѣба до смерти». Вотъ съ тѣхъ поръ я у него и живу, и было бы мнѣ даже хорошо, — прибавила она тише, — кабы только не слезы людскія.

— Плохо будетъ съ Гофомъ, — сказалъ Юдка и потомъ спросилъ:—А видѣли вы молодого пана?

— Видѣла, только давно, вѣдь онъ все за-границей живетъ.

— Ужъ онъ вернулся, вотъ скоро недѣля будетъ.

— Вернулся?

— И панъ будетъ для него строить дворецъ на землѣ Гофа.

— Ну!—отвѣчала женщина,—малый стóитъ дворца: и добрый, и умный, и красивый.

— Старикъ его очень любитъ; онъ для него всѣ деньги собираетъ, хоть и не говоритъ какъ.

— Что деньги! онъ бы для него далъ себя разрѣзать на кусочки.

Она не кончила: въ эту минуту отворилась дверь изъ другой комнаты и вышелъ Гофъ. Волосы его были въ безпорядкѣ, взглядъ неподвиженъ и страненъ. Онъ быстро прошелъ комнату, комкая шапку въ рукахъ. Когда онъ ушелъ, жидъ и старуха подбѣжали къ окну, чтобы еще разъ взглянуть на него.

— Безъ шапки идетъ!—шепнула Матеёва.

— Здѣсь Юдка?—послышался вдругъ сухой голосъ изъ другой комнаты.

Жидъ вздрогнулъ и отвѣчалъ: «Я здѣсь».

Послѣ чего, согнувшись вдвое, онъ переступилъ порогъ, чтобы стать передъ лицомъ человѣка, который сдѣлался для него еще страшнѣе и могущественнѣе съ той минуты, какъ онъ услыхалъ разсказъ Матеёвой.

ГЛАВА VII.

Паукъ и муха.

Въ комнатѣ, въ которую вошелъ Юдка, не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ прочныхъ шкафовъ, маленькаго столика и пары стульевъ, и что еще удивительнѣе, въ ней никого не было. Не смотря на это, жидъ поклонился стѣнѣ напротивъ двери и ждалъ.

— А что тамъ слышно?—спросилъ вдругъ тотъ самый голосъ, который звалъ.

Онъ исходилъ изъ маленькаго, четыреугольнаго окошечка, помѣщеннаго въ стѣнѣ, и въ окнѣ въ ту же минуту показалось желтое лицо и синіе очки.

— Я принесъ деньги за нефть,—отвѣчалъ Юдка.

— Всѣ?

— Всѣ. Триста пятнадцать рублей.

— Съ трехсотъ рублей шесть рублей, съ пятнадцати рублей два злотыхъ, это Юдкѣ,—бормоталъ голосъ,—а мнѣ слѣдуетъ 308 рублей и 4 злотыхъ. Что еще?

— Лавочница изъ Сольца ужъ умерла,—шепнулъ жидъ.

— Царство небесное! Надо перевести на ея мѣсто Веронику изъ Врублей улицы.

— Послѣ той осталось двое дѣтей.

— Я сказалъ, что нужно перевести Веронику... Лавка не можетъ оставаться пустой. Что еще?

— Изъ процентовъ я принесъ девять рублей и пятнадцать грошей.

— Должно быть пятнадцать рублей.

— Не отдаютъ.

— Юдка будетъ платить... Ну, ну!.. ты пойдешь у меня въ ратушу съ тѣми золотыми часами, что вчера здѣсь оставилъ старикъ. Это краденые часы, надо дать знать.

— Зачѣмъ давать знать?—воскликнулъ испуганный Юдка.— Панъ потеряетъ 50 рублей. Я хочу у пана купить и дамъ 40, и такъ будетъ выгодно...

— Ты пойдешь въ ратушу...

— Какъ можно выпускать изъ рукъ такое дѣло?—проворчалъ жидъ.

— Тѣ, которыя не могутъ противустоять искушеніямъ, упадутъ и будутъ выброшены, говоритъ святой Ѳома Кемпійскій. —Ты пойдешь въ ратушу.

Въ эту минуту постучались въ дверь.

— Юдка, иди къ Матеёвой и жди тамъ: кто-то идетъ.

Минуту спустя на мѣстѣ Юдки стояла какая-то бѣдно одѣтая женщина съ узломъ въ рукахъ.

— Да будетъ благословенъ...

— Во вѣки вѣковъ аминь!—отвѣчалъ человѣкъ изъ окна, набожно наклонилъ голову.—Что вамъ угодно?

— Я пришла просить у вашей милости трехъ рублей,— отвѣчала женщина съ поклономъ.

— Это что за узелокъ?

— Салопъ, ваша милость. Два года тому назадъ мы дали за него одиннадцать рублей и полкварты водки...

— Покажите!

Женщина подошла къ окну, за которымъ скоро исчезъ человѣкъ въ синихъ очкахъ вмѣстѣ съ салопомъ.

— Гм! гм! что и говорить, хорошая вещь... мѣхъ съѣденъ молью, верхъ изношенъ... Что-жъ вы, думаете, что я принимаю въ складъ старыя вещи?

Женщина молчала.

— Я дамъ вамъ два рубля въ мѣсяцъ, черезъ мѣсяцъ про-

лучу 2 рубля и 4 злотыхъ, или продамъ салопъ. Это лохмотья, больше держать нельзя... Согласны?

— Да ужъ хорошо, что-жъ мнѣ дѣлать?

— Имя и фамилію вашу и номеръ дома.

Женщина сказала свой адресъ и ушла, унося съ собой два рубля.

— Юдка!—закричалъ человѣкъ изъ окна.

Вошелъ Юдка.

— Что я хотѣлъ тебѣ сказать,—началъ ростовщикъ.—А! вотъ тебѣ часы и иди сегодня же въ полицію.

— Не надумаетесь?—отвѣчалъ жидъ, держа въ рукахъ хорошенькіе часы.—Ну, я за нихъ 50 рублей дамъ.

— Довольно! Давай деньги.

Начались счеты, послѣ которыхъ ростовщикъ сказалъ:

— Можешь идти. Завтра въ восемь часовъ утра будь здѣсь, меня нѣсколько дней не будетъ... Да скажи тамъ, чтобы ничего не покупать у Гофа, хоть за полъ-цѣны.

Въ эту минуту изъ первой комнаты донеслись голоса.

— Кто тамъ?—закричалъ ростовщикъ.

Дверь отворилась, и вошла женщина въ черномъ платьѣ.

— Иди, Юдка!.. Пани Голымбёвская, мое почтенье.

Констанція упала на стулъ съ усталымъ видомъ.

— Вы, вѣроятно, желаете денегъ?

— Если можно... за мою машину.

— Я не портной, дорогая пани Голымбёвская.

— Она стоила мнѣ 80 рублей, теперь я отдаю ее за 20. У насъ ничего нѣтъ!..

— Землю куплю,—отвѣчалъ ростовщикъ,—но машину...

— Вѣдь вы знаете, что отецъ и слышать не хочетъ объ этомъ.

— Чѣмъ же я виноватъ?—спрашивалъ ростовщикъ, выглядывая изъ своего окна.

— Господи! мы уже третій день ѣдимъ только хлѣбъ съ огурцами.

— Сударыня, и я не больше ѣлъ въ ваши годы.

— Отцу все хуже, онъ почти не приходитъ въ себя.

— И въ этомъ я не виноватъ.

— Гелюня на нашихъ глазахъ таетъ.

— Продайте землю, тогда и на доктора будетъ.

Констанція вскочила со стула.

— У васъ нѣтъ милосердія!—воскликнула она.

— Но деньги на покупку мѣста у меня будутъ.

Глаза ея засверкали.

— Я знаю, что люди ничего вамъ не сдѣлаютъ, но Богъ справедливъ и Онъ накажетъ васъ!

И она вышла.

— Васъ ужъ наказалъ!—прокричалъ растовщикъ въ слѣдъ уходившей и ушелъ въ свое таинственное убѣжище. Черезъ полчаса онъ снова высунулся и позвалъ служанку. Когда она пришла, онъ отдалъ ей приказаніе смотрѣть за дверьми въ его отсутствіе. Она подошла къ окну.

— Что вамъ нужно?—спросилъ ростовщикъ.

— Правда это, что нашъ паничъ вернулся?

— Вернулся, вернулся!—отвѣчалъ ростовщикъ,—и велѣлъ вамъ увеличить пенсію.

— Покорно благодаримъ,—говорила Матеёва, цѣлуя руку ростовщика,—только...

— Что еще?

— Нельзя ли посмотрѣть на панича?.. Ужъ восемь лѣтъ...

— Не теперь. У женщинъ языкъ дпиненъ.

— Ничего не скажу, золотой мой баринъ, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ. Только бы его хоть разъ увидать передъ смертью...

Ростовщикъ помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Иди сюда, старуха!

Онъ открылъ потайную дверь въ свою комнату. Это была большая печальная комната, полная множества шкафовъ, ящиковъ и сундуковъ.

— Смотри сюда!—сказалъ ростовщикъ, указывая на стѣну противъ оконъ.

На этой стѣнѣ висѣлъ прекрасный портретъ красиваго юноши съ голубыми глазами и свѣтлыми кудрявыми волосами. Лицо это, казалось, жило и смѣялось.

— Смотри, старуха, это онъ! самъ себя нарисовалъ. Узнала бы ты его?

— Какъ живой!—отвѣчала женщина, складывая руки.

— Правда, что измѣнился? а? Когда ты увидала его въ первый разъ, онъ былъ бѣднѣе собаки, а теперь... онъ панъ, у него милліоны и будетъ дворецъ... Ему нечего было ѣсть, а теперь онъ кормитъ другихъ людей, да еще какихъ! Измѣнился мой мальчикъ?

Въ эту минуту солнце залило всю комнату точно потокомъ крови. Старуха испугалась и вскрикнула. Ростовщикъ разсердился и вытолкнулъ ее изъ комнаты.

Скоро солнце закатилось и все потонуло въ ночномъ сумракѣ.

ГЛАВА VIII,

изъ которой оказывается, что даже счастливые люди имѣютъ свои заботы.

На другой же день послѣ вторничнаго собранія Вольскій сдѣлалъ Піолуновичу очень торжественный визитъ, во время котораго слегка замѣтилъ, что если «уважаемый панъ» и его внучка ничего не будутъ имѣть противъ, онъ готовъ хоть сейчасъ же приступить къ снятію обѣщанныхъ портретовъ.

— Неужели, дорогой панъ Густавъ, вы помнили о такихъ пустякахъ?—дивился старикъ.

— Я люблю быть точнымъ,—объяснилъ Вольскій.

— Но такъ вдругъ! Вы еще недавно вернулись изъ-за границы, еще не видѣли города...

— Это пустяки!—отвѣчалъ Густавъ,—я привыкъ къ работѣ и, по правдѣ сказать, счелъ бы себя счастливымъ...

Піолуновичъ прервалъ его объятіемъ, Ванда поклономъ, и согласіе было дано. Въ тотъ же день, какъ по мановенію волшебнаго жезла, въ гостиной пана Клеменса появились краски, карандаши, мольберты и полотно, съ полудня пятницы начались сеансы, длившіеся до заката и даже послѣ заката солнца и прерываемые только общими обѣдами, полдниками, прогулками и ужинами. Въ первый день или скорѣе первые два часа, дѣдушка держался такъ серьезно, какъ подобаетъ человѣку, который цѣлый вечеръ былъ предсѣдателемъ научно-филантропическаго общества. Но послѣ обѣда старичекъ уже смягчился. Сначала онъ вспомнилъ, что плачевное состояніе его здоровья требуетъ движенія,—и потому два раза перекувырнулся, затѣмъ рѣшился взять душъ по случаю жаркаго дня; потомъ облекся въ халатъ и вышитую шапочку и, наконецъ, передъ самымъ чаемъ, не снимая халата, показалъ, какъ въ его время танцовали обертасъ, началъ звать Вольскаго «милымъ Гутей» и его вмѣстѣ съ Вандой «дорогими дѣтьми». Словомъ уже въ пятницу всѣ трое познакомились и подружились между собой, такъ какъ оказалось, что какъ Вольскій, такъ и Піолуновичъ, испытали много тяжелаго въ жизни, что какъ у Густава, такъ и у Ванды добрѣйшія сердца и что, наконецъ, всѣ трое умѣютъ быть веселы до безумія. Такъ было до восьми часовъ утра въ понедѣльникъ, когда ужасно озабоченный дѣдушка влетѣлъ, какъ бомба, въ комнату одѣвающейся Ванды.

— Вѣдь этакое горе!—воскликнулъ онъ,—я совсѣмъ забылъ!..

а надо бы было это сдѣлать по крайней мѣрѣ два года тому назадъ!..

— Что случилось съ дѣдушкой?—спросила обезпокоенная Ванда.

— Какъ что?... Такъ ты не знаешь, недобрая дѣвочка, что скоро тебѣ будетъ пятнадцать лѣтъ и что ты сдѣлаешься взрослой барышней?...

— Ахъ, какъ это хорошо!..

— Совсѣмъ не хорошо, потому что я забылъ пріискать тебѣ воспитательницу.

— Зачѣмъ это, дѣдушка? вѣдь мнѣ учителя даютъ уроки.

— Что̀ учителя! Дѣвочка должна воспитываться на глазахъ женщины, а не такъ, какъ волкъ, между одними мужчинами!..

Съ этими словами панъ Клеменсъ выбѣжалъ изъ комнаты Ванды. Онъ повалилъ въ залѣ Азорку, уронилъ кресло и велѣлъ Янку подать себѣ всѣ, какіе были въ домѣ, нумера «Курьера». Когда приказаніе было исполнено, онъ заперся въ своей комнатѣ и читалъ до полудня, а потомъ поѣхалъ въ городъ, откуда вернулся только вечеромъ. Такъ какъ во вторникъ панъ Піолуновичъ опять читалъ съ утра объявленія, а въ полдень снова уѣхалъ, то Густавъ и Ванда уже второй день были одни.

Какъ они проводили время? посмотримъ.

— Панна Ванда!—говорилъ Густавъ,—я ужъ третій разъ прошу васъ, чтобы вы сѣли на кресло и оставались спокойны.

— А я ужъ третій разъ отвѣчаю вамъ, что я не двинусь отъ окна. Мнѣ здѣсь хорошо и баста! какъ говоритъ дѣдушка.

— Прекрасно!.. теперь я именемъ дѣдушки говорю вамъ, чтобы вы, наконецъ, сѣли на кресло, потому что иначе я никогда не кончу портрета.

— Я не слышу, что вы говорите: мнѣ канарейка мѣшаетъ.

— Хорошо вы слушаетесь дѣдушку, нечего сказать.

— Дѣдушку я слушаюсь, а васъ не буду.

— Но, панна Ванда, вѣдь я его теперь замѣняю.

— Но, панъ Густавъ, я не буду васъ слушаться, хоть бы вы были даже моимъ настоящимъ дѣдушкой.

Густавъ началъ быстро укладывать бумагу въ портфель.

— Это что значитъ?—спросила дѣвочка, смотря черезъ плечо.

— Я ухожу!.. вы не хотите позировать...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно!

— Я однако думаю, что вы не уйдете.

— Увѣряю васъ, что уйду,—отвѣчалъ Густавъ очень рѣшительно.

— Увѣряю васъ, что вы останетесь,—отвѣчала Ванда тѣмъ же тономъ.

— Интересно бы знать, отчего?..

— Оттого что я...

— Оттого, что вы такъ хотите?

— Оттого, что я сяду въ кресло.

— Это другое дѣло!—сказалъ Густавъ, подавая руку дѣвочкѣ и церемонно подводя ее къ креслу.—А теперь,—прибавилъ онъ,—прошу васъ именемъ дѣдушки посидѣть нѣсколько минутъ спокойно.

— Куда же мнѣ смотрѣть?

— Куда хотите, хоть бы, напримѣръ, на канарейку.

— Это тоже дѣдушка велѣлъ?

— Нѣтъ, это я васъ прошу.

— Хорошо, теперь я прошу васъ пустить сюда Азорку.

Нѣсколько минутъ было тихо, толстый Азорка вбѣжалъ въ гостиную и помѣстился на колѣняхъ своей госпожи, а Вольскій принялся за эскизъ.

— Знаете что?... начала Ванда,—я бы хотѣла быть птицей; правда, это весело?

— Правда! напримѣръ, той канарейкой, на которую вы теперь смотрите?

— О, нѣтъ! канарейка бѣдная, она не можетъ летать.

— Такъ выпустите ее.

— Какъ бы не такъ! она ужъ разъ вылетѣла сама и очень за это поплатилась.

— Что-жъ такое? воробьи ее испугали?

— Хуже! Можете себѣ представить, она вылетѣла на дворъ и устала... Азорка, не смѣй грызться!.. Сѣла себѣ на заборъ, на которомъ стоялъ нашъ пѣтухъ... Вы знаете нашего пѣтуха?

— Не имѣю удовольствія.

— И тотъ противный такъ клюнулъ ее въ головку, что она чуть не умерла, такъ, что съ этихъ поръ, вы только не смѣйтесь, она лысая!.. Я сейчасъ покажу вамъ ее.

Сказавши это, она побѣжала къ окну, въ которомъ висѣла клѣтка съ канарейкой.

— Панна Ванда!.. ради Бога не вставайте!—воскликнулъ Густавъ.—Весь мой эскизъ испорченъ!

— Ха, ха, ха!—засмѣялась дѣвочка,—какъ это хорошо, вы должны дѣлать новый!

— При такихъ условіяхъ я не сдѣлаю ни одного, я скомпрометтирую себя и мнѣ будетъ стыдно показаться дѣдушкѣ... Десять минутъ не посидѣть спокойно!

И говоря это, онъ началъ опять складывать свою бумагу.

Ванда вернулась на мѣсто и, снова взявши Азорку на колѣни, сказала:

— Я вамъ посовѣтую одну вещь. Если вы хотите, чтобы я сидѣла спокойно, разскажите мнѣ хорошенькую исторію.

— Отличная мысль!—отвѣчалъ Густавъ, снова раскладывая свою бумагу.—Попробую!

— Извините, что я прерываю; мы поѣдемъ сегодня въ Лазенки?

— Поѣдемъ; въ пятомъ часу придутъ мои лошади.

— Теперь я васъ слушаю.

— Очень хорошо, а я начинаю: жила была одна панна Непосѣдская, дѣдушка ея велѣлъ сдѣлать ея портретъ...

— Одному художнику, котораго звали панъ Скукинскій... я знаю эту исторію!

— Ну, такъ я не знаю, о чемъ мнѣ вамъ разсказывать!

— Разскажите о какомъ-нибудь мальчикѣ, это мнѣ больше понравится.

— Я разскажу вамъ объ одномъ не хорошемъ мальчикѣ, который держалъ пальцы во рту.

— Фу! я не буду этого слушать! я люблю грустныя исторіи...

— Объ мальчикѣ?

— Да!.. и чтобы была также барышня.

— Такой исторіи я не знаю!—отвѣчалъ Вольскій, рисуя.

— Ну, пусть не будетъ барышни, только бы былъ мальчикъ и... еще что-нибудь...

— Напримѣръ, канарейка или собака?

— Собака! собака!—воскликнула Ванда ловчѣе усаживаясь въ кресло и трепля толстаго Азорку, который спалъ, какъ убитый.

Вольскій началъ, продолжая рисовать:—Жилъ былъ одинъ мальчикъ...

— Большой мальчикъ?

— Это былъ мальчикъ... вашихъ лѣтъ.

— Моихъ лѣтъ!—отвѣчала дѣвочка разсердившись,—дѣдушка сказалъ, что мнѣ будетъ скоро пятнадцать лѣтъ...

— А пока вамъ только четырнадцать... Такъ вотъ былъ одинъ мальчикъ, а у него была собака...

— Такая же, какъ нашъ Азорка?

— Такая... то-есть не такая... Та собака была кудлатая и грязная и у нея былъ всегда опущенный хвостъ...

— Это отчего?

— Потому что она всегда была голодна: она и ея хозяинъ... И вотъ этотъ мальчикъ ходилъ по свѣту и искалъ...

— Чего онъ искалъ?

— Онъ искалъ свою мать, потому что, когда онъ былъ еще ребенкомъ, его украли цыгане и увели въ лѣсъ...

— Скажите, пожалуйста, это правдивая исторія?

— Самая правдивая! мнѣ разсказывалъ ее тотъ самый мальчикъ.

— Боже мой!

— Такъ странствуя,—продолжалъ Густавъ,—онъ дошелъ до одного города, который онъ долженъ былъ скоро оставить...

— Отчего же такъ?

— Оттого, что камни изранили ему ноги, и что еще хуже, дрянные мальчишки привязывали къ хвосту его собаки пузыри съ горохомъ, что́ очень пугало и мальчика, и собаку.

— Какіе противные!..

Въ это время Вольскій набросалъ нѣсколько эскизовъ, изъ которыхъ каждый изображалъ лицо Ванды, но только съ различными выраженіями.

— Потомъ мальчикъ пошелъ въ деревню и, увидавши первую хату, вошелъ въ нее. «Стукъ! стукъ!..» — Кто тамъ?.. чего ты хочешь, мальчикъ?—Я ищу моей матери.—Какъ ее зовутъ?—Да я не знаю—А! такъ иди дальше, мальчикъ: она не здѣсь живетъ.

Такъ онъ шелъ отъ хаты до хаты, отъ деревни до деревни и вездѣ напрасно стучался.

Только однажды повстрѣчался онъ съ сѣдымъ, какъ лунь, старичкомъ.—Чего ты такъ ищешь, мальчикъ? — спросилъ онъ его.—Я ищу матери.—А ты былъ въ деревнѣ?—Былъ и не въ одной. — А въ городѣ?—И въ городѣ тоже, только ея нигдѣ нѣтъ.—А!—сказалъ старичекъ,—если такъ, то ея ужъ вѣрно нѣтъ на землѣ: вѣрно, она на небѣ.

Мальчикъ опечалился и сказалъ:—А не знаете ли вы, дѣдушка, гдѣ дорога на небо?—Дѣдъ посмотрѣлъ вокругъ.—Богъ знаетъ!—сказалъ онъ.—Тамъ солнце всходитъ, тамъ оно заходитъ; туда вѣрно ближе. Иди прямо. — Прямо? такъ это надо идти въ лѣсъ, а потомъ на дерево?—Должно быть,—такъ подтвердилъ старичекъ.—А пустятъ меня туда, дѣдушка?—Отчего же не пустить! Богъ добрѣе людей... — А мою собаку?—Кто его знаетъ! попроси, можетъ быть, и пустятъ.

Тогда мальчикъ пошелъ въ лѣсъ и ходилъ между высокими деревьями, онъ посмотрѣлъ вверхъ и уже хотѣлъ влѣзть на одну сосну, какъ вдругъ вспомнилъ о своей собакѣ.

«Что-жъ ты, бѣдная, будешь дѣлать безъ меня?» подумалъ онъ.—Съ другой стороны ему жаль было и матери, онъ шелъ дальше и искалъ такого дерева, на которое онъ могъ бы влѣзть вмѣстѣ съ собакой. Такъ прошелъ день, и усталый мальчикъ захотѣлъ отдохнуть. Онъ легъ у дороги подъ дерево, сказавши молитву, которую кончилъ такими словами: «Господи, сдѣлай такъ, чтобы кто-нибудь протянулъ намъ руку съ неба, а не то, если я влѣзу на дерево вмѣстѣ съ собакой, то мы еще упадемъ оттуда»... И онъ заснулъ. На другой день утромъ по этой самой дорогѣ проѣзжала карета, а въ ней дама съ барышней; онѣ увидали спящаго мальчика и собаку, бросили имъ денегъ и кусокъ хлѣба и уѣхали. Прошло утро, прошелъ полдень, прошелъ вечеръ и снова пришла ночь; но мальчикъ не тронулъ брошенныхъ денегъ и собака не тронула хлѣба, потому что они оба умерли... Добрый Богъ протянулъ имъ руку...

Наступило молчанье, Густавъ посматривалъ то на свою модель, то на рисунки.

— Какая это грустная исторія! — сказала Ванда. — Кто вамъ ее...

Она задумалась и вдругъ разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Ахъ, Боже мой! какой вы нехорошій, къ чему вы меня такъ напрасно огорчили?..

— А что такое?

— Точно вы не знаете? Тотъ мальчикъ разсказывалъ вамъ свою исторію послѣ своей смерти? Ха, ха, ха!..

— Эй! давайте обѣдать!—закричалъ въ эту минуту возвращающійся Піолуновичъ. — Вандюня, поторопи ихъ и сейчасъ разливай супъ.

Ванда побѣжала на встрѣчу дѣдушкѣ, который вошелъ въ гостиную страшно вспотѣвшій.

— Здраствуй, Гутя!.. Какъ вы провели время? Какъ идетъ работа? — спрашивалъ старикъ, цѣлуя въ обѣ щеки сіяющаго отъ радости художника.

— Великолѣпный сеансъ!—отвѣчалъ Густавъ.—Въ нѣсколько минутъ я сдѣлалъ шесть эскизовъ, и каждый представляетъ разное выраженіе лица! Вотъ они!..

— Ей Богу, вылитая Ванда! — говорилъ старикъ, разсматривая рисунки.

— Удивительная физіономія! Какъ ясно отражается на ней всякое чувство! Взгляните, напримѣръ, на эту голову.

— Ванда!.. Ванда!—отвѣчалъ старикъ.

— Но какое чувство ее оживляетъ?

— Какъ будто, вы рисовали ее въ сидячемъ положеніи.

— Что положеніе! здѣсь удивительно характерно выражено любопытство... Ну, а здѣсь?..

— Ну, конечно, тоже любопытство.

— Чтó вы! здѣсь сожалѣніе и печаль... Ну, право, я создамъ чудо!

— Если бы вы знали, какъ жарко, — прервалъ панъ Клéменсъ, кладя рисунки и отирая потъ со лба.

— Божественная красота! замѣчательная физіономія!.. пять лѣтъ ученья не научили меня столько, сколько одинъ этотъ сеансъ. Гдѣ же вы были?..

Дѣдушка объяснилъ, что онъ искалъ воспитательницу для Ванды, но не нашелъ ея; Вольскій съ жаромъ уговаривалъ его бросить это дѣло, говоря, что воспитательница «испортитъ своимъ педантствомъ прелестнѣйшее созданіе»; но дѣдушка остался при своемъ мнѣніи.

— Обѣдъ на столѣ!—провозгласилъ Янекъ.

— Это дѣло!—воскликнулъ Піолуновичъ,—обѣдъ, а потомъ душъ и воспитательница...

— Послѣ обѣда будетъ прогулка въ Лазенки... Вѣдь мы такъ уговорились?—напомнилъ Вольскій.

Обѣдъ прошелъ очень весело, усталый дѣдушка ѣлъ за троихъ и острилъ за десятерыхъ, Густавъ ссорился съ Вандой. Вскорѣ послѣ обѣда всѣ трое вышли на улицу и сѣли въ экипажъ Вольскаго, который пришелъ еще во время кофе. Сначала поѣхали шагомъ, чтобы дать время Вандѣ поправить свою шляпу.

Въ это самое время Гофъ шелъ ко дворцу изъ своего дома. Увидя уѣзжающихъ, онъ прибавилъ шагу, чтобы догнать ихъ, лошади пошли скорѣе, Гофъ пустился бѣжать, дѣлая знаки руками. Но къ несчастью всѣ были заняты другимъ, и никто не замѣтилъ его. Лошади побѣжали рысью, и скоро экипажъ скрылся изъ глазъ Гофа, который кричалъ что-то вслѣдъ уѣзжающимъ. Никто не слыхалъ его.

— Спасите,—простоналъ онъ,—спасите моихъ дѣтей!

Потомъ запыхавшійся, усталый упалъ на колѣни и простеръ руки къ небу.

Но и небо молчало.

Почти въ ту же минуту панъ Клéменсъ сказалъ Густаву,

что имъ нужно вернуться раньше, потому что нужно поспѣть къ собранію, на которомъ будетъ говориться о Гофѣ.

ГЛАВА IX,

въ которой панъ Звонъ вызываетъ на поединокъ нотаріуса.

Въ Лазенкахъ наши друзья провели время очень весело и вернулись домой безъ всякихъ приключеній. Около восьми часовъ гостиная Піолуновича уже наполнилась. Благодаря дѣятельной агитаціи пана Дамазія, гостей собралось больше обыкновеннаго. Панъ Клéменсъ привѣтствовалъ всѣхъ самыми сердечными поцѣлуями, хотя былъ увѣренъ, что большую часть этихъ господъ онъ не зналъ даже по имени. Скоро началось засѣданіе, на столъ поставили звонокъ, и панъ Дамазій возвысилъ голосъ среди всеобщаго молчанія:

«Господа! благодаря давно извѣстному, безкорыстному гостепріимству уважаемаго пана Клéменса Піолуновича, наши собранія съ каждымъ днемъ развиваются и, такъ сказать, созрѣваютъ какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи.

«Господа! если я сказалъ, что собранія наши развиваются въ качественномъ отношеніи, то имѣлъ въ виду то, что такъ увеличился кругъ предметовъ, о которыхъ мы разсуждаемъ. Но, если я говорилъ о количественномъ развитіи, то вы можете быть увѣрены, что я имѣлъ въ виду присоединеніе новыхъ уважаемыхъ сотрудниковъ, которые удостоили нынѣ наше общество своимъ присутствіемъ».

Послѣднія слова были заглушены шарканьемъ ногъ, которое должно было означать, что новое собраніе сотрудниковъ принимаетъ незаслуженную похвалу, а прежнее собраніе отъ души привѣтствуетъ ихъ и принимаетъ въ свое лоно.

«Господа! — продолжалъ ораторъ. — Я не вижу надобности излагать то, что мы сдѣлали до сихъ поръ».

Дамазій вдругъ остановился, замѣтивъ, что панъ судья, который былъ его вѣрнымъ приверженцемъ, порывисто поднялся съ кресла. Судья сдѣлалъ это, потому что былъ увѣренъ, что нотаріусъ, услыхавши слова «чтó мы сдѣлали до сихъ поръ», захочетъ публично назвать пана Дамазія «безстыднымъ лжецомъ». Но тотъ молчалъ и судья сѣлъ.

— Что случилось, дорогой судья? — спросилъ великій ораторъ, возвысивъ голосъ.

— Продолжайте!—отвѣчалъ судья, дружески махая рукой.

— Но, милостивый государь, я не люблю, когда мнѣ мѣшаютъ.

— Ну, что такое, все вздоръ!—отвѣчалъ судья, желая отъ всего сердца услышать продолженіе рѣчи.

Кровь закипѣла въ ораторѣ.

— Господа!—воскликнулъ онъ,—позвольте мнѣ замѣтить уважаемому судьѣ, что я не повторю того грубаго слова, которое онъ сказалъ мнѣ.

Прошло добрыхъ полчаса прежде, чѣмъ все объяснилось. Великодушный Дамазій далъ убѣдить себя, но рѣчи своей не кончилъ. Присутствующіе прямо приступили къ выбору предсѣдателя, которымъ снова былъ избранъ Піолуновичъ. Панъ Дамазій былъ избранъ въ вице-предсѣдатели, а Вольскій въ секретари. Принесли бумагу и перья, и совѣщанія начались снова.

— Господа!—началъ снова Дамазій,—предлагаю выслушать рапортъ уважаемаго предсѣдателя по вопросу о нѣкоторой машинѣ, изобрѣтенной нѣкоторымъ Гофомъ.

— Одно слово!—прервалъ панъ Петръ. — Я напомню, что вмѣстѣ съ предсѣдателемъ осматривалъ машину панъ Антоній, и кромѣ того предложу, чтобы составлялись протоколы нашихъ засѣданій.

Предложеніе было принято единогласно, приступили къ выслушанію делегатовъ.

Началъ панъ Антоній и въ немногихъ словахъ объяснилъ, что осмотрѣнная имъ машина не имѣетъ смысла, а изобрѣтатель ея шарлатанъ. Другой делегатъ и вмѣстѣ предсѣдатель собранія прямо сказалъ, что онъ не могъ понять машины, но что Гофъ, должно быть, очень бѣденъ и нуждается въ скорой помощи.

— Домъ ихъ,—кончилъ добрый старикъ,—падаетъ, обстановка бѣдная и старая, въ комнатахъ душно и сыро...

— Господинъ секретарь!—прервалъ новый членъ, котораго отрекомендовали, какъ знатока музыки.—Г. секретарь! прошу записать слова: «сырость въ комнатахъ».

— Вы имѣете намѣреніе говорить объ этомъ предметѣ?—спросилъ панъ Дамазій.

— Да, непремѣнно!—рѣшительно отвѣтилъ знатокъ музыки. Мы должны придумать что-нибудь противъ сырости... Я, напримѣръ, очень страдаю отъ нея...

— Не взялся ли бы кто-нибудь изъ уважаемыхъ членовъ обработать и изложить вопросъ объ сырыхъ квартирахъ?—спросилъ Дамазій.

— Я могу!—подхватилъ панъ Зенонъ.

— Ахъ!..—воскликнулъ вице-предсѣдатель.—Мы забыли, что панъ Зенонъ долженъ былъ прочесть намъ интересный мемуаръ о пауперизмѣ!.. Вы позволите, господа...

Такъ какъ по количеству вынутой бумаги члены общества очень справедливо заключили, что статья ученаго Зенона не такъ-то скоро кончится, то въ гостиной началось движеніе. Одни сморкались, другіе вставали, чтобы хоть на минуту вытянуть ноги, третьи старались сѣсть какъ можно удобнѣе.

— «Мемуаръ о пауперизмѣ»,—началъ Зенонъ.

— Предлагаю перемѣнить названіе на «Записку о бѣдности»,—вставилъ панъ Петръ.

— Или, можетъ быть, лучше «Мемуаръ о бѣдности»?—прибавилъ Дамазій.

— Или короче «О бѣдности»,—шепнулъ кто-то другой.

— Это не годится!—сказалъ нотаріусъ,—названіе «О бѣдности» слишкомъ напоминаетъ ученическія работы, которыхъ уважаемый панъ Зенонъ, вѣроятно, давно уже не пишетъ...

— Я позволю себѣ замѣтить, что мой «Мемуаръ о пауперизмѣ», или, какъ желаетъ уважаемый панъ Петръ: «Записка о бѣдности» совершенно переработана,—предостерегъ панъ Зенонъ.

— Въ такомъ случаѣ наши новые члены могутъ возъимѣть претензію и пожелать чтенія обѣихъ записокъ,—замѣтилъ панъ Петръ.

Это мнѣніе произвело нѣкоторое впечатлѣніе на добросовѣстнаго Зенона, который сейчасъ же началъ вынимать изъ кармана другую, не менѣе объемистую пачку бумаги. Къ счастью, это замѣтилъ знатокъ музыки и съ величайшей поспѣшностью заявилъ автору, что какъ онъ, такъ и его сотоварищи, не будутъ оскорблены, не выслушавъ предыдущаго мемуара.

Это заявленіе единодушно подтвердили всѣ слушатели, послѣ чего панъ Зенонъ началъ:

— Какимъ образомъ избѣгнуть распространенія пауперизма?..

— Бѣдности!—ввернулъ панъ Петръ.

— Хорошо, бѣдности, вотъ вопросъ, или скорѣе, вотъ печальная загадка, надъ которой съ древнѣйшихъ временъ останавливались знаменитѣйшіе умы.

При послѣднихъ словахъ панъ Дамазій сказалъ:

— Я позволю себѣ поздравить уважаемаго пана Зенона, который, насколько я замѣчаю, попалъ сегодня въ самый корень вопроса!

Панъ Зенонъ наклонилъ голову и читалъ дальше:

— Средства, или вѣрнѣе, лекарства, которыя экономисты, или вѣрнѣе, цѣлители общества предлагали противъ этой страшной болѣзни человѣчества...

— Что за языкъ! что за языкъ!—шепнулъ Дамазій на ухо пану Клеменсу.

— Лекарства эти можно раздѣлить на два отдѣла. Первый изъ нихъ имѣетъ цѣлью ограничить возрастаніе бѣдной части человѣчества, второй же—поднять плодородіе всѣхъ произведеній кормилицы...

— Земли!—воскликнулъ Дамазій, который все время отбивалъ читавшему тактъ обѣими руками. Затѣмъ панъ Зенонъ снова принялся читать и читалъ уже цѣлый часъ безъ перерыва.

Прекрасенъ былъ стиль этого мемуара, въ которомъ восторженный ораторъ заклиналъ присутствующихъ, чтобы они не позволяли оставаться пустою ни одной пяди земли. Другую часть мемуара, гдѣ была рѣчь о средствахъ избѣжать возрастанія бѣдныхъ классовъ, панъ Зенонъ окончилъ слѣдующимъ образомъ:

— Господа! у пчелъ и муравьевъ пролетаріатъ не можетъ заключать браковъ. Вотъ нашъ взглядъ, вотъ наше лекарство...

— Безразсудно, невѣжливо и неприлично! — воскликнулъ вдругъ нотаріусъ, трясясь отъ гнѣва.—То, что вы предлагаете,—прибавилъ онъ,—должно разбираться въ уголовномъ судѣ, а никакъ не въ филантропическомъ обществѣ, къ которому я имѣю честь принадлежать!

Произошло ужасное замѣшательство. Общество раздѣлилось на партіи, и всѣ спорили и кричали. Наконецъ, звонокъ успокоилъ разбушевавшіяся страсти, и собраніе постановило слѣдующее:

1. Нотаріусъ торжественно призывается къ порядку. 2. Общество имѣетъ честь просить пана Зенона, чтобы онъ вторично исправилъ свой достойный глубочайшаго вниманія мемуаръ, а также приготовилъ бы другой по вопросу о сырыхъ квартирахъ. Выслушавши это рѣшеніе, панъ Зенонъ отошелъ въ сторону съ очень серьезнымъ видомъ, а Вольскій попросилъ голоса и сказалъ:

— Панъ Дамазій, нельзя ли спросить васъ, какая была первоначальная цѣль нашихъ собраній?

Знаменитый ораторъ не сразу нашелъ отвѣтъ и, наконецъ, сказалъ:

— Насколько я помню, мы думали сначала только о томъ, какъ протянуть руку бѣднымъ...

— Очень хорошо!—сказалъ Вольскій.—А теперь я осмѣ-

люсь спросить васъ, господа, готовы ли вы послужить имъ матеріальною помощью?

— Разумѣется!

— Итакъ, господа, я предлагаю слѣдующее: Одна изъ самыхъ страшныхъ язвъ, губящихъ низшіе классы, это недостатокъ кредита и ростовщичество; я спрашиваю васъ, не можемъ ли мы для ея облегченія основать скромную кассу ссудъ?

— Великолѣпная мысль!—воскликнулъ Дамазій.

Всѣ присутствующіе приняли проектъ съ восторгомъ, панъ Клéменсъ бросился на шею художнику и собравшіеся тотчасъ же начали высчитывать предполагаемые фонды.

— Господа!—сказалъ нотаріусъ.—Я совѣтую не спѣшить подводить цифры, но обсудить все хладнокровно и рѣшительно. Съ этой цѣлью я предлагаю даже собраться, напримѣръ, завтра.

— Ко мнѣ, господа!—прервалъ Піолуновичъ, съ умоляющимъ видомъ складывая руки.

— Къ предсѣдателю! хорошо! хорошо! — отозвались многіе голоса.

Общество оживилось. Одни поздравляли Вольскаго со счастливой мыслью, другіе обсуждали проектъ кассы ссудъ, а между тѣмъ панъ Дамазій, взявши подъ руку Піолуновича, отвелъ его въ уголъ:

— Что случилось?—спросилъ испуганный дѣдушка.

— Зенонъ хочетъ вызвать на поединокъ нотаріуса.

— Онъ съ ума сошелъ?..

— Смотрите на это дѣло серьезно и хладнокровно,—говорилъ Дамазій.—Онъ уже нашелъ секундантовъ и подговорилъ доктора...

— А что же нотаріусъ?

— Нотаріусъ еще ничего не знаетъ, но я боюсь бѣды. Это человѣкъ рѣшительный и вспыльчивый.

Густавъ тоже подошелъ къ Піолуновичу и просилъ его пойти съ нимъ къ Гофу.

— Да, да! — отвѣчалъ дѣдушка,—мы вдвоемъ, такъ будетъ лучше, только...

— Дорогой предсѣдатель!—прервалъ его въ эту минуту нотаріусъ.—Этотъ пустомеля Зенонъ вызвалъ меня на поединокъ, прошу васъ и пана Дамазія быть моими свидѣтелями. Завтра въ одиннадцать я жду.

Не успѣлъ панъ Клèменсъ ему отвѣтить, какъ нотаріусъ пожалъ ему руку и вышелъ, ни съ кѣмъ не простившись.

— Пожалуйте ужинать!—провозгласилъ въ эту минуту Янекъ, отворяя дверь въ столовую. Гости вышли толпой.

ГЛАВА X.

Шабашъ.

На другой день Вольскій пришелъ къ Піолуновичу въ четыре часа по полудни и не засталъ никого. Янекъ сказалъ, что господа просили подождать его. Вольскій остался. Онъ просидѣлъ до вечера, весь день преслѣдовало его какое-то непріятное чувство, похожее на предчувствіе чего-то недобраго. Онъ приписывалъ это страшному жару. Наконецъ, онъ заснулъ, сидя въ креслѣ и видѣлъ странный, тяжелый сонъ. Его разбудилъ хозяинъ дома, который вернулся веселый и довольный. Онъ сообщилъ, что они съ Вандой попали подъ дождь и сильно промокли, а также обрадовалъ Вольскаго извѣстіемъ, что Зенонъ и нотаріусъ помирились и даже собираются оба быть на слѣдующемъ собраніи. Между тѣмъ стемнѣло, на дворѣ разъигралась гроза... Посмотримъ, чтó было въ развалинѣ.

Въ комнатѣ Гофа среди табачнаго дыма и испареній скверной водки виднѣлись четыре мужскія фигуры. Первымъ лицомъ въ этомъ собраніи былъ ростовщикъ Вавжинецъ. Онъ спокойно прохаживался по комнатѣ и время отъ времени грызъ ногти. Другое лицо былъ Гофъ. Онъ сидѣлъ, согнувшись, на своей постели и безсмысленно смотрѣлъ передъ собой. Двое остальныхъ были оборванцы, которыхъ можно встрѣтить каждый день въ кабакахъ и въ участкахъ. Этихъ людей привелъ панъ Вавжинецъ для подписанія контракта на покупку жалкаго имущества Гофа. Въ другой комнатѣ лежала подъ дырявомъ одѣяломъ желтая, какъ воскъ, и худая, какъ скелетъ, Констанція. Около нея завернутая въ лохмотья спала больная Гелюня, а у ногъ ея на сломанномъ стулѣ сидѣла старая нищенка, шептавшая молитвы. Обвитая крепомъ свѣча и черный крестъ на столѣ дополняли картину. А въ другой комнатѣ веселились:.. Двое бродягъ пили водку и обмѣнивались ругательствами, а ростовщикъ торопилъ ихъ... Гроза все усиливалась, постоянно вспыхивали молніи и раздавались оглушительные удары грома... Въ дверяхъ показалась нищенка.

— Больная проситъ ксендза,—шепнула она.

— Теперь нѣтъ времени, послѣ!—отвѣчалъ Вавжинецъ.

— А если она умретъ?

— Пусть прочтетъ молитвы и покается, это все равно, что исповѣдь!

— Садитесь и пишите!—скомандовалъ онъ бродягамъ... Панъ Гофъ, прошу обратить вниманіе...

Гофъ сидѣлъ молча и ничего не слышалъ. Бродяги сѣли у стола и взялись за перья.

Ростовщикъ принялся диктовать имъ бумагу. Его монотонный голосъ слышался одновременно съ чтеніемъ молитвъ и вздохами умирающей. По контракту имущество Гофа продавалось за 1000 рублей, но только 20 выдавалось ему на руки, остальное шло на уплату векселей. Гофа подвели къ столу и онъ, ничего не сознавая, подписалъ свое имя. Свидѣтели тоже подписались. Передъ окончаніемъ этой церемоніи на порогѣ показалась старая нищенка. Она сказала, что больная умерла, и просила денегъ за труды. Когда контрактъ былъ подписанъ, ростовщикъ положилъ его въ карманъ, аккуратно сложивши, потомъ сказалъ:

— Панъ Гофъ! наша дорогая Костуся отдала Богу душу.

— Что?—спросилъ старикъ.

— Дочь умерла!—повторилъ ростовщикъ.

Старикъ спокойно пошелъ въ другую комнату, посмотрѣлъ на мертвое тѣло и, взявши на руки спящую Гелюню, вернулся съ ней на свою постель. Скоро всѣ оставили его одного и были уже въ сѣняхъ, когда услыхали его спокойный голосъ, говорившій:

— Пойдемъ гулять, Гелюня, гулять!

ГЛАВА XI,

изъ которой видно, что въ кругу людей очень знаменитыхъ всего труднѣе установить миръ.

Не смотря на ненастье, члены научно-филантропическаго общества подходили къ мѣсту совѣщаній по одному, по двое и по трое. Каждую минуту кто-нибудь изъ нихъ, вооруженный зонтикомъ и резиновыми калошами, входилъ съ улицы въ ворота и натыкался тамъ на какого-то старика, который, сидя на камнѣ, качалъ на рукахъ бѣлый свертокъ и бормоталъ монотоннымъ голосомъ: «Пойдемъ гулять, Гелюня, гулять!».. Но никто не обратилъ на него вниманія... Когда всѣ собрались, Піолуновичъ предложилъ выбрать пана нотаріуса въ предсѣдатели, пана Зенона въ вице-предсѣдатели, а Вольскаго въ секретари. Всѣ выразили согласіе. Панъ Дамазій произнесъ краткую рѣчь, въ которой онъ указалъ на важность предстоящаго совѣщанія и на торжественность настоящей минуты, соединившей два враждовавшихъ ума... Въ концѣ рѣчи онъ сказалъ:

— А теперь мы попросимъ уважаемаго пана Зенона, чтобы онъ соблаговолилъ прочесть намъ свой мемуаръ.

— Который? — спросилъ вице-предсѣдатель съ сладчайшей улыбкой.—Можетъ быть, вы хотѣли бы услышать что-нибудь о сырыхъ квартирахъ?

— Нѣтъ! Мы просимъ о послѣднемъ, о пауперизмѣ.

Панъ Зенонъ приступилъ къ чтенію:

«Изъ всѣхъ язвъ, сопровождающихъ цивилизацію, нѣтъ ничего страшнѣе тѣхъ, которыя проистекаютъ отъ сырыхъ квартиръ»...

— Однако...—прервалъ Дамазій.

— Прошу извиненія за ошибку!—оправдывался Зенонъ и взялъ въ руки другую рукопись.

«Изъ всѣхъ язвъ, сопровождающихъ цивилизацію, нѣтъ ничего страшнѣе тѣхъ, которыя проистекаютъ отъ постоянно распространяющагося пауперизма»...

— Весна—прекраснѣйшее время года... Лафонтенъ былъ величайшій поэтъ... Однако, панъ Зенонъ, ваши мемуары чертовски пахнутъ вторымъ классомъ!—воскликнулъ нотаріусъ.

— Господа!—произнесъ блѣдный отъ гнѣва Зенонъ,—прошу уволить меня отъ обязанностей вице-президента!..—И онъ порывисто всталъ съ дивана.

Піолуновичъ умолялъ его остаться.

— Нѣтъ!.. я долженъ выйти! — говорилъ разгорячившійся Зенонъ.

— И, можетъ быть, вызвать меня во второй разъ на дуэль... а?—насмѣшливо спрашивалъ нотаріусъ.

— Безъ сомнѣнія!.. безъ сомнѣнія!—повторялъ Зенонъ.

Піолуновичъ и панъ Дамазій умоляли ссорящихся успокоиться, но ничего не помогало. Кончилось тѣмъ, что оба противника пожелали быть уволенными отъ своихъ высокихъ постовъ, на что получили согласіе. Такъ-какъ панъ Зенонъ поручился честью, что онъ не вызоветъ нотаріуса на поединокъ, ихъ предоставили судьбѣ и организовались иначе. Тогда заговорилъ Вольскій:

— Мнѣ кажется, господа, что теперь намъ уже ничего не мѣшаетъ поговорить о кассѣ ссудъ?..

— Пожалуйста, мы слушаемъ!—отвѣчали всѣ хоромъ.

— Въ этомъ дѣлѣ являются четыре вопроса. Первый касается концессіи...

— Объ этомъ мы поговоримъ послѣ,—вставилъ нотаріусъ.

— Хорошо! Другой касается того, какъ высоки будутъ проценты. Я предложилъ бы четыре на сто въ годъ...

— Восемь будетъ не много и увеличитъ капиталъ,—отозвался нотаріусъ.

— Хорошо, восемь, — отвѣчалъ Вольскій. — Третій пунктъ касается гарантіи...

— Гарантію составятъ поручители, конечно отвѣтственные...

— И это такъ! Четвертый пунктъ касается того, какъ велики будутъ наши вклады...

— Это пустяки! — отозвался молчавшій до тѣхъ поръ панъ Антоній.

— Совсѣмъ не пустяки! —вставилъ Піолуновичъ. —Я жертвую двѣ тысячи рублей.

— Господа!—началъ Дамазій,—пожертвованіе уважаемаго предсѣдателя указываетъ намъ на то, что мы должны сдѣлать, а потому, не позволитъ ли панъ нотаріусъ спросить, какъ великъ его вкладъ?

— Я также дамъ двѣ тысячи рублей, а вы?—спросилъ нотаріусъ Дамазія.

— А панъ Петръ? —продолжалъ Дамазій.

— Пятьсотъ рублей,—отвѣчалъ Петръ.—А панъ Дамазій?

— Двѣ и двѣ-четыре; 4,500 рублей; а панъ судья?—спросилъ Дамазій.

— Сто пятьдесятъ рублей. А вы?—освѣдомился судья.

— 4,650 рублей,—высчитывалъ Дамазій. — А панъ Вольскій?..

— Десять тысячъ рублей, nota bene не отъ меня, а отъ моего дяди,—отвѣчалъ Вольскій.

— 14,650 рублей,—говорилъ Дамазій. А панъ Антоній?...

— Я не забавляюсь филантропіей!—сказалъ великій пессимистъ, держа во рту зубочистку.

— А сколько жертвуете вы, нашъ дорогой вице-предсѣдатель? —вторично спросилъ панъ Петръ у Дамазія.

— Я думаю, что мы собрали уже довольно большой капиталъ, дальнѣйшіе вклады были бы излишни.. Я же съ своей стороны могу только довести цифру до полныхъ пятнадцати тысячъ...

— То-есть, 350 рублей, — отвѣчалъ панъ Петръ, стараясь придать язвительное значеніе этимъ невиннымъ словамъ. Панъ Дамазій принялъ величественный видъ.

— Мнѣ очень пріятно,—сказалъ онъ, — что вы соблаговолили замѣтить мое скромное участіе въ этомъ предпріятіи. Я не люблю дѣлать упрековъ, но только припомню, что мои планы не находили поддержки между вами, господа!

— Я что-то не помню вашихъ плановъ,—дерзко отвѣчалъ панъ Петръ.

— Не помните?—продолжалъ ораторъ съ иронической улыбкой.—А мой проектъ дешевыхъ квартиръ, на который я жертвовалъ пять тысячъ...

— Онъ былъ непрактиченъ,—вставилъ нотаріусъ.

— Обращаю вниманіе уважаемаго пана Дамазія, на то, что я желалъ быть его союзникомъ,—отозвался ученый Зенонъ.

Панъ Дамазій взглянулъ на изрядно потертый сюртукъ мудреца и продолжалъ:

— Я предлагалъ основать высшую школу для женщинъ, родъ университета, на которую я давалъ двѣ тысячи рублей...

— Это также было непрактично,—замѣтилъ нотаріусъ.

— Дешевыя квартиры непрактичны, высшая школа также непрактична! — съ гнѣвомъ воскликнулъ Дамазій,— но я также предлагалъ основать на акціяхъ фабрику пудры и давалъ на нее 13,000 рублей,—говорилъ панъ Дамазій, не обращая вниманія на Зенона, который каждую минуту порывался говорить.— А кто поддержалъ меня? кто хотѣлъ быть моимъ союзникомъ?

— Я, панъ Дамазій, я!.. —закричалъ Зенонъ. —Я писалъ даже мемуары объ этихъ вопросахъ...

— Мы говоримъ о деньгахъ, а не о мемуарахъ... Поэтому я не вижу причины поддерживать чужіе планы, но съ удовольствіемъ уступлю еще тысячу рублей, если вы увѣрите меня, что какая-нибудь изъ моихъ идей будетъ осуществлена, — говорилъ Дамазій, возвысивъ голосъ.

— Это ни къ чему не нужно,—увѣрялъ нотаріусъ.

— А если не нужно, то я беру назадъ даже мои 350 руб.! —крикнулъ вице-предсѣдатель.

— Если такъ, то и я беру назадъ мои 150 рублей,—отозвался панъ судья.

— А я прибавлю сто милліоновъ!—воскликнулъ нотаріусъ. —Что же, мы будемъ дѣлать забаву изъ серьезнаго дѣла?!

Съ этими словами энергичный нотаріусъ забѣгалъ по комнатѣ, ища своей шляпы, и это имѣло такой угрожающій видъ, что всѣ притихли. Въ это время съ лѣстницы послышался какой-то шумъ, и въ дверяхъ показалась Ванда съ какимъ-то сверткомъ въ рукахъ.

— Дѣдушка!—воскликнула дѣвочка съ громкимъ плачемъ,— говорятъ, что этотъ ребенокъ умеръ. Она быстро подошла къ столу и положила на него блѣдный, холодный, окостенѣлый трупъ ребенка.

— Кто его принесъ? чей онъ?—съ ужасомъ спрашивалъ дѣдушка.

— Того пана, что спасъ дѣдушкину трубку,—рыдая отвѣчала Ванда.

— Что? Гофа? ребенокъ Гофа?.. Янекъ! Янекъ!—въ отчаяніи кричалъ старикъ.

Прибѣжалъ Янекъ и разсказалъ, что Гофъ все сидѣлъ у воротъ на камнѣ и что-то бормоталъ, онъ позвалъ барышню, та взяла ребенка и позвала за собой Гофа, а онъ пошелъ прочь на улицу...

— Нужно сейчасъ же идти къ нему на квартиру,—сказалъ испуганный Вольскій. Всѣ тотчасъ же собрались идти, собравши предварительно около ста рублей для Гофа. Не пошелъ только панъ Антоній. Скоро зала совершенно опустѣла, въ ней остался только трупъ бѣдной Гелюни, прикрытый протоколами...

ГЛАВА XII.

Безъ названія.

Очутившись на улицѣ, члены филантропическаго общества побѣжали, какъ стадо овецъ, подгоняемое пастухомъ. Дождь лилъ имъ за воротники, изъ-подъ ногъ брызгала грязь, а они между тѣмъ осыпали другъ друга упреками.

— Нашъ формализмъ убилъ этого несчастнаго ребенка!—восклицалъ Піолуновичъ, опиравшійся на руку Вольскаго.

— Какой формализмъ! Скорѣе виновата ваша нерѣшительность...—отвѣтилъ Дамазій.

— Моя нерѣшительность! слышишь, Гутя?—жаловался панъ Клéменсъ.

— Конечно!—увѣрялъ Дамазій.—Вы были у Гофа, говорили съ нимъ. Нужно было сдѣлать что-нибудь на собственный рискъ, а мы бы помогли вамъ.

— И ты вѣришь имъ, Гутя,—почти со слезами говорилъ огорченный президентъ.—Конечно я бы помогъ ему сейчасъ же, если бы я былъ одинъ, но панъ Антоній помѣшалъ мнѣ!

— Ахъ, этотъ Антоній со своимъ пессимизмомъ! Я съ перваго раза почувствовалъ къ нему антипатію!—вставилъ Дамазій.

— Противный человѣкъ, эгоистъ. Только и думаетъ, что о хорошемъ ужинѣ!—посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Всѣ отчасти виноваты,—отозвался нотаріусъ.—Надо было

заняться тѣмъ, что̀ подъ руками, а не какими-нибудь широкими вопросами, или слушаніемъ нелѣпыхъ мемуаровъ...

— Панъ нотаріусъ вѣчно имѣетъ что-то противъ меня!— крикнулъ Зенонъ.—Вы систематически меня преслѣдуете!.. вы принудите меня желать объясненій!..

Дойдя до дома Гофа, панъ Клѐменсъ отпустилъ руку Густава, который измѣнился въ лицѣ и весь дрожалъ, приходя все въ большее и большее волненіе. Отворивъ тяжелую дверь въ сѣни, пришедшіе увидали, что первая комната была отперта. На столѣ тускло горѣла лампа, посрединѣ комнаты стоялъ маленькій желтый человѣкъ въ синихъ очкахъ. Это былъ Вавжинецъ. Густавъ, который входилъ послѣднимъ, увидавши его, вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно и попятился въ сѣни. Никто не замѣтилъ этого, всѣ заговорили разомъ. Наконецъ Піолуновичъ спросилъ, дома ли Гофъ.

— О, нѣтъ, онъ ушелъ съ полудня,—отвѣчалъ Вавжинецъ со смиреннымъ видомъ.

— Этотъ человѣкъ принесъ ко мнѣ мертваго ребенка,—продолжалъ Піолуновичъ.

Вавжинецъ удивился и выразилъ сожалѣніе.

— Вы знали эту семью?—спрашивалъ Піолуновичъ.

— Я былъ ея единственнымъ другомъ,—отвѣчалъ Вавжинецъ.

— Они были, должно быть, бѣдны?

— Да, бѣдные, но набожные люди. Они держались прекраснаго правила Ѳомы Кемпійскаго: «Переноси съ Христомъ и для Христа, если хочешь царствовать съ Христомъ»...—отвѣтилъ ростовщикъ.

— Но вѣдь у Гофа была земля?

— Земля была продана за долги.

— И никто не помогалъ имъ?..

— Такіе бѣдняки, какъ мы, можемъ помочь только совѣтомъ, а несчастный Гофъ не принималъ ихъ, потому что...

Здѣсь ростовщикъ указалъ на лобъ.

Сдѣлавши еще нѣсколько вопросовъ, Піолуновичъ отдалъ ростовщику деньги, прося передать ихъ Гофу, если онъ увидитъ его, прибавивъ, что онъ возьметъ на себя похороны внучки Гофа. Вавжинецъ поблагодарилъ, поклонившись до земли.

— А можно узнать ваше имя?—вдругъ спросилъ Дамазій

— Меня зовутъ... Гжибовичъ, — отвѣчалъ ростовщикъ, запнувшись.

Общество оставило развалину. На улицѣ всѣ хватились Густава, но рѣшили, что случай съ ребенкомъ долженъ слишкомъ

сильно на него подѣйствовать, и онъ ушелъ домой. Затѣмъ всѣ направились къ дворцу...

Когда гости ушли, Вавжинецъ сталъ считать оставленныя деньги. Въ эту самую минуту точно изъ-подъ земли послышался голосъ: «Ой!.. теперь ужъ я вылѣзу!..

— Вылѣзайте, дорогой панъ Голымбёвскій,—отвѣчалъ ростовщикъ.

Тогда изъ-подъ постели, на которой умерла Констанція, показались двѣ сильныя, жилистыя руки, всклокоченная голова и обросшее лицо, потомъ широкія плечи и, наконецъ, цѣлый огромный человѣкъ, одѣтый въ изорванное платье. Ноги его были испачканы и босы.

— Ааа!..—отдувался разбойникъ.—Я вспотѣлъ!..

Онъ тяжело опустился на лавку и, искоса посматривая на деньги, заговорилъ:

— Это для старика принесли билетики?..

— Вѣдь вы же слышали.

— А если бы вы мнѣ изъ нихъ немножко отсыпали, право, они бы мнѣ пригодились.

Ростовщикъ отвѣчалъ ему насмѣшками и спокойно продолжалъ свое занятіе. Бродяга началъ сердиться. Когда Вавжинецъ сосчиталъ всѣ деньги и положилъ ихъ въ карманъ, Голымбёвскій запросилъ снова дрожащимъ голосомъ:

— Панъ Вавжинецъ, дайте мнѣ хоть немножко, хоть два рубля!..

— Не могу,—отвѣчалъ тотъ,—ни гроша, это не мои деньги.

— Ну, дайте мнѣ изъ своихъ.

— Я бѣдный человѣкъ и не могу бросать деньги въ грязь.

— Бѣдный!.. Знаютъ васъ люди, знаютъ, что, коли нужно, такъ Гвоздицкій и въ каретѣ поѣдетъ.

Ростовщикъ выпрямился, бросилъ вызывающій взглядъ на бродягу и сказалъ:

— Ты говоришь, меня люди знаютъ?

— Еще бы не знать, — крикнулъ Голымбёвскій.—Я тебя знаю, ты злодѣй!

— А я тебѣ скажу, что ты меня не знаешь и только теперь узнаешь.

И съ этими словами онъ снялъ синіе очки, изъ-подъ которые засверкали такіе живые, черные глаза, что бродяга отшатнулся и не могъ выдержать ихъ взгляда.

— Знаешь ты,—продолжалъ ростовщикъ,—отчего твоя жена умерла съ голоду? Потому что, какъ будто изъ-за нея здѣсь

у васъ умеръ съ голоду кто-то другой... А знаешь ты, отчего я выбросилъ васъ изъ этой лачуги? Оттого, что 25 лѣтъ тому назадъ вы также выгнали меня отсюда... А знаешь ты, кто тебя отдалъ въ кандалы?.. Это я! Сказать тебѣ за что?... Помнишь ты того маленькаго Гутю, съ которымъ ты игралъ, когда еще былъ мальчишкой?.. Ты еще его тогда толкнулъ въ колодезь... У него до сихъ поръ на лбу знакъ отъ ушиба, а у тебя за то на ногахъ и на рукахъ знаки отъ цѣпей. Теперь онъ панъ, милліонеръ, а ты песъ, котораго завтра опять поймаютъ и закуютъ въ цѣпи... Теперь ты меня знаешь, Ендрусь?..—спросилъ ростовщикъ.

Въ рукѣ разбойника блеснулъ длинный складной ножъ. Вавжинецъ засмѣялся.

— Осторожнѣй, Ендрусь, — сказалъ онъ, кладя руку за бортъ пальто и отступая назадъ.

Разбойникъ колебался, еще секунда, и онъ бросился съ ножомъ на ростовщика, и почти въ ту же минуту раздался выстрѣлъ.

Ааа!..—простоналъ кто-то въ сѣняхъ и упалъ на землю.

Увидавъ револьверъ въ рукахъ Вавжинца, Голымбёвскій отскочилъ въ сторону какъ бѣшеный, бросился къ окну, выбилъ его и исчезъ. Вавжинецъ остался одинъ среди дыму, потомъ тихо подошелъ къ двери и, смотря въ темноту, спросилъ измѣнившимся голосомъ:

— Кто тамъ?—Отвѣта не было. На влажной землѣ лежалъ какой-то человѣкъ, облитый кровью.—Гутя!.. мой Гутя!.. Убитый!..—проревѣлъ ростовщикъ.—Я убилъ мое дитя!..

Онъ перескочилъ черезъ порогъ, упалъ на колѣни и съ раздирающимъ душу крикомъ началъ цѣловать ноги Вольскаго. Раненый пошевелилъ губами, судорожно сжалъ пальцы и умеръ.

Эпилогъ.

Послѣ смерти Густава филантропическія собранія еще существовали, но уже въ квартирѣ пана Дамазія. Справедливость требуетъ признаться, что скромные бутерброды, которые подавались на собраніяхъ великаго оратора, сильно охладили усердіе его товарищей. Кончилось тѣмъ, что остались вѣрны идеѣ всеобщаго блага только панъ Дамазій и его почитатель, судья. Первый весь вечеръ ораторствовалъ, другой дремалъ и оба были довольны собой. Старый Піолуновичъ одряхлѣлъ, забросилъ гимнастику, отказался отъ душей, оставилъ собранія и пуще огня боялся молодыхъ художниковъ. Любимымъ его занятіемъ было

ходить на кладбище вмѣстѣ съ красивой, уже взрослой, Вандой и украшать цвѣтами могилу Густава, о которомъ онъ вспоминалъ всегда со слезами. Посѣтители госпиталя св. Яна съ нѣкотораго времени обращали особое вниманіе на троихъ душевно-больныхъ. Одинъ изъ нихъ проводилъ цѣлые дни надъ писаніемъ мемуаровъ о пауперизмѣ и надъ обдумываніемъ такой экономической теоріи, которая удовлетворила бы всѣ стороны. Другой сидѣлъ цѣлый день неподвижно и только бормоталъ время отъ времени: «Пойдемъ, Гелюня, гулять, гулять»!.. Третій читалъ обыкновенно книгу св. Өомы Кемпійскаго или дѣлалъ какія-то безконечныя вычисленія; но въ дождливые вечера онъ вдругъ вскакивалъ съ постели и кричалъ нечеловѣческимъ голосомъ:

— Гутя!.. мой Гутя убитъ!.. я убилъ свое дитя!

М. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

DOLOROSA.

Въ саду монастыря, цвѣтущую какъ розу —
Я видѣлъ въ траурѣ Мадонну Долорозу.
На бѣлый памятникъ она роняла взоръ;
Густые волосы разъединялъ проборъ,
Теряясь подъ косой, завѣшенной вуалью.
Она дышала вся молитвой и печалью!
На матовой рукѣ, опущенной съ вѣнкомъ,
Кольцо вѣнчальное свѣтилось огонькомъ
И флеромъ сборчатымъ окутанная шея
Сверкала юностью, сгибаясь и бѣлѣя.

II.

ТВЕРДОСТЬ.

Люблю твоихъ глазъ непорочную ясность
И смѣлую правду рѣчей,
И добрыхъ дѣяній святую негласность
Въ кругу незамѣтныхъ людей.
Но ежели счастье тебя отуманитъ
И съ лаской подкрадется лесть
И блага, которыхъ не счесть,
Фортуна къ тебѣ раболѣпно протянетъ, —

Незыблемъ останься межъ нихъ:
Такъ струны прямыя лучей золотыхъ,
Снопомъ ниспадая изъ купола храма,
Недвижны въ кудрявыхъ волнахъ ѳиміама...

III.

РАСКОПКИ.

Мы къ снамъ заоблачнымъ утратили порывы
И двери вѣчности предъ нами заперты:
Земля, одна земля!.. и по краямъ—обрывы,
И нѣтъ ни выхода, ни цѣли для мечты...
Почуявъ страшныя, отвѣсныя стремнины
Вокругъ земной коры, гдѣ тлѣетъ нашъ очагъ,
Сказали мы себѣ: «мы дѣти этой глины
И отъ плотскихъ заботъ отнынѣ—ни на шагъ!
Довольно вѣровалъ и мучился нашъ предокъ,
На небо возводя благочестивый взоръ:
Разсѣять мы хотимъ опасный этотъ вздоръ
Путемъ анализа и тщательныхъ развѣдокъ».

Съ незыблемыхъ святынь покровы сняты прочь:
Открыты въ чудесахъ секретныя пружины;
Все взрыто, свергнуто; вездѣ зіяетъ ночь,
Гдѣ прежде таяли волшебныя картины...
И рѣзче все, черствѣй звучитъ недобрый смѣхъ
Утѣшенной попытки разрушенья:
Намъ чуть мерещутся, сквозь длинный рядъ помѣхъ,
Когда-то милыя для сердца заблужденья...
На глыбы черныя роняетъ только свѣтъ
Фонарь, колеблемый рабочимъ утомленнымъ,
Но не скорбитъ задумчивый Гамлетъ
Надъ черепомъ, раскопкой обнаженнымъ:
Подъ костью звонкою, во впадинѣ пустой,
Гуляетъ вѣтеръ шумный и ненастный,
А рядомъ труженикъ сурово-безучастный
Во мракъ спускается опасною тропой...

IV.

ИМАТРА.

Во рву, межъ деревьями сада,
Взлетая съ глубокаго дна,
Мелькаетъ хребетъ водопада,
Какъ бѣлыя хлопья руна
Гонимаго бурею стада.

Сѣдая отъ пѣны рѣка
Бѣснуется въ ложѣ гранита,
И бьется въ стальные бока
И съ ревомъ грохочетъ вѣка
И все еще гнѣвомъ не сыта!

Тамъ стѣны утесовъ черны
Отъ ярыхъ набѣговъ волны—
Отъ плеска пучины мятежной
Въ уступы темницы прибрежной;
Тамъ брызги надъ пѣнной горой
Взметаютъ вѣнцы и фонтаны,
И млечныя нити порой
Гранитъ выливаетъ изъ раны.

Быстрѣе мельканія думъ,
Быстрѣе мгновенія ока
Летитъ подъ неистовый шумъ
Сто-гривая пѣна потока,
И холодно сосны глядятъ
Въ кипящій внизу водопадъ
И слушаютъ съ грустью березы
Его вѣковыя угрозы...

V.

МАЙ.

Изъ лучшей стороны струясь и прибывая,
Тепло нахлынуло и брызнулъ дождикъ мая:
Какъ дымъ кадильницы пахучая листва
Деревья зимнія одѣла въ кружева;

На кленахъ—крылышки, сережки—на осинахъ,
Цвѣты на яблоняхъ, цвѣты на луговинахъ,
Цвѣтные зонтики въ аллеяхъ золотыхъ,
Одежды свѣтлыя на торсахъ молодыхъ,
И слабый звонъ пчелы межъ крестиковъ сирени,
И трель пѣвца любви, пѣвца вечерней тѣни—
Плодотвореніе, истома, поцѣлуй—
Очнись, печальный другъ, очнись и не тоскуй!
Но ты не слушаешь... лицо твое уныло,
Какъ будто все, что̀ есть, тебѣ уже не мило,
Какъ будто взоръ очей, для счастья неживой,
Отъ чуждыхъ радостей желалъ бы на покой.
Ты видѣлъ много лѣтъ, ты знаешь эту моду
Весной отогрѣвать прозябшую природу,
Тревожить мирный сонъ ея глубокихъ силъ,
Вздымать могучій сокъ изъ потаенныхъ жилъ
Затѣмъ, дабы на мигъ убравъ ее показнѣй,—
Разчесться за уборъ цѣной осеннихъ казней...
Ты знаешь и молчишь, и нѣтъ въ очахъ любви.
Ты шепчешь горестно: «гдѣ спутники мои?
Иные отцвѣли, иные опочили:
Мы вмѣстѣ знали жизнь и вмѣстѣ мы любили».

VI.

НЕЛЬЗЯ.

Нельзя въ душѣ уврачевать
Ея старинныя печали,
Когда на сердцѣ ихъ печать
Годами слезы выжигали.
Пусть новый смѣхъ звучитъ въ устахъ,
И счастье новое въ чертахъ
Свой алый свѣточъ зарумянитъ—
Для давней скорби мигъ настанетъ:
Она мелькнетъ еще въ умѣ,
Пришлетъ свой ропотъ присмирѣвшій,
Какъ вѣтеръ въ листьяхъ прошумѣвшій,
Какъ звукъ, заплакавшій во тьмѣ...

С. Андреевскій.

ЗАКОНЫ ИСТОРІИ

и

СОЦІАЛЬНЫЙ ПРОГРЕССЪ

По поводу сочиненія Н. И. Карѣева: «Основные вопросы философіи исторіи», два тома.

I.

«Исторія, какъ наука въ истинномъ смыслѣ этого слова, есть нелѣпое понятіе», — говоритъ Стэнли Джевонсъ, авторъ обширнаго трактата о научной логикѣ. «Всегда есть нѣсколько великихъ руководителей, людей съ исключительнымъ геніемъ или счастьемъ, безотчетныя мнѣнія и распоряженія которыхъ заправляютъ всею націею. Отъ времени до времени возникаютъ критическія положенія, сраженія, щекотливые переговоры, внутренніе перевороты, въ которыхъ малѣйшія случайности могутъ измѣнить ходъ событій; нѣсколько оскорбительныхъ словъ въ депешѣ могутъ возмутить національную гордость; случайный выстрѣлъ можетъ вызвать столкновеніе, дѣйствія котораго могутъ продолжаться столѣтія. Говорятъ, что исторія Европы зависѣла одно мгновеніе отъ того, замѣтитъ ли или не замѣтитъ часовой на кораблѣ Нельсона корабль экспедиціи Наполеона въ Египетъ, проходившій не вдалекѣ. Такимъ образомъ въ человѣческихъ дѣлахъ малѣйшія причины могутъ производить величайшія дѣй-

ствія, и о дѣйствительномъ примѣненіи научнаго метода не можетъ быть и рѣчи» [1]).

Подобныя сужденія объ исторіи встрѣчаются очень часто въ литературѣ. Историческіе факты представляютъ, повидимому, безпорядочную груду матеріала, въ которомъ нельзя найти ни руководящей идеи, ни послѣдовательной логической связи; нѣтъ возможности извлечь какіе-либо общіе законы изъ хаоса смѣняющихся явленій, порождаемыхъ случаемъ и произволомъ. «Обстоятельства, которыя вліяютъ на состояніе и развитіе общества, — какъ замѣчаетъ Милль,—чрезвычайно разнообразны и постоянно измѣняются, и хотя всѣ эти перемѣны имѣютъ свои причины и слѣдовательно свои законы, но многочисленность ихъ такова, что исключаетъ всякую возможность вычисленія. Мы не можемъ поэтому надѣяться на то, чтобы даже при самомъ точномъ знаніи законовъ, управляющихъ человѣческими обществами, мы когда-либо были въ состояніи *предсказывать исторію общества на тысячи лѣтъ впередъ*, подобно тому, какъ это дѣлаютъ астрономы относительно небесныхъ явленій. Но различіе достовѣрности зависитъ не отъ самихъ законовъ, а отъ тѣхъ данныхъ, къ которымъ эти законы должны прилагаться» (Логика, кн. VI, гл. VI, § 2).

Публицисты и историки не могутъ однако отказаться отъ попытокъ предвидѣнія будущаго на основаніи данныхъ настоящаго и прошедшаго. «Savoir c'est prévoir» — это положеніе давно уже считается аксіомою для всякой вообще науки, и честолюбивая мечта соціальныхъ философовъ — сдѣлать эту аксіому примѣнимою къ изслѣдованію историческихъ судебъ человѣчества — не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго или неосновательнаго. Чтó можетъ быть заманчивѣе перспективы, которую столь робко открываетъ передъ нами Милль въ приведенныхъ выше словахъ? Если не съ полною точностью и не на тысячи лѣтъ, а только приблизительно и на болѣе краткіе періоды оказалось бы возможнымъ научное предсказаніе, то и это было бы величайшимъ и плодотворнѣйшимъ открытіемъ, какого могъ бы достигнуть человѣческій умъ для пользы человѣческаго рода. Люди знали бы, куда идутъ и чтó ихъ ожидаетъ впереди; они могли бы принимать заранѣе свои мѣры и спокойно встрѣчали бы будущее, безъ колебаній и сомнѣній. Не приходилось бы блуждать ощупью, на угадъ, въ роковой полутьмѣ; не было бы повода

---

[1]) Основы науки, перев. Антоновича, Спб. 1881, стр. 707.

опасаться, что путь избранъ нами невѣрно, что, думая достигнуть желанной пристани, мы направляемся къ пропасти, что, стремясь къ хорошей цѣли, мы дѣлаемъ, быть можетъ, великое зло. Предъ нами прояснилась бы дорога, какъ бы извилиста и трудна она ни была; мы имѣли бы ученыхъ путеводителей, которые предупреждали бы насъ относительно предстоящихъ невзгодъ и замѣшательствъ. И все это только безпредметный миражъ, напрасно смущающій воображеніе соціологовъ!

То, что недоступно наукѣ, смѣло рѣшается практикою общественнаго мнѣнія и политической журналистики. «Законы исторіи», которыхъ не нашелъ еще ни одинъ философъ, устанавливаются сплошь и рядомъ, безъ всякаго труда, газетными и государственными дѣятелями;—а сознаніе того, что данный «законъ» существуетъ, приводитъ невольно къ дѣйствительному его примѣненію, въ силу обязательнаго смысла самого слова «законъ». Франко-прусская война 1870 года произошла отчасти потому, что въ обоихъ государствахъ господствовало убѣжденіе въ исторической неизбѣжности борьбы. Всѣмъ казалось, что война должна разыграться во всякомъ случаѣ, независимо отъ миролюбивыхъ стремленій народовъ и дипломатовъ Европы,—ибо надъ двумя сосѣдними націями тяготѣлъ непреложный «историческій законъ», требовавшій крови во что бы то ни стало. Правители обѣихъ странъ были одинаково проникнуты этимъ пагубнымъ сознаніемъ, которое и толкнуло милліоны людей въ колоссальную безсмысленную рѣзню. Теперь распространяется въ печати и въ обществѣ другая, еще болѣе убійственная идея—о предстоящей будто бы борьбѣ германской расы съ славянскою и именно съ Россіею, причемъ грубые инстинкты праздныхъ шовинистовъ прикрываются опять-таки небывалымъ «закономъ» или «ходомъ исторіи». Противъ этихъ вредныхъ заблужденій можетъ дѣйствовать только наука, освѣщающая правильнымъ свѣтомъ историческія судьбы народовъ.

Разъясненіе понятій и вопросовъ, составляющихъ предметъ такъ-называемой философіи исторіи, имѣетъ такимъ образомъ не только научную, но и глубоко-практическую важность. Понятенъ поэтому тотъ интересъ, который должно было возбудить появившееся недавно сочиненіе профессора Н. И. Карѣева, посвященное самымъ жгучимъ «основнымъ» задачамъ современной исторической соціологіи. Ожиданія, вызванныя появленіемъ этой книги, усиливались тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ успѣлъ уже заявить себя, какъ серьёзный изслѣдователь, своими трудами по

исторіи французскаго крестьянства [1]) и многими дѣльными статьями въ различныхъ специальныхъ журналахъ. Притомъ заглавіе сочиненія обѣщаетъ не только разборъ «основныхъ вопросовъ философіи исторіи», но и постройку цѣлой «теоріи историческаго прогресса». Если даже читатель останется не совсѣмъ удовлетвореннымъ по прочтеніи обоихъ томовъ, то все-таки онъ вынесетъ пріятное чувство, которое рѣдко приходится испытывать въ настоящее время: г. Карѣевъ искренно и горячо вѣруетъ въ существованіе общаго прогресса, не только умственнаго и нравственнаго, но и соціально-политическаго. Встрѣтить человѣка, вѣрующаго въ прогрессъ, при современномъ подавляющемъ господствѣ пессимизма, — само по себѣ уже утѣшительно, тѣмъ болѣе, когда эта вѣра проповѣдуется человѣкомъ науки, располагающимъ всѣми данными для критическаго анализа дѣйствительности. Г. Карѣевъ имѣетъ свои опредѣленные идеалы, которые служатъ ему мѣриломъ для оцѣнки прошлаго и настоящаго; эти идеалы, которые можно назвать истинно-либеральными и человѣчными, проходятъ, какъ красная нить черезъ всѣ его разсужденія.

За то съ научной стороны читателя ждетъ нѣкоторое разочарованіе,—отчасти благодаря недостаткамъ системы, принятой авторомъ. Г. Карѣевъ преимущественно излагаетъ и критикуетъ литературу предмета; собранный имъ богатый литературный матеріалъ распредѣленъ по различнымъ рубрикамъ, такъ-что одни и тѣ же писатели приводятся много разъ по каждому отдѣльному вопросу, и ни одинъ изъ разобранныхъ по кусочкамъ авторовъ не оставляетъ въ читателѣ цѣльнаго впечатлѣнія. А между тѣмъ критика составляетъ главное содержаніе книги, и это излишество балласта мѣшаетъ слѣдить за мыслью самого г. Карѣева [2]). Нѣкоторые вопросы, несомнѣнно «основные», разрѣшаются только на половину, въ отрицательномъ смыслѣ, или совсѣмъ устраняются, какъ не входящіе будто бы въ область «философіи исторіи»; этимъ создается для послѣдней выгодное положеніе, въ которомъ авторъ

[1]) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка", М. 1879, и „Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 года". Варшава, 1881.

[2]) Замѣтимъ также, что авторъ не соблюдаетъ должной перспективы при оцѣнкѣ писателей: — отзываясь кратко и пренебрежительно о такихъ философахъ, какъ Огюстъ Контъ, онъ въ тоже время постоянно приводитъ длинныя выписки изъ философскихъ статей русскихъ журналовъ, — статей отчасти забытыхъ или никѣмъ не замѣченныхъ. Разумѣется, нельзя не сочувствовать внимательному отношенію автора къ отечественной литературѣ по соціологіи; но книга читалась бы гораздо легче, если бы въ ней не было массы ненужныхъ и иногда удивительныхъ цитатъ.

видитъ нѣчто въ родѣ научнаго успѣха. Объяснивъ, напримѣръ, несостоятельность общепринятаго пониманія «законовъ исторіи», г. Карѣевъ избѣгаетъ положительной постановки вопроса и отсылаетъ читателей къ другимъ наукамъ—къ психологіи и соціологіи, которыя также этого вопроса не рѣшаютъ, какъ доказываетъ самъ же авторъ въ своей критикѣ соціологическихъ ученій. Такимъ удобнымъ способомъ «историки освобождаются отъ упрека, что не занимаются открытіемъ законовъ, потому что освобождаются отъ этой задачи». Возлагая задачу открытія законовъ историческаго процесса на психологію и соціологію, — объясняетъ авторъ,—мы не нуждаемся въ какихъ-то еще особыхъ историческихъ законахъ, помимо общихъ психологическихъ и соціологическихъ, *что устраняетъ изъ философіи исторіи массу недоразумѣній* (т. I, стр. 109). Очевидно, «масса недоразумѣній» нисколько не уменьшится отъ того, что она будетъ перенесена изъ одной области въ другую. Если такъ устранять недоразумѣнія вмѣстѣ съ самыми вопросами, которыхъ они касаются, то наука рискуетъ остаться безъ содержанія, и таково именно было бы положеніе «философіи исторіи» въ рукахъ г. Карѣева, еслибъ онъ пожелалъ быть вполнѣ послѣдовательнымъ. Заботясь о точномъ разграниченіи отдѣльныхъ отраслей историческаго знанія, авторъ исключаетъ изъ числа «философовъ исторіи» даже Вико, признаваемаго отцомъ этой науки, и относитъ его всецѣло въ разрядъ соціологовъ, на томъ основаніи, что «онъ занятъ не изображеніемъ хода всемірной исторіи, а изслѣдованіемъ законовъ исторической жизни вообще». Вико задался цѣлью «установить единообразный ходъ націй», а эта задача «входитъ уже въ область соціологіи». Но въ такомъ случаѣ г. Карѣевъ долженъ прежде всего вычеркнуть самого себя изъ списка дѣятелей по философіи исторіи, ибо онъ идетъ гораздо далѣе Вико по пути чисто-соціологическихъ изслѣдованій,—онъ хочетъ создать теорію общечеловѣческаго прогресса, что̀ несомнѣнно есть дѣло соціолога, а никакъ не историка. Правда, авторъ выдѣляетъ еще особую доктрину, подъ названіемъ исторіософіи, которая есть не что иное какъ «общая теорія философіи исторіи» или «сводъ принциповъ, которыми обязанъ руководствоваться философъ исторіи». Но это выдѣленіе, во-первыхъ, не достаточно мотивировано, а во-вторыхъ, оно нисколько не объясняетъ включенія самостоятельной теоріи прогресса въ трактатъ, не относящійся прямо къ соціологіи.

Г. Карѣевъ даетъ своей наукѣ крайне-неясныя очертанія, которыя какъ-то странно противорѣчатъ его чрезмѣрной забот-

ливости о вопросахъ классификаціи и систематики. Философія исторіи, по его опредѣленію, заключается въ философскомъ (или «абстрактно-феноменологическомъ», по вычурной терминологіи автора) изображеніи перемѣнъ въ жизни человѣчества; она отличается отъ исторіи лишь «большею абстрактностью, болѣе тѣснымъ отношеніемъ къ субъективнымъ вопросамъ человѣческаго духа и необходимымъ распространеніемъ на цѣлое историческаго процесса»; своимъ конкретнымъ характеромъ она «отличается отъ соціологіи, которая должна ей дать научныя основы для объясненія изучаемаго ею процесса; своею связью съ разсмотрѣніемъ всемірной исторіи—отъ частныхъ исторій, идеаломъ которыхъ можетъ быть философская исторія». Въ концѣ-концовъ, какъ поясняетъ самъ же авторъ, это будетъ «та же всемірная исторія, только доведенная до извѣстной степени абстрактности въ изображеніи ея хода». Зачѣмъ же дѣлать изъ нея особую науку, когда предметъ ея почти совпадаетъ съ содержаніемъ исторіи въ собственномъ смыслѣ? Развѣ возможно отдѣлить общее освѣщеніе фактовъ отъ изложенія и анализа самихъ фактовъ? Ни одинъ современный историкъ не ограничивается ролью простого повѣствователя, и философія исторіи въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ее г. Карѣевъ, составляетъ необходимую принадлежность всякой вообще исторіи, въ научномъ значеніи этого слова. Историкъ не только разсказываетъ, но и объясняетъ явленія, и при этомъ объясненіи онъ неизбѣжно долженъ руководствоваться данными психологіи и соціологіи, политическихъ, экономическихъ, юридическихъ и другихъ вспомогательныхъ наукъ. На долю «философа исторіи» останется развѣ то смутное, неопредѣленное философствованіе надъ исторіею, которому г. Карѣевъ справедливо не придаетъ никакой цѣны. Или наоборотъ: если, «абстрактно-субъективное» освѣщеніе событій отпадаетъ отъ обязательныхъ задачъ исторіи и возводится на степень особой науки, то на долю исторіи въ собственномъ смыслѣ остается лишь механическое сцѣпленіе фактовъ и случайностей, которое вполнѣ оправдывало бы суровый приговоръ Стэнли-Джевонса, приведенный нами выше.

Между прочимъ, авторъ считаетъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ «философіи исторіи» разсмотрѣніе судебъ всего человѣчества, а не отдѣльныхъ народовъ; это однако вовсе не вытекаетъ изъ даннаго имъ опредѣленія, которымъ характеризуется только способъ отношенія къ предмету, а не самый матеріалъ, подлежащій изслѣдованію. Судьбы каждаго отдѣльнаго государства могутъ быть излагаемы съ философской точки зрѣнія, и

нѣтъ никакого логическаго основанія непремѣнно связывать философію съ одною лишь всемірною исторіею. Установленіе такой непремѣнной связи имѣло бы смыслъ только тогда, еслибы авторъ считалъ предметомъ «философіи исторіи» изслѣдованіе общихъ историческихъ законовъ или общаго плана въ ходѣ исторіи; но простое «абстрактное изображеніе» можетъ и даже должно относиться лишь къ судьбамъ отдѣльныхъ народовъ, ибо каждый народъ имѣетъ свою особую исторію, которую приходится изображать и освѣщать особо. Самъ же г. Карѣевъ въ одномъ мѣстѣ ставитъ себѣ вопросъ: «можемъ ли мы говорить о единствѣ человѣчества, о единствѣ его исторіи?» «Конечно, нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ далѣе, — эмпирически человѣчество—многое, оно въ своей исторіи не представляетъ даже внѣшняго единства. Только въ одномъ отношеніи позволительно говорить о немъ въ противоположномъ смыслѣ, признавая именно внутреннее тождество его духовныхъ способностей и общественныхъ инстинктовъ, тождество законовъ, управляющихъ его психическою и соціальною жизнью». А такъ какъ изученіе этихъ законовъ не касается философіи исторіи, то послѣдней нечего дѣлать съ единствомъ человѣчества, и связь ея съ всеобщею или спеціальною исторіею зависитъ отъ желанія изслѣдователя.

Дѣло еще болѣе затемняется дальнѣйшими объясненіями автора. Философія исторіи,—говоритъ онъ,—имѣетъ дѣло съ общими историческими теченіями, въ которыхъ особенно ясно можетъ проявляться дѣйствіе законовъ духовнаго и общественнаго развитія человѣчества; поэтому *для нея особенно важно изслѣдованіе этихъ законовъ*, которые, объясняя прошедшее, въ то же время давали бы нѣкоторое указаніе относительно будущаго и такимъ образомъ сообщали бы намъ извѣстнаго рода знаніе общаго направленія исторіи»... Здѣсь философскому направленію приписывается уже та именно роль, которая рѣшительно осуждается г. Карѣевымъ у другихъ авторовъ, и за которую онъ такъ строго обошелся съ старикомъ Вико. На первый планъ выступаютъ законы развитія человѣчества, общія историческія теченія и общій ходъ исторіи; а чтобы оріентироваться въ этой области вопросовъ, отнесенныхъ раньше къ соціологіи, г. Карѣевъ выдвигаетъ на сцену свою «исторіософію», которая почему-то оказывается способною восполнить собою недостаточность философіи исторіи. То, чего не можетъ рѣшить философія исторіи, разрѣшается «исторіософіею»; послѣдняя будетъ снабжать теоретиковъ принципами философіи, психологіи и соціологіи, а также положеніями объ историческомъ методѣ. Затрудненіе обойдено, и

выходъ найденъ: соціологическіе законы будутъ вырабатываться историками подъ новымъ знаменемъ исторіософіи, такъ что и Вико, изгнанный изъ предѣловъ «философіи исторіи», можетъ вновь занять тамъ свое мѣсто въ качествѣ «исторіософа».

Признаемся, что мы не видимъ ничего серьезнаго въ этой странной игрѣ словъ и названій. Авторъ ждетъ важныхъ результатовъ отъ переименованія части философіи исторіи въ исторіософію. «Особенно въ наше время,—говоритъ онъ,—чувствуется необходимость въ подобной дисциплинѣ, когда исторія колеблется между самымъ грубымъ эмпиризмомъ и самыми произвольными и субъективными толкованіями, когда въ философскихъ воззрѣніяхъ господствуетъ полнѣйшая анархія, а въ исторіи—несистематическое философствованіе, когда съ разныхъ сторонъ предлагается столько всевозможныхъ историческихъ теорій, одна другой противорѣчащихъ, когда наконецъ существуетъ столько недоразумѣній, столько взаимнаго непониманія или игнорированія между историками, психологами, соціологами, философами, что самое существованіе философіи исторіи подвергается нѣкоторыми сильному сомнѣнію». Намъ рѣшительно непонятно, какимъ образомъ всѣ эти трудности могутъ быть ослаблены образованіемъ новой смѣшанной доктрины изъ столь неустановившихся элементовъ; напротивъ, путаница только увеличится: у каждаго автора будетъ своя исторіософія, каждый будетъ по своему перестраивать соціологію и каждый будетъ создавать свои самостоятельныя теоріи не только для своей собственной, но и для сосѣднихъ вспомогательныхъ наукъ. Источникъ анархіи, на которую указываетъ г. Карѣевъ, заключается въ шаткости основныхъ соціальныхъ и философскихъ наукъ, на которыя долженъ опираться изслѣдователь исторіи. Пока соціологія не достигнетъ болѣе прочнаго положительнаго развитія, до тѣхъ поръ и исторія и философія исторіи не могутъ разсчитывать на правильную научную постановку. Созданіе новой сомнительной доктрины, подъ особымъ названіемъ, не могло бы ни въ какомъ случаѣ улучшить положеніе дѣла.

Быть можетъ, «исторіософія» нужна была г. Карѣеву только для того, чтобы оправдать подробную разработку теоріи прогресса, которой будетъ посвященъ еще третій томъ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи». Значеніе этой теоріи будетъ разобрано нами ниже; теперь же мы отмѣтимъ только тѣ логическія послѣдствія, къ которымъ приводитъ своеобразный взглядъ г. Карѣева на границы «философіи исторіи». Историкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи громадную массу фактовъ; распредѣляя ихъ

на обширныя однородныя группы, анализируя и объясняя ихъ смыслъ, отыскивая въ нихъ пружины человѣческихъ дѣйствій, философъ исторіи естественно наталкивается на обобщенія, изъ которыхъ могутъ быть извлечены важныя научныя начала, имѣющія общее примѣненіе. Неужели, предаваясь этой плодотворной работѣ, онъ выходитъ уже за предѣлы своей спеціальности? Почему онъ долженъ ждать указаній отъ соціолога, когда самъ можетъ снабдить его множествомъ историческихъ наблюденій, примѣровъ и выводовъ? Исторія даетъ богатѣйшій матеріалъ для соціологіи; и если этотъ матеріалъ предлагается въ «хорошо разработанномъ и достаточно обобщенномъ» видѣ, то философіи остается только привести его путемъ анализа къ извѣстнымъ общимъ элементамъ, могущимъ служить основою для соціально-психологическихъ и соціологическихъ законовъ. Другими словами, философы-историки должны доставлять соціологамъ обобщенія и начала, извлекаемыя изъ анализа прошлыхъ судебъ человѣчества. Тѣ научные законы, которые имѣютъ историческую основу или вытекаютъ изъ опыта исторіи, могутъ быть вырабатываемы съ наибольшимъ успѣхомъ самими же историками-философами. Соціологія должна получать часть своего матеріала отъ исторической науки и давать ей взамѣнъ свои руководящія идеи; а по автору выходитъ наоборотъ—философія исторіи заимствуетъ свои начала изъ другихъ наукъ и сама создаетъ для нихъ руководящія идеи, въ родѣ теоріи прогресса. Ненужныя противорѣчія и затрудненія устраняются сами собою, если оставить за философіею исторіи тотъ широкій смыслъ, какой придаетъ ей большинство писателей, критикуемыхъ г. Карѣевымъ.

Нѣтъ вообще ничего безплоднѣе спора о границахъ и названіяхъ наукъ, когда не установлены еще самые методы, примѣнимые къ данному кругу явленій. Научная соціологія явилась только недавно, и если такая сравнительно старая наука, какъ философія исторіи, начинаетъ уже сваливать на нее главнѣйшія свои задачи, то это можетъ быть принято только какъ настоящее testimonium paupertatis. Направляясь по такому пути, философія исторіи теряетъ смыслъ своего существованія; она должна исчезнуть изъ ряда наукъ и слиться окончательно съ соціологіею, какъ ея составная часть. Такъ смотрятъ многіе уже въ настоящее время, и напрасно г. Карѣевъ не придаетъ значенія этому взгляду, думая опровергнуть его простымъ указаніемъ на различіе конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ. Нужно только, вслѣдъ за Спенсеромъ и Бэномъ, признать соціологію наукою конкретною, а не абстрактною или «номологическою», какъ называетъ ее г. Карѣевъ,—и

философія исторіи окажется въ томъ же разрядѣ, что и соціологія, и сліяніе ихъ будетъ уже логически возможно. «Теоретическая наука объ обществѣ, — замѣчаетъ Бэнъ, — называется часто философіею исторіи» [1]). Это мимоходное замѣчаніе англійскаго мыслителя представляетъ самый лучшій комментарій къ напраснымъ хлопотамъ о точномъ размежеваніи и раздробленіи наукъ, связанныхъ единствомъ цѣлей и содержанія.

II.

Обычныя понятія объ историческихъ законахъ, управляющихъ жизнью человѣческихъ обществъ, и различныя теоріи, стремящіяся установить эти законы, разобраны г. Карѣевымъ вполнѣ основательно. «Исторія,—говоритъ авторъ, — есть процессъ, состоящій изъ послѣдовательной смѣны явленій, которыя даются намъ лишь одинъ разъ въ данной совокупности; историческіе факты не повторяются, они вполнѣ индивидуальны». Чтобы открыть какой-либо научный законъ въ смыслѣ постоянной и необходимой связи явленій, нужно имѣть прежде всего рядъ повторяющихся въ неизмѣнномъ порядкѣ фактовъ. «Нельзя найти никакихъ опредѣленныхъ пространственныхъ отношеній для извилистаго теченія рѣки, для линіи, нацарапанной ребенкомъ на грифельной доскѣ, для безцѣльнаго блужданія рыбы въ водѣ въ разныхъ направленіяхъ, для протоптанныхъ въ лѣсу тропинокъ, для рысканья лягавой собаки на охотѣ и т. п... Движеніе человѣчества — не стройные марши войска на ученіи, а *уличная толкотня*, то *va-et-vient*, въ которомъ каждый спѣшитъ по своему дѣлу или просто безцѣльно шатается, не подчиняясь одной общей причинѣ... Всѣ атомы увлекаютъ тѣло по одному направленію; люди, такъ сказать, тащутъ исторію въ разныя стороны, и ходъ ея зависитъ отъ того, въ какую сторону склоняетъ ее большинство... Исторія—это живая ткань линій, неправильныхъ и извилистыхъ, переплетающихся самымъ разнообразнымъ и неожиданнымъ образомъ, то спутывающихся до безконечности, то слагающихся въ нѣсколько отграниченныхъ системъ, то сближающихся, то удаляющихся,—ткань, полная узловъ, причудливыхъ узоровъ, невообразимой путаницы и невѣроятнаго хаоса. Изученіе ея во всѣхъ мелочахъ даже немыслимо: это значило бы возсоздать всю

---

[1]) Logic, v. II, p. 318 (изд. 1873 г.). См. также v. I, p. 28 (§ 41) и p. 282 и слѣд. (Приложеніе А: „о классификаціи наукъ“).

дѣятельность всѣхъ людей со всѣми ихъ причинами и слѣдствіями. Историку приходится поэтому ограничиться господствующими линіями, существенными направленіями, наиболѣе важными узлами, подобно тому, какъ географъ изучаетъ не всѣ неровности земной поверхности, а только тѣ, которыя имѣютъ извѣстные размѣры» (т. I, стр. 140, 153 и слѣд.). Понятно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо историческихъ законахъ; ихъ надо «отнести къ области химеръ въ родѣ философскаго камня», и самое выраженіе *историческіе законы* должно быть разъ навсегда оставлено. Никакого общаго плана не существуетъ въ ходѣ исторіи; всемірная исторія есть «не что иное какъ *хаотическое сцѣпленіе случайностей*, происходящее во времени» (стр. 198). Г. Карѣевъ много разъ возвращается къ этой мысли, изъ которой возможенъ только одинъ выводъ: исторія, занимающаяся подобнымъ безпорядочнымъ матеріаломъ, не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ о наукѣ. Занятіе исторіею, какъ выразился еще Шопенгауеръ,—предметъ недостойный философа; ибо «то, что разсказываетъ исторія, есть на дѣлѣ только длинное, тяжелое, запутанное сновидѣніе человѣчества». Авторъ споритъ противъ такого пессимизма, но самъ столь краснорѣчиво изображаетъ безсмысленную случайность историческихъ явленій, что его дальнѣйшіе доводы въ пользу научности исторіи утрачиваютъ значительную долю своей силы. Впрочемъ, авторъ понимаетъ случайность не въ вульгарномъ, а въ строго-научномъ смыслѣ. «Каждое явленіе,—поясняетъ онъ, — необходимо по отношенію къ своей причинѣ и случайно по отношенію ко всему остальному»; съ этой точки зрѣнія одно и то же можетъ быть и случайнымъ и необходимымъ, смотря по тому, какой рядъ причинъ мы беремъ. Личность Цезаря и его смерть, побѣда Октавіана надъ Антоніемъ,—случайности въ общемъ процессѣ образованія римской имперіи; но и «сама римская имперія есть случайность въ жизни всего человѣческаго рода и его прогрессивнаго движенія», и наконецъ, для общаго міроваго процесса «вся человѣческая исторія есть только громадная случайность» (стр. 203). Хаосъ историческихъ фактовъ не можетъ быть приведенъ къ законамъ, не вслѣдствіе господства случая, а по безконечному разнообразію и сложности явленій въ ихъ конкретной индивидуальной формѣ.

Въ вопросѣ о законахъ исторіи есть одинъ темный и чрезвычайно важный пунктъ, къ которому г. Карѣевъ подходитъ совсѣмъ близко, но который все-таки не получаетъ у него надлежащаго освѣщенія. Картина историческаго хаоса, приведенная авторомъ мо-

жетъ быть повторена буквально по отношенію ко всей вообще внѣшней природѣ. Естествоиспытатель можетъ сказать: «нѣтъ никакой возможности найти какую-нибудь систему въ смѣнѣ окружающихъ насъ явленій; предметы двигаются одновременно въ разныхъ направленіяхъ, соединяясь и перепутываясь между собою въ невѣроятномъ количествѣ комбинацій; птицы летаютъ безъ всякаго порядка, камни разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, по волѣ слѣпого случая; вѣтры и дожди, бури и молніи не поддаются никакимъ вычисленіямъ, а на небѣ милліоны и милліарды звѣздъ движутся въ ужасающемъ разнообразіи, безъ всякаго плана и смысла. Каждый фактъ природы, всякое движеніе матеріи имѣетъ свои индивидуальныя особенности, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни опредѣлить. Почему такой-то вулканъ, молчавшій цѣлыя столѣтія, излилъ свою лаву именно теперь, а не въ другое время? Почему землетрясеніе опустошило мѣстность, гдѣ раньше подобныхъ катастрофъ никогда не бывало? Умъ человѣческій теряется среди этого хаоса; отыскивать какіе-нибудь законы въ ходѣ природы — значитъ преслѣдовать пустую химеру въ родѣ философскаго камня». Естествоиспытатель, разсуждающій такимъ образомъ, былъ бы настолько же правъ, какъ и философъ исторіи, останавливающійся передъ безъисходнымъ калейдоскопомъ смѣняющихся историческихъ событій.

Въ чемъ же разница между изслѣдователями природныхъ и человѣческихъ дѣлъ, и почему для первыхъ существуютъ научные законы, а для послѣднихъ — нѣтъ? Причина очень простая: ни одинъ физикъ не станетъ задаваться мыслью отыскивать законный порядокъ въ массѣ дѣйствительно случающихся фактовъ движенія тѣлъ; ни одинъ химикъ не считаетъ долгомъ слѣдить за всѣми происходящими въ природѣ случаями соединенія и разложенія веществъ; ни одинъ вообще естествоиспытатель не занимается описываніемъ отдѣльныхъ явленій въ ихъ индивидуально-конкретной обстановкѣ. Г. Карѣевъ ошибается, утверждая, что при изученіи природы мы имѣемъ дѣло съ рядами повторяющихся въ неизмѣнной связи однородныхъ фактовъ, чего не представляетъ будто бы содержаніе исторіи. Ни одинъ частный случай движенія не похожъ на другой; каждый имѣетъ свои спеціальныя условія и причины. Если тѣмъ не менѣе открыты законы паденія тѣлъ, то только потому, что физика сводитъ все разнообразіе явленій къ извѣстнымъ основнымъ элементамъ, отдѣляетъ постоянные признаки отъ побочныхъ и случайныхъ, опредѣляетъ черты сходства и различія, и устанавливаетъ такимъ образомъ общую формулу,

объясняющую всѣ частные случаи. Такъ же точно долженъ поступать изслѣдователь человѣческихъ судебъ въ исторіи: вмѣсто того, чтобы довольствоваться собираніемъ и изложеніемъ дѣйствительно случившихся фактовъ, онъ долженъ подвергнуть анализу однородныя группы явленій и свести ихъ къ первоначальнымъ источникамъ и причинамъ. Тогда и историческіе законы окажутся не пустою химерою, хотя и будутъ имѣть только производное значеніе, вытекая изъ свойствъ человѣческой природы и изъ условій существованія народовъ. Г. Карѣевъ также признаетъ, что «въ человѣческой исторіи мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторою постоянною основою—природою человѣческаго духа и общества и управляющими ими законами» (стр. 208), что можно «найти нѣкоторые постоянные пути, по которымъ совершается развитіе того или другого элемента культуры, той или другой соціальной организаціи, поскольку изучаемыя нами явленія повторяются у разныхъ народовъ и по самой своей природѣ должны повторяться именно въ такой, а не другой послѣдовательности» (стр. 114), что можно «установить общіе законы эволюціи культуры и соціальной организаціи» (стр. 124) и т. д. Значитъ, въ исторіи, какъ и въ природѣ, существуютъ ряды повторяющихся фактовъ, дающіе почву для отысканія общихъ законовъ. Повидимому, для автора все дѣло только въ томъ, чтобы эти историческіе законы назывались не историческими, а соціологическими, и чтобы они разрабатывались не философіею исторіи, а соціологіею. Для сущности вопроса это совершенно безразлично.

Всякій законъ явленій выражается въ видѣ условной формулы: если даны такія-то условія, произойдетъ такой-то результатъ. Поэтому и предсказанія въ положительныхъ наукахъ имѣютъ только условное значеніе; можно съ точностью предвидѣть появленіе кометы, предположивъ, что условія и скорость ея хода остаются тѣ же,—но нельзя утверждать категорически, что никакія пертурбаціи не измѣнятъ ея направленія. Тѣло падаетъ съ такою-то быстротою, *если* его ничто не задерживаетъ, но оно будетъ двигаться медленнѣе, встрѣчая на своемъ пути сопротивленіе, или можетъ совсѣмъ остановиться, наткнувшись на какую-нибудь преграду. Въ этомъ смыслѣ не существуетъ никакихъ безусловныхъ законовъ, которые дѣйствовали бы всегда и вездѣ одинаково. Такихъ законовъ не знаетъ ни одна изъ точныхъ наукъ. Мы предсказываемъ результатъ только въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ въ виду извѣстныя условія, безъ которыхъ онъ не возникнетъ; но никогда мы не можемъ предска-

зать явленіе само по себѣ, помимо связанныхъ съ нимъ предшествующихъ или сопровождающихъ обстоятельствъ. Мы можемъ сказать, что произойдетъ взрывъ, *если* въ порохъ брошена будетъ искра; но произойдетъ-ли взрывъ вообще и попадетъ ли искра въ порохъ—этого опредѣлить нельзя. Склады пороха могутъ существовать цѣлые годы и даже вѣка, безъ всякихъ приключеній, но рука ребенка можетъ произвести взрывъ въ каждую данную минуту. Какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ соціальныхъ, законы явленій и основанныя на нихъ предсказанія имѣютъ лишь условный смыслъ; никакой логической разницы не оказывается въ этомъ отношеніи между естествознаніемъ и историческою соціологіею. Эта важная сторона ускользаетъ отъ вниманія г. Карѣева; онъ полагаетъ, что «законы должны быть безусловны, безотносительны» и что «законъ есть постоянное и неизмѣнное отношеніе, не допускающее исключеній» (стр. 122, 133). Законы исторіи,—если бы они были установлены—являлись бы въ той же формѣ, какъ и законы природы, въ сопровожденіи неизбѣжныхъ «*если*». Государственная власть получаетъ сосредоточенную монархическую организацію, если народъ поглощенъ заботами о внѣшней борьбѣ;—это былъ бы общій историческій законъ, если бы онъ вытекалъ изъ анализа историческихъ фактовъ. Но ненаучно было бы утверждать, что извѣстныя формы государственнаго устройства возникаютъ въ такомъ-то послѣдовательномъ порядкѣ, независимо отъ условій, съ которыми они неразрывно связаны; самыя эти условія могутъ допускать измѣненія, насколько они не коренятся въ основныхъ свойствахъ и слабостяхъ человѣческой природы.

Обобщенія, выведенныя изъ образа дѣйствій людей въ исторіи, могутъ имѣть также характеръ принциповъ, не обусловленныхъ ничѣмъ спеціально; но въ подобныхъ случаяхъ всегда подразумѣвается какой-нибудь мотивъ, служащій необходимымъ условіемъ примѣненія даннаго правила. Такого рода положенія встрѣчаются еще у Вико, котораго не признаетъ г. Карѣевъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующіе тезисы: «Формы правленія должны соотвѣтствовать характеру управляемыхъ» (ибо «публичною школою для правителей служитъ нравственное состояніе народовъ»). «Слабѣйшіе желаютъ законовъ; сильнѣйшіе возстаютъ противъ нихъ; честолюбивѣйшіе требуютъ законовъ, чтобы расположить народъ къ себѣ; правители защищаютъ законы, чтобы сравнить сильныхъ съ слабыми» (здѣсь предполагается, что всѣ руководствуются исключительно личнымъ интересомъ). Вико формулируетъ также ходъ развитія человѣческихъ обществъ, пред-

полагая естественное увеличеніе потребностей и знаній: «Первоначально были лѣса, потомъ хижины, далѣе деревни, затѣмъ города и наконецъ академіи. Люди чувствуютъ сначала необходимое, потомъ думаютъ о полезномъ, далѣе—объ удобномъ, послѣ переходятъ къ пріятному, стремятся къ роскоши и, наконецъ, надаютъ отъ безсмысленнаго злоупотребленія внѣшнимъ міромъ» [1]). Конечно, это только наброски историческихъ обобщеній; но и они доказываютъ, что Вико хорошо понималъ свойство тѣхъ выводовъ, которые должна намъ дать исторія.

Факты, болѣе или менѣе распространенные и повторяющіеся, принимаются часто за законы; эта ошибка принадлежитъ къ числу самыхъ грубыхъ и опасныхъ. Нѣкоторыя государства ведутъ между собою войны и жестоко поступаютъ съ низшими или слабыми расами, съ которыми входятъ въ столкновеніе; отсюда выводятъ неумолимый «законъ борьбы за существованіе». «Никакая власть въ мірѣ,—говоритъ извѣстный Эдуардъ фонъ-Гартманъ,—не въ состояніи задержать истребленіе низшихъ человѣческихъ расъ. Подобно тому, какъ собакѣ, которой нужно отрѣзать хвостъ, мало помогло-бы постепенное отрѣзываніе его по кусочку, такъ же точно мало человѣчности заключается въ стремленіи искусственно продлить жизнь вымирающихъ племенъ. Чѣмъ скорѣе завершится истребленіе этихъ дикихъ народовъ, неспособныхъ къ соперничеству съ бѣлою расою, и чѣмъ быстрѣе пойдетъ занятіе всей земли исключительно лишь наиболѣе развитыми понынѣ націями, тѣмъ скорѣе возгорится въ громадныхъ размѣрахъ борьба различныхъ племенъ въ средѣ передовой расы и тѣмъ ранѣе повторится картина поглощенія низшей расы высшею между народами и національностями. Но эта борьба за существованіе, при равносильности противниковъ, будетъ гораздо страшнѣе, ожесточеннѣе, упорнѣе и самоотверженнѣе, чѣмъ между расами; и вообще борьба за существованіе будетъ тѣмъ отчаяннѣе, безпощаднѣе и въ тоже время тѣмъ полезнѣе (!) для дальнѣйшаго развитія вида, чѣмъ ближе стоятъ другъ къ другу соперничающіе между собою виды и разновидности» [2]).

Такъ пишетъ философъ «безсознательнаго», выдавая поверхностныя обобщенія за законы. Болѣе серьёзный анализъ показалъ-бы ему, что воинственность, ведущая къ кровавой борьбѣ, зависитъ отъ традиціонной организаціи государствъ, отъ господ-

---

[1]) Подробное изложеніе теоріи Вико см. въ „Опытѣ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“, М. Стасюлевича (Спб. 1866), стр. 52—147.

[2]) Philosophie des Unbewussten, стр. 332—3 (Berlin, 1874).

ства въ нихъ спеціальнаго военнаго класса, отъ извѣстнаго направленія честолюбія правителей и отъ пассивной довѣрчивости народовъ. Поэтому утвержденіе Гартмана могло бы считаться научнымъ, если бы оно было высказано такъ: пока существуютъ такія-то условія и пока преобладающіе въ обществѣ честолюбивые или праздные элементы не встрѣчаютъ надлежащаго противовѣса, до тѣхъ поръ неизбѣжны войны между народами. Ссылка на «борьбу за существованіе», какъ на общій законъ природы, принимаетъ нерѣдко крайне-нелѣпый смыслъ, котораго никакъ не могъ предвидѣть великій творецъ дарвинизма. Есть писатели, которые серьёзно видятъ въ «законѣ борьбы» не простое обобщеніе однородныхъ фактовъ, а какой-то принудительный принципъ, которому должно подчиняться человѣчество. Между тѣмъ «борьба за существованіе», вызываемая потребностями и инстинктами живыхъ существъ, можетъ проявляться сильнѣе или слабѣе, переходя отъ грубыхъ формъ взаимнаго истребленія къ самымъ утонченнымъ видамъ мирнаго соперничества; борьба можетъ, наконецъ, затихать совершенно, когда исчезаютъ и парализируются ея мотивы подъ вліяніемъ матеріальныхъ или нравственныхъ причинъ. Люди и народы, не чувствующіе земельной тѣсноты и имѣющіе возможность существовать мирнымъ трудомъ, не стали бы вести взаимную борьбу, еслибы ихъ не толкали на этотъ путь посороннія, искусственныя пружины, на которыя мы намекнули выше. Измѣните эти пружины или направьте ихъ въ другую сторону,—и войны мало по-малу выйдутъ изъ употребленія между цивилизованными націями. Борьба за существованіе, которую Гартманъ, Беджготъ и многіе другіе считаютъ естественнымъ источникомъ войнъ, не имѣетъ вообще никакого отношенія къ большинству международныхъ столкновеній и предпріятій. Никто не скажетъ, что русскія войска направлялись въ Италію и боролись съ французами временъ Наполеона I ради «борьбы за существованіе»; Франція при второй имперіи не имѣла также никакой нужды предпринимать крымскую кампанію или мексиканскую экспедицію. Войны велись между народами, отдаленными другъ отъ друга и не имѣвшими никакихъ реальныхъ поводовъ сталкиваться между собою, — какъ, напримѣръ, между Франціею и Россіею; а близкіе сосѣди, оба вооруженные съ головы до ногъ и, казалось бы, всегда могущіе найти почву для спора, живутъ спокойно въ мирѣ въ продолженіе многихъ десятилѣтій,—какъ это имѣетъ мѣсто между русскими и нѣмцами. Причемъ же тутъ «борьба за существованіе»? Очевидно, не

она выражается въ кровавыхъ столкновеніяхъ между народами современной Европы, а нѣчто совсѣмъ другое.

Мысль объ естественной и потому неминуемой борьбѣ націй связывается обыкновенно съ новѣйшими войнами Германіи, приведшими къ ея торжеству и объединенію. Но при болѣе внимательномъ анализѣ отношеній и событій нельзя не убѣдиться, что германское объединеніе могло совершиться безъ особенныхъ жертвъ, подъ напоромъ общихъ національныхъ идеаловъ, выразившихся еще въ 1848 году въ добровольномъ поднесеніи прусскому королю титула нѣмецкаго императора по рѣшенію союзнаго парламента во Франкфуртѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV не пожелалъ принять титулъ изъ рукъ представителей народа, и дѣло объединенія, отсроченное на долгое время, пошло впослѣдствіи совсѣмъ другимъ, ненужнымъ путемъ, стоившимъ полумилліона человѣческихъ жизней и удовлетворившимъ пустое тщеславіе уцѣлѣвшихъ побѣдителей. Французскій народъ, довольный и зажиточный у себя дома, не могъ ни въ чемъ ни завидовать нѣмцамъ, ни бояться ихъ, ни даже интересоваться ими серьёзно; а война разыгралась потому, что Наполеонъ III нуждался во внѣшнихъ успѣхахъ и побѣдахъ для поддержанія своего шаткаго трона. Это была «борьба за существованіе» развѣ только лично для французскаго правителя, а никакъ не для народа, который и до и послѣ войны оставался одинаково равнодушнымъ къ внутреннимъ дѣламъ другихъ государствъ. Ошибочно также мнѣніе, что военное торжество одной націи надъ другою ведетъ къ усовершенствованію человѣческой породы и къ преобладанію лучшаго типа. Психологія и исторія выдвигаютъ фактъ противоположный: побѣды портятъ торжествующихъ, усиливаютъ ихъ худшіе инстинкты, понижаютъ умственный уровень и создаютъ атмосферу застоя, самодовольства и хвастливости, — тогда какъ побѣжденные работаютъ надъ собою съ новою энергіею, излечиваются отъ своихъ недуговъ и совершенствуются во всѣхъ отношеніяхъ, пользуясь уроками горькаго опыта. Едва ли рѣшится даже Гартманъ прямо отвѣчать на вопросъ: кто больше выигралъ отъ Седанскаго погрома—нѣмцы или французы? Россія извлекла неизмѣримо болѣе пользы изъ севастопольскихъ пораженій, чѣмъ изъ побѣдъ 1877—78 годовъ. Таковъ «законъ борьбы за существованіе» и улучшенія вида въ примѣненіи къ войнамъ просвѣщенныхъ народовъ.

Главный признакъ ненаучности положенія, выдаваемаго за «законъ», заключается въ безусловной категоричности, которая прямо противорѣчитъ основаніямъ научной логики. Нѣтъ закона

безъ опредѣленныхъ или предполагаемыхъ «если», болѣе или менѣе многочисленныхъ; отсутствіе этихъ «если» въ данномъ случаѣ устраняетъ дѣйствіе закона. Какъ естествоиспытатель не можетъ сказать: «произойдетъ то-то», безъ указанія необходимыхъ условій явленія, такъ и соціологъ не можетъ устанавливать общія историческія формулы, безъ выясненія логической связи ихъ съ коренными элементами соціальной жизни. Вотъ почему должны быть отвергаемы попытки, направленныя къ созданію «законовъ исторіи» въ видѣ послѣдовательнаго порядка или плана, по которому совершаются переходы явленій отъ одной ступени къ другой. Всѣ эти схемы несостоятельны не потому, что не сходятся съ фактами, а потому, что по сущности своей онѣ предполагаютъ всеобщее дѣйствіе закона, свободное отъ власти условій. По Гердеру, напримѣръ, цивилизація шествуетъ въ исторіи вслѣдъ за движеніемъ солнца, съ востока на западъ; и хотя бы этотъ фактъ вполнѣ совпадалъ съ дѣйствительностью, онъ все-таки будетъ только эмпирическимъ обобщеніемъ, а не закономъ, пока не выяснены его условія и причины. Огюстъ Контъ связываетъ свой «основной законъ» съ естественнымъ ходомъ развитія человѣческаго ума; его три ступени—теологическая, метафизическая и позитивная, — имѣютъ, повидимому, теоретическую основу, но нельзя было строить на нихъ весь ходъ исторіи, такъ какъ судьбы человѣчества опредѣляются далеко не одними умственными состояніями передовыхъ классовъ общества. Что на первой ступени господствуетъ военный духъ рядомъ съ религіознымъ, на второй — метафизика соединяется съ преобладаніемъ законниковъ, а на третьей — положительная наука съ духомъ промышленности, — это уже положенія, явно произвольныя, лишенныя даже характера эмпирическихъ обобщеній. Контъ принимаетъ во вниманіе только пять народовъ европейскаго запада, во главѣ которыхъ онъ ставитъ Францію; прочія государства, въ томъ числѣ и Россія, оставляются какъ бы за штатомъ [1]). Нечего и говорить о массѣ второстепенныхъ авторовъ, изъ которыхъ каждый предлагаетъ свои собственные «историческіе законы».

Много путаницы внесено было въ соціальныя науки, благодаря нелѣпымъ аналогіямъ, проводимымъ между человѣческими обществами и отдѣльными организмами. Придетъ-ли кому въ голову создавать особый цѣльный организмъ изъ стада животныхъ, изъ группы перелетныхъ птицъ или даже изъ обширнаго

---

1) Cours de philosophie positive, т. VI, p. 534 и сл. (изд. 1869).

муравейника? А объ обществахъ людей солидные ученые трактуютъ какъ объ особыхъ тѣлахъ, съ различными функціями и органами. Г. Карѣевъ находитъ себя вынужденнымъ подробно и долго доказывать, что «человѣкъ матеріально не связанъ съ другимъ человѣкомъ» и что «общество не есть тѣло, которое можно измѣрять по тремъ направленіямъ». «Важное соображеніе» авторъ находитъ въ томъ, что «между мозгами двухъ человѣкъ нѣтъ связи, посредствомъ такого же проводящаго моста, какой есть между двумя полушаріями одного и того же мозга» (т. II, стр. 109—120). Наиболѣе авторитетный изъ новѣйшихъ изслѣдователей соціальныхъ явленій, Гербертъ Спенсеръ, придерживается подобныхъ аналогій; онъ видитъ въ обществѣ организмъ, развивающійся по общимъ біологическимъ началамъ путемъ процесса интеграціи и дифференціаціи: изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ частей образуется цѣлое, въ которомъ постепенно выдѣляются особые органы для различныхъ функцій, все болѣе усложняющихся и совершенствующихся. Образованіе и развитіе государствъ, выдѣленіе въ нихъ органовъ власти, разграниченіе общественныхъ классовъ и сословій, — все это представляется столь-же естественнымъ и необходимымъ процессомъ, какъ и развитіе и совершенствованіе органической жизни въ природѣ. Органы атрофируются, когда они перестаютъ исполнять свою прежнюю функцію, переходящую къ другимъ болѣе сложнымъ органамъ; такова, напримѣръ, участь королевской власти въ Англіи. Слѣдуя теоріи развитія или «эволюціи», можно дойти до признанія неизбѣжности и разумности всего совершающагося въ исторіи; всякая общественная форма получаетъ свое законное мѣсто въ ряду послѣдовательныхъ фазисовъ соціальнаго развитія. Когда въ народѣ общіе интересы уходятъ отъ массы и замыкаются въ сферу одного верхняго класса управляющихъ, когда между властью и обществомъ проводится точное разграниченіе и все болѣе умножается чиновничество различныхъ разрядовъ и наименованій,—то это будетъ обычный процессъ «дифференцированія», одинаково обязательный для всѣхъ человѣческихъ обществъ. Возможно-ли согласиться съ такимъ фатальнымъ взглядомъ? Мы видимъ, что народы повсемѣстно стремятся не къ усложненію, а къ упрощенію своего политическаго и соціальнаго устройства. Многія «функціи» создавались искусственно и исполнявшіе ихъ органы были вовсе не органами, а паразитами, нароставшими въ изобиліи на почвѣ невѣжества и разъединенности массъ. Средневѣковая Европа оставила не мало такихъ наростовъ, не устраненныхъ еще понынѣ. Въ современныхъ

государствахъ и народахъ постепенно сближается то, чтó прежде раздѣлялось; управленіе становится дѣломъ не одного класса, а цѣлаго общества, въ лицѣ его представителей; многочисленныя учрежденія прежняго времени уничтожаются, какъ излишнія и даже вредныя; духъ автономіи возрождается въ общинахъ и областяхъ. Сознательный періодъ исторіи представляетъ скорѣе процессъ упрощенія, чѣмъ дифференцированія. Тоже самое замѣчается въ жизни экономической: капиталъ и трудъ сливаются въ формѣ новѣйшихъ рабочихъ союзовъ, поземельная собственность и земледѣліе соединяются вмѣстѣ въ видѣ самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія. Идеаломъ считается такой порядокъ вещей, когда трудъ рабочаго не будетъ отдѣляться отъ функціи полученія прибыли, когда трудящіеся будутъ въ тоже время хозяевами предпріятій и когда замледѣльцы будутъ въ тоже время собственниками. Теорія «эволюціи» нуждается, очевидно, въ существенной поправкѣ, по отношенію къ человѣческимъ обществамъ.

Сравненія, основанныя на сходствѣ нѣкоторыхъ общихъ признаковъ, превращаются у многихъ писателей въ дѣйствительное тождество и даютъ ихъ работамъ чисто-фантастическое направленіе. Въ «соціальномъ тѣлѣ» отыскиваются органы и отправленія животнаго — нервная система, кровообращеніе и т. п.; жизнь этого громаднаго тѣла обязательно проходитъ извѣстныя ступени развитія, которыхъ «нельзя ни устранить, ни обойти» (какъ выражается Марксъ въ своемъ «Капиталѣ»). Исторія обществъ распредѣляется по возрастамъ, причемъ каждый теоретикъ смотритъ на современную ему эпоху, какъ на состояніе зрѣлости, въ противоположность древней юности и будущему старчеству. Есть и такіе ученые, которые, признавая общество организмомъ, надѣляютъ его способностью вѣчной жизни и вѣчнаго развитія. Другіе примѣшиваютъ къ органическимъ воззрѣніямъ какой-то туманный идеализмъ и навязываютъ человѣчеству свои личныя мечтанія, не стѣсняясь удлиннять или укорачивать историческіе періоды по произволу. Любопытный образчикъ такого рода «философіи» представляетъ вышедшая два года тому назадъ книга Луи Банлева «о законахъ исторіи». Авторъ ставитъ отдѣльно три идеала — красоты, добра и истины (точно они не могутъ существовать рядомъ), и по нимъ характеризуетъ три періода исторіи — юности съ ея чувствительностью, зрѣлости съ ея волею и старости съ ея разумомъ. Мы живемъ, конечно, въ третьемъ періодѣ, при господствѣ разума и истины. Идеалы красоты и добра оставлены нами далеко позади — первый въ

Греціи, а второй въ Римѣ; впрочемъ наиболѣе совершенная форма второго идеала сохранена нами въ видѣ христіанства. Азіатскіе народы исключаются по обыкновенію изъ общей схемы [1]). Метафизическія формулы переплетаются здѣсь съ аналогіями изъ сферы естественныхъ наукъ, и прежняя схоластика перешла только на новую почву. Г. Карѣевъ хорошо характеризуетъ эти безплодныя исканія истины въ исторіи, эти фальшивыя аллегоріи и построенія, исчезающія при первомъ прикосновеніи критики. «Въ этой полинялой поэзіи, облекшейся въ форму науки,—говоритъ авторъ о нѣмецкой метафизикѣ,—передъ умственнымъ взоромъ возникаетъ странный міръ, населенный незаконнорожденными дѣтьми фантазіи и абстракціи, міръ логическихъ образовъ и поэтическихъ формулъ, міръ объективированныхъ идей и наукообразныхъ романовъ» (т. I, стр. 303). Не только метафизика, которую имѣетъ въ виду г. Карѣевъ, но и «реальная» поэзія соціологовъ-органистовъ порождаетъ странный міръ, не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью.

Г. Карѣевъ отнесся критически къ ученію объ обществѣ, какъ объ организмѣ; но взглядъ его по этому вопросу грѣшитъ нѣкоторою неопредѣленностью. Онъ допускаетъ значеніе органической теоріи, какъ-бы на половину: «при извѣстныхъ обстоятельствахъ,—говоритъ онъ,—общество способно идти по пути органической эволюціи, хотя и не можетъ совершенно превратиться въ организмъ». Типъ органическаго развитія составляетъ низшую форму коллективнаго существованія; онъ является тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ неразвитою личностью. «Все, что было продуктомъ развитія этого типа, относится не къ соціальному, а къ антисоціальному (?) развитію, не къ прогрессу, а къ регрессу» [2]). Соціальная организація, говорится въ другомъ мѣстѣ, «имѣетъ тенденцію къ превращенію въ организмъ. Только не въ осуществленіи этой тенденціи, не въ органической эволюціи общества, заключается соціальный прогрессъ» (т. II, стр. 122). Все это довольно неясно: общество можетъ жить, какъ организмъ, но это будетъ антисоціальная жизнь; прогрессъ требуетъ превращенія его въ «живое произведеніе искусства». Капитальную важность имѣетъ въ этомъ случаѣ вопросъ о роли личности въ исторіи,—вопросъ, задѣваемый авторомъ какъ-то слегка и получающій у него оригинальное рѣшеніе. Весь споръ кажется

[1]) Les lois de l'histoire, par Louis Benloew, Paris, 1881, pp. 23—28, 97 и др.

[2]) См. статью г. Карѣева: „Общество и организмъ“, въ «Юридическомъ Вѣстникѣ“, 1883, №№ 6—7, стр. 226—7.

г. Карѣеву «не имѣющимъ научнаго значенія». «Что такое великій человѣкъ? Человѣческая личность. Что такое народная масса? Совокупность человѣческихъ личностей. Въ чемъ же споръ?.. Одно вѣрно: главный факторъ движенія суть личности вообще...» (тамъ же, стр. 268). Черезъ двѣ страницы находимъ утвержденіе, что только индивидуальная иниціатива двигаетъ культуру и общественныя формы, а вслѣдъ затѣмъ читаемъ нѣчто совсѣмъ неправдоподобное: «дѣятельность великихъ людей взаимно нейтрализуется, ибо рядомъ съ людьми будущаго, въ родѣ нашего Петра I, есть люди прошедшаго, въ родѣ Наполеона,—какъ нейтрализуются и усилія обыкновенныхъ смертныхъ, такъ-что получающаяся отсюда равнодѣйствующая болѣе или менѣе совпадаетъ съ тою линіею, по которой ведутъ общество законы эволюціи и общія условія, въ какія общество поставлено» (стр. 273). Что Петръ могъ нейтрализовать собою Наполеона—это, конечно, только примѣръ неудачный; но и самая мысль о нейтрализаціи—чистѣйшая фантазія, по отношенію къ такимъ дѣятелямъ, какъ Петръ, Наполеонъ, Бисмаркъ. Указаніе на «законы эволюціи», которые ведутъ общество по извѣстной линіи, независимо отъ дѣйствій великихъ людей,—прямо противорѣчитъ высказанному ранѣе категорическому отрицанію существованія историческихъ законовъ.

Вообще, разбирая чужія доктрины, г. Карѣевъ вполнѣ логиченъ; но переходя къ самостоятельному творчеству, онъ повторяетъ ошибки и увлеченія своихъ предшественниковъ. Положительная часть книги гораздо слабѣе критической; рѣшительный и здравый взглядъ затуманивается, уступая мѣсто колеблющемуся субъективному чувству, которое заставляетъ автора во второмъ томѣ опровергать содержаніе перваго. Теорія прогресса, излагаемая авторомъ, весьма мало гармонируетъ съ трезвыми научными началами, во имя которыхъ онъ возстаетъ противъ всякой метафизики въ исторіи.

III.

Странное впечатлѣніе производитъ контрастъ между общими разсужденіями г. Карѣева и его спеціальною теоріею прогресса. Доказавъ, что никакихъ историческихъ законовъ не существуетъ и что философія исторіи должна ограничиваться скромною ролью «абстрактнаго изображенія» человѣческихъ судебъ, авторъ вдругъ круто поворачиваетъ въ другую сторону и начинаетъ строить

отвлеченную «научную» систему, мало чѣмъ отличающуюся отъ «полинялой поэзіи» Гегеля.

Противъ обвиненія въ непослѣдовательности г. Карѣевъ думаетъ заранѣе гарантировать себя двумя, едва-ли удачными, доводами. Во-первыхъ, теорія прогресса должна дать не законы и не планъ дѣйствительной исторіи, а только идеальное мѣрило для оцѣнки историческихъ явленій по категоріямъ лучшаго и худшаго, истиннаго и ложнаго, вслѣдствіе чего «философія исторіи необходимо превращается въ критику всемірной исторіи съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ» (т. I, стр. 423 и др.). Это объясненіе совершенно не согласуется, однако, съ сущностью самой теоріи и съ постоянными указаніями на «законы прогресса». Въ то же время авторъ прикрываетъ свою попытку авторитетомъ сосѣднихъ наукъ. «То, въ чемъ мы отказали философіи исторіи,—говоритъ онъ,—возможно для психологіи и соціологіи: теорія прогресса, основанная на этихъ двухъ наукахъ и до извѣстной степени на біологіи, имѣетъ задачею именно найти *законы* прогресса». Но, вѣроятно въ виду того, что указанныя науки не справились еще съ своей задачей, авторъ самъ беретъ на себя трудъ, который собственно долженъ быть исполненъ соединенными усиліями изслѣдователей біологіи, психологіи и соціологіи. Но и этотъ мотивъ не совсѣмъ вѣренъ. Г. Карѣевъ въ сущности довѣряетъ умозрительному методу гораздо болѣе, чѣмъ всякому другому, и эта наклонность его высказывается вполнѣ откровенно.

По мнѣнію г. Карѣева, «философія исторіи, долженствующая всесторонне постигнуть исторію всего человѣчества, должна дать такую истину, которая могла-бы найти признаніе всюду» (тамъ же, стр. 371); а соціологія, конечно, не дошла еще до такого состоянія. Философія исторіи есть «познаніе смысла въ исторіи, какъ она совершалась доселѣ, куда и какъ вела и ведетъ она земное человѣчество въ предѣлахъ земного»; это есть «судъ надъ исторіею: мало сказать, что ходъ ея былъ такой-то, что составляющіе его процессы управляются такими-то и такими-то законами,—нужно найти еще смыслъ всѣхъ этихъ перемѣнъ, сдѣлать имъ оцѣнку, разобрать результаты исторіи и ихъ также оцѣнить». Здѣсь изслѣдователь «возвышается надъ міромъ исторіи и стремится найти ея *сущность* въ ея результатахъ» (стр. 243). «Основной вопросъ ея — куда идетъ человѣчество съ самаго начала исторической жизни, — переводится при этомъ на другой: осуществляетъ-ли исторія *нашъ* идеалъ?» Но такъ какъ идеалы бываютъ различны, то необходимо разъ навсегда очи-

стить ихъ отъ всякихъ субъективныхъ односторонностей; для этого писатель долженъ отречься отъ вліянія среды, національности, профессіи, и превратиться просто въ «человѣческую личность, какъ таковую, освобожденную отъ указанныхъ случайныхъ опредѣленій». Смотрѣть глазами живой личности на исторію себѣ подобныхъ—продолжаетъ авторъ,—вотъ что мы называемъ единственно законнымъ субъективизмомъ въ философіи исторіи. Тогда исторія будетъ исторіею и условій существованія людскихъ индивидуумовъ, условій, оцѣниваемыхъ съ точки зрѣнія *человѣка вообще,* а не съ точки зрѣнія нѣмца или француза, политика или ученаго (стр. 396). Гдѣ найти такого «всечеловѣка» и откуда появится онъ въ философіи исторіи—на это нѣтъ отвѣта въ книгѣ г. Карѣева. Въ массѣ историческаго матеріала нужно также слѣдить лишь за судьбами «развитой личности, удовлетворяющей своимъ потребностямъ»; высшимъ критеріемъ служитъ «благо всей совокупности личностей *безъ всякаго минуса*» (стр. 450, т. I). Такимъ образомъ нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть истиннаго пониманія смысла исторіи: «станьте на самую общую точку зрѣнія, имѣя въ виду развитіе человѣческой личности и всего, что ему помогаетъ; опредѣлите, въ чемъ заключается это развитіе и при какихъ условіяхъ оно мыслимо; укажите на отдѣльные процессы, вырабатывающіе въ человѣкѣ идеальную личность, и внѣшнія условія, которыя для этого необходимы; изслѣдуйте законы, дѣлающіе эти процессы возможными; откажитесь отъ всякихъ абсолютныхъ идей,—и вы можете выработать *совершенно научную* теорію прогресса» (т. II, стр. 296). Научность теоріи будетъ такова, что позволитъ даже дѣлать предсказанія: «въ предѣлахъ исторической жизни человѣчества, отодвигая ихъ въ отдаленнѣйшее будущее, наша мысль можетъ прозрѣть то, что разумъ долженъ оправдать, какъ конечную цѣль исторіи». Между прочимъ, «на основаніи принципа прогресса можно предвидѣть будущее, когда жизнь особнякомъ отдѣльныхъ націй сдѣлается невозможностью», ибо «исторія разныхъ народовъ постепенно объединяется» (т. I, стр. 152, 158). Идеальное мѣрило прогресса, вопреки всѣмъ оговоркамъ автора, незамѣтно превращается у него въ законъ, осуществленіе котораго должна представить исторія.

Методъ г. Карѣева по истинѣ удивителенъ. «Окидывая взоромъ все человѣчество въ пространствѣ и во времени», онъ «находитъ его прогрессирующимъ». Затѣмъ онъ беретъ изъ исторіи только тѣ категоріи фактовъ, которыя подходятъ подъ составленную a priori формулу, а всѣ остальные отбрасываетъ въ сто-

рону, какъ явленія «ненормальныя», «антисоціальныя», органическія. Цѣлые народы и эпохи исключаются изъ круга матеріаловъ для обобщеній историка; важнѣйшія условія политической жизни совершенно игнорируются, насколько они основаны на элементахъ силы, борьбы и произвола. «Если общество развивается совершенно органически, посредствомъ естественной эволюціи его учрежденій, то это есть какъ бы *неизлечимая болѣзнь* (?), которая не можетъ быть даже прекращена смертью» (т. II, стр. 333). Эта оригинальная болѣзнь, заключающаяся въ естественномъ развитіи общества, не удостоивается вовсе вниманія философа; вмѣсто того, чтобы объяснить ее, анализировать ея условія и причины, онъ проходитъ мимо, въ поискахъ за своими нормами и идеалами. Мы не говоримъ уже о томъ, что называть обычный «естественный» процессъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ — по меньшей мѣрѣ странно. Автора интересуетъ только разумное въ исторіи, а разумно только то, что кажется таковымъ теоретику прогресса. Для г. Карѣева, «разумъ постепенно дѣлается господиномъ исторіи» (тамъ же, стр. 344), такъ что колоссальныя вооруженія и войны, подавляющія народы Европы, суть продукты разума,—если не причислить ихъ къ тѣмъ второстепеннымъ, «ненормальнымъ» явленіямъ, которыхъ можно не принимать въ разсчетъ при созданіи исторической теоріи. «Только одинъ типъ надорганической (т.-е. соціально-культурной) среды можно считать *нормальнымъ*», по мнѣнію автора, «и совершайся прогрессъ *правильно*, всѣ народы развивались-бы по одному типу» (тамъ же, стр. 346). Оставалось-бы только отыскать нормальныхъ людей, проникнутыхъ разумомъ и принципами «развитой личности», внѣ условій природныхъ и традиціонно-историческихъ. Иногда авторъ говоритъ о прогрессѣ, какъ объ особомъ дѣятелѣ съ извѣстными сознательными цѣлями. «Если для прогресса необходимо раздѣленіе общества на вождей и массу, на правящіе и управляемые классы, то не самъ прогрессъ, а условія, въ которыя онъ поставленъ, грубость животной стороны человѣка, превращаютъ это раздѣленіе въ культурный и соціальный расколъ общества; *самъ прогрессъ*, напротивъ, стремится къ устраненію этого, при его же содѣйствіи созданнаго, раскола». Значитъ, прогрессъ ни въ чемъ не виноватъ; но въ то же время онъ «необходимо совершается такъ, что приводитъ иногда общество въ тупикъ (!), изъ котораго его можетъ вывести только кризисъ, и чѣмъ менѣе прогрессировало общество, тѣмъ смертельнѣе бываетъ кризисъ» (т. II, стр. 340—1). Для прогресса требуется, «чтобы ложное міросозерцаніе замѣнялось истиннымъ,

чтобы нелѣпая мораль замѣнялась разумною, чтобы дурные институты замѣнялись хорошими, чтобы человѣкъ имѣлъ интересъ только къ тому, что оправдывается разумомъ, дѣйствовалъ только по убѣжденіямъ, содержаніе которыхъ выработано тѣмъ же разумомъ» и т. д.,—условія, очевидно фантастическія, не говоря уже о шаткой субъективности такихъ терминовъ, какъ «хорошій» и «дурной», ложный и истинный.

Прогрессъ есть движеніе впередъ, успѣхъ, совершенствованіе,—но вовсе не въ смыслѣ осуществленія идеаловъ разумности, добра и справедливости, какъ полагаетъ г. Карѣевъ. Прогрессъ обнимаетъ не одни умственные, нравственные и соціальные успѣхи, но и многое другое; совершенствуется искусство повальнаго истребленія людей на войнѣ; крупповскія орудія, громадные броненосцы, милліонныя арміи и тяжелые налоги составляютъ весьма видныя и существенныя стороны общаго движенія впередъ. Закрывать глаза на господствующіе элементы политической жизни нѣтъ никакой возможности, и мы рѣшительно не понимаемъ, въ чемъ именно авторъ видитъ признаки процвѣтанія разума въ исторіи. По его мнѣнію, современность начинаетъ «осуществлять такую идею государства, какая и не снилась мудрецамъ Греціи и Рима» (т. II, стр. 245—6); жаль только, что эта идея не указана авторомъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Карѣевъ объясняетъ, что въ древности личность поглощалась государствомъ, въ средніе вѣка человѣкъ одной стороною своего бытія принадлежитъ государству, и по отношенію къ нему самому у личности есть права, а въ новѣйшія времена свобода еще болѣе упрочилась [1]). При этомъ упущена изъ виду принципіальная разница между античнымъ государствомъ и современнымъ: тамъ гражданинъ былъ непосредственнымъ носителемъ интересовъ цѣлаго, а тутъ государство отдѣляется отъ общества, и устанавливается болѣе точная граница между властью и подданными, вслѣдствіе чего возникаетъ антагонизмъ, порождающій стремленіе къ свободѣ. Относительно вопроса о войнѣ и мирѣ г. Карѣевъ ограничивается замѣчаніемъ, что онъ «противъ замкнутости и враждебности націй»; но это похвальное заявленіе значительно ослабляется тою легкостью, съ какою въ нѣсколькихъ словахъ рѣшается участь мелкихъ народностей: «маленькія этнографическія группы, малочисленныя и не имѣющія замкнутой территоріи, неспособныя образовать собственнаго го-

---

[1]) „Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ“, Варшава, 1888, стр. 46, а также „Формула прогресса при изученіи исторіи“, 1879, стр. 7 и слѣд.

сударства, развить собственную литературу и т. д., *самою судьбою обречены на погибель*» (тамъ же, стр. 352). Откуда эта жестокость у теоретика прогресса, ставящаго свой идеалъ въ благѣ личностей «безъ всякаго минуса»?

Г. Карѣевъ строитъ свою формулу прогресса, какъ чистый метафизикъ, безъ всякаго отношенія къ фактамъ и обобщеніямъ историческимъ. Гегель, котораго онъ раскритиковалъ весьма рѣзко, становится вдругъ его образцомъ. Совершенно неожиданно для читателя оказывается, что «діалектическій законъ Гегеля есть одно изъ самыхъ блестящихъ его открытій» и что этотъ законъ «оправдывается во всѣхъ сферахъ человѣческаго сознанія» (стр. 355, 376, т. II). Затѣмъ, еще болѣе неожиданно, выступаетъ на сцену извѣстная логическая игра по тремъ ступенямъ; отрицанія идутъ за утвержденіями, понятія и слова чередуются по старинному; разумъ и свобода, идеальное и реальное, шествуютъ взадъ и впередъ въ надлежащемъ порядкѣ. «Такъ нельзя заниматься философіею исторіи» — скажемъ мы словами автора; — абстрактная логическая схема не можетъ замѣнить собою дѣйствительной научной теоріи, основанной на анализѣ фактовъ. «Соціологія только что зарождается», по признанію самого г. Карѣева, и по справедливости онъ долженъ былъ-бы еще обождать съ выработкою своего ученія о прогрессѣ.

Анализъ историческихъ судебъ человѣчества долженъ дать намъ обобщенія, гораздо болѣе поучительныя, чѣмъ всякія произвольныя теоріи. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ возможныхъ обобщеній.

Политическое творчество свойственно народамъ въ видѣ рѣдкихъ мимолетныхъ порывовъ, за которыми слѣдуетъ пассивное подчиненіе завѣтамъ и продуктамъ прошлаго. Люди, общества и народы рѣдко создаютъ свои учрежденія сознательно, и тó, что сдѣлано въ одинъ моментъ необдуманнаго порыва, закрѣпляется на цѣлые вѣка силою традиціонной привычки и безсознательнаго уваженія ко всему существующему. Политическая жизнь, какъ высшая и не всѣмъ доступная область человѣческихъ интересовъ, можетъ только изрѣдка, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, сосредоточивать на себѣ страстное вниманіе народа, поглощеннаго въ обыкновенное время заботами о будничныхъ житейскихъ дѣлахъ и о матеріальныхъ средствахъ къ существованію. Нужны исключительныя событія, сильныя внѣшнія потрясенія и лихорадочное возбужденіе значительной части общества, чтобы заставить людей

уклониться отъ протореннаго пути и подняться до самостоятельнаго новаго рѣшенія политическихъ задачъ, рѣшенныхъ предками болѣе или менѣе неудачно.

Полная свобода дѣйствій присуща человѣческимъ обществамъ только въ началѣ политической жизни, когда есть еще возможность выбора между различными способами общественнаго устройства. Путь, разъ избранный, становится фактически обязательнымъ для потомковъ. Одно поколѣніе людей рѣшаетъ судьбу всѣхъ послѣдующихъ, дѣлая за нихъ свой выборъ и устанавливая разъ навсегда фундаментъ для будущихъ общественныхъ формъ. Потребности и желанія одного поколѣнія создаютъ законъ для цѣлаго ряда другихъ поколѣній, обладающихъ несравненно большимъ запасомъ знаній, болѣе развитыми потребностями, чувствами и интересами.

Грубые инстинкты и смутныя понятія отдаленныхъ предковъ господствуютъ надъ жизнью просвѣщенныхъ обществъ, въ видѣ старинныхъ учрежденій и началъ, унаслѣдованныхъ отъ первобытныхъ временъ политическаго творчества. Люди сживаются съ обстановкою, среди которой выросли, и теряютъ даже способность относиться къ ней критически; а одинокіе, независимые умы держатся въ сторонѣ отъ жизни или убѣждаются на дѣлѣ въ невозможности направить общество на новый путь, при помощи доводовъ разума и при отсутствіи другихъ болѣе осязательныхъ побужденій.

Если по какимъ-нибудь причинамъ старый порядокъ жизни рушился и зданія, построенныя предками, совершенно развалились, то общество естественно вступаетъ въ періодъ временнаго сознательнаго творчества и получаетъ нѣкоторую долю первоначальной свободы дѣйствій. Но умы и характеры людей, воспитанные въ традиціонныхъ понятіяхъ, невольно склоняются на сторону привычнаго строя, довольствуясь лишь его наружнымъ обновленіемъ и улучшеніемъ. Этотъ родъ политическаго созиданія — второстепенный, производный, не оригинальный.

Часто необходимость творческой работы застаетъ общество не подготовленнымъ къ дѣлу, вслѣдствіе долгой исторической спячки: тогда происходитъ внутреннее замѣшательство, люди теряются, и этою растерянностью пользуются худшіе, наиболѣе энергическіе и наименѣе разборчивые въ средствахъ общественные элементы, для своихъ особыхъ честолюбивыхъ цѣлей и разсчетовъ. Изъ одного зла общество попадаетъ въ другое, и человѣчество еще болѣе разочаровывается въ своей способности обновлять политическія формы, сообразно своему умственному и нравственному

развитію. Является наклонность предпочитать старое, извѣстное зло новому невѣдомому еще благу, и прочность существующаго порядка, хотя бы и нелогичнаго, поддерживается уже сознательно нѣкоторою частью мыслящаго общества.

Между отдѣльными «свѣтлыми промежутками» въ жизни народовъ, лежатъ громадныя пространства безсознательнаго движенія, направляющагося безъ всякаго плана и цѣли по протоптанной дорогѣ, подъ руководствомъ инстинктовъ силы и страха, вѣры и привычки. Черезъ эти долгіе періоды проносятся разъ созданныя политическія формы, въ различныхъ и нерѣдко сложныхъ измѣненіяхъ, отъ одного творческаго момента до другого. Политическая жизнь какъ бы погасла для народныхъ массъ и стала достояніемъ немногихъ. Сфера общихъ интересовъ, касающаяся всѣхъ и каждаго, не заботитъ никого въ отдѣльности, и потому она, какъ область безхозяйная, дѣлается предметомъ свободнаго завладѣнія и захвата, подобно «вещамъ ничьимъ», достающимся первому находчику. Верхніе классы общества, группирующіеся около традиціонныхъ вождей, могутъ какъ угодно возвеличивать ихъ и себя: не имѣя надъ собою ничего, кромѣ звѣзднаго неба, и видя подъ собою лишь покорныя стада рабовъ, они могутъ давать себѣ самыя щедрыя отличія и самыя обширныя полномочія. Такъ идетъ исторія до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ роковое пробужденіе отъ могучаго внѣшняго толчка или отъ внутренней неурядицы.

Учрежденія и политическія понятія, разъ установленныя, существуютъ и укрѣпляются въ обществѣ, не потому, что они необходимы или полезны, а потому, что никто не имѣетъ непосредственнаго интереса добиваться ихъ устраненія, и напротивъ, есть элементы, заинтересованные въ ихъ существованіи.

Причины, породившія извѣстное явленіе, могли давно исчезнуть, мотивы и цѣли его могли утратить свой смыслъ, а самое явленіе остается въ полной силѣ, порождая около себя соотвѣтственную атмосферу личныхъ интересовъ и чувствъ, отодвигающихъ далеко на задній планъ потребности общаго блага. Многое развивается и крѣпнетъ такимъ образомъ безъ всякаго внутренняго основанія, единственно вслѣдствіе отсутствія достаточнаго противодѣйствія со стороны общества и вслѣдствіе укореняющейся затѣмъ привычки къ данному роду фактовъ. Поэтому долговѣчность и живучесть какого-нибудь явленія не можетъ считаться доказательствомъ его разумности, цѣлесообразности или неизбѣжности.

Такъ какъ одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ по-

слѣдствіямъ, то преобладаніе верхнихъ общественныхъ слоевъ въ сферѣ политической жизни выдвигаетъ вездѣ одинъ и тотъ же типъ соціальнаго устройства, съ незначительными мѣстными видоизмѣненіями и отступленіями. Отсюда распространенность и повсемѣстность извѣстныхъ формъ и институтовъ, независимо отъ дѣйствительной пригодности ихъ для достиженія цѣлей общежитія.

Законъ инерціи, въ силу котораго политическія судьбы народа идутъ по принятому разъ направленію, составляетъ общее правило для періодовъ безсознательной исторіи. Другой общій законъ, который можно назвать *закономъ метаморфозъ*, объясняетъ способъ постепеннаго развитія, измѣненія и перерожденія формъ, установленныхъ въ періоды политическаго творчества.

Л. Слонимскій.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ
РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

VI *).

Спорные вопросы о началѣ и историческомъ значеніи русскаго народнаго эпоса.—Новѣйшіе результаты.

Мы подробнѣе остановились на трудахъ г. Буслаева и Аѳанасьева, въ связи съ положеніемъ нѣмецкой науки,—такъ какъ эти труды были исходной точкой новаго научнаго объясненія предмета и долго сохраняли свое вліяніе на популярныя и учебныя представленія о русской старинѣ, хотя самая наука уже вскорѣ пошла иными, болѣе вѣрными путями. Переходя къ изложенію этой дальнѣйшей разработки вопроса, надо прежде всего упомянуть, что уже вскорѣ послѣ первыхъ трудовъ Буслаева и Аѳанасьева, и особливо съ конца 1850-хъ годовъ стали все болѣе расширяться сосѣднія области историко-литературныхъ изысканій, которыя оказали потомъ сильное вліяніе на объясненіе развитія древняго эпоса. Эти новыя пріобрѣтенія науки состояли, во-первыхъ, въ отысканіи и опубликованіи дотолѣ неизвѣстныхъ остатковъ народной поэзіи; во-вторыхъ, въ отысканіи и изданіи также почти неизвѣстныхъ ранѣе памятниковъ старой народно-поэтической письменности: книгъ апокрифическихъ, повѣстей, легендарныхъ сказаній, и т. под., которыя тогда же стали вызывать историко-литературныя изслѣдованія. На первыхъ порахъ, новый матеріалъ устнаго эпоса и книжныхъ

*) См. выше: октябрь, стр. 695.

сказаній не измѣнилъ прежняго направленія миѳологической школы. Буслаевъ воспользовался этимъ матеріаломъ, когда первый рядъ его трудовъ былъ законченъ изданіемъ «Историческихъ Очерковъ»; онъ предпринялъ вновь подробныя изслѣдованія о русскомъ богатырскомъ эпосѣ—въ томъ же духѣ — на основаніи появившихся тогда сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова. Аѳанасьевъ до конца остался ревностнымъ послѣдователемъ миѳологической теоріи; эта теорія находила и новыхъ прозелитовъ. Но мало-по-малу размноженіе матеріала вело и къ новымъ понятіямъ о самомъ методѣ изслѣдованія, и въ вопросѣ о русской народной поэзіи возникло новое направленіе, которое къ настоящему времени принесло въ высшей степени замѣчательные результаты. Въ послѣднее время г. Буслаевъ, глава нашей миѳологической школы, повидимому, отказался въ извѣстной степени отъ исключительности своего прежняго взгляда на миѳологическое преданіе.

Мы упомянемъ только вкратцѣ объ этихъ вновь отысканныхъ кладахъ русской народной поэзіи. Выше было замѣчено, что первыя указанія на то, что нашъ эпосъ, живущій донынѣ въ устахъ народа, далеко не истощенъ сборникомъ Кирши Данилова, явились въ академическомъ изданіи «Памятниковъ великорусскаго нарѣчія». Затѣмъ, въ пятидесятыхъ годахъ, стали появляться въ «Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» отдѣльныя былины, а, наконецъ, въ 1861 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ цѣлаго большого сборника г. Рыбникова [1]. Необычайное богатство былиннаго эпоса, открытое Рыбниковымъ, было такъ поразительно, что возбудило даже сомнѣніе въ старыхъ этнографахъ, которые не помышляли уже о возможности такого обилія живого эпическаго преданія, а затѣмъ вызвало новыя изслѣдованія въ суровыхъ захолустьяхъ олонецкой губерніи, и результатомъ былъ замѣчательный трудъ Гильфердинга [2]. Короткость времени и масса собраннаго матеріала дѣлаютъ сборникъ Гильфердинга истинно необычайнымъ явленіемъ въ области этнографическихъ изслѣдованій: освѣщенный любопытною картиной мѣстнаго быта, записанный съ гораздо большею точностію, сборникъ

---

[1]) Пѣсни, собранныя П. Рыбниковымъ. Часть 1—2. Москва, 1861—1862; часть 3. Изданіе олонецкаго губ. стат. комитета. Петрозаводскъ, 1864; часть 4. Изданіе Кожанчикова. Петербургъ, 1867.—Рецензія Срезневскаго, въ 33-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ (1864). Спб. 1865.

[2]) Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ, лѣтомъ 1871 года. Съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. Спб. 1873. LIV стр. и 1336 компактныхъ столбцовъ, больш. 8°.

Гильфердинга производилъ, быть можетъ, еще болѣе сильное впечатлѣніе, нежели книга Рыбникова. Далѣе, съ 1860 года сталъ выходить знаменитый сборникъ Петра Кирѣевскаго, который начатъ былъ еще въ пушкинскія времена, но при господствѣ оффиціальной народности не могъ быть изданъ въ свѣтъ [1]). Къ матеріалу Кирѣевскаго прибавлено здѣсь очень много дополненій и варіантовъ, внесенныхъ издателемъ г. Безсоновымъ или заимствованныхъ изъ другихъ печатныхъ собраній. Г. Безсоновъ прибавилъ къ тексту и множество своихъ объясненій: одни изъ нихъ, *фактическаго* содержанія (о сюжетахъ историческихъ пѣсенъ, о прежнемъ собираніи пѣсенъ и т. п.), очень любопытны; другія, посвященныя миѳологическому и національному истолкованію эпоса, представляютъ цѣлую систему, чрезвычайно странную, о которой упомянемъ дальше. Кромѣ редакціи пѣсенъ Кирѣевскаго, г. Безсонову принадлежатъ еще другіе важные труды, какъ изданіе сборника духовныхъ стиховъ, бѣлорусскихъ пѣсенъ, дѣтскихъ пѣсенъ [2]). Нѣсколько важныхъ сборниковъ пѣсенъ — русскихъ и бѣлорусскихъ — сдѣлано было г. Шейномъ [3]); замѣчательное собраніе «Причитаній сѣвернаго края»,

---

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. М. 1860—1874. 10 выпусковъ. Содержаніе ихъ слѣдующее:

I. Пѣсни былевыя. Время Владимірово. Выпускъ 1. Илья Муромецъ, богатырь-крестьянинъ. Вып. 2: а, Добрыня Никитичъ, богатырь-бояринъ; б, Богатырь Алеша Поповичъ; в, Василій Казиміровичъ, богатырь-дьякъ. Вып. 3. Богатыри: Иванъ Гостинный Сынъ; Иванъ Годиновичъ; Данило Ловчанинъ; Дунай Ивановичъ; Дюкъ Степановичъ и др. Вып. 4, дополнительный. Богатыри: Илья-Муромецъ; Никита Ивановичъ; богатырь Потокъ; Ставръ Годиновичъ; Соловей Будиміровичъ и др.

II. Пѣсни былевыя. Вып. 5. Новгородскія и княжескія. Вып. 6. Пѣсни былевыя, историческія. Москва. Грозный царь Иванъ Васильевичъ. Вып. 7. Москва. Отъ Грознаго до царя Петра I-го.

III. Пѣсни былевыя и историческія. Вып. 8. Русь петровская. Государь царь Петръ Алексѣевичъ. Вып. 9. Восьмнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра I-го. Вып. 10. Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ.

Рецензія Ор. Миллера въ отчетѣ о 18-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, 1876.

[2]) Калѣки перехожіе. Сборникъ русскихъ народныхъ стиховъ. Съ рисунками и нотами. Составилъ и издалъ П. Безсоновъ. Москва, 1861—1864. 6 выпусковъ. Рецензіи: Срезневскаго и Билярскаго, въ Извѣстіяхъ Акад. т. IX, X; Тихонравова, въ 33-мъ присужденіи демидовскихъ наградъ; выше упомянута статья г. Буслаева, въ Рус. Рѣчи, 1861.

— Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта. М. 1871.

— Дѣтскія пѣсни. М. 1868.

[3]) Русскія народныя былины и пѣсни. М. 1859 (изъ „Чтеній“ Моск. Общества исторіи и древностей).

Е. Барсова; сборники — Варенцова, П. Якушкина, Носовича; мѣстные сборники—отдѣльными книжками и въ журналахъ, ученыхъ и мѣстныхъ изданіяхъ; кромѣ пѣсенъ, сборники сказокъ и мелкихъ произведеній народной поэзіи — загадокъ, заговоровъ и т. п.—Ив. Худякова, Л. Майкова, Садовникова и пр. и пр.

Вторымъ большимъ литературнымъ явленіемъ, которое сильно повліяло на дальнѣйшія изслѣдованія вопроса и содѣйствовало новой постановкѣ теорій развитія нашего народнаго эпоса, было отысканіе и изданіе памятниковъ старой письменности, — тѣхъ, которые именно всего болѣе соприкасались съ народно-поэтическими интересами и, какъ уже вскорѣ было замѣчено, имѣли близкую связь съ содержаніемъ самой народной поэзіи. Это были особенно два разряда памятниковъ: во-первыхъ, произведенія апокрифической, такъ-называвшейся въ старину «отреченной», литературы (библейскія и церковныя сказанія легендарнаго или прямо баснословнаго характера, не признаваемыя или даже строго осуждаемыя церковью), и, во-вторыхъ, произведенія литературы повѣствовательной—повѣсти, сказанія, «слова» и т. п., частію русскаго происхожденія, но еще болѣе переводныя и заимствованныя съ разными степенями народно-поэтической переработки. До конца 50-хъ годовъ два эти разряда произведеній оставались почти совершенно неизвѣстными и нетронутыми изслѣдованіемъ [1]), — но когда исторія литературы, подъ общимъ вліяніемъ времени, направилась на изученіе народныхъ источниковъ, отношеній и отголосковъ, эти произведенія старой письменности не могли не привлечь на себя вниманія,—потому что видимо были по преимуществу народнымъ достояніемъ.

Дѣйствительно, съ изученіемъ этихъ памятниковъ открывалась почти неподозрѣваемая прежде сторона древности: внутренняя жизнь народныхъ вѣрованій, судьба и содержаніе народно-поэтической дѣятельности. Старые ревнители благочестія въ теченіе многихъ вѣковъ, съ самаго принятія христіанства и до

— Русскія народныя пѣсни. Часть первая. М. 1870 (большой томъ изъ тѣхъ же „Чтеній").

— Бѣлорусскія народныя пѣсни, съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями, съ приложеніемъ объяснит. словаря и грамматическихъ примѣчаній. Спб. 1874 (изъ „Записокъ Геогр. Общ. по отдѣленію энографіи", т. V).

Рецензія послѣдняго сборника, Ор. Миллера, въ 18-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, 1876.

[1]) Немногія замѣтки объ этой сторонѣ старой нашей письменности были сдѣланы Карамзинымъ, позднѣе — Полевымъ, но особенно Востоковымъ — въ знаменитомъ „Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума", Спб. 1842.

XVII столѣтія жаловались на недостатокъ въ народѣ «правой вѣры». Въ старину они прямо винили народъ въ «двоевѣріи»: христіанство, по ихъ словамъ, соединялось съ «идольскимъ служеніемъ», т.-е. съ различными воспоминаніями язычества, обычаями, обрядами, а также и старыми воспоминаніями народной поэзіи. Такія жалобы высказывались особенно въ половинѣ нашихъ среднихъ вѣковъ, въ XIII—XIV столѣтіи. По мѣрѣ того, какъ христіанство все больше проникало въ нравы, подлинное язычество, конечно, исчезало: обычаи освящались (и видоизмѣнялись) христіанствомъ, терялась память ихъ первоначальнаго смысла; но христіанство, въ своемъ отвлеченно-догматическомъ характерѣ, оставалось все-таки ученіемъ, слишкомъ возвышеннымъ для огромной массы народа, часто даже для самого духовенства; уровень понятій долженъ былъ сказаться въ религіозномъ пониманіи. Въ основѣ понятій оставалась та же привычка и наклонность къ суевѣрію фантастическому, и новая вѣра необходимо должна была имъ окраситься. Взамѣнъ языческой миѳологіи должна была явиться миѳологія христіанская: не довольно было того чудеснаго, котораго такъ много представляла библейская исторія; нужно было чудесное, менѣе контролируемое точнымъ церковнымъ ученіемъ, болѣе доступное и открытое для варіацій воображенія, болѣе близкое къ непосредственному быту. Это чудесное давалось апокрифическими произведеніями, цѣлая масса которыхъ была, частію уже съ первыхъ вѣковъ, распространена въ старой письменности; затѣмъ въ извѣстной степени оно давалось и той литературой повѣствовательной, которая приходила изъ Византіи черезъ южно-славянское посредство, и изъ другихъ источниковъ: близкая, по своимъ фантастическимъ свойствамъ, иногда прямо родственная апокрифической литературѣ (напр. въ сказаніяхъ о Соломонѣ, легендарныхъ повѣстяхъ и т. п.) она была столь же доступна и привлекательна для народа,—потому что въ первой своей основѣ эти сказанія имѣли народно-эпическій источникъ и складъ. Христіанское ученіе и преданіе—въ народной массѣ, а иногда и въ средѣ самихъ церковныхъ книжниковъ—до того переплеталось и съ отголосками своей старины, и особенно съ апокрифической легендой, и чудесными эпическими сказаніями, пришедшими изъ чужихъ источниковъ, что все это вмѣстѣ составило, наконецъ, свою особенную христіанскую миѳологію, какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ и даже во всемъ христіанскомъ мірѣ—конечно съ мѣстными и народными варіантами. Эта христіанская миѳологія съ теченіемъ времени до того расширилась и укрѣпилась въ народныхъ представленіяхъ, что соста-

вила характеристическую основу средневѣковаго міровоззрѣнія, которая проникала и старое, и вновь приходившее содержаніе народной мысли и фантазіи.

Первые послѣдователи Гриммовой школы отмѣтили у насъ (какъ и самъ Гриммъ въ нѣмецкой миѳологіи) фактъ этого «двоевѣрія», но, во-первыхъ, поняли его слишкомъ внѣшнимъ образомъ какъ простое смѣшеніе христіанскаго съ языческимъ въ эпоху введенія новой религіи, и полагали, что этимъ кончается его вліяніе на миѳъ; во-вторыхъ, не оцѣнили достаточно другой ступени двоевѣрія—въ формахъ той народно-христіанской миѳологіи, о которой мы сейчасъ говорили. Между тѣмъ, эта форма имѣетъ величайшую важность: она *совсѣмъ закрыла* старый языческій періодъ; средніе вѣка народнаго міровоззрѣнія уже не знаютъ Перуна, Дажьбога, Волоса (которыхъ еще помнили въ XII вѣкѣ), забыли языческую ѳеогонію и космогонію; народный эпосъ, отъ временъ миѳа языческаго, дошелъ до насъ уже *черезъ этотъ періодъ* новыхъ миѳологическихъ образованій. Словомъ, между языческой стариной и современнымъ народнымъ эпосомъ лежитъ цѣлый особый періодъ созданія и утвержденія средневѣковой народно-христіанской миѳологіи...

Таковъ былъ научный смыслъ новыхъ изслѣдованій стараго народнаго міровоззрѣнія и поэзіи. При началѣ изслѣдованій былъ, конечно, еще не виденъ полный объемъ отношеній старой письменности къ собственно народной поэзіи, но существованіе этихъ отношеній было замѣчено ясно, и чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ оказывались ближе и тѣснѣе, и, наконецъ, вліяніе ихъ открыто было въ самомъ эпосѣ былины, въ которомъ до тѣхъ поръ упорствовали видѣть только прямую преемственность древняго и чисто-народнаго миѳическаго эпоса.

Изученіе этой области старой литературы и опредѣленіе этого средняго періода народнаго міровоззрѣнія именно восполняло тотъ недостатокъ историческаго посредства въ объясненіи миѳа, недостатокъ, который почувствованъ былъ въ Гриммовой школѣ и повторился у нашихъ ея послѣдователей. Безъ этого историческаго элемента объясненіе народнаго эпоса становилось отнынѣ невозможнымъ.

Было бы долго перечислять труды, направленные на изученіе апокрифическаго, легендарнаго и повѣствовательнаго отдѣла старой письменности; мы упомянемъ главное. Самъ г. Буслаевъ сдѣлалъ не мало важныхъ поисковъ въ этой литературѣ [1]).

[1]) Указаніе на многіе памятники народной письменности, какъ упомянутая „Повѣсть града Іерусалима", травники, азбуковники и т. под.; замѣчательныя объясненія

Далѣе, много сдѣлано было г. Тихонравовымъ, который издалъ въ 1859—63 нѣсколько томовъ «Лѣтописей русской литературы и древности» и въ 1863 два тома «Памятниковъ отреченной русской литературы»; въ этихъ двухъ изданіяхъ собрано множество важнаго матеріала и начаты изслѣдованія въ области «отреченныхъ» книгъ и старой повѣствовательной литературы.[1]). Съ тѣхъ поръ изслѣдованія этого рода очень размножились. Назовемъ изъ нихъ изслѣдованія Н. Лавровскаго[2]), И. Порфирьева[3]), В. Сахарова, и другихъ[4]); далѣе, нѣкоторые сюда относящіеся тексты, изданные Срезневскимъ; сборникъ старыхъ повѣстей и сказаній, изданный г. Костомаровымъ; отдѣльныя изслѣдованія г. Сухомлинова; монументальный трудъ г. Ровинскаго; изданія Общества любителей древней письменности; замѣчательные апокрифическіе тексты, изданные Андреемъ Поповымъ въ описаніи рукописей Хлудова, и т. д. Въ литературахъ южно-славянскихъ параллельныя изданія памятниковъ апокрифическихъ и повѣствовательныхъ —Новаковича и Ягича, и т. д. Ниже мы скажемъ, какой богатый вкладъ сдѣланъ былъ въ послѣдніе годы трудами г. А. Веселовскаго и другихъ ученыхъ, изучавшихъ литературу апокрифовъ и старой книжной повѣсти въ связи съ народно-поэтическими сказаніями и былиной.

Возвращаемся къ исторіи объясненія нашего эпоса.

Прямымъ и усерднѣйшимъ продолжателемъ теоріи г. Бус-

житій—Петра и Февронiи муромскихъ, Петра Царевича, Меркурія Смоленскаго и т. д. и т. д.

[1]) Сюда относятся и мои работы того времени: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ", Спб., 1857 (изъ Ученыхъ Зап. Акад. н., т. IV); „Ложныя и отреченныя книги русской старины", Спб. 1862 (въ „Памятникахъ старинной русской литературы", вып. 3); Объясненіе къ нимъ, въ „Р. Словѣ", 1862. „Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ", въ „Лѣтописи занятій Археограф. Коммиссіи", вып. 1, Спб. 1862, и др.

[2]) Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, въ „Духовн. Вѣстникѣ", 1864, т. IX.

[3]) Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, Казань, 1873; Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки,—въ „Сборникѣ" II Отдѣленія Акад. т. XVII, 1877.

[4]) Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на народные духовные стихи. Изслѣдованіе В. Сахарова, Тула, 1879.

— Объ апокрифическихъ евангеліяхъ, свящ. М. Альбова, въ Христ. Чтеніи, 1872.

— Происхожденіе міра и человѣка и послѣдующая ихъ судьба по изображенію древнихъ римскихъ поэтовъ: Сивиллины книги, Глоріантова, въ Христ. Чтеніи, 1878.

— И. Мансветовъ, Византійскій матеріалъ для Сказанія о двѣнадцати трясавицахъ. Москва, 1881.

лаева и миѳологическихъ толкованій Аѳанасьева былъ г. Ор. Миллеръ, сначала въ своей исторіи древней русской литературы, потомъ въ огромной книгѣ объ Ильѣ-Муромцѣ [1]). Правда, главный трудъ Аѳанасьева началъ выходить въ одно время съ первой книгой г. Миллера, но послѣдній могъ уже воспользоваться здѣсь 1-мъ томомъ «Поэтическихъ Воззрѣній», и ранѣе явившимися отдѣльными статьями Аѳанасьева. Вмѣстѣ съ нимъ, онъ беретъ своими миѳологическими авторитетами Куна и Шварца, Маннгардта (перваго направленія) и Макса Мюллера, и не менѣе самого Аѳанасьева находитъ удивительныхъ объясненій миѳа солнцемъ, тучами и громами.—Не останавливаясь на этихъ истолкованіяхъ, довольно сказать, что это вообще—послѣдняя степень преувеличенія, до какой можно было довести солнечно-небесно-грозовую теорію, послѣдняя крайность нашей миѳологической школы. Авторъ (въ «Обозрѣніи») не знаетъ сомнѣній относительно миѳическаго содержанія сказокъ и эпоса: ему извѣстна теорія Бенфея, которая объясняла значительную долю въ сходствѣ сказокъ у различнѣйшихъ народовъ путемъ внѣшняго заимствованія и могла бы умѣрить миѳологическія пристрастія, но онъ не становится оттого осторожнѣе. Авторъ безстрашно проникаетъ въ отдаленнѣйшую древность, раскрывая самыя неисповѣдимыя глубины ея миѳологическихъ представленій. Все изображеніе древности есть хитросплетенное построеніе изъ олицетвореній, метафоръ, символовъ,—въ которомъ весьма нелегко оріентироваться: объясненія такъ отважны, что читателю думается наконецъ, что построеніе можетъ рухнуть при неосторожномъ прикосновеніи критики. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь идетъ о такой отдаленной старинѣ, что для миѳологической науки было бы великимъ пріобрѣтеніемъ и то, если бы она смогла опредѣлить самыя общія черты, такъ сказать круглыя цифры содержанія и образованія миѳа, какъ геологія круглыми цифрами опредѣляетъ наслоенія земной коры и продолжительность геологическихъ періодовъ: вмѣсто того, какъ и у Аѳанасьева, мы получаемъ объясненіе самыхъ мелкихъ подробностей сказки—какъ будто черезъ тысячелѣтія сказка пришла

---

[1]) Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. Ч. I, вып. I (отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины). Изданіе второе, передѣланное и дополненное тремя новыми главами. Спб. 1865 (на обложкѣ 1866).

— Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Спб. 1869, (на обложкѣ

,ензіи этой послѣдней книги, г. Буслаева въ Журн. Мин. Нар. Прос. 1871, и въ отчетѣ о 14-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1872.

къ намъ въ нетронутомъ видѣ, и какъ будто для этихъ объясненій довольно было изворотливости фантазіи. Примѣровъ сказаннаго множество—на стр. 21—196 «Историческаго Обозрѣнія» [1]).

Относительно эпоса былинъ принимается за несомнѣнное и развивается дальше то представленіе дѣла, какое мы видѣли у г. Буслаева и Аѳанасьева. Считается не подлежащимъ спору, что «старшіе богатыри», это — «антропоморфическіе исполинскіе (?) миѳы *тучъ*» (Обозр., стр. 204), что бой Ильи-Муромца съ сыномъ означаетъ то, что «богъ громовникъ, производя, т.-е. порождая тучи, съ другой стороны ихъ же и истребляетъ» (стр. 219); Соловей-разбойникъ—«не что иное какъ олицетворенная *буря* съ ея вѣтвистымъ деревомъ (?) *тучъ* и ея грозвымъ свистаньемъ» (стр. 221); Владиміръ—подлинное «Красное солнышко; въ Добрынѣ—«скрывается божество, въ основѣ своей соотвѣтственное германскому Одину», и такъ далѣе. Хотя въ самомъ заглавіи книги объ Ильѣ-Муромцѣ авторъ говоритъ о «слоевомъ составѣ» былины, но въ изслѣдованіи это не мѣшаетъ ему брать *новѣйшіе* тексты былины какъ основаніе для миѳологическихъ толкованій: полагается, что примѣрно съ X-го вѣка въ былинѣ сохранились тѣ же самыя—не только темы и сюжеты, но обороты рѣчи, самыя слова и выраженія; полагается, что примѣрно въ продолженіе тысячи лѣтъ многочисленныя поколѣнія хранителей и передатчиковъ былины не внесли никакого оборота и сравненія, никакого понятія своего времени,—потому что, какъ же иначе сдѣлать выводы о «тучахъ» и «молніяхъ»? Правда, авторъ дѣлаетъ различія: онъ считаетъ однѣ подробности миѳическими, другія—бытовыми, однѣ древними, другія—новыми; но и здѣсь выборъ между ними часто совершенно произволенъ. Напр., въ описаніи богатырской игры оружіемъ (Илья-Мур., стр. 16—17), богатырь «наговариваетъ» на копье,—авторъ заключаетъ, что это «отзывается отдаленнѣйшею стариною», но почему же? Заговариванье оружія извѣстно солдатамъ и охотникамъ и по сію минуту, эта черта могла, пожалуй, быть и новымъ варіантомъ. Наговаривая такимъ образомъ, враждебный богатырь собирается «вертѣть Ильей-Муромцемъ», какъ вертитъ своимъ копьемъ. По мнѣнію автора, въ этихъ словахъ «слышно уже воинское под-

[1]) Напр. баба яга=зимняя туча, зима (почему, неизвѣстно); жаръ птица=„чрезмѣрность въ явленіяхъ свѣта и теплоты, которая становится уже пагубною"; норка звѣрь—живетъ въ пещерѣ, заваленной камнемъ, который „обыкновенно миѳически объясняется *окамененностію* (?) природы въ холодное зимнее время" и т. д. Объясненіе острова Буяна и камня-алатыря въ извѣстной формулѣ заговора (стр. 78—81) есть настоящій tour de force миѳологическаго ухищренія.

дразниванье врага, т.-е. тутъ надобно видѣть черту уже *бытовую*, позднѣйшую». Почему — совершенно неизвѣстно; очевидно, напротивъ, что эта подробность именно принадлежитъ къ заговору, какъ ожиданіе его исполненія; и затѣмъ когда наговаривали на копья, могли *въ то же время* дѣлать и воинское поддразниванье. Боевая потѣха, киданье вверхъ палицы, которую богатырь потомъ ловитъ—есть потѣха столь обыкновенная вездѣ и всегда, гдѣ употреблялись палицы, что припоминать Тора нѣтъ никакой надобности. Простое сравненіе былины, что не двѣ тучи собирались, не двѣ горы сдвигались, а съѣзжались въ чистомъ полѣ два богатыря — не проходитъ у автора даромъ: оно оказывается «едва ли не прямымъ указаніемъ на миѳическое значеніе борющихся существъ»; но когда вслѣдъ затѣмъ объ Ильѣ-Муромцѣ говорится другимъ сравненіемъ, что упавши на землю онъ ворочался какъ «сѣрая утица», авторъ не пріискалъ для утицы миѳологическаго толкованія и рѣшилъ, что «сравненіе относится къ совершенно другому и, конечно, позднѣйшему кругу». Камень-алатырь, который въ «Обозрѣніи» былъ уже объясненъ какъ «солнечный камень» (?), здѣсь объясняется вновь. Въ одномъ варіантѣ былины о боѣ Ильи-Муромца съ сыномъ, послѣдній говоритъ о своемъ происхожденіи: «отъ моря я отъ студенаго, отъ камени я отъ Латыря, отъ той отъ бабы отъ Латыгорки», и изъ этого случайнаго сопоставленія и созвучія двухъ перепорченныхъ именъ авторъ не замедлилъ вывести, что «самое имя этой бабы указываетъ на связь ея съ Латыремъ», и оба они вмѣстѣ толкуются такъ (стр. 19): «камень латырь посреди студенаго моря, это—солнце посреди зимняго неба, солнце въ его зимнемъ, невозженномъ состояніи; баба Латыгорка, это—баба-гора (горынинка), зимняя туча, залегшая камень латырь (латыгорка), пока, наконецъ, чрезъ союзъ съ миѳическимъ существомъ, скрывающимся въ Ильѣ, она не становится снова плодоносною, лѣтнею бабою» (!)...

Такого рода объясненіями исполнена у г. Миллера вся миѳологія былинъ [1]).

Другую сторону изслѣдованія составляютъ объясненія психологическія и моральныя. Авторъ старается опредѣлить нравственный характеръ Ильи-Муромца и другихъ героевъ былины, какъ повидимому ни затруднительно было бы опредѣлять нравственныя свойства тучи, грозы, солнца и дождя. Въ заключеніе объяс-

---

[1]) Укажемъ еще лишній примѣръ, на стр. 275—277, гдѣ идетъ рѣчь о „взаимныхъ миѳическихъ отношеніяхъ Ильи, Соловья и Владиміра“.

вяется народно-бытовое значеніе нашего эпоса, и миѳологія сводится на публицистику—въ духѣ тогдашняго славянофильства. По этой мѣркѣ онъ судитъ и научные взгляды: разумѣется само собою, что за авторомъ остается самая русская точка зрѣнія, а его противники оказываются плохими русскими. Что при этомъ г. Стасовъ является нѣмцемъ, мы не удивились бы (стр. 674); но удивительно, что не совсѣмъ русскимъ оказывается и г. Стоюнинъ (стр. 813).

Наиболѣе важною долею труда г. Миллера остаются многочисленныя указанія параллельныхъ сюжетовъ и подробностей въ западно-европейскомъ, особливо германскомъ, эпосѣ и въ славянской народной поэзіи, особливо южной.

Совсѣмъ особнякомъ въ вопросѣ о народно-историческомъ значеніи былиннаго эпоса стоятъ изслѣдованія г. Безсонова [1]).

Труды г. Буслаева и Аѳанасьева—какъ бы мы ни смотрѣли на многіе ихъ выводы—дали сильный толчекъ изученію нашей народной поэзіи, и они были однимъ изъ яркихъ фактовъ воздѣйствія европейской, особливо нѣмецкой науки, въ лицѣ Гримма и его школы. Славянофильство (хотя само имѣло одинъ изъ основныхъ источниковъ своихъ идей въ нѣмецкомъ философствованіи) открещивалось отъ гнилой Европы и желало, какъ въ общемъ, такъ и въ частномъ вопросѣ о народной поэзіи, проводить самобытную русскую мысль. Носителемъ ея являлся теперь г. Безсоновъ. Онъ уже съ пятидесятыхъ годовъ былъ участникомъ славянофильскихъ изданій, позднѣе съ гордостью ссылался на свою близость къ главамъ славянофильства [2]), и сталъ въ нѣкоторомъ родѣ довѣреннымъ ученымъ школы въ вопросахъ филологіи и народной старины. Ему поручено было изданіе и комментированіе пѣсенъ Кирѣевскаго, онъ писалъ замѣчанія къ пѣснямъ Рыбникова; ему поручена была редакція грамматическихъ трудовъ К. Аксакова. Работая надъ сборникомъ Кирѣевскаго, г. Безсоновъ положилъ много труда на распредѣленіе матеріала, собираніе варіантовъ [3]), въ своихъ примѣчаніяхъ сообщалъ не мало полезныхъ фактическихъ указаній; въ пѣсняхъ

---

[1]) Его комментаріи къ народному эпосу см. въ его замѣткахъ къ изданіямъ пѣсенъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Калѣкамъ перехожимъ.

[2]) См. Пѣсни Кирѣевскаго, вып. 8, стр. LVII, CXII.

[3]) Хотя иной разъ терялъ въ этомъ мѣру, безъ надобности ихъ размножая,—какъ не безъ основанія упрекали его критики, напр. Билярскій (по поводу „Калѣкъ перехожихъ“).

онъ сталъ большимъ начетчикомъ и умѣлъ вѣрно отличать фальшь и поддѣлку — какъ мы уже указывали по поводу изданій Сахарова (были, кромѣ того, и другіе примѣры): во всякомъ случаѣ онъ былъ горячо преданъ своему дѣлу, зналъ его, какъ издатель [1]), и во всемъ этомъ имѣетъ безспорную заслугу; — но какъ филологъ и теоретическій истолкователь народнаго поэтическаго преданія и миѳологіи, онъ съ самаго начала выступилъ съ чрезвычайно странными пріемами, и хотя упрекалъ своихъ противниковъ повтореніемъ «нѣмецкихъ книжекъ», самъ безъ нихъ тоже не обошелся.

Свои ученые источники г. Безсоновъ указывалъ въ философіи Шеллинга [2]) и въ сравнительной филологіи,—но примѣненія того и другого такъ необычайны, находятся въ такомъ полномъ подчиненіи обильной фантазіи автора, что критики рѣдко даже находили нужнымъ вступать съ нимъ въ споръ на этомъ поприщѣ. Но въ его возраженіяхъ противъ послѣдователей Гриммовой миѳологической школы есть, однако, нѣчто не лишенное справедливости.

Къ своимъ предшественникамъ въ истолкованіи былины, — въ началѣ 60-хъ годовъ, это были въ особенности Буслаевъ и Аѳанасьевъ, — г. Безсоновъ относится очень строго. Какъ послѣдователь Шеллинговой миѳологіи, г. Безсоновъ считаетъ миѳологію по Гриммову методу чистымъ ребячествомъ. Упоминая, что по его первымъ замѣткамъ къ пѣснямъ Рыбникова и Кирѣевскаго, его заподозрили въ невниманіи къ миѳологіи, г. Безсоновъ возражаетъ, что онъ не находилъ миѳологіи лишь тамъ, гдѣ ея нѣтъ:

«А гдѣ есть ея слѣды,—продолжаетъ онъ,—тамъ мы предпочитаемъ итти съ осторожностію [3]) и намѣренно стараемся, чтобы наши выводы не походили на разсужденія современныхъ русскихъ миѳологовъ. Для нихъ безъ различія все равно въ язычествѣ, что̀ вѣросознаніе и что̀ народный бытъ, народное творчество, что̀ ѳеологія и что̀ отвлеченное воззрѣніе или исторически сложившееся понятіе, что̀ миѳологія и что̀ демонологія, что̀ космогонія и что̀ явленія внѣшней природы. Для нихъ свѣтъ, огонь, тепло, холодъ, лѣто, зима, весна, заря, ночь, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вѣтеръ, молнія, дымъ, конь, быкъ, и тому подобныя рѣдкія явленія природы, съ прибавкою изъ третьей руки долетѣвшихъ фразъ объ язычествѣ, о первобытномъ воззрѣніи, о непосредственности бытія, о близости человѣка къ природѣ, и т. п., все это дало для плодовитыхъ изслѣдователей неизсякающую и незыблемую почву для построенія самой богатой русской миѳологіи... Стоитъ только чихнуть отъ насморка или промок-

[1]) Впрочемъ, г. Тихонравовъ въ разборѣ „Калѣкъ" указывалъ неаккуратности въ передачѣ текстовъ.

[2]) Пѣсни Кир., вып. 8, стр. LVI, XCVIII и др.

[3]) Дальше мы увидимъ ея образчики.

виться любой старушкѣ, чтобы этимъ изслѣдователямъ создать уже новое русское божество отдаленной миѳической эпохи, со всѣми аттрибутами грознаго явленія, ввести его въ антагонизмъ съ христіанствомъ и съ любопытствомъ слѣдить за перипетіями отчаянной борьбы: игра, составляющая для ученыхъ такое же привлекательное занятіе, какъ ералашъ для остального нашего общества...» (Пѣсни Кир., вып. 4, стр. XCVII и д.) [1]).

Въ числѣ «современныхъ миѳологовъ» авторъ, конечно, считалъ и г. Буслаева и Аѳанасьева, и замѣчанія о преувеличеніяхъ миѳологическихъ имѣютъ свою долю правды. Къ сожалѣнію, собственныя толкованія автора не подкрѣпляютъ его полемики и, конечно, гораздо меньше могли удовлетворить научному требованію.

Свою исходную точку и путь изслѣдованія г. Безсоновъ опредѣляетъ такимъ образомъ. Разыскивая до-историческую старину не только русскаго народа, но и славянства, мы встрѣчаемся съ огромнымъ пробѣломъ,—именно пробѣломъ между древнѣйшими свѣдѣніями о славянскихъ и русскихъ божествахъ (Сварогъ, Дажьбогъ и пр., которыхъ онъ сближаетъ съ индѣйскими) и послѣдующимъ, уже прямо *историческимъ* бытомъ.

«Затѣмъ разломъ, пропасть, и вдругъ передъ глазами готовый уже народъ, на опредѣленныхъ, историческихъ мѣстахъ жительства, сложившійся изъ родовъ въ бытъ міра, земли, общины, верви, съ началомъ положительной исторіи, съ лѣтописями и прочими памятниками, гдѣ на первый взглядъ—никакой почти повѣсти *до-исторической*, гдѣ отъ старыхъ божествъ кое-какія лишь имена, и то съ признаками старости и ветхости, десятокъ размельчавшихъ божествъ безъ энергической силы, куча существъ демоническихъ и потомъ длинный рядъ героевъ, богатырей, юнаковъ, въ ббразахъ творческихъ, поэтическихъ, но уже принадлежащихъ *исторіи положительной*... За исключеніемъ крайнихъ отпрысковъ западнаго славянства, болѣе опредѣлившихся, вѣроятно отъ столкновеній съ западными народами и поглощенныхъ ими... нѣтъ почти никакихъ у славянъ идоловъ, языческихъ храмовъ, жрецовъ; нѣтъ даже и борьбы съ христіанствомъ, и славяне переходятъ къ нему совсѣмъ готовые, будто къ ступени самой ближайшей, и вносятъ съ собою въ жизнь христіанскую такіе мирные слѣды язычества, которые уживаются съ христіанствомъ просто какъ народность, какъ образъ и сосудъ для воплощенія новыхъ явленій бытія духовнаго, какъ

[1]) По поводу былинъ о борьбѣ Ильи-Муромца съ поганымъ Идолищемъ, г. Безсоновъ замѣчаетъ (тамъ же, стр. X)... „Въ столкновеніи съ Ильею, представителемъ не одной внѣшней дѣйствительности, а вмѣстѣ и проникнувшихъ къ народу христіанскихъ началъ и воззрѣній, Идолище является врагомъ христіанства, образцомъ язычества, въ сферѣ миѳологической. Поразительное доказательство не однажды повтореннаго нами мнѣнія объ отсутствіи въ Ильѣ-Муромцѣ началъ языческихъ и миѳическихъ, объ его *христіанскомъ* характерѣ: кто же изъ страстныхъ искателей русской миѳологіи и русскаго язычества можетъ допустить, чтобы представитель язычества боролся съ язычествомъ, представитель миѳологіи съ миѳологіей — въ лицѣ врага Идолища?“

слово для выраженія христіанскихъ идей; борьба, которую проницательно усматриваютъ здѣсь наши новѣйшіе русскіе ученые, есть въ сущности не что иное, какъ борьба нѣмецкой книги, послужившей источникомъ, съ дѣйствительною русскою жизнію и здравымъ разсудкомъ. За этой интересной борьбою они не видали доселѣ той огромной пропасти, которая помянута нами выше, которая дѣйствительно существуетъ, какъ пробѣлъ для науки между первыми началами до-исторической жизни славяно-руссовъ и позднѣйшимъ проявленіемъ жизни исторической, появляющейся, какъ Паллада, прямо изъ головы, безъ всякихъ замѣтныхъ переходовъ и ступеней.

«Пробѣлъ для науки: не было ли его и въ самой жизни, въ самой до-исторической дѣйствительности? Трудно повѣрить, на самый первый взглядъ. Между столпотвореніемъ, отъ котораго раздѣлились и пошли народы, а вмѣстѣ пошелъ и народъ славянскій со своимъ Дажбогомъ, до первыхъ вѣковъ по Р. Х., когда славяне упоминаются, и до IX-го вѣка, когда начинаютъ говорить о себѣ сами, на поприщѣ положительной исторіи лежало времени не мало и не могли славяне наполнить его одной праздностью и бездѣйствіемъ... Въ этомъ промежуткѣ лежалъ цѣлый міръ стихій, что-нибудь творившихъ же въ сознаніи, и у стихійныхъ божествъ, до насъ уцѣлѣвшихъ лишь по имени, было, конечно, не одно имя, а подъ именемъ цѣлая исторія, полная событій, выражавшихся и въ богопоклоненіи, во внѣшнихъ обрядахъ; а послѣ стихій еще выработанныя представленія объ организмѣ, организмъ животный и человѣческій, зооморфизмъ и антропоморфизмъ... Гдѣ все это,—не въ томъ жалкомъ безобразіи, какъ открываютъ наши ученые, а въ значеніи вѣросознанія, творившаго духъ славяно-русскаго человѣка?.. А самый духъ? Послѣ того, какъ онъ былъ задавленъ космическою силой, царствовавшей въ вѣросознаніи... до той минуты, когда славяно-русскій народъ явился какъ бы вдругъ совершенно готовымъ къ христіанству и какъ бы сразу удостоился сдѣлаться лучшимъ сосудомъ высшаго изъ христіанскихъ вѣросознаній, православія, въ этомъ опять промежуткѣ какая длинная и долгая должна была совершаться исторія! Съ разу такъ шагнуть не могъ ни одинъ народъ...

«Итакъ, наука должна искать этого искомаго. Нужно сознаться лишь, что это не такъ легко... Нашъ народъ спѣшилъ въ исторію, и въ исторіи все еще доселѣ живетъ надеждою на будущее, предвидя тамъ себѣ высшую задачу, а потому оставилъ насъ въ скудости данныхъ для уразумѣнія длинной эпохи до-исторической. Лишь языкъ даетъ здѣсь такое богатство средствъ, какое не у всѣхъ народовъ; съ него и должны всегда начинать мы. Гдѣ же добытое нами не совсѣмъ полно и ясно, тамъ мы должны обращаться къ народамъ, у которыхъ всѣ пройденныя поприща развитія болѣе ясны, и хотя не всегда одинаково глубоки, но по крайности выражены нагляднѣе въ творчествѣ.

«Лучшая помощь въ этомъ дѣлѣ греки... Грекъ прошелъ всѣ пути языческаго вѣросознанія, отъ верхняго края до нижняго, отъ предѣла до предѣла; ни одинъ языческій народъ не сравняется съ нимъ въ этой полнотѣ... (и т. д.).

«Въ настоящемъ случаѣ, для пополненія нашего пробѣла, греческая миеологія важна тѣмъ, что послѣ кроническаго и стихійнаго періода, гдѣ у насъ ощутительный обрывъ, у грековъ вступаютъ по порядку зооморфическія представленія, переходятъ въ антропоморфическія, углубившійся въ себя духъ человѣческій выноситъ на сцену и свой образъ, настаетъ лучшее время сочетанію идеи и образа, всѣ прежнія божества въ вѣросознаніи перерождаются, открывается Олимпъ съ божествами преображенными, съ царемъ Зевсомъ, и весь періодъ Зевса является новымъ, полнѣйшимъ и обильнѣйшимъ періодомъ

миѳологія, творчества, искусства. Этотъ-то періодъ и долженъ для славянъ уяснить многое, пополняя черты ихнихъ óбразовъ, подсказывая недосказанное, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ имѣть вліяніе на славянъ и по сосѣдству...

«Повторяемъ, возстановить образность и опредѣленность неясныхъ обликовъ и одинокихъ именъ славянскихъ божествъ изъ этого періода можно только посредствомъ сближеній съ миѳологіей греческой. Мы думаемъ, напримѣръ, что отчасти уже достигли этого, сравнивая *Велеса* или *Волоса* съ греческимъ *Геліосомъ*—по смыслу съ Ѳебомъ [1],—*Купалу* съ *Кувелою*, *Соботки* съ *Сабаціями* и т. д. Еще больше должны мы ждать отъ періода Ѕевесова или Олимпійскаго» (Пѣсни Кир., 4, стр. LXVIII—LXXV).

Такова исходная точка г. Безсонова. Онъ выставляетъ мысль, въ сущности очень справедливую—о необходимости изслѣдованія самаго хода миѳолóгическаго процесса, разчлененія миѳологіи по ея постепенному развитію, различеніе ея на отдѣльныя формы и ступени содержанія. Онъ справедливо указываетъ недостатки миѳологическаго изслѣдованія, которое не задумывалось объяснять существо древней русской миѳологіи, не имѣя для этого другихъ основаній, кромѣ предвзятой теоріи, смѣло расточая миѳологическія черты на каждое слово народнаго повѣрья и поэзіи, такъ что миѳъ терялъ, наконецъ, всякіе предѣлы. Далѣе, въ нашей миѳологіи есть, дѣйствительно, перерывы: трудно связать напр. даже первыя историческія свѣдѣнія о русскомъ бытѣ съ миѳическими чертами былины. Въ общемъ, справедлива мысль, что при разъясненіи хода нашей миѳологіи—столь бѣдной опредѣленными фактами — можетъ съ пользой служить аналогія. Но этимъ и кончается. Если есть въ до-историческихъ судьбахъ нашего народа и его «вѣросознанія» *пропасть*, которую наши миѳологи иногда дѣйствительно одолѣвали слишкомъ смѣлыми скачкáми, то самъ авторъ дѣлаетъ этотъ скачекъ совсѣмъ очертя голову, какъ настоящій salto mortale.

По своей собственной теоріи, авторъ дѣлалъ ошибку въ томъ, что «періоды вѣросознанія» не одинаковы у всѣхъ народовъ: по различнымъ историческимъ условіямъ жизни народовъ, оно развивается сильнѣе или слабѣе, въ ту или другую сторону, и въ данномъ случаѣ славяно-русская и греческая миѳологія именно несоизмѣримы. Греческій Олимпъ образовывался рядомъ съ успѣхами цивилизаціи, съ роскошнымъ развитіемъ поэзіи, искусства, философіи; у насъ были лишь зачаточныя формы, которыя чрезвычайно трудно, или просто невозможно, сравнивать съ формами, блестяще развитыми, сколько бы ни было общаго въ первоначальныхъ исходныхъ точкахъ обѣихъ миѳологій. Что аналогія

---

[1]) Зачѣмъ только авторъ пишетъ такъ неправильно это имя?

г. Безсонова противорѣчать самому взгляду Шеллинга, указывалъ уже Котляревскій [1]).

Точно такъ же какъ осуждаемые имъ миѳологи, г. Безсоновъ беретъ матеріалъ въ сыромъ видѣ, безъ всякаго предварительнаго критическаго осмотра. Такъ, напр., онъ разыскиваетъ «духъ славяно-русскаго человѣка въ эпоху общеславянскую» (ни болѣе, ни менѣе) по сказкамъ объ Иванѣ богатырѣ—не сдѣлавши никакихъ справокъ о содержаніи этихъ сказокъ, о томъ, нѣтъ ли у нихъ параллелей или двойниковъ между сказками другихъ народовъ, т.-е. даже безъ опредѣленія того, чтó въ этихъ сказкахъ можетъ быть признано за специфически славянское и русское; при всемъ этомъ — произволъ толкованій, доходящій до научной невмѣняемости [2]). Разсужденія о камнѣ-алатырѣ, по поводу котораго г. Безсоновъ принимаетъ особый «алатырскій періодъ» русской до-исторической жизни [3]); филологическія и миѳологическія разысканія о богатыряхъ Потокѣ и Чурилѣ, и отцѣ послѣдняго Плѣнѣ [4]), и друг., столь необычайны и странны, что останавливаться на ихъ разборѣ безполезно. Забвеніе критической азбуки доходило до того, что авторъ подвергалъ своему филолого-мистическому истолкованію даже героевъ сказокъ, завѣдомо чужихъ, новѣйшихъ и книжныхъ, какъ, напр., богатырь Бова и Полканъ [5]).

Но разыскивая миѳическіе остатки, г. Безсоновъ, опять не въ примѣръ другимъ изслѣдователямъ, не признаетъ миѳическими лицами героевъ былины какъ Илья-Муромéцъ, и даже Чурила и т. п. «Сохрани Богъ»,—восклицаетъ онъ, по поводу Чурилы, въ которомъ онъ только-что передъ тѣмъ открылъ славяно-русскаго Гермеса:—«это самое живое существо, богатырь самый образный, весь плоть, безъ рефлексіи, лишь въ очертаніяхъ народнаго творчества. Сквозь образа *сквозитъ* миѳъ; но самый образъ не есть миѳъ, а образъ творческій, поэтическій, съ жизнью тогдашней поры, въ обстановкѣ всего тогдашняго порядка вещей» [6]). Эту сторону эпическихъ богатырей былины г. Безсоновъ представляетъ

[1]) Старина и народность, Москва 1862, стр. 34.

[2]) Пѣсни Кир., вып. 3, стр. 3, XXXV и д.

[3]) Тамъ же, вып. 4, стр. II и слѣд.

[4]) Тамъ же, вып. 4, стр. XXXI—L; стр. LVIII—XCVI.

[5]) Тамъ же, вып. 3, стр. XVIII; вып. 4, стр. CLXXXIV. На это невозможное обращеніе съ чужими богатырями указывалъ въ свое время Котляревскій: Старина и народность, стр. 32—33. Г. Безсоновъ страннымъ образомъ не зналъ, что происхожденіе сказки давно объяснено изъ итальянскаго романа Buovo d'Antona, и утверждалъ, по Хомякову, что Бова взятъ изъ англійскаго Bewis и проч.

[6]) Тамъ же, 4, стр. XCV.

какъ олицетвореніе или символъ судьбы самой русской земли и народа. Даже изъ «камня-алатыря» авторъ вывелъ цѣлый «алатырскій періодъ» русскаго народа — его первобытнѣйшую древность; сказочный Иванъ-богатырь есть представитель слагавшагося народа; Кощей — представитель быта кочевого; такъ-называемые «старшіе богатыри» вообще олицетворяютъ элементъ стихійный, титаническій, — въ сознаніи народа они отодвигаются въ даль, и когда русскій міръ вышелъ изъ эпохи стихійнаго вѣросознанія и кочевья и упрочилъ формы своей жизни христіанствомъ и политическимъ бытомъ, они являются какъ противоположность ему; богатырь Святогоръ не допущенъ новою жизнью и обреченъ на смерть. Илья-Муромецъ есть именно представитель этой новой жизни, земли и земщины; и такъ какъ новая жизнь занята прежде всего укрѣпленіемъ добытаго, упроченіемъ выработанныхъ началъ, то она не можетъ оставаться неподвижною и переходитъ въ дружину, которая есть «та же земля, только въ движеніи» и т. д. [1]). Это символическое толкованіе г. Безсоновъ примѣняетъ потомъ и къ разнымъ другимъ героямъ былины.

Пріемъ г. Безсонова—въ объясненіи былинъ—былъ уже достаточно опредѣленъ при самомъ появленіи его «замѣтокъ» къ пѣснямъ Кирѣевскаго и Рыбникова. Котляревскій и г. Буслаевъ указывали на странность его системы филологической, опиравшейся на столпотвореніе вавилонское и на сравнительное языкознаніе; указывали на удивительныя приложенія философіи миѳологіи Шеллинга, сравненія Геркулеса съ русскимъ «Таракаиомъ», финикійскаго божества Милькарта съ Морольфомъ и сказочнымъ «Маркомъ богатымъ гостемъ», Гермеса съ Чурилой Пленковичемъ и т. д. [2]).

Они указывали, далѣе, на невозможность объясненія былины аллегоріей, которая вообще неприложима къ эпосу, — особливо, когда г. Безсоновъ, въ одно и то же время, толкуетъ былину и ея героевъ какъ миѳъ, какъ аллегорію, и какъ реальное историческое изображеніе. Котляревскій приходилъ къ увѣренности, что въ изслѣдованіяхъ г. Безсонова нѣтъ «никакого проку для науки»; г. Буслаевъ недоумѣвалъ, какъ общество любителей россійской словесности (издававшее пѣсни Кирѣевскаго), пони-

---

[1]) Отношеніе двухъ періодовъ, авторъ, по фактамъ былины, объясняетъ очень своеобразнымъ указаніемъ на отношенія Ильи-Муромца къ бабѣ-горынчанкѣ (Пѣсни Кир. 4, стр. VII—VIII).

[2]) Котляревскаго, Старина и народность, стр. 31 и слѣд.; Буслаева, Р. богат. эпосъ, Р. Вѣстникъ, 1862, № 9, стр. 18—19; № 10, стр. 565—571.

мая высокую цѣну матеріаловъ Кирѣевскаго, согласилось на такую постановку «обще-національнаго дѣла».

Едва открытая историческая область древняго русскаго эпоса представляла на дѣлѣ такое сложное явленіе, что послѣ перечисленныхъ работъ допускала еще цѣлый рядъ новыхъ толкованій. Ученые, присматриваясь ближе къ предмету, приступая къ нему по разнымъ путямъ, находили въ немъ все новыя стороны, и вопросъ опять какъ будто долженъ былъ ставиться сначала.— Выставленныя теоріи представляли еще много несовершеннаго; иныя грубыя ошибки бросались въ глаза; сантиментальность или славянофильская философія видимо не шли къ существу дѣла...

Въ такихъ условіяхъ являлась новая теорія объясненія былины, представленная г. Стасовымъ, и которая въ свое время произвела цѣлый переполохъ въ ученомъ филологическомъ мірѣ [1]). Г. Стасовъ, съ одной стороны недовѣрчиво смотрѣлъ на тѣ рѣшительные выводы, которые открывали всю подноготную древней былины, въ ея герояхъ отыскивали стихіи или таинственный символъ и аллегорію; съ другой, его вниманіе остановили различныя совпаденія былины съ восточной поэзіей. Недовѣріе было не лишено основаній, и изслѣдованіе г. Стасова являлось какъ будто примѣненіемъ стариннаго совѣта—similia similibus curare, т.-е. вышибать клинъ клиномъ. Этимъ вторымъ клиномъ должна была послужить теорія происхожденія нашихъ былинъ съ востока.

Взглядъ г. Стасова былъ таковъ, что онъ исключалъ уже всякую возможность миѳологическаго или аллегорическаго, и даже историческаго толкованія былины, и свои новые выводы онъ именно противопоставляетъ тѣмъ, какіе дѣлали прежде г. Буслаевъ, Аѳанасьевъ, Ор. Миллеръ, К. Аксаковъ, Безсоновъ. Въ противность всѣмъ мнѣніямъ, что въ былинѣ мы имѣемъ са-

---

[1]) „Происхожденіе русскихъ былинъ“, Вѣстн. Евр. 1868, январь, февраль, мартъ, апр., іюнь, іюль; „Критика моихъ критиковъ“, Вѣстн. Евр. 1870, февр., мартъ.

Статьи г. Стасова вызвали слѣдующій рядъ обличеній:

— Буслаевъ, въ отчетѣ о 12-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, Спб. 1870; тамъ же краткая рецензія акад. Шифнера.

— Ор. Миллеръ, въ книгѣ объ Ильѣ-Муромцѣ, и въ газетныхъ статьяхъ.

— Безсоновъ, въ „Пѣсняхъ Кирѣевскаго“, вып. 6.

— Гильфердингъ, въ газетѣ „Москва“.

— Ив. Некрасовъ, въ „Актѣ Новоросс. университета“, 1869.

— Всев. Миллеръ, въ „Бесѣдахъ Общества любителей росс. словесности“, вып. 3. Москва, 1871.

— А. Веселовскій, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1868, ноябрь. И друг.

мобытное національное произведеніе, хранилище древнѣйшихъ поэтическихъ преданій, г. Стасовъ заявляетъ, что ничего этого нѣтъ, что наша былина происхожденія даже вовсе не русскаго, а заимствована цѣликомъ съ востока; что содержаніе нашихъ былинъ есть только пересказъ эпическихъ произведеній, поэмъ и сказокъ востока, притомъ неполный, отрывочный, какъ бываетъ копія, подробности которой нерѣдко могутъ быть поняты лишь по сравненіи съ оригиналомъ; что сюжеты, хотя и арійскіе (индѣйскіе) по существу, пришли къ намъ всего чаще изъ вторыхъ рукъ, отъ тюркскихъ народовъ, и въ буддійской обработкѣ; что время заимствованія—скорѣе позднее, около временъ татарщины, чѣмъ раннее, въ первые вѣка нашей исторіи, въ эпоху давнихъ торговыхъ сношеній съ востокомъ.

Чтобы доказать свой тезисъ, г. Стасовъ дѣлаетъ множество сличеній нашихъ былинъ и сказокъ съ восточными. Въ началѣ, онъ беретъ такой сюжетъ—сказку объ Ерусланѣ Лазаревичѣ,—восточное происхожденіе котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію, и указываетъ, какъ русская редакція передѣлала персидскій оригиналъ; затѣмъ подобнымъ образомъ онъ беретъ былины объ Ильѣ-Муромцѣ, Добрынѣ, Потокѣ, Садкѣ и пр., и пр., и вездѣ находитъ первообразы былины въ индѣйскихъ поэмахъ и ихъ различныхъ тюркскихъ повтореніяхъ, — причемъ обнаруживается, что русскій разсказъ иногда непонятенъ въ своихъ отрывочныхъ подробностяхъ безъ дополненія ихъ по подлиннику. Пересмотрѣвъ содержаніе цѣлаго ряда былинъ и сличая ихъ съ восточными «оригиналами», г. Стасовъ пришелъ къ заключенію, что основа и «скелетъ» былинныхъ сюжетовъ взяты изъ восточныхъ источниковъ,—не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ могъ именно указать тотъ или другой индѣйскій, тибетскій или киргизскій подлинникъ данной былины, а въ общемъ смыслѣ, что сходство заставляетъ предполагать оригиналъ въ этомъ *кругѣ* сказаній.

Убѣдившись въ сходствѣ или тождествѣ сюжетовъ, авторъ переходитъ къ частностямъ содержанія и прежде всего, сличивъ былину со сказкой, убѣждается, что между ними вовсе нѣтъ той разницы, какую въ нихъ вообще указываютъ, видя въ сказкѣ или игру вымысла, фантазіи, или, по крайней мѣрѣ, отголосокъ отдаленнѣйшей миѳической старины, а въ былинѣ — отраженіе исторической судьбы народа. Г. Стасовъ, наоборотъ, видитъ въ обѣихъ одинъ господствующій тонъ и характеръ, одинаковыхъ богатырей, одинаковыя чудеса и приключенія и т. д., и ни въ той, ни въ другой не находитъ «былей», т.-е. фактовъ. Авторъ,

впрочемъ, предоставляетъ былинамъ называться былинами, потому что «въ общемъ употребленіи есть столько невѣрныхъ техническихъ названій, именъ и терминовъ, по всѣмъ отраслямъ знанія, что измѣнять ихъ всѣ — былъ бы трудъ слишкомъ громадный и наврядъ ли исполнимый».—Но, быть можетъ, чужая основа могла быть облечена самостоятельными чертами содержанія?—но въ такомъ случаѣ это надо доказать. «Еще слишкомъ мало, съ патріотическимъ, впрочемъ очень похвальнымъ, чувствомъ благоговѣть передъ *духомъ, характеромъ* и *оригинальными, самостоятельно-національными личностями* нашихъ былинъ. Надо подробнымъ разборомъ подтвердить, что этотъ духъ, этотъ характеръ, эти личности — дѣйствительно наши, что они выражаютъ духъ, характеръ и личности именно нашего, а не какого-нибудь другого народа». Приступивъ самъ къ этому разбору подробностей —личнаго характера богатырей, обстановки событій, природы, быта и т. д., авторъ приходилъ вездѣ къ отрицательному выводу, а именно:

Со стороны характеровъ и изображенія личностей, былины ничего не прибавили своего и новаго къ иноземной основѣ своей. Въ князѣ Владимірѣ нашихъ былинъ нечего искать дѣйствительнаго князя Владиміра, а есть въ немъ нѣчто другое, именно черты, приписываемыя царю Кейкаусу въ «Шахъ-наме», брахману Вишнусвами у Сомадевы, мудрецу Сандимани въ «Гариванзѣ», князю Богдо Джангару въ «Джангаріадѣ» и т. д.; въ княгинѣ Апраксіи повторяются персидская царица Судабэ, брахманка Каларатри; въ Добрынѣ живутъ вмѣстѣ Кришна, Рама, Арджуна, разные сибирскіе и киргизскіе богатыри; въ Садкѣ— брахманъ Джинпа-Ченпо, купецъ Пурна и т. д. Точно также, по мнѣнію автора, слѣдуетъ оставить вѣру въ значеніе географическихъ названій, встрѣчаемыхъ въ нашихъ былинахъ: эти названія имѣютъ значеніе только чего-то переводнаго или подставочнаго. На дѣлѣ, напр., «Кіевъ» былинъ былъ въ древнихъ восточныхъ оригиналахъ то столицей такшасильскаго царства въ Индіи, то Шарра-Алтаемъ Джангара, то резиденціей царя Кейкауса; нашъ Днѣпръ, Волга, Донъ, Израй, Сафатъ-рѣки оказываются то Ямуной, или иной поименованной рѣкой, то Синими, Желтыми, Бѣлыми, Черными рѣками тѣхъ же восточныхъ поэмъ; Іордань-рѣка нашихъ былинъ есть не что иное какъ рѣка Гангъ и разные пруды, мѣста священныхъ омовеній, и т. д. Гдѣ нашъ богатырь переѣзжаетъ черезъ горы и рѣки, тамъ навѣрное и въ восточныхъ первообразахъ говорится о томъ же; и какія горы въ русской землѣ? Такимъ образомъ, мѣстныя названія составляютъ

только переводъ, и въ былинѣ нечего искать и отличать богатырей *областныхъ* или *заѣзжихъ:* «у всѣхъ у нихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ Россіей; они всѣ одинаково *заѣзжіе* въ нашемъ отечествѣ, и существенной разницы между ними никакой нѣтъ».—Далѣе, изъ нашей былины нельзя заключать о дѣйствительномъ состояніи нашихъ сословій въ тѣ эпохи, къ которымъ, судя по собственнымъ именамъ, относятся былины. «Если, какъ до сихъ поръ это дѣлалось, выводить изъ нашихъ былинъ заключенія о томъ, чѣмъ именно были, въ описываемый тутъ періодъ, самъ русскій князь, его дружина, княжеская и земская, русскіе богатыри, купцы, калики, то мы никогда не выйдемъ изъ безконечной цѣпи заблужденій и самыхъ призрачныхъ фактовъ». Далѣе, въ былинахъ вовсе нѣтъ описаній татарскаго нашествія на древнюю Русь и изображеній татарской эпохи: пѣсня о Батыѣ или Калинѣ-царѣ—не картина какого-нибудь историческаго нашествія, а только вообще картина нападенія одного азіатскаго племени на другое,—«въ этомъ нашествіи на Кіевъ столько же исторической дѣйствительности, сколько въ нашествіи князя Даніила Бѣлаго на столицу царя Киркоуса, въ сказкѣ о Еруcланѣ Лазаревичѣ». Далѣе, изъ былинъ нельзя даже сдѣлать вывода о христіанскомъ элементѣ на Руси во времена Владиміра: «всѣ формы, на видъ какъ будто бы христіанскія, въ былинахъ не что иное какъ переложеніе на русскіе нравы и русскую терминологію, разсказовъ и подробностей вовсе не-христіанскихъ и не-русскихъ». Наконецъ, вообще въ чертахъ быта, богатырскихъ обычаевъ, въ характерѣ построекъ, одежды, вооруженія и т. д., наша былина, за нѣкоторыми исключеніями, повторяетъ свои восточные оригиналы. Въ формѣ былинъ, въ ихъ изложеніи, автору бросается въ глаза отрывочность, недостатокъ связи, свойственные копіи передъ подлинникомъ; отсутствіе побудительныхъ причинъ въ дѣйствіяхъ героевъ, и т. д. Вообще, авторъ думаетъ, что «былины наши представляютъ наиболѣе сходства съ тѣми восточными разсказами, которые менѣе древни, и притомъ съ такими, которые мы находимъ у народовъ, по географическому положенію своему ближе придвинутыхъ къ Россіи, и скорѣе могшихъ имѣть непосредственное съ нею соприкосновеніе».

Ограничимся этими указаніями.

Не было, конечно, возможности выступить болѣе рѣшительно съ отрицаніемъ прежнихъ взглядовъ на былину, какъ на самобытное русское произведеніе, съ отрицаніемъ миѳологическихъ, символическихъ и историческихъ ея толкованій. Понятно, что

противъ г. Стасова былъ открытъ цѣлый походъ, въ которомъ приняли участіе почти всѣ ученые, въ то время занимавшіеся вопросомъ о былинѣ. Авторъ упорно защищалъ свое мнѣніе, и удачно находилъ слабыя стороны своихъ противниковъ. Споръ кончился, но г. Стасовъ надолго еще оставался цѣлью нападеній, между прочимъ подвергавшихъ сомнѣнію его любовь къ родному, русскому,—какъ это впрочемъ случается у насъ со всѣми, кто не хочетъ вторить ходячимъ псевдо-патріотическимъ фразамъ и ученымъ взглядамъ [1]).

Въ концѣ-концовъ, взгляды г. Стасова не были приняты наукой,—это, кажется, можно сказать положительно. Но они далеко не остались безъ результатовъ—отрицательныхъ и положительныхъ. Во-первыхъ, они несомнѣнно заставили строже оглянуться на прежнія толкованія нашего древняго эпоса, умѣрили жаръ миѳологовъ и способствовали устраненію сантиментальныхъ и аллегорическихъ теорій [2]). Во-вторыхъ, они указали сторону дѣла, которая хотя и не была самимъ авторомъ рѣшена, но во всякомъ случаѣ требуетъ вниманія. Со времени труда г. Стасова сдѣланы были, какъ увидимъ, многія важныя научныя пріобрѣтенія по этому вопросу, но въ былинѣ все еще остается много неяснаго, и именно въ ея общемъ складѣ. Настолько ли, напр., такъ-называемый «былевой эпосъ» отличенъ отъ сказки, какъ думаютъ обыкновенно; состоитъ ли ихъ различіе (по извѣстнымъ героическимъ сюжетамъ) въ томъ, что сказка есть разрушенная былина, и, напротивъ, не входили ли, въ свою очередь, болѣе свободные сказочные мотивы въ самую былину—мнимый чисто *былевой* эпосъ? А если послѣднее такъ, то не бывала ли иногда былина открыта и тѣмъ восточнымъ вліяніямъ, на которыхъ настаивалъ авторъ? Безъ сомнѣнія, авторъ преувеличилъ свой тезисъ до крайности,—но самый вопросъ, кажется намъ, не былъ рѣшенъ еще однимъ отрица-

---

[1]) Даже противъ „В. Европы", гдѣ печатались въ 1868 г. статьи г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ, дѣланы были язвительные намеки, дававшіе понять, что только западническій недостатокъ „русскаго чувства" могъ побудить его напечатать статьи г. Стасова,—хотя, впрочемъ, „В. Евр.", давая мѣсто этимъ статьямъ, не выражалъ своего мнѣнія ни за, ни противъ: рѣшеніе подлежало суду спеціальной критики, и смѣшно было бы дѣлать изъ этого вопроса profession de foi журнала.

[2]) Замѣчаніе объ этомъ мы встрѣтили и въ вышедшей недавно статьѣ г. Данкевича „Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ" (Кіевъ, 1883, стр. 8): онъ также находитъ, что изслѣдованія г. Стасова, хотя сами впавшія въ крайность, „нѣсколько умѣрили крайности" его предшественниковъ, защищавшихъ миѳологическую теорію.

ніемъ этого тезиса. Критика указала крупную ошибку въ самомъ пріемѣ, гдѣ брались для сравненія не цѣльные сюжеты въ ихъ послѣдовательности и въ ихъ основномъ характерѣ, а отдѣльные эпизоды и подробности [1]). Съ другой стороны, послѣдующая критика подтверждала нѣкоторыя наблюденія и впечатлѣнія г. Стасова, напр., объ отрывочности изложенія, недостаткѣ мотивировки въ нѣкоторыхъ былинахъ, заимствованныхъ изъ чужого источника (хотя не восточнаго); или о невозможности считать исторически точными сословныя характеристики разныхъ богатырей былины, и т. п.

Еще новая точка зрѣнія на происхожденіе и составъ былины можетъ быть названа *исторической*. Она беретъ былины въ ихъ прямомъ смыслѣ, не сомнѣваясь въ принадлежности ихъ перваго созданія той исторической порѣ, къ которой относятся ея герои, и старается только объяснить, какъ историческая основа отразилась въ поэтическомъ изображеніи. Это непосредственное толкованіе казалось вполнѣ естественнымъ для произведеній, привязанныхъ къ историческому центру, какъ Кіевъ или Новгородъ, съ героями, группированными вокругъ историческаго князя и частію носящими имена, извѣстныя лѣтописи. Такъ смотрѣлъ на былины издатель «Древнихъ стихотвореній» Кирши Данилова и за нимъ всѣ историки литературы до появленія миѳологической школы.

Изъ новыхъ изслѣдователей эту точку зрѣнія выставилъ снова г. Л. Майковъ [2]). Русскій народный эпосъ отвѣчаетъ нѣсколькимъ періодамъ исторической жизни русскаго народа и можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько цикловъ, которые болѣе или менѣе полно отражаютъ въ себѣ бытъ и понятія даннаго періода. Былины Владимірова цикла изображаютъ кіевскій удѣльный періодъ. Содержаніе ихъ вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, а установилось не позднѣе XIV вѣка, когда въ народѣ была еще свѣжа память о первенствующемъ значеніи Кіева. Авторъ разсматриваетъ содержаніе былинъ по ихъ даннымъ историческимъ и бытовымъ, и опредѣляетъ ихъ какъ эпосъ дружинный.

Къ той же темѣ возвратился потомъ г. Н. Квашнинъ-Сама-

---

[1]) См., напр., подробное объясненіе этого въ статьѣ г. Всеволода Миллера, въ „Бесѣдахъ“.

[2]) О былинахъ Владимірова цикла. Изслѣдованіе Л. Майкова на степень магистра русской словесности. Спб. 1863.

ринъ [1]). Онъ подробнѣе, нежели Майковъ, останавливается на историко-географическихъ данныхъ былины и прибавляетъ новыя соображенія объ ея герояхъ; непосредственная связь былины съ временами Владиміра и вообще до-татарской эпохой и для него не составляетъ никакого вопроса. Въ изслѣдованіяхъ г. Квашнина-Самарина есть любопытныя замѣчанія,—но нерѣдко онъ рѣшаетъ свои вопросы слишкомъ поспѣшно и произвольно [2]): укажемъ для примѣра его объясненіе имени Добрыни, отождествленіе Рогдая съ Ильей-Муромцемъ, обыкновенно излишнее довѣріе къ данному тексту былины, пользоваться которымъ слѣдуетъ однако послѣ внимательной критической провѣрки; и т. д.

Укажемъ далѣе извѣстную статью г. Костомарова о преданіяхъ начальной лѣтописи [3]), изслѣдованіе г. Ягича о славянской народной поэзіи, гдѣ большое мѣсто заняла и поэзія русская [4]); изданія «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» (1874—75), В. Антоновича и Драгоманова, гдѣ текстъ и объясненія издателей доставляютъ любопытный матеріалъ по вопросу о древнемъ русскомъ эпосѣ, мѣстныхъ и историческихъ отношеніяхъ эпоса сѣвернаго и южнаго [5]), и т. д.

Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ работъ въ историческомъ направленіи надо назвать вышедшую недавно книжку г.

---

[1]) Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи,—въ „Бесѣдѣ" 1871, апрѣль, стр. 78—115; май, стр. 224—244.

— Его же: Новые источники для изученія русскаго эпоса. Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ,—въ „Р. Вѣстникѣ", 1874, сентябрь, стр. 5 — 44; октябрь, стр. 768- 803.

— И его же: Очеркъ славянской миѳологіи, въ „Бесѣдѣ", 1872, апрѣль.

[2]) Это замѣчали уже гг. Буслаевъ (Сравнит. изученіе нар. быта и поэзіи, „Р. Вѣстн." 1872, № 10, стр. 698—699; ср. стр. 670) и Ягичъ.

[3]) Въ „Вѣстникѣ Европы", 1873, мартъ.

[4]) „Историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣсняхъ славянскихъ народовъ",—переведено въ „Слав. Ежегодникѣ" Задерацкаго, Кіевъ, 1878, стр. 140 и слѣд.; о русской народной поэзіи, стр. 193—283.

[5]) Этотъ вопросъ возникалъ и раньше; въ послѣднее время онъ былъ поставленъ снова и съ бо́льшимъ успѣхомъ;—по крайней мѣрѣ для его объясненія собраны были теперь важныя указанія. Иниціатива принадлежала г. Ор. Миллеру. Въ 1873, онъ внесъ въ программу готовившагося III Археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ) вопросъ объ отношеніяхъ сѣверно-русскаго эпоса къ южно-русскому,—который вызвалъ потомъ больміе споры, но вмѣстѣ и разностороннее обсужденіе предмета. Рефератъ г. Миллера явился впослѣдствіи въ „Трудахъ III Археологическаго съѣзда" (Кіевъ, 1878, т. II, стр. 285 и слѣд.). Обзоръ вопроса — въ статьѣ г. Н. Петрова: „Слѣды сѣверно-русскаго былеваго эпоса въ южно-русской народной литературѣ", въ Трудахъ кіевской дух. акад. 1878, май, стр. 357—392.

Н. Дашкевича [1]), который очень искусно пользуется лѣтописными данными и указаніями самыхъ былинъ, чтобы отыскать въ Алешѣ Поповичѣ историческое лицо, упомянутое лѣтописью, и свести былины о погибели богатырей къ преданіямъ о татарскомъ нашествіи и Калкскомъ побоищѣ.

«Одинъ изъ людей, близко знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ вопроса о русской народной поэзіи,—писалъ Котляревскій въ 1862, когда появлялась вдругъ масса новаго любопытнѣйшаго матеріала, — очень удачно сравнилъ его съ тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, въ какомъ, по словамъ одной баллады, оказались челядинцы какого-то волшебника: въ его отсутствіе они вызвали духовъ, и тѣ, явившись, принялись за свое обычное занятіе: носить воду; цѣлый потопъ угрожаетъ скромному жилищу волшебника, потому что прислуга его позабыла заклинательную формулу; а безъ нея духи не слушаютъ увѣщаній и продолжаютъ носить воду... Таково положеніе и нашего изученія народной поэзіи: матеріалы растутъ со дня на день, и наука не можетъ найтись среди этого хаоса, не можетъ овладѣть имъ, внести въ эту область свою стройность и порядокъ».

Дѣйствительно, наука долго не могла найтись въ этомъ богатомъ матеріалѣ народной поэзіи, на которомъ съ отдаленной эпохи его перваго возникновенія наросли вліянія столькихъ вѣковъ народной жизни. Въ короткое время создалось нѣсколько теорій; всѣ онѣ предполагали разъяснить предметъ до конца и даже вывести нравственно-національное поученіе: въ результатѣ сдѣлано было не мало полезныхъ указаній, но цѣль остается недостигнутой. Миѳологическая теорія Гримма, приложенная къ нашему эпосу и всего многолюднѣе у насъ представленная, какъ мы видѣли, на самой своей нѣмецкой родинѣ сильно потеряла довѣріе, при всемъ величайшемъ признаніи заслуги ея основателя, при всей громадности ученаго оружія, положеннаго на защиту теоріи ея дальнѣйшими послѣдователями, и у насъ уже вызывала самостоятельныя ограниченія. Все новые взгляды были понятнымъ желаніемъ критики одолѣть мудреный вопросъ, который видимо не рѣшался миѳологической теоріей. Между тѣмъ созрѣвало сознательное научное отношеніе къ предмету; матеріалъ народно-поэтическій,—и тотъ, который жилъ въ устахъ

[1]) Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Руси богатырей. Кіевъ, 1883.

народа, и тотъ, который сохранялся въ старой письменности,—все возрасталъ, горизонтъ наблюденій расширялся, и, наконецъ, возникаетъ новый пріемъ изслѣдованія, которому, безъ сомнѣнія, предстоитъ достигнуть болѣе прочнаго результата, потому что путь его—многосторонній и вмѣстѣ смѣлый анализъ фактовъ русской народной поэзіи, и широкое сравненіе ихъ съ народно-поэтическими явленіями другихъ литературъ и народовъ.

Главнымъ представителемъ новаго научнаго пріема является г. Александръ Веселовскій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай останавливаться на его трудахъ и указывать ихъ важное значеніе въ нашемъ вопросѣ; теперь можно сказать, что онъ имѣетъ уже свою школу. Дѣятельность г. Веселовскаго въ нѣкоторыхъ ея сторонахъ, напр. въ изданіи памятниковъ старины, ихъ предварительномъ анализѣ, была въ значительной мѣрѣ подготовлена предшествующими трудами въ этой области (выше упомянутыми); но г. Веселовскому принадлежитъ всецѣло заслуга обширнаго примѣненія этого анализа ко множеству народно-поэтическихъ произведеній, ихъ сличенія съ однородными явленіями другихъ народностей и, наконецъ, въ опредѣленіи и выработкѣ метода. Изслѣдованія Веселовскаго простираются не только на собственно русскіе памятники, но и на всю обширную область средневѣковаго эпоса, и успѣли занять почетное мѣсто въ этихъ, такъ сказать, международныхъ изученіяхъ: черезъ него въ особенности народно-поэтическій міръ русской старины и современности ставится въ связь съ народно-поэтическимъ міромъ средневѣковой Европы, причемъ изученіе послѣдняго пріобрѣтаетъ много важныхъ указаній изъ круга византійско-славянской литературы. Можно сказать безъ преувеличенія, что съ дѣятельностью Веселовскаго въ изученіи нашей древней поэзіи совершается столь же значительный поворотъ, какой въ свое время произвели изслѣдованія г. Буслаева. И если новый критическій пріемъ еще не выработалъ цѣльнаго представленія о предметѣ, то выводы, уже пріобрѣтенные, гораздо болѣе прочны, чѣмъ тѣ представленія о старинѣ, какія господствовали прежде; и нельзя не пожалѣть, что популярныя книги и учебники остаются до сихъ поръ въ невѣдѣніи объ изслѣдованіяхъ Веселовскаго, который, правда, самъ сдѣлалъ очень немного для того, чтобы его труды стали доступны для обыкновеннаго читателя [1]).

---

[1]) Было бы слишкомъ длинно перечислять всѣ труды Веселовскаго. До 1877 г. они были нами указаны въ „Вѣстн. Европы“, 1877, апрѣль, стр. 720—721; затѣмъ подробно исчислены въ академической запискѣ, въ „Сборникѣ“ отдѣленія русскаго

Г. Веселовскій началъ свою ученую дѣятельность въ шестидесятыхъ годахъ, живя за границей, особливо въ Италіи, изслѣдованіями по старой итальянской литературѣ, притомъ по первымъ источникамъ въ рукописномъ матеріалѣ. Книги его, писанныя по-итальянски, тогда уже дали ему извѣстность въ итальянскомъ ученомъ кругу и послужили подспорьемъ для его позднѣйшихъ работъ, вводя его въ самыя основы западной литературы [1]). Затѣмъ слѣдовало нѣсколько другихъ работъ по исторіи европейской литературы, къ которой онъ возвращался не разъ и впослѣдствіи (Данте, Джіордано Бруно, Раблэ, гре-

---

зыка и слов. Акад. Наукъ, Спб. 1878, т. XVIII, стр. LXVII—LXXIII. Позднѣе имъ напечатаны еще масса новыхъ работъ (указываемъ лишь главныя):

— Рядъ статей о разныхъ явленіяхъ западной литературы среднихъ и новыхъ временъ (Рабле, Робертъ Гринъ и друг.); о современной этнографической литературѣ на западѣ и т. д.

— Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, апрѣль.

— Хорватская пѣсня о Радославѣ Павловичѣ и итальянскія пѣсни о гнѣвномъ Радо. Тамъ же, 1879, январь.

— Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши по рук. XV в., въ „Сборникѣ“ Акад. Н. 1880, т. XX.

— Beiträge zur Erklärung des russischen Heldeneрos, въ „Архивѣ“ Ягича т. III.

— Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, въ „Сборникѣ“ Академіи, 1880—83, въ сложности до двухъ большихъ томовъ.

— Очеркъ исторіи русской повѣсти до Петра Великаго, - глава въ „Исторіи русской словесности“, Галахова, новое изданіе, томъ I. Спб. 1880.

— Отчетъ о „Трудахъ этногр.-статистической экспедиціи“ и проч. Чубинскаго, въ присужденіяхъ Уваровскихъ премій, 1880.

— Южнорусскія былины, гл. I—II, въ „Сборникѣ“ Академіи, 1881, т. XXII.

— Die Rolandsage in Ragusa, въ „Архивѣ“ Ягича, т. V.

— Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie. Ein deutsches Werk über die russ. Bylinen (о книгѣ Вольнера), въ Russische Revue, 1880.

— Altslavische Kreuz- und Bebensagen,—тамъ же, 1878.

— Der Stein Alatyr in den Localsagen Palästina's und die Legende vom Graal, въ Архивѣ Ягича, т. VI.

— Neue Beiträge zur Geschichte der Salomonsage, тамъ же, т. VI.

— Илья-Муромецъ у Луиса де Кастильо, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, май (испанецъ Кастильо, въ концѣ прошлаго столѣтія, называетъ нашего богатыря: гигантъ Илья-Муровецъ; другіе, болѣе старые источники называютъ его Муравленинъ, Моровлинъ).

— Замѣтки по литературѣ и народной словесности, въ „Сборникѣ“ Академіи, 1883.

[1]) По-русски, изъ этой поры его трудовъ явилась книга: „Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтія. Критическое изслѣдованіе“. Москва, 1870.

ческій романъ, до-Шекспировская эпоха и пр.), а, наконецъ, онъ обратился къ вопросамъ русской письменной и народно-поэтической старины, въ изслѣдованіи [1]), которое сразу поставило его въ ряду наиболѣе компетентныхъ знатоковъ предмета. Книга обращала на себя вниманіе обширными литературными средствами, какими авторъ обладалъ и которыя разрослись потомъ до рѣдкой эрудиціи. Предметъ былъ взятъ изъ той старой полу-народной письменности, которая уже въ школѣ г. Буслаева часто привлекалась къ свидѣтельству о народной поэзіи и миѳологическомъ преданіи. Но авторъ остался далекъ отъ прежняго пути: господствовавшій пріемъ въ объясненіи эпоса готовыми миѳологическими формулами казался ему слишкомъ податливымъ личному произволу и, напротивъ, пріобрѣтенная практика въ реальномъ изслѣдованіи литературныхъ фактовъ—притомъ въ чужой литературѣ, слѣд. внѣ національно-археологическихъ пристрастій —побуждала его къ тому же и въ области древней русской литературы. Обширная начитанность въ средне-вѣковыхъ памятникахъ,—какою едва ли кто другой изъ русскихъ ученыхъ могъ похвалиться,—открывала ему столько характерныхъ совпаденій и наглядныхъ образчиковъ движенія народно-поэтическихъ представленій, что все это само по себѣ привлекало къ изслѣдованію. Первый трудъ уже наводилъ на любопытныя заключенія о судьбахъ народнаго преданія и поэзіи. Правда, отъ нѣкоторыхъ выводовъ перваго труда онъ послѣ отчасти отказался или видоизмѣнилъ ихъ,—но это объяснялось только тѣмъ, что въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ авторъ овладѣвалъ все бо́льшей массой литературныхъ фактовъ, которые доставляли и новыя объясненія [2]); но самый путь, методъ изслѣдованія оставался неизмѣннымъ. Писатели миѳологической школы причислили г. Веселовскаго къ послѣдователямъ Бенфея (противополагавшаго ученію о до-историческомъ сродствѣ миѳовъ по единству племенного происхожденія теорію позднѣйшаго заимствованія путемъ международныхъ сношеній),—къ которымъ причисляли и г. Стасова;—но и безъ теоріи Бенфея достаточно было широкаго и критически обставленнаго сличенія фактовъ, чтобы принять между народами «литературное общеніе» и найти въ немъ источникъ многихъ

[1]) Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Спб. 1872. Разборъ этой книги, сдѣланный г. Буслаевымъ—въ 16-мъ присужденіи Уваровскихъ премій.

[2]) См. напр. „Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы“ въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1873, февр., и друг.

эпическихъ преданій и сказаній, которыя прежде приписывались самобытному творчеству даннаго народа или сходство которыхъ у разныхъ племенъ относимо было въ отдаленныя эпохи до-историческаго единства. Теперь оказывалось, что къ этимъ ссылкамъ на до-историческія времена во многихъ случаяхъ не было никакого основанія, и что вопросъ ближе и проще рѣшался реальными фактами литературныхъ воздѣйствій и устной передачи въ христіанскія времена.

Открывъ рядъ своихъ изслѣдованій, г. Веселовскій не однажды обращался къ объясненію самаго метода. Это было необходимо, потому что неясность вопроса о методѣ была одной изъ главныхъ причинъ того произвола, какимъ исполнены были прежнія истолкованія миѳологіи и за нею эпоса. Этому вопросу посвящена была въ особенности статья о «Зоологической миѳологіи» Анджело де-Губернатиса [1]). Веселовскій относится очень недовѣрчиво къ той системѣ объясненія миѳа, которую представляли Ад. Кунъ, Максъ Мюллеръ и ихъ многочисленные послѣдователи и подражатели. Эта система, по словамъ его, сдѣлалась модой, польза которой очень сомнительна. «Какъ прежде наивно вѣровали въ историческую подкладку всякаго миѳа, такъ теперь, увлекшись сравнительнымъ пріемомъ, всякую обыденную исторію норовили обратить въ миѳъ. Стоило только отыскать, что въ той или другой лѣтописи, былинѣ, сказаніи есть общія мѣста, встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, чтобы тотчасъ же заподозрить ихъ достовѣрность и выдвинуть ихъ изъ исторіи. Ихъ думали объяснить иначе—либо заимствованіемъ, перенесеніемъ нѣкоторыхъ безразличныхъ подробностей изъ одного памятника въ другой, либо миѳомъ. Но заимствованіе приходилось бы доказать для каждаго даннаго случая, а гипотеза миѳа такъ удобна!.. Стóитъ только однажды стать на эту точку зрѣнія, а возсозданіе этого миѳа и объясненіе его—дѣло легкое, при податливости матеріала, съ которымъ обращается миѳологическая экзегеза. Такимъ образомъ и Роланда, сподвижника Карла Великаго и героя очень реальной chanson de geste, хотѣли не такъ давно обратить въ германскаго бога, потому что у того и другого нашлись сходныя черты».

При изученіи народныхъ вѣрованій представляются прежде всего слѣдующіе вопросы: какіе отдѣлы народно-поэтическихъ произведеній подлежатъ миѳологическому толкованію, и на чемъ основана исходная точка толкованія? Веселовскій отвѣчаетъ, что

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1878, октябрь.

миѳологъ долженъ прежде всего обратиться къ тому, чтб самъ народъ принимаетъ еще какъ вѣрованіе—къ обрядовой пѣснѣ, къ заговору: здѣсь скорѣе всего мы найдемъ отголоски того непосредственнаго отношенія къ природѣ, какое лежало въ основѣ древнихъ народныхъ религій. Только придя къ извѣстнымъ цѣльнымъ выводамъ на основаніи такого матеріала, изслѣдователь можетъ перейти къ другимъ отдѣламъ народной поэзіи, напр., сказкамъ, отыскивая въ нихъ слѣды той же миѳологической системы. Но надо помнить, что самъ народъ не видитъ въ сказкахъ даже были, не только вѣрованія, и считаетъ ее «складкой», даже иногда не имъ сложенной, а откуда-то занесенной.

Объясненія миѳологіи посредствомъ извѣстной облачной и солнечной теоріи кажутся автору односторонними. Дѣло въ томъ, что такіе миѳы были только однимъ изъ выраженій того психическаго акта, который всю природу сознавалъ живою, дѣйствующею по законамъ личной жизни; рядомъ съ миѳами небесными были миѳы растеній и животныхъ. Эти разные циклы миѳа возникали самостоятельно, и существовали совмѣстно, хотя развивались неровно. Животныя сказки не могутъ быть вовсе привязаны къ облачному миѳу (какъ это дѣлали и наши изслѣдователи), и авторъ никакъ не соглашается вѣрить, чтобы продѣлки нашей Лисы Патрикѣевны когда-либо имѣли мѣсто въ облакахъ, а не въ курятникѣ. Относительно сказокъ и эпическихъ сказаній вообще нужна также великая осторожность миѳическихъ объясненій, даже въ томъ случаѣ, когда бы въ сказкѣ и собственно религіозномъ миѳѣ (не только разныхъ, но *одного* народа) повторились одинаковые мотивы. Дѣло въ томъ, что если небесные миѳы образовались по отношеніямъ земной жизни, то первоначально усмотрѣны были эти земныя отношенія, и раньше небесной коровы или другого миѳическаго животнаго, раньше борьбы небесной, человѣкъ зналъ простыхъ земныхъ животныхъ и видѣлъ борьбу враговъ земныхъ. Миѳъ, правда, закрѣплялъ обыденныя отношенія въ болѣе широкіе образы, но эти отношенія могли спастись отъ забвенія и другимъ путемъ кромѣ миѳа. Народная память сохраняла разсказъ о набѣгѣ одного племени на другое, о единоборствѣ двухъ витязей, о кровавой драмѣ въ семьѣ старшины, и готовъ былъ эпическій разсказъ—зародышъ народнаго эпоса. Этотъ разсказъ могъ имѣть сходныя черты съ мотивами облачнаго миѳа, но это сходство могло состояться *безъ всякой генетической связи* между ними. И если миѳъ религіозный съ теченіемъ времени обезцвѣчивался и дѣлался сказкой, то могло то же самое случиться и съ реальнымъ эпическимъ разсказомъ:

историческія имена забывались, мѣстныя черты отпадали, и точно также являлась сказка. Такимъ образомъ не все въ сказкѣ принадлежитъ миѳу, и многое возникло изъ реальныхъ житейскихъ отношеній. Иначе придется отрицать возможность зарожденія пѣсни и эпическаго разсказа по поводу факта, случившагося на землѣ, а не на небѣ.

Въ настоящее время мы, по большей части, имѣемъ дѣло съ миѳами, прошедшими цѣлую длинную исторію разъединенія, смѣшенія и осложненія подъ вліяніемъ слиянія родовъ и племенъ, измѣненія понятій и бытовыхъ отношеній. Подобныя явленія совершались и въ области эпическихъ сказаній, которыя также имѣли свою исторію и которыя мы имѣемъ теперь передъ собою въ этомъ смѣшанномъ и осложненномъ видѣ. Какъ происходитъ это осложненіе эпическихъ мотивовъ, мы можемъ наблюдать даже и теперь. Заставьте любого сказочника или пѣвца повторить вамъ въ разное время сказку или былину: каждый разъ, незамѣтно для себя самого, онъ прибавитъ или выпуститъ что-нибудь, измѣнитъ какую-нибудь подробность; онъ не сочиняетъ, а только путаетъ. Но и тѣ сказки, которыя намъ кажутся хорошо сохранившимися, прошли, конечно, тотъ же самый процессъ. Такимъ образомъ, и въ миѳѣ, и въ эпическомъ сказаніи, двойственность мотивовъ, противорѣчивыя черты и т. п. объясняются какъ послѣдовательность превращеній и наростовъ, какихъ не миновало ни одно произведеніе народнаго слова, переходившее изъ устъ въ уста. И вопросъ толкованія состоитъ въ томъ, чтобы отличить эти позднія приставки отъ того, что можно считать кореннымъ и не случайнымъ. Для этого нужно предварительно изучить содержаніе народныхъ сказокъ относительно ихъ *главныхъ мотивовъ*. «Чѣмъ въ большемъ количествѣ сказокъ повторенъ будетъ одинъ и тотъ же мотивъ, тѣмъ ближе мы къ цѣли критики: изъ сличенія различныхъ редакцій одного и того же разсказа легко будетъ вывести заключеніе о его общихъ, неизмѣняемыхъ чертахъ, и съ другой стороны о тѣхъ, которыми онъ видоизмѣнялся тамъ или здѣсь. Первыя должны быть признаны принадлежащими къ основнымъ сказочнымъ типамъ, и здѣсь можетъ явиться идея сблизить ихъ съ народными миѳами и даже объяснить изъ нихъ происхожденіе всей сказочной литературы. Что до вторыхъ, то подобное объясненіе касаться ихъ не должно; они принадлежатъ собственной исторіи сказки, ея стилистикѣ. Только когда это раздѣленіе будетъ сдѣлано, миѳологическая экзегеза ощутитъ впервые твердую почву подъ ногами».

Ближайшимъ образомъ, Веселовскій такъ опредѣлялъ отно-

шенія миѳологіи къ христіанскому міровоззрѣнію и легендѣ. «Мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что теоретики средневѣковой миѳологіи должны будутъ поступиться частью своей программы: не всегда старые боги сохранились въ полуязыческой памяти средневѣковаго христіанина, прикрываясь только именами новыхъ святыхъ, удерживая за собою свою власть и аттрибуты. Образы и вѣрованія средневѣковаго Олимпа могли слагаться еще другимъ путемъ: ученія христіанства принимались неприготовленными къ нему умами внѣшнимъ образомъ; евангельскіе разсказы и легенды, чѣмъ далѣе шли въ народъ, тѣмъ болѣе прилаживались къ такому пониманію, искажались; обряды, мелочи церковнаго обихода производили формальное впечатлѣніе, слово принималось за дѣло, всякому движенію приписывалась особая сила, и по мѣрѣ того, какъ исчезалъ внутренній смыслъ, внѣшность давала богатый матеріалъ для суевѣрія, заговоровъ, гаданій и т. п. Повѣсть о подвижничествѣ христіанскихъ просвѣтителей обращалась, въ фантазіи европейскихъ дикарей, въ героическую сагу, святые становились героями и полубогами. Такимъ образомъ, долженъ былъ создаться цѣлый новый міръ фантастическихъ образовъ, въ которомъ христіанство участвовало лишь матеріалами, именами, а содержаніе и самая постройка выходили языческія. Такого рода созданіе ничуть не предполагаетъ, что на почвѣ, гдѣ оно произошло, было предварительное сильное развитіе миѳологіи. Ничего такого могло и не быть, т.-е. миѳологіи, развившейся до олицетворенія божествъ, до признанія между ними человѣческихъ отношеній, типовъ и т. д.; достаточно было особаго склада мысли, никогда не отвлекавшейся отъ конкретныхъ формъ жизни и всякую абстракцію низводившей до ихъ уровня. Если въ такую умственную среду попадетъ остовъ какого-нибудь нравоучительнаго аполога, легенда, полная самыхъ аскетическихъ порывовъ, они выйдутъ изъ нея сагой, сказкой, миѳомъ; не разглядѣвъ ихъ генезиса, мы легко можемъ признать ихъ за таковые» [1].

Къ объясненіямъ метода Веселовскій, хотя вкратцѣ, обращается и въ другихъ критическихъ статьяхъ, или въ средѣ самыхъ изслѣдованій, и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ методъ практически примѣненъ въ обширной массѣ памятниковъ, то онъ можетъ считаться достаточно выясненнымъ. Независимо отъ результатовъ, пріобрѣтенныхъ изслѣдованіями, это утвержденіе метода было большой заслугой Веселовскаго, именно при отсутствіи

---

[1]) Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. XII—XIV.

точнаго метода у изслѣдователей миѳологической школы. Его изслѣдованіе чуждается апріорныхъ положеній и готовыхъ теорій, держится реальныхъ фактовъ и ведется съ доказательствами въ рукахъ.

Было бы довольно трудно дать точное понятіе о подробностяхъ изслѣдованій Веселовскаго: они переполнены такой подавляющей массой матеріала средневѣковаго эпическаго сказанія, легенды, сказки, которою не легко овладѣвать и привычному читателю, и здѣсь возможно дать только общее понятіе объ его пріемахъ и пріобрѣтенныхъ выводахъ. — Въ обладаніи матеріаломъ по всѣмъ, кажется безъ исключенія, литературамъ средневѣковой Европы, въ ихъ первыхъ источникахъ, Веселовскій не уступаетъ первымъ современнымъ знатокамъ средневѣковой поэзіи, и имѣетъ надъ ними преимущество знанія русской и славянской народной старины; много новаго введено имъ и изъ литературы средне-греческой. Когда онъ приступаетъ къ объясненію даннаго эпическаго мотива, въ его распоряженіи оказывается масса сравнительнаго матеріала изъ средневѣковой литературы востока и запада, изслѣдованіе опирается на самыхъ разнообразныхъ и далекихъ другъ отъ друга развѣтвленіяхъ того или другого сказанія, и среди множества эпическихъ подробностей выдвигается искомая черта въ ея генетическомъ началѣ и развитіи. Съ большимъ искусствомъ въ анализѣ и комбинаціи авторъ выдѣляетъ основную нить сказанія, его позднѣйшія и мѣстныя развитія и пріуроченія, и фактъ является передъ нами, очищенный исторической критикой и окруженный доказательствами.

Какъ мы видѣли, Веселовскій относился недовѣрчиво къ миѳологической школѣ; его мнѣнія объ этомъ высказаны раньше тѣхъ отзывовъ Маннгардта, на которыхъ мы останавливались въ предъидущей статьѣ. Начавши свои изученія въ то время, когда уже возникла реакція противъ преувеличеній Гриммовой школы, и направивъ свои изысканія на памятники средневѣковаго эпоса и легенды, онъ долженъ былъ увѣриться, что реакція имѣетъ свои достаточныя основанія. Многое изъ того, что̀ относилось миѳологами прежней школы въ до-историческій миѳъ, въ арійскую древность, оказывалось вовсе не столь глубоко миѳическимъ и не столь древнимъ: мнимо до-историческое оказывалось средневѣковымъ, арійское—не арійскимъ (напр. еврейскимъ), древне-языческое—христіанскимъ. Чѣмъ дальше шли изслѣдованія, тѣмъ обильнѣе были открытія, и тѣмъ ярче выступало значеніе, во-первыхъ, того запаса восточнаго эпическаго матеріала, который переходилъ черезъ Византію въ міръ южно-славянскій и русскій,

съ другой въ западную Европу, и во-вторыхъ, христіанской легенды и апокрифическихъ сказаній. Въ европейской ученой литературѣ еще задолго до Бенфея началось изученіе странствующаго эпоса; теперь съ усилившимся собираніемъ живой народной поэзіи и бытового обряда, съ разработкой восточныхъ литературъ, съ изданіемъ и истолкованіемъ множества памятниковъ средневѣковой письменности, возросъ до громадныхъ размѣровъ запасъ матеріала и сравненій. Нашъ ученый, широко пользуясь этимъ запасомъ, размножилъ его русско-славянскимъ и византійскимъ матеріаломъ. Передъ изслѣдователями, можно сказать, раскрылся новый литературный міръ, у насъ никогда прежде не наблюдаемый въ такомъ широкомъ объемѣ: это былъ міръ, созданный не только старымъ національнымъ преданіемъ разныхъ европейскихъ народовъ, но и тѣмъ ихъ общеніемъ съ востокомъ, которое установлялось историческими отношеніями культуры (политическими, бытовыми, образовательными) и въ особенности христіанствомъ.

Во всемъ этомъ открывалось обиліе миѳа. Гриммъ и его школа знали этотъ запасъ христіанской средневѣковой легенды и суевѣрій [1]); но съ своей точки зрѣнія они вѣрили въ неистребимость первобытнаго миѳическаго преданія и склонны были въ позднѣйшемъ сказаніи видѣть только перелицовку и примѣненіе старины къ новымъ отношеніямъ; — правда, что средневѣковой христіанскій и восточный эпосъ еще не были достаточно разработаны, чтобы необходимо было признать за ними вполнѣ самостоятельное значеніе въ смыслѣ миѳологическаго источника. Въ первое время старая школа довольствовалась собрать картину миѳологическихъ представленій, мало вдаваясь въ ея детальный разборъ; теперь напротивъ цѣлью изысканій именно стало раскрыть самый ходъ образованія сказаній. Частію, на это наводила сама прежняя миѳологическая школа, когда задалась вопросомъ о происхожденіи и развитіи миѳа; частію, реализмъ новаго метода былъ вѣроятно наслѣдіемъ старой классической филологіи и исторической критики; частію, наконецъ, повліяло развитіе новыхъ антропологическихъ изслѣдованій. Образовался новый родъ литературно-этнографическихъ изысканій, цѣлый рядъ трудовъ объ отдѣльныхъ сказаніяхъ и циклахъ сказаній; развитіе эпическихъ мотивовъ изображалось наконецъ настоящими генеа-

---

[1]) Изъ многихъ указаній у г. Буслаева на вліянія христіанской грамотности, см. напр. „Р. богатырскій эпосъ“, Р. Вѣстн. 1862, № 10, стр. 564; въ разборѣ сочиненія Стасова, стр. 80 и друг.

логическими таблицами. Изслѣдованіе современной народности получило новый толчекъ и развилось, наконецъ, въ странахъ, дотолѣ весьма чуждыхъ новѣйшему національно-этнографическому движенію—во Франціи, Англіи, Италіи, Испаніи, въ послѣднее время въ Греціи, Румыніи. Это прибавило опять множество цѣннаго матеріала для объясненія средневѣковаго эпоса и христіанской миѳологіи.

Это особенное вниманіе къ средневѣковому христіанскому преданію было дѣйствительно необходимо. Какъ бы ни былъ живучъ древній миѳъ, его господство было смѣнено многовѣковымъ господствомъ другого, столь могущественнаго круга идей, что послѣдній неизбѣжно долженъ былъ многое старое окончательно уничтожить и внести совершенно новыя представленія; новая религія смѣнила старый миѳъ легендой, новой космогоніей и эсхатологіей, новымъ апокрифическимъ суевѣріемъ, особымъ направленіемъ въ работѣ фантазіи. Этотъ новый порядокъ идей укрѣплялся всѣмъ ходомъ жизни, церковью, учрежденіями, образованіемъ, нравами; онъ самъ создавалъ свою миѳологію, и вѣками своего существованія дѣйствительно создалъ ее. Странно было бы ожидать, чтобы въ новыхъ формахъ своего быта народъ внезапно лишился творчества и игры фантазіи, и только повторялъ одни старые мотивы,—чтобы онъ все еще отчетливо помнилъ только одни «тучи» и «молніи», на которыхъ останавливалось его первобытное младенческое воображеніе. Остатки старины, конечно, хранились въ иныхъ отрывкахъ и традиціонныхъ выраженіяхъ; но несомнѣнно были новыя, самостоятельныя формы и содержаніе. Вопросъ былъ въ томъ, насколько въ дошедшемъ до насъ миѳическомъ матеріалѣ преданія и въ народной поэзіи надо видѣть одну перелицовку старины или новыя образованія. Прежняя миѳологическая школа предпочитала первое, новыя изслѣдованія приводили скорѣе къ послѣднему.

Дѣйствительно, разница взглядовъ была чрезвычайная. Новая школа являлась въ такомъ всеоружіи реальной критики, что до сихъ поръ не встрѣтила никакого значительнаго отпора отъ противниковъ, — между тѣмъ какъ сама сильно подкапывала старое зданіе, т.-е. спеціально миѳологическое толкованіе народнаго эпоса. Изученіе книжныхъ памятниковъ постоянно приводило къ наблюденію, что они часто находятся въ тѣснѣйшемъ соотношеніи съ собственно такъ-называемымъ народнымъ эпосомъ—духовнымъ стихомъ и богатырской былиной. Въ этомъ эпосѣ, который считался прямымъ преемствомъ первобытнаго миѳическаго, чисто народнаго сказанія,—столь прямымъ, что въ богатыряхъ Владимі-

рова цикла еще отыскивались тучи и стрѣлы молніи, а въ князѣ Владимірѣ само солнце,—въ этомъ эпосѣ открывались несомнѣнные слѣды книжныхъ сказаній, христіанской легенды, чужого эпоса, апокрифическаго преданья и т. п., слѣды не только частные, въ подробностяхъ, но въ самомъ существѣ разсказовъ, въ ихъ *темѣ и постановкѣ*. Правда, новыя изслѣдованія еще далеко не обнимаютъ цѣлаго круга богатырскихъ сказаній, но общій смыслъ ихъ довольно опредѣлился и даетъ предполагать результаты совсѣмъ иного характера.

Новый взглядъ приступаетъ къ эпическому сказанію не съ апріорическимъ предположеніемъ первобытнаго, арійскаго или племенного миѳа, а именно съ изслѣдованіемъ самой основы эпическаго мотива, и открываетъ въ ней или племенное эпическое сказаніе (но вовсе не непремѣнно миѳъ) или очень часто сказаніе чужое, пріобрѣтенное устно или письменно и затѣмъ обработанное въ національной обстановкѣ.

Изъ множества изслѣдованій Веселовскаго укажемъ лишь нѣкоторые примѣры.

Однимъ изъ тѣхъ памятниковъ, гдѣ наши миѳологи видѣли непреложный слѣдъ до-историческаго язычества, былъ извѣстный стихъ о «Голубиной книгѣ»,—хотя имъ очень извѣстны были ея литературныя параллели [1]). Веселовскій изъ разбора этихъ параллелей пришелъ къ противоположному заключенію, что вмѣсто языческаго, «арійскаго» миѳа, будто бы только подновленнаго христіанскимъ апокрифомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло именно съ позднѣйшимъ литературнымъ явленіемъ, источники котораго заключаются въ преданіяхъ христіанской миѳологіи, много разъ переработанныхъ въ средневѣковой книжно-народной словесности [2]). Выше было упомянуто, какія удивительныя толкованія получалъ знаменитый «камень алатырь» въ прежней школѣ, у Аѳанасьева и г. Ор. Миллера, и съ другой стороны, еще замысловатѣе, у Безсонова: это—«солнечный камень», принадлежность первобытнѣйшаго миѳа; островъ Буянъ, на которомъ онъ лежитъ, это—«туча» и т. п. Веселовскій выходитъ прямо изъ того, что былина (о Василіи Буслаевѣ) и стихъ о Голубиной книгѣ пріурочиваютъ камень алатырь къ «Сіонъ-горѣ» и «соборной церкви на Ѳаворѣ»; и первое объясненіе таинственнаго камня даютъ мѣстныя палестинскія легенды, записанныя въ средневѣковыхъ

---

[1]) Ср. Буслаева, Очерки, I, стр. 143, 455, 614; II, стр. 17 и друг.; Аѳанасьева Поэтич. Воззрѣнія Славянъ, I, стр. 50—52.

[2]) См. Славянскія сказанія о Соломонѣ, стр. 163, 180 и слѣд.

путешествіяхъ въ святую землю и ея описаніяхъ, между прочимъ и въ русскихъ путешествіяхъ, начиная съ Даніила Паломника. Камень алатырь относится именно къ легендамъ объ іерусалимской святынѣ. «Преданіе о чудесномъ камнѣ, положенномъ Спасителемъ въ основаніе сіонской церкви; о камнѣ, снесенномъ (ангелами) съ Синая и положенномъ на мѣсто алтаря въ той же церкви, матери всѣхъ церквей; память о трапезѣ Христа въ сіонскомъ coenaculum, за которой Спаситель возлежалъ съ апостолами, установилъ таинство евхаристіи и, наставивъ тому учениковъ, послалъ ихъ въ міръ возвѣстить новое откровеніе: таковы были матеріалы мѣстной легенды». Принесенная на Русь первыми паломниками, легенда должна была произвести большое впечатлѣніе на полуязыческое воображеніе новообращенныхъ христіанъ: чудесный камень связанъ былъ съ дѣяніями самого Христа, съ первой церковью на землѣ, и очень естественно могъ сдѣлаться источникомъ народно-христіанскаго миѳа. Легенды собраны были въ символическій центръ, алтарный камень (въ церк.-славянскомъ: олътарь), изъ котораго и получился священный и волшебный камень алатырь. Можно еще быть неувѣреннымъ въ словопроизводствѣ самаго имени [1]), но объясненіе его значенія совершенно отвѣчаетъ тому представленію камня, какое находимъ въ стихѣ и въ былинѣ. Подобнымъ образомъ изъ палестинской легенды выросло миѳическое представленіе о св. Гралѣ, развитое въ средневѣковыхъ западныхъ поэмахъ. «Образъ Граля (символической чаши),—говоритъ Веселовскій,—нашелъ условія развитія, которыя довели его до поэтической и мистической апоѳеозы; алатырю не посчастливилось, и отъ христіанскаго представленія онъ по немногу спускается къ фетишу. Современные русскіе заговоры разскажутъ намъ его исторію: въ началѣ онъ еще близокъ къ алатырю-алтарю, еще лежитъ *на Сіонской горѣ*, а на немъ соборная *апостольская церковь;* далѣе, онъ очутился на островѣ,—но это островъ божій, и на алатырѣ стоитъ золотая *апостольская церковь* съ золотымъ престоломъ, а на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, Михаилъ-архангелъ, Иванъ Богословъ и т. п... Позднѣе остается болѣе или менѣе обстановка (поле, болото, окіанъ и т. п.), но лица являются другія: Матерь Божія съ двумя сестрицами, бабушка Соломонія, царица Ирода царя—Соломія, три брата родимые, либо два орла орловича, два брата родные; невѣдомый стрѣлецъ и красная дѣвица; мужъ желѣзенъ царь; наконецъ—самъ Са-

---

[1]) Иное объясненіе слова даетъ г. Ягичъ.

тана; алатырь попадаетъ въ заговоръ отъ змѣинаго укуса и въ повѣрье, что змѣи лижутъ его и отъ того бываютъ и сыты и сильны и т. д.» [1]).

Въ числѣ памятниковъ, которые доставляли миѳологической школѣ желанный матеріалъ для выводовъ о древнемъ язычествѣ и особливо его космогоническихъ преданіяхъ, находятся такъ называемыя колядки, колядскія пѣсни. Веселовскій посвятилъ имъ цѣлое обширное изслѣдованіе [2]), гдѣ собрано по обыкновенію множество историческаго и народно-поэтическаго матеріала со всѣхъ концовъ европейской литературы для объясненія различныхъ сторонъ предмета, у насъ никогда еще не разработаннаго до такой глубины. Вопросъ чрезвычайно сложенъ: такъ какъ пѣсня соединялась съ обрядомъ, авторъ не отвергалъ въ ней возможности миѳа, но съ другой стороны видѣлъ въ ней черты иного порядка, христіанско-легендарныя и бытовыя, подлежавшія не миѳологіи, а исторіи и этнографіи. «Обличенія древней церкви, направленныя противъ Календъ (первообразъ коляды), —говоритъ авторъ,—имѣли въ виду греко-римскій фондъ вѣрованій, нашедшихъ въ нихъ выраженіе; но они оставались въ силѣ всюду, гдѣ существованіе аналогической обрядности вызывало подобный же протестъ. Оттого обличенія такъ часто повторяютъ другъ друга. Но откуда эта аналогичность обряда, замѣчательное сходство, представляемое святочными обычаями современныхъ европейскихъ народовъ? Многое можно объяснить единствомъ натуралистическихъ представленій, легшихъ въ ихъ основу; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ общемъ есть частности и совпаденія, невольно вызывающія вопросъ — о возможности *одного древняго культурнаго вліянія*, распространившагося разновременно и оставившаго слѣды въ очертаніяхъ новаго обряда. Классическій орнаментъ на скандинавскихъ подѣлкахъ древняго желѣзнаго періода указываетъ на воздѣйствіе греческихъ колоній въ Скиѳіи; Римляне заходили въ Скандинавію, чтó засвидѣтельствовано недавно открытыми могилами, и т. п. Я ставлю только возможность вопроса»...

Такой осторожностью не отличалась миѳологическая школа; но въ подтвержденіе своей гипотезы авторъ собралъ множество весьма убѣдительныхъ доказательствъ. Его изслѣдованіе есть чрезвычайно любопытный опытъ проникнуть въ древнѣйшія отноше-

---

[1]) Разысканія въ области рус. духовнаго стиха, III: Алатырь въ мѣстныхъ преданіяхъ Палестины и легенды о Гралѣ.

[2]) Разысканія, VII: румынскія, славянскія и греческія коляды (1. языческій элементъ колядъ; 2. святочныя маски и скоморохи; 3. христіанскіе мотивы колядокъ; 4. бытовые мотивы; 5. балладные, эпическіе мотивы колядокъ), стр. 97—291.

нія европейской, и въ томъ числѣ славянской и русской, культуры,—проникнуть не путемъ поэтической идеализаціи, а съ реальными историческими фактами въ рукахъ. И здѣсь опять приходится жалѣть, что исключительно гелертерская форма [1]) дѣлаетъ эти труды мало доступными для обыкновенныхъ читателей,—вслѣдствіе чего они до сихъ поръ не оказали почти никакого вліянія на популярныя и учебныя изложенія русской поэтической старины.

Далѣе, много работъ Веселовскаго было посвящено изученію собственно христіанской легенды, апокрифическаго сказанія и иноземной переводной повѣсти, гдѣ источники русскихъ книжныхъ памятниковъ были (болѣе или менѣе) ясны и гдѣ требовалось только выяснить въ точности ихъ генеалогію и связь съ родственными явленіями другихъ литературъ. При этомъ получался и другой чрезвычайно важный результатъ: открывались близкія соотношенія между этими, чужими по происхожденію (особенно византійскими) произведеніями и нашимъ былиннымъ эпосомъ. Изслѣдованія, направленныя въ эту сторону, убѣждали, что какъ народно-христіанская легенда отразилась въ нашей средневѣковой (и донынѣ живущей) миѳологіи, такъ и въ созданіи русскаго эпоса обильно участвовали книжные эпическіе элементы, которыхъ дотолѣ не подозрѣвали. Это былъ выводъ первостепенной важности. Прежняя идеалистическая или сантиментальная апоѳеоза русскаго былиннаго эпоса, какъ вполнѣ самобытнаго созданія народной поэзіи, продолжавшаго языческую эпопею миѳической космогоніи и небеснаго богатырства, эта апоѳеоза блѣднѣла, но взамѣнъ выростала болѣе научная постановка вопроса. Былинный эпосъ являлся въ новыхъ, болѣе реальныхъ историческихъ отношеніяхъ, чѣмъ «тучи» и «молніи». Укажемъ опять два-три примѣра.

Таковы любопытныя сближенія былинъ о Святогорѣ, пѣсенъ объ Аникѣ-воинѣ, Иванѣ гостиномъ, или Вдовкинѣ сынѣ и пр. съ содержаніемъ византійскаго эпоса [2]), какъ богатырскаго, такъ и легендарнаго. Многое, что̀ полагалось чисто русскимъ, находитъ свои параллели и источники въ средне-греческихъ сказа-

[1]) Напр. слишкомъ лаконическія указанія источниковъ, не переведенныя цитаты (иногда въ двѣ-три страницы) греческія, румынскія, средне-нѣмецкія и старо-французскія, и т. п.

[2]) См. „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ“, „Вѣстн. Евр.“ 1875, апрѣль, и въ Слав. Сборникѣ, т. III; Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, въ „Архивѣ“ Ягича, т. III; Разысканія, I: Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ; II: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, и друг.

ніяхъ. Авторъ говоритъ объ этихъ послѣднихъ. «Это былъ міръ чудесныхъ подвиговъ, героевъ и чудовищъ, воинственныхъ дѣвъ-паленицъ, которыя связывались для грека съ его древними преданіями объ амазонкахъ. Въ пересказахъ русскихъ людей всѣ эти образы должны были отразиться съ чертами болѣе грубаго реализма, въ соотвѣтствіи съ умственнымъ развитіемъ новой среды. Когда впослѣдствіи, въ *по-татарскую эпоху*, развился нашъ собственный земскій эпосъ съ Ильей-Муромцемъ и другими мѣстными богатырями, онъ долженъ былъ сосчитаться съ элементами *болѣе древняго*, пришлаго эпоса. Онъ или устранилъ его отъ себя, удаливъ Анику-Дигениса въ небольшой циклъ пѣсенъ объ его борьбѣ со смертью, или пріурочилъ его къ себѣ частями, но такъ, что слѣды спая остаются замѣтны и теперь. Наши «старшіе богатыри» собственно не наши, это «сила нездѣшняя». Въ своей нечеловѣческой мощи они смотрятъ на земскихъ богатырей какъ на новое, имъ чуждое поколѣніе, проходятъ передъ нами какъ-то таинственно-безучастно и также таинственно исчезаютъ. Другая метаморфоза постигла другой рядъ образовъ, опредѣливъ ихъ особое пріуроченіе въ средѣ новаго русскаго эпоса: змѣи и змѣевичи-воители [1]) приняли въ нашихъ пересказахъ черты змѣевъ обрядоваго повѣрья, сдѣлались силой нечистою, отождествились съ татарщиной, когда татарщина явилась общимъ выраженіемъ всего вражьяго, съ чѣмъ приходилось биться русскимъ богатырямъ. Тугаринъ дѣйствительно пріѣзжалъ изъ-за горъ, оттого его эпитетъ «загорскій»; впослѣдствіи его заставили пріѣзжать изъ «улусовъ» загорскихъ. Но другая пѣсня осталась о немъ, гдѣ онъ является цареградскимъ богатыремъ..; его мать живетъ въ Царьградѣ; онъ сбирается на Кіевъ, но взятъ русскими богатырями и отвезенъ къ Владиміру»... [2]).

Авторъ возвращается къ этому сближенію по поводу легендъ и пѣсенъ о св. Георгіи—какъ извѣстно, одномъ изъ любимѣйшихъ героевъ нашего народнаго преданія. «Плодотворность изученія этой легенды,—говоритъ авторъ,—стоитъ въ прямой связи съ широкой постановкой вопроса, имѣющаго обнять, вмѣстѣ съ

---

[1]) Указывая на странную двойственную натуру нашихъ былинныхъ змѣевичей, которые являются то чудовищами, дышущимй пламенемъ, то только могучими богатырями, авторъ вспоминаетъ, что въ Византіи „драки“ (змѣи, драконы) и „драконтопули“ (змѣеныши, змѣевичи) были съ VII-го вѣка обычнымъ названіемъ вольницы, гнѣздившейся въ *горахъ* Тавра. Въ византійскомъ эпосѣ являются и воинственныя дѣви—тѣ удалыя „паленицы“, о которыхъ, внѣ былинъ, ничего не знаетъ наша историческая древность.

[2]) „Вѣстн. Евр.“, 1875, апрѣль.

Георгіемъ, и житія родственныхъ ему по типу святыхъ. Такимъ путемъ могутъ получиться не только обобщенія теоретическаго характера, обѣщающія внести новый свѣтъ въ «физіологію» и исторію народнаго міросозерцанія, но и фактическія данныя для развитія народнаго эпоса. Я разумѣю, главнымъ образомъ, русскій *былинный эпосъ*, въ разработкѣ котораго (предложенныя авторомъ въ его трудѣ) разысканія въ области духовнаго стиха являются естественнымъ введеніемъ». Авторъ сближаетъ св. Георгія и Ѳеодора, какъ змѣеборцевъ, съ русскимъ спеціалистомъ въ змѣеборствѣ, Добрыней, отчество послѣдняго съ эпитетомъ «аникитовъ», какой носятъ греческіе святые герои, и т. д.; въ народномъ обрядѣ въ день св. Георгія указываетъ взаимодѣйствіе своего и чужого преданія [1]. Въ другомъ случаѣ, авторъ указываетъ еще одного змѣеборца, св. Михаила изъ Потуки, и обращаетъ вниманіе на совпаденіе именъ и общихъ очертаній въ легендѣ и въ русской былинѣ о богатырѣ Потокѣ [2], которому прежніе комментаторы этой былины посвятили столько сложныхъ филологическихъ и миѳологическихъ попеченій.

Далѣе, въ изслѣдованіи о южно-русскихъ былинахъ, Веселовскій останавливается на южно-русской легендѣ о юномъ богатырѣ Михайлѣ и кіевскихъ золотыхъ воротахъ (или Михайликѣ, Михайлѣ Семилѣткѣ) и сближаетъ ее съ былиной о Михайлѣ Даниловичѣ. Въ легендѣ онъ находитъ народный, пріуроченный къ Кіеву, пересказъ эпизода, находящагося въ позднихъ текстахъ апокрифическихъ «Откровеній» Меѳодія. Южная легенда и сѣверная былина въ главномъ совершенно совпадаютъ, но бытовыя черты южной жизни были непонятны на сѣверѣ и потому извращены. «Отрѣзанныя отъ почвы, на которой создались былины, отдѣленныя цѣлыми вѣками отъ историческихъ отношеній, которыя воплотились въ нихъ впервые, онѣ по неволѣ должны были исказить эти отношенія въ уровень съ новой исторической средой и той общественной и природной обстановкой, въ которой имъ суждено было доживать свою вѣковую жизнь. Пріуроченіе вышло неполное. Образы южно-русской природы обратились въ общія мѣста, не разцвѣтясь новыми сѣверными красками; преувеличенію открылось широкое поле, потому что перепѣвалась не своя пѣсня, прямо вынесенная изъ жизни, изъ своего непосредственнаго прошлаго, однимъ словомъ изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ пѣвецъ могъ бы постоянно почерпать чувство мѣры

[1]) Разысканія, II, стр. 150, 158—159.

[2]) Разысканія, IX: Праведный Михаилъ изъ Потуки.

и норму вѣроятія: перепѣвалась пѣсня правнесенная, которую слѣдовало истолковать и переложить на-ново, иначе она была бы полупонятна... Вѣроятно, этому процессу принадлежатъ сословныя характеристики богатырей, сдѣлавшія Алешу сыномъ попа, Добрыню-бояриномъ и т. д. Надо полагать, что въ древнихъ пѣсняхъ объ этихъ богатыряхъ были данныя, изъ которыхъ, при извѣстныхъ средствахъ примѣненія, могли выработаться позднѣйшіе сословные типы. Тоже можно замѣтить и объ Ильѣ-Муромцѣ. Представленіе его крестьяниномъ принадлежитъ, быть можетъ, сѣверно-русской порѣ эпоса: въ старыхъ пѣсняхъ о немъ открывались сѣвернымъ сказателямъ черты, которыя были *такъ* поняты или *такъ* истолкованы; въ богатырѣ, подвиги котораго были имъ особенно симпатичны, они увидѣли своего героя, крестьянина-богатыря. Въ XIII вѣкѣ его знали еще ярломъ-дружинникомъ [1]).

Далѣе, сближая былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и Чурилѣ,—котораго считаетъ франкскимъ уроженцемъ Сурожа, или древней Сугдаи въ Тавридѣ (нынѣ Судакъ), а имя его отца: Пленко—испорченнымъ «франкъ»,—съ византійскими эпическими сюжетами, авторъ указываетъ и здѣсь подобное видоизмѣненіе и порчу первоначальной пѣсни... «Съ одной стороны, византійская пѣсня, внесенная въ кругъ богатырскихъ былинъ кіевскаго цикла, (въ видѣ былины объ Иванѣ Вдовкиномъ сынѣ) должна была приладиться къ болѣе грубымъ понятіямъ и стереть религіозно-мистическій оттѣнокъ своего вступительнаго эпизода, который уже не шелъ въ богатырскую былину. Грубо нарисованная ловкость и щегольство Чурилы очень далеки отъ своего изящнаго византійскаго типа, описаніе его дворца преувеличено до уродливости, его любовныя похожденія, впечатлѣніе, производимое имъ на женщинъ, изложены грубо: говорится о чувственныхъ порывахъ, о разрываньѣ одеждъ и т. д. Мать Ивана (въ былинѣ) продаетъ своего сына не для Бога (какъ въ византійскомъ оригиналѣ), а потому, что онъ сдѣлался пьяницей; но и этотъ столь извращенный эпизодъ былъ почти забытъ и долженъ былъ уступить мѣсто пѣснямъ о закладѣ. Внутренняя мотивировка вездѣ потеряна, чтó находится въ связи съ другой перемѣной, которой должно было подвергнуться византійское сказаніе, какъ скоро оно примкнуло къ богатырскому эпосу Владиміра: оно утратило свое единство, должно было разбиться на

[1]) Южно-русскія былины, стр. 9, 38—40. Здѣсь и объяснено, въ чемъ произошло въ данномъ случаѣ видоизмѣненіе южнаго сюжета въ сѣверной былинѣ. О богатырѣ Васильѣ-Пьяницѣ, тамъ же, стр. 50.

куски, чтобы послужить высшему единству. Это высшее единство, символически представленное въ образѣ Владиміра, есть именно русскій богатырскій эпосъ: какъ византійская сказка о чудесномъ мальчикѣ, такъ и много другихъ иноземныхъ разсказовъ доставили свой матеріалъ для его построенія. Народное заключается именно въ цѣломъ, въ композиціи, а не въ составляющихъ ее элементахъ» [1]).

Значеніе византійскихъ сказаній, только теперь — и всего болѣе трудами Веселовскаго — вполнѣ вводимое въ науку, представляетъ именно весьма естественный историческій фактъ, совершенно отвѣчающій той культурной роли, какую Византія занимала къ началу и въ первые вѣка нашей исторіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія русскихъ племенъ къ Византіи начались гораздо ранѣе историческаго основанія государства, и если потомъ Византія дала намъ церковь, ея литературу и учрежденія, если на югъ стремилась и военная предпріимчивость князей, политическія и торговыя связи [2]), то совершенно естественно ожидать и присутствія византійскихъ эпическихъ сказаній на русской почвѣ. Ближайшій районъ, какъ можно теперь думать, былъ особенно доступенъ этимъ вліяніямъ. «Ничто не мѣшаетъ принять, — говоритъ Веселовскій, — что греческія пѣсни проникали въ южные края нынѣшней Россіи. Греческія пѣсни противъ сыновей Романа Лакапина (945), по Ліутпранду, пѣлись не только въ Европѣ, но и въ Африкѣ и Азіи, — какъ съ другой стороны, по свидѣтельству безъименнаго автора Слова о полку Игоревѣ, славные подвиги кіевскаго князя Святослава воспѣвались у нѣмцевъ и венеціанцевъ, грековъ и моравапъ. Отрывки византійскихъ повѣстей находятъ у нѣмецкихъ шпильмановъ въ X столѣтіи, византійскіе отголоски въ поэмахъ о Дитрихѣ. Поэтому греческія пѣсни въ русскомъ изложеніи не составляли бы никакого ненормальнаго явленія и должны найти мѣсто въ исторіи византійскихъ вліяній на литературы Запада».

---

[1]) Beiträge zur Erklärung des russ. Heldenepos, стр. 567, 571, 585—587, 593. О Чурилѣ, см. также Разысканія, VI—X, стр. 289. Напомнимъ подобныя замѣчанія г. Стасова (хотя изъ совсѣмъ другого основанія) объ этой отрывочности и недостаткѣ мотивировки въ эпическомъ изложеніи нашихъ былинъ.

[2]) Напомнимъ здѣсь, напримѣръ, тѣ новыя историческія данныя, какія пріобрѣтаются болѣе пристальнымъ изученіемъ византійцевъ въ новѣйшихъ трудахъ г. Васильевскаго, А. Павлова, Андрея Попова, Голубинскаго и друг.

Одновременно съ г. Веселовскимъ на вопросѣ объ источникахъ русскаго эпоса остановился извѣстный славистъ, филологъ и историкъ литературы, г. Ягичъ. Въ свое время мы подробно останавливались на его замѣчательной статьѣ [1]), посвященной опредѣленію христіанско-миѳологическаго слоя въ русскомъ народномъ эпосѣ. Такъ какъ исходная точка была одна—изученіе византійскихъ сказаній въ русскихъ памятникахъ, и пріемы одни—обстоятельная критика текстовъ, то понятно, что въ общемъ получались тѣ же результаты, къ какимъ раньше и позже приходилъ и Веселовскій. Не повторяя сказаннаго нами прежде, приведемъ лишь общія замѣчанія г. Ягича объ его методѣ и полученномъ выводѣ.

«Въ тѣсной рамкѣ тѣхъ пѣсенъ, гдѣ слѣдовало принимать вліяніе христіанско-миѳологическихъ сюжетовъ,—говоритъ г. Ягичъ,—главное доказательство я старался основать на параллельности между уцѣлѣвшими еще рукописными разсказами и соотвѣтствующими имъ пѣснями. При этомъ, естественно, я долженъ былъ предполагать, что содержаніе этихъ рукописныхъ разсказовъ было извѣстно первымъ слагателямъ народныхъ пѣсенъ. Этимъ обусловливалось далѣе другое предположеніе, что первыми начинателями этихъ народныхъ пѣсенъ былъ не народъ въ обширномъ смыслѣ слова, но опредѣленная и ограниченная часть его, именно люди, хорошо знакомые съ содержаніемъ священнаго писанія, безчисленныхъ легендъ и многихъ благочестивыхъ, но апокрифическихъ сказаній, и которые пріобрѣли это знаніе отчасти странствованіями и посѣщеніемъ знаменитыхъ святынь, отчасти прилежнымъ чтеніемъ благочестивыхъ книгъ. Этимъ великорусская эпика отличается отъ эпической поэзіи всѣхъ другихъ славянъ. Нигдѣ христіанское не соединилось съ національнымъ такъ тѣсно, какъ здѣсь. Это должно принять въ соображеніе и научное изслѣдованіе. Надо ожидать, что новыя открытія и новыя изданія средневѣковыхъ русско-славянскихъ текстовъ,—въ чемъ русская славистика уже и теперь совершила замѣчательные труды,—пополнятъ иные пробѣлы, обнаружатъ еще новыя параллельныя данныя...

«Какъ у великихъ поэтовъ ни мало не уменьшаетъ ихъ достоинства открытіе источниковъ ихъ сюжетовъ, такъ и пѣсни о Соловьѣ Будиміровичѣ и о побѣдѣ Ильи-Муромца надъ Соловьемъ-Разбойникомъ [2]) останутся весьма удачными, даже блестящими произведеніями великорусскаго народнаго эпоса, безъ всякаго ущерба ихъ достоинству и тогда, когда было бы выяснено, что первымъ своимъ мотивомъ они обязаны не какому-нибудь первобытно-славянскому или даже первобытно-арійскому миѳу, но уже христіанско-миѳологическому запасу сказаній, принесенному въ страну только съ христіанствомъ и мало-по-малу проникшему въ народъ, весьма воспріимчивый къ поэтической передачѣ».

---

[1]) „Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik",—въ „Архивѣ", имъ издаваемомъ, 1875, I, стр. 82—133. См. „Вѣстн. Евр." 1877, апрѣль, стр. 726—741.

[2]) На этихъ пѣсняхъ, между прочимъ, останавливались изслѣдованія г. Ягича.

Новыя изслѣдованія въ первый разъ обратили должное вниманіе на изученіе самыхъ текстовъ—не въ видѣ только подбора варіантовъ для новыхъ миѳологическихъ объясненій, но для изученія основного мотива и опредѣленія самаго процесса творчества. Извѣстенъ чрезвычайно любопытный случай, разсказанный Гильфердингомъ, когда одна онежская безграмотная крестьянка пропѣла ему длинную пѣсню, въ которой Гильфердингъ узналъ сербскую пѣсню объ Іовѣ и Марѣ, незадолго передъ тѣмъ напечатанную въ русскомъ переводѣ въ сборникѣ Щербины «Пчела»,—и пропѣла въ качествѣ «старины», будто бы слышанной ею отъ стариковъ [1]; переводъ Щербины былъ, однако, уже переработанъ въ болѣе народномъ стилѣ. Этотъ фактъ замѣчательно свидѣтельствуетъ о силѣ усвоенія эпическихъ сюжетовъ, и можетъ служить предостереженіемъ для тѣхъ, кто склоненъ видѣть до-историческую древность въ каждомъ нынѣшнемъ словѣ народнаго эпоса. Новые изслѣдователи не дѣлаютъ, такимъ образомъ, никакой натяжки, предполагая вліяніе книжныхъ источниковъ и для стараго періода, когда эпическое творчество было, конечно, еще свѣжѣе и воспріимчивѣе. «При толкованіи русскихъ былинъ,—справедливо замѣчаетъ Веселовскій,—необходимо слѣдуетъ имѣть въ виду, что мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ, подвергавшимся не только историческому и бытовому примѣненію, но и всѣмъ *случайностямъ устнаго пересказа*, нерѣдко собирающаго въ одно, что́ пѣлось порознь, или же разбрасывающаго по разнымъ пѣснямъ и лицамъ, что́ пѣлось въ одной пѣснѣ и объ одномъ лицѣ» [2]) и пр. На эту сторону предмета обратилъ вниманіе г. Н. Лавровскій въ небольшой статьѣ, заслуживающей вниманія тѣхъ, кто приступаетъ къ изученію былинъ [3]). По его мнѣнію, съ которымъ нельзя не согласиться, шаткость и невѣрность выводовъ относительно содержанія и значенія былинъ зависѣла у насъ, между прочимъ, просто отъ «излишняго довѣрія къ тексту былинъ, отъ недостатка анализа его, отъ вѣры, что все въ немъ обстоитъ благополучно, что весь онъ, какъ записанъ со словъ пѣвца, можетъ и долженъ служить матеріаломъ для выводовъ и соображеній». Авторъ объясняетъ, напротивъ, и доказываетъ фактическими примѣрами, что не все въ немъ обстоитъ благополучно, и приходитъ къ мысли о необходимости пере-

---

[1]) См. Собр. соч. Гильфердинга, III, стр. 385; Онежскія былины, предисловіе, стр. XIX и слѣд., гдѣ приведена и самая пѣсня.

[2]) Южно-русскія былины, стр. 40.

[3]) „Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ", въ Извѣстіяхъ историко-филол. института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, за 1877 г. Кіевъ, 1877, стр. 235—248.

смотра современнаго текста былинъ, съ цѣлью опредѣлить содержаніе, какое можетъ и должно быть отнесено къ каждому герою, словомъ, о необходимости критически-очищеннаго изданія всѣхъ былинъ...

Новый методъ оказался весьма плодотворнымъ. Въ короткое время появилось нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ, направленныхъ—въ томъ же духѣ, какъ изысканія Веселовскаго и Ягича—на изслѣдованіе литературныхъ византійскихъ, южно-славянскихъ и западныхъ вліяній въ русскомъ народно-поэтическомъ преданіи. Таковъ, напр., остроумный «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ» (М. 1877) г. Всев. Миллера и рядъ его статей, въ которыхъ онъ старался установить связь между старыми книжными повѣстями и былиной, напр., указать въ богатырѣ Вольгѣ перелицовку Александра Македонскаго (по извѣстной «Александріи») или свести на книжный сюжетъ знаменитаго богатыря-пахаря Микулу Селяниновича и проч. [1]). Таковы нѣкоторыя изслѣдованія г. Драгоманова (въ «Запискахъ» юго-зап. отдѣла Географ. Общества, 1875, т. II); и наконецъ труды новаго поколѣнія ученыхъ: изслѣдованія г. А. Кирпичникова, въ особенности книга, посвященная сказаніямъ о св. Георгіи [2]); любопытная книга г. Жданова [3]); первый на русскомъ языкѣ обстоятельный трудъ о животномъ эпосѣ, г. Л. Колмачевскаго [4]), и др.

Изслѣдователи новой школы, хотя несомнѣнно идутъ болѣе вѣрнымъ путемъ, чѣмъ ихъ предшественники, остаются гораздо болѣе осторожными, именно потому, что требованія метода яснѣе указываютъ имъ всю обширную сложность задачи, выходившей далеко за предѣлы прежней системы. Приводя однажды [5]) слова Ренана о необыкновенныхъ успѣхахъ сравнительной миѳологіи (въ разысканіи миѳовъ небесныхъ и атмосферическихъ), и на-

---

[1]) См. статьи въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, № 10; 1878, № 12 и др.

[2]) Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ, 1876.

— Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, октябрь.

— Св. Георгій и Егорій Храбрый. Изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды. Спб. 1879. Эта книга дала поводъ къ упомянутому выше обширному трактату Веселовскаго, въ „Разысканіяхъ“.

[3]) Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. И. Жданова. Кіевъ 1881,—гдѣ разбираются сказанія о „Прѣніи живота и смерти“, объ Аникѣ-воинѣ, былины о Самсонѣ и Святогорѣ.

[4]) Животный эпосъ на Западѣ и у Славянъ. Казань, 1882.

[5]) Разысканія, VI—X, стр. 358.

ходя съ своей стороны эти успѣхи далеко неполными, Веселовскій замѣчаетъ: «На этихъ результатахъ наука миѳологіи, очевидно, не можетъ успокоиться и, несомнѣнно, достигнетъ болѣе точныхъ, отказавшись отъ излишней увѣренности въ незыблемости результатовъ уже полученныхъ. Необходимъ, прежде всего, новый пересмотръ разныхъ «порѣшенныхъ» вопросовъ, хотя бы затѣмъ, чтобъ имѣть право сказать себѣ, что мы многаго не знаемъ». И дѣйствительно, новые западные изслѣдователи начинаютъ сомнѣваться въ національномъ началѣ самой Эдды, которая и для нашихъ миѳологовъ была такимъ внушающимъ авторитетомъ первобытной древности и въ которой хотятъ теперь видѣть отголоски христіанско-классическихъ преданій; начинаютъ подкапываться подъ миѳическое древо Иггдразиль скандинавскаго сказанія, которое такъ часто привлекалось для опредѣленія первобытной славянской космогоніи... Въ нашей миѳологіи, очевидно, должно быть отброшено многое, чтó недавно считалось столь незыблемымъ. Прежнее представленіе о народномъ эпосѣ также должно быть оставлено. Новая система его еще далеко не довершена, но когда накопится достаточный запасъ наблюденій и они связаны будутъ въ цѣлое, мы получимъ гораздо болѣе достовѣрную и, уже судя по нынѣшнимъ результатамъ, чрезвычайно интересную картину старыхъ культурныхъ отношеній и поэтической дѣятельности русскаго народа.

А. Пыпинъ.

НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ

ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

ОЧЕРКЪ

Въ текущей литературѣ до сихъ поръ не сдѣлано попытки подвести, на основаніи фактическихъ данныхъ, итоги научной дѣятельности нашихъ университетовъ за послѣднія двадцать-пять лѣтъ; и это обстоятельство составляетъ, я думаю, главную причину, почему въ печати такъ незастѣнчиво раздаются по временамъ огульные приговоры, будто наши университеты падаютъ, что цвѣтущая пора ихъ научной жизни давно миновала и т. п. Представляя на судъ читателя первую бѣглую попытку такого рода, въ отношеніи движенія естествознанія со включеніемъ основъ медицины [1]), считаю долгомъ заявить прежде всего, что фактическій матеріалъ, которымъ я располагалъ, хотя и не обнимаетъ собою всего дѣйствительно сдѣланнаго въ этомъ направленіи университетами, но содержитъ все существенно-важное, чтобы намѣтить и доказать самыя крупныя черты достигнутыхъ результатовъ. Въ этомъ собственно и заключается цѣль статьи. Очеркъ не касается, впрочемъ, Дерптскаго и Гельсингфорсскаго университетовъ, такъ какъ по всему строю жизни они всегда отличались отъ чисто-русскихъ собратьевъ; не касается также ученой дѣятельности тѣхъ изъ нашихъ академиковъ, которые стояли внѣ связи съ русскими

[1]) При этомъ въ обзоръ я включилъ и здѣшнюю медико-хирургическую академію, какъ одинъ изъ медицинскихъ факультетовъ, тѣмъ болѣе, что оживленіе научной дѣятельности въ ней совпадаетъ по времени съ общимъ оживленіемъ университетовъ и произведено тѣми же причинами.

университетами. Фактическій матеріалъ для очерка собранъ не мною, а спеціалистами по соотвѣтствующимъ отдѣламъ знаній: по физикѣ —проф. Петрушевскимъ, по химіи — проф. Меншуткинымъ, по ботаникѣ—проф. Бекетовымъ, Бородинымъ и Гоби; по зоологіи—проф. Богдановымъ, по геологіи — проф. Иностранцевымъ, по анатоміи и физіологіи—мною. Сверхъ того по каждому отдѣлу знаній приведены, помѣщаемые въ концѣ очерка, источники, откуда матеріалъ заимствованъ, такъ что любознательному читателю дана полная возможность провѣрки.

Если судить о научной дѣятельности учрежденій по степени участія ихъ членовъ въ разработкѣ научныхъ вопросовъ,—а судить иначе нельзя,—то дѣятельность русскихъ университетовъ по естествознанію за 30-лѣтній періодъ, до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, нельзя не назвать въ общемъ блѣдною — университетскихъ работниковъ въ наукѣ съ русскими именами было, въ самомъ дѣлѣ, мало, и стоятъ они какъ-то изолированно, мало вліяя на среду.

Единственный физикъ за этотъ періодъ, академикъ Ленцъ, не оставляетъ по себѣ ничего похожаго на школу. Первые ученики его, Савельевъ, Талызинъ и Пчельниковъ работали очень недолго, а дѣятельность позднѣйшихъ—Петрушевскаго и Р. Ленца относится къ послѣдующему періоду.

Ботаники того времени, Траутфеттеръ, Бонгардтъ, Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ и Шиховскій занимаются флористическими и ботанико-географическими изслѣдованіями, и только въ серединѣ періода является Желѣзновъ, а подъ самый конецъ крупный научный дѣятель Ценковскій, духовный отецъ всѣхъ теперешнихъ ботаниковъ.

Зоологи Эйхвальдъ, Эверсманъ, Куторга, Рулье, Кесслеръ занимаются исключительно фаунастическими изслѣдованіями; въ области же сравнительной анатоміи, эмбріологіи и гистологіи животныхъ нѣтъ ни одного университетскаго работника.

Минералогія и геологія сравнительно процвѣтаютъ, благодаря трудамъ Эйхвальда, Щуровскаго, Гофмана, Борисяка, Ѳеофилактова, Соколова и Вагнера. Наибольшее оживленіе падаетъ на 40-е годы, когда по мысли императора Николая I былъ приглашенъ изъ Англіи, для изученія Россіи въ геологическомъ отношеніи, Мурчисонъ.

По микроскопической анатоміи и экспериментальной физіологіи опять крайняя бѣдность—ни одного ученаго, ни одного изслѣдованія.

Изъ всѣхъ естественныхъ наукъ за этотъ періодъ посчастливилось всего больше химіи. Въ Петербургѣ работаетъ въ 30-хъ годахъ акад. Гессъ, не оставляя, однако, по себѣ школы. Нѣсколько позднѣе является Воскресенскій. Въ сороковыхъ годахъ въ Казани работаютъ Клаусъ и Зининъ. Дѣятельность этихъ химиковъ была, какъ увидимъ ниже, плодотворна и въ смыслѣ образованія учениковъ.

Причинъ такой малочисленности и разъединенности рабочихъ силъ было, конечно, много, но главная лежала, несомнѣнно, во всемъ строѣ университетской жизни, логически вытекавшемъ изъ тогдашняго (по нашему времени уже неправильнаго) взгляда на значеніе университетовъ въ умственной жизни страны. У насъ даже въ 50-хъ годахъ на университеты продолжали еще смотрѣть только какъ на разсадники готоваго знанія, въ которыхъ юношество обучается высшимъ наукамъ. Къ этому приспособлена была вся дѣятельность университетовъ, и она, собственно, проходила въ томъ, что профессора читали лекціи, стараясь преподнести слушателямъ послѣдніе выводы науки, а слушатели пассивно воспринимали ихъ. Научной работы— того, что̀ теперь составляетъ истинную ученость—отъ профессоровъ въ сущности не требовалось; она была достояніемъ немногихъ избранныхъ и замкнутая въ тиши кабинетовъ очень рѣдко вступала въ живую связь съ аудиторіей. Въ тѣ времена такія занятія назывались очень характерно черной подготовительной работой, и мнѣ лично случалось слышать, какъ одинъ теперь уже умершій ученый изъ той эпохи называлъ себя серьезно чернорабочимъ, въ отличіе отъ профессоровъ-ораторовъ. Въ тѣ времена и требованія отъ преподавателей-натуралистовъ и мѣрки для нихъ были иными, чѣмъ теперь. Ученость опредѣлялась начитанностью, современность — тѣмъ, насколько профессоръ слѣдитъ книжно за наукой, дѣльность — внесеніемъ въ преподаваніе здравой логической критики, талантливость— умѣньемъ обобщать, а преподавательскія способности — ораторскимъ талантомъ [1]). Нормы требованій были одинаковы и отъ реалиста, и отъ представителя книжной учености. Въ мое студенчество въ московскомъ университетѣ было два натуралиста, пользовавшихся громкой репутаціей, и когда слушатели, тоже натуралисты, увлеченные удачной красивой лекціей одного изъ нихъ, хотѣли похвалить его особенно сильно, то говорили, что онъ такой же почти превосходный профессоръ, какъ Грановскій и Кудрявцевъ.

При такомъ запросѣ со стороны среды и отвѣты получались соотвѣтственные. Преподаваніе съ каѳедры было главной цѣлью, а самостоятельный трудъ хотя и цѣнился, но былъ необязателенъ и считался дѣломъ личнаго вкуса.

Существовали, конечно, и исключенія изъ этого правила. Такъ, естественный факультетъ петербургскаго университета представляетъ и въ этотъ періодъ нѣкоторые признаки коллективной научной жизни.

[1]) Я, конечно, не имѣю въ виду утверждать, что эти качества перестали быть драгоцѣнными въ профессорѣ—дѣло въ томъ, что они (за исключеніемъ, разумѣется, ораторскаго таланта) и у реалиста достигались прежде путемъ книжной учености, а теперь ему для здравой критики и обобщеній книгъ уже мало.

Этимъ онъ былъ, однако, обязанъ постоянному общенію университета съ сосѣднею по мѣсту академіею наукъ, въ которой науки разрабатывались практически, такъ сказать, по закону. На нѣкоторыхъ каѳедрахъ естественнаго отдѣленія преподавателями были прямо академики, на другихъ лица, стоявшія въ связи съ академіей. Поэтому здѣсь есть налицо всѣ признаки настоящаго научнаго движенія. Помимо музеевъ и химической лабораторіи, въ университетѣ заводится родъ лабораторій и по другимъ предметамъ; существуютъ практическія занятія съ учениками по ботаникѣ и зоологіи; для избранныхъ открывается доступъ въ физическую лабораторію академіи наукъ и даже старый химикъ Соловьевъ руководитъ студентовъ въ практическихъ занятіяхъ. Работа начинается въ маленькихъ кружкахъ, съ маленькими средствами; но уже даетъ плоды. Учителю Ценковскаго, Шиховскому, приходилось обучать юношество микроскопическимъ наблюденіямъ при помощи единственнаго имѣвшагося тогда микроскопа, но онъ все-таки оставилъ ученика, составившаго себѣ громкое имя именно микроскопическими изслѣдованіями. Подъ руководствомъ академика Ленца воспитались Петрушевскій и Р. Ленцъ; а съ именемъ Воскресенскаго связываютъ имена Менделѣева и Н. Н. Соколова. Покойный Кесслеръ—тоже ученикъ петербургскаго университета.

Подобныя же, но уже единичныя, явленія встрѣчаются и въ провинціальныхъ университетахъ. Особенно ярко выступаетъ въ этомъ отношеніи казанская химическая лабораторія, которая приготовила къ нашему періоду такого крупнаго дѣятеля, какъ Бутлеровъ.

Итакъ, повторяю опять, въ предшествующій намъ періодъ самая университетская среда мало способствовала развитію естествознанія. Тогда и въ Германіи, откуда заимствовалась наша ученость, вѣроятно еще не вполнѣ сознавалась мысль, что университеты, для выполненія ихъ назначенія служить разсадниками знанія, должны быть не только учрежденіями, гдѣ наука проповѣдуется, но и рабочими научными центрами, гдѣ она развивается. Простая и въ сущности старая мысль, что учить и учиться можно съ успѣхомъ, только работая, получила широкое практическое развитіе въ Германіи лишь въ пятидесятыхъ годахъ, когда богатыя естественно-научныя лабораторіи были признаны необходимою принадлежностью университетовъ. Подобіе такихъ лабораторій существовало на западѣ, конечно, съ древности; но они опредѣлялись случайными мѣстными причинами, когда появлялся гдѣ-нибудь выдающійся работникъ-ученый и собиралъ вокругъ себя учениковъ. Лабораторіи нашего времени имѣютъ несравненно болѣе широкое значеніе: какъ необходимая принадлежность всякаго университета, онѣ измѣняютъ всю систему обученія;

какъ учрежденія, приноровленныя къ практической разработкѣ научныхъ вопросовъ многими, онѣ замѣняютъ собою прежніе замкнутые кабинеты ученыхъ и вводятъ въ среду учащихся самый процессъ созиданія науки. Какъ школы практическаго обученія, лабораторіи значительно повышаютъ уровень образованія въ массахъ; какъ рабочіе центры, гдѣ наука разработывается не единичными усиліями, а сообща, онѣ значительно повышаютъ научную производительность страны. Въ Германіи значеніе ихъ сознано въ такой мѣрѣ, что даже во второстепенныхъ университетахъ на устройство лабораторій при отдѣльныхъ каѳедрахъ потрачены сотни тысячъ.

Легко понять поэтому, какую громадную услугу русскому естествознанію оказала реформа нашихъ университетовъ въ 60-хъ годахъ, учредивъ при естественныхъ и медицинскихъ факультетахъ лабораторіи, снабдивъ ихъ матеріальными средствами и усиливъ соотвѣтственнымъ образомъ преподавательскій персоналъ. Другою благодѣтельною мѣрою было облегченіе выѣзда частнымъ лицамъ за границу и усиленная посылка туда молодежи съ образовательной цѣлью на казенный счетъ. Послѣдняя мѣра, издавна практиковавшаяся университетами для подготовленія профессоровъ, была теперь особенно необходима, потому что съ 1848 г. по 1856 командировки за границу изъ университетовъ прекратились, а по новому уставу преподавательскій персоналъ увеличивался. Едва ли я ошибусь, утверждая, что около половины теперешнихъ профессоровъ на естественныхъ и медицинскихъ факультетахъ вышли изъ контингента молодежи, отправившейся за границу въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Нужно ли описывать словами наступившее вскорѣ затѣмъ оживленіе въ жизни университетовъ?

Проще и умѣстнѣе будетъ, я думаю, прямо привести фактическія данныя касательно вліянія, произведеннаго реформой.

По самому смыслу дѣла вліяніе должно было выразиться:

1) повышеніемъ уровня образованія въ учащейся массѣ;

2) умноженіемъ числа работниковъ по естествознанію; и—

3) усиленіемъ научной производительности.

Разберу эти три пункта по порядку.

Въ предшествующій періодъ практическія занятія со студентами были рѣдкостью, случайнымъ явленіемъ, и масса кончала университетъ лишь съ книжнымъ образованіемъ. Мы, напримѣръ, ученики московскаго университета въ 1-й половинѣ пятидесятыхъ годовъ (тѣмъ болѣе наши предшественники!), кончили курсъ, не видавъ даже дверей химической лабораторіи, и когда пріѣхали учиться за границу, то первые уроки въ обращеніи съ химической посудой и ре-

активами получали отъ служителя лабораторіи. Теперь же практическія занятія распространены въ университетахъ повсемѣстно, повсюду заключаются въ ознакомленіи студентовъ съ методами изслѣдованія и стоятъ, напримѣръ, въ петербургскомъ университетѣ (гдѣ естественный факультетъ особенно богатъ слушателями) въ слѣдующемъ видѣ.

По физикѣ занятія открылись въ 1865 г., когда лабораторныя средства были еще очень слабы, и въ первыя пять лѣтъ число работавшихъ не превышало 10 чел. въ годъ; въ 1870 ихъ было 18; въ 1875 уже—76, а въ 1878—115. Съ тѣхъ поръ число практикантовъ держится постоянно около ста.

Занятія по аналитической химіи обязательны для всѣхъ студентовъ 2-го курса; поэтому число работающихъ еще больше. За послѣднія 10 лѣтъ оно постепенно возрастало съ 86 челов. до 220 слишкомъ въ годъ. За неимѣніемъ мѣста работаютъ въ нѣсколько очередей.

Въ ботаническихъ лабораторіяхъ практикантовъ ежегодно бываетъ: на физіологическомъ отдѣленіи (упражненія съ микроскопомъ) около — 80 (обыкновенно весь 3-й курсъ); на анатомическомъ—около 100.

У геологовъ лабораторно занимаются только спеціалисты (109 чел. за послѣднія 17 лѣтъ), а практическія упражненія всему 4-му курсу устроены въ видѣ геологическихъ экскурсій по окрестностямъ Петербурга. Сверхъ того для спеціалистовъ устраивается ежегодно экскурсія по петербургской, олонецкой, новгородской губ. и остзейскому краю.

У зоологовъ практически занимаются ежегодно 30—40 челов. По микроскопіи и физіологіи—около 80 ежегодно.

Такимъ образомъ на естественномъ отдѣленія петербургскаго университета, вплоть до громаднаго наплыва слушателей 3-хъ послѣднихъ лѣтъ, сильно затрудняющаго дѣло по ограниченности помѣщеній и денежныхъ средствъ лабораторій, значительное большинство [1]) студентовъ занималось практически, т.-е. получало въ руки самое глав-

---

[1]) Въ доказательство приведу число студентовъ по курсамъ на естественномъ отдѣленіи нашего университета за 1876—1880 гг., съ прибавленіемъ графы ежегоднаго общаго числа возможныхъ практикантовъ, получающагося изъ сложенія числа студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ, такъ какъ слушатели 1-го курса, по приведеннымъ спеціальностямъ, практиковать не могутъ и не практикуютъ.

	1-й к.	2-й к.	3-й к.	4-й к.	Число возм. практик.
1876 г.	112	68	26	24	118
1877 »	128	86	34	20	140
1878 »	142	73	43	34	150

ное орудіе натуралиста—знакомство съ основными методами изслѣдованія; всякій практикантъ пріобрѣтаетъ, кромѣ того, навыкъ къ обращенію съ инструментальными пособіями и къ производству опытовъ. Но это еще не все: у того, кто прошелъ практическую школу, голова уже иначе относится къ слышанному съ каѳедры—знаніе становится болѣе сознательнымъ и прочнымъ.

Увеличеніе числа работниковъ по естествознаніямъ доказывается всего проще возникновеніемъ, въ теченіе разбираемаго періода, при университетахъ обществъ естествоиспытателей. Въ предшествующій періодъ такихъ обществъ въ Россіи было только два: минералогическое въ Петербургѣ и московское общество испытателей природы, печатавшее труды не только русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ. Нынѣ же обществъ при университетахъ, издающихъ свои записки, семь: физико-химическое общество въ Петербургѣ, общество естествоиспытателей тамъ же; общества есть воиспыталей при московскомъ, казанскомъ, кіевскомъ, харьковскомъ и одесскомъ университетахъ, русское энтомологическое общество, общества въ Ярославлѣ, Екатеринбургѣ, Ташкентѣ и Тифлисѣ.

Другое валовое доказательство увеличенія числа работниковъ по естествознанію представляютъ наши періодическіе съѣзды, на которые собираются, какъ всѣмъ, конечно, извѣстно, сотни членовъ, т.-е. сотни лицъ, заявившихъ себя спеціальными трудами.

Переходя теперь къ доказательству третьяго, самаго важнаго пункта,—усиленію научной производительности въ странѣ, я раздѣлю его на двѣ рубрики.

Въ первой будутъ показаны результаты, достигнутые университетами въ дѣлѣ естественно-историческаго изученія нашей родины—результаты, достигнутые нашими зоологами, ботаниками и геологами.

Во второй будутъ приведены фактическія данныя, касательно

1879 »	156	71	44	45	160
1880 »	217	115	45	39	199
1881 »	211	161	83	42	286
1882 »	252	154	95	55	304
1883 »	225	131	97	76	304

Пользуюсь кстати этими числами, чтобы показать, какъ убывало число студентовъ одного и того же пріема при переходахъ съ курса на курсъ.

Пріемы:	на 1-мъ к.	на 2-мъ к.	на 3-мъ к.	на 4-мъ к.
1876 г.	112	86	43	45
1877 »	128	73	44	39
1878 »	142	71	45	42
1879 »	156	115	83	55
1880 »	217	161	95	76

участія нашихъ университетскихъ натуралистовъ въ совмѣстной научной работѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Когда послѣ 1-го съѣзда при университетахъ организовались общества естествоиспытателей, геологическія, зоологическія и ботаническія отдѣленія обществъ стали посылать ежегодно (обыкновенно лѣтомъ) на свои маленькія средства [1]) (давая много, много 400—500 р. на человѣка) партіи изслѣдователей во всѣ концы Россіи. Зоологъ изучалъ фауну избранной имъ мѣстности, ботаникъ—флору, геологъ—строеніе почвы, и каждый старался собрать коллекцію, а по возвращеніи представлялъ письменный отчетъ, помѣщавшійся въ трудахъ обществъ, причемъ коллекція поступала (конечно, безвозмездно) въ собственность соотвѣтствующихъ университетскихъ кабинетовъ. Благодаря этому университетскія коллекціи навѣрное утроились.

Этимъ путемъ изучены въ геологическомъ отношеніи: Бессарабія, многія мѣста Крыма, Таманьскій кряжъ, части Урала, части береговъ Волги и Камы и части слѣдующихъ губерній: екатеринославской, полтавской, кіевской, орловской, нижегородской, костромской, новгородской, петербургской и олонецкой.

Ботаники изслѣдовали флору въ слѣдующихъ губерніяхъ: петербургской, новгородской, архангельской, нижегородской, ярославской, харьковской, херсонской, екатеринославской и проч.

Зоологи изслѣдовали фауну почти всѣхъ губерній Европейской Россіи, со включеніемъ Крыма, Кавказа, русскихъ береговъ Чернаго моря и ближайшихъ частей Западной Сибири.

По иниціативѣ тѣхъ же обществъ, съ субсидіями отъ правительства, были снаряжены болѣе крупныя экспедиціи въ Туркестанъ (Федченко), въ Хиву (Богдановъ), въ Арало-Каспійскую область (Богдановъ, Барботъ, Гриммъ и Аленицынъ), на Мурманъ (Богдановъ съ 7 студентами), на Бѣлое море (Ценковскій и Вагнеръ), на Алтай (Никольскій, Соколовъ, Полѣновъ и Красновъ).

На между-народномъ географическомъ конгрессѣ въ Венеціи присужденъ почетный дипломъ петербургскому Обществу естествоиспытателей за его экспедиціи.

Въ предшествующій періодъ русскія имена въ иностранной литературѣ по естествознанію, хотя и встрѣчаются, но изрѣдка и большею частію мелькомъ. Съ конца же 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ начался наплывъ русской молодежи въ иностранные (преимущественно германскіе) университеты, число работъ

---

[1]) Каждое общество существуетъ на субсидію отъ правительства въ 2,500 р. и взносы членовъ. Одно только физико-химическое общество существуетъ безъ субсидіи.

съ русскими именами, обнародованныхъ въ иностранныхъ журналахъ, начинаетъ быстро возрастать и держится поднесь на небывалой въ прежнее время высотѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ первые годы движенія, значительное большинство этихъ работъ принадлежало къ разряду такъ-называемыхъ ученическихъ—работъ на заданную тему, выполненныхъ подъ руководствомъ иностраннаго профессора. Иначе и быть не могло, потому что огромное большинство ѣхало за границу безъ всякой серьёзной подготовки къ самостоятельному труду. Иностранцы, бывшіе,какъ старѣйшины въ наукѣ, всегда нашими учителями, оказали именно въ эту пору огромную услугу русскому просвѣщенію; и всякій русскій изъ той эпохи признаетъ и вспомнитъ это съ самой теплой благодарностью. Работы первыхъ лѣтъ, хотя бы даже сплошь ученическія (чего, конечно, не было), имѣютъ тѣмъ не менѣе важное значеніе, представляя наглядное доказательство, что уже въ началѣ разбираемаго нами періода многіе десятки лицъ изъ русской молодежи прошли очень серьёзную школу обученія—фактъ, какого въ Россіи до того еще никогда не бывало. Важность его возрастаетъ еще болѣе, если принять во вниманіе, что наши юныя лабораторіи наполнялись работниками именно изъ контингента лицъ, учившихся за границей въ это время.

Лабораторіи стали заселяться; но нельзя же ожидать отъ юныхъ не окрѣпшихъ еще учрежденій сразу широкой дѣятельности, особенно въ дѣлѣ научнаго труда. Всякій, кому случалось завѣдывать возникающей вновь лабораторіей, подтвердитъ, я думаю, мои слова, что на образованіе двухъ, трехъ самостоятельныхъ работниковъ даже у опытнаго руководителя уходятъ годы. У насъ же въ 60-хъ годахъ достичь этого было еще труднѣе, потому что и руководительство было новымъ дѣломъ, да и почва была мало воздѣлана. Не удивительно поэтому, что самостоятельная научная жизнь нашихъ лабораторій начинаетъ проявляться несомнѣнными признаками гораздо позднѣе времени ихъ возникновенія. Но она уже проявилась почти во всѣхъ лабораторіяхъ нашего отечества и выражается тѣмъ, что въ разработкѣ научныхъ вопросовъ принимаютъ участіе не одни профессора, про которыхъ можно бы, пожалуй, сказать, что они вынесли свою ученость съ запада, но и ученики мѣстныхъ русскихъ лабораторій. Въ прежнія премена русскому развиться въ самостоятельнаго работника безъ обученія на западѣ было почти невозможно [1]); а теперь они развиваются и на мѣстѣ.

Читатель, надѣюсь, не посѣтуетъ, если я въ видѣ иллюстраціи къ сказанному приведу нѣсколько особенно поразительныхъ чиселъ.

---

[1]) Хотя и существуютъ такія рѣдкія исключенія, какъ Бутлеровъ и Менделѣевъ.

За весь предшествующій 30-лѣтній періодъ мнѣ неизвѣстно изъ области микроскопической анатоміи, физіологіи и экспериментальной патологіи ни одного спеціальнаго труда съ чисто-русскимъ именемъ, который принадлежалъ бы университетскому ученому. Въ періодъ же съ 1863 по 1882 г. включительно, т.-е. за 20 лѣтъ, обнародовано въ иностранныхъ журналахъ по этимъ спеціальностямъ *больше 650* работъ съ чисто-русскимъ именемъ. Изъ этого числа выключены всѣ дерптцы и профессора иностранцы (напр. проф. Груберъ), выключены, вѣроятно, и нѣкоторые русскіе (по мѣсту обученія) съ иностранными именами.

Всего же поразительнѣе дѣятельность нашихъ химиковъ. За 14 лѣтъ съ 1869 по 1882 включительно обнародовано въ журналѣ Русскаго физико-химическаго общества 670 изслѣдованій, и отсюда исключены работы по приложеніи химіи къ фармаціи, техникѣ и медицинѣ. Благодаря тому, что къ началу нашего періода русская химія получила крупныхъ дѣятелей въ лицѣ Зинина, Бутлерова, Менделѣева, Н. Бекетова, Н. Н. Соколова и др., развитіе ея пошло быстрѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ отраслей естествовѣдѣнія. Она уже давно заняла между ними первенствующее мѣсто и занимаетъ его доселѣ. Вслѣдъ за 1-мъ съѣздомъ натуралистовъ въ 1867 г., учреждается химическое (позднѣе физико-химическое) общество, съ журналомъ для спеціальныхъ трудовъ, и журналъ этотъ становится ὀрганомъ всѣхъ русскихъ химиковъ. Труды печатаются на русскомъ языкѣ, но постоянно реферируются спеціальными членами-корреспондентами германскаго, лондонскаго и парижскаго химическихъ обществъ, равно какъ корреспондентомъ итальянской химической газеты. Насколько дѣятельность русскихъ химиковъ признается въ Европѣ, можно видѣть напр. изъ заявленія знаменитаго англійскаго ученаго Франкланда, что въ Россіи по химіи является больше самостоятельныхъ изслѣдованій, чѣмъ въ Англіи. Но химики наши берутъ не только количествомъ — въ наукѣ существуютъ цѣлые отдѣлы, по которымъ они причисляются къ лучшимъ спеціалистамъ; главные же представители нашей школы занимались вопросами, охватывающими всю область химическихъ знаній.

Развитіе физики по самому существу дѣла не могло идти столь быстро, тѣмъ болѣе, что къ началу нашего періода готовыхъ работниковъ почти не было. Теперь же физика имѣетъ самостоятельныхъ дѣятелей-руководителей въ лицѣ Петрушевскаго, Ленца, Столѣтова, Авенаріуса, Шведова и др. Органомъ русскимъ физикамъ служитъ тотъ же журналъ, что и химикамъ, и въ немъ цитировано за 10 лѣтъ (съ 1873 по 1882 г. включ.) 208 изслѣдованій. Ежегодные отчеты о научной дѣятельности русскаго физическаго общества по-

мѣщаются въ „Journal de physique", а рефераты о трудахъ печатаются въ „Beiblätter zu den Annalen der Physik und Chemie".

Крайне плодотворна была научная дѣятельность ботаниковъ. Въ началѣ періода стоитъ, правда, крупный, но одинокій дѣятель Ценковскій, а за 25 лѣтъ его духовное помоиство разростается уже въ семью работниковъ изъ 75 членовъ (по счету проф. Бородина), и между ними $^3/_4$ съ достовѣрностью развились уже въ средѣ русской школы. Въ предшествующій періодъ направленіе было почти исключительно флористическое, а теперь оно спеціализировалось въ анатомію, физіологію, исторію развитія и географію растеній. За нашъ періодъ оригинальныхъ работъ по анатоміи вышло 87; по физіологіи 152. Число спеціальныхъ изслѣдованій по географіи растеній за послѣднія 20 лѣтъ доходитъ до 20, а чисто-флористическихъ до 100. Тѣ, которые пожелали бы познакомиться подробно съ научнымъ значеніемъ трудовъ нашихъ ботаниковъ по питанію растеній,—самому обширному экспериментальному отдѣлу растительной физіологіи,—найдутъ всѣ данныя въ капитальномъ трудѣ проф. и акад. Фаминцына: „Обмѣнъ вещ. и превр. энерг. въ раст.", вышедшемъ въ 1883 году. Общій же выводъ, вытекающій изъ его оцѣнки, таковъ: по этому отдѣлу знаній наши ботаники, какъ работники, равнозначны своимъ европейскимъ собратьямъ.

Движеніе зоологіи въ новомъ періодѣ выражается двояко: сильно разросшимися по объему и значенію фаунистическими изслѣдованіями оно составляетъ продолженіе предшествующаго періода, а появленіемъ дѣятелей на поприщѣ сравнительной анатоміи, зоо-гистологіи и эмбріологіи начинаетъ собою новый фазисъ въ развитіи зоологическихъ знаній. Во главѣ новаго направленія встали по счастію крайне талантливые и энергичные работники: А. О. Ковалевскій и И. И. Мечниковъ, пользующіеся въ Европѣ не менѣе почетнымъ именемъ, чѣмъ главные представители нашей химической школы. Поэтому новое направленіе не только быстро разрослось въ Россіи, но и прочно привилось къ почвѣ, имѣя теперь представителей уже во всѣхъ университетахъ, и связавъ работниковъ въ русскую зоологическую школу.

При оцѣнкѣ научнаго движенія минералогіи и геологіи въ университетахъ за послѣднія 25 лѣтъ встрѣчаются два существенныя затрудненія. Изъ 6 разбираемыхъ въ очеркѣ университетовъ, въ 3-хъ дѣятели предшествующей эпохи продолжаютъ трудиться и послѣ 60-хъ годовъ. Съ другой стороны, рядомъ съ университетскими дѣятелями, начинаютъ сильно работать горные инженеры, и труды тѣхъ и другихъ сливаются въ общихъ изданіяхъ. Если, однако, принять во вниманіе, что усиленіе научной дѣятельности между горными инженерами обязано въ сущности тѣмъ же причинамъ, что и оживленіе университетовъ, именно реформѣ горнаго корпуса (въ горный

институтъ) въ томъ же направленіи, въ какомъ преобразовано преподаваніе на естественныхъ факультетахъ, то кропотливая работа разбора, что̀ именно принадлежитъ горнымъ, что́ университетскимъ, дѣлается въ сущности излишней. Усиленіе дѣятельности между горными инженерами, какъ продуктъ той же причины, представляетъ лишь новое доказательство въ пользу основной мысли этого очерка. Если смотрѣть на дѣло такимъ образомъ, то дѣятельность по минералогіи и геологіи возрасла очень значительно. Спб. минералогическое общество издало съ 1869 г. 13 томовъ „Матеріаловъ для геологіи Россіи". Въ одномъ спб. обществѣ естествоиспытателей было сдѣлано съ 1868 по 1882 г. (включ.) 210 оригинальныхъ сообщеній, а въ указателѣ русской литературы по мат., чист. и прикл. наук. цитировано съ 1873—1879 г. по минералогіи и геологіи 274 сочиненія (статьи и книги). Слѣдуетъ также упомянуть, что наши новѣйшіе университетскіе геологи перенесли на русскую почву практическую разработку вопроса о до-историческомъ человѣкѣ и примѣненіе микроскопіи въ изслѣдованію горныхъ породъ.

Что касается, наконецъ, микроскопической анатоміи и физіологіи, то онѣ возникаютъ впервые въ Россіи, какъ уже было разъ сказано, въ 60-хъ годахъ. Первыми насадителями ихъ слѣдуетъ считать дерптскихъ учениковъ, покойнаго Якубовича и Ѳ. В. Овсянникова. За ними начинается цѣлый рядъ русскихъ спеціалистовъ, учившихся за границей въ концѣ пятидесятыхъ и первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Насколько новыя научныя насажденія привились и окрѣпли въ Россіи, показываютъ слѣдующія данныя. Когда въ Германіи въ 70-хъ годахъ составлялись сборные учебники но гистологіи и физіологіи, писаніе нѣкоторыхъ отдѣловъ предлагалось нашимъ ученымъ, какъ признаннымъ спеціалистамъ. Нѣкоторые и приняли это приглашеніе, какъ, напр., Бабухинъ и покойный Ивановъ. Есть далѣе имена, которымъ принадлежитъ даже честь установленія новыхъ и важныхъ пріемовъ изслѣдованія, напр., Хронщевскому способъ инъекцій при жизни. Въ настоящее время едва ли найдутся въ обѣихъ наукахъ отдѣлы, до которыхъ не касалась бы болѣе или менѣе успѣшно рука русскаго изслѣдователя, и очень многое изъ этого сдѣлано уже дома. Обученіе на западѣ молодежи большими массами давно уже миновало, а между тѣмъ среднее число обнародываемыхъ ежегодно въ иностранныхъ журналахъ работъ по гистологіи и физіологіи держится все около 30. Въ разработкѣ научныхъ вопросовъ принимаютъ участіе не одни руководители, но и мѣстные ученики лабараторій.

Таковы въ общихъ чертахъ успѣхи, достигнутые естествознаніемъ въ университетахъ, благодаря реформѣ 60-хъ годовъ! *Въ дѣйстви-*

тельности они ярче, чѣмъ изображены здѣсь, потому что матеріалъ, которымъ я располагалъ, не обнимаетъ собою всего дѣйствительно сдѣланнаго.

Ужели это не прогрессъ? Ужели не свидѣтельство, что натуралисты нашихъ университетовъ честно воспользовались и честно выполнили возложенную на нихъ реформой задачу? Ужели, наконецъ, эти успѣхи не благо для родины, достойное сохраненія?

Не говоря уже о промышленныхъ и вообще матеріальныхъ выгодахъ, вытекающихъ всегда изъ развитія естествознанія въ странѣ, самый фактъ его существованія имѣетъ большое умственное значеніе, особенно для насъ, новичковъ на поприщѣ цивилизаціи.

Наука всегда и вездѣ представляетъ кульминаціонный пунктъ духовнаго развитія, всегда и вездѣ служитъ самымъ вѣрнымъ пробнымъ камнемъ на культурность расы. Разъ такая проба выдержана, раса сама собою вступаетъ въ семью культурныхъ народовъ. Когда недавно оплакивали Тургенева, ему ставили между прочимъ—и совершенно справедливо — въ заслугу, что онъ своею дѣятельностью послужилъ духовному сближенію русскихъ съ западомъ. Не то ли же сдѣлали наши натуралисты? Достигнутые ими результаты имѣютъ нѣкоторое значеніе и для безобразнаго вопроса о народѣ и не-народѣ, о скрытыхъ якобы духовныхъ сокровищахъ въ первомъ и отсутствіи таковыхъ въ слояхъ не-народа.

Нужно, однако, признаться, мы все-таки новички въ наукѣ и наши юныя насажденія требуютъ еще рачительнаго ухода. Двадцатилѣтній опытъ ясно указалъ, что въ учрежденіи лабораторій съ соотвѣтственнымъ противъ прежняго увеличеніемъ преподавательскаго персонала лежатъ условія благопріятныя для развитія. Значитъ, для будущаго, условія эти нужно или усиливать, какъ это дѣлается на западѣ, или по крайней мѣрѣ сохранять [1]).

И. Сѣченовъ.

[1]) Источниками по каждому отдѣлу знаній послужили:
Исторія Спб. университета, В. Григорьева, Спб. 1870.
Журналъ русскаго физ.-химическаго общества, 1869—1882 гг.
Указатель русск. лит. по матем. чист. и прикл. знан. Періодъ 1873—1879.
Centralblatt f. d. med. Wissensch. Berl. 1863—1882.
Указатель сообщеній и статей I-X том. Зап. общ. Спб. естествоисп., по геологіи.
Тѣ же записки, томъ XI, XII и XIII.
Матеріалы для геологіи Россіи. 13 томовъ.
Обмѣнъ веществъ и превращеніе энерг. въ растен. А. Фаминцына. Спб. 1883.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое ноября, 1883.

Положеніе работъ въ коммиссіи М. С. Каханова.—Вопросъ объ устройствѣ волостного управленія. — Проектъ реформы промысловаго налога; общій его характеръ, хорошія и слабыя его стороны.—Дѣла о супружескихъ несогласіяхъ. —Еще нѣсколько словъ о сводѣ уголовно-статистическихъ свѣдѣній за 1878 годъ; пробѣлы свода и желательныя дополненія къ нему.

Въ первыхъ числахъ наступающаго мѣсяца исполнится два года со времени учрежденія коммиссіи для составленія проектовъ реформы мѣстнаго управленія и самоуправленія. Первый фазисъ трудовъ коммиссіи приближается къ концу; положенія и записки, выработанныя, по ея порученію, особою группою ея членовъ, должны поступить, въ скоромъ времени, на разсмотрѣніе полнаго собранія коммиссіи, усиленнаго „мѣстными свѣдущими людьми". Въ газетахъ появляется, съ нѣкоторыхъ поръ, цѣлый рядъ сообщеній о содержаніи изготовленныхъ проектовъ. Вполнѣ достовѣрнымъ ни одно изъ этихъ сообщеній, повидимому, названо быть не можетъ; противорѣчіе ихъ между собою заставляетъ относиться къ нимъ съ крайнею осторожностью. Отлагая, поэтому, разборъ проектовъ коммиссіи до другого времени, мы остановимся теперь только на одной, въ высшей степени важной сторонѣ задуманнаго преобразованія. Судя по всѣмъ даннымъ, проникшимъ въ печать, намѣреніе коммиссіи, насколько оно до сихъ поръ обрисовалось, клонится къ совершенному упраздненію волостного самоуправленія, къ обращенію волости въ единицу исключительно административную, управляемую сверху, хотя бы и лицомъ, избраннымъ отъ земства. Такое разрѣшеніе вопроса было бы, въ нашихъ глазахъ, настоящимъ общественнымъ бѣдствіемъ. Первое условіе нормальной, разумной реформы — это сохраненіе хорошаго, уже существующаго въ дѣйствительности, съ исправленіемъ лишь его недостатковъ, съ укрѣпленіемъ и усовершенствованіемъ его лучшихъ

сторонъ, съ устраненіемъ всего того, что мѣшаетъ правильному его развитію. Положенія 1861 г., создавъ у насъ волостное самоуправленіе, вступили на совершенно правильную дорогу; задача настоящаго и будущаго—въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ—заключается не въ томъ, чтобы ломать основы лучшаго памятника нашего законодательства, а въ томъ, чтобы очищать ихъ отъ мусора, накопленнаго неудачнымъ исполненіемъ, чтобы продолжать постройку по плану, завѣщанному первыми архитекторами. Уѣздъ у насъ слишкомъ великъ, сельское общество—слишкомъ невелико, чтобы можно было обойтись безъ посредствующей между ними, также самоуправляющейся единицы. Положить конецъ самостоятельной волости, значило бы уничтожить естественную точку опоры сельскаго общества, естественное дополненіе уѣзднаго земства. Ожиданій, на нее возлагавшихся, теперь существующая волость не оправдала,—но аргументомъ противъ самаго принципа волостного самоуправленія это служить не можетъ. Поступательное движеніе крестьянскихъ учрежденій, въ томъ духѣ, которымъ были одушевлены составители положеній и первые ихъ исполнители, продолжалось весьма недолго; сокращеніе мировыхъ участковъ нанесло ему первый ударъ, учрежденіе уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій было для него послѣднею погребальною пѣснею. Волостные старшины, низведенные на степень низшихъ полицейскихъ агентовъ, но вознагражденные за то возможностью сдѣлаться привилегированными эксплуататорами крестьянъ; волостные сходы, обреченные на безсловесность, на безпрекословную покорность приказамъ старшины и высшаго надъ нимъ начальства; крестьянскіе избирательные съѣзды, избирающіе гласныхъ по командѣ — все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало реальную волость чѣмъ-то вовсе непохожимъ на волость, какъ ее понимали редакціонныя коммиссіи 1859—60 г. Этой послѣдней волости недоставало только одного—участія всѣхъ сословій; но двадцать-три года тому назадъ для всесословной волости не наступило еще время, и авторы положеній были совершенно правы, придавъ волости, на первое время, чисто-крестьянскій характеръ. При правильномъ ходѣ дѣла, расширеніе круга волости совершилось бы уже давно, какъ только поколебалось господство крѣпостныхъ преданій и вошла въ привычку общая дѣятельность сословій въ уѣздномъ земскомъ собраніи. Включеніе въ волость новыхъ элементовъ, освобожденіе ея отъ постороннихъ, внѣшнихъ вліяній — вотъ все, что нужно для осуществленія мысли Положеній 19-го февраля. Самоуправленіе—слишкомъ драгоцѣнное право, чтобы можно было уничтожить его тамъ, гдѣ оно уже существуетъ.

Волость самоуправляющаяся есть прежде всего волость, избираю-

щая своихъ управителей. Въ этомъ избраніи—разъ, что организація выборовъ установлена на правильныхъ началахъ — лучшій залогъ плодотворной дѣятельности волостного управленія. Кому же лучше знать условія, средства, потребности волости, какъ не лицу, избранному ею изъ собственной среды своей? Волостель, присланный въ волость уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, можетъ быть ей совершенно чуждымъ или, что еще хуже—совершенно антипатичнымъ. При всемъ желаніи охранять интересы волости, уѣздное земство будетъ сплошь и рядомъ идти съ ними въ разрѣзъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ ними. Избраніе волостеля всего чаще будетъ зависѣть отъ гласныхъ, присланныхъ волостью въ уѣздное собраніе, или, лучше сказать, отъ того изъ нихъ, на сторонѣ котораго—перевѣсъ вліянія въ собраніи. Мы увидимъ повтореніе того явленія, которое происходитъ теперь при избраніи губернскимъ земскимъ собраніемъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; выбираетъ ихъ, de facto, почти всегда не губернское собраніе, вовсе не знающее предлагаемыхъ ему кандидатовъ, а большинство губернскихъ гласныхъ отъ того уѣзда, по которому производятся выборы. Неудобство, указанное нами, сдѣлается особенно серьезнымъ, если право быть волостелемъ будетъ предоставлено только лицамъ, окончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такихъ лицъ въ предѣлахъ волости весьма легко можетъ и не оказаться, или выборъ между ними можетъ быть сведенъ къ избранію меньшаго изъ нѣсколькихъ золъ. Пришлый волостель, ничѣмъ не связанный съ волостью, неизбѣжно обратится въ мелкаго полицейскаго чиновника, въ нѣчто среднее между урядникомъ и становымъ приставомъ. Даже при удачномъ, сравнительно, исходѣ выборовъ въ земскомъ собраніи, крестьянское населеніе будетъ чувствовать или считать себя отданнымъ во власть „господъ“ и сразу станетъ въ враждебное, хотя и пассивное, отношеніе къ новому порядку, абсолютно закрывающему для крестьянъ доступъ къ такой должности, которую они привыкли видѣть исключительно въ крестьянскихъ рукахъ. Возможность поставить во главѣ волостного управленія всякое излюбленное волостью лицо, лишь бы только оно было грамотнымъ—вотъ, по нашему глубокому убѣжденію, единственное средство примирить крестьянъ съ реформой, уже теперь внушающею имъ нѣкоторое недовѣріе; а для того, чтобы избраніе крестьянъ въ старшины преобразованной волости существовало не только на бумагѣ, нужно предоставить выборъ старшины самой волости, т.-е. волостному собранію, состоящему изъ представителей всѣхъ классовъ населенія! Уѣздное земство, даже облеченное правомъ избирать крестьянъ въ волостные старшины, будетъ пользоваться этимъ правомъ крайне рѣдко, потому что для

него слишкомъ трудно будетъ находить въ средѣ крестьянства людей, способныхъ и достойныхъ управлять волостью. Доказывать достаточность грамотности для волостного старшины мы теперь не станемъ, потому что говорили объ этомъ подробно, отстаивая всесословную волость противъ г. Кошелева [1]; напомнимъ только, что бываютъ же нигдѣ не учившіеся гласные отъ крестьянъ членами уѣздныхъ земскихъ управъ, и иногда весьма полезными.

Вторая характеристическая черта самоуправляющейся волости—это волостное собраніе, которое было бы по отношенію къ волости тѣмъ же самымъ, чѣмъ является уѣздное земское собраніе по отношенію къ уѣзду. Существованіе волостного собранія—не мыслимое, конечно, при обращеніи волости въ чисто-административную единицу—необходимо въ особенности по двумъ причинамъ. Только въ его средѣ и при его посредствѣ можетъ совершиться сліяніе сословій; только отъ него можно ожидать широкаго и правильнаго удовлетворенія спеціальныхъ потребностей волости. Если и допустить, что личные землевладѣльцы и вообще лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію, стáнутъ входить въ составъ сельскихъ обществъ, то пройдетъ еще много времени, пока они сдѣлаются тамъ людьми своими, пока дѣло общества станетъ ихъ собственнымъ дѣломъ. Освоиться съ волостью имъ будетъ гораздо легче вслѣдствіе бóльшей наглядности и осязательности общихъ волостныхъ интересовъ. Въ волостномъ собраніи интеллигентный человѣкъ скорѣе найдетъ себѣ мѣсто, скорѣе пріобрѣтетъ довѣріе, чѣмъ на сельскомъ сходѣ—и принесетъ гораздо больше пользы, потому что очутится въ сферѣ болѣе для него понятной и привычной. Если сельское общество по прежнему будетъ состоять, de jure или de facto, изъ однихъ крестьянъ, съ прибавкой развѣ лицъ, ничѣмъ не отличающихся отъ нихъ по развитію и образу жизни (мелкихъ торговцевъ и т. п.), то общая дѣятельность въ волостномъ собраніи останется единственнымъ средствомъ къ сближенію интеллигенціи съ народомъ. Недостаточность земскихъ собраній для достиженія этой цѣли доказана восемнадцатилѣтнимъ опытомъ; для того, чтобы крестьянинъ почувствовалъ себя дѣйствительно равноправнымъ съ „бариномъ" въ уѣздѣ или въ губерніи, нужно, чтобы онъ испыталъ эту равноправность на почвѣ болѣе близкой къ ежедневной его жизни—на почвѣ волости. Только отъ волостного собранія, правильно составленнаго, можно ожидать, далѣе, живой иниціативы въ устройствѣ собственныхъ дѣлъ волости — волостныхъ дорогъ, волостныхъ больничекъ, волостныхъ богаделенъ, волостныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и т. п. Уѣздное со-

[1] См. „Вѣстникъ Европы" 1881 г. № 7, Внутреннее Обозрѣніе.

браніе можетъ играть во всемъ этомъ роль помощника, вдохновителя, наблюдателя, контролера, но не можетъ ни предугадывать того, что̀ требуетъ ближайшаго знанія всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, ни удовлетворять спеціально-мѣстныя нужды средствами всего уѣзда. Въ волости административной заглохнетъ многое, что̀ начинало развиваться даже въ крестьянской волости; формализмъ предписаній заступитъ мѣсто свободныхъ рѣшеній, диктуемыхъ требованіями жизни. Общій нашъ выводъ таковъ: лучше даже современная, сословная волость, чѣмъ волость безсословная, обреченная на одно исполненіе административныхъ и земскихъ приказовъ; лучше сохраненіе status quo, чѣмъ реформа, угрожающая подчиненіемъ крестьянства извнѣ навязанной „властной рукѣ", а, слѣдовательно, и обостреніемъ безъ того еще сильнаго сословнаго антагонизма.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ министерство финансовъ напечатало для всеобщаго свѣдѣнія проектъ правилъ объ установленіи процентнаго сбора съ значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и о болѣе равномѣрномъ обложеніи торговли и промышленности. Реформа, задуманная министерствомъ, имѣетъ характеръ временной, переходной мѣры. „Устраненіе всѣхъ недостатковъ нынѣшняго промышленнаго обложенія", читаемъ мы въ объяснительной запискѣ, обнародованной вмѣстѣ съ проектомъ, „можетъ быть проведено лишь постепенно и съ соблюденіемъ необходимой осторожности; кромѣ того, ему должно предшествовать измѣненіе организаціи податного управленія. Но и при настоящемъ положеніи дѣла представляется вполнѣ возможнымъ достигнуть усиленія доходовъ казны отъ пошлинъ за право торговли и промысловъ, чрезъ дополнительное обложеніе предпріятій, платящихъ слишкомъ мало, и хотя нѣкоторое облегченіе тѣхъ, которыя платятъ слишкомъ много. Подобная мѣра вызывается не только требованіями справедливости, но и необходимостью возмѣщенія тѣхъ суммъ, которыхъ государственное казначейство будетъ лишено, вслѣдствіе осуществленія предпринятой правительствомъ отмѣны подушной подати". Въ этихъ словахъ отразились довольно ясно и сильныя, и слабыя стороны финансовой политики, принятой у насъ въ послѣднее время. Достоинство ея заключается въ томъ, что она стремится не только къ увеличенію доходовъ или равновѣсію ихъ съ расходами, но и къ болѣе справедливому распредѣленію податного бремени, о чемъ предшествующее двадцатилѣтіе заботилось лишь на словахъ, а не на самомъ дѣлѣ; ея недостатокъ—слишкомъ робкое и медленное проведеніе въ жизнь новаго принципа. Преобразованія предпринимаются лишь въ той

мѣрѣ, въ какой они необходимы для пополненія оскудѣвающихъ или иссякающихъ источниковъ государственнаго дохода; починки и передѣлки происходятъ лишь на поверхности, основанія же старой системы остаются неприкосновенными. Въ какомъ направленіи и духѣ она должна быть измѣнена—на это указываетъ цѣлый рядъ мѣръ, приведенныхъ въ исполненіе или проектированныхъ съ 1881 г. Дорога выбрана совершенно правильно, но темпъ движенія могъ бы быть значительно ускоренъ. Неравномѣрность платежей—черта, свойственная не одному торговому и промышленному міру; пора подумать о томъ, чтобы *никто* не платилъ ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало. Министерство финансовъ готовится сдѣлать первый шагъ къ установленію подоходнаго налога; но разъ что такой налогъ признанъ справедливымъ и практически осуществимымъ, ограничивать сферу дѣйствія его *нѣкоторыми* группами *одного* общественнаго класса, очевидно, нѣтъ никакихъ основаній. Мы готовы допустить, что существующіе въ настоящее время мѣстные органы финансовой администраціи не справились бы съ взиманіемъ подоходнаго налога, установленнаго въ видѣ общаго правила, а не исключенія; но реорганизація податного управленія не представляетъ особенно большихъ затрудненій и могла бы быть совершена даже отдѣльно отъ общей административной реформы. Безъ новыхъ учрежденій не обходится, притомъ, какъ мы увидимъ, и проектъ, къ разбору котораго мы теперь приступаемъ.

Недостатки положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, дѣйствующаго съ 1865 г., давно уже указаны нашей литературой; главный изъ нихъ — слишкомъ низкое обложеніе крупной, слишкомъ высокое — мелкой промышленности и торговли, или, другими словами, непропорціональность налога съ оборотомъ и доходомъ промышленника или торговца. Рѣзкіе примѣры проистекающихъ отсюда аномалій можно найти и въ объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту. Банкъ, производящій многомилліонные обороты, крупная акціонерная компанія, подрядчикъ на сравнительно небольшую сумму и далеко несильный оптовый торговецъ одинаково платятъ за свидѣтельство и билетъ по первой гильдіи 618 руб. 50 коп. Этотъ одинаковый окладъ составляетъ для лица, имѣющаго 6,180 руб. чистой прибыли, 10%; для имѣющаго 61,800 руб. прибыли — 1%; для банка, имѣющаго прибыли 1 милліонъ — всего лишь 0,06%. Не менѣе ощутительна несообразность и въ сферѣ болѣе мелкой торговли. Въ Самарѣ, напримѣръ, рядомъ торгуютъ и платятъ одинаковую пошлину—28 руб. 60 коп. — два мелочные торговца; у одного изъ нихъ оборотъ простирается на сумму 20 тысячъ, у другого на сумму 500 рублей. Первый платитъ, такимъ образомъ, 0,14% съ оборота, второй — 5,72%. Между торговцами второй гильдіи въ

томъ же городѣ процентное отношеніе пошлины къ обороту составляетъ отъ 2,38% до 0,06%, т.-е. одни платятъ, сравнительно, въ *сорокъ* разъ больше чѣмъ другіе. Въ Харьковѣ крайнія процентныя цифры (3,77 и 0,021%) еще дальше другъ отъ друга; самая низкая изъ нихъ во *сто восемьдесятъ* разъ меньше самой высокой. Необходимость измѣнить порядокъ, приводящій къ такимъ результатамъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; спорный вопросъ сводится къ тому, въ чемъ должна заключаться перемѣна. Во Франціи размѣръ промысловаго налога зависитъ, съ одной стороны, отъ свойства промысла, съ другой — отъ населенности мѣста, въ которомъ онъ производится; къ постоянному налогу прибавляется еще пропорціональный, обусловливаемый наемною стоимостью занимаемыхъ квартиръ и помѣщеній. Въ Пруссіи пропорціональнаго промысловаго налога, за немногими исключеніями, вовсе не существуетъ; въ Австріи постоянный промысловый налогъ соединенъ съ подоходнымъ. Система, проектируемая нашимъ министерствомъ финансовъ, ближе всего подходитъ къ австрійской, заимствуя, впрочемъ, преимущественно хорошія ея стороны. Неудобство постоянныхъ окладовъ, распредѣленныхъ по категоріямъ, доказано у насъ на практикѣ положеніемъ 1865 г.; если категорій мало, онѣ вовсе не достигаютъ своей цѣли, если ихъ очень много (какъ, напримѣръ, во Франціи), онѣ вносятъ въ финансовое управленіе крайнюю запутанность и сложность, все-таки не предупреждая явныхъ неправильностей обложенія. Пропорціональный налогъ, основанный на наемной стоимости помѣщеній, не можетъ быть равномѣрнымъ и справедливымъ, потому что размѣръ помѣщенія, въ которомъ производится промыселъ, далеко не всегда соотвѣтствуетъ размѣру оборота и дохода. Гораздо правильнѣе и проще опредѣлять сумму налога не тѣмъ или другимъ внѣшнимъ признакомъ, позволяющимъ *догадываться* о цифрѣ дохода, а прямо цифрою его, установленною съ большею или меньшею точностью. Проектъ, о которомъ мы говоримъ, вступаетъ именно на эту дорогу. Дополнительный сборъ, которымъ онъ облагаетъ наиболѣе крупныя торговыя и промышленныя предпріятія, назначается въ три процента съ приносимаго ими чистаго дохода. Крупными предпріятіями признаются тѣ, по отношенію къ которымъ существующія пошлины оказываются ниже этого процента [1]). Проектъ различаетъ предпріятія, доходъ которыхъ можетъ подлежать точному исчисленію, отъ предпріятій, доходъ которыхъ можетъ быть опредѣленъ лишь приблизи-

---

[1]) Взиманію, въ видѣ дополнительнаго сбора, подлежитъ только та сумма, которая составляетъ разницу между существующей пошлиною и тремя процентами съ чистаго дохода.

тельно. Къ первому разряду принадлежатъ всѣ общества, товарищества и учрежденія, обязанныя по закону (общему или спеціальному) публиковать или представлять правительству отчеты о своихъ дѣйствіяхъ; главнымъ основаніемъ обложенія служитъ здѣсь доходъ, показанный въ отчетѣ. Исходною точкой для опредѣленія доходовъ прочихъ плательщиковъ являются подаваемыя ими самими объявленія. Свѣдѣнія, заключающіяся въ этихъ объявленіяхъ, подлежатъ повѣркѣ со стороны финансоваго управленія, но безъ права требовать представленія торговыхъ книгъ. Цифра дополнительнаго сбора, упадающаго на каждаго плательщика, опредѣляется, на основаніи вышеупомянутыхъ данныхъ, окладнымъ присутствіемъ, учреждаемымъ при казенной палатѣ, а въ случаѣ надобности и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ. Въ составъ присутствія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ управляющаго казенной палатой, входятъ, съ одной стороны, начальники отдѣленій палаты, съ другой — два члена по выбору губернскаго земскаго собранія и два члена по выбору городской думы губернскаго города. Для разсмотрѣнія жалобъ плательщиковъ и протестовъ управляющаго палатой образуется особое присутствіе при министерствѣ финансовъ, также состоящее отчасти изъ должностныхъ лицъ, отчасти изъ представителей земства, городовъ и купечества.

Первая характеристическая черта проекта, содержаніе котораго мы вкратцѣ изложили, заключается въ томъ, что существующій порядокъ измѣняется для однихъ лишь крупныхъ предпріятій. Изъ двухъ недостатковъ дѣйствующаго закона устраняется, такимъ образомъ, одинъ — слишкомъ низкое обложеніе высокихъ доходовъ; но остается въ силѣ другой—слишкомъ высокое обложеніе небольшихъ доходовъ. Примѣры, приведенные нами выше, даютъ понятіе о томъ, какъ тяжелы для многихъ взимаемыя теперь пошлины за право торговли; къ уменьшенію этого бремени проектъ никакихъ общихъ мѣръ не принимаетъ [1]). Принципъ пропорціональности между налогомъ и доходомъ осуществляется только отчасти—только отчасти, слѣдовательно, исправляется несправедливость обложенія, констатированная самими составителями проекта. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что остановило реформу на полъ-дорогѣ съ одной стороны желаніе облегчить трудъ, упадающій на долю финансоваго управленія, съ другой—опасеніе понизить сумму промысловаго налога или, по крайней мѣрѣ, не повысить ее настолько, насколько этого требуетъ уменьшеніе другихъ источниковъ государственнаго дохода.

---

[1]) О частныхъ поправкахъ, направленныхъ къ облегченію мелкой промышленности, мы скажемъ ниже.

Намъ кажется, что для послѣдняго опасенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Существующія пошлины первой гильдіи соотвѣтствуютъ тремъ процентамъ съ чистаго дохода въ двадцать тысячъ; *высшія* пошлины второй гильдіи — тремъ процентамъ съ чистаго дохода въ четыре тысячи рублей, — а много ли найдется, въ каждой гильдіи купцовъ, чистый доходъ которыхъ не доходитъ до этихъ цифръ? Дѣйствіе правилъ о дополнительномъ сборѣ, при сколько-нибудь удовлетворительномъ примѣненіи ихъ, непремѣнно должно распространиться на такую значительную часть торгующихъ, что пониженіе пошлины съ остальной части едва ли помѣшало бы достиженію финансовой цѣли закона. Вполнѣ возможнымъ, притомъ, было бы повышеніе самаго процента налога, установляемаго проектомъ въ размѣрѣ болѣе чѣмъ умѣренномъ. Что касается до труда, предстоящаго финансовому управленію, то ошибочно было бы измѣрять его тягость исключительно числомъ лицъ, добровольно признающихъ себя плательщиками дополнительнаго сбора. Легко предвидѣть, что многіе торговцы, чистый доходъ которыхъ превышаетъ норму, опредѣленную проектомъ, воздержатся отъ заявленія о томъ и станутъ ожидать привлеченія ихъ самимъ начальствомъ къ платежу новаго налога. Отсюда необходимость цѣлой массы изслѣдованій, простирающихся далеко за предѣлы поданныхъ заявленій—необходимость, постоянно возобновляющаяся, потому что торговецъ, сегодня не подлежащій взиманію дополнительнаго сбора, завтра можетъ подойти подъ его дѣйствіе. На эту сторону вопроса составители проекта не обратили, повидимому, достаточнаго вниманія; въ объяснительной запискѣ нѣтъ указаній на то, какимъ образомъ будетъ установлена на первый разъ и исправляема впослѣдствіи граница между плательщиками и неплательщиками дополнительнаго сбора. На практикѣ установленіе ея мѣрами администраціи окажется неизбѣжнымъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно разростется и усложнится задача органовъ финансоваго управленія. Въ концѣ-концовъ положеніе ихъ немногимъ, можетъ быть, будетъ отличаться отъ того, въ которое они были поставлены безусловнымъ обращеніемъ промысловаго налога изъ неподвижнаго, заранѣе опредѣленнаго въ подоходный. Однимъ казеннымъ палатамъ, даже съ присоединеніемъ окладныхъ присутствій, взиманіе дополнительнаго сбора во всякомъ случаѣ будетъ не по силамъ; онѣ стоятъ слишкомъ далеко отъ большинства плательщиковъ, а путемъ переписки съ „правительственными и общественными учрежденіями“ имъ, конечно, не удастся восполнить пробѣлы собственныхъ свѣдѣній. Изъ числа выборныхъ членовъ окладного присутствія, земскіе представители принесутъ съ собою, большею частью, весьма поверхностное знакомство съ мѣстной промышленностью и торговлей, а представители

городовъ и тѣмъ болѣе купечества [1]) чаще явятся адвокатами плательщиковъ, чѣмъ оберегателями казеннаго интереса. Введеніе выборнаго элемента въ составъ окладного присутствія безспорно необходимо, какъ гарантія всесторонняго обсужденія каждаго отдѣльнаго вопроса—но увеличить этимъ путемъ богатство и достовѣрность фактическаго матеріала, которымъ располагаетъ присутствіе, едва ли возможно. *Мѣстный* агентъ министерства финансовъ, *мѣстное* окладное присутствіе (смѣшаннаго состава), общее собраніе плательщиковъ данной мѣстности или ихъ представителей—вотъ условія, безъ которыхъ трудно достигнуть правильной организаціи промысловаго подоходнаго налога. Однажды созданныя мѣстныя податныя учрежденія могли бы быть призваны и ко взиманію подоходнаго налога со всѣхъ сословій или классовъ общества.

Практика тѣхъ государствъ, въ которыхъ существуетъ подоходный налогъ, доказываетъ неизбѣжность утаекъ дохода, особенно частыхъ и безцеремонныхъ именно въ области промышленности и торговли. Въ Англіи, напримѣръ, общее количество утаекъ въ показаніяхъ о промысловыхъ капиталахъ простирается, по предположенію экспертовъ, до шестидесяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Повторенія того же явленія, можетъ быть, въ еще болѣе широкихъ, относительно, размѣрахъ, несомнѣнно слѣдуетъ ожидать и у насъ. Наше торгующее сословіе, менѣе чѣмъ всякое другое привыкло къ свѣту, къ гласности, къ правдѣ; заявленія, недалекія отъ истины, будутъ у насъ скорѣе рѣдкимъ исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Между тѣмъ, проектъ заранѣе обезоруживаетъ финансовое управленіе, лишая его права требовать для просмотра торговыя книги; этого мало—онъ даже не предоставляетъ окладному присутствію требовать отъ плательщика точныхъ и подробныхъ данныхъ о положеніи торговаго или промышленнаго дѣла. Не значитъ ли это закрывать единственный путь, прямо и вѣрно ведущій къ цѣли? Безъ надобности нарушать такъ-называемую коммерческую тайну, конечно, не слѣдуетъ—но точно такъ же не слѣдуетъ и преклоняться передъ нею безусловно. Сознаніе, что въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ быть обязанъ къ предъявленію торговыхъ книгъ, сплошь и рядомъ служило бы для плательщика побужденіемъ къ правдивому опредѣленію цифры дохода. Во избѣжаніе опрометчивости или злоупотребленій, требованіе торговыхъ книгъ могло бы быть обставлено извѣстными формальностями, напр., постановленіемъ окладного присутствія, состоявшимся по большинству двухъ третей или трехъ

---

[1]) Тамъ, гдѣ есть биржевые комитеты, въ составъ присутствія могутъ быть введены, на основаніи проекта, два лица по выбору биржевого купечества.

четвертей голосовъ; самый просмотръ книгъ могъ бы быть возлагаемъ на одного только члена присутствія, не принадлежащаго къ торговому сословію; разглашеніе свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ книгъ, могло бы быть запрещено подъ страхомъ наказанія, какъ это и сдѣлано проектомъ для того случая, когда книги представляются въ присутствіе самимъ плательщикомъ, въ видахъ опроверженія назначенной присутствіемъ цифры дополнительнаго сбора. Установляя, въ главныхъ чертахъ, способъ опредѣленія присутствіемъ чистаго дохода, проектъ признаетъ подлежащими исключенію (между прочимъ) изъ валового дохода: 1) убытки, понесенные по предпріятію, насколько они доказаны, и 2) проценты на капиталъ, занятый для предпріятія, если существованіе долга и платежъ процентовъ доказаны документально. Доказать и то, и другое безъ помощи торговыхъ книгъ крайне трудно, иногда даже невозможно. Какъ различить безъ нихъ, напримѣръ, заемъ сдѣланный для предпріятія, отъ займа, сдѣланнаго для личныхъ, домашнихъ надобностей промышленника? Какъ убѣдиться въ томъ, что заемъ, дѣйствительно состоялся, а не существуетъ только на бумагѣ, для уменьшенія цифры налога? „Документальныя доказательства“, т.-е. подлинные долговые документы и росписки заимодавца въ полученіи процентовъ, очевидно, не достаточны для этого убѣжденія, потому что не содержать въ себѣ указанія на происхожденіе займа, на употребленіе занятыхъ денегъ, и не исключаютъ предположенія о безденежности обязательства.

Слишкомъ ограниченный кругъ дѣйствій, излишняя осторожность, недостаточно смѣлый разрывъ съ преданіями, нѣкоторая несоразмѣрность между задачей и способами ея исполненія—таковы слабыя стороны разсматриваемаго нами проекта. Одно крупное достоинство его—приближеніе къ новой, раціональной податной системѣ—мы уже указали. Менѣе существенны, но все-таки цѣнны облегченія, предоставляемыя имъ мелкой промышленности. Мѣщанъ и цеховыхъ, занимающихся ремеслами безъ наемныхъ рабочихъ, предполагается освободить совершенно отъ платимаго ими теперь сбора (по 2 руб. 75 коп., безъ различія мѣстностей). По справедливому замѣчанію объяснительной записки, этотъ платежъ даже по историческому происхожденію своему не можетъ считаться промысловымъ налогомъ, такъ какъ онъ былъ установленъ въ замѣнъ прежней подушной подати съ мѣщанъ и цеховыхъ; по существу своему, онъ также весьма близко подходитъ къ подушной подати, какъ налогъ на трудъ бѣднѣйшаго класса населенія, и притомъ налогъ весьма часто непосильный. Отказываясь отъ пошлины за свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы, министерство финансовъ остается вѣрнымъ тому началу, въ силу котораго предпринята отмѣна подушной подати. Большой потери для

казны уничтожніе вышеупомянутой пошлины не составитъ; въ 1881 г. поступленіе ея не превышало 150,000 рублей. Другое облегченіе касается мелкихъ ремесленниковъ, работающихъ съ небольшимъ числомъ наемныхъ рукъ. Размѣръ платимаго ими сбора зависитъ, съ одной стороны, отъ мѣстности, въ которой они живутъ, съ другой стороны—отъ числа наемныхъ рабочихъ. Низшую цифру сбора (отъ 4 руб. 40 коп. до 11 руб., смотря по мѣстности) платятъ теперь ремесленники, у которыхъ отъ одного до четырехъ рабочихъ. Проектъ раздѣляетъ эту категорію ремесленниковъ на двѣ части, относя къ одной тѣхъ, у которыхъ трое или четверо, къ другой—тѣхъ, у которыхъ одинъ или двое рабочихъ. Для первыхъ сборъ остается почти прежній (отъ 4 руб. 50 коп. до 10 руб.), для вторыхъ—значительно понижается, составляя отъ 2 руб. 25 коп. до 5 руб. Весьма важнымъ послѣдствіемъ реформы промысловаго налога будетъ, наконецъ, увеличеніе средствъ, которыми располагаетъ земское и городское самоуправленіе. Извѣстно, какой преградой на пути развитія земскихъ учрежденій послужилъ законъ 21-го ноября 1866 г., ограничившій тѣсными предѣлами земское обложеніе промышленности и торговли и остававшійся неприкосновеннымъ въ продолженіе семнадцати лѣтъ, несмотря на всѣ протесты и ходатайства земскихъ собраній. Предоставляя земству и городамъ взимать 15% съ дополнительнаго промысловаго сбора, проектъ открываетъ для нихъ новый, прочный и удобный источникъ дохода. Земство, въ случаѣ осуществленія реформы, получитъ возможность расширить кругъ своей дѣятельности, безъ новаго обремененія поземельной, въ особенности крестьянской собственности, во многихъ мѣстахъ уже теперь несущей непосильную для нея тягость.

Почти незамѣченнымъ нашею печатью осталось состоявшееся недавно увеличеніе штата коммиссіи прошеній, къ дѣлопроизводствамъ которой прибавлено еще одно, для разбора семейныхъ несогласій. Дѣла этого рода сосредоточивались прежде въ третьемъ отдѣленіи собственной канцеляріи; упраздненіе его вызвало необходимость пріурочить ихъ къ какому-нибудь другому учрежденію. Нельзя не пожалѣть, что къ чисто-формальному вопросу о подсудности не былъ присоединенъ другой, болѣе сложный, но давно уже поставленный на очередь требованіями жизни — вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли создать нормальный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, до сихъ поръ игнорируемыхъ нашимъ законодательствомъ и находившихъ для себя дорогу—и то не всегда—точно контрабандой, внѣ всякихъ опредѣленныхъ правилъ. Супружескимъ несогласіямъ у насъ вовсе не по-

лагалось существовать, или, по крайней мѣрѣ, не полагалось пробиваться наружу; въ области супружеской жизни все признавалось, a priori, обстоящимъ благополучно. Когда факты уже черезчуръ противорѣчили фикціи, и противорѣчили ей, притомъ, въ сферахъ не совершенно безгласныхъ, правительственная власть выступала на сцену—но, что весьма характеристично, выступала въ лицѣ тѣхъ своихъ агентовъ, съ дѣятельностью которыхъ по преимуществу были соединены понятія о тайнѣ и о произволѣ. Настала, повидимому, пора отнестись къ дѣлу болѣе прямо и открыто и незамалчивать зла, несомнѣнно достигающаго широкихъ размѣровъ, проникающаго во всѣ слои общества и народа. Отнесеніе дѣлъ о супружескихъ несогласіяхъ къ вѣдомству коммиссіи прошеній не устраняетъ двухъ существенно-важныхъ неудобствъ — недоступности разбора для громаднаго большинства лицъ, нуждающихся въ немъ, и отсутствія твердыхъ, всегда и для всѣхъ одинаковыхъ началъ, лежащихъ въ основаніи разбора. Можно ли было бы считать потребность въ правосудіи удовлетворенной вполнѣ, еслибы для какой-нибудь категоріи судебныхъ дѣлъ было установлено только одно судебное мѣсто на всю Россію, въ Москвѣ или Петербургѣ? Не значило ли бы это обратить судебное разбирательство по дѣламъ извѣстнаго рода въ привилегію незначительнаго меньшинства, не стѣсняющагося, въ стремленіи къ цѣли, ни разстояніями, ни средствами? Неужели споры между супругами менѣе настоятельно требуютъ разрѣшенія, чѣмъ тяжбы и иски, по которымъ судъ придвинутъ по возможности близко къ тяжущимся? Безусловный отказъ въ разборѣ былъ бы болѣе логиченъ, чѣмъ устройство его на такихъ основаніяхъ, при которыхъ имъ могутъ пользоваться одни и не могутъ пользоваться другіе. Многимъ ли супругамъ извѣстна, притомъ, самая возможность обратиться въ коммиссію прошеній, многимъ ли изъ среды низшихъ сословій, вдали отъ столицы, извѣстно самое существованіе этого учрежденія? Пойдемъ далѣе. Многолѣтняя практика третьяго отдѣленія и жандармскихъ штабъ-офицеровъ не установила, да и не могла, по самому своему свойству, установить руководящихъ началъ для рѣшенія дѣлъ о супружескихъ несогласіяхъ; не удастся, по всей вѣроятности, установить ихъ и коммиссіи прошеній, уже потому, что дѣятельность ея также не будетъ регулирована положительнымъ закономъ. Придумать цѣлый рядъ правилъ, заранѣе предрѣшающихъ всѣ случаи и виды супружескихъ несогласій, безъ сомнѣнія, невозможно; но это еще не значитъ, чтобы нельзя было намѣтить нѣсколько основныхъ положеній, опредѣляющихъ, напримѣръ, условія выдачи женѣ отдѣльнаго вида на жительство, имущественныя отношенія между разлученными супругами,

права и обязанности ихъ по отношенію къ дѣтямъ и т. п. Правильное, всестороннее развитіе этихъ положеній было бы вполнѣ мыслимо, если бы примѣненіе ихъ было предоставлено власти судебной или дѣйствующей по образцу суда и въ его духѣ. Коллегіальное рѣшеніе дѣла, по выслушаніи свидѣтелей и сторонъ и съ правомъ жалобы въ высшую инстанцію, оказалось бы и здѣсь такою же драгоцѣнной гарантіей, какою оно служитъ въ уголовномъ и гражданскомъ судопроизводствѣ. Другими словами, приближеніе законодательства къ жизни, рѣшающей власти—къ лицамъ, нуждающимся въ ея посредствѣ, способа рѣшенія — къ общимъ нормамъ правосудія: вотъ сущность реформы, необходимость которой не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію. Для отсрочки ея до изданія новаго гражданскаго уложенія едва ли есть основаніе; слишкомъ много встрѣчается на каждомъ шагу тяжелыхъ положеній, невыносимыхъ страданій, слишкомъ много совершается невознаградимаго и непоправимаго зла, противъ котораго дѣйствующій теперь порядокъ не представляетъ ни оружія, ни охраны. Вопросъ, поставленный нами, состоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ узаконеніями о разводѣ,—но эта связь не столь неразрывна, чтобы разрѣшеніе перваго не было возможно безъ пересмотра послѣднихъ. Нашимъ писаннымъ законамъ чуждо понятіе о séparation de corps et de biens, но на самомъ дѣлѣ разлученіе супруговъ, какъ суррогатъ развода, практикуется у насъ уже давно; рѣчь идетъ не о томъ, чтобы создать новый юридическій институтъ, а о томъ, чтобы узаконить и оформить существующій обычай. Въ крайнемъ случаѣ, наконецъ, была бы возможна и такая комбинація: не касаясь, пока, самаго текста гражданскихъ законовъ, окружнымъ судамъ или хоть повсемѣстно учрежденнымъ смѣшаннымъ судебно-административнымъ коммиссіямъ можно было бы дать право разбирать, *по совѣсти*, дѣла о несогласіяхъ между супругами. Слушаніе этихъ дѣлъ могло бы происходить при закрытыхъ дверяхъ; въ случаѣ удовлетворенія просьбы о разлученіи, судъ могъ бы постановлять опредѣленіе какъ о матеріальномъ обезпеченіи жены и дѣтей, такъ и о томъ, на чьемъ попеченіи должны оставаться дѣти. При всѣхъ несовершенствахъ такого порядка, онъ уменьшилъ бы, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемой нами сферѣ черезчуръ явное теперь неравенство между богатыми и бѣдными, высоко и невысоко поставленными, близкими и неблизкими къ столицѣ.

До какой степени необходимъ легальный, для всякаго доступный выходъ изъ положенія, слишкомъ часто создаваемаго неразрывностью супружеской связи—на это можно найти вѣскія указанія въ данныхъ уголовной статистики. Говоря, три года тому назадъ, о сводѣ стати-

стическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ за 1877 г., мы имѣли уже случай констатировать слѣдующіе факты: 1) убійство однимъ изъ супруговъ другого встрѣчается сравнительно часто — гораздо чаще, чѣмъ убійство родственниковъ; 2) случаевъ убійства мужа женою больше, чѣмъ случаевъ убійства жены мужемъ, хотя женщинъ-убійцъ вообще несравненно меньше, чѣмъ мужчинъ; 3) наоборотъ, случаевъ нанесенія мужемъ женѣ тѣлеснаго поврежденія гораздо больше, чѣмъ случаевъ нанесенія поврежденій женою мужу. Всѣ эти выводы подтверждаются вполнѣ и сводомъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ за 1878-ой годъ. За убійства (предумышленное и умышленное) однимъ супругомъ другого осуждено въ этомъ году 82 лица, за убійство родственниковъ и свойственниковъ (не считая дѣтоубійства) — только 51; по отношенію къ общему числу осужденныхъ за убійство, убійцы супруга составляютъ болѣе 12%. За убійство жены мужъ подвергся осужденію въ 37 случаяхъ, жена за убійство мужа — въ 45; другими словами, между убійцами этой категоріи женщины составляютъ почти 55%, между тѣмъ какъ между убійцами вообще онѣ составляютъ только 16½%. Тѣлесныя поврежденія, нанесенныя мужемъ женѣ, были предметомъ обвинительнаго приговора въ 26 случаяхъ, женою мужу—только въ пяти; случаевъ осужденія за жестокое обращеніе съ женою было 13, за жестокое обращеніе съ мужемъ—одинъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ семи случаяхъ мужья осуждены за неумышленное убійство жены (т.-е. за убійство въ дракѣ, безъ прямого на то намѣренія, или по неосторожности), въ трехъ случаяхъ—за доведеніе жены до самоубійства, —а женъ, осужденныхъ за то или другое преступленіе, нѣтъ вовсе. Всѣ эти цифры какъ нельзя болѣе краснорѣчивы; онѣ даютъ понятіе о томъ, до чего доводитъ приниженность жены, деспотизмъ мужа, въ связи съ недоступностью или крайнею затруднительностью законной защиты, законнаго расторженія узъ, невыносимыхъ для одной стороны или для обѣихъ. Положимъ, что въ дѣлахъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, наносимыхъ однимъ супругомъ другому, большую роль играетъ общая грубость нашихъ нравовъ,—но высокій процентъ женщинъ, рѣшающихся на убійство мужа, едва ли можетъ быть объясненъ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ ненормальности нашего брачнаго законодательства. Замѣтимъ еще, что за убійство родителей осуждено, въ 1878 г., 17 мужчинъ—и *ни одной* женщины, за убійство другихъ родственниковъ и свойственниковъ осуждено 22 мужчинъ—и только восемь женщинъ. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, наклонность къ преступленію, вообще несвойственному женской натурѣ, проявляется такъ широко въ одной лишь сферѣ супружескихъ отношеній.

Остановимся, кстати, на нѣкоторыхъ другихъ данныхъ уголовной статистики, которыхъ мы не успѣли коснуться въ предъидущемъ обозрѣніи. Свѣдѣнія о возрастѣ осужденныхъ за 1878 г. поражаютъ какъ и прежде, правильностью роста и пониженія преступности. До 17 лѣтъ число осужденныхъ сравнительно меньше, чѣмъ процентное отношеніе лицъ того же возраста къ общей массѣ населенія; начиная съ 18 лѣтъ, первая изъ этихъ цифръ превышаетъ послѣднюю, достигаетъ своего максимума въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ, затѣмъ постоянно понижается, и послѣ 50 лѣтъ опять уступаетъ цифрѣ, выражающей отношеніе лицъ даннаго возраста ко всему населенію. Буквально ту же схему представляли свѣдѣнія о возрастѣ осужденныхъ за 1877 г. Чрезвычайно близки между собою и самыя процентныя цифры, опредѣляющія степень преступности для извѣстнаго возрастнаго періода; такъ, напримѣръ, въ 1877 г. изъ ста осужденныхъ въ возрастѣ девятнадцати лѣтъ было 3,56%, въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ—17,29%, отъ 40 до 45 лѣтъ—9,06%, отъ 50 до 55 лѣтъ—4,72%, отъ 70 до 75 лѣтъ—0,31%,—а въ 1878 г. тѣмъ же возрастамъ соотвѣтствуютъ слѣдующія цифры: 3,30%, 18,50%, 9,15%, 4,57% и 0,31%. Высшая разница составляетъ, такимъ образомъ, едва 1¼%. Подтверждается цифрами 1878 г. и тотъ фактъ, что у женщинъ преступность, разсматриваемая въ связи съ возрастомъ, растетъ и понижается медленнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Между преступленіями, совершаемыми до достиженія совершеннолѣтія, особенно видное мѣсто занимаетъ кража; изъ ста осужденныхъ совершеннолѣтнихъ на долю этого преступленія приходится 48,26%, изъ ста осужденныхъ несовершеннолѣтнихъ—64,86%. Въ возрастѣ до 14 лѣтъ особенно много совершается поджоговъ (11,20%, между тѣмъ какъ для совершеннолѣтнихъ эта цифра упадаетъ до 1,48%), въ возрастѣ отъ 17 до 20 лѣтъ — особенно много преступленій противъ жизни (8,24%,—у совершеннолѣтнихъ 5,47%). Изъ 22 женщинъ, осужденныхъ въ 1878 г. за дѣтоубійство, шесть не достигло совершеннолѣтія, семи было отъ 21 года до 25 лѣтъ.

Высокій, сравнительно, процентъ людей образованныхъ и грамотныхъ между осужденными—явленіе, повторяющееся изъ года въ годъ и все еще ожидающее объясненія (въ 1877 г. грамотныхъ и осужденныхъ было 27,09%, образованныхъ—2,6%, въ 1878 г.—26,11% и 1,96%; изъ этой послѣдней цифры на долю высшаго образованія приходится 0,19, средняго — 0,69, низшаго — 1,08%). Для точной оцѣнки этого явленія необходимо было бы, прежде всего, сравнить процентное отношеніе грамотныхъ и образованныхъ къ общему числу осужденныхъ съ процентнымъ отношеніемъ ихъ къ массѣ населенія. Къ сожалѣнію, данныхъ для такого сравненія наша общая стати-

стика до сихъ поръ не представляетъ; несомнѣнно только одно,—что первое отношеніе выше второго. Само собою разумѣется, что аргументомъ противъ распространенія образованія и грамотности этотъ фактъ служить не можетъ. Есть преступленія, которыя по самому своему свойству могутъ быть совершаемы почти исключительно людьми образованными или, по крайней мѣрѣ, грамотными; таковы, напримѣръ, преступленія служебныя, составляющія почти четвертую часть (21,70%) всѣхъ преступленій, совершенныхъ образованными людьми. Увеличеніе числа образаванныхъ людей можетъ способствовать скорѣе уменьшенію, чѣмъ увеличенію числа служебныхъ преступленій, облегчая выборъ между кандидатами на должность и повышая нравственный уровень общества. Грамотность,—такъ думаютъ многіе,—располагаетъ къ совершенію мошенничествъ и подлоговъ; но изъ ста осужденныхъ грамотныхъ въ подлогѣ обвинялись только 2,87%, въ мошенничествѣ—3,80% (изъ ста неграмотныхъ 0,70 и 1,64%). Пока грамотный человѣкъ составляетъ рѣдкое исключеніе, невѣжество окружающей его массы можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, натолкнуть его на преступленіе, представляющее собою именно эксплуатацію невѣжества; но по мѣрѣ распространенія грамотности обманъ, основанный на умѣньѣ пользоваться ею, долженъ становиться все труднѣе и труднѣе, а, слѣдовательно, и рѣже, Мы переживаемъ теперь, съ этой точки зрѣнія, переходное время; отношеніе грамотнаго населенія къ неграмотному слишкомъ еще ненормально, чтобы степень преступности того и другого могла служить основаніемъ для какихъ-либо рѣшительныхъ, безповоротныхъ заключеній. Нельзя не замѣтить, однако, что грамотность, а тѣмъ болѣе образованіе уменьшаетъ даже теперь наклонность къ преступленіямъ, наиболѣе важнымъ и опаснымъ. Изъ ста осужденныхъ, получившихъ образованіе, въ разбоѣ и грабежѣ обвинялись 2,23%, въ поджогѣ—0,81%, въ кражѣ—24[1/4]%, въ нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій—1,62%, въ предумышленномъ и умышленномъ убійствѣ—1,42%; для грамотныхъ соотвѣтствующія цифры—6,01%, 1,33%, 44,09%, 3,66% и 2,12%, для неграмотныхъ—6,43%, 1,67%, 54,01%, 6,14% и 2,75%. Въ виду этихъ цифръ можно примириться съ тѣмъ фактомъ, что образованіе и грамотность увеличиваютъ наклонность къ преступленіямъ противъ порядка управленія (18,26%, 11,19% и 6,98%), къ нарушеніямъ безопасности (3,04%, 1,92% и 0,88%; сюда относятся между прочимъ, нарушенія правилъ о паспортахъ, нарушенія общественнаго спокойствія, проступки печати), къ нарушеніямъ благоустройства, т.-е. уставовъ строительнаго, пожарнаго, желѣзно-дорожнаго и т. п. (2,84%, 1,43% и 0,34%); нечего огорчаться и тѣмъ, что грамотность, сравнительно съ неграмотностью,

увеличиваетъ наклонность къ религіознымъ преступленіямъ (0,79% и 0,32%) и къ нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій (3,13% и 1,80%).

Разсматриваемая, по временамъ года, преступность возрастаетъ осенью и зимою, уменьшается весной и въ особенности лѣтомъ; это всего болѣе замѣтно въ преступленіяхъ противъ собственности, достигающихъ максимума въ февралѣ, т.-е. именно тогда, когда продолжительное страданіе отъ зимнихъ невзгодъ всего сильнѣе уменьшаетъ способность противодѣйствія соблазну. Главнымъ исключеніемъ изъ общаго правила являются преступленія противъ личности, всего чаще совершаемыя лѣтомъ, всего рѣже—зимою. Городская жизнь, какъ и слѣдовало ожидать, усиливаетъ преступность, деревенская—уменьшаетъ ее; городское населеніе тѣхъ губерній, къ которымъ относятся данныя свода, составляетъ 11,19% общей цифры жителей, а изъ числа осужденныхъ на долю городовъ приходится 27,67%. Свѣдѣнія о числѣ рецидивистовъ (т.-е. повторившихъ преступленіе) по прежнему неутѣшительны; въ 1878 г. рецидивисты составляли 20,14% всего числа осужденныхъ (въ 1877 г.—19,32%). Неутѣшительны также свѣдѣнія о числѣ содержавшихся подъ стражей во время слѣдствія и суда и о продолжительности содержанія. Какъ и въ 1877 г., предварительному аресту подвергнута была почти половина осужденныхъ, для двухъ-пятыхъ изъ числа арестованныхъ содержаніе подъ стражей продолжалось отъ 6-ти мѣсяцевъ до одного года, для одной восьмой—отъ одного года до двухъ лѣтъ. Какъ и въ 1877 г., наибольшій процентъ содержавшихся подъ стражей упадалъ на московскій судебный округъ (55,10%); въ саратовскомъ округѣ ихъ по прежнему было около 40%, но самая умѣренная цифра (36,27%) выпала на этотъ разъ на долю харьковскаго округа. Нужно надѣяться, что громадная разница въ степени строгости судебныхъ слѣдователей и лицъ прокурорскаго надзора обратила или обратитъ на себя вниманіе министерства юстиціи.

Укажемъ, въ заключеніе, на нѣкоторые пробѣлы и слабыя стороны системы, лежащей въ основаніи нашихъ уголовно-статистическихъ сводовъ. Цифры сознавшихся на судѣ приводятся лишь по отношенію къ подсудимымъ осужденнымъ; между тѣмъ весьма важно было бы знать, много ли было сознавшихся въ числѣ оправданныхъ. Выясненіе этого обстоятельства бросило бы яркій свѣтъ на дѣятельность суда присяжныхъ, сравнительно съ судомъ коренныхъ, и оказалось бы существенно полезнымъ для составителей новаго уголовнаго уложенія. Чѣмъ чаще, въ извѣстной категоріи преступленій, встрѣчается оправданіе сознавшихся подсудимыхъ, тѣмъ больше основаній предполагать, что дѣйствующій законъ относится къ этимъ

преступленіямъ слишкомъ строго или даже напрасно включаетъ ихъ въ число дѣяній, запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія. Число осужденныхъ, которымъ наказаніе уменьшено, опредѣляется теперь одной общей цифрой по каждому разряду преступленій, съ отдѣленіемъ только мужчинъ отъ женщинъ и съ указаніемъ степени смягченія; а желательно было бы означать на будущее время число случаевъ, въ которыхъ снисхожденіе дано подсудимому судомъ присяжныхъ, число случаевъ, въ которыхъ наказаніе смягчено по собственному усмотрѣнію суда, не смотря на отказъ присяжныхъ въ снисхожденіи, и, наконецъ, число случаевъ, въ которыхъ наказаніе уменьшено судомъ, дѣйствующимъ безъ участія присяжныхъ. Свѣдѣнія эти необходимы для полноты сравненія обѣихъ формъ суда, существующимъ у насъ въ настоящее время—т.-е. суда правительственнаго и суда народнаго. Весьма интересно было бы знать число случаевъ, въ которыхъ коронныимъ судомъ уничтоженъ былъ приговоръ присяжныхъ, т.-е. признано, что присяжными осужденъ невинный. Таблицы, помѣщаемыя во второй части предисловія къ своду, составляются, большею частью, слѣдующимъ образомъ: осужденные раздѣляются на категоріи (по возрасту, народности, религіи, мѣсту или времени совершенія преступленія и т. п.) и затѣмъ означается, какой процентъ изъ каждой категоріи упадаетъ на каждый разрядъ преступленій. Для удобства и разнообразія выводовъ не мѣшало бы, кажется, присоединять къ этимъ таблицамъ другія, въ которыхъ основаніемъ для процентныхъ цифръ принималось бы не число осужденныхъ данной категоріи, а число осужденныхъ по каждому разряду преступленій. Поясним нашу мысль примѣромъ. Изъ таблицы, распредѣляющей осужденныхъ на сознавшихся и несознавшихся, мы узнаемъ, что на сто осужденныхъ созналось столько-то судившихся за религіозныя преступленія, столько-то судившихся за служебныя преступленія и т. д., узнаемъ, то же самое и по отношенію къ осужденнымъ несознавшимся; но мы не видимъ, какая цифра сознавшихся и несознавшихся приходится на каждую сотню осужденныхъ за преступленія того или другого разряда. Чтобы опредѣлить эту цифру, нужно обратиться къ XIX-й таблицѣ въ текстѣ свода и сдѣлать нѣсколько вычисленій, иногда довольно сложныхъ; между тѣмъ, задача предисловія къ своду заключается именно въ томъ, чтобы облегчить трудъ пользующихся сводомъ и дать имъ готовый матеріалъ для выводовъ и обобщеній. Нѣкоторыя таблицы, въ настоящемъ своемъ видѣ, представляются почти совершенно безполезными; таково, напримѣръ, распредѣленіе осужденныхъ по средствамъ къ жизни — на живущихъ капиталомъ или доходомъ съ недвижимаго имущества, постояннымъ жалованьемъ или пенсіей, доходомъ съ ре-

месла, промысла и другихъ занятій, заработкомъ или поденною платой, средствами отъ родныхъ, подаяніемъ или благотворительностью, доходомъ съ хлѣбопашества. Не говоря уже объ отсутствіи достаточно опредѣленнаго различія между заработкомъ и доходомъ съ ремесла, между жизнью на средства, получаемыя отъ родныхъ, и жизнью на средства, получаемыя отъ благотворителей, — нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія о средствахъ жизни черпаются, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, изъ показаній самихъ подсудимыхъ, т.-е. изъ источника до крайности недостовѣрнаго. Мы видимъ, напримѣръ, что изъ ста осужденныхъ, назвавшихъ себя живущими на капиталъ или доходъ съ недвижимаго имущества, 40% судились за кражу, 5% — за разбой и грабежъ; нѣтъ ли тутъ такой явной несообразности, которая подрываетъ всякую вѣру въ данныя таблицы? Намъ кажется, что при существованіи въ сводѣ съ одной стороны таблицы, распредѣляющей осужденныхъ по занятіямъ, съ другой — таблицы, распредѣляющей ихъ по сословіямъ, таблица, распредѣляющая ихъ по средствамъ къ жизни могла бы быть совершенно исключена изъ свода, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока составители его не располагаютъ болѣе точными свѣдѣніями по этому предмету.

НОВАЯ КНИГА О РУССКИХЪ ФИНАНСАХЪ.

— Финансы Россіи XIX столѣтія. Исторія-статистика. Т. I и II, съ атласомъ. И. С. Бліоха.

Исторія русскихъ финансовъ до сихъ поръ, можно сказать, не существовала. Нѣсколько монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ періодамъ, и краткіе очерки въ статистическихъ сборникахъ нельзя же признавать исчерпывающими предметъ столь интересный и важный. Среди имѣющихся монографій почетное мѣсто слѣдуетъ отвесть составленному при С. А. Грейгѣ отчету о дѣятельности министерства финансовъ за двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг. Этотъ отчетъ, во всякомъ случаѣ, имѣетъ цѣнность оффиціальнаго изложенія видовъ и стремленій нашего финансоваго вѣдомства, а также оффиціальнаго же обзора ихъ результатовъ.

Изданіе, котораго заглавіе выписано выше, представляетъ первый опытъ неоффиціальнаго, связнаго изложенія нашей финансовой исторіи и притомъ не за болѣе или менѣе краткій періодъ, но за все время существованія русскихъ финансовъ въ ихъ настоящемъ, европейскомъ видѣ. Авторъ прибавилъ, въ видѣ предисловія къ своему весьма подробному очерку, взглядъ на состояніе русскаго финансоваго управленія—до XIX столѣтія.

Самостоятельной попыткѣ разработать область вѣдѣнія весьма сложную, до послѣдняго времени почти неприступную для изслѣдованія и потому—запущенную въ литературѣ, нельзя не сочувствовать. Прежній трудъ того же автора: „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое развитіе Россіи“ [1]), въ послѣдней своей части („финансовые результаты“) близко соприкасался съ рамкой настоящей работы. Постройка слишкомъ 20-тысячно-верстной сѣти желѣзныхъ дорогъ, главнымъ образомъ въ теченіе одного десятилѣтія 1864—1874 годовъ, дѣйствительно представляла наиболѣе выдающійся фактъ въ нашей ближайшей экономической исторіи.

Естественно, что, приходя къ задачѣ суммированія результатовъ, собственно финансовыхъ, этого громаднаго дѣла, значительно измѣнившаго условія торговаго оборота въ Россіи, а также цѣны на продукты и на трудъ,—авторъ долженъ былъ, для сравненія, собрать финансовый матеріалъ, даже болѣе обширный, чѣмъ вмѣщала

[1]) Пять томовъ in 4, съ атласомъ, folio. Спб. 1878.

его прямая задача. Въ предисловіи къ настоящему труду, которое служитъ какъ-бы его сокращеніемъ à vol d'oiseau, авторъ и признается откровенно, что первое побужденіе къ нынѣ изданному сочиненію, дала масса цѣннаго матеріала, которую онъ могъ собрать для перваго труда, благодаря предупредительности министерства, открывшаго ему свои архивы, и которою онъ, по спеціальности задачи чисто желѣзно-дорожной, въ первомъ сочиненіи воспользоваться вполнѣ не могъ.

Какой успѣхъ будетъ имѣть въ публикѣ трудъ г. Бліоха и можетъ ли онъ разсчитывать на вниманіе большинства ея, того, что называется „das grosse Publicum",—предсказать трудно. Предметъ самъ по себѣ—одинъ изъ самыхъ существенно занимательныхъ. Прослѣдить, какъ въ теченіе столѣтія, отъ временъ Екатерины II, государственный бюджетъ возросъ съ $48^1/_4$ (1781 г.) и 71 (1784 г.) милліоновъ—до слишкомъ 700 милліоновъ—это уже само по себѣ, казалось бы, довольно любопытно.

Но сверхъ того, такъ какъ финансы тѣсно связаны съ общимъ положеніемъ политическимъ и въ предпріятіяхъ политическихъ составляютъ nervus belli et pacis, то въ очеркѣ исторіи финансовой можно найти много очень характеристичныхъ чертъ всей государственной исторіи. Авторъ не только не избѣгалъ этого сближенія съ данными жизни политической, но наоборотъ, тщательно справлялся съ этими послѣдними и представилъ въ своемъ изложеніи нѣсколько неизданныхъ оффиціальныхъ записокъ по части состоянія финансовъ, имѣющихъ не малое значеніе и для общей исторіи.

Очеркъ финансоваго положенія московскаго государства и Россіи въ прошломъ столѣтіи составляетъ только введеніе къ труду г. Бліоха. Но начиная отъ царствованія Александра I, изложеніе становится уже полнымъ и касается уже не только фактовъ экономическихъ, но и общихъ политическихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на тѣ факты. Еще въ бóльшей степени, чѣмъ въ какой-либо иной области, здѣсь, въ сферѣ нашихъ финансовъ, исторія представляется картиною неурядицы и повѣстью разочарованій. „Въ нашихъ дѣлахъ,—говорилъ будущій императоръ въ извѣстномъ письмѣ къ гр. В. П. Кочубею 10 мая 1796 года,—господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей, возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія;—это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, и я постоянно держался правила,

что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно".

Извѣстно, что Александра I, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ, страшила мысль, что ему придется со временемъ приняться за управленіе столь обширнымъ и мало-устроеннымъ государствомъ. Извѣстно также, что и впослѣдствіи онъ тяготился бременемъ управленія. Объ этомъ имѣются еще другія свидѣтельства, кромѣ упомянутаго письма къ Кочубею. Но письмо это цѣнно тѣмъ, что въ немъ ясно выражена мысль о невозможности устроить порядокъ въ одной только сферѣ хозяйственной и пресѣчь злоупотребленія на счетъ казны отдѣльно отъ преобразованій характера общаго.

Такія преобразованія и послѣдовали въ учрежденіи министерствъ и государственнаго совѣта, но не получили первоначально задуманнаго своего завершенія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ самыя подготовительныя работы Сперанскаго. Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ первоначальномъ учрежденіи министерствъ, на ряду съ министромъ финансовъ назначенъ былъ особый министръ коммерціи, въ вѣдѣніе котораго отданы были коммерцъ-коллегія и вся таможенная часть. Преобразованія хозяйственныя, какъ при этомъ, такъ и при слѣдующемъ царствованіи, не могли имѣть болѣе рѣшительнаго характера уже потому, что путь былъ загражденъ крѣпостнымъ состояніемъ крестьянъ. Мысль объ освобожденіи ихъ занимала и Александра I-го, но склонный поддаваться тревожнымъ нашептываніямъ со стороны окружающихъ, онъ при началѣ царствованія не рѣшился пойти въ этомъ дѣлѣ далѣе полумѣры, какою представляется напр. указъ 1803 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ, а впослѣдствіи былъ уже совсѣмъ отвлеченъ отъ этой мысли войнами и опасеніями, вызвавшими мрачную реакцію во второй половинѣ его царствованія.

Какъ ограничено было дѣйствіе указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, видно изъ того факта, что въ теченіе 1805—1820 годовъ освобождено было, на основаніяхъ, утвержденныхъ въ этомъ указѣ, всего 30 тысячъ крестьянъ. Появлялись проекты объ освобожденіи: гр. Стенбока, гр. Стройновскаго, Берга, но большинство тогдашняго образованнаго, то-есть дворянскаго общества, было, конечно, противъ этого дѣла. Самъ императоръ по окончаніи войнъ возвратился-было къ мысли освобожденія, о чемъ свидѣтельствуютъ указы 1816 и 1818 годовъ о крестьянахъ эстляндской и курляндской губерній. Въ 1818 же году Александръ I поручалъ Канкрину и Аракчееву, каждому отдѣльно, составить проекты объ общемъ освобожденіи крестьянъ. Канкрину онъ самъ заявлялъ, что освобожденіе должно было бы совершиться постепенно, по образцу условій, установлен-

ныхъ въ балтійскомъ краѣ. Вслѣдствіе того и въ запискѣ Канкрина освобожденіе было распредѣлено на 30 лѣтъ, такъ что, если бы этотъ планъ осуществился, то послѣдніе крѣпостные въ Россіи получили бы свободу—безъ земли, однако—къ 1850 году. По проекту же, составленному Аракчеевымъ, предполагалось, что правительство будетъ просто покупать крестьянъ у помѣщиковъ, съ согласія послѣднихъ, ежегодно на 5 мил. рублей. Государь склонился въ пользу проекта Аракчеева, но иностранныя событія и въ особенности „исторія" въ семеновскомъ полку подали новый поводъ, или предлогъ, чтобы совсѣмъ отложить это дѣло.

Обозрѣніе финансовыхъ мѣръ царствованія Александра I, въ связи съ положеніемъ политическимъ, очень хорошо обработано г. Бліохомъ. Разсказъ достаточно полонъ и фактиченъ, приводятся цифры, указываются источники и между тѣмъ, разсказъ читается легко. Занимательность его увеличивается извлеченіями изъ нѣсколькихъ любопытныхъ записокъ.

Финансовое положеніе представлялось къ 1810 году въ слѣдующихъ чертахъ: 125 мил. руб. дохода, 230 мил. руб. расхода и 577 мил. руб. долга, безъ всякаго запасного фонда. Тогда Сперанскому было поручено составить планъ финансовыхъ преобразованій. Этотъ планъ предполагалъ: пресѣченіе выпуска ассигнацій, сокращеніе расходовъ, установленіе лучшаго контроля и, наконецъ, введеніе нѣкоторыхъ новыхъ налоговъ. Въ исполненіе плана изданъ былъ манифестъ и затѣмъ произведено было въ слѣдующей росписи сокращеніе расходовъ болѣе, чѣмъ на 20 мил. руб., а сумма ассигнацій находящихся въ обращеніи была ограничена цифрой 577 мил. руб., а остальная часть подвергалась уничтоженію. Для этой цѣли сдѣланъ былъ внутренній заемъ, открытъ пріемъ частныхъ вкладовъ въ коммиссіи погашенія долговъ, въ составъ которой допущены были и лица по выбору отъ купечества, назначена была продажа части государственныхъ имуществъ и изданъ былъ манифестъ о новомъ устройствѣ монетной системы, направленный къ возстановленію размѣна. Но уже въ томъ же году оказалось невозможнымъ, въ виду дефицита, отказаться отъ дальнѣйшихъ выпусковъ ассигнацій, а продажа государственныхъ имуществъ не удалась.

Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжались, по мыслямъ Сперанскаго, общія преобразованія, между прочимъ новое распредѣленіе министерствъ, необходимость котораго Сперанскій доказывалъ, ссылаясь на „несовершенства", оказавшіяся въ первоначальномъ учрежденіи, и прежде всего на недостатокъ отвѣтственности, „которая не должна состоять только на словахъ, но быть вмѣстѣ и существенною". Въ новомъ образованіи министерствъ, вѣдомство финансовъ было раздѣлено на

три самостоятельныя части: собственно министерство финансовъ (управленіе доходами), государственное казначейство (расходы) и государственный контроль. Въ новомъ образованіи министерствъ Сперанскій сдѣлалъ и ошибку, которая скоро его погубила—учрежденіе особаго министерства полиціи.

Знаменитый государственный дѣятель предполагалъ осуществить бо́льшую связь между министрами—преобразованіемъ сената на новыхъ началахъ. Сенатъ предположено было раздѣлить на правительственный, составленный изъ министровъ, ихъ товарищей, начальниковъ отдѣльныхъ управленій и—судебный, который состоялъ бы изъ сенаторовъ по назначенію отъ правительства и по выбору отъ дворянства. Этотъ проектъ о преобразованіи сената прошелъ въ государственномъ совѣтѣ, куда былъ внесенъ въ іюнѣ 1811 года. Правда, консервативная партія возстала противъ мысли Сперанскаго, ссылаясь на то, что выборы подпадутъ подъ вліяніе богатѣйшихъ помѣщиковъ, что опасно предоставлять сенату право окончательнаго рѣшенія тяжбъ безъ обжалованія ихъ государю, и на имѣвшее будто бы произойти отсюда ограниченіе правъ верховной власти. Но проектъ Сперанскаго тѣмъ не менѣе былъ принятъ государственнымъ совѣтомъ и утвержденъ императоромъ. Однако приведенъ въ исполненіе онъ не былъ, такъ какъ надо было еще выработать его въ видѣ законоположеній, а вскорѣ послѣдовали возобновленіе войнъ съ Франціею и паденіе Сперанскаго.

Также были уже одобрены государемъ и также отложены составленные Сперанскимъ проекты преобразованія учрежденій мѣстныхъ, основанныхъ на мысли о развитіи самоуправленія при помощи начала выборнаго. „Но тѣмъ не менѣе,—какъ замѣчаетъ г. Бліохъ,—проектъ Сперанскаго заслуживаетъ полнаго одобренія, какъ актъ, которымъ предполагалось вызвать русское общество на путь политическаго развитія посредствомъ самоуправленія, выборнаго начала и соотвѣтствующаго имъ законодательства. Особенно для исторіи русскихъ финансовъ, реформы Сперанскаго имѣютъ громадное значеніе; только съ этого времени начинается, не скажемъ хорошее, но болѣе правильное счетоводство и представляется возможность слѣдить за финансовыми оборотами и ихъ послѣдствіями, а также за издаваемыми по части государственнаго хозяйства узаконеніями".

Еще въ 1810 году (29 августа) высочайше утверждено было, благодаря вліянію Сперанскаго, мнѣніе государственнаго совѣта „о порядкѣ составленія смѣтъ о расходахъ по министерствамъ", въ томъ порядкѣ, который въ основныхъ чертахъ остается до сихъ поръ, а именно составленія въ отдѣльныхъ министерствахъ смѣтъ съ представленіемъ ихъ въ министерство финансовъ не позже сентября

каждаго года, съ тѣмъ, чтобы министерство финансовъ, снабдивъ эти смѣты своими примѣчаніями, составляло общую табель расходовъ и примѣрную смѣту доходовъ и вносило ихъ, не позже каждаго октября, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. „Первый серьезный бюджетъ Россіи, обсужденный не однимъ или двумя лицами,—замѣчаетъ авторъ,—а постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, былъ составленъ Сперанскимъ. Въ первый разъ устранялся произволъ финансовыхъ мѣръ и распоряженія власти подкрѣплялись обращеніемъ къ довѣрію общества и гласностью операцій; наконецъ, въ расходахъ, въ первый разъ, былъ какой-нибудь порядокъ".

Самъ Сперанскій такъ излагалъ пользу произведенной имъ реформы: „вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ-называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ подлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и въ концѣ всего, ожидать еще ревизіи контролера".

Правда, если мы взглянемъ на ожиданія реформатора того времени съ точки зрѣнія нынѣшней, съ высоты опыта, представленнаго тремя четвертями вѣка, съ тѣхъ поръ протекшими, то успѣхъ, осуществленный Сперанскимъ, не покажется намъ достаточнымъ. Мы знаемъ, что и послѣ этого преобразованія, въ теченіе еще полувѣка, до созданія такъ-называемаго „единства кассы", почти каждый министръ довольно свободно почерпалъ изъ экстраординарныхъ суммъ, т.-е. изъ особыхъ капиталовъ, состоявшихъ въ каждомъ вѣдомствѣ. Мы знаемъ, что послѣ составленія Сперанскимъ перваго русскаго бюджета въ 1810 году, потребовались еще опубликованіе росписей, единство кассы, установленіе ежегодныхъ отчетовъ контроля — для того, чтобы придти къ нынѣшнему положенію дѣлъ. А между тѣмъ, и при нынѣшнемъ порядкѣ не устранены еще ни ежегодные сверхсмѣтные расходы, по суммѣ столь значительные, что ими нарушается все предвидѣнное въ росписи равновѣсіе, ни чрезвычайные отпуски въ иныхъ случаяхъ помимо государственнаго совѣта, на потребности, не всегда точно подходящія къ назначенію средствъ по росписи.

Но при оцѣнкѣ заслугъ давнихъ, не слѣдуетъ мѣрить ихъ по степени неудовлетворенности нуждъ современныхъ. Вспомнимъ, что до установленія росписей, утверждаемыхъ въ порядкѣ, учрежденномъ по мысли Сперанскаго, финансовое хозяйство наше представляло полный хаосъ, имѣло характеръ почти—азіатскій, и мы должны будемъ признать дѣло Сперанскаго дѣйствительнымъ „подвигомъ" какъ называетъ это дѣло г. Блiохъ. Очень вѣроятно, что Сперанскій

не сохранилъ бы своего вліянія и безъ 1812 года, который подалъ внѣшній поводъ къ его паденію. Еще съ предшествующаго года министръ полиціи имѣлъ порученіе слѣдить за нимъ. Во всякомъ случаѣ едва ли бы ему удалось дождаться исполненія тѣхъ успѣховъ, на которые онъ надѣялся. Біографъ Сперанскаго, графъ Корфъ, приводитъ между прочимъ слѣдующій его отзывъ о государственномъ совѣтѣ: „при семъ составѣ совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобъ съ перваго шага поравнялся онъ, въ правильности сужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ и сіе учрежденіе само собою исправится".

Послѣ паденія Сперанскаго, финансовый планъ его былъ тотчасъ разрушенъ, прежде всего манифестомъ 1812 года, о взиманія налоговъ ассигнаціями по $2^1/_2$ и по 3 руб. за серебряный рубль, съ тѣмъ, чтобы платежи казны частнымъ лицамъ производились ассигнаціями же, сравнительно съ серебромъ, по курсу дня. Это было началомъ того перемѣнчиваго „простонароднаго лажа" на серебро, съ которымъ ассигнаціи ходили до преобразованія ихъ Канкринымъ уже при слѣдующемъ царствованіи. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали новые выпуски бумажныхъ денегъ въ противоположность плану Сперанскаго, который предполагалъ сокращеніе прежнихъ выпусковъ.

Иначе, конечно, и быть не могло, такъ какъ наступилъ рядъ годовъ войны. Но что въ высшей степени замѣчательно, это—сравнительная съ новѣйшимъ временемъ невеликость выпусковъ, произведенныхъ въ то время, да и самой суммы издержекъ на „отечественную" и послѣдующія войны. Въ 1810 г. сумма ассигнацій въ обращеніи была 577 мил. руб., а къ 1 января 1816 г. сумма ихъ дошла только до 700 мил. руб. Правда, сверхъ этого источника средства добывались еще изъ субсидіи, платившейся Англіею, и изъ внутреннихъ займовъ. Но все-таки умѣренность выпусковъ ассигнацій на войны 1812—1815 гг. удивительна, если вспомнить, что какъ на крымскую войну, такъ и на войну 1877—1878 гг. выпускалось кредитныхъ билетовъ около 400 мил. руб. на каждую, при чемъ цѣнность кредитныхъ билетовъ представляла все-таки 55—60 коп. металломъ, между тѣмъ, какъ цѣнность ассигнаціоннаго рубля была отъ 22 до 9 коп. метал.

По возвращеніи Александра въ Петербургъ, въ 1816 году, предсѣдателемъ департамента государственной экономіи былъ назначенъ Н. С. Мордвиновъ, который часъ обратилъ вниманіе на необходимость извлеченія нѣкоторой части бумажныхъ денегъ изъ обращенія. Г. Бліохъ приводитъ рѣзкій отзывъ Мордвинова о росписи

1817 года, доказывающій, что разсмотрѣніе финансовыхъ документовъ въ государственномъ совѣтѣ все-таки имѣло большое значеніе.

Паденіе цѣнности ассигнацій и взиманіе налоговъ ассигнаціями по $2^1/_2$ и 3 руб. за серебряный рубль, разумѣется, номинально подняло цифру государственныхъ доходовъ. Такъ, въ 1810 году сумма доходовъ исчислялась всего въ 110 мил. р., а въ 1820 году итогъ ихъ составлялъ уже 450 мил. руб. Подъ вліяніемъ Мордвинова съ 1820 по 1825 годъ достигнуто было нѣкоторое сокращеніе ежегодныхъ расходовъ военнаго министерства, а именно со $197^3/_4$ м. р. до $155^1/_4$ м. руб.

Если сравнимъ эти цифры расходовъ на одно военное вѣдомство съ общимъ итогомъ государственныхъ доходовъ 450 мил. руб., то государственное хозяйство того времени представляется намъ, конечно, не въ благопріятномъ видѣ, въ томъ смыслѣ, что слишкомъ мало оставалось на расходы производительные. Но и въ ближайшія къ намъ времена, въ царствованія императора Николая и даже императора Александра II, приведенное отношеніе было не на много лучше.

Въ виду совершающагося нынѣ исполненія указа 1 января 1881 года о постепенномъ погашеніи въ теченіе 8 лѣтъ 400 мил. руб. кредитныхъ билетовъ, не лишено интереса указаніе подобнаго опыта, который былъ произведенъ министромъ финансовъ графомъ Гурьевымъ съ 1817 по 1822 годъ. Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ имъ извлечено было изъ обращенія, при помощи займовъ и другихъ средствъ, ассигнацій на 240 мил. руб., такъ что въ 1823 году ихъ осталось въ обращеніи только на сумму $595^3/_4$ м. р. Что же оказалось въ результатѣ? что ежегодный расходъ государства въ платежѣ процентовъ по займамъ возросъ на 5 мил. руб., а между тѣмъ, курсъ ассигнаціоннаго рубля возвысился весьма незначительно, а именно—за рубль серебромъ давали вмѣсто 4 р. ассигнаціями—3 руб. 73 коп. Въ 1823 году вмѣсто гр. Гурьева былъ назначенъ министромъ финансовъ Е. Ф. Канкринъ, который тотчасъ отмѣнилъ ежегодное назначеніе 30 мил. руб. для извлеченія ассигнацій изъ обращенія, и ограничился тѣмъ, что не дѣлалъ новыхъ выпусковъ, такъ что итогъ ихъ въ обращеніи $595^3/_4$ м. р. остался неизмѣннымъ до самой ихъ девальваціи, послѣдовавшей въ 1843 году.

Финансовая исторія Россіи за бо́льшую часть царствованія императора Николая сосредоточивается вокругъ именно Канкрина. Управленіе его и его взгляды изложены г. Бліохомъ очень подробно, и фигура Канкрина выступаетъ изъ этой картины довольно рельефно. Указывая на принципъ неподвижности, который былъ положенъ въ основу системы Канкрина, авторъ все-таки отдаетъ справедливость

и его энергіи, и его способностямъ. „Едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ то время графъ Канкринъ былъ почти единственнымъ государственнымъ человѣкомъ, у котораго практическая дѣятельность была суммой теоретическихъ выводовъ и результатомъ научныхъ изслѣдованій".

Прочитывая изложеніе финансовой системы Канкрина, сдѣланное имъ самимъ и доложенное императору Николаю въ 1826 году, поражаешься не столько обширностью плана, сколько тѣмъ, что и нынѣшнія программы довольно на нее похожи. Приведемъ нѣкоторыя черты изъ программы Канкрина. „Изворачиваться естественными доходами, избѣгать новыхъ займовъ, особливо заграничныхъ, а еще болѣе—гибельнаго умноженія массы ассигнацій; дѣлать всевозможныя облегченія въ повинностяхъ, усилить всѣми способами внутреннюю и внѣшнюю торговлю, фабрики и всѣ вообще вѣтви народной производительности, уменьшить злоупотребленія по всѣмъ частямъ, отвратить *похищенія* казенныхъ суммъ; улучшить положеніе и управленіе казенныхъ крестьянъ, разселить исподволь великое число малоземельныхъ". Итакъ, еще въ программу, составленную и утвержденную 57 лѣтъ тому назадъ, входили мысли и объ отвращеніи хищеній и о сокращеніяхъ, и о невыпускѣ ассигнацій, и даже о переселеніяхъ съ цѣлью помочь малоземельнымъ, и о поднятіи внутренней производительности (посредствомъ охранительныхъ тарифовъ).

Въ основу этой программы входило именно, что никакихъ общихъ улучшеній, никакихъ такъ-называемыхъ „иллюзій" не надо, и что стбитъ только пожелать хорошо хозяйничать и вотъ, вслѣдствіе искренности такого желанія, возможно будетъ установить порядокъ и соблюсти бережливость, и пресѣчь хищенія, и даже „поднять экономическій бытъ народа".

И никто, конечно, не имѣетъ права усомняться насчетъ искренности желаній Канкрина, а тѣмъ болѣе императора. Министръ, дѣйствительно, старался, „всевозможно", обойтись естественными доходами государства; но такъ какъ политика требовала громадныхъ расходовъ по арміи, а бережливость по другимъ частямъ устранялась вліяніемъ другихъ министровъ, иногда протекціею иныхъ вліятельныхъ лицъ разнымъ искательствамъ, то ни „поднятія народнаго труда", ни „усиленія внутренней производительности" не было достигнуто, а только устроилась система винныхъ откуповъ, которыхъ цѣна все болѣе и болѣе поднималась, которыхъ дѣйствіе болѣе и болѣе развращало мѣстную администрацію, да таможенные тарифы повышались, а русская производительность, не смотря на то, развивалась крайне слабо.

Такъ было полвѣка тому назадъ, и если desiderata того времени

остаются еще пока desiderata'ми нашей современности, то спрашивается, есть ли достаточное основаніе считать ихъ осуществимыми и въ будущемъ, при помощи тѣхъ же средствъ?

Очертивъ нѣсколькими общими штрихами тогдашнее положеніе дѣлъ, г. Бліохъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „и вблизи высшихъ органовъ управленія провѣрка была невозможной. Чтобы успѣшно наблюдать, прежде всего нуженъ свѣтъ, а свѣта-то и не было. При господствѣ фаворитизма, протекціи и полной безотвѣтности подчиненныхъ, власть контролирующая ни въ комъ не могла найти себѣ помощника. Гласность совершенно отсутствовала, живое печатное слово заботливо преслѣдовалось и, наконецъ, почти заглохло. Власть сама себя обезоруживала предъ произволомъ бюрократіи и оказывалась совершенно безсильною противъ злоупотребленій. Число газетъ было самое ограниченное; да если бы ихъ было и больше, — онѣ ничего не могли бы помочь при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ была поставлена печать. Къ „высотѣ" доходило бы все-таки только то, что̀ было бы пропущено китайскою стѣной бюрократіи, охранявшей систему полнаго застоя и произвола. И вотъ, власть сама, не безъ горечи, сознавала свою полную безпомощность въ борьбѣ съ господствовавшими злоупотребленіями. Замѣчательная энергія, твердость и непоколебимость въ исполненіи разъ принятаго рѣшенія,—эти рѣдкія качества, украшавшія императора Николая Павловича,—оказывались безсильными въ борьбѣ съ бюрократіей. Какой горькой ироніей, какимъ ѣдкимъ сарказмомъ звучитъ извѣстное изреченіе Николая I: „Россіей управляютъ столоначальники"...

Чрезвычайно любопытны приводимыя авторомъ замѣчанія Канкрина по поводу вопроса о пересмотрѣ государственнаго управленія и особенно губернскихъ учрежденій, сдѣланныя по случаю назначенія особой коммиссіи изъ гр. Кочубея, князя Голицына, гр. Дибича, гр. П. А. Толстого, И. В. Васильчикова и Сперанскаго — для пересмотра бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ императора Александра. Въ замѣчаніяхъ Канкрина находимъ въ числѣ указываемыхъ имъ недостатковъ нашего губернскаго управленія, слѣдующее: „недостатокъ способовъ сношеній правительства съ публикою".

Мы не станемъ останавливаться на важнѣйшихъ дѣйствіяхъ Канкрина—устройствѣ откупной системы и монетномъ преобразованіи. Относительно послѣдняго напомнимъ только объ основныхъ фактахъ, такъ какъ о нихъ часто бываетъ рѣчь теперь по поводу паденія курса кредитныхъ билетовъ и предположеній о возстановленіи металлическаго обращенія.

Манифестомъ 1 іюня 1843 года „о замѣнѣ ассигнацій и другихъ денежныхъ представителей кредитными билетами" повелѣвалось въ

сущности слѣдующее: находившіяся въ то время въ обращеніи ассигнаціи, на $595^{3}/_{4}$ мил. руб., что составляло по курсу на утвержденную вновь и выпущенную въ обращеніе единицу—серебряный рубль —$170^{1}/_{4}$ мил. руб. *серебромъ*—постепенно замѣнить кредитными билетами на эту послѣднюю сумму, съ тѣмъ, что билеты эти будутъ подлежать размѣну во всякое время; размѣнъ же ихъ долженъ былъ обезпечиваться фондомъ звонкой монеты, который долженъ былъ составлять всегда не менѣе одной *шестой* части всей суммы кредитныхъ билетовъ. Эта шестая часть составляла $28^{1}/_{2}$ мил. руб., фондъ, который составился изъ внесенныхъ сразу 14-ти мил. звонкой монетой и имѣлъ пополниться впослѣдствіи. Эта операція, т.-е. девальвація ассигнаціоннаго долга, уменьшеннаго при переложеніи на серебро въ $3^{1}/_{2}$ раза, противъ первоначальной цѣнности ассигнацій, которая была также равна серебру,—освободила государство отъ 426 мил. р. долга.

Въ 1840 году, Канкринъ, уѣзжая за-границу, уступилъ управленіе финансами своему товарищу Ѳ. П. Вронченко, которому оставилъ для руководства обширную инструкцію „о видахъ и предположеніяхъ по финансовой части".

Резюмируя въ нѣсколькихъ цифрахъ финансовое положеніе Россіи до крымской войны, мы должны замѣтить, что цифры эти совершенно опровергаютъ установившійся въ большинствѣ современнаго намъ общества предразсудокъ, будто бы при императорѣ Николаѣ Павловичѣ финансы наши были въ отличномъ порядкѣ и только восточная война вновь разстроила ихъ.

Еще въ предшествующемъ своемъ трудѣ [1]) г. Бліохъ называлъ миражемъ мнѣніе о блестящемъ состояніи русскихъ финансовъ до восточной войны. Не смотря на продолжительный миръ (съ 1831 по 1853 г.), прерванный всего на нѣсколько мѣсяцевъ венгерскою кампаніею, государство въ то время *ни одного раза* не могло покрыть своихъ расходовъ обыкновенными („естественными", какъ выражался Канкринъ) доходами, хотя не дѣлало даже никакихъ затратъ ни на общественныя работы, ни на поднятіе уровня образованія, ни на улучшеніе суда и администраціи. Все поглощалось содержаніемъ войска и платежами по долгамъ. Такъ, напримѣръ, изъ бюджета 1850 года употреблено было $38^{3}/_{4}$% на расходы военнаго министерства, $6^{1}/_{4}$% на расходы министерства морского, 16 слишкомъ % на платежи по долгамъ, такъ что на всѣ прочіе, производительные расходы, на просвѣщеніе, содержаніе путей, на судъ, на гражданскую администрацію и т. д. — оставалось всего 38% общей цифры

---

[1]) „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, 1878 г. Т. V.

бюджета 1850 года. Дефициты съ 1832 по 1852 составили 570 мил. руб., не смотря на помощь, оказанную государственной казнѣ девальваціею бумажныхъ денегъ. Мнѣніе о мнимой благопріятности курса въ то время также опровергается фактами. Конечно, тогдашній курсъ кредитнаго рубля былъ гораздо выше нынѣшняго, но вѣдь вспомнимъ, что кредитный рубль еще только-что былъ выпущенъ, только-что былъ объявленъ равнымъ серебряному, только-что обезпеченъ металлическимъ фондомъ на одну шестую часть всего кредитнаго обращенія.

Вспомнимъ, что съ тѣхъ поръ мы вели двѣ восточныхъ войны, во время которыхъ кредитное обращеніе, въ сложности, увеличилось на цѣлые 800 мил. руб., между тѣмъ, какъ первоначально, по манифесту 1843 года, оно было предположено всего въ 170 мил. руб.

Стало быть, для оцѣнки положенія дѣлъ передъ первой восточной войной, намъ приходится дѣлать сравненіе не съ нынѣшними фактами, а съ тѣмъ, что̀ было и въ ближайшее къ тому время, время возстановленія серебрянаго рубля въ обращеніи, время, къ сожалѣнію, длившееся недолго.

Итакъ, дѣлая это сравненіе, находимъ, что кредитный рубль, только-что выпущенный въ 1843 году въ равной цѣнѣ съ серебрянымъ, въ котировкахъ на Лондонъ и во второй половинѣ самаго 1843 года (манифестъ былъ въ іюнѣ) не доходилъ до pari, а держался отъ 97,4 до 98,7. Въ послѣдующіе годы, только съ декабря 1846 г. по май 1847 г. и въ концѣ 1852 и 1853 годовъ (спеціально благодаря усиленному вывозу хлѣба) курсъ стоялъ однимъ до двухъ процентовъ выше pari. За все же остальное время курсъ стоялъ ниже и часто, не смотря на оффиціально производившійся по маклерскимъ цѣнамъ размѣнъ, стоялъ даже значительно ниже. Въ маѣ 1848 г. курсъ понизился до 90,5. въ августѣ 1853 года онъ поднялся вслѣдствіе огромнаго спроса хлѣба за-границу до 101, но еще въ іюлѣ того же года былъ всего 95,7.

Дѣйствительно, это все-таки несравненно лучше того средняго курса, который держится нынѣ заурядъ на около 60 коп. вмѣсто 90 или 95-ти коп. Но, для точности сравненія, представимъ себѣ, что у насъ въ прошломъ, 1882 году, только-что произведена была бы девальвація кредитно-билетнаго долга, по цѣнѣ хотя полтинникъ за рубль, созданъ новый знакъ—банковый билетъ, размѣниваемый рубль за рубль на серебро, и вотъ этотъ-то новый бумажный рубль ходилъ бы въ 1883 году по цѣнѣ 90 и 95 вмѣсто 100. Хорошъ ли былъ бы этотъ курсъ въ смыслѣ финансоваго результата, въ смыслѣ успѣха финансовыхъ мѣръ времени? Такъ было въ восхваляемое нынѣ нѣкоторыми время императора Николая Павловича.

Приближаясь, при обзорѣ книги г. Блioxa, ко времени настоящему, мы будемъ болѣе кратки. Второй томъ посвященъ исторiи финансовъ собственно за время царствованiя государя Александра Николаевича, хотя при началѣ своемъ касается еще царствованiя предшествующаго, а въ концѣ упоминаетъ и о первыхъ финансовыхъ фактахъ нынѣшняго времени.

Въ этомъ томѣ сгруппированы г. Блiохомъ нѣкоторыя любопытныя данныя, впервые являющiяся въ печати. Сюда относятся прежде всего нѣкоторыя свѣдѣнiя объ общихъ взглядахъ на финансовое положенiе Россiи бывшихъ министровъ М. Х. Рейтерна и С. А. Грейга.

При вступленiи на престолъ императора Александра II итогъ росписи (на 1856 г.) составлялъ $271\frac{1}{2}$ мил. рублей; въ томъ числѣ $60\frac{3}{4}$ мил. р. изъ чрезвычайныхъ рессурсовъ. Крымская война, фактически окончившаяся взятiемъ Севастополя, продолжала, однако, обременять своими послѣдствiями и бюджеты послѣдующихъ годовъ. Дефициты за годы войны (1853—1856) составили общую сумму $796\frac{3}{4}$ мил. руб., изъ которой половина была покрыта процентными внутренними и внѣшними займами, а половина—выпусками кредитныхъ билетовъ.

Только-что оправившись нѣсколько отъ финансовыхъ затрудненiй, созданныхъ войною, правительство обратилось къ выработкѣ обширныхъ преобразованiй, изъ числа которыхъ послѣдовали, въ области финансовъ, въ ближайшiе же годы: выдача нѣсколькихъ концессiй на постройку желѣзныхъ дорогъ, преобразованiе прежнихъ кредитныхъ учрежденiй въ государственный банкъ и учрежденiе новой системы акцизно-питейныхъ сборовъ. Сверхъ того, къ государственно-финансовымъ функцiямъ присоединилась выкупная операцiя. Авторъ даетъ въ цифрахъ подробную картину этихъ финансовыхъ преобразованiй, а также критически разбираетъ извѣстную попытку управлявшаго государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскаго возстановить размѣнъ. Планъ этотъ былъ представленъ въ ноябрѣ 1861 года и операцiя размѣна шла въ 1862 году успѣшно, такъ что изъ размѣнной кассы было выдано съ 1 мая по 31 декабря 1862 года звонкой монеты на $24\frac{3}{4}$ м. руб., а поступило ея 8 мил. рублей.

Но въ 1863 году, частью подъ влiянiемъ затрудненiй, вызванныхъ польскимъ возстанiемъ, частью вслѣдствiе спекуляцiи, начался быстрый отливъ звонкой монеты, такъ что помѣсячно стало выходить изъ размѣнной кассы золота и серебра болѣе противъ поступленiя на нѣсколько миллiоновъ рублей. Размѣнъ былъ снова прекращенъ 5 ноября 1863 г. Слишкомъ много обстоятельствъ соединилось, чтобы сдѣлать неудачной эту, во всякомъ случаѣ, мужественную попытку. Цѣна кредитнаго рубля на биржѣ, пока продолжалась операцiя раз-

мѣна, составляла отъ 92 до 77 коп. мет. Что политическое положеніе (опасеніе войны съ западомъ) имѣло большое вліяніе на неудачу размѣна, доказывается тѣмъ, что по окончаніи дипломатической кампаніи, курсъ рубля нѣсколько поднялся не смотря на прекращеніе размѣна, а именно былъ около 80½ к. мет.

Приданіе гласности государственнымъ росписямъ въ 1862 г. и утвержденіе новыхъ правилъ о составленіи росписей, въ томъ же году, введеніе новыхъ смѣтныхъ правилъ и единства кассы, наконецъ, преобразованіе государственнаго контроля—всѣ эти важныя реформы въ области финансовъ послѣдовали между 1862 и 1866 годами. Установленный при введеніи новой акцизно-питейной системы размѣръ акциза—по 4 коп. съ градуса безводнаго спирта—былъ постепенно возвышаемъ и въ настоящее время, какъ извѣстно, составляетъ двойную, противъ той, цифру.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, постройка желѣзныхъ дорогъ, усиленно производившаяся съ половины шестидесятыхъ годовъ до половины семидесятыхъ, пускала въ оборотъ въ народѣ огромныя суммы чрезвычайныхъ заработковъ. Сумма доходовъ возрастала, но одновременно, и въ еще большей прогрессіи, возрастала сперва сумма расходовъ, такъ что дефициты оставались явленіемъ нормальнымъ.

Соединеніе нѣсколькихъ причинъ, какъ-то: перемѣны въ земледѣльческомъ бытѣ, усиленія ввоза, затруднительнаго положенія денежнаго рынка на западѣ, подъ вліяніемъ американской междоусобицы, а, наконецъ, и хроническаго недостатка равновѣсія въ расходахъ съ доходами, вызвали въ 1866 году родъ финансоваго кризиса. Курсъ кредитнаго рубля упалъ до 68 коп.; учетъ въ государственномъ банкѣ поднялся до 8½ и 9½%, наконецъ, дефицитъ за 1866 годъ оказался въ слишкомъ 60½ мил. руб. Съ разныхъ сторонъ послышались нареканія на министра финансовъ М. Х. Рейтерна, который и рѣшился подать въ отставку. „Но одновременно съ этимъ,—говоритъ г. Бліохъ,—М. Х. Рейтернъ, съ той смѣлостью и откровенностью, которыя характеризовали всѣ его дѣйствія, въ запискѣ, напечатанной спеціально для государя, изложилъ и истинное положеніе государства, и причины, вызвавшія таковое, и тѣ послѣдствія, къ которымъ онѣ должны повести, не только въ финансовомъ, но и въ политическомъ отношеніи, *если государство будетъ продолжать идти по тому же пути*. По прочтеніи этой записки, рѣшенное уже увольненіе министра финансовъ было остановлено и послѣдовалъ поворотъ къ лучшему“. Авторъ примѣчаетъ, что „записка эта была возвращена министру финансовъ съ предписаніемъ—*хранить въ глубокой тайнѣ*“.

Явилась рѣшимость произвесть общее сокращеніе расходовъ по

всѣмъ вѣдомствамъ и для этого состоялось 6 октября 1866 года особое засѣданіе совѣта министровъ подъ предсѣдательствомъ государя. Каждый министръ вносилъ свои соображенія о сокращеніяхъ; но при этомъ произошелъ эпизодъ, хотя самъ по себѣ неважный, но довольно характерный для уясненія тѣхъ особыхъ условій, среди которыхъ должна была происходить дѣятельность министра финансовъ. Недавно назначенный министромъ почтъ и телеграфовъ И. М. Толстой (впослѣдствіи графъ) не соглашался ни на какое сокращеніе расходовъ въ своемъ вѣдомствѣ и только, на замѣчаніе со стороны самого государя, которое было ему сдѣлано въ весьма энергической формѣ, согласился. Однако, пользуясь большой милостью, И. М. Толстой, „чтобы доказать свою силу и возстановить пошатнувшійся въ глазахъ другихъ министровъ его авторитетъ"—при слѣдующемъ же личномъ докладѣ исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе на новые расходы, которые не только покрывали сдѣланныя имъ уступки, но еще далеко превышали ихъ.

Упомянутое засѣданіе не осталось, однако, безъ важныхъ послѣдствій. Оно, такъ сказать, опредѣлило направленіе финансовой политики на нѣсколько лѣтъ. На немъ были рѣшены — пріостановленіе расходовъ на вооруженія и усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, а также и нѣсколько важныхъ финансовыхъ мѣръ. Исторія ближайшихъ лѣтъ и замкнулась въ стараніяхъ о сокращеніи сверхсмѣтныхъ расходовъ — съ одной стороны, въ энергическихъ мѣрахъ къ постройкѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ—съ другой. Бюджетныя предположенія на 1867 годъ составляли: доходовъ 428½ мил. рублей, расходовъ 443¾ милліоновъ рублей, то-есть роспись была сведена съ дефицитомъ въ 15 мил. рублей. Благодаря же настойчивости М. Х. Рейтерна на сокращеніи непредвидѣнныхъ требованій, къ половинѣ семидесятыхъ годовъ, росписи стали уже сводиться съ превышеніемъ въ доходахъ.

Такъ, бюджетъ на 1875 годъ былъ формулированъ въ цифрахъ 559¼ милліоновъ рублей доходовъ и 556 милліоновъ рублей расходовъ, то-есть съ превышеніемъ въ доходахъ на около 3¼ милліоновъ рублей. Исполненіе же росписей 1874 и 1875 годовъ представляло результаты самые блестящіе, гораздо болѣе благопріятные, чѣмъ тѣ, какіе предвидѣлись по росписямъ. Такъ, за 1875 годъ оказался излишекъ въ поступленіи доходовъ на цѣлыхъ 33¼ милліоновъ рублей. Въ этихъ благопріятныхъ явленіяхъ сказывалось несомнѣнное вліяніе постройки желѣзныхъ дорогъ, которая доставляла большіе заработки, имѣвшіе прямое вліяніе на возрастаніе государственныхъ доходовъ. Къ 1876 году наша желѣзно-дорожная сѣть составляла уже около 20 тысячъ верстъ; постройка ея потребовала

затраты $1\frac{1}{2}$ милліарда рублей, которые были добыты, преимущественно, у иностранныхъ капиталистовъ. По исчисленіямъ г. Бліоха, въ періодъ 1866—1875 годовъ израсходовано внутри страны на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ 481,5 милліоновъ рублей и, кромѣ того, расходы эксплуатаціи составили 535,7 милліоновъ рублей, изъ коихъ только 64,3 милліоновъ рублей были употреблены на покупку матеріаловъ заграничнаго происхожденія.

Нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть этихъ суммъ была употреблена рабочимъ населеніемъ для уплаты податей и это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что послѣ 1875 года, съ прекращеніемъ усиленнаго строительства желѣзныхъ дорогъ, прекращается надолго и усиленное возрастаніе суммы доходовъ.

Изъ финансовыхъ эпизодовъ, предшествовавшихъ войнѣ 1877—78 годовъ, весьма любопытно разсказана и критически освѣщена у автора—операція поддержки вексельныхъ курсовъ посредствомъ продажи металловъ изъ государственнаго банка.

Объявленіе войны Турціи въ 1877 году г. Бліохъ приписываетъ не только запутанности дипломатическихъ отношеній и нѣкоторому давленію со стороны Сербіи, выражавшемуся въ видѣ славянофильскихъ заявленій внутри Россіи, но еще—и болѣе всего—„сильному и настойчивому содѣйствію изъ Берлина". Это довольно вѣроятно. Припомнимъ, что Берлинъ постоянно поощрялъ и Францію къ предпріятіямъ въ Тунисѣ. „Возвращеніе части Бессарабіи, отошедшей отъ Россіи по парижскому трактату, считали прямой обязанностью, —говоритъ авторъ, излагая виды прусской дипломатіи, — и даже личнымъ дѣломъ императора Александра II. Германскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Швейницъ, и военный агентъ, генералъ Вердеръ, всесторонне обработывали почву — именно въ такомъ направленіи. Посылка генерала Мантейфеля въ Варшаву съ собственноручнымъ письмомъ императора германскаго, прибытіе генерала Швейница, осенью 1876 года, въ Ливадію, для сообщенія, что вслѣдствіе сношеній между Берлиномъ и Бухарестомъ для русской арміи не существуетъ болѣе никакихъ препятствій къ проходу чрезъ румынскія владѣнія и что Румынія согласна заключить союзъ съ Россіей противъ Турціи, прибывшая, вслѣдъ затѣмъ, въ Ливадію депутація изъ Москвы, предложившая собрать денежныя средства для войны—всѣ эти обстоятельства, въ совокупности, окончательно рѣшили вопросъ о финансовыхъ средствахъ для ея веденія".

Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ былъ вызванъ для этой цѣли въ Ливадію. Авторъ ставитъ очень высоко заслуги г. Рейтерна и мы съ нимъ совершенно согласны, хотя для соблюденія полной справедливости не можемъ не замѣтить, что г. Рейтернъ лишь во

время управленія министерствомъ постепенно пріобрѣлъ тѣ знанія, которыя потомъ утилизировалъ, въ особенности благодаря энергическому своему характеру. Естественно, что тотъ министръ финансовъ, который впродолженіе 14 лѣтъ (1862 — 1876) систематически стремился къ сокращенію сверхсмѣтныхъ ассигнованій, придалъ финансовой росписи гласность, видѣлъ въ свободномъ обсужденіи финансовыхъ вопросовъ печатью необходимое условіе для поддержанія общественнаго довѣрія, которое въ дѣлахъ финансовыхъ называется „кредитомъ" — долженъ былъ смотрѣть на эту войну, вызванную сперва довольно проблематическими побужденіями, а уже только при концѣ—вопросомъ о національной чести, весьма несочувственно.

По словамъ г. Бліоха, М. X. Рейтернъ, въ Ливадіи, прямо сообщилъ государю, что Россія, въ виду своего тяжелаго финансоваго положенія (нынѣ оно еще болѣе тяжело, чѣмъ было тогда), не имѣетъ средствъ вести войну. Но государь, указывая на заявленіе московской депутаціи, находилъ, что необходимыя средства можно собрать посредствомъ займа. Министръ финансовъ отрицалъ возможность заключенія этого займа, въ виду опасливаго настроенія европейскихъ денежныхъ рынковъ, именно вслѣдствіе военныхъ приготовленій Россіи, поясняя при этомъ, что если бы такая возможность и оказалась, то навѣрное заемъ нашелъ бы помѣщеніе лишь при тяжелыхъ и разорительныхъ условіяхъ. Затѣмъ М. X. Рейтернъ указывалъ на то, что одни лишь слухи о войнѣ уже повели за собой значительныя для Россіи потери, вслѣдствіе паденія фондовъ и вексельнаго курса, съ трудомъ удерживаемаго на извѣстной высотѣ. Въ заключеніе, министръ финансовъ, въ виду того, что ему, пробывъ во главѣ этого министерства впродолженіе стольких лѣтъ мирнаго времени, трудно передѣлаться въ „министра военнаго времени",—просилъ объ увольненіи его отъ занимаемой должности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Рейтернъ представилъ свою записку (меморіалъ) объ общемъ экономическомъ состояніи государства, записку, изъ которой г. Бліохъ имѣлъ возможность привесть нѣкоторыя интересныя черты.

Въ этой запискѣ излагалось мнѣніе, что, въ виду даннаго экономическаго положенія, война представлялась крайне нежелательной и что „вслѣдствіе войны, Россія не только сразу потеряетъ всѣ достигнутые ею результаты по введеннымъ въ теченіе 20 лѣтъ реформамъ, но ей необходимы будутъ еще лѣтъ 20, чтобы придти въ то положеніе, какое существовало въ 1876 году". Въ запискѣ приводились и соображенія иного, политическаго свойства — противъ войны.

Чрезвычайныя издержки. вызванныя войною и не входившія въ

ежегодныя росписи 1876—1879 годовъ, составили 1,020½ мил. рублей, которые были покрыты однимъ внѣшнимъ и нѣсколькими внутренними процентными займами, а также выпускомъ вновь до 400 мил. рублей кредитныхъ билетовъ. Въ числѣ финансовыхъ мѣръ, вызванныхъ войною, было переложеніе таможенныхъ пошлинъ на золото, по нарицательному курсу, что равнялось огульному ихъ возвышенію сразу на 33%, т.-е. на цѣлую треть.

М. X. Рейтернъ остался министромъ лишь на время войны и немедленно по ея окончаніи преемникомъ ему былъ назначенъ С. А. Грейгъ. Авторъ приводитъ выписки изъ замѣчательной записки этого министра о ненормальномъ положеніи, въ какомъ находится въ Россіи удовлетвореніе государственныхъ расходовъ. Такъ какъ въ настоящее время нашлись писатели, которые силятся убѣдить общество, что преуспѣяніе Россіи должно совершаться по „самобытнымъ“ путямъ, и даже такіе, которые утверждаютъ, что ни въ какихъ улучшеніяхъ нѣтъ надобности, что ихъ и безъ того, будто бы, было ужъ слишкомъ много, то нелишне будетъ выписать столь авторитетный отзывъ относительно нѣкоторыхъ недостатковъ, замѣчающихся въ способѣ удовлетворенія у насъ государственныхъ расходовъ.

„Уменьшеніе расходовъ, по силѣ вещей, ускользаетъ изъ рукъ министра финансовъ“,—писалъ С. А. Грейгъ.—„Въ отношеніи новыхъ расходовъ, министръ финансовъ имѣетъ еще голосъ; согласіе его испрашивается по вновь возникающимъ предположеніямъ и противъ такихъ, которыя не вызываются настоятельною надобностью, онъ имѣетъ возможность бороться,—не всегда, впрочемъ, успѣшно.

„Въ отношеніи же расходовъ существующихъ, составляющихъ столь значительную долю смѣтныхъ исчисленій, министръ финансовъ совершенно безсиленъ. Министерство, правда, разсматриваетъ смѣты отдѣльныхъ управленій и представляетъ по нимъ свои замѣчанія государственному совѣту, но замѣчанія эти касаются, преимущественно, небольшихъ, сравнительно, суммъ и исчисленій, такъ какъ большинство расходовъ основано на штатахъ и постановленіяхъ, до которыхъ министерство финансовъ не можетъ касаться.

„Въ такомъ же положеніи къ смѣтамъ поставленъ и государственный контроль.

„Даже департаментъ государственной экономіи, на разсмотрѣніе котораго поступаютъ всѣ смѣты министерствъ и главныхъ управленій и который подвергаетъ ихъ подробному обсужденію, въ связи съ замѣчаніями министерства финансовъ и государственнаго контроля, находится, въ этомъ отношеніи, въ положеніи не болѣе выгодномъ. Останавливаясь предъ штатными и другими, имъ подобными, постоянными расходами, департаментъ можетъ производить сокращенія или повѣркою исчисленій на расходы хозяйственные, или же

уменьшеніемъ расходовъ временныхъ и единовременныхъ, штатами и постановленіями не опредѣленныхъ. Но въ числѣ этихъ послѣднихъ,—обнимающихъ, впрочемъ, по суммѣ, незначительную, говоря сравнительно, долю государственнаго бюджета,—заключаются расходы на различныя улучшенія и усовершенствованія, такъ что департаментъ, для достиженія равновѣсія въ росписи, вынужденъ обращать свое вниманіе на сокращеніе расходовъ полезныхъ и оставлять въ росписи расходы, польза которыхъ для него сомнительна.

„Съ теченіемъ времени возникаютъ новыя потребности, удовлетвореніе которыхъ требуетъ новыхъ расходовъ и расходы эти ассигнуются изъ года въ годъ, увеличивая расходный итогъ государственной росписи. Рядомъ съ симъ, многія изъ потребностей прежняго времени теряютъ значеніе при постоянномъ теченіи государственной и народной жизни; онѣ остаются, однакожъ, по прежнему, бременемъ на государственной казнѣ, или потому, что съ удержаніемъ ихъ въ смѣтахъ связаны личные интересы, или потому, что принятіе инициативы въ подобнаго рода сокращеніяхъ не представляетъ отдѣльнымъ начальникамъ,—занятымъ текущими дѣлами и улучшеніями во ввѣренныхъ имъ частяхъ,—особенно заманчивыхъ побужденій. Такимъ образомъ, предметы этихъ расходовъ продолжаютъ существовать среди новыхъ учрежденій обветшалыми памятниками прежнихъ порядковъ, или не вполнѣ удавшихся, но цѣнныхъ нововведеній.

„Вообще, нельзя не сознаться, что наше государственное управленіе и наше государственное хозяйство оказываются одними изъ самыхъ дорогихъ въ свѣтѣ.

„Между тѣмъ, уразновѣшеніе росписи, посредствомъ лишь увеличенія доходовъ, представляетъ большія неудобства, въ особенности со стороны нравственной и политической. Бремя новыхъ налоговъ ложится на народъ и на общество русское, которые, въ виду очевидной необходимости, готовы, безъ особаго ропота, нести это бремя; но, при этомъ, они естественно ожидаютъ, что рядомъ съ усиліями для увеличенія доходовъ, правительство сдѣлаетъ усилія и для сокращенія расходовъ.

„Предлагая обложить народъ, министръ финансовъ не исполнилъ бы своего долга, еслибы онъ, въ то же время, не повергъ своихъ соображеній для достиженія сокращенія въ государственныхъ расходахъ".

С. А. Грейгъ принялъ портфель финансовъ при крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ, ему выпала на долю задача—ликвидировать войну въ финансовомъ отношеніи. Онъ сдѣлалъ, что̀ было возможно, и оказалъ неоспоримыя услуги; хотя установленные имъ налоги и подвергались неоднократно критикѣ, но не слѣдуетъ

упускать изъ виду, что въ крайнемъ положеніи не легко выбирать средства, а С. А. Грейгъ имѣлъ всего шесть мѣсяцевъ для пріисканія новыхъ средствъ къ составленію росписи. Авторъ высказываетъ мнѣніе, что кратковременность управленія г. Грейга (всего два года) зависѣла отчасти отъ неудовольствія, возбужденнаго среди прежней администраціи его стремленіемъ къ сокращенію расходовъ какъ въ бытность его государственнымъ контролеромъ, такъ и въ званіи министра.

Не касаясь времени настоящаго, остановимъ наше фактическое обозрѣніе труда г. Бліоха — на назначеніи министромъ финансовъ А. А. Абазы и на знаменитомъ указѣ 1 января 1881 года о прекращеніи дальнѣйшихъ выпусковъ кредитныхъ рублей и о погашеніи, въ теченіе 8 лѣтъ, на 417 мил. рублей кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе „временно", на нужды войны. Какъ извѣстно, впрочемъ, ни одинъ рубль изъ числа 117 мил. рублей, уже уплаченныхъ казною, при счетахъ съ банкомъ, еще не подвергнутъ уничтоженію въ дѣйствительности.

Авторъ доводитъ свое изложеніе до ближайшаго времени. Изъ нашего очерка уже можно видѣть, какъ много любопытныхъ фактовъ собрано въ новомъ трудѣ г. Бліоха. Но мы не могли бы, даже и приблизительно, дать понятіе о всей громадности матеріала, переработаннаго имъ въ этихъ двухъ большихъ томахъ,—съ приложеннымъ къ нимъ графическимъ атласомъ. Числовыя данныя сопоставлены и разработаны въ нѣкоторыхъ частяхъ съ замѣчательной тонкостью. Въ цѣломъ объемѣ своемъ это—трудъ весьма почтенный, въ которомъ сквозь массу фактовъ и цифръ логично и выдержанно проведены весьма опредѣленные, либеральные взгляды. Онъ заканчивается слѣдующими поучительными словами, въ которыхъ авторъ ссылается на необходимость проведенія въ жизнь „правды", указанную въ манифестѣ 1881 г.: „еслибъ ложь могла восторжествовать вмѣсто „правды", которую правительство избрало своимъ девизомъ, если бы фальши удалось подмалевать собою прежній застой, то отъ этого истекъ бы страшный вредъ для будущаго. Да, необходимо *довѣріе*, безъ него ничего нельзя совершить, оно необходимо съ обѣихъ сторонъ; будущность принадлежитъ развитію самоуправленія; средство, давшее хорошій результатъ во всемъ мірѣ, произведетъ его и у насъ, лишь бы оно явилось путемъ правильнымъ, мирнымъ и не слишкомъ поздно".

Т. Ф.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Тифлисъ.—Октябрь, 1883.

Реформа кавказскаго управленія, возбуждавшая многоразличные толки въ мѣстномъ обществѣ, наконецъ, совершилась, и новое „Учрежденіе управленія кавказскаго края“ введено съ перваго числа іюля нынѣшняго года. Новымъ закономъ упразднены кавказскія центральныя учрежденія, состоявшія при бывшемъ намѣстникѣ и замѣнявшія собою на мѣстѣ министерства. Губернскія учрежденія подчинены министерствамъ и сносятся съ ними не только чрезъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, но и непосредственно. Послѣдній же не только не пользуется тѣми особыми полномочіями, какими пользовался намѣстникъ и которыя стояли выше министерскихъ правъ, но и обязанъ руководствоваться указаніями петербургскихъ высшихъ центральныхъ управленій. Главноначальствующій имѣетъ надзоръ за всѣми учрежденіями въ краѣ, но дѣйствовать самостоятельно въ отношеніи многихъ изъ нихъ можетъ лишь въ исключительныхъ, экстренныхъ случаяхъ. Словомъ, должность его—нѣчто среднее между намѣстническимъ и генералъ-губернаторскимъ постами. Чтобы яснѣе представить разницу между властями намѣстника, главноначальствующаго и генералъ-губернатора, въ видѣ примѣра можно вспомнить, что первый имѣлъ право опредѣлять, увольнять, перемѣщать и удалять отъ должностей чиновниковъ до V класса включительно; главноначальствующій пользуется той же властью въ отношеніи чиновниковъ до VII класса, а также относительно полицейскихъ чиновъ V и VI классовъ и мировыхъ посредниковъ; а генералъ-губернатору предоставлена эта власть въ отношеніи лишь его чиновниковъ особыхъ порученій и лицъ, служащихъ въ его канцеляріи. Остальныя же части реформы имѣютъ несравненно менѣе значенія. Такъ напр., нѣсколько измѣнено административное дѣленіе края: кутаисская губернія соединена съ батумскою областью и сухумскимъ отдѣломъ въ одну губернію; карская область раздѣлена на четыре округа, долженствующіе замѣнить существовавшіе тамъ до сихъ поръ шесть округовъ; начальникъ дагестанской области переименованъ въ военнаго губернатора. Нѣкоторыя дѣла главноначальствующимъ рѣшаются лишь по выслушаніи мнѣнія состоящаго при немъ совѣта, члены котораго, большею частью, назначаются по представленію самого же главноначальствую-

щаго, меньшую же часть составляютъ представители министерствъ, при полномъ отсутствіи выборныхъ представителей общества.

Преобразованіе еще не закончено (такъ, относительно военно-народнаго управленія нѣкоторыми областями Кавказа, а также почтовой и медицинской частей только теперь составляются проекты), но все же, предположивъ, что реформа въ этихъ вѣдомствахъ приметъ тоже направленіе, какое приняла она въ другихъ управленіяхъ, можно и теперь опредѣлить характеръ начавшагося и, въ большей части, уже совершившагося переустройства кавказскаго управленія.

Судя по тому живому интересу, какой возбуждала эта реформа въ мѣстномъ обществѣ въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, можно было бы заключить, что она будетъ играть въ его жизни очень важную роль. Но если вспомнить, что сенсація эта производилась чисто внѣшними, не имѣющими съ нею существенной связи, обстоятельствами, то придется нѣсколько перемѣнить этотъ взглядъ. Въ дѣйствительности, оживленные толки порождались у насъ отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря новымъ порядкамъ, сто съ лишнимъ чиновниковъ упразднявшихся центральныхъ учрежденій были потревожены: одни, большею частью престарѣлые, выслужившіе пенсіонный срокъ, лишались мѣста; другіе, ожидавшіе повышенія, попадали въ новыхъ учрежденіяхъ на должности съ меньшимъ окладомъ жалованья; третьимъ же стоило большихъ хлопотъ удержать за собою завоеванное ими съ трудомъ положеніе. Какъ ни ничтожна пропорція этихъ встревоженныхъ бюрократовъ въ отношеніи пятимилліоннаго населенія края, однако, если имѣть въ виду, что они-то и составляли у насъ дирижирующій классъ и съ судьбой ихъ тѣсно связана была судьба тысячи мелкихъ чиновниковъ и многоразличныхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣятелей, находившихся подъ ихъ высокимъ покровительствомъ, то можно легко представить себѣ ту нервность, какую пробуждали въ нашемъ обществѣ всевозможные слухи о новыхъ порядкахъ, доходившіе къ намъ изъ столицы въ самыхъ разнообразныхъ варіантахъ.

Эта болѣзненная впечатлительность усиливалась въ началѣ и тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросъ объ административныхъ преобразованіяхъ былъ рѣшенъ въ принципѣ быстро и неожиданно, безъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ коммиссій и подкоммиссій и внѣ обыкновеннаго законодательнаго порядка, безъ длиннаго путешествія проектовъ по разнымъ канцеляріямъ и департаментамъ. Отъѣздъ изъ края великаго князя, весной 1881 г., казалось, не предвѣщалъ быстраго упраздненія намѣстничества. Напротивъ, держались слухи, что прежде чѣмъ вопросъ этотъ будетъ обсуждаться и рѣшаться въ

высшихъ сферахъ, исправляющимъ должность намѣстника останется на неопредѣленное время его помощникъ, кн. Меликовъ. Слухи эти казались до того правдоподобными, что вскорѣ послѣ того, когда появилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ телеграмма изъ Петербурга, категорически заявлявшая объ упраздненіи кавказскаго намѣстничества и кавказскаго комитета, и объ учрежденіи у насъ должности главноначальствующаго съ правами генералъ-губернатора, то кавказское высшее начальство сочло нужнымъ опубликовать въ мѣстной оффиціальной газетѣ, что извѣстіе московской газеты не подтверждается свѣдѣніями, имѣющимися у него, у начальства. Вскорѣ однакожъ пришлось убѣдиться въ противномъ: оказалось, что вопросъ былъ рѣшенъ безповоротно въ смыслѣ приведенной телеграммы и что и вновь назначенному главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ, князю Дондукову-Корсакову, и министерствамъ, и государственному совѣту, и вновь составленной коммиссіи изъ представителей министерствъ и отдѣльныхъ частей кавказскаго управленія, предоставлена была лишь разработка частностей новаго „Положенія“ и обсужденіе мѣръ, способствующихъ къ скорѣйшему приведенію въ исполненіе состоявшагося уже высочайшаго повелѣнія. Впрочемъ, исполненіе это началось, посредствомъ частныхъ распоряженій, немедленно, еще до составленія новаго положенія. Такъ напр., новый начальникъ края, при самомъ назначеніи его на эту должность, лишился нѣкоторыхъ правъ намѣстника; нѣкоторыя кавказскія центральныя управленія стали тогда же получать бумаги непосредственно изъ министерства, что̀, конечно, не допускалось дѣйствовавшимъ въ то время положеніемъ о намѣстничествѣ; нѣкоторые генералы, состоявшіе при намѣстникѣ-главнокомандующемъ, получили отставку раньше, чѣмъ предполагали, и т. д. Такую энергію въ проведеніи реформы объясняли, какъ стремленіемъ правительства къ сокращенію государственныхъ расходовъ, такъ и вліяніемъ новаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ, графа Игнатьева, который, держась такъ называемой „народной политики“, придавалъ чрезвычайную важность извѣстному взгляду на государственное значеніе окраинъ. Какъ бы то ни было, быстрое рѣшеніе вопроса было для нашего общества большою неожиданностью, возбудившею много толковъ.

Однако было бы ошибочно заключить изъ всего сказаннаго, что толки эти возбуждались исключительно этими случайными обстоятельствами и что само по себѣ упраздненіе намѣстничества не имѣетъ никакого значенія для населенія Кавказа, для его гражданскаго развитія и экономическаго прогресса. Чтобъ не приходить къ подобному ошибочному выводу, нужно вспомнить о той исторической роли,

какую съиграло кавказское намѣстничество съ самого начала своего возникновенія.

Въ первое время по присоединеніи къ Россіи Грузіи и завоеваніи мусульманскихъ провинцій Кавказа, въ началѣ настоящаго столѣтія, высшій начальникъ края, главноуправляющій, пользовался правами, сходными съ правами нынѣшняго главноначальствующаго. Въ концѣ же 1844 г., правительство, желая возможно скорѣе положить предѣлъ затянувшейся горской войнѣ и водворить порядокъ въ разноплеменной и многоязычной странѣ, учредило должность намѣстника, пользующагося вмѣстѣ съ тѣмъ и правами и обязанностями главнокомандующаго всею кавказскою арміею. Чтобы понять всю важность вновь учрежденной должности, достаточно прочесть слѣдующій отрывокъ изъ письма императора Николая I къ первому кавказскому намѣстнику, князю М. С. Воронцову: „Считаю нужнымъ избрать исполнителемъ моей непремѣнной воли лицо, облеченное всѣмъ моимъ *неограниченнымъ довѣріемъ* и соединяющее съ извѣстными военными доблестями опытность гражданскихъ дѣлъ, въ семъ порученіи равномѣрно важныхъ. Выборъ мой палъ на васъ, въ томъ убѣжденіи, что вы, какъ главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и намѣстникъ мой въ сихъ областяхъ, съ *неограниченнымъ полномочіемъ*, проникнутые важностью порученія и моимъ къ вамъ довѣріемъ, не откажетесь исполнить мое ожиданіе". (Біографія кн. Воронцова, М. Щербинина, 1858, стр. 212 и 213).

Кн. Воронцовъ этими предоставленными ему широкими полномочіями воспользовался, чтобъ вести политику, значительно разнившуюся отъ царившаго въ то время въ столицахъ суроваго милитаризма. Въ то время, какъ въ другихъ частяхъ государства велась такъ-называемая „народная политика", неблагопріятная для свободнаго развитія мѣстныхъ силъ окраинъ, кавказскій намѣстникъ пользовался своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобъ дѣйствовать въ совершенно иномъ направленіи. Въ первомъ же приказѣ по войскамъ, новый начальникъ края заявлялъ: „Съ племенами покорными мы будемъ вести себя мирно и дружелюбно. Жители Кавказа *должны столько же любить и уважать насъ во время мира*, сколько бояться въ военныхъ дѣйствіяхъ, если таковыя на себя навлекутъ. Въ этомъ состоитъ непремѣнная воля великаго нашего государя и мы должны, и по долгу вѣрноподданныхъ, и по христіанской совѣсти, быть точными исполнителями сей непремѣнной воли". Край нашъ долго будетъ помнить этотъ гуманный взглядъ кн. Воронцова, потому что многіе администраторы и до настоящаго времени не дошли до пониманія важности такихъ взглядовъ. Въ то время, какъ въ другихъ частяхъ государства велось направленіе реакціонное и неблаго-

пріятное интересамъ образованія, — въ отдаленной окраинѣ, благодаря усиліямъ просвѣщеннаго намѣстника, создались первый грузинскій театръ, первый грузинскій журналъ, газета „Кавказъ", издававшаяся на русскомъ и армянскомъ языкахъ, дарованы были мѣстному дворянству автономныя права русскаго дворянства, были открыты учрежденія, долженствовавшія дать богатой природѣ Кавказа своихъ мѣстныхъ ученыхъ изслѣдователей, создались тифлисская публичная библіотека, отдѣлъ русскаго географическаго общества, школа межевщиковъ, типографія, магнитная и метеорологическая обсерваторія, нѣсколько благотворительныхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Тифлисѣ, Эривани и Ставрополѣ, и пр.

Смѣнившіе кн. Воронцова намѣстники, гр. Муравьевъ (Н. Н.) и кн. Барятинскій, недолго оставались на этомъ посту и пользовались своею обширною властью почти исключительно для военныхъ цѣлей, для успѣшнаго окончанія войны съ горцами. Между тѣмъ въ Россіи въ это время начали созрѣвать идеи, послужившія основаніемъ реформаціонной дѣятельности прошлаго царствованія. Назначенный тогда (въ 1862 г.) кавказскимъ намѣстникомъ великій князь Михаилъ Николаевичъ поручилъ особо учрежденнымъ коммиссіямъ выработать начала, на которыхъ должны были быть введены въ краѣ реформы, проектированныя для внутреннихъ губерній Россіи. Но не успѣли коммиссіи исполнить возложенныя на нихъ трудныя обязанности, какъ въ столичныхъ канцеляріяхъ начало торжествовать иное направленіе, рѣшительно враждебное совершившимся уже крупнымъ реформамъ, и мѣстнымъ бюрократамъ послѣ этого оставалось лишь одно: сочинять такія „мѣстныя условія края", которыя являлись бы серьезной помѣхой къ осуществленію первоначальной мысли, къ введенію у насъ новыхъ учрежденій безъ существенныхъ измѣненій. Благодаря этому, крестьянская реформа двигалась у насъ черепашьимъ шагомъ и до сихъ поръ не доведена до конца; новыя судебныя учрежденія введены безъ суда присяжныхъ, безъ обвинительной камеры и безъ выборныхъ мировыхъ судей, а земская реформа вовсе не коснулась насъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, естественно было влеченіе лучшей части мѣстнаго общества къ слiянію нашей окраины съ внутренними губерніями Россіи, къ уничтоженію того исключительнаго положенія нашего, которое когда-то было очень полезно для насъ, но которое впослѣдствіи являлось какой-то китайской стѣной, отдѣлявшей насъ отъ остальнаго міра. Въ это же время создалось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ стремленіе къ сокращенію непроизводительныхъ расходовъ, причемъ, конечно, нельзя было не обратить вниманія на то обстоятельство, что на содержаніе адми-

нистраціи такой богатой окраины, какъ Кавказъ, государство расходуетъ больше, чѣмъ получаетъ оттуда мѣстныхъ доходовъ. Въ нашемъ благодатномъ климатѣ синекура свила себѣ очень теплое гнѣздышко, а кавказскія центральныя учрежденія, замѣнявшія собой на мѣстѣ многочисленные министерскіе департаменты, являясь часто лишнею инстанціею между губернскими учрежденіями и министерствами, поглощали однако ежегодно весьма изрядныя суммы. Вотъ почему мысль объ уничтоженіи исключительнаго положенія Кавказа нѣсколько лѣтъ назадъ встрѣчалась сочувственно, какъ правительствомъ, такъ и образованною частью мѣстнаго общества, и печатью. Мысль эта сдѣлалась до того популярной, что она впослѣдствіи, при торжествѣ такъ-называемой „народной политики", была приведена въ исполненіе крайне быстро, раньше, чѣмъ можно было предположить, какъ это уже изложено выше.

Разсказавъ исторію реформы кавказскихъ учрежденій, нельзя не упомянуть вмѣстѣ съ тѣмъ, что новые порядки, предположенные „Учрежденіемъ управленія кавказскаго края", едва ли могутъ достигнуть той цѣли, съ какою они первоначально были проектированы. Такова судьба всѣхъ поспѣшно производимыхъ преобразованій.

Съ упраздненіемъ намѣстничества, вовсе не замѣчалось желательнаго сближенія кавказскихъ порядковъ съ общерусскими. Настоящее теченіе дѣлъ въ Россіи не можетъ, конечно, способствовать къ введенію у насъ вышеперечисленныхъ реформъ, давно произведенныхъ во внутреннихъ губерніяхъ [1]. Благодаря этому настроенію, рѣшеніе тифлисскихъ и кутаисскихъ дворянъ ходатайствовать о введеніи у насъ земства и суда присяжныхъ остается до сихъ поръ безъ всякаго движенія, подъ сукномъ у предводителей дворянствъ, нерѣшающихся громко заявить о нуждахъ своихъ губерній. Мало того, несмотря на уничтоженіе нашего исключительнаго положенія, на насъ не распространены даже такія позднѣйшія распоряженія правительства, какъ основаніе крестьянскаго поземельнаго банка или введеніе обязательнаго выкупа. Казалось бы, распоряженія эти могутъ принести у насъ только пользу и вмѣстѣ съ тѣмъ не сочтутся противными видамъ нынѣ дѣйствующей политики. Однако въ этихъ случаяхъ Кавказъ по-прежнему все продолжаетъ оставаться въ сторонѣ.

Что же касается сокращенія штатовъ, то едва ли оно можетъ повлечь за собой сокращеніе государственныхъ расходовъ. По новому

---

[1]) Изъ всѣхъ реформъ прошлаго царствованія рѣшено ввести у насъ пока лишь одну—военную.

положенію на содержаніе администраціи края исчислено, какъ заявляетъ оффиціальная газета, на 380 тыс. рублей менѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Это—по гражданскому управленію, по военному же вѣдомству сокращеніе расходовъ предположено на 785 тыс. руб.; что въ общей сложности составитъ 1.165,000. Но дѣло въ томъ, что одновременно съ упраздненіемъ нѣкоторыхъ кавказскихъ центральныхъ учрежденій, открываются въ Петербургѣ при министерствахъ, сенатѣ и по другимъ отдѣльнымъ частямъ новыя должности, такъ какъ съ переходомъ множества дѣлъ, находившихся въ вѣдѣніи кавказской администраціи, въ столичные канцеляріи и департаменты, въ этихъ послѣднихъ учрежденіяхъ работа увеличилась и требуетъ новыхъ работниковъ; такъ, напр., въ департаментѣ министерства юстиціи предположено съ этою цѣлью увеличить расходъ на 20 т. р., между тѣмъ какъ на тѣ отдѣленія главнаго управленія намѣстника кавказскаго, которыя завѣдывали до послѣдняго времени дѣлами, перешедшими въ этотъ департаментъ, уходила несравненно меньшая сумма. По этому примѣру можно было бы заключить, что реформа кавказскаго управленія можетъ вызвать не сокращеніе, а увеличеніе расходовъ.

Реформа кавказскаго управленія, такимъ образомъ, не достигала своей первоначальной цѣли. Но скептики, кромѣ того, усматриваютъ въ новыхъ порядкахъ и другіе недостатки, ставящіе ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ниже дѣйствовавшей до того системы. Такъ, особенно указываютъ на ожидаемое увеличеніе проволочки въ дѣлахъ. Разрѣшеніе дѣлъ въ министерствахъ, а не на мѣстѣ, съ безпрестаннымъ требованіемъ разныхъ нужныхъ справокъ изъ тифлисскихъ канцелярій и ихъ архивовъ; кавказскія горы, закрывающія зимой доступъ къ намъ изъ остальной Россіи не по днямъ, а по цѣлымъ недѣлямъ, — все это обстоятельства, которыя неминуемо повлекутъ за собой чрезвычайную медленность въ разрѣшеніи просьбъ, иногда, можетъ быть, требующихъ немедленнаго удовлетворенія. Такая медленность, конечно, бывала и прежде,—такъ какъ бывшія учрежденія главнаго управленія намѣстника, наполненныя чиновниками, незнакомыми ни съ языкомъ, ни съ потребностями мѣстнаго населенія, весьма усердно занимались лишь бумажнымъ производствомъ. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что эта медленность въ настоящее время еще болѣе увеличится. Стоитъ, напр., вспомнить цензуру. При прежнемъ порядкѣ, властью главнаго управленія по дѣламъ печати пользовалось у насъ главное управленіе намѣстника, которому неоднократно приходилось умѣрять излишнее рвеніе мѣстныхъ цензоровъ и благодаря которому, такимъ образомъ, статья, первоначально задержанная, появлялась въ свѣтъ черезъ нѣсколько дней или недѣлю послѣ за-

лобы автора или редактора. Теперь же, въ такихъ случаяхъ, съ подобными жалобами надо обращаться уже въ Петербургъ, въ главное управленіе по дѣламъ печати. Легко представить себѣ, сколько пройдетъ времени, пока будутъ представлены въ Петербургъ всѣ должныя справки, относящіяся къ арестованной статьѣ или замѣткѣ, и пока, наконецъ, появится въ печати это произведеніе, въ сущности, можетъ быть, невинное и уже потерявшее всякое значеніе для своего читателя. А чтобы судить о томъ, какъ часто требуетъ обжалованья произвольное распоряженіе мѣстнаго цензора, довольно привести слѣдующій фактъ, имѣвшій недавно мѣсто въ нашей цензорской практикѣ. Нѣкій стихотворецъ задумалъ начать свое произведеніе обращеніемъ: „моя милая родина Грузія!“ Цензура, усмотрѣвъ въ этихъ словахъ чуть не политическое преступленіе, зачеркнула ихъ и надписала: „милая зазнобушка моя!“, придавъ такимъ образомъ идейному произведенію смыслъ любовныхъ стишковъ.

Указываемый здѣсь недостатокъ новаго „учрежденія управленія кавказскаго края“ былъ до того очевиденъ, что черезъ мѣсяцъ же по введеніи его въ дѣйствіе, министерство внутреннихъ дѣлъ возбудило вопросъ о томъ, какіе предметы, перешедшіе въ его вѣдѣніе, могутъ быть окончательно разсматриваемы на мѣстѣ, совѣтомъ главноначальствующаго.

Критики новыхъ кавказскихъ порядковъ видятъ недостатокъ ихъ и въ томъ, что несостоятельному и безграмотному большинству кавказскаго населенія будетъ теперь чрезвычайно трудно заявлять о своихъ правахъ или потребностяхъ въ петербургскія канцеляріи, за тысячи верстъ. И въ этомъ замѣчаніи нельзя не признать доли справедливости, хотя и мѣстныя учрежденія, пользовавшіяся до сихъ поръ широкими полномочіями, нерѣдко страдали тѣмъ же, такъ какъ ихъ дѣятели, живя въ замкнутомъ чиновничьемъ кругу, бывали весьма малодоступны бѣдному и невѣжественному люду, наиболѣе нуждающемуся въ защитѣ власти. Но все же между этими мѣстными начальниками находились и гуманные и просвѣщенные люди и они при прежней системѣ имѣли гораздо больше возможности установить живую, непосредственную связь между своею канцеляріею и дѣйствительною жизнью. Въ настоящее же время при всей доброй волѣ чиновъ министерства, весьма трудно будетъ имъ войти въ положеніе темной массы, не имѣющей средствъ заявлять о своихъ нуждахъ въ столицѣ.

Достойно вниманья также слѣдующее замѣчаніе, дѣлаемое по по поводу новой системы управленія.

Всѣ чиновники, занимающіе сколько-нибудь самостоятельныя должности (выше VII класса, за исключеніемъ мировыхъ посредни-

ковъ и полицейскихъ чиновъ), назначаются помимо главноначальствующаго, и вслѣдствіе того можно полагать, что на эти посты будутъ опредѣляться лица, хорошо извѣстныя въ петербургскихъ канцеляріяхъ, а не тѣ, которыя долго служили на Кавказѣ и близко знакомы съ его жизненными условіями. Можно также предполагать, что такіе чиновники, не будучи подчинены мѣстной власти и находясь слишкомъ далеко отъ своего начальства, будутъ дѣйствовать безконтрольно. Есть уже на лицо примѣръ, доказывающій вѣрность подобнаго предположенія. Имѣю въ виду здѣсь недавнее столкновеніе мѣстнаго общества грамотности съ директоромъ народныхъ училищъ.

Дѣло въ томъ, что общество распространенія грамотности хотя и не сочувствовало программѣ, составленной кавказскимъ попечительскимъ совѣтомъ для народныхъ училищъ, тѣмъ не менѣе вынуждено было принять ее, такъ какъ въ противномъ случаѣ всѣ школы общества были бы закрыты. Поэтому въ недавнемъ ходатайствѣ своемъ объ открытіи одной сельской школы оно, между прочимъ, заявило: „Хотя правленіе (общества) убѣждено, что обученіе русскому языку педагогичнѣе и цѣлесообразнѣе начинать съ третьяго учебнаго года, но оно, уступая настоятельнымъ требованіямъ мѣстнаго учебнаго начальства, обученіе русскому языку во вновь открываемомъ заведеніи будетъ начинать со второй половины перваго учебнаго года, при шести урокахъ въ недѣлю“. Казалось бы, дирекція народныхъ училищъ должна была быть вполнѣ довольна тѣмъ, что нашла въ средѣ частнаго общества людей, готовыхъ не только раздѣлить съ нею исполненіе многосложныхъ обязанностей ея по народному образованію, но и безпрекословно подчиняться ея непедагогичнымъ и нецѣлесообразнымъ программамъ. Но, дирекція нашла, что вышеприведенное заявленіе „по крайней мѣрѣ, неумѣстно“ и что подобныя ходатайства нужно представлять „безъ лишнихъ разсужденій“. Въ виду этого, просьба правленія объ открытіи новой сельской школы остается безъ движенія и по настоящее время. Дирекція, находясь прежде въ вѣдомствѣ главнаго управленія намѣстника, никогда не прибѣгала къ такимъ крутымъ мѣрамъ...

Говоря о новыхъ порядкахъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о первыхъ шагахъ новой администраціи. Она прежде всего обратила вниманіе на наши застарѣлыя болѣзни: на необмежеванность земель и на тревожное состояніе края, вслѣдствіе часто повторяющихся случаевъ убійствъ и разбоевъ. Вопросы эти, дѣйствительно, такъ близко затрогиваютъ наши интересы, что отъ ихъ правильнаго разрѣшенія, можно сказать, зависитъ наше существованіе.

Черепашьи шаги межеванія создали у насъ крайнюю запутанность имущественныхъ отношеній, распутывать которыя населеніе принималось кинжальными ударами. Правильная постановка межевого вопроса сразу прекратитъ массу нашихъ тяжебъ по наслѣдству и по разнымъ гражданскимъ сдѣлкамъ и ускоритъ выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ. Увеличеніе же средствъ межевого вѣдомства, проектируемое новымъ кавказскимъ начальствомъ, нужно полагать, приведетъ именно къ этому желательному результату.

Что касается вопроса о прекращеніи слишкомъ часто совершающихся у насъ разбоевъ и убійствъ, то новою администраціею и въ этомъ дѣлѣ установлена вѣрная точка зрѣнія. Судъ въ томъ видѣ, какъ онъ у насъ существуетъ, дѣйствительно, оказывается безсильнымъ въ вопросѣ объ уничтоженіи многочисленныхъ нашихъ разбойничьихъ шаекъ, терроризующихъ цѣлые уѣзды. Судъ оторванъ и отъ населенія, и отъ полиціи, и каждому изъ нихъ приходится дѣйствовать безъ взаимной помощи и руководительства и даже во вредъ другъ другу. Новый судъ безъ присяжныхъ засѣдателей и выборныхъ мировыхъ судей, состоящій, главнымъ образомъ, изъ людей, недавно пріѣхавшихъ въ край, мало знакомыхъ съ условіями его жизни, и при разборѣ дѣла ограничивающихся лишь формальною стороною его, бываетъ слишкомъ суровъ относительно всѣхъ тѣхъ подсудимыхъ, противъ которыхъ удалось собрать кое-какія улики; и, напротивъ, тотъ же судъ вполнѣ безсиленъ въ тѣхъ случаяхъ, когда судебный слѣдователь, будучи лишенъ полицейской помощи (у насъ вовсе нѣтъ сыскной полиціи), а также содѣйствія населенія, которому онъ вовсе чуждъ и по языку, и по понятіямъ, не успѣваетъ открыть преступника или опредѣлить степень участія подсудимыхъ въ содѣянномъ имъ преступленіи. Суровые приговоры и полное оправданіе подсудимаго, вотъ тѣ крайности, въ которыя приходится бросаться нашему суду. Новая администрація очень скоро поняла, что безсиліе исполнителей правосудія проистекаетъ отъ полной оторванности ихъ отъ населенія. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, существовавшій и прежде, законъ о высылкѣ вредныхъ членовъ сельскаго общества по общественному приговору сталъ примѣняться въ настоящее время довольно часто. Въ виду того, что само населеніе лучше бюрократіи можетъ знать нарушителей его спокойствія, и само оно больше всѣхъ страдаетъ отъ нихъ, односельцамъ ихъ и предоставлено охранять цѣлость своего имущества и безопасность своей жизни.

Однако, нельзя не признать, что мѣра эта, хотя и принятая при такомъ вѣрномъ пониманіи недостатковъ нашего суда, все же не есть разрѣшеніе вопроса о возстановленіи въ краѣ прочнаго спокой-

ствія. Сельскіе общественные приговоры не замѣнятъ собой суда, потому, во-первыхъ, что нельзя прибѣгать къ нимъ часто; во-вторыхъ, извѣстно, что такіе приговоры постановляются при открытомъ голосованіи, подъ диктовку всемогущаго въ крестьянской средѣ полицейскаго чиновника или кулака, слѣдовательно, судъ сельскаго схода уступаетъ суду присяжныхъ въ отношеніи самостоятельности приговоровъ, не говоря уже о разныхъ процессуальныхъ удобствахъ, которыя, какъ хорошо извѣстно всякому юристу, присущи суду присяжныхъ, но которыхъ нѣтъ вовсе въ первобытной формѣ суда.

Еще болѣе недостаточной окажется вышеозначенная мѣра, практикуемая новымъ кавказскимъ начальствомъ, если принять во вниманіе, что она непримѣнима къ городамъ. Здѣсь приходится прибѣгать къ обыкновенной административной ссылкѣ, которая не можетъ замѣнить собою сколько-нибудь правильно организованнаго суда, но и особенно вредна въ нашемъ краѣ, безъ того достаточно страдающемъ отсутствіемъ законности.

Впрочемъ, неудобства этого рода наказанія, повидимому, сознавались и кавказскою администраціею, такъ какъ прежде чѣмъ дать ему широкое примѣненіе, она ходатайствовала предъ высшимъ начальствомъ о передачѣ всѣхъ крупныхъ уголовныхъ дѣлъ изъ гражданскаго окружного суда въ военный. Но ходатайство это не имѣло успѣха, такъ какъ оно слишкомъ мало согласовалось съ общеустановленнымъ въ государствѣ порядкомъ подсудности. Жалѣть объ этомъ, конечно, не приходится, имѣя въ виду некомпетентность военнаго суда въ дѣлахъ гражданскихъ и непримѣнимость военныхъ законовъ къ мирному населенію. Напротивъ, желательно, чтобъ изъ вѣдомства военнаго суда были изъяты нѣкоторыя изъ тѣхъ дѣлъ, которыя теперь ему подсудны, а именно дѣла объ обыкновенныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ военными чинами. Наше общество невольно вспомнило этотъ вопросъ на-дняхъ, когда разбиралось въ кавказскомъ военно-окружномъ судѣ дѣло объ убійствѣ штабсъ-капитаномъ Мищенко учителя тифлисскаго реальнаго училища, Машарскаго. Дѣло это надѣлало столько шуму и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ характеристично, что тифлисскому хроникеру нельзя пройти его молчаніемъ.

Обстоятельства настоящаго дѣла слѣдующія: 1 мая нынѣшняго года, въ Тифлисѣ, въ одномъ изъ увеселительныхъ садовъ, двѣ незнакомыя между собою компаніи офицеровъ и учителей реальнаго училища, завязали споръ по поводу шиканія и апплодированія пѣвшей въ томъ саду пѣвицѣ. Во время этого спора штабсъ-капитанъ Мищенко первый нанесъ оскорбленіе словомъ и дѣйствіемъ учителю Машарскому, затѣмъ завязалась драка между ними, причемъ

обѣ стороны достаточно пострадали. Впрочемъ, въ тотъ день дѣло до пораненій или убійства не дошло, и лишь на другой день Мищенко, какъ георгіевскій кавалеръ, счелъ своимъ долгомъ снять съ себя оскорбленіе, нанесенное его мундиру, и вызвалъ на дуэль своего противника; когда же послѣдній, не умѣя владѣть оружіемъ, отказался отъ дуэли, отъ него потребовали, чтобъ онъ публично, въ саду же повинился предъ оскорбленнымъ офицеромъ. Машарскій отказался, конечно, и отъ этого унизительнаго предложенія, не считая себя вовсе виновнымъ,—но поддаваясь настоянію г. Мищенко и его пріятелей, согласился явиться къ нему на квартиру, на третій уже день происшествія, и извиниться въ присутствіи лишь товарищей. Мищенко же къ тому времени запасся заряженнымъ револьверомъ, съ цѣлью самоубійства, какъ онъ самъ объяснилъ на судѣ, но когда къ нему явился Машарскій съ повинной головой, то онъ направилъ въ него три выстрѣла и послѣдній умеръ на мѣстѣ. Изъ этихъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи, можно вывести единственное заключеніе, что мотивомъ такого звѣрскаго преступленія являлась плохо понятая воинская честь. Другихъ уменьшающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ не имѣлось въ виду у всей многочисленной публики, присутствовавшей на этомъ процессѣ. Судъ тѣмъ не менѣе призналъ Мищенко виновнымъ въ совершеніи убійства въ состояніи запальчивости и раздраженія и, назначивъ ему относительно легкое наказаніе—ссылку на житье въ Сибирь, вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ ходатайствовать предъ Высочайшею властью о замѣнѣ этого наказанія заключеніемъ въ крѣпости на 1 годъ, съ ограниченіемъ лишь нѣкоторыхъ правъ по службѣ.

Слушая этотъ приговоръ, невольно являлся вопросъ: чѣмъ объяснить такую исключительную снисходительность военнаго суда къ подсудимому, того самаго суда, который бываетъ часто слишкомъ суровъ въ дѣлахъ о нижнихъ чинахъ. Единственнымъ отвѣтомъ можетъ служить здѣсь предположеніе, что судъ призналъ въ Мищенкѣ защитника воинской чести, хотя и прибѣгавшаго къ незаконнымъ средствамъ, но руководившагося благородными побужденіями. Конечно, можно согласиться, что въ данномъ случаѣ убійца, по своей крайней неразвитости, имѣлъ превратное понятіе о чести своего мундира, и что, благодаря исключительно этому обстоятельству, военный судъ былъ къ нему, можно сказать, безпримѣрно снисходителенъ. Но дѣло въ томъ, что эта точка зрѣнія не даетъ права предоставлять свободу человѣку, безразсудныя дѣйствія котораго угрожаютъ не только спокойствію, но и жизни мирныхъ гражданъ. Ошибка военнаго суда въ данномъ процессѣ произошла отъ того, что обыкно-

военное уголовное преступленіе, хотя и совершенное военнымъ, но не имѣющее ничего общаго съ военною службою, было разсмотрѣно съ одной лишь точки зрѣнія извѣстныхъ условныхъ взглядовъ на воинскую честь. Тутъ не помогла и рѣчь помощника военнаго прокурора, старавшагося установить вѣрное понятіе объ этомъ предметѣ. „Всякое сословіе,—говорилъ онъ,—всякая корпорація въ государствѣ имѣютъ, очевидно, свои традиціи, свой нравственный кодексъ, свое достоинство и свою честь. Корпорація и отдѣльные члены ея, нѣтъ сомнѣнія, могутъ защищать достоинство и честь, какъ всего сословія, такъ и отдѣльныхъ членовъ его, тѣмъ съ большею энергіею, чѣмъ дороже задача, объединяющая людей въ опредѣленныя корпораціи, чѣмъ она жизненнѣе. Въ чемъ же въ особенности, независимо отъ гражданскихъ добродѣтелей, должно заключаться достоинство воинскаго званія? Я думаю,—продолжалъ прокуроръ,—что въ силу самой задачи, объединяющей военное сословіе, задачи высокой и по преимуществу рыцарской, лучшія традиціи рыцарства и должны составлять отличительную черту каждаго офицера, если только онъ дорожитъ своимъ званіемъ, если только онъ имѣетъ претензію быть достойнымъ членомъ своего сословія. Поэтому онъ долженъ уважать человѣческое достоинство во всѣхъ классахъ общества, долженъ быть врагомъ всякой неделикатности, всякаго насилія, и правила вѣжливости должны быть обязательны для него до педантизма. Офицеръ, поведеніемъ своимъ нарушающій обязательный для него кодексъ, не можетъ и не имѣетъ уже права защищать силой свое сословное достоинство, и всякія дѣйствія его, вызванныя личнымъ столкновеніемъ въ подобныхъ случаяхъ, не могутъ быть оправдываемы защитою чести, званія или сословія... Вашъ вердиктъ по настоящему дѣлу, гг. судьи, будетъ отвѣтомъ на вопросъ публики, на вопросъ о томъ, какія гарантіи предоставляются частному человѣку въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обыденной гражданской жизни онъ сталкивается съ военнымъ. Неужели мнѣ, ежели я статскій, при столкновеніи съ военнымъ стоять, опустя руки?!“

Процессъ Мищенко снова доказалъ наглядно, что сословный, корпоративный судъ мало компетентенъ въ дѣлахъ, имѣющихъ характеръ не сословный или кружковый, а общегражданскій. Еще менѣе можетъ быть компетентна въ подобныхъ судебныхъ дѣлахъ полицейская власть, имѣющая и безъ нихъ великое множество другихъ обязанностей. Поэтому и административная высылка, практикуемая обыкновенно на основаніи представленія полиціи, или лучше сказать, на основаніи предположеній и догадокъ низшихъ чиновъ ея,—конечно, не можетъ замѣнить собою суда, даже въ томъ самомъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онъ у насъ существуетъ. Слѣдовательно, если судебная организація у насъ не достигаетъ своей высокой цѣли,

сохраненія спокойствія и безопасности жизни и цѣлости имущества, то необходимо прибѣгать не къ содѣйствію полиціи или корпоративнаго суда, а приступить къ коренному переустройству нашихъ судебныхъ учрежденій, причемъ прежде всего, конечно, необходимо рѣшить вопросъ, не примѣнимы ли къ намъ судебные уставы 1864 г. въ томъ самомъ видѣ, какъ они дѣйствуютъ во внутреннихъ губерніяхъ.

До тѣхъ же поръ, пока эта задача не поставлена и не рѣшена, попытки упразднить нынѣ дѣйствующій у насъ судъ не приведутъ ровно ни къ какимъ благимъ результатамъ. Нашъ полуреформированный въ 1868 г. судъ, какими бы крупными недостатками ни страдалъ, имѣетъ все же такія достоинства, какія было бы напрасно искать въ дореформенномъ судѣ или въ области простого полицейскаго усмотрѣнія. Напримѣръ, гласность и скорость судопроизводства и нѣкоторая независимость нашей юстиціи представляютъ болѣе гарантій въ правильности правосудія, чѣмъ судъ дореформенный. Въ доказательство стоитъ указать, напримѣръ, на одно крупное дѣло уголовнаго характера, недавно начатое у одного изъ тифлисскихъ судебныхъ слѣдователей и которое при прежнихъ порядкахъ едва ли бы и вырвалось на свѣтъ Божій изъ стѣнъ стараго суда, отличавшагося столь извѣстною нѣжностью ко всѣмъ крупнымъ денежнымъ дѣламъ. Дѣло это—о привлеченіи къ слѣдствію одного изъ самыхъ крупныхъ тифлисскихъ дѣльцовъ, А. К., по обвиненію въ подложномъ составленіи денежнаго документа.

Если же эти начала новаго суда имѣли и имѣютъ у насъ благодѣтельное вліяніе, то остается пожелать, чтобъ практически были разработаны мѣры къ введенію въ нашемъ краѣ и остальныхъ основныхъ положеній „судебныхъ уставовъ 1864 г.“ Судъ тогда явится у насъ не форменнымъ и бумажнымъ, а живымъ и близкимъ къ дѣйствительности. Что же касается полиціи, то у нея и безъ судебныхъ дѣлъ, великое множество своихъ прямыхъ обязанностей, остающихся часто неисполненными. Такъ, весьма часто самыя ужасныя злодѣйства и ихъ виновники остаются не вполнѣ или вовсе нераскрытыми и суду приходится довольствоваться ея краткими, ничего незначущими донесеніями, на основаніи которыхъ нельзя, конечно, составлять обвинительныхъ приговоровъ. Не здѣсь ли кроется одна изъ главныхъ причинъ безсилія нашего суда и учащенія у насъ въ послѣднее время случаевъ разбоевъ и убійствъ. Можно надѣяться, что на это обстоятельство будетъ обращено должное вниманіе при предстоящей въ скоромъ будущемъ ревизіи кавказскихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

Т.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое ноября, 1883.

Политика „здраваго смысла“ во Франціи. — Заявленія Жюля Ферри. — Оцѣнка республиканскаго правительства въ „Nouvelle Revue“ и въ „Revue des deux Mondes“.— Внѣшнія дѣла Франціи.—Австро-германскій союзъ по объясненіямъ графа Кальноки.— Намеки на враждебность русскаго „народа“. — Восточные интересы и положеніе Австріи.—Споры о миролюбіи и о мѣрахъ къ его поддержанію.—Внутреннія вопросы въ Англіи..

Не задолго до открытія парламентской сессіи во Франціи, президентъ совѣта министровъ, Жюль Ферри, указалъ на тѣ принципы, во имя которыхъ республиканское правительство должно бороться противъ возрастающаго радикализма. Эти принципы выражаются въ трехъ словахъ: „здравый смыслъ, трудолюбіе и прогрессъ“. Слушатели министерскихъ рѣчей въ Руанѣ и Гаврѣ рукоплескали заявленіямъ премьера, но едва ли могли извлечь изъ нихъ опредѣленное понятіе о политической программѣ кабинета. Кто же не ссылается на здравый смыслъ, и кто не истолковываетъ его въ свою пользу? Консерваторы всегда и вездѣ взываютъ къ здравому смыслу народа, возставая противъ поспѣшныхъ реформъ и противъ опасностей свободы. Радикалы и революціонеры отвергаютъ существующій порядокъ вещей во имя того же здраваго смысла, на который опираются и приверженцы постепеннаго либеральнаго развитія. Тоже самое—съ трудолюбіемъ и прогрессомъ: всѣ хотятъ помочь народному труду, усилить его производительность и обставить его лучшими условіями; всѣ передовыя партіи, начиная съ самыхъ умѣренныхъ и кончая самыми крайними, стремятся къ разумному прогрессу. Но при этомъ, каждый понимаетъ прогрессъ по своему и каждый считаетъ свой здравый смыслъ единственно основательнымъ и разумнымъ. Принципы Жюля Ферри не имѣютъ въ себѣ ничего республиканскаго; они высказывались одинаково и саповниками второй имперіи, и сторонниками монархической реставраціи. Герцогъ Брольи, конечно, смотрѣлъ на задачи прогресса совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣшніе французскіе министры; но онъ дѣйствовалъ подъ тѣмъ же девизомъ и такъ же громилъ революціонеровъ, какъ и умѣренные республиканцы, предводительствуемые Жюлемъ Ферри. Нѣкогда сущность республики опредѣлялась во Франціи словами: „свобода, равенство и братство“, а теперь это классическое тройственное знамя существуетъ только для оффиціальныхъ или торжественныхъ случаевъ, тогда какъ для практиче-

ской политики выдвигаются болѣе ходячія начала, въ родѣ „здраваго смысла“ или промышленнаго прогресса. Нѣкогда велась борьба противъ радикаловъ; теперь ведется борьба противъ „непримиримыхъ“. Неужели перемѣна словъ и названій исчерпываетъ собою отличіе республики отъ прежнихъ монархическихъ правительствъ? Или настоящее французское министерство дѣйствительно не имѣетъ другой програмы, кромѣ намѣченной въ недавнихъ рѣчахъ Жюля Ферри? Противодѣйствовать „разрушительнымъ“ усиліямъ крайнихъ партій,—это только одна изъ второстепенныхъ, отрицательныхъ задачъ государственной власти; главнѣйшее содержаніе политической дѣятельности должно имѣть положительный характеръ, который нисколько не объясняется заявленіями о необходимости борьбы съ оппозиціею.

Опасность монархизма, какъ выразился Жюль Ферри, миновала для республики,—она похоронена въ двухъ могилахъ, изъ которыхъ не появится уже никакихъ новыхъ ростковъ. Зато возникла другая опасность, не менѣе серьезная,—со стороны противниковъ всякаго вообще правительства. „Нѣтъ никакой противоположности между авторитетомъ власти и прогрессомъ, ибо порядокъ былъ первымъ условіемъ прогрессивнаго движенія, которое представляетъ не рядъ скачковъ или переворотовъ, а постепенное развитіе и преобразованіе идей, нравовъ и законовъ. Это мирное проявленіе соціальнаго роста нуждается въ покровительствующемъ и прочномъ правительствѣ, не зависящемъ отъ каприза случайной толпы. Постоянство и методъ необходимы для того, чтобы подготовлять реформы, достаточно созрѣвшія и изслѣдованныя, и выдѣлять существенные вопросы изъ-подъ тумана общихъ формулъ и обманчивыхъ обѣщаній. Но зачѣмъ говорить о правительствѣ, о постоянствѣ и методѣ? Все это не нужно крайнимъ, — совершенно напротивъ. Они вовсе не желаютъ правительства, и кто говоритъ о такомъ предметѣ—тотъ несомнѣнно „монархистъ“. Пока существуетъ частица государственнаго авторитета, до тѣхъ поръ страна кажется имъ управляемою по монархической системѣ. Постоянство есть ихъ врагъ; ихъ идея о республикѣ предполагаетъ постоянную агитацію и непрерывныя перемѣны. Что касается метода, то ихъ первое правило — не имѣть никакого. Они поступаютъ очень просто. Они включаютъ въ свою програму все вообще возможное, желательное или нѣтъ, дурное или преждевременное. Они обѣщаютъ все, безъ исключенія, и на этомъ основаніи избираются депутаты. Политическая программа крайнихъ есть не что иное, какъ оглавленіе политическаго словаря двадцатаго или двадцать перваго столѣтія. Такимъ образомъ, знамена раскрыты, и никто не сдѣлаетъ ошибки насчетъ ихъ цвѣтовъ. Народъ долженъ

выбирать между правительственною политикою, представляемою кабинетомъ, и политикою непримиримыхъ. Всѣ, кто только заботится о будущемъ страны, должны сдѣлать свой выборъ. Нѣтъ никакого средняго пути; всякая средняя комбинація была бы только подобіемъ или призракомъ правительства. Какой серьезный государственный дѣятель предавался бы подобной политикѣ, воображая себя распорядителемъ цитадели послѣ сдачи всѣхъ ея фортовъ?"

Очевидно, Жюль Ферри стоитъ за твердую власть, за постепенность и осторожность въ реформахъ, за соблюденіе традицій въ ходѣ политическихъ дѣлъ. Непослѣдовательно въ его устахъ только одно: онъ говоритъ о радикальной партіи, какъ о чемъ-то произвольномъ, не имѣющемъ права на существованіе, — забывая, что радикалы и непримиримые суть такіе же законные представители французскаго народа, какъ и умѣренные консерваторы. Если населеніе выбираетъ крайнихъ въ палату депутатовъ, то оно должно имѣть для этого извѣстные положительные мотивы, которыхъ не въ правѣ игнорировать правительство, основанное на началѣ всеобщей подачи голосовъ. Получая всю свою власть отъ народа, правители и депутаты республики не имѣютъ никакого основанія подрывать значеніе народнаго выбора или возставать противъ такого или иного направленія народныхъ симпатій. Они могутъ убѣждать избирателей, съ цѣлью отклонить ихъ отъ принятаго пути, но прямо выраженная воля населенія должна быть обязательна для искреннихъ республиканцевъ, ибо принципъ народовластія не допускаетъ антагонизма между правительствомъ и народомъ въ лицѣ его довѣренныхъ людей. Довѣріе французскаго народа къ радикальной оппозиціи служитъ симптомомъ общественнаго настроенія; оно указываетъ на существующее въ странѣ недовольство, не получившее еще правильнаго исхода. Причины, вызывающія это настроеніе, могутъ корениться въ экономическомъ бытѣ массы, въ ея неудовлетворенныхъ потребностяхъ или въ ея недостигнутыхъ соціальныхъ идеалахъ. При республикѣ не должно быть и рѣчи о борьбѣ съ легальными проявленіями этого недовольства или съ его уполномоченными выразителями; можно говорить только объ устраненіи причинъ и мотивовъ оппозиціоннаго духа, а не о противодѣйствіи народнымъ желаніямъ, хотя бы и непріятнымъ министерству. Представители большинства въ законодательныхъ палатахъ должны считаться съ меньшинствомъ и признавать за нимъ значеніе, принадлежащее ему по праву въ общемъ политическомъ движеніи. Отрицать интересы или требованія какой бы то ни было части общества—значило бы становиться на точку зрѣнія непозволительную для демократа, какимъ всегда признавалъ себя Жюль Ферри.

Любопытно сопоставить съ заявленіями Ферри противоположные голоса, обвиняющіе правительство въ чрезмѣрномъ консерватизмѣ. Въ октябрьской книжкѣ „Nouvelle Revue" (отъ 15 октября) обращаетъ на себя вниманіе статья Луи Поллià о „положеніи республики". Авторъ подробно доказываетъ, что республика въ современномъ ея видѣ далеко еще не соотвѣтствуетъ представленіямъ французскаго народа объ этой формѣ правленія. Если республиканскіе дѣятели успокоятся на лаврахъ своего торжества надъ монархистами и не выработаютъ самостоятельной политической системы, то въ странѣ можетъ обнаружиться разочарованіе, которое, по мнѣнію автора, способно привести къ самымъ неожиданнымъ послѣдствіямъ. Во Франціи судьба правительствъ зависитъ отъ тѣхъ измѣнчивыхъ и впечатлительныхъ слоевъ населенія, которые представляютъ элементъ случайности въ политикѣ. Эти народныя массы легко переходятъ отъ однихъ влеченій къ другимъ; сегодня онѣ отталкиваютъ начало, которому поклонялись вчера и на которое возлагали неосуществимыя надежды,—причемъ разладъ вызывается иногда незначительными поводами, раздуваемыми борьбою партій. Являясь какъ бы судьею между правительствомъ и партіями, эти массы не могутъ постоянно высказываться въ пользу одной и той же стороны; упорная оппозиція можетъ всегда разсчитывать привлечь ихъ на минуту къ себѣ, какъ разъ настолько, сколько нужно для произведенія революціи. До сихъ поръ враждебныя республикѣ партіи были безсильны, благодаря взаимному между ними антагонизму; теперь, со смертью графа Шамбора, разрозненные монархическіе элементы французскаго общества получили внѣшнее единство и образовали могущественную консервативную силу, которая обнимаетъ собою наиболѣе вліятельную часть буржуазіи, представителей крупной промышленности, крупнаго землевладѣнія, высшаго финансоваго и банковаго міра. Эти враги тѣмъ опаснѣе для республики, что они никогда не выступятъ изъ предѣловъ законности и ограничатся лишь неуклонною критикою правительственныхъ дѣйствій въ ожиданіи того момента, когда окажется созрѣвшимъ вопросъ о пересмотрѣ конституціи. Чтобы избѣгнуть такого результата, республиканская партія должна окончательно привязать къ себѣ упомянутыя массы, посредствомъ реформъ, которыхъ королевская власть обѣщать и провести не въ состояніи. Прежде всего,—продолжаетъ Луи Поллià,—необходимо возстановленіе единства между республиканцами. Давно уже чувствуется, по словамъ автора, нѣчто въ родѣ разслабленія или разочарованія въ рядахъ республиканцевъ. Къ концу 1877 года, достигнувъ рѣшительной побѣды надъ противниками, республиканскіе дѣятели не нашли предъ собою желанной обѣтованной земли: ихъ встрѣтило не то, о чемъ они мечтали. Неопредѣлен-

ное чувство недовольства выразилось въ отрицательномъ отношеніи ко всѣмъ вообще выдающимся людямъ партіи, въ подозрительности и крайнихъ разногласіяхъ между приверженцами республики. У всѣхъ существуетъ смутное сознаніе, что „республика не есть только способъ управленія съ выборнымъ главою“, что „она должна представлять собою спеціальную систему административной и политической организаціи“, и что это правительство должно быть совсѣмъ особое, ни въ чемъ не похожее на прежнія. Между тѣмъ ничего не сдѣлано еще для осуществленія того идеала республики, къ которому такъ горячо стремились ея сторонники. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ ея существованія, почти не прекращалось систематическое противодѣйствіе перемѣнамъ и реформамъ, требуемымъ страною. Избиратели все болѣе направляли свой выборъ влѣво, отыскивая людей, которые не забывали бы своихъ обѣщаній; населеніе упорно преслѣдовало идею о новомъ порядкѣ, точный смыслъ котораго не для всѣхъ ясенъ, но который во всякомъ случаѣ ожидается еще впереди. До 1876 года республиканскіе вожди не могли дѣйствовать свободно,—дѣло шло еще объ упроченіи самой формы правленія. Когда организація завершилась и приведена была въ дѣйствіе, оппортунизмъ долженъ былъ уже, повидимому, сойти со сцены. Однако рѣшено было дождаться сенатскихъ выборовъ 1879 года; затѣмъ произошелъ кризисъ 16 мая, прервавшій всякія стремленія къ реформамъ и доставившій великую славу Гамбеттѣ. Наконецъ, къ декабрю 1879 года сбылись всѣ надежды республиканцевъ: власть вполнѣ и окончательно перешла въ ихъ руки; они располагали всѣми учрежденіями и полномочіями государства—президентствомъ, обѣими палатами, государственнымъ совѣтомъ и администраціею. Но тутъ начинается странная и печальная роль Гамбетты: эпоха радостнаго торжества и широкихъ ожиданій продолжалась не долго; всякія мечты о благотворныхъ перемѣнахъ оставлены въ сторонѣ; преобразованія касались лишь личнаго состава чиновничества, не затронувъ вовсе давнишнихъ недостатковъ управленія; старые порядки ревниво охранялись и даже усиливались, вопреки всѣмъ громкимъ увѣреніямъ и программамъ республиканскихъ дѣятелей. Гамбетта сдѣлался предметомъ ненависти и вражды въ средѣ его бывшихъ поклонниковъ; онъ сталъ кумиромъ промышленной буржуазіи. Выборы 1881 года нанесли ударъ оппортунизму и выдвинули на первый планъ вопросъ о реформахъ; партія Гамбетты должна была подчиниться несомнѣнному факту и приступить къ исполненію нѣкоторой доли забытыхъ программъ. Придуманы были искусственныя задачи и около нихъ возбуждена обширная агитація, съ цѣлью сосредоточить вниманіе публики на второстепенныхъ, сравнительно неважныхъ вопросахъ. Но этотъ маневръ окончился шумнымъ

паденіемъ „великаго министерства“ 14 ноября. Вожди республики не оправдали надеждъ большинства французскихъ избирателей; непомѣрное вліяніе Гамбетты останавливало нормальную политическую жизнь Франціи. Гамбетта,—какъ говоритъ Поллiá,—послужилъ живымъ препятствіемъ всякой политикѣ, направленной къ новому устройству республики, и это не только вслѣдствіе прямого его противодѣйствія, но также въ силу того, что его личное преобладаніе порождало раздоры, при которыхъ была немыслима серьезная реформаторская дѣятельность, требующая прежде всего единодушія, безпристрастія и самоотверженія. Тѣмъ временемъ партіи радикаловъ и непримиримыхъ пріобрѣтали все болѣе почвы въ народѣ, а общее чувство недовольства усиливалось по мѣрѣ удаленія правителей отъ первоначальныхъ реформаторскихъ идей. Слѣдуя примѣру Гамбетты, кабинетъ Жюля Ферри идетъ по тому же окольному, искусственному пути, который находится въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ самою сущностью республиканскаго режима. Вмѣсто того, чтобы приняться за реформы, стоящія на очереди болѣе десяти лѣтъ, министерство все еще повторяетъ старыя „истины“ о крайнихъ, безпокойныхъ головахъ, смущающихъ будто бы общественное мнѣніе смѣлыми требованіями и проектами,—заключаетъ Поллiá.

Далеко не съ одной только стороны радикализма происходятъ или подготовляются нападенія на министерство Жюля Ферри. Умѣренные либералы также недовольны правительствомъ и не хуже „непримиримыхъ“ отдѣлываютъ политику кабинета, хотя и съ другой точки зрѣнія. Для однихъ республика слишкомъ консервативна, для другихъ она черезчуръ радикальна; наконецъ, третьи находятъ ее малодушною и безсильною въ области международныхъ дѣлъ. Эта послѣдняя тэма постоянно обсуждается во французской журналистикѣ за послѣдніе годы. Многіе публицисты не могутъ примириться съ мыслью, что въ Европѣ устраиваются свиданія и сближенія, въ которыхъ не участвуетъ Франція. Многихъ еще волнуетъ потеря Египта, перешедшаго во власть Англіи; французскіе патріоты возмущаются при мысли, что голосъ Франціи не пользуется теперь такимъ принудительнымъ авторитетомъ въ „концертѣ“ великихъ державъ, какъ въ печальныя времена блестящей извнѣ второй имперіи.

Либеральный сотрудникъ „Journal des Débats“, Габріель Шармъ, посвятилъ этому послѣднему предмету обширную статью въ „Revue des deux Mondes“. Трудно придумать болѣе мрачную и даже отчаянную картину положенія великой націи: авторъ не пожалѣлъ красокъ и вдался даже въ каррикатуру. Республиканцы, по его мнѣнію, открыли полный просторъ радикальной предпріимчивости и внесли разстройство во всѣ сферы государственной жизни;—они слишкомъ круто реформиро-

вали, вмѣсто того, чтобы твердо держаться консервативнаго завѣщанія Тьера. Они не съумѣли поднять внѣшнее обаяніе Франціи, они выпустили изъ рукъ Египетъ—„одно изъ лучшихъ и плодотворнѣйшихъ созданій французской политики въ Средиземномъ морѣ". Они „испугались Араби-паши и признали Францію неспособною справиться даже съ египетскими феллахами"; авторъ увѣряетъ, что ему приходилось лично выслушивать за-границею подобныя обидныя предположенія, отъ которыхъ его патріотизмъ страдалъ ужасно. Онъ не замѣчаетъ, сколько жестокой ироніи заключается въ его словахъ. Человѣкъ, выдающій себя за либерала и республиканца, негодуетъ по поводу того, что французы не напали на несчастныхъ египетскихъ поселянъ, отдавшихся на минуту иллюзіямъ свободы! Габріель Шармъ нѣсколько разъ повторяетъ, что Франція какъ будто струсила передъ Араби-пашою; ему кажется несомнѣннымъ, что люди, не пожелавшіе бить и убивать безпричинно, навлекаютъ на себя самое страшное подозрѣніе—въ трусости. Онъ не задаетъ себѣ вопроса, какъ могла республика налагать руку на движеніе справедливое и законное, имѣвшее своимъ девизомъ національное самоуправленіе и независимость. Почему Франція должна была раздавить Араби-пашу, стремившагося къ возрожденію своей родины при помощи французскихъ либеральныхъ идей? Габріель Шармъ не объясняетъ этого; онъ знаетъ только одно, что пассивное бездѣйствіе Франціи было истолковано въ дурномъ для французовъ смыслѣ. Его поражаетъ контрастъ между равнодушіемъ къ внѣшнимъ проблемамъ и усердіемъ въ дѣлахъ внутреннихъ: въ то время какъ рѣшалась участь Александріи, въ Парижѣ заняты были ничтожнѣйшимъ вопросомъ о назначеніи выборнаго парижскаго мэра на мѣсто сенскаго префекта Камескасса. Заботясь о своемъ собственномъ благосостояніи, французы — прозѣвали египтянъ, ожидавшихъ отъ нихъ надлежащаго укрощенія. Говорятъ, что Франція поступила бы совершенно иначе, еслибы не было пагубнаго антагонизма между тогдашнимъ премьеромъ Фрейсинэ и президентомъ палаты Гамбеттою; такъ полагаетъ, между прочимъ, и публицистъ „Revue des dèux Mondes". Кажется намъ, что такая узкая постановка вопроса не согласуется съ извѣстными всѣмъ фактами; напомнимъ только, что предпріятіе Араби-паши вообще пользовалось сочувствіемъ въ средѣ радикальной французской печати. Викторъ Гюго вступился за египетскаго героя, когда послѣднему угрожала смертная казнь. Въ пользу Араби и его стремленій высказывались очень многіе въ самой Англіи, особенно въ передовыхъ либеральныхъ кружкахъ. Что же удивительнаго въ томъ, что республиканская Франція устранилась отъ участія въ дѣлѣ, не симпатичномъ большинству французскихъ избирателей? Палата депутатовъ, отверг-

нувъ предложеніе Фрейсинэ, была лишь отголоскомъ господствующаго настроенія страны, которое отличалось тогда безусловно-миролюбивымъ характеромъ. Не даромъ князь Бисмаркъ покровительствуетъ республикѣ во Франціи,—разсуждаетъ далѣе Шармъ;— „германскій канцлеръ предвидѣлъ, что постоянныя колебанія и перемѣны сдѣлаютъ это правительство самымъ безвреднымъ и безсильнымъ". Стоитъ только придать республикѣ характеръ умѣренности, мудрости и твердости, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить отношеніе великихъ державъ къ Франціи. Въ чемъ же должна заключаться мудрость, твердость и пр.? Конечно, въ постоянномъ вмѣшательствѣ въ такъ называемыя дѣла Европы,—вмѣшательствѣ, которое не разъ оказывалось роковымъ для Франціи. Замѣчательно то рѣзкое самобичеваніе, къ какому прибѣгаютъ авторы для возбужденія французскаго патріотизма въ извѣстномъ духѣ. Франція ставится въ положеніе Польши XVIII столѣтія; тройственный союзъ устроенъ Бисмаркомъ будто бы для поддержанія республики во Франціи; дипломаты и политическіе дѣятели послѣдней—„невѣжественны и перемѣнчивы"; а „палата депутатовъ, трусливая и довѣрчивая, уступаетъ чувству страха передъ мнимыми опасностями борьбы съ Араби-пашою" и т. п. „Величайшимъ несчастіемъ" было, по автору, разстройство фактическаго союза съ Англіею, вмѣстѣ съ утратою Египта. Авторъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ для осужденія виновниковъ этой „самоубійственной" политики, упустившей случай съиграть роль на берегахъ Нила, гдѣ результаты въ концѣ концовъ достались бы все-таки однимъ англичанамъ. Безъ сомнѣнія, согласіе съ Англіею разстроилось бы еще скорѣе и рѣшительнѣе, еслибы ей пришлось дѣлить съ французами добычу въ Египтѣ. То, что̀ Габріель Шармъ называетъ „молодушіемъ" и „безуміемъ", было, вѣроятно, мудростью въ глазахъ осторожной палаты, отклонившей мысль объ участіи въ сомнительной экспедиціи, предпринятой англійскимъ правительствомъ. Мы не видимъ основанія, почему „мудрость" Шарма должна имѣть большее право на признаніе, чѣмъ дальновидность Гамбетты и его единомышленниковъ. Критика нигдѣ не кажется такою легкою, какъ въ политикѣ; за то въ этой области она чаще всего грѣшитъ легковѣсностью. Примѣромъ могутъ служить наивныя соображенія Шарма о томъ, какъ должна была поступать Франція во время послѣдняго восточнаго кризиса. Нужно было непремѣнно удержать Россію отъ войны съ Турціею,—чтобы сохранить русскія силы неприкосновенными для болѣе важнаго случая, а именно для содѣйствія французамъ въ борьбѣ съ Германіею. „Слѣдовало доказать Россіи нелѣпость ея предпріятія, просить ее не прибавлять новыхъ элементовъ тревоги къ запутанному и безъ того положенію Европы,

но сохранить почетную, благодѣтельную, несравненную роль, предназначенную ей судьбою, и которую можетъ погубить безвозвратно восточная война. Вслѣдъ затѣмъ надо было обратиться къ Австріи, гдѣ не погасли еще воспоминанія о пораженіи при Садовой;—надо было поддерживать недовѣріе и раздраженіе между этою имперіею и Германіею. Союзъ съ Англіею укрѣплялся бы самымъ солиднымъ образомъ, и для будущаго подготовлялся бы союзъ съ Австріею или съ Россіею, смотря по обстоятельствамъ".

Хороша дипломатическая программа! Габріель Шармъ представляетъ себѣ Австрію и Россію въ видѣ какихъ-то добродушныхъ, простоватыхъ друзей, которыхъ можно склонить въ какую угодно сторону при помощи ласковыхъ словъ и убѣжденій. Россія прежде всего должна подумать объ Европѣ и о Франціи, а потомъ уже о себѣ и о своихъ планахъ: это чистосердечно объяснено было бы петербургскому кабинету, и событія приняли бы совсѣмъ другой оборотъ. Французская дипломатія интриговала бы въ Вѣнѣ противъ Германіи, а князь Бисмаркъ молчалъ бы, ожидая осуществленія проектовъ Габріэля Шарма. Все это въ высшей степени характерно. Если подобныя идеи съ такою самоувѣренностью высказываются въ серьезныхъ парижскихъ журналахъ послѣ оглушительныхъ катастрофъ 1870 года, то это доказываетъ лишь, какъ трудно и медленно измѣняются традиціонныя политическія понятія, какъ слабо дѣйствуютъ даже сильнѣйшіе уроки исторіи на умы консервативныхъ доктринеровъ, и какое благо для Франціи заключается въ господствѣ республиканцевъ, не раздѣляющихъ самообольщенія политиковъ старой школы, въ духѣ „Revue des deux Mondes". Статья, на которой мы остановили вниманіе читателей, принадлежитъ къ числу тѣхъ разсужденій, которыя, повторяясь на разные лады, производятъ неминуемое дѣйствіе на впечатлительную публику и вызываютъ въ ней крайне вредныя заблужденія. Французскіе патріоты продолжаютъ, повидимому, думать, что Россія всегда готова отдавать свою армію въ услуженіе иностранцамъ, и что для нея нѣтъ задачи болѣе почетной, чѣмъ возстановленіе военнаго величія Франціи цѣною русской крови, въ награду за крымскую кампанію. Почему русскій народъ станетъ жертвовать собою, ради удовлетворенія честолюбія французскихъ шовинистовъ,—этотъ вопросъ даже вовсе не возникаетъ въ умѣ Габріеля Шарма. „Для насъ разорителенъ,—говоритъ онъ,—антагонизмъ между Россіею и Австріею на Востокѣ. Поглощая силы обѣихъ державъ, отвлекая ихъ къ Востоку, онъ дѣлаетъ невозможною всякую комбинацію альянсовъ, которая могла бы въ будущемъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, содѣйствовать болѣе или менѣе значительному измѣненію карты Европы. Этотъ антагонизмъ обрекаетъ

насъ на неопредѣленное одиночество". Другими словами, Россія и Австрія, помирившись между собою на Востокѣ, занялись бы отъ нечего дѣлать выполненіемъ французскихъ плановъ относительно Германіи. Правда, „Австрія—государство монархическое, феодальное, ультра-католическое — чувствуетъ отвращеніе къ политикѣ Франціи за послѣдніе годы, подвигающейся какъ-будто все ближе къ анархіи и къ дипломатическому ничтожеству". Но это предубѣжденіе устранилось бы, еслибы французская республика перестроилась по мысли „Revue des deux Mondes". Довольствоваться союзомъ съ одною только Россіею было бы безуміемъ, по мнѣнію автора. „Необходимо положить конецъ соперничеству между Австріею и Россіею, убѣдивъ ихъ или оставить свои взаимныя честолюбія до другого времени или придти къ какому-нибудь соглашенію. Въ тотъ день, когда этотъ великій результатъ будетъ достигнутъ, сразу исчезнетъ смута, тяготѣющая надъ Европою. Но увы, пока нами управляютъ какъ теперь, эти прекрасныя надежды останутся химерами. А между тѣмъ дѣло идетъ о спасеніи Франціи и республики".

И этотъ звонкій наборъ фразъ выдается за мудрость, во имя которой должна быть отвергнута система сдержаннаго невмѣшательства, усвоенная Франціею по отношенію къ дѣламъ европейскаго материка. Габріель Шармъ есть только одинъ изъ многихъ, имя которымъ—легіонъ. Эти патріоты искренно страдаютъ, когда видятъ, что войска спокойно сидятъ въ казармахъ, что не предвидится грома орудій и кровавыхъ сраженій, что иностранныя государства занимаются своими собственными дѣлами и не вступаютъ въ таинственные союзы съ отечественною дипломатіею. Непониманіе чужихъ народныхъ интересовъ — или, быть можетъ, нежеланіе понимать ихъ, — невольно поражаетъ иностранца при чтеніи французскихъ разсужденій по вопросамъ международной политики. Демократы у себя дома, французы становятся невозможными абсолютистами, когда заходитъ рѣчь о союзахъ и сближеніяхъ между державами въ Европѣ. Государства кажутся имъ какими-то отвлеченными величинами, могущими вступать между собою въ какія угодно комбинаціи, безъ всякой зависимости отъ народовъ, отъ ихъ интересовъ и наклонностей, и Габріель Шармъ толкуетъ объ Европѣ, какъ о шахматной доскѣ, гдѣ главные игроки — Германія и Франція — двигаютъ взадъ и впередъ Россію и Австрію, Англію и Италію. Къ несчастью, эти предполагаемыя пассивныя фигуры не дѣлаютъ нужныхъ движеній и направляются совсѣмъ не туда, куда хотѣлось бы игрокамъ направить ихъ; нѣкоторыя, какъ напримѣръ Австрія и Россія, затѣваютъ даже самостоятельную игру, къ крайнему удивленію французскихъ патріотовъ. Можно вполнѣ успокоить этихъ фан-

тастическихъ политиковъ; ни Россія, ни Австрія никогда не дадутъ матеріала для разрѣшенія франко-прусской распри, хотя бы въ Парижѣ водворилось самое блестящее и крѣпкое правительство, достойное незыблемаго довѣрія. Если Австрія твердо держится Германіи, то это объясняется, конечно, болѣе сильными мотивами, чѣмъ неумѣлость или непостоянство французской дипломатіи. Смѣшно предполагать, что австрійскіе и русскіе государственные дѣятели интересуются Востокомъ только потому, что Франція не успѣла вовлечь ихъ въ другую сферу интересовъ. Совершенно напрасно обвиняютъ въ чемъ-либо республику и ея министровъ, по поводу упадка французскаго вліянія въ средѣ европейскихъ кабинетовъ. Этотъ упадокъ долженъ былъ необходимо сопровождать собою ту работу внутренняго обновленія, которая стала обязательною для Франціи со времени Седанскаго погрома. Люди, видящіе въ этой внутренней работѣ признаки разложенія, а во внѣшнемъ миролюбіи—отсутствіе патріотизма, находятся на томъ же самомъ пути, который не разъ уже приводилъ страну на край погибели. Консерваторы, нападающіе на республику за то, что она не идетъ по стопамъ второй имперіи,—оказываютъ плохую услугу своему дѣлу и своимъ принципамъ. Если бы республика не имѣла другихъ грѣховъ, кромѣ указываемыхъ Габріелемъ Шармомъ и ему подобными, то республиканское правительство могло бы считать себя безгрѣшнымъ.

Въ дѣйствительности, международное положеніе Франціи далеко не столь печально, какъ рисуется оно противникамъ республики. На военное могущество тратится гораздо больше, чѣмъ слѣдовало бы съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія. Страна терпѣливо переноситъ бремя всеобщей воинской повинности, чтобы имѣть всегда на готовѣ милліонъ хорошо вооруженныхъ и обученныхъ солдатъ. Налоги увеличены на 700 милліоновъ франковъ ежегодно, для удовлетворенія потребностей арміи и флота. Сверхъ колоссальнаго обыкновеннаго бюджета, съ 1871 года сдѣланы экстраординарныя затраты на сумму около двухъ милліардовъ для довершенія организаціи народной обороны, для сооруженія новыхъ крѣпостей и пополненія военныхъ матеріаловъ. Такія грандіозныя жертвы, приносимыя безъ шуму и безъ споровъ, свидѣтельствуютъ о твердой рѣшимости республиканцевъ возстановить со временемъ выдающуюся политическую роль Франціи въ Европѣ. Утверждать, что республика ничего не дѣлаетъ для внѣшняго величія страны, было бы явною несправедливостью. Соблюдая понятную осторожность въ отношеніяхъ съ государствами материка, Франція помѣщаетъ пока избытокъ своей военной предпріимчивости въ отдаленныхъ колоніяхъ. Тунисскій вопросъ давно разрѣшился къ выгодѣ французовъ. Мада-

гаскарское дѣло близится къ мирной развязкѣ, и только тонкинскія затрудненія приняли острый характеръ вслѣдствіе трагической судьбы капитана Ривьера, заставившей прибѣгнуть къ энергическимъ репрессаліямъ. Вмѣшательство Китая, имѣющаго номинальную власть надъ Аннамомъ, придало вопросу общее международное значеніе и сдѣлало его предметомъ оживленной полемики. Никто во Франціи не думаетъ серьезно о войнѣ съ китайцами, и въ этомъ отношеніи благоразумные доводы лондонской печати оказываются почти излишними. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Шалльмель-Лакуръ, представилъ палатѣ подробный докладъ о ходѣ переговоровъ съ китайскою дипломатіею относительно Тонкина. По всей вѣроятности дѣло окончится компромиссомъ на безобидныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ. Вообще это такъ-называемое „столкновеніе" съ Китаемъ сильно преувеличено и раздуто борьбою партій.

Парламентская сессія, открывшаяся (23-го) 11-го октября, обѣщаетъ быть интересною и шумною. Вновь поставленъ вопросъ объ изгнаніи орлеанскихъ принцевъ, въ виду принятія ими политическаго наслѣдства графа Шамбора. Радикальная оппозиція будетъ все болѣе тѣснить министерство, и быть можетъ, ей удастся свергнуть Жюля Ферри. Кабинетъ предсталъ предъ палатами въ нѣсколько измѣненномъ составѣ: популярный генералъ Тибодэнъ уступилъ мѣсто генералу Кампенону, занимавшему уже постъ военнаго министра при Гамбеттѣ. Тибодэнъ игралъ довольно двусмысленную роль въ извѣстной исторіи съ королемъ Альфонсомъ: онъ не пожелалъ принять участіе въ оффиціальной встрѣчѣ короля и этимъ выразилъ какъ будто свое сочувствіе уличной демонстраціи, вызванной извѣстіемъ о назначеніи Альфонса шефомъ прусскаго уланскаго полка, стоящаго гарнизономъ въ Страсбургѣ. Чтобы отчасти загладить впечатлѣніе грубаго пріема со стороны толпы, рѣшено было пожертвовать Тибодэномъ. Говорятъ также объ отставкѣ министра финансовъ Тирара, которому намѣченъ уже преемникъ, въ лицѣ бывшаго министра Рувье. Большинство депутатовъ не расположено, повидимому, вызывать министерскій кризисъ въ настоящее время, въ виду современныхъ политическихъ обстоятельствъ. Не скоро еще придется французскимъ законодателямъ приступить къ систематическому преобразованію всей государственной машины, отличающейся чрезмѣрною сосредоточенностью главныхъ пружинъ, крайнимъ обиліемъ исполнительныхъ чиновъ и всепроникающимъ духомъ рутины. Упрощеніе администраціи и передача значительной доли ея обязанностей органамъ мѣстнаго самоуправленія составятъ рано или поздно существенные пункты реформаторской программы. Но такой программы, при всей ея простотѣ и скромности, нельзя ожидать отъ людей,

проникнутыхъ вѣрою въ спасительную силу всепоглощающаго единства власти,—централистовъ по призванію и по традиціямъ, въ родѣ Жюля Ферри и его товарищей.

Французскіе монархисты, озабоченные вопросомъ о союзахъ, могли бы убѣдиться на примѣрѣ Австро-Венгріи, что имѣть союзниковъ даже такихъ могущественныхъ, какъ Германія—не особенное еще счастье. Вѣнскій кабинетъ утратилъ свободу дѣйствій съ тѣхъ поръ, какъ чувствуетъ надъ собою давленіе германской интимной дружбы. Россія также находилась въ союзѣ съ двумя сосѣдними имперіями до начала послѣдней войны съ Турціею,—и не подлежитъ сомнѣнію, что не будь этого союза, турецкая кампанія стоила бы на половину менѣе жертвъ, чѣмъ обошлась она при содѣйствіи друзей. Интимная близость съ Германіею сообщила австрійской политикѣ одностороннее направленіе, не соотвѣтствующее внутреннему состоянію имперіи. Австро-Венгрія, постоянно страдающая отъ хроническихъ раздоровъ между входящими въ ея составъ народностями, принуждена теперь брать на себя трудныя и рискованныя задачи въ предѣлахъ Балканскаго полуострова, встрѣчаясь на каждомъ шагу съ враждебными туземными и русскими вліяніями. Превращаясь въ восточную державу, предназначенную насаждать нѣмецкую культуру въ турецкихъ земляхъ, австрійская монархія чрезвычайно усложняетъ свои внутренніе недуги и постепенно доводитъ ихъ до кризиса, который, быть можетъ, не долго заставитъ себя ждать. Славянская политика Австріи усиливаетъ въ ней значеніе славянства и подрываетъ въ корнѣ искусственную систему дуализма, основанную на преобладаніи нѣмцевъ и венгерцевъ. Чѣмъ больше австрійцы хлопочутъ о внѣшнихъ дѣлахъ, тѣмъ рѣзче обрисовывается хаосъ ихъ внутренняго государственнаго сложенія. Различныя племена, связанныя чисто внѣшнимъ произвольнымъ образомъ, энергически заявляютъ свои права, и правительству остается только лавировать, всѣмъ обѣщая и никого не удовлетворяя. Въ то же время Австро-Венгрія, опираясь на свои восточные интересы, должна считать Россію своимъ главнымъ врагомъ и соперникомъ, такъ что внѣшній миръ является какъ-будто не вполнѣ обезпеченнымъ. Это неопредѣленное состояніе достаточно наглядно характеризуется недавними объясненіями австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кальноки, въ делегаціяхъ имперскаго сейма.

Въ засѣданіи венгерской делегаціи, (26) 14 октября, графъ Кальноки произнесъ неожиданно-серьезную фразу о Россіи. „Между обоими правительствами,—заявилъ министръ,—существуетъ вполнѣ нормальное отношеніе, что противорѣчитъ, впрочемъ, поведенію русской печати, составляющей единственную причину безпокойства (?). Судя

по выраженіямъ этой печати, можно бы думать, что въ Россіи господствуетъ общее противъ насъ раздраженіе, но мы убѣждены, что это раздраженіе, если оно тамъ существуетъ, ограничивается весьма тѣсными кружками. Мы считаемъ также совершенно неосновательнымъ то предположеніе, что Россія замышляетъ внѣшнюю наступательную войну;—невѣрно оно не только потому, что внутреннія обстоятельства этой имперіи не таковы, какія необходимы были бы для подобнаго предпріятія, но еще и потому, что, какъ извѣстно, *мы оказались бы не одни въ случаѣ нападенія.* Нельзя отрицать, что въ Россіи дѣлается очень много по военной части, но противъ крѣпостныхъ сооруженій, воздвигаемыхъ на территоріи государства, нѣтъ возможности представлять какія-либо возраженія. Мы увѣрены,—заключилъ министръ,—что русское правительство не думаетъ о войнѣ, и можно надѣяться, что неоднократно выраженное желаніе высшихъ сферъ о сохраненіи дружественныхъ связей между нами и Россіею *проникнетъ въ русскій народъ* (?!), а это позволяетъ разсчитывать, что настоящая мирная эра будетъ продолжительна".

Замѣчаніе графа Кальноки, что Австрія не одна будетъ стоять противъ Россіи, а въ союзѣ съ Германіею, — произвело сильнѣйшую сенсацію въ австрійской печати. Никто не зналъ, что австрійцы имѣютъ за собою такую важную гарантію и что германская дружба связана съ положительнымъ обязательствомъ по отношенію къ Австріи на случай войны съ Россіей. Это было радостнымъ открытіемъ для патріотовъ Вѣны и Пешта. Австрійскіе нѣмцы и венгерцы ненавидятъ Россію; австрійскія газеты очень часто грозятъ намъ оружіемъ и подробно обсуждаютъ вопросъ объ открытомъ столкновеніи, имѣющемъ будто бы совершиться неизбѣжно на почвѣ восточныхъ неурядицъ. Найдя свою миссію на Балканскомъ полуостровѣ, Австрія, по мнѣнію многихъ, должна рано или поздно встрѣтиться съ Россіею на полѣ брани, чтобы такъ или иначе рѣшить судьбу европейскаго востока. Такой взглядъ господствуетъ въ нѣмецкой журналистикѣ за послѣдніе годы и оттуда уже перешелъ въ наши воинственныя газеты. Удивительно поэтому слышать изъ устъ австрійскаго министра обвиненіе русской печати въ непріязненности къ Австріи; еще болѣе странно указаніе на нашу печать, какъ на „единственную причину безпокойства". Какъ бы легкомысленны ни были нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, но въ нихъ не найдется и десятой доли тѣхъ рѣзкостей, какія сплошь и рядомъ печатаются въ Австріи противъ Россіи. Враждебный тонъ нашихъ газетъ относительно австрійцевъ является лишь блѣднымъ отголоскомъ разсужденій вѣнской и венгерской печати, общій характеръ которыхъ не можетъ быть не извѣстнымъ графу Кальноки. Непонятно также желаніе министра, чтобы идея мира проникла въ сознаніе русскаго народа. Неужели

графъ Кальноки, жившій нѣкоторое время въ Россіи въ качествѣ австрійскаго посла, приписываетъ русскому народу мнѣнія, выражаемыя въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ? Нашъ народъ никогда не имѣлъ случая высказываться объ отношеніяхъ къ сосѣднимъ имперіямъ, а если бы такой случай представился, то, конечно, никакая мысль о войнѣ не имѣла бы при этомъ мѣста. Откуда взялась бы эта идея у мирнаго населенія, поглощеннаго житейскими заботами и имѣющаго широкій земельный просторъ въ предѣлахъ собственнаго отечества? Но если бы воинственный элементъ гнѣздился гдѣ-нибудь въ русскомъ народѣ, то меньше всего направлялся бы онъ въ сторону Австріи или Германіи. Единственное имя, которое можетъ вызывать въ народѣ представленіе о войнѣ, это—Турція; воспоминанія и традиціи переплетаются тутъ съ религіозными и нравственными мотивами, доступными и понятными народу. Между тѣмъ даже къ туркамъ нашъ народъ относится добродушно, безъ всякой злобы, и едва ли ходилъ бы воевать съ ними, если бы все зависѣло отъ народнаго настроенія. И вдругъ австрійскій министръ взваливаетъ на этотъ добродушный народъ обвиненіе въ какихъ-то враждебныхъ замыслахъ противъ Австріи! Правда, нѣкоторыя газеты, особенно московскія, имѣютъ обыкновеніе говорить иногда отъ имени народа, который ихъ не читаетъ и потому протестовать не можетъ; но такого рода невинное самозванство встрѣчается повсюду, и оно нигдѣ не принимается за чистую монету.

Графъ Кальноки сдѣлалъ очевидный промахъ, припутавъ не кстати русскую печать и русскій народъ къ вопросамъ кабинетной политики, въ разрѣшеніи которыхъ ни печать, ни народъ не принимаютъ ни малѣйшаго участія. А что отзывы нашихъ газетъ могутъ служить „единственною причиною безпокойства" для иностранной дипломатіи, — это кажется намъ даже утѣшительнымъ: значитъ, все тамъ спокойно, и никакихъ серьезныхъ недоразумѣній не существуетъ. Впрочемъ, еслибы и возникли недоразумѣнія, то вслѣдъ за Австріею выступила бы побѣдоносная Германія, и дѣло было бы быстро покончено. Нашлись уже скептики, не довѣряющіе этому послѣднему обстоятельству: быть можетъ, графъ Кальноки сдѣлалъ слишкомъ категорическій выводъ изъ разговоровъ съ княземъ Бисмаркомъ, подобно тому какъ слишкомъ поспѣшнымъ оказывается его заключеніе о русской печати и о русскомъ народѣ. Въ „Сѣверо-германской газетѣ", извѣстномъ органѣ канцлера, появилось косвенное опроверженіе словъ Кальноки; по увѣренію этой газеты, союзъ установленъ не для цѣлей войны, а для охраны мира. Не нужно особенной глубины политическаго пониманія, чтобы сообразить, что Германія во всякомъ случаѣ не стала бы защищать Австрію ради нея самой, и что защита можетъ окончиться отнятіемъ части владѣній у довѣр-

чиваго союзника, особенно при успѣшности дѣйствій противной стороны. При существующихъ обычаяхъ толкованія и исполненія международныхъ обѣщаній, нельзя вообще придавать безусловную силу такимъ заявленіямъ, какъ переданное графомъ Кальноки и отчасти видоизмѣненное оффиціознымъ органомъ князя Бисмарка.

Въ Англіи происходитъ теперь любопытное явленіе: вождь консервативной партіи требуетъ вмѣшательства государства для улучшенія быта бѣдствующихъ городскихъ рабочихъ, возстаетъ противъ принципа „laissez fai laissez passerre", и высказывается въ пользу расширенія избирательныхъ правъ населенія. Либеральныя газеты горячо привѣтствуютъ „манифестъ" лорда Салисбюри, появившійся въ журналѣ „National Review" по поводу возбужденнаго вопроса объ устройствѣ помѣщеній для рабочихъ. „Съ того дня, какъ Гладстонъ выпустилъ свою знаменитую брошюру о болгарскихъ ужасахъ, — говоритъ „Pall-Mall-Gazette", — ни одинъ государственный человѣкъ Англіи не обнародовалъ манифеста, который имѣлъ бы такія обширныя и прочныя послѣдствія, какъ статья лорда Салисбюри. Насколько дѣло касается англійской политики, можно съ вѣроятностью предположить, что эта статья означаетъ собою начало новой эпохи. Она заключаетъ въ себѣ признаки совершенно новаго направленія; она громко въ критическій моментъ провозглашаетъ отреченіе предводителя консервативной оппозиціи отъ доктрины невмѣшательства вмѣстѣ съ положительнымъ признаніемъ, что государство должно придти на помощь гражданамъ въ дѣлѣ снабженія ихъ жилищами. Либеральные доктринеры и консерваторы старой школы будутъ внѣ себя при видѣ этого внезапнаго рѣшенія, принятаго вождемъ большой партіи, окунуться въ бурныя воды государственнаго соціализма. Фактъ совершился безвозвратно, и такимъ образомъ вопросъ о помѣщеніяхъ для рабочихъ сразу выдвинутъ на первый планъ въ ряду политическихъ задачъ современности. Въ разсужденіи лорда Салисбюри встрѣчаются мысли, которыя долго еще будутъ служить текстомъ для соціалистовъ, взывающихъ къ государственному вмѣшательству для болѣе равномѣрнаго распредѣленія богатствъ".

Англійскіе чистокровные консерваторы ратуютъ за интересы и нужды бѣдныхъ, не опасаясь даже обвиненія въ соціализмѣ. Это настолько противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о консерваторахъ и либералахъ, что необходимо остановиться на указанномъ явленіи съ нѣкоторою подробностью. Но объ этомъ, какъ и вообще объ англійскихъ дѣлахъ,—до другого раза.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е ноября, 1883.

— *Емиль де-Лавеле.* Парламентарный образъ правленія и демократія. Переводъ съ французскаго В. Ерасси, подъ редакціею и съ предисловіемъ профессора И. Тарасова. Ярославль, 1883.

Для конституціонной и тѣмъ болѣе для парламентарной формы правленія наступило на западѣ критическое время — не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы самому существованію ея угрожала близкая, настоятельная опасность, а въ томъ, что ей предстоитъ считаться съ новыми, не всегда благопріятными ей условіями, съ критическимъ анализомъ, часто враждебнымъ и пристрастнымъ. Отголоски спора, завязавшагося у нашихъ сосѣдей, долетаютъ и до насъ, жадно подхватываются и толкуются вкривь и вкось нашими доморощенными обскурантами. Къ числу авторитетовъ, на которыхъ эти господа любятъ ссылаться, принадлежитъ Лавеле, какъ авторъ названной выше брошюры. Переводъ ея появляется, такимъ образомъ, весьма кстати: русская публика получаетъ возможность узнать изъ первыхъ рукъ, что̀ думаетъ о парламентаризмѣ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ— если вѣрить крикунамъ извѣстнаго лагеря—его противниковъ. Предлагаетъ ли Лавеле возвращеніе къ патріархальнымъ порядкамъ, превозноситъ ли онъ доброе старое время, отвергаетъ ли въ принципѣ политическую самодѣятельность общества? Ничуть не бывало. Констатируя затрудненія, возникающія при встрѣчѣ парламентаризма съ демократіей, онъ намѣчаетъ средства къ устраненію или уменьшенію зла, вовсе не рокового по своему свойству. Наиболѣе радикальнымъ изъ этихъ средствъ представляется децентрализація, доходящая почти до федерализма. По справедливому замѣчанію Лавеле, параллельно съ возрастаніемъ децентрализаціи уменьшается роль парламента, а, слѣдовательно, ослабляются неудобства, сопряженныя съ его всемогуществомъ. „Господствуютъ ли радикалы или консер-

ваторы въ союзныхъ совѣтахъ въ Бернѣ? Этого не знаютъ въ остальной Европѣ и даже въ самой Швейцаріи; да это имѣетъ и мало значенія". То же самое можно сказать и о Норвегіи, несмотря на крайне ограниченную, сравнительно съ властью парламента, власть короля. Тамъ, гдѣ централизація держится слишкомъ твердо—какъ напримѣръ во Франціи—большую пользу могъ бы принести сѣвероамериканскій способъ назначенія министровъ, т.-е. избраніе ихъ не изъ среды парламента, или самостоятельная, также по образцу Соединенныхъ Штатовъ, организація нѣкоторыхъ отраслей управленія, путемъ выбора лицъ, завѣдующихъ ими, на опредѣленные сроки. Весьма важной является, съ той же точки зрѣнія, безусловная независимость суда, т.-е. отнятіе у администраціи не только права смѣнять судей, но и права перемѣщать или повышать ихъ по своему усмотрѣнію. Предложенія Лавеле не имѣютъ, какъ видно, ничего общаго съ рецептами нашихъ эмпириковъ, цѣпляющихся за почтенное имя бельгійскаго публициста.

Посмотримъ, однако, въ чемъ заключаются, по мнѣнію Лавеле, слабыя стороны парламентаризма. Если въ государствѣ съ парламентарнымъ образомъ правленія существуютъ крѣпко сплоченныя партіи, это „подавляетъ личный починъ и устраняетъ самостоятельное отношеніе къ дѣлу"; если мѣсто партій замѣняютъ многочисленныя, неопредѣленныя, колеблющіяся группы, то внутренняя политика, а тѣмъ болѣе внѣшняя, теряетъ всякую устойчивость, министерства безпрестанно смѣняютъ одно другое, въ административной іерархіи водворяется бездѣйствіе и безпорядокъ. Администрація угождаетъ депутатамъ, которые, въ свою очередь, угождаютъ избирателямъ. Зависимость войска, какъ постоянно организованной силы, отъ парламента, управляемаго случайнымъ, измѣнчивымъ большинствомъ, является чѣмъ-то ненормальнымъ и существуетъ только до поры до времени. Во всемъ этомъ безспорно много правды; но для того, чтобы избѣжать ошибки въ оцѣнкѣ фактовъ, необходимо разрѣшить предварительно два вопроса, которыхъ Лавеле даже не ставитъ — свойственны ли указанные имъ недостатки *исключительно* парламентаризму, и какъ велико ихъ вліяніе на народную жизнь? Неужели *устойчивость*, въ смыслѣ вѣрности однажды принятымъ началамъ, всегда составляетъ отличительную черту правительствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ парламентаризмомъ? Былъ ли послѣдователенъ Людовикъ XV-й, когда онъ переходилъ отъ Шуазеля къ Мопу, когда онъ воевалъ съ Пруссіей противъ Австріи, потомъ съ Австріей противъ Пруссіи? Былъ ли послѣдователенъ Людовикъ XVI-й, когда онъ бросался отъ Тюрго къ Клюни, отъ Неккера къ Калонну? Много ли устойчивости было въ политикѣ Фридриха-

Вильгельма II-го, то ссорящагося съ Австріей изъ-за Турціи или Польши, то устремляющагося вмѣстѣ съ императоромъ противъ французскихъ революціонеровъ? Превосходилъ ли, въ этомъ отношеніи, своего отца Фридрихъ-Вильгельмъ III-й, когда получалъ Ганноверъ изъ рукъ Франціи и вслѣдъ затѣмъ объявлялъ войну Наполеону? Составляла ли устойчивость характеристическое свойство Фридриха-Вильгельма IV-го? Нужно обладать очень короткой памятью, чтобы утверждать, что быстрая смѣна министровъ возможна только при парламентарномъ образѣ правленія. Возьмемъ хоть князя Бисмарка—мало ли онъ перемѣнилъ за послѣднее время министровъ финансовъ?.. Парламентаризмъ, говоритъ Лавеле, мѣшаетъ примѣненію начала: the right man in the right place; а помимо парламентаризма, ему не мѣшаетъ никто и ничто? Эспинасъ — министръ внутреннихъ дѣлъ, Савари—министръ полиціи, Мюлеръ — министръ народнаго просвѣщенія, десятки другихъ величинъ того же порядка —это все были созданія парламентаризма? Протекція, идущая отъ депутатовъ, составляетъ несомнѣнное зло — но чѣмъ же она хуже другихъ разнообразныхъ протекцій, процвѣтающихъ при полномъ отсутствіи чего-нибудь похожаго на парламентаризмъ? Войско нигдѣ не играло такъ часто несвойственной ему роли, какъ въ Испаніи, начиная съ тридцатыхъ годовъ—а кто же назоветъ Испанію временъ Христины или Изабеллы страною парламентарнаго образа правленія? Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ медали; спросимъ себя, много ли теряетъ Франція отъ частой смѣны министерствъ? За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда новое министерство приносило или грозило принести съ собою потрясеніе всего режима (напр. 16 мая 1877 г.), страна едва замѣчаетъ перемѣны въ министерскихъ сферахъ, продолжаетъ благоденствовать и развиваться при Ваддингтонѣ, какъ и при Дюфорѣ, при Дюклерѣ или Ж. Ферри, какъ и при Фрейсинэ. Заключеніе союзовъ сопряжено для современной Франціи, быть можетъ, съ нѣсколько бо̀льшими затрудненіями, чѣмъ для другихъ государствъ—но можно ли въ наше время придавать большое значеніе союзамъ? Они имѣютъ реальное значеніе развѣ для той минуты, въ которую заключены—а на короткій срокъ возможенъ союзъ и съ Франціей. Что касается до французской администраціи, то „бездѣйствіемъ“ и „безпорядкомъ“ она отличается теперь столь же мало, какъ и при Наполеонѣ III-мъ. Общій нашъ выводъ таковъ: недостатки парламентаризма свойственны не ему одному и вовсе не столь серьезны, какъ кажется съ перваго взгляда. Эпоха, переживаемая Европой, дѣйствительно можетъ быть названа критическою, но вслѣдствіе такихъ причинъ, которыя не зависятъ или очень мало зависятъ отъ парламентаризма. Появленіе новыхъ потребностей

новыхъ идей, новыхъ условій вездѣ и всегда сопровождается смутами, колебаніями почвы. Политическія формы не играютъ здѣсь господствующей роли: онѣ могутъ только усложнить или облегчить кризисъ, но не могутъ ни вызвать его, ни предупредить ни прервать въ самомъ началѣ. Опредѣлить, съ этой точки зрѣнія, значеніе конституціонализма вообще и парламентарнаго образа правленія въ особенности—задача весьма интересная и важная, но вовсе не затронутая брошюрою Лавеле.

— *В. Португаловъ*, Врачебная помощь крестьянству (задача земской медицины). Спб., 1883.

— *М. Покровскій*, Наши санитарныя задачи. Кіевъ, 1882.

Дѣятельность земскихъ учрежденій создала у насъ новый типъ—врача-санитара, новую отрасль литературы—народную гигіену. Съѣзды земскихъ врачей способствуютъ, въ разныхъ краяхъ Россіи, постановкѣ вопросовъ, накопленію и группировкѣ матеріаловъ; появляются попытки систематической обработки добытыхъ данныхъ, намѣчаются дальнѣйшія задачи земства и государства. Спеціалисты, которымъ принадлежатъ, бо́льшею частью, труды этого рода, не всегда безпристрастны и справедливы. Они заносятъ въ пассивъ земства всѣ неудачи, всѣ ошибки земской медицины, недостаточно принимая въ соображеніе условія, при которыхъ дѣйствуетъ земство, и упуская изъ виду, что новое дѣло, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, не можетъ сразу стать на прямую дорогу, не можетъ оставаться ей безусловно вѣрнымъ. Если бы организація народной медицины была отдана, двадцать лѣтъ тому назадъ, чиновникамъ-врачамъ—т.-е. правительственнымъ о́рганамъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ—то положеніе ея было бы, можетъ быть, еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ то, что́ мы видимъ въ настоящее время. Предоставленныя самимъ себѣ, земства пошли по самымъ различнымъ дорогамъ, совершили рядъ самыхъ разнообразныхъ опытовъ; сравнительный анализъ достигнутыхъ ими результатовъ можетъ дать такую массу свѣта, какой нельзя было бы ожидать отъ вынужденнаго однообразія оффиціально установленной системы. Теперь пора подвести итоги, вывести заключенія,—но не слѣдуетъ забывать, благодаря чему они стали возможными. Земство, говорятъ намъ, тратитъ народныя деньги, работаетъ на средства, собранныя преимущественно съ крестьянъ; это совершенно вѣрно,—но вѣдь никто не заставлялъ его употребить значительную часть этихъ средствъ именно на охраненіе народнаго здоровья, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ брошеннаго на произволъ судьбы. „Земство“, читаемъ мы у г. Португалова, „по-

ступило нѣсколько опрометчиво, взявъ на себя серьёзную заботу о народномъ здоровьѣ и не будучи въ силахъ ее выполнить такъ, какъ этого требовала справедливость". А кто бы взялъ на себя эту „серьезную заботу", если бы ея не приняло земство? Неужели оно должно было держаться девиза: *все или ничего*, и ничего не дѣлать, за невозможностью сдѣлать все? Справедливость, по словамъ г. Португалова, требовала *одинаковой* доступности земской врачебной помощи для *всякаго* плательщика земскаго сбора; теоретически это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но практически это опять-таки значитъ: не дѣлайте ничего, разъ что не можете сдѣлать всего. Претензіи къ земству идутъ еще дальше; г. Португаловъ видитъ въ немъ главнаго отвѣтчика за податное бремя, лежащее на крестьянахъ. „Улучшеніе экономическаго положенія крестьянства,—говоритъ онъ, —заключается, главнымъ образомъ, въ облегченіи поборовъ, налоговъ и податей, какъ земскихъ, мірскихъ, *такъ и иныхъ*. Но это и есть забота земства *и никого больше*". Читая эти строки, не вѣришь глазамъ, особенно если вспомнить, что г. Португаловъ—служившій земскимъ врачемъ въ самарской губерніи—знакомъ съ положеніемъ земства не по книгамъ или газетамъ, а по личному опыту.

Не малую долю горечи въ отношенія земства къ земскимъ врачамъ и обратно, вноситъ знакомый нашимъ читателямъ споръ о стаціонарной и разъѣздной системѣ [1]). Большой заслугой со стороны г. Португалова мы считаемъ безпристрастіе, сохраняемое имъ въ этомъ спорѣ. Онъ не только ссылается, съ явнымъ сочувствіемъ, на земскаго врача Толстого, продолжающаго разъѣзжать по своему участку и послѣ отмѣны мѣстнымъ земствомъ разъѣздной системы, но и высказывается прямо отъ своего лица противъ аргументовъ, обыкновенно приводимыхъ въ защиту безусловнаго стаціонаризма (стр. 27). Само собою разумѣется, что онъ желалъ бы видѣть врача въ каждомъ сельскомъ обществѣ, — но вѣдь это идеалъ, въ настоящемъ, да и въ ближайшемъ будущемъ недостижимый. Вполнѣ правильнымъ кажется намъ, дальше, взглядъ г. Португалова на значеніе мѣръ санитарныхъ и лечебныхъ. Выставляя на видъ всю важность, всю необходимость первыхъ, онъ не отрицаетъ и пользы послѣднихъ, не увлекается крайнимъ мнѣніемъ, сводящимъ *всѣ* задачи земской медицины къ *предупрежденію* болѣзней. Авторъ другой брошюры, названной нами выше — г. Покровскій — признаетъ пользу терапіи лишь настолько, насколько „гигіеническія условія больного достаточны для здоровой жизни"; въ противномъ случаѣ терапія, съ его точки зрѣнія, приноситъ только вредъ, напрасно

[1]) См. внутр. обозрѣніе въ №№ 10 и 12 «Вѣстн. Евр.» за 1882 г.

поглощая народныя средства. Не значитъ ли это, другими словами, провозгласить леченье болѣзней совершенно излишнимъ для громаднаго большинства крестьянъ? Г. Португаловъ свободенъ отъ такой односторонности. „Позволительно думать,—говоритъ онъ,—что болѣзненность утихала и эпидемія прекращалась тамъ, гдѣ является дружное и совмѣстное содѣйствіе терапевтическихъ и санитарныхъ пособій. И это очень вѣроятно въ отношеніи всѣхъ и всякихъ эпидемій. Это едва ли противорѣчитъ нашимъ даже самымъ восторженнымъ санитарнымъ увлеченіямъ, *подчасъ слишкомъ рискованно заявляемымъ*". Исходя изъ того же основного начала, г. Португаловъ доказываетъ возможность амбулаторнаго леченія сифилиса — и въ этомъ согласится съ нимъ всякій, кто жилъ въ деревнѣ и наблюдалъ за дѣйствіемъ мѣръ, принимаемыхъ противъ распространенія въ народѣ сифилитической заразы. Признавать леченье сифилиса мыслимымъ только при хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ, т.-е. только въ больницахъ, значитъ обрекать на безпомощность массу лицъ, страдающихъ отъ этой болѣзни.

Когда въ земскихъ собраніяхъ заходитъ рѣчь объ устройствѣ санитарнаго отдѣла, о приглашеніи санитарныхъ врачей, изъ среды гласныхъ часто раздаются возраженія такого рода: нашъ народъ слишкомъ невѣжественъ и слишкомъ бѣденъ, чтобы извлечь пользу изъ санитарныхъ мѣръ; все предпринятое съ этою цѣлью останется мертвой буквой и вовлечетъ земство въ непроизводительные, напрасные расходы. Какъ ни слабы подобные доводы, они оказываются иногда трудно преодолимою преградой на пути впередъ; не дальше, какъ въ прошедшемъ году, имъ удалось замедлить организацію санитарной части въ с.-петербургской губерніи. Оружіе противъ нихъ, и весьма сильное, можно найти и у г. Покровскаго, и въ особенности у г. Португалова. Г. Покровскій справедливо замѣчаетъ, что если болѣзненность народа зависитъ отчасти отъ его бѣдности, то и бѣдность, въ свою очередь, зависитъ отчасти отъ болѣзненности. То же самое подтверждаетъ и г. Португаловъ, доказывая притомъ цѣлымъ рядомъ цифръ и фактовъ, что въ основаніи болѣзненности лежитъ далеко не одна бѣдность. Разница между обоими авторами заключается въ томъ, что г. Покровскій считаетъ необходимымъ изъять санитарную часть изъ круга дѣйствій городского и земскаго самоуправленія и передать ее въ завѣдываніе одного спеціальнаго учрежденія, а г. Португаловъ ничего столь радикальнаго не предлагаетъ. Вопросъ о лучшей организаціи санитарной части слишкомъ сложенъ и труденъ, чтобы можно было исчерпать его въ небольшой библіографической замѣткѣ; замѣтимъ только, что здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, къ желанной цѣли можетъ привести лишь со-

вмѣстная дѣятельность земства, городовъ и правительственной власти, а отнюдь не крайняя централизація, не исключительное преобладаніе бюрократическаго элемента, хотя бы онъ и былъ представленъ спеціалистами-врачами.

— *А. Прилежаевъ*, Фабричная инспекція во Франціи по закону 19 мая 1874 г. Спб., 1883.

Мы говорили, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]), о трудѣ г. Погожева: „Фабричный бытъ Германіи и Россіи"; брошюра г. Прилежаева служитъ какъ бы дополненіемъ къ нему, хотя и далеко уступаетъ ему богатствомъ содержанія. Оба автора разсматриваютъ примѣненіе новыхъ законовъ о фабричной инспекціи—одинъ въ Германіи, другой во Франціи,—оба, слѣдовательно, касаются вопроса большой практической важности, въ виду предстоящей и у насъ организаціи фабричнаго инспекторскаго надзора; но у г. Погожева мы знакомимся преимущественно съ данными, собранными инспекціею, съ результатами, ею достигнутыми, а у г. Прилежаева—преимущественно съ внѣшней стороной дѣятельности инспекціи. Особенность французскаго закона о фабричномъ надзорѣ заключается въ томъ, что помимо окружныхъ инспекторовъ, назначаемыхъ правительствомъ (15 для всей Франціи), департаментскимъ генеральнымъ совѣтамъ предоставлено назначать, на средства департамента, еще спеціальныхъ инспекторовъ, и вмѣнено въ обязанность учреждать мѣстныя коммиссіи для ближайшаго надзора за фабриками и для контроля надъ инспекціей. Правомъ имѣть своихъ инспекторовъ воспользовались, за недостаткомъ средствъ, лишь немногіе департаменты; большое развитіе эта дополнительная инспекція получила лишь въ сенскомъ департаментѣ (т.-е. въ Парижѣ), гдѣ въ настоящее время состоитъ 13 инспекторовъ и столько же инспектрисъ (для фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній, дающихъ работу исключительно лицамъ женскаго пола). Что касается до мѣстныхъ коммиссій, то число ихъ достигло 550, изъ которыхъ 80—въ сенскомъ департаментѣ (40 мужскихъ и 40 женскихъ). Въ Парижѣ предсѣдатели, предсѣдательницы и секретари коммиссій собираются періодически въ общее собраніе. Парижскія мѣстныя коммиссіи дѣйствуютъ, вообще говоря, очень энергично, часто ссорясь при этомъ съ правительственной и департаментской инспекціей; провинціальныя коммиссіи, наоборотъ, навлекаютъ на себя упрекъ въ бездѣйствіи. Въ ближайшемъ будущемъ ожидается увеличеніе числа округовъ и окружныхъ инспекторовъ,

---

[1]) См. Литературное обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы" 1883.

учрежденіе должности главнаго инспектора и упраздненіе мѣстныхъ коммиссій. Объясненія этой послѣдней мѣры, если она состоится, очевидно, нужно будетъ искать въ столкновеніяхъ между инспекціей и коммиссіями, а разгадку столкновеній—въ томъ постановленіи закона, которое облекаетъ коммиссію правомъ контроля надъ инспекціей, не опредѣляя въ точности ни его формъ, ни его предѣловъ. Намъ кажется, что мѣстныя коммиссіи съ большою пользой могли бы быть перенесены на нашу почву, лишь бы только имъ былъ данъ характеръ учрежденія, помогающаго инспекціи, а не контролирующаго ее; роль коммиссій могла бы быть предоставлена дѣятелямъ земскаго и городского самоуправленія, о привлеченіи которыхъ къ надзору за фабриками мы уже говорили и при оцѣнкѣ закона 1 іюня 1882 г. (см. Внутр. обозрѣніе въ № 8 „Вѣстника Европы" за 1882 г.) и при разборѣ книги г. Погожева. Чтобы создать нѣчто въ родѣ департаментской инспекціи, у насъ не хватитъ средствъ—а недостаточность одного правительственнаго надзора доказана опытомъ Германіи и Франціи, имѣющихъ передъ нами громадное преимущество незначительныхъ разстояній, удобныхъ путей сообщенія и широко-развитой общественной жизни.

— *В. Березинъ*, Мировой судъ въ провинціи. Спб., 1883.

Брошюра г. Березина представляетъ собою смѣсь полезныхъ, дѣльныхъ замѣчаній и странныхъ предложеній. Первыя основаны на опытѣ автора, какъ мирового судьи, послѣднія—на его симпатіяхъ и антипатіяхъ, какъ земскаго дѣятеля. Г. Березинъ совершенно правъ, когда указываетъ на вторженіе въ область мировой юстиціи чуждаго ей формалистическаго элемента, на противорѣчіе между кассаціонной практикой и требованіями жизни, на необходимость предоставленія бо́льшей свободы внутреннему убѣжденію мировыхъ судей; онъ совершенно правъ, когда констатируетъ невозможность, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, *единогласнаго* избранія въ мировые судьи и требуетъ отмѣны ограниченій, уменьшающихъ число кандидатовъ на эту должность. Согласиться съ нимъ можно и тогда, когда онъ возстаетъ противъ такихъ, давно уже не подлежащихъ сомнѣнію недостатковъ земскаго строя, какъ незначительное число крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ, какъ избраніе въ гласные отъ волостныхъ старшинъ и писарей, какъ обязательное предсѣдательство предводителей дворянства и т. п. Въ область фантазіи или прожектерства слѣдуетъ отнести, наоборотъ, предложеніе автора увеличить въ нѣсколько разъ число уѣздныхъ мировыхъ судей, съ тѣмъ, чтобы за исправленіе этой долж-

ности не было назначаемо вознагражденія, а также мысль его о необходимости предоставить сельскому духовенству *треть* голосовъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, съ избраніемъ гласныхъ отъ духовенства на особыхъ съѣздахъ этого сословія. Насколько принципъ безвозмездной службы примѣнимъ на нашей почвѣ—объ этомъ можно судить по исторіи института предводителей дворянства и почетныхъ мировыхъ судей. Г. Березинъ предлагаетъ, правда, сдѣлать службу въ званіи мирового судьи, въ продолженіе одного выборнаго срока, обязательною для избираемыхъ; но здѣсь предстоитъ слѣдующая альтернатива: или обязательность службы будетъ имѣть безусловное значеніе, даже для лицъ отсутствующихъ—въ такомъ случаѣ земское собраніе получитъ право опредѣлять, de facto, мѣстопребываніе землевладѣльцевъ, вызывать ихъ въ уѣздъ изъ другого конца Россіи, отвлекать ихъ отъ избранныхъ ими занятій; или подъ дѣйствіе ея подойдутъ только постоянно живущіе въ уѣздѣ—и въ такомъ случаѣ еще больше, чѣмъ теперь, будетъ процвѣтать землевладѣльческій абсентеизмъ. Къ чему, притомъ, такое громадное число мировыхъ судей въ уѣздѣ? Неужели путемъ размноженія судебныхъ преслѣдованій можно исправить, какъ полагаетъ г. Березинъ, народные нравы? Близкій къ населенію судъ у насъ есть и теперь, въ видѣ суда волостного; нужно только улучшить его устройство и регулировать его дѣятельность. Или, можетъ быть, г. Березинъ принадлежитъ къ числу принципіальныхъ противниковъ волостного суда?.. Присутствіе священниковъ въ земскомъ собраніи и мы признаемъ весьма желательнымъ, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они являлись представителями населенія, а не корпораціи, и не составляли искусственно созданной группы, многочисленной внѣ всякой пропорціи къ дѣйствительной роли духовенства въ уѣздной жизни. Что землевладѣльческіе съѣзды неохотно избираютъ священниковъ въ гласные — это совершенно справедливо, но объясняется это съ одной стороны тѣмъ, что духовенство не участвуетъ въ платежѣ земскаго сбора, съ другой стороны радикальными недостатками всей вообще земской избирательной системы. Пересмотръ этой системы долженъ быть направленъ не къ устройству новыхъ перегородокъ между сословіями, а къ установленію такого порядка, при которомъ выборамъ всего легче было бы пасть на лучшихъ людей уѣзда.

— *А. Трачевскій*, Учебникъ исторіи. Древняя исторія. Спб., 1883.
— *Э. Зеворть*, Исторія новаго времени (XVI—XVIII ст.). Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями И. В. Лучицкаго. Кіевъ, 1883.

Хорошихъ учебниковъ всеобщей исторіи у насъ очень мало; мало и такихъ книгъ, которыя занимали бы средину между учебникомъ и научнымъ трудомъ, представляли бы не слишкомъ подробную, но достаточно полную, всестороннюю и стройную историческую группировку историческаго матеріала. Сочиненія Вебера и Шлоссера, переведенныя на русскій языкъ лѣтъ 20—25 тому назадъ, отчасти устарѣли, да и недоступны, по объему, для большинства читающей публики. А между тѣмъ, потребность въ историческихъ руководствахъ, соединяющихъ въ себѣ основательность и сжатость, весьма велика; она чувствуется не только учащимися, но и массою лицъ, желающихъ пополнить свое образованіе или имѣть подъ рукой надежный источникъ для историческихъ справокъ. Удовлетворить этой потребности не легко; г. Трачевскій совершенно правъ, замѣчая въ предисловіи, что составленіе учебника, вполнѣ соотвѣтствующаго своему назначенію, гораздо труднѣе сочиненія ученыхъ диссертацій. Неудивительно, что пополнить пробѣлъ взялись, въ одно и тоже время, два профессора исторіи; для нихъ онъ долженъ быть особенно замѣтнымъ, они на каждомъ шагу имѣютъ случай убѣдиться въ томъ, насколько онъ вредитъ успѣшности университетскаго преподаванія исторіи. Способы исполненія задачи, избранные гг. Трачевскимъ и Лучицкимъ, не одинаковы; первый рѣшился составить учебникъ, предназначенный въ особенности для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія и обнимающій собою всю область исторіи; второй остановился на одномъ историческомъ періодѣ (XVI—XVIII в.) и имѣлъ въ виду преимущественно студентовъ. Учебникъ г. Трачевскаго—трудъ всецѣло оригинальный; г. Лучицкому принадлежатъ только тѣ главы, которыя касаются исторіи земледѣлія, промышленности и торговли, а все остальное въ изданной имъ книгѣ составляетъ переводъ сочиненія Зеворта.

Учебникъ исторіи, какъ его понимаетъ г. Трачевскій, долженъ „стоять на высотѣ современной науки и быть миніатюрнымъ отраженіемъ нынѣшней цивилизаціи"; онъ долженъ соединять въ себѣ два главныя условія: 1) „строгій выборъ фактовъ, безъ чего пришлось бы пожертвовать, въ пользу политической исторіи, культурой, которою слѣдуетъ особенно дорожить, и 2) наиболѣе сжатое и точное изложеніе, которое устранило бы возможность фразерства, столь соблазнительнаго при преподаваніи исторіи". Эти слова предисловія не остались мертвой буквой; требованія, въ нихъ выраженныя, вездѣ

служили руководящей нитью для автора. Г. Трачевскому удалось избѣжать обычнаго недостатка историческихъ учебниковъ—безцѣльнаго нагроможденія именъ, годовъ и фактовъ, обременяющихъ память читателя и все-таки не оставляющихъ въ ней ничего яснаго, опредѣленнаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только сравнить разбираемую нами книгу съ „Руководствомъ всемірной исторіи" В. Зайцева, о которомъ мы имѣли случай говорить въ „Вѣстникѣ Европы" [1]). Не смотря на бóльшій, сравнительно, объемъ (у г. Зайцева исторіи Востока и древней Греціи отведено два тома, у г. Трачевскаго *вся* древняя исторія умѣщается въ одномъ томѣ), „Руководство" г. Зайцева представляетъ пробѣлы, которыхъ нѣтъ въ „Учебникѣ" г. Трачевскаго; оно обходитъ молчаніемъ не только Китай, но и Индію, не даетъ никакого понятія о египетскихъ храмахъ и пирамидахъ, отводитъ, вообще, слишкомъ мало мѣста исторіи культуры. Мелочи политической исторіи слишкомъ часто выдвигаются у г. Зайцева на первый планъ, въ ущербъ другимъ, болѣе важнымъ сторонамъ дѣла. Онъ перечисляетъ, напримѣръ, почти всѣхъ египетскихъ и ассирійскихъ царей, приводитъ болѣе чѣмъ сомнительныя цифры, опредѣляющія продолжительность царствованія той или другой египетской династіи. Учебникъ г. Трачевскаго свободенъ отъ этого баласта; онъ называетъ только выдающихся дѣятелей, избѣгаетъ всякихъ лишнихъ хронологическихъ деталей, всякихъ номенклатуръ, безсильныхъ дать понятіе объ изучаемомъ предметѣ. Благодаря этой сдержанности, благодаря умѣнью различать важное отъ неважнаго, существенное отъ второстепеннаго, авторъ получаетъ возможность „сказать многое въ немногихъ словахъ", нарисовать немногими штрихами картину, достаточно окрашенную и освѣщенную; сжатость изложенія не переходитъ у него въ безжизненность и сухость. Не вполнѣ цѣлесообразнымъ, кажется намъ только одинъ пріемъ, общій гг. Трачевскому и Зайцеву—категорическое разрѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ, какъ будто бы они вовсе не были спорными. Преобладающей роли полемическій элементъ въ учебникѣ исторіи, конечно, играть не долженъ; авторъ имѣетъ полное право избрать то или другое изъ борющихся между собою мнѣній, не мотивируя своего выбора — но это не исключаетъ *указанія* (въ нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ случаяхъ) на другіе взгляды, не раздѣляемые авторомъ. Только посредствомъ такихъ указаній можно выяснить читателю или ученику различіе между фактами достовѣрными и вѣроятными, между знаніемъ и предположеніемъ—различіе, столь важное для правильнаго пониманія исторіи. Приве-

---

[1]) См. Литературное обозрѣніе въ № 3-мъ 1879 г. и № 5-мъ 1882.

демъ, въ видѣ иллюстраціи къ нашей мысли, одинъ примѣръ. Г. Трачевскій отождествляетъ *гиксовъ* — „царей-пастырей“, господствовавшихъ нѣсколько столѣтій надъ сѣвернымъ Египтомъ—съ евреями и приписываетъ имъ возвышеніе Іосифа, не прибавляя къ этому никакой оговорки, не упоминая ни однимъ словомъ о другихъ, по меньшей мѣрѣ равносильныхъ гипотезахъ (Дункеръ, напримѣръ, считаетъ гиксовъ филистимлянами или аравитянами и не видитъ никакой связи между пребываніемъ ихъ въ Египтѣ и исторіей Іакова и Іосифа). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не мѣшало бы, какъ намъ кажется, помнить золотое правило: audiatur et altera pars. Размѣръ учебника увеличился бы отъ этого немного, а читатели его вынесли бы болѣе правильное понятіе о характерѣ данныхъ, представляемыхъ древнею исторіею. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что у г. Трачевскаго вовсе ничего не сказано о литературѣ предмета. Подробнаго перечисленія *всѣхъ* сочиненій по древней исторіи отъ учебника конечно, требовать нельзя, но указаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе цѣнныхъ (въ особенности русскихъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ), было бы весьма полезно въ книгѣ, предназначенной, между прочимъ, и для самообразованія.

Обѣщаніе г. Трачевскаго приступить, въ скоромъ времени, ко второму изданію учебника заставляетъ насъ присоединить къ общему отзыву объ этой книгѣ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Въ учебникѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ избѣгать рискованныхъ, ни на чемъ фактическомъ не основанныхъ догадокъ, а также рѣшительныхъ приговоровъ, мотивированныхъ личнымъ вкусомъ или другими субъективными соображеніями. Къ чему утверждать, напр., что „еслибы перевернуть исторію, перенести ея начало въ Европу, то восточный человѣкъ, при его дарованіяхъ, ушелъ бы также далеко, какъ мы, не смотря на могущество окрестной природы“ (стр. 127)? Предположенія о томъ, что̀ могло бы случиться при другомъ ходѣ событій, не имѣютъ большой цѣны даже въ научномъ сочиненіи— тѣмъ менѣе они умѣстны въ учебникѣ. Гипотеза автора не оправдывается, притомъ, степенью обратнаго вліянія Запада на Востокъ, начавшагося уже давно, но сдѣлавшаго еще весьма немного. Еще труднѣе согласиться съ г. Трачевскимъ, когда онъ говоритъ, что „правовѣдѣніе и драма, ваяніе и зодчество до сихъ поръ идутъ лишь по слѣдамъ древности, *не представляя ничего существенно новаго*“ (стр. 416). Неужели готическая архитектура—только видоизмѣненіе или развитіе греческой, неужели Шекспиръ—простой продолжатель Эсхила или Софокла? Неужели современное движеніе въ наукѣ права, сближающее ее все больше и больше съ экономической наукой, имѣетъ свой источникъ и свои точки опоры въ рим-

свой юриспруденцію?.. Кое-гдѣ выводы или сужденія г. Трачевскаго не отличаются достаточною точностью. Можно ли называть Карфагенъ „*единственнымъ* примѣромъ торговаго государства съ завоевательною политикою“ (стр. 77), въ виду всего того, чтó представляетъ намъ прошедшее, да отчасти и настоящее Англіи? Можно ли утверждать, что у грековъ „дозволялось представлять въ драмѣ только такія событія, которыя могли совершиться не болѣе, какъ въ теченіе одного дня, на одномъ мѣстѣ и безъ перерыва“ (стр. 208)? Не доказано ли уже давно, что абсолютнаго правила о трехъ единствахъ древне-греческая трагедія не знала, что единство мѣста, напримѣръ, не соблюдено ни въ „Эвменидахъ“ Эсхила, ни въ „Аяксѣ“ Софокла? Перечисляя особенности государственнаго быта, сравнительно съ патріархальнымъ, г. Трачевскій замѣчаетъ, между прочимъ, что „государь руководится писаннымъ *закономъ*“. Всегда ли это такъ? Можно ли, напримѣръ, считать доказаннымъ существованіе писанныхъ законовъ въ Ассиріи и Вавилонѣ? Можно ли отвергать совмѣстимость государственнаго быта, въ первыхъ фазисахъ его, съ господствомъ обычнаго права? „Если вмѣсто государя“, читаемъ мы на стр. 10, „депутаты избираютъ на короткій срокъ главу государства (президента), то это—республика“. Такое опредѣленіе республики страдаетъ явными недостатками: оно не обнимаетъ собою ни тѣхъ случаевъ, когда во главѣ республики стоитъ *нѣсколько* лицъ, ни тѣхъ случаевъ, когда выборъ правителя принадлежитъ не депутатамъ, а народу, ни случаевъ избранія правителя на всю жизнь или на продолжительный срокъ. Въ древнемъ мірѣ вовсе не было „депутатовъ“, въ современномъ смыслѣ слова, а республикъ въ немъ было не мало. „Если народъ идетъ назадъ,—говоритъ г. Трачевскій на стр. 2-й,—это *регрессъ* или *ретроградство*; оно случается тогда, когда начинаютъ усиливаться *пережитки*, т.-е. слѣды древняго состоянія человѣчества, которые вообще весьма долго сохраняются въ видѣ предразсудковъ, суевѣрій, старинныхъ обычаевъ и т. п.“ Регрессъ и ретроградство — далеко не синонимы: первымъ изъ этихъ словъ выражается *фактъ*, вторымъ—*направленіе*; въ ретроградствѣ есть доля намѣренности и сознательности, которой можетъ и не быть въ регрессѣ. Сущность регресса едва ли заключается въ усиленіи „пережитковъ“, какъ „остатковъ древняго состоянія человѣчества“. „Переживаніе“ не равносильно „оживанію“; обычай, предразсудокъ можетъ пережить создавшую его обстановку, но едва ли можетъ отвоевать обратно утраченную долю могущества и вліянія. Регрессъ обусловливается скорѣе новыми комбинаціями данныхъ, чѣмъ воскрешеніемъ старыхъ, скорѣе оскудѣніемъ народнаго творчества, чѣмъ всплываніемъ на поверхность обрывковъ прош-

лаго, таившихся и прозябавшихъ въ темныхъ уголкахъ народной жизни. Едва ли, наконецъ, можно относить безъ оговорки къ разряду „пережитковъ" (какъ это дѣлаетъ г. Трачевскій на стр. 18-й) все обычное, неписанное право; многія его черты, измѣняясь съ теченіемъ времени, могутъ вполнѣ соотвѣтствовать требованіямъ минуты, стоять на высотѣ новыхъ условій жизни, значительно превосходить, по внутреннему достоинству, постановленія писаннаго закона—а съ понятіемъ о „пережиткахъ" неразрывно связано представленіе о чемъ-то отжившемъ, потерявшемъ право на существованіе. Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ учебникѣ г. Трачевскаго отведено слишкомъ мало мѣста гомеровскимъ поэмамъ; параграфъ, посвященный греческой трагедіи, также требуетъ дополненій. О произведеніяхъ Эсхила и Софокла мы не узнаемъ почти ничего, а между тѣмъ авторъ считаетъ возможнымъ характеризовать три поколѣнія, смѣнившіяся въ V-мъ вѣкѣ, съ одной стороны именами Ѳемистокла, Перикла и Алкивіада, съ другой—именами Эсхила, Софокла и Эврипида. Можно ли понять и оцѣнить эту параллель, если она не освѣщена хотя краткой оцѣнкой всѣхъ великихъ трагиковъ Греціи?

Сочиненіе Зеворта, разсматриваемое отдѣльно отъ дополненій г. Лучицкаго, имѣетъ несомнѣнныя достоинства, но не вполнѣ свободно отъ тѣхъ недостатковъ, въ отсутствіи которыхъ мы видимъ главную силу учебника г. Трачевскаго. Оно страдаетъ, мѣстами, обиліемъ ненужныхъ и неинтересныхъ деталей — въ родѣ того, что Фердинандъ Аррагонскій завѣщалъ своему племяннику 50,000 червонцевъ, Дижонъ спасся отъ штурма уплатою 400,000 экю золотомъ, Педро Наварро привелъ къ Франциску I-му 6,000 гасконцевъ, вооруженныхъ арбалетами, и т. п. Мы узнаемъ, кому Карлъ V-й поручилъ, уѣзжая изъ Испаніи, управленіе Валенсіей, кого Францискъ I назначилъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, кого—гросмейстеромъ (?), кого — суперинтендантомъ; нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній кажутся автору столь важными, что повторяются два раза (ср. напр. стр. 59 и 92). Длинные списки именъ, ничѣмъ не освѣщенныхъ, остаются иногда какими-то загадками для читателей. Намъ говорятъ, напримѣръ, что папа Павелъ III призвалъ въ конклавъ Контарини, Садоле, Гиберти; но чѣмъ они отличались, что̀ они собою представляли — объ этомъ не сказано ни полъ-слова. Одно изъ двухъ: или возведеніе ихъ въ кардиналы было знаменательнымъ событіемъ въ исторіи контръ-реформаціи—въ такомъ случаѣ необходимо было присоединить къ именамъ хоть краткую характеристику названныхъ лицъ; или оно не имѣло существенной важности—въ такомъ случаѣ незачѣмъ было и называть ихъ. Рядомъ съ вышеприведенными именами стоитъ имя Караффы, о которомъ упомянуто дальше, какъ объ инквизиторѣ

и затѣмъ крайне-строгомъ папѣ; отсюда можно заключить, что къ одной партіи съ Караффой принадлежали и другіе, названные вмѣстѣ съ нимъ кардиналы — между тѣмъ по отношенію къ Контарини и Садоле такое заключеніе было бы совершенно ошибочно. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще немало. Значительно удлинняетъ книгу и затрудняетъ пользованіе ею система, принятая Зевортомъ—изложеніе внутренней исторіи каждаго государства отдѣльно отъ внѣшнихъ войнъ и отъ такихъ общеевропейскихъ движеній, каковъ была, напримѣръ, реформація. Отсюда не только неизбѣжность повтореній (ср. напр. стр. 110—111 и 137, стр. 115 и 139), но и невозможность составить себѣ сразу ясное понятіе о той или другой эпохѣ въ исторіи Франціи, Англіи, Германіи. Мыслимо ли говорить о царствованіи Карла IX или Генриха III, не касаясь борьбы между католиками и гугенотами, о царствованіи Людовика XIV, не касаясь постоянныхъ его войнъ? Характеристики историческихъ дѣятелей не всегда вполнѣ удачны. „Карлъ V-й", читаемъ мы на стр. 39, „былъ коварнымъ политикомъ, подобно Фердинанду Католическому, былъ благороденъ, какъ Изабелла, меланхоличенъ, какъ Іоанна Безумная, храбръ, подобно Карлу Смѣлому, хотя и не долюбливалъ кроваваго tête à tête". Какимъ образомъ можно быть въ одно и тоже время благороднымъ и коварнымъ, храбрымъ на подобіе Карла Смѣлаго и осторожнымъ—это секретъ автора. Фридрихъ Саксонскій (покровитель Лютера) признается „проницательнымъ человѣкомъ" въ силу того, что отказался отъ императорской короны—между тѣмъ какъ вся послѣдующая исторія Германіи заставляетъ видѣть въ этомъ отказѣ именно недостатокъ проницательности. Лувуа, по мнѣнію Зеворта, оказалъ Франціи такія же большія услуги, какъ и Кольберъ — и въ подтвержденіе этого мнѣнія указывается, между прочимъ, на то, что Лувуа далъ каждому полку особые цвѣта и мундиры, создалъ полки гусаровъ, драгуновъ, гренадеровъ и т. д. Рядомъ съ рискованными сужденіями встрѣчаются иногда и фактическія ошибки. На стр. 135 сказано—и совершенно правильно,—что по ученію Кальвина человѣкъ безусловно неспособенъ заслужить спасеніе, и достиженіе его зависитъ исключительно отъ воли Господней, а на стр. 121 мы читаемъ: „Кальвинъ, въ противность Лютеру, утверждаетъ, что *всякій*, кто вѣритъ и поступаетъ по вѣрѣ, спасется". Іаковъ IV шотландскій на стр. 55-ой оказывается побѣдителемъ при Флоуденѣ, на стр. 91—тамъ же побѣжденнымъ. Карлъ Орлеанскій, взятый въ плѣнъ при Азенкурѣ, именуется „жертвой Іоанна Неустрашимаго" (стр. 57), т.-е. смѣшивается съ отцомъ его, убитымъ, по приказанію герцога Бургундскаго, за нѣсколько лѣтъ до азенкурской битвы. Исправить подобныя погрѣшности слѣдовало

бы переводчику; на обязанности его лежало бы также пояснить все то, что̀ можетъ быть неудобопонятнымъ для массы русскихъ читателей — напр., такія выраженія, какъ право резервацій, право экспектанцій, Saint-Sulpice и т. п. Переводъ, вообще говоря, не можетъ быть названъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Не говоря уже о множествѣ неисправленныхъ и неоговоренныхъ опечатокъ (*Гаста* вмѣсто *Гаета*, *Эйръ* вмѣсто *Эгеръ*, *Моро* вмѣсто *Маро*, коадъюторъ *Конде* вмѣсто коадъютора *Гонди*), не говоря уже объ означеніи городовъ не тѣми именами, которыя усвоены имъ на русскомъ языкѣ (*Анверъ* вмѣсто *Антверпена*, *Ратисбоннъ* вмѣсто Регенсбурга), — мы встрѣчаемся въ XVI-мъ вѣкѣ съ гильотиной (стр. 57), узнаемъ о существованіи *военно-морского флота* (значитъ, есть не морской военный флотъ?), а иногда просто затрудняемся понять или рискуемъ неправильно истолковать мысль автора. „Женева и кантонъ Ваадтъ", читаемъ мы на стр. 67, „избѣгаютъ владычества савойскихъ герцоговъ". Изъ буквальнаго смысла этихъ словъ слѣдовало бы заключить, что Женева и Ваадтъ не подпали подъ власть Савойи—между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они отъ нея освободились. Что значитъ, дальше, слѣдующая фраза: „когда энтузіазмъ уступилъ мѣсто разсужденію, а вѣра—изслѣдованію, полный переворотъ совершился въ умахъ, и Цвингли, Лютеру, Кальвину, Ноксу пришлось только перенести ее (реформу) въ дѣйствительную жизнь, дать реформѣ живой обликъ" (стр. 117)? Неужели авторъ хотѣлъ сказать, что осуществленіе реформы совпало съ охлажденіемъ энтузіазма, съ торжествомъ изслѣдованія надъ вѣрой?

Обширныя дополненія, сдѣланныя г. Лучицкимъ къ сочиненію Зеворта (объемъ книги увеличился отъ нихъ почти вдвое), заключаютъ въ себѣ массу полезныхъ свѣдѣній, но несвободны отъ растянутости; значительно сокращенныя, они дали бы намъ болѣе живую картину матеріальнаго быта западной Европы. Подробность изложенія дѣлаетъ ихъ болѣе пригодными для справокъ, чѣмъ для чтенія. „Я старался излагать главнымъ образомъ одни факты,—говоритъ г. Лучицкій въ предисловіи,—чтобы тѣмъ дать почву для читающихъ, и въ тоже время заботился о томъ, чтобы передать результаты изслѣдованій, относящихся сюда, нерѣдко даже дословно". Такая дословная передача едва ли соотвѣтствуетъ цѣли автора, имѣвшаго въ виду въ особенности начинающихъ систематическое изученіе исторіи; вмѣсто необходимаго для нихъ общаго обзора она даетъ рядъ спеціальныхъ монографій. Съ наибольшимъ интересомъ читается глава, посвященная поземельнымъ отношеніямъ въ западной Европѣ XV и XVI вѣка.

НОВЫЙ ЩЕДРИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

„Современная идиллія". М. Е. Салтыкова. С.-Петербургъ, 1883.

Переживаемая нами минута какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ идилліи—не въ древнемъ, конечно, а въ „современномъ" смыслѣ этого слова. Вездѣ господствуетъ тишь и гладь, все приглашаетъ къ безмятежному житію, къ прозябанію, къ ничего-недѣланію (сладкому или не сладкому—это уже вопросъ личнаго вкуса). Не находимся ли мы всѣ, болѣе или менѣе, въ положеніи человѣка, къ которому только-что заходилъ Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, изъ „Современной идилліи", и сказалъ: „нужно, голубчикъ, погодить!" Не манитъ ли насъ къ себѣ та торная дорога, на которую вступили, по молчалинскому совѣту, оба героя „Современной идилліи"—дорога, никуда, въ сущности, не ведущая, но за то спокойная, безопасная, обставленная всякими житейскими удобствами: прогулками, обѣдами, картами и танцами (смотря по возрасту), крѣпкимъ сномъ, полезными знакомствами и забвеніемъ прошедшихъ прегрѣшеній? Трудно повѣрить, что первая половина лежащей передъ нами книги написана въ 1877 или 1878 г.—трудно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не вспомнишь нѣмецкую поговорку: es ist schon alles da gewesen, или русскій варіантъ ея: „ничто не ново подъ луною". Русская общественная жизнь особенно богата повтореніями и возвращеніями; повторяются не только моменты, комбинаціи данныхъ, но и цѣлые типы, съ легкими видоизмѣненіями. Сатирикъ не даромъ воскресилъ Молчалина и Ноздрева; они живутъ между нами, примѣняясь къ обстоятельствамъ, то куда-то скрываясь, то опять выступая на первый планъ, съ самоувѣренною осанкой и авторитетнымъ тономъ. Въ виду этихъ безпрестанныхъ da capo, „Современная идиллія" не только не является теперь анахронизмомъ, но, напротивъ, поражаетъ своею благовременностью. Обѣ ея части, раздѣленныя пятилѣтнимъ промежуткомъ, составляютъ одно цѣлое, безъ всякихъ почти слѣдовъ искусственной спайки; замѣтна только торопливость, съ которою разсказъ приведенъ къ концу — но она зависитъ отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ первоначальнымъ намѣреніемъ автора.

Лѣтъ тридцать или тридцать пять тому назадъ, во Франціи пользовались большою извѣстностью политическіе романы Луи Рейбо: „Jérôme Paturot à la recherche d'une position sociale" и „Jérôme Pa-

turot à la recherche de la meilleure des républiques". Руководствуясь этимъ образцомъ, „Современную идиллію" можно было бы назвать такъ: „двое русскихъ среднихъ людей, снискивающихъ себѣ репутацію благонамѣренныхъ гражданъ". Ближайшій поводъ къ поискамъ мы уже знаемъ: это—совѣтъ „погодить", данный Алексѣемъ Степановичемъ Молчалинымъ. Остается только опредѣлить, почему совѣтъ упалъ на благодарную почву, почему пассивное выжиданіе обратилось въ активное стремленіе обѣлить себя во что бы то ни стало. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ слѣдующая исповѣдь: „стали мы разбирать свое прошлое — и чуть не захлебнулись отъ ужаса. Господи, чего только тамъ не было! И восторгъ по поводу упраздненія крѣпостного права, и признательность сердца по случаю введенія земскихъ учрежденій, и свѣтлыя надежды, возбужденныя опубликованіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и торжество, вызванное упраздненіемъ предварительной цензуры. Однимъ словомъ, всѣ опасности, всѣ неблагонамѣренности и неблагонадежности, все, что̀ подрываетъ, потрясаетъ, разрушаетъ—все тутъ было! И ничего такого, что̀ созидаетъ, укрѣпляетъ и утверждаетъ, наполняя трепетною радостью сердца всѣхъ истинно любящихъ свое отечество квартальныхъ надзирателей!" Чтобы загладить столь тяжкія вины, недостаточно „годить", т.-е. прогуливаться до изнеможенія силъ и наѣдаться до отупѣнія; въ самомъ бездѣйствіи можетъ быть заподозрѣна задняя мысль, въ невинныхъ удовольствіяхъ—усмотрѣнъ молчаливый протестъ противъ вынужденнаго бездѣлья. Нужно заручиться охранительными связями, отрицательнаго и положительнаго свойства: отрицательныя—это знакомство съ Очищеннымъ, съ Балалайкинымъ, съ Парамоновымъ, лицами, можетъ быть, и повинными передъ закономъ, но повинностями такого рода, которыя исключаютъ всякую мысль о неблагонамѣренности; положительныя—это дружба съ Кшепшицюльскимъ, съ Прудентовымъ, съ самимъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ. Высокое благо этой дружбы не дается, однако, даромъ; оно требуетъ сотрудничества въ составленіи „устава о благопристойномъ обывателей въ своей жизни поведеніи", а, можетъ быть, и чего-то другого, еще болѣе труднаго и щекотливаго. Здѣсь начинается, въ жизни обоихъ „искателей", цѣлый рядъ „волшебствъ"—тѣхъ волшебствъ, къ которымъ насъ давно пріучила щедринская сатира. Мы идемъ, вмѣстѣ съ авторомъ, по рубежу дѣйствительности и фантазіи, склоняясь то въ одну, то въ другую сторону, удаляясь то больше, то меньше отъ реальнаго міра, но постоянно чувствуя его близость, постоянно ощущая фактическую подкладку самыхъ капризныхъ, повидимому, вымысловъ. Сатирическій элементъ, какъ и въ другихъ произведеніяхъ г. Салтыкова, переплетается здѣсь съ легкимъ, игри-

нымъ юморомъ, съ добродушной шуткой. Очищенный, эта ходячая такса личныхъ оскорбленій, Балалайкинъ, по прежнему (см. „Въ средѣ умѣренности и аккуратности") оправдывающій свое родство съ Репетиловымъ и Хлестаковымъ, Фаинушка, составляющая пару для Домнушки (Ератида тожъ) „Писемъ къ тетенькѣ" — всѣ они относятся къ той категоріи щедринскихъ фигуръ, которыя могутъ быть названы фельетонными, не въ осужденіе, конечно, а въ отличіе отъ другихъ, несравненно болѣе крупныхъ. Одной, по меньшей мѣрѣ, ногой въ этой категоріи стоятъ и Парамоновъ, вся біографія котораго исчерпывается спискомъ платежей за „житіе" и за „посмотримъ", на „предметы вопче" и на „потреотизмъ"—и Редедя, странствующій полководецъ, нарисованный авторомъ съ удивительнымъ комизмомъ, но не безъ примѣси штриховъ чисто-водевильнаго свойства. Въ коллекцію типовъ, составляющихъ главную силу щедринской сатиры, „Современная идиллія" не вноситъ ни одного новаго вклада; картинами быта, возвышающимися до историческаго значенія, она, за-то, весьма богата. Преувеличенія формы, свойственныя этимъ картинамъ, не заслоняютъ содержанія ихъ, не портятъ впечатлѣнія; русскимъ читателямъ вообще, а читателямъ г. Салтыкова въ особенности, реторика настолько извѣстна, что ихъ не собьютъ съ толку никакія гиперболы. Отсутствіе, на самомъ дѣлѣ, такихъ уставовъ, какъ составляемый Прудентовымъ и редактируемый искателями благонадежности, такихъ уѣздныхъ городовъ, какъ Корчева, описанная въ идилліи (гл. XVI-XVIII), такихъ процессовъ, какъ судъ надъ пискаремъ,—ничуть не уменьшаетъ цѣнность страницъ, посвященныхъ авторомъ всѣмъ этимъ полуфантастическимъ темамъ. Въ небываломъ уставѣ найдется изрядное число параграфовъ, совпадающихъ съ неписаннымъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствующимъ, по временамъ, закономъ; въ преніяхъ, возбуждаемыхъ уставомъ, доля вымысла не разъ становится едва замѣтной. „Да вы какъ къ предмету-то приступили? историческій-то обзоръ, напримѣръ, сдѣлали? — полюбопытствовалъ Глумовъ. — Какой такой историческій обзоръ?—Какъ же! нельзя безъ этого. Сперва надобно историческій обзоръ, какія въ древности на счетъ благопристойнаго поведенія правила были, потомъ обзоръ современныхъ иностранныхъ по сему предмету законодательствъ, потомъ—сводъ мнѣній будочниковъ и подчасковъ, потомъ — объяснительная записка, а, наконецъ, ужъ и правила или уставъ. Нынче ужъ эта мода прошла: присѣлъ, да и написалъ. Нѣтъ, нынче на всякую штуку оправдательный документъ представь!" Очень хорошо это замѣчаніе Глумова—но еще лучше возраженія Прудентова. Справку съ иностранными законодательствами онъ признаетъ излишней: „хорошо какъ онѣ удобныя,

а коли ежели начальство стѣсненіе въ нихъ встрѣтитъ?.. Да и вообще скажу: врядъ ли иностранная благопристойность для насъ обязательнымъ примѣромъ служить можетъ. Россія, по обширности своей, и сама другимъ урокъ преподать можетъ. И преподаетъ-съ... Иностранецъ, онъ—наглый! онъ забрался къ себѣ въ квартиру и думаетъ, что въ неприступную крѣпость засѣлъ. А почему, позвольте спросить? А потому, сударь, что начальство у нихъ противъ нашего много къ службѣ равнодушнѣе: само ни во что не входитъ и имъ повадку даетъ!" Историческій обзоръ также не нуженъ, потому что „отечественные историческіе образцы содержатъ въ себѣ лишь указанія краткія и недостаточныя", а отъ греческой и римской благопристойности ключъ потерянъ, и подлинно ли была тамъ благопристойность или только безначаліе — неизвѣстно. Не нужно, наконецъ, ни народной мудрости, ни устныхъ преданій, пословицъ, поговорокъ. „Устное-то преданіе у насъ и досели одно: сколько влѣзетъ! — Такъ вѣдь это преданіе и безъ того куда слѣдуетъ, въ качествѣ матеріала, занесено... Народъ говоритъ: по Сенькѣ — шапка, а по обстоятельствамъ дѣла выходитъ, что эту поговорку наоборотъ надо понимать: Сенекъ-то много, такъ коли ежели каждый для себя особливой шапки потребуетъ... А у насъ на этотъ счетъ такъ принято: для сокращенія переписки, всѣмъ чтобы одна мѣра была! Вотъ мы и пригоняемъ-съ!"

Корчева, выведенная на сцену въ „Современной Идилліи", безъ сомнѣнія, далеко не похожа на настоящую тверскую Корчеву. Мы убѣждены, что въ послѣдней можно во всякое время достать и свѣжія французскія булки, и говядину для щей, и курицу, что корчевскіе обыватели думаютъ не объ одномъ только пріобрѣтеніи „пакентовъ", что корчевскимъ трактирщикамъ нѣтъ повода восклицать: „спалить бы нашу Корчеву надо!" — но не менѣе достовѣрно и то, что въ картинѣ типичнаго уѣзднаго захолустья многое списано съ натуры. Не говоря уже объ отсутствіи „достопримѣчательностей"— этой повальной болѣзни не однихъ только уѣздныхъ, но и нѣкоторыхъ губернскихъ нашихъ городовъ,—почти во всякой корчевѣ (понимая это слово въ смыслѣ имени нарицательнаго, а не собственнаго), найдется свой Вздошниковъ, „одною рукой жертвующій, а другою въ карманахъ обывателей шарящій", стоящій на стражѣ своего сундука и общественной тишины, одинаково усердно преслѣдующій „сицилистовъ" и конкуррентовъ. Разновидностей Вздошникова имѣется не мало; есть Вздошниковы купеческіе и Вздошниковы дворянскіе, Вздошниковы-бюрократы и Вздошниковы-земцы—но всѣ они болѣе или менѣе подходятъ подъ мудрыя слова корчевскаго дьякона: „мѣсто наше бѣдное; ежели всѣ захотятъ кормиться, только другъ у дружки безъ пользы куски отнимать будутъ. Сыты не сдѣ-

лаются, а по пустому разсорятъ. А ежели одному около всѣхъ кормиться—это можно!" Не во всякой Корчевѣ путешественники составляютъ рѣдкость, но вездѣ одинаково строго на счетъ паспортовъ; не во всякой Корчевѣ есть столь добрые непремѣнные члены, какъ Пантелей Егорычъ, но вездѣ одинаково возможно появленіе горохового спектра. Не менѣе Корчевы типиченъ, въ своемъ родѣ, Кашинъ (опять-таки Кашинъ нарицательный, а не настоящій), какъ развѣнчанный помѣщичій центръ и мѣстопребываніе подлежащаго „благосклонному закрытію" кашинско-бѣлозерско-устюженскаго окружнаго суда. Процессъ о пискарѣ, происходящій въ этомъ судѣ, имѣетъ двѣ стороны: мѣстную, болѣе смѣхотворную, чѣмъ серьезную, хотя отъ халатности Ивановъ Иванычей, рисовки Громобоевъ и безправности Перьевыхъ реальнымъ тяжущимся и подсудимымъ бываетъ иногда не столько смѣшно, сколько жутко, — и общую, комическую только для самаго поверхностнаго взгляда. Разъясненіе этой послѣдней стороны процесса приходится предоставить будущимъ комментаторамъ щедринской сатиры или тѣмъ самымъ номерамъ „Русской Старины", въ которыхъ имѣютъ быть раскрыты несовершенства нашихъ почтовыхъ порядковъ (см. „Письма къ тетенькѣ").

Безъ гиперболъ не обошлось, быть можетъ, и описаніе вынужденнаго возвращенія путешественниковъ изъ Проплеванной въ Корчеву; но дѣйствительность просвѣчиваетъ здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ въ корчевскихъ и кашинскихъ эпизодахъ. Преимущество „благосклонной легальности передъ благожелательнымъ произволомъ", девизъ тверской губерніи: „жмите изъ насъ масло, но по закону", либерализмъ тверскихъ урядниковъ, гуманность тверского населенія, не отступающая, однако, передъ напоминаніемъ о кандалахъ—все это возбуждаетъ въ читателяхъ не столько ощущеніе кошмара, исчезающаго съ пробужденіемъ, сколько смутныя воспоминанія о чемъ-то и въ правду случившемся, смутныя опасенія чего-то вѣроятнаго или по меньшей мѣрѣ возможнаго. Кто чувствуетъ за собою хоть небольшую часть тѣхъ прегрѣшеній, въ которыхъ каялись герои „Современной идилліи", тотъ едва ли сохранитъ спокойствіе духа, созерцая „ликвидацію интеллигенціи въ пользу здороваго народнаго смысла"; его не утѣшитъ и то, что „либеральное начальство явилось защитникомъ (путниковъ) противъ народной Немезиды, имъ же, впрочемъ, по недоумѣнію, возбужденной". Припомнимъ, что вся вина „интеллигенціи" заключалась, на этотъ разъ, въ посѣщеніи, безъ ясно доказанной надобности, корчевскаго уѣзда и въ несвойственномъ „правящему классу" способѣ прибытія въ Проплеванную—пѣшкомъ, вмѣсто „торжественнаго въѣзда на двухъ-трехъ тройкахъ, съ малиновымъ звономъ". Отъ подобной вины, а, слѣдовательно, и отъ ея послѣдствій,

рѣшительно никто не застрахованъ, ни въ тверской губерніи, ни въ иной — и за первымъ актомъ „комедіи ошибокъ", разыграннымъ въ деревнѣ, далеко не всегда слѣдуетъ въ городѣ такой благополучный и короткій финалъ, какимъ завершается она въ Корчевѣ для идиллическихъ искателей благонадежности. Актовъ въ комедіи часто насчитывается и три, и пять; случается и то, что въ концѣ-концовъ ее никакъ не отличишь отъ драмы.

Вокругъ главной темы „Современной идилліи"—рѣшимости „погодить", усложняемой стремленіемъ къ политической реабилитаціи—группируются разсказы, отступленія, бесѣды, иногда только забавныя, иногда слишкомъ долго останавливающіяся на сюжетахъ, раньше исчерпанныхъ самимъ авторомъ, но часто блещущія умомъ и полныя глубокаго интереса. Очень милъ, напримѣръ, статистическій очеркъ села Благовѣщенскаго, жители котораго—„тѣлосложенія крестьянскаго, безъ надежды на утучнѣніе, хотя къ питанію и склонны. Женщинъ въ этомъ селѣ никто не считалъ и количество ихъ опредѣляется словомъ: достаточно. Политическая благонадежность обывателей безусловно хороша, чему много способствуетъ неимѣніе въ селѣ школы. О формахъ правленія не слышно, о революціяхъ извѣстно только одно: что когда вводили уставную грамату, то пятаго человѣка наказывали на тѣлѣ. Основы защищать—готовы". Въ „Властителѣ думъ" — фельетонѣ, читаемомъ на литературномъ вечерѣ въ Проплеванной — слышится тотъ могучій лиризмъ, которымъ запечатлѣны лучшія страницы „Круглаго года", „Больного мѣста", „Господъ Головлевыхъ". „Негодяй—властитель думъ современности. Породила его современная нравственная и умственная муть, воспитало, укрѣпило и окрылило—современное шкурное малодушіе... Ограниченность мысли породила въ немъ наглость; наглость, въ свою очередь, застраховала его отъ возможности какихъ-либо потрясеній". Въ спорахъ онъ говоритъ такъ авторитетно и ясно, что все передъ нимъ умолкаетъ. „Случалось ли вамъ, читатель, присутствовать при подобныхъ спорахъ? Сначала вы слышите общій говоръ и шумъ, потомъ начинаете въ этомъ шумѣ различать какую-то крикливую, рѣзкую ноту; постепенно эта нота звучитъ громче и громче и, наконецъ, раздается одна. Спорящіе стихли, комната наполняется шопотомъ, среди котораго, отъ времени до времени, раздается тихій, словно намученный смѣхъ... Ахъ, этотъ смѣхъ! Что въ немъ слышится? робкое ли поощреніе, робкій ли протестъ, или просто-на-просто безсиліе? Что до меня, то мнѣ въ этомъ смѣхѣ чудится вопль. Нѣтъ подъ ногами почвы! некуда прислониться! нечѣмъ защититься! Передъ глазами кишитъ толпа, въ которой каждый чувствуетъ себя одинокимъ, заподозрѣннымъ, безсильнымъ, неприкрытымъ, каждый

видитъ себя предоставленнымъ исключительно самому себѣ"... Не бросаютъ ли послѣднія слова нѣкоторый свѣтъ на положеніе той „мякоти", которую Глумовъ совѣтуетъ автору „Властителя душъ" сдѣлать мишенью слѣдующаго своего фельетона? Толпа и мякоть — это почти синонимы; одиночество и взаимная отчужденность—лучшее объясненіе тому, что мякоть, при встрѣчѣ съ негодяемъ, ограничиваетъ свой протестъ бѣгствомъ въ подворотню.

Спускаясь со ступеньки на ступеньку, искатели благонадежности—попавшіе-было подъ судъ, но блистательно оправданные—оказываются, наконецъ, редакторами Кубышкинскаго литературно-политическаго органа, т.-е. газеты, основанной фабрикантомъ ситцевъ и миткалей Кубышкинымъ для проведенія собственныхъ своихъ идей. Здѣсь они подвергаются внезапно дѣйствію стыда, до тѣхъ поръ являвшагося Глумову только во снѣ, да и то въ крайне неопредѣленномъ видѣ. Они чувствуютъ тоску, тѣмъ болѣе мучительную, что „каждый уколъ ея воспринимается не только въ той силѣ, которая ей присуща, но и въ той, удвоенной, удесятеренной, которую ей придаетъ доведенный до болѣзненной чуткости организмъ. Это не казнь, а тѣ предшествующіе ей четверть часа, въ продолженіе которыхъ читается приговоръ, а осужденный окостенѣлыми глазами смотритъ на ожидающую его плаху. Однимъ словомъ, это тоска проснувшагося стыда". Еслибы „Современная идиллія" окончилась этой нотой, послѣднее впечатлѣніе ея было бы ободряющимъ, освѣжающимъ; сквозь глубокую тьму блеснулъ бы лучъ свѣта, подобный тому, который освѣтилъ собою заключительное „письмо къ тетенькѣ". На этотъ разъ, однако, ничто не располагало автора къ ожиданію „добра и славы", не заставляло его „глядѣть впередъ безъ боязни"; самое бóльшее, что было для него возможно — это колебаніе между отчаяніемъ и надеждой. „Говорятъ, что стыдъ очищаетъ людей—и я охотно этому вѣрю. Но когда мнѣ говорятъ, что дѣйствіе стыда захватываетъ далеко, что стыдъ воспитываетъ и побѣждаетъ — я оглядываюсь кругомъ, припоминаю тѣ изолированные призывы стыда, которые, отъ времени до времени, прорывались среди массъ безстыжества, а затѣмъ, все-таки, канули въ вѣчность... и уклоняюсь отъ отвѣта".

ПОХОРОНЫ И. С. ТУРГЕНЕВА.

19-ое—27-ое сентября.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ И. С. Тургенева [1], я долженъ помѣстить, хотя бы въ краткомъ извлеченіи, мои же воспоминанія о похоронахъ его, и притомъ именно въ той ихъ части, гдѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одному. Собственно говоря, похоронная процессія началась въ понедѣльникъ 19-го сентября, въ Парижѣ, rue Daru, гдѣ помѣщается наша церковь, а закончилась черезъ недѣлю, во вторникъ 27-го сентября, въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ. Начало и конецъ этой процессіи, въ Парижѣ и въ Петербургѣ, со всѣмъ великолѣпіемъ ея внѣшней обстановки, рѣчами и пр.—очень хорошо извѣстны во всѣхъ подробностяхъ изъ описаній въ газетахъ парижскихъ и петербургскихъ. Затѣмъ, извѣстно только то, что вечеромъ въ 9 ч., въ понедѣльникъ, 19-го сентября (1-го октября), тѣло И. С. Тургенева было отправлено изъ Парижа съ пассажирскимъ поѣздомъ; приготовленная встрѣча и проводы въ Берлинѣ, которые могли бы послужить, въ среду или въ четвергъ, непосредственнымъ продолженіемъ печальной и вмѣстѣ торжественной парижской церемоніи въ понедѣльникъ—почему-то не состоялись; тѣло прибыло прямо въ Вержболово, въ пятницу (23-го сентября) рано утромъ; оттуда выѣхало въ понедѣльникъ (26-го сентября) также рано утромъ — и, на слѣдующій день, во вторникъ, 27-го сентября, въ 10 ч. 20 м. утра, подошло къ платформѣ варшавской станціи въ Петербургѣ. Подробности этого послѣдняго переѣзда отъ Вержболова до Петербурга въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній, переданы въ иностранныхъ газетахъ, и притомъ не всегда вѣрно, а въ нашихъ — явились по этому поводу случайныя и весьма краткія корреспонденціи, доставленныя случайными пассажирами поѣзда, отмѣтившими только то, что имъ удалось видѣть на пути—изъ окошка вагона. О проѣздѣ тѣла изъ Парижа чрезъ Германію до нашей границы въ Вержболовѣ—я слышалъ отъ провожавшихъ гробъ Тургенева; свидѣтелемъ же прибытія тѣла, его трехдневнаго пребыванія въ Вержболовѣ и 24-хъ часового съ небольшимъ переѣзда отъ границы до Петербурга—мнѣ довелось

---

[1]) См. выше: октябрь, 847 стр.

быть одному. Корреспондентовъ отъ нашихъ газетъ въ Вержболовѣ не было, а потому многое, что̀ послѣ писалось—было писано на угадъ; такъ, въ одной петербургской газетѣ, разсказывалось, что будто тѣло Тургенева въ Вержболовѣ—„было встрѣчено священникомъ александро-невской церкви (въ Кибартахъ, посадѣ Вержболова), делегаціей с.-петербургской думы, владиславовскимъ русскимъ обществомъ и многими другими лицами"; въ дѣйствительности, разумѣется, не было ничего подобнаго, и, очевидно, писавшій все это не былъ на мѣстѣ и рискнулъ угадать то, что̀ могло быть,—и рискнулъ неудачно. Въ виду такихъ неточностей, къ которымъ присоединилось еще много другихъ,—необходимо возстановить фактическую сторону всего переѣзда тѣла Тургенева изъ Парижа до Петербурга, хотя бы и въ самомъ сжатомъ очеркѣ. Наше общество такъ дорожитъ памятью незабвеннаго Ивана Сергѣевича, что не сочтетъ излишнимъ восполненіе пробѣла въ хроникѣ послѣдняго земного странствованія его тѣла по Германіи и по родной землѣ.

23-го августа (4-го сентября н. с.), я въ послѣдній разъ поклонился праху Тургенева въ Буживалѣ, а 23-го сентября, въ 6 час. утра, мнѣ пришлось встрѣтить его тѣло въ Вержболовѣ; оно прибыло одно, безъ провожатыхъ и безъ документовъ. Вотъ какъ это случилось.

На слѣдующій день послѣ отправленія гроба изъ Парижа, во вторникъ, 20-го сентября, я получилъ въ Петербургѣ депешу, въ отвѣтъ на мой вопросъ, а именно, мнѣ отвѣчали, что тѣло прибудетъ на русскую границу 23-го, въ пятницу, рано утромъ; значитъ, оно могло бы прибыть въ Петербургъ не ранѣе утра субботы, 24-го сентября, когда могли бы совершиться и похороны. Но наша похоронная коммиссія, избравшая меня для встрѣчи тѣла въ Вержболовѣ и смѣны иностранныхъ провожатыхъ въ пути по Россіи,—весьма справедливо опасалась назначить субботу днемъ погребенія, въ виду возможныхъ задержекъ въ пути; заблаговременное назначеніе такого ближайшаго дня могло бы ввести публику въ невольный обманъ. Отложить день погребенія на воскресенье признано было неудобнымъ; по той же причинѣ оказалось невозможнымъ назначить такимъ днемъ и понедѣльникъ, 26-ое сентября, какъ день праздничный. Принимая все это въ соображеніе, коммиссія назначила встрѣчу тѣла и погребеніе во вторникъ, 27-го сентября; но такъ какъ прибытіе тѣла въ Вержболовѣ, судя по вышеупомянутой депешѣ, ожидалось въ пятницу 23-го сентября, то, чтобы не задерживать тѣла въ Вержболовѣ въ теченіе трехъ сутокъ, предположено было ѣхать изъ Вержболова только днемъ, а на ночь останавливаться въ пути, такъ чтобы пріѣздъ тѣла въ Петербургъ послѣдовалъ во вторникъ утромъ. Чтобы встрѣтить

тѣло на границѣ въ пятницу рано утромъ, мнѣ слѣдовало пріѣхать туда не позже четверга вечеромъ, а, слѣдовательно, выѣхать изъ Петербурга не позже вечера среды, съ пассажирскимъ поѣздомъ. Вслѣдствіе того, коммиссія не могла успѣть дать мнѣ никакихъ инструкцій относительно вышеупомянутаго плана возвращенія съ тѣломъ; мнѣ было объявлено только, что инструкція будетъ передана по телеграфу, и при пріѣздѣ въ Вержболово я найду тамъ все, чтó мнѣ нужно знать. По пути къ границѣ меня осаждали на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ станціяхъ вопросами, когда проѣдетъ тѣло Тургенева, и разсказывали о приготовленіяхъ, какія дѣлались ко времени его проѣзда; не зная самъ ничего, я на всѣ просьбы отвѣчалъ обѣщаніями — увѣдомить тогда, когда буду самъ знать что-нибудь.

Въ Вержболово я пріѣхалъ въ четвергъ, въ восьмомъ часу вечера. Оказалось, что траурный вагонъ, уступленный обязательно Главнымъ Обществомъ, уже прибылъ изъ Вильны на границу, согласно данному мнѣ обѣщанію; но тутъ же мнѣ сообщили, что о времени моего обратнаго пути съ тѣломъ я буду извѣщенъ въ свое время; кстати, мнѣ подали тутъ же депешу изъ Берлина отъ провожатыхъ, что *ихъ* задержала тамъ таможня, и *они*, вмѣсто утра, явятся на границу въ пятницу же, но вечеромъ. Я мысленно одобрялъ осторожность нашей коммиссіи — не назначившей субботы днемъ погребенія: очевидно, съ тѣломъ опоздали, и если бы мы выѣхали изъ Вержболова даже въ пятницу вечеромъ (я имѣлъ, на всякій случай, разрѣшеніе везти тѣло и съ почтовымъ поѣздомъ, еслибы въ томъ оказалась надобность),—то и тогда мы пріѣхали бы въ Петербургъ уже вечеромъ въ субботу. Я поспѣшилъ сообщить это извѣстіе въ Петербургъ, а также далъ знать о томъ и на станціи, гдѣ прежде предполагалось встрѣтить тѣло, сопровождаемое иностранцами, съ подобающею религіозною церемоніею и тѣмъ скромнымъ почетомъ, какой возможенъ маленькому вержболовскому посаду Кибартамъ. Такъ какъ прахъ покойнаго вступалъ тутъ впервые на родную землю,—то мѣстное русское общество, состоящее большею частью изъ однихъ служащихъ, желало показать иностраннымъ провожатымъ, что оно, не споря съ Парижемъ въ средствахъ къ великолѣпію, сдѣлаетъ однако все для него возможное, чтобы достойно почтить усопшаго. Это предположеніе не могло осуществиться, по различнымъ причинамъ, да и то, что случилось за тѣмъ совершенно неожиданно, сдѣлало бы напрасными всѣ приготовленія къ встрѣчѣ.

На слѣдующій день рано утромъ, въ 6 часовъ, къ самому окошку моего номера на станціи, гдѣ я провелъ ночь, подошелъ тотъ самый прусскій пассажирскій поѣздъ, съ которымъ должно было прибыть

тѣло Тургенева, а черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вбѣжалъ служитель съ извѣстіемъ, что тѣло Тургенева прибыло, одно, безъ провожатыхъ и безъ документовъ, по багажной накладной, гдѣ написано: „1—покойникъ“ — ни имени, ни фамиліи! Мы только догадывались, что это — Тургеневъ, но собственно не могли знать того навѣрное. Тѣло прибыло въ простомъ багажномъ вагонѣ, и гробъ лежалъ на полу, задѣланный въ обыкновенномъ дорожномъ ящикѣ для клади; около него, по стѣнкамъ вагона стояло еще нѣсколько ящиковъ, очевидно, съ вѣнками, оставшимися отъ парижской церемоніи. Предоставляя времени выяснить послѣ, какъ все это могло случиться, мы занялись тотчасъ вопросомъ, чтó дѣлать въ эту минуту, такъ какъ нельзя было долго задерживать прусскаго поѣзда съ прусской прислугой, торопившейся уѣхать обратно въ Эйдткуненъ. Вслѣдствіе различныхъ причинъ, а также и потому, что и утромъ въ пятницу по прежнему оставалось неизвѣстнымъ, поѣдетъ ли тѣло далѣе сегодня же вечеромъ, когда нагонятъ его иностранные провожатые, или оно простоитъ здѣсь нѣсколько дней, — явились различныя мнѣнія, кáкъ поступить съ тѣломъ; мое мнѣніе было—поставить тѣло въ церковь, которая находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи. Подоспѣвшій во время нашей бесѣды, настоятель церкви согласился съ моимъ мнѣніемъ, особенно въ виду того, что, можетъ быть, тѣлу придется простоять въ багажномъ сараѣ до понедѣльника утра, т.-е. въ теченіи трехъ сутокъ,—и поѣздъ, направившійся было заднимъ ходомъ къ пакгаузамъ, былъ возвращенъ къ дверямъ таможеннаго пассажирскаго зала. Пока мы выносили изъ вагона ящикъ съ гробомъ, разбирали этотъ ящикъ и освободили оттуда ясеневый гробъ, въ который вложенъ былъ свинцовый и шелковый (изъ непроницаемой ткани),—пока вынимались вѣнки для выполненія таможенной обрядности, — настоятель приготовилъ въ церкви катафалкъ и паникадила. Мы, конечно, мало сомнѣвались въ томъ, что въ ящикѣ сокрыто тѣло, именно, Тургенева; уже прибитая на гробѣ металлическая доска надъ большимъ металлическимъ крестомъ, съ надписью, удостовѣрили насъ до конца относительно личности покойнаго; надписи на лентахъ у вѣнковъ подтверждали тоже самое. Едва мы успѣли кончить нашу печальную работу, какъ на колокольнѣ церкви раздался протяжный похоронный звонъ—vivos voco! mortuos plango!—Это былъ первый призывъ и привѣтъ покойному на родинѣ—и неимовѣрно тяжело потрясли заунывные звуки колокола слухъ каждаго изъ насъ, кто понималъ, чтó мы въ эту минуту дѣлали. Погребальная процессія сложилась невольно, сама собою: таможенные артельщики (я послѣ узналъ, что это была такъ-называемая московская артель) понесли впереди, одинъ за другимъ, большіе

и богатые парижскіе вѣнки; за ними, тихо качаясь на полотенцахъ, подвигался медленно тяжелый гробъ (около 40 пудовъ тяжести), а за гробомъ пошли попарно всѣ, кому случилось быть при вскрытіи ящика. Гробъ помѣстился на высокомъ катафалкѣ; около него, къ катафалку были прислонены большіе вѣнки; къ нимъ присоединили вѣнокъ отъ Кибартскаго училища, изготовленный къ предполагаемой встрѣчѣ, и отъ русскаго общества въ г. Владиславовѣ. Вскорѣ пришли дѣти изъ мужского и женскаго училища и усыпали ступеньки катафалка полевыми цвѣтами и букетиками. Мало по малу церковь наполнилась собравшимися изъ посада и пріѣзжими изъ Эйдткунена, гдѣ, какъ извѣстно, поселилось много русскихъ торговцевъ—и въ 8 часовъ утра началась панихида съ хоромъ пѣвчихъ.

Вечеромъ того же дня, съ почтовымъ поѣздомъ прибыли, наконецъ, и провожатые, дочь г-жи Віардо, m-me Chamerot, съ мужемъ; другой ея зять, m-r Duvernoy, заболѣлъ и не могъ сопровождать тѣла. Недоумѣніе объяснилось очень просто: они въ депешѣ ко мнѣ не упомянули, что были задержаны только они одни, а не тѣло. Пока они очищали въ берлинской таможнѣ свою кладь, и пока тамъ накладывали пломбу на ящики, принадлежавшіе гробу (дорогіе вѣнки и формы для отлятія маски лица и руки), поѣздъ ушелъ вмѣстѣ съ тѣломъ съ Лертской станціи (первая городская станція въ Берлинѣ со стороны Парижа); напрасно они бросились въ экипажѣ на Силезскую станцію (послѣдняя, откуда поѣздъ выходитъ на Кенигсбергъ): поѣздъ ушелъ и оттуда, увозя съ собою и тѣло по направленію къ нашей границѣ. Вотъ, вслѣдствіе чего оно и прибыло въ Вержболово одно, безъ провожатыхъ и безъ документовъ, которые остались при нихъ. Послѣ всего этого, неудивительно то, что если въ Берлинѣ желавшіе почтить память Тургенева торжественною встрѣчею не нашли уже гроба на станціи; собравшись сначала по ошибочной депешѣ, на Потсдамской станціи, они не могли никакъ захватить его на такъ-называемой Ring-Bahn, опоясывающей городъ; это неудалось даже самимъ провожатымъ, которые должны были, такимъ образомъ, ждать вечерняго курьерскаго поѣзда, чтобы нагнать тѣло въ Вержболовѣ.

Не желая иностранныхъ гостей заставлять ждать нашего отъѣзда, тѣмъ болѣе, что въ то время я и самъ еще не зналъ срока выѣзда,—я склонилъ ихъ продолжать немедленно свою поѣздку—и черезъ часъ послѣ того, они уже выѣхали изъ Вержболова съ вечернимъ почтовымъ поѣздомъ въ Петербургъ. Собственно говоря, ихъ могли бы и въ Вержболовѣ задержать по той же причинѣ, по какой задержала ихъ берлинская таможня: досмотръ ящиковъ съ вѣнками и формами маски лица и руки покойнаго потребовалъ бы слишкомъ много времени; но я принялъ всѣ эти ящики на себя, такъ какъ я и безъ

того оставался на мѣстѣ; по отходѣ же поѣзда въ Петербургъ, таможня будетъ имѣть все время для исполненія своихъ обязанностей. Почтовый поѣздъ, какъ извѣстно, стоитъ въ Вержболовѣ болѣе часа, а потому иностранные провожатые выразили желаніе—поклониться гробу. Всѣ,—даже и тѣ, которые утромъ не раздѣляли моего мнѣнія,—были очень теперь довольны, что намъ пришлось отвести иностранныхъ провожатыхъ не въ товарный складъ, а въ церковь. Было около 6 часовъ вечера; смеркалось; подъ проливнымъ дождемъ мы перешли небольшую аллею, отдѣлявшую станцію отъ церкви. Такъ какъ, въ видахъ санитарныхъ, церковныя двери оставались съ утра открытыми настежь, то церковь никогда не оставалась безъ посѣтителей: многіе пріѣзжали изъ окрестностей Вержболова и Эйдткунена, услышавъ, что тѣло Тургенева останется на границѣ нѣсколько дней. Мы также нашли въ церкви постороннихъ; въ углу помѣщался, повидимому, художникъ, и снималъ внутренній видъ храма съ гробомъ на катафалкѣ, покрытомъ золотою парчей, окруженномъ теплящимися свѣчами и со всѣхъ сторонъ обставленномъ вѣнками. Иностранные гости, очевидно, не ожидали встрѣтить въ нашей сельской церкви такую обстановку, и были видимо тронуты представившимся имъ зрѣлищемъ Тургенева, мирно почивающаго вѣчнымъ сномъ въ скромномъ деревенскомъ храмѣ, среди любимыхъ имъ безбрежныхъ полей, окружающихъ Вержболово со всѣхъ сторонъ...

Въ 6 часовъ вечера почтовый поѣздъ увезъ иностранныхъ гостей въ Петербургъ. Я ожидалъ къ ночи получить отвѣтъ отъ коммиссіи на мой вопросъ: когда можно будетъ выѣхать въ обратный путь?—но такъ и не получилъ никакого отвѣта. Отвѣтъ пришелъ въ субботу, одновременно съ газетами, гдѣ находилось объявленіе о назначеніи вторника днемъ похоронъ, и повторялъ то же самое; это значило только то, что я не могу выѣхать позже понедѣльника утра; но я могъ получить разрѣшеніе выѣхать въ воскресенье и ночевать въ дорогѣ. Вотъ почему я не зналъ что̀ отвѣчать на многочисленныя телеграммы, съ оплаченнымъ отвѣтомъ, а, слѣдовательно, обязательныя для меня,—со всѣхъ главныхъ станцій по линіи отъ Вержболова до Петербурга. Впрочемъ, понедѣльникъ былъ также не далекъ, а потому все-равно слѣдовало готовиться къ пути, чтобъ не было никакихъ задержекъ въ послѣднюю минуту. Въ субботу мы занялись въ таможнѣ очисткою вѣнковъ пошлиною, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были сдѣланы въ Парижѣ, и сдѣланы превосходно, изъ искусственныхъ цвѣтовъ, а такіе цвѣты, какъ извѣстно, обложены у насъ довольно высокою пошлиною. Послѣ всенощной, въ субботу же, была отслужена вторая панихида, и рѣшено—на слѣдующій день, въ воскресенье, до обѣдни, отслужить послѣд-

нюю панихиду и вынести гробъ въ траурный вагонъ, чтобы имѣть время въ теченіе дня прочно установить гробъ на катафалкѣ и убрать его вѣнками. Другіе думали, что лучше было бы просто перенести гробъ въ 7 ч. утра, но первое мнѣніе было одобрено и самимъ настоятелемъ церкви, а потому, въ воскресенье, въ $8^1/_2$ часовъ утра, отслужена была панихида, какъ то предполагалось, и о. Николай Петровичъ Кладницкій произнесъ при этомъ краткое, тронувшее всѣхъ присутствовавшихъ слово. Оно было первымъ русскимъ голосомъ, привѣтствовавшимъ дорогой прахъ на дальнемъ западномъ рубежѣ родной ему земли, и потому заслуживаетъ быть занесеннымъ въ хронику, по тому тексту, какъ оно было послѣ воспроизведено въ газетахъ:

«О славныхъ мужахъ древности,—такъ началъ почтенный настоятель,—сказалъ Премудрый: «Тѣлеса ихъ въ мирѣ погребены биша, а имена ихъ живутъ въ родѣ: премудрость ихъ повѣдятъ людіе и похвалу ихъ исповѣсть Церковь».—Предъ нами бренные останки великаго нашего соотечественника, прославившаго и себя, и свою родину, своими дивными твореніями; они стяжали ему вѣнецъ неувядаемой славы и поставили его, а вмѣстѣ съ нимъ и наше родное слово, на ряду съ величайшими современными писаніями и писателями, не только у насъ въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Кто изъ васъ, читая его дивныя творенія, не восхищался свѣжестью, легкостью, изяществомъ и, такъ сказать, благоуханіемъ его слова, а вмѣстѣ и его свѣтлою, незлобивою душою, его добрымъ, кроткимъ сердцемъ и, вообще, его высокою, симпатичною личностью, которая вся отражалась въ его твореніяхъ? Кому изъ васъ неизвѣстно также, съ какимъ лестнымъ для нашей національности сочувствіемъ отнеслись къ покойному всѣ лучшіе и просвѣщеннѣйшіе люди Запада, поставившіе Тургенева на ряду съ величайшими современными поэтами! Итакъ, слава Тургенева есть слава нашей родины, и потому она не можетъ быть чужда никому изъ насъ. Такіе люди не умираютъ въ памяти потомства: «имена ихъ живутъ въ родѣ, премудрость ихъ повѣдятъ людіе и похвалу ихъ исповѣсть церковь».

«Слава и честь всякому дѣлающему благое»—учитъ насъ св. вѣра;—слава и честь нашему незабвенному соотечественнику, за всю ту славу, за все то добро, какое онъ совершилъ для родной земли. А для васъ да будетъ величайшимъ утѣшеніемъ то, что вы на рубежѣ отечества сподобились встрѣтить и въ своемъ скромномъ, сельскомъ храмѣ молиться надъ прахомъ дорогого вамъ лица. Да воздастъ ему Господь Вседержитель вѣнецъ правды за всѣ добрыя его дѣла, и да не помянетъ ему грѣховъ и слабостей, столь свойственныхъ каждому человѣческому естеству.

«Вѣчная память да будетъ тебѣ отъ всѣхъ насъ, твоихъ, скорбящихъ о тебѣ, соотчичей, доблестнѣйшій мужъ земли русской!»

Послѣ панихиды и поклоненія тѣлу, явилась таже самая таможенная артель, одѣтая, по случаю воскресенья, по праздничному, въ суконныхъ полукафтанахъ, перехваченныхъ широкимъ темнозеленымъ поясомъ. Холодная и дождливая ночь къ утру смѣнилась теплой и ясной погодой, такъ что ничто не помѣшало торжественной

и вмѣстѣ скромной процессіи перенесенія гроба изъ церкви въ траурный вагонъ, поставленный заблаговременно тутъ же по близости. Почти все дообѣденное время ушло на установку гроба на высокомъ катафалкѣ внутри траурнаго вагона и убранство вѣнками какъ самого катафалка, такъ и стѣнъ его, обтянутыхъ чернымъ сукномъ. Между тѣмъ я получилъ и формальное извѣстіе о томъ, что могу завтра утромъ, въ понедѣльникъ, отправиться въ путь съ пассажирскимъ поѣздомъ съ тѣмъ, чтобы, слѣдуя непрерывно, прибыть въ Петербургъ, по росписанію, во вторникъ утромъ. До поздняго вечера вагонъ съ тѣломъ оставался на рельсахъ въ виду церкви; нанятый мною сторожъ долженъ былъ безотлучно находиться при вагонѣ.

Рано утромъ, въ седьмомъ часу, въ понедѣльникъ, прибылъ на станцію тотъ пассажирскій поѣздъ изъ Берлина, который долженъ былъ взять съ собою траурный вагонъ, и въ 8 часовъ выйти, направляясь прямо въ Петербургъ. Толпа изъ пассажировъ поѣзда и служащихъ обступала траурный вагонъ, когда появился и настоятель церкви, отправлявшійся вмѣстѣ съ нами по своимъ дѣламъ въ Вильно. Отслужить предъ отъѣздомъ литію оказалось неудобнымъ, и священникъ одинъ поднялся въ траурный вагонъ, тихо помолился надъ гробомъ, и, отдавъ усопшему земной поклонъ, приложился къ прикрѣпленному на гробѣ образу Христа, которому Тургеневъ посвятилъ одно изъ лучшихъ своихъ „стихотвореній въ прозѣ".

Весь понедѣльникъ и всю ночь до утра вторника, когда мы подъѣзжали уже къ г. Лугѣ, свирѣпствовалъ холодный вѣтеръ съ безпрерывнымъ дождемъ: и несмотря ни на что, несмотря на позднее ночное время, а также и на то, что по дорогѣ узнали о предстоящемъ проѣздѣ тѣла почти въ то время, когда оно уже вышло изъ Вержболова,—на всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ станціяхъ, мы встрѣчали болѣе или менѣе значительную массу людей, терпѣливо ожидавшихъ часами прибытія поѣзда. Въ Ковно и въ Вильнѣ, общество русскихъ приготовило все необходимое для литіи, во время десяти минутъ остановки поѣзда; но я успѣлъ только принять вѣнки на гробъ. Такъ какъ въ Вильнѣ необходимо было при этомъ открыть самый вагонъ, чтобы освидѣтельствовать веревки, которыми былъ укрѣпленъ гробъ на катафалкѣ,—то громадная толпа обступила вагонъ, съ выраженіемъ величайшаго благоговѣнія и въ глубокой тишинѣ, сохраняя при этомъ строгій порядокъ; всѣ какъ бы замерли, въ виду зрѣлища, котораго, конечно, ожидали, и тѣмъ не менѣе были видимо тронуты и взволнованы, когда увидѣли въ двухъ-трехъ шагахъ отъ себя ясеневый гробъ, высившійся на черномъ катафалкѣ и заключавшій въ себѣ бренные останки того, чье имя наполняло собою въ это послѣднее время весь образованный міръ. Прислуга между тѣмъ успѣла укрѣ-

пить вытянувшіяся отъ чрезвычайной тяжести гроба и толчковъ паровоза веревки; вагонъ былъ закрытъ, и въ два часа пополудни поѣздъ отошелъ изъ Вильны.

Въ седьмомъ часу вечера мы подъѣзжали къ Динабургу. Было уже совсѣмъ темно; на платформѣ станціи насъ ожидала и встрѣтила густая толпа народу, далеко превышавшая ту, какую мы нашли въ Вильнѣ; ко мнѣ обратился городской голова съ просьбою дать возможность городскому обществу, прибывшему на станцію издалека, поклониться гробу; литіи не успѣли отслужить и здѣсь. Принимая вѣнки, между которыми выдавался вѣнокъ „отъ города Динабурга“, „отъ Динабургской женской гимназіи“ и отъ почитателей Тургенева,—я замѣтилъ, что, вслѣдствіе темноты, задніе ряды, стараясь приблизиться къ гробу, слабо освѣщенному фонаремъ кондуктора, до такой степени прижали къ борту вагона стоявшихъ впереди, что имъ ничего не оставалось бы для своей безопасности, какъ подняться въ вагонъ,—а это могло бы повлечь за собою полный безпорядокъ. Въ первый разъ моя просьба отступить не подѣйствовала, такъ какъ стоявшіе близъ вагона, при всей ихъ доброй волѣ, не могли подвинуться назадъ. Тогда я обратился къ публикѣ съ предложеніемъ: такъ какъ я не могу помѣстить въ вагонѣ всю толпу, это—очевидно, то прошу подать мнѣ кого-нибудь изъ дѣтей, —пусть ребенокъ простится за всѣхъ съ покойнымъ. Мое предложеніе было принято, и публика спокойно отошла отъ вагона.

Отъ Динабурга началось ночное время поѣздки, сопровождаемой холоднымъ дождемъ и вѣтромъ. Несмотря однако на то, и въ г. Островѣ въ первомъ часу ночи, и въ Псковѣ, въ 2 часа пополуночи, публика сидѣла на станціи и терпѣливо ждала прибытія поѣзда. Какъ видно изъ псковской корреспонденціи въ одну изъ московскихъ газетъ, „нѣсколько недѣль приготовлялись псковичи достойно почтить память незабвеннаго И. С. Тургенева, при провозѣ его чрезъ Псковъ изъ-за границы въ Петербургъ; городской думой было постановлено отслужить въ вокзалѣ надъ гробомъ панихиду въ присутствіи всѣхъ гласныхъ и возложить на гробъ отъ города вѣнокъ... Однако-жъ, несмотря на самое горячее желаніе псковичей почтить усопшаго великаго писателя, все вышло далеко не такъ торжественно, какъ предполагалось“... Но за то нигдѣ на пути встрѣча тѣлу Тургенева, можно сказать, не была сдѣлана столь усердно,—если подумать о времени встрѣчи, отчаянной погодѣ, отдаленіи города отъ станціи версты на двѣ, и наконецъ, если принять въ соображеніе и то, что на вопросъ городского головы въ Вержболово о днѣ проѣзда я могъ отвѣчать ему только наканунѣ. Замѣститель городского головы съ гласными поднесъ къ вагону большой вѣнокъ съ надписью: „отъ го-

рода Пскова"; затѣмъ явились вѣнки отъ псковскихъ періодическихъ изданій („Земскій Вѣстникъ", „Городской Листокъ" и журналъ „Истина"), отъ классической гимназіи и реальнаго училища. „Ни псковскій кадетскій корпусъ,—замѣчаетъ тотъ же корреспондентъ,— ни духовная и учительская семинарія, ни землемѣрное училище ничѣмъ не почтили память незабвеннаго писателя; женская гимназія приготовила вѣнокъ, но почему-то не доставила его въ вокзалъ. Изъ частныхъ лицъ на гробъ Тургенева возложилъ вѣнокъ А. Н. Яхонтовъ, предсѣдатель псковской уѣздной земской управы, довольно извѣстный поэтъ, стихотворенія котораго часто встрѣчались на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ". Интересно еще и то, что, какъ отъ реальнаго училища, такъ и отъ классической гимназіи возлагали вѣнки на гробъ Ивана Сергѣевича инспектора этихъ заведеній; директора же всѣхъ псковскихъ гимназій, училищъ и семинарій даже не были въ числѣ публики. Не знаемъ,—говоритъ корреспондентъ,— занимаемые ими посты или несочувствіе къ таланту и направленію покойнаго писателя помѣшали имъ присутствовать на его проводахъ чрезъ Псковъ. Это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что представители мѣстной администраціи, городского и земскаго самоуправленія всѣ сочли долгомъ присутствовать въ вокзалѣ и поклониться праху Тургенева. Отъ завѣдомаго отсутствія директоровъ приключилось нѣчто грустное: на проводахъ Тургенева городовыхъ было больше, чѣмъ представителей отъ учебныхъ заведеній".—Во всякомъ случаѣ, справедливость требуетъ признать, что ни одинъ городъ на пути не былъ поставленъ въ такое невыгодное для встрѣчи положеніе, какъ Псковъ,—именно, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ: поздній часъ ночи, холодъ, дождь, отдаленіе отъ станціи и т. д.—и тѣмъ не менѣе, въ вокзалѣ оказалось весьма большое число усердныхъ почитателей памяти Тургенева; по всему было видно, что мы находимся уже въ самыхъ нѣдрахъ Россіи, гдѣ языкъ Тургенева считаетъ за собою цѣлую тысячу лѣтъ!

Въ два часа ночи мы тронулись въ путь, а въ шестомъ утра подъѣзжали къ г. Лугѣ. О дождѣ не было больше и помину; на востокѣ узкою, но чрезвычайно яркою полосою горѣла заря, предвѣщая конецъ бѣдственной погоды. Ровно въ 6 ч. утра мы подошли къ станціи, наполненной уже народомъ; впереди стояло въ траурномъ облаченіи духовенство, и послѣ краткаго разговора одного изъ священниковъ съ кѣмъ-то изъ начальствующихъ,—содержаніе самаго разговора я разслышать не могъ, такъ какъ былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ внутренности траурнаго вагона,—была совершена первая литія въ пути. Когда послѣ литіи я возвращался на свое мѣсто, ко мнѣ обратился кто-то изъ служащихъ при желѣзной дорогѣ; онъ только-что получилъ изъ Гатчины вопросъ: можетъ ли

быть отслужена литія во время остановки поѣзда? Я отвѣчалъ, что это отъ меня вовсе не зависитъ, но онъ можетъ телеграфировать то, что̀ онъ сейчасъ видѣлъ самъ; признанное возможнымъ въ Лугѣ, вѣроятно, будетъ возможно и въ Гатчинѣ. Не доѣзжая до Гатчины, на Сиверской станціи, я долженъ былъ еще разъ открыть траурный вагонъ, уступая просьбамъ собравшейся тутъ публики; въ числѣ прочихъ оказался и художникъ И. Н. Крамской, ѣхавшій въ городъ; я пригласилъ его съ собою въ траурный вагонъ, гдѣ мы и остались на полчаса между двухъ небольшихъ станцій, съ цѣлью внутри вагона устроить на ходу поѣзда все такъ, чтобы въ Петербургѣ можно было, не теряя времени, вынуть гробъ и вѣнки изъ вагона.

Къ Гатчинѣ мы подъѣхали около 9 ч. утра: вся платформа была густо заставлена народомъ, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ остановиться траурный вагонъ, были поставлены въ порядкѣ воспитанники гатчинскаго института и воспитанницы одного изъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Впереди всѣхъ стояло, какъ и въ Лугѣ, духовенство въ облаченіи и съ хоромъ пѣвчихъ. Духовенство выразило желаніе подняться внутрь вагона—и затѣмъ немедленно началась литія. Къ сожалѣнію, времени, вѣроятно, было такъ мало, что опять скоро раздался одинъ за другимъ второй и третій звонокъ, и священники, продолжая службу, должны были начать одинъ за другимъ спускаться на платформу. Я едва успѣлъ задвинуть дверь траурнаго вагона, и могъ благополучно попасть въ свой вагонъ уже на ходу поѣзда, благодаря ловкости кондуктора, ожидавшаго меня на ступенькѣ съ открытою дверью вагона. На послѣдней, Александровской станціи, у Царскаго Села, мы оставались цѣлыхъ восемь минутъ. Тамъ я успѣлъ прикрѣпить къ внѣшней сторонѣ вагона вѣнокъ, по которому на петербургской станціи распорядители могли бы издалека отличить траурный вагонъ отъ багажныхъ вагоновъ, между которыми онъ помѣщался, и такимъ образомъ направиться прямо туда, куда слѣдовало.

Во вторникъ, 27 сентября, утромъ въ 10 ч. 20 м.—нормальное время прибытія заграничнаго пассажирскаго поѣзда — траурный вагонъ вошелъ на станцію. Вся лѣвая платформа, у которой остановился поѣздъ, была очищена отъ публики, а на правой помѣщалось духовенство и небольшая группа лицъ, допущенныхъ распорядителями похоронной коммиссіи, такъ что, при громадномъ пространствѣ платформы, и правая сторона казалась почти пустою. Не прошло и минуты, какъ траурный вагонъ былъ отстегнутъ отъ прочихъ вагоновъ, и послѣ небольшого маневра перешелъ на другіе рельсы; машина дала задній ходъ, и мы подошли вплотную къ противоположной платформѣ. Началась торжественная литія—третья

въ это утро—затѣмъ были вынуты изъ вагона всѣ вѣнки, перенесенъ гробъ и уставленъ на катафалкѣ; около 11 часовъ утра тронулась въ стройномъ порядкѣ печальная процессія, ярко освѣщенная неожиданно появившимся въ этотъ день солнцемъ — въ послѣдній путь, далекимъ началомъ котораго была, за недѣлю предъ тѣмъ, процессія въ Парижѣ. Звеномъ, соединяющимъ обѣ эти процессіи, парижскую и петербургскую, должна была служить торжественная встрѣча тѣла И. С. Тургенева въ Берлинѣ, отъ лица нѣмецкой литературы, и проводы въ русскихъ городахъ, лежавшихъ по пути отъ границы до Петербурга: по разсказамъ иностранныхъ провожатыхъ, подтвержденнымъ на дѣлѣ, я объяснилъ, почему не могла состояться встрѣча тѣла въ Берлинѣ, несмотря на то, что все было приготовлено для нея; будучи же самъ очевидцемъ встрѣчи тѣла на русской границѣ и проводовъ его до Петербурга, я счелъ долгомъ извлечь изъ моихъ воспоминаній все то, что можетъ дать хотя бы слабое понятіе о признательномъ вниманіи и благоговѣйномъ отношеніи русской провинціи къ памяти и литературнымъ заслугамъ почившаго. Тутъ нельзя даже было замѣтить различія между окраинами и коренною Россіей: всѣ сошлись въ глубокомъ уваженіи къ имени того, кто силою одного таланта поставилъ русскій языкъ и русскую мысль на новую для нихъ высоту.—Вотъ, великій руссификаторъ, — думалось мнѣ въ то время, когда я стоялъ у гроба въ Ковнѣ и Вильнѣ, а предо мною далеко въ обѣ стороны простиралась толпа людей, черты которыхъ въ большинствѣ говорили ясно о ихъ далеко не-великорусскомъ происхожденіи, а въ рѣчи слышался посторонній акцентъ.

М. С.

НЕКРОЛОГЪ.

Өедоръ Ивановичъ Іорданъ

р. 13 авг. 1800—ум. 19 сент. 1883.

Ө. И. Іорданъ, ровесникъ нашего вѣка, родился въ окрестностяхъ Петербурга, въ г. Павловскѣ, въ семьѣ небогатыхъ переселенцевъ изъ Брауншвейга; всю свою жизнь, за исключеніемъ 20 лѣтъ школы и художественнаго труда, проведенныхъ за границею (1830—1850 г.), онъ прожилъ въ Петербургѣ, и скончался въ глубокой старости въ своемъ родномъ городѣ, окруженный почетомъ, въ званіи ректора академіи художествъ, всеобщимъ уваженіемъ и любовью каждаго, кто хотя сколько-нибудь зналъ его лично и имѣлъ случай испытать на себѣ превосходныя качества рѣдкой души покойнаго. Постоянно бодрый видъ, крѣпкое здоровье, почти юношескій цвѣтъ лица въ лѣтахъ весьма преклонныхъ, наконецъ, вѣчно веселое, привѣтливое для всѣхъ безъ различія расположеніе духа этого коренного петербуржца—все въ немъ служило какъ бы живою защитою нашей Сѣверной Пальмиры отъ обвиненія въ томъ, что подъ ея сѣрымъ небомъ человѣкъ скоро утрачиваетъ и физическія, и душевныя силы. Но кому былъ извѣстенъ образъ жизни покойнаго, мирно протекавшей между страстно любимымъ имъ трудомъ, у семейнаго очага, въ небольшомъ кружкѣ друзей, кто зналъ простоту его патріархальныхъ нравовъ,—тотъ, глядя на него, могъ придти скорѣе къ убѣжденію, что наше здоровье, сохраненіе физическихъ и душевныхъ силъ зависитъ не столько отъ климата улицы, сколько отъ того климата, который можетъ каждый устраивать у себя дома. Женившись 55-ти лѣтъ, въ такомъ возрастѣ, когда другимъ случается уже носить званіе дѣда, Ө. И. Іорданъ успѣлъ отпраздновать свою серебряную свадьбу и имѣть счастіе играть съ своими внучатами.

Въ самомъ отдаленномъ потомствѣ имя Іордана не умретъ благодаря главному, капитальному его труду, доставившему ему сразу европейскую извѣстность. По указанію К. Брюллова, Іорданъ сѣлъ въ 1835 году, въ Римѣ, за воспроизведеніе гравюрою знаменитаго Рафаэлевскаго „Преображенія Господня“, и работалъ съ такимъ рвеніемъ и неутомимостью, что, можно сказать, онъ всталъ въ первый разъ только послѣ пятнадцатилѣтняго труда, въ 1850 году, когда привезъ съ собою въ Россію 300 первыхъ оттисковъ своей знамени-

той гравюры. Въ Италіи эта работа породила всеобщій восторгъ; но, по странному стеченію обстоятельствъ, въ Петербургѣ, въ оффиціальномъ мірѣ, ей сдѣланъ былъ весьма холодный пріемъ; быть можетъ, художнику повредило извѣстіе, что въ 1848 г., по итальянскимъ законамъ, онъ, какъ прожившій въ Римѣ болѣе 10 лѣтъ, долженъ былъ вступить въ національную гвардію, послѣ бѣгства папы изъ Рима; правда, военная дѣятельность мирнаго художника ограничилась тѣмъ, что онъ постоялъ на часахъ у римскаго банка, съ заржавленнымъ ружьемъ, на которомъ была выгравирована одна изъ заповѣдей: „не убей". Товарищи ходили полюбоваться и посмѣяться надъ комическою фигурою Ѳедора Ивановича въ костюмѣ Марса. Повредило ли ему именно это обстоятельство, или что-нибудь другое, — но во всякомъ случаѣ единственною наградою ему за колоссальный трудъ было званіе профессора въ академіи и заказъ картины Егорова „Истязаніе Спасителя". Одна, тогдашняя, Москва временъ Грановскаго отнеслась съ большимъ сочувствіемъ къ соотечественнику, добывшему себѣ славу въ чужой землѣ: карандашный рисунокъ гравюры былъ купленъ въ Москвѣ за 2000 рублей, и москвичи дали Іордану торжественный обѣдъ, подъ предсѣдательствомъ Грановскаго. Шевыревъ и Погодинъ привѣтствовали художника въ своихъ рѣчахъ. „Черные волосы его,—говорилъ Погодинъ,—посеребрились за этою пятнадцатилѣтнею работою; кирпичи въ каменномъ полу продавились подъ его ногами,—а онъ продолжалъ работать съ одинаковымъ жаромъ... Такая великая любовь къ искусству, такое смиреніе, соединенное съ такимъ терпѣніемъ, съ такимъ самоотверженіемъ и увѣнчанное такимъ блестящимъ успѣхомъ, имѣетъ право на почтеніе, благодарность и любовь всѣхъ соотечественниковъ. Вы видѣли его гравюру, вы видѣли всѣ прежніе опыты, произведенія лучшихъ мастеровъ Франціи, Италіи и Германіи! Іорданъ рѣшительно превзошелъ всѣхъ, не исключая Моргена, строгимъ классицизмомъ своей работы. Незабвенны услуги, оказываемыя гравировальнымъ искусствомъ искусству живописи! Безъ него исчезли бы навсегда картины Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело; потому-то имена великихъ граверовъ всегда связаны съ именами великихъ живописцевъ. Искренняя и постоянная дружба соединила Рафаеля съ Маркомъ Антоніо Раймонди; эту-то дружбу съ Рафаелемъ въ наше время возобновилъ нашъ славный граверъ, Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ!"

Пріятно и теперь вспомнить объ этомъ московскомъ праздникѣ, данномъ въ честь покойнаго: онъ служитъ доказательствомъ, какъ давно уже умѣютъ у насъ цѣнить заслуги именитыхъ людей предъ обществомъ.

Во время своего пребыванія въ Римѣ, Ѳ. И. Іорданъ жилъ одновременно съ другимъ нашимъ великимъ художникомъ Ивановымъ и великимъ творцомъ въ литературѣ Гоголемъ. Надобно думать, что въ оставленныхъ имъ запискахъ, о существованіи которыхъ мы слыхали, окажется не мало интереснаго для характеристики вышеупомянутыхъ его римскихъ знакомыхъ. Если этотъ слухъ вѣренъ, то біографія Иванова и Гоголя обогатится новымъ и весьма важнымъ матеріаломъ, такъ какъ въ Іорданѣ мы имѣли бы наблюдателя вполнѣ трезваго и безпристрастнаго. Впрочемъ, и помимо того, записки подобныхъ лицъ должны всегда заключать въ себѣ много назидательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивать ихъ вполнѣ заслуженную славу.

Закончимъ пожеланіемъ, чтобы кто-нибудь изъ лицъ, свѣдущихъ въ искусствѣ гравированія, далъ намъ со временемъ обстоятельную оцѣнку всей дѣятельности и заслугъ почившаго художника, и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомилъ насъ со всѣми подробностями этой свѣтлой и трудовой жизни, угасшей уже послѣ того, как художникъ и человѣкъ „въ предѣлахъ земныхъ совершилъ все земное“.

М.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е ноября, 1883.

Новая характеристика настоящей минуты: „поворотъ отъ фразы къ дѣлу и подъемъ духовныхъ силъ страны“.—Неявка гр. Л. Н. Толстого на судъ, какъ присяжнаго.—Пятидесятилѣтіе общества русскихъ врачей. — Москва безъ городского головы.— Результаты неудачной поговорки.

Когда въ нашей печати дѣлались попытки опредѣлить однимъ словомъ значеніе настоящей „минуты“ (въ политической жизни, минута, какъ извѣстно, продолжается иногда цѣлые годы), выборъ колебался обыкновенно между „неопредѣленностью“ и „застоемъ“, между „унынiемъ“ и „апатіей“. Если вѣрить одному новѣйшему издательскому объявленію, написанному на манеръ трубнаго звука,—коротко, громко и пронзительно, — всѣ эти опредѣленія должны быть теперь отвергнуты безусловно; настоящая минута—это „поворотъ отъ фразы къ дѣлу“, настоящее настроеніе общества — „ожиданіе спокойнаго подъема духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны“. Итакъ, до на-

ступленія этой благословенной минуты, господствовала фраза, а со времени наступленія ея совершился или, по крайней мѣрѣ, готовится переходъ къ дѣлу. О комъ идетъ здѣсь рѣчь, о какихъ сферахъ — правительственныхъ или общественныхъ? Если о первыхъ,—то желательно было бы знать, когда именно онѣ подчинялись у насъ владычеству фразы? Если о послѣднихъ, — то еще любопытнѣе было бы услышать, какое именно имъ теперь предстоитъ дѣло? Не ясно ли съ перваго взгляда, что характеристика настоящей минуты, возвѣщающая конецъ царства фразы, сама является не чѣмъ инымъ, какъ фразой? Фраза—это наборъ словъ, не выражающихъ никакой опредѣленной мысли или не соотвѣтствующихъ истинному намѣренію говорящаго,—а можетъ ли быть опредѣленною та мысль, которая не относится ни къ какому опредѣленному предмету?

Допустимъ, однако, по очереди, оба толкованія, возможныя въ данномъ случаѣ; предположимъ сначала, что приведенныя нами выше слова касаются правительства, а потомъ—что они касаются общества. Исходной точкой „настоящей минуты" мы будемъ считать и тамъ, и тутъ, окончаніе эпохи „новыхъ вѣяній" или „диктатуры сердца". По обѣ стороны рубежа мы видимъ цѣлый рядъ *дѣлъ*, совершенныхъ правительствомъ: по одну сторону—отмѣну соляного акциза, увеличеніе гильдейскихъ сборовъ, назначеніе сенаторскихъ ревизій, постановку на очередь административной и податной реформы; по другую—отмѣну подушной подати, пониженіе выкупныхъ платежей, введеніе налога съ наслѣдствъ, учрежденіе фабричной инспекціи и крестьянскаго поземельнаго банка. Никакого перерыва, никакого контраста съ этой точки зрѣнія сравниваемые періоды не представляютъ; „эпохой фразы" не можетъ быть названъ ни тотъ, ни другой,—эпохой дѣла могутъ быть названы оба. Послѣднему суждено было исполнить многое изъ того, чтó было лишь предначертано первымъ—но это объясняется весьма просто короткостью срока, даннаго „диктатурѣ сердца", и богатствомъ проявленной имъ иниціативы. Чтобы установить различіе между обоими періодами, нужно обратить вниманіе на общій характеръ мѣръ, *самостоятельно* принятыхъ каждымъ изъ нихъ. Первый только строитъ, двигается только впередъ, обращается къ общественному содѣйствію и готовитъ для него новые пути, новыя формы; послѣдній періодъ не ограничивается однимъ созиданіемъ, не всегда идетъ впередъ и иначе смотритъ на активное участіе общества въ общегосударственной жизни. Спросимъ себя, когда виднѣлось впереди, на горизонтѣ, больше творческихъ, обновительныхъ *дѣлъ*—въ концѣ 1880-го или въ концѣ 1883-го года? Отвѣтъ, конечно, будетъ не въ пользу настоящей минуты, во всякомъ случаѣ признаковъ „*поворота къ дѣлу*" тутъ мы не можемъ замѣтить.

Этимъ предрѣшается, отчасти, и второй изъ поставленныхъ нами вопросовъ: въ Россіи менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь возможно, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, обратное отношеніе между суммой общественной и правительственной дѣятельности, т.-е. возрастаніе первой при оскудѣніи послѣдней. Гдѣ искать *дѣла*, которое именно теперь становилось бы доступнымъ для общества? Въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи? Нѣтъ; въ этой сферѣ ничто не предвѣщаетъ поворота; сдѣлано въ ней уже не мало, кое-что продолжаетъ дѣлаться по прежнему — а для удвоенія энергіи, для начатія новой жизни нужны внѣшнія условія, которыхъ нѣтъ на лицо и не предвидится въ ближайшемъ будущемъ. Въ содѣйствіи тѣмъ задачамъ, которыхъ не можетъ достигнуть крестьянство, предоставленное собственнымъ силамъ? Нѣтъ; попытки этого рода почти всегда заранѣе обречены на неудачу; та почва, которая могла бы сдѣлать ихъ возможными и плодотворными—всесословная волость—пользуется меньшимъ кредитомъ и имѣетъ меньше шансовъ перейти въ жизнь, чѣмъ ни къ чему не ведущая мелкая административная единица. Въ разработкѣ очередныхъ вопросовъ путемъ печати или преній въ публичныхъ собраніяхъ? Нѣтъ; такая разработка еще недавно была гораздо болѣе широкой, чѣмъ въ настоящую минуту. Или, можетъ быть, подъ именемъ дѣла то издательское объявленіе разумѣетъ дѣла̀ въ смыслѣ акціонерныхъ и всякихъ другихъ предпріятій? Формула: *поворотъ къ дѣлу*—составляетъ, можетъ быть, парафразу знаменитаго девиза: enrichissez vous? Если это такъ, то къ чему же противополагать дѣло—фразѣ? *Такое* дѣло всегда отлично уживалось и уживается съ фразой; никогда, кажется, мы не слыхали стольких общихъ мѣстъ о процвѣтаніи отечественной промышленности, о развитіи производительныхъ силъ страны, о накопленіи народнаго богатства, какъ именно въ періоды предпринимательскихъ горячекъ, уже нѣсколько разъ пережитыхъ Россіей.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ медали; посмотримъ, можно ли назвать недавнее прошедшее нашего общества эпохой господства фразы. Фраза царствуетъ тогда, когда не выяснены ближайшія желанія и цѣли, когда несозрѣвшая или неспособная къ зрѣлости мысль гоняется за формой, могущей замѣнить собою содержаніе, когда чувство беретъ перевѣсъ надъ идеей и заставляетъ смѣшивать смутные образы съ фактами, міръ иллюзій или мечтаній съ міромъ реальнымъ. Чрезвычайно рѣдки, поэтому, такіе моменты, которые всецѣло принадлежали бы фразѣ; то или другое мнѣніе всегда достигаетъ опредѣленности, та или другая группа всегда перестаетъ тѣшить себя словесными фейерверками. Какъ ни молода русская общественная жизнь, она давно уже научилась различать припѣвъ отъ пѣсни,

шумиху словъ отъ внутренняго смысла рѣчи. Фраза не потеряла у насъ права гражданства, какъ не потеряла его нигдѣ въ Европѣ, но потеряла всякую возможность преобладанія. Грѣшатъ ею то тамъ, то тутъ—одни болѣе, другіе менѣе; но замѣчательно, что всего упорнѣе она держится именно въ томъ лагерѣ, изъ котораго вѣщаютъ намъ теперь о „поворотѣ отъ фразы къ дѣлу". Болѣе полной коллекціи громкихъ и жалкихъ словъ, чѣмъ та, изъ которой обѣими руками черпаетъ „Русь", нельзя себѣ и представить. Въ другомъ родѣ, менѣе цвѣтистомъ, болѣе мрачномъ и топорномъ, фразеологія „Русскаго Вѣстника", „Московскихъ Вѣдомостей", къ которымъ непосредственно примыкаетъ авторъ занимающаго насъ объявленія. „Распущенность", „разнузданность", „бездѣйствіе власти", „злоумышленная эксплуатація школы", „противоправительственныя тенденціи, поддерживаемыя правительственнымъ авторитетомъ"—вотъ образцы „словечекъ", всего чаще восполняющихъ недостатокъ серьезныхъ аргументовъ. Если авторъ объявленія имѣетъ въ виду именно такой сортъ фразы, если онъ обѣщаетъ намъ сдачу въ архивъ реакціонныхъ „жупеловъ" и „металловъ", то мы съ радостью привѣтствуемъ это обѣщаніе—хотя, признаемся, плохо вѣримъ въ его исполнимость. Партія, смотрящая назадъ, а не впередъ, неизбѣжно обречена на скудость мысли; положительная часть ея программы такъ бѣдна, отрицательная — такъ мало симпатична, что фраза для нея почти ничѣмъ незамѣнима. Она пополняетъ пробѣлы, сглаживаетъ шероховатости, набрасываетъ покрывало на все то, что неловко назвать настоящимъ именемъ и показать въ настоящемъ свѣтѣ.

„Общество", читаемъ мы въ томъ же объявленіи, „ожидаетъ спокойнаго подъема духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны". Ожиданіе—если понимать это слово какъ синонимъ надежды—возникаетъ тогда, когда обстоятельства благопріятствуютъ достиженію извѣстной цѣли. Итакъ, настоящая минута благопріятна для подъема духовныхъ силъ, т.-е. для широкаго, свободнаго развитія мысли?.. Почти одновременно съ объявленіемъ, рисующимъ передъ нами такія радужныя перспективы, мы прочли въ газетахъ небольшое извѣстіе, возбудившее въ насъ размышленія менѣе оптимистическаго свойства. Въ концѣ минувшаго сентября въ городѣ Крапивнѣ открылась сессія тульскаго окружного суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. При повѣркѣ списка присяжныхъ, въ числѣ неявившихся оказался графъ Л. Н. Толстой. Такъ какъ причины его неявки не были суду извѣстны, то судъ опредѣлилъ подвергнуть его денежному штрафу въ сто рублей. Черезъ нѣсколько времени въ залу засѣданія вошелъ графъ Толстой и сказалъ предсѣдателю суда: „я не могу быть присяжнымъ не по указаннымъ въ законѣ причинамъ, а по другимъ...

Если нужно, я могу ихъ назвать: я не могу быть присяжнымъ по религіознымъ убѣжденіямъ". Судъ объявилъ графу, что онъ будетъ считаться какъ бы не явившимся. Представимъ себѣ, что на мѣстѣ графа Толстого былъ бы въ данномъ случаѣ заурядный, никому неизвѣстный человѣкъ; даже тогда въ насъ пробудилось бы желаніе узнать, какой рядъ чувствъ или соображеній мѣшаетъ ему принять на себя обязанности присяжнаго, какимъ путемъ образовалось въ немъ убѣжденіе, идущее въ разрѣзъ съ общепринятымъ взглядомъ. Въ подобныхъ уклоненіяхъ отъ большой, торной дороги, въ проявленіяхъ самостоятельной мысли, не стѣсняющейся ни преданіемъ, ни примѣромъ, ни авторитетомъ, всегда коренится источникъ глубокаго интереса. Насколько онъ возрастаетъ, когда идетъ рѣчь о знаменитомъ писателѣ, объ одномъ изъ самыхъ крупныхъ дарованій нашего времени—это не требуетъ поясненій. Душевная жизнь такихъ людей — въ области общихъ идей, общихъ вопросовъ — составляетъ драгоцѣнное достояніе всѣхъ и каждаго; искусственно облекать ее тайной, значитъ, уменьшать сумму данныхъ, отъ которыхъ зависитъ поступательное движеніе страны. Потребность понять умственный міръ человѣка, возвышающагося надъ толпою—не праздное любопытство; въ основаніи ея лежитъ съ одной стороны сознаніе того значенія, которое принадлежитъ выдающимся натурамъ въ исторіи ихъ народа, ихъ эпохи, съ другой—исканіе идеала, особенно свойственное переходному времени. Гр. Л. Н. Толстой—не только великій художникъ, но и оригинальный мыслитель; произведенія его носятъ на себѣ явные слѣды борьбы, которую онъ перенесъ, и изъ которой нашелъ, наконецъ, счастливый выходъ. Кто можетъ поручиться въ томъ, что этотъ выходъ не далъ бы успокоенія и отрады тысячамъ людей колеблющихся, сомнѣвающихся, страдающихъ, какъ страдалъ Константинъ Левинъ? Кто станетъ отрицать, что объективное изученіе его бросило бы яркій свѣтъ на одну изъ важнѣйшихъ сферъ внутренней жизни, помогло бы понять, чего недостаетъ нашему поколѣнію, изъ-за чего одни бросаются въ крайности, другіе погрязаютъ въ мелкомъ эгоизмѣ? Но, можетъ быть, взгляды Л. Н. Толстого остаются подъ спудомъ по собственной его волѣ? Нѣтъ; мы знаемъ, что онъ нѣсколько разъ пытался подѣлиться ими съ нашимъ обществомъ—и знаемъ также, почему это ему не удавалось. Въ какой другой странѣ можно найти первостепеннаго писателя, вынужденнаго молчать или говорить о томъ, что̀ его въ данную минуту нисколько не занимаетъ,—общество, вынужденное недоумѣвать относительно мнѣній своего любимца или судить о нихъ на основаніи мало достовѣрныхъ слуховъ? Возможно ли ожидать, при такихъ условіяхъ, „спокойнаго подъема духовныхъ

силъ страны"? Или, можетъ быть, убѣжденія гр. Л. Н. Толстого угрожаютъ опасностью общественному порядку, государственному строю? Настолько сущность ихъ во всякомъ случаѣ извѣстна, чтобы устранить возможность подобныхъ предположеній. Правда, они отступаютъ отъ нормы, предписанной у насъ для нѣкоторыхъ чувствъ и мыслей; но кто же не знаетъ, что именно эти чувства и мысли не поддаются никакимъ предписаніямъ, что отступленія отъ нормы встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу, и всего чаще въ той средѣ, которая вовсе не испытываетъ на себѣ вліянія печати и литературы? Кто не знаетъ и того, что узаконеніе существующаго факта, т.-е. признаніе *права* уклоняться отъ нормы, ничуть не поколебало бы ея власти надъ массой?.. Останавливаться на догадкахъ, вызванныхъ заявленіемъ графа Л. Н. Толстаго, мы не станемъ, упомянемъ только объ одной изъ нихъ, слишкомъ далекой, на нашъ взглядъ, отъ истины. Въ нашей печати появлялись, въ послѣднее время, замѣтки о неудобствахъ, представляемыхъ принятымъ теперь текстомъ присяги, о необходимости замѣнить клятву именемъ Божіимъ—клятвою „передъ Богомъ". Мы нисколько не сомнѣваемся въ справедливости этого замѣчанія по отношенію къ старообрядцамъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто наравнѣ съ ними придаетъ громадное значеніе слову, обряду; но для насъ рѣшительно непонятно, какимъ образомъ можно причислять къ категоріи формалистовъ и графа Л. Н. Толстого. Не говоря уже о томъ, что онъ отказался не отъ присяги, но отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, — объясненіе, не идущее дальше вопроса о формѣ, кажется намъ прямо противуположнымъ всему умственному складу автора „Анны Карениной" и „Войны и мира". Стóитъ лишь припомнить нѣкоторыя страницы перваго изъ этихъ романовъ, чтобы убѣдиться въ несостоятельности мнѣнія, ищущаго на поверхности то, чтò можно найти только въ глубинѣ. Съ гораздо бóльшимъ правомъ, повидимому, можно было бы указать на эпиграфъ „Анны Карениной": „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ",—но мы не хотимъ настаивать на этомъ указаніи, не хотимъ проникать въ область мысли, компетентнымъ толкователемъ которой можетъ быть только самъ мыслитель. Настанетъ же, наконецъ, тотъ день, когда „подъемъ духовныхъ силъ страны"—дѣйствительный, а не мнимый—сниметъ завѣсу со всего того, чтò и теперь уже вполнѣ готово выдержать дѣйствіе свѣта.

Приведемъ еще небольшую иллюстрацію той простой, но многими игнорируемой истины, что „подъемъ духовныхъ силъ страны" несовмѣстимъ съ стѣсненіемъ мысли. Чтò, повидимому, стоитъ больше въ сторонѣ отъ политики, а, слѣдовательно, и отъ подозрѣній, какъ не дѣятельность медиковъ, какъ не развитіе медицины? Разсуждая

a priori, можно предположить, что „общество русскихъ врачей" должно было преуспѣвать независимо отъ внѣшнихъ условій, отъ паденія или повышенія политическаго барометра. На самомъ дѣлѣ, однако, оказывается совсѣмъ другое. Исторія этого общества, ставшая извѣстной по поводу отпразднованнаго имъ недавно пятидесятилѣтняго юбилея, свидѣтельствуетъ о томъ, что даже въ спеціально-научной области „подъемъ силъ" требуетъ благопріятной атмосферы. Основанное въ 1833 г., общество русскихъ врачей, по выраженію одного изъ юбилейныхъ ораторовъ, „встрѣчено было администраціей не очень довѣрчиво, какъ нѣчто новое, неукладывающееся въ тѣсныя рамки канцелярской рутины". Оно было допущено къ жизни подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы оно отнюдь не считало себя самостоятельнымъ, не выходило изъ общей оффиціальной колеи. Нужно было много энергіи со стороны учредителей общества, чтобы устранить „недоразумѣнія" и обезпечить за обществомъ право на существованіе. Едва успѣвъ стать на ноги, общество вступило въ такой періодъ своей исторіи, который юбилейныя рѣчи, въ силу правила: „de mortuis aut bene, aut nihil", должны были пройти молчаніемъ; при двухъ предсѣдателяхъ (третьемъ и четвертомъ), завѣдывавшихъ дѣлами общества въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, оно „не умерло" —вотъ все, что̀ могъ сказать объ этомъ времени С. П. Боткинъ. Возрожденіе „общества" совпадаетъ съ возрожденіемъ Россіи, т.-е. со второй половиной пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, происходитъ столкновеніе двухъ направленій — стараго и новаго, но „общество" благополучно переживаетъ переходную эпоху и пріобрѣтаетъ въ свѣжемъ воздухѣ ея запасъ силъ, благодаря которому можетъ считать свою судьбу упроченною на долгое время.

Далеко не въ пользу „подъема силъ" и бодраго настроенія общества говоритъ настоящее положеніе московскаго городского управленія. Мы не станемъ догадываться о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ не состоялся въ Москвѣ выборъ городского головы; замѣтимъ только, что внезапная отставка г. Чичерина не могла не повлечь за собою серьёзныхъ усложненій. Устройство городскихъ думъ, особенно столичныхъ, такъ ненормально само по себѣ, что всякая непредвидѣнная комбинація обстоятельствъ созидаетъ на пути городского самоуправленія едва преодолимыя преграды. Избраніе г. Чичерина—человѣка до тѣхъ поръ чуждаго Москвѣ—показало съ полною ясностью, какъ трудно найти въ средѣ московской думы кандидата въ городскіе головы, способнаго и готоваго занять эту должность, а главное — могущаго соединить вокругъ себя большинство избирателей. Только-что сдѣланное съ такими усиліями пришлось раздѣлать; понятно, что попытка опять начать сызнова, не принад-

лежитъ къ числу легкихъ. Крайне неумѣстными, поэтому, являются порицанія и даже угрозы, посылаемыя нѣкоторыми газетами по адресу московской городской думы. Порицанія мотивируются тѣмъ, что, отвергая одного за другимъ всѣхъ *достойныхъ* кандидатовъ въ городскіе головы (не признается ли здѣсь доказаннымъ то, что̀ еще требуется доказать? не повредила ли, притомъ, одному изъ кандидатовъ безтактная рекомендація его въ печати?), оставляя городъ въ состояніи „междуцарствія", московская дума рискуетъ неудовлетвореніемъ городскихъ нуждъ, финансовою несостоятельностью города; какъ бы угрозой является напоминаніе о возможности *назначенія* предсѣдателемъ думы не-выборнаго лица (ст. 48 Город. Полож.); но городской голова, какъ предсѣдатель управы, по Городовому Положенію, долженъ быть не иначе, какъ избранъ думою. Кромѣ того, говорить о „междуцарствіи" можно было бы развѣ въ такомъ случаѣ, если бы управленіе городскими дѣлами было единоличное, а не коллегіальное, если бы, рядомъ съ городскимъ головой, не стояла городская управа. Текущія дѣла не остановятся и безъ головы, а для плодотворной дѣятельности на пользу города, для разрѣшенія давно наболѣвшихъ вопросовъ, для приведенія въ порядокъ городскихъ финансовъ, нуженъ не титулъ—нужны способности и силы, которыя не создаются однимъ фактомъ избранія въ городскіе головы. Думы, живущія исключительно или преимущественно городскимъ головою, составляютъ у насъ далеко не общее правило, и меньше всего, кромѣ короткихъ промежутковъ времени, могли быть до сихъ поръ отнесены къ этому разряду именно столичныя думы. Не касаясь живыхъ, назовемъ хотя бы Н. И. Погребова, столько лѣтъ сряду занимавшаго первое мѣсто въ петербургской думѣ. Это былъ человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, хорошій и почтенный—но творчествомъ, иниціативой онъ не отличался никогда, и только немногое изъ сдѣланнаго петербургскимъ городскимъ самоуправленіемъ можетъ быть пріурочено къ его имени. Предупредить фактическое банкротство столицы, вести столичное управленіе по пробитой дорожкѣ, удовлетворять потребности города на прежнемъ основаніи и въ прежнихъ предѣлахъ съумѣетъ всякая городская управа, и призракъ безначалія или безхозяйнаго,—если можно такъ выразиться,—положенія рѣшительно никого не испугаетъ. Наконецъ, городовое положеніе вовсе не считаетъ необходимымъ, чтобы у города въ каждую данную минуту былъ городской голова. Если голова совершенно оставитъ должность въ продолженіе послѣдняго года своей службы, то новые выборы, по закону, не назначаются, а въ исправленіе должности головы вступаетъ тотъ, кто замѣняетъ его въ случаѣ временного отсутствія его или болѣзни (товарищъ головы, гдѣ онъ есть, или одинъ изъ чле-

новъ управы, заранѣе для того выбранный Думой). Такое положеніе дѣлъ можетъ, слѣдовательно, продолжаться цѣлый годъ—а до окончанія нормальнаго срока служенія московскаго городского головы остается, если мы не ошибаемся, лишь немногимъ болѣе года. Всѣхъ могущихъ встрѣтиться случаевъ никакой законъ не предвидитъ; въ Городовомъ Положеніи не говорится о выборахъ не состоявшихся—но изъ молчанія закона нельзя вывести ничего иного, кромѣ необходимости повторять выборы, пока они не приведутъ къ цѣли. *Назначеніе* неизбѣжно бываетъ только тогда, когда замѣщеніе извѣстной должности не терпитъ отлагательства—когда, напримѣръ, не оказывается лицъ, желающихъ баллотироваться въ мировые судьи, или выборъ заявившихъ свою кандидатуру не состоялся ни въ уѣздномъ, ни въ губернскомъ земскомъ собраніи. Населеніе не можетъ остаться безъ правосудія—и судебные уставы, предоставляя правительству, въ указанномъ нами случаѣ, назначеніе мирового судьи, не нарушаютъ началъ, положенныхъ въ основаніе мирового института. Совсѣмъ другое дѣло—назначеніе предсѣдателя думы, помимо избраннаго ею городского головы или его замѣстителя: его можетъ и не быть, но обязанности его непремѣнно кто-нибудь исполняетъ.

Тяжелое впечатлѣніе, произведенное процессомъ г. Перфильева, не изгладилось еще, по всей вѣроятности, изъ памяти читателей; общественное значеніе его, послѣ всего сказаннаго въ ежедневной печати, не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ. Мы коснемся, въ нѣсколькихъ словахъ, только юридической стороны этого дѣла, особенно важной въ виду пересмотра уложенія о наказаніяхъ. Сенатъ приговорилъ Перфильева, совершенно согласно съ закономъ, къ исключенію изъ службы и денежному штрафу. Основаніемъ къ назначенію такого, сравнительно легкаго наказанія послужило то обстоятельство, что растраченныя г. Перфильевымъ деньги были имъ внесены сполна (уже послѣ обнаруженія растраты). Если бы часть растраты, хотя бы и самая незначительная, осталась непополненною, виновному угрожала бы ссылка на житье въ Сибирь, съ потерей всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Чѣмъ объяснить такую громадную разницу не только въ степени, но и въ родѣ наказанія? Когда предметомъ преступленія противъ собственности является имущество частнаго лица, добровольное возвращеніе имущества хозяину служитъ только обстоятельствомъ, уменьшающимъ мѣру наказанія, но не измѣняющимъ его свойство (Улож. о наказ. ст. 1663, 1674); при растратѣ оно можетъ даже и вовсе не вліять на опредѣленіе наказанія, если судомъ не будетъ установлено, что растрата была совершена по легкомыслію (Улож. ст. 1681 и 1682, уст. о наказ. налаг. мир. суд. ст. 177). Только при одновременномъ признаніи двухъ

обстоятельствъ: легкомыслія и добровольнаго обязательства возвратить растраченное, тяжкое наказаніе, угрожающее виновному въ растратѣ частному лицу (ссылка на житье или тюремное заключеніе, для осужденныхъ изъ среды привилегированныхъ сословій соединяемое съ потерей всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ), замѣняется легкимъ (арестомъ до трехъ мѣсяцевъ). А между тѣмъ, растрата имущества, ввѣреннаго по службѣ, представляется, во многихъ случаяхъ, преступленіемъ особенно опаснымъ и серьезнымъ; снисходительное отношеніе къ тому, кто употребилъ во зло свою власть, нарушилъ довѣріе, ему оказанное, преступно воспользовался выгодами своего оффиціальнаго положенія, можетъ быть справедливымъ какъ исключеніе, но отнюдь не какъ общее правило. Кому много дано, отъ того многаго слѣдуетъ и требовать. Въ дѣлѣ г. Перфильева—кромѣ сознанія, которое самъ подсудимый выставлялъ вынужденнымъ — не было ни одного обстоятельства, уменьшающаго вину, и было много обстоятельствъ, ее увеличивающихъ: высокій служебный постъ, полная матеріальная обезпеченность, полное отсутствіе увлеченія, обдуманность въ сокрытіи слѣдовъ растраты, самое назначеніе растраченныхъ денегъ. Не будь подсудимый должностнымъ лицомъ, ему крайне трудно было бы избѣжать потери правъ и ссылки на житье, потому, что присяжные едва ли признали бы его дѣйствовавшимъ легкомысленно. Мы, конечно, не ошибемся, если скажемъ, что источникъ указанной нами аномаліи заключается въ извѣстной поговоркѣ: „казенное добро въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ". До крайности смягчая наказаніе за растрату имущества, ввѣреннаго по службѣ, разъ что растрата пополнена или растраченное возвращено, законъ имѣетъ въ виду побудить виновнаго къ возмѣщенію убытка, понесеннаго казною. Наказаніе уменьшается непропорціонально винѣ, а пропорціонально охраненію казеннаго интереса. Нужно надѣяться, что въ новомъ уголовномъ уложеніи наказаніе за растрату будетъ соразмѣряться только съ дѣйствительною виновностью обвиняемаго, каковъ бы ни былъ предметъ растраты. Добровольное возвращеніе или пополненіе растраченнаго можетъ, безъ сомнѣнія, быть отнесено къ числу обстоятельствъ, уменьшающихъ вину и наказаніе, но съ тѣмъ, чтобы значеніе этого обстоятельства не зависѣло отъ служебнаго или неслужебнаго характера растраты. Въ дѣлахъ о растратѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, суду долженъ быть предоставленъ возможно бо́льшій просторъ; наказаніе должно по возможности соотвѣтствовать данному случаю, а не состоять въ извѣстномъ, заранѣе опредѣленномъ отношеніи къ тѣмъ или другимъ внѣшнимъ условіямъ, совмѣстимымъ съ самыми различными степенями вины. Мы не тре-

буемъ жестокихъ каръ за служебную растрату; мы желали бы только, чтобы она перестала выдѣляться изъ общей группы однородныхъ преступныхъ дѣяній, чтобы должностныя лица, виновныя въ растратѣ, не пользовались привилегіей передъ частными лицами, виновными въ томъ же преступленіи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.—Контора журнала Вѣстника Европы, 29 сентября 1883 года, получила отъ В. М. *Волкова* изъ Нижняго Новгорода шесть рублей, собранные имъ отъ: И. Б. Яффе—1 р.; Н. А. Ковакова 1 р.; А. В. Васильева 1 р.; В. М. Волкова 1 р. 50; А. И. Булатова 50 к.; И. И. Андреева 1 р.—на памятникъ И. С. Тургеневу; упомянутыя деньги внесены въ Комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СТРАННАЯ ИСТОРІЯ

Is fecit, cui prodest.

Окончаніе.

XIX *).

Вечеромъ того же дня я заболѣлъ сильнѣйшею горячкою и пролежалъ безъ памяти цѣлыхъ десять дней. Просперъ Ландэ не отходилъ отъ меня во все это время и обрадовался какъ ребенокъ, когда я въ первый разъ очнулся. Мой добрый наставникъ, очевидно, догадывавшійся о причинахъ моей болѣзни, тщательно избѣгалъ говорить со мной о чемъ бы то ни было, напоминавшемъ недавнее прошлое. Когда я, тоже умалчивая объ этомъ прошломъ, спрашивалъ его, чтó дѣлается въ конвентѣ и въ клубѣ якобинцевъ, онъ отвѣчалъ, что до полнаго моего выздоровленія докторъ запретилъ мнѣ заниматься подобными вещами. На мою просьбу дать мнѣ газеты за послѣдніе дни, Ландэ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что если я желаю читать, то вся его библіотека къ моимъ услугамъ.

По мѣрѣ того, какъ исчезала опасность рецидива горячки, Ландэ сталъ все чаще и чаще оставлять меня однимъ, отправляясь на засѣданія конвента, въ которыя онъ и не заглядывалъ въ первыя недѣли моей болѣзни. Скоро я сталъ замѣчать, что онъ возвращается съ засѣданій задумчивый и чѣмъ-то сильно озабоченный.

Въ долгіе часы одиночества, сопровождавшіе мое, медленно подвигавшееся, выздоровленіе, я постоянно думалъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Трагическая смерть Сесили Рено не выходила изъ моей головы. Меня нѣсколько удивляло, что эта смерть

*) См. выше: ноябрь, стр. 5.

не вызывала во мнѣ той острой скорби о неисправимой и невознаградимой потерѣ, которую, казалось, должна была возбуждать безвременная гибель любимаго предмета. Я не тосковалъ и не томился безплодными сожалѣніями. Въ измученной душѣ моей жило только одно чувство — страстная жажда мести тѣмъ, кто были виновниками смерти Сесили. Но на кого именно должна пасть отвѣтственность за молодое, безвременно загубленное существованіе? Отвѣтъ на этотъ, неотвязно преслѣдовавшій меня вопросъ, сложился окончательно не сразу въ моей ослабѣвшей головѣ. Сначала я мысленно проклиналъ тѣхъ, которые вовлекли Сесиль въ ея безумный замыселъ подражанія Шарлоттѣ Кордэ, но вскорѣ мнѣ вспомнилось, что всѣ виновники ея пагубнаго увлеченія уже искупили свой грѣхъ трагическою смертью на эшафотѣ. Оставался только одинъ, косвенный и, повидимому, не отвѣтственный виновникъ событія, самъ Робеспьеръ. Я припоминалъ слова Сенъ-Жюста, намекнувшаго мнѣ на возможность пощады и даже оправданія Сесили Рено, и спрашивалъ себя, почему Робеспьеръ не сдѣлалъ ничего, чтобы спасти несчастную дѣвушку? Мнѣ казалось, что онъ могъ настоять на пощадѣ, еслибъ захотѣлъ. Продолжая думать все объ одномъ и томъ же, я началъ проникаться страшною болѣзненною ненавистью къ знаменитому трибуну и рѣшилъ, что если факты оправдаютъ мои подозрѣнія, я жестоко отмщу ему за смерть Сесили.

Въ послѣднихъ числахъ мессидора, т.-е. въ половинѣ іюля, здоровье мое поправилось настолько, что докторъ позволилъ мнѣ встать съ постели и выходить въ другія комнаты. На другой же день я воспользовался этимъ позволеніемъ, чтобы явиться утромъ въ кабинетъ Проспера Ландэ, за два часа до того времени, когда онъ долженъ былъ отправиться въ конвентъ. Мой добрый наставникъ и другъ радостно привѣтствовалъ мое появленіе, но замѣтно смутился, когда я сказалъ ему, что пришло время объяснить мнѣ многое, случившееся съ того дня, когда я заболѣлъ.

— Ты еще слишкомъ слабъ, дорогой Эженъ, для подобнаго разговора. Отложимъ его до болѣе благопріятнаго времени, — сказалъ онъ, глядя въ сторону и нервно перебирая бумаги на своемъ столѣ.

— Извините мою настойчивость, добрый другъ мой,—возразилъ я,—но я долженъ объявить вамъ, что не уйду отсюда безъ тѣхъ объясненій, за которыми пришелъ. Дальнѣйшая неизвѣстность для меня положительно невыносима. Постоянно думая объ одномъ и томъ же, я по временамъ сильно опасаюсь за свой

разсудокъ. Если вы меня дѣйствительно любите, то не откажитесь отвѣчать на мои вопросы, помня, что я являюсь къ вамъ, какъ къ единственному человѣку, на котораго могу положиться.

Ландэ посмотрѣлъ пристально мнѣ въ глаза и, должно быть, прочелъ въ нихъ такую непоколебимую рѣшимость, что сказалъ, вздыхая и понуривъ голову:

— Нечего дѣлать! Спрашивай.

— Прежде всего, скажите мнѣ искренно, безъ всякихъ оговорокъ и недомолвокъ, ваше мнѣніе объ ужасномъ и безсмысленномъ процессѣ, жертвою котораго пала извѣстная вамъ злополучная дѣвушка,—медленно проговорилъ я, стараясь казаться сколько можно болѣе спокойнымъ.

— Увы! мой другъ,—отвѣчалъ мой наставникъ, не поднимая головы,—первый же твой вопросъ, какъ я и предвидѣлъ, ставитъ меня въ жестокое затрудненіе. Я самъ еще не могу выяснить себѣ хорошенько, на кого должна пасть отвѣтственность за это, безполезно-жестокое дѣло. Что злополучный процессъ, уже получившій въ публикѣ названіе «дѣла красныхъ рубашекъ», могъ только принести вредъ Робеспьеру, какъ бы подтверждая все болѣе и болѣе распространяющіеся слухи о его кровожадности, —это для меня кажется совершенно неоспоримымъ. Пощадивъ Сесиль Рено, нашъ революціонный трибуналъ сразу бы опровергъ, уже сильно укоренившееся мнѣніе, что онъ существуетъ только для того, чтобы облегчать Робеспьеру и его друзьямъ борьбу съ ихъ политическими соперниками. Никогда еще оправдательный приговоръ не былъ бы такъ кстати, какъ въ этомъ случаѣ. Если покойная Сесиль Рено и имѣла какіе-нибудь замыслы на жизнь Робеспьера, то она, очевидно, не была приготовлена надлежащимъ образомъ къ ихъ исполненію въ то время, когда ее арестовали. Всѣ другіе ея предполагаемые сообщники, за исключеніемъ, можетъ быть, одного Ламираля, были, очевидно, неповинны въ этихъ замыслахъ. Вздорное дѣло, неизвѣстно съ какою цѣлью раздутое въ серьезный и опасный для республики заговоръ, слѣдовало замять съ самаго начала. Таково мое искреннее и твердое убѣжденіе.

— Кто же, по вашему, виноватъ, что его не замяли? Вѣдь одного слова Робеспьера было достаточно для того, чтобы слѣдствіе не начиналось? Всѣ громко говорятъ, что Фукье-Тэнвилль —покорное и слѣпое орудіе его воли.

— Говорятъ тѣ, кто не знаетъ дѣло близко. Что Фукье-Тэнвилль пресмыкается до гнусности передъ Максимиліаномъ—это правда; что онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ

толкуетъ о своей безграничной преданности Робеспьеру — это знаютъ всѣ, но между нами, искренними и нелицепріятными друзьями великаго гражданина, ты найдешь не мало такихъ, которые убѣждены, что Фукье-Тэнвилль кривитъ душою и преслѣдуетъ какія-то мрачныя цѣли. Эти два человѣка составляютъ такой нравственный контрастъ и Робеспьеръ до того сильно презираетъ людей, подобныхъ нынѣшнему публичному обвинителю, что Фукье не можетъ не ненавидѣть его въ душѣ. Процессъ Сесили Рено былъ поведенъ въ извѣстномъ направленіи съ цѣлью повредить Робеспьеру и парализировать впечатлѣніе его рѣчей на праздникѣ 20-го преріаля. Я смѣло утверждаю это. Вспомни другую исторію, поднятую почти тотчасъ послѣ праздника Верховнаго Существа. Если полоумная Катерина Тео и ея пріятель, бывшій доминиканецъ Гэрль, тоже попали въ заговорщики, то единственно потому, что эти юродивые восхваляли до небесъ Максимиліана на своихъ сборищахъ.

— Все это, можетъ быть, и такъ, — нетерпѣливо возразилъ я,—но мнѣ хотѣлось бы знать, убѣждены ли вы, что Робеспьеръ не въ состояніи былъ заставить Фукье-Тэнвилля отказаться отъ обвиненія Сесили Рено?

Ландэ подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Отвѣчать совершенно утвердительно на этотъ вопросъ я не рѣшусь. Вліяніе Максимиліана, несмотря на всѣ подкопы его враговъ, еще такъ велико, что, пожалуй, его прямое, открытое вмѣшательство и могло бы спасти несчастную дѣвушку; но ты вѣдь знаешь, до какой степени онъ избѣгаетъ подобнаго вмѣшательства, до какой степени считаетъ онъ правосудіе дѣломъ неприкосновеннымъ и священнымъ.

— Но развѣ это правосудіе? Развѣ такой человѣкъ, какъ Фукье-Тэнвилль, можетъ быть достойнымъ служителемъ неподкупной Ѳемиды?

— Въ этомъ-то и несчастіе Робеспьера, что онъ, столь беспощадный вообще къ подобнымъ негодяямъ, не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ ихъ дѣйствія до тѣхъ поръ, пока ему не удалось низвергнуть ихъ съ занимаемаго ими оффиціальнаго поста. Въ дѣлѣ Сесили Рено у Максимиліана, ужъ если ты хочешь знать, были и другія побудительныя причины держаться въ сторонѣ.

— Въ чемъ же состояли эти причины?

Ландэ грустно улыбнулся и какъ-то нехотя проговорилъ:

— Элеонора Дюплэ очень ревнива и кто-то вбилъ ей въ голову, что Сесиль хотѣла отомстить Максимиліану за то, что онъ обольстилъ ее и бросилъ.

— И онъ не поколебался послать на эшафотъ несчастную дѣвушку, чтобы разсѣять вздорныя подозрѣнія своей невѣсты?

— Я не утверждаю этого, — уклончиво отвѣчалъ Ландэ. — Прошу тебя только не забывать, что Максимиліанъ страстно любитъ старшую дочь Мориса Дюплэ и что въ частной жизни онъ совершенно подчиняется ея волѣ.

Мнѣ и теперь страшно вспомнить тотъ приливъ глухой, но бѣшеной злобы, который защемилъ мнѣ грудь при этихъ наивно-откровенныхъ словахъ Проспера Ландэ. Мой почтенный наставникъ, самъ того не подозрѣвая, подписалъ смертный приговоръ своего лучшаго друга, стараясь оправдать его въ моихъ глазахъ. Я возненавидѣлъ Робеспьера тою всепоглощающею и слѣпою ненавистью, которая совершенно заставляетъ молчать разсудокъ и чувство справедливости и утоляется только одною жестокою местью!

Необходимо было, однако же, притвориться спокойнымъ или, вѣрнѣе, успокоившимся. Я чувствовалъ на себѣ пристальный, тревожно-испытующій взглядъ Проспера Ландэ и понималъ, что если я не уничтожу возникающія въ его сердцѣ опасенія, то сдѣлаюсь отнынѣ предметомъ его пристальнаго и крайне стѣснительнаго для меня присмотра. Страшнымъ усиліемъ воли я придалъ своему лицу грустно-покорное выраженіе и сказалъ, вздыхая:

— Итакъ, во всемъ случившемся виновато одно роковое стеченіе обстоятельствъ! Мнѣ, видно, остается преклонить голову передъ неисповѣдимою волею судьбы.

Ландэ помолчалъ минуты двѣ, о чемъ-то думая, и потомъ, вставъ съ своего кресла, обнялъ меня, и крѣпко прижимая къ груди, сказалъ:

— Эженъ, дитя мое! Уѣзжай изъ Франціи, бѣги изъ этого ада! Совѣсть жестоко упрекаетъ твоего стараго наставника въ томъ, что онъ, по слабости характера и изъ любви къ свободѣ, допустилъ тебя окунуться въ тотъ страшный омутъ, въ которомъ безпомощно задыхается вся Франція.

— Все, что хотите, кромѣ этого, мой добрый другъ, — возразилъ я, отвѣчая на его ласку. — Жребій мой брошенъ. Смерть Сесили уничтожила послѣднюю причину, которая могла побудить меня къ возвращенію въ мое отечество. Я буду жить и умру тамъ, гдѣ погибла дѣвушка, которую я любилъ больше моей жизни.

Ландэ грустно опустилъ голову и не отвѣтилъ ни слова...

Съ этого дня я весь отдался одной мысли — отмстить Робеспьеру за смерть Сесили Рено. Твердо рѣшившись достигнуть

предположенной цѣли, я не торопился ея осуществленіемъ, говоря себѣ, что къ подобнымъ предпріятіямъ слѣдуетъ готовиться исподволь, обдумывая всѣ шансы успѣха, выжидая наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Ожесточеніе, мною овладѣвшее, было такъ велико, что мнѣ уже казалось недостаточнымъ простое лишеніе жизни человѣка, лишившаго меня предмета моей любви. Убить Робеспьера при той обстановкѣ, при которой были убиты Мишель Лепельтье и Маратъ, я находилъ слишкомъ легкимъ и недостаточнымъ возмездіемъ. Въ больномъ мозгу моемъ рисовались иныя, болѣе грандіозныя картины. Я мечталъ совершить задуманное мною дѣло всенародно, въ одну изъ минутъ полнаго торжества Робеспьера, въ засѣданіи конвента или на какомъ-нибудь изъ республиканскихъ праздниковъ, гдѣ онъ явится, снова окруженный ореоломъ неотразимаго вліянія на народныя массы. Для достиженія этой цѣли мнѣ необходимо было пристальнѣе, чѣмъ когда-либо слѣдить за событіями и снова зажить тою лихорадочною жизнью, которою жилъ тогда весь Парижъ.

Къ концу мессидора, я почувствовалъ себя достаточно крѣпкимъ и сильнымъ для того, чтобы снова сдѣлаться прилежнымъ посѣтителемъ засѣданій конвента и клуба якобинцевъ, являясь на эти засѣданія и вообще выходя изъ дому не иначе какъ съ моими заряженными пистолетами въ карманѣ и съ кошелькомъ полнымъ золота, «на всякій непредвидѣнный случай». Съ первыхъ же моихъ посѣщеній конвента и клуба я безъ труда замѣтилъ, что въ общественномъ мнѣніи произошелъ крупный переворотъ за время моей болѣзни. Прежняя громадная популярность Робеспьера значительно ослабѣла. Толки о томъ, что грозный трибунъ — главный виновникъ всѣхъ ужасовъ, совершаемыхъ комитетомъ общественной безопасности, ходили повсюду и усердно поддерживались такими завѣдомыми террористами какъ Фушэ, Бурдонъ де-Луазъ, Вадье, Талльянъ, Карръе, Бильйо Вареннъ и пр. Друзья Максимиліана, правда, доказывали, что на него не можетъ падать отвѣтственность за кровавыя дѣла комитета, потому что уже третью декаду онъ не принимаетъ никакого участія въ ея занятіяхъ, хотя и присутствуетъ на засѣданіяхъ. Отвѣтомъ на эти доводы было, что Робеспьеръ нарочно устраняется фактически отъ дѣлъ, чтобы сложить всю отвѣтственность на своихъ товарищей по комитету, которые не смѣютъ ослушиваться его внушеній и «загребаютъ для него жаръ своими руками». Это говорилось въ корридорахъ и въ публичныхъ трибунахъ конвента, а на его ораторской каѳедрѣ все чаще и чаще, все смѣлѣе и смѣлѣе раздавались намеки,

что народные представители «не свободны» и дѣйствуютъ подъ гнётомъ страха за свою собственную безопасность!..

Въ клубѣ якобинцевъ, все еще по прежнему преданномъ почти всецѣло Робеспьеру, раздавались иныя, не менѣе тревожныя рѣчи. Ораторы одинъ за другимъ предостерегали своихъ товарищей насчетъ заговоровъ противъ свободы и «ея самаго могучаго защитника». Робеспьеръ, почти каждый вечеръ появлявшійся въ клубѣ, не только не противорѣчилъ, но еще подливалъ масла въ огонь, доказывая на всѣ лады, что республика не будетъ обезпечена и упрочена до тѣхъ поръ, пока конвентъ «не удалитъ изъ своей среды нѣсколькихъ позорящихъ его мерзавцевъ». Именъ онъ не называлъ, но всѣ знали на кого онъ мѣтитъ, а тѣ, кого онъ обрекалъ такимъ образомъ на погибель, въ свою очередь распускали слухи, что Робеспьеръ и его друзья замышляютъ погубить всѣхъ членовъ конвента, осмѣливавшихся порою съ ними разногласить.

Эта обширная интрига, смыслъ которой становился для меня все болѣе и болѣе яснымъ, сильно смущала меня, разстроивая мои собственные планы. Она могла легко кончиться политическимъ паденіемъ Робеспьера,—я же мечталъ о томъ, чтобы совершить мою месть въ моментъ его полнаго, окончательнаго торжества. Чтобы хоть нѣсколько примирить возникавшее противорѣчіе, я пробовалъ увѣрить себя, что вожаки интриги правы, упрекая Робеспьера въ замыслахъ противъ свободы страны, но воспитаннику Проспера Ландэ, выросшему въ той средѣ, гдѣ съ ужасомъ и отвращеніемъ клеймили подвиги бывшихъ проконсуловъ и считали ихъ главнымъ препятствіемъ къ упроченію республики, не легко было искренно сдѣлаться единомышленникомъ такихъ проходимцевъ революціи какъ Фушэ, Талльянъ и Барреръ! Были минуты, когда я забывалъ о своей личной ненависти, негодуя на гнусныя средства, пускаемыя въ ходъ этими негодяями и ихъ многочисленными сообщниками. Въ такія минуты меня успокоивала надежда, что Робеспьеръ выйдетъ побѣдителемъ изъ начатой противъ него борьбы и что именно въ то время, когда онъ будетъ торжествовать свою побѣду, наступитъ желанный часъ моего мщенія за злополучную Сесиль Рено.

Засѣданія клуба якобинцевъ, происходившія 1-го и 2-го термидора (19-го и 20-го іюля) были непривычно тревожны. Сторонники Робеспьера сообщали шопотомъ другъ другу о разногласіяхъ, возникшихъ между членами комитета общественной безопасности и о подозрѣніяхъ, которыя съумѣли внушить Карно и Камбону руководители интриги, направленной противъ Робеспьера.

Просперъ Ландэ, становившійся все задумчивѣе и задумчивѣе, особенно подробно разспрашивалъ меня о томъ, что̀ говорилось въ этихъ засѣданіяхъ, и не скрывалъ своихъ опасеній. Онъ особенно боялся послѣдствій тѣхъ безъименныхъ угрозъ, на которыя сталъ въ это время необыкновенно щедръ Робеспьеръ какъ въ конвентѣ, такъ и въ клубѣ якобинцевъ, безпрестанно толкуя о необходимости «очистить народное представительство отъ немногихъ позорящихъ его негодяевъ», но упорно отказываясь указать яснѣе, про кого именно онъ говоритъ.

— Максимиліанъ страшно вредитъ себѣ этими недомолвками,—говорилъ мнѣ мой наставникъ.—Если бы конвентъ и комитетъ общественной безопасности знали навѣрное, что онъ имѣетъ въ виду только такихъ негодяевъ какъ Фушэ, Каррье, Талльянъ, Леонаръ Бурдонъ и имъ подобные, то, конечно, никому бы и въ голову не приходило видѣть въ его угрозахъ опасности для себя лично. Теперь же эти гнусные интриганы, очень хорошо понимая, что дѣло идетъ только о нихъ, стараются увѣрить такихъ людей какъ Камбонъ и Карно, что Робеспьеръ рѣшилъ ихъ погибель! Съ каждымъ днемъ увеличивается число его враговъ. Я уже вижу нѣкоторые признаки тайнаго союза террористовъ съ умѣренными. Всѣ наши усилія заставить Максимиліана отказаться отъ пагубной системы безъименнаго запугиванья, остаются безплодными. Онъ упорно повторяетъ, что не пришло еще время сорвать маски съ негодяевъ и что онъ рѣшится на это не ранѣе какъ для него станетъ окончательно ясно, что конвентъ не хочетъ понимать его намековъ...

7-го термидора (25-го іюля) въ засѣданіи клуба якобинцевъ членъ этого клуба Ташро̀ сообщилъ, что Робеспьеръ рѣшился выступить на слѣдующій день на трибуну конвента съ рѣшительнымъ разоблаченіемъ интриги, противъ него направленной. На предостереженіе Ташро, остерегаться послѣдствій клеветы его враговъ, знаменитый ораторъ отвѣчалъ:

— Будь что будетъ! Я исполню мою обязанность. Нынѣшнее положеніе дѣлъ для меня невыносимо. Сердце мое надрывается при мысли объ опасностяхъ, которыя грозятъ республикѣ въ самый разгаръ побѣдъ, одерживаемыхъ ею надъ нашими иноземными врагами. Или я погибну самъ, или освобожу страну отъ негодяевъ и измѣнниковъ, замышляющихъ ея погибель!

На разспросы окружающихъ, что̀ побудило Робеспьера на такой рѣшительный шагъ, Ташро сообщилъ съ таинственнымъ видомъ, что въ комитетѣ общественной безопасности произошелъ

окончательный разрывъ Карно и Камбона съ Робеспьеромъ, Кутономъ и Сенъ-Жюстомъ.

— Alea jacta est!—прибавилъ онъ.—Что бы ни случилось, друзья великаго гражданина останутся вѣрны ему. На нашей сторонѣ національная гвардія Анріо, огромное большинство парижскихъ секцій и парижская коммуна съ мэромъ Флёріо Леско во главѣ.

Я былъ въ числѣ слушателей разсказа Ташро и чрезвычайно обрадовался его послѣднимъ словамъ. Побѣда Робеспьера надъ его врагами казалась мнѣ несомнѣнною. Что-нибудь одно, или ему удастся убѣдить конвентъ пожертвовать тѣми членами, которые стали во главѣ заговора противъ него, или повторится событіе 31-го мая 1793 года, т.-е. нравственное насиліе надъ конвентомъ парижской коммуны и народныхъ массъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Робеспьеръ явится верховнымъ, полновластнымъ распорядителемъ судебъ республики и, слѣдовательно, наступитъ желанный часъ для моего мщенія за Сесиль Рено!...

XX.

На другой день я позаботился забраться какъ можно ранѣе въ посѣщаемую мною постоянно публичную трибуну конвента для того, чтобы добыть себѣ мѣсто въ первомъ ряду и имѣть возможность слышать каждое слово Робеспьера, а въ то же время слѣдить за впечатлѣніемъ его рѣчи на всѣ фракціи собранія. Предосторожность моя оказалась вполнѣ умѣстною. Минутъ черезъ десять послѣ того какъ я вошелъ въ трибуну, она стала быстро наполняться и, за цѣлый часъ до начала засѣданія, всѣ мѣста, отведенныя для публики, были до такой степени переполнены, что нѣкоторые начинали выражать серьезное опасеніе какъ бы не обвалился помостъ верхнихъ галерей, назначенныхъ для постороннихъ слушателей.

Члены конвента стали собираться въ залу засѣданій тоже гораздо ранѣе назначеннаго времени. Когда очередной президентъ, Колло д'Эрбуа, давно уже вылечившійся отъ ничтожной раны, нанесенной ему Ламиралемъ, занялъ свое кресло, всѣ скамьи представителей были полны и въ залѣ господствовало невыразимое, хотя еще сдерживаемое, волненіе.

Робеспьеръ уже съ четверть часа какъ занималъ свое мѣсто на одной изъ среднихъ скамей такъ-называемой «Горы». Онъ казался совершенно спокоенъ и, по своему неизмѣнному обыкновенію, былъ одѣтъ съ изысканнымъ щегольствомъ. Въ петлицѣ

его фрака красовалась большая пунцовая роза, другую такую же розу онъ держалъ въ рукѣ, безпрестанно нюхая ее, или пощипывая тонкими, блѣдными губами ея пурпурные лепестки.

Начало засѣданія, посвященное чтенію нѣсколькихъ неинтересныхъ докладовъ, прошло посреди всеобщаго невниманія и почти громкихъ, постороннихъ разговоровъ въ залѣ и въ публичныхъ трибунахъ. За то, когда президентъ Колло д'Эрбуа произнесъ съ оттѣнкомъ тревоги въ голосѣ: «Слово принадлежитъ гражданину Робеспьеру» — мгновенно водворилось мертвое молчаніе.

Робеспьеръ медленно всталъ съ своего мѣста, собралъ лежавшіе передъ нимъ листки конспекта рѣчи, которую онъ собирался произнести, и пошелъ, не торопясь, къ трибунѣ. Мнѣ сдавалось, что онъ дѣлаетъ усиліе надъ собою, чтобы казаться совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ.

Когда характерная фигура знаменитаго оратора появилась на трибунѣ, въ залѣ произошло всеобщее движеніе. Всѣ взоры устремились на Робеспьера...

Онъ положилъ передъ собою свои бумаги, понюхалъ бывшую у него въ рукахъ розу и, похлопывая ею о мраморную доску трибуны, прищурясь, посмотрѣлъ, сначала на членовъ конвента, потомъ на галереи, наполненныя публикой. Вслѣдъ затѣмъ, какъ-то неожиданно для слушателей, раздались первыя слова знаменитой рѣчи, рѣшившей его участь и участь республики.

— Предоставляю другимъ льстить вашему самолюбію! Я явился сюда для того, чтобы говорить полезныя истины. Я не буду пугать васъ вымышленными ужасами, но постараюсь, если только это еще возможно, загасить факелы раздора одною силою правды. Я разоблачу передъ вами злоупотребленія, ведущія отечество къ погибели. Ваше безкорыстіе съумѣетъ положить имъ конецъ. Я буду защищать передъ вами вашу поруганную власть и нарушенную свободу. Если я позволю себѣ упомянуть о преслѣдованіяхъ, направленныхъ противъ меня лично, вы, конечно, не поставите мнѣ этого въ вину, потому что между вами и тиранами, противъ которыхъ вы боретесь, нѣтъ ничего общаго. Вопли оскорбляемой невинности не могутъ быть чужды вашему слуху и вы хорошо знаете, что дѣло это — вамъ не чужое.

Таково было вступленіе рѣчи Робеспьера. Въ текстѣ, напечатанномъ впослѣдствіи побѣдителями 9-го термидора, она появилась съ пропусками и въ искаженномъ видѣ. Приводимыя

мною фразы я заимствую изъ копія съ собственноручной рукописи оратора, сдѣланной для меня г-жою Лебá, младшей дочерью Мориса Дюплэ, съ которой я былъ въ перепискѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Когда ораторъ окончилъ свое вступленіе и остановился на секунду, какъ бы собираясь съ силами, въ группѣ террористовъ произошло нѣкоторое движеніе. Талльянъ, сильно поблѣднѣвшій, наклонился къ Фушэ и сталъ шептать ему что-то на ухо.

Тотъ нетерпѣливо двинулъ плечами и, нахмуривъ свои густые брови, уставился глазами на Робеспьера.

Ораторъ сталъ выхвалять французскую революцію, говоря, что она стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ революцій, ей предшествовавшихъ, тѣмъ, что совершено ею во имя непререкаемыхъ правъ человѣка и принциповъ высшаго правосудія. Но именно поэтому ея побѣды и вызываютъ безчисленные заговоры враговъ правды и справедливости. Для того, чтобы восторжествовать окончательно въ глазахъ всего образованнаго міра, республика должна быть вполнѣ безупречною. Негодяямъ и мошенникамъ въ ней не должно быть мѣста. Робеспьеръ напомнилъ, что онъ повторялъ это безчисленное множество разъ въ конвентѣ и тѣмъ вызвалъ противъ себя вражду всѣхъ людей съ нечистою совѣстію.

За этимъ слѣдовало обширное и чрезмѣрно многословное опроверженіе клеветъ, которыя распространяли объ ораторѣ его недоброжелатели.

Нѣсколько разъ въ этой части рѣчи Робеспьера встрѣчались періоды, заставлявшіе ожидать, что онъ назоветъ клеветниковъ и укажетъ конвенту на членовъ, «позорящихъ своимъ присутствіемъ собраніе», но ожиданія эти не исполнялись. Ораторъ все продолжалъ толковать о чистотѣ своихъ намѣреній, о несообразности обвиненій, на него взводимыхъ. Собраніе слушало его внимательно, но замѣтно было, что оно ожидало не этихъ общихъ фразъ отъ знаменитаго трибуна. Друзья Робеспьера видимо были недовольны, враги его все болѣе и болѣе успокоивались.

Самъ ораторъ замѣтилъ, наконецъ, что слова его не производили желаемаго дѣйствія на слушателей и довольно неожиданно, но съ рѣдкимъ знаніемъ той публики, съ которою ему приходилось имѣть дѣло, сталъ доказывать необходимость помирить Европу съ французской республикой «не одними только военными подвигами, но мудростію республиканскихъ законовъ и нравственнымъ величіемъ народнаго представительства». Въ

этой части его рѣчи у меня особенно сохранилась въ памяти фраза, оказавшаяся впослѣдствіи настоящимъ пророчествомъ.

«Побѣжденныя, но не уничтоженныя иноземныя арміи, — воскликнулъ Робеспьеръ,—отступаютъ, предоставляя внутреннимъ раздорамъ совершить неудавшееся имъ дѣло. Ихъ агенты кишатъ между вами, а вы даже и не замѣчаете этого. Если вы не остережетесь, *то управленіе страною попадетъ въ руки какого-нибудь военнаго деспота, который низвергнетъ потерявшее свой авторитетъ народное представительство!*»

Далѣе Робеспьеръ сталъ доказывать, что управленіе арміями республики и финансами страны далеко неудовлетворительно. Упреки эти падали прямо на Карно и Камбона, къ великой радости террористовъ, давно уже старавшихся увѣрить двухъ названныхъ членовъ комитета общественной безопасности, что Робеспьеръ хочетъ ихъ погибели.

Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ придетъ ораторъ. Казалось немыслимымъ послѣ всего имъ сказаннаго, чтобы онъ не назвалъ поименно народныхъ представителей, которыхъ онъ упрекалъ въ измѣнѣ республикѣ; но Робеспьеръ не сдѣлалъ ничего подобнаго, а потребовалъ только «очищенія» комитета общественной безопасности, умалчивая, чтó именно подразумѣваетъ онъ подъ этимъ грозно-неопредѣленнымъ словомъ. Въ то время, когда огромное большинство конвента, потрясенное, такъ-сказать, чисто-физически, пламеннымъ краснорѣчіемъ оратора, бѣшено рукоплескало ему, я замѣтилъ, что члены комитета общественной безопасности, не принадлежавшіе къ партіи Робеспьера, значительно переглядывались между собою. Карно, сидѣвшій какъ разъ передъ Баррероть, перегнулся назадъ и что-то сказалъ этому послѣднему. Барреръ тотчасъ же всталъ съ своего мѣста и сталъ пробираться къ скамьѣ, на которой помѣщались Фушэ, Каррье, Леонардъ Бурдонъ и прочіе террористы.

Одинъ изъ этихъ террористовъ, Лекуантръ, всталъ и съ своего мѣста потребовалъ напечатанія рѣчи Робеспьера и разсылки ея во всѣ провинціи, чтó, какъ извѣстно, было въ то время равносильнымъ полному одобренію конвентомъ сказаннаго ораторомъ, удостоивавшимся подобной чести. Робеспьеръ, уже вернувшійся на свое мѣсто, подозрительно взглянулъ на Лекуантра и что-то шепнулъ сидѣвшему подлѣ него Сенъ-Жюсту, который утвердительно кивнулъ головою и показалъ глазами на поднимавшагося въ это время на трибуну другого террориста, Леонарда Бурдона.

Леонардъ Бурдонъ объявилъ, что онъ не согласенъ съ пред-

ложеніемъ Лекуантра, и потребовалъ, чтобы рѣчь Робеспьера, прежде ея напечатанія, была отдана на просмотръ комитета общественной безопасности. Выражаясь крайне сдержанно и осторожно, Бурдонъ намекнулъ, что въ словахъ Робеспьера, «рядомъ съ несомнѣнными истинами, могутъ быть и прискорбныя ошибки». Начались оживленныя пренія. Барреръ и Кутонъ высказались за напечатаніе рѣчи, старикъ Вадье, одинъ изъ самыхъ безпощадныхъ и закоренѣлыхъ террористовъ, сталъ опровергать упреки, сдѣланные Робеспьеромъ комитету политической полиціи (sûreté générale).

Рѣчь Вадье какъ бы послужила сигналомъ къ цѣлому потоку опроверженій на сказанное знаменитымъ ораторомъ. Камбонъ сталъ защищать свои финансовыя мѣры, Бильйо Вареннъ, поощренный рукоплесканіями, сопровождавшими рѣчь Комбона, сталъ упрекать Робеспьера въ томъ, что онъ нападаетъ на комитетъ общественной безопасности. Два отчаянные «маратиста», Бентаболь и Шарлье, требовали передачи рѣчи Робеспьера на обсужденіе комитета.

Блѣдный, взволнованный, авторъ этой рѣчи, потерявъ свое обычное хладнокровіе, сыпалъ рѣзкими возраженіями враждебнымъ ему ораторамъ. Сенъ-Жюстъ и Кутонъ употребляли всѣ усилія, чтобы успокоить его, но усилія эти оставались напрасны. Въ пылу спора, Робеспьеръ проронилъ роковую фразу, рѣшившую его участь. Позабывъ, что еще за нѣсколько минутъ назадъ онъ энергически протестовалъ противъ обвиненій Вадье, говоря, что онъ и не думалъ обвинять *весь* комитетъ общественной безопасности, а указываетъ только на «промахи» нѣкоторыхъ его членовъ, онъ воскликнулъ:

— Какъ? У меня хватаетъ мужества говорить конвенту правду, а рѣчь мою хотятъ отдать на просмотръ тѣмъ самымъ членамъ, *которыхъ я обвиняю!*

Съ этой минуты все было кончено! Послѣ непродолжительныхъ, хотя и бурныхъ преній, большинствомъ голосовъ было рѣшено передать рѣчь Робеспьера въ комитетъ общественной безопасности. Лица враговъ великаго оратора просвѣтлѣли. Они почувствовали, что, благодаря ихъ ловкимъ интригамъ, вліяніе Робеспьера въ конвентѣ поколеблено...

Я не сразу сообразилъ все значеніе происшедшаго. Истинный смыслъ неудачи, испытанной Робеспьеромъ, объяснилъ мнѣ Проспeръ Ландэ, когда мы вернулись домой. По словамъ моего наставника, дѣло ихъ партіи было почти окончательно проиграно по милости непонятнаго упорства вождя этой партіи не назы-

вать поименно тѣхъ членовъ конвента, противъ которыхъ онъ приводилъ самыя тяжкія обвиненія.

— Вступаться за такихъ негодяевъ, какъ Фушэ, Каррье и Талльянъ, не рѣшился бы никто изъ честныхъ членовъ конвента, —говорилъ Ландэ:—теперь же эти проходимцы и ихъ друзья будутъ болѣе чѣмъ когда-нибудь увѣрять всѣхъ робкихъ или несовсѣмъ безупречныхъ народныхъ представителей, что Робеспьеръ готовитъ имъ ту же участь, которая постигла жирондистовъ, сторонниковъ Эбера и друзей Дантона. Я предчувствую, что сегодняшній вечеръ весь пойдетъ на пропаганду этой идеи. Завтрашній день почти навѣрное окажется днемъ рѣшительнаго сраженія.

По просьбѣ Ландэ я отправился вечеромъ въ клубъ якобинцевъ. Мой наставникъ сильно опасался, что Робеспьеръ, раздраженный своею неудачею въ конвентѣ, прибѣгнетъ къ средству, уже нѣсколько разъ употреблявшемуся имъ съ успѣхомъ, и станетъ «апеллировать» передъ грознымъ клубомъ на рѣшеніе народныхъ представителей. Ландэ говорилъ, что подобная апелляція только раздражитъ конвентъ и усилитъ шансы враговъ Робеспьера.

Предчувствія его сбылись. Въ непривычно многолюдномъ собраніи клуба якобинцевъ Робеспьеръ прочелъ, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ почти всѣхъ членовъ клуба, рѣчь, произнесенную имъ въ конвентѣ, и, кончивъ чтеніе, сказалъ:

— То, что́ вы сейчасъ слышали—мое предсмертное завѣщаніе. Я убѣдился сегодня, что союзъ негодяевъ такъ силенъ, что мнѣ не совладать съ нимъ. Я погибну безъ сожалѣнія. Завѣщаю вамъ воспоминаніе о себѣ. Вы съумѣете защитить мою память.

Цѣлая буря поднялась въ клубѣ при этихъ неосторожныхъ словахъ, столь похожихъ на косвенный вызовъ къ сопротивленію конвенту. Со всѣхъ сторонъ раздались крики:

— Мы не допустимъ торжества мерзавцевъ! Настало время вспомнить о 31 маѣ... Справились съ жирондистами, справимся и съ нынѣшними измѣнниками!

Враги Робеспьера распустили послѣ его смерти слухъ, что на эти восклицанія онъ отвѣтилъ:

— Если такъ—съумѣйте отдѣлить негодяевъ отъ слабыхъ и нерѣшительныхъ людей. Избавьте конвентъ отъ угнетающихъ его злодѣевъ!

Я помню каждое слово, произнесенное краснорѣчивымъ трибуномъ на этомъ роковомъ засѣданіи, и смѣло утверждаю, что

ничего подобнаго Робеспьеръ не говорилъ. Обращаясь къ кричавшимъ, онъ произнесъ только фразу:

— Если мнѣ придется погибнуть, я спокойно погибну!

— Мы всѣ погибнемъ въ такомъ случаѣ съ тобою!—воскликнулъ живописецъ Давидъ, бросаясь къ Робеспьеру и заключая его въ свои объятія.

Восторженное настроеніе клуба все усиливалось и усиливалось. Пренія были прерваны. Нѣсколькихъ членовъ конвента, заподозрѣнныхъ въ недоброжелательствѣ къ Робеспьеру, съ позоромъ выгнали изъ залы. Вокругъ Максимиліана собралась группа его почитателей, о чемъ-то горячо толковавшихъ. На ихъ просьбы онъ отвѣчалъ, повидимому, отказомъ и поспѣшно удалился изъ клуба при всеобщихъ крикахъ:

— Да здравствуетъ республика! Гибель предателямъ!

Когда, возвратившись домой, я разсказалъ Просперу Ландэ все мною видѣнное и слышанное, онъ понурилъ голову и сказалъ:

— Наше дѣло на три четверти проиграно! Робеспьеру и его друзьямъ придется дорого поплатиться завтра за сегодняшній вечеръ.

Помолчавъ минуту, Ландэ продолжалъ:

— Тебѣ по всей вѣроятности придется скоро лишиться своего друга и наставника, мой дорогой Эженъ. Если враги Робеспьера одержатъ окончательно побѣду, всѣ мы, его друзья, подвергнемся одной съ нимъ участи. Я всегда старался строго ограничиваться моею ролью законодателя и держаться въ сторонѣ отъ политическихъ интригъ, но въ конвентѣ всѣмъ хорошо извѣстна моя дружба съ Робеспьеромъ, равно какъ и то, что я безусловно раздѣлялъ его взгляды на страшный вредъ, приносимый республикѣ фанатиками террора и проповѣдниками атеизма. Побѣдители не простятъ мнѣ этого, да я и не желаю, чтобы они прощали. Отъ единомыслія съ такими побѣжденными какъ Максимиліанъ, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ и Жозефъ Леба, Просперъ Ландэ никогда не отречется. Иди спать, мнѣ необходимо привести въ порядокъ мои дѣла.

Я удалился въ мою комнату, смущенный и взволнованный до послѣдней степени. Мрачныя предчувствія Ландэ поразили меня вдвойнѣ. Съ одной стороны мнѣ въ первый разъ еще представились съ полною ясностью возможныя послѣдствія событій послѣднихъ дней и стало понятно, что въ завязавшейся борьбѣ рѣшается участь республики; съ другой, жажда личнаго мщенія Робеспьеру заставляла меня сожалѣть о томъ, что мщеніе это можетъ неудаться, и виновникъ гибели Сесили Рено падетъ не

отъ моей руки. Какимъ образомъ укладывались въ моемъ мозгу мысли, столь противуположныя, исключавшія, повидимому, одна другую,—я никакъ не могу рѣшить теперь и объясняю этотъ чудовищный въ психологическомъ отношеніи фактъ только частнымъ разстройствомъ моего юношескаго разсудка, потрясеннаго трагическою гибелью страстно любимой женщины.

Почти всю ночь съ 8-го на 9-е термидора я провелъ безъ сна, стараясь угадать развязку событій, готовившихся на слѣдующій день. Рано утромъ я отправился-было въ кабинетъ Ландэ, чтобы возобновить вчерашній разговоръ, но наша старая служанка объявила мнѣ, что у моего наставника чуть не съ разсвѣта сидитъ Сенъ-Жюстъ и что они совѣщаются о чемъ-то «очень важномъ и секретномъ». Я вернулся къ себѣ и сталъ ждать, когда Ландэ останется одинъ.

Около десяти часовъ служанка позвала меня къ моему наставнику. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ сильно взволнованный.

— День рѣшительной борьбы наступилъ,—сказалъ онъ мнѣ непривычно рѣзкимъ и какъ бы измѣнившимся голосомъ.—Враги Робеспьера съумѣли воспользоваться нынѣшнею ночью для своихъ адскихъ замысловъ. Сенъ-Жюстъ сообщилъ мнѣ сейчасъ, что около полуночи изъ клуба якобинцевъ явились въ комитетъ общественной безопасности Бильйо-Вареннъ и Колло д'Эрбуа, объявившіе, что якобинцы готовятся разогнать конвентъ и провозгласить диктатуру Робеспьера. Карно, Роберъ Ляндэ, Пріёръ, Эли Лакостъ и Барреръ повѣрили или притворились, что вѣрятъ этой нелѣпости. По настоянію Лекуантра рѣшено арестовать преданныхъ Робеспьеру, командира національной гвардіи Анріо, національнаго агента при парижской общинѣ Пайэна, и парижскаго мэра Флёріо Леско. Жребій брошенъ! Насъ вынуждаютъ на борьбу и отступать передъ этой печальной необходимостью уже поздно. Я не пойду на засѣданіе конвента, а прямо отправлюсь въ городскую ратушу для переговоровъ съ муниципальными властями. Отъ тебя, мой дорогой Эженъ, я ожидаю слѣдующей услуги. Отправляйся въ засѣданіе конвента, и какъ только замѣтишь изъ хода преній, что дѣло клонится къ той или другой развязкѣ, спѣши ко мнѣ въ ратушу. Отъ твоихъ сообщеній будетъ зависѣть, на что̀ мы тамъ окончательно рѣшимся.

Я обѣщалъ моему наставнику исполнить возложенное на меня порученіе. Въ эту минуту, въ виду опасности, грозившей самому Просперу Ландэ, котораго я искренно и горячо любилъ,

мысль о мести Робеспьеру была далека отъ меня. Я весь отдался захватывающему интересу совершавшихся событій.

XXI.

Когда я вышелъ на улицу, меня почему-то поразила рѣзкая перемѣна температуры, происшедшая за ночь. Наканунѣ, 8 го термидора, стояла свѣтлая погода и было почти свѣжо. Утро 9-го термидора было, напротивъ, пасмурное и удушливо-жаркое. Въ воздухѣ стояла та характерная духота, которая почти постоянно предшествуетъ грозѣ. По небу клубились густыя, желтовато-сѣрыя облака, несшіяся съ необыкновенною быстротою съ юго-востока. На лицахъ прохожихъ замѣтна была какая-то истома. Улыбающихся и беззаботныхъ физіономій почти не попадалось на-встрѣчу.

Въ залѣ конвента тоже замѣчалось какое-то тревожное, почти болѣзненное настроеніе. Въ публичныхъ трибунахъ и на скамьяхъ народныхъ представителей шелъ смутный говоръ. Когда я занялъ свое мѣсто въ трибунѣ и сталъ оглядываться вокругъ себя, мнѣ бросился въ глаза контрастъ, который представляло озабоченное выраженіе лицъ огромнаго большинства присутствующихъ, съ полнымъ безстрастіемъ физіономій небольшой группы террористовъ, сидѣвшихъ съ неподвижностью мраморныхъ статуй на вершинѣ «горы».

Предсѣдательствовалъ одинъ изъ заговорщиковъ, Колло д'Эрбуа. Онъ былъ очень блѣденъ, но тоже старался казаться безстрастнымъ и спокойнымъ. Бывшій актеръ призывалъ, очевидно, для этого на помощь свою сценическую опытность. Его лицо напомнило мнѣ сразу нѣкоторыя сцены современныхъ драмъ, въ которыхъ герой, энергическимъ усиліемъ воли, преодолѣваетъ охватившее его волненіе.

Почти немедленно за появленіемъ президента, въ залу засѣданій вошли Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Филиппъ Леба. Вслѣдъ за тѣмъ два привратника конвента ввели, какъ всегда, подъ руки Кутона, почти не владѣвшаго ногами, вслѣдствіе жестокихъ припадковъ ревматизма. На минуту все смолкло и взоры всѣхъ устремились на Робеспьера, усаживавшагося на своемъ мѣстѣ и вынимавшаго какія-то бумаги изъ подержаннаго квадратнаго портфеля той формы, которую имѣютъ во Франціи портфели, спеціально употребляемые адвокатами.

Засѣданіе началось какъ всегда чтеніемъ «корреспонденціи» конвента, т.-е. писемъ и просьбъ, получаемыхъ со всѣхъ концовъ

страны собраніемъ народныхъ представителей. Когда чтеніе это кончилось, Сенъ-Жюстъ поднялся съ своего мѣста и потребовалъ слова.

Какъ теперь вижу я этого юнаго красавца, стоявшаго на трибунѣ и пристально глядящаго на волнующееся собраніе, ожидая, пока стихнетъ возобновившійся при его появленіи говоръ. Сенъ-Жюстъ былъ обаятельно хорошъ въ эту трагическую минуту. Его большіе черные глаза метали молніи, на крѣпко стиснутыхъ, алыхъ губахъ прелестнаго рта играла невыразимо-презрительная улыбка. Закинувъ немного голову и крѣпко упираясь правою рукою въ мраморную доску ораторской каѳедры, онъ началъ опровергать обвиненія въ желаніи захватить въ свои руки диктатуру, взводимыя на Робеспьера, на него самого и на его друзей... Но не успѣлъ онъ сказать и десяти фразъ, какъ съ мѣста вскочилъ Тальянъ и сталъ азартно требовать серьёзнаго изслѣдованія «загадочныхъ поступковъ Робеспьера и его сообщниковъ». Слова его вызвали громкія рукоплесканія на скамьяхъ террористовъ. Вслѣдъ затѣмъ, на каѳедрѣ появился Бильйо-Вареннъ, который уже прямо сталъ обвинять Робеспьера и Сенъ-Жюста въ диктаторскихъ замыслахъ и кончилъ свою рѣчь словами:

— Надѣюсь, что ни одинъ изъ присутствующихъ здѣсь представителей не захочетъ жить подъ гнетомъ тирана!

Раздались крики: «нѣтъ! нѣтъ! долой тирановъ!»

Робеспьеръ, остававшійся до тѣхъ поръ на своемъ мѣстѣ, и слушавшій разглагольствованіе своихъ обвинителей, съ презрительно-насмѣшливымъ выраженіемъ лица, вскочилъ при этихъ крикахъ и ринулся на трибуну.

Крики: «долой тирана!» сдѣлались еще сильнѣе. Робеспьеръ нѣсколько разъ пробовалъ заговорить, но голосъ его заглушался крикомъ его враговъ. Тальянъ, Бильйо-Вареннъ, старикъ Вадье громко кричали то порознь, то вмѣстѣ, что Робеспьеръ «угнетаетъ» собраніе. Въ залѣ водворился невыразимый хаосъ. Почти половина представителей оставили свои мѣста и толпились у ораторской каѳедры, на которой, безпрестанно смѣняя другъ друга, появлялись Барреръ, Тальянъ, Робеспьеръ, Бильйо-Вареннъ и Вадье. Невозможно было разслышать ни одного слова изъ того, что говорилось этими ораторами и возражавшими имъ снизу членами конвента. Я замѣтилъ, что въ самый разгаръ этой безобразной суматохи, президентъ Колло д'Эрбуа вдругъ поспѣшно оставилъ свое кресло, которое занялъ знакомый мнѣ въ лицо членъ конвента Тюріо. Вслѣдъ затѣмъ Робеспьеръ снова появился

на трибунѣ. Лицо его было до того блѣдно и искажено, что въ залѣ на одно мгновеніе воцарилась тишина. Знаменитый ораторъ началъ-было говорить, но первыя фразы его возраженія были произнесены до того хриплымъ и глухимъ голосомъ, что мнѣ въ публичной трибунѣ невозможно было разслышать ни одного слова. На скамьяхъ террористовъ послышался злобный смѣхъ.

— Это кровь Дантона прилила тебѣ къ горлу и душитъ тебя!—раздалось изъ отдаленнаго конца залы.

Робеспьеръ сверкнулъ глазами и, обращаясь къ бѣшено-рукоплескавшимъ террористамъ, воскликнулъ—на этотъ разъ совершенно внятнымъ, полнымъ невыразимой ироніи голосомъ:

— Такъ это месть за Дантона. Жалкіе трусы! Зачѣмъ же вы не защитили его при жизни!

Шумъ и гамъ возобновились. Всѣ кричали вмѣстѣ, обращаясь другъ къ другу, обмѣниваясь угрожающими жестами. Ораторская каѳедра, съ которой сошелъ, махнувъ рукою, Робеспьеръ, оставалась, однакоже, незанятою. Было очевидно, что никто изъ заговорщиковъ не рѣшается формулировать вывода, къ которому они стремились привести возбужденныя ими пренія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ можно было ожидать, что дѣло кончится ничѣмъ. Фушэ, Талльянъ, Леонаръ Бурдонъ рыскали вдоль скамей своихъ единомышленниковъ, озабоченно переговариваясь шопотомъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Тюріо съ высоты своего президентскаго кресла безпокойно оглядывалъ залу, какъ будто ища человѣка, способнаго взять на себя тяжелую отвѣтственность подготовленной уже вполнѣ развязки.

— Я требую декрета объ арестованіи Робеспьера!—раздался вдругъ крикъ съ верхнихъ скамей «горы».

При этомъ крикѣ въ залѣ вдругъ воцарилось мертвое молчаніе. Всѣ глядѣли другъ на друга въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Черезъ минуту, гдѣ-то въ глубинѣ залы послышались робкіе аплодисменты. Прежній голосъ опять воскликнулъ:

— Предложеніе мое поддержано! Я требую, чтобы оно было пущено на голоса.

Сигналъ былъ поданъ! Собраніе снова заволновалось. Послышались требованія отдачи Робеспьера подъ судъ...

Въ это время на каѳедрѣ появился Огюстенъ Робеспьеръ и потребовалъ, чтобы его предали суду вмѣстѣ съ его братомъ. Волненіе усилилось. Громче всѣхъ кричали и бѣсновались Бальо-Вареннъ, Фреронъ и Эли Лакостъ. Суматоха достигла такихъ безобразныхъ размѣровъ, что я рѣшительно не могъ

слѣдить долѣе за ходомъ преній. Нѣкоторое спокойствіе водворилось только тогда, когда президентъ Колло д'Эрбуа, вставъ съ своего мѣста, громко и съ плохо скрываемою радостью воскликнулъ:

— Конвентъ опредѣлилъ подвергнуть аресту народныхъ представителей Робеспьера старшаго и Робеспьера младшаго.

На минуту въ залѣ воцарилось какое-то недоумѣвающее молчаніе. Представители переглядывались между собою. Одни казались довольными и радостными, другіе какъ-то растерянно глядѣли, то на президента, то на группу друзей Робеспьера, оживленно переговаривавшихся между собою.

Это продолжалось, однако, всего нѣсколько мгновеній. Съ вершины «горы», откуда въ этотъ день шли всѣ предложенія, враждебныя Максимиліану, раздалось нѣсколько голосовъ, кричавшихъ: «да здравствуетъ республика!» и точно для того, чтобы разогнать охватившее ихъ смущеніе, прочіе члены, за немногими исключеніями, подхватили этотъ побѣдный кличъ террористовъ...

Максимиліанъ Робеспьеръ вскочилъ съ своего мѣста и, грозный, охваченный какимъ-то провидѣніемъ будущаго, бросилъ прямо въ лицо этой безобразно шумѣвшей толпѣ пророческое восклицаніе:

— Республика погибла, потому что побѣдили разбойники и грабители!

Отвѣтомъ Робеспьеру было появленіе на ораторской трибунѣ одного изъ заговорщиковъ, террориста Лушэ, который, путаясь въ словахъ и вытягивая безконечныя фразы, сталъ доказывать, что рѣшая подвергнуть аресту братьевъ Робеспьеровъ, конвентъ имѣлъ въ виду не ихъ однихъ, а также ихъ «главныхъ сообщниковъ», Сенъ-Жюста и Кутона. Слова Лушэ были встрѣчены восклицаніями его единомышленниковъ:

— Ну, конечно! Само собою разумѣется!

— Арестуйте въ такомъ случаѣ и меня!—воскликнулъ другъ Сенъ-Жюста, Филиппъ Леба... Я не желаю нести отвѣтственности за предлагаемый вамъ постыдный декретъ.

Конвентъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, рѣшилъ арестъ Сенъ-Жюста, Кутона и Филиппа Леба.

— Долой съ своихъ мѣстъ, къ рѣшеткѣ! къ рѣшеткѣ!—загремѣло въ группѣ террористовъ.

Пристава конвента, на обязанности которыхъ лежало въ подобныхъ случаяхъ выводить за рѣшетку залы засѣданій и передавать въ руки жандармовъ арестованныхъ представителей, медленно и нерѣшительно стали подвигаться къ Робеспьеру, Сенъ-Жюсту и Филиппу Леба, стоявшимъ въ эту минуту у

подножія ораторской каѳедры, но прежде чѣмъ они успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, Максимиліанъ Робеспьеръ, гордо поднявъ голову, взялъ подъ руку Сенъ-Жюста и быстрыми шагами пошелъ съ нимъ къ рѣшеткѣ. Филиппъ Леба вернулся къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Кутонъ, и вмѣстѣ съ Огюстэномъ Робеспьеромъ помогъ ему подняться на больныя, плохо слушавшіяся его ноги. Поддерживаемый обоими своими друзьями и опираясь на костыли, Кутонъ, презрительно улыбаясь, тоже двинулся къ рѣшеткѣ. Черезъ минуту явились жандармы и увели арестованныхъ. Я посмотрѣлъ на часы, стрѣлка стояла на половинѣ пятаго...

Глубоко потрясенный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ, я поспѣшилъ отправиться въ городскую ратушу, увѣдомить Проспера Ландэ объ арестѣ Робеспьера и его друзей. Густыя массы народа толпились на набережной Сены вдоль всего выходящаго на эту набережную фасада Луврскаго дворца. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я сразу понялъ невозможность пробраться съ достаточною быстротою черезъ эту волнующуюся толпу. Надо было выбрать другую дорогу, менѣе короткую, но болѣе свободную отъ ежеминутныхъ препятствій двигаться впередъ. Черезъ Тюильерійскій садъ я вышелъ на площадь Революціи, перешелъ мостъ того же имени и направился быстрыми шагами по набережной лѣваго берега рѣки по направленію къ городской ратушѣ.

Цѣлый рой самыхъ противуположныхъ мыслей осаждалъ мой взволнованный умъ. Минутами возмутительная несправедливость конвента совершенно изглаживала во мнѣ чувство личной ненависти къ виновнику трагической гибели Сесили Рено и я негодовалъ на собраніе, пожертвовавшее столь постыдно самыми доблестными своими членами интригѣ такихъ завѣдомыхъ негодяевъ и проходимцевъ, какъ Фушэ, Каррье, Талльянъ и ихъ достойные друзья. Восклицаніе Робеспьера: «Республика погибла!» звучало какъ похоронный звонъ въ моихъ ушахъ. Я вспоминалъ искаженныя злобой лица противниковъ Максимиліана и спрашивалъ себя—возможно ли, чтобы эти жалкіе пигмеи одолѣли такъ легко и скоро титановъ революціи? Въ эти минуты у меня являлось какое-то лихорадочное желаніе принять участіе въ борьбѣ противъ рѣшенія конвента, которая казалась мнѣ неминуемой со стороны многочисленныхъ почитателей Робеспьера и Сенъ-Жюста.

Я шелъ все быстрѣе и быстрѣе. Съ праваго берега Сены доносился до меня смутный говоръ запружавшей ее многочисленной толпы.

Площадь передъ городскою ратушей была тоже полна народомъ. Знакомыя лица членовъ якобинскаго клуба попадались на каждомъ шагу. Изъ отрывочныхъ фразъ, раздававшихся вокругъ меня, я тотчасъ понялъ, что рѣшеніе конвента уже извѣстно мэру города Парижа и совѣту парижской общины. Отряды національной гвардіи двигались со всѣхъ сторонъ по направленію къ ратушѣ. Въ разныхъ мѣстахъ площади барабанщики били сборъ.

Работая локтями и плечами, я пробрался до одного изъ боковыхъ подъѣздовъ зданія и поднялся по лѣстницѣ, ведшей въ городской архивъ, гдѣ ожидалъ меня Проспэръ Ландэ. Когда я вошелъ въ канцелярію архива, мой наставникъ, сидѣвшій въ этой комнатѣ съ нѣсколькими другими народными представителями, принадлежавшими къ партіи Робеспьера, всталъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ:

— Мнѣ уже извѣстны тѣ новости, съ которыми ты являешься сюда. Дѣло наше еще не совсѣмъ проиграно. Флёріо Леско и Пайэнъ разослали во всѣ тюрьмы запрещеніе принимать арестованныхъ конвентомъ представителей. Если только Анріо съумѣетъ исполнить данное ему порученіе, Максимиліанъ будетъ здѣсь черезъ полчаса.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ландэ. Онъ былъ блѣденъ, но по наружности совершенно спокоенъ. На его добродушномъ обыкновенно лицѣ лежало, совершенно измѣнившее черты этого лица, выраженіе какой-то суровой, непреклонной рѣшимости. Замѣтивъ мое изумленіе, наставникъ мой крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Жребій брошенъ. Постыдною податливостью негодяямъ конвентъ подписалъ свой смертный приговоръ. Правительство республики въ настоящую минуту здѣсь, въ рукахъ людей, твердо рѣшившихся спасти во что бы то ни стало отечество отъ погибели. Въ деклараціи правъ человѣка не даромъ сказано, что въ извѣстныя минуты возстаніе противъ заблуждающихся правителей составляетъ священнѣйшую обязанность каждаго гражданина. Мы исполнимъ эту обязанность!

Въ это время издали донеслись звуки набата. Проспэръ Ландэ, совершенно уже неузнаваемый, выпрямился и, обращаясь къ своимъ недавнимъ собесѣдникамъ, воскликнулъ:

— Анріо держитъ свое слово! Очередь за нами, граждане! Идемте въ засѣданіе общины!

Всѣ быстро поднялись съ своихъ мѣстъ и молча послѣдовали за Ландэ, который вышелъ изъ канцеляріи поспѣшными

шагами, не сказавъ мнѣ ни слова и очевидно совершенно позабывъ о моемъ присутствіи.

Предоставленный самому себѣ, я машинально сталъ спускаться внизъ по лѣстницѣ и вышелъ на площадь, самъ не зная, зачѣмъ. Толпа, стоявшая передъ ратушей, сдѣлалась еще гуще. Въ ней слышались угрозы конвенту, перемѣшивавшіяся съ восклицаніями: «да здравствуетъ Робеспьеръ! да здравствуетъ Сенъ-Жюстъ!» Звуки набата продолжали потрясать воздухъ, доносясь со стороны церкви Сенъ-Мери.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ на площади раздался конскій топотъ и хриплый крикъ:

— Къ оружію, граждане! Генералъ Анріо арестованъ!

Кричалъ какой-то офицеръ національной гвардіи, блѣдный какъ смерть. Онъ едва сидѣлъ на взмыленной, храпѣвшей лошади, которую окружала теперь сплошная масса любопытныхъ.

— Какъ арестованъ? Кто смѣлъ коснуться начальника національной гвардіи? Это вздоръ! Этого быть не можетъ!

— Намъ измѣнили!—отвѣчалъ, тяжело переводя духъ, прискакавшій съ роковымъ извѣстіемъ офицеръ.—Генералъ явился въ комитетъ государственной полиціи требовать выдачи Робеспьера, но на него напали гренадеры конвента и нѣсколько жандармовъ 26-й дивизіи. Они связали Анріо и сопровождавшихъ его адъютантовъ...

— Измѣна! измѣна! къ оружію! Идемъ освобождать генерала и представителей!—загремѣло въ толпѣ.

— Мэра! мэра на площадь! Зовите Флёріо-Леско! пусть ведетъ насъ на конвентъ!—кричали другіе.

— Флёріо-Леско уже болѣе не мэръ Парижа,—раздался чей-то голосъ.—Комитетъ всеобщей безопасности отрѣшилъ его отъ должности. Вотъ прокламація, возвѣщающая объ этомъ народу.

И чья-то рука поднялась надъ толпою съ небольшимъ бѣлымъ листкомъ.

Въ одно мгновеніе отъ злополучнаго листка остались только мелкіе клочья...

— Долой комитетъ! Да здравствуетъ Флёріо-Леско, да здравствуетъ парижская община!—гремѣли тысячи голосовъ.

На главномъ подъѣздѣ ратуши раздался барабанный бой. Всѣ обернулись въ сторону этого призывного звука.

Флёріо-Леско, окруженный членами совѣта общины, стоялъ на большомъ балконѣ, подъ которымъ находился упомянутый подъѣздъ. Шумъ мгновенно замолкъ.

— Граждане!—началъ Флёріо.—Представители Парижа, извѣ-

щенные о рѣшеніи комитета общественной безопасности, отрѣшающемъ меня отъ должности вашего мэра, признали это рѣшеніе незаконнымъ и постановили, что я долженъ продолжать исполненіе обязанностей, возложенныхъ на меня вашимъ довѣріемъ. Я подчиняюсь ихъ волѣ!

— Да здравствуетъ Флёріо-Леско!—Долой измѣнника!—снова грянула толпа.

Бросаемый изъ стороны въ сторону народной волною, я начиналъ испытывать страшное изнеможеніе. Голова моя кружилась, въ вискахъ стучало, въ глазахъ начинали ходить темные круги. Въ первыя минуты я не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ этого болѣзненнаго состоянія и старался преодолѣть себя, но когда какой-то рабочій, топтавшійся около меня, вынулъ изъ кармана своей куртки краюшку полубѣлаго хлѣба и сталъ ее грызть съ волчьимъ аппетитомъ, я вдругъ сообразилъ, что меня мутитъ голодъ и что я вышелъ утромъ изъ дому, ничего не ѣвши. Было около шести часовъ вечера. Толпа, запружавшая площади, немного успокоилась послѣ заявленія Флёріо-Леско, вернувшагося въ ратушу... Я направился въ противуположную сторону площади и, свернувъ въ одну изъ выходящихъ на нее улицъ, сталъ искать глазами вывѣски какого-нибудь небольшого ресторана, которыхъ было множество въ этихъ мѣстахъ. Поиски эти почти тотчасъ-же увѣнчались успѣхомъ. Въ десяти шагахъ отъ меня, надъ вторымъ этажемъ стараго высокаго дома съ узкимъ фасадомъ въ четыре окна, красовалась вывѣска, изображавшая два перекрещенныхъ бильярдныхъ кія, перевитыхъ гирляндами розъ и увѣнчанныхъ краснымъ фригійскимъ колпакомъ. Подъ этою сложною эмблемою красовалась надпись: «Au rendez-vous des bons sans-culottes. Restaurant et estaminet. Billiard».

Я поднялся по узкой и темной деревянной лѣстницѣ и вошелъ въ небольшую низкую залу, заставленную почти сплошь столами. Посѣтителей было много, въ комнатѣ едва можно было дышать отъ табачнаго дыма и запаха теплаго краснаго вина, красовавшагося почти на всѣхъ столахъ въ небольшихъ фаянсовыхъ салатникахъ. Обѣденное время уже давно прошло и почти вся эта публика собралась не для того, чтобы утолить свой голодъ, а для того, чтобы пьянствовать, въ ожиданіи развязки событій, происходившихъ по сосѣдству. Съѣстные припасы, которыми располагалъ ресторанъ въ эту минуту, были небогаты. Мнѣ подали чашку едва теплаго густого луковаго супа да ломоть холодной ветчины съ небольшою порціей латуковаго салата.

Я началъ торопливо ѣсть, прислушиваясь съ любопытствомъ

къ громкому говору окружающихъ. Почти всѣ посѣтители ресторана были по наружности пролетаріи. Между ихъ незатѣйливыми нарядами какъ-то особенно бросался въ глаза совершенно новенькій, тщательно застегнутый мундиръ молодого жандармскаго солдата, сидѣвшаго въ углу и безпрестанно поглядывавшаго въ открытое окно на улицу, точно ожидая кого-то.

— Не бывать этому!—вдругъ вскрикнулъ громче другихъ какой-то здоровенный рабочій съ сумкой кровельщика за плечами.— Чтобы разная дрянь да завѣдомые мошенники пересилили Флёріо-Леско, Пайэна и Анріо? Шалятъ! Намъ не въ первый разъ справляться съ болтунами въ синихъ фракахъ.

— Такъ-то-такъ,—отвѣчалъ хриплымъ, пьянымъ голосомъ другой рабочій:—да вотъ говорятъ, секціи-то ненадежны, злятся на Робеспьера за то, что онъ велѣлъ арестовать членовъ секціи *Нераздѣльности*.

— Не знаешь, такъ молчи! — возразилъ первый рабочій.—Я самъ изъ тѣхъ мѣстъ, знаю, что это были за негодяи! Воръ на ворѣ, разбойникъ на разбойникѣ! Максимиліанъ отлично сдѣлалъ, что отправилъ ихъ на холодокъ. Другимъ наука!

— Члены комитета *Нераздѣльности* были хорошіе патріоты. Робеспьеръ рѣшился ихъ погубить, потому что они не одобряли его ханжества,—сказалъ какой-то оборванецъ изъ другого угла.

Всѣ повернулись въ его сторону. Кровельщикъ вскочилъ съ своего мѣста и, бросаясь на оборванца, закричалъ:

— Этотъ шпіонъ откуда взялся! За дверь его, граждане! Намъ здѣсь полицейскихъ сыщиковъ не надо!

Тотъ прямо посмотрѣлъ ему въ глаза и, спокойно облокотясь на столъ, отвѣтилъ:

— Руки коротки, товарищъ. Здѣсь мѣсто публичное, кто платитъ деньги, тотъ и правъ.

— А вотъ я тебѣ покажу правоту,—зарычалъ кровельщикъ и ринулся впередъ, но въ одно мгновеніе между нимъ и оборванцемъ очутился молодой жандармъ, сидѣвшій у окна. Увидавъ военный мундиръ, кровельщикъ остановился и, ворча себѣ что-то подъ носъ, вернулся къ своему столу. Сидѣвшая за конторкой толстая хозяйка, остававшаяся до тѣхъ поръ равнодушною свидѣтельницею начинавшейся ссоры, повернулась въ сторону жандарма и сказала:

— Гражданинъ Мердá, я не просила васъ водворять порядокъ въ моемъ заведеніи. Если понадобится, мои молодцы справятся и сами съ буянами.

И она указала толстою рукою на двухъ рослыхъ прислужниковъ, появившихся внезапно въ дверяхъ кухни.

— Выведите вонъ этого негодяя,—сказала она, величественно указывая имъ на оборванца.—Денегъ брать съ него не нужно. Обойдемся и безъ грошей полицейской сволочи.

Пока прислужники безмолвно, но энергично выполняли приказаніе своей хозяйки и выпроваживали при общемъ хохотѣ тумаками въ спину упиравшагося оборванца, жандармъ вернулся молча на свое мѣсто и снова сталъ глядѣть въ окно.

Хозяйка подозрительно прищурилась на него и сдѣлала какой-то знакъ кровельщику. Тотъ кивнулъ ей головой и сталъ шептаться съ товарищами. Черезъ минуту, пять или шесть человѣкъ рабочихъ поднялись съ своихъ мѣстъ и, подойдя къ жандарму, все еще глядѣвшему въ окно, стали сзади его, скрестивъ руки на груди. Въ комнатѣ вдругъ воцарилось молчаніе.

Мердá обернулся и, увидавъ себя окруженнымъ, немного поблѣднѣлъ, но спросилъ, однакоже, довольно твердымъ голосомъ:

— Что вамъ надобно, граждане?

— Чтобы ты убирался отсюда по добру по здорову,—покачиваясь изъ стороны въ сторону и прямо глядя ему въ глаза, отвѣчалъ кровельщикъ.

— А если я хочу оставаться здѣсь?—сказалъ онъ, хватаясь за рукоять своей сабли и дѣлая шагъ назадъ.

— Хотѣть и мочь не всегда одно и то же,—продолжалъ рабочій.—У насъ, какъ тебѣ, конечно, извѣстно, республика. Чтó большинство рѣшило, тому быть. Присутствующее здѣсь большинство требуетъ, чтобы ты ушелъ, и ты уйдешь, а иначе...

Мердá поблѣднѣлъ еще болѣе и сдѣлалъ движеніе выхватить свою саблю, но кровельщикъ крѣпко стиснулъ выше локтя его правую руку и прохрипѣлъ, бѣшено сверкая глазами:

— Уходи скорѣе, говорятъ тебѣ, коли не хочешь, чтобы тебѣ выпустили потроха!

Жандармъ посмотрѣлъ вокругъ себя, точно ища помощи, но увидалъ только враждебные взгляды. Онъ нахлобучилъ нервнымъ движеніемъ руки свою треуголку на брови и вышелъ, произнося ругательства на какомъ-то незнакомомъ мнѣ нарѣчіи, похожемъ на итальянскій языкъ.

Присутствующіе проводили его громкимъ хохотомъ. Одна только хозяйка ресторана оставалась задумчивою и серьезною. Когда кровельщикъ подошелъ къ ея стойкѣ, требуя рюмку водки, она покачала головой и сказала:

— Подозрителенъ мнѣ этотъ жандармъ, не даромъ онъ здѣсь сидѣлъ!

— А что, развѣ ты что замѣтила, тетка?—спросилъ тотъ.

— Какъ не замѣтить! Часъ тому назадъ приходилъ сюда какой-то пожилой человѣкъ въ коричневомъ кафтанѣ. Одѣтъ хорошо, а рожа мерзкая. «Не былъ ли здѣсь, хозяйка, молодой жандармъ, смуглый такой изъ себя?» спрашиваетъ.—Нѣтъ, говорю, гражданинъ, не видала такого!—«Ну такъ вѣрно еще придетъ. Вы ему скажите, что его спрашивалъ Спартакусъ и велѣлъ дожидаться, пока за нимъ не зайдутъ».—Хорошо, говорю, будетъ исполнено!—Коричневый кафтанъ выпилъ ликеру, заплатилъ серебромъ, а не ассигнаціей, и ушелъ, говоря: «помните же, гражданка, *Спартакусъ!*»—Не забуду, будьте покойны, моего новорожденнаго племянника этимъ именемъ въ мэріи нарекли? Онъ и ушелъ.

— Ну такъ что же?—спросилъ кровельщикъ.

— А то, что этого «Спартакуса» одинъ изъ моихъ молодцевъ узналъ! Зовутъ его Леонаръ Бурдонъ и говорятъ, что онъ-то главный лиходѣй Робеспьера и есть, потому что тотъ его за разныя мерзости на гильотинѣ «укоротить» собирается.

Кровельщикъ нахмурилъ брови и оглянулся вокругъ себя. Взглядъ его остановился на мнѣ и засвѣтился зловѣщимъ огнемъ. Понимая возникшее въ немъ подозрѣніе, я, точно нечаянно распахнулъ отворотъ моего фрака и открылъ этимъ движеніемъ значекъ якобинскаго клуба, укрѣпленный на всякій случай съ внутренней стороны этого отворота. Увидавъ всему Парижу извѣстный значекъ, онъ успокоился и, подойдя ко мнѣ, сказалъ, подмигивая глазомъ:

— Съ нами, за неподкупнаго?

Я сдѣлалъ головою движеніе, которое можно было истолковать какъ утвердительный знакъ. Поступить такимъ образомъ я считалъ себя въ правѣ потому, что не смотря на всю мою личную ненависть къ Робеспьеру я ужъ, конечно, не намѣревался дѣйствовать за одно съ его врагами.

Въ это время съ площади городской ратуши вдругъ донеслись оглушительные крики: «Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Робеспьеръ». Дверь нашей комнаты быстро отворилась и какой-то офицеръ національной гвардіи, распахнувшій ее, крикнулъ:

— Въ ратушу, граждане! Робеспьеръ освобожденъ и явился въ совѣтъ парижской общины!

Всѣ ринулись въ двери. Хозяйка ресторана изъ-за стойки кричала во все горло:

— Идите, идите, дѣтушки! Послѣ сочтемся!

Я, однако же, успѣлъ бросить ей на стойку ассигнацію въ сто франковъ, ходившую тогда въ пять франковъ на звонкую монету и, не спрашивая сдачи, выбѣжалъ на улицу вслѣдъ за остальными посѣтителями ресторана.

XXII.

Передъ городскою ратушею происходило шумное ликованіе громадной народной массы и слышались радостные крики: «Онъ здѣсь! Онъ съ нами! Теперь комитетъ, держись! Вычистимъ конвентъ получше, чѣмъ въ прошломъ году, 31-го мая!» Меня поразило однако же сразу, что въ этой весело и бодро волнующейся массѣ какъ-то мало замѣтно было мундировъ національныхъ гвардейцевъ. Около самаго зданія ратуши толпился въ безпорядкѣ одинъ баталіонъ этой «гражданской милиціи», но офицеровъ при немъ не было ни одного, а рядовые молча переглядывались между собою какъ бы въ недоумѣніи и, повидимому, вовсе не раздѣляли народнаго восторга.

Движимый какимъ-то лихорадочнымъ любопытствомъ, я сталъ пробираться къ тому боковому подъѣзду ратуши, черезъ который однажды уже проникъ туда для свиданія съ Ландэ. Ни на подъѣздѣ, ни въ коррндорахъ второго этажа, гдѣ находилась зала засѣданій совѣта парижской общины, никто не остановилъ меня и не спросилъ, куда я иду. Корридоры были полны посторонними, озабоченно шнырявшими въ разныя стороны. Изрѣдка попадался членъ общины, опоясанный черезъ плечо трехцвѣтнымъ шарфомъ. У нѣкоторыхъ изъ безчисленныхъ дверей, выходившихъ въ эти корридоры, встрѣчались небольшіе отряды національной гвардіи, составившіе свои ружья въ козлы. Всюду стоялъ глухой шумъ отъ разговора въ полголоса.

Встрѣтивъ одного изъ привратниковъ общиннаго совѣта, я спросилъ, гдѣ зала засѣданій, показывая ему мой якобинскій значекъ. Привратникъ указалъ рукою на большую, въ цѣлыя ворота, дверь въ концѣ корридора и прошелъ далѣе, не промолвивъ ни слова. Я почти побѣжалъ къ этой монументальной двери.

Она была пріотворена настолько, чтобы можно было пробраться бокомъ одному человѣку. Въ этомъ положеніи ее удерживалъ другой привратникъ, пропустившій меня безпрекословно, увидавъ мой значекъ. Проскользнувъ въ залу, я очутился въ по-

слѣднихъ рядахъ густой толпы неподвижно стоявшей за рѣшеткою, отдѣлявшею мѣста членовъ совѣта и большой столъ, покрытый красною скатертью съ золотой бахрамою.

Въ залѣ было почти темно. Освѣщеннымъ пространствомъ являлся только столъ, на которомъ стояли четыре канделябра съ зажженными восковыми свѣчами. Мѣста членовъ совѣта и пространство, занятое публикою, оставались въ полусвѣтѣ, переходившемъ, по мѣрѣ удаленія отъ стола, въ полную почти тьму.

Вокругъ стола толпилось множество людей съ блѣдными лицами въ трехцвѣтныхъ шарфахъ черезъ плечо. Мэръ Флёріо - Леско занималъ президентское кресло; возлѣ него сидѣлъ, облокотясь на столъ и склонивъ голову на руку, Максимиліанъ Робеспьеръ, за спиною котораго виднѣлись стоявшіе Сенъ-Жюстъ и Филиппъ Леба́. Кутона и Огюстена Робеспьера не было въ залѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того какъ я вошелъ, Флёріо-Леско поднялся съ своего мѣста и, обращаясь къ Робеспьеру, сказалъ:

— Время дѣйствовать настало. Ты видишь себя окруженнымъ людьми, безусловно тебѣ преданными и готовыми на все. Изъ ста сорока четырехъ представителей города Парижа, здѣсь на лицо, по списку, предъявленному мнѣ только-что секретаремъ совѣта,—91. По всей вѣроятности, съ тѣхъ поръ какъ списокъ перешелъ въ мои руки, число это увеличилось. Большинство, во всякомъ случаѣ, за тебя. Мы располагаемъ вооруженными силами, значительно превосходящими тѣ, которыя могутъ выставить противъ насъ твои враги. Нанести ударъ крамолѣ будетъ не трудно, если только мы не станемъ терять времени. Община ждетъ твоего рѣшительнаго слова для того, чтобы освободить честныхъ и благомыслящихъ членовъ конвента отъ тиранніи бездѣльниковъ, ихъ угнетающихъ. Говори, мы тебя слушаемъ!

Часы городской ратуши пробили въ эту минуту десять. Робеспьеръ, сидѣвшій до сихъ поръ въ глубокой задумчивости, поднялся съ мѣста и началъ говорить. Онъ благодарилъ общину за свое освобожденіе, восхвалялъ ея гражданскія доблести и заслуги, оказанныя ею свободѣ и отечеству, но присутствующіе напрасно ждали прямого отвѣта на категорическій вызовъ Флёріо-Леско. Было что-то трагическое въ этомъ ораторскомъ упражненіи въ такую минуту! Члены совѣта апплодировали краснорѣчивымъ тирадамъ Максимиліана, но переглядывались въ недоумѣніи между собою. Сенъ-Жюстъ и Филиппъ Леба́ стояли нахмуренные и безмолвные.

Цѣлые полчаса говорилъ Робеспьеръ, уклоняясь отъ оконча-

тельнаго отвѣта. Съ площади, освѣщенной теперь иллюминаціей, которая была зажжена по приказанію мэра, раздавались нетерпѣливые крики: «Ведите насъ на конвентъ! смерть бездѣльникамъ!», а Максимиліанъ все продолжалъ сыпать звучными тирадами... Когда онъ кончилъ, Флёріо-Леско, очевидно смущенный безсодержательностію выслушанной совѣтомъ рѣчи, помолчалъ съ минуту и потомъ произнесъ дрогнувшимъ, но тѣмъ не менѣе рѣшительнымъ голосомъ:

— Изъ рѣчи гражданина Робеспьера старшаго видно, что знаменитый патріотъ предоставляетъ самому совѣту опредѣлить мѣры, необходимыя для выполненія великаго дѣла, неотложность котораго понятна для каждаго изъ насъ. Позволяю себѣ поэтому предложить совѣту слѣдующія распоряженія:

Въ комнату, сосѣднюю съ залою нашихъ совѣщаній, будетъ немедленно принесено все огнестрѣльное оружіе, находящееся въ распоряженіи города. Во всѣхъ секціяхъ звуки набата снова возвѣстятъ гражданамъ, что они обязаны собраться на площадь городской ратуши для спасенія отечества. Распоряженія эти, для большей ихъ внушительности и доказательности, подпишетъ главный и самый авторитетный представитель неиспорченной части конвента, Максимиліанъ Робеспьеръ.

Зала загремѣла отъ рукоплесканій. Одинъ изъ членовъ совѣта, нѣкто Деребуръ, схватилъ перо и листъ бумаги и сталъ поспѣшно писать. Кончивъ, онъ всталъ и сказалъ громкимъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ волненія голосомъ:

— Граждане, вотъ проектъ воззванія, которое предполагается разослать въ секціи: «Парижская община, исполнительный комитетъ. Мужайтесь патріоты секціи (такой-то)! Тѣ, чья твердость и непреклонность столь страшны измѣнникамъ, уже находятся на свободѣ. Народъ вездѣ показываетъ себя достойнымъ самого себя. Сборный пунктъ — городская ратуша. Храброму генералу Анріо поручается выполненіе мѣръ, предписанныхъ исполнительнымъ комитетомъ, учрежденнымъ для спасенія отечества».

— Анріо арестованъ измѣнниками!—раздался чей-то голосъ.

— Онъ освобожденъ мною и храбрыми артиллеристами національной гвардіи,—произнесъ высокій блѣдный человѣкъ, въ которомъ я узналъ Каффингаля, одного изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Робеспьера въ клубѣ якобинцевъ.

Деребуръ, на минуту было остановившійся, энергическимъ взмахомъ пера подписалъ свое имя подъ прочитаннымъ имъ текстомъ прокламаціи и положилъ ее на столъ. Нѣсколько членовъ

совѣта послѣдовали его примѣру. Флёріо-Леско взялъ перо послѣ нихъ и подалъ его Робеспьеру, говоря:

— Теперь твоя очередь, гражданинъ. Подпишись!

Робеспьеръ какъ-то машинально взялъ перо, но тотчасъ же положилъ его на столъ и, обращаясь къ Флёріо-Леско, сказалъ:

— Это воззваніе незаконно. Отъ чьего имени оно дѣлается?

— Отъ имени конвента! — воскликнулъ стоявшій за нимъ Сенъ-Жюстъ, гордо поднимая свою красивую голову и кладя руку на бумагу.—Истинное представительство націи тамъ, гдѣ мы!

— Я никогда не соглашусь разыграть роль Кромвеля! — отвѣчалъ Робеспьеръ, складывая руки на груди и хмуря свои густыя брови.—Подписи моей подъ этимъ воззваніемъ къ мятежу противъ законной власти вы не добьетесь!

— Ты можешь подписать воззваніе отъ имени французскаго народа, воля котораго выше воли конвента,—раздался слабый, но внятный голосъ.

Всѣ повернулись въ сторону говорившаго. У боковой двери залы, поддерживаемый Огюстеномъ Робеспьеромъ, стоялъ, опираясь на свои костыли, Кутонъ, сверкая глазами.

Въ это время шумъ на площади возобновился. Нѣсколько членовъ совѣта поспѣшили сойти внизъ, чтобы узнать, что случилось. Одинъ изъ нихъ вернулся черезъ нѣсколько минутъ, держа въ рукѣ листъ бумаги.

— Прокламація конвента, граждане!—сказалъ онъ громко и передалъ этотъ листъ мэру Флёріо-Леско, который пробѣжалъ глазами и сказалъ:

— Мы объявлены внѣ закона!

Послѣдовало всеобщее молчаніе. Не спуская глазъ съ освѣщеннаго пространства залы, я замѣтилъ, какъ поблѣднѣли нѣкоторыя лица членовъ совѣта и какъ вдругъ стала быстро рѣдѣть сплошная ихъ толпа, окружавшая Робеспьера. Въ пространствѣ, занятомъ посторонними, число присутствующихъ между тѣмъ все прибывало и прибывало. Робеспьеръ продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, погруженный въ какую-то трагическую задумчивость и, повидимому, совершенно спокойный.

Съ площади доносились раздававшіеся гдѣ-то въ отдаленіи барабанные звуки и смутный говоръ толпы. Я пробрался къ окну и увидалъ, что народная толпа, стоящая внизу, начинаетъ быстро рѣдѣть. Отрядъ артиллеристовъ національной гвардіи, охранявшій ратушу, двигался по направленію къ набережной Сены. Съ другого конца площади надвигались на ратушу темныя массы вооруженныхъ людей.

— Ты губишь всѣхъ насъ, гражданинъ!—раздался голосъ Флёріо-Леско.—Каждая минута дорога... Именемъ свободы, спасеніемъ отечества, заклинаю тебя подписать декретъ!

Я впился глазами въ Робеспьера, который взялъ подаваемое ему парижскимъ мэромъ перо, обмокнулъ его въ чернильницу и приготовился писать. Было ясно, что черезъ минуту все измѣнится и рѣшительный шагъ будетъ сдѣланъ. Передъ грознымъ трибуномъ лежалъ смертный приговоръ конвента. Одно движеніе пера и Робеспьеръ сдѣлается неограниченнымъ повелителемъ Франціи! Сердце мое крѣпко билось. Я говорилъ себѣ, что настаетъ, наконецъ, минута для моего мщенія за Сесиль Рено. Правая рука моя почти машинально опустилась въ боковой карманъ фрака за спрятанными въ немъ пистолетами. Въ головѣ моей быстро составился планъ дѣйствій. Я говорилъ себѣ, что дамъ Робеспьеру подписать декретъ и отправить его по принадлежности. Вслѣдъ за тѣмъ онъ, конечно, приметъ на себя главное распоряженіе событіями. И вотъ, когда окруженный совѣтомъ общины, восторженно привѣтствуемый парижскими секціями и національными гвардейцами Анріо, онъ выйдетъ на площадь посреди восторженныхъ восклицаній толпы, настанетъ мой чередъ! Чувство злобной, сумасшедшей радости, которое овладѣло мною, описать невозможно. Я вынулъ одинъ изъ моихъ пистолетовъ и стиснулъ его судорожно въ правой рукѣ, скрывая дуло подъ складками манжеты.

Въ эту минуту кто-то сильно толкнулъ меня въ сторону и я услыхалъ, сказанныя шопотомъ слова:

— Вотъ онъ! за среднимъ канделябромъ, цѣлься хорошенько!

Я обернулся и увидалъ Леонара Бурдона, рядомъ съ которымъ стоялъ молодой жандармъ, тотъ самый, котораго я встрѣтилъ за нѣсколько часовъ въ ресторанѣ, гдѣ произошла описанная мною сцена. Жандармъ этотъ держалъ въ рукѣ большой кавалерійскій пистолетъ и какъ-то неловко переминался на мѣстѣ.

Инстинктивно, самъ не зная зачѣмъ, я отступилъ на нѣсколько шаговъ и очутился за спинами Бурдона и его товарища. Сколько помнится, въ эту минуту моимъ намѣреніемъ было отвести руку убійцы...

Между тѣмъ Робеспьеръ, все еще державшій перо надъ бумагой, не рѣшаясь подписать ее, сдѣлалъ вдругъ рѣшительное движеніе, еще разъ опустилъ перо въ чернильницу и, обратясь къ окружающимъ, сказалъ:

— Пусть будетъ по вашему!

Рука съ перомъ опустилась на бумагу...

— Стрѣляй, болванъ, а то будетъ поздно!—прохрипѣлъ Леонаръ Бурдонъ.

Жандармъ поднялъ пистолетъ...

То, что̀ произошло со мною въ это мгновеніе, не передать никакими словами. Я забылъ рѣшительно все меня окружающее, при мысли, что виновникъ гибели Сесили Рено можетъ умереть не отъ моей руки. Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ я отклонилъ пистолетъ жандарма и выстрѣлилъ самъ. Вслѣдъ за моимъ выстрѣломъ раздался другой. Сквозь какой-то кровавый туманъ, застлавшій мгновенно мнѣ глаза, я увидалъ, какъ голова Робеспьера склонилась на бумагу и какъ всѣ, его окружавшіе, въ ужасѣ шарахнулись назадъ, въ то время, какъ въ дверяхъ залы раздался чей-то громовой голосъ:

— Да здравствуетъ конвентъ! Хватайте крамольниковъ.

Что̀ произошло далѣе—сохранилось въ моей памяти, какъ смутный и ужасный сонъ. Я слышалъ свирѣпые крики вооруженныхъ людей, наполнившихъ залу засѣданія, видѣлъ, какъ вокругъ большого стола толпились какіе-то люди, кричавшіе: «ловите остальныхъ! ищите Сенъ-Жюста и Кутона!» но все это казалось мнѣ какимъ-то горячечнымъ бредомъ моего воображенія.

Потомъ меня вдругъ охватилъ какой-то невыразимый ужасъ, и я какъ безумный бросился вонъ изъ залы, побѣжалъ вдоль корридоровъ и не знаю уже, какъ очутился на площади, все еще освѣщенной иллюминаціей, устроенной городскимъ совѣтомъ въ честь освобожденія Максимиліана Робеспьера.

. . . .

Всю ночь съ 9-го на 10-е термидора, я проблуждалъ въ какомъ-то полузабытьи, по улицамъ, наполненнымъ народомъ. Что̀ я думалъ во время этихъ блужданій—совершенно изгладилось изъ моей памяти. Кажется, что вскорѣ послѣ разсвѣта я, какъ-то инстинктивно, добрался до угла площади Революціи, гдѣ явилась въ послѣдній разъ передо мною Сесиль Рено, отчаянно боровшаяся съ удерживавшимъ ее за плечи палачомъ, но я не поручусь, что это было такъ дѣйствительно... Первая минута полнаго, отчетливаго сознанія застала меня на одной изъ скамеекъ тюильерійскаго сада, ярко освѣщеннаго солнечнымъ свѣтомъ. За большимъ бассейномъ, передъ дворцомъ, стояли войска подъ ружьемъ. На площади слышался стукъ молотковъ и какіе-то командныя слова, произносимыя хриплымъ голосомъ. Я поднялъ голову и увидалъ изъ-за террасы сада, выходившей на площадь, медленно приводимыя въ вертикальное положеніе чьими-то не-

видимыми для меня руками, двѣ стойки гильотины. Это зрѣлище напомнило мнѣ о событіи прошлой ночи, и, вскочивъ въ невыразимомъ ужасѣ со скамьи, я побѣжалъ вонъ изъ сада, направляясь къ выходу на набережную Сены...

XXIII.

Я шелъ не домой, будучи вполнѣ убѣжденъ, что не застану въ нашей квартирѣ Проспера Ландэ, который, конечно, подвергся одной участи съ прочими друзьями Робеспьера. Большая сумма денегъ, которую я носилъ постоянно за послѣднее время при себѣ, давала мнѣ возможность пріискать себѣ пока пріютъ гдѣ-нибудь подальше отъ центра города, а потомъ и совсѣмъ уѣхать изъ Парижа, не нуждаясь въ вещахъ и платьѣ, оставленныхъ въ моихъ комнатахъ. Переправившись черезъ рѣку въ лодкѣ перевощика, стоявшаго неподалеку отъ Луврскаго дворца, я пошелъ по направленію Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и, углубляясь во внутрь этого, почти пустыннаго въ ту эпоху квартала, забрелъ въ какую-то глухую улицу, проходившую почти сплошь между каменными оградами и желѣзными рѣшетками окаймлявшихъ ее садовъ. Въ концѣ этой улицы, надъ старымъ трехъ-этажнымъ домомъ висѣла, поскрипывая на ржавыхъ петляхъ, полинявшая вывѣска съ изображеніемъ золотого льва на синемъ полѣ, подъ которымъ едва виднѣлась надпись: «ночлегъ для пѣшихъ и конныхъ». Я вошелъ въ эту гостинницу и спросилъ себѣ комнату. Молодая, блѣдная и усталая на видъ служанка провела меня наверхъ и открыла дверь небольшой каморки, въ которой стояла желѣзная узкая кровать безъ полога, два плетеныхъ соломенныхъ стула и старинный пузатый комодъ съ незатѣйливымъ умывальнымъ приборомъ на верхней мраморной доскѣ. Окинувъ какимъ-то страннымъ взглядомъ мой изящный, но помятый нарядъ, эта дѣвушка открыла единственное окно каморки и, точно разговаривая сама съ собою, произнесла вполголоса:

— Выходитъ на сосѣднюю крышу. Слуховое окошко безъ рѣшетокъ, можно пробраться на чердакъ и спуститься по лѣстницѣ въ другую улицу.

Она, очевидно, принимала меня за какого-нибудь «подозрительнаго», укрывающагося отъ преслѣдованій.

Я едва стоялъ на ногахъ отъ усталости и мучительнаго чувства, которое вызывали во мнѣ какъ-то внезапно нахлынувшія воспоминанія объ ужасахъ минувшей ночи. Первою мыслью

моею было броситься на непривѣтно смотрѣвшую узкую постель, но въ ту же минуту мнѣ показалось просто чудовищнымъ заснуть, не зная ничего о томъ, какой оборотъ приняли событія, въ которыхъ я столь неожиданно разъигралъ такую рѣшительную роль. Надо было, во что бы то ни стало, запастись силами для того, чтобы провести на ногахъ и на улицѣ весь начинавшійся день, роковой день 10-го термидора, въ который окончательно и безповоротно рѣшилась судьба Франціи и на ея политическомъ горизонтѣ взошло ни для кого еще не замѣтное свѣтило военнаго авантюриста, сдѣлавшагося нѣсколько лѣтъ спустя распорядителемъ судебъ всей Европы!

Преодолѣвая невыразимое отвращеніе, которое внушала мнѣ въ эту минуту одна мысль о какой-нибудь пищѣ, я велѣлъ ожидавшей моихъ приказаній служанкѣ принести мнѣ чего-нибудь позавтракать и захватить бутылку вина. До поданнаго мнѣ завтрака я едва, однако же, дотронулся, но вино выпилъ же и даже потребовалъ сверхъ того большую рюмку виноградной водки. Голова у меня немного кружилась, но за то я вдругъ почувствовалъ приливъ какой-то искусственной бодрости, давшей мнѣ возможность привести въ порядокъ мой туалетъ и выйти на улицу, заплативъ служанкѣ за комнату и завтракъ, причемъ я объявилъ, что комнату оставляю за собою.

Улицы Сенъ-Жерменскаго предмѣстья были, по-прежнему, пусты и молчаливы; но когда я выбрался на набережную Сены, мнѣ представилось зрѣлище шумнаго оживленія. По ту сторону рѣки, около Лувра и далѣе въ сторону собора Парижской Богоматери, толпились несмѣтныя массы народа. Въ воздухѣ стоялъ перекатывающійся гулъ многихъ тысячъ голосовъ. Вокругъ ограды тюильерійскаго сада были размѣщены густыя колонны пѣшихъ и конныхъ войскъ, штыки и обнаженныя сабли которыхъ ярко сверкали на солнцѣ.

Я перешелъ мостъ Революціи и очутился на покрытой народомъ площади того же имени, посреди которой возвышался зловѣщій профиль гильотины. Со всѣхъ сторонъ слышались не то радостныя, не то недоумѣвающія восклицанія и шли оживленные толки...

Мнѣ было какъ-то странно и дико пробираться сквозь эту волнующуюся толпу, неподозрѣвавшую, кто именно тотъ блѣдный молодой человѣкъ съ потеряннымъ взглядомъ, который старается проложить себѣ въ ея сплошныхъ рядахъ дорогу къ зданію конвента. Чувство, все болѣе и болѣе овладѣвавшее мною по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ, было необыкновенно

сложно и походило отчасти на полусознательный бредъ больного горячкою. Минутами я гордо поднималъ голову, вспоминая о совершенной мною мести за несчастную Сесиль Рено, и мнѣ хотѣлось объявить кричавшимъ: «долой тирановъ! да здравствуетъ конвентъ!» что своимъ освобожденіемъ отъ этихъ «тирановъ» Франція обязана *мнѣ*, но вслѣдъ затѣмъ передъ глазами моими вдругъ рисовались съ мучительною ясностью слабо освѣщенная зала ратуши и напудренная голова Робеспьера, вдругъ безпомощно склонившаяся на красную скатерть стола совѣта, и я испытывалъ невыразимый ужасъ, заставлявшій меня зажмуриваться... Въ эти минуты я бросался впередъ, какъ бѣшеный, грубо расталкивая толпу и не обращая никакого вниманія на ругательства, которыми осыпали меня со всѣхъ сторонъ.

Не помню уже, какъ добрался я, наконецъ, до зданія конвента и очутился въ одной изъ публичныхъ трибунъ, переполненныхъ народомъ. Ночное засѣданіе конвента, прерванное съ разсвѣтомъ на три часа, уже давно возобновилось, и въ то время, когда я вошелъ въ трибуну, побѣдители 9-го термидора величаво засѣдали на своихъ скамьяхъ, выслушивая поздравленія различныхъ депутацій, являвшихся одна за другой къ рѣшеткѣ залы объявить, что «конвентъ спасъ отечество»... Изъ того, что говорилось ораторами этихъ депутацій и передавалось въ полголоса окружавшими меня, я скоро могъ себѣ составить приблизительное понятіе о происшедшемъ ночью, съ той минуты, когда я, выстрѣливъ въ Робеспьера, ринулся вонъ изъ городской ратуши, объятый невыразимымъ ужасомъ и отвращеніемъ къ совершенному мною дѣлу.

Пуля, попавшая въ Робеспьера, не убила его на мѣстѣ, а только тяжело ранила, раздробивъ ему нижнюю челюсть. Какъ только онъ упалъ головою на столъ, зала засѣданія наполнилась вооруженными сторонниками конвента. Сенъ-Жюстъ, старавшійся приподнять своего друга, былъ арестованъ, Филиппъ Леба, успѣвшій выбѣжать въ другую комнату, гдѣ лежало оружіе, собранное по приказанію Флёріо-Леско, схватилъ пистолетъ и застрѣлился. Огюстенъ Робеспьеръ выбросился изъ окна на площадь и былъ поднятъ страшно разбитый, но еще живой. Кутонъ, тоже разбившійся при паденіи съ лѣстницы, до которой онъ успѣлъ незамѣтно добраться на своихъ костыляхъ, былъ отнесенъ въ городской госпиталь, носившій до революціи и носящій, если не ошибаюсь, и теперь названіе «Божьяго Дома» (Hôtel-Dieu).

Смертельно раненаго Робеспьера тотчасъ же перенесли изъ

городской ратуши въ зданіе конвента и помѣстили на столѣ пріемной залы комитета общественной безопасности. Предсѣдательствовавшій въ ночномъ засѣданіи конвента Шарлье, узнавъ объ этомъ, спросилъ представителей, не желаютъ ли они, чтобы «гнусный мятежникъ» былъ принесенъ въ залу засѣданій. Тюріо отвѣчалъ на это:

— Ни за что! Трупъ тирана несетъ съ собой заразу, его мѣсто—на эшафотѣ!

Къ раненому былъ позванъ докторъ. До этой минуты Робеспьеръ, сохранившій сознаніе посреди всѣхъ ругательствъ, которыми осыпали его присутствовавшіе въ залѣ, старался удерживать кровь, обильно струившуюся изъ его ужасной раны, сунутою ему кѣмъ-то въ руку мягкою замшевою кобурою отъ пистолета. Докторъ наложилъ повязку на челюсть и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Робеспьеръ, вмѣстѣ съ принесеннымъ обратно изъ госпиталя Кутономъ, былъ отправленъ въ тюрьму Консьержери.

Между представителями, арестованными въ городской ратушѣ, не упоминалось имени Проспера Ландэ. Кто-то изъ окружавшихъ меня, перечисляя имена арестованныхъ, сказалъ:

— Леребуръ и Ландэ, говорятъ, успѣли ускользнуть и куда-то скрыться.

Я вздохнулъ нѣсколько свободнѣе, услыхавъ эти слова. Они пришлись кстати. Все, что́ я узнавалъ, леденило мнѣ кровь и я уже́ начиналъ опасаться, что со мною сдѣлается снова обморокъ. Извѣстіе, что мой наставникъ избѣгъ участи его друзей, нѣсколько ободрило меня и дало мнѣ силу слѣдить далѣе за происходящимъ въ конвентѣ.

Увы! все, что́ я видѣлъ и слышалъ, было невыразимо гнусно и отвратительно. У рѣшетки залы раздавались слова низкой лести побѣдителямъ и самой наглой, до нелѣпости грубой клеветы на побѣжденныхъ. Члены парижскаго городского правленія (directoire), еще наканунѣ заявлявшіе громко свою рѣшимость дѣйствовать за-одно съ общиной, теперь поздравляли конвентъ съ совершеннымъ имъ подвигомъ. Революціонный трибуналъ въ полномъ составѣ, слывшій за слѣпое орудіе воли Робеспьера, явился объявить, что онъ отдаетъ себя въ распоряженіе конвента, для немедленнаго суда надъ «крамольниками»; гнусный Фукье-Тэнвилль потребовалъ, чтобы ему разрѣшено было начать процессъ съ опущеніемъ нѣкоторыхъ формальностей, «замедляющихъ быстроту хода правосудія». Разрѣшеніе это было немедленно дано при громѣ рукоплесканій, раздавшемся на скамьяхъ представителей и въ публичныхъ трибунахъ.

Возмущенный до глубины души, мучимый невыразимымъ раскаяніемъ, я всталъ и хотѣлъ уйти, чтобы не присутствовать далѣе при всѣхъ этихъ низостяхъ, какъ вдругъ поднялся съ своего мѣста Леонаръ Бурдонъ и попросилъ у конвента позволенія представить собранію «того, чье доблестное самоотверженіе дало конвенту первую возможность сокрушить грозную крамолу».

— Вамъ уже извѣстно, граждане, — продолжалъ Леонаръ Бурдонъ, что гнусный Робеспьеръ не могъ докончить подписи подъ декретомъ о распущеніи конвента, благодаря пистолетному выстрѣлу, сдѣланному однимъ изъ вашихъ защитниковъ, успѣвшихъ проникнуть въ залу совѣта общины. Этотъ доблестный защитникъ законности мнѣ извѣстенъ. Его зовутъ гражданинъ Мердá. Онъ состоитъ на службѣ въ 26-й жандармской бригадѣ, находящейся въ распоряженіи конвента. Я былъ сегодня ночью возлѣ него въ ту минуту, когда онъ совершилъ свой достохвальный подвигъ и могу засвидѣтельствовать, что именно ему вы обязаны тѣмъ, что борьба съ крамольниками не привела къ настоящей междоусобной войнѣ на улицахъ Парижа. Въ награду за свое самоотверженіе гражданинъ Мердà желаетъ только одного — чести быть вамъ представленнымъ.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ! Ужаснымъ дѣломъ, мною совершеннымъ, хвалился другой и Леонаръ Бурдонъ, очень хорошо видѣвшій, что Робеспьеръ палъ не отъ руки приведеннаго имъ убійцы, осмѣливается подтверждать своимъ лжесвидѣтельствомъ эту гнусную похвальбу!.. Первымъ моимъ движеніемъ было громко крикнуть: «Неправда, убійца Робеспьера передъ вами!» но я тотчасъ же вспомнилъ, что за подобнымъ восклицаніемъ послѣдовала бы, вѣроятно, для меня овація, при одной мысли о которой мнѣ стало невыразимо гадко. Съ той минуты, какъ кровавое дѣло, мною совершенное, провозглашалось «геройскимъ подвигомъ» людьми, внушавшими мнѣ невыразимое презрѣніе, мнѣ оставалось только безмолвно допустить самозванство сообщника Бурдона...

Конвентъ не сразу отвѣчалъ на обращенную къ нему послѣднимъ просьбу. Между представителями замѣтно было нѣкоторое колебаніе, но террористы скоро положили ему конецъ. Каррье, ужасный изобрѣтатель нантскихъ «потопленій», поддержалъ Бурдона, величая жандарма Мердá «новымъ Брутомъ, спасшимъ республику». Раздались аплодисменты и президентъ объявилъ, что «гражданинъ Мердá удостоивается чести быть допущеннымъ передъ лица народнаго представительства»...

Я не могъ выдержать долѣе и поспѣшно вышелъ изъ трибуны. Конвентъ казался мнѣ въ эту минуту какой-то сворой охотничьихъ псовъ, радостно готовящихся къ дѣлежу отдаваемой на ихъ долю охотниками добычи.

Въ тюильрійскомъ саду, куда я пустился, всѣ аллеи были полны народомъ. Изъ отрывочныхъ фразъ, раздававшихся вокругъ меня, я догадался, что революціонный трибуналъ уже произнесъ свой приговоръ. Казни Робеспьера и его товарищей ожидали къ пяти часамъ пополудни. До этой роковой развязки оставалось еще два часа.

Почти машинально, не отдавая самъ себѣ отчета, куда и зачѣмъ иду, я отправился изъ сада въ нашу квартиру. Привратница, увидавъ меня, загородила мнѣ дорогу, говоря, что Проспeръ Ландэ не возвращался со вчерашняго дня и что квартира наша опечатана агентами комитета всеобщей безопасности.

— Вы лучше сдѣлаете, гражданинъ Эженъ,—сказала она,—если будетъ держаться подалѣе отъ этихъ мѣстъ, а не то и совсѣмъ уберетесь изъ Парижа, пока цѣлы и свободны. Сами видите, какое окаянное время наступило! Вашу служанку, и ту эти злодѣи розыскивали. Хорошо, что она, бѣдная, догадалась куда-то уйти, захвативъ кое-что изъ своихъ пожитковъ.

Я поблагодарилъ добрую женщину за ея предостереженіе, грустно улыбаясь при мысли, что однимъ словомъ могу—еслибъ только захотѣлъ—превратиться изъ гонимаго въ героя дня и «спасителя республики». Часы мои показывали три четверти четвертаго. Возвращаться въ гостинницу «Золотого льва» было уже поздно. Я рѣшился ждать гдѣ-нибудь на улицѣ минуты, когда осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ повезутъ на казнь.

Часто приходилось мнѣ впослѣдствіи спрашивать себя, какое чувство заставило меня въ этотъ ужасный день желать присутствовать на казни Робеспьера, и ниразу я не могъ дать себѣ хоть нѣсколько удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Помню ясно, что въ мои побужденія не входило вовсе желанія еще разъ насытить мою месть за Сесиль Рено. Видѣнное и слышанное только-что мною въ конвентѣ совершенно потушило въ моей груди жажду мщенія. Послѣдствій готовившейся трагедіи я, однако же, не сознавалъ. Кажется, что мною двигало какое-то инстинктивное, почти животное любопытство, соединявшееся съ смутною мыслью, что я долженъ *наказать* самъ себя нравственными муками того ужаснаго зрѣлища, на которое я добровольно себя обрекалъ.

Въ половинѣ пятаго я стоялъ передъ рѣшеткою главнаго двора дворца Правосудія, гдѣ толпилась несмѣтная масса народа. Составъ этого сборища былъ далеко не похожъ на составъ привычныхъ зрителей поѣздовъ осужденныхъ на мѣсто казни. Простолюдиновъ было гораздо менѣе, чѣмъ людей, принадлежавшихъ по платью и манерамъ къ среднему сословію. Нарядно одѣтыя женщины попадались на каждомъ шагу. Слышался характерный говоръ щеголей и щеголихъ, не произносившихъ вовсе буквы *р*, попадались тамъ и сямъ знакомые мнѣ по клубу якобинцевъ эбертисты и приверженцы покойнаго Дантона.

Минутъ черезъ десять вся эта толпа заволновалась и хлынула впередъ съ криками: «смерть тирану!» Ворота дворовой рѣшетки распахнулись и оттуда выѣхало нѣсколько телѣгъ, окруженныхъ конными жандармами. На первой телѣгѣ, рядомъ съ палачомъ, стоялъ презрительно глядѣвшій на шумящую толпу красавецъ Сенъ-Жюстъ. Возлѣ него сидѣлъ привязанный къ рѣшетчатой спинкѣ скамьи, блѣдный какъ смерть, очевидно уже лишенный сознанія Робеспьеръ. Покрытая окровавленными повязками голова его автоматическимъ движеніемъ болталась изъ стороны въ сторону, мутные глаза глядѣли неподвижно. Сквозь жерди телѣжнаго кузова видѣнъ былъ лежащій на его днѣ трупъ застрѣлившагося Филиппа Леба́.

Воздухъ застоналъ отъ радостныхъ восклицаній толпы, заставившихъ меня вспомнить разсказы путешественниковъ о пирахъ дикарей-людоѣдовъ. Я закрылъ въ ужасѣ глаза и прислонился къ стволу дерева, у котораго стоялъ. Въ этомъ положеніи я оставался, пока удаляющійся звукъ колесъ и топота конскихъ копытъ не показалъ мнѣ, что ужасныя телѣги уже проѣхали. Открывъ глаза, я увидалъ цѣлый людской потокъ, двигавшійся къ Новому мосту.

Слѣдовать за этимъ потокомъ, я чувствовалъ себя рѣшительно не въ силахъ. Искусственное нервное возбужденіе мое какъ-то сразу упало. Мысль о возможности отправиться на площадь Революціи и присутствовать тамъ при готовящейся казни казалась мнѣ теперь просто чудовищною невозможностью. Въ то же время меня начинало неодолимо клонить ко сну. Возвращаться въ гостинницу Золотого Льва было далеко и я чувствовалъ, что у меня не хватитъ силъ на это. Кое-какъ добравшись до сосѣдней площади Равенства, носившей до революціи названіе Place Dauphine, я отъискалъ тамъ другую небольшую гостинницу, потребовалъ себѣ комнату, бросился одѣтый на постель

и заснулъ, какъ убитый, свинцовымъ, болѣзненнымъ сномъ, продолжавшимся до слѣдующаго утра.

XXIV.

Тяжело, адски мучительно было мое пробужденіе въ «радостный» для легкомысленнаго Парижа день 11-го термидора. Я не стану удлиннять моего разсказа описаніемъ тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя овладѣли мною, какъ только я открылъ глаза въ совершенно незнакомой мнѣ комнатѣ. Для тѣхъ, кто прочтетъ эту исповѣдь послѣ моей смерти, достаточно будетъ, если я скажу, что на всей моей дальнѣйшей жизни неизгладимо легъ ужасный гнетъ испытанныхъ мною въ это утро ощущеній...

Физически я, однако же, былъ совершенно бодръ и какъ-то машинально соображалъ, что надо предпринять что-нибудь, чтобы положить конецъ моимъ двухдневнымъ скитаніямъ. Раздумывая объ этомъ, я, наконецъ, почему-то пришелъ къ мысли отправиться къ бывшему воспитателю моего соотечественника, графа Ш*, народному представителю Ромму, который будучи другомъ Проспера Ландэ, можетъ быть, дастъ мнѣ какія-нибудь указанія, гдѣ я могу отъискать моего наставника.

Надежда моя сбылась. Роммъ, державшійся совершенно въ сторонѣ отъ заговора термидорійцевъ, но не скрывавшій отъ меня, однако же, что успѣхъ этого заговора кажется ему событіемъ благопріятнымъ для республики, сообщилъ мнѣ, что Просперъ Ландэ успѣлъ наканунѣ утромъ выбраться изъ Парижа, переодѣтый и съ чужимъ паспортомъ, и намѣренъ пробраться въ Голландію черезъ Дюнкирхенъ. Мнѣ онъ совѣтовалъ послѣдовать тому же примѣру, сообщивъ мнѣ адресъ своего знакомаго въ Роттердамѣ, гдѣ намѣренъ былъ выжидать событій Ландэ.

Черезъ нѣсколько дней я исполнилъ этотъ совѣтъ, приведя по возможности въ порядокъ мои денежныя дѣла. Въ эти дни, я избѣгалъ выходить изъ гостинницы площади Равенства, въ которой остался, но происходившія событія были мнѣ болѣе или менѣе извѣстны по газетамъ, которыхъ я приказывалъ покупать какъ можно болѣе, и которыя читалъ съ утра до вечера, чтобы не предаваться мучительнымъ воспоминаніямъ о ночи 9-го термидора...

Не зачѣмъ разсказывать подробно, какъ я добрался до Роттердама, гдѣ нашелъ Проспера Ландэ опасно больнымъ. Бѣдный мой наставникъ не вынесъ пережитыхъ имъ волненій и

гибели всѣхъ его надеждъ. Онъ умеръ на моихъ рукахъ осенью 1794 года, заклиная меня вернуться въ Россію и горько каясь, что желаніе доставить лишняго вѣрнаго слугу обожаемой имъ республикѣ, побудило его дозволить мнѣ оставаться во Франціи послѣ сентябрьскихъ событій 1792 года.

Предсмертная воля Ландэ была мною исполнена. Похоронивъ его въ Роттердамѣ, я отправился моремъ въ Швецію и тамъ, явившись къ нашему посланнику, сообщилъ ему о моемъ желаніи вернуться въ Россію. Дѣло стало ладиться безъ особыхъ затрудненій, хотя и не безъ нѣкоторыхъ проволочекъ, во время которыхъ я, живя въ Стокгольмѣ, могъ слѣдить по издававшимся въ Голландіи газетамъ о томъ, какъ быстро и неудержимо стала клониться Франція къ военной диктатурѣ молодого артиллерійскаго капитана, разспрашивавшаго меня о Россіи на игорномъ вечерѣ г-жи Сентъ-Амарантъ.

Весною 1795 года, я получилъ разрѣшеніе вернуться въ Россію съ тѣмъ, что впредь до новаго распоряженія буду жить безвыѣздно въ моемъ помѣстьѣ Княжой Дворъ. Это условіе возмутило меня, и вмѣсто того чтобы ѣхать въ Петербургъ, я снова вернулся во Францію, рискуя, что правительство конфискуетъ мои имѣнія. Ничего подобнаго, однако же, не случилось. Помѣстья мои по приказанію императрицы Екатерины II-й были только отданы подъ опеку моему дядѣ съ материнской стороны, графу Задворовскому, престарѣлому «вельможѣ», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и закоренѣлому вольтерьянцу. Благодаря новому опекуну, я могъ постоянно располагать обширными средствами въ моемъ изгнаніи.

Когда я вернулся въ Парижъ, роковая неизбѣжность паденія республики была до того очевидна, что мнѣ и въ голову не пришло зажить прежнею жизнью болѣе или менѣе дѣятельнаго участника совершавшихся въ странѣ событій. Я перемѣнилъ имя и, скрывая мою національность, выдавалъ себя за англичанина, собирающаго разныя рѣдкости для своей коллекціи. Такую коллекцію я, дѣйствительно, замыслилъ себѣ составить, но въ нее должны были войти исключительно предметы, напоминающіе клонившійся къ концу періодъ великой революціи. Всѣ мои вещи и пожитки, оставленные въ Парижѣ лѣтомъ 1794 года, уцѣлѣли какимъ-то непонятнымъ чудомъ. Послѣ нашего исчезновенія, привратница дома, гдѣ жилъ покойный Проспèръ Ландэ, была возведена въ званіе «хранительницы печатей» нашего описаннаго полиціей имущества, а когда термидорійцы, въ свою очередь, лишились власти, измѣнившаяся въ своемъ составѣ полиція просто

поручила почтенной старушкѣ хранить всѣ опечатанныя вещи у себя, впредь до нашего востребованія, съ тѣмъ, что если такого востребованія не послѣдуетъ въ теченіе десяти лѣтъ, охраняемое ею имущество сдѣлается ея собственностію.

Изъ этого имущества я взялъ обратно только предметы, могущіе служить воспоминаніями о революціонной эпохѣ. Образовавшійся, такимъ образомъ, зородышъ коллекціи, я пополнялъ покупками, тщательно розыскивая подходящіе предметы. Эти-то поиски случайно привели къ открытію у бывшаго сторожа комитета общественной безопасности кожаной кобуры, которою, въ ночь на 10-е термидора, несчастный Робеспьеръ старался удержать кровь, струившуюся изъ его раны. Кобура находится нынѣ въ моей коллекціи, но ее не найдутъ тамъ, послѣ моей смерти. Почувствовавъ приближеніе смертнаго часа, я сожгу ужасное воспоминаніе о страшномъ дѣлѣ, совершенномъ мною въ настоящемъ припадкѣ безумія.

Да! безумія! Я смѣло пишу эти слова теперь, когда исторія уже вполнѣ уяснила всѣ послѣдствія переворота 9-го термидора. Я понялъ эти послѣдствія вполнѣ только въ 1812 году, и съ тѣхъ поръ никогда не переставалъ о нихъ сокрушаться. Когда въ началѣ царствованія покойнаго Александра I-го, получивъ разрѣшеніе вернуться въ Россію, обласканный молодымъ императоромъ и его тогдашними сподвижниками, я поступилъ въ военную службу, обаяніе славы Бонапарта было такъ велико, что и я отчасти поддался ему; но вторженіе дерзкаго авантюриста въ предѣлы моего отечества открыло мнѣ глаза. Я сталъ размышлять о всѣхъ событіяхъ моей бурной молодости и скоро пришелъ къ убѣжденію, что я—великій преступникъ не только передъ моею страною, но и предъ всѣмъ человѣчествомъ. Слѣпая месть, подвигнувшая руку безумнаго юноши, измѣнила ходъ всей европейской исторіи, дала первую возможность для возникновенія неслыханной диктатуры смѣлаго корсиканца, къ мрачной всеевропейской реакціи, послѣдовавшей за этою диктатурою.

Жандармъ Мердà за убійство, котораго онъ не совершалъ, былъ награжденъ офицерскими эполетами, а впослѣдствіи, при имперіи, титуломъ барона. Онъ могъ спокойно наслаждаться плодами преступленія, котораго не совершилъ, но я, стоя глазъ на глазъ съ своею совѣстью, не могу быть спокойнымъ. Возмездіе, котораго бы я заслуживалъ, я налагаю самъ на себя: добровольное одиночество—такова будетъ моя участь до самой смерти. Мои большія денежныя средства послужатъ къ возможному облегченію участи сотенъ людей, которыхъ судьба обрекла на нена-

вистное мнѣ рабство... Отшельникъ «Княжого Двора» сдѣлаетъ сверхъ того все отъ него зависящее для того, чтобы его тяжелая исповѣдь разсѣяла уже установившійся историческій предразсудокъ...

«Горе побѣжденнымъ!» Какія ужасныя и безпощадно-правдивыя слова. Увы! зачѣмъ суждено было мнѣ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ одного лишняго примѣненія къ дѣйствительности этого безчеловѣчнаго правила!

Отъ издателя. Въ переводѣ рукописи покойнаго Евгенія Михайловича Стародубскаго, мною не сдѣлано ни одной перемѣны противъ французскаго ея текста. Я старался передать возможно ближе нѣсколько устарѣлый слогъ покойнаго. Насколько мнѣ удалась эта нелегкая задача—пусть судятъ читатели.

М. Загуляевъ.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ВЫСТАВКА

въ

ЦЮРИХѢ.

Трудъ народа, идущаго въ уровень съ современною культурою, проявляется въ нашу эпоху такъ разнообразно, выражается въ столькихъ формахъ прикладного знанія, что даже человѣку, знакомому съ естественными науками, становится совѣстно своего практическаго незнанія, когда онъ входитъ подъ своды любой современной выставки.

Меня поражаетъ и многообразное примѣненіе этихъ наукъ на практикѣ, иногда очень простое, и тѣмъ болѣе смущающее человѣка теоріи, отвлеченной науки. Какъ это ты не догадался объ этомъ, спрашиваешь невольно самъ себя! Догадался другой, болѣе сметливый, болѣе практическій, можетъ быть, менѣе научно-образованный, но сосредоточившій на разработкѣ деталей все свое вниманіе, болѣе трудолюбивый и настойчивый въ трудѣ.

Эти качества чреваты послѣдствіями, какъ въ жизни частнаго человѣка, такъ и въ жизни народа. Удачное примѣненіе научной истины, самой простой, самой, повидимому, общеизвѣстной, бываетъ источникомъ не только умственнаго удовлетворенія, но и источникомъ богатства частнаго и общественнаго. Люди, одаренные такими качествами, не только занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи труда, но часто становятся благодѣтелями современниковъ и потомковъ, которые, иногда не зная даже имени ихъ, обязаны имъ своимъ довольствомъ, разливающимся въ народныхъ массахъ.

Швейцарская выставка въ Цюрихѣ, открывшаяся 1-го мая текущаго года, и предположенная къ закрытію 30-го сентября, наглядно иллюстрируетъ такой взглядъ. Обязанная своимъ возникновеніемъ почину частныхъ людей, желавшихъ подвести итогъ производительности страны и труду ея обитателей, она интересна въ особенности тѣмъ, что она—выставка страны бѣдной по природѣ, съ населеніемъ немногочисленнымъ, хотя и густымъ [1]).

Многіе изъ насъ знаютъ эту страну со стороны ея красотъ. Съ именемъ Швейцаріи связано у насъ представленіе о грандіозности или прелести ландшафта. Далѣе этого наши свѣдѣнія объ ней идутъ у немногихъ. Пріятно наслаждаться природой, но небезполезно и заглянуть глубже, освѣдомиться, какъ живутъ люди посреди ея. Недостаточно смотрѣть на эту страну глазами туриста, ищущаго развлеченія и наслажденія; не мѣшаетъ остановиться на ней въ качествѣ наблюдателя, если не представляется возможности войти въ роль изслѣдователя.

Для этой послѣдней я не имѣлъ ни времени, ни разносторонней подготовки, и потому ограничусь общимъ и бѣглымъ очеркомъ впечатлѣній, вызванныхъ выставкой въ Цюрихѣ, дополняя ихъ, по источникамъ статистическимъ и историческимъ, данными, проливающими нѣкоторый свѣтъ на трудъ швейцарскаго народа. Какъ ни отрывочны они, по нимъ можно всетаки составить общее понятіе о послѣднемъ, а желающіе—сопоставивъ передаваемое съ тѣмъ, чтó имъ близко извѣстно объ ихъ непосредственно окружающей средѣ, выведутъ, изъ сравненія, заключеніе и о послѣдней.

Если это сравненіе дастъ толчекъ, хотя бы немногимъ, которымъ близки интересы родины, исправить недостатки существующаго, или открыть новые пути для осмысленнаго труда, то этимъ будетъ болѣе чѣмъ достигнута цѣль настоящей корреспонденціи, набросанной подъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ Цюрихѣ.

Мнѣ остается еще успокоить читателя въ томъ отношеніи,

---

[1]) Для оріентировки читателя приводимъ слѣдующія оффиціальныя данныя вся Швейцарія занимаетъ площадь въ 41,389 кв. километровъ, изъ которыхъ только 71,5% производительны; остальная часть—28,5%, т.-е. почти треть страны, не способна для культуры. Она занята ледниками, озерами, рѣками, поселеніями, дорогами, скалами. По переписи 1880 г. число жителей этой страны было 2.846,102 (1.394,626 мужского и 1.451,476 женскаго пола), представлявшихъ 607,725 хозяйствъ. Эти данныя полезно имѣть постоянно въ виду при оцѣнкѣ какъ естественной производительности страны, такъ и при оцѣнкѣ результатовъ народнаго труда. Крупный масштабъ, къ которому мы привыкли, здѣсь не примѣнимъ.

что я не стану утомлять его вниманіе сообщеніемъ именъ производителей, или описаніемъ продуктовъ ихъ дѣятельности. Это составляетъ предметъ каталога. Ему интереснѣе получить хотя бы поверхностное понятіе объ исторіи труда этого маленькаго, не играющаго никакой политической роли, народа, отмѣтившаго однако свое имя въ наукѣ и промышленности. Конечно, въ такомъ бѣгломъ наброскѣ не слѣдуетъ искать ни полноты, ни подробностей, такъ необходимыхъ при спеціальномъ изслѣдованіи. Сообщеніе это не заявляетъ притязаній на него, даже коснется не всѣхъ отдѣловъ выставки. Оно страдаетъ, кромѣ этой отрывочности, отсутствіемъ системы, невозможной въ настоящемъ случаѣ. A tout seigneur tout honneur, говоритъ пословица.

Этимъ вельможей на швейцарской территоріи является— школа, съ которой, поэтому, мы и начинаемъ нашъ очеркъ, какъ самаго главнаго предмета въ жизни народной. Не даромъ нѣмцы, сами, какъ извѣстно, не чуждые уваженія наукѣ, съ завистію говорятъ о швейцарскихъ Schulpaläst'ахъ (школьныхъ дворцахъ). Ими изобилуетъ и Германія, не щадитъ на нихъ средствъ, но все-таки сознается, что Швейцарія жертвуетъ на нихъ сравнительно еще больше. Спросите, въѣзжая не только въ швейцарскіе города, но и въ деревни, когда васъ поразитъ лучшее строеніе,—что это за зданіе? Окажется, навѣрное, что это школа... Конечно, не по однимъ зданіямъ судятъ о достоинствѣ учебнаго заведенія. Это довольно извѣстная и избитая истина. Но по издержкамъ, которыя народъ на нихъ дѣлаетъ, можно, конечно, судить о степени интереса его къ образованію.

Интересъ этотъ въ швейцарскихъ народностяхъ, какъ оказывается, стоитъ на первомъ планѣ. Расходы на образованіе составляютъ самую крупную статью бюджета. Они, достигая ежегодно 15 милліоновъ фр., и кромѣ того, ежегодно же, 3 милл. на школьныя постройки, слѣд. 18 милл. (съ 1871 г. издержано на послѣднія 30 милліоновъ) занимаютъ въ немъ *первое* мѣсто [1].

При даровомъ и обязательномъ народномъ обученіи, недопускающемъ никакого различія по вѣроисповѣданіямъ, во всѣхъ 22 кантонахъ (изъ нихъ 3 полу-кантона) существуетъ 4,586 народныхъ школъ, посѣщаемыхъ 434,080 учениками. Изъ нихъ

[1]) При *общемъ* бюджетѣ (союзномъ) около 43 милліоновъ, на военное вѣдомство затрачивается 15 милл. (при численности войска въ 118,000, и ополченія въ 93,000 человѣкъ). На почтовую часть издерживается около 14 милл., на финансовое управленіе—около 4 милл., на департаментъ внутреннихъ дѣлъ—около $4^1/_2$ милл. Приведенная выше цифра 18 милл. на образованіе расходуется самими *кантонами*. Только одинъ цюрихскій Политехникумъ содержится на счетъ центральной казны.

218,191 мальчиковъ и 215,889 дѣвочекъ. Обучаютъ въ нихъ 7,474 преподавателей: 5,840 учителей и 2,525 учительницъ.

Союзное правительство не вмѣшивается въ педагогическія частности, предоставляя опредѣленіе ихъ самимъ кантонамъ, слѣдя только за тѣмъ, чтобы требованіе обязательнаго и дарового обученія было неукоснительно ими исполняемо. У насъ часто оправдываются, по случаю упрековъ, отовсюду доносящихся насчетъ количественнаго (я не говорю уже о качественномъ) недостатка народныхъ школъ, тѣмъ, что нашъ климатъ, наше бездорожье служатъ препятствіемъ для ихъ устройства и посѣщенія. Но развѣ швейцарскій климатъ въ горныхъ мѣстностяхъ,—а они составляютъ большинство территоріи,—менѣе суровъ чѣмъ нашъ? Развѣ снѣжные обвалы и горныя вьюги менѣе опасны для учениковъ швейцарскихъ, чѣмъ наши мятели для русскихъ? Нашли же швейцарцы исходъ изъ этихъ затрудненій. Они не сидѣли сиднемъ и не ждали, чтобы гора пришла къ нимъ, какъ сказывается въ какой-то сказкѣ, а сами пошли къ ней на встрѣчу. Они построили на высотахъ нѣсколькихъ тысячъ футовъ свои горныя школы (Bergschulen). Нашимъ медлителямъ, не рѣшающимся преодолѣть встрѣчающіяся имъ затрудненія, не мѣшало бы, слѣдуя этому примѣру, начать дѣйствовать, а не отдѣлываться разными «соображеніями», и сваливать все на нашу бѣдную, суровую и неприглядную природу. Нужно самому побывать посреди населенія, гнѣздящагося на горныхъ швейцарскихъ вершинахъ, чтобы убѣдиться, что оно живетъ не въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ, чѣмъ наше. Напротивъ, за исключеніемъ нашего сѣвера, русскому человѣку гораздо легче справляться съ природою, чѣмъ швейцарскому горцу. Трудъ его гораздо напряженнѣе, упорнѣе и—неблагодарнѣе. И ему приходится уходить съ родного пепелища, но не вслѣдствіе истощенія почвы отъ неумѣлаго и небрежнаго обращенія съ нею, а просто потому, что площадь ея, при увеличеніи населенія, не въ состояніи питать его даже при самой тщательной обработкѣ. Онъ и въ этомъ отношеніи оказывается въ накладѣ въ сравненіи съ русскимъ работникомъ. Ему приходится переселяться на чужбину, за океанъ или въ Алжиръ, тогда какъ нашъ остается въ предѣлахъ родины.

Между тѣмъ эта бѣдность не мѣшаетъ швейцарцу приносить послѣдній франкъ на дѣло школы, такъ какъ онъ сознаетъ, что безъ посредства школы борьба за существованіе станетъ, для его дѣтей, еще тягостнѣе, еще труднѣе.

Къ этимъ обязательнымъ народнымъ школамъ примыкаютъ

высшія народныя школы, но уже необязательныя, гдѣ ученіе составляетъ продолженіе первыхъ, послѣ 5—6 лѣтъ, въ нихъ проведенныхъ. Въ этихъ школахъ ученіе длится 2—3 года. Цѣль ихъ—служить приготовительными заведеніями для высшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если ученикъ этимъ не воспользуется по какимъ-либо причинамъ, сдѣлать его способнымъ для практической дѣятельности на низшихъ ея ступеняхъ, т.-е. завершать для нея его образованіе. Педагогическій контингентъ своихъ школъ Швейцарія приготовляетъ въ 26 учительскихъ семинаріяхъ (онѣ существуютъ и для учительницъ, но число послѣднихъ намъ неизвѣстно) съ 182 преподавателями. Число ежегодно выходящихъ отсюда учителей простирается до 500 человѣкъ.

Надвигающаяся со всѣхъ сторонъ конкурренція убѣдила швейцарцевъ, что, несмотря на хорошее состояніе высшихъ народныхъ школъ, онѣ уже не удовлетворяютъ населенія при борьбѣ съ сосѣдями. Они стали учреждать, одну за другою, т.-н. Vorbildungsschulen, въ которыхъ ремесленники знакомятся, въ вечерніе часы, съ успѣхами производства по разнымъ спеціальностямъ. Нѣкоторые кантоны въ послѣднее время пошли еще далѣе на этомъ пути. Они открыли (въ Базелѣ, Женевѣ, С.-Галленѣ, Цюрихѣ, Винтертурѣ) художественно-техническія школы. Онѣ предназначены, рядомъ съ строго-научнымъ образованіемъ, занимать ихъ практическими работами, чтобы приготовить изъ нихъ хорошихъ техниковъ-практиковъ для ремеслъ и промышленныхъ заведеній. Курсъ длится 4—5 семестра, смотря по спеціальности, избранной поступающимъ. Такихъ, въ каждой школѣ, отдѣловъ 6: школа ремесленниковъ-строителей имѣетъ въ виду приготовить своихъ воспитанниковъ къ тому, чтобы они могли сдѣлать не только планъ, но и разсчетъ всякаго гражданскаго сооруженія, со всѣми входящими въ него производствами: каменнымъ, камнетеснымъ, столярнымъ и т. д. Оканчивающій по этому отдѣлу курсъ, умѣетъ исполнять не только всѣ чертежныя работы, но можетъ и руководить постройкою. Въ отдѣлѣ механическомъ образуются техники, занимающіе середину между чертежниками и руководителями, инженерами. Они знакомятся теоретически и практически не только съ устройствомъ машинъ, но и съ оцѣнкою ихъ достоинствъ, причемъ это преподаваніе еще спеціализируется, смотря по отрасли, которой служатъ машины. Отдѣлъ химическій, послѣ знакомства съ чистою химіей, подготовляетъ учениковъ для отдѣльныхъ техническихъ отраслей ея, и если въ нихъ дѣйствуютъ машины, знакомитъ съ ними. Въ отдѣлѣ геометровъ, кромѣ межеванія, зна-

комятъ съ постройкой дорогъ, мостовъ, дренажемъ, орошеніемъ, налегая на сельско-хозяйственную технику. Отдѣлъ художественно-промышленнаго черченія и лѣпленія и отдѣлъ коммерческій, своими названіями опредѣляютъ предметы занятій.

Эти заведенія новѣйшей формаціи, повторяемъ, имѣютъ въ виду образовать дѣятелей, занимающихъ середину между работникомъ-исполнителемъ и техникомъ-спеціалистомъ.

Къ спеціальнымъ школамъ, но уже съ болѣе высшимъ курсомъ, слѣдуетъ отнести 3 сельско-хозяйственные института, и 2 ветеринарные.

Вѣнчаютъ это зданіе народнаго образованія 4 университета: въ Базелѣ, Цюрихѣ, Бернѣ и Женевѣ; двѣ академіи: въ Лозаннѣ и Невшателѣ, и наконецъ, политехникумъ въ Цюрихѣ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто дѣлать педагогическую оцѣнку швейцарской школы, хотя она и занимаетъ особый отдѣлъ. Ученическія работы, рѣшенія задачъ, школьныя библіотеки, планы существующихъ школъ, чертежи и модели, дѣланные учениками разныхъ спеціальностей заявляютъ въ очію о дѣятельности и успѣхахъ швейцарской школы. Естественно-историческія собранія, богатые физическіе и химическіе кабинеты нагляднѣе всего свидѣтельствуютъ о сознаніи, что въ нашъ вѣкъ, для преуспѣянія народнаго труда, болѣе всего необходимо основательное и многостороннее знакомство съ законами природы.

Плоды этого убѣжденія сказались тутъ же, въ остальныхъ отдѣлахъ цюрихской выставки. Еслибы не существовало швейцарской школы, не была бы возможна и швейцарская промышленность въ томъ видѣ, въ какомъ она является. Безъ хорошей школы, не было бы знанія, не было бы умѣнья. Существовали бы только рабочія руки, неумѣлыя или руководимыя знаніемъ иностранцевъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію разныхъ видовъ производства, въ которыхъ сказывается знаніе и трудъ населенія, необходимо сообщить: изъ чего слагается объектъ труда, упомянуть въ краткихъ словахъ, каковы сырыя произведенія страны. Мы тутъ же увидимъ, какъ бѣдна Швейцарія, и убѣдимся, что если, несмотря на эту бѣдность, въ ней живетъ все-таки указанное выше населеніе, то его существованіе становится возможнымъ только благодаря напряженному труду и знанію. Безъ нихъ на швейцарской почвѣ не могло бы прокормиться и половины настоящаго ея населенія.

Выше было замѣчено, что почти треть швейцарской территоріи въ буквальномъ смыслѣ непроизводительна. Остальныя двѣ

трети представляютъ самый разнообразный характеръ почвы и климата, съ которыми необходимо было считаться сельскому хозяину. Принимая эти условія въ соображеніе, мѣстные агрономы дѣлятъ Швейцарію на слѣдующія культурныя области: область равнинъ и холмовъ, самую плодородную, отъ 200 до 750 метровъ надъ уровнемъ моря, гдѣ произрастаетъ виноградъ и другія растенія южнаго пояса Европы; область горную, гдѣ произрастаетъ еще рожь, предѣлы созрѣванія которой колеблются, смотря по мѣстностямъ, между 800 и 1,200 метровъ, но занятой по преимуществу культурою кормовыхъ травъ; и наконецъ, область альпійская, въ которой только въ видѣ исключенія зрѣютъ рожь и картофель; большинство же площади ея занято пастбищами, составляющими существенный элементъ мѣстнаго скотоводства. Она простирается, мѣстами, за предѣлы высокоствольныхъ хвойныхъ деревъ, достигая здѣсь высоты 2,100 метровъ надъ уровнемъ.

Изъ этого явствуетъ, что въ Швейцаріи должны были развиться, на самыхъ небольшихъ пространствахъ, разнообразнѣйшія системы сельской культуры.

Въ числахъ они выразились слѣдующимъ образомъ: виноградниками занята площадь въ 305 кв. километровъ (1 кв. килом. = 0,878 русской кв. версты), лѣсомъ 7,714 кв. кил., пашнями, огородами, лугами и пастбищами 21,618 кв. кил.; вся же производительная площадь не превосходитъ, исключивъ лѣсъ, 29,637 кв. километровъ. Такимъ образомъ, сопоставляя ее съ упомянутымъ выше числомъ населенія, выходитъ, что *на одинъ кв. километръ здѣсь приходится 130 человѣкъ!!* Отношеніе незавидное...

И изъ этого числа самая большая часть территоріи занята кормовыми травами, представляющими самый меньшій рискъ при существующихъ климатическихъ условіяхъ страны и доставляющими ей возможность сосредоточить свои усилія на разведеніи скота, какъ статьѣ дохода.

Считая валовой доходъ съ земли, по мѣстнымъ цѣнамъ, по 120 фр. съ гектара и по 50 фр. съ той же площади лѣса, оказывается, что вся культурная площадь Швейцаріи даетъ 300 милл. въ годъ. Это—*главный* доходъ страны, который она получаетъ, не переплачивая за производство иностранцамъ, но далеко не покрывая имъ своихъ насущныхъ потребностей, слѣдовательно покупая недостающее. Такъ, по даннымъ 1878 г. населеніе Швейцаріи нуждалось, для своего прокормленія, въ 5,845,000 квинталахъ (каждый въ 100 фунтовъ) хлѣба, произвела же

только 2.470,000 квинт., слѣд. принуждена была купить заграницею 3,375,000 квинталовъ одного зерна!..

Здѣсь жалуются на постепенный упадокъ хлѣбопашества, вытѣсняемаго скотоводствомъ. Ежегодно послѣднее захватываетъ все больше и больше земли у перваго. Паденіе цѣнъ на хлѣбъ, вслѣдствіе постоянно возрастающей заграничной конкурренціи, вызвало этотъ замѣнъ производства; не слѣдуетъ, поэтому, приписывать его ослабленію энергіи при воздѣлываніи земли. Простой разсчетъ требовалъ рѣшиться на этотъ шагъ. Теперь здѣсь обратились къ улучшенію скотоводства, которое, говорятъ, благодаря расширившейся площади пастбищъ и болѣе раціональному уходу за скотомъ, съ каждымъ годомъ дѣлаетъ успѣхи. Ежегодный доходъ съ него дошелъ до 150 милліоновъ.

Округляя цифры, швейцарское скотоводство (по переписи 1876 г.) представляется въ слѣдующемъ видѣ: лошадей 100,100; муловъ иословъ—5,200; рогатаго скота—1.035,000; свиней—334,000; овецъ—367,000; козъ—396,000 штукъ.

Но и въ этой отрасли сельской промышленности Швейцаріи, какъ показываетъ ея статистика за 1881 г., оказывается недочетъ. Такъ, изъ нея вывезено разнаго скота 126,000, а ввезено изъ заграницы 255,000 штукъ!

Самый значительный доходъ съ этой отрасли представляютъ, послѣ мяса, молочные скопы, въ значительномъ количествѣ отпускаемые за границу и вполнѣ удовлетворяющіе внутреннему потребленію (1,214 милліоновъ литровъ, изъ которыхъ около 500 мил. литровъ потребляются внутри страны).

Винодѣліе, считая по 45 фр. гектолитровъ (1 = 0,813 ведра) съ гектара (1 = 0,915 десятины) даетъ 1.375,500 гектолитровъ. Фруктовые сады даютъ приблизительно 3½ милл. гектолитровъ.

Статистическій обзоръ торговли сельско-хозяйственными продуктами, составленный для выставки, показываетъ, по 32 статьямъ ввоза и вывоза этихъ произведеній, что Швейцарія приплачиваетъ сосѣдямъ, въ особенности Германіи, затѣмъ Франціи, Австріи и менѣе всего Италіи, за нихъ однихъ—болѣе 200 милліоновъ! Только молодой скотъ, свѣжая говядина, сыры и сгущенное молоко вывозятся въ большемъ количествѣ, чѣмъ привозятся. По всѣмъ остальнымъ статьямъ ввозъ превосходитъ вывозъ; вся же сумма производительности сельскаго хозяйства страны не превосходитъ 500 милл. фр., изъ которыхъ на долю молочныхъ скоповъ, занимающихъ первое мѣсто, приходится 170 мил. фр., на мясо—95 мил., затѣмъ идетъ хлѣбъ—на

59 мил., вино—55 мил., картофель—40 мил., живой скотъ—31 мил. Остальныя статьи сельскаго хозяйства выражаются, сравнительно съ этимъ, мелкими цифрами.

Любопытенъ еще фактъ, добытый статистикой, что не болѣе 43% всего населенія заняты хлѣбопашествомъ; оно питаетъ 1,138,440 человѣкъ. Если же принять въ соображеніе другой фактъ статистики, именно: что въ Швейцаріи на 10 человѣкъ самостоятельныхъ хозяевъ приходится 37 несамостоятельныхъ (членовъ семьи, батраковъ), то окажется печальный результатъ, что въ этой странѣ находится только 307,700 самостоятельныхъ хозяевъ.

Въ итогѣ видимъ, что сельское хозяйство страны, производя на 500 мил., покупаетъ еще за границею на 200 мил. сельскихъ произведеній для пропитанія своего населенія, причемъ на содержаніе каждаго человѣка предполагается, среднимъ числомъ, 246 фр. въ годъ.

Не смотря на указанныя невыгоды этого производства, оно считается здѣсь, по сравненію съ промышленною дѣятельностью, выгоднымъ. Оно, за небольшими исключеніями, коренится въ туземной почвѣ; т.-е. въ той части, которую страна производитъ сама, обходится безъ чужеземной помощи; доходъ съ него распредѣляется на значительное число производителей, которыхъ самостоятельность и свобода менѣе всего при этомъ страдаютъ.

Капиталъ, лежащій въ этомъ производствѣ, оцѣнивается въ четыре милліарда.

Перечислять предметы сельско-хозяйственнаго отдѣла, по отзыву знатоковъ богатаго и интереснаго, мы не станемъ. Спеціалисты не были бы удовлетворены подобнымъ поверхностнымъ обзоромъ, а я уклонился бы отъ цѣли этого сообщенія, состоящей въ томъ, чтобы показать, какими средствами страна бѣдная выходитъ изъ затруднительнаго экономическаго положенія, въ которое она поставлена невыгодными почвенными и климатическими условіями.

Перейдемъ, поэтому, къ сырымъ произведеніямъ Швейцаріи, даннымъ ей природою, къ ископаемымъ ея богатствамъ.

Послѣднее слово слѣдуетъ принимать, говоря объ этой странѣ, въ очень ограниченномъ смыслѣ, какъ явствуетъ изъ находящейся на выставкѣ карты. Вѣрнѣе было бы выраженіе: недостатокъ ископаемыхъ. Важнѣйшій двигатель современной промышленности, каменный уголь, встрѣчается въ Швейцаріи, но незначительные пласты его до того исковерканы, перебиты и перемѣшаны съ другими горными породами, что добыча его неоку-

пается. То же почти слѣдуетъ сказать о лигнитѣ. Разработка его доставляетъ не болѣе 10,000 тоннъ. Въ значительно большемъ количествѣ встрѣчается торфъ, который, въ прессированномъ видѣ, удовлетворяетъ многихъ. Словомъ, Швейцарія вывозитъ ежегодно около 3,000 тоннъ минеральнаго топлива, а выписываетъ его изъ-за границы 660,000 тоннъ.

Асфальтъ изъ Val-de-Travers считается лучшимъ на земномъ шарѣ и добывается въ количествѣ около 14,000 тоннъ. Соль добывалась съ XVI вѣка въ одномъ только ваадтскомъ кантонѣ (Bex), но не удовлетворяла потребности страны. Въ 1840-хъ годахъ горный инженеръ Гленкъ, послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, открылъ мощную залежь соли (Rhein-Saline), въ 18 метровъ толщиною, безукоризненно чистую, которая вполнѣ обезпечила Швейцарію этимъ продуктомъ (ежегодно 37,000 тоннъ).

Фабричная дѣятельность требуетъ во многихъ производствахъ плавильныхъ тиглей, которые здѣсь и приготовляются въ значительномъ количествѣ изъ туземныхъ огнеупорныхъ матеріаловъ и графита. Въ послѣднее время начинаетъ распространяться новая отрасль производства изъ горнаго льна (асбеста), какъ лучшаго средства противъ воспламенѣнія. Изъ него начали приготовлять даже ткани.

Какъ можно было ожидать, выставка представила богатую коллекцію строительныхъ матеріаловъ изъ камня, начиная отъ известняка до превосходнаго гранита и прекраснаго мрамора. Отдѣлка послѣдняго свидѣтельствуетъ, что декоративная скульптура не составляетъ здѣсь нововведенія. Цементъ и гидравлическая известь считаются лучшими въ Европѣ. Очень поучительно собраніе строительныхъ матеріаловъ, показывающее ихъ крѣпость, и приспособленія, посредствомъ которыхъ она испытывается. Они коснулись и разныхъ древесныхъ туземныхъ породъ. Выставленныя здѣсь коллекціи послѣднихъ показываютъ, кромѣ того, какъ полезно, въ экономическомъ отношеніи, пропитывать дерево консервирующими растворами, сохраняющими его на долгіе сроки. Интересующіеся этимъ важнымъ въ хозяйствѣ вопросомъ могутъ прослѣдить и сравнить дѣйствіе разныхъ растворовъ, употребляемыхъ для этой цѣли: сулемы, креозота, хлористаго цинка, мѣднаго купороса и т. п. Сланецъ (аспидный камень), такъ распространенный за границей для кровель, прежде выписывался изъ Бельгіи и Прирейнской Пруссіи; теперь начали его разработывать изъ швейцарскаго матеріала, оказавшагося весьма годнымъ.

Благородные металлы добывались на швейцарской почвѣ уже

римлянами. Теперь остались только слѣды ихъ, неокупающіе труда, такъ какъ руды ихъ разбросаны, бѣдны и часто находятся на недоступныхъ высотахъ. Даже желѣзныя руды Юры даютъ не болѣе 7000 тоннъ въ годъ и Швейцаріи приходится пріобрѣтать весь запасъ ей необходимыхъ металловъ изъ-за границы.

Хорошаго каолина, для приготовленія безупречно бѣлаго фарфора, тоже въ Швейцаріи не находится. Пришлось ограничиться производствомъ низшихъ сортовъ гончарныхъ издѣлій, замѣнивъ качество количествомъ и разнообразіемъ издѣлій, для которыхъ можно довольствоваться красной и синей глиной. Впрочемъ изъ этого матеріала въ Швейцаріи уже въ средніе вѣка приготовляли въ полномъ смыслѣ художественныя произведенія въ видѣ изразцовъ, во вкусѣ возрожденія, покрытыхъ прекрасною глазурью, сперва съ рельефными мотивами, а потомъ перешли и къ живописи. Сохранившіеся экземпляры ихъ можно видѣть въ художественномъ отдѣлѣ выставки (помѣщенномъ совершенно отдѣльно, на другомъ концѣ города, о существованіи котораго мы только упоминаемъ, не имѣя возможности распространяться о немъ) и въ лучшихъ музеяхъ Европы. Теперь здѣсь начинаютъ вновь заниматься съ успѣхомъ этою отраслью производства, въ которой Швейцарія занимала долгое время первое мѣсто. Артистическая подготовка въ моделированіи, рисованіи и живописи поможетъ ей выдти побѣдительницей изъ борьбы.

Этому же стремленію создать изъ наличнаго, въ странѣ распространеннаго сырого матеріала, путемъ технической его обработки, новую статью дохода, слѣдуетъ приписать распространеніе и другихъ видовъ глиняныхъ производствъ въ Швейцаріи. Мозаичные полы, плиты для облицовки стѣнъ, покрытыя глазурью, архитектурные орнаменты, майолики, суть издѣлія сравнительно новаго времени, и качество прежде существовавшихъ производствъ изъ этого матеріала значительно улучшилось и вмѣстѣ съ тѣмъ издѣлія удешевились,—обстоятельство, весьма важное въ народномъ хозяйствѣ, такъ какъ все сдѣлалось болѣе доступнымъ, по цѣнѣ, бѣдному люду. Сюда относятся гончарныя издѣлія, черепица и въ особенности кирпичъ. Здѣсь кирпичи, по нѣскольку часовъ лежавшіе въ водѣ и не увеличившіеся въ вѣсѣ, не составляютъ уже рѣдкости, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Фабрикація стекла, прежде значительная, вслѣдствіе вздорожанія топлива, упала. Теперь заняты ею не болѣе 500 человѣкъ. Приготовляются только высшіе сорта его, для удовлетворенія

потребностей химическихъ лабораторій. Остальные виды его выписываются изъ за-границы.

Этимъ перечнемъ производствъ, обработывающихъ *собственный* грубый матеріалъ, исчерпывается почти все, что природа дала Швейцаріи. Хотя цѣнность упомянутыхъ здѣсь видовъ этого матеріала и возвышеніе ея послѣ обработки не могли быть опредѣлены по всѣмъ отраслямъ, однако каждый замѣтитъ, что населеніе Швейцаріи не могло бы существовать при такомъ доходѣ. Оно должно было, изъ чувства самосохраненія, восполнить знаніемъ и трудомъ то, въ чемъ отказала ему природа. Отсюда необходимость—обратиться къ промышленности, къ переработкѣ иностранныхъ сырыхъ произведеній, послѣ которой цѣнность ихъ значительно возрастаетъ. Этимъ пріемомъ, основаннымъ на знаніи и трудѣ, представлялась возможность не только покрыть затраты на ихъ покупку, но и воспользоваться всѣмъ избыткомъ отъ увеличившейся цѣнности сырого матеріала послѣ его обработки.

Насколько Швейцаріи удалось рѣшить эту нелегкую задачу, можно заключить изъ обозрѣнія ея дѣятельности по другимъ отраслямъ производства, въ которыхъ она принуждена была обращаться за сырымъ матеріаломъ за-границу, не имѣя его у себя вовсе, или же производя его въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ этомъ же отдѣлѣ постараемся дать краткій отчетъ объ учрежденіяхъ, тѣсно связанныхъ съ промышленною дѣятельностью каждой страны, оказывающихъ на нее громадное вліяніе —о средствахъ сообщенія въ обширномъ смыслѣ. Къ нимъ относятся не только пути сообщенія, но и почта и ея усовершенствованіе, телеграфъ. Отъ ихъ хорошаго или плохого устройства зависитъ во многомъ судьба промышленности и торговли страны, не только частныхъ лицъ.

Естественнѣе всего начать этотъ обзоръ съ главныхъ помощниковъ труда, съ машинъ, которыми человѣкъ поработилъ естественныя силы природы.

Строеніе машинъ занимаетъ центръ, вокругъ котораго группируется фабричная дѣятельность страны. Въ немъ воплощаются руководящія идеи ея; сооружающій машину долженъ знать не только свойства матеріала, изъ котораго онъ строитъ ее, но долженъ понимать, во всѣхъ подробностяхъ, цѣль ея дѣятельности. Отсюда вытекаетъ значеніе этой отрасли производства въ жизни народа.

Выше было указано, какъ бѣдна Швейцарія желѣзными рудами и каменнымъ углемъ—первыми условіями для машиностроенія, а между тѣмъ, не смотря на этотъ существенный не-

достатокъ, равно какъ на высокія пошлины и конкурренцію сосѣдей, она достигла, въ этой отрасли производства, такой высокой степени совершенства, что можетъ имъ гордиться. Этимъ она обязана исключительно геніальности и практической опытности своихъ техниковъ и интеллигентному классу рабочихъ, поголовно прошедшихъ черезъ школу, не только обыкновенную народную, но и высшую.

Въ странѣ, располагающей въ значительной степени водяною силою, нерѣдко низвергающеюся съ большой высоты, обратились, понятно, прежде всего къ ея помощи при механической работѣ. Съ тѣхъ поръ какъ наука указала, что не только свободное паденіе, но и давленіе воды можетъ быть превращено въ вращательное движеніе, прежнія водяныя колеса стали уступать мѣсто турбинамъ, сооруженіемъ которыхъ занимается въ Швейцаріи много заводовъ, изъ которыхъ иные получили всемірную извѣстность.

Но пользованіе силою воды пріурочено къ извѣстной мѣстности и потому она не могла удовлетворять разнообразному спросу промышленности. Паровыя машины болѣе соотвѣтствовали ему. Къ нимъ швейцарская промышленность и обратилась за помощью. Іоганнъ Эшеръ въ Цюрихѣ первый занялся раціональнымъ машиностроеніемъ въ Швейцаріи. Въ 1807 г. онъ соорудилъ первую бумагопрядильную машину, положивъ основаніе многообразнѣйшимъ примѣненіямъ механической силы въ примѣненіи ея къ различнымъ отраслямъ промышленности. Съ тѣхъ поръ машиностроеніе пустило глубокіе корни на швейцарской почвѣ, но заводъ Эшера сохранилъ за собою до сихъ поръ первенствующее мѣсто.

Какъ ни разнообразна здѣсь фабричная дѣятельность, всѣ виды и отрасли ея удовлетворяются, при спросѣ машинъ, швейцарскими машинными заводами, которые, изучивъ всѣ подробности другихъ производствъ, поставляютъ имъ требуемое. Они высылаютъ на значительную сумму и за-границу. Паровыя машины всѣхъ системъ, паровые котлы, механическіе станки для тканія шелку, бумаги, льна, машины швейныя, вязальныя, для вышиванія, писчебумажныя, книгопечатныя, аппараты для набивки и бѣленія тканей, въ послѣднее время изобрѣтенныя — динамо-электрическія, гидравлическія, машины для обработки металловъ и дерева, локомотивы, локомобили и множество другихъ, которыхъ перечесть не представляется возможности, получившія на всемірныхъ выставкахъ первыя преміи, своимъ устройствомъ, изумляютъ посѣтителя, въ машинномъ отдѣленіи. Про многія

изъ нихъ можно сказать, что онѣ работаютъ какъ бы сознательно, разумно...

Въ этомъ же отдѣленіи можно видѣть въ ходу мельницу новаго типа, которой предстоитъ громадная будущность въ земледѣльческихъ странахъ. Въ ней жернова замѣнены стальными цилиндрами или валами. По отзыву сельскихъ хозяевъ она, сама по себѣ, кромѣ другихъ условій, вліяющихъ на хлѣбную торговлю, должна произвести въ ней переворотъ.

Около 18,000 человѣкъ заняты теперь машиностроительнымъ дѣломъ, включая въ число ихъ и занятыхъ приготовленіемъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій домашняго обихода.

Отпускъ ихъ за-границу доходитъ до 14.248,100 килограммовъ (въ 1881 г.).

Изготовленіемъ шелковыхъ издѣлій въ Швейцаріи занимались издавна, съ XIII столѣтія, по преимуществу въ Цюрихѣ и Базелѣ, гдѣ эта отрасль промышленности играетъ и въ настоящее время первенствующую роль. Матеріалъ для нея доставляла Италія, такъ какъ суровый климатъ мѣшалъ разведенію тутовыхъ деревьевъ въ странѣ; только въ южной части тессинскаго кантона они произрастаютъ, но не могутъ покрывать спроса. Въ остальныхъ мѣстностяхъ молодыя поросли этого дерева обыкновенно побивались морозами. Въ началѣ сбытъ шелковыхъ издѣлій былъ ограниченный, мѣстный; приготовлялись только головные платки и вуали изъ сырца; затѣмъ онъ расширился, снабжая спросъ Лотарингіи, Швабіи, Венгріи и Польши.

Такъ продолжалось до конца XIV вѣка. Начиная съ этого времени, и въ теченіе всего XV в., постоянныя войны съ Австріей, закрывшей сбытъ швейцарскихъ произведеній вообще, убили и фабрикацію шелковыхъ ея издѣлій. Религіозныя преслѣдованія протестантовъ возродили ее только въ XVI вѣкѣ; изгнанные изъ Италіи и затѣмъ изъ Франціи, они, поселившись въ отличавшейся вѣротерпимостью Швейцаріи, возобновили въ ней, между прочимъ, фабрикацію шелка и притомъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ—Цюрихѣ и Базелѣ, гдѣ она процвѣтала до постигшей ее катастрофы, съ прибавкой новаго вида издѣлія изъ него—бархата. XVIII вѣкъ благопріятствовалъ этой промышленности, пока войны конца этого и начала настоящаго столѣтія не потрясли ее вновь.

Съ 30-хъ годовъ для нея открылся новый, обширный рынокъ—Сѣверная Америка; затѣмъ и французскій, когда Наполеонъ III, проникнутый идеями свободной торговли, облегчилъ ввозъ шелковыхъ издѣлій во Францію, которая была для

нихъ закрыта со времени Людовика XIV. Но были и тяжкія эпохи для этого вида швейцарской промышленности: болѣзнь шелковичнаго червя, сѣверо-американская междоусобная война, финансовые кризисы и крахи, заграничная конкурренція, повышеніе ввозныхъ пошлинъ.

Не смотря на это, Швейцарія съ энергіей выдержала эти невзгоды, сохранивъ за собою выдающееся положеніе въ этой области производства, на ряду съ Ліономъ и Крефельдомъ (въ Прирейнской Пруссіи).

Нѣсколько чиселъ дадутъ понятіе о размѣрѣ этой фабрикаціи. Они составлены по даннымъ 1881 г.

Число фабрикантовъ, приготовлявшихъ шелковыя издѣлія въ одномъ цюрихскомъ кантонѣ, было 91, занимавшихъ 42,425 работниковъ. Кромѣ того 987 человѣкъ были заняты исключительно окрашиваніемъ шелка, вѣсомъ 569,922 килограммовъ. Цѣнность продукта этой работы въ этомъ одномъ кантонѣ достигала 77 милліоновъ.

По даннымъ 1880 г. для кантона Базеля, занимающагося, въ этой отрасли, почти исключительно приготовленіемъ лентъ, въ немъ обработано 440,000 килограммовъ чистаго шелку и 140,000 кил. шелковыхъ охлопковъ, на 6,300 станкахъ, силами 12,000 рабочихъ.

Въ кантонѣ Аппенцелѣ, гдѣ по преимуществу занимаются изготовленіемъ шелковыхъ ситъ, требуемыхъ въ большомъ количествѣ для мельничнаго производства Венгріи и Сѣверной Америки, было до 1,400 станковъ съ 21,000 веретенами. Ввозъ сырца въ 1881 г. простирался до 2.153,100 кило, и до 1,067,700 кило охлопковъ; вывезено же за-границу въ формѣ шелковыхъ тканей: 1.152,300 кило, въ формѣ лентъ 1.905,400 кило и 820,000 кил. въ видѣ охлопковъ.

Если прибавить къ указаннымъ числамъ болѣе мелкія, другихъ кантоновъ, по картѣ Шляттера [1]), то окажется, что въ

[1]) Кромѣ своевременно и очень обстоятельно составленнаго каталога выставки, не мало способствовала обозрѣнію швейцарской промышленности прекрасная карта ея, изданная Германомъ Шляттеромъ, изъ С.-Галлена, поясненная статистическими данными. Данныя эти доставлены были автору правительствами кантоновъ, самими промышленниками и провѣрены мѣстными корреспондентами составителя. При взглядѣ на нее можно сразу получить представленіе на счетъ населенности кантона, видахъ промышленности его и числѣ рукъ (до единицъ ихъ), занимающихся ею. Особенные условные знаки, разнообразной формы и красокъ, выражаютъ эти данныя съ особенною наглядностью и отчетливостью. Такой обстоятельный и вмѣстѣ отличающійся простотой трудъ могъ возникнуть только въ роднѣ Дюфура (см. ниже). Карта эта оказала мнѣ большія услуги.

Швейцаріи заняты притотовленіемъ шелковыхъ издѣлій, въ разныхъ его видахъ, 56,305 человѣкъ. Къ счастью страны можемъ добавить, что значительная часть этой рабочей силы занята не на фабрикахъ, а на дому.

Распространяться о достоинствахъ выставленныхъ издѣлій намъ не приходится. Въ этомъ вопросѣ такъ-называемый прекрасный полъ болѣе компетентенъ. Судя по тому, что возлѣ витринъ этого отдѣла представительницы его скучены непроходимой толпою и что отцы и мужья этихъ цѣнительницъ напрасно напрягаютъ свои усилія отвлечь ихъ отъ соблазна, слѣдуетъ заключить, что содержимое витринъ удовлетворяетъ всѣмъ вкусамъ, возрастамъ и состояніямъ.

Меня, какъ профана, поразило богатство и нѣжность цвѣтовыхъ тоновъ. Цѣлыми волнами и постепенными переливами тоны одного цвѣта переходятъ изъ одного въ другой. На нѣкоторыхъ цвѣтахъ мы насчитывали ихъ до 30, отъ самаго насыщеннаго до самаго нѣжнаго, граничащаго съ бѣлымъ. Многіе знаютъ, что шелкъ—самая воспріимчивая для принятія красокъ ткань, но едва ли прежде удавалось вызывать такое разнообразіе ихъ, какъ теперь. Это—положительная заслуга науки, современной химіи. Тѣмъ, кто для удовлетворенія своего тщеславія, а иногда для маскированія своихъ физическихъ недостатковъ, пользуется нѣжными цвѣтами тканей, едва ли извѣстно—изъ какого матеріала эти цвѣта добыты. Они, конечно, не рѣшились бы въ сыромъ видѣ взять его въ руки. А между тѣмъ это презрѣнное ископаемое украшаетъ ихъ. Наука научила фабриканта извлекать изъ солнечнаго луча, въ теченіе тысячелѣтій покоившагося въ нѣдрахъ земли, изъ каменнаго угля, всѣ переливы радуги...

Но рядомъ съ химіей и механика не отказала своихъ услугъ женскимъ прихотямъ. Хотя я, начиная эту корреспонденцію, рѣшился не упоминать фамилій экспонентовъ, составляющихъ лишній баластъ для иностранныхъ читателей, тѣмъ не менѣе позволю сдѣлать, на этотъ разъ, исключеніе. Рейфъ-Гюберъ (въ Цюрихѣ) довелъ тонину своихъ шелковыхъ тканей до едва постижимыхъ передѣловъ. Въ *одномъ* квадратномъ *сантиметрѣ* ея, съ помощью микроскопа, можно насчитать 3,844, а въ другомъ образчикѣ—даже 5,416 отверстій!! Притомъ шелковины расположены съ правильностью линій микрометра.

Другой предметъ роскоши, вышивки (broderie) въ обширномъ смыслѣ слова, обезпечиваетъ существованіе восточной Швейцаріи. Насколько эта промышленность, возникшая въ ней не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, важна для нея, можно заключить уже

изъ того, что ею занимается не менѣе 45,000 человѣкъ, производящихъ ежегодно на 80 милліоновъ (одна Сѣверная Америка выписываетъ этого товара на 30 милліоновъ).

Самымъ распространеннымъ видомъ являются такъ называемыя машинныя вышивки. Хотя изобрѣтеніе вышивной машины, отъ которой промышленность эта получила свое названіе, принадлежитъ не швейцарцу, а эльзасцу Гейльманну (въ 1827 г.), но всѣ послѣдующія ея усовершенствованія неоспоримо принадлежатъ Швейцаріи, и главнымъ образомъ Фоглеру и Ритимейеру. Посѣтители выставки имѣли возможность видѣть нѣсколько такихъ машинъ въ дѣйствіи. Участіе человѣка въ произведеніи самыхъ сложныхъ узоровъ ограничивалось тѣмъ, что онъ иглою, соединенною съ пантографическимъ рычагомъ, обводилъ контуры даннаго узора на бумагѣ. Машина же воспроизводила его въ ткани, во всю ея ширину, больше сажени. Съ тѣхъ поръ, какъ удалось воспроизведеніе очертаній сочетать съ разнообразіемъ красокъ, поле для этого вида производства расширилось еще больше. Швейцарскіе предприниматели, не находя на родинѣ достаточно рукъ, которыя удовлетворяли бы получаемымъ имъ заказамъ, принуждены были перенести часть своей дѣятельности въ сосѣднюю Австрію, въ Форарльбергъ. Они затратили на 2,200 машинъ съ 4 милліонами иголъ, капиталъ въ 60 милліоновъ франковъ. И въ этой отрасли производства сказалась особенность швейцарскаго народнаго характера: отдѣльныя машины переносятся теперь изъ фабрикъ въ дома работниковъ, гдѣ они трудятся въ средѣ своихъ семей...

Особый видъ этой отрасли, такъ называемый Grobstickerei in Kettenstich, broderie commune (къ которой относятъ гардины, занавѣси и т. п.), поражаетъ изяществомъ и вкусомъ орнамента. Это производство, ведущее свое начало въ Швейцаріи съ половины XVIII в., благодаря почину частнаго предпринимателя Генценбаха, даетъ занятіе 3,000 работницъ, изъ которыхъ $^3/_4$ трудятся на дому, на 1,500 машинахъ. Образцы ихъ искусства, занимая нерѣдко всю ширину стѣнъ отдѣла, свидѣтельствуютъ, что оно пустило крѣпкіе корни на швейцарской почвѣ.

Несмотря на то, что машина и въ этой отрасли вытѣснила много рукъ человѣческихъ, швейцарскія рукодѣлія (въ буквальномъ смыслѣ понимаемыя) не потеряли своей прелести. Едва ли будущія обладательницы носовыхъ платковъ, выставленныхъ рукодѣльницами кантона Аппенцеля, рѣшатся пользоваться ими согласно ихъ назначенію. Они принадлежатъ скорѣе музею, нежели туалету.

Если эта отрасль не была убита машиной, то рукодѣльницы обязаны этимъ не только своему труду, но и швейцарской школѣ, не элементарной только, но и технической, развившей въ нихъ художественный вкусъ.

Шерстянымъ издѣліямъ не посчастливилось на швейцарской почвѣ. Не имѣя, при ограниченномъ овцеводствѣ, достаточно собственнаго матеріала производства, Швейцарія вынуждена добывать его изъ-за границы, по преимуществу изъ Австраліи. Эта статья расхода занимаетъ второе мѣсто послѣ хлѣбныхъ продуктовъ, покупаемыхъ внѣ страны. Она расходуетъ на нее до 50 милліоновъ, сама же производитъ не болѣе 12 милл., по преимуществу на нужды арміи, хотя и другіе сорты суконъ, по качеству своему, не уступаютъ французскимъ и превосходятъ нѣмецкіе. Слѣдовательно производство это удовлетворяетъ едва $^1/_6$ туземнаго спроса. 64 фабрики, занимая около 3,200 работниковъ, не отвѣчаютъ послѣднему. Часть шерстяной пряжи, изготовляемой на сумму около 10 милл., вывозится за границу, откуда возвращается въ Швейцарію въ видѣ суконъ потому, что въ странѣ недостаточно фабрикъ, переработывающихъ ее въ ткань. Противъ этой ненормальности давно уже раздаются голоса, но до сихъ поръ вниманіе производителей было сосредоточено только на пряденіи шерсти, для чего пользуются въ особенности водою потоковъ, какъ двигателемъ.

Не въ лучшемъ положеніи чѣмъ предъидущее, находится и льняное производство. Тотъ же недостатокъ сырья мѣшаетъ его развитію, хотя начало его имѣло блестящій періодъ. Въ средніе вѣка, когда, при немногочисленности туземнаго населенія, можно было сбывать избытокъ за предѣлы Швейцаріи, швейцарскія полотна пользовались извѣстностью и охотно покупались. Теперь не болѣе 3,300 работниковъ заняты этимъ производствомъ и страна покупаетъ недостающее за границею, хотя кустари свидѣтельствуютъ, что они не потеряли навыка въ этомъ дѣлѣ. Нѣкоторыя ихъ полотна достигаютъ 340 сантиметровъ ширины, при 14,600 нитокъ.

Въ сравнительно лучшемъ экономическомъ положеніи находится бумагопрядильное производство. По картѣ Шляттера оно даетъ занятіе 40,700 работникамъ. Оно существовало въ Швейцаріи уже съ XV вѣка, и занесено было итальянскими ремесленниками и французскими эмигрантами, изъ хлопка, получавшагося изъ Леванта. Въ концѣ XVIII в., въ одномъ цюрихскомъ кантонѣ, занимались имъ болѣе 40,000 человѣкъ кустарей, по преимуществу изготовляя кисеи. Послѣ изобрѣтенія въ

Англіи бумагопрядильной машины, не привившейся на швейцарской почвѣ, пока не занялись ея усовершенствованіемъ швейцарцы: Эшеръ, Кунцъ и Ритеръ (между 1807 и 1812 г.), ручная работа стала быстро замѣняться машинной, такъ, что въ 1827 г. числилось уже 200,000 веретенъ, а теперь около 1.854,000 на 140 швейцарскихъ бумагопрядильняхъ, перерабатывающихъ ежегодно 23.000,000 фунтовъ хлопка, при вывозѣ изъ этого количества 6.000,000 фунтовъ пряжи за границу.

Начало машиннаго тканья считаютъ въ Швейцаріи съ 1830 г. Оно вначалѣ было встрѣчено крайне враждебно; первые механическіе ткацкіе станки были сожжены рабочими, но оно все-таки сильно развилось, такъ что теперь здѣсь насчитывается до 23,000 машинныхъ станковъ; вывозъ же за границу доходитъ до 13 милл. фунтовъ ткани, бѣлой и набивной. Часть послѣдней даже не швейцарскаго происхожденія. Ее присылаютъ изъ-за границы для набивки на здѣшнихъ фабрикахъ.

Одновременно почти съ механическимъ тканіемъ хлопчатой бумаги, введено было и механическое пересучиваніе ея, но оно далеко уступаетъ первому въ количествѣ производства. Не болѣе 60,000 веретенъ занято имъ, на 50 фабрикахъ. Недостатокъ сбыта и иностранная конкурренція, въ особенности англійская, причина неуспѣха. Качественно работа не уступаетъ лучшимъ произведеніямъ въ этой области. Еще въ 40-хъ годахъ одинъ англійскій спеціалистъ, изучавшій ее на мѣстѣ, признавалъ, что въ хлопчато-бумажномъ дѣлѣ Швейцарія не уступаетъ Англіи, — если конечно принять въ разсчетъ отношеніе населенія обѣихъ странъ. Онъ относилъ этотъ успѣхъ не только къ большому количеству водяныхъ двигателей этой страны, но приписывалъ его и давнишнему, вѣками усвоенному, опыту въ производствѣ, энергіи и промышленному генію ея населенія.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ ущербъ этой промышленности. Вокругъ Швейцаріи возникли таможенныя преграды, высокими тарифами оградившія сбытъ этихъ произведеній за границу. Цѣна поземельной собственности поднялась до неимовѣрныхъ размѣровъ; постройки запрудъ и канализація, вслѣдствіе возвышенія заработной платы, тоже сдѣлались очень рѣдко доступными средствамъ мелкихъ капиталистовъ. Эти обстоятельства, уже сами по себѣ, затрудняютъ пользованіе водянымъ двигателемъ за такую дешевую цѣну, какъ въ былое время. Счастливъ тотъ промышленникъ, который располагаетъ этимъ помощникомъ, благодаря случайности, что онъ оказался въ его владѣніи, унаслѣдованномъ отъ предковъ. Гдѣ не оказывается этого естествен-

наго подспорья, ему приходится обзаводиться дорого стоющими паровыми двигателями. Это и случилось въ послѣднее время. Болѣе 4,500 паровыхъ лошадиныхъ силъ устроены теперь для этой промышленности, т.-е. почти пятая часть двигательной силы въ ней приходится на счетъ дорого стоящаго пара (20,000 лошадиныхъ силъ этого производства представляетъ водяной двигатель).

И это еще не все. Не хорошо обезпеченное пользованіе водою грозитъ каждую минуту разрушить весь заводъ; притомъ, для того, чтобы не быть побитымъ конкурренціей, нельзя довольствоваться прежними, медленно дѣйствующими, машинами. Необходимо, уступая напору прогресса, заводиться новѣйшими, быстро работающими, а это обусловливаетъ новыя затраты, низводя прежде затраченный въ производство капиталъ на степень нуля. При этомъ оказалось, что автоматически дѣйствующія прядильныя машины, такъ-называемыя self-actors, требуютъ для приведенія ихъ движенія какъ разъ въ 4 раза бо́льшую силу, нежели прежнія. Они безусловно необходимы для приготовленія грубой пряжи; для тонкой можно довольствоваться болѣе слабою силою. Между тѣмъ современное хлопчато-бумажное производство, какъ на грѣхъ, стало пренебрегать тонкими номерами пряжи, и усиленно требуетъ болѣе грубыхъ!

Неудивительно послѣ сказаннаго, что не малое число швейцарскихъ работниковъ, прежде занятыхъ въ этой отрасли производства, искали спасенія отъ нужды внѣ предѣловъ родины, преимущественно въ Италіи.

Естественно, что въ странѣ, въ которой всѣ виды вышиванія достигли, какъ мы видѣли, такого совершенства, бѣленіе, аппретировка и опаливаніе тканей должны были идти объ руку съ ними. Этотъ долговременный навыкъ послужилъ и на пользу хлопчато-бумажнаго производства, которое пользуется этими способами отдѣлки именно въ мѣстностяхъ, гдѣ они искони болѣе всего требовались, т. - е. въ кантонахъ сентъ - галленскомъ и аппенцельскомъ, гдѣ существуетъ около 70 фабрикъ, занимающихся этими спеціальностями. По качеству работы они неуступаютъ лучшимъ заграничнымъ заведеніямъ этого рода.

Въ этой же мѣстности сосредоточена половина (22 изъ 43 на всю Швейцарію) фабрикъ, съ 6,000 работниковъ, занимающихся набивкой красокъ на тканяхъ. Существуя уже почти $1^1/_2$ столѣтія, они въ особенности въ послѣдніе полъ-вѣка завоевали себѣ восточный рынокъ, для котораго они приготовляютъ ткани различныхъ красокъ и узоровъ, соотвѣтствующія вкусамъ азіатовъ.

Швейцарское кожевенное производство издавна пользовалось въ Европѣ заслуженною славою, и находило обширный сбытъ за предѣлами страны, въ особенности подошвы. Однако за послѣднія 30—40 лѣтъ прежнее патріархальное дубленіе кожъ пришлось оставить. Изъ опасенія быть вытѣсненнымъ иностранными конкуррентами, оно обратилось къ помощи пара. Гроза надвигалась для него въ особенности изъ Америки, наводняющей своими кожевенными издѣліями европейскіе рынки. Кромѣ того были и другія причины, мѣшавшія развитію этого швейцарскаго издѣлія, несмотря на неоспоримое первенство его сырого матеріала и хорошую выдѣлку. Это были непомѣрно высокіе тарифы сосѣднихъ государствъ. Швейцарія же не умѣла защитить свое кожевенное производство даже внутри страны, принеся его интересы въ жертву интересамъ сапожной фабрикаціи. Послѣдняя, обратившись теперь къ помощи пара, съумѣла въ буквальномъ смыслѣ съ одного вола содрать двѣ шкуры. Ихъ расщепливаютъ, и въ этомъ видѣ употребляютъ на сапожный товаръ, появленіе котораго на швейцарскомъ рынкѣ не защищено до сихъ поръ соотвѣтствующею ввозною пошлиною. Понятно, что при подобныхъ пріемахъ хорошій туземный товаръ не можетъ выдерживать конкурренцію, въ особенности потому, что незнакомый спеціально съ признаками его добротности покупатель, соблазняемый изящною отдѣлкою, предпочитаетъ болѣе дешевыя издѣлія изъ иностраннаго товара, сравнительно съ дорогимъ туземнымъ. Такое странное предпочтеніе, оказываемое здѣсь сапожному ремеслу насчетъ кожевеннаго производства, объясняютъ здѣсь тѣмъ, что первое занимаетъ больше рукъ, чѣмъ послѣднее, и потому—оно заслуживаетъ большей охраны! Сапожники вопіютъ, что подымать цѣну, при посредствѣ охранительныхъ пошлинъ, на привозный товаръ значило бы облагать ею такую, необходимую въ жизни каждаго статью, какъ обувь! Это было бы, по ихъ мнѣнію, поступать противъ всѣхъ правилъ финансовой науки... Пусть кожевенники, совѣтуютъ они, поступаютъ какъ мы; пусть они обзаведутся машинами, расщепливающими товаръ, тогда мы будемъ покупать его у нихъ! До тѣхъ поръ, пока это наступитъ, мы предпочитаемъ пріобрѣтать его у иностранцевъ...

Пока швейцарскіе кожевенники остались глухи къ подобнымъ совѣтамъ и продолжаютъ, какъ доказываетъ выставка, изготовлять превосходныя издѣлія, находящія хотя не бойкій, но вѣрный сбытъ на всѣхъ рынкахъ, гдѣ требуется хорошій товаръ.

Швейцарское военное вѣдомство, зная хорошо достоинство туземнаго производства, исключительно потребляетъ его издѣлія.

Приводные ремни для фабрикъ тоже не имѣютъ соперниковъ. Сбруя, дорожныя издѣлія высоко цѣнятся.

Писчебумажное производство еще въ началѣ настоящаго столѣтія находилось на степени ремесла. Приготовлялись медленно отдѣльные листы. Сохранились свѣдѣнія, что 3 работника того времени, занятые каждый по 16 часовъ въ день, при самомъ усидчивомъ трудѣ, изготовляли, притомъ отдѣльными листами, не болѣе 200 кило писчей бумаги. Но времена эти давно миновали. Въ нашъ, между прочимъ, бумажный вѣкъ, потребовался большой расходъ на писчій матеріалъ, а слѣдовательно, необходимо было увеличить производство. Простой французскій рабочій, Роберъ, первый придумалъ способъ приготовленія такъ-называемой безконечной бумаги, но не располагая денежными средствами для его осуществленія, онъ продалъ свое изобрѣтеніе своему патрону, Layer-Didot, который, принужденный бѣжать въ Англію, здѣсь (въ 1801 г.) соорудилъ первую писчебумажную машину. Постоянно съ тѣхъ поръ улучшаемая, она совсѣмъ вытѣснила ручную фабрикацію бумаги.

Въ Швейцаріи она начала входить въ употребленіе въ началѣ 30-хъ годовъ, благодаря почину Лепелетье. Съ тѣхъ поръ возникло здѣсь 18 писчебумажныхъ фабрикъ съ 27 большими машинами, приготовляющими около 1.200,000 кило бумаги, начиная отъ оберточной до лучшихъ сортовъ почтовой и рисовальной, на сумму 11 милліоновъ. Такъ называемой у насъ министерской, мы, однако, здѣсь не замѣтили; можетъ быть, она существуетъ, но подъ другимъ названіемъ. На этихъ фабрикахъ работаетъ 2,400 человѣкъ: изъ нихъ $^2/_5$ мужчинъ и $^3/_5$ женщинъ (всѣхъ занятыхъ этихъ видомъ производства насчитывается въ Швейцаріи, по Шляттеру, 3,500 человѣкъ).

До какой степени усовершенствованія достигло это производство, можно видѣть на выставкѣ на двухъ сверткахъ безконечной бумаги, каждый въ 24 километра длины (километръ = 0,937 версты), шириною въ 1,40 метра, вѣсомъ въ 1,650 кило (около 5,950 нашихъ фунтовъ каждый свертокъ). Ширину бумаги можно довести до 2,80 метра. Въ отдѣлѣ машинномъ выставлено такое орудіе производства, по которому можно прослѣдить весь процессъ послѣдняго.

Швейцарія вполнѣ удовлетворяетъ собственному спросу на бумагу, и даже отпускаетъ этотъ продуктъ за границу. Части этого производства—картонажныя работы, укупорочная бумага, куверты, обои, игральныя карты, переплетное дѣло — тоже доставляютъ занятіе большому числу рукъ.

Какъ ни ничтожнымъ кажется поверхностному наблюдателю сырой матеріалъ производства, о которомъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ, но и онъ—солома—въ рукахъ трудолюбиваго населенія служитъ источникомъ дохода. Удовлетворяя капризамъ прихотливой моды, швейцарцы, съ перемѣннымъ счастіемъ, занимались этимъ издѣліемъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ колебаній вкуса, соломенныя издѣлія то доставляли хорошій доходъ, то оставляли работниковъ совершенно безъ дѣла.

Основаніе этой промышленности было положено въ концѣ прошлаго вѣка въ Воленѣ, какимъ-то Излеромъ, можетъ быть предкомъ извѣстнаго Петербургу, въ свое время, швейцарца того же имени, тоже основавшаго, на берегахъ Невы, промышленное заведеніе, только иного рода, не такъ скромное и разсчитанное, сообразно вкусамъ въ немъ подвизавшихся тунеядцевъ, больше на расходы съ ихъ стороны, чѣмъ на работу тружениковъ.

Теперь занимается въ Швейцаріи соломенными издѣліями постоянно болѣе 15,000 человѣкъ, изготовляющихъ ихъ среднимъ числомъ на сумму до 8 — 9 милліоновъ; въ зимнее же время, въ эпохи особеннаго спроса на этотъ товаръ, въ одномъ фрибургскомъ кантонѣ, работаетъ до 25,000 человѣкъ, а между тѣмъ онъ не первенствующій въ этой отрасли.

Впрочемъ, не одна солома составляетъ матеріалъ производства. Конскій волосъ, кокосовыя волокна, равно склеенныя волокна хлопка (новый видъ сырого матеріала для этой промышленности), идутъ тоже въ дѣло. Покрывая весь туземный спросъ, швейцарскія соломенныя издѣлія идутъ и за границу. Одна Сѣверная Америка выписываетъ ихъ, смотря по годамъ, на сумму отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ милл. Прибавимъ къ сказанному, что для обученія этому производству существуютъ особыя техническія школы.

Другой, не менѣе распространенный и потому дешевый матеріалъ, далъ толчокъ къ образованію новаго вида промышленности—рѣзьбы по дереву. Основателемъ ея является нѣкто Христіанъ Фишеръ въ Бріенцѣ, начавшій, съ 1825 г., изготовлять разныя бездѣлушки изъ дерева и продавать ихъ путешественникамъ. При усиливавшемся сбытѣ, онъ сталъ принимать учениковъ въ свою мастерскую, которые вскорѣ превзошли своего учителя-самоучку. Но и въ ихъ произведеніяхъ незамѣтно было художественнаго элемента. Бернское правительство, обративъ вниманіе на эту новую, возникавшую посреди его кантона, отрасль промышленности и желая направить ее на правильный путь, поручило это дѣло ваятелю Христену. Еще болѣе успѣшна

была дѣятельность на этомъ поприщѣ частнаго лица, эльзасца Вирта, соединившаго практическое преподаванiе рѣзьбы изъ дерева съ теоретической подготовкой. Хотя, благодаря этому толчку, устроены были въ разныхъ общинахъ бернскаго кантона школы для рисованiя, но первые, по времени, учителя въ нихъ не отвѣчали своему назначенiю. Они старались распространить количественно эту отрасль производства, не заботясь о качественной сторонѣ дѣла. За границей воспользовались этимъ упущенiемъ, и конкурренцiя, основанная на болѣе рацiональныхъ началахъ, грозила убить швейцарскую промышленность. Этотъ кризисъ имѣлъ, однако, то хорошее послѣдствiе, что посредственныя издѣлiя не находили сбыта. Пришлось напрячь лучшiя силы для того, чтобы удержать за собою рынокъ. Это отразилось и на выставкѣ. Прежнiя черезъ-чуръ наивныя изображенiя альпiйскихъ сценъ отмѣчены теперь большею художественностью, въ нихъ сказывается больше жизни, отдѣлка гораздо тщательнѣе противъ прежняго; новые мотивы начинаютъ появляться. Сознавая, что идти по прежней дорогѣ значило бы идти по пути къ разоренiю, Перрэнъ-Шоффаръ, въ Бернѣ, старается теперь спасти этотъ видъ мѣстной промышленности. Переживая тяжелый кризисъ, ею занимаются въ настоящее время не болѣе 1,100 человѣкъ въ бернскомъ кантонѣ; въ другихъ она почти не существуетъ.

Не касаясь музыкальныхъ инструментовъ въ собственномъ смыслѣ, какъ находящихся внѣ моей компетентности, скажу только, что швейцарскiе рояли, которыхъ старѣйшiя фирмы существуютъ въ Швейцарiи болѣе 60 лѣтъ (главнѣйшiя въ Цюрихѣ), пользуются значительнымъ спросомъ за границу, а церковные органы искони обращаютъ на себя вниманiе знатоковъ этого сложнаго и дорогого инструмента. На выставкѣ можно было ежедневно присутствовать при исполненiи на нихъ музыкальныхъ пьесъ, по которому представлялась возможность судить объ ихъ достоинствѣ.

Упомяну здѣсь только о гармонiяхъ и музыкальныхъ ящикахъ, приводимыхъ въ движенiе особыми механизмами, какъ отрасли спецiально швейцарской промышленности, доставляющей занятiе и средства существованiя около 1,700 человѣкъ въ тѣхъ же кантонахъ романской части Швейцарiи, гдѣ процвѣтаетъ часовое производство. Какъ достоинство, такъ и цѣны ихъ колеблются въ широкихъ предѣлахъ. Отъ простой игрушки—до подражанiя оркестру, отъ нѣсколькихъ франковъ — до тысячей за штуку. Къ сожалѣнiю, невозможно опредѣлить общую доходность этой отрасли довольно распространеннаго производства.

Почвенныя условія страны не благопріятствуютъ развитію большого химическаго производства. За исключеніемъ соли, въ ней нѣтъ иныхъ для него необходимыхъ элементовъ. Пришлось выписывать ихъ изъ-за границы и, примѣняя къ ихъ обработкѣ самые экономическіе, указанные наукою, способы, добывать изъ нихъ нужныя для туземной промышленности соли, кислоты и краски. Послѣднія, какъ извѣстно, извлекаются въ самыхъ разнообразныхъ цвѣтахъ и тонахъ изъ каменнаго угля. Можетъ быть, не долго придется ждать времени, когда люди перестанутъ восторгаться впечатлѣніями, производимыми ими на зрѣніе, а изумятся тому, что при ихъ посредствѣ наукѣ удастся открыть пагубные для человѣчества микроскопическіе организмы—причины заразныхъ болѣзней. Они уже и теперь оказали, на этомъ пути, большія услуги изслѣдованію.

Кромѣ красокъ въ послѣднее время усилилось приготовленіе духовъ и вареніе мыла, притомъ высшихъ сортовъ его, не смотря на то, что оно стало добываться—изъ жировыхъ фабричныхъ отбросковъ.

Желатинъ, искусственное удобреніе, искусственныя минеральныя воды, лаки и т. п., относящіеся къ этой категоріи производства, вмѣстѣ съ упомянутыми выше спеціальностями, доставляютъ занятіе болѣе 1,200 работниковъ, на сумму отъ 15 до 18 милліоновъ ежегодно. Работы при буравленіи Ст.-Готардскаго туннеля вызвали въ странѣ новую отрасль химическаго производства, начинающаго распространяться—приготовленіе динамита.

Обратимся къ той отрасли производства, которое издавна стало извѣстнымъ за предѣлами Швейцаріи и составляетъ самую роскошную часть цюрихской выставки.

Каждый, сколько-нибудь тронутый культурою, человѣкъ, хотя по наслышкѣ, знающій поговорку цивилизованнаго общества: «время—деньги», носитъ въ своемъ карманѣ произведеніе швейцарской промышленности—часы. Поэтому краткое историческое указаніе на ея развитіе въ этой странѣ не лишено интереса.

Въ половинѣ XV вѣка оставшійся неизвѣстнымъ потомству изобрѣтатель придумалъ замѣнить бывшія до того въ употребленіи гири, приводившія часы въ движеніе тяжестію, спиральною пружиною. Это усовершенствованіе дало возможность соорудить карманные часы, доступные, по формѣ и вѣсу, переноскѣ. Въ 1500 г. Петръ Геле первый пустилъ ихъ въ обиходъ въ шаровидной формѣ, отъ которой они получили свое первоначальное названіе—нюренбергскихъ яицъ (по мѣсту фабрикаціи).

Въ 1587 г. Карлъ Кюзенъ, изъ Отена въ Бургундіи, уже

знакомый съ часовымъ производствомъ, первый основалъ въ Женевѣ мастерскую этой отрасли промышленности. Черезъ два года устраивается уже цехъ часовщиковъ; черезъ сто лѣтъ (въ 1685 г.) въ Женевѣ насчитывается ихъ до ста человѣкъ, занимающихъ 300 рабочихъ и производящихъ до 5,000 часовъ ежегодно. Рядомъ съ ними возникаютъ ювелиры, на долю которыхъ выдѣляется отдѣлка наружныхъ частей. Съ этого времени образуется тѣсный союзъ между механическимъ производствомъ и искусствомъ, оказавшій швейцарскому часовому дѣлу такія существенныя услуги и возведшій его на такую высокую степень техническаго совершенства рядомъ съ изящною внѣшностью.

Въ теченіе XVIII в. дѣло это расширяется и занимаетъ уже въ концѣ столѣтія 4,000 человѣкъ. На его потребности расходуется въ Женевѣ 40,000 унцій золота. Знаменитые ученые эпохи: Jodin, Romilly, Pouzait, Tavan посвящаютъ свои знанія и трудъ усовершенствованію этой отрасли прикладной механики, открывая новыя примѣненія ея на практикѣ. Войны наполеоновскія вызываютъ, однако, застой въ этого рода промышленности, который прекращается только съ возстановленіемъ независимости маленькой республики.

Въ настоящемъ столѣтіи отличительною чертою часового дѣла въ Женевѣ признается необыкновенное разнообразіе его произведеній, ихъ оконченность, изящество, дешевизна, распространенность производства. По переписи 1869 г. имъ занимались въ одномъ этомъ городѣ 7,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 800 женщинъ, на 83 фабрикахъ. Кромѣ того существуетъ 63 мастерскихъ, занятыхъ исключительно приготовленіемъ отдѣльныхъ частей часового механизма. Болѣе 100,000 часовъ (изъ нихъ $^{11}/_{12}$ золотыхъ) высылаетъ этотъ городъ на всемірный рынокъ, на сумму 12 милліоновъ франковъ.

Не одна Женева завоевала себѣ гегемонію въ этомъ производствѣ. И въ другихъ кантонахъ Швейцаріи, гораздо менѣе благопріятствуемыхъ географическимъ положеніемъ, оно занимаетъ множество рукъ. Даже суровая природа многихъ мѣстностей горныхъ кантоновъ, обрекающая въ иныхъ странахъ большинство населенія на вынужденное естественными условіями тунеядство, при отсутствіи полевыхъ работъ, не только не помѣшала, но даже много способствовала развитію часового производства. Населеніе этихъ непривѣтливыхъ мѣстностей исконі занималось, въ длинные зимніе вечера, рѣзьбой по дереву, кузнечными и слесарными работами. Случайность натолкнула трудолюбивое и смышленое населеніе Юры и на часовое производство.

Въ 1679 г. какой-то уроженецъ Невшательскаго кантона привезъ съ собою на родину изъ Англіи первые часы. Они испортились. Починить ихъ вызвался простой кузнецъ, Даніилъ Ришаръ, слывшій между туземцами за знатока своего дѣла. Починка ему удалась. Не удовольствовавшись этой удачей, онъ задался мыслію—соорудить такіе же часы цѣликомъ. Болѣе года онъ трудился надъ приготовленіемъ необходимыхъ орудій для производства, а болѣе полугода употребилъ на сооруженіе самихъ часовъ. Наконецъ, въ 1681 г. первые часы, произведеніе кузнеца-самоучки, пошли въ ходъ. Важенъ не этотъ случай, самъ по себѣ, имѣвшій, можетъ быть, мѣсто и въ другихъ странахъ, гдѣ появляются люди сметливые, трудолюбивые и съ выдержкой, а то, что Ришаръ считается основателемъ часового дѣла въ Невшательскомъ кантонѣ, занимающемъ теперь тысячи рукъ. Заказы посыпались на бывшаго кузнеца. Въ 1705 г. онъ переселяется изъ своей горной деревушки въ Локль, мѣстность, ставшую, благодаря его инииціативѣ, теперь центральнымъ мѣстомъ часового дѣла Юры. Здѣсь онъ, съ своими пятью сыновьями, расширилъ свое производство. Замѣчательно, что раздѣленіе труда, на которомъ зиждется въ настоящее время всякое техническое дѣло, было сознано уже два вѣка тому назадъ семействомъ простого швейцарскаго кузнеца: каждый изъ его сыновей взялся за отдѣльную отрасль часового дѣла. Въ сравненіи съ теперешнимъ его раздѣленіемъ на нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ спеціальностей, это, конечно, не много, но изъ этого сознанія зародилась настоящая спеціализація. Ришаръ не ограничился обученіемъ своихъ сыновей. Онъ принималъ въ свою мастерскую и постороннихъ, такъ, что черезъ 11 лѣтъ послѣ его смерти, въ 1751 г., насчитывалось 466 часовщиковъ въ горахъ Невшательскихъ! Въ 1781 г., черезъ столѣтіе послѣ появленія тамъ первыхъ часовъ, число ихъ возрасло до 2,200, въ 1866 г.—до 14,000 человѣкъ, приготовлявшихъ болѣе 800,000 часовъ. Въ настоящее время число это возрасло еще значительнѣе, распространившись по цѣлому кантону, такъ, что теперь нѣтъ не только города, но даже отдѣльнаго поселка, въ которомъ не занимались бы часовымъ производствомъ.

Кантонъ этотъ не могъ бы завоевать этого положенія на всемірномъ рынкѣ, если бы давалъ только рабочія руки. Между его уроженцами можно указать на много именъ, обезсмертившихъ себя выдающимися техническими изобрѣтеніями по своей спеціальности и въ механикѣ вообще. Такъ, Берту, выбранный за нихъ членомъ парижской академіи наукъ; Бреге, извѣстный

цѣлому міру; Гурье, изобрѣтатель карманныхъ хронометровъ,— всѣ они уроженцы этого кантона. Они указывали, своими научными трудами, путь, которому должны были слѣдовать, на практикѣ, ихъ земляки. Если бы послѣдніе держались только обычной рутины, если бы наука не подоспѣвала имъ своевременно на помощь, они давно сошли бы съ промышленной арены.

Въ очеркѣ нашемъ мы не имѣемъ возможности распространяться на счетъ развитія часового дѣла въ другихъ мѣстностяхъ Швейцаріи, какъ ни поучительно было бы сообщеніе такихъ подробностей. Ограничимся замѣчаніемъ, что и въ другихъ кантонахъ оно возникало такимъ же образомъ при посредствѣ апостоловъ труда и свѣточей знанія, путемъ частнаго, отнюдь не правительственнаго, почина. Въ ваадтскомъ кантонѣ оно возникаетъ въ первой четверти XVIII в., благодаря Мейлану, въ бернскомъ въ сравнительно недавнее время, въ первой половинѣ текущаго столѣтія; затѣмъ часовымъ производствомъ занимаются, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ кантонахъ: фрибургскомъ, базельскомъ и шафгаузенскомъ. Округляя цифры промышленной карты Шляттера, оказывается, что въ Швейцаріи заняты часовымъ производствомъ 40,000 работниковъ, вырабатывая ежегодно на сумму не менѣе ста милліоновъ, т.-е. три четверти часового производства всего земного шара приходится на Швейцарію...

Была пора, и притомъ недавно, когда возникли въ этой странѣ опасенія за будущность этого вида промышленности. Появилась за-атлантическая конкурренція, Сѣверной Америки, начавшей наводнять рынки своими часами, приготовляемыми машиннымъ образомъ. Вопросъ существованія возникалъ для швейцарскихъ часовщиковъ въ своей грозной формѣ, съ перспективой голодовки десятковъ тысячъ тружениковъ. Сознаніе опасности заставило ихъ напрячь силы. Усугубленно-добросовѣстное исполненіе работы, рядомъ съ изобрѣтательностью закаленныхъ въ трудѣ спеціалистовъ, восторжествовало въ сравнительно короткое время надъ машиною. Швейцарія, въ настоящее время, убѣдила потребителя, что въ часовомъ производствѣ машина не въ состояніи замѣнить рукъ мыслящаго работника. Она отстояла за собой его рынокъ. Работникъ же швейцарскій имѣлъ въ этой борьбѣ особенное преимущество двухвѣкового, преемственнаго труда, уясненнаго и провѣреннаго знаніемъ мельчайшихъ подробностей производства. Его можно сравнить съ человѣкомъ, располагающимъ опытомъ двухъ столѣтій, не только пріобрѣтеннымъ практикой, но и вынесеннымъ изъ спеціальной школы. О такихъ школахъ впервые позаботились въ Женевѣ. Тамъ она была

основана еще въ 1824 г. и состоитъ подъ особымъ управленіемъ комитета *научно*-образованныхъ часовщиковъ. Въ ней недовольствуются преподаваніемъ всѣхъ частей часового производства въ практическомъ его примѣненіи; математика и механика составляетъ основу его. Курсъ продолжается 4 года, съ платою по пяти франковъ въ мѣсяцъ. Въ невшательскомъ кантонѣ четыре такія спеціальныя заведенія, въ бернскомъ одно.

Научному преуспѣянію производства много способствовали также ученыя общества и спеціальныя изданія. Самое древнее изъ нихъ основано Соссюромъ въ 1776 г. въ Женевѣ, подъ названіемъ «Société des arts», съ отдѣломъ, спеціально занимающимся научною разработкою часового дѣла, издающимъ ежемѣсячный «Journal suisse d'horlogerie». И въ Невшателѣ до 1847 г. «Société d'émulation patriotique» играло роль названнаго выше женевскаго общества, но въ 1858 г. возникло, по почину Гранжана, новое подъ именемъ Comité neufchatelois pour le perfectionnement de l'horlogerie. Наконецъ, въ 1876 г. основано Société intercantonale des industries du Jura, съ цѣлью объединить главные виды промышленности романской части Швейцаріи. Кромѣ часового дѣла, общество это занимается интересами другихъ, распространенныхъ въ этой странѣ, производствъ. Оно уже имѣетъ 10 отдѣловъ, состоя центромъ единенія между ними, и служа органомъ этихъ видовъ промышленности. Оно уже оказало странѣ существенныя услуги при заключеніи торговыхъ договоровъ съ иностранными государствами, при изданіи законовъ насчетъ контроля драгоцѣнныхъ металловъ, привилегій, фабричныхъ марокъ; въ вопросѣ о преобразованіи измѣрительныхъ инструментовъ, употребляемыхъ въ часовомъ дѣлѣ, во введеніи однообразныхъ размѣровъ частей двигательнаго аппарата швейцарскихъ часовъ и т. д.

Къ числу учрежденій, не мало способствовавшихъ усовершенствованію часового производства, слѣдуетъ отнести 4 обсерваторіи: въ Женевѣ, Цюрихѣ, Бернѣ и Невшателѣ. Изъ нихъ первая и послѣдняя приспособлены спеціально для потребностей этого дѣла. Онѣ провѣряютъ всѣ хронометры, поступающіе къ нимъ изъ мастерскихъ, при разной температурѣ и разнообразнѣйшихъ положеніяхъ механизмовъ, подвергаемыхъ испытанію. Результаты этихъ наблюденій появляются въ особомъ оффиціальномъ бюллетенѣ. По нимъ можно судить, до какой точности хода достигаютъ произведенія разныхъ фабрикъ, получающихъ, кромѣ того, изъ обсерваторіи, электрическимъ путемъ, указанія времени. Вѣрное астрономическое и хронометрическое опредѣленіе времени

составляло искони заботу швейцарскихъ часовщиковъ, не жалѣвшихъ средствъ на устройство этихъ полезныхъ учрежденій. Изъ нихъ мы узнаемъ уклоненія швейцарскихъ хронометровъ при разнообразнѣйшихъ условіяхъ положенія часовъ и температуры окружающей среды. Приведемъ для примѣра, слѣдующіе результаты: среднее колебаніе ихъ, въ теченіе 24 часовъ, не превышаетъ половины секунды; различныя положенія ихъ вліяютъ, въ этотъ же періодъ времени, не болѣе какъ на 2 секунды; на каждый градусъ температуры оказывается разница отъ $^1/_7$ до $^1/_8$ секунды... Таковы результаты научной постановки дѣла, союза практики съ знаніемъ...

Сообщенныя выше данныя свидѣтельствуютъ о правильной и разумной организаціи часового дѣла въ Швейцаріи. Безъ нея оно не могло бы достигнуть такого совершенства, и потому не лишне прослѣдить ее въ ея историческомъ развитіи.

Въ XVI и XVII в. большая часть часовщиковъ приготовляла *всѣ* части механизма, и притомъ руками, при посредствѣ очень простыхъ инструментовъ. Каждый работникъ, слѣдуя своему личному вкусу и пониманію, опредѣлялъ калибръ часовъ и затѣмъ исполнялъ детали, начиная отъ пружины и кончая циферблатомъ. Между такими работниками было не мало людей сметливыхъ, знающихъ, искусныхъ, но они не могли, при такихъ условіяхъ, производить много.

Въ XVIII и настоящемъ столѣтіяхъ трудъ уже распредѣляется между спеціальными работниками. Каждый изъ нихъ занимается только извѣстною частью, которую онъ отдѣлываетъ лучше и исполняетъ быстрѣе. Рядомъ съ этимъ замѣчается стремленіе придумать орудія производства, ускоряющія и облегчающія работу. По мѣрѣ улучшенія, эти орудія принимаютъ образъ небольшихъ машинъ, достигающихъ изумительной степени совершенства. Такія спеціальныя мастерскія, вмѣстѣ съ хорошими сторонами, представляютъ, однако, нѣкоторыя неудобства. Разсѣянныя по странѣ, онѣ обусловливаютъ постоянныя передвиженія, увеличивающія цѣну производства; кромѣ того, при самостоятельныхъ мастерскихъ нерѣдко можетъ быть нарушена гармонія между частями, которыя, въ окончательномъ сочетаніи, предназначены составлять безукоризненное цѣлое. Соединяя такія мастерскія въ одно цѣлое, можно было бы образовать заведенія по системѣ большихъ фабрикъ. Швейцарцы не рѣшились, однако, принести намъ въ жертву своихъ исторически установившихся отдѣльныхъ мастерскихъ. Имъ противна фабричная система со всѣми своими всѣмъ извѣстными недостатками: разстрой-

ствомъ семейной жизни, давленіемъ капитала, ограниченіемъ личной свободы, постоянными пререканіями между фабрикантами и рабочими, забастовками послѣднихъ и т. п. Они старались, по крайней мѣрѣ, въ этой, имъ почти исключительно принадлежащей отрасли промышленности сохранить прежнюю систему, при которой они извѣдали, что самый лучшій экономическій результатъ достигается сочетаніемъ ручного труда съ механическимъ, но отнюдь не однимъ послѣднимъ. Конечно, въ странѣ, гдѣ нѣтъ хорошихъ работниковъ, приходится довольствоваться машинами. Въ этомъ случаѣ—нѣтъ выбора. Но въ Швейцаріи хорошіе работники не только многочисленны, но въ часовомъ производствѣ имѣютъ за собою преимущество преемственности труда, передаваемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе. Поэтому въ Швейцаріи оказались возможными самыя лучшія сочетанія формъ труда для того, чтобы работать скоро и хорошо. Это и было причиною, почему швейцарцы, вообще очень бережливые и умѣренные, разрѣшили себѣ роскошь—сохранить такую организацію труда, которая болѣе всего отвѣчала ихъ народному характеру.

Швейцарцы не только знаютъ, но и умѣютъ пользоваться машинами, облегчающими ручной трудъ. Они приспособили ихъ для часового производства до мельчайшихъ подробностей его, примѣняя къ нимъ силы, которыми природа одарила ихъ бѣдную страну (въ видѣ горныхъ потоковъ, водопадовъ), но они не полагаются на исключительную ея помощь. Духъ научнаго изслѣдованія никогда ихъ не покидалъ, и когда раздалась изъ за океана вѣсть объ опасности, грозившей, по мнѣнію многихъ, ихъ часовой фабрикаціи, они только усугубили трудъ, лучшіе ученые ихъ страны принесли въ жертву свои знанія и отстояли честь швейцарскаго имени на всемірномъ рынкѣ. Напрасно американскія рекламы оглашали всѣ части свѣта возгласами на счетъ дешевизны ихъ часовъ, приготовляемыхъ механическими способами. Легковѣрная публика вскорѣ убѣдилась въ настоящей стоимости подобнаго товара, а жюри всѣхъ международныхъ выставокъ ни разу не колебались отдать пальму первенства швейцарскимъ часамъ.

Часовое производство Швейцаріи, гордое своимъ прошлымъ, не почіетъ, однако, на своихъ лаврахъ. Оно неустанно стремится къ совершенствованію, сознавая, что иностранная конкурренція налагаетъ серьёзныя обязанности не только по отношенію къ самимъ производителямъ, но и по отношенію къ ихъ родинѣ. Сознаніе это сказалось и на цюрихской выставкѣ, на которой часовое производство представляетъ самый блестящій отдѣлъ,

изумляющій каждаго своимъ разнообразіемъ, спеціализаціей, изяществомъ, вкусомъ и технической тонкостію, граничащей съ геніальностью.

Въ этомъ отдѣлѣ выставлено около 3,000 часовъ, цѣною отъ 8 фр. до 8,000 франковъ за штуку, представляя въ совокупности около милліона стоимости. Въ связи съ часовымъ производствомъ, по самому его характеру, находятся издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Женева является ихъ главною представительницею; не отличаясь, по оцѣнкѣ парижскихъ критиковъ, тонкостью работы однородныхъ произведеній, изготовляемыхъ на берегахъ Сены, они носятъ на себѣ отпечатокъ своеобразнаго стиля, изящнаго по своей простотѣ.

Гравированіе на металлахъ и эмаль, какъ необходимая принадлежность часового производства, достигли большого совершенства. Этими тремя производствами вмѣстѣ занимаются около 2,000 человѣкъ.

Въ отдѣльномъ, такъ-называемомъ, лѣсномъ павильонѣ, помѣщена выставка лѣсоводства, рыбоводства, охоты и рыболовства. Лѣса Швейцаріи (780,000 гектаровъ) занимаютъ 19,3% общей территоріи, или 27,2% производительной площади. Почти 2/3 лѣсного пространства составляютъ собственность кантоновъ, общинъ и корпорацій, и не болѣе 1/3 принадлежитъ частнымъ собственникамъ. Всѣ эти участки необыкновенно мелки; очень рѣдко попадаются большія (конечно, въ швейцарскомъ, а не въ русскомъ смыслѣ) лѣсныя площади.

Ежегодный доходъ лѣсовъ выражается $2^1/_2$ милліонами куб. метровъ лѣса, на сумму 40 милліоновъ франковъ. Потребность строевого лѣса вполнѣ покрывается туземнымъ матеріаломъ; даже 10% его отпускается за границу, но для топлива его не хватаетъ. Швейцарія принуждена выписывать для этой цѣли около 2 милл. куб. метровъ изъ-за границы.

Швейцарія рано сознала важное значеніе лѣса въ народномъ хозяйствѣ. Уже въ XVII вѣкѣ появляются ограниченія лѣсоистребленія и предписанія о лѣсовозращеніи и раціональномъ лѣсномъ хозяйствѣ. Въ періодъ войнъ, сбереженія эти были уничтожены сновавшими по всѣмъ направленіямъ непріятельскими войсками. Для того, чтобы дать приблизительное понятіе, во что обходились беззащитной странѣ эти марши и контръ-марши, приведемъ *одинъ* примѣръ. Въ 1799 г. небольшая деревня Андерматъ, имѣющая теперь около 700 жителей, подверглась налогу въ 681,700 квартирныхъ дней! Конечно, это слѣдуетъ понимать не въ такомъ смыслѣ, что подобная армія была

въ ней расквартирована за разъ, — такихъ армій, къ счастію человѣчества, въ то время не существовало, — а въ томъ, что войска австрійскія, французскія и русскія, попеременно прогоняя другъ друга черезъ Андерматъ, расквартировывались въ этой мѣстности. Итогъ этихъ переходовъ и составилъ указанное выше число квартирныхъ дней, уплаченныхъ богу войны въ видѣ налога ничѣмъ неповинными жителями названной деревни. Прекрасный сосновый лѣсъ на Аннабергѣ, господствующій надъ нею, который жители ея берегли какъ зѣницу ока, потому что онъ составлялъ ихъ существенную защиту отъ снѣжныхъ обваловъ, былъ въ этомъ же году совершенно вырубленъ враждующими арміями. Жителямъ Андермата пришлось ждать почти цѣлое столѣтіе, пока онъ выросъ настолько, что теперь вновь выполняетъ свое прежнее назначеніе...

Въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ Швейцаріи сознали, что сберегать лѣсъ необходимо не только ради топлива и построекъ, но и ради его роли въ экономіи природы, отъ которой зависитъ существованіе человѣка. Обезводненіе, перемѣны климата и другія атмосферическія явленія, вліяющія на производительность почвы, обусловливаются лѣсоистребленіемъ.

Сознавши это значеніе лѣса, не довольствовались однимъ изданіемъ охранительныхъ законовъ, а стали зорко слѣдить за точнымъ ихъ исполненіемъ. Основана была лѣсная академія, введена строгая лѣсная полиція, не дозволяющая, даже въ частныхъ владѣніяхъ, распоряжаться лѣсомъ, ради наживы, во вредъ народному благосостоянію (законъ 24 марта 1874). Кромѣ того стараются распространять въ обществѣ здравыя понятія о сохраненіи и возрожденіи лѣсовъ, проникающія въ семьи, гдѣ каждая порядочная хозяйка можетъ оказать существенную услугу родинѣ однимъ надзоромъ за прислугой, часто непроизводительно истребляющей топливо. Эти же понятія распространяетъ въ подростающемъ поколѣніи швейцарская народная школа. Выставка преслѣдовала эту же цѣль.

Лѣсная статистика, очень подробная картографія, поразительная трудностью исполненія въ горныхъ мѣстностяхъ, планы эксплуатаціи, способы отвода горныхъ потоковъ и защищенія лѣса отъ обваловъ, лѣсная флора и фауна, съ образчиками разныхъ частей дерева, испорченныхъ вредными для лѣса растеніями и насѣкомыми, инструменты для измѣренія лѣсовъ, орудія, употребляемыя въ лѣсномъ хозяйствѣ, болѣзненные наросты на деревьяхъ, разрѣзы, вертикальные и горизонтальные, всѣхъ швейцарскихъ деревъ, а также экземпляровъ, поражающихъ

своимъ объемомъ, модели разныхъ способовъ передвиженія срубленныхъ стволовъ черезъ горные потоки и рѣчки, спуска ихъ съ альпійскихъ вершинъ, наконецъ, литература лѣсоводства,—все это нашло мѣсто въ огромномъ числѣ экземпляровъ въ этомъ интересномъ отдѣлѣ выставки.

Тутъ же выставлены разрѣзы всѣхъ сортовъ стволовъ, отъ корня до вершины, цѣлыми конусами, показывающіе приростъ древесины по годамъ, съ таблицами, по которымъ легко вычислить кубическій объемъ древеснаго матеріала каждаго ствола извѣстнаго возраста.

Рукописный уставъ цюрихскаго кантона 1591 г., тутъ же выставленный, какъ археологическій памятникъ, свидѣтельствуетъ, что заботы о лѣсоохраненіи не новы въ Швейцаріи, а взглядъ брошенный посѣтителемъ на горныя вершины, покрытыя лѣсомъ, господствующія надъ Цюрихомъ, убѣждаетъ его, что это законоположеніе не оставалось мертвою буквою; что цѣлыя поколѣнія выборныхъ людей, заправлявшихъ городскими дѣлами, радѣли объ нихъ, не считая общественнаго достоянія своимъ, какъ это зачастую случается въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ...

Намъ остается прибавить къ этому, что весь этотъ матеріалъ, свидѣтельствующій о заботахъ населенія о своемъ лѣсномъ имуществѣ, выставленъ не одними правительственными учрежденіями. Рядомъ съ кантональными управленіями, посѣтитель встрѣчаетъ въ огромномъ числѣ между экспонентами лѣсничихъ, народныхъ учителей, пасторовъ, частныхъ лицъ.

Здѣсь же выставлены предметы охоты. «Вѣнецъ созданія», съ первыхъ вѣковъ своего существованія на землѣ, началъ борьбу съ окружающимъ его міромъ, заявляя искони свои притязанія на господство надъ нимъ. Слѣды этой борьбы здѣсь на лицо. Мы можемъ прослѣдить ее здѣсь отъ каменнаго вѣка вплоть до настоящаго времени. Орудія охоты, начиная отъ молотовъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій, сдѣланныхъ изъ осколковъ камня, до украшенныхъ серебромъ скорострѣльныхъ ружей новѣйшей системы, отъ обугленныхъ грубыхъ сѣтей, найденныхъ въ свайныхъ постройкахъ, до паутинообразныхъ силковъ изъ тончайшаго шелка, даютъ современнымъ нимвродамъ возможность прослѣдить исторію ихъ «благородной» страсти въ продолженіе тысячелѣтій. Я не обуреваемъ ею, и потому прошу у нихъ извиненія, что пройду молчаніемъ исторію охотничьихъ орудій и хитрыхъ пріемовъ, при посредствѣ которыхъ человѣкъ порабощалъ себѣ животныхъ-подданныхъ. Мнѣ понравилась другая сторона этого отдѣла, хотя при этомъ надо было постараться

—забыть о ея происхожденіи. Я говорю о живописныхъ группахъ чучелъ горныхъ животныхъ, размѣщенныхъ при естественной обстановкѣ, посреди скалъ и деревьевъ, нерѣдко представляющихъ семейныя сцены. Въ нихъ много наблюдательности, знанія нравовъ животныхъ и условій ихъ существованія.

Въ этомъ же павильонѣ помѣщенъ отдѣлъ рыболовства. Здѣсь человѣкъ — не только эгоистическій разрушитель, но и созидатель, такъ какъ въ этомъ отдѣлѣ находятся всѣ современныя приспособленія для возстановленія разрушаемаго,—для рыбоводства, конечная цѣль котораго, правда, все-таки—уничтоженіе.

Присутствіе, у береговъ швейцарскихъ озеръ, въ большомъ числѣ свайныхъ построекъ, изученіе которыхъ пролило такой свѣтъ на бытъ человѣчества въ отдаленные вѣка его существованія на землѣ, доказываетъ, что рыболовство, вмѣстѣ съ охотою, принадлежало къ самымъ древнимъ занятіямъ. Что оно и въ старину было очень прибыльно, можно заключить изъ того, что монастыри, духовные владыки и свѣтскіе властители, другъ передъ другомъ, старались захватить въ свое владѣніе лучшія рыбныя ловли. Въ Швейцаріи сохранились царственныя грамоты на нихъ германскихъ императоровъ, начиная съ X-го вѣка, и не мало уставовъ, уже въ то время регулировавшихъ рыболовство. Въ періодъ французской революціи здѣсь и въ этой области совершился переворотъ. Многіе прежніе владѣльцы утратили свои исключительныя права, а новые—не умѣли ихъ отстоять. Вслѣдствіе этого теперь раздаются здѣсь жалобы на оскудѣніе рѣкъ рыбами. Общее законодательство по этому предмету еще не выработано, и оно невозможно безъ обстоятельнаго знанія условій рыбной ловли. Спеціалисты этой промышленности, озабочиваясь будущностью ея, воспользовались выставкой, чтобы представить матеріалъ для подобнаго труда, необходимаго для урегулированія рыбнаго промысла, въ виду ежедневно возрастающаго спроса на его произведенія, грозящаго обезрыбить швейцарскія рѣки и озера.

Въ спирту, въ прозрачныхъ сосудахъ, представлено богатое собраніе всѣхъ видовъ рыбъ, водящихся въ Швейцаріи. Тутъ же, вдоль стѣнъ и на потолкѣ, развѣшены разнообразные снаряды и снасти, бывшіе въ употребленіи (нынѣ запрещенные по причинѣ вреда, причиняемаго рыбѣ) и теперь употребляемыя, рыбацкія лодки разныхъ мѣстностей Швейцаріи. Особенно интересны модели, представляющія приспособленія для искусственнаго разведенія рыбъ, и устраненія препятствій при проходѣ рыбы, для метанія икры, черезъ искусственныя или естественныя

преграды. Уже давно замѣчено, что многіе виды рыбъ, въ особенности лосось, прежде очень часто встрѣчавшіеся въ Швейцаріи, почти перевелись, благодаря тому, что не могутъ переплывать рейнскаго водопада у Шафгаузена, и такъ-называемый Schwellenmätteliwuhr у Берна. Въ видахъ устраненія этихъ неудобствъ и предложены многими экспонентами особыя приспособленія, при посредствѣ которыхъ возможно вновь населить швейцарскія рѣки цѣнными сортами рыбы.

Издавна восшествіе на вершины недоступныхъ горъ, сопряженное съ опасностью жизни и преодолѣніемъ неимовѣрныхъ препятствій, составляли своего рода спортъ. Толку отъ этого не было никакого, за исключеніемъ случаевъ, когда подобныя экскурсіи предпринимали люди науки съ опредѣленною цѣлію. Докторъ Зиммеръ (умершій), желая, чтобы такія предпріятія приносили извѣстную пользу, задался мыслію основать общество швейцарскаго альпійскаго клуба. Въ 1863 г. ему удалось составить его изъ 35 единомышленниковъ. Теперь, черезъ 20 лѣтъ, оно насчитываетъ уже 2,500 членовъ, въ 28 отдѣлахъ, изъ которыхъ каждый занялся изслѣдованіемъ самыхъ трудно доступныхъ вершинъ своей мѣстности. Средства его тоже расширились. Въ 1879 г. клубъ располагалъ уже значительнымъ капиталомъ сдѣлавшись однимъ изъ популярнѣйшихъ обществъ Швейцаріи.

Клубъ этотъ помѣстилъ въ томъ же павильонѣ свою выставку. Составъ ея опредѣляется его дѣятельностью. Множество спеціальныхъ картъ, панорамъ, фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ его членами или на ихъ счетъ, при участіи союзнаго топографическаго бюро, устройство обсерваторіи на вершинѣ Сентиса, измѣренія колебанія ледника Роны (послѣднія обошлись ему въ 20,000 фр.) заслужили признательность спеціалистовъ уже на географической выставкѣ въ Венеціи. И въ настоящее время, по его настоянію, производится очень трудная горная съемка на обширномъ пространствѣ между Равилемъ и Алечгорномъ, на половинныхъ съ правительствомъ издержкахъ. Онъ издаетъ ежегодникъ (18-й томъ его печатается), отъ 500 до 600 страницъ въ томѣ, заключающій драгоцѣнный естественно-историческій матеріалъ, и публикуетъ монографіи объ отдѣльныхъ горныхъ мѣстностяхъ.

Тутъ же выставлены: карты геологическихъ формацій изслѣдованныхъ горъ, образчики породъ, найденныя окаменѣлости, скудная флора альпійскихъ вершинъ, портреты извѣстныхъ изслѣдователей этихъ мѣстностей, ихъ неустрашимыхъ проводниковъ, вещи, найденныя на погибшихъ, между которыми представляютъ

всего болѣе интереса ихъ записныя книжки, нерѣдко съ предсмертными замѣтками.

Радѣя о своихъ членахъ, достигающихъ безлюдныхъ горныхъ вершинъ въ состояніи полнаго изнеможенія, клубъ этотъ устроилъ на шпицахъ 28 высочайшихъ горъ хижины (въ которыхъ, конечно, никто не живетъ), гдѣ они находятъ пріютъ отъ вьюгъ, холода. Такая Klubhütte построена, въ настоящую величину, въ паркѣ выставки. Обстановка ея самая незатѣйливая, но въ ней находится все необходимое для того, чтобы отогрѣться, сварить пищу, отдохнуть на нарахъ подъ теплымъ одѣяломъ, и захватить, въ случаѣ нужды, недостающія для обратнаго пути принадлежности: веревки, крючья и т. п.

Всякій, путешествовавшій по Швейцаріи, знаетъ, что отели ея принадлежатъ къ лучше всего организованнымъ на континентѣ Европы, но не всѣ находятъ, что они *сравнительно* дешевы. Многіе даже положительно жалуются на ихъ дороговизну. Какъ бы въ отвѣтъ на такія жалобы содержатели швейцарскихъ гостинницъ позаботились представить свою спеціальность въ особомъ отдѣлѣ выставки. Во всякой другой странѣ можно было бы улыбнуться подобной затѣѣ, но здѣсь она имѣетъ свое оправданіе, какъ ознакомленіе съ промышленностью, составляющею одну изъ спеціальностей страны, которая занимаетъ много рукъ въ извѣстное время года. Если взглянуть на эту, кажется, первую попытку представить на выставкѣ эту отрасль съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, то нельзя отказать ей въ правѣ занять мѣсто между другими отдѣлами. Я не намѣренъ распространяться насчетъ здѣсь выставленнаго. Каждый путешественникъ, ѣздившій по Швейцаріи, самъ пользовался разными отельными помѣщеніями и знаетъ ихъ по собственному опыту. Интереснѣе остановиться на статистикѣ этого дѣла, здѣсь представленной графически, относительно числа путешественниковъ и доходности положеннаго въ этотъ видъ предпріятія капитала. Не мѣшаетъ здѣсь сдѣлать оговорку, что сообщаемое ниже относится только къ иностранцамъ, на счетъ которыхъ, будто бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ поверхностныхъ наблюдателей, существуетъ цѣлая Швейцарія. Данныя эти касаются только иноземцевъ въ лѣтній періодъ ихъ передвиженія. Туземцы, ѣздящіе въ остальное время года, не входятъ въ разсчетъ. Оказывается, что ежегодное число иностранцевъ, путешествующихъ по Швейцаріи, не превышаетъ 40,000 человѣкъ. Для принятія ихъ здѣшніе отели (числомъ 960) держатъ на готовѣ 55,000 кроватей, которыя, такимъ образомъ, не всѣ бываютъ заняты (исключая, конечно, нѣкото-

рыхъ мѣстностей, гдѣ наплывъ путешественниковъ бываетъ особенно силенъ). Въ недвижимость затраченъ для этой цѣли капиталъ въ 250 милліоновъ, въ движимость 60 милл., не считая оборотнаго. Если принять въ соображеніе, что эта отрасль промышленности занимаетъ непосредственно отъ 10 до 15,000 человѣкъ, и посредственно отъ 15 до 20,000 чел., то, повторяемъ, содержатели швейцарскихъ отелей имѣли право занять мѣсто на ряду съ промышленниками въ тѣсномъ смыслѣ, доставляющими населенію работу на фабрикахъ. Черезъ ихъ посредство, при постройкахъ, при устройствѣ внутренней обстановки отелей, въ видѣ жалованья прислугѣ, платы поставщикамъ припасовъ, въ формѣ налоговъ, платимыхъ казнѣ за содержаніе этихъ заведеній, и тому подобныхъ, расходится въ странѣ значительный капиталъ, отъ 50 до 60 милл. ежегодно, но за отчисленіемъ издержаннаго, на погашеніе и проценты на затраченный капиталъ, на долю содержателей отелей остается не болѣе 15 — 18 милл. чистаго дохода, т.-е. не болѣе 5%. Такимъ доходомъ едва ли довольствуются содержатели отелей въ другихъ странахъ. Изъ этого разсчета выходитъ, что швейцарскія гостинницы самыя дешевыя въ Европѣ.

Едва ли существуетъ въ Европѣ страна, въ которой проведеніе путей сообщенія сопряжено съ такими техническими затрудненіями, какъ Швейцарія, а между тѣмъ нѣтъ государства, гдѣ они были бы такъ многочисленны и такъ хорошо содержимы. Не говоря уже объ образцовыхъ шоссейныхъ дорогахъ, неимовѣрно густою сѣтью соединяющихъ между собою самые отдѣльные, гнѣздящіеся на вершинахъ горъ поселки [1]), на безчисленные мосты, перекинутые надъ глубокими стремнинами, на водяныя сооруженія, предназначенныя отводить и сдерживать огромныя массы водъ, низвергающихся съ всеразрушающею силою съ альпійскихъ высотъ, стоитъ указать, что̀ сдѣлано въ этой странѣ, небольшой по пространству и населенію, въ области желѣзныхъ дорогъ.

Естественно, что въ странѣ, представлявшей такія техническія затрудненія для проведенія этихъ новыхъ путей сообщенія, затрудненія, какихъ нѣтъ въ другихъ земляхъ, не сразу рѣшились послѣдовать ихъ примѣру. Вѣдь первые англійскіе и французскіе строители не рѣшались дать своимъ желѣзнымъ дорогамъ

---

[1]) По статистикѣ 1876 г. протяженіе швейцарскихъ шоссейныхъ дорогъ равнялось 13,354 километровъ! Постройка *погоннаго* метра (во всю ширину шоссе) обходилась, среднимъ числомъ, въ 26 фр. 48 сантимовъ. На ежегодное содержаніе такого же метра расходуется 34 сантима.

подъемъ свыше $3^0/_{00}$, въ крайнихъ случаяхъ $4^0/_{00}$, не говоря о томъ, что крутые повороты почти не допускались. При такихъ условіяхъ было почти немыслимо приступать къ проведенію желѣзныхъ путей въ странѣ, на каждомъ почти шагу предъявлявшей строителямъ неизмѣримо бо́льшія затрудненія. Не удивительно, что Швейцарія медлила. Только въ 1847 г. проложенъ былъ въ ней первый рельсовый путь (между Цюрихомъ и Баденомъ-швейцарскимъ). Не имѣя собственной опытности въ этомъ новомъ и столь затруднительномъ дѣлѣ, Швейцарія пригласила, въ 1850 г., знаменитыхъ англійскихъ инженеровъ Стефенсона и Свибёрна, явиться на мѣста и дать ей совѣтъ въ вопросѣ проложенія желѣзно-дорожной сѣти. Первая линія протянулась съ запада на востокъ; на югъ она окончена только въ прошедшемъ году, съ проведеніемъ монументальной с.-готардской дороги, не имѣющей себѣ подобной на всемъ земномъ шарѣ. Техническія затрудненія, постоянно возникавшія, рѣшены были швейцарскими инженерами блистательнымъ образомъ. Питомцы цюрихскаго политехникума (основаннаго въ грандіозныхъ размѣрахъ въ 1855 г.), съ честью для родины и науки, заплатили долгъ отечеству. Они разрѣшили, при постройкѣ сѣти, задачи, которыя считались до того невозможными. Они доказали, что подъемъ можно довести до $25^0/_0$, чему 30 лѣтъ тому назадъ ни одинъ техникъ не повѣрилъ бы.

До 1881 г. построено ими 2,618 километровъ желѣзныхъ дорогъ. Они обошлись до 579 милл. франковъ (по 300,946 километръ). 550 локомотивовъ, 1,688 пассажирскихъ вагоновъ съ 75,000 мѣстами, и 8,436 товарныхъ вагоновъ находятся на нихъ въ движеніи. До 22 милліоновъ пассажировъ и 5.683,749 тоннъ (1 тоннъ=1,016 килогр.) грузовъ были перевезены по этимъ дорогамъ.

Мы упомянули выше о густой сѣти отличныхъ шоссе, предшественницъ желѣзныхъ дорогъ, исполосовавшихъ горы и долины Швейцаріи. Не одно ихъ громадное протяженіе и отличное содержаніе вызываетъ удивленіе иностранца, не избалованнаго даже хорошо мощеными улицами въ городахъ своей родины. Сами швейцарцы сознаются, что количество этихъ путей сообщенія превосходитъ потребность страны. До начала текущаго столѣтія въ ней ихъ почти не существовало, если не считать нѣкоторыхъ остатковъ хорошихъ дорогъ, проложенныхъ еще римлянами. Въ теченіе среднихъ вѣковъ объ нихъ не заботились. Только Наполеонъ I, конечно, для стратегическихъ своихъ цѣлей, задумалъ провести, послѣ сраженія при Маренго, шоссе черезъ Симплонъ.

Неимовѣрно трудный переходъ черезъ большой Сенъ-Бернаръ заставилъ его подумать объ облегченіи перехода черезъ Альпы. Шесть лѣтъ длилась постройка Симплонскаго шоссе, съ 1800 по 1806 г.; онъ постоянно торопилъ главнаго строителя вопросами: когда, наконецъ, можно будетъ перевезти первую пушку черезъ Симплонъ? Дорога обошлась въ 18.000,000. На ней пришлось соорудить 611 большихъ и малыхъ мостовъ!

Примѣръ завоевателя, на этотъ разъ хорошій, оказался заразительнымъ. Швейцарцы позаботились потомъ, уже собственными средствами, о постройкѣ такихъ же шоссе черезъ другіе перевалы: Сплюгенъ, Сенъ-Готардъ. Справившись съ такими грандіозными сооруженіями, они не задумались покрыть свою родину густою сѣтью шоссе. Кантоны, города, деревни, разъ сознавъ значеніе хорошихъ дорогъ, въ соревнованіи другъ передъ другомъ не щадили труда и средствъ на этотъ предметъ. Странствуя по Швейцаріи, почти на каждомъ шагу приходится удивляться смѣлости, прочности и многочисленности этихъ сооруженій. Болѣе всего поражаютъ мосты, крытыя галлереи для защиты отъ снѣжныхъ и каменныхъ обваловъ и горныхъ потоковъ, низвергающихся послѣ проливныхъ дождей съ вершинъ (cantonières), и безчисленныя извилины, которыми шоссе подымается въ горы, опоясывая ихъ какъ будто запутанною лентою.

Борьба съ другою стихіей, съ водою, стоила странѣ не меньшихъ трудовъ. Кромѣ многочисленныхъ исправленій русла горныхъ рѣкъ, пришлось защищать долины отъ разрушительнаго дѣйствія горныхъ потоковъ ихъ отводомъ и осушать болота. Покончивъ успѣшно съ этой задачей, теперь думаютъ объ устройствѣ судоходныхъ каналовъ, въ особенности въ сѣверной части страны, представляющей возможность для ихъ проведенія.

Такія многостороннія улучшенія путей сообщенія, способствовавшія легкому и быстрому передвиженію населенія, не могли не отразиться на городахъ. Крѣпостныя стѣны, воздвигнутыя въ разбойничій періодъ для охраны отъ нападеній, выдержавшія не одинъ натискъ непріятеля, не устояли передъ напоромъ цивилизаціи. Чего не успѣли сдѣлать въ былое время снаряды и орудія враговъ, то сдѣлали теперь кирка и заступъ мирнаго строителя. Крѣпостныя стѣны въ швейцарскихъ городахъ, одна за другою, падаютъ, уступая мѣсто новымъ улицамъ, площадямъ и бульварамъ, для принятія мирныхъ гражданъ. Города стали расширяться по окраинамъ.

Но и этого недостаточно. Жить при прежнихъ условіяхъ человѣку XIX столѣтія стало невозможнымъ. Наука и собствен-

ный опытъ убѣдили его, что отсутствіе чистаго воздуха, свѣта, воды сказываются на немъ губительнымъ образомъ. Сознавши это, ему, изъ чувства самоохраненія, пришлось раскошелиться на удовлетвореніе этихъ насущныхъ потребностей современнаго общества. Отсюда возникли перестройка городовъ, проложеніе новыхъ улицъ, очистка пресыщенной міазмами въ теченіе тысячелѣтій почвы канализаціей, проведеніе водопроводовъ, газовыхъ трубъ.

Условія современной жизни культурнаго общества не могли удовольствоваться ускореніемъ и удешевленіемъ сообщеній города съ городомъ, деревни съ деревней (въ Швейцаріи телеграфы соединяютъ между собою даже деревни!). Въ предѣлахъ самаго города пришлось сократить разстоянія и выиграть время. Отсюда —устройство въ нихъ конно-желѣзныхъ дорогъ и телефоновъ. Едва ли существуетъ въ Европѣ городъ, гдѣ горожане пользуются въ такихъ размѣрахъ телефономъ, какъ въ Швейцаріи, въ особенности въ Цюрихѣ. Въ немъ, дѣлая разсчетъ по числу абонентовъ, пользуется этимъ сообщеніемъ одинъ на 53 жителей. Число ежедневныхъ телефонныхъ сообщеній простирается отъ 3,000 до 3,500. Кромѣ многочисленныхъ городскихъ телефонныхъ станцій, вы можете пользоваться ими изъ гостинницъ, ресторановъ, кофейныхъ, табачныхъ лавокъ, магазиновъ, кондитерскихъ. Въ любой улицѣ вы, черезъ 2—3 минуты, получаете отвѣтъ на вопросъ, который вамъ внезапно пришелъ на умъ, тутъ же, на мостовой...

Наглядную иллюстрацію упомянутаго представляетъ отдѣлъ выставки, посвященный этимъ спеціальностямъ. Здѣсь вы находите модели и планы разныхъ желѣзно-дорожныхъ системъ, созданныхъ швейцарскимъ трудомъ и знаніемъ, мостовыя и шоссейныя сооруженія, планы канализаціи, рельефы отвода горныхъ потоковъ, регулированія рѣкъ и т. п. Для спеціалистовъ они представляютъ, конечно, поучительныя нововведенія и усовершенствованія въ этихъ отрасляхъ техники, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ народа практическаго, бережливаго и чуткаго къ прогрессу.

Въ связи съ предыдущимъ находится швейцарская почта и телеграфное вѣдомство, явившіяся въ числѣ экспонентовъ. Распространяться объ организаціи перваго изъ названныхъ учрежденій, упрочившаго за собою, даже въ западной Европѣ, имя образцоваго, мы не станемъ. Каждый путешественникъ имѣлъ случай самъ въ этомъ убѣдиться, получая быстро и аккуратно свою корреспонденцію и газеты въ такихъ мѣстностяхъ, которыя доступны только почтарямъ-пѣшеходамъ, слѣдовательно даже

тамъ, гдѣ кончаются шоссе и существуютъ только горныя тропинки. Выставленные почтовымъ вѣдомствомъ экипажи, приспособленные къ самымъ разнообразнымъ горнымъ мѣстностямъ, тоже знакомы туристамъ своей прочностью, удобствомъ, даже щеголеватостію. Ограничимся поэтому замѣчаніемъ о дѣятельности швейцарской почты, выраженной нѣсколькими статистическими данными. Числа эти краснорѣчивы и поучительны по отношенію къ численности населенія (о ней смотри выше).

Почта перевезла въ 1881 г. (всѣ остальныя числа относятся тоже къ этому же году), въ своихъ экипажахъ до 830 тысячъ пассажировъ; простыхъ писемъ, внутри Швейцаріи, переслано 116 милліоновъ (мы округляемъ числа), за границу—37 милл.; денежныхъ, внутри страны, на 216 милл., заграничныхъ такихъ же—на 26 милл. франковъ; газетъ 53 милл., посылокъ внутри страны—6.800,000 штукъ, заграничныхъ — 1.334,000 штукъ. Съ получателей посылокъ (числомъ 6.800,000), взыскано, по порученію отправителей, $15^1/_2$ милліоновъ; такимъ же образомъ, въ международной корреспонденціи, около $2^1/_2$ милліоновъ; отправлено суммъ черезъ почту, не денежными пакетами, внутри страны, на 16 милл., а въ международной корреспонденціи, болѣе $2^1/_2$ милліоновъ [1]).

Здѣсь цифры говорятъ краснорѣчивѣе и обстоятельнѣе всякихъ подробныхъ описаній. Послѣднія двѣ рубрики показываютъ еще, что почти шестая часть денежныхъ суммъ переводится въ Швейцаріи самымъ простымъ, дешевымъ и крайне удобнымъ способомъ, безъ всякой корреспонденціи и внѣ всякихъ формальностей.

Доставка всѣхъ посылокъ и денежныхъ суммъ, не исключая и крупныхъ, на домъ получателя тоже обходится безъ нихъ и безъ всякой особенной приплаты. Нельзя не позавидовать и въ этомъ отношеніи странѣ, въ которой все такъ упрощено, облегчено и разсчитано на сбереженіе издержекъ, труда и времени.

---

[1]) Касательно этихъ двухъ послѣднихъ статей приходится объяснить русскому читателю, что въ Европѣ отправитель посылки, для сокращенія расходовъ и переписки по возвращенію неуплоченной стоимости ея, имѣетъ право поручать почтовому вѣдомству взыскивать ее съ получателя, при врученіи ему отправленія и доставлять ее отправителю. Это называется отправленіе посылки gegen Nachnahme, contre remboursement. Точно также почта принимаетъ на себя посредничество при уплатѣ корреспондентамъ. Если я долженъ кому-нибудь изъ иногородныхъ извѣстную сумму, мнѣ нѣтъ надобности пересылать ее денежнымъ письмомъ. Я плачу ее просто почтовой конторѣ города, въ которомъ живу, а почта города, гдѣ живетъ мой кредиторъ, выплачиваетъ ему сполна безъ всякихъ формальностей на дому. Это называется mandats d'encaissement, Einzugsmandate.

У насъ же приходится зачастую тратить больше денегъ, при отсутствіи почтовыхъ отдѣленій для пріема посылокъ въ столицахъ, за проѣздъ до главнаго почтамта, чѣмъ вѣсовыхъ за самую посылку, отправленную на далекое разстояніе. О потери времени, въ ожиданіи очереди пріема, мы уже не говоримъ. Оно у насъ не только въ почтовомъ управленіи, но вообще въ счетъ не идетъ. Мы еще не дошли до того, чтобы знать его цѣну.

Пусть швейцарское телеграфное вѣдомство тоже говоритъ само за себя.

Основанное въ 1852 г., съ 34 станціями, при длинѣ проводовъ въ 1,920 километровъ, оно, издержавъ на устройство сѣти 424,082 франк., получило въ первый годъ существованія, за 2,876 депешъ только 6,508 фр.

Черезъ 29 лѣтъ, въ 1881 г., оно отдало въ услуженіе страны 1,139 станцій, съ 16,174 километровъ проводовъ, по которымъ прошло 3.130,000 депешъ. Расходы этого года составляли 1.963,666, а доходы—2.453,972 франка.

Читатель убѣдится въ справедливости нашихъ словъ, что не только всѣ города и деревни Швейцаріи, но и поселки, даже вершины многихъ горъ ея, соединены электрической проволокой съ остальнымъ образованнымъ міромъ.

Число депешъ внутри страны увеличилось, по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, почти на 5%, международное сообщеніе—на 17%, а транзитъ—на 25% [1]).

Всякая выставка представляетъ собою примѣненіе науки къ производству, не самую науку. Мы не можемъ, однако, пройти молчаніемъ отдѣлъ картографическій, которымъ справедливо гордится Швейцарія. Въ немъ выставлены исторія швейцарской картографіи и новѣйшія ея произведенія. Начинаясь 1538 годомъ, картою Чуди, она насчитываетъ уже 4 эпохи развитія картографіи въ этой странѣ. Частныя лица, общества, кантоны, въ теченіе четырехъ столѣтій, вносили свои лепты въ эту область науки и родиновѣдѣнія. Спеціалисты, конечно, хорошо знаютъ, что̀ значитъ составить вѣрную *топографическую* карту гористой мѣстности, въ особенности, если эта мѣстность называется Швей-

---

[1]) Я не могъ, въ равной мѣрѣ, по всѣмъ отдѣламъ иллюстрировать сообщаемое статистическими данными. Скорый отъѣздъ въ Россію, къ сожалѣнію, помѣшалъ мнѣ собрать необходимый для этой цѣли матеріалъ.

Въ заключеніе прибавлю, что до начала сентября посѣтило выставку 1.400,000 человѣкъ; другими словами, половина населенія страны. Это даетъ мѣру для опредѣленія степени участія его въ выставкѣ. Число это, конечно, возрастаетъ, такъ какъ данныя за сентябрь не могли еще быть опубликованы.

царіей. Трудности казались непреодолимыми, но ихъ преодолѣлъ, съ своими сотрудниками, Дюфуръ (*единственный*, въ свою эпоху, швейцарскій генералъ и начальникъ союзнаго генеральнаго штаба). Подъ его портретомъ, осѣненнымъ швейцарскими флагами, красуется карта Швейцаріи, на 25 листахъ (въ размѣрѣ 1:100,000), про которую извѣстный географъ Петерманъ выразился: это—лучшая карта на земномъ шарѣ...

Пластъ за пластомъ, въ вертикальномъ протяженіи, измѣрялъ онъ безчисленныя горы своей родины, не говоря уже о детальной съемкѣ ея въ горизонтальномъ протяженіи, и создалъ карту, не только точную до мельчайшихъ подробностей, но представляющую, кромѣ того, вполнѣ вѣрное изображеніе грандіозной альпійской природы.

Теперь, подъ руководствомъ полковника Зигфрида предпринято изданіе новаго, еще болѣе подробнаго атласа Швейцаріи. на 546 листахъ, до сихъ поръ неоконченнаго, который впервые представитъ, въ примѣненіи къ гористой мѣстности такихъ громадныхъ размѣровъ, сочетаніе гравировальнаго искусства съ хромолитографіей. Пластичность изображенія горной мѣстности выиграетъ, конечно, очень много отъ такого соединенія этихъ двухъ искусствъ.

Къ чести цюрихскаго кантона слѣдуетъ прибавить, что мысль изданія подобной карты принадлежитъ ему. Онъ первый приступилъ къ съемкѣ, въ такомъ крупномъ масштабѣ, своей территоріи (работы продолжались съ 1851 по 1865 г. подъ руководствомъ проф. Іоганна Вильда) и когда она была окончена, союзное правительство рѣшилось приступить и къ съемкѣ остальныхъ кантоновъ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ усовершенствованіи въ этой области знанія, выросшемъ на швейцарской почвѣ. Какъ бы ни была хороша карта, она не даетъ вполнѣ нагляднаго понятія о гористой мѣстности. Условные знаки, которые не могутъ измѣняться согласно характеру деталей, стѣсняютъ картографа. Для полной вѣрности необходимо прибѣгнуть къ помощи третьяго измѣренія, къ рельефу. Были и прежде попытки въ этомъ родѣ, но пальма первенства принадлежитъ въ немъ проф. Гейму, въ Цюрихѣ. Такими рельефами, и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ (нѣкоторые равняются площади большой комнаты), изобилуетъ этотъ отдѣлъ выставки.

Въ немъ же находятся и кадастровыя карты, первоначально служившія для финансовыхъ цѣлей, для поземельнаго обложенія. Но такъ какъ оно существуетъ не во всѣхъ кантонахъ, то ими

не вездѣ занимались, тѣмъ болѣе, что мѣстами возникли сомнѣнія: дѣйствительно ли польза кадастра такъ значительна, что перевѣшиваетъ издержки, съ нимъ сопряженныя.

Этотъ отдѣлъ выставки богатъ и изданіями по картографіи частныхъ лицъ, примѣнившихъ ее къ разнымъ промышленнымъ цѣлямъ, но мы не можемъ объ нихъ распространяться.

Я далеко не исчерпалъ того, что было достойно вниманія на швейцарской выставкѣ. Даже сообщенное мною даетъ только поверхностное понятіе о дѣятельности населенія; но я надѣюсь, что указанная мною, въ началѣ этой корреспонденціи, цѣль, хотя отчасти, достигнута. Читатель увидитъ, какъ ведетъ борьбу за свое существованіе народъ, обездоленный природою, тѣснимый конкурренціей сосѣдей. Оружіемъ въ этой неровной борьбѣ у него являются знаніе и осмысленный, упорный трудъ, которые онъ выноситъ изъ завѣтнаго своего арсенала—хорошей школы.

А. С—ій.

Prélaz, близъ Лозанны. 24 сентября, 1883.

ДРУГЪ МАНСО

ПОВѢСТЬ.

El amigo Manso, par B. Perez Galdos. Madrid, 1882.

Окончаніе.

ГЛАВА XXIII.

Между мной и братомъ нависла туча *)

Грянетъ громъ изъ нея, или нѣтъ? Мое намѣреніе было избѣгать этого во всякомъ случаѣ. Я сообщилъ о нашей ссорѣ Ликѣ, которою успѣло уже вновь овладѣть прежнее безпокойство и печаль. Примиреніе супруговъ не улучшило положенія дѣлъ и призракъ раздора не замедлилъ его уничтожить, воцарившись на тронѣ бѣднаго Гименея. Весь день, слѣдовавшій за описанной сейчасъ ссорой, я провелъ вмѣстѣ съ моей золовкой, терпѣливо выслушивая ея безконечныя жалобы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ ея больше не проведетъ, она теперь понимаетъ его хитрости. Ему не удастся ее надуть двумя-тремя словами и парой ласкъ... Несомнѣнно, что въ жизни ея супруга произошло нѣчто, выбившее его изъ колеи. Хозе теперь уже не тотъ, что былъ прежде.

Въ этихъ іеремiадахъ мы проводили длинные и скучные часы вечера и ночи, потому что Лика отмѣнила собранія и никого не принимала. Хозе-Марія забѣгалъ домой только на короткое

*) См. выше: ноябрь, 90 стр.

время; онъ получилъ свои вѣрительныя граматы, представилъ ихъ въ конгрессъ, присягалъ, былъ избранъ президентомъ свекловичной коммиссіи и, такимъ образомъ, добрый представитель страны, душой и тѣломъ посвятившій себя священнымъ обязанностямъ парламентской суматохи, не имѣлъ времени духа перевести. Такъ прошло четыре дня, которые были для меня очень скучны и длинны, потому что Ирена не присылала обѣщаннаго извѣщенія, чтобы я пошелъ къ ней; я же, съ своей стороны, не рѣшался нарушить ея формальнаго приказанія. Большую часть дня я проводилъ въ обществѣ отверженной супруги Хозе, которая въ промежуткахъ между жалобами на свое горе пользовалась моимъ постояннымъ присутствіемъ въ домѣ, чтобы сосватать меня съ ея сестрой. Проектъ благонамѣренный, но вполнѣ безплодный! Я первый признавалъ превосходныя качества Мерседесъ, но не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей любовной склонности; мало того, мнѣ казалось, что и ей не очень улыбалась мысль имѣть меня своимъ супругомъ, а еще меньше—женихомъ.

Наши монотонные разговоры прерывались весьма непріятнымъ образомъ гнусными выходками мамки, ея животной жадностью, грубостью и той постоянной опасностью, которая угрожала Махимину остаться безъ молока. Я проклиналъ всѣхъ кормилицъ вообще и далъ бы что угодно за возможность расправиться съ нашей дерзкой крестьянкой, самымъ скчернымъ животнымъ, какихъ свѣтъ производилъ. Я боялся несчастія и, дѣйствительно, ударъ разразился, заставъ насъ неприготовленными къ нему.

Однажды утромъ я собирался идти въ классъ, какъ вдругъ передо мной предсталъ Руперто, запыхавшись:

— Хозяйка Лика проситъ васъ поскорѣй къ себѣ. Мамка ушла, ребенку нечего сосать...

— Развѣ я этого не предсказывалъ?.. Ахъ, безобразіе!.. А Хозе-Марія, что онъ дѣлаетъ?

— Мой господинъ не ночевалъ сегодня дома. Лакей пошелъ его отыскивать... Хозяйка просила... чтобъ искать другую кормилицу...

— Я? Гдѣ же я ее буду искать?.. Ну, идемъ туда!.. А сеньорита Мануэла что дѣлаетъ?

— Плачутъ. Даютъ ребенку молоко изъ бутылки, но ребенокъ только реветъ.

— Хорошо, хорошо... Ищи теперь кормилицу!..

Я сталъ спускаться по лѣстницѣ, когда столкнулся съ дѣвочкой, которая подала мнѣ письмо. Боже, оно было отъ Ирены!

Я быстро раскрылъ его, дрожа какъ тощая собака, надъ которой разразилась буря.

«Приходите сейчасъ, мой другъ. Если не придете, вамъ никогда этого не проститъ вашъ другъ—*Ирена*».

Почеркъ былъ нетвердый, какъ будто писавшая рука находилась подъ вліяніемъ страха и опасности.

Боже милосердый! Столько исторій въ одну минуту! Отыскивать мамку, бѣжать на помощь къ Иренѣ... потому что ей навѣрно нужна была помощь... противъ кого? Ей грозитъ опасность... откуда?

— Что съ вами, Мансито? — сказала мнѣ донья Хавьера, которая возвращалась отъ обѣдни.

— Ничего... Представьте себѣ, сеньора... Приходится искать мамку, бѣжать на помощь...

— Горитъ гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, сеньора; но кормилица...

— Кормилица ребенка вашего брата? Нѣтъ ничего подлѣе этихъ женщинъ. Я ни за что не хотѣла отдать моего Маноло мамкѣ, хотя была очень слаба. Мнѣ и врачи запрещали кормить самой, и мужъ бранилъ. Однако, видите, какой здоровый вышелъ мой сынъ, а я... тоже слава Богу.

— Не знаете ли кого-нибудь...

— Посмотримъ, посмотримъ; разспрошу на нашей улицѣ... Кстати, мой другъ, не видѣли вы ночью Мануэла?

— А что такое, сеньора?

— Онъ не ночевалъ дома; должно быть, остался на вечерѣ въ Форносѣ... Однако, какъ вы разстроены!.. На васъ лица нѣтъ!.. Учитесь, впрочемъ, учитесь; это вамъ пригодится, когда будете отцомъ.

— Сеньора, не будете ли такъ добры поискать въ этихъ мѣстахъ одно изъ тѣхъ животныхъ, которыя называются кормилицами...

— Да, да, сейчасъ; у меня есть одна на примѣтѣ, сосѣдка говорила; она—дѣвушка, горничная, служила у вдовца чиновника, который занимается статистикой рожденій, онъ имѣетъ, вѣроятно, интересъ въ увеличеніи народонаселенія... Бѣгу туда; у нея, кажется, хорошее молоко, здоровая, смуглая, только немного воровка. Бѣгите въ одну сторону, а я въ другую. Да не забудьте взять номеръ «La Correspondencia», тамъ въ объявленіяхъ поищите: «Мамка ищетъ мѣста на домъ». Да не берите первую встрѣчную, поведите прежде къ доктору... Груди большія, темныя. Да зубы, зубы, чтобы крѣпкіе... Ну, бѣгу, прощайте!

Я не зналъ, куда броситься. Побѣжалъ къ Мануэлѣ, продолжая думать объ Иренѣ, о ея письмѣ, нацарапанномъ дрожащей рукой, и объ опасностяхъ, которыя ей угрожали. А между тѣмъ ученики мои оставались безъ урока; въ тотъ день мнѣ предстояло имъ излагать интересный вопросъ *о внутреннемъ смыслѣ добра*.

Мануэла была въ отчаяніи. Съ ребенкомъ на рукахъ, окруженная матерью и сестрой, она представляла самую патетическую фигуру на этой печальной картинѣ. Махиминъ ревѣлъ какъ теленокъ; Лика старалась всунуть ему въ ротъ рожокъ, но онъ съ яростью отворачивался отъ этого холоднаго и твердаго предмета, и всѣ три женщины вмѣстѣ призывали на помощь всѣхъ святыхъ небеснаго дворца. Онѣ разослали гонцовъ ко всѣмъ знакомымъ, чтобы имъ нашли кормилицу, но главная надежда, увы! возлагалась на меня, на мою рѣдкую доброту и гуманное сердце.

ГЛАВА XXIV.

«Онъ мой сосѣдъ».

Я побѣжалъ въ муниципальное управленіе, самое вѣрное мѣсто, гдѣ можно было достать то, чего недоставало моему крестнику. Тамъ я надѣялся встрѣтить Аугусто Микиса, молодого и уже извѣстнаго врача, моего друга. Но тамъ его не было, мнѣ сказали, что его можно найти въ гражданскомъ отдѣленіи, гдѣ онъ именно занимался осмотромъ кормилицъ. Это счастливое совпаденіе обстоятельствъ меня очень обрадовало; ни мало не медля я отправился въ эту материнскую лавку, которая существованіемъ своимъ представляла одинъ изъ многихъ примѣровъ всесторонней заботливости о насъ администраціи. Что бы мы дѣлали, если бы она не занималась всѣмъ, что насъ касается, и не держала насъ въ своихъ отеческихъ объятіяхъ отъ колыбели до могилы! Въ своей предупредительности она доходитъ даже до того, что суетъ намъ сбски въ ротъ, — это ли не идеалъ администраціи! Я видалъ медицинскую канцелярію, педагогическую канцелярію и многое множество другихъ разновидностей столь ученыхъ учрежденій, но кормиличной канцеляріи еще не видалъ. Поэтому я былъ весьма пораженъ, когда, войдя въ полутемную казенную комнату, увидалъ цѣлый млекопитающій эскадронъ, выстроившійся вдоль стѣнъ на скамьяхъ, привинченныхъ къ полу; двое ординаторовъ, изъ которыхъ одинъ былъ Аугусто,

производили смотръ. Этотъ антипатичный способъ зарабатывать деньги возбуждалъ большое отвращеніе и я прежде всего обратилъ вниманіе на страшное уродство и нечистоплотность этихъ особъ. Тѣ, которыя занимались этимъ дѣломъ какъ ремесломъ, отличались даже на первый взглядъ отъ другихъ, которыхъ принудило къ тому несчастное стеченіе обстоятельствъ и бѣдность. Нѣкоторымъ изъ нихъ сопутствовали жадные отцы, другія были съ мужьями или любовниками. Симпатичныхъ физіономій было очень мало, въ ихъ рядахъ преобладала, напротивъ, уродливость и хитрость. Это была городская сволочь, перемѣшанная съ подонками деревни. Въ глаза бросались короткія шеи съ кораллововыми ожерельями, грязныя уши съ филиграновыми серьгами, множество красныхъ платковъ, плохо прикрывавшихъ округленность товара, черные фартуки, приподнятые, раздутые, какъ будто за ними скрывалась огромная бомба; затѣмъ черные чулки, деревенскіе опорки, толстые башмаки, ботинки и совсѣмъ голыя ноги.

Лица, какъ и я пришедшія искать лекарства для ребенка, входили и выходили, слышались договоры и торги; нѣкоторыя расхваливали, какъ виноторговцы, содержимое своихъ кожаныхъ мѣшковъ. Тутъ производились изслѣдованія, которыя въ другомъ мѣстѣ вызвали бы краску стыда у зрителя, щупалась твердость грудей и, какъ на конномъ рынкѣ, безпрестанно раздавалось: «посмотримъ зубы!» разсматривался общій видъ, походка и осанка товара. Въ одномъ углу ординаторъ изслѣдовалъ соски; въ другомъ, Микисъ, отыскивая слѣды поддѣлокъ, наливалъ молоко въ лактоскопъ и разсматривалъ его на свѣтъ у окна.

— Это настоящая вода...—замѣчалъ онъ:—тутъ столько-то частей молочныхъ шариковъ... А-а, другъ Мансо, что вы ищете въ нашихъ палестинахъ?

— Пришелъ за мамкой... скорѣй, пожалуйста, мой другъ. Дайте мнѣ лучшую какая есть, сколько бы это ни стоило.

— Вы женились или сдѣлались отцомъ чужихъ дѣтей?

— Скорѣй послѣднее... Я очень спѣшу, Аугусто; меня ждутъ...

— Это не такъ скоро дѣлается; подождите, дружокъ.

Онъ такъ лукаво подмигнулъ мнѣ однимъ глазомъ, продолжая другимъ смотрѣть въ свой проклятый инструментъ, что я разсмѣялся, хотя былъ вовсе не въ веселомъ настроеніи духа.

Затѣмъ, приготовивъ инструментъ, чтобы влить въ него новую жидкость, онъ пригрозилъ, какъ будто хочетъ облить меня, и сказалъ:

— Вотъ я васъ! Маршъ съ дороги.

Ахъ, этотъ Микисъ! Вѣчно онъ шутитъ, нисколько не сообразуясь съ обстоятельствами.

— Голубчикъ, я спѣшу...

— А я еще больше. Что вы думаете, пріятно это ежедневное путешествіе по млечному пути?.. Я хочу бросить эти мерзости, пусть другой копается. Отъ насъ требуется химическій анализъ съ лакто-буритометромъ... Потому что, любезнѣйшій, и тутъ подделки имѣются. Между ними есть настоящія бомбы, начиненныя ядомъ. Мы, видите ли, здѣсь охраняемъ дѣтское здравіе; благодаря нашимъ усиліямъ, будущее поколѣніе будетъ кровь съ молокомъ; да, любезнѣйшій. Люди двадцатаго столѣтія останутся довольны, то будетъ вѣкъ ящерицъ...

— Однако, Микисъ, уже поздно, а...

— Сію минуту. Санхесъ, Санхесъ!

Подошелъ Санхесъ, это былъ другой врачъ.

— Посмотрите вотъ эту, что впереди стоитъ; это единственная корова, которая чего-нибудь стоитъ. Сагуанку... да, да, эту самую; у нея одного уха нѣтъ, свинья откусила, когда она была еще ребенкомъ.

— Хорошая она?

— Ничего себѣ, первородящая и весьма скромная. Она пастушка; сама не знаетъ, какъ приключилось съ ней несчастіе и кто былъ ея Мелибей... Этотъ народъ таковъ. Вотъ она, посмотрите фигуру, она отроду не умывалась... Это для вашего племянника?

— И крестника въ придачу.

— Иногда крестный отецъ стоитъ больше родного... Скажите, правда, что Хозе-Марія сдѣлался любителемъ развлеченій?.. Я вижу его теперь каждый день. Онъ—сосѣдъ мой.

— Вашъ сосѣдъ!

— Да; я живу въ кварталѣ Санта-Барбара. Дня три тому назадъ въ третій этажъ нашего дома переѣхала одна госпожа.

— Донья Кандида!—прошепталъ я, чувствуя, что насмѣшливость Микиса проникала въ мое сердце убійственнымъ ядомъ.

— Жена мнѣ разсказывала, что встрѣтила ее на лѣстницѣ съ молодой дѣвушкой. Это дочь ея?

— Племянница.

— Красивая. Вашъ братъ ходитъ туда каждый вечеръ... Такъ мнѣ разсказывали... Когда мы встрѣчаемся на лѣстницѣ, онъ дѣлаетъ видъ, что не узнаетъ меня, и не кланяется:

— Мой братъ человѣкъ очень странный...

Сказавши это, я запнулся и съ грустью опустилъ взглядъ на землю.

— Получайте, — произнесъ съ веселымъ видомъ Санхесъ, подводя ко мнѣ кормилицу.—Она недурна, на это ухо не обращайте вниманія. Его откусила свинья. Кровь — прекрасная... Зубы отличные. Ну-ка, дѣвочка, покажи свои волосы... Признаковъ дурной болѣзни—никакихъ.

Не посмотрѣвши на нее даже, я собрался увести ее съ собою. Она что-то пробормотала, но я не разслышалъ. Какъ крестьянинъ тянетъ за узду лошаденку, которую купилъ на ярмаркѣ, такъ я потянулъ ее за мантилью и сказалъ: «идемъ».

— Прощайте, Мансо!

— Прощайте, Микисъ, очень благодаренъ!

Выходя, я замѣтилъ, что купленный звѣрь потянулъ за собой своихъ родичей, именно: отца, закутаннаго въ черный плащъ, какъ медвѣдь въ свою шкуру, въ круглой шляпѣ и кожаныхъ башмакахъ; мать, одѣтую въ цѣлую серію юбокъ зеленыхъ, желтыхъ и черныхъ,—голова ея повязана была на темени длиннымъ шерстянымъ кускомъ матеріи, концы котораго спадали на спину; затѣмъ: двухъ братцевъ цвѣта высушеннаго жолудя, одѣтыхъ въ грязныя тряпки изъ этаминовой матеріи, дикихъ и запачканныхъ, — на одномъ изъ нихъ была мѣховая шапка, а у другого красовался на головѣ какой-то парусиновый чахолъ.

На улицѣ почтенный бородачъ, представлявшій отца, приблизился ко мнѣ и загудѣлъ такъ:

— Скажите, кавалеръ, сколько вы хотите дать дѣвчонкѣ?

— Вѣдь мы порядочные люди... — зажужжала лѣсная мамаша.—Моя Регустіана не пойдетъ ко всякому встрѣчному.

— Сеньоръ,—заржалъ одинъ изъ братцевъ,—возьмете меня въ лакеи?

— Послушайте, сеньоръ, — вставилъ опять творецъ дней Регустіаны,—большой у васъ домъ?

— Такой большой, что въ немъ девять балконовъ и больше сорока дверей.

Пять ртовъ съ изумленіемъ раскрылись.

— А гдѣ это? А сколько вы дадите дѣвчонкѣ?

— Ей заплатятъ хорошо. Увидите, какая славная у насъ госпожа.

— Она добрая? Такъ ведите насъ скорѣе.

— Сію минуту. Я васъ повезу въ каретѣ.

Я отворилъ дверцы. Но потомъ сообразилъ, что эти дикари продавятъ карету, если я ее нагружу ими.

— Нѣтъ, со мной поѣдетъ только дѣвушка и мать. Мужчины пойдутъ пѣшкомъ.

— Нѣтъ, сеньоръ, возьми насъ всѣхъ, — воскликнули они хоромъ, съ жалобнымъ тономъ нищихъ, пристающихъ къ прохожимъ.

— Нѣтъ, безъ меня дочь моя не поѣдетъ,—замѣтилъ папаша, съ фанфаронской важностью.

— Возьми насъ всѣхъ!.. Я сяду сзади,—сказалъ одинъ изъ братцевъ.—Скажи, сеньоръ, возьмешь меня въ лакеи?

— А я на козлахъ,—кричалъ другой.

— Скажи, сеньоръ, сколько ты мнѣ дашь?

Они оглушили меня своей толкотней, потому что больше говорили руками, чѣмъ ртомъ; ихъ крики и назойливость мнѣ такъ надоѣли, что я рѣшился покончить съ этимъ, забралъ всѣхъ въ карету и покатилъ къ брату.

Взбираясь по лѣстницѣ, я улыбнулся, представивъ себѣ, какой потѣшный видъ я долженъ былъ имѣть, шествуя во главѣ этого стада. Мнѣ хотѣлось сдать ихъ съ рукъ на руки и уйти поскорѣй къ Иренѣ, но это было-бъ неприлично, и я остался посмотрѣть, какъ встрѣтитъ Махимо свою новую мамку и какъ столкуется Мануэла съ неукротимыми родителями и братцами Регустіаны. Но золовка моя, поглощенная сыномъ и тѣмъ, какъ онъ беретъ грудь, не замѣчала совсѣмъ хвоста, который притащила за собой кормилица. Сидя въ прихожей, родитель съ спокойной увѣренностью ожидалъ результатовъ испытанія; братцы притаились въ корридорѣ, перепуганные видомъ Руперто; а мать, не отходя отъ своего дойнаго дѣтища, осматривалась кругомъ съ изумленіемъ и восторгомъ. Домъ казался ей такимъ великолѣпнымъ, что она навѣрно воображала себя въ королевскихъ апартаментахъ.

Махиминъ выражалъ большое гастрономическое наслажденіе и вцѣпился въ грудь съ такой жадностью, какъ будто боялся, чтобы она отъ него не ушла. Лика плакала отъ удовольствія.

— Ты ангелъ небесный, Махимо. Если-бъ не ты... Какую славную женщину ты мнѣ досталъ! Я чувствую, что люблю ее больше... Она настоящій ангелъ. Мы устроимъ ее какъ королеву. И мать, какая славная. А отецъ — святой человѣкъ. И братцы какіе милые! Я ужъ сказала, чтобъ имъ всѣмъ дали позавтракать. Бѣдненькіе! На нихъ жалко смотрѣть. Имъ нужно помочь непремѣнно. Мать говоритъ, что у нихъ нечего ѣсть, засуха испортила урожай, имъ остается пойти по міру. Несчастные!

Все это очень хорошо. Я, стало быть, тутъ не нуженъ больше... Я вышелъ. Корридоры, лѣстница, улицы, — Господи, какими безконечными они мнѣ показались!

XXV.

Я вошелъ, наконецъ, въ твою дверь, таинственный домъ!-

Поднялся по новенькой, свѣже вылощенной лѣстницѣ, съ блестящими перилами, сильно пахнувшей краской. На дверяхъ перваго этажа я замѣтилъ мѣдную дощечку, которая гласила: «Д-ръ Микисъ. Принимаетъ отъ 4 до 6». Выше я встрѣтилъ угольщика, спускавшагося внизъ, затѣмъ хлѣбника съ большой корзиной, модистку изъ шляпнаго магазина съ коробками,—и всѣхъ я мысленно спрашивалъ: «вы идете оттуда?»

Наконецъ, я надавилъ пуговку звонка, рѣзкія трели котораго непріятно царапнули мой слухъ. Мнѣ отворила незнакомая служанка съ несимпатичной наружностью, что̀ показалось мнѣ почему-то дурнымъ предзнаменованіемъ. Она провела меня въ свѣтлую комнату, которая была какъ будто только-что отдѣлана, и я первый вошелъ въ нее. Мебель стояла въ безпорядкѣ, да и всего ея было тутъ три стула и софа; на стѣнахъ, однако, я замѣтилъ дорогіе обои, между двумя окнами стояло красивое трюмо съ канделябрами и бронзовыми часами. Видно было, что жильцы еще не устроились. Такъ мнѣ заявила и донья Кандида, показавшаяся у двери кабинета, съ покровительственной улыбкой на устахъ.

— Ахъ, милый... мнѣ совѣстно принимать тебя здѣсь. Это имѣетъ видъ танцовальной школы. Ужасное дѣло! Съ 17-го числа все вожусь съ мебелью, не сегодня-завтра доставятъ. Подожди, любезнѣйшій, подожди: не садись на этотъ стулъ, онъ сломанъ... Осторожнѣй, осторожнѣй, и на этотъ тоже, онъ немножко расклеился.

Я направился къ третьему.

— Нѣтъ, нѣтъ, и этотъ тоже... Мельхора принесетъ тебѣ кресло изъ кабинета... Мельхора!

Господь Богъ и Мельхора устроили, наконецъ, такъ, что я усѣлся.

— Ирена..?—спросилъ я.

— Ее, кажется, нельзя видѣть... Она немного нехорошо себя чувствуетъ...

Все мое вниманіе, проницательность, мое умѣнье читать на физіономіяхъ не были достаточны, чтобы разобрать, чтó выражала игра мышцъ рта и глазъ и лукавая улыбка, искривлявшая египетское лицо доньи Кандиды. Или я былъ совершенный идіотъ, или за темными іероглифами этого сфинкса, дѣйствительно, скрывалась какая-то ужасная тайна. Но я не помогъ ея открыть.

— Значитъ, она нехорошо себя чувствуетъ...—сказалъ я, положивъ руку на лобъ.

Калигула хотѣла что-то отвѣтить, какъ вдругъ вошла Ирена.

— Зачѣмъ ты выходишь въ такомъ видѣ, дочь моя?—спросила тетка тономъ, въ которомъ ясно слышалось неудовольствіе.

— Хорошо,—сухо отвѣтила Ирена. — Что же васъ такъ рѣдко видно, Махимо?

Проклятая Калигула! Она несомнѣнно хотѣла помѣшать нашему разговору, стать между мной и Иреной во что бы то ни стало.

— Ахъ!—воскликнула она съ ужасомъ, отъ котораго я похолодѣлъ.—Ты не видѣлъ, чтó говорятъ о тебѣ газеты?.. Онѣ превозносятъ тебя до облаковъ. Принеси-ка, Ирена, сюда сегодняшнюю «Correspondencia». Она тамъ на комодѣ.

Ирена вышла. Я замѣтилъ, что она оставалась дольше, чѣмъ нужно, чтобы принести газету изъ сосѣдней комнаты. Наконецъ, она вошла и подала мнѣ газету. На ней лежала маленькая бумажка, на которой второпяхъ было написано карандашомъ слѣдующее: «Вы пришли поздно. Вы ничего не дѣлаете во время. Я не могу говорить при теткѣ. Со мной дѣлаются страшныя вещи. Уходите, сказавъ, что придете черезъ недѣлю, и будьте здѣсь послѣ трехъ часовъ».

Сдѣлавъ видъ, что читаю «La Correspondencia», я спряталъ осторожно записку. Ирена мнѣ показалась совершенно убитой. Крайняя блѣдность и печаль, покрывавшія ея лицо, подтверждали слова записки, что съ ней дѣлаются «ужасныя вещи». Я поговорилъ немного о какихъ-то пустякахъ, похвалилъ квартиру, сказавъ, что она очень веселая и что видъ изъ нея красивый, и собрался уходить...

— А знаешь, Махимо,—выпалила неожиданно Калигула,—у насъ въ эту ночь были воры въ квартирѣ? Какой ужасъ, Боже мой!

— Что вы!

— Да, воры... ужасное дѣло. Эта Мельхора спитъ какъ колода и говоритъ, что ничего не слыхала. Но я скверно сплю... нервы, подлые!.. Было часа два ночи, когда я услыхала шумъ у дверей.

Я встала, позвала Ирену... Она утверждаетъ, что крѣпко спала... Какъ я перепугалась... можешь представить себѣ. Наконецъ, я взбудоражила весь домъ. Мельхора говоритъ, что мнѣ все это приснилось... Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ мои нервы... но я бы поклялась, что при свѣтѣ луны... потому что не могла найти проклятыхъ спичекъ... при свѣтѣ луны я замѣтила убѣгавшаго человѣка...

— Въ окно?

— Нѣтъ, въ выходную дверь.

Я посмотрѣлъ на Ирену, чтобы увидѣть, что̀ она думаетъ объ этихъ фантастическихъ явленіяхъ, но она въ это время встала и вышла, сказавъ:

— Звонятъ, тетушка; я думаю, это модистка.

— Развѣ Мельхоры нѣтъ?.. Да, Махимо, мы провели ужасную ночь... Бѣдная Ирена, услыхавъ мой крикъ, выбѣжала перепуганная. Бросились за спичками туда-сюда—нѣтъ ихъ. А Мельхора смѣется надъ нами, говоря, что мы съ ума сошли...

— Но вы видѣли?

— Говорю жъ тебѣ, видѣла... Къ счастью, ничего не украли. Я все пересмотрѣла, ни одной нитки не пропало... ужасное дѣло.

— Очевидно, эти воры украли только спички...

Я сказалъ это потому, что умъ мой, пришпориваемый пессимизмомъ, сталъ выдѣлывать самые удивительные salto mortale. Я не зналъ, что думать. Правду ли разсказываетъ донья Кандида? А если неправда, зачѣмъ она это говоритъ, какая у нея задняя мысль и въ чемъ тутъ хитрость?..

Однако главная моя забота была выполнить програму, начертанную карандашомъ рукою учительницы. Я ушелъ, заявивъ, что раньше, какъ черезъ недѣлю, не вернусь, и въ ожиданіи таинственнаго свиданія пошелъ шляться по городу. Ровно въ три съ половиной часа я во второй разъ надавилъ пуговку звонка и мнѣ отворила дверь сама Ирена. Мы были одни.

— Слава Богу,—сказала она, усаживая меня въ то самое кресло, которое нѣсколько часовъ тому назадъ притащила Мельхора.—Наконецъ-то я могу вамъ разсказать, какія это ужасныя вещи...

— Въ самомъ дѣлѣ ужасныя, кажется!

Она задыхалась, губы ея дрожали, смертельная блѣдность покрывала ея лицо и голосъ былъ исполненъ невыразимаго ужаса и тоски, когда она произнесла:

— Если вы не спасете меня, если не примете участія въ бѣдной, несчастной сиротѣ!..

Не знаю, что сдѣлалось со мною. Страстное желаніе излить свою скрытую любовь, которая рвалась наружу, этотъ сжатый газъ, который находитъ себѣ тысячи отверстій для выхода, теперь натолкнулся на препятствіе: на страхъ передъ тѣмъ, что мы были совершенно одни, на приличіе, которое, казалось мнѣ, слѣдовало соблюсти въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ самыя общеизвѣстныя правила романтизма требовали, чтобы я бросился на колѣни и произнесъ одинъ изъ тѣхъ страстныхъ монологовъ, которые производятъ огромный эффектъ на сценѣ, моя робость дозволила мнѣ только произнести глупѣйшее:

— Посмотримъ, посмотримъ...

И сказалъ я это, закрывъ глаза и мотая головой, по своей учительской привычкѣ, отъ которой никакъ не могъ отучиться.

— Но развѣ вы не догадываетесь?.. Развѣ не понимаете, что тетка держитъ меня здѣсь въ заперти, чтобы продать дону Хозе? Это ужасное, невиданное дѣло. Кто нанялъ эту квартиру? Донъ Хозе. Кто меблировалъ этотъ кабинетъ? Донъ Хозе. Кто пристаетъ ко мнѣ днемъ и ночью, предлагая двадцать тысячъ бездѣлушекъ, угощеній, виллъ и зáмковъ? Кто преслѣдуетъ меня своей противной любовью, не давая вздохнуть? Все онъ. Къ моему бѣдствію, этотъ человѣкъ влюбился въ меня, какъ помѣшанный, и теперь я нахожусь между нимъ и необходимостью наложить на себя руки: я рѣшилась на это, мой другъ, и если вы сегодня же не освободите меня отсюда, клянусь, да, клянусь, я выброшусь на улицу черезъ это окно.

Я слушалъ ее какъ окаменѣлый и съ трудомъ прошепталъ:

— Я подозрѣвалъ это. Если бъ вы не запретили мнѣ придти сюда въ первый же день, вы избѣжали бы, можетъ быть, много непріятностей.

— Да я...—сказала она и смутилась.

— Послушайте, Ирена,—перебилъ я ее, стараясь принять тонъ добраго папаши.—Почему вы такъ спѣшили уйти изъ дому, гдѣ вамъ нечего было опасаться сѣтей моего брата. Развѣ вы, какъ человѣкъ разсудительный, не понимали, что донья Кандида заманиваетъ васъ въ ловушку? Я это подозрѣвалъ, но мнѣ нельзя было вмѣшиваться въ такое щекотливое дѣло... Почему вы торопились оставить это почтенное и спокойное мѣсто?

— Онъ и тамъ меня преслѣдовалъ.

— Но тамъ у васъ была сильная защита, тогда какъ здѣсь...

— Потому что тетка обманула меня...

— Это невѣроятно. Донья Кандида никого не можетъ обмануть. Она, какъ тѣ старыя и опустившіяся актрисы, которыя не

производятъ уже иллюзіи своей игрой. Ея лганье черезчуръ нелѣпо и она сама себя выдаетъ тотчасъ... Я думалъ, что вы не попадете въ ея западню. Вы сами бросились въ пропасть... Не оправдывайтесь этими дѣтскими предлогами, скажите лучше дѣйствительный, капитальный мотивъ, который заставилъ васъ уйти изъ этого дома. Я не знаю этого мотива, но догадываюсь. Говорите же откровенно, иначе я не въ состояніи буду придти къ вамъ на помощь. Нѣтъ ничего хуже, Ирена, какъ половина правды. Я не могу защищать дѣла лица, которое говоритъ со мной загадками, и не хочу избавлять человѣка отъ одной опасности, чтобы помочь ему впасть въ другую, можетъ быть, хуже. Коль скоро вы обращаетесь къ адвокату за его защитой, вы должны изложить ему всѣ обстоятельства дѣла, ничего не скрывая; вы должны подчинить его себѣ своей откровенностью такъ, чтобы у него не оставалось никакихъ сомнѣній. Одно лицо, которое близко васъ знало, говорило мнѣ: «не довѣряйся ей, она лицемѣрка». Вырвите же теперь съ корнемъ подозрѣнія, которыя запали въ мою голову отъ этихъ словъ, и я готовъ служить вамъ, какъ никогда никто не служилъ несчастной женщинѣ.

Такъ я сказалъ; вышло, если не краснорѣчиво, то умно и великодушно. На нее это произвело сильнѣйшее впечатлѣніе. Я былъ увѣренъ, что попалъ въ цѣль.

— Согласитесь, — продолжалъ я дружескимъ тономъ, — что прежде, чѣмъ просить моей помощи, чтобы выбраться изъ западни, вы должны нѣчто мнѣ сказать, не правда ли? Нѣчто, не имѣющее никакого отношенія къ моему брату? Скажемъ прямо, для большей ясности, нѣчто такое, что относится совсѣмъ къ другой области?

Она покорно наклонила голову, какъ бы не имѣя силъ удержать ее на плечахъ, и отвѣтила:

— Да, сеньоръ.

Это почтительное «да» кольнуло меня въ сердце, какъ будто меня бросили внезапно съ страшной высоты внизъ; внутри меня что-то оборвалось, казалось, жизнь рухнула и развалилось все мое существо. Мнѣ стоило большого труда пересилить нахлынувшую на меня скорбь... А она сидѣла передо мной все въ той же позѣ нѣмого отчаянія, какъ преступникъ, покорившійся своей участи. Съ дрожью въ губахъ я медленно выговорилъ:

— Такъ какъ въ томъ, что̀ вы имѣете сказать, нѣтъ ничего постыднаго, то не мучьте меня дольше.

Боже, зачѣмъ я это сказалъ! Лицо ея искривилось подъ вліяніемъ гнетущей боли, стыда и ужаса; она зарыдала, какъ

вающаяся Магдалина, нервно отодвинула стулъ, бросилась бѣжать, закрывъ лицо руками, и исчезла изъ комнаты. Я не зналъ, что̀ дѣлать, и сидѣлъ смущенный и испуганный... Изъ сосѣдней комнаты доносились ея стоны. Я боялся, чтобы она съ собой чего-нибудь не сдѣлала, и побѣжалъ за ней. Она сидѣла на стулѣ, опустивъ голову на холодный мраморъ консоли, и обливалась слезами.

— Вы не должны этого дѣлать... нѣтъ никакого основанія для этого... — лепеталъ я, удерживаясь, чтобы не расплакаться вмѣстѣ съ ней.—Вы относитесь къ себѣ строже, чѣмъ слѣдуетъ... Да и я...

Она закрыла лицо правой рукой, а лѣвой сдѣлала движеніе, чтобы оттолкнуть меня.

— Оставьте меня... Мансо... я не достойна...

— Чего, милая?

— Чтобы вы мною... занимались. Я—самая несчастная...

И опять слезы и слезы.

— Но будьте же разсудительны... Посмотримъ, въ чемъ дѣло; обсудимъ хладнокровно...

Эти глупыя слова не произвели, разумѣется, никакого эффекта. Она все отталкивала меня лѣвой рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не уйду... Этого еще недоставало... Теперь меньше, чѣмъ когда-нибудь.

— Я недостойна... Я вела себя такъ скверно...

— Однако, дочь моя...

Не будучи въ состояніи ее успокоить, ни вырвать ни одного понятнаго слова, я вернулся въ залъ и сталъ прохаживаться по комнатѣ. Долго ходилъ я такимъ образомъ, скрестивъ руки на груди и тщетно стараясь найти лучъ свѣта въ этомъ печальномъ и темномъ дѣлѣ. Стоны въ сосѣдней комнатѣ не прекращались и, казалось, конца имъ не будетъ. Вдругъ раздался звонокъ; кто-то входилъ. Послышались голоса Мельхоры и доньи Кандиды. Она пришла-таки, проклятая! Воображаю, какіе она сдѣлаетъ большіе глаза!.. Вошла...

Не могу выразить удивленіе сеньоры де-Гарсіа-Гранде, когда она, отворивъ дверь въ залъ, увидѣла меня тамъ. Проницательнымъ взоромъ своимъ она, очевидно, тотчасъ замѣтила мой гнѣвный и угрожающій видъ. Что касается меня, то никогда еще мнѣ не было столь ненавистно это каррикатурное лицо римскаго императора, съ его орлинымъ носомъ, прямыми бровями и заостреннымъ ртомъ и двухъ-этажнымъ подбородкомъ,

который дрожалъ, когда она говорила, и служилъ, казалось, хранилищемъ ея лганья.

— Чтó ты здѣсь дѣлаешь, забылъ что-нибудь?

Я не отвѣтилъ. Гнѣвъ душилъ меня. Подбородокъ доньи Кандиды дрожалъ, а брови шевелились какъ змѣи. Она подошла къ двери кабинета, отворила ее, увидала племянницу въ слезахъ и затѣмъ вновь посмотрѣла на меня. Я продолжалъ ходить по комнатѣ; молчаніе и гнѣвные взоры, которыми мы обмѣнивались, были очень краснорѣчивы... Наконецъ, Калигула собралась съ духомъ и, тономъ оскорбленнаго величія, не смотря на меня, сказала:

— Мнѣ это нравится... Какъ-будто каждый, кому нечего дѣлать дома, имѣетъ право безъ всякой надобности приходить надоѣдать другимъ...

Я нервно разсмѣялся и, остановившись передъ ней, произнесъ съ презрѣніемъ:

XXVI.

«Негодная!»

— Чтó такое?

— Негодная! Говорю вамъ по-испански для большей ясности.

— Ахъ, эти ученые! Они не умѣютъ говорить, какъ люди, даже когда имъ нужно оскорбить кого-нибудь.

— За мной придетъ другой, который будетъ говорить съ вами яснѣе дня.

— Кто?

— Судебный слѣдователь.

Не смотря на улыбку и презрительный жестъ, видно было, что она очень испугалась. Настала пауза. Я вновь зашагалъ по комнатѣ, а Калигула постукивала пальцами по ручкѣ кресла, соображая, вѣроятно, какъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Наконецъ, она заговорила.

— Ты все не въ свое время дѣлаешь, философъ. Вмѣсто того, чтобы таскаться сюда, когда тебя не зовутъ, и дѣлать скандалы, ты бы лучше позаботился о томъ, чтó насъ всѣхъ интересуетъ. Отчего ты мнѣ не сказалъ, что Махиминъ остался безъ мамки? Вѣдь я бы тотчасъ туда побѣжала, тотчасъ бы все устроила!.. Ай, какъ это не хорошо съ твоей стороны! Какъ будто меня и на свѣтѣ нѣтъ. Это недостатокъ уваженія, Махимо; да, да, не оправдывайся. Ты знаешь, что это меня интересуетъ столько же, сколько тебя, сколько родную мать даже... Откровенно тебѣ

говорю, меня это оскорбило, страшно оскорбило... Вмѣсто того, чтобы прибѣжать за мною, ты побѣжалъ въ гражданское управленіе и притащилъ оттуда чортъ знаетъ какихъ дикарей. Вотъ что̀ значитъ интересоваться другими, кромѣ оскорбленія ничего не получишь!

Я все бѣгалъ по комнатѣ.

— И удивляются еще, что характеръ нашъ портится, что разочарованіе за разочарованіемъ, болѣзни да разстройство нервовъ приводятъ насъ въ самое скверное состояніе духа. А со стороны никто этого не понимаетъ и воображаютъ, Богъ знаетъ, что̀. Каждый готовъ тебя осудить, даже не разобравъ, въ чемъ дѣло. Какая нибудь испорченная, плаксивая дѣвчонка своими глупостями еще болѣе запутываетъ дѣло, а ученый мудрецъ приходитъ въ негодованіе, принимаетъ на себя роль рыцаря... между тѣмъ, потребуй онъ объясненія, всѣ остались бы довольны...

Это жужжаніе надоѣло мнѣ до послѣдней степени. Я не могъ долѣе удерживаться.

— Сеньора...

— Что?

— Не угодно ли вамъ замолчать?

— Какое неуваженіе! А не угодно ли тебѣ убираться вонъ? Я у себя дома... Я слишкомъ уважаю твою семью, слишкомъ любила твою мать, этого ангела небеснаго, эту безподобную женщину... Ахъ, ты не въ нее пошелъ; если бъ она воскресла и пришла сюда, она бы поняла меня... Я любила ее, ея память мнѣ слишкомъ дорога, чтобы я обидѣлась на твою невѣжливость; но ты меня доведешь до того, что я не смогу тебя простить... Потому что это низость, что̀ ты со мной дѣлаешь, Махимо, ужасное дѣло. Этому имени нѣтъ. Придти оскорблять меня въ собственномъ домѣ, позабывъ уваженіе къ моимъ сѣдинамъ... позабывъ память этой святой...

Подбородокъ заходилъ съ такой силой, какъ будто всѣ обманы, лицемѣрія и хитрости, заготовленные тамъ на цѣлый годъ, съ нетерпѣніемъ заволновались, собираясь выйти немедленно наружу. Въ то же время Калигула усердно старалась призвать себѣ на помощь слезы, которыя послѣ большихъ усилій полились-таки изъ ея глазъ.

— Никогда,—кричала она, шумно сморкаясь, чтобы усилить искусственно слезный потокъ,—никогда я этого не ожидала отъ тебя. Ты обязанъ мнѣ, по меньшей мѣрѣ, уваженіемъ. И прежде, чѣмъ дѣлать дурныя заключенія о той несчастной, которая была для тебя второй матерью, ты долженъ былъ хоро-

шенько подумать, разспросить меня... Я готова на все тебѣ отвѣчать, все разъяснить... Хочешь знать, отчего плачетъ Ирена? Если она не говоритъ, спроси меня, я скажу. Эти теперешнія дѣвчонки не тѣ покорныя, разсудительныя, что были въ мое время. О, это ужасное дѣло!.. Ты не повѣришь, я знаю, и опять придешь въ ярость противъ меня. Но я должна это сказать, это моя обязанность, мой долгъ. Тамъ, въ собственномъ домѣ Лики, у этой безстыдницы... повѣришь мнѣ? былъ женихъ. Ни Лика, ни ты, ни я, ходившая туда каждый день, ничего не подозрѣвали... Какъ можно было заподозрить въ чемъ-нибудь такую скромницу, такую смиренницу, а? Женихъ! Я узнала это только, когда мы переѣхали съ квартиры и, если хочешь, я могу тебѣ это доказать...

Я былъ взбѣшенъ такъ, что не узнавалъ самъ себя, во мнѣ заговорили низкіе инстинкты, я жаждалъ мести и способенъ былъ, кажется, на всякую подлость въ эту минуту.

— Хочешь доказательства?—повторила донья Кандида, какъ гіена, отгадавъ своимъ кошачьимъ инстинктомъ, чтó дѣлалось у меня на душѣ,—хочешь?.. Когда мы съѣзжали съ квартиры, я нашла между чемоданами пачку писемъ... безъ подписи... можетъ быть, ты узнаешь почеркъ?..

Она оперлась руками объ ручки кресла, чтобы встать. Я колебался съ минуту... Боже, открыть таинственный занавѣсъ, узнать, наконецъ!.. Но нѣтъ, нѣтъ, этимъ путемъ—никогда!..

— Сеньора, не двигайтесь!—громко крикнулъ я.—Я ничего не желаю видѣть.

— Можетъ быть, ты узналъ бы... Какой-нибудь шутъ, вѣроятно, изъ тѣхъ, что шляются туда... Подлая мулатка переносила записки... Нѣтъ, нѣтъ, я не выдержу этого... Эта тварь, которой я посвятила всю свою жизнь... О, Махимо, ты не поймешь моей боли, боли матери, вѣдь я была для нея родной матерью, я любила ее, я всѣмъ для нея пожертвовала... Вотъ теперь и расплачиваюсь...

Во второй разъ лопнуло мое терпѣніе.

— Сеньора, сдѣлайте одолженіе, замолчите.

— Ну, хорошо, я буду плакать одна, буду горевать наединѣ. Тебѣ это все равно, странствующій рыцарь и философъ-авантюристъ!

Въ это время вновь послышались рыданія Ирены. Сердце у меня разрывалось на части, но пойти къ ней я не могъ, какое-то враждебное чувство отталкивало меня отъ нея. Донья Кандида встала и проговорила кисло-сладкимъ голосомъ:

— Бѣдненькая, какъ она горюетъ. Это оттого, что онъ отвергъ ее... Не могу удержаться, пойду дамъ ей чашку настоя липоваго цвѣта.

Я остался одинъ и все бѣгалъ изъ угла въ уголъ. Меня окружала драматическая атмосфера, я чувствовалъ на себѣ тягость того, что въ мірѣ театральнаго искусства носитъ названіе «положенія»... Д-инь! Раздался звонокъ, скрыпнула дверь... «Мой братъ!» мелькнуло въ умѣ.

XXVII.

Мой братъ.

Онъ вошелъ и увидѣлъ меня... Нѣтъ, никогда я не видалъ человѣка въ такомъ смущеніи. Я же, напротивъ, чувствовалъ себя сильнымъ и способнымъ оперировать своими способностями какъ подобало... Заслуживала Ирена горячей защиты или нѣтъ —это мнѣ было безразлично. Я, рыцарь добра, готовился дать генеральное сраженіе ея врагу, который былъ также и моимъ. Итакъ,—къ дѣлу, а дальше увидимъ!

Изумленіе больше чѣмъ смутило Хове; у него вырвалось:

— Какого чорта ты ищешь здѣсь?

Но потомъ, сдѣлавъ неслыханное усиліе, чтобы собрать свои обратившіяся въ бѣгство мысли и прикрыть отступленіе, онъ напустилъ на себя легкомысленное удивленіе:

— Ахъ, какая случайность! Оба явились съ визитомъ и встрѣтились... Да, впрочемъ, я тебѣ сказалъ, что собираюсь сюда.

Несчастный забылъ совсѣмъ, что со времени нашей ссоры мы не разговаривали и потому онъ никакъ не могъ меня предупредить о своемъ визитѣ. Замѣтивъ, что попался въ свою же сѣть, онъ измѣнилъ тактику. Онъ началъ говорить о политикѣ; но съ первыхъ же словъ спутался и смѣшался. Въ дверяхъ кабинета показалась донья Кандида, тоже очень смущенная, и больше подбородкомъ чѣмъ голосомъ, произнесла:

— Извините меня, господа; я такъ занята... Сію минуту...

И она исчезла, какъ призракъ, которому не очень желательно, чтобы его вызывали вновь. Брату такъ и хотѣлось заставить меня думать, что онъ явился сюда въ первый разъ, что, не дождавшись вторичнаго появленія призрака, онъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Наконецъ, я здѣсь...

Но замѣтивъ мой строгій видъ, онъ пристально посмотрѣлъ на меня. Мы стояли другъ противъ друга.

— Ничего, довольно красивенькая квартирка. Я ея еще не видалъ. Ты бывалъ здѣсь?

— Сегодня въ первый разъ.

— Очень вялое сегодняшнее засѣданіе... Дебюты о бюджетѣ были особенно скучны. Въ залѣ засѣданій всего три депутата. Но въ коммиссіяхъ у насъ бездна работъ. Толкотня тамъ невообразимая. Это положительный скандалъ, что у насъ дѣлается теперь, и потомъ ударъ, полученный вчера министромъ юстиціи и амнистія... Свекловичная коммиссія еще не представила доклада. Санхесъ Алькудіа представляетъ особое мнѣніе, ему хочется...

Я молчалъ. Онъ былъ, вѣроятно, на угольяхъ, видя мое угрюмое молчаніе. Предчувствуя непріятную сцену, онъ задумалъ подкупить меня лестью.

— Ахъ, я и забылъ,—сказалъ онъ, стараясь улыбнуться.— Я долженъ тебя поблагодарить. Мануэла уже разсказала мнѣ. Бѣдный Махиминъ, если бы не ты, онъ бы умеръ у насъ сегодня. Прошлую ночь я не могъ совсѣмъ пойти домой, потому что это положительно несносно. До половины третьяго меня продержали въ свекловичной коммиссіи. Потомъ отправился съ Бохіо ужинать къ его отцу, маркизу де-Теллеріо. Бѣдный старикъ такъ заболѣлъ въ эту ночь, что намъ пришлось остаться около него... Когда я узналъ, придя домой, что̀ тамъ произошло, я просто ужаснулся!.. Кажется, теперешняя, что ты привелъ, не дурна... Но вѣдь ихъ цѣлая семья... Отецъ представился мнѣ съ хитрой улыбочкой и сказалъ: «Я знаю, сеньоръ маркизъ будетъ скоро *министромъ*. Если бы онъ захотѣлъ помочь несчастной семьѣ»... И пошелъ канючить. Ему немного нужно, вотъ послушай только: патентъ на харчевню и торговлю почтовыми марками для старшаго сына, почтовое отдѣленіе—для младшаго, а для себя мѣсто сборщика податей, роль алькада (городского судьи), управленіе благотворительными учрежденіями и подрядъ на поставку дровъ въ казну. Я расхохотался до упаду, а Сенсъ де-Бордаль предложилъ представить его къ наградѣ епископской митрой...

При этихъ словахъ Хозе опять сильно разсмѣялся. Я все молчалъ, собираясь открыть военныя дѣйствія, только въ присутствіи римскаго императора. Но хитрая старуха не входила, оставивъ насъ раздѣлываться, какъ сами знаемъ. Вдругъ Хозе всталъ. Ему пришло въ голову придти въ художественный

восторгъ передъ картинами, которыя развѣсила донья Кандида на стѣнахъ своей залы.

— Ты видѣлъ это? Это по-истинѣ великолѣпная гравюра. *Крушеніе корабля «Неустрашимый» передъ скалами С.-Мало.* Какія волны! Кажется, будто онѣ заливаютъ лицо вотъ этому. А это? *Крушеніе Медузы* — Эрико... Однако, тутъ все кораблекрушенія.

Часы пробили одиннадцать, было пять.

— Здѣсь часы идутъ какъ у меня дома,—замѣтилъ братъ, усаживаясь.—Они страдаютъ размягченіемъ мозга. Однако это очень странный способъ принимать гостей. Если донья Кандида не войдетъ сейчасъ, я ухожу.

Ложь, чистая ложь. Онъ очень хорошо понималъ, что въ домѣ происходитъ нѣчто необычайное. Мое неожиданное присутствіе, мое угрюмое молчаніе пугали его и онъ просто собирался удрать.

— Ты остаешься?

— Да, и ты тоже.

— Ну, это, любезный, ужъ черезчуръ.

— Намъ нужно поговорить.

— Ты имѣешь мнѣ сообщить что-нибудь?

— Имѣю.

— Не видать что-то. Четверть часа, какъ я здѣсь.

— Я бы хотѣлъ, чтобы при этомъ присутствовала донья Кандида; но такъ какъ эта госпожа стыдится предстать передъ нами...

Хозе поблѣднѣлъ. Я рѣшился говорить спокойно и просто, не прибѣгая къ доказательствамъ, безъ насилія и безъ угрозъ. Я помнилъ, что мой врагъ былъ мой братъ.

— Ну, такъ говори скорѣе,—перебилъ онъ меня, стараясь улыбнуться.

— Два слова всего. Ты притворился, будто приходишь сюда въ первый разъ, тогда какъ ты бываешь здѣсь ежедневно и еженочно, съ тѣхъ поръ какъ здѣсь живетъ донья Кандида. Между этой госпожой, которую я передамъ сегодня же попеченіямъ судебнаго слѣдователя, и тобой, отцомъ семейства и представителемъ націи, заключенъ договоръ... не очень достойный, чтобы не сказать хуже... договоръ противъ бѣдной, честной дѣвушки, у которой нѣтъ ни родителей, ни родственниковъ.

— Подожди, подожди,—сказалъ братъ, пересиливая волненіе.—Ты положительно странствующій рыцарь. Что ты, отецъ, братъ, мужъ или, можетъ быть, женихъ?.. А если нѣтъ, то за-

чѣмъ ты лѣзешь судить о дѣлѣ, котораго не знаешь? Въ качествѣ филантропа, что ли?

— Въ качествѣ посторонняго человѣка. Я первый встрѣчный, человѣкъ, который слышитъ раздирающіе крики и прибѣгаетъ на помощь къ... кому бы то ни было. Говорю по праву человѣка; этого права достаточно, чтобы войти туда, гдѣ мучатъ, принести временную помощь, пока вмѣшаются Богъ и земное правосудіе. Больше мнѣ нечего сказать относительно моего права вмѣшательства придти сюда.

— Посмотримъ... надо ясно поставить вопросъ...—лепеталъ Хове, запутавшись въ лабиринтѣ своихъ ухищреній и не зная, какъ выйти изъ нихъ.—Ты не можешь взять на себя... Прежде всего слѣдуетъ принять въ разсчетъ...

— Твое поведеніе было недостойно порядочнаго человѣка и еще менѣе достойно отца семейства. Въ твоемъ собственномъ домѣ ты старался развратить учительницу твоихъ дѣтей. Тебѣ это не удалось... Тебѣ хотѣлось пустить въ ходъ низость. Такъ это было невозможно. Тогда ты стакнулся съ этой несчастной женщиной, воспользовался ея непомѣрной жадностью, и вдвоемъ вы разставили сѣть... Но видишь, ни визитами, ни угощеніями, ни обѣщаніями, ни любезностями, которыя у тебя также приторны, какъ твоя свекловичная коммиссія,—ты ничего не добился. Преслѣдуемая тобой и притѣсняемая теткой, жертва нашла въ своей добродѣтели достаточно силъ, чтобы защитить себя...

— Но, любезнѣйшій, выслушай меня, дай мнѣ сказать слово... Я тебѣ представлю дѣло такъ какъ оно есть... Я тебѣ долженъ замѣтить... Пошелъ философствовать! Вздоръ... Подожди... слушай!..

— Такъ не поступаютъ порядочные люди. Если у тебя есть порочныя страсти—побѣди ихъ; а не можешь побѣдить, такъ и тутъ еще можно дѣйствовать съ достоинствомъ. Однимъ словомъ...

— Однимъ словомъ, ты ничего не знаешь... Ради Бога, Махимо, ты говоришь, говоришь и совсѣмъ не то, совсѣмъ не такъ...

— Ну, а какъ же?

Вопросъ этотъ былъ для него такъ неожиданъ, что онъ только вытаращилъ глаза съ изумленіемъ. Лицо его горѣло и онъ съ нервной быстротой курилъ одну папиросу за другой и даже предложилъ и мнѣ одну.

— Да вѣдь ты знаешь, что я не курю и не курилъ никогда въ жизни?—сказалъ я.

— Правда, правда; но посмотримъ... Я зашелъ сюда однажды вечеромъ совершенно случайно, выходя изъ коммиссіи... Но не

въ этомъ дѣло. Прежде всего слѣдуетъ выяснить... потому что въ томъ видѣ, какъ ты представляешь дѣло, какъ ты освѣщаешь нравственный обликъ его... Ничего того нѣтъ, что ты думаешь... Я долженъ тебѣ сказать, что Ирена... Я не хочу сказать, что я о ней дурного мнѣнія... Ты не знаешь, въ чемъ дѣло... Это вполнѣ понятно; не зная обстоятельствъ дѣла... Что касается порядочности, могу тебя увѣрить, что никто еще не давалъ мнѣ уроковъ... Обратимся къ дѣлу... Ради Бога, любезнѣйшій...

— Да, да, къ дѣлу. Слушай, Хозе-Марія; коль скоро открытъ не очень благородный заговоръ, который ты устроилъ вмѣстѣ съ доньей Кандидой и который вы желали привести въ исполненіе съ помощью ея идей и твоихъ денегъ...

— Это ужъ черезчуръ... Изъ того, что я помогаю несчастнымъ, не слѣдуетъ... Это очевидно, любезнѣйшій. Мы не философы, но тоже умѣемъ разсуждать... Потому что ты... Объяснимся.

— Да, объяснимся. Какъ скоро не очень благородный планъ твой открытъ, ты не можешь шагу ступить впередъ. Такъ и считай, что промахнулся. Считай, что проигралъ на биржѣ тѣ деньги, которыя далъ доньѣ Кандидѣ, и дѣлу конецъ. Нечего больше разговаривать. Во время этой запрещенной игры пришла полиція и, положивъ свой жезлъ на столъ, сказала: «Онѣ принадлежатъ правосудію». Полиція здѣсь—я. Я готовъ простить, если это дѣло кончено; но готовъ и жестоко наказать, если оно продолжится.

— Ну, чтожъ, ну, чтожъ... Если ты не понимаешь... Ты положительно упорствуешь... Позволь тебѣ объяснить... Ты слишкомъ серьёзно берешь все это... Чтожъ дѣлать!..

— Знаешь, какое мое оружіе? Гласность, скандалъ—обоюдоострый мечъ, который убьетъ и тебя, и мою протеже. Но это все равно: она невинна. Богъ защититъ ее. Я угрожаю тебѣ: гласностью, скандаломъ и больше того—судомъ.

— Что-жъ, когда это неправда...

— Какъ неправда?.. Мы это увидимъ. Судъ разберетъ.

— При чемъ судъ, когда нѣтъ преступленія?

— Но если это кончено, если ты обѣщаешь, что ноги твоей не будетъ больше въ этомъ домѣ,... ты можешь быть спокоенъ; жена твоя ничего не узнаетъ и ты можешь спокойно заниматься общественными дѣлами.

— Любезнѣйшій, я слушаю тебя,—закричалъ братъ сильно ободрившись и скрещивая руки на груди:—и не знаю, что думать... Хороши мы съ тобой!.. Что все это значитъ? Я слушалъ тебя терпѣливо, но ничего не понимаю. Выходитъ, что я пре-

ступникъ... Богъ знаетъ, какой злодѣй... Твоя философія ужасна... Остается только рассмѣяться надъ ней... И къ чему это сводится въ концѣ концовъ?.. Ни къ чему, къ вздору... Столько шуму, фейерверку и жалкихъ словъ изъ-за дѣла, которое яйца выѣденнаго не стоитъ. Эти ученые положительно идіоты... Изъ-за того, что я сказалъ нѣсколько глупостей Иренѣ, нѣсколько шутокъ... подымать такую исторію... Въ умѣ ли ты?

— Мы рѣшили, что все это кончено,—сказалъ я, довольный, что онъ благородно ретируется назадъ.

— Но если это и не начиналось, если ничего не было, если все это игра твоего воображенія... Откровенно говорю, я удивляюсь, какъ тебя терпятъ твои друзья... Если ты женишься, жена твоя выбросится изъ окна, дѣти будутъ проклинать тебя. Ты—верхъ нахальства, педантизма и пронырства. Увѣряю тебя, еслибъ я не зналъ твоихъ хорошихъ сторонъ...

— Покончимъ на томъ, чтб ты больше сюда не вернешься.

— Ты съ ума сошелъ... Какъ будто у меня есть интересъ въ этомъ... Повѣрь, что если мнѣ стоило здѣсь что-нибудь денегъ, то только мое состраданіе къ этой несчастной семьѣ. По твоему, развѣ слѣдуетъ дѣлать благодѣянія открыто или втихомолку? Меня, по крайней мѣрѣ, учили, что правая рука не должна знать, что дѣлаетъ лѣвая. Вы, философы, понимаете это дѣло иначе.

— Да, ты святой человѣкъ... Ужъ не слѣдуетъ ли тебя причислить къ лику святыхъ?

— А когда я принимаю участіе въ бѣднякѣ, когда я помогаю несчастному, я дѣлаю это отъ всей души, не останавливаюсь на срединѣ пути. Я не забочусь о томъ, что послѣ явится клевета и исказитъ мои добрыя намѣренія... Я презираю клевету. Когда моя совѣсть спокойна...

Я не могъ удержаться и разсмѣялся, видя, какъ хвастунъ, увлекшись своей ролью, старался ни болѣе ни менѣе какъ представиться жертвой моей клеветы. Желая потомъ выйти изъ своего ложнаго положенія, онъ принялъ ироническій тонъ:

— А кто мнѣ поручится, любезный другъ, что всѣ твои рыцарскія манеры и это покровительство угнетенной невинности, и эти возвышенныя рѣчи не пускаются въ ходъ съ задней цѣлью?.. Ты, кажется, принадлежишь къ числу тѣхъ рыцарей, которые убиваютъ молча. Это было бы прелестно: человѣкъ, у котораго были исключительно благотворительныя намѣренія, выходитъ испорченнымъ, коварнымъ и злымъ, а маленькій философъ, ученый и профессоръ нравственности, дѣйствительный охотникъ за честью невинныхъ дѣвицъ... Это, право...

Онъ сталъ передо мной и, подчеркивая свои слова, продолжалъ:

— Я видѣлъ какъ ты увивался въ комнатѣ Ирены, какъ ты распускалъ хвостъ передъ нею на гуляньѣ, на подобіе королевской павы, птицы тоже философской и тщеславной; видѣлъ, какъ ты прихорашивался и надувался передъ нею... Правда, я никогда не думалъ, что она можетъ тебя полюбить... Ты слишкомъ противенъ...

Онъ подошелъ къ зеркалу, поправляя воротничокъ и галстухъ.

— Влюбленный учитель нравственности, это недурно... Нѣтъ, любезнѣйшій, брось это!.. Съ твоимъ поповскимъ лицомъ и респектабельной физіономіей, кажется, что въ каждой твоей пуговицѣ спрятаны Платонъ и Аристотель... Нѣтъ, лучше и не пробуй, Махимо... Ты не созданъ для этого. Женщинамъ ты никогда не понравишься.

Какъ ни глупа была эта злая болтовня, она меня уколола.

— Я не понимаю смѣшного участія, которое ты принимаешь въ бѣдненькой Иренѣ, она навѣрное смѣется надъ тобой втихомолку; это несомнѣнно. Другой, болѣе галантный кавалеръ, который тоже умѣетъ скрывать свои подлости...

Онъ расхаживалъ по комнатѣ, вертя палку въ рукахъ.

— Слушай, Хозе,—сказалъ я,—сдѣлай одолженіе, убирайся вонъ отсюда. Оставь поле сраженія и оставь насъ въ покоѣ. Если ты будешь продолжать надоѣдать, я буду неумолимъ. Я поймалъ тебя въ твою собственную сѣть, нечего защищаться. Уходи; эта непріятность кончилась, съ завтрашняго дня мы опять—братья.

— Если ужъ я не сержусь и не обижаюсь... — лепеталъ онъ, хотя гнѣвное выраженіе его лица совершенно противорѣчило его словамъ.—Ты думаешь, я придаю какое-нибудь значеніе твоимъ глупостямъ? Нѣтъ, любезнѣйшій, ни малѣйшаго: моя совѣсть спокойна... Я съумѣлъ выручить изъ бѣды несчастную семью; посмотримъ, что ты сдѣлаешь теперь... Я ухожу...

— Сію же минуту...

— Отдаю въ полное твое владѣніе роль утирающаго слезы несчастнымъ. Тебѣ много будетъ работы, дружокъ, потому что не все то золото, что̀ блеститъ. Я говорю это не для того, чтобы оскорбить Ирену. Я принималъ въ ней участіе не какъ ученый философъ, а какъ добрый отецъ, какъ братъ. Донья Кандида приходитъ ко мнѣ жаловаться, что открыла пакетъ съ письмами, что Ирена плачетъ, что она пошла по дурной дорогѣ... Что-жъ, тутъ еще ничего нѣтъ ужаснаго: молодость, иллюзіи... обычная

исторія дѣвушекъ, которыя начитались романовъ. Я не придаю значенія этимъ глупостямъ... Я самъ замѣтилъ нѣкую личность, которая шляется около дома по вечерамъ и даже по ночамъ... Ничего не подѣлаешь! Пока будутъ кокетки, будутъ и ухаживатели. Я хотѣлъ одного изъ нихъ облить холодной водой, чтобъ остылъ немного. Теперь ты это сдѣлаешь, милый рыцарь. Посмотримъ, обратишь ли ты врага въ бѣгство своими нравоученіями. А если это не поможетъ, пусти въ ходъ другое средство...

Онъ расхохотался какъ съумасшедшій.

— Другое средство. Тащи его въ судъ, въ тотъ самый судъ, которымъ ты мнѣ угрожалъ и скажи: «г. судья, вотъ женихъ моей невѣсты, посадите его въ тюрьму, а меня отправьте въ сумасшедшій домъ»... Вотъ какъ. Тамъ твое мѣсто.

Я хотѣлъ ему отвѣтить, но подумалъ, что приличнѣе будетъ промолчать.

— Я ухожу. Исполняю твое приказаніе, братецъ. Оставайся здѣсь. Потомъ мнѣ разскажешь и мы посмѣемся вмѣстѣ.

Онъ вышелъ, насвистывая что-то, но съ яростью въ сердцѣ. Я былъ доволенъ этимъ результатомъ, потому что добился своего. Зная Хозэ-Марія, я былъ увѣренъ, что онъ не возвратится болѣе сюда. Его боязнь скандала служила порукой, что онъ броситъ свои планы. Хозе зналъ также и меня; онъ понималъ, что въ случаѣ рецидива, я произведу скандалъ, вмѣшается правосудіе и Мануэла узнаетъ все. Было очень вѣроятно, что она потребуетъ раздѣленія имущества и уѣдетъ въ Кубу... Какъ хитрый и практическій человѣкъ, онъ отлично понималъ всѣ неудобства того, еслибъ я привелъ въ исполненіе свои угрозы.

XXVIII.

Вечеромъ.

Донья Кандида собственной своей персоной внесла свѣчу и, поставивъ ее на столъ, сказала робкимъ и прерывающимся голосомъ:

— Онъ ушелъ уже... Господи, я думала, что тутъ произойдетъ сраженіе... Но вы оба были очень благоразумны, между родными братьями... Бѣдная дѣвочка...

— Что съ ней?

— Ее трясетъ лихорадка, и лихорадка сильная. Мы уже ее уложили въ постель. Хочешь пойти посмотрѣть?.. Она немного успокоилась, но недавно еще бредила и говорила Богъ знаетъ что.

— Надо позвать Микиса.

— Мы ее напоили зинзивейнымъ чаемъ. Я думаю, ей нужно пропотѣть. Она, должно быть, простудилась ночью во время суматохи по поводу воровъ...

— Позовите Микиса...

— Я думаю, что это ненужно. Садись, ты очень взволнованъ. Въ бреду Ирена звала тебя.

— Говорю вамъ, позовите Микиса..

— Позовемъ, если нужно... Хочешь посмотрѣть ее? Она, кажется, спитъ теперь. Завтра я ей скажу, что ты заходилъ ее провѣдать и она будетъ очень рада. Что бы мы дѣлали безъ тебя!

Эта слащавость меня злила. Я прошелъ въ кабинетъ, который сообщался съ альковомъ посредствомъ свода между двумя желѣзными колоннами, покрытыми бѣлой краской и золотомъ; такая архитектурная манера очень въ модѣ теперь въ новыхъ домахъ. У входа я остановился. Въ альковѣ было почти темно, но я видѣлъ тѣло Ирены, очерченное бѣлой простыней. Она повернулась къ стѣнѣ и дышала тяжело и лихорадочно, по временамъ вздрагивая.

— Бѣдненькая, ей очень тяжело, — сказала мнѣ шопотомъ донья Кандида.—Но я хотѣла бы знать причину...

— Вамъ мало?..

— Нѣтъ, нѣтъ, тутъ дѣло не только въ твоемъ братѣ... Какъ она бредила!.. Только и говорила о кинжалахъ, ядахъ и револьверахъ, чтобы убить себя.

Я подошелъ къ ней на цыпочкахъ; любопытство влекло меня къ ней, но деликатность останавливала... Наконецъ, я увидѣлъ ее вблизи. Лицо ея горѣло, полуоткрытый ротъ бормоталъ какія-то невнятныя слова. Бредъ еще продолжался. Я отошелъ съ безпокойствомъ и въ залѣ написалъ на своей карточкѣ нѣсколько словъ Микису, прося его зайти. Послѣ этого я хотѣлъ уйти домой обѣдать, съ тѣмъ, чтобы вернуться попозже. Калигула отгадала мои мысли:

— Если хочешь, можешь остаться обѣдать со мною. Я не могу тебѣ предложить богатыхъ яствъ, которыя ты имѣешь у себя дома...

— Благодарю васъ.

— Брезгаешь... Ты сердишься на тѣхъ, кто тебя любитъ и лелѣетъ. Ты знаешь очень хорошо, что мнѣ совсѣмъ не желательно, чтобы онъ вернулся сюда.

Эта хитрость меня встревожила. Я ея не ожидалъ.

— Садись, пожалуйста... Чего ты спѣшишь?.. Не можешь себѣ представить, какъ я рада, что твой милый братецъ убрался отсюда. Теперь я могу говорить съ тобой откровенно, Махимо. Ахъ, какъ онъ насъ преслѣдовалъ... ужасное дѣло.

Я взглянулъ на нее, чтобы позабавиться ея цинизмомъ и посмотрѣть, какъ выражается на человѣческомъ лицѣ это странное состояніе духа.

Она принялась длинно разсказывать, какъ увивался Хозе около Ирены, какъ старался соблазнить ее вначалѣ букетами и лакомствами, потомъ дорогими платьями и ювелирными украшеніями.

— Бѣдная Ирена много страдала и я тоже, потому что... можешь понять мое неловкое положеніе. Не могла же я взять Хозе-Марія за руку и выбросить его на улицу. Я ему обязана... онъ для меня какъ родной. Повѣрь, мы провели тяжелыя минуты. Ирена смотрѣла на него какъ тигренокъ, въ послѣднее время она его даже оскорбляла. Ты ея не знаешь, она ужасна, когда разсердится... Что касается подарковъ, она ни одного не приняла, они всѣ тутъ, у меня... О, онъ несносный человѣкъ!..

Я слушалъ и смотрѣлъ съ интересомъ натуралиста этотъ новый типъ пресмыкающагося. Увлекшись наблюденіемъ его, я, вѣроятно, инстинктивно сдѣлалъ жестъ рукой по направленію къ карману, чтобы защитить его отъ нападенія прожорливаго животнаго, потому что двухъ-этажный подбородокъ внезапно затрясся, предвѣщая приступъ сильнаго смѣха.

— Успокойся, любезнѣйшій; ты думаешь, что я стану у тебя просить денегъ!.. Ахъ, какой ты потѣшный!.. Мы теперь не нуждаемся. Правда, Хозе-Марія мнѣ еще долженъ немного...

— Этого еще не доставало, чтобъ онъ вамъ былъ долженъ, —сказалъ я, невольно улыбнувшись.

— Нѣтъ, ты знаешь, я не требую... Между родными... Я привыкла жертвовать собой... Не будемъ говорить объ этомъ. Кромѣ того, я не нуждаюсь теперь. Вотъ развѣ, если она заболѣетъ...

— Пустяки, это скоро пройдетъ.

— Ты думаешь? Дай Богъ! Бѣдная дѣвочка! Когда ты не приходилъ къ намъ два-три дня, она такъ скучала... Когда начинала говорить о тебѣ—она говорила безъ конца. Не даромъ вѣдь это. Такой человѣкъ какъ ты, знаменитость... и потомъ твой прекрасный характеръ. Ты—первый нумеръ мужчины...

— Благодарю за комплиментъ.

— Я правду говорю. Когда Ирена узнаетъ, какое ты при-

нялъ въ ней участіе, она съ ума сойдетъ, въ буквальномъ смыслѣ слова.

— Въ буквальномъ смыслѣ слова, ни болѣе ни менѣе... Это будетъ ужасное дѣло...

— О, разумѣется, еслибъ ты былъ одинъ изъ ея ухаживателей...

Я не могъ далѣе слушать. Одно изъ двухъ: или она должна была замолчать или я побилъ бы ее. Благоразумнѣе было выбрать первое, а для этого слѣдовало удалиться изъ сферы дѣйствія двухъ-этажнаго подбородка и выйти на свѣжій воздухъ. Такъ я и сдѣлалъ.

Я выбѣжалъ какъ отуманенный и быстрыми шагами, ничего не видя передъ собою, пошелъ по улицѣ. Вдругъ я почувствовалъ сильный ударъ, какъ будто отъ столкновенія съ тяжелымъ и твердымъ предметомъ, ударъ, впрочемъ, чисто нравственный, потому что я не получилъ никакихъ ушибовъ и даже не дотронулся физически до этого предмета, который оказался мужчиной гораздо выше меня ростомъ, гораздо моложе и во всѣхъ отношеніяхъ красивѣе меня. Мы стояли другъ передъ другомъ, не произнося ни слова и выпучивъ глаза. Потрясеніе отъ удара было въ немъ такъ же сильно какъ во мнѣ... Страшная горечь подступила къ моему сердцу и я ошеломилъ незнакомца слѣдующей фразой:

— Мануэль!.. Откуда и куда?

Я пронизывалъ его насквозь своими глазами, почувствовавъ въ себѣ вдругъ наитіе сверхъ-естественнаго просвѣтлѣнія. Въ эту минуту я понялъ все, что̀ разсказывается о чудотворцахъ и привилегированныхъ существахъ, которые имѣютъ даръ, по ряду фактовъ и обстоятельствъ, отгадывать будущее.

А онъ, запинаясь, какъ человѣкъ не умѣющій лгать, отвѣчалъ:

— Я... удивительно... я шелъ къ Микису за совѣтомъ.

— Ты боленъ.

— Горло... все горло.

— Какъ горло?

Я схватилъ его за плечо рукой, которая какъ будто дрожала, и воскликнулъ:

— Вздоръ! Ты шелъ не къ нему. Онъ въ эти часы не принимаетъ.

— Да, но какъ друга...

— Мануэль, Мануэль!..

Я вновь пронзилъ его глазами. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что похолодѣлъ отъ этого взгляда.

— Хорошо, я также другъ Микиса; пойдемъ вмѣстѣ, я тебя подожду, а послѣ консультаціи мы уйдемъ, потому что я долженъ съ тобой поговорить.

— Ну... хорошо... если вы непремѣнно хотите... Но развѣ это такъ къ спѣху?.. Пойдемъ; впрочемъ, нѣтъ...

XXIX.

Предатель!

Это ты, подлый коршунъ, салонный ораторъ, балованное дитя всѣхъ чертей, ты укралъ мое счастье, измѣннически похитилъ добычу, которую я предназначалъ для себя! Я подозрѣвалъ это давно, но не хотѣлъ вѣрить; теперь я вѣрю, чувствую и вижу, и все-таки сомнѣваюсь. Ты сталъ поперегъ моей дороги, и я раздѣлаюсь съ тобой, да, я съ тобой раздѣлаюсь!..

Такъ я долженъ былъ сказать ему,—это было у меня на душѣ, это требовалось обстоятельствами... Но я не сказалъ. Его смущеніе показывало мнѣ, что онъ лжетъ, уклоняется отъ правды, и потому я съ презрѣніемъ произнесъ:

— Я не желаю тебя оскорблять. Прощай...

И я пошелъ своей дорогой. Онъ постоялъ нѣсколько мгновеній въ нерѣшимости и послѣдовалъ за мной:

— Маэстро, маэстро...

— Что тебѣ надо?

Это происходило по срединѣ улицы де-Горталеса, тамъ гдѣ она пересѣкается съ улицей дель-Баркильо, и насъ чуть не переѣхалъ проходившій трамвей.

— Что тебѣ надо?—повторилъ я, когда опасность миновала.

— Я иду съ вами... Я долженъ кое-что вамъ сказать...

Онъ довѣрчиво взялъ меня подъ руку, какъ въ былыя времена. Я не могъ не воскликнуть:

— Лицемѣръ!..

— Почему?.. — спросилъ онъ съ живостью. — Поговоримъ... Я знаю, гдѣ вы были сегодня два раза; разъ утромъ, а другой вечеромъ.

Я не хотѣлъ выдать ему своей досады, своей горести и смущенія отъ всего того, что̀ было теперь для меня очевидно. Нужно было разыгрывать двойную роль: что я все знаю и что это для меня безразлично. Какъ Катонъ, когда онъ раздиралъ себѣ грудь ногтями, я очень страдалъ, произнося:

— Ты дурной человѣкъ, развратникъ; ты заслуживаешь...

— Маэстро, насталъ часъ откровенности,—сказалъ онъ развязно.—Отъ кого вы это узнали?

Я отвѣтилъ съ притворнымъ спокойствіемъ (одинъ Богъ знаетъ, чего оно мнѣ стоило!):

— Глупецъ, отъ кого же я могъ узнать? Отъ нея самой.

— А, уже!.. Мы рѣшили открыть вамъ нашу тайну, но никто изъ насъ не бралъ этого на себя. Она говорила: «Скажи ты», а я: «скажи ты».

Это «ты», этотъ интимный споръ влюбленной парочки отравляли мнѣ кровь. Я отвѣчалъ:

— Она имѣла ко мнѣ полное довѣріе и разсказала все, чтó я давно ужъ подозрѣвалъ.

— Вы подозрѣвали... Можетъ быть. Но мы приняли всевозможныя предосторожности, чтобы никто не открылъ нашей тайны. Такъ пріятнѣе...

— Глупая голова!

Мнѣ стоило страшнаго усилія, чтобы не осыпать его ругательствами... Но меня разбирало какое-то болѣзненное любопытство и, вмѣсто брани, я обратился къ нему съ разспросами... Онъ съ удивительной словоохотливостью и оживленіемъ сталъ передавать мнѣ всѣ подробности ихъ любовной исторіи, и первую встрѣчу, и первый жгучій поцѣлуй молодой любви, и чтó они дѣлали, чтобъ сохранить свою тайну... Такъ мы подошли до дому и стали взбираться по лѣстницѣ. «Она съума сходила по мнѣ»,—продолжалъ Мануэль горячо. Я схватился за перила съ такой силой, что, казалось, онѣ подались какъ воскъ подъ тяжестью моей руки.

Въ моей комнатѣ Мануэль усѣлся въ кресло, какъ будто ожидая дальнѣйшихъ разспросовъ. Я не могъ смотрѣть ему въ лицо, онъ былъ мнѣ противенъ и ненавистенъ въ эту минуту. Хотѣлось выбросить его вонъ, съ шумомъ и скандаломъ... Но нѣтъ; это выдало бы меня, а я хотѣлъ сохранить маску неуязвимости.

Лучше же выпроводить его вѣжливо.

— Мануэль,—сказалъ я.—У меня сегодня бездна работы... Пишу предисловіе къ переводу Спенсера. Придется просидѣть всю ночь... Пожалуйста, не развлекай меня, потому что если начнемъ болтать, мы проболтаемъ всю ночь.

— Вы станете работать послѣ обѣда?

— Необходимо.

— Вы не выйдете?

— Нѣтъ...

— Ну, такъ я васъ оставляю... Два слова только, мой другъ, о томъ, что̀ мы говорили... Это дѣло, чреватое послѣдствіями, т.-е. я хочу сказать, это не случайное приключеніе въ моей жизни, не авантюра, это дѣло серьезное, глубоко серьезное.

— Значитъ, и ты...—спросилъ я, почувствовавъ нѣкоторое облегченіе.

Онъ облокотился на столъ обѣими руками, подперевъ ими голову, и сталъ смотрѣть въ раскрытую книгу, которая лежала тамъ случайно.

— Я тоже,—прошепталъ онъ,—съ ума схожу по ней.

Онъ глубоко вздохнулъ. Свѣтъ лампы падалъ на его лицо, блѣдное и очень разстроенное.

— Я долженъ вамъ все разсказать, дорогой маэстро. Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ и ваша дружба. То, что̀ я считалъ въ началѣ простымъ развлеченіемъ, мало-по-малу превратилось въ очень серьезное дѣло... Совѣсть мучитъ меня, воображеніе разыгралось какъ волканъ... Надо поговорить объ этомъ съ моей матерью.

— Хорошо сдѣлаешь.

— Видите ли... маэстро... Странно какъ идутъ дѣла на бѣломъ свѣтѣ. Шагъ за шагомъ, отъ одной шалости къ другой, доходишь до того, что казалось совсѣмъ невозможнымъ, несбыточнымъ...

Не зная, что дѣлать, я сталъ перелистывать книгу, потомъ перекладывать бумаги съ одного мѣста на другое, дѣлая видъ, будто ищу чего-то.

— Если я теперь скомпрометтированъ, маэстро, то больше виноватъ вашъ братъ. Этотъ господинъ почему-то съ перваго дня былъ мнѣ противенъ...

— И ты тоже хорошъ... — проворчалъ я для того только, чтобы что-нибудь сказать.

Я схватилъ какую-то бумажку, какъ будто ее-то именно я разыскивалъ, и сталъ читать съ притворнымъ вниманіемъ. То было объявленіе отъ башмачнаго магазина, которое неизвѣстно какимъ образомъ попало ко мнѣ.

— Вашъ братъ!.. Удивительно какой негодяй! Между нимъ и Гарсія-Гранде, доньей... Ужасное дѣло... Знаете, какъ они охотились вдвоемъ противъ моей бѣдной?..

— Любезный другъ,—прошепталъ я, но такъ, что это походило скорѣе на стонъ.—Знаю... но намъ нечего толковать теперь объ ихъ намѣреніяхъ...

— Какъ такъ?... Они ее чуть не заморили голодомъ... Хорошо, что я... Я три ночи подъ рядъ выходилъ изъ дому съ намѣреніемъ сдѣлать ему скандалъ... Я былъ внѣ себя, дорогой Мансо, мнѣ хотѣлось совершить какую-нибудь жестокость...

— Драма, насиліе!.. юношескій пылъ...

Я произнесъ это, самъ не зная зачѣмъ. Лицо мое, я думаю, имѣло видъ гипсовой маски, но я углубился въ бумажку, чтобъ Мануэль не видѣлъ меня, и съ интересомъ читалъ: «шагреневыя ботинки, для дамъ — 54 реала, тоже изъ русской кожи — 38»...

— Въ позапрошлую ночь я взялъ съ собой револьверъ; подкупилъ Мельхору, служанку; вошелъ и спрятался. Если бы вашъ братъ явился. я... я бы убилъ его.

Я посмотрѣлъ на Мануэля, лицо его дышало юношеской отвагой и рѣшимостью влюбленнаго. Въ такомъ видѣ онъ былъ очень поэтиченъ и напоминалъ собою изящнаго кальдероновскаго рыцаря, со шпагой на боку, въ шляпѣ съ перомъ и въ курткѣ съ откладными маншетами. А я рядомъ съ нимъ...

— Но мой братъ не пришелъ...

— Надо полагать... Всѣ спали... Ночь была прекрасна. Мы потихоньку вышли на балконъ. Что за ночь, что за звѣздное небо! Какая торжественная тишина въ воздухѣ... А тамъ далеко простирались темные четырехъ-угольники пересѣкающихся улицъ, слышалось дыханіе соннаго Мадрида, который свернулся на землѣ, усыпанной блестками газовыхъ рожковъ... Маэстро, есть моменты въ жизни, когда...

Я нагнулся, чтобы поднять бумажку, упавшую на полъ.

— Бываютъ моменты, маэстро, когда кажется, будто вся эссенція жизни, Богъ, безсмертіе, красота, весь нравственный міръ, чистая мысль, совершенная форма сосредоточены въ одномъ сосудѣ и ихъ можно выпить однимъ глоткомъ...

Мнѣ захотѣлось сказать что-нибудь смѣшное, чтобы облегчить свою душу:

— Ты метафизикъ... и застольный поэтъ...

Я засмѣялся, вѣроятно смѣхомъ человѣка, всходящаго на висѣлицу, а Мануэль продолжалъ:

— Въ слѣдующую ночь я пришелъ опять...

— Съ револьверомъ?

— Нѣтъ, позабылъ его захватить... Страсть вскружила мнѣ голову. Я не видѣлъ ни препятствій, ни опасностей...

Подобно говорильной машинѣ, подобно холодному металлу телефона, который говоритъ лишь то, что ему передаетъ элек-

тричество, я произнесъ: «Ромео и Джульетта», не помню, какъ взбрели мнѣ на умъ эти слова, потому что я ничего не помнилъ.

— Я оставался до разсвѣта; всѣ спали. Уходя, я нечаянно стукнулъ, донья Кандида вскочила и стала кричать: «воры!»

Въ это время вошла моя служанка, и я приказалъ подавать на столъ. Пенья всталъ.

— Что же вы мнѣ посовѣтуете?

— Дѣло серьезное... Надо подумать...

Мы распрощались, условившись поговорить подробно обо всемъ на слѣдующій день.

XXX.

Я НАЧИНАЮ ЕЕ УЗНАВАТЬ.

Утромъ, послѣ класса, я отправился къ брату. Тамъ я засталъ удивительную картину; оба супруга дружелюбно завтракали вмѣстѣ, и въ то время, какъ я входилъ, Хозе накладывалъ Ликѣ въ тарелку половину голубя. Можно было думать, что ни малѣйшее облачко никогда не затемняло трогательнаго согласія между мужемъ и женой. Оба были веселы, хотя подъ напускной веселостью брата не трудно было замѣтить безпокойство провинившагося школьника. Меня онъ встрѣтилъ какъ-то черезчуръ радушно и суетливо, упрашивалъ завтракать и даже побѣжалъ притворять дверь, чтобы я не простудился. Въ этотъ день все обстояло благополучно. Мамка чувствовала себя превосходно; домашній врачъ нашелъ, что у нея отличное молоко, и хотя семья ея продолжала оставаться въ домѣ, отъѣдаясь, вѣроятно, про запасъ, всѣ были довольны и счастливы. Дамская троица, занятая сооруженіемъ мантіи для Регустіаны, только и дѣлала, что перебирала матеріи и галуны, и горячо обсуждала вопросъ: приличнѣе ли мантіи быть голубого или алаго цвѣта.

Когда мы остались одни, Лика сказала мнѣ:

— Не знаю, что случилось съ Хозе-Марія, что онъ такъ ласковъ сдѣлался. На каждомъ словѣ: «женочка, голубочка, мамочка». Теперь онъ хочетъ меня повезти въ Парижъ. Я не поѣду раньше, чѣмъ сдѣлаю тебѣ хорошій подарокъ, напримѣръ: полный сервизъ для мужского туалета, въ родѣ того, что я видѣла вчера; на всѣхъ вещичкахъ нарисованъ тамъ рогъ изобилія. Очень мило!.. Не знаю, право, не знаю; должно быть, какой-нибудь ангелъ небесный тронулъ его сердце. Онъ такъ

добръ, такъ предупредителенъ! Но я ужъ теперь не довѣряю ему, боюсь, какъ бы опять чего не случилось...

Ирена уже встала, когда я пришелъ къ ней, но была еще очень слаба послѣ вчерашней лихорадки. Голосъ ея дрожалъ, когда она чуть слышно отвѣчала на мое привѣтствіе. Я сѣлъ около нея; она опустила глаза, озабоченно роясь зачѣмъ-то въ корзинкѣ съ шитьемъ, и односложно отвѣчала на мои вопросы: заходилъ ли Микисъ и что прописалъ. Донья Кандида увивалась около насъ съ чисто сахарной любезностью.

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте насъ однихъ, — сказалъ я ей безъ церемоній,—намъ нужно поговорить. Лучше всего уходите изъ дому, и чѣмъ дольше будете отсутствовать, тѣмъ лучше.

— Что у васъ за секреты!.. Ну, прощайте, прощайте. Не хочу мѣшать...

И она со смѣхомъ убѣжала. Мы нѣкоторое время молчали. За окномъ на балконѣ висѣла красивая клѣтка съ канарейкой. Я сталъ ее разсматривать.

— Это подарокъ дона Хове моей теткѣ,—замѣтила Ирена.

— А вы, какъ вы себя чувствуете? — спросилъ я тономъ врача.

— Ничего, хорошо...

— Какъ это слѣдуетъ понимать? «Ничего, хорошо!»

— Не правда ли, какая она красивая, эта канарейка... Если бы вы слыхали, какъ она поетъ.

— Не въ этомъ дѣло.?. Если бы я теперь хотѣлъ слушать чье пѣніе, такъ это ваше. Будьте добры, усаживайтесь вотъ въ это кресло и отвѣтьте мнѣ на два-три вопроса...

— Сію минуту, мой другъ; вотъ только достану наперстокъ.

Она вышла изъ комнаты, потомъ возвратилась и притворила ставни, чтобы уменьшить солнечный блескъ. Лицо ея осталось въ тѣни. Это было очень хитро придумано.

— Скажите, когда вы увидѣли въ первый разъ Мануэля Пенью?

Она нагнулась къ шитью, такъ что я не могъ ее разглядѣть, и отвѣчала тихо:

— Однажды ночью, когда я зашла съ вами въ столовую выпить сельтерской воды...

— Онъ говорилъ съ вами тогда?

— Нѣтъ, сеньоръ... Однажды вечеромъ... возвращаясь съ гулянья съ дѣтьми, я встрѣтилась съ нимъ на лѣстницѣ... Я какъ-то споткнулась и упала...

— Вечеромъ... А я гдѣ былъ въ этотъ вечеръ?

— Вы остались у подъѣзда съ однимъ своимъ товарищемъ-учителемъ.

— Когда это было, приблизительно?

— Передъ Рождествомъ... Потомъ я видѣла его въ другой разъ, вечеромъ, когда вышла съ Руперто... Онъ пошелъ за мною, стараясь заговорить. Я не знала, что дѣлать... Онъ говорилъ много глупостей... На слѣдующій день...

— Онъ вамъ написалъ письмо, которое было, кажется, довольно длинное, и прислалъ съ мулаткой... Вы читали это письмо въ полночь, запершись въ своей комнатѣ!

— Да, — отвѣтила она, не поднимая глазъ отъ шитья: — какъ вы это знаете?

— И слѣдующія ночи тоже вы проводили за чтеніемъ писемъ Мануэля и за отвѣтами на нихъ. Вы ложились очень поздно...

Она долго медлила отвѣтомъ, наконецъ, опять тихо произнесла:—Да, сеньоръ.

— А во время баловъ вы видались тайкомъ въ темныхъ корридорахъ...

На этотъ разъ она слегка улыбнулась и отвѣчала утвердительно. Я изображалъ собою въ эту минуту одного изъ тѣхъ добрыхъ дядюшекъ старинныхъ комедій, исключительная роль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы благословить счастливыхъ любовниковъ и уладить всѣ затрудненія.

— Дальше все понятно. Блестящія качества Мануэля, его тріумфъ на вечерѣ, наконецъ, перспектива сдѣлаться женой богатаго человѣка, будущаго депутата и министра... Все это вскружило вамъ голову и вы зашли, можетъ быть, дальше, чѣмъ хотѣли. Чтó же теперь дѣлать? Это вы должны рѣшить сами вмѣстѣ съ Мануэлемъ.

Ирена плакала.

— Вы все знаете...—сказала она.—Вы лучшій человѣкъ въ мірѣ... Мануэль васъ очень уважаетъ; для него нѣтъ авторитета выше вашего... Если бы вы ему сказали, что теперь ночь, онъ и то повѣрилъ бы. Онъ дѣлаетъ все, чтó вы ему велите.

«Понимаю, голубушка, — подумалъ я про себя. — Теперь тебѣ хочется, чтобы я выдалъ тебя замужъ. Ты боишься, и вполнѣ основательно, что есть нѣкоторыя препятствія... Во-первыхъ, донья Хавьера заартачится; во-вторыхъ, самъ Мануэль... (эти выскочки

всегда таковы...) послѣ своего тріумфа не будетъ очень стремиться сохранить ее. Онъ изъ школы Бонапарта... Вижу, любезная, ты совсѣмъ не глупа... Теперь, стало быть, ты меня выбрала своимъ посредникомъ и сватомъ?.. Только этого не доставало».

Это я подумалъ про себя. И на этомъ пунктѣ размышленія мои были прерваны легкимъ скрыпомъ зальной двери. Донья Кандида, очевидно, подслушивала. Чтобы увѣриться—я отворилъ дверь. Схваченная на мѣстѣ преступленія, Калигула сконфузилась и сдѣлала видъ, будто стираетъ пыль тряпкой, которая была у нея въ рукахъ.

— Теперь ты отъ насъ не убѣжишь, Махимо,—сказала она.

— Что же вы меня въ клѣтку засадите?

— Нѣтъ, но ты долженъ остаться обѣдать съ нами.

Ирена, сидя въ углу, дѣлала мнѣ знаки, чтобы я согласился.

— Хорошо,—отвѣтилъ я...

— У насъ столъ не такъ роскошенъ какъ у тебя... Скажи-ка, любишь ты голубей? У меня будутъ голуби.

— Я все люблю.

— Вчера мнѣ подарили угря, любишь угрей?

Вслѣдъ за тѣмъ она полѣзла въ карманъ, въ которомъ позвякивало множество ключей. Я ужъ испугался, ожидая просьбы денегъ.

— Мнѣ нужно выйти купить кое-что... Слушай, Ирена, я сдѣлаю пирогъ, который ты любишь.

Ирена едва удерживалась отъ смѣха, закрывъ ротъ платкомъ. Но слезы все еще текли по ея блѣднымъ щекамъ.

XXXI.

Исповѣдь.

— Мнѣ нужно выйти. Мельхора скоро придетъ,—продолжала Калигула, выходя.—Что съ тобой, дѣвочка? Чего ты плачешь? Ты бранилъ ее, Махимо?.. Ну, ничего, это пустяки. Пойди на кухню, развлечешься. Хочешь сдѣлать пирогъ? Махимо тебѣ поможетъ, онъ вѣдь все знаетъ... Накрой также столъ; вотъ тутъ въ ящикѣ все, что̀ нужно. Возьми ключи. Скорѣй, глупая, что съ тобой? Она конфузится тебя, Махимо. Ты вѣдь не любишь вареннаго мяса? Погоди же, я накормлю тебя на французскій ладъ. Увидишь, какъ хорошо! Ужасное дѣло... У насъ все будетъ жареное, никакихъ ни суповъ, ни рагу. Прощайте, прощайте. Смотри же, Ирена, чтобъ все было готово, когда я приду.

— У насъ ничего нѣтъ,—сказала Ирена, когда мы остались одни.—Она васъ уморитъ съ голоду. Даже вилокъ нѣтъ... То, что она называетъ посудой—нѣсколько разрозненныхъ тарелокъ, да и тѣ еще упакованы. А въ «столовой» даже стола нѣтъ для троихъ. Мы обѣдали до сихъ поръ на умывальномъ столикѣ, у котораго не хватаетъ одной ножки и приходится его подпирать деревяшкой... Это презабавное зрѣлище... Клянусь вамъ, я предпочла бы тысячу разъ скорѣе жить въ богоугодномъ заведеніи, чѣмъ съ моей теткой.

Слова ея были проникнуты и омерзѣніемъ и ужасомъ.

— Но вѣдь вы пришли сюда по собственному желанію... Повторяю это.

— Да, но я пришла на время,—отвѣтила она съ такой твердостью, какой я прежде въ ней не замѣчалъ.—Я пришла сюда, какъ на станцію желѣзной дороги, чтобы отправляться дальше.

И затѣмъ, выпрямившись, она продолжала смѣлымъ и почти дерзкимъ голосомъ:

— Будьте увѣрены, я скоро выйду отсюда, или замужней, или мертвой.

У меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ...

— Однако, Ирена, намъ нужно помочь доньѣ Кандидѣ, иначе, въ самомъ дѣлѣ, вставъ изъ-за стола, придется пойти въ ресторанъ обѣдать.

Она засмѣялась и сдѣлала мнѣ знакъ слѣдовать за ней. Мы вошли въ столовую, которая оказалась чѣмъ-то въ родѣ кладовой старьевщика. Тутъ были наставлены ящики въ безпорядкѣ, валялись книги безъ корешковъ, нѣсколько надтреснутыхъ тарелокъ, двѣ мѣдныя чернильницы, деревянный болванъ въ родѣ тѣхъ, на которыхъ парикмахеры выставляютъ свой товаръ, старая сморщенная ботинка, большая фарфоровая собачка и еще, Богъ знаетъ, какія рѣдкости.

— Это музей моей тетки,—сказала Ирена, улыбнувшись.—Она говоритъ, что этотъ salle à manger устроенъ во вкусѣ renaissance. Видите, какой стиль мебели. Это устарѣлая мода садиться на стулья, чтобы ѣсть. Мы садимся на ящики и чемоданы, а столомъ, въ торжественные случаи, служитъ умывальный столикъ изъ кабинета; въ будни же импровизуется столъ изъ ящиковъ. Но для сегодняшняго необычайнаго торжества я принесу столъ изъ кухни. Отсутствіе его тамъ не будетъ очень чувствительно, потому что кухня у насъ не дѣйствуетъ, мы пробавляемся произведеніями колбасной. Навѣрное и сегодня ничего другого

не будетъ. Вы воспитывались въ старой школѣ, мой другъ... Учитесь новымъ порядкамъ, пригодится, когда женитесь...

Я теперь хорошо понималъ, почему Ирена питала такое отвращеніе къ этому дому. Она предугадала мою мысль:

— Понимаете теперь, что я вамъ сказала недавно? Развѣ это жизнь?.. И если я сама не позабочусь спасти себя, открыть себѣ дорогу, кто сдѣлаетъ? это за меня

— Правда, правда!

— Я много думала объ этомъ, Трудно открыть себѣ дорогу въ моемъ положеніи... Бѣдная дѣвушка одна, безъ родныхъ, безъ руководителя...

Эта откровенность мнѣ очень понравилась.

— Теперь, — прибавила она, — не поможете ли мнѣ притащить столъ изъ кухни. Нужно работать, мой другъ, иначе...

Я пошелъ въ кухню, которая поразила меня двумя обстоятельствами: своей чистотой и тѣмъ, что кромѣ кастрюли съ водой, стоявшей на огнѣ и отъ которой валилъ сильный паръ, не было никакихъ признаковъ чего-нибудь съѣстного.

— Надо отдать справедливость моей теткѣ,—замѣтила Ирена. —Весь день она проводитъ въ чисткѣ кухни. Ну-ка, заходите съ этой стороны.

Мы подняли столъ, и шагъ за шагомъ, оба улыбаясь, перенесли нашъ грузъ въ столовую.

— Отлично... Теперь скатерть, посуду... Надо открыть эти ящики. Вотъ ключи, пробуйте.

Послѣ многихъ усилій мы отперли сундукъ, въ которомъ находилась посуда. Чтобы добраться до нея, нужно было предварительно извлечь *Христіанскій годъ* въ двадцати томахъ, стеганое одѣяло, грязное бѣлье и всякое тряпье.

— Вотъ, наконецъ, тарелки... А какъ мы обойдемся съ вилками—это крупный вопросъ... Мы съ теткой пользуемся одной вилкой на двоихъ, но не знаю, какъ нашъ гость на счетъ этого... Ахъ, кажется, въ другомъ ящикѣ между документами должны быть вилки... Если нѣтъ, мы возьмемъ изъ музея кинжалъ, который, говорятъ, будто бы толедскій...

Я улыбнулся... Наконецъ столъ былъ кое-какъ накрытъ и получилъ даже довольно приличный видъ.

— Теперь недостаетъ самаго главнаго,—сказала Ирена.— Посмотримъ какъ она вывернется изъ затрудненія...

Она усѣлась около стола и, опершись на руку, задумалась.

— Вы видите теперь, можно ли продолжать эту жизнь, можно ли оставаться въ этомъ домѣ. Развѣ не права я, что хочу во

что бы то ни стало бѣжать отсюда?.. О, какъ я ненавижу эту нищету!

— Вы всегда могли надѣяться выйти изъ этого положенія, и совершенно честнымъ путемъ.

— Пути, милый другъ, лежатъ передъ нами и остается только слѣдовать по нимъ. Выборомъ того или другого пути распоряжается самъ Богъ... Слушайте, что я вамъ разскажу...

Она облокотилась обѣими руками на столъ и, смотря мнѣ въ глаза, сдѣлала слѣдующую исповѣдь, которую я никогда не забуду:

— Когда я была дѣвочкой, когда я ходила въ школу, знаете, что́ я думала и о чемъ мечтала? Не знаю, происходило ли это отъ соревнованія съ товарками или оттого, что я очень любила свою учительницу, но я мечтала сдѣлаться ученой, знать все, что́ знаютъ мужчины. Мечтанія объ учительской дѣятельности продолжались у меня до окончанія педагогической школы. Но потомъ мнѣ страстно захотѣлось жить и я сказала себѣ: «на что мнѣ ученость, что я съ ней тутъ сдѣлаю?».. Нѣтъ, у меня не было призванія къ учительству, и ни къ чему подобному. Когда вы предложили мнѣ мѣсто воспитательницы дѣтей дона Хове, я приняла его съ радостью, но только для того, чтобы выйти изъ этой ужасной тюрьмы, подышать въ другой атмосферѣ. Тамъ я отдохнула, успокоилась; не успокоилось только мое воображеніе.

О, заблужденіе! А я, судя по внѣшности, воображалъ ее холоднымъ, разсудочнымъ человѣкомъ, съ бѣдной фантазіей; я видѣлъ въ ней женщину сѣвера, ровную, спокойную, работящую и безъ капризовъ!!..

— Я всегда была очень сосредоточена, мой другъ, и не любила высказывать своихъ мыслей. Я люблю мечтать про себя... Въ домѣ дона Хове я добросовѣстно исполняла свои учительскія обязанности и заработывала свой хлѣбъ. Но, увы! еслибъ вы знали, какъ я тяготилась этой обязанностью и какъ противно мнѣ было обучать всѣмъ этимъ противнымъ грамматикамъ и ариѳметикамъ, возиться съ чужими дѣтьми и выносить ихъ надоѣданья... Для этого нуженъ былъ большой героизмъ и я имѣла его... Но меня не оставляла надежда и я говорила себѣ: «терпи, терпи еще немного и Богъ избавитъ тебя отъ всего этого, дастъ то, что́ тебѣ принадлежитъ по праву.

— О, какъ я заблуждался!

— И какъ я была вамъ благодарна за участіе, которое вы принимали во мнѣ! Но я избѣгала открывать вамъ свои мысли, и вы не поняли меня какъ слѣдуетъ... Вы видѣли и уважали

ю мнѣ учительницу, а я ненавидѣла книги; вы не можете представить себѣ, какъ я ихъ ненавидѣла и ненавижу... Я говорю объ этихъ ужасныхъ грамматикахъ, ариѳметикахъ и географіяхъ...

Я готовъ былъ локти себѣ кусать отъ досады, видя какъ сильно я ошибался на ея счетъ. Но мнѣ не хотѣлось признаться въ своей глупости. Напротивъ, теперь, понявъ ее какъ слѣдуетъ, мнѣ захотѣлось съиграть роль опытнаго сердцевѣда.

— То, что вы сейчасъ сказали, Ирена, меня не удивляетъ. Я, конечно, не зналъ, что̀ вы думали, но самъ-то я думалъ объ васъ приблизительно то же самое. Вы родились съ деликатными вкусами, съ инстинктами grande dame, съ желаніемъ нравиться и блистать въ высшемъ свѣтѣ. Атмосферы, гдѣ бы эти наклонности могли найти удовлетвореніе, у васъ не было; но вы стремились къ ней, мечтали о ней. Дѣло обыкновенное для молодой и красивой женщины. Что же, теперь, если Мануэль женится на васъ, — а я увѣренъ, это его долгъ, — вы получите то, чего искали. Вы будете женой извѣстнаго человѣка, хозяйкой богатаго дома, будете имѣть карету, лакеевъ, ложу...

— Замолчите, замолчите,—закричала она со смѣхомъ, покраснѣвъ и закрывая лицо руками.

— Вы будете отличной матерью семейства, хорошей женой, добродѣтельной и почтенной дамой. Будете блестѣть...

— Замолчите, замолчите...

Я видѣлъ теперь ясно мѣщанское честолюбіе этой особы, такъ не похожей на идеалъ, который я себѣ составилъ. Ирена оказывалась вульгарно приличной, дюжинной дѣвицей, скроенной по общему шаблону, посредственной и мелкой даже въ своихъ вкусахъ и понятіяхъ о порядочности. Насколько выше и благороднѣе былъ мой типъ, та прямая, правдивая и серьезная Ирена, которую я себѣ представлялъ!

— Я могу васъ увѣрить въ одномъ,—сказала она,—мои желанія были всегда самыя благородныя. Я хочу быть счастлива какъ другія... Развѣ есть человѣкъ, который бы не хотѣлъ счастья? Нѣтъ... Я видѣла дѣвушекъ, которыя повыходили замужъ за молодыхъ людей съ очень хорошимъ общественнымъ положеніемъ. Почему же мнѣ нельзя этого сдѣлать? Я просила Бога объ этомъ, Мансо; день и ночь молила Богородицу...

«Ты, значитъ, и ханжа! тоже!.. Этого не доставало для полнаго разочарованія... Отвращеніе къ серьезному труду, тщеславное стремленіе фигурировать въ многочисленномъ классѣ ординарной аристократіи, тайный энтузіазмъ передъ тривіальными вещами; нездоровая набожность, состоящая въ томъ, чтобы

просить у Бога каретъ, богатыхъ платьевъ и хорошихъ доходовъ; ко всему этому неразборчивость въ средствахъ, ложь и притворство,—всѣ эти качества, любезная дѣвица, ты раскрыла передо мною въ теченіе одного часа. Это ужъ черезчуръ. Что же дальше?»

— Ахъ, ангелы!—вскричала донья Кандида, неожиданно появляясь передъ нами.—Вижу, что вы хорошо потрудились... столъ накрытъ... Боже, какая роскошь! Что же, ты въ самомъ дѣлѣ остаешься обѣдать, Махимо? Я думала... и ты такъ рѣдко у меня бывалъ, никогда не хотѣлъ сѣсть за мой столъ...

Ирена смѣялась. Не помню, что я отвѣтилъ.

— Это не потому что у меня нечѣмъ тебя угостить. Если обѣдаешь, то вотъ я принесла...

Она стала выкладывать изъ корзинки разныя покупки, завернутыя въ бумагу: кусокъ курицы съ трюфелями, пирогъ, красный копченый языкъ, кабанью голову и тому подобныя холодныя мяса... Когда она вышла въ кухню за тарелками, чтобы разложить свои покупки, Ирена шепнула мнѣ съ презрѣніемъ:

— Вотъ вамъ моя тетка... Когда ей попадаютъ деньги въ руки, она накупаетъ деликатесы и ничего другого не ѣстъ. Не можетъ, говоритъ, отвыкнуть отъ тонкихъ блюдъ; она готовитъ себѣ сама только въ критическихъ обстоятельствахъ...

Мы вышли на балконъ, въ ожиданіи пока донья Кандида разложитъ кушанья на тарелки; обѣ мы чувствовали себя неловко, потому что ни ей, ни мнѣ не хотѣлось говорить.

— А скажите, Ирена,—прервалъ я молчаніе.—Что, если бы Мануэлю пришла теперь въ голову скверная мысль и...—Она не дала мнѣ кончить и отвѣтила съ большимъ волненіемъ, не глядя на меня:

— Меня убиваетъ одна мысль объ этомъ... Если бы Мануэль... Я бы умерла съ отчаянія...

— А если бы вы не умерли?.. Вѣдь бываютъ случаи...

— Я бы убила себя... у меня достанетъ силы убить себя дважды, если бы не удалось сразу... Вы не знаете меня...

«Это правда! Но я ужъ начинаю узнавать тебя теперь, голубушка!»

Донья Кандида помѣшала дальнѣйшему разговору.

— Я имѣю для тебя бутылочку шампанскаго, мнѣ ее подарили въ прошломъ году... Увидишь, какая славная! Сейчасъ будемъ ѣсть. Мельхора пришла уже, она сейчасъ зажаритъ мясо и сдѣлаетъ яичницу.

— Яичницу къ обѣду... тетушка!

— Что ты знаешь, глупая? Терпѣть не могу эти супы и бульоны. Развѣ ты не раздѣляешь моего мнѣнія, Махимо.

— Вполнѣ, сеньора, все что вамъ угодно...

Банкетъ нашъ былъ очень печаленъ. Ему недоставало двухъ вещей, которыя дѣлаютъ его пріятнымъ: веселья и ѣды. Мелхора подала намъ прежде всего холодную яичницу, которую противно было ѣсть. Затѣмъ явилось мясное блюдо, сухое какъ подошва, это донья Кандида называла filet à la Maréchalle.

— Это великолѣпная вещь, Махимо; никто въ Мадридѣ кромѣ меня не умѣетъ дѣлать этого блюда.

Ирена моргала мнѣ глазами, подсмѣиваясь надъ теткой и ея жалкимъ обѣдомъ, на которомъ не было даже признаковъ ни возвѣщенныхъ голубей, ни угря.

— Ну-ка, раскупоривай шампанское...

— Но вѣдь это сидръ, сеньора, и не изъ лучшихъ...

— Ошибаешься, это настоящее Duc de Montebello. Ты, видно, въ философіи больше смыслишь, чѣмъ въ этихъ дѣлахъ... Какъ ты придираешься!.. Ну, попробуй этого пирога... Что же ты не ѣшь, Ирена?.. Вотъ такъ она всегда; воздухомъ питается, какъ птички.

Обѣдъ кончился, наконецъ, къ великой моей радости. Мы встали изъ-за стола и перешли съ Иреной въ залъ. Спадали сумерки и окружили насъ меланхолическимъ мракомъ. Ирена была печальна, задумавшись, вѣроятно, о предметѣ своей страсти, котораго она не видала въ теченіе цѣлаго дня. Молчалъ и я, глядя на ея красивую фигуру, очерченную темнотой. И странное дѣло! Эта дѣвушка, низведенная съ пьедестала, эта новая Ирена съ ея жаждой жизни и наслажденій, съ ея бѣдной рѣчью и храброй рѣшимостью добиться своего или умереть, все еще привлекала меня къ себѣ, волновала кровь и мутила разумъ. О, какъ страстно хотѣлось мнѣ быть теперь Мануэлемъ, человѣкомъ съ кровью и нервами, какъ страстно хотѣлось земного счастья!.. Я проклиналъ въ себѣ того ангела съ мечомъ метода въ рукахъ, охраняющаго двери входа въ рай чистаго разума!.. Но было поздно. Надо бѣжать отсюда скорѣй и безъ оглядки, отъ этой нѣжащей и робкой полутьмы, отъ этой несовершенной, но прекрасной дѣвушки... Надо бѣжать, потому что бывали вѣдь случаи, что люди и ученые, и серьезные въ минуты слабости совершали колоссальныя глупости.

XXXII.

Донья Хавьера встрѣтила меня съ яростью.

Она схватила меня за руку, потащила въ свой кабинетъ и заперла дверь на ключъ.

— Позвольте, сеньора...

Я боялся, чтобы она не выцарапала мнѣ глаза, такъ она жестикулировала, задыхаясь отъ ярости и произнося безсвязныя слова:

— Я не выдержу этого... Я умираю, Мансо, я задыхаюсь... Вы не знаете развѣ, что дѣлается?.. Ахъ, я не выдержу... Не знаете?.. Мануэль, этотъ извергъ, неблагодарный!..

— Что такое, сеньора?

— Можете себѣ представить, что онъ сдѣлалъ?.. Убить его мало за это... Онъ хочетъ жениться на школьной учительницѣ! —Послѣднія слова она прохрипѣла точно въ агоніи.

— Какая-нибудь потаскушка, умирающая съ голоду... Матерь Божья, Святая Богородица, какой срамъ!.. Нѣтъ, это невозможно; такой умный, красивый мальчикъ!.. Это была бы низость... или наказаніе, наказаніе Божіе... Сеньоръ де-Мансо, это не возмущаетъ васъ, не приводитъ въ негодованіе?.. О, у васъ каменное сердце, вы безчувственный человѣкъ... Да понимаете ли, что я вамъ говорю!.. Школьная учительница!.. Это ужасно, я не выдержу... Погибъ теперь мальчикъ... прощай карьера, прощай будущее!.. О, Господи! Вамъ ничего это, я вижу, вы спокойны.

— Сеньора, пойдемте обѣдать. Успокойтесь и тогда мы поговоримъ.

Слуга доложилъ, что обѣдъ поданъ. Прежде чѣмъ пройти въ столовую, моя сосѣдка торжественно произнесла:

— Вся моя надежда на Мансо. Въ немъ моя вѣра и мое спасеніе.

— Я...

— Вы для моего сына, какъ говорится, оракулъ. Развѣ не говорятъ такъ?

— Говорятъ.

— Если вы не заставите его выкинуть изъ головы эту глупость—мы съ вами не друзья.

Должно быть такъ на роду было написано, чтобы всѣ непріятности послѣдняго времени случились со мною за обѣдомъ въ

гостяхъ. А между тѣмъ столъ доньи Хавьеры былъ очень заманчивъ. Такъ заманчивъ, что владѣтельница его, не смотря на глубокое огорченіе, съ большимъ аппетитомъ уписывала одно блюдо за другимъ. Очевидно, она не имѣла намѣренія уморить себя голодомъ. Мануэль явился въ началѣ обѣда и былъ въ самомъ ликующемъ настроеніи духа. Нельзя было сомнѣваться, что онъ видѣлся со своей жертвой, но какъ и гдѣ—этого я не могъ догадаться. Очень возможно, что въ самой квартирѣ Калигулы, потому что Мануэлю не стоило бы большого труда одурачить донью Кандиду и даже привлечь на свою сторону. Во все время обѣда донья Хавьера не переставала грызть своего сына, дѣлая разныя ѣдкія замѣчанія на его счетъ и сверкая въ его сторону своими красивыми глазами. За мною же она, напротивъ, очень ухаживала и старалась угождать мнѣ. Когда я собрался уходить, я шепнулъ ей:

— Оставьте это дѣло мнѣ, я его улажу.

— Я вамъ вѣрю,—отвѣтила она. — Да благословитъ васъ Богъ за доброе дѣло, которое вы дѣлаете... Когда я подумаю только... Школьная учительница! Я сгораю со стыда. Что скажутъ люди! Вѣдь мнѣ на улицу показаться нельзя будетъ.

Встрѣтивъ Мануэля въ корридорѣ, я сказалъ ему, что подожду его у себя. Донья Хавьера вышла со мною на лѣстницу.

— Такъ, такъ; растолкуйте ему какъ слѣдуетъ. Будьте посуровѣе... Объясните ему, что я не хочу ни учительницъ, ни ученыхъ въ своемъ домѣ, пусть подумаетъ о своемъ будущемъ, о своей карьерѣ... Будто онъ не можетъ выбрать себѣ какую-нибудь маркизу... И скажите еще, что я умру, если онъ женится на этой... Пусть и не ласкается ко мнѣ, все равно не прощу...

— Я улажу все, улажу.

XXXIII.

Моя месть.

Когда Мануэль зашелъ ко мнѣ, онъ съ нетерпѣніемъ спросилъ:—говорили съ мамой?

— Да, она взбѣшена. Я ей сказалъ, чтобъ она не безпокоилась, что ты женишься на Иренѣ: это въ самомъ дѣлѣ неблагоразумно. Вы теперь устраиваетесь на аристократическую ногу, и тебѣ нужна жена важная, со связями. А бѣдная Ирена...

— Она бѣдная и смиренная, но я ее люблю.

— Разскажи мнѣ откровенно свои планы. Ничего не скрывай, говори только правду, голую правду.

— Посовѣтуйте мнѣ напередъ.

— Какъ же я могу совѣтовать? Скажи мнѣ прежде, что́ ты чувствуешь, чего желаешь...

— Ну такъ вотъ, дорогой маэстро, если вы хотите знать, что́ я чувствую, я вамъ скажу откровенно, что влюбленъ до безумія; но если вы захотите знать, рѣшился ли я жениться, я съ тою же откровенностью скажу, что не обдумалъ еще этого хорошенько. Дѣло очень серьезное. Со всѣхъ сторонъ только и слышишь діатрибы противъ брака. И потомъ, мы оба такъ молоды... Все это слѣдуетъ обсудить, другъ Мансо.

— Ты боишься,—сказалъ я, стараясь быть хладнокровнымъ,—что какъ супруга, Ирена не соотвѣтствуетъ твоимъ идеаламъ, что ты не будешь любить ее тогда какъ теперь?..

— Нѣтъ, я этого не боюсь... Не знаю, потому ли, что я ее очень люблю и меня ослѣпляетъ страсть, или она въ самомъ дѣлѣ самое совершенное существо, но мнѣ кажется, что я буду счастливъ съ нею...

— Стало быть...

— Самое главное, вы сами видите... несогласіе моей матери. Вы хорошо знаете Ирену, скажите, что́ вы о ней думаете?

— Тоже, что́ и ты.

— Она такъ добра, такъ талантлива... Рѣшено, мой другъ, я женюсь.

— Ты полагаешь, она не будетъ тебѣ въ тягость?..

— Вы заставляете меня сомнѣваться... чортъ возьми! Вы меня пронизываете своими глазами... Почему же я знаю, будетъ ли она въ тягость или нѣтъ... Въ наше время все такъ измѣнчиво. Идеи, чувства, самые законы—все переворачивается вверхъ дномъ. Можно подумать, что общество—корабль, качаемый волнами...

Я размышлялъ.

— Жениться! Вы какъ посовѣтуете?

— Способенъ ты сдѣлать, что́ я посовѣтую?

— Клянусь въ этомъ,—отвѣтилъ онъ искренно.—Нѣтъ человѣка, который имѣлъ бы надо мной такую власть какъ вы, дорогой маэстро.

— А если я тебѣ скажу, чтобы ты не женился?

— Если вы скажете, чтобы я не женился,—бормоталъ онъ, въ смущеніи опустивъ глаза и вздохнувъ,—я и это сдѣлаю.

— А если, кромѣ того, я велю тебѣ прервать всякія сношенія и не видаться съ ней больше?

— Это ужъ...

— Да, именно это. Я не могу тебѣ совѣтовать золотой середины. Если не жениться — тогда полный разрывъ. Совѣтовать что-нибудь другое значило бы проповѣдывать подлость и дозволять разврать.

— Но вѣдь это значитъ... обмануть... бросить... Не можете-же вы мнѣ совѣтовать сдѣлать мерзость.

— Такъ женись.

— Но если въ самомъ дѣлѣ...

— Я допускаю, что по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ ты имѣешь право отказаться соединиться съ нею вѣчными узами. Я согласенъ и съ тѣмъ, что ты можешь смотрѣть на этотъ бракъ, какъ на препятствіе въ твоей карьерѣ... Ты можешь надѣяться, что впослѣдствіи, когда сдѣлаешься болѣе извѣстнымъ, тебѣ представится блестящая партія, одна изъ тѣхъ богатыхъ наслѣдницъ, которымъ лестно называться женами министровъ... Ты довольно богатъ; но вѣдь состояніе твое не такъ велико, чтобы ты былъ въ состояніи удовлетворять потребностямъ современной жизни, потребностямъ, которыя ростутъ изо-дня въ день. Да и самое понятіе о богатствѣ расширяется съ каждымъ днемъ. Черезъ десять-пятнадцать лѣтъ ты будешь, можетъ быть, сравнительно бѣденъ, и тогда, кто знаетъ, не представитъ ли то положеніе, которое ты будешь занимать, какой-нибудь опасности для твоей нравственности. Подумай хорошенько объ этомъ, Мануэль, не забывай своего будущаго, и не дай себя увлечь мимолетнымъ капризомъ. Вѣдь если тебя избавятъ отъ ценза, по возрасту, вѣдь ты, говорятъ, черезъ три мѣсяца будешь депутатомъ. Черезъ годъ ты будешь извѣстенъ, благодаря твоему ораторскому таланту, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что черезъ два — будешь главою партіи, сдѣлаешься однимъ изъ тѣхъ бойцовъ оппозиціи, которые повергаютъ въ отчаяніе правительство. Такимъ путемъ вѣдь ты въ двадцать шесть лѣтъ будешь важнымъ человѣкомъ а въ тридцать—министромъ. Стало быть... представь себѣ: бракъ съ какой-нибудь богатой наслѣдницей американской или испанской, все равно, укрѣпитъ окончательно твое состояніе, и... нечего объяснять, какъ это для тебя будетъ полезно...

Онъ смотрѣлъ на меня съ большимъ вниманіемъ и волненіемъ. Я продолжалъ свою комедію:

— Теперь разсмотримъ другую сторону вопроса. Бѣдная Ирена... Она славная дѣвушка, но не станемъ увлекаться санти-

ментальностью. Такого рода несчастіями полонъ міръ. Что упало, то пропало... не такъ ли? Предположимъ теперь, что ты вдохновишься позитивными идеями и закончишь свой романъ, оборвешь его сразу, однимъ ударомъ, какъ писатель, которому не хочется придумывать развязки. Жертва будетъ много и долго плакать; но вѣдь слезныя рѣки, какъ извѣстно, меньше всего противостоятъ засухѣ. Всему бываетъ конецъ, а утѣшеніе — психическій законъ. Итакъ, дѣвушка будетъ въ началѣ убиваться, прятаться, но пройдетъ годъ, два и ее не узнаешь. Она смѣла, талантлива, красива. Что же выйдетъ? Ни она не вспомнитъ тебя, ни ты ея. Правда, бѣдность можетъ заставить ее пасть. Но это вѣдь тебя не касается, пусть Провидѣніе заботится о несчастныхъ. Можетъ быть, она встрѣтитъ какого-нибудь почтеннаго и добраго человѣка, стараго холостяка, который женится на ней, удовлетворившись остатками кораблекрушенія...

— Честное слово,—съ яростью воскликнулъ Пенья, перебивая меня: — если бъ я не считалъ васъ самымъ серьёзнымъ человѣкомъ въ мірѣ, я бы подумалъ, что вы смѣетесь надо мной. Не можетъ быть, чтобы вы...

Тактика моя была понята; мнѣ это было очень пріятно, такъ какъ теперь не оставалось никакихъ сомнѣній на счетъ честности намѣреній Мануэля.

— Не продолжайте, не продолжайте, — воскликнулъ онъ, вставая.—Я ухожу, я не могу этого слушать...

Тогда я подошелъ къ нему, положилъ руки на его плечи и заставилъ сѣсть вновь.

— Мануэль, я ожидалъ этого отъ тебя. Если предположить, что я шутилъ, ты за то понялъ это. Я не зналъ твоихъ мыслей объ этомъ и хотѣлъ вооружить тебя соблазнительными аргументами. Теперь слѣдуетъ говорить серьёзно... Хочешь моего совѣта? Вотъ онъ: если ты не женишься — мы незнакомы больше; уваженіе мое къ тебѣ превратится въ презрѣніе, я буду вспоминать о тебѣ лишь для того, чтобы проклинать время, когда былъ твоимъ другомъ...

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и сказалъ:

— Но мама...

— Оставь это дѣло мнѣ... Я съумѣю ее убѣдить... Она не знаетъ Ирены, не знаетъ ея качествъ. Я скажу ей, что память моей матери налагаетъ на меня обязанность взять подъ свою защиту бѣдную сироту, семья которой оказала много услугъ моей... Эта школьная учительница теперь моя сестра, ея несчастіе меня тронуло и я готовъ все сдѣлать для нея... Упор-

ство твоей матери нелѣпо и смѣшно. Разбирать родословныя тутъ неумѣстно, потому что тогда и ты, и твоя мать, и всѣ Пенья изъ Канделаріо останетесь въ убыткѣ.

— Браво, — воскликнулъ Мануэль съ энтузіазмомъ, — къ чорту родословныя!

— Нечего говорить также о томъ, что она помѣшаетъ твоей карьерѣ... Она — сокровище сама по себѣ, съ ней ты добьешься всего, на что только способенъ... Не бойся, Мануэль; донья Хавьера уступитъ, положись на меня.

Дальнѣйшій нашъ разговоръ неинтересенъ. Я остался доволенъ результатомъ этого свиданія и увѣренность, что я поступилъ, какъ честный человѣкъ, что я сдѣлалъ доброе дѣло, затмила горечь моей неудавшейся любви.

Донья Хавьера явилась ко мнѣ немедленно по уходѣ Мануэля; она, очевидно, поджидала на лѣстницѣ результатовъ конференціи. Но мнѣ не хотѣлось вступить съ ней въ длинныя объясненія, и потому я отдѣлался двусмысленной фразой:

— Все идетъ прекрасно, сеньора, все идетъ прекрасно.

Она не настаивала и принялась напѣвать про то, что мнѣ очень неудобно жить на положеніи стараго холостяка, что я лучше бы сдѣлалъ, переѣхавъ къ ней на квартиру. Въ послѣднее время она часто заговаривала объ этомъ.

— Вы не хотите послѣдовать моему совѣту, другъ Мансо, вамъ плохо придется... Развѣ эта квартира похожа на жилище знаменитаго профессора?.. Чѣмъ васъ кормитъ старая Петра? Разной бурдой и пустяками, развѣ это нужно для человѣка, который работаетъ головой?.. Придется самой приходить каждый день и готовить вамъ обѣдъ... Да вамъ кромѣ того нужна побольше квартира. Ахъ, сеньоръ мой, въ улицѣ Альфонса XII намъ было бы очень хорошо. Я бы вамъ отвела хорошенькую квартирку и убрала бы ее прелестно. Нѣтъ, нѣтъ, не отказывайтесь... Вы такъ много для насъ сдѣлали...

Эти любезности повторялись еще раза два-три. Но однажды, узнавъ о рѣшеніи своего сына, она предстала передо мной въ образѣ африканской пантеры. Задыхаясь отъ ярости, она осыпала меня цѣлой кучей самыхъ ужасныхъ упрековъ и такъ яростно жестикулировала, что я сталъ опасаться, чтобы она не выцарапала мнѣ глаза.

— Такъ вотъ вы какой!.. Самый обыкновенный обманщикъ! Вмѣсто того, чтобы научить Мануэля выбросить изъ головы эту дурь, вы его подговариваете, чтобъ онъ притащилъ въ мой домъ учительницу... Сеньоръ Мансо, вы пачкунъ.

— Пачкунья вы сами, сеньора донья Хавьера, — отвѣтилъ я спокойно, — если могли думать, что я посовѣтую вашему сыну что-нибудь противное чести.

— Не говорите такимъ образомъ, я ограблена...

— Какъ вамъ угодно, но въ этомъ случаѣ я иначе говорить не могу.

— Что же вы, сеньоръ донъ Максимо... Что же вы вообразили себѣ, что мой сынъ для того и жилъ на свѣтѣ, чтобы взять первую потаскушку?..

— Потише, сеньора. Какъ бы велико ни было ваше благородство, оно никогда не перевысить благородства дѣвушки, которая находится подъ моимъ покровительствомъ, — замѣтьте это себѣ, — она дочь одного очень важнаго дворянина, который оказалъ много услугъ моему отцу. Я исполняю теперь долгъ благодарности, и, будьте увѣрены, пока я живъ, я не позволю никому безнаказанно оскорблять ее.

— Прелестно, новый рыцарь донъ-Кихотъ!.. Знаете ли вы, что вы несносны? Мой сынъ...

— Хуже ея.

— Лучше, тысячу разъ лучше, знайте это!

Она кричала на весь домъ, и эти крики начали меня раздражать.

— Удружили вы мнѣ, нечего!.. Съ этой минуты я васъ знать не хочу, любезный другъ.

— Это все равно; а сынъ вашъ все-таки женится и хорошо сдѣлаетъ.

— Я не позволю! — воскликнула донья Хавьера въ бѣшенствѣ.

— Позволите, вздоръ!.. Подумаешь, какъ эта дама зазнается! Вашъ сынъ — не важный баринъ какой-нибудь, и когда онъ беретъ такую славную жену, талантливую, красивую, добродѣтельную... дочь дворянина...

— Дочь дворянина!.. [1] — повторила экс-колбасница. — Должно быть изъ тѣхъ остолоповъ, что ѣздятъ по бокамъ королевской кареты... подпрыгивая на своемъ сѣдлѣ... Вотъ ужъ правда: поживешь — насмотришься.

— И въ одинъ прекрасный день, знайте это, сеньора де-Пенья, я отправлюсь въ министерство, пороюсь въ архивѣ и возвращусь съ титуломъ баронессы для моей протеже...

---

[1]) „Caballero", что значитъ также наѣздникъ, конный солдатъ; Хавьера понимаетъ это слово именно въ послѣднемъ смыслѣ.

— Полноте, пожалуйста!—сказала она, невольно улыбнувшись...

— Да, сеньора...

— Будь она хоть какая угодно баронесса, если она бѣдна— ею никто не прельстится. Я видѣла ее всего одинъ разъ... Господи, что за щепка! Блѣдная какъ полотно. Я никогда не видала болѣе некрасивой женщины. Она похожа на одну изъ тѣхъ... Не знаю, что за фантазія пришла моему мальчику.

— У вашего сына прекрасный вкусъ. У кого дурной—такъ это у васъ.

— Не люблю я ученыхъ женщинъ... Съ дипломомъ! фи, скверность! Ученость хороша для мужчинъ, женщинѣ нуженъ умъ.

Теперь она, казалось, немного успокоилась.

— Что же вы не продолжаете,—прибавила она, — продолжайте расхваливать свою пріемную дочь.

— Не будьте такъ горды... Вы ее примете и навѣрное скоро полюбите.

— Вы думаете?..—воскликнула она язвительно.—Я вижу, что сеньоръ профессоръ не открылъ пороха.

— Что дѣлать... Что касается настоящей минуты, то не будете ли вы такъ добры прислать ко мнѣ вашу горничную, чтобы выгладила двѣ рубашки. Петра больна...

— Хорошо, сеньоръ, — отвѣтила она съ оффиціальной любезностью и встала.

— Еще одолженіе... Вотъ фуфайка, отъ которой оторвались пуговицы...

— Хорошо, хорошо, сейчасъ.

Я сталъ вертѣться по комнатѣ, какъ будто отыскивая что-то.

— Еще вотъ: къ этимъ рубашкамъ не мѣшало бы пришить новые воротнички.

— Я думаю; прощайте...

— Кромѣ того, я въ большомъ затрудненіи: мнѣ сегодня нечего ѣсть...

— Господи! Этого еще недоставало! Спуститесь къ намъ... или я вамъ пришлю сюда чего хотите.

— Нѣтъ, я лучше спущусь... Было-бъ также довольно кстати, еслибъ пришла какая-нибудь женщина убрать все это... Бѣдная Петра...

— Я приду сама. Что еще?

— Надо дать Мануэлю позволеніе жениться.

Она хотѣла сдѣлать серьезное лицо, но улыбнулась.

— Ни за что.

— Полноте, сдѣлайте это.

— Это мы увидимъ.

Она внимательно осмотрѣла мое бѣлье, аккуратно сложила его и собралась уходить.

— Я сейчасъ приду... Надо привести съ собой женщину, чтобы помогла мнѣ. Господи, что за безпорядокъ въ этой квартирѣ! Но вотъ увидите, увидите, какъ мы ее сейчасъ уберемъ, будетъ блестѣть какъ стеклышко.

У дверей она обернулась и посмотрѣла на меня какимъ-то особеннымъ взглядомъ.

— Про то не забудете...—крикнулъ я ей вслѣдъ.

— Ни за что.

XXXIV.

Будетъ ли свадьба?

Не прошло двадцати минутъ послѣ ухода моей сосѣдки, какъ раздался звонокъ. Вошла служанка.

— Сеньора проситъ, чтобы вы спустились внизъ посмотрѣть мебель.

— Хорошо, сейчасъ приду, я одѣваюсь.

Черезъ минуту опять звонокъ!

— Сеньора проситъ, чтобы вы пошли посмотрѣть гардины.

Дѣло въ томъ, что Хавьера, озабоченная меблировкой своей новой квартиры, не рѣшалась купить ни одного пустяка, не узнавши предварительно моего мнѣнія. Я былъ для нея верхомъ человѣческаго знанія во всемъ, что̀ создалъ Богъ и даже въ томъ, чего онъ спеціально не создавалъ. Въ вопросахъ вкуса мои капризы составляли для нея—законъ.

Я спустился внизъ. Весь залъ былъ уставленъ роскошной мебелью, закупленной въ извѣстныхъ магазинахъ, французскій обойщикъ показывалъ образчики гардинъ, портьеръ и ковровъ.

— Какъ вамъ это кажется, сеньоръ де-Мансо? Ну, рѣшайте... Я думаю, эти кресла черезчуръ велики. Они бы для папы какъ разъ въ пору. Господи, чего только не придумываютъ теперь! А вотъ объ этихъ что скажете? Какъ сядешь — сейчасъ развалятся, прощай мои денежки! Я люблю вещи прочныя... А вотъ эти гардины похожи на церковныя ризы; удивительно какая глупая мода...

Я обо всемъ высказалъ свое мнѣніе и сеньора безпрекословно согласилась со мной.

— Если бы вы хоть однимъ глазкомъ посмотрѣли и на квартиру, мой другъ...—сказала она мнѣ потомъ.—Я не полагаюсь на маляровъ, если за ними не присмотритъ человѣкъ со вкусомъ. Я имъ велѣла нарисовать въ столовой зайцевъ, мертвыхъ перепеловъ и оленей. Не знаю, что они тамъ такое намалюютъ. Они говорятъ, что столовую теперь украшаютъ тарелками, которыя развѣшиваютъ по стѣнамъ. А прежде тарелки употреблялись только для ѣды. Не понимаю этихъ новыхъ модъ. Вы мнѣ посовѣтуйте, пожалуйста, какъ и что. А еще лучше, еслибы вы отправились туда и все бы устроили какъ знаете... Вотъ, голубчикъ, мнѣ какая мысль приходитъ въ голову. Сегодня вечеромъ вамъ нечего дѣлать... отправимтесь туда вмѣстѣ. Мнѣ привезутъ новую карету, вы бы посмотрѣли, хороша ли она, прочныя ли рессоры, да ужъ кстати и лошадей посмотрите... Такъ пойдемъ?

Я на все согласился. Хавьера пошла одѣваться. Черезъ минуту она прислала за мной, чтобы показать новую шелковую блузу, которую ей принесла модистка.

— Прекрасно, сеньора. Она къ вамъ очень идетъ.

— Знаю, знаю, мнѣ все идетъ. Не правда ли, Мансито?

И снявъ блузу, моя сосѣдка осталась декольтированной больше чѣмъ это обыкновенно допускается, особенно въ присутствіи постороннихъ молодыхъ людей.

— Полноте, не конфузьтесь. Чего вы убѣгаете? Не бойтесь... —она улыбнулась и прикрыла слегка руками свои красивыя круглыя плечи.—Вѣдь вы знаете, что я не требую комплиментовъ для своихъ прелестей... Это хорошо для нѣкоторыхъ сильфидъ, которыхъ мы съ вами знаемъ... Впрочемъ—ни слова объ этомъ, это меня злитъ...

Она быстро одѣлась.

— Что касается шляпки, я не буду ея носить. Не въ мои годы начинать... Не правда ли?.. Ну-ка, Андреа, мантилью. Да поскорѣе, видите, сеньоръ профессоръ ждетъ.

Мы отправились, весело разговаривая. Пользуясь удобной минутой, я снова намекнулъ объ извѣстномъ читателю дозволеніи; она разсердилась, но не очень, совсѣмъ не такъ, какъ при первомъ разговорѣ.

— Ни за что, ни за что. Лучше и не говорите мнѣ объ этой учительницѣ.

Въ новомъ домѣ я увидѣлъ ужасныя вещи. Тутъ были двери,

окрашенныя свѣтло-голубой краской, стѣны, по которымъ бѣгали олени, позолоченные амуры на потолкахъ, разноцвѣтныя стекла во всѣхъ окнахъ; зеленые обои съ красными каймами, на коврахъ красовались чахоточныя или страдающія водянкой нимфы, серебряные желуди и малиновые лебеди, и прочіе ужасы. Для устраненія ихъ пришлось бы все сжечь. Нечего было дѣлать, я расхвалилъ вкусы почтенной доньи Хавьяры и старался путемъ различныхъ перемѣщеній и сочетаній хоть кое-какъ поправить дѣло.

Мы заглянули и въ квартирку, которая назначалась для меня. Она показалась мнѣ очень веселой. Хозяйка шествовала впереди и дѣлала свои замѣчанія.

— Вотъ это кабинетъ, библіотеку помѣстить въ слѣдующей комнатѣ; здѣсь будетъ спальня сеньора де-Мансо, она очень теплая и удалена отъ уличнаго шума; тамъ туалетная комнатка. Я велю провести сюда воду для большаго удобства. Посмотрите, какой видъ отсюда. Вы понимаете толкъ въ этомъ. Когда устанете все учиться да учиться, стоитъ повернуть голову и передъ вами весь Ретиро [1]).

Я былъ очень тронутъ ласковой заботливостью моей сосѣдки и благодарилъ ее отъ души; но когда затѣмъ я вновь затронулъ щекотливый вопросъ, она очень ловко свела разговоръ на другую тему. На слѣдующій день она относилась къ этому дѣлу уже гораздо спокойнѣе. Она уже говорила не о «школьной учительницѣ», а о «бѣдной дѣвушкѣ». Вечеромъ, когда сеньора вмѣстѣ съ своей горничной занималась уборкой моей квартиры, я опять завелъ рѣчь объ Иренѣ.

Она отвѣтила шутливымъ тономъ.

— Ахъ, какъ вы пристаете съ своей дѣвчонкой!.. Все равно не поможетъ, я не дамъ себя уговорить; такъ лучше перестанемъ говорить объ этомъ... Если вы станете продолжать...

— Но вѣдь, сеньора.

— Замолчите, не то вотъ схвачу метлу и выгоню всѣхъ на улицу...

И она принялась вновь за прерванную работу. Я не отставалъ.

— Ну, ладно, пусть женятся, только не надоѣдайте больше!— сказала она и засмѣялась.

Наконецъ-то!

---

[1]) Знаменитый садъ въ Мадридѣ.

Утромъ ко мнѣ прибѣжалъ Руперто, запыхавшись:

— Госпожа проситъ васъ поскорѣе къ себѣ...

— Что такое случилось? Сейчасъ иду.

Оказалось, что Лина очень безпокоилась, не видавъ меня цѣлыхъ три дня. Я отговаривался, что былъ занятъ, но она назвала меня неблагодарнымъ и бездушнымъ человѣкомъ, который не стоитъ того, чтобы его любили.

— Знаешь, зачѣмъ я тебя звала, голубчикъ? Нужно, чтобы ты сопутствовалъ дону Педро...

— Кто такой донъ Педро?

— Ахъ, какой противный! Это отецъ Регустіаны, такой хорошій человѣкъ... Нужно, чтобъ ты досталъ для него билетъ въ музей естественной исторіи.

— Да онъ самъ музей съ своей семьей!

— Не говори глупостей. Онъ славный человѣкъ. Пойди съ нимъ, покажи ему городъ. Бѣдняга ничего еще не видалъ. Одному изъ его сыновей нужно достать мѣсто...

— Мы имъ всѣмъ найдемъ мѣсто... на улицѣ.

— Глупый! Мамка очень хорошая. У тебя счастливая рука, Махимо... Еслибъ не было тебя...

— А Хозе-Марія что?

— Онъ? Опять по прежнему. По цѣлымъ днямъ дома не бываетъ. Кажется, дѣло съ маркизатомъ устроено.

— Поздравляю г-жу маркизу.

— Мнѣ эти вещи... мнѣ все равно.

Не смотря однако на эту скромность и добродушіе, Линѣ было очень пріятно имѣть гербъ. Что подѣлаете! Люди—всегда люди и среда сильнѣе ихъ.

— Я хочу спокойствія, больше ничего,—прибавила она.— Хозе Марія все еще очень ласковъ, но его постоянное отсутствіе, голубчикъ, меня безпокоитъ. Свекловичная коммиссія уже закрылась, но онъ говоритъ, что назначенъ въ другую, въ коммиссію паточную.

Скоро явился и братъ. Онъ былъ не въ духѣ и прежде всего обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Послушай, Махимо, ты привелъ сюда эту дикую орду, такъ ты же и освободи насъ отъ нихъ. Это саранча какая-то, филоксера; не знаю, что съ ней дѣлать. Они меня съ ума сводятъ. Одному понадобились билеты и онъ идетъ меня отыскивать въ палатѣ, другой пристаетъ, чтобъ я нашелъ мѣста для его двухъ болвановъ... Возьми это, пожалуйста, на себя; избавь насъ отъ этой чумы.

— Бѣдненькіе!—пробормотала Лика,—они такіе славные...

— Да выгони ихъ на улицу,—сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, чтобъ еще молоко пропало! — воскликнула Лика съ ужасомъ.—Говори потише, ради Бога... Они могутъ услышать...

Я сталъ говорить тише, мнѣ пришло въ голову сообщить сенсаціонное извѣстіе о женитьбѣ Мануэля Пенья. Лика перекрестилась нѣсколько разъ подъ-рядъ. Братъ, поблѣднѣвъ, только сказалъ:

— Я это зналъ.

Онъ схватилъ газету, но тотчасъ бросилъ ее и нервно сталъ курить одну папиросу за другой. Потомъ, когда онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, онъ столкнулся въ корридорѣ съ почтеннымъ дономъ-Педро, который, со шляпой въ рукахъ, о чемъ-то хотѣлъ его просить.

Братъ пришелъ въ ярость.

— Послушайте, г. проситель,—закричалъ онъ,—убирайтесь къ чорту отсюда со всей своей сволочью!.. Вонъ изъ моего дома, сію минуту!..

Боже, какой переполохъ поднялся въ домѣ! Донъ-Педро, или вѣрнѣе, дядюшка Педро,—потому что только Лика величала его дворянскимъ титуломъ,—донъ-Педро, перетрусивъ, сталъ увѣрять, что онъ «много доволенъ» и «много благодаренъ»; его достойная супруга сочла нужнымъ заявить, что она такая же госпожа въ домѣ, какъ и сама хозяйка, а мальчуганы благоразумно обратились въ бѣгство внизъ по лѣстницѣ, перескакивая сразу нѣсколько ступенекъ. Регустіана начала ревѣть какъ корова. Лика, полумертвая отъ страха, толкала меня ногами, умоляя успокоить расходившагося супруга. Между тѣмъ Хозе-Марія бѣгалъ по своей комнатѣ въ компаніи Сенсъ-де-Бардаля, котораго онъ назвалъ идіотомъ за какую-то ошибку въ редакціи одного письма.

Чтобы разсѣять отъ огорченія донъ-Педро и его дражайшую половину, пришлось ихъ повести тотчасъ же въ музей естественной исторіи; наслѣдниковъ, по настоянію Лики, мы экипировали съ ногъ до головы и кромѣ того мамаша получила въ подарокъ шолковое платье Мерседесъ. На слѣдующій день, нагрузивъ подарками и обѣщаніями почтенную семью готтентотовъ, я усадилъ ее въ поѣздъ и отправилъ на родину.

XXXV.

Свадьба состоялась.

Это было въ мартѣ... Впрочемъ, прежде слѣдуетъ разсказать о событіяхъ, предшествовавшихъ свадьбѣ и которыя не должны быть преданы забвенію. Донья Кандида, посвященная въ проекты Мануэля имъ самимъ, была на седьмомъ небѣ, увидѣвъ новые горизонты для своей паразитской дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ торжественномъ случаѣ она не могла побороть своего характера, не могла отдѣлаться отъ своего лганья. Явившись къ Ликѣ, она говорила, что «пришла искать на лонѣ дружбы утѣшенія въ своемъ горѣ»... «Одна мысль жить въ разлукѣ съ этимъ невиннымъ существомъ—повергала ее въ отчаяніе. Что̀ станетъ съ нею, въ ея возрастѣ, когда она будетъ лишена нѣжнаго сообщества своей любимой племянницы... единственной представительницы рода Гарсіа-Гранде на землѣ? Но судьбы Божія неисповѣдимы... Мы рождены для страданій, и въ страданіяхъ помираемъ. Она съумѣетъ примириться съ своей участью для блага доброй дѣвушки... Да, да, она готова пожертвовать своимъ спокойствіемъ, лишь бы Ирена была счастлива... Бѣдненькая, какъ она будетъ плакать, разлучаясь съ своей теткой, чтобы идти жить съ мужчиной!.. Она такая робкая, такая скромная... Ей не нравилось одно только обстоятельство: не очень благородное происхожденіе Пеньи. Она согласна: онъ богатъ, талантливъ, передъ нимъ блестящее будущее; но, увы! колбаса-то, колбаса останется всегда несмываемымъ пятномъ на его имени. Однимъ словомъ, это ужасное дѣло. По своей сердечной добротѣ и мягкости характера, она готова смотрѣть на Мануэля, какъ на своего сына, но съ доньей Хавьерой она не можетъ встрѣчаться; есть вещи, которыя выше силъ человѣческихъ. Съ сыномъ она мирится, такъ и быть; но съ матерью—никогда! У нея слишкомъ нѣжные нервы, слишкомъ тонкое чувство, чтобы переносить нѣкоторыхъ лицъ... Нечего говорить, разумѣется, что все имущество сеньоры Гарсіа-Гранде перейдетъ къ ея племянницѣ. Рѣшительно все, даже фамильныя драгоцѣнности, художественныя произведенія—все она отдаетъ... Зачѣмъ это ей теперь?»

Слушая это, Лика сдѣлалась очень печальной, а бабушка Чуча даже уронила слезу. Донья Кандида осталась завтракать,

и съ этого дня возобновилась безконечная серія ея ежедневныхъ визитовъ.

Я рѣшился не видаться больше съ Иреной, потому что такъ я былъ гораздо спокойнѣе. Но однажды Мануэль насильно потащилъ меня туда,—отказаться не было возможности. Ирена очень обрадовалась, увидавъ меня. Но то была радость чисто братская и самъ Мануэль участвовалъ въ ней. Ихъ веселье падало на мое сердце, какъ капли яда.

Со времени извѣстнаго открытія мною овладѣло сильное волненіе. Я подозрѣвалъ и боялся, что Ирена своимъ проницательнымъ умомъ давно догадалась о моей тайной любви къ ней и теперь я долженъ былъ въ ея глазахъ быть въ очень смѣшномъ положеніи. «Какъ они будутъ смѣяться надъ бѣднымъ Мансо,—думалось мнѣ подчасъ,—какъ они будутъ шутить надъ нимъ въ своихъ интимныхъ разговорахъ, прерываемыхъ ласками и поцѣлуями. Разубѣждать ее въ этомъ—опасно, можно еще больше подкрѣпить ея догадки».

А она, говоря со мною, была весела до безумія, бросала на меня взгляды, которые волновали все мое существо. Но вдругъ на губахъ ея появлялась ироническая улыбка, и тогда я былъ увѣренъ, что она знаетъ мою тайну, и, казалось, эта улыбка говоритъ:

«Я вижу тебя насквозь, Мансо, я читаю въ твоей душѣ, какъ въ самой понятной книгѣ. И какъ понимаю я тебя теперь, я понимала тебя и прежде, когда ты объяснялся мнѣ въ любви въ философскомъ стилѣ, бѣдный человѣкъ!..»

Эта мысль бросала меня въ жаръ и въ холодъ. Я искалъ предлога, чтобы удалить ее изъ головы моей подруги, убѣдить въ противномъ. Случай помогъ этому. Пенья заговорилъ почему-то о томъ, что мнѣ пора жениться. Ирена подхватила, и оба стали уговаривать меня полушутливо, полусерьёзно.

— Мнѣ жениться! — воскликнулъ я. — Никогда это мнѣ и въ голову не приходило. Мы, ученые, съ раннихъ лѣтъ теряемъ способность къ непосредственному чувству. Наши дѣти—книги, наши жены — наука. Онѣ изсушаютъ въ насъ потребность личнаго счастья, за исключеніемъ развѣ потребности простой дружбы...

Не очень увѣренный въ томъ, что я говорилъ, я съ трудомъ подъискивалъ слова для выраженія своихъ мыслей.

— Потому что... мы не можемъ понимать другого чувства, кромѣ дружбы... Наука отнимаетъ у насъ всѣ аффективныя силы, мы влюбляемся въ какую-нибудь теорію, въ разрабатываемый вопросъ... Женщина проходитъ мимо насъ какъ проблема,

принадлежащая къ другому міру, къ другой области знанія, и не интересуетъ насъ. Я старался нѣсколько разъ повернуть русло моей души въ другую сторону, куда стремится жизненная судьба другихъ людей, но это было сильнѣе меня... и я бросилъ объ этомъ думать. Да мнѣ и не нужно этого. Безбрачіе такъ же нормальная вещь въ обществѣ, какъ и бракъ; услуги оказанныя человѣчеству безбрачіемъ во всѣ историческія эпохъ—неизмѣримы...

И я продолжалъ долго въ этомъ духѣ. Потомъ, для большаго эффекта, я вспомнилъ время, когда Ирена давала уроки моимъ племянницамъ, заговорилъ объ отеческой любви, которую она внушала мнѣ... Это понятно... сходство профессій, занятій...

Ирена смотрѣла на меня очень странно. Ея взглядъ я понялъ такъ:

— Не хитри, Мансито, не хитри. Сознайся, что ты потерялъ голову какъ самый послѣдній студентъ, и теперь со всей твоей философіей ты не убѣдишь меня въ противномъ. Школьныя учительницы знаютъ больше метафизиковъ, которымъ не удается обмануть никого, исключая самихъ себя.

XXXVI.

Въ этотъ день я заболѣлъ.

Какая странная случайность!.. Это случилось какъ разъ въ день свадьбы, и я не могъ на ней присутствовать. Впрочемъ отъ доньи Хавьеры, которая зашла меня провѣдать въ тотъ же день, я узналъ, что ничего особеннаго не произошло. Послѣ извѣстныхъ церемоній, состоялся легкій завтракъ въ новомъ домѣ и новобрачные съ первымъ поѣздомъ отправились въ Біаррицъ или въ Бургосъ, не помню хорошенько. На слѣдующій день я всталъ вполнѣ здоровый, къ великому удовольствію доньи Хавьеры. Мы много разговаривали объ Иренѣ и моя сосѣдка призналась, что уже начинаетъ ее любить, что я, кажется, былъ правъ, восхваляя ее, и что лишь бы Маноло былъ счастливъ, все прочее неважно. Она сказала также, что на свадьбѣ всѣ дѣвушки смотрѣли съ завистью на ея сына... Материнское тщеславіе! — что подѣлаете!

Господи, сколько слезъ пролила донья Кандида!.. Брата моего не было, у него случилась одышка въ этотъ день.

Но «госпожа маркиза»,—Лика, другими словами,—присутствовала вмѣстѣ со своей мамой и сестрой; было еще много

другихъ важныхъ господъ. Мнѣ не понравилось, что она хвастаетъ «важностью» своихъ гостей, и я высказалъ ей это. Она настаивала, считая знаменитостями всѣхъ присутствовавшихъ. Я оспаривалъ ее и заключилъ такъ:

— Держу пари, что и негръ Рупертико былъ?

— Что-жъ, онъ былъ очень милъ; можно было подумать, что это человѣкъ, облитый чернилами... Смѣйтесь, смѣйтесь надъ нами... Увидите, какіе важные господа станутъ ѣздить ко мнѣ, когда Мануэль начнетъ играть роль и мы станемъ задавать вечера.

Не помню, о чемъ еще болталъ ея неутомимый языкъ. Чтобы наполнить чѣмъ-нибудь пустоту, оставшуюся вслѣдствіе отъѣзда Мануэля, она въ тотъ же день взялась за перевозку моихъ вещей на новую квартиру. Это было сдѣлано такъ быстро, что, когда я явился туда вечеромъ, все уже было готово и уставлено по своимъ мѣстамъ и я безъ всякихъ церемоній расположился въ своемъ новомъ гнѣздѣ. Я не зналъ чѣмъ отблагодарить эту заботливость и возраставшую привязанность ко мнѣ доньи Хавьеры, привязанность, которая выходила изъ уровня обычной дружбы. И такъ какъ, къ несчастью, моя старая служанка заболѣла очень опасно, такъ что ее пришлось отправить въ больницу, то все мое хозяйство перешло окончательно въ руки сеньоры де-Пенья, которая смотрѣла за всѣмъ съ крайнимъ вниманіемъ и любовью. Это подало поводъ нѣкоторымъ друзьямъ къ злымъ насмѣшкамъ на счетъ нашихъ отношеній.

— Пусть болтаютъ,—сказала мнѣ на это однажды Хавьера, немного взволнованнымъ голосомъ. — Не будемъ обращать на нихъ вниманія. Они не умѣютъ васъ оцѣнить по достоинству, а я умѣю. Это справедливость и только справедливость, я хочу сказать вознагражденіе (индемнизація)... Говорятъ вѣдь такъ? Боюсь я этихъ мудреныхъ словъ, чтобы не сказать какой-нибудь глупости...

Молодые возвратились только черезъ полтора мѣсяца, довольные и счастливые. Ирена пополнѣла, имѣла хорошій цвѣтъ лица и пользовалась вообще прекраснымъ здоровьемъ. Донья Хавьера, которая не имѣла отъ меня секретовъ, сообщила мнѣ однажды:

— У насъ, кажется, въ скоромъ времени произойдетъ приращеніе семьи... Если это станетъ повторяться часто—я ухожу. Я не желаю, чтобы мой домъ превратился въ больницу.

Ирена относилась ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ. И хотя теперь ничто съ ея стороны не должно было удивлять меня, я

удивлялся все-таки ординарности ея натуры и тому, что съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе удалялась отъ идеала... Какъ я и предсказывалъ раньше, она устраивала вмѣстѣ съ другими дамами благотворительные сборы и вечера, была председательницей какого-то дамскаго религіознаго общества, а мужъ ея говорилъ мнѣ, что она тратитъ черезчуръ много денегъ на церковныя празднества и постройки. Я видѣлъ ее нѣсколько разъ по воскресеньямъ у дверей церкви, благочестиво собирающей милостыню для бѣдныхъ. Въ заключеніе всего, она стала посѣщать бои быковъ, и когда однажды я полюбопытствовалъ узнать, неужели ее интересуютъ эти варварскія зрѣлища,—она отвѣтила, что съ нѣкотораго времени дѣйствительно полюбила ихъ, и что, еслибъ не тяжелый видъ убиваемыхъ лошадей,— она была бы въ восторгѣ отъ этихъ зрѣлищъ, больше даже чѣмъ отъ оперы...

Однимъ словомъ: она была какъ всѣ. Время, раса и обстановка сказывались въ ней очень рѣзко. Еще подробность: со дня своего замужества она не взяла въ руки ни одной книги.

Но будемъ къ ней справедливы. Хозяйка она была превосходная. Она не только внесла хорошій тонъ, дотолѣ неизвѣстный въ семьѣ Пенья, но и выказала себя очень практической особой. Съ своимъ тонкимъ тактомъ, дѣлая уступки въ одномъ случаѣ и выказывая твердую настойчивость въ другомъ,— она съумѣла мало-по-малу пріобрѣсти любовь своей свекрови. Она обладала удивительнымъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ и обходиться съ людьми. Это особенно стало бросаться въ глаза, когда Мануэль началъ принимать въ своемъ салонѣ разныхъ политическихъ друзей и знаменитостей. Всѣ, и умные и глупые люди, и талантъ и бездарность—отходили отъ нея очарованные. Донья Хавьера была въ восторгѣ отъ этихъ способностей Ирены.

— Она дьявольски умна,— замѣтила мнѣ однажды сеньора Пенья,—она знаетъ больше вашего.

Еще бы! Но любопытнѣе всего, что бывшая колбасница, привыкшая командовать надъ всѣми въ домѣ, мало-по-малу вполнѣ подчинилась своей невѣсткѣ... Уваженіе, которое она къ ней питала, граничило со страхомъ. Мы часто вели съ доньей Хавьерой такіе разговоры:

— Она рождена важной дамой.

— Да, славное пріобрѣтеніе сдѣлалъ Манолито; развѣ я не предсказывалъ этого?

— Дай Богъ, чтобы дальше шло не хуже, лучшаго не надо...

— О, она добра какъ ангелъ...

Молодые супруги нѣжно любили другъ друга. Любовь, молодость, соціальная атмосфера, насыщенная аппетитами, похвалы и тщеславіе, ограниченное мѣщанской моралью и приличіями,— наполняли ихъ жизнь. Вскорѣ Мануэль выступилъ смѣлыми шагами и на политическое поприще, получивъ отъ своихъ избирателей депутатскія полномочія. Онъ вступилъ теперь въ новую сферу, въ которой честный человѣкъ долженъ надѣть на себя маску лицемѣрія, чтобы сдѣлаться неуязвимымъ или пасть и погибнуть отъ нравственной асфиксіи.

И. П.

Н. В. ГОГОЛЬ

и

А. А. ИВАНОВЪ

Ихъ взаимныя отношенія *).

Подъ чуднымъ небомъ Италіи, въ «вѣчномъ» городѣ съ его безсмертными красотами, на которыхъ отдыхаетъ глазъ и душа, гдѣ человѣкъ, измученный жизнью, снова находитъ силы, дѣлается доступнѣе всему прекрасному,—именно здѣсь встрѣтились два крайне несходныхъ по натурамъ, но несомнѣнно близкихъ другъ другу человѣка, близкихъ по любви къ искусству, по способу отношенія къ своимъ созданіямъ—Николай Васильевичъ Гоголь и Александръ Андреевичъ Ивановъ. Здѣсь, вдали отъ родины, въ тиши отъ людей воплощали они въ своихъ произведеніяхъ, наполнявшіе ихъ душу образы: Гоголь писалъ свою поэму, Ивановъ — свою картину. Созданіе «Явленія Христа» какъ бы сливается съ созданіемъ «Мертвыхъ Душъ». «Хорошо бы было, еслибы ваша картина и моя поэма явились вмѣстѣ» — говорилъ Гоголь.

Оба клали душу въ свои произведенія; оба съ одинаковой добросовѣстностью и поразительнымъ терпѣніемъ трудились надъ усовершенствованіемъ своей работы и своимъ собственнымъ.

Въ то время имя Гоголя, какъ писателя, зналъ всякій; имя

*) По нѣкоторымъ новымъ источникамъ; см. ниже, въ приложеніи, письма Гоголя къ Иванову, 1841—47 гг.

Иванова пока было извѣстно только въ кругу художниковъ. Его открылъ русской публикѣ Гоголь.

Отношенія обоихъ въ высшей степени любопытны въ смыслѣ освѣщенія характеровъ того и другого художника.

Проникнуть въ эти отношенія даетъ возможность сохранившаяся отъ нихъ переписка. Большая часть ея уже напечатана. Письма Гоголя къ Иванову были помѣщены г. Кулишомъ — правда, съ значительными пропусками—въ полномъ собраніи сочиненій Гоголя 1857 года. Черезъ годъ, когда не стало Иванова, Кулишъ нашелъ возможнымъ напечатать въ «Современникѣ» (1858, кн. XI) всѣ имѣвшіяся у него письма Иванова къ Гоголю и при этомъ снова перепечатать—на этотъ разъ почти безъ сокращеній—и письма Гоголя къ Иванову, прибавивъ къ нимъ нѣкоторыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя. Но, оказывается, и въ это собраніе попали все-таки не всѣ письма Гоголя къ Иванову. *Три* изъ нихъ, а также *вторая половина* письма объ Ивановѣ къ неизвѣстному, — не бывшія до сихъ поръ въ печати, найдены въ настоящее время въ подлинникахъ среди бумагъ А. А. Иванова, пожертвованныхъ послѣ смерти его брата, архитектора С. А. Иванова, въ московскій Публичный и Румянцевскій музей. Мы помѣщаемъ ихъ въ видѣ приложенія къ нашей статьѣ.

Въ 1859 году, въ № 4 «Библіографическихъ Записокъ» появилось еще двадцать писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ, между прочимъ два письма къ Иванову и первая половина письма объ Ивановѣ къ неизвѣстному. Послѣ сличенія всѣ три оказались повтореніемъ помѣщенныхъ въ «Современникѣ» за 1858 годъ.

Переписка Иванова съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ Гоголемъ, издана въ 1880 году М. П. Боткинымъ въ его извѣстной біографіи Иванова. Кромѣ указаннаго печатнаго матеріала объ Ивановѣ, мы имѣли еще записныя книжки покойнаго художника, съ его черновыми письмами и набросками, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ.

I.

Когда осенью 1838 года Гоголь собирался въ Римъ, Ивановъ уже чувствовалъ себя тамъ, какъ дома. Онъ давно освоился въ Римѣ. И не мудрено: уже 8 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Россію. Духовной родиной для Иванова сталъ Римъ. Онъ находилъ, что въ «нѣдрахъ» этого города, «среди его пре-

лестей» и умереть пріятно. Даже черезъ *двѣнадцать лѣтъ* по выѣздѣ изъ Россіи онъ писалъ брату, совѣтуя ему ѣхать за границу: «О Римѣ и Италіи говорить нечего: ты уже такъ и полагай, что въ рай ѣдешь» [1]). И долго не хотѣлось художнику покидать земной рай, никуда не тянуло его изъ Италіи. Онъ прожилъ здѣсь безвыѣздно 27 лѣтъ; 28 лѣтъ не заглядывалъ въ Россію.

Пріѣхавъ въ Римъ, Гоголь не менѣе Иванова былъ пораженъ красотами Италіи, ея природой, памятниками искусства. «Когда вамъ все измѣнитъ,—писалъ онъ оттуда,—когда вамъ больше ничего не останется такого, что̀ бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра—пріѣзжайте въ Италію». Цѣлые дни по пріѣздѣ Гоголь бродилъ по улицамъ «вѣчнаго города», заглядывая то въ храмъ св. Петра, то въ Ватиканъ, то въ Колизей. Здѣсь просиживалъ онъ, проникнутый величіемъ видѣннаго, живой исторіей далекаго прошлаго, безмолвно, недвижимо по нѣскольку часовъ. Передъ его глазами воскресала древняя жизнь, проносились картинами первые вѣка христіанства. Не только самъ любилъ сидѣть, погруженный въ глубокія думы, смотря на Колизей, онъ приводилъ сюда и пріѣзжавшихъ знакомыхъ, съ которыми первое время охотно бродилъ по древнему городу.

Все осматривая, не пропуская ничего, что̀ было хоть сколько-нибудь интересно, Гоголь вскорѣ по пріѣздѣ пожелалъ осмотрѣть студіи художниковъ, а тѣмъ болѣе русскаго художника Иванова, уже извѣстнаго тогда въ Римѣ, уже 5 лѣтъ думавшаго и работавшаго надъ созданіемъ картины «Явленіе Христа». Встрѣтиться они должны были едва ли не въ первый день по пріѣздѣ Гоголя въ Римъ, такъ какъ всѣ художники и пріѣзжавшіе русскіе сходились обѣдать въ извѣстную остерію «Фальконе». Г. Боткинъ относитъ эту встрѣчу и знакомство къ концу 1838 года.

Ивановъ помѣщался въ живописномъ домикѣ на горѣ. Кругомъ разстилался садъ, гдѣ была бездна яблонь, миндалевыхъ деревьевъ, фигъ, орѣховъ и густая виноградная аллея, ведущая въ мастерскую художника. Квартира помѣщалась во 2-мъ этажѣ. Изъ оконъ виднѣлись синія вершины альбанскихъ горъ, напоминавшія хозяину въ его тихомъ уединеніи древнихъ альбанцевъ, нѣкогда нападавшихъ на Ромула. Направо виднѣлся монастырь св. Троицы, гдѣ скрывались отъ нескромныхъ взоровъ непороч-

---

[1]) Боткинъ: „А. А. Ивановъ". Стр. 159.

ныя дѣвы; далѣе открывалась большая часть Рима съ его домами простой и вмѣстѣ изящной архитектуры.

Здѣсь нашъ художникъ, восхищенный величіемъ открывающейся панорамы, уносился мыслями въ первый вѣкъ христіанства. Здѣсь была задумана извѣстная картина, которую только черезъ нѣсколько лѣтъ онъ рѣшилъ начать въ большомъ видѣ. Для картины большихъ размѣровъ потребовалась и большая студія. Ивановъ нанялъ ее за версту отъ своего помѣщенія и теперь проводилъ тамъ всѣ дни до поздняго вечера. Внутри мастерской господствовалъ тотъ безпорядокъ, который обычно соединяется съ представленіемъ о жилищѣ художника. Стѣны покрыты были рисунками, расписаны углемъ, мѣломъ; повсюду на стѣнахъ, на полу—эстампы, картоны; посреди комнаты—огромная картина, а около нея художникъ въ простой блузѣ, низенькій, сутуловатый, съ большой головой, густо покрытой длинными волосами, съ палитрой и кистью въ рукахъ, одинъ стоитъ погруженный въ размышленіе...

Гоголь заглянулъ въ студію, увидалъ картину и пришелъ въ восторгъ. Съ этихъ поръ онъ интересуется ея судьбой не меньше своей поэмы. Случается, онъ спрашиваетъ въ письмахъ: гдѣ, въ какомъ углу стоитъ картина? «алчетъ» ее видѣть. Всѣмъ, кому только можно, онъ сталъ говорить объ этомъ великомъ произведеніи художника. Всѣхъ, кто только пріѣзжалъ къ нему изъ русскихъ, онъ водилъ въ студію Иванова. Наконецъ, онъ самъ писалъ о картинѣ и объ Ивановѣ... Казалось, Гоголь полюбилъ одинаково, какъ нѣчто прекрасное, и картину, и ея творца.

II.

Послѣ подробнаго знакомства съ перепиской этихъ обоихъ великихъ талантовъ, дѣлается несомнѣнно ясно, что это были двѣ крайне противоположныя натуры. По словамъ Герцена, который въ послѣдній разъ видѣлъ Иванова за годъ до его смерти, «*простота, добродушіе* ребенка во всѣхъ пріемахъ, во всѣхъ словахъ» составляли отличительную особенность русскаго художника. Въ натурѣ Гоголя не было ни того, ни другого. Обѣ указанныя черты исключались въ немъ «житейской мудростью», тонкой, глубокой практичностью, которая составляла особенность его еще съ дѣтскихъ лѣтъ. Не смотря на всѣ горячія увѣренія Кулиша о высокости натуры Гоголя, не смотря на все желаніе его видѣть въ Гоголѣ чуть не непогрѣши-

мый идеалъ, указанная сторона характера ясно выступаетъ въ перепискѣ. Для этого стоитъ только тщательно просмотрѣть ее, отказавшись отъ всякихъ предвзятыхъ на Гоголя взглядовъ и въ особенности отъ крайне пристрастныхъ взглядовъ Кулиша.

Другой современникъ Гоголя, г. Анненковъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» указываетъ на несомнѣнное присутствіе этой черты въ характерѣ автора «Мертвыхъ Душъ». Онъ признаетъ, что «житейской мудрости въ Гоголѣ было столько же, сколько и таланта».

Ивановъ же былъ дитя. Чѣмъ больше вчитываешься въ его письма, чѣмъ ближе знакомишься съ нимъ по его записнымъ книжкамъ, тѣмъ сильнѣе поражаетъ «младенчески-чистая душа художника». Всю жизнь прожившій въ своей студіи, неразрывно съ своимъ созданіемъ, онъ не зналъ многихъ сторонъ жизни, почти совсѣмъ не зналъ людей. При столкновеніи съ ними онъ ужасался; какъ дитя, приходилъ въ отчаяніе... «Я поставленъ въ какое-то столкновеніе съ людьми—писалъ онъ Гоголю—и, никогда не имѣя случая изучать ихъ, мучаюсь въ этой каторжной работѣ» [1]).

Ивановъ мучился отъ незнанія, Гоголя давило, можетъ быть, слишкомъ большое знаніе жизни и людей. Гоголь былъ сердцевѣдъ, видѣлъ людей насквозь, «исчерпывалъ ихъ,—какъ выражается г. Анненковъ,—такъ свободно и легко, какъ другіе живутъ съ ними» [2]).

И вотъ въ Римѣ сталкиваются ребенокъ и опытный мужъ. Ихъ неудержимо потянуло другъ къ другу, подобно тому, какъ влекутся противоположныя электричества. Всею силою Гоголь полюбилъ Иванова, привязался къ нему, какъ отецъ къ дорогому ребенку, котораго необходимо оберегать, о которомъ необходимо заботиться.

И заботы Гоголя объ Ивановѣ поразительны. Замѣтивъ, какъ быстро способенъ Ивановъ впадать въ отчаяніе при встрѣчѣ съ какой-нибудь неожиданной неудачей, Гоголь пишетъ ему (1843 года): «При какомъ бы то ни было происшествіи непріятномъ, прежде, чѣмъ предаваться тревогѣ, напишите все подробно мнѣ» [3]). Заботы свои онъ простираетъ до родительскихъ... Бывали минуты, когда Ивановъ сидѣлъ почти безъ гроша, и Гоголь писалъ ему: «Займите, а тамъ я *научу* васъ, какъ расплатиться».

---

[1]) Боткинъ, стр. 235.
[2]) Воспом. Анненкова, т. I, стр. 181.
[3]) Совр. 1858, XI, стр. 142.

Онъ бралъ на себя обязанность даже думать за Иванова. И при этомъ его заботы были всесторонни. Гоголь давалъ художнику совѣты, не только входившіе въ область житейскую, но и имѣвшіе прямое, непосредственное отношеніе къ его созданію. Въ 1842 году онъ говоритъ Иванову, что ему, какъ заканчивающему свою картину, нужно дѣлать снимки только съ законченныхъ картинъ Рафаэля. Даетъ совѣты, какъ работать: «пока не сдѣлаете дурно, до тѣхъ поръ не сдѣлаете хорошо» Но всего больше заботъ клалъ Гоголь на душевное совершенствованіе своего любимца. «Самая жизнь для васъ—писалъ онъ 18 марта 1844 г. —безгласна и мертва; еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца, просвѣтленнаго разумомъ свыше». «Пока въ душѣ вашей не будетъ кистью высшаго художника начертана эта картина, потуда не напишется она вашей кистью»,—убѣждалъ Гоголь Иванова въ январѣ 1845 г. [1]).

Таковъ постоянно учительски-наставительный тонъ всѣхъ писемъ Гоголя къ Иванову. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на учителя, на опытнаго мужа, передъ которымъ Ивановъ былъ только ученикъ. И этотъ тонъ Гоголь взялъ весьма скоро послѣ начала знакомства. Въ концѣ 1846 года онъ его усилилъ, въ 50-хъ годахъ—смягчилъ и даже болѣе — сталъ нѣженъ. Его вліяніе на Иванова, разумѣется, не равносильно было обратному, на которомъ такъ настаиваетъ Кулишъ въ своей статьѣ: «Переписка Гоголя съ Ивановымъ». Кулишъ говоритъ, что Ивановъ «въ своихъ письмахъ къ Гоголю, многое объясняетъ въ характерѣ и душевномъ настроеніи автора «Мертвыхъ Душъ» [2]).

Ивановъ былъ не изъ тѣхъ, которые способны вліять. Объ этомъ свидѣтельствуютъ несомнѣнно всѣ письма А. А. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени мягкій, конфузливый, способный сильно увлекаться, кроткій, любящій и при этомъ—какъ женщина—охотно подчиняющійся любимому человѣку. Онъ былъ великъ своей простотой, непосредственностью, дѣтской наивностью, которая притягивала Гоголя, какъ силу. Гоголь же поражалъ Иванова умомъ, характеромъ, мудростью. Во всѣхъ своихъ письмахъ къ Гоголю, Ивановъ, главнымъ образомъ, говоритъ о своей картинѣ, связанныхъ съ ея созданіемъ затрудненіяхъ и вообще о своихъ личныхъ дѣлахъ. Тонъ ихъ вопрошающій, ученическій. Ивановъ—какъ слабый—проситъ у Гоголя помощи, защиты, при всякомъ случаѣ опирается на него, знаетъ, что встрѣтитъ дѣй-

---

[1]) Тамъ же, стр. 144, 145, 147.

[2]) Тамъ же, 125 стр.

ствительно сильную поддержку. Онъ чувствуетъ себя хорошо рядомъ съ Гоголемъ, какъ обыкновенно чувствуетъ себя слабость рядомъ съ силою.

Таковы были ихъ взаимныя отношенія до декабря 1846 года.

III.

Денежный вопросъ, какъ извѣстно, преслѣдовалъ Иванова все время его пребыванія за границей.

Въ Италію онъ пріѣхалъ въ 1830 году пансіонеромъ Общества поощренія художниковъ и черезъ три года, когда кончился срокъ его пребыванія за границей, онъ задумался надъ созданіемъ «Явленія Христа». Работа, какъ смотрѣлъ на нее Ивановъ, требовала большого ученья, большихъ матеріальныхъ средствъ. Ивановъ, по выраженію Гоголя, былъ нищій. Остаться работать онъ могъ только при чьей-нибудь посторонней поддержкѣ. Эту поддержку оказало ему сначала Общество поощренія художниковъ, а въ 1838 году—покойный государь, тогда наслѣдникъ. Онъ назначилъ ему пенсію на три года по 3 тысячи въ годъ.

Но начатая Ивановымъ работа, въ которой онъ находилъ и наслажденіе, и смыслъ жизни, съ каждымъ годомъ разросталась, безконечно росло число эскизовъ, композицій... Художникъ не разъ безпощадно передѣлывалъ все то, что другимъ казалось совершенно законченнымъ, мѣнялъ, переписывалъ все до основанія. Отношеніе къ труду и главнымъ образомъ—желаніе его совершенствовать у Иванова были поразительныя.

Вотъ съ этой стороны, можетъ быть, и Гоголь воспринялъ нѣчто у А. А. Отношеніе Гоголя къ работѣ, какъ кажется, значительно разнится со времени его знакомства съ Ивановымъ. Не съ такой тщательностью, не съ такой строгой требовательностью къ себѣ, писалъ Гоголь, напр., Тараса Бульбу, какъ писалъ онъ въ болѣе поздній періодъ, въ 40-хъ годахъ—«Шинель», «Мертвыя Души».

Иванову, при его «совѣстливой» работѣ, потребовалось двадцать пять лѣтъ на воспроизведеніе «Явленія Христа народу». Надо было чѣмъ-нибудь жить эти двадцать-пять лѣтъ, да и картина сама требовала значительныхъ затратъ... За одно помѣщеніе студіи, кромѣ собственной квартиры, приходилось платить 1000 р. въ годъ; а что стоилъ матеріалъ, поѣздки для изученія типовъ и мѣстностей?... И Ивановъ съ 1841 года, когда

прекратились всякія пенсіи, перебивался со дня на день, дрожалъ за будущее и искалъ духовной поддержки въ бесѣдахъ съ Гоголемъ. Весной 1846 года недостатокъ въ деньгахъ доходилъ до того, что Ивановъ соглашается на сборъ по подпискѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ,—сборъ, который бы далъ ему возможность окончить картину. Нѣсколько просьбъ онъ посылаетъ къ разнымъ правительственнымъ лицамъ, умоляетъ, чтобы дали 6 тысячъ въ годъ на 3 года... и получаетъ отказъ. Эти вѣчныя просьбы о помощи, обращенія за милостью — одно изъ типичныхъ явленій нашего недавняго прошлаго. Припомнимъ, какъ часто получалъ разныя субсидіи отъ высшихъ лицъ самъ Гоголь! И получать милости для него не только не было тяжело — напротивъ, Гоголь смотрѣлъ на нихъ, какъ на нѣчто должное...

Лѣтомъ, 1846 года, Ивановъ сидѣлъ буквально безъ гроша, впереди стояла еще болѣе ужасающая перспектива. Къ этому присоединились внѣшнія условія, нарушавшія спокойствіе художника. То мѣшали его работѣ въ студіи, заглядывая любопытнымъ глазомъ, что и какъ у него сдѣлано... Это его сильно раздражало. То въ минуту безденежья вдругъ давали деньги отъ имени государя съ условіемъ непремѣнно окончить картину къ извѣстному сроку. Такъ было въ іюлѣ 1846 года. Не разобравши хорошенько, въ чемъ дѣло, не обдумавши, онъ въ первую минуту схватился за протянутый якорь спасенія. Но какъ только успокоился, какъ только тревога о деньгахъ уходила на задній планъ и нервы поуспокоились, такъ онъ ясно видѣлъ, что стоялъ лицомъ къ лицу еще съ бо̀льшимъ для себя ужасомъ: кончить картину къ сроку и даже въ годъ! Обязательство и срочность были для него страшнѣе самой нищеты. Ему приказывали кончить! Ему, по понятію котораго, «художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда, никому не подчиненъ, независимость его должна быть безпредѣльна?» [1]).

Хотя бы Гоголь въ это время былъ около него! Онъ помогъ бы, научилъ... Ивановъ уже подумывалъ вызвать его изъ Неаполя, чтобы тотъ распуталъ его дѣла...

Въ это время прошелъ слухъ, что въ Римъ ѣдетъ графъ В. В. Апраксинъ, сынъ пріятельницы Гоголя, С. П. Апраксиной, урожденной графини Толстой... Ивановъ, какъ ребенокъ, обрадовался этому извѣстію. Мысль, что гр. Апраксинъ приметъ въ немъ участіе, оградитъ отъ страшнаго для него понуканья—работы къ сроку—эта мысль ободрила Иванова. Надо было какъ

[1]) Боткинъ, стр. 103.

можно скорѣй, въ интересахъ самой картины — снять съ себя это ужасное обязательство, взамѣнъ котораго получилось пять тысячъ...

Ухватившись за мелькнувшую надежду въ извѣстіи о пріѣздѣ гр. Апраксина, Ивановъ, какъ человѣкъ «немудрствующій лукаво», упоминаетъ объ этой радости въ письмѣ къ Гоголю, не выясняя, впрочемъ, ни новой причины своихъ безпокойствъ, ни того, какой собственно помощи онъ ожидаетъ отъ Апраксина.

Гоголь въ это время жилъ въ Неаполѣ. Весь погруженный въ изданіе «Переписки съ друзьями» и отдыхавшій иногда на мысли о поѣздкѣ въ Іерусалимъ, онъ—какъ и Ивановъ—желалъ теперь только одного, чтобы никто не докучалъ ему, чтобы никто не нарушалъ «монастырь души» его, не отрывалъ его мысли отъ его важнаго, великаго дѣла... Нервы за этимъ дѣломъ были доведены до крайняго напряженія; чувства и мысли болѣли грандіозностью подвига, отъ котораго всѣмъ — и, разумѣется, въ томъ числѣ и Иванову—должно было вдругъ сдѣлаться легче, лучше. Всѣмъ должна была помочь задуманная книга, вывести изъ тяготившихъ условій, загрудненій... То былъ моментъ самаго сильнаго самомнѣнія Гоголя, апогей его вѣры въ себя, въ непреложность силы, своихъ словъ и дѣйствій... И въ этотъ самый моментъ Ивановъ присылаетъ ему письмо съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ пріѣзда графа Апраксина, на котораго А. А. возлагаетъ въ письмѣ большія и единственныя надежды.

Фактъ—повидимому самый ничтожный. О немъ, навѣрно, и упоминать бы не пришлось, еслибъ онъ не совпалъ съ указаннымъ моментомъ крайне-болѣзненнаго настроенія чувства и мысли Гоголя. Теперь же ему суждено съиграть въ отношеніяхъ обоихъ друзей важную роль. Съ этихъ поръ ихъ отношенія, какъ бы надтреснулись и разстроивались чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй... Какъ ни пытались они потомъ привести ихъ въ прежнюю норму, этого никогда уже не удавалось, не смотря на продолжавшуюся между ними переписку, не смотря на попытки со стороны Иванова и на старанія самого Гоголя. Прежнія отношенія добраго, заботливаго учителя и благоговѣйно покоряющагося его волѣ ученика уже больше никогда не могли возстановиться.

IV.

«Сперва они, т.-е. Гоголь и Ивановъ, были очень и очень близки, но потомъ,—пишетъ г. Боткинъ объ этомъ переломѣ,— взгляды и пониманіе вещей у нихъ измѣнились и ихъ отношенія сдѣлались дальше» [1]).

Ссылка на радикальную перемѣну во взглядахъ обоихъ друзей, какъ на причину расшатавшихся отношеній, намъ кажется не совсѣмъ справедливой. Причина лежала единственно въ болѣзненности Гоголя. Онъ неудержимо съ каждымъ днемъ шелъ дальше по наклонной плоскости въ своемъ болѣзненномъ настроеніи. «Болѣзненность усилила его религіозность до фанатизма и галлюцинацій» [2]). Гоголь уже никогда не былъ больше прежнимъ Гоголемъ, никогда не возвращался къ своей прежней сдержанности, Ивановъ же долго оставался неизмѣннымъ... Взглядъ его, правда, сильно заколебался, отошелъ отъ прежняго; но эта перемѣна совершилась много позже, не раньше 50-годовъ. Она несомнѣнно обнаружилась въ 1857 году, когда Гоголь уже давно лежалъ въ могилѣ, а Ивановъ, жадно искавшій истины, покинулъ не только Римъ, но и Италію, поѣхалъ въ Лондонъ, спеціально затѣмъ, чтобы переговорить насчетъ безпокоившихъ его душу вопросовъ съ Герценомъ и Мадзини.

Мы постараемся подробнѣе прослѣдить постепенное разложеніе этихъ отношеній съ помощью вышеупомянутыхъ *четырехъ* собственноручныхъ писемъ Гоголя и черновыхъ набросковъ Иванова, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Гоголь, получивши такъ не во время письмо Иванова, оторвавшее его отъ дѣла и мыслей, — все нашелъ въ этомъ письмѣ несообразнымъ. Въ такомъ состояніи, 12-го декабря 1846 года, онъ взялся за перо [3]), чтобы отвѣтить на раздражившее, взволновавшее его письмо. Онъ отказывается понять: чего ждетъ Ивановъ отъ пріѣзда Апраксина? почему разсчитываетъ, что Апраксинъ непремѣнно долженъ о немъ хлопотать? Сомнѣніе свое высказываетъ довольно рѣзко: «Вамъ чудится,—пишетъ онъ,—и представляется, что о васъ должны всѣ хлопотать и метаться, какъ угорѣлыя кошки, точно такимъ же самымъ образомъ, какъ вы мечетесь во всѣ стороны и углы по поводу даже всякаго ничтожнаго, не только важнаго дѣла»...

---

[1]) Боткинъ, XI стр.

[2]) Вѣстн. Евр., 1878, апрѣль, 507 стр.

[3]) Рукопись Румянц. Музея, № 2204.

Такихъ упрековъ и въ такой неделикатной формѣ еще никогда не употреблялъ Гоголь съ Ивановымъ. Правда, уже давно онъ всѣхъ наставлялъ и училъ, но никого еще не кололъ такъ больно, какъ колетъ теперь Иванова. «Сидите смирно, не каверзничайте по вашему дѣлу (потому что вы не умѣете поступать въ своемъ дѣлѣ благородно и здраво, а все дѣйствуете какими-то переулками, которые рѣшительно похожи на интриги)»...

Что-то до нельзя черствое чувствуется въ этихъ словахъ Гоголя, который уже давно искалъ случаевъ пріуготовлять къ будущей жизни, уколами обращать къ самоусовершенствованію.

Въ горячности, неспокойности Иванова, которыя могли, пожалуй, иногда мѣшать Гоголю и запутывать его благіе планы, все-таки не было для него ничего новаго. Онъ давно зналъ Иванова. Впечатлительный Александръ Андреевичъ всегда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ чувства, сгоряча. Естественно онъ долженъ былъ заметаться при первомъ же посягательствѣ на свою свободу, долженъ былъ искать выхода до тѣхъ поръ, пока не отъищетъ незапертыхъ дверей или не выломаетъ стѣны... Гоголь все это зналъ. Но прежде самъ Гоголь былъ спокойнѣе, здоровѣе, хладнокровнѣе. Теперь же каждый нервъ его былъ натянутъ; ничтожное прикосновеніе производило боль. Потому теперь онъ не въ силахъ отнестись спокойно къ обычной горячности дѣйствій Иванова и даже понять всей тяжести и горечи произносимыхъ имъ словъ. «Вы всѣмъ надоѣли, и я не удивляюсь, почему даже Чижовъ пересталъ къ вамъ писать»... «Я вамъ сказалъ ясно: сидите смирно, все будетъ обдѣлано хорошо! Въ этомъ отвѣчаю вамъ я; но вы меня считаете за ничто; довѣрія у васъ къ словамъ моимъ никакого»...

Вотъ что собственно рѣзнуло Гоголя по сердцу: *ему* не вѣрятъ, а вѣрятъ кому-то! Сомнѣваются въ *его* силѣ, въ *его* вліяніи! Какъ будто онъ не говорилъ, что скоро все будетъ сдѣлано?!. Онъ готовъ за это сурово наказать Иванова. «Отвѣта [1]), — пишетъ онъ, — ожидайте не изъ Неаполя. Отвѣтъ вамъ будетъ изъ Петербурга. Онъ можетъ придти черезъ мѣсяцъ. Но признаюсь — я бы очень желалъ, чтобы онъ не скоро пришелъ къ вамъ, чтобы вы мѣсяца четыре-пять помучились неизвѣстностью о себѣ: вы стóите этого».

Такъ безпощадно заканчивалъ письмо [2]) больной Гоголь

[1]) Т.-е. объ устройствѣ дѣлъ Иванова.

[2]) Оно помѣщено цѣликомъ въ приложеніи подъ № 1.

къ Иванову. Гоголь послалъ письмо въ Римъ съ кѣмъ-то изъ знакомыхъ. Потому письмо пришло не скоро. — Не дождавшись отвѣта, Ивановъ въ нетерпѣніи и безпокойствѣ найти выходъ изъ мучительнаго положенія вдругъ останавливается на мысли о новой должности для Гоголя — должности секретаря русскихъ художниковъ въ Римѣ, который бы былъ посредникомъ между нимъ и правительствомъ. Это казалось Иванову теперь единственнымъ въ его положеніи средствомъ, способнымъ спасти его... По своей привычкѣ все высказывать Гоголю, онъ и на этотъ разъ поступаетъ по обычаю. Не дождавшись отвѣта на первое письмо, пишетъ второе отъ 22 января 1847 года [1]). «Положеніе мое, все еще тревожное, не можетъ иначе устроиться, какъ вами, т.-е., когда вы вступите въ службу къ князю [2]), какъ секретарь русскихъ художниковъ». При этомъ предается успокоивающимъ его душу мечтамъ, какъ Гоголь своимъ «геніальнымъ перомъ» будетъ давать отчеты о дѣятельности русскихъ художниковъ въ Римѣ, какъ онъ своими отчетами приготовитъ государя и общество къ пониманію того, чтó у нихъ создается въ Италіи... Ивановъ совсѣмъ упоенъ такими планами. Онъ находитъ ихъ выполненіе верхомъ благополучія. Съ ихъ осуществленіемъ—казалось ему—должны прекратиться всѣ бѣдствія русскихъ художниковъ, подчасъ чуть не голодавшихъ въ Италіи...

Въ его пылкомъ воображеніи рисуется картина, какъ «князь будетъ руководить Киля... Чижову предложатъ званіе агента... Киль останется попечителемъ художниковъ 3-го званія и имѣющихъ надобность въ помощи». Все это Ивановъ высказываетъ съ восторгомъ, въ душевной простотѣ... Въ заключеніи своего письма онъ сообщаетъ Гоголю копію съ бумаги, полученной отъ Зубкова [3]), и свой отвѣтъ на нее.

Письмо Иванова съ его наивными планами застало Гоголя въ еще болѣе сильномъ градусѣ разстройства и болѣзненнаго состоянія. Книга, на которую онъ возлагалъ столько надеждъ, т.-е. «Переписка съ друзьями», была уже отпечатана. Но Боже! въ какомъ она явилась видѣ изъ-подъ цензурныхъ тисковъ. Авторъ просто пораженъ: напечатана всего одна треть! Что сдѣлали съ нимъ? что сдѣлали съ его широкими надеждами?!.. Въ январѣ этого же года онъ получилъ извѣстіе о смерти

---

[1]) Боткинъ, 229—232 стр.

[2]) Князь Волконскій.

[3]) Зубковъ служилъ секретаремъ у Киля.

Языкова... Напряженіе его нервовъ была чрезмѣрное; его мучила безсонница, онъ напролетъ не спалъ ночи. Самое лучшее было бы теперь не писать къ нему, не трогать его, но Ивановъ не зналъ настоящаго положенія Гоголя. Не смотря на свою наивность, и онъ бы не сталъ теперь писать о своихъ планахъ, еслибы грубое посланіе Гоголя раньше попало въ его руки. Свою вторичную ошибку онъ понялъ уже тогда, когда было поздно.

Не трудно догадаться, что второе письмо Иванова подкладывало порохъ въ огонь. Гоголь разсвирѣпѣлъ, пришелъ въ бѣшенство. Онъ рвалъ, металъ, не сознавалъ, что говоритъ, совсѣмъ былъ какъ больной.

О такомъ состояніи свидѣтельствуетъ его письмо отъ 4-го февраля 1847 года [1]), гдѣ самолюбіе и самомнѣніе его, сплетенныя съ идеей заботы о ближнемъ, достигли теперь высшихъ предѣловъ. Гоголь до глубины оскорбленъ: какъ осмѣлился Ивановъ ему, Гоголю, сдѣлать предложеніе — занять мѣсто секретаря?! Ему занять такое мѣсто—ему, который поглощенъ дѣломъ, требующимъ, можетъ быть, «побольше полнаго посвященія» Ивановымъ своего времени?! Онъ не въ силахъ разрѣшить, «какъ настолько абсурдная идея, такой безумный планъ могъ войти въ голову!» Останавливается только на предположеніи, что Ивановъ не съумѣлъ хорошенько сообразить то, что говоритъ Гоголь. Чуть не въ каждомъ словѣ онъ находитъ преступленіе, оскорбленъ даже тономъ письма, которое, какъ припомнимъ, было писано съ душевной простотой, въ восторгѣ отъ осѣнившей измученную голову пріятной мечты. Но Гоголь, вмѣсто увлеченья, видѣлъ въ письмѣ заносчивость. «По слогу письма можно подумать,—говоритъ онъ,—что это пишетъ полномочный человѣкъ: герцогъ Лейхтенбергскій или князь Петръ Михайловичъ Волконскій—по крайней мѣрѣ. Всякому величаво и съ генеральскимъ спокойствіемъ указывается его мѣсто и назначеніе. Словомъ, какъ бы распоряжался здѣсь какой-то крѣпышъ, а вовсе не тотъ человѣкъ, котораго въ силахъ смутить и заставить потеряться на цѣлый мѣсяцъ первая бумага Зубкова»...

Гоголь придирается ко всякому слову, ко всякому выраженію; усматриваетъ въ нихъ то, что̀ представляли ему больные нервы, и въ отмщеніе за это язвитъ Иванова. Даже то искреннее выраженіе о «геніальномъ перѣ»—Гоголь нашелъ оскорбительнымъ. «И какія странныя выраженія: писать я ихъ (отчеты) дол-

---

[1]) Таже рукопись Рум. музея.

женъ «геніальнымъ перомъ!» Стóятъ отчеты о ничемъ геніальнаго пера?»..

Вотъ какія слова вырвались у Гоголя о той работѣ, за которую онъ такъ возвеличивалъ Иванова! Въ пылу болѣзненнаго изступленія онъ называетъ эту самую картину «ничто». И ни малѣйшей мысли, что такимъ словомъ можетъ глубоко оскорбить Иванова. Безъ сомнѣнія, все это есть слѣдствіе болѣзни, его въ конецъ расшатавшихся нервовъ.

Наговоривши такихъ холодно жесткихъ словъ, Гоголь снова впадаетъ въ тонъ учителя, проповѣдника, озабоченнаго спасеніемъ души своего ученика. «Ради Бога оглянитесь на самого себя» и т. д. Но этого тона добраго учителя Гоголь не выдерживаетъ до конца и снова разсыпаетъ въ изобиліи жесткія слова. «Стыдно вамъ! Пора бы вамъ уже наконецъ перестать быть ребенкомъ!» А при мелькнувшей опять непріятной мысли, что Ивановъ надѣется на Апраксина, а не на него, Гоголя, мигомъ съ новой удвоенной силой закипаетъ въ немъ оскорбленное самолюбіе... Въ пылу гнѣва Гоголь почти грозитъ разорвать отношенія съ Ивановымъ. «Мнѣ просто не слѣдовало бы вамъ отнынѣ ни говорить, ни писать ни о чемъ, а прекратить всякія сношенія: отъ словъ моихъ я не вижу никакой пользы»...

Имѣя въ виду такого жесткаго письма несомнѣнное исправленіе своего любимца, Гоголь въ концѣ всю вину Иванова приписываетъ злому духу, «обольщающему, разгорячающему воображеніе ваше, поселяющему въ васъ дымное надмѣніе самимъ собой и увѣренность въ умѣ своемъ, заставляющему васъ влюбляться въ собственныя мысли, изъ которыхъ иныя, если и не глупы въ своемъ основаніи, то выразятся у васъ въ такомъ видѣ, что скорѣй походятъ на бредъ человѣка въ горячкѣ».

Такая смѣсь безпощадной жестокости, вонзающей самыя острыя иглы—рядомъ съ заботой о душѣ и самоисправленіи, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о глубоко ненормальномъ состояніи писавшаго. Тѣмъ болѣе, что—какъ онъ самъ говоритъ въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ—вся эта операція производилась ради исправленія самой жертвы, не перестававшей по-прежнему быть для Гоголя дорогимъ существомъ.

V.

Ивановъ—какъ знаетъ читатель—и безъ того былъ измученъ своимъ положеніемъ, и безъ того былъ въ тревогѣ, когда пришло первое письмо Гоголя. Онъ былъ пораженъ, опечаленъ,

убитъ. Тонъ письма былъ слишкомъ неожиданъ даже для него, который близко зналъ Гоголя... Но не успѣлъ еще Ивановъ хорошенько опомниться, придти въ себя, какъ получилъ вслѣдъ за первымъ второе письмо Гоголя отъ 4-го февраля, пересланное съ графиней Толстой. Онъ не въ силахъ рѣшиться прочесть его: онъ боится повторенія упрековъ, настолько боится новыхъ жесткихъ словъ, что не рѣшается распечатать письмо. Откладываетъ его въ сторону и пишетъ Гоголю, что готовъ— если что нужно отъ него Николаю Васильевичу — пріѣхать къ нему въ Неаполь, лишь бы не мучить себя чтеніемъ его письма: «такъ какъ письма ваши изъ Неаполя,—поясняетъ онъ,—превышали всѣ непріятности, какія мнѣ случилось претерпѣть эту зиму» [1]).

Тяжело, больно было Иванову слышать жесткія слова отъ своего любимаго, всегда къ нему добраго наставника! Ему «легче пріѣхать, чѣмъ прочесть письмо». Онъ не разсерженъ, онъ только огорченъ, убитъ. Онъ даже дѣлится съ Гоголемъ римскими новостями, сообщаетъ о пріѣздѣ В. В. Апраксина, объ отъѣздѣ Чижова и планахъ послѣдняго издавать журналъ.

Но едва онъ успѣлъ отправить письмо, какъ страшная боязнь, тревога охватила все его существо... Что онъ сдѣлалъ? Онъ отправилъ письмо, въ которомъ отказывался читать письма Гоголя, онъ предложилъ прекратить переписку?! Взволнованный онъ хватается за перо, хочетъ писать... Но прежде распечатываетъ и читаетъ послѣднее письмо Гоголя отъ 4-го февраля. Волненіе, разумѣется, еще болѣе усиливается... Ему кажется теперь, что онъ въ самомъ дѣлѣ оскорбилъ Николая Васильевича своими неразумными планами, и онъ проситъ у Гоголя прощенья. «Вы на меня разсердились, и это для меня всего непріятнѣй. Это правда, я не успѣлъ совершенно обдумать послѣдняго [2]) моего письма, и потому и вы его не такъ поняли. Писать о дѣлахъ моихъ я къ вамъ больше не буду—было бы совсѣмъ безразсудно изъ-за какого-нибудь неудачнаго одного выраженія терять, что досталось не легко—драгоцѣнное знакомство съ вами. Постараюсь подъ защитой молчанія не тратить моихъ силъ ни на что другое, какъ на мое дѣло въ студіи. Съ этой теократической системой все приметъ свою существенную законченность и что всего важнѣе—я успѣю возвратить опять ваше прежнее ко мнѣ расположеніе» [3]).

[1]) Боткинъ, стр. 234.

[2]) Ивановъ разумѣетъ письмо съ планами о новой должности для Гоголя.

[3]) Записная книж. Иванова, Рум. Музей, № 2194.

Но разъ жестоко проученный за необдуманно сказанное слово, Ивановъ боится послать и это письмо. Вылившись на бумагу, онъ нѣсколько успокоился. Разрывъ теперь не пугаетъ его, не кажется столько вѣроятнымъ, онъ принимается вторично писать Гоголю. Теперь онъ готовъ даже немножко попугать Н. В., попугать на счетъ того, что жесткое посланіе встревожило его «до болѣзненности». Въ заключеніе проситъ посовѣтоваться съ Циммерманомъ объ его болѣзни, такъ какъ чувствуетъ сильную боль въ сердцѣ и груди при каждой перемѣнѣ погоды [1]).

Урокъ, данный Иванову жесткими письмами, въ особенности послѣднимъ, гдѣ его безпощадно бичевали за легкомысленные планы, до того подѣйствовалъ на него, что онъ съ этихъ поръ сталъ сильно взыскателенъ ко всѣмъ своимъ словамъ, выраженіямъ... Съ этихъ поръ въ немъ начинаетъ обнаруживаться какая-то нерѣшительность, оглядка, совершенно новая черта въ его характерѣ. Она выступаетъ въ письмахъ не только къ теперь строгому и взыскательному Николаю Васильевичу, но даже и къ Чижову, котораго Ивановъ очень любилъ и съ которымъ довольно часто переписывался, и въ его корреспонденціи вообще. Теперь эта нерѣшительность мѣшаетъ ему удовлетвориться и второй приведенной формой письма. Онъ боится, что опять что-нибудь и здѣсь не понравится Гоголю... Ивановъ не зналъ, что жесткія письма были слѣдствіе болѣзни Гоголя. Совсѣмъ не написать, промолчать—Ивановъ не въ силахъ. Онъ сильно, глубоко любитъ Гоголя, чувствуетъ неудержимую потребность сгладить въ немъ впечатлѣніе своихъ послѣднихъ писемъ—тѣмъ болѣе, что онъ признаетъ теперь себя дѣйствительно виновнымъ. И вотъ опять принимается сочинять черновое... Только на этой третьей формѣ письма, напечатанной въ книгѣ г. Боткина, останавливается Ивановъ. Оно начинается словами: «Я былъ очень встревоженъ вашимъ письмомъ». Устрашающее слово —«до болѣзненности»—здѣсь уже выкинуто. Вмѣсто упрека за письмо, Ивановъ старается оправдать Гоголя въ произнесеніи жесткихъ словъ: вѣдь Гоголь не зналъ, когда писалъ, и теперь надлежащимъ образомъ не знаетъ настоящаго положенія Иванова, которое собственно и заставило его строить раздражившіе Гоголя планы?.. Познакомить съ своимъ положеніемъ, объяснить его онъ и сейчасъ не можетъ, «чтобы не задѣть никого»; «молчаніе есть единственное средство въ настоящую минуту, — прибавляетъ онъ:— скажу одно, что тогда только чувствую себя вполнѣ

[1]) Тамъ же.

сильнымъ, спокойнымъ и даже способнымъ служить другимъ, когда нѣтъ покушенія на мою независимость».

Послѣдними словами онъ намекаетъ на докучное понуканье окончить картину къ сроку, на свое тяжелое положеніе, которое было главной причиной его фантазій о секретарской должности для Гоголя. Онъ проситъ извинить его за письмо.

О болѣзни здѣсь нѣтъ ни слова. Но это вовсе не значило, что Ивановъ выздоровѣлъ, что ему стало лучше. Волненіе и непріятности, которыя онъ пережилъ въ прошлую зиму и испытывалъ, благодаря Гоголю всѣ первые мѣсяцы 1847 года, не прошли для него безслѣдно не только въ нравственномъ отношеніи—они отразились и на состояніи его здоровья. Стѣсненія въ груди стали сильно его мучить послѣ всѣхъ послѣднихъ непріятностей.

Его братъ, С. А., который жилъ съ нимъ въ Римѣ въ одной комнатѣ, принужденъ былъ написать объ этомъ Гоголю. Въ письмѣ онъ убѣдительно просилъ, какъ можно скорѣй, посовѣтоваться о болѣзни брата съ докторомъ Циммерманомъ, который жилъ въ это время въ Неаполѣ и очень извѣстенъ былъ между русскими художниками.

VI.

Въ концѣ февраля 1847 года Гоголь уже нѣсколько поуспокоился. «Нелѣпое» изданіе его «печально-знаменитой» книги («Переписка съ друзьями») теперь играло для него роль какъ бы нѣкотораго искуса, пробы для его собственнаго нравственнаго роста. Онъ ждалъ результатовъ отъ ея появленія въ публикѣ, съ нетерпѣніемъ ждалъ о ней печатныхъ и устныхъ отзывовъ, долженствовавшихъ раскрыть ему глаза на многое, до тѣхъ поръ невѣдомое, но весьма нужное для дальнѣйшаго созданія «Мертвыхъ душъ»... Такъ старается онъ впослѣдствіи объяснить и оправдать появленіе своей книги.

Получивъ два письма Иванова одно вслѣдъ за другимъ, онъ отвѣчалъ ему 25 марта, отвѣчалъ мягко, спокойно; совѣтовалъ «не гнѣваться»; говорилъ, что перечитывать его письма весьма полезно, «не смотря даже на то, еслибы они были и совершенно несправедливы» [1]). Этого «еслибы» Гоголь, разумѣется, не признавалъ за своими письмами, не смотря на свое теперь болѣе

[1]) Совр. 1858 г. XI, стр. 164.

спокойное состояніе... Его слова по прежнему казались ему справедливыми, такъ какъ онъ ими исполнялъ только волю Всевышняго.

Вслѣдъ за письмами Иванова, которыя говорили несомнѣнно, что онъ очень огорченъ, Гоголь вдругъ получаетъ упомянутое письмо его брата о болѣзни Иванова. Мысль, не онъ ли, Гоголь, тутъ причиною? не его ли письма огорчали художника и сдѣлались виною болѣзни? испугала его не на шутку. Онъ струсилъ и въ эту минуту готовъ признать свои письма «неумѣстными». Прочитавши письмо Сергѣя Андреевича, онъ тотчасъ бросился разъискивать Циммермана. Сообщилъ доктору все, что зналъ о болѣзни Иванова, и полученный отвѣтъ (тогда доктора не смущались давать совѣты заочно) сейчасъ же (22 апрѣля) переслалъ больному. При этомъ убѣдительно просилъ немедленно увѣдомить о полученіи письма [1]).

Мысль о душевномъ спасеніи себя и ближняго послѣ изданія «Выбранныхъ мѣстъ» все сильнѣй овладѣвала Гоголемъ. Она переходила теперь въ нѣчто упорное, хроническое. Гоголь весь былъ въ ея власти. И вдругъ черезъ него заболѣлъ художникъ, творецъ великой неоконченной еще картины!.. И это сдѣлалъ онъ, взявшій на себя исключительную миссію высшаго служенія!.. Вотъ какія мысли должны были охватить и тревожить Гоголя. Мы видимъ, что онъ не успокоился даже и послѣ отправки докторскихъ совѣтовъ: Черезъ два дня (24 апрѣля) онъ снова о томъ же пишетъ въ Римъ, только теперь не къ Иванову, а къ неизвѣстному [2]).

Первая половина этого письма уже была напечатана въ «Современникѣ» (1858 годъ № 11) и въ «Библіографическихъ Запискахъ» (1859 г. № 4). По этой половинѣ Кулишъ относитъ письмо къ апрѣлю 1845 года, къ пребыванію Гоголя во Франкфуртѣ. Найденная въ бумагахъ Иванова вторая половина письма,—по всему вѣроятію не бывшая въ рукахъ Кулиша,—даетъ возможность безъ всякихъ сомнѣній отнести его къ апрѣлю 1847 года.

Гоголь въ безпокойствѣ, чтобы не пропало его послѣднее письмо къ Иванову, пишетъ къ неизвѣстному, повторяя отъ слова до слова совѣтъ Циммермана; проситъ неизвѣстнаго сходить къ Иванову узнать—получилъ ли онъ его письмо и передать, что Циммерманъ самъ съ княземъ Волконскимъ ѣдетъ на дняхъ въ

---

[1]) Соч. Гоголя. Изд. 1857. VI, 183 стр.

[2]) Рукоп., № 2204.

Римъ, гдѣ Ивановъ будетъ имѣть возможность лично посовѣтоваться съ докторомъ.

Видно, что неизвѣстный былъ лицо близкое къ Иванову, иначе Гоголь не рѣшился бы ему высказывать свое недовольство художникомъ за послѣднее время. Вся вторая половина письма касается именно этого недовольства Ивановымъ, который не умѣетъ ждать и терпѣть. Гоголь проситъ неизвѣстнаго успокоить Александра Андреевича на счетъ его дѣлъ: все будетъ сдѣлано. «Я это ему давалъ знать,—пишетъ онъ,—и въ письмахъ, которыя такъ огорчили его (что для меня до сихъ поръ загадка), прося его хоть сколько-нибудь положиться на меня и не безпокоиться»...

Хоть Гоголь и не находитъ ничего огорчительнаго въ своихъ письмахъ (?), но уже сознается, что тамъ были «жесткія слова». Онъ никакъ не ждалъ, что отъ нихъ произойдетъ огорченіе, тѣмъ болѣе, что такія слова, казалось ему, онъ не разъ употреблялъ въ разговорахъ при личныхъ бесѣдахъ съ Ивановымъ... Онъ велитъ сказать Александру Андреевичу, что проситъ у него прощенья.

Но и въ этомъ письмѣ, писанномъ уже въ апрѣлѣ—значитъ, много спустя послѣ полученія раздражившихъ его писемъ Иванова,—и притомъ обращенномъ къ третьему лицу, Гоголь не могъ удержаться, чтобы не упомянуть насчетъ нанесенной ему Ивановымъ обиды: упованіи на пріѣздъ Апраксина! «Но я не знаю,—прибавляетъ онъ, выдавая свою скрытую досаду,—почему онъ (Ивановъ) не повѣрилъ моимъ словамъ?» [1]).

Но Гоголь помнитъ, что художникъ заболѣлъ отъ его писемъ и теперь больной сидитъ въ Римѣ безъ помощи. Черезъ нѣсколько дней Гоголь пишетъ Иванову маленькую записку, чтобы не ждалъ Циммермана, чтобы скорѣй совѣтовался съ мѣстнымъ врачемъ Аллерсомъ, такъ какъ Циммерманъ отложилъ поѣздку въ Римъ.

Кулишъ въ своей статьѣ: «Переписка Гоголя съ Ивановымъ» пріурочиваетъ и сейчасъ упомянутую маленькую записку къ 1845 году, ко времени леченья Гоголя въ Германіи, причемъ усматриваетъ необычайную заботливость больного Гоголя о художникѣ Ивановѣ. Но теперь, когда ясно, что эта записка и письмо къ неизвѣстному относятся ко времени 1847 года, къ болѣзни Иванова, въ которой Гоголь признаетъ себя виновнымъ —эта забота получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ даетъ

---

[1]) См. приложеніе, № 3.

ей біографъ Гоголя: оберегая Иванова, Гоголь отчасти оберегалъ себя, свой душевный покой. Ивановъ ему былъ несомнѣнно дорогъ, какъ творецъ «Явленія Христа», какъ человѣкъ, котораго онъ горячо любилъ, наконецъ теперь дорогъ былъ, какъ больной, захворавшій отъ его жесткихъ словъ.

VII.

Но вотъ Ивановъ снова получаетъ милыя, добрыя письма Гоголя, въ которыхъ звучитъ прежняя любовь дорогого учителя. Ивановъ тронутъ нѣжной заботливостью объ его здоровьѣ, и у него стало легче на сердцѣ... Въ это же время пріѣхалъ въ Римъ Апраксинъ. Онъ успокоивалъ тревоги художника насчетъ срочной работы, увѣрялъ, что никто больше не будетъ безпокоить его въ его студіи. И нѣсколько ободренный, какъ человѣкъ, съ плечъ котораго сняли пудовыя гири,—Ивановъ вдругъ взглянулъ на жизнь съ надеждой на то счастье, о которомъ онъ не смѣлъ думать.

Лѣтомъ 1847 года Ивановъ почувствовалъ въ себѣ приливъ новаго, давно не посѣщавшаго его чувства, отъ котораго, казалось, онъ былъ совсѣмъ гарантированъ. Онъ влюбился въ одну аристократку. Она, повидимому, охотно отвѣчала его чувствамъ, повидимому, готовился хорошій исходъ ихъ взаимному влеченію... По привычкѣ все говорить Гоголю, Ивановъ и на этотъ разъ, хотя и не ясно, намекнулъ въ письмѣ объ этомъ новомъ, дорогомъ ему чувствѣ, которому, скажемъ мимоходомъ, не пришлось благополучно развиться до конца: аристократка оказалась непостоянной...

Это письмо Иванова къ Гоголю, по всему вѣроятію, утрачено. Мы догадываемся объ его содержаніи по отвѣту Гоголя отъ 24 іюля, который напечатанъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» безъ означенія года, а въ «Современникѣ» неправильно отнесенъ къ 1844.

Успокоенный насчетъ здоровья Иванова, Гоголь опять наполняетъ свое письмо наставленіями и поученіями, хотя, правда, теперь уже безъ прежнихъ грубо-жесткихъ словъ, старается внушить Иванову, что надо благодарить Бога за всякія «нервическія разстройства», такъ какъ «они посылаются избранникамъ» и т. д. Все послѣднее письмо Иванова ему показалось туманнымъ. Онъ усмотрѣлъ въ немъ думы о домашнемъ очагѣ, о семейномъ бытѣ и женщинѣ.

Не трудно догадаться, какъ долженъ былъ Гоголь-схимникъ, приготовлявшійся къ поѣздкѣ въ Іерусалимъ и постоянно памятующій о будущей жизни, какъ долженъ былъ онъ отнестись къ сокровенной мечтѣ Иванова. Со всею силою своего краснорѣчія Гоголь старается внушить и доказать Иванову, что семейная жизнь не для него.

«Вы—нищій и не имѣть вамъ такъ же угла, какъ не имѣетъ его Тотъ, Котораго пришествіе дерзаете вы изобразить кистью»...

Но при этомъ Гоголь не забываетъ и о томъ, чтó тревожитъ Иванова, о принужденіи окончить картину къ сроку; сообщаетъ ему, что передано наслѣднику объ его болѣзни: «принуждать васъ окончить картину никто не будетъ... Стало быть на этотъ счетъ будьте покойны»... И заканчиваетъ письмо разсужденіемъ, что все «въ этомъ свѣтѣ опутано недоразумѣніями», прибавляя при этомъ надежду въ октябрѣ увидать Иванова [1]).

Уже давно стало замѣтно, что Гоголь терялъ свою житейскую мудрость, утрачивалъ присущее ему чутье, когда что сказать, о чемъ умолчать... Это охлаждающее письмо не могло задержать мечты Иванова, на минуту озарившей его жизнь. Письмо, желавшее категорически подавить, убить въ самомъ зародышѣ тайныя думы и мечты художника о надеждѣ на счастье,—должно было обидѣть, оскорбить Иванова и отдалить его отъ Гоголя,—дѣйствительно Ивановъ теперь не въ силахъ простить Гоголю, отнестись, какъ прежде, добродушно къ этому послѣднему, хотя и не суровому письму своего наставника. Здѣсь Гоголь попиралъ, отрицалъ возможность для Иванова счастья, а Ивановъ въ это время любилъ такъ крѣпко, какъ только можетъ любить человѣкъ, уже не разсчитывавшій на счастливую встрѣчу.

И Ивановъ обидѣлся. Онъ пишетъ Гоголю отвѣтъ, но не высказываетъ прямо всей горечи обиды. Онъ упоминаетъ о ней вскользь, отказываясь писать о своей жизни и обѣщая все разсказать при свиданіи, но при условіи: «если однакожъ вы прежде сознаетесь сами, что обидѣли меня многими выраженіями въ послѣднемъ письмѣ вашемъ»... Послѣднія слова относятся конечно къ наставленію Гоголя о семейномъ очагѣ, что онъ не для Иванова, что Ивановъ нищій и т. д.

Въ этомъ же письмѣ онъ соглашается съ Гоголемъ относительно недоразумѣній на этомъ свѣтѣ. «Что касается до моихъ

[1]) Совр. 1858 г. XI, стр. 146.

недоразумѣній,—прибавляетъ онъ,—то я надѣюсь, что они всѣ вдругъ разрѣшатся съ окончаніемъ моей картины, а до тѣхъ поръ я бы весьма желалъ и все употреблю, чтобы всѣ и вы считали меня за мертваго человѣка». Далѣе письмо принимаетъ совершенно новый для Иванова тонъ, какимъ говоритъ самъ Гоголь за послѣднее время, касаясь своей работы. «Этимъ спасется мое время,—продолжаетъ Ивановъ,—сосредоточатся силы, столь нужныя къ совершенному окончанію дѣла. Избавится душа изъ страданій, какія безпрестанно являются отъ различныхъ несовершенствъ соприкасающихся ко мнѣ людей» [1]).

Этотъ новый тонъ какъ бы говоритъ, что Ивановъ не хочетъ больше признавать себя ученикомъ, съ которымъ теперь всякія отношенія становятся тяжелы, а тѣмъ болѣе ученическія, въ какихъ стоялъ Ивановъ. Желая освободиться изъ подъ опеки Гоголя, Ивановъ говоритъ съ нимъ какъ можетъ говорить самостоятельный человѣкъ, сознающій, что онъ и самъ можетъ быть учителемъ. Это не самомнѣніе, не гордость, которыя были чужды смиренной натурѣ Иванова, это попытка выдти изъ прежняго положенія...

Такъ писалъ онъ на-черно; а каково было бѣловое, да и вообще было ли послано это письмо къ Гоголю—неизвѣстно.

VIII.

Мы сказали, что Ивановъ въ послѣднемъ письмѣ не высказалъ всей степени своего недовольства Гоголемъ. Но, какъ человѣкъ экспансивный, онъ не въ силахъ скрыть непріязненнаго чувства къ нѣкогда дорогому человѣку. Ивановъ дѣлится этимъ чувствомъ съ С. П. Апраксиной въ одномъ изъ не напечатанныхъ до сихъ поръ писемъ.

«...Жаль, что въ запискѣ выдаетъ мнѣ чувства свои Николай Васильевичъ. Онъ какъ-то все не можетъ примириться съ мыслью, что художникъ такъ же въ свою очередь можетъ быть, какъ и онъ .... [2]) человѣкомъ. Я съ нимъ на скоромъ свиданіи. Любопытно, какимъ-то онъ меня гостинцемъ употчуетъ»... [3]).

Вотъ какъ смотритъ теперь Ивановъ на Гоголя! Теперь уже и рѣчи нѣтъ объ утѣшеніи или поддержкѣ: Ивановъ догадывается, что съ Гоголемъ что-то не ладно, но что собственно—не знаетъ.

---

[1]) Записн. книж. Иванова, рук.№ 2194.

[2]) Не разобрано слово.

[3]) Записн. книжка.

Онъ считаетъ теперь его способнымъ ежеминутно угощать сюрпризами. И этотъ взглядъ свой съ оттѣнкомъ недовольства онъ высказываетъ въ письмѣ къ гр. Апраксиной.

И въ этомъ поступкѣ Ивановъ опять оказывается прежнимъ близорукимъ, незнающимъ жизни человѣкомъ. Дѣло въ томъ, что для Апраксиной, Шаховской и Толстыхъ Гоголь представлялся непогрѣшимымъ, почти святымъ. Апраксина, понятно, не могла взять, въ отношеніяхъ обоихъ друзей, сторону менѣе для нея совершеннаго и менѣе ей знакомаго человѣка, чѣмъ Николай Васильевичъ—ея давнишній другъ. Легко понять, что она въ данномъ случаѣ меньше всего могла быть безпристрастнымъ судьей.

Ивановъ понялъ это только по полученіи отъ нея отвѣта; но и понялъ опять совсѣмъ иначе, чѣмъ слѣдовало; именно такъ, какъ того требовало его душевное настроеніе, а не на основаніи дѣйствительныхъ обстоятельствъ, лицъ и положеній.

Одновременно съ сознаніемъ, что не надобно говорить гр. Апраксиной ничего непріязненнаго о Гоголѣ, Ивановъ пишетъ въ своей «Записной книжкѣ»: «Благодать и истина, ниспосланныя въ особѣ Христа, запечатлѣнныя кровію Его на крестѣ, бываютъ признаны людьми только при концѣ своей жизни. Тотъ только человѣкъ, раскаявшись въ прошедшихъ своихъ мерзостяхъ у гроба своего, желаетъ жить непорочно и съ этой мыслью исчезаетъ съ земли»...

Согласно такому настроенію, онъ находилъ главную ошибку съ своей стороны въ томъ, что не былъ «на-сторожѣ своего гнѣва»; что ему не слѣдовало «потворствовать дурному расположенію духа своего»; что онъ поддался гнѣву, «который — какъ черная страсть человѣка — не стоитъ ничего въ сравненіи съ будущими благими цѣлями...» [1]).

Изъ сдѣланной выписки видно, что, несмотря на разладъ съ Гоголемъ, мысли Иванова были заняты все тѣми же вопросами о будущей жизни и самоприготовленіи къ ней. Видно, что взгляды обоихъ художниковъ теперь были разныхъ степеней и градацій, въ главномъ же они вовсе не представляли тѣхъ крайностей и радикальныхъ противоположностей, на которыхъ настаиваетъ г. Боткинъ въ своей книгѣ.

Фактъ пошатнувшихся и теперь почти въ конецъ расшатавшихся отношеній съ Гоголемъ теперь яснѣй сознавался Ивановымъ и, разумѣется, не могъ пройти для него легко и безслѣдно. Онъ заставилъ задуматься надъ людскими отношеніями вообще.

---

[1]) Записн. книжка.

Мысли эти преслѣдовали Иванова даже и во снѣ. Лѣтомъ 1847 года онъ записалъ одинъ изъ видѣнныхъ имъ такихъ сновъ... «Передъ пріѣздомъ Михайлова [1]), мнѣ не спалось. А въ ночь съ четверга на пятницу приснились мнѣ какія-то смуты, тысячи препятствій, въ которыхъ терпѣлъ я болѣе Михайлова. И вдругъ — какое-то разстояніе, и мы вмѣстѣ уже на самыхъ прочныхъ началахъ. Наша жизнь текла такъ миролюбиво и въ такомъ глубокомъ довольствѣ, что всѣ ей удивлялись, называя ее окончаніемъ «русской сказки». А мы между тѣмъ дивились людямъ, намъ удивляющимся, и не могли понять, чему они дивятся, тогда какъ каждому изъ нихъ можно жить такимъ же образомъ».

Здѣсь ясно видно, какъ сильно была поражена и занята голова Иванова совершившимся переломомъ въ такихъ прочныхъ отношеніяхъ, какія сложились у него съ Гоголемъ — на протяженіи почти десяти лѣтъ, въ отношеніяхъ, опиравшихся, на одинаковые идеалы и стремленія... Это потрясло Иванова.

IX.

Вопросъ о срочной работѣ, такъ мучившій Александра Андреевича и въ которомъ его успокоивалъ Апраксинъ и Гоголь, теперь по прежнему казался висящимъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ. Еще въ письмѣ къ гр. Апраксиной отъ октября 1847 года онъ опять проситъ оградить его отъ требованія срочной работы. Осенью того же года намекаетъ въ письмѣ къ Апраксиной, что «не будучи въ силахъ бороться съ правительственными лицами, ждетъ Николая Васильевича, чтобы воспользоваться отъ него опытностью»... Но это уже слова по привычкѣ, далекое эхо прежняго.

Личныя безпокойства Иванова теперь совпали съ политическими смутами Италіи, которыя не давали замкнуться художнику въ его студію, не давали ему работать. Къ Гоголю послѣ его писемъ, а также и послѣ личнаго, хотя — правда — короткаго свиданія съ нимъ въ Римѣ, онъ считалъ теперь за лучшее не писать: онъ понималъ, что могъ легко нарваться еще на большія, новыя непріятности. А онъ и безъ того измученъ...

Гоголь же тревожился непривычнымъ молчаніемъ Иванова, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя неловко относительно А. А. Онъ хотя и говорилъ, что не понимаетъ, что оскорбитель-

---

[1]) Художникъ.

наго въ его письмахъ нашелъ Ивановъ, но видимо въ душѣ сознавалъ, что виноватъ. Молчаніе Иванова онъ объяснялъ обидой, а главное—боязнью А. А. снова услыхать жесткія слова. Оставаясь по прежнему въ своихъ чувствахъ неизмѣннымъ къ любимому художнику, онъ и въ мысляхъ не допускалъ возможности какого-нибудь серьезнаго разлада. Гоголь не подозрѣвалъ его даже тогда, когда не существовало больше и тѣни прежнихъ отношеній къ нему Иванова... Теперь ему казалось—не будь у Иванова боязни, все пойдетъ по старому. Слѣдовательно, надо стеречь произведенное впечатлѣніе и уничтожить боязнь. И съ этою цѣлью Гоголь въ письмѣ къ Иванову старается разъяснить, умалить значеніе жесткихъ словъ, отказывается отъ нихъ на будущее и «проситъ» Иванова писать. «Пожалуйста, увѣдомляйте отъ времени до времени,—пишетъ онъ 5 декабря 1847 г.,—о томъ, что дѣлается какъ въ васъ, такъ и около васъ. Не опасайтесь отъ меня жесткихъ писемъ, я ихъ теперь даже и не съумѣю написать, ибо вижу, если нужно кого попрекнуть, такъ это больше себя, а не другого» [1]).

Но если въ этомъ письмѣ и нѣтъ обидныхъ жесткихъ словъ, ихъ смѣнило здѣсь смиреніе, самобичеваніе, говорившія все за то же болѣзненное состояніе автора. Здѣсь уже нѣтъ той увѣренности въ себѣ, какою дышали всѣ рѣчи Гоголя до выхода въ свѣтъ «Переписки съ друзьями». Происшедшее съ его книгой фіаско вдругъ сбило его съ пьедестала увѣренности. Ивановъ съ содроганіемъ вспоминаетъ черезъ 10 лѣтъ о томъ ужасномъ впечатлѣніи, какое произвело на Гоголя всеобщее осужденіе его книги («Восп. Тургенева объ Ивановѣ»).

Какъ извѣстно, кромѣ статьи въ «Современникѣ», Бѣлинскій еще рѣзче, еще рѣшительнѣе высказалъ свой взглядъ на «Переписку съ Друзьями» въ своемъ извѣстномъ письмѣ Гоголю. Онъ, первый указавшій публикѣ на Гоголя—говоритъ теперь этому самому Гоголю: «Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки».

Гоголь былъ потрясенъ. «Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено... Не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженіе...», писалъ онъ въ отвѣтъ Бѣлинскому. Онъ на мигъ какъ будто понялъ, что взялся за такую роль, которой ему никто не поручалъ. Но возвратъ къ давно прошлому былъ уже невозможенъ. Оставалось одно—спускаться

[1]) Соч. Гоголя. Изд. 1857 г., VII, стр. 432

дальше по той же плоскости, но уже безъ прежней бодрости, съ огорченіемъ.

Послѣ неудачи съ книгой Гоголь впадаетъ въ страшно-грустный, самобичующій тонъ. Теперь онъ не только не разрываетъ съ Ивановымъ, при видѣ его упорнаго молчанія, онъ, какъ женщина, надъ которой иронизируетъ Пушкинъ: чѣмъ упорнѣе молчитъ Ивановъ, тѣмъ чаще ему пишетъ Гоголь, тѣмъ настойчивѣе убѣждаетъ писать о себѣ.

Живя вдали отъ литературнаго міра своей родины, Ивановъ не зналъ о судьбѣ, какая постигла книгу Гоголя; потому не понимаетъ и настоящей причины его смиреннаго самобичующаго тона. Онъ видитъ въ письмѣ перемѣну чувства Гоголя только лично къ нему. «Очень пріятно мнѣ было, — пишетъ онъ въ отвѣтномъ черновомъ, — чувствовать письменное преобразованіе въ отношеніи ко мнѣ отъ 5 декабря». Но проученный Ивановъ уже теперь не вѣритъ въ продолжительность такой перемѣны и отказывается писать о себѣ. Находитъ это «совершенно несообразнымъ съ своимъ настоящимъ положеніемъ». «Я бы желалъ молчать, ибо въ этомъ только нахожу свое спасеніе...» — Это письмо по своему рѣшительному, тону поражаетъ читателя. Оно говоритъ уже за несомнѣнно образовавшуюся внутреннюю рознь и за проблескъ чего-то новаго въ Ивановѣ... Этотъ проблескъ дѣйствительно былъ, но былъ не на долго, послѣ чего оскорбленный въ своемъ лучшемъ чувствѣ, А. А. захандрилъ, уединился, никуда не показывался. У него стала сильно развиваться мнительность насчетъ отравы...

Разгадкой, ключемъ къ этому новому настроенію долженъ быть, рядомъ съ совершающимися въ Римѣ политическими событіями и личной жизнью Иванова, пріѣздъ въ Римъ А. И. Герцена. Ивановъ, видаясь съ Герценомъ, не могъ не заслушиваться его, всегда говорившаго искренно, съ увлеченіемъ, не могъ не подпасть, хотя не на долго, вліянію этого не менѣе Гоголя сильнаго человѣка. Это вліяніе отражается въ сейчасъ упомянутомъ черновомъ письмѣ Иванова. «Герценъ сильно возстаетъ противъ вашей послѣдней книги, — пишетъ онъ здѣсь. — Жаль что я ее не читалъ».

Необычайная, совсѣмъ не свойственная натурѣ Иванова холодность съ начала до конца проникаетъ все письмо. Ивановъ здѣсь даже иронизируетъ надъ бѣднымъ Гоголемъ. «Племянница моя почувствовала ко мнѣ глубокое уваженіе вслѣдствіе вашего обо мнѣ тамъ (т.-е. въ «Перепискѣ») письма. Отецъ началъ

посылать деньги. Академія устыдилась и изумилась и, полагаю, что вслѣдствіе сего ко мнѣ на полгода (выслала) содержаніе»[1]).

Но такой жесткой смѣлости у него хватило не на долго. Переписывая письмо на бѣло, онъ—надо думать—въ конецъ измѣнилъ его. Вмѣсто категорическихъ словъ о себѣ и мнѣніи Герцена о «Перепискѣ», Ивановъ, должно быть, спрашивалъ у Гоголя, какого онъ мнѣнія Герценѣ. Объ этомъ мы догадываемся по отвѣтному письму Гоголя.—«Герцена я не знаю,—пишетъ онъ,—но слышалъ, что онъ благородный и умный человѣкъ, хотя—говорятъ—черезъчуръ вѣритъ въ благодатность нынѣшнихъ европейскихъ прогрессовъ и потому врагъ всякой русской старины и коренныхъ обычаевъ. Напишите мнѣ, какимъ онъ показался вамъ, что дѣлаетъ въ Римѣ»[2]).

Мы упомянули раньше, что А. А. отъ личныхъ невзгодъ и разныхъ непріятностей захандрилъ, сталъ избѣгать людей, опять замкнулся въ своей студіи. Потому пересталъ ходить и къ Герцену. Вліяніе послѣдняго имѣло шансы взять верхъ, такъ какъ Ивановъ упорно искалъ истины, не пугаясь представляющихся крайнихъ предѣловъ, не страшась людского мнѣнія.[3]).

Но Герценъ скоро оставилъ Римъ и уѣхалъ въ Лондонъ.

X.

Все время, начиная съ декабря 1846 г. вплоть до отъѣзда Гоголя навсегда въ Россію, отношенія его и Иванова — какъ видимъ—представляли нѣчто трагическое.

Оба они были не спокойны; оба съ разстроенными нервами, оба заняты самоусовершенствованіемъ и дорогимъ трудомъ; оба по прежнему любили другъ друга. Но при этомъ одинъ до того проникнутъ пророческимъ духомъ, что не въ силахъ удержаться отъ суровыхъ словъ долженствующихъ исправить людей. Другой же въ своемъ разстройствѣ, болѣзненномъ настроеніи не въ силахъ слышать, выносить эти слова...

И вотъ, только-что Ивановъ попробуетъ заговорить прежнимъ обычнымъ языкомъ, только что взглянетъ на Гоголя прежнимъ любовнымъ взглядомъ, Гоголь мигомъ забросаетъ его жесткими словами... Ужаленный, Ивановъ сожмется, уйдетъ въ

---

[1]) Зап. книжка, рук. № 2194.

[2]) Соч. Гоголя. Изд. 1857 г. VI т., стр. 441.

[3]) Совр. 1858 г. XI, стр. 178.

свою работу съ твердымъ рѣшеніемъ больше не говорить, молчать. Но его молчаніе безпокоитъ Гоголя, и Гоголь *смиренно* проситъ Иванова писать, вѣрить въ его любовь, не обижаться его словами, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія обидѣть,—обѣщаетъ больше не говорить такихъ словъ... Ивановъ—размягчается, пишетъ опять... Но вслѣдъ за этимъ снова сыплются жесткія слова, получается новый уколъ, а за нимъ новый отпоръ и т. д.

Въ душѣ, какъ мы видѣли, Ивановъ прощалъ жесткія слова, но до тѣхъ поръ, пока Гоголь не ополчился противъ его личнаго счастья,... Въ это же время Ивановъ началъ понимать, что прежняго Н. В. какъ бы не существовало, а былъ на мѣсто его странный, раздражительный человѣкъ, отношенія съ которымъ становились тяжелы. Гоголь еще съ 1846 года нѣсколько разъ намекалъ въ своихъ письмахъ къ Иванову, что онъ устроитъ, обдѣлаетъ всѣ его дѣла; дастъ понять въ Петербургѣ, что значитъ такая работа, какъ работа Иванова; объяснитъ, что такое собственно его картина: «Явленіе Христа». Но никогда никому, даже самому Иванову онъ ни разу не намекалъ, что помѣститъ о немъ въ «Выбранныхъ Мѣстахъ» большое письмо къ гр. Вьельгорскому, подъ названіемъ: «Историческій живописецъ Ивановъ». Въ этомъ письмѣ Гоголь старается обратить вниманіе на крайнюю бѣдность художника; проситъ посредничества графа Вьельгорскаго, чтобы Иванову дали возможность окончить картину, которая есть «небывалое явленіе»; старается оправдать Иванова отъ обвиненій въ медлительности—обвиненій которыя сыпались на него съ разныхъ концовъ. Одну изъ главныхъ причинъ медлительности, кромѣ бѣдности художника, тщательности работы, изученія матеріала, Гоголь видитъ въ душевномъ пересозданіи самого творца. «Художникъ можетъ изобразить только то, что онъ почувствовалъ и о чемъ въ головѣ его уже составилась полная идея». «Пока въ самомъ художникѣ не произошло истиннаго обращенія ко Христу, не изобразить ему того на полотнѣ». Требуя для Иванова денежной помощи, онъ прибавляетъ: «Не скупитесь: деньги всѣ вознаградятся», такъ какъ «подобнаго явленія — весь Римъ говоритъ — еще не показывалось отъ времени Рафаэля и Леонарда де-Винчи». И тутъ же оцѣниваетъ картину на деньги цѣною, какъ оказывается теперь, далеко превзошедшею ту, которою былъ вознагражденъ художникъ послѣ своей смерти [1]). «Такимъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста

[1]) Ему дали за картину 15,000 р.

или двухъ сотъ тысячъ». Рисуя далѣе уединенную, анахоретскую жизнь Иванова, Гоголь самовластно прибавляетъ, что художникъ отогналъ отъ себя «даже мысль завестись когда-либо женою и семействомъ»...

Ивановъ уже не разъ слышалъ о появленіи этого письма, но до декабря 1847 года не читалъ его, главнымъ образомъ потому, что не могъ достать книги. Экземпляръ, посланный Гоголемъ, гдѣ-то затерялся. Узнавъ объ этомъ, Н. В. вырвалъ письмо «О живописцѣ Ивановѣ» и прислалъ ему въ Римъ.

А. А. прочелъ и остался доволенъ,—доволенъ до того, что надломленное чувство искреннихъ отношеній къ Гоголю вдругъ разомъ вспыхнуло въ немъ со всей прежней силою. Онъ почувствовалъ громадный приливъ прежней горячей, искренней любви къ Гоголю, приливъ, мигомъ уничтожающій все непріязненное, всѣ образовавшіяся недоразумѣнія, разливающій въ душѣ одинъ покой, одно теплое чувство. И онъ тотчасъ взялся за перо. Ивановъ до безконечности радъ возобновленію этого чувства, которое позволяетъ ему сказать Гоголю по чистотѣ, отъ сердца: «Цѣлую и обнимаю васъ въ знакъ совершеннаго съ вами замиренія и возвращаюсь опять въ то положеніе, когда, смотря на васъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, вѣрилъ и покорствовалъ вамъ во всемъ» [1]).

Ивановъ не столько доволенъ прославленіемъ, какимъ награждаетъ его Гоголь въ «Перепискѣ», но, какъ искренній любящій человѣкъ, онъ чувствуетъ радость, душевное облегченіе, что можетъ теперь снова внутренно примириться съ Гоголемъ. Это весьма характерно для теплой, искренней натуры А. А., который не могъ жить безъ любви, безъ кумировъ, безъ привязанности до увлеченія.

Изъ письма къ Вьельгорскому онъ видѣлъ несомнѣнно, что Гоголь сильно былъ занятъ его участью и что онъ, Ивановъ, былъ не правъ, не полагаясь всецѣло на содѣйствіе Гоголя. Онъ видѣлъ, что Гоголь уважалъ его, уважалъ и тотъ трудъ, которымъ жилъ Ивановъ и о которомъ Гоголь такъ враждебно выразился въ своемъ «жесткомъ письмѣ»: «стоятъ отчеты о ничемъ геніальнаго пера?» Теперь письмо къ гр. Вьельгорскому разомъ смывало все, что наслоилось въ душѣ отъ жесткихъ словъ. Ивановъ не могъ не убѣдиться, какимъ глубокимъ уваженіемъ были

---

[1]) Это письмо г. Боткинъ въ своей книгѣ относитъ къ началу 1848 г. Оно несомнѣнно относится къ декабрю 1847 г., такъ какъ отвѣтъ на него, до сихъ поръ еще не бывшій въ печати, помѣченъ самимъ Гоголемъ 28 декабря (1847 г.).

проникнуты слова Гоголя объ его работѣ, его жизни. Несомнѣнно его любили, признавали христіаниномъ, изъ ряда вонъ выходящимъ. И признавалъ тотъ самый Гоголь, который писалъ ему: «Не каверзничайте!», признавалъ теперь публично на всю Русь... Одно только не совсѣмъ понравилось Иванову въ этомъ печатномъ письмѣ, одно онъ находилъ не вѣрнымъ: это слова, «что Ивановъ ведетъ жизнь истинно монашескую». Художникъ признавался, что не прочь бы жениться на монахинѣ, озабоченной своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ.—Гоголь въ это время сильно былъ занятъ нападками на его книгу и своими спасительными думами и потому не въ силахъ былъ вдуматься, понять и оцѣнить все значеніе, весь смыслъ этого «замирительнаго» письма. Онъ понялъ его такъ: теперь Ивановъ больше не обижается и не боится,—все пойдетъ по старому... Но въ то же время, услыхавъ прежній любящій, покорный голосъ Иванова, онъ тутъ же въ отвѣтномъ письмѣ [1]) переходитъ опять къ сурово-наставительнымъ рѣчамъ. Заговоривши о неудачѣ своей книги, Гоголь высказываетъ, что нападки на нее считаетъ отчасти справедливыми. «Я ее выпустилъ весьма скоро послѣ моего болѣзненнаго состоянія, когда ни нервы, ни голова не пришли еще въ надлежащій порядокъ». И при этомъ опять высыпаетъ «жесткія слова». «Я поторопился точно такимъ же образомъ, какъ любите торопиться вы, и впутался въ дѣло, прежде, чѣмъ показалъ на это право». Онъ признавалъ за собой несомнѣнную вину—поспѣшность изданія. Она все испортила. Съ такой книгой необходимо было повременить, если желалось ея результатовъ. «Нужно было не соваться, прежде, чѣмъ не сдѣлать свое собственное дѣло». Подъ собственнымъ дѣломъ Гоголь, конечно, разумѣлъ самоусовершенствованіе, пересозданіе самого себя. И теперь со всею силою предался этимъ мыслямъ, неразрывно связаннымъ съ поѣздкою въ Іерусалимъ. Онъ въ этомъ письмѣ даже дѣлаетъ нѣсколько распоряженій на счетъ хранящихся у Моллера [2]) денегъ на случай своей смерти во время предстоящаго дальняго путешествія.

Желая подѣлиться съ А. А. результатами своей опытности и мудрости, онъ рядомъ съ укоризной смиренно прибавляетъ: «какія только (т.-е. опытность и мудрость) пребываютъ въ моей бѣдной головѣ». И вслѣдъ за этимъ начинаетъ проповѣдь: «работая свое дѣло, нужно твердо помнить, для кого его работаешь,

---

[1]) Рукоп. № 2204.

[2]) Художникъ, жившій въ Римѣ.

имѣя безпрестанно въ виду того, кто заказалъ намъ работу... Стало быть, заказыватель—Богъ, а не кто другой... Мнѣ нѣтъ дѣла до того, кончу ли я свою картину, или смерть меня застанетъ на самомъ трудѣ... Если бы моя картина погибла, или сгорѣла передъ моими глазами, я долженъ быть такъ же покоенъ, какъ еслибы она существовала, потому что я не зѣвалъ, я трудился. Онъ допустилъ, что она сгорѣла—это его воля»...

Мы припомнимъ, въ какомъ подавленномъ, разбитомъ состояніи былъ Гоголь, послѣ всѣхъ нападокъ, которые обильно сыпались равно какъ на книгу, такъ и на ея автора. И вотъ мы видимъ, что, внушая Иванову аскетическія мысли насчетъ работы, Гоголь какъ бы ищетъ въ этихъ самыхъ словахъ утѣшенія для самого себя; старается убѣдить себя, что земная слава ничто. «Кто не можетъ такъ мыслить,—продолжаетъ онъ,—въ томъ, значитъ, еще много есть тщеславія, самолюбія, желанія временной славы и земныхъ суетныхъ помышленій»... [1]) Такими словами и мыслями Гоголь хочетъ утишить въ себѣ тоску и нестерпимо-тяжелые уколы.

XI.

Разумѣется, не такого отвѣта ждалъ Ивановъ на свое замирительное письмо. Отвѣтъ съ упрекомъ въ поспѣшности рѣшительно расхолаживалъ ожившее въ немъ чувство. Теперь было уже несомнѣнно, что прежняго не вернуть; что попытка замириться не удалась и главное—уже не можетъ удаться. Къ тому же Ивановъ и обидѣлся на сдѣланный упрекъ. Онъ,—какъ мы знаемъ изъ замирительнаго письма,—былъ разстроенъ, пугался людей, избѣгалъ общества и даже къ Герцену не ходилъ. Теперь свою обиду онъ прямо высказываетъ Гоголю, не боится уже разстроить его. Но Гоголь не признаетъ въ письмѣ никакой обиды. «Бога ради, не будьте такъ подозрительны,—говоритъ онъ,—и не приписывайте простымъ словамъ сокровеннаго смысла, желанія васъ обидѣть какимъ-то обиднымъ заключеніемъ»... Но теперь, чтобы умалить силу наслоившихся непріятныхъ впечатлѣній, эти разъясненія были уже безполезны. Спокойствіе художника то-и-дѣло нарушалось, нервы безпрестанно разстраивались между прочимъ и тѣми изъ послѣдствій печатнаго письма Гоголя, которыя шли въ разрѣзъ съ его характеромъ, и потому были для него непріятны.

---

[1]) См. приложеніе, № 4.

Какъ и надо было ожидать, печатное письмо Гоголя не прошло безслѣдно. И академія, и племянница, и даже отецъ,—какъ иронизировалъ Ивановъ въ одномъ изъ вышеприведенныхъ черновыхъ писемъ,—словомъ, даже близко знавшіе его послѣ письма Гоголя отнеслись къ Иванову иначе, какъ къ новому для нихъ человѣку. Для другихъ Ивановъ былъ буквально открытъ Гоголемъ, какъ рѣдкая помпейская находка, до сихъ поръ лежавшая скрытой подъ залившей ее лавой. Его бросились разглядывать, разсматривать, какъ рѣдкость... Положеніе стоящаго на эстрадѣ, въ сторону которой устремлены сотни любопытныхъ глазъ,—для скромнаго Иванова должно было казаться не выносимымъ. И вотъ онъ въ утомленіи готовъ обвинить Гоголя за эту преждевременно сдѣланную публикацію о находкѣ. Онъ даже заноситъ это недовольство въ свою записную книжку. Тонъ, какимъ оно выражено, и самые мотивы недовольства такъ любопытны, что мы выпишемъ эту замѣтку, къ сожалѣнію, не вошедшую въ книгу г. Боткина:

«Николай Васильевичъ Гоголь сдѣлалъ меня извѣстнымъ, вывелъ на трескучую мостовую человѣческихъ страстей: ходя по буграмъ и кочкамъ, трудно идти, невозможно спокойно углубляться въ нисходящія думы. Этотъ опытный христіанинъ пропустилъ весьма важный фактъ христіанства, что прежде чѣмъ не вызрѣлъ человѣкъ и не почувствовалъ самъ себѣ окончанія, не должно ему выходить къ людямъ, которые по слабости своей природы всегда готовы загрузить избраннаго своими тяготами».

Обращаемъ вниманіе на послѣднія слова. Они свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ согласіи во взглядахъ Иванова съ Гоголемъ,—согласіи, продолжавшемся не смотря на окончательный разрывъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Ивановъ говоритъ здѣсь словно самъ Гоголь, тономъ человѣка, увѣреннаго въ своемъ призваніи, признаетъ себя «избранникомъ», котораго «загрузили» люди «своими тяготами».

Случалось и прежде, подъ вліяніемъ Гоголя, въ письмахъ Иванова проскальзывалъ пророческій тонъ; но вѣра въ себя, въ свое избраніе никогда еще не высказывалась у него въ такой степени, хотя правда, и теперь она была мимолетная, внушенная печатнымъ письмомъ Гоголя и—какъ его слѣдствіемъ—отношеніемъ къ нему всего общества. Даже лѣтъ десять спустя, Ивановъ пѣнялъ на Гоголя, уже сошедшаго въ могилу, зачѣмъ онъ такъ расхвалилъ его картину. «Николай Васильевичъ сдѣлалъ мнѣ много вреда похвалами: послѣ его словъ я не въ

правѣ выставить свою картину... Съ меня слишкомъ много спросится» [1]).

Хотя и къ нему, какъ къ Гоголю, обращались въ трудныя минуты жизни за утѣшеніемъ, но онъ очень рѣдко входилъ въ роль учителя. Чаще въ такихъ случаяхъ указывалъ на Н. В., даже и послѣ происшедшаго разлада, послѣ декабря 1847 года, какъ на «вѣрнаго совѣтника», «твердаго подкрѣпителя», «глубокаго сердцевѣда» [2]).

XII.

Разбитый, усталый, больной, Гоголь наконецъ, въ началѣ 1848 года рѣшаетъ предпринять давно желанное путешествіе. Но прежде чѣмъ пуститься въ путь, онъ хочетъ «очиститься отъ грѣховъ», со всѣми примириться; съ этой цѣлью пишетъ Иванову смиренное письмо отъ 18-го января 1848 года. Какъ на исповѣди, признается, что когда-то нѣкоторыми своими словами онъ дѣйствительно желалъ кольнуть Иванова съ благою цѣлью для него же самого: «желая васъ заставить,—поясняетъ онъ,—взять нѣкоторую власть надъ самимъ собой и устыдиться своего малодушія». Теперь, принося покаяніе, онъ признаетъ, что сдѣлалъ это «неловко», потому что судилъ объ Александрѣ Андреевичѣ по себѣ [3]). Опять уколъ, новая шпилька...

Въ послѣдней фразѣ такъ и сквозитъ той гордыней, которая сплетается съ смиреніемъ до такой степени тѣсно, что трудно дѣлается отобрать, рѣзко отдѣлить одну черту отъ другой въ его характерѣ. Въ этомъ сплетеніи кажется одно несомнѣннымъ, что смиреніе было въ Гоголѣ искусственной прививкой, стремленіемъ къ усовершенствованію, а гордыня—присуща его натурѣ.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Гоголь выѣхалъ въ Іерусалимъ. Но едва только онъ успѣлъ снова ступить на материкъ Европы, въ Константинополѣ, какъ вспоминаетъ объ А. А., посылаетъ ему записку съ увѣдомленіемъ о благополучно совершенномъ путешествіи.

Но Ивановъ теперь уже опытенъ; онъ знаетъ, что Гоголь [illegible]съ смиряется и вслѣдъ за смиреніемъ тутъ же можетъ очень и очень больно оскорбить. Богъ знаетъ, въ какомъ онъ теперь настроеніи. Чтобы какъ-нибудь опять не нарваться на не-

[1]) Воспом. объ Ивановѣ, г. Ковалевскаго.

[2]) Зап. книжка.

[3]) Соч. Гоголя, изд. 1857, VI т., стр. 447.

пріятность, на какую-нибудь колкость, которыя онъ не въ силахъ больше выносить, онъ рѣшаетъ не отвѣчать Гоголю раньше свиданія съ С. П. Апраксиной, отъ которой надѣется узнать о состояніи духа и настроеніи Н. В. И такимъ образомъ не пишетъ до 25-го іюля 1848 года. Но и послѣ такого долгаго молчанія, что собственно написалъ Ивановъ? О себѣ—почти ничего; только даетъ обѣщаніе написать, когда «придетъ въ полныя силы и спокойствіе». Больше же говоритъ о Чижовѣ, спрашиваетъ Гоголя, чѣмъ подаритъ онъ всѣхъ послѣ совершеннаго путешествія въ Палестину... Видно, что говоритъ только потому, что вынужденъ говорить. И затѣмъ не пишетъ опять до весны слѣдующаго года, до 15-го мая 1849, когда Гоголь снова выводитъ его изъ упорнаго молчанія и проситъ извѣстить о себѣ.

Въ этотъ промежутокъ Ивановъ лишился отца, политическія безпокойства и волненія приняли болѣе грандіозные размѣры. Они вывели художника изъ его тихаго уединенія. Онъ очень боялся, что домъ, гдѣ помѣщалась его картина, взлетитъ на воздухъ. Эта боязнь совсѣмъ не давала возможности работать, и Ивановъ писалъ Гоголю отъ 15-го мая, что уже двѣ недѣли, какъ бросилъ кисть.

XIII.

Отославши письмо, Ивановъ снова замолкъ; но на этотъ разъ больше, чѣмъ на годъ. Онъ не писалъ до тѣхъ поръ, пока Гоголь въ апрѣлѣ 1850 года, называя его «безцѣннымъ», «добрымъ», не напоминаетъ ему, что уже годъ, какъ не имѣетъ о немъ извѣстій...

Ивановъ такъ былъ занятъ работой, что ему совсѣмъ не хотѣлось отрываться для писемъ; да и не зналъ онъ теперь, что писать Гоголю... Въ долгій промежутокъ разлуки, которому суждено было обратиться въ безконечность, незамѣтно терялись, рвались для него нѣкогда крѣпко связующія его съ Гоголемъ нити. Потому въ письмѣ отъ 5-го іюня 1850 г. Ивановъ почти ничего не сказалъ о себѣ. И только 30-го января 1851 г. вызванный снова ласковымъ, добрымъ письмомъ Гоголя, написалъ много сердечнѣе. «Въ глазахъ художника и въ особенности въ моихъ вы все кажетесь прекраснымъ теоретическимъ человѣкомъ»,—начиналось это письмо. Молчаніе о себѣ объясняетъ тѣмъ, что подробно обо всемъ писать «не было бы благоразумно». И при этомъ намекаетъ на какія-то новыя непріятности. Его

опять ждало какое-то затрудненіе, по поводу котораго онъ намѣревается обратиться по старой памяти къ Гоголю. Но прибавлялъ: «Счастливъ бы я былъ, еслибы могъ безъ этого обойтись» [1]).

На Гоголя же долгая разлука и дальнее разстояніе дѣйствовали въ данномъ случаѣ совсѣмъ обратно. Чѣмъ дольше жилъ онъ въ Россіи, чѣмъ сильнѣй расходился съ окружающими его людьми, тѣмъ дороже ему дѣлался Ивановъ и всѣ воспоминанія о прожитой вмѣстѣ съ нимъ жизни среди «вѣчнаго города».

Въ письмѣ отъ 18-го марта 1851 года Гоголь вспоминалъ это время. «Въ иной разъ много бы далъ за то, чтобы побесѣдовать вновь, такъ же радушно, какъ бесѣдовали мы нѣкогда у Фальконе». И онъ еще страстнѣй хочетъ знать о «добромъ, миломъ его сердцу человѣкѣ», какъ онъ здѣсь называетъ Иванова. «Не будьте скупы и напишите о себѣ, не какъ о художникѣ, погруженномъ въ созерцаніе, но какъ о добромъ, миломъ моему сердцу человѣкѣ, развеселившемся отъ воспоминаній о прежнемъ» [2]).

Казалось, Гоголь теперь еще сильнѣй любилъ Иванова, какъ любятъ подъ старость друга юности, напоминающаго невозвратное прошлое. Тяжелой тоской вѣетъ отъ этихъ задушевныхъ словъ Н. В. Въ нихъ слышится сожалѣніе о навсегда утраченныхъ дняхъ здоровья, бодрости и молодости, какъ бы сожалѣніе о зарытомъ навсегда въ землю «миломъ человѣкѣ». Но пусть Гоголь опять ѣдетъ въ Римъ, пусть вмѣстѣ съ Ивановымъ идутъ къ Фальконе—прежняго чувства у нихъ не будетъ. Каждый изъ нихъ теперь уже не тотъ, да и въ окружающемъ многое измѣнилось...

Но Ивановъ все милѣй и дороже становился Гоголю. Образъ художника-отшельника гдѣ-то тамъ вдали, подъ небомъ милой Италіи, совсѣмъ ушедшаго въ свою работу, обаятельно рисовался, высоко поднимаясь въ его глазахъ надъ всѣми ничтожными радостями міра и надъ людьми, нѣкогда близкими, которые теперь одинъ за другимъ отпадали, отходили отъ него, въ конецъ измученнаго своей внутренней борьбой... Въ такомъ настроеніи онъ пишетъ свое послѣднее письмо художнику.

«Николай Петровичъ Боткинъ передастъ вамъ мой поцѣлуй, многолюбимый мною Александръ Андреевичъ! Богъ помочь вамъ въ трудахъ вашихъ; не унывайте, бодритесь! благословеніе свя-

---

[1]) Боткинъ, стр. 286.
[2]) Совр. 1858 г. XI, стр. 173.

тое да пребудетъ надъ вашей кистью, и картина ваша будетъ кончена со славою! Отъ всей души по крайней мѣрѣ желаю. Н. Г.

«Ни о чемъ говорить не хочется; все, что ни есть въ мірѣ, такъ ниже того, что творится въ уединенной кельѣ художника, что я самъ не гляжу ни на что, и міръ кажется вовсе не для меня. Я даже и не слышу его шума. Христосъ съ вами» [1]).

Но эти теплыя слова уже не могли вернуть Иванова къ прежнему. Онъ понималъ, что прошлое ушло безвозвратно, что они оба теперь не прежніе, что отношенія ихъ иныя... Послѣднее онъ довольно холодно высказываетъ въ письмѣ къ Моллеру отъ 1851 года: «Гоголь въ отношеніи ко мнѣ все еще живетъ жизнью 30-хъ годовъ» [2])... И дѣйствительно Гоголь жилъ до самой смерти все тѣми же неизмѣнными чувствами къ Иванову.

Слухи объ его въ конецъ разстроенномъ здоровьѣ, странствуя по разнымъ угламъ Россіи, доходили до Италіи, до Рима, конечно, и до Иванова. Только такой постепенной подготовкой можно себѣ объяснить полнѣйшее молчаніе А. А. при извѣстіи о смерти Гоголя. Ни въ одномъ слѣдующемъ за этимъ событіемъ письмѣ не вырывается у Иванова ни слова сожалѣнія или удивленія по ея поводу. Онъ хлопочетъ только о томъ, чтобы портретъ покойнаго былъ награвированъ Іорданомъ. Когда-то давно, еще въ первый періодъ ихъ дружнаго знакомства, Ивановъ написалъ съ Гоголя три портрета: одинъ карандашомъ—для себя и два масляными красками для Гоголя. Одинъ изъ нихъ Н. В. подарилъ Жуковскому, другой—Погодину. Хотя эти подарки были сдѣланы подъ величайшимъ секретомъ, но Ивановъ зналъ о нихъ. И теперь, чтобы получить хоть одинъ для передачи Іордану, Ивановъ обращается къ Жуковскому. Но письмо не застаетъ Жуковскаго въ живыхъ. Ивановъ принужденъ былъ съ этой же просьбой обратиться къ Погодину...

Со смертью Гоголя, однако, не оканчиваются душевныя воспоминанія о немъ Иванова. Въ письмѣ къ С. П. Апраксиной (1853 года) онъ называетъ Гоголя: «нашъ незабвенный Николай Васильевичъ» [3]). Послѣднее письмо Гоголя, которое мы перепечатали цѣликомъ,—Ивановъ наклеиваетъ теперь въ заглавномъ листѣ своего альбома. Онъ ищетъ въ этомъ «важномъ» письмѣ — какъ онъ самъ его называетъ (въ 1855 году)—ободренія для задуманнаго имъ новаго труда: изобразить всю жизнь Спасителя.

---

[1]) Боткинъ, стр. 288—289.

[2]) Вѣрнѣе было бы сказать: 40-хъ.

[3]) Боткинъ, 282 стр.

Для Иванова теперь осталось воспоминаніе доброты Гоголя, его заботы, теплой любви; забылась вся несимпатичность его характера послѣдняго времени, вся «жесткость» его словъ, непріятное желаніе учить, казнить,—однимъ словомъ, вся его болѣзненность. Теперь воспоминаніе о Гоголѣ перешло въ святая святыхъ души Иванова, гдѣ хранится самое дорогое изъ пережитого, самое облагораживающее душу воспоминаніе.

Ивановъ пережилъ Гоголя только шестью годами [1]). Конецъ жизни обоихъ друзей былъ одинаково трагическій.

Гоголь былъ измученъ постепенно развивавшимся въ немъ разладомъ между его талантомъ и теоретическими воззрѣніями. Въ первый періодъ литературной дѣятельности его талантъ бралъ верхъ, и Гоголь успѣлъ занять первостепенное видное мѣсто въ русской литературѣ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй крѣпли и развивались теоретическія воззрѣнія, и подавляли его дальнее литературное направленіе. И въ Гоголѣ происходитъ страшная, тяжелая борьба, жертвой которой падаетъ онъ самъ. Талантъ протестуетъ до послѣднихъ дней, но теоретикъ или, вѣрнѣй—больной человѣкъ наканунѣ смерти предаетъ сожженію всѣ написанныя главы 2-го т. —«Мертвыхъ Душъ». Ивановъ кончаетъ не менѣе трагически... Что можетъ быть трагичнѣе положенія художника, посвятившаго своей работѣ всю жизнь, и вдругъ передъ концомъ работы переставшаго вѣрить въ самую идею своего труда?!.. Потому самый фактъ трагической смерти Иванова, вернувшагося черезъ 28 лѣтъ въ Россію какъ бы только за тѣмъ, чтобы здѣсь умереть (онъ умеръ черезъ 6 недѣль по возвращеніи въ Петербургъ) —меркнетъ передъ той трагедіей, которая разъигралась въ душѣ художника передъ концомъ его жизни... Усомнившись въ своихъ вѣрованіяхъ и увидавши передъ собой бездну, Ивановъ въ отчаяніи заметался, какъ человѣкъ, у котораго изъ-подъ ногъ уходитъ почва. Въ такомъ состояніи за годъ до своей смерти онъ кинулся въ Лондонъ къ Герцену.

Аналогія положеній Гоголя и Иванова на этомъ не оканчивается. Она усматривается въ судьбѣ обоихъ великихъ произведеній, которыми и для которыхъ жили эти два знаменитые современника. Сколько сходства въ несчастной судьбѣ второго тома «Мертвыхъ Душъ» и картины Иванова! Знаменитая поэма сожжена, отъ нея остались обрывки, клочки... «Явленіе Христа», хотя и не

---

[1]) Гоголь умеръ въ 1852 году, Ивановъ—въ 1858.

исчезло, но и оно прошло безслѣдной, пустой полосой для молодыхъ художниковъ. Картина, на которую клалъ свою душу и жизнь художникъ, съ которой неразрывно жилъ 25 лѣтъ, не породила ни новой школы въ живописи, ни обратила даже къ себѣ надлежащаго вниманія публики. Стоитъ она теперь въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ всѣми забытая, какъ бы никому не нужная, свалили ее туда, какъ хламъ, нѣкогда дорого стоившій, который все же жаль выбрасывать... все же полотно, краски... Ни публикѣ, ни художникамъ нѣтъ дѣла до этого великаго созданія, гдѣ одна фигура мощнаго, чуднаго въ своемъ увлеченіи Крестителя—одна способна поднять человѣка отъ его низменныхъ, эгоистическихъ стремленій, сдѣлать для него доступнѣе идеальное увлеченіе ученіемъ Христа.

Е. Некрасова.

ПРИЛОЖЕНІЕ *).

I. ПИСЬМО ГОГОЛЯ КЪ ИВАНОВУ.

Неаполь. Декабрь 12 (1846 г.).

Я получилъ пересланное вами письмо и при немъ нѣсколько вашихъ строкъ, которыя меня удивили. Чего вы ждете отъ пріѣзда Виктора Владиміровича и о какомъ рѣшеніи ожидаете извѣстій — этого я никакъ не могъ понять. Въ жизнь мою я еще не встрѣчалъ такой безпокойной головы, какова ваша. Кажется передъ отъѣздомъ моимъ изъ Рима вы совершенно убѣдились въ томъ, что Апраксиной ничего не слѣдуетъ предпринимать по вашему дѣлу, ни о чемъ не слѣдуетъ писать къ Бутеневу, иначе изо-всего этого выйдетъ новая глупая путаница. А теперь вдругъ пишете, что сгораете нетерпѣніемъ узнать, что о васъ порѣшено, точно какъ будто бы между нами вовсе не происходило никакихъ разговоровъ. Вамъ чудится и представляется, что о васъ должны всѣ хлопотать и метаться, какъ угорѣлыя кошки, точно такимъ же самымъ образомъ, какъ вы мечетесь во всѣ стороны и углы по поводу даже всякаго ничтожнаго, не только важнаго дѣла. Пріѣхавши сюда, я даже ни разу не заводилъ о васъ разговора. Одинъ разъ только сказала мнѣ Софья Петровна, что получила отъ васъ письмо, по которому она совершенно не знаетъ, что ей дѣлать, потому что не видитъ, чѣмъ въ этомъ дѣлѣ она можетъ успѣшно помочь, и потомъ вслѣдъ за тѣмъ спросила у меня, чтобы я сказалъ ей откровенно и чистосердечно, точно ли Ивановъ уменъ. На это я сказалъ, что Ивановъ точно

---

*) Оригиналы хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ подъ № 2204.

уменъ, но что онъ теперь боленъ, находится въ нервическомъ разстройствѣ и потому дѣлаетъ дѣла, близкія къ неразумію. Съ тѣхъ поръ у насъ и рѣчи не было о васъ. Вы сами знаете, что подталкивать людей на безплодныя дѣла я не охотникъ. Если вы, не слушаясь никого и ничего, стараетесь изо всѣхъ силъ дѣлать глупости и подбивать также всѣхъ другихъ дѣлать глупости, то это не есть причина, что бы и я дѣлалъ то же. Вы всѣмъ надоѣли и я не удивляюсь, почему даже Чижовъ пересталъ къ вамъ вовсе писать. Я вамъ сказалъ ясно: „сидите смирно, не думайте ни о чемъ, не смущайтесь ничѣмъ, работайте — и больше ничего, все будетъ обдѣлано хорошо. Въ этомъ отвѣчаю вамъ я". Но вы меня считаете за ничто, довѣрія у васъ къ словамъ моимъ—никакого. Вы больше повѣрите какимъ-нибудь розсказнямъ, какой-нибудь Жеребцовой или какимъ-нибудь краснобайнымъ обѣщаніямъ перваго говоруна, нежели словамъ человѣка, который еще не былъ уличенъ во лжи, льстивыми посулами не заманивалъ человѣка, и слово свое держалъ. Позвольте мнѣ, наконецъ, вамъ сказать, что я имѣю нѣкоторое право требовать уваженія къ словамъ моимъ и что это ужъ слишкомъ съ вашей стороны не умно и грубо показывать мнѣ такъ явно, что вы плюете на мои слова. Рѣшаюсь, собравши все свое терпѣніе, изъ котораго вы способны вывести всякаго человѣка, повторить вамъ въ послѣдній разъ: Сидите смирно, не каверзничайте по вашему дѣлу (потому что вы не умѣете поступать въ своемъ дѣлѣ благородно и здраво, а все дѣйствуете какими-то переулками, которые рѣшительно похожи на интриги), не безпокойте никого, молчите и не говорите ни съ кѣмъ о вашемъ дѣлѣ. За него взялся я и говорю вамъ, что оно будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Отвѣта ожидайте не изъ Неаполя и не отъ меня. Отвѣтъ вамъ придетъ изъ Петербурга. Онъ можетъ придти черезъ мѣсяцъ, но признаюсь — я бы очень желалъ, чтобы онъ не скоро пришелъ къ вамъ, чтобы вы мѣсяца четыре-пять помучились неизвѣстностью о себѣ: вы стоите этого.

II. ГОГОЛЬ КЪ ИВАНОВУ.

Неаполь. Февраля 4 (1847 года).

Что съ вами дѣлается, Александръ Андреевичъ? Я съ изумленіемъ прочелъ ваше письмо, недоумѣвая, ко мнѣ ли оно писано? Предложеніе ваше, сдѣланное въ прошломъ году Чижову, котораго вы хотѣли сдѣлать секретаремъ, положимъ, еще могло имѣть какой-нибудь смыслъ, потому что Чижовъ занимался этой частью и притомъ не избралъ себѣ никакого отдѣльнаго поприща; но и ему не прилично было такое мѣсто. Какъ бы то ни было, онъ профессоръ и приготовилъ себя вовсе не для того, чтобы съиграть роль чиновника для письма. Но сдѣлать мнѣ такое предложеніе (!!)—ужъ этого сюрприза я никакъ не могъ ожидать.—Я не могу только постигнуть, какъ могло вдругъ выдти изъ головы вашей, что я, во-первыхъ, занятъ дѣломъ, требующимъ, можетъ, побольше вашего *полнаго* посвященія ему своего времени, что у меня и сверхъ моего главнаго дѣла, которое вовсе не бездѣлица, наберется много другихъ, болѣе сообраз-

ныхъ съ моими способностями, чѣмъ то, которое вы предлагаете, что и самый образъ мыслей моихъ даже и на счетъ этого дѣла вовсе не сообразенъ съ образомъ мыслей тѣхъ людей, которыхъ вы хотите постановить моими начальниками и даже съ вашими; что я, наконецъ, на дорогѣ и остановился въ Италіи только на время, какъ въ гостинницѣ и трактирѣ, что даже и прежде, не только теперь, я уже по причинѣ моихъ недуговъ не могъ связать себя никакою должностью, потому что я сегодня здѣсь, а завтра въ другомъ мѣстѣ. Но все это вдругъ вышло у васъ изъ головы, какъ бываетъ со всѣми тѣми людьми, которые не умѣютъ ничего хорошенько сообразить и обо всемъ порядочно подумать. И какой странный, рѣшительный тонъ письма: такой-то долженъ быть тѣмъ-то. Киль долженъ заняться такимъ-то дѣломъ, князь Волконскій такимъ. Наконецъ, мнѣ самому предписаны границы и предѣлы моихъ занятій, такъ что я невольно спросилъ: да чья же здѣсь воля изъявляется. По слогу письма можно бы подумать, что это пишетъ полномочный человѣкъ: герцогъ Лейхтенбергскій или князь Петръ Михайловичъ Волконскій по крайней мѣрѣ. Всякому величаво и съ генеральскимъ спокойствіемъ указывается его мѣсто и назначеніе. Словомъ, какъ бы распоряжался здѣсь какой-то крѣпышъ, а вовсе не тотъ человѣкъ, котораго въ силахъ смутить и заставить потеряться на цѣлый мѣсяцъ первая бумага Зубкова. Мнѣ опредѣляется и постановляется въ законъ писать пять отчетовъ въ годъ — даже и число выставлено! И какія странныя выраженія: писать я ихъ долженъ *геніальнымъ* перомъ. Стоятъ *отчеты о ни чемъ* геніальнаго пера?

А хотѣлъ бы я посмотрѣть, что сказали бы вы, еслибы вамъ кто-нибудь сверхъ занятія вашей картиной предложилъ рисовать въ альбомы по пяти акварелей въ годъ. Воображаю, еслибы вы были начальникъ, хорошо бы размѣстили по мѣстамъ людей! Конечно, и лакейское мѣсто ничѣмъ не дурно, если взглянуть на него въ христіанскомъ смыслѣ, но все же нужно знать, кому предлагать его. Нужно уважать путь и дорогу всякаго человѣка, если только они уже избраны имъ, а не отвлекають его отъ избраннаго имъ уже поприща. Вѣдь васъ же я не отрываю отъ вашей картины и не посылаю, куда мнѣ вздумается, а вы—мало того, что въ состояніи оторвать отъ дѣла человѣка, готовы еще толкать его въ самое необдуманное дѣло, какое можетъ только представить человѣку разгоряченное воображеніе, не взвѣшивающее ни обстоятельствъ, ни людей. Какое странное ребячество въ мысляхъ и какое неразуміе даже въ словахъ, въ выраженіяхъ! Ради Бога оглянитесь на самого себя! Развѣ вы не чувствуете, что нечистый духъ хочетъ васъ вновь втянуть въ эти прожекты, которые наполнили безпокойствомъ жизнь вашу и отняли у васъ такъ много драгоцѣннаго времени. Сколько разъ вы давали мнѣ обѣщаніе не вмѣшиваться больше въ эти оффиціальныя дѣла, сознаваясь сами, что не имѣете для этого настоящаго познанія людей и свѣта. Сколько разъ сознавались сами, что всѣ эти прожекты только запутывали еще болѣе дѣла и на мѣсто помощи, которую вы хотѣли принести ими страждущимъ товарищамъ, только производили то, что положеніе ихъ становилось еще тягостнѣй и хуже. И не успѣлъ я выѣхать изъ Рима, какъ у васъ въ головѣ

образовался уже новый проэктъ, всѣхъ другихъ сложнѣйшій, всѣхъ другихъ несообразнѣйшій и болѣе всѣхъ другихъ невозможнѣйшій относительно исполненія. Стыдно вамъ! Пора бы вамъ уже, наконецъ, перестать быть ребенкомъ! Но вы всякимъ новымъ подвигомъ вашимъ, какъ бы нарочно, стараетесь подтвердить разнесшуюся нелѣпую мысль о вашемъ помѣшательствѣ. И зачѣмъ мы меня обманываете? Зачѣмъ пишете, будто бы работаете надъ картиною и даже будто бы молитесь? Кто работаетъ точно надъ дѣломъ, тому некогда сочинять такіе проэкты. Кто молится, у того видѣнъ разумъ во всѣхъ словахъ и поступкахъ, и Богъ не допускаетъ его къ такимъ вѣтренымъ и необдуманнымъ сочиненіямъ. Я вамъ писалъ уже разъ, если даже не два, чтобы хотя въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ потерпѣли бы, не мѣшались бы ни во что. Дѣло ваше устроится лучше, чѣмъ вы думаете. Скажите, зачѣмъ вы не вѣрите моимъ словамъ, а вѣрите чортъ знаетъ кому? Мнѣ просто не слѣдовало бы вамъ отнынѣ ни говорить, ни писать ни о чемъ, а прекратить всякія сношенія: отъ словъ моихъ я не вижу никакой пользы. Они точно вода, которую льютъ въ рѣшето. Сегодня вы со мною согласитесь во всемъ, а завтра приметесь вновь за свое. Васъ опытъ не учитъ. Ради Христа, гоните этого духа искушенія, присущаго вамъ, всякія возможности тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ (?), обольщающаго васъ, разгорячающаго воображеніе ваше, поселяющаго въ васъ дымное надмѣніе самимъ собой и увѣренность въ умѣ своемъ, заставляющаго васъ влюбляться въ собственныя мысли, изъ которыхъ иныя, если и не глупы въ основаніи своемъ, то выразятся у васъ въ такомъ видѣ, что скорѣй походятъ на бредъ человѣка въ горячкѣ. Запритесь въ свою студію и предоставьте всякія ходатайства по дѣламъ художества Чижову: онъ, и не вступая въ оффиціальныя сношенія съ вашимъ начальствомъ, съумѣетъ, какъ человѣкъ, болѣе васъ покойный и хладнокровный, уладить многое миролюбно, безъ бумагъ и канцелярій. Вотъ все, что я вамъ скажу. Больше мнѣ нечего прибавить. Относительно васъ совѣсть моя покойна; я сдѣлалъ для васъ то, что повелѣлъ мнѣ собственный мой разсудокъ, а не вашъ. Если вы потерпѣли, хотя не много времени, то увидите этого плоды.

III. ГОГОЛЬ КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

24 апрѣля (1847 г. Неаполь).

Я получилъ отъ брата Александра Андреевича Иванова извѣстіе, что самъ Александръ Андреевичъ боленъ стѣсненіемъ въ груди, съ просьбою, чтобы я посовѣтовался поэтому поводу съ Циммерманомъ. Я отправился тотъ же часъ къ Циммерману и все, что получилъ отъ него въ отвѣтъ, написалъ въ письмѣ, пущенномъ отсюда третьяго дня. А потому прошу васъ убѣдительно—немедленно навѣдаться къ Иванову и узнать, получилъ ли онъ это письмо вмѣстѣ съ другимъ предъидущимъ, отправленнымъ того же дня. Оба были адресованы въ кафе Greco. Если-жъ на случай онъ ихъ не получилъ, то вотъ вамъ вновь предписаніе Циммермана. Стѣсненіе въ груди и въ сердцѣ есть явленіе геморроидальное, а потому слѣдуетъ не къ груди при-

кладывать какія-либо средства, но оттянуть кровь къ противоположнымъ частямъ, именно приставить изрядное количество піявокъ къ заднему проходу, принять въ то же время нѣсколько слабительныхъ и нѣсколько успокоительныхъ ваннъ съ отрубями умѣренной температуры, то-есть отъ 26 до 27 градусовъ и никакъ не свыше,— потолковавши обо всемъ этомъ съ докторомъ Аллерсомъ. Такъ я написалъ и въ письмѣ. Теперь же подвертывается подъ руку обстоятельство еще лучшее. Самъ Циммерманъ ѣдетъ завтра съ княземъ Волконскимъ и, вѣроятно, въ понедѣльникъ къ вечеру они будутъ оба въ Римѣ. А потому объявите объ этомъ Иванову. Скажите также, что о немъ, то-есть относительно его дѣлъ, кое-что переговорено. Но самое лучшее съ его стороны даже и не помышлять, ни разспрашивать никого объ участи его дѣлъ. Я хотя человѣкъ самъ по себѣ и не очень важный, но устроилъ такъ, что въ Петербургѣ всѣмъ обнаружилось производительное дѣло картины Иванова [1]), и теперь смекнули даже и недальные умы, что Иванова торопить никакъ не слѣдуетъ. Я это ему давалъ знать и въ письмахъ, которыя такъ огорчили его (что для меня до сихъ поръ загадка), прося его положиться хоть сколько-нибудь на меня и не безпокоиться.

Но, я не знаю почему, онъ не повѣрилъ моимъ словамъ тогда, когда послѣ меня Апраксинъ, молодой человѣкъ, почти ему незнакомый, сказалъ ему тѣ же слова, не объясняя даже причинъ, на которыхъ онъ ихъ основалъ, и онъ ему повѣрилъ и успокоился. Правда, въ письмахъ моихъ были жесткія слова, но я ихъ нарочно наставилъ съ тѣмъ, чтобы дать ему случай этими же самыми словами попрекнуть себя самого за свое малодушіе. Слова эти были тѣ же самыя, которыя я употреблялъ весьма часто и въ разговорѣ и за которыя онъ никогда не сердился.

(Приписано внизу).

Но теперь только вижу, какая разница сказать то же самое въ письмѣ и на словахъ. Скажите ему, что я прошу у него прощенія. Я не только не думалъ оскорблять его, но даже хотѣлъ излечить отъ безпокойства и, какъ плохой докторъ, не попалъ какъ слѣдуетъ въ болѣзнь. Но до свиданія. Весь вашъ Г.

(Приписки съ боковъ).

Около 10 мая, а можетъ и прежде, надѣюсь, увидимся.

На письмо это отвѣтъ, однакожъ, напишите немедленно, чтобы я зналъ, что оно вами получено.

IV. ГОГОЛЬ КЪ ИВАНОВУ.

Неаполь, декабря 28 (1847 года).

Очень радъ, что мое письмо о васъ показалось вамъ удовлетворительнымъ. Великодушію Софьи Петровны не удивляйтесь [2]): я вы-

[1]) Намекъ на помѣщенное въ «Переп. съ Друзьями» письмо объ Ивановѣ.

[2]) Ивановъ думалъ, что не Гоголь, а С. П. Апраксина вырвала для него изъ своего экземпляра „Переписки съ Друзьями“ письмо къ Вьельгорскому о „живописцѣ Ивановѣ“ и прислала въ Римъ.

рвалъ его изъ собственнаго экземпляра. Вы получите цѣликомъ всю книгу, которою можете даже и подтереться.

Нападенья на книгу мою отчасти справедливы. Я ее выпустилъ весьма скоро послѣ моего болѣзненнаго состоянія, когда ни нервы, ни голова не пришли еще въ надлежащій порядокъ. Я поторопился точно такимъ же образомъ, какъ любите торопиться вы, и впутался въ дѣло прежде, чѣмъ показалъ на это право свое. Нужно было не соваться, прежде, чѣмъ не сдѣлаешь свое *собственное дѣло*, и копаться около него, закрывши глаза на все, по пословицѣ: знай сверчокъ свой шестокъ! Этой поспѣшностью я даже повредилъ многому тому, что хотѣлъ защитить. Книгу вашу я отдалъ Колоннѣ.

Странная судьба бѣднаго почтальона [1]). Жаль, что вы не пишете, пострадалъ ли онъ, или нѣтъ, т.-е., выгнанъ на улицу, или есть у него какой-нибудь уголъ. Я на всякій случай написалъ письменное изъясненіе, при семъ прилагаемое, которое прошу васъ вручить начальству, если только съ него взыскиваютъ убытки, а онъ невиненъ. Если онъ точно бѣденъ и ему дѣйствительно нечѣмъ жить, то возьмите у Моллера изъ моихъ денегъ 100 франковъ. Изъ нихъ дайте себѣ два наполеона, а остальные 60 (фр.) дайте ему, но въ видѣ скудъ, римскою монетою. Напрасно вы дали ему наполеонами. Серебромъ, можетъ быть онъ бы не потерялъ.

Скажите Моллеру, чтобы остальные 600 онъ хранилъ у себя до моего свиданья съ нимъ. Если-жъ такъ случится, что меня гдѣ-нибудь на моемъ странствіи настигнетъ смерть, что все отъ Божьей воли, то эти деньги пусть остаются въ запасѣ, на помочь такому изъ русскихъ художниковъ, которому придется слишкомъ круто и рѣшительно будетъ не откуда взять. Скажите также Моллеру, что я предъ нимъ виноватъ: порученности его не исполнилъ. Впрочемъ, я буду къ нему на дняхъ писать.

Каковы нынѣшнія ваши обстоятельства—смущенья и заботы? я этого не знаю; но, вѣроятно, смущенья и заботы въ изобиліи, какъ у всякаго очень чувствительнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, скажу вамъ то, что говорю самому себѣ, что осталось въ результатѣ изъ всей моей опытности и мудрости, какія только пребываютъ въ моей бѣдной головѣ.

Работая свое дѣло, нужно твердо помнить, для кого его работаешь, имѣя безпрестанно въ виду того, кто заказалъ намъ работу. Работаете вы, напримѣръ, для земли своей, для вознесенья искусства, необходимаго для просвѣщенья человѣка, но работаете потому только, что такъ приказалъ вамъ тотъ, кто далъ вамъ всѣ орудія для работы. Стало быть, заказыватель Богъ, а не кто другой. А потому его одного слѣдуетъ знать. Помѣшаетъ ли кто-нибудь—это не моя вина, я этимъ не долженъ смущаться, если только дѣйствительно другой *помѣшалъ*, а не я самъ себѣ помѣшалъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, кончу ли я свою картину или смерть меня застигнетъ

[1]) Въ письмѣ отъ 14-го декабря 1847 года Гоголь писалъ Иванову: „Увѣдомьте меня—сдѣлали ли вы что-нибудь относительно того почтальона, о которомъ я васъ просилъ въ Римѣ передъ выѣздомъ моимъ“ (Соч. Гоголя, изд. 1857 г. т. VI, стр. 441).

на самомъ трудѣ, я долженъ до послѣдней минуты своей работать, не сдѣлавши никакого упрощенья съ своей собственной стороны. Еслибы моя картина погибла или сгорѣла предъ моими глазами, я долженъ быть также покоенъ, какъ еслибы она существовала, потому что я не зѣвалъ, я трудился. Хозяинъ, заказавшій это, видѣлъ. Онъ допустилъ, что она сгорѣла. Это его воля. Онъ лучше меня знаетъ, что и для чего нужно. Только мысля такимъ образомъ, мнѣ кажется, можно остаться покойнымъ среди всего. Кто же не можетъ такимъ образомъ мыслить, въ томъ, значитъ, еще много есть тщеславія, самолюбія, желанья временной славы и земныхъ суетныхъ помышленій. И никакими средствами, покровительствами, защищеніями не спасетъ онъ себя отъ безпокойства.

Вотъ все, что изъ посильныхъ наблюденій, опытности и мудрости, какія только я могъ вывести изъ своей жизни. Передаю его вамъ въ видѣ подарка на новый наступающій годъ и душевно желаю вамъ всякаго добра.

Вашъ Н. Г.

Поклонитесь отъ меня Бейне и разспросите его, какъ онъ ѣхалъ изъ Байрута въ Яфу, а изъ Яфы въ Іерусалимъ? Во сколько дней? Съ какими удобствами и неудобствами? Попросите его, чтобы онъ написалъ небольшую объ этомъ записочку. Это будетъ лучше.

Всего лучше, если увидите почтальона, отправьте его прежде всего къ Іордану, который умѣетъ разспрашивать. Пусть онъ узнаетъ всѣ его обстоятельства. И если окажется, что почтальонъ просто дуракъ и самъ виноватъ, то лучше дать деньги или матери, или тому, кто его кормитъ.

ИСПАНСКІЙ ВОЛЬТЕРЪ

Fr. de Quevedo. Oeuvres choisies. Histoire de Pablo de Ségovie, traduite de l'espagnol par A. Germond de Lavigne. Paris, 1882.

Если искусство и литература могутъ считаться вѣрнымъ отраженіемъ духовнаго содержанія націи, и если это послѣднее даетъ высшій масштабъ для оцѣнки степени ея процвѣтанія, то промежутокъ времени съ послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка до послѣднихъ десятилѣтій XVII-го слѣдуетъ признать самымъ богатымъ и блестящимъ періодомъ испанской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, это время—время правленія трехъ Филипповъ—справедливо считается золотымъ вѣкомъ испанской литературы, въ особенности —поэзіи. Ни прежде, ни послѣ въ Испаніи не бывало такого обилія талантовъ, отличавшихся необыкновеннымъ разнообразіемъ своихъ произведеній и поразительною плодовитостью, какой нельзя встрѣтить ни въ одной изъ европейскихъ литературъ. Достаточно назвать Сервантеса, который одинъ стоитъ цѣлой литературы, Лопе де-Вегу, Кальдерона, чтобы дать понятіе о значеніи этого періода и объяснить возбуждаемый имъ интересъ.

Этотъ пышный разцвѣтъ испанской поэзіи, точно такъ же, какъ и направленіе идей и дѣятельности писателей, находился въ тѣсной зависимости отъ внѣшнихъ вліяній, отъ духа времени, характера страны и ея цивилизаціи. Постепенно расширяя предѣлы своего господства, со временъ Фердинанда и Изабеллы до Карла V и Филиппа II, Испанія сдѣлалась, къ концу XVI вѣка, первою державою не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Власть испанскаго государя простиралась на Германскую имперію, Нидерланды, Италію, Сицилію, Сардинію, Мексику, Перу, Чили,—въ его владѣніяхъ, по извѣстному выраженію, никогда

не заходило солнце; его политическое вліяніе было громадно, и не даромъ современники сравнивали испанскую монархію съ древней римской имперіей. Но это всемірное господство обошлось Испаніи очень дорого. Карлъ V и его преемникъ, опасаясь вторженія новыхъ идей, волновавшихъ Европу въ XVI вѣкѣ, заключили тѣсный союзъ въ инквизиціей и отняли у своего народа всякую свободу — религіозную, политическую и общественную. Испанцы, нѣкогда отличавшіеся терпимостью, сдѣлались теперь жестокими фанатиками и навлекли на себя ненависть всѣхъ народовъ, съ которыми имъ приходилось сталкиваться. Они стремились только расширять предѣлы своей власти, не думая о разборчивости въ отношеніи средствъ, какими достигалась эта цѣль; они какъ будто мстили за собственное рабство, стараясь порабощать другіе народы и, пресмыкаясь у ногъ властелина, гордились своимъ владычествомъ въ обоихъ полушаріяхъ.

Католицизмъ, сдѣлавшійся при содѣйствіи инквизиціоннаго трибунала, страшнымъ орудіемъ религіознаго и политическаго деспотизма, исключалъ всякую возможность развитія научной мысли и положительнаго знанія; такимъ образомъ, всѣ интеллигентныя силы страны могли находить приложеніе только въ одной области,—въ литературѣ, и спеціально — въ поэзіи, которая не возбуждала подозрѣній со стороны ревнивыхъ оберегателей церковнаго и государственнаго правовѣрія. Здѣсь даровитый писатель могъ обнаружить свой талантъ и пріобрѣсти славу, не расплачиваясь за нее слишкомъ дорогою цѣной. Это былъ единственно возможный родъ литературной дѣятельности; естественно, слѣдовательно, что ему посвящалъ себя всякій, кто умѣлъ владѣть перомъ. Этимъ вынужденно одностороннимъ направленіемъ умственныхъ силъ объясняется и обиліе поэтовъ, и обиліе ихъ произведеній.

Соотвѣтственно направленію всей испанской цивилизаціи, въ которой такую важную роль играетъ духъ завоеванія и духъ религіознаго фанатизма, почти всѣ испанскіе поэты были или священниками, или солдатами. Это придаетъ испанской литературѣ особую, своеобразную физіономію. Въ остальныхъ странахъ Европы, въ продолженіе среднихъ вѣковъ, наука, искусство, литература повсюду были въ рукахъ духовенства, дворяне же, за исключеніемъ труверовъ и трубадуровъ, обыкновенно не умѣли даже читать и писать, и этимъ хвастались; въ Испаніи литературная дѣятельность издавна была почти исключительною привиллегіею дворянства, и кастильская знать славилась искусствомъ владѣть перомъ наравнѣ со шпагой. Въ болѣе раннія времена

еще процвѣтала народная поэзія; но въ XVI и XVII столѣтіяхъ вся литература становится выраженіемъ идей и чувствъ аристократіи. Аристократическій духъ господствовалъ и въ духовенствѣ, и испанскіе монастыри наполнялись почти исключительно лицами, принадлежавшими къ высшему классу общества, которыя, имѣя въ монастырѣ больше свободнаго времени, чѣмъ при дворѣ или въ войскѣ, тѣмъ охотнѣе посвящали себя литературнымъ занятіямъ. Въ наше демократическое время трудно понять, какимъ образомъ эта знатная поэзія могла сдѣлаться національною и популярною; а между тѣмъ, это именно такъ и было. Извѣстно, что испанскій народъ вообще отличается аристократическимъ духомъ; его претензіи на знатность доходятъ до того, что огромный гербъ нерѣдко служитъ вывѣскою для самой мизерной лавочки цирюльника или башмачника. Всякій испанецъ непремѣнно желаетъ быть или казаться дворяниномъ, «благороднымъ не меньше короля, и даже нѣсколько больше»; въ Бискайѣ и Наваррѣ вы никого и не встрѣтите, кромѣ caballeros; даже нищій, протягивая руку за подаяніемъ, смотритъ на васъ свысока и желаетъ показать, что онъ дѣлаетъ вамъ своею просьбою большое одолженіе. Разспросите его,—и непремѣнно услышите, что онъ—представитель самаго древняго старо-кастильскаго дворянства, что онъ происходитъ de casa y solar montanés (буквально: «изъ горнаго дома и отрасли», т.-е. изъ Старой Кастильи, самой аристократической испанской провинціи), или, по крайней мѣрѣ, de buena cepa (изъ хорошаго рода). Общественныя понятія испанца не мирятся съ представленіемъ о «третьемъ» сословіи: онъ можетъ быть или «чѣмъ-нибудь» (hidalgo, собств. hijo de algo—fils de quelque chose), или «ничѣмъ» (hijo de nada, fils de rien), середины нѣтъ; поэтому всякій желаетъ, чтобы его признавали за благороднаго. Такимъ образомъ, аристократизмъ входитъ въ плоть и кровь народа, и понятія перваго министра вовсе не чужды самому послѣднему погонщику муловъ.

Этому складу понятій много содѣйствовало и то обстоятельство, что въ Испаніи дворянство не вело, какъ въ остальной Европѣ, уединенной жизни въ замкахъ и помѣстьяхъ, а напротивъ, всегда жило въ городахъ, принимая дѣятельное участіе въ мѣстныхъ заботахъ и интересахъ и пользовалось значительнымъ вліяніемъ, благодаря своему богатству, уму и энергіи. Наиболѣе выдающіеся представители этого класса всѣми событіями своей героической жизни, полной всевозможныхъ превратностей и приключеній, съ внезапными переходами отъ блеска и роскоши къ нищетѣ, съ полей битвы и изъ дворцовыхъ палатъ въ монастырскую келью,

— производили на своихъ современниковъ сильное впечатлѣніе. Романическія біографіи Гарсиласо, Луиса де-Леона, Мендосы, Монтемайора, Сервантеса, Кальдерона и множества другихъ писателей, бывшихъ настоящими дѣтьми своего вѣка и народа, — резюмируютъ, можно сказать, всю жизнь современной имъ эпохи и, кромѣ фактовъ внѣшнихъ и событій общихъ большинству людей, представляютъ много занимательности чисто-психологической, вполнѣ понятной для читателя, привыкшаго къ анализу и наблюденію. Корень творчества этихъ писателей — въ дѣйствительной ихъ жизни; все испытанное, видѣнное и перечувствованное авторомъ рельефно отражается въ его произведеніяхъ, такъ какъ жизнь любого изъ этихъ авторовъ представляетъ цѣлый романъ, богатый самыми удивительными и сложными эпизодами и занимательный едва ли не болѣе тѣхъ, какіе остались въ литературѣ.

Въ эпоху трехъ Филипповъ испанская поэзія мало-по-малу освобождается отъ чужеземнаго, классическаго вліянія, которому она была обязана совершенствомъ формы и стиля, и становится вполнѣ національною. Ни въ одной изъ европейскихъ литературъ этого времени элементъ народности не достигаетъ такой значительной степени развитія, какъ именно въ испанской литературѣ, наиболѣе видные представители которой могутъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію своихъ произведеній, назваться вполнѣ народными.

Въ эту блестящую пору своего процвѣтанія Испанія вовсе не была страною спеціальностей. Ея великіе люди всегда отличались разносторонностью своихъ способностей, всегда были одновременно и людьми мысли, и людьми дѣйствія, испытывали себя во всѣхъ областяхъ, пробовали всевозможныя карьеры. Въ числѣ этихъ универсальныхъ умовъ, какими славилась Кастилья стараго времени, особенно выдаются два писателя: Лопе де-Вега и Франсиско де-Кеведо. По изумительной плодовитости и многосторонности эти личности являются просто феноменальными. У каждаго изъ этихъ писателей, при всемъ разнообразіи ихъ таланта, былъ, однако же, свой излюбленный литературный родъ, всего болѣе соотвѣтствовавшій складу ихъ ума. Лопе де-Вега писалъ во всѣхъ родахъ, но былъ по преимуществу драматургомъ; Кеведо, не уступавшій ему въ плодовитости, былъ по преимуществу сатирикомъ. Къ этой области относятся лучшія его произведенія, и вообще ѣдкія свойства его ума и таланта сказывались во всемъ, что̀ выходило изъ-подъ его пера. Сатирическая жилка билась въ немъ такъ сильно, что не могла остановиться подъ

бременемъ науки, важныхъ политическихъ занятій и всевозможныхъ превратностей жизни.

Современникъ Лопе и Сервантеса, донъ Франсиско-Гомесъ де-Кеведо-и-Вильегасъ, родился 26 сентября 1580 г. въ Мадридѣ, и былъ сыномъ секретаря королевы Анны Австрійской. Рано лишившись отца, онъ воспитывался подъ руководствомъ матери, которая была придворной дамой инфанты Клары-Евгеніи. Но и мать Франсиско также скоро умерла, и юноша остался на попеченіи опекуна, аррагонскаго протонотарія Августина де-Виллануэва. Въ самой ранней юности онъ выучился по-гречески и по-латыни и, поступивъ въ университетъ въ Алкалà, къ общему удивленію, уже на 15-мъ году получилъ академическую степень по богословію. Кромѣ того, онъ усердно изучалъ каноническое и гражданское право, математику, астрономію и естественныя науки. Двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, онъ своею ученостью, въ особенности же знаніемъ древнихъ языковъ, пріобрѣлъ уже нѣкоторую извѣстность и находился въ перепискѣ съ знаменитымъ въ свое время филологомъ, исторіографомъ Филиппа II, Юстомъ Липсіемъ, который называлъ его украшеніемъ Испаніи (magnum decus Hispaniae). Но студенческая жизнь въ коллегіяхъ была ему не по нраву; его привлекали любовныя интриги, которыя вели къ различнымъ столкновеніямъ и приключеніямъ. Слабое здоровье и физическое уродство (Кеведо былъ кривоногій) не дали ему возможности сдѣлаться воиномъ,—и онъ старался вознаграждать себя за это лишеніе дѣятельнымъ участіемъ въ бурныхъ развлеченіяхъ современной ему молодежи. Мастерски владѣя шпагой, онъ никогда не отказывался отъ дуэлей, и имѣлъ ихъ довольно много, по самымъ различнымъ поводамъ. Эти похожденія давали тонъ и поэтическому его таланту. Онъ довольно рано началъ пробовать свои силы въ поэзіи; уже въ 1605 г. его стихотворенія являются въ печати, среди произведеній «знаменитыхъ» испанскихъ поэтовъ, въ сборникѣ Педро де-Эспиносы «Flores de poetas ilustres espanoles».

Едва достигнувъ совершеннолѣтія, Кеведо является при дворѣ, повидимому, безъ особой должности. Испанія страдала въ то время подъ гнетомъ самаго грубаго деспотическаго произвола, душою котораго былъ знаменитый герцогъ Лерма, пользовавшійся при Филиппѣ III неограниченною властью. Благодаря своему положенію при дворѣ, молодой Кеведо имѣлъ возможность ближе познакомиться съ тѣми «руководящими» сферами, которыя были источникомъ всѣхъ народныхъ бѣдствій. Это обстоятельство, а также и знакомство съ людьми, которые являлись выразителями

общаго неудовольствія и къ числу которыхъ принадлежалъ въ особенности смѣлый и почтенный патеръ Маріана, обратили вниманіе начинающаго даровитаго писателя на вопросы политическіе. Къ этому времени относятся первыя изъ его знаменитыхъ сатирическихъ «Грезъ» (Suenos y discursos), гдѣ онъ яркими красками, въ стилѣ Лукіана, изображалъ неразуміе своего вѣка и въ особенности дурныя стороны правительства.

Около 1609 г. Кеведо познакомился съ знаменитымъ воиномъ и дипломатомъ, донъ-Педро Теллезъ-Гирономъ, герцогомъ Оссуна, которому посвятилъ свои переводы изъ Анакреона и псевдо-Фокилида. Нѣсколько времени спустя произошелъ случай, имѣвшій для сатирика очень важныя послѣдствія. Въ великій четвергъ 1611 г., зайдя въ одну изъ мадридскихъ церквей, Кеведо замѣтилъ прекрасную молодую даму, которая горячо молилась, стоя на колѣняхъ близъ алтаря. Черезъ нѣсколько минутъ къ этой дамѣ подошелъ какой-то господинъ и съ грубымъ восклицаніемъ ударилъ ее по лицу; Кеведо тотчасъ же бросился на оскорбителя, схватилъ его за руку и вытащилъ вонъ изъ церкви; тутъ же, въ церковной оградѣ, произошла дуэль, кончившаяся смертью неизвѣстнаго гидальго. Родственники убитаго возбудили противъ Кеведо уголовный процессъ, и защитнику оскорбленной дамы пришлось бѣжать за границу. Онъ удалился въ Италію, къ герцогу Оссуна, бывшему въ то время вице-королемъ Сициліи. Герцогъ помѣстилъ его въ Неаполѣ, сдѣлалъ своимъ секретаремъ и вообще оказалъ ему весьма радушный, дружескій пріемъ, а впослѣдствіи давалъ ему трудныя и даже опасныя дипломатическія порученія.

Въ Италіи Кеведо оставался около года. Какія обстоятельства дали ему возможность возвратиться на родину,—неизвѣстно; но въ апрѣлѣ 1612 г. мы видимъ его снова въ Испаніи, въ его родовомъ помѣстьѣ Торре де-Хуанъ-Абадъ, откуда онъ послалъ своему покровителю, герцогу Оссуна, сатирическое произведеніе «Свѣтъ изнутри» (El Mundo por dedentro) и диссертацію о происхожденіи и сущности стоической философіи, а также переводъ Эпиктета. Здѣсь же написалъ онъ одно изъ остроумнѣйшихъ своихъ сочиненій, «Письма скупого кавалера» (Cartas del caballero de la Tenaza). На время Кеведо, которому сатирическій складъ ума нисколько не мѣшалъ быть вѣрующимъ и ревностнымъ католикомъ, поддался серьезному религіозному настроенію, плодомъ котораго были «Нравоучительныя стихотворенія и Слезы кающагося» (Poesias morales y Lágrimas de un penitente). Но вскорѣ политическія дѣла Европы снова оста-

новили на себѣ его вниманіе, и въ слѣдующихъ годахъ онъ опять является дипломатическимъ агентомъ герцога Оссуна. Въ 1615 г. герцогъ послалъ его изъ Палермо въ Мадридъ, чтобы передать королю Филиппу III акты только-что окончившаго свои занятія сициліанскаго парламента. Отмѣтимъ при этомъ характерную черту тогдашнихъ нравовъ испанскаго правительства: Кеведо получилъ отъ герцога 30 тысячъ дукатовъ векселями на подкупы при мадридскомъ дворѣ; это средство подѣйствовало, какъ нельзя лучше: декретомъ 1616 г. герцогъ Оссуна былъ назначенъ вице-королемъ Неаполя и опредѣлилъ своему послу 400 дукатовъ годового содержанія. Кеведо опять поселился въ Неаполѣ, откуда предпринималъ, по порученіямъ герцога, разныя дѣловыя поѣздки, не разъ подвергая свою жизнь опасности. Въ 1617 г. онъ снова былъ отправленъ въ качествѣ посла въ Мадридъ, и получилъ отъ короля орденъ Санъ-Яго съ денежною наградою. Онъ ѣздилъ на этотъ разъ для секретныхъ переговоровъ по дѣламъ съ венеціанской республикой, на которую испанское правительство уже давно имѣло виды. Интрига противъ Венеціи велась герцогомъ Оссуна, испанскимъ посломъ при венеціанскомъ сенатѣ маркизомъ Бедемаромъ и губернаторомъ Милана маркизомъ Виллафранка; Кеведо служилъ имъ въ качествѣ тайнаго агента. Онъ пріѣхалъ въ Венецію какъ разъ въ то время, когда (1618) было обнаружено существованіе испанскаго заговора противъ республики, ближайшія подробности котораго до сихъ поръ составляютъ историческую загадку. Извѣстно, что многіе—мнимые или дѣйствительные—участники этого заговора сдѣлались жертвами мести венеціанскаго правительства; Кеведо, переодѣтый нищимъ, спасся въ Неаполь только благодаря тому, что отлично зналъ по-итальянски. Узнавъ о его продѣлкахъ, венеціанцы издали особую брошюру, въ которой пронырливому испанскому патріоту досталось по заслугамъ.

Вообще съ этихъ поръ герцогъ Оссуна навлекъ на себя ненависть итальянцевъ, которые дѣлали все возможное, чтобы его удалить, и старались повредить ему въ глазахъ испанскаго правительства. Герцогъ Лерма не обращалъ вниманія на эти доносы; но когда, въ 1620 г., ему пришлось отказаться отъ власти и уступить свое мѣсто своему сыну, герцогу Уседа, дѣло приняло иной оборотъ. Уседа далъ полную вѣру жалобамъ итальянцевъ на вице-короля и на Кеведо, и герцогу Оссуна данъ былъ приказъ уволить своего секретаря, а вскорѣ и самъ онъ былъ отозванъ со своего поста.

Жалобъ на бывшаго неаполитанскаго короля накопилось такъ

много, что правительство, наконецъ, нашло нужнымъ сдѣлать хоть что-нибудь въ угоду раздраженному общественному мнѣнію. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вся тяжесть обвиненія пала не на начальника, а на подчиненнаго. Кеведо былъ арестованъ—«за то, что давалъ герцогу дурные совѣты»,—хотя въ этомъ случаѣ двуличный дипломатъ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ двуличной политики тогдашняго правительства, которое отреклось отъ него только потому, что его замыслы получили слишкомъ широкую огласку. Эта опала, по собственному сознанію Кеведо, излечила его отъ погони за почестями и заставила бросить политику. Его отвезли въ его помѣстье Хуанъ-Абадъ, гдѣ онъ и содержался подъ строгимъ надзоромъ больше двухъ лѣтъ. Въ 1623 г., уже при новомъ королѣ, Филиппѣ IV, Кеведо успѣваетъ опять пробраться ко двору и старается пріобрѣсть расположеніе государя, посвящая ему большой трактатъ «О божественной политикѣ и христіанскомъ правительствѣ». Но это сочиненіе не понравилось новому всемогущему министру, герцогу Оливаресу, и не въ мѣру услужливый авторъ снова былъ отправленъ въ Хуанъ-Абадъ, гдѣ ему опять пришлось пробыть около двухъ лѣтъ.

Кеведо почувствовалъ себя обиженнымъ и началъ мстить. Множество сатирическихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, написанныхъ имъ въ невольномъ уединеніи и быстро расходившихся по всей Испаніи, убѣдили герцога Оливареса, что выгоднѣе имѣть сатирика въ числѣ своихъ друзей, нежели въ числѣ своихъ враговъ,—и герцогъ перемѣнилъ свое обращеніе съ Кеведо, стараясь привлечь его на свою сторону и сдѣлать популярнаго писателя защитникомъ правительства. Разсчетъ оправдался, такъ какъ нашъ сатирикъ вовсе не былъ человѣкомъ нравственно-стойкимъ, и былъ очень не прочь попользоваться благами жизни: лишь только его приласкали, онъ тотчасъ же умилился и напечаталъ краснорѣчивую брошюру въ оправданіе дѣйствій Филиппа IV и его любимца. Наградою за этотъ панегирикъ было особенное благоволеніе герцога и званіе королевскаго секретаря. Другія блестящія предложенія,—между прочимъ, мѣсто посла въ Генуѣ,—Кеведо упорно отклонялъ, не желая снова пускаться въ опасную дипломатическую карьеру. Это «обращеніе» сатирика было съ его стороны дѣломъ простого разсчета; подъ рукою же онъ продолжалъ издѣваться надъ своими новыми покровителями, которые, ничего не подозрѣвая, старались всячески ему угождать. Заботы герцога Оливареса и его супруги о благополучіи Кеведо зашли такъ далеко, что они даже женили 54-лѣтняго поэта на

молодой дѣвицѣ, происходившей изъ самаго аристократическаго рода. Съ нею Кеведо прожилъ только восемь мѣсяцевъ и, внезапно лишившись ея, горько ее оплакивалъ.

Между тѣмъ, жалобы народа на бездѣйствіе правительства и на притѣсненія и поборы, дошедшіе до небывалыхъ размѣровъ, становились все громче и громче. Разсудительные люди не хотѣли вѣрить, что просвѣщенный, либеральный и популярный сатирикъ продалъ свое перо за милости королевскаго фаворита; общественное мнѣніе съ полною увѣренностью указывало на Кеведо, какъ на автора множества столько же остроумныхъ, сколько ѣдкихъ памфлетовъ, въ которыхъ рѣзко бичевалась вся правительственная система и пагубные принципы тогдашняго руководителя судебъ Испаніи. Эти памфлеты, имѣвшіе преимущественно форму сонетовъ, распространялись повсюду и, несмотря на всѣ предосторожности, нерѣдко проникали во дворецъ. Такъ, однажды, садясь обѣдать, Филиппъ IV нашелъ у себя подъ салфеткой слѣдующій «меморіалъ» въ стихахъ:

«Ваше священно-католическое королевское величество, кому Господь Богъ вручилъ земную власть,—бѣдный старецъ, вѣрноподданный и честный, униженно молитъ васъ выслушать его слова... Все, что́ создано Творцомъ, не говоря уже о томъ, что́ изобрѣтено людьми,—все обложено тяжкою данью; налогъ превышаетъ цѣнность той вещи, за которую платится; сотнѣ королей вмѣстѣ Испанія никогда не платила столько, сколько платитъ вашему правительству. Народъ угнетенный и страждущій опасается, что скоро ему придется платить и за воздухъ, которымъ онъ дышетъ, а вельможи на всѣ лады повторяютъ: скоро конецъ свѣту, такъ мы всѣ воруемъ».

Герцогъ Оливаресъ былъ внѣ себя отъ гнѣва по поводу этой неслыханной дерзости. Подозрѣніе пало на Кеведо, которому въ то время (декабрь 1639) было 60 лѣтъ. Ночью онъ былъ схваченъ въ домѣ своего друга, герцога Медина-Сели, и тотчасъ же, съ чрезвычайной поспѣшностью, отвезенъ въ монастырь Санъ-Маркосъ, близъ Леона. Бумаги его были запечатаны, вещи конфискованы; помѣстье Хуанъ-Абадъ было у него отнято, и инквизиція получила отъ герцога Оливареса предложеніе тотчасъ же запретить всѣ его сочиненія. Но великій инквизиторъ, донъ-Антоніо де Сотомайоръ, оказался благоразумнѣе разъяреннаго фаворита и не исполнилъ этого желанія. Герцогъ, именемъ чести, требовалъ у поэта указаній, какія именно изъ оскорбительныхъ для правительства стихотвореній принадлежатъ ему, и Кеведо указалъ на тѣ изъ нихъ, которыя всего болѣе могли его

скомпрометтировать. Въ награду за это откровенное признаніе шестидесятилѣтній поэтъ былъ заключенъ въ тюрьму, которую онъ описывалъ слѣдующимъ образомъ:

«Моя темница помѣщается подъ землею; она сыра, какъ колодезь, темна, какъ вѣчная ночь, холодна до такой степени, что я не знаю другого времени года, кромѣ зимы. Вообще, она похожа скорѣе на могилу, чѣмъ на тюрьму. Въ длину этотъ погребъ имѣетъ, приблизительно, около 24 футовъ, а въ ширину около 19-ти. Стѣны и сводъ со всѣхъ сторонъ покрыты плѣсенью. Все это такъ черно, что похоже скорѣе на воровскую нору, чѣмъ на тюремную келью для порядочнаго человѣка. Для письма у меня поставленъ столъ, на которомъ можно помѣстить десятка три книгъ; направо отъ него стоитъ постель, не слишкомъ роскошная, но и не слишкомъ неприличная. Что касается до цѣпей, то еще недавно на мнѣ было ихъ двѣ; но благодаря стараніямъ одного добраго монаха, одну изъ нихъ съ меня сняли. Та, которая осталась, вѣситъ отъ восьми до девяти фунтовъ; та которую съ меня сняли, была тяжелѣе, такъ что теперь я могу двигаться свободнѣе... Вотъ какова жизнь, на которую обрекъ меня тотъ, кто сдѣлался моимъ врагомъ, потому что я не захотѣлъ быть его лакеемъ».

Протомившись въ этой тюрьмѣ около двухъ лѣтъ и едва имѣя необходимую пищу и одежду, больной, разбитый писатель рѣшился написать Оливаресу письмо, гдѣ обращается къ чувству справедливости и милосердія. «Я ослѣпъ на лѣвый глазъ,—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ,—я совсѣмъ разбитъ, мое тѣло покрыто язвами. Это не жизнь, это приготовленіе къ смерти! и если я еще живу, то этимъ я обязанъ, конечно, только вашей забывчивости, такъ какъ мнѣ недостаетъ только похоронъ, чтобы умереть окончательно. Мстить за себя голодомъ и холодомъ—несообразно съ духомъ нашего времени. Я не прошу свободы, я прошу только перемѣнить мою тюрьму»...

Путешественникамъ, посѣщающимъ въ Леонѣ красивое зданіе монастыря Санъ-Маркосъ, въ стилѣ XII вѣка съ пристройками во вкусѣ Возрожденія, непремѣнно покажутъ тюрьму, въ которой Кеведо, «краса и гордость Испаніи», провелъ четыре года. Писатель, путешествующій по Испаніи, обязательно дѣлаетъ двѣ поѣздки—въ Аргамасилью, гдѣ былъ заключенъ Сервантесъ, и въ Санъ-Маркосъ, къ тюрьмѣ Кеведо.

Какъ бы ужасна ни была тюрьма, но когда человѣкъ знаетъ, что изъ нея нѣтъ выхода, онъ мало-по-малу начинаетъ къ ней привыкать. Такъ было и съ Кеведо; не смотря на всѣ свои

страданія, онъ успѣлъ обжиться въ заключеніи, и нашелъ утѣшеніе въ литературныхъ занятіяхъ. При скудномъ свѣтѣ масляной лампы, полуслѣпой старикъ написалъ здѣсь «Жизнь Ромула» и нѣсколько нравоучительныхъ трактатовъ («Колыбель и могила», «Путь къ благочестивой жизни», «Постоянство и терпѣніе Іова»). Иногда его посѣщало и поэтическое вдохновеніе. Такъ, къ этому злополучному для него времени относятся, напримѣръ, слѣдующія печальныя строфы, отъ которыхъ вѣетъ иглою и сыростью его жилища.

«Все въ нашемъ мірѣ—тюрьма, все—тюрьма, все для насъ наказаніе. Наши деньги заключены въ кошелекъ, который служитъ для нихъ тюрьмою; погребъ—тюрьма для вина; мѣшокъ—тюрьма для хлѣба; корзина — для плодовъ; шипы — для розы. Валы, башни и стѣны—тюрьма для города; тѣло — тюрьма для души, а море для земли. Берегъ—тюрьма для моря, и высоко-высоко надъ нами голубая твердь служитъ кристальною тюрьмою для окружающаго насъ неба».

Наконецъ, въ январѣ 1643 года всемогущій Оливаресъ палъ. Друзья Кеведо тотчасъ же начали хлопотать объ освобожденіи поэта; но только полгода спустя Филиппъ IV, по настоятельной просьбѣ президента совѣта Кастиліи, Хуана Чумасеро-и-Сотомайоръ, помиловалъ Кеведо. Его перевезли въ Мадридъ, откуда онъ, уже полуживой, былъ отправленъ въ Хуанъ-Абадъ. Здѣсь, на смертномъ одрѣ, онъ диктовалъ друзьямъ конецъ своего большого сочиненія—«Жизнь Марка Брута». Затѣмъ онъ приказалъ перенести себя въ ближайшее мѣстечко Виллануэва де-лосъ-Инфантесъ, тамъ сдѣлалъ завѣщаніе и умеръ, 65 лѣтъ отъ роду, 8 сентября 1645 года. Передъ смертью онъ сообщилъ инквизиціонному трибуналу подробный списокъ всѣхъ своихъ сочиненій, съ просьбою пересмотрѣть ихъ и исправить тѣ, которыя покажутся недостаточно скромными. Это желаніе, чрезвычайно характерное для испанскаго писателя, было занесено въ Index expurgatorius 1667 года и исполнено въ точности; святые отцы, игравшіе такую важную роль въ исторіи испанской литературы, позаботились о томъ, чтобы сохранить за Кеведо репутацію писателя хотя и ѣдкаго, но вполнѣ благочестиваго и преданнаго церкви.

Испанцы считаютъ Кеведо самымъ остроумнымъ своимъ писателемъ, и всѣ хорошія bons mots приписываютъ ему, какъ англичане—Свифту, а французы—Вольтеру и Раблэ. Любители сравненій и параллелей прозвали его испанскимъ Вольтеромъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ испанскихъ писателей не подходитъ такъ близко къ Вольтеру и складомъ своего ума, и универсальностью своихъ знаній и способностей, и плодовитостью и разнообразіемъ своихъ сочиненій; но затѣмъ сходство между ними —только внѣшнее. Былъ ли бы Кеведо похожъ на Вольтера, если бы жилъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ,—вопросъ праздный: онъ былъ испанецъ вѣка Филипповъ, воспитавшійся въ національной испанской обстановкѣ, съ умомъ, зашнурованнымъ, по выраженію Гёте, въ испанскіе сапоги [1]), подъ вліяніемъ деспотизма и инквизиціи, съ которыми ему на каждомъ шагу нужно было считаться. Къ тому же, Кеведо не былъ и не могъ быть, подобно Вольтеру, скептикомъ въ вопросахъ религіи; сынъ страны ультра-католической, основавшей свое могущество на истребленіи невѣрныхъ и еретиковъ, онъ былъ вполнѣ искреннимъ и преданнымъ сыномъ церкви. При этихъ условіяхъ, испанскій Вольтеръ явился, по словамъ Тикнора, «оппозиціоннымъ журналистомъ въ такое время, когда не существовало журналовъ», и когда невозможно было касаться извѣстныхъ предметовъ иначе, какъ въ мемуарахъ, обращенныхъ къ королю, въ печатныхъ подпольныхъ листкахъ или въ стихотвореніяхъ, въ которыхъ въ иносказательной формѣ, ловко и хитро достигалась предположенная цѣль. Такъ и поступалъ Кеведо, объявляя войну всѣмъ своимъ противникамъ и прибѣгая ко всѣмъ средствамъ, какія только могли доставить ему его искусство и умъ. Понятно, что при вынужденной сдержанности и иносказательности его сатира нерѣдко должна была терять значительную долю своей силы, направляя свои стрѣлы, такъ сказать, черезъ голову современнаго общества, въ безграничное пространство общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ. Въ то время, когда Испанія быстро шла къ упадку, сатира, имѣя цѣлью карать правительственное и общественное разстройство, безжалостно осмѣивала адвокатовъ, врачей, лавочниковъ, портныхъ и пр. *вообще*, и почти не касалась наболѣвшихъ язвъ, которыя были у всѣхъ на виду. Кеведо, какъ придворный, привыкъ щадить сильныхъ міра и лишь очень рѣдко рѣшался высказывать имъ горькія истины; поэтому въ большей части своихъ произведеній онъ является не столько сатирикомъ, сколько моралистомъ и нравоописателемъ, во вкусѣ позднѣйшей безличной сатиры XVIII вѣка.

Обладая чрезвычайно обширными и разнообразными знаніями въ области философіи, морали, физики и медицины, права и

[1]) „Испанскіе сапоги"—было особое орудіе пытки.

богословія, Кеведо старательно изучалъ историковъ и поэтовъ древнихъ и новыхъ, читалъ и говорилъ на многихъ языкахъ. Громадная память, выдающійся талантъ и пылкое воображеніе сдѣлали его искуснымъ дипломатомъ, глубокомысленнымъ философомъ, краснорѣчивымъ ораторомъ и однимъ изъ наиболѣе остроумныхъ и популярныхъ представителей золотого вѣка испанской литературы. Надо удивляться, какимъ образомъ, при всѣхъ превратностяхъ своей жизни, онъ могъ написать такое громадное количество произведеній въ прозѣ и стихахъ, на самыя разнообразныя темы: собраніе его сочиненій въ 11 томахъ, заключаетъ въ себѣ *48 тысячъ страницъ*, и издатель увѣряетъ въ предисловіи, что ему удалось собрать лишь одну двадцатую часть всего того, что вышло изъ-подъ пера Кеведо. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что многія рукописи нашего автора или утратились, или были намѣренно уничтожены его врагами во время его ареста. Въ собраніи его сочиненій мы находимъ политическіе и историческіе трактаты («Божественная политика», «Исторія Ромула», «Жизнь Марка Брута» и др.), нравоучительные и сатирическіе разсказы («Грезы», «Конюшни Плутона», «Свѣтъ изнутри», «Сумасшедшій домъ любовниковъ» и др.), юмористическіе очерки («Нападки на дураковъ»—нѣчто въ родѣ знаменитой «Похвалы Глупости» Эразма Роттердамскаго, «Что говорится при дворѣ» и др.), большой плутовской романъ, разсужденія аскетическія и философскія («Жизнь апостола Павла», «Жизнь св. Ѳомы», «Воинствующая добродѣтель» и др.), критико-эстетическія, наконецъ, множество стихотвореній — сонетовъ, пѣсенъ, одъ, романсовъ, интермедій, религіозныхъ гимновъ, всего болѣе 20 тысячъ стиховъ. Кромѣ того, что̀ напечатано, много собственноручныхъ рукописей Кеведо хранится въ мадридской королевской библіотекѣ. Написанныя имъ драмы, изъ которыхъ двѣ были въ свое время играны въ Мадридѣ съ большимъ успѣхомъ, до насъ не дошли.

Своихъ стихотвореній Кеведо не печаталъ подъ своимъ именемъ, кромѣ слабыхъ переводовъ изъ Эпиктета и псевдо-Фокилида. Въ 1670 г. всѣ уцѣлѣвшія его стихотворенія были собраны и изданы его племянникомъ, Педро Альдерете, подъ заглавіемъ: «Испанскій Парнассъ, раздѣленный на двѣ вершины, съ девятью кастильскими музами». Въ поэзіи Кеведо былъ такъ же оригиналенъ и разнообразенъ, какъ и въ прозѣ, и пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ, особенно же въ бюрлескѣ и сатирѣ. Его комическіе романсы и небольшія пѣсни (lettrillas) отличаются живымъ юморомъ и яркостью красокъ, хотя не свободны

иногда отъ неприличныхъ шутокъ и площадныхъ выраженій. Пѣсни, такъ-называемыя jacaras, написанныя имъ на жаргонѣ испанскихъ цыганъ, пользовались въ свое время огромною популярностью и сдѣлались общенароднымъ достояніемъ. Его комическіе сонеты (sonetos burlescos), до сихъ поръ остающіеся перлами испанской поэзіи, написаны въ подражаніе итальянскимъ произведеніямъ этого рода; многіе изъ нихъ, какъ и вообще большая часть сатирическихъ стихотвореній Кеведо, пересыпаны намеками на разныя обстоятельства, извѣстныя только ближайшимъ современникамъ поэта, и въ настоящее время совсѣмъ непонятными, что́, конечно, уменьшаетъ ихъ литературную цѣнность.

Наиболѣе удачными изъ произведеній Кеведо слѣдуетъ признать тѣ, въ которыхъ онъ давалъ полную волю сатирическому направленію своего таланта. Его комическіе и шутливые разсказы полны такого вдохновенія, силы и оригинальности, о которыхъ не имѣлъ понятія ни одинъ изъ его предшественниковъ; при этомъ Кеведо съ удивительною ловкостью и знаніемъ дѣла пользуется всѣми средствами, какія только могло ему доставить глубокое знаніе роднаго языка. Въ продолженіе двадцати-пяти или тридцати лѣтъ его сказки, критическія статьи, пересыпанныя язвительными намеками, его сатирическіе портреты, — задолго до своего появленія въ печати, ходили по рукамъ въ спискахъ и жадно читались, доставляя автору такую славу, какой ему никогда не удалось бы пріобрѣсти научными и философскими трактатами. Таковъ общій законъ судьбы: плоды продолжительныхъ размышленій и глубокой эрудиціи возбуждаютъ почтительное удивленіе немногочисленнаго меньшинства ученыхъ и серьезныхъ людей, между тѣмъ какъ легкія, остроумныя статейки, результатъ минутнаго вдохновенія, находятъ доступъ къ массѣ читателей и награждаютъ своего автора широкою популярностью.

Въ ряду этихъ небольшихъ, но чрезвычайно остроумныхъ произведеній Кеведо особенною извѣстностью пользовались его «Грёзы» отличающіяся тонкимъ юморомъ и мастерскимъ языкомъ. Многія выраженія, впервые употребленныя здѣсь Кеведо, вошли въ пословицу и сдѣлались вполнѣ народными. Разнообразіе стиля, смѣлость о́бразовъ и сравненій, яркость красокъ и живое остроуміе—вотъ характерныя черты этихъ «видѣній», которымъ такъ удачно подражалъ Байронъ въ своей сатирической поэмѣ «Видѣніе суда». Подъ общимъ заглавіемъ «Грёзъ» Кеведо соединилъ нѣсколько (шесть или семь) небольшихъ разсказовъ. Въ одномъ изъ нихъ (El alguazilado) бѣсъ, которому

повелѣно вселиться въ полицейскаго, горько жалуется, что ему приходится жить въ такомъ подломъ тѣлѣ и ежеминутно краснѣть за поступки, которыхъ онъ, оставаясь свободнымъ бѣсомъ, никогда не подумалъ бы совершить, а теперь вынужденъ совершать, по своей должности. Въ другомъ разсказѣ (Visita de los chistes) описывается посѣщеніе авторомъ царства мертвыхъ. Царица-смерть сидитъ на тронѣ изъ человѣческихъ череповъ, окруженная многочисленною свитою врачей, шарлатановъ, болтуновъ, клеветниковъ и т. п.; она показываетъ поэту адъ со всѣми его ужасами; но поэтъ нисколько не удивленъ этимъ зрѣлищемъ: онъ не находитъ въ аду рѣшительно ничего новаго, такъ какъ на землѣ всѣ уже давно привыкли къ тому, что на томъ свѣтѣ считается ужаснымъ и необыкновеннымъ.

За «Грёзами» слѣдуетъ рядъ мелкихъ сатирически-нравоучительныхъ очерковъ—«Свѣтъ изнутри», «Доносчикъ», «Дуэнья», «Сплетникъ», и много другихъ. Между ними особенное вниманіе обращаетъ на себя опять фантастическая сказка «Конюшни Плутона» (Las zahurdas de Pluton). Авторъ задается вопросомъ, отчего человѣкъ предпочитаетъ порокъ добродѣтели, отчего, отказываясь отъ блага, онъ выбираетъ заблужденіе и страданіе. Описывая пути добродѣтели и порока, авторъ помѣщаетъ на нихъ оживленныя группы людей различныхъ состояній; онъ жестоко бичуетъ общество, которое и факты, и мысли понимаетъ на выворотъ, которое называетъ глупцами людей, неспособныхъ подличать и злословить, умными тѣхъ, кто въ мутной водѣ ловитъ рыбу, храбрыми—тѣхъ, кто нарушаетъ чужое спокойствіе, а трусами—тѣхъ, кто избѣгаетъ ссоры. Не странно ли, говоритъ онъ, что люди отдаютъ самыя завѣтныя свои блага въ самыя ненадежныя руки,—честь предоставляютъ въ распоряженіе женщинъ, здоровье—въ распоряженіе врачей, а заботу о своемъ благосостояніи поручаютъ адвокатамъ?

Посѣщая царство Плутона, авторъ видитъ муки осужденныхъ и описываетъ жестокія наказанія, уготованныя для тѣхъ, кто на землѣ, обладая знаніемъ и талантомъ, не имѣлъ ни здраваго смысла, ни благоразумія, ни хорошихъ идей. Онъ, вопреки собственной житейской практикѣ, безжалостно казнитъ писателей, которые подличали ради личныхъ разсчетовъ,—ученыхъ, которые своимъ авторитетомъ защищали и оправдывали гнусныя дѣянія сильныхъ міра и задерживали развитіе науки и народнаго просвѣщенія. По этому поводу онъ дѣлаетъ перечень авторовъ и сочиненій, въ родѣ того критическаго обзора, какой былъ сдѣланъ аргамасильскимъ священникомъ для библіотеки

донъ-Кихота,—перечень, отличающійся знаніемъ дѣла, тонкостью анализа, вѣрностью сужденій и силою сатиры.

Упомянемъ еще объ одномъ обширномъ сатирическомъ произведеніи Кеведо, соединяющемъ въ себѣ лучшія качества этого писателя. Это—аллегорическій разсказъ подъ названіемъ «Часъ для всѣхъ или Фортуна со смысломъ» (La hora de todos y la Fortuna con seso). Боги стараго Олимпа, утомленные вѣчностью, состарѣвшіеся и пресыщенные жизнью, забытые неблагодарнымъ человѣчествомъ, ищутъ развлеченій и интересныхъ зрѣлищъ; имъ пришло на умъ сдѣлать еще разъ попытку вмѣшаться въ земныя дѣла. Фортуна, призванная Юпитеромъ на совѣщаніе, берется исполнить волю боговъ. Юпитеръ повелѣваетъ, чтобы въ данный моментъ, въ продолженіе одного часа, всѣ люди получили должное воздаяніе по своимъ заслугамъ. Это происходитъ 20 іюня 163* года, въ четыре часа вечера. Фортуна устремляется на землю, какъ ураганъ, и все опрокидываетъ вверхъ дномъ. Люди бѣдные и презираемые становятся богатыми и гордыми; жившіе въ богатствѣ и почетѣ, горделивые властители становятся бѣдняками и терпятъ горе и униженія, дѣлающія ихъ скромными и благочестивыми. Люди, повидимому, порядочные обращаются въ негодяевъ, а негодяи—въ порядочныхъ людей, и т. д.

Совсѣмъ въ иномъ, приближающемся къ фельетонному роду, написаны «Письма скупого кавалера (буквально: кавалера Тисковъ), въ которыхъ находятся многіе полезные совѣты относительно того, какъ беречь кошелекъ и тратить деньги на словахъ». Скупой кавалеръ ухаживаетъ за молодой дѣвушкой, которая не прочь пользоваться на его счетъ, и всѣ письма (ихъ всего 21) представляютъ рядъ очень остроумныхъ попытокъ кавалера увернуться отъ расходовъ такимъ образомъ, чтобы не лишиться благосклонности дамы своего сердца. Онъ притворяется, что не понимаетъ ея намековъ; когда же она прямо выражаетъ свои желанія,—онъ отшучивается и старается выдумывать всевозможные предлоги для отказа. Дѣвица сначала предъявляетъ требованія очень скромныя; напр., ей хочется слоеныхъ пирожковъ; влюбленный кавалеръ отвѣчаетъ: «Чѣмъ больше я чувствую себя влюбленнымъ въ васъ, и чѣмъ больше я жалѣю себя, бѣднаго страдальца, тѣмъ меньше я даю себѣ денегъ. Удивляюсь, какъ вамъ пришла въ голову странная мысль о слоеныхъ пирожкахъ; мнѣ такъ же легко было бы прислать вамъ пирожковъ, какъ и вамъ—наслоить мое счастье; но я это откладываю на будущее время. Вы положительно умерщвляете бѣднаго влюбленнаго, а по моему

пусть меня лучше ѣдятъ черви, чѣмъ женщины, такъ какъ черви пожираютъ мертвыхъ, а вы пожираете живыхъ. Прощайте, душка. Сегодня день постный».

Постоянныя увертки влюбленнаго скряги заставляютъ даму его сердца повышать свои требованія; но неистощимый на выдумки воздыхатель продолжаетъ отдѣлываться шуточками и разными отговорками, а иногда, слишкомъ задѣтый за живое, пускаетъ въ ходъ даже язвительные намеки. Предметъ его любви все больше и больше его раздражаетъ, и въ его сердцѣ происходитъ сильная, рѣшительная борьба между любовью и скряжничествомъ. Картина этой борьбы, въ формѣ коротенькихъ записочекъ, разработана у Кеведо съ замѣчательнымъ юморомъ и глубиною психологическаго анализа. Скряга, подъ вліяніемъ противоположныхъ чувствъ, извивается во всѣ стороны и, наконецъ, повидимому уже начинаетъ сдаваться и дѣлать кое-какія скромныя обѣщанія; но дама его сердца, постепенно усиливая свою настойчивость, уже не довольствуется слоеными пирожками, а требуетъ подарковъ, наконецъ и денегъ. Это окончательно выводитъ влюбленнаго скупца изъ терпѣнія, и художественно-исполненная гамма писемъ заключается слѣдующимъ финальнымъ аккордомъ:

«Вы желали бы попросить у меня двѣсти реаловъ на предметы необходимости; хотя бы вы попросили у меня и два реала, это было бы то же самое. Красавица моя, мои деньги чувствуютъ себя гораздо лучше подъ замкомъ, чѣмъ въ чужихъ рукахъ; онѣ очень скромны, ничѣмъ не гордятся и ни за чѣмъ не любятъ ходить; такъ какъ онѣ сдѣланы изъ матеріала тяжелаго, а не легкаго, то имѣютъ естественную наклонность спускаться внизъ, на дно сундука, а не подниматься. Повѣрьте мнѣ, сеньора, что я вовсе не такой человѣкъ, чтобы давать деньги на расходы, и что я уже раскаяваюсь и въ томъ, что́ давалъ вамъ до сихъ поръ (т.-е. въ своихъ обѣщаніяхъ). Удивляюсь, что́ вамъ за удовольствіе заставлять меня купить вамъ серьги! Прощайте, сеньора! храни Богъ васъ, а меня—отъ васъ!»

Мы оставили подъ конецъ нашего этюда, если не самое лучшее, то самое важное изъ произведеній Кеведо, доставившее ему громкую извѣстность не только на родинѣ, но и за ея предѣлами. Это—«Исторія плута по имени донъ-Пабло» (Historia del buscon llamado don Pablos), или, по другому заглавію, «Великій плутъ» (El gran Tacano),—нравоописательный романъ въ такъ-называемомъ «плутовскомъ» стилѣ (estilo picaresco). Романы этого рода, впервые усвоившіе европейской литературѣ то на-

правленіе, которое въ наше время получило названіе натуралистическаго, представляютъ явленіе чрезвычайно оригинальное и вполнѣ соотвѣтствующее испанскому національному характеру. Ни въ одной странѣ Европы, кромѣ Испаніи, мы не видимъ, въ XVI столѣтіи, ничего, что̀ могло бы быть поставлено на-ряду съ этими игривыми описаніями нравовъ тогдашняго испанскаго общества, съ этимъ «плутовскимъ» направленіемъ, образовавшимъ цѣлую школу, въ рядахъ которой стоятъ наиболѣе талантливые представители испанской литературы и которая имѣла очень обширное вліяніе на литературу остальной Европы. Романъ picaresco возникъ на національной испанской почвѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій жизни. Борьба двухъ враждебныхъ другъ другу племенъ и вѣроисповѣданій, продолжавшаяся въ Испаніи болѣе семи столѣтій, почти совсѣмъ прекратилась во времена Фердинанда и Изабеллы; но тѣ свойства національнаго характера, которыми эта борьба обусловливалась, не перестали существовать. Напротивъ, они скорѣе поддерживались завоеваніями Карла V въ Италіи, Франціи и Германіи, такъ-что испанцы были вполнѣ убѣждены, что имъ суждено осуществить идеалъ всемірной монархіи, что они самимъ Провидѣніемъ призваны даровать міру un monarca, un imperio y una espada. Эта мечта была до такой степени популярна, что каждый испанецъ старался своими личными усиліями содѣйствовать ея осуществленію. Такимъ образомъ, большинство hidalgos мечтали о блестящей военной карьерѣ, презрительно смотря на мелочныя дрязги буржуазной жизни; всѣ стремились занять мѣсто въ рядахъ войска, и люди очень благороднаго происхожденія («лазурной крови», какъ говорятъ испанцы, de la sangre azul) и геніальные писатели, въ родѣ Сервантеса или Лопе де-Веги, служили рядовыми солдатами. Но какъ ни многочисленна была армія Карла V и Филиппа II, однако, и она не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ поступить въ нее. Поэтому многіе hidalgos оставались совсѣмъ не у дѣлъ, такъ-какъ, не попавши въ ряды войска, не могли найти себѣ такого занятія, которое казалось бы имъ не ниже ихъ положенія; другіе, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ и побывавши въ походахъ, возвращались домой, и тоже не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, опять потому, что считали унизительнымъ для себя заработывать хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, въ испанскомъ обществѣ явилось множество людей, которые, основываясь на прирожденномъ правѣ гидальго ничего не дѣлать, вели праздную жизнь и въ большихъ городахъ были всѣмъ въ тягость; терпя голодъ и холодъ, они

нерѣдко добывали себѣ средства къ жизни весьма сомнительнымъ, а иногда и прямо преступнымъ путемъ. Въ этомъ они сходились съ представителями черни, «дѣтьми ничтожества» (hijos de nada), даровитыми и энергичными, которые тоже предпочитали легкую наживу на чужой счетъ—тяжелому и неудобному труду. Вся эта многочисленная компанія «благородныхъ» и «подлыхъ» (какъ сказали бы у насъ въ прошломъ столѣтіи) нищихъ и плутовъ, единственною цѣлью которыхъ было жить на чужой счетъ, со своими безконечно-разнообразными продѣлками и приключеніями давала богатѣйшій матеріалъ для реальнаго, нравоописательнаго романа, и испанскіе писатели воспользовались этимъ матеріаломъ чрезвычайно оригинально, въ цѣломъ рядѣ романовъ, которые и получили названіе «плутовскихъ», вполнѣ соотвѣствующее характеру изображаемой въ нихъ среды. Всѣ они слѣдуютъ, болѣе или менѣе, одному общему плану: героемъ (по имени котораго, обыкновенно, и называется романъ) выбирается какой-нибудь ловкій и энергичный пройдоха, преимущественно изъ «подлаго» народа (hijo de nada), который, въ своихъ скитаніяхъ по Испаніи, сталкивается съ людьми всевозможныхъ профессій и сословій; такимъ образомъ, разсказъ о его похожденіяхъ даетъ романисту возможность набросать яркую и пеструю картину жизни современнаго ему общества въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.

Рядъ этихъ novelas picarescas, занимавшихъ, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, самое выдающееся мѣсто въ испанской литературѣ, открывается романомъ дона-Діэго Уртадо де-Мендосы: «Лазарильо Тормскій» (1535); за нимъ идутъ: «Гусманъ Альфарачскій» Матео Алемана (1599) и «Великій плутъ» Кеведо (ок. 1605), который, такимъ образомъ, занимаетъ, хронологически, третье мѣсто. Дальнѣйшія произведенія этого стиля являются уже, до нѣкоторой степени, подражаніями первымъ тремъ. Это были «Плутовка Хустина» и «Донъ-Керубино де-ла-Ронда» Лопеса де-Уведы (1608—10), «Марко Обрегонскій» Висенте Эспинеля (1618), съ котораго списана большая часть лесажевскаго «Жильблаза», «Хромой бѣсъ» Велеса де-Гевары (1641), также почти цѣликомъ переведенный Лесажемъ, и много другихъ.

«Исторія плута по имени донъ-Пабло» была написана Кеведо еще въ молодости, но, не смотря на это, представляетъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, произведеніе очень талантливое, полное жизни и неподдѣльнаго юмора. Скитаясь по Испаніи изъ Сеговіи въ Алкалà, оттуда въ Мадридъ, Толедо, Севилью, авантюристъ Пабло встрѣчаетъ по дорогѣ множество ори-

гиналовъ, исторію которыхъ онъ намъ разсказываетъ съ увлекательною веселостью и въ пикантномъ стилѣ, часто напоминающемъ Рабле и Скаррона. Передъ нами, какъ въ движущейся панорамѣ, проходитъ рядъ фигуръ, одна другой курьёзнѣе, въ которыхъ, не смотря на долю каррикатурности, иногда довольно значительную, не смотря на пристрастіе автора въ преувеличенію и гротеску, мы все же видимъ типы, живьемъ выхваченные изъ дѣйствительной жизни. Вотъ, напр., стихотворецъ, владѣтельный господинъ восьми сотъ тысячъ строфъ во всѣхъ родахъ; скряга, родной братъ мольеровскаго Гарпагона; школьный учитель, проповѣдующій необходимость голода; нанищенный гидальго, типъ гордости и нищеты—этихъ національныхъ особенностей испанца; старый рубака, своего рода Пиргополиникъ, отличающійся чрезвычайною храбростью—въ бѣгствѣ; развратный плутъ-монахъ, далѣе—пестрая толпа паразитовъ, воровъ, старухъ, помогающихъ влюбленнымъ устраивать свои дѣла, игривыхъ монахинь, актеровъ, полицейскихъ, и пр. и пр. Это—настоящая «испанская комедія»—комедія въ сотнѣ актовъ, самыхъ разнообразныхъ, галерея живыхъ портретовъ, писанныхъ въ неподражаемо-веселомъ стилѣ, съ цѣлымъ фейерверкомъ эксцентричныхъ идей, курьезныхъ выраженій, неожиданныхъ сравненій, составляющихъ особую спеціальность Кеведо,—въ полномъ смыслѣ слова интимная исторія испанскаго общества XVI и XVII в.

Герой романа, Пабло изъ Сеговіи, «великій плутъ», стоитъ въ центрѣ этой панорамы, принимаясь поочередно за все на свѣтѣ, издѣваясь надъ всѣмъ, сегодня протягивая руку за подаяніемъ, завтра щедро разсыпая золото, веселый и беззаботный и въ счастіи, и въ несчастіи. Давая полную волю своему перу и фантазіи, Кеведо слѣдитъ за каждымъ шагомъ своего героя и приводитъ его къ сознанію, что человѣкъ, воспитанный въ низкой средѣ и слишкомъ слабый и беззаботный насчетъ нравственности, никогда не можетъ достигнуть счастія и что «для того, чтобы улучшить свою судьбу, недостаточно перемѣнить мѣсто, а нужно основательно измѣнить свое поведеніе и нравственныя правила».

Такова мораль этого романа, оставшагося неоконченнымъ, какъ и многія другія выдающіяся произведенія испанской литературы «золотого вѣка», для которой веселый разсказъ о похожденіяхъ Паблильо можетъ служить, во многихъ отношеніяхъ, типичнымъ. Кеведо съ особеннымъ искусствомъ и, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ рисуетъ портреты характерныхъ представителей современнаго ему испанскаго общества, и нерѣдко прерываетъ нить разсказа для того, чтобы яркими, сильными

штрихами набросать характеристику. Эта манера у него общая съ другими видными представителями литературы того времени. Нравоописательный романъ, комедія, сатира изобилуютъ такими характеристиками; при этомъ особенною любовью пользовались два, дѣйствительно оригинальные типа:—старая дуэнья и хвастливый забіяка-солдатъ. Не было, кажется, писателя, который не выводилъ бы ихъ на сцену, не старался бы пополнить хоть одной чертой ихъ изображеніе, данное предшественниками, такъ что эти два типа, можно сказать, были разработаны литературою въ совершенствѣ. Кеведо прибавилъ къ нимъ нѣсколько другихъ, столь же живыхъ и характерныхъ.

Герой романа, Пабло изъ Сеговіи, сынъ плута-цирюльника, окончившаго жизнь на висѣлицѣ, и благородной дамы, не брезгавшей ради денегъ никакими темными дѣлишками, дѣлается слугою одного молодого сеньора, Діэго, и вмѣстѣ съ нимъ поступаетъ въ пансіонъ нѣкоего лиценціата Кабры. Вотъ какъ характеризуетъ онъ этого учителя:

«Итакъ, мы сдѣлались пансіонерами у олицетвореннаго голода; я не нахожу другихъ словъ, чтобы обрисовать его скаредность. Это былъ настоящій сарбаканъ (духовое ружье): онъ росъ только въ длину; голова у него была маленькая, волосы рыжіе, вообще, онъ былъ, что называется, ни кошка, ни собака. Глаза у него были впалые; они лежали такъ глубоко и были такъ темны, что могли бы служить хорошимъ помѣщеніемъ для мелочной лавочки. Носъ у него былъ средній между римскимъ и французскимъ; онъ немножко притупился, вѣроятно отъ сырости, а не отъ болѣзни, потому что болѣзнь стоитъ денегъ. Борода у него была блѣдная, отъ страха быть по сосѣдству съ голоднымъ ртомъ, который, повидимому, хотѣлъ ее съѣсть. Во рту недоставало нѣсколькихъ зубовъ; я думаю, онъ прогналъ ихъ, какъ безполезныхъ лѣнтяевъ. Шея у него была длинная, какъ у страуса, а кадыкъ выступалъ впередъ до такой степени, что, казалось, вотъ-вотъ онъ убѣжитъ искать себѣ чего-нибудь перекусить. Руки у него были совсѣмъ сухія, въ родѣ виноградныхъ лозъ. Отъ пояса до пола онъ былъ похожъ на циркуль, особенно если разставлялъ свои длинныя, тощія ноги. Ходилъ онъ очень медленно, и когда волновался, его кости стучали, точно кастаньеты. Голосъ у него былъ слабый, борода длинная, потому что онъ ее никогда не подстригалъ, опасаясь что-нибудь истратить. Онъ говорилъ, что чувствуя прикосновеніе руки цирюльника къ своему лицу, онъ испытываетъ такую тошноту, что скорѣе далъ бы себя убить, чѣмъ обрить.

«Въ солнечные дни онъ носилъ колпакъ, изгрызенный крысами, съ тысячью заплатокъ и сальныхъ пятенъ. Этотъ колпакъ или беретъ былъ сдѣланъ изъ чего-то въ родѣ сукна, съ подкладкой изъ грязи. Его сутана, какъ говорили нѣкоторые, была чудомъ въ своемъ родѣ, потому что цвѣта ея невозможно было угадать; одни, видя, что она совершенно лишена ворса, говорили, что она сдѣлана изъ лягушечьей кожи; другіе называли ее иллюзіей; вблизи она казалась черною, издали — синею; онъ носилъ ее безъ пояса, безъ воротничковъ и ручавчиковъ. Въ этомъ жалкомъ, кургузомъ одѣяніи и съ длинными волосами онъ былъ похожъ на лакея смерти... А его квартира! въ ней не видно было даже и паука. Онъ охотился за крысами, изъ боязни, чтобы они не съѣли крошекъ хлѣба, которыя онъ пряталъ. Спалъ онъ на полу, и всегда на одномъ боку, чтобы не тереть постельнаго бѣлья; однимъ словомъ, онъ былъ архи-бѣденъ; это былъ прототипъ нищеты.

«Таковъ былъ человѣкъ, въ руки котораго попалъ я вмѣстѣ съ дономъ Діэго. Вечеромъ, когда мы къ нему пріѣхали, онъ показалъ намъ нашу комнату и обратился къ намъ съ краткой рѣчью; онъ говорилъ кратко, чтобы не тратить времени. Онъ сказалъ, что̀ мы должны дѣлать; мы работали до обѣда, а потомъ сошли внизъ. Сначала стали кушать господа, а мы имъ служили. Столовая была не велика; за столомъ могло помѣститься до пяти человѣкъ. Я смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ кошекъ, и не видя ни одной, обратился съ вопросомъ къ старому слугѣ, который, судя по его худобѣ, уже давно жилъ въ этомъ домѣ. «Кошки?—спросилъ онъ съ изумленнымъ видомъ.—Да кто вамъ сказалъ, что кошки любятъ постъ и воздержаніе? Судя по вашей толщинѣ, вы здѣсь новичекъ»?

«Этотъ отвѣтъ крайне меня огорчилъ; но я еще больше испугался, когда замѣтилъ, что всѣ, поступившіе въ заведеніе раньше меня, были вытянуты, точно шилья, а лица у нихъ были какъ будто натерты свинцовыми бѣлилами. Кабра сѣлъ за столъ и прочелъ молитву; принесли въ деревянныхъ чашкахъ супъ до того прозрачный, что Нарцисъ, желая напиться его, подвергался бы такой же опасности, какъ и у ручья; тонкіе пальцы обѣдавшихъ пустились вплавь на поиски за двумя-тремя горошинками, укрывшимися на днѣ чашекъ.—Нѣтъ сомнѣнія,—говорилъ Кабра съ каждымъ глоткомъ,—что ничего не можетъ быть лучше супа; пусть говорятъ, что̀ хотятъ, а все остальное есть уже гнусное обжорство.

«Потомъ вошелъ молодой лакей, похожій на скелетъ и до

такой степени изсохшій, что, казалось, принесенное имъ мясо было вырѣзано изъ его собственнаго тѣла. Хозяинъ раздѣлилъ кусочекъ говядины всѣмъ поровну,—и каждому досталось ровно столько, сколько можно было помѣстить подъ ногтемъ, такъ что до желудка ничего не дошло.

«— Кушайте, кушайте,—приговаривалъ Кабра;—вы молоды, и мнѣ пріятно видѣть васъ въ хорошемъ расположеніи духа.

«Послѣ обѣда на столѣ осталось нѣсколько крошекъ, а на блюдѣ два-три огрызка костей.—Это,—сказалъ хозяинъ,—должно оставить на долю слугъ, такъ какъ и имъ надо пообѣдать. Уступимъ имъ свое мѣсто, а вы, господа, займитесь немножко гимнастикой, чтобы принятая вами пища не безпокоила васъ. Раздѣлите все по-братски,—прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ,—и не ссорьтесь: тутъ хватитъ на всѣхъ.

«...Между нами былъ одинъ бискаецъ, который совсѣмъ разучился ѣсть: поймавши крошку хлѣба, онъ два раза хотѣлъ положить ее въ глаза и едва-едва попалъ въ ротъ...

«...Поужинавъ остатками отъ обѣда, мы легли спать, и всю ночь не могли сомкнуть глазъ. Въ шесть часовъ утра Кабра позвалъ насъ въ классъ. Мнѣ пришлось читать вслухъ первое склоненіе, и я былъ до того голоденъ, что позавтракалъ, проглотивъ половину читанныхъ мною словъ.

«...Нѣсколько дней спустя, Кабра перемѣнилъ наше menu: кто-то назвалъ его жидомъ, и, чтобы доказать противное, онъ сталъ прибавлять въ супъ свинину. Для этого у него была маленькая желѣзная коробочка съ дырочками; онъ клалъ туда кусочекъ свинины, затѣмъ, закрывъ коробочку, подвѣшивалъ ее на веревкѣ такъ, чтобы она опускалась въ кастрюлю и чтобы сокъ изъ свинины могъ попасть въ супъ, а самая свинина осталась въ цѣлости. Но впослѣдствіи и это показалось ему слишкомъ невыгоднымъ, и онъ сталъ подвѣшивать свинину все выше и выше надъ кастрюлей. Можете себѣ представить, какъ хорошо намъ жилось!»

Наконецъ, одинъ изъ пансіонеровъ Кабры умеръ съ голоду. Объ этомъ узналъ весь городъ, и отецъ дона Діэго рѣшился взять своего сына домой. «Насъ принесли на рукахъ,—разсказываетъ Пабло,—и уложили въ постели съ большими предосторожностями, чтобы наши кости не разсыпались. Явились врачи и приказали вымести у насъ изо рта пыль метелками, какими обметаютъ картины; и, въ самомъ дѣлѣ, мы были истинными картинами нищеты. Въ продолженіе девяти дней въ нашей комнатѣ было запрещено говорить громко, такъ какъ, въ против-

номъ случаѣ, въ нашихъ пустыхъ желудкахъ могло завестись эхо. Наконецъ, намъ принесли бульонъ и существенныя кушанья. Но какого труда стоило намъ разжать челюсти! десны у насъ сморщились, зубы почернѣли и вцѣпились другъ въ друга. Мало-по-малу мы стали оправляться; черезъ четыре дня мы могли уже вставать не надолго съ постели, хотя все еще были похожи на тѣней или, по крайней мѣрѣ, на ѳиваидскихъ отшельниковъ.

«Мы ежедневно благодарили Бога за то, что онъ избавилъ насъ отъ плѣна у жестокаго Кабры, и молились, чтобы ни одному христіанину не пришлось испытать этого плѣна. Если же случалось, что мы вспоминали о немъ во время обѣда, то нашъ голодъ усиливался до такой степени, что расходы по столу въ эти дни чуть не удвоивались. Мы разсказывали домашнимъ, что нашъ лиценціатъ рѣдко садился за столъ, не прочитавъ намъ длинной рѣчи противъ сластолюбія, котораго онъ никогда не знавалъ; подъ шестую заповѣдь: «не убій» онъ подводилъ куропатокъ, цыплятъ и вообще все то, чѣмъ не хотѣлъ насъ кормить; подъ эту же заповѣдь онъ подводилъ и голодъ, считая грѣхомъ убивать его; голодъ, напротивъ, слѣдовало поддерживать, такъ какъ онъ избавлялъ отъ необходимости ѣсть».

Въ предисловіи къ послѣднему изданію сочиненій Кеведо (коллекція Риваданейры) сообщается, что лиценціатъ Кабра — личность вовсе не фантастическая. Его звали донъ Антоніо Кабрериса. Одинъ изъ друзей Кеведо писалъ нашему юмористу, въ 1639 году, слѣдующее: «Ты изобразилъ Кабру въ совершенствѣ; но теперь твое изображеніе было бы невѣрно, потому что этотъ бѣднякъ теперь находится въ самомъ жалкомъ положеніи и при смерти боленъ. Онъ не можетъ равнодушно слышать твоего имени, съ тѣхъ поръ какъ ему сказали, что ты описалъ его въ своемъ романѣ; онъ говоритъ, что ты могъ бы быть болѣе любезнымъ, не будучи неблагодарнымъ».

Странствуя по Испаніи, герой романа всего чаще встрѣчается съ ягодами одного съ нимъ поля, — людьми легкой наживы, неистощимо изобрѣтательными на всевозможныя плутни и продѣлки. Въ числѣ этихъ фигуръ особенной оригинальностью отличается типъ, очевидно, цѣликомъ взятый изъ жизни, — типъ благороднаго по происхожденію, но нищаго паразита-гидальго. Вотъ какъ изображаетъ его Пабло:

«Я ѣхалъ (по дорогѣ въ Мадридъ) на мулѣ, не желая ни съ кѣмъ встрѣчаться; вдругъ я увидѣлъ, что на-встрѣчу мнѣ идетъ представительный гидальго, въ сапогахъ со шпорами, широкихъ панталонахъ, при шпагѣ, въ короткомъ плащѣ съ кру-

жевнымъ воротникомъ и въ шляпѣ на бекрень. Я думалъ, что это какой-нибудь аристократъ, прогуливающійся для собственнаго удовольствія, и поклонился ему.—Господинъ лиценціатъ,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—вы на сѣдлѣ чувствуете себя, вѣроятно, гораздо лучше чѣмъ я пѣшкомъ.—Конечно, сеньоръ,—отвѣчалъ я, думая, что онъ говоритъ о своемъ экипажѣ и лакеяхъ, оставленныхъ имъ позади, — мнѣ удобнѣе, чѣмъ въ экипажѣ; какъ бы хороша ни была коляска, ѣдущая вслѣдъ за вами, въ ней вы, все-таки, чувствуете тычки и тряску отъ дурной дороги. — Какая коляска за мной ѣдетъ?—удивленно перебилъ онъ, и быстро обернулся назадъ. Это движеніе было причиною того, что единственный шнурокъ, поддерживавшій его панталоны, порвался, и они свалились съ ногъ. Видя, что я при столь неожиданномъ зрѣлищѣ чуть не помираю со смѣха, благородный кавалеръ сталъ просить меня одолжить ему веревочку. — Нѣтъ, сеньоръ,—отвѣчалъ я,—вашей милости лучше дождаться своихъ лакеевъ, я не могу вамъ помочь. — Тутъ обнаружилось, что у него спереди былъ только небольшой кусочекъ рубашки, а сзади ничего не было.—Если вы хотите смѣяться надо мной,—сказалъ онъ, поддерживая свои панталоны, — въ добрый часъ, смѣйтесь, сколько вамъ угодно, но я не понимаю, о какихъ лакеяхъ вы говорите.

«Я догадался, что это былъ бѣднякъ, и такъ какъ ему было очень трудно идти, держа обѣими руками свои штаны, то я подсадилъ его на своего мула, а самъ пошелъ пѣшкомъ. При этомъ я сдѣлалъ изумительное открытіе: верхняя одежда была у него надѣта прямо на голое тѣло.—Господинъ лиценціатъ,—сказалъ онъ, замѣтивъ мое изумленіе, — не все то золото, что блеститъ. По моему плащу и роскошному воротнику вы, вѣроятно, приняли меня за какого-нибудь графа, а между тѣмъ, вы видите на мнѣ все, что я имѣю. Передъ вами, милостивый государь, находится настоящій гидальго, изъ старой горной Кастильи, и если бы мое дворянство заботилось обо мнѣ такъ, какъ я о немъ забочусь, то мнѣ не оставалось бы желать ничего лучшаго. Но, милостивый государь, безъ хлѣба и безъ мяса нечѣмъ поддержать даже и «лазурной крови», и тотъ, кто ничего не имѣетъ, не можетъ быть «чѣмъ-нибудь». Золото въ монетѣ лучше золотыхъ буквъ дворянскаго диплома, потому что за эти буквы въ трактирѣ не дадутъ и полрюмки вина. Всѣ имѣнія моего родителя, Торибіо Вальехо Гомеса де-Ампуэро (онъ носилъ всѣ эти имена), пошли прахомъ за долги; у меня остался только одинъ

титулъ *дона*, котораго никто не купитъ, потому что онъ никому не нуженъ...

«Я спросилъ бѣднаго гидальго, какъ его зовутъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. — Я ношу,—отвѣчалъ онъ,—всѣ имена моего отца, и даже болѣе: меня зовутъ донъ Торибіо Вальехо Гомесъ де-Ампуэро-и-Хорданъ. Мало найдется именъ благозвучнѣе этого: оно начинается на *донъ* и оканчивается на *данъ*, точно звонъ колоколовъ. Иду же я, конечно, въ Мадридъ; нашему брату-бѣдняку въ провинціи нельзя прожить и двухъ дней, между тѣмъ какъ въ столицѣ, въ этомъ общемъ центрѣ и отечествѣ, для насъ открытый столъ. Когда я въ Мадридѣ, у меня всегда сотня реаловъ въ карманѣ, ночлегъ, обѣдъ и даже нѣкоторыя запретныя удовольствія. Искусство жить въ столицѣ, это—своего рода философскій камень: оно обращаетъ въ золото все, до чего ни коснется.

«Это меня удивило и заинтересовало, такъ что я сталъ просить моего спутника поразсказать, какъ и чѣмъ живутъ въ столицѣ люди, ему подобные. Онъ охотно согласился и началъ такъ:

«Надо знать тебѣ, другъ мой, что въ столицѣ такихъ людей, какъ я, не мало. Мы всѣ питаемся насчетъ собственной ловкости, и прежде всего выучиваемся жить съ пустымъ желудкомъ. Мы часто бываемъ сыты однимъ воздухомъ и, не смотря на то, довольны собой; нерѣдко довольствуешься маленькой грушей, но за то разсказываешь, что не кушаешь ничего, кромѣ каплуновъ. Если кто-нибудь придетъ ко мнѣ, то всегда увидитъ на полу моей комнаты обглоданныя кости, шелуху фруктовъ, перья и т. п. Все это мы собираемъ по ночамъ на улицахъ, а днемъ устраиваемъ у себя выставку, и жалуемся гостю: «Вотъ, посмотрите, никакъ не могу заставить эту лѣнтяйку-служанку подмести полъ во время! Извините, сеньоръ, мы тутъ обѣдали съ пріятелями, а эти слуги»... И тотъ, кто насъ не знаетъ, приметъ это за наличныя деньги и останется въ увѣренности, что мы даемъ роскошные обѣды.

«А сказать вамъ, какъ мы обѣдаемъ у чужихъ?—продолжалъ онъ. — Поговоривъ съ кѣмъ-нибудь полминуты, мы уже знаемъ, гдѣ онъ живетъ, и являемся какъ снѣгъ на голову въ ту минуту, когда онъ садится за столъ. Мы говоримъ, что пришли засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, какъ умнѣйшему и любезнѣйшему человѣку въ свѣтѣ. Если онъ спроситъ, обѣдали ли мы,—откровенно отвѣчаемъ, что нѣтъ, и не дожидаемся, пока насъ пригласятъ вторично, такъ какъ изъ-за этихъ церемоній можно остаться голоднымъ; впрочемъ, иногда, для разнообразія,

мы говоримъ, что уже обѣдали, и что посидимъ только такъ, для компаніи; затѣмъ предлагаемъ свои услуги: «Позвольте, сеньоръ, помочь вамъ разрѣзать это жаркое; герцогъ такой-то, царство ему небесное (слѣдуетъ имя какого-нибудь герцога, графа или маркиза изъ умершихъ), очень любилъ смотрѣть, какъ ловко я разрѣзываю жаркое». И, взявъ ножикъ, принимаемся за дѣло. «Ахъ, какъ это хорошо пахнетъ! Надо отдать честь вашей кухаркѣ, — она мастерица! этого просто нельзя не попробовать!» И, говоря это, мы *пробуемъ* до тѣхъ поръ, пока на столѣ ничего не останется.

«Въ крайнихъ случаяхъ приходится иногда ходить по монастырямъ, гдѣ даромъ раздаютъ порціи для бѣдныхъ; конечно, это надо дѣлать потихоньку, чтобы никто не видалъ. Надо видѣть кого-нибудь изъ насъ въ игорномъ домѣ: онъ всѣмъ прислуживаетъ, снимаетъ со свѣчей, подаетъ карты, выноситъ ночную посуду, расхваливаетъ игру того, кто выигралъ,—и все это за какой-нибудь несчастный реалъ, получаемый на водку!

«Во всемъ, что касается туалета, мы умѣемъ очень ловко обходиться съ старымъ тряпьемъ. У насъ есть особый часъ, посвященный этимъ занятіямъ, и надо видѣть, изъ чего мы умѣемъ извлечь пользу. Солнце—нашъ заклятый врагъ, потому что оно освѣщаетъ наши заплаты и прорѣхи; поутру мы выходимъ на солнце и смотримъ, какова наша тѣнь и нѣтъ ли гдѣ изъяна. Потомъ подстригаемъ ножницами бахрому, выступившую на нашихъ плащахъ и починяемъ остальныя части костюма, вырѣзывая куски матеріи оттуда, гдѣ не видно. Въ концѣ концовъ, сзади у насъ все держится только на подкладкѣ; но плащъ скрываетъ этотъ недостатокъ, заставляя насъ остерегаться вѣтреныхъ дней, освѣщенныхъ лѣстницъ и поѣздокъ верхомъ. Смотря на свою тѣнь, мы тщательно изучаемъ свои позы, чтобы неудачнымъ движеніемъ не раскрыть какой-нибудь прорѣхи.

«Въ нашемъ костюмѣ нѣтъ ни одной вещи, которая прежде не была бы чѣмъ-нибудь другимъ; всякая вещь имѣетъ свою родословную. Вотъ, напримѣръ, моя куртка: она сдѣлана изъ пары штановъ, происходящихъ изъ плаща, который, въ свою очередь, произошелъ изъ длинной женской мантильи съ капюшономъ; и нѣтъ сомнѣнія, что эта куртка обратится впослѣдствіи въ подвязки для чулокъ или въ банты для башмаковъ. Мои подвязки были нѣкогда носовыми платками, сдѣланными изъ полотенцевъ, сдѣланныхъ изъ рубашекъ, сшитыхъ изъ простынь. Обратившись въ тряпку, все это идетъ на приготовленіе

бумаги, на которой мы пишемъ; а жженой бумагой мы черинмъ свои башмаки. Таковъ круговоротъ вещей!

«...Разъ въ мѣсяцъ мы ѣздимъ по улицамъ верхомъ, и разъ въ годъ стараемся прокатиться въ каретѣ. Если это намъ удается, то мы высовываемъ голову въ окно, раскланиваясь со всякимъ встрѣчнымъ для того, чтобы насъ замѣтили и громко переговариваясь со всѣми друзьями и знакомыми, даже и съ тѣми, кто идетъ по другой сторонѣ улицы.

«...Что касается до вранья, то въ немъ мы часто превосходимъ сами себя. Наша рѣчь переполнена именами герцоговъ и графовъ: все это—наши близкіе друзья или родственники; жаль только, что всѣ они или померли, или уѣхали куда-нибудь очень далеко. Замѣтьте также, что мы никогда не ухаживаемъ за дамами, какъ бы красивы онѣ ни были, иначе какъ ради хлѣба насущнаго; мы заводимъ интрижки съ кабатчицами — ради выпивки, съ трактирщицами—ради обѣда и ночлега, съ прачками — ради воротничковъ и рукавчиковъ. Онѣ не особенно строги съ своими должниками, и чѣмъ бы мы имъ ни платили,—для нихъ все равно.

«Видите мои сапоги? а повѣрите ли вы, что они надѣты прямо на босую ногу? Видите этотъ воротничекъ? можно ли подумать, что на мнѣ нѣтъ рубашки? Гидальго можетъ обойтись безъ чулокъ и безъ рубашки, но безъ накрахмаленнаго воротничка—ни въ какомъ случаѣ. Во-первыхъ, это—изящное украшеніе; во-вторыхъ, его можно, когда онъ загрязнится, перевернуть на другую сторону; въ-третьихъ, когда воротничекъ уже нельзя надѣть, его можно сосать, потому что крахмалъ представляетъ подкрѣпляющую пищу. Нашему брату, господинъ лиценціатъ, надо привыкать ко всему; у гидальго, живущаго насчетъ ближняго, то полны карманы золота, то нѣтъ ломанаго гроша и приходится ночевать на улицѣ; а все-таки, онъ живетъ и, благодаря своему искусству и умѣнью довольствоваться малымъ, нерѣдко процвѣтаетъ».

«Похожденія великаго плута» разошлись по всей Испаніи во множествѣ списковъ, гораздо раньше, чѣмъ романъ былъ напечатанъ. Число его печатныхъ изданій доходитъ до пятидесяти. Вскорѣ послѣ своего появленія въ печати, этотъ романъ былъ переведенъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочиненіями Кеведо, на французскій языкъ (1641) и сдѣлался модной книгой у любителей пикантнаго чтенія, на-ряду съ похожденіями Эйленшпигеля (во французской передѣлкѣ) и исторіей Ричарда Львинаго-Сердца. Лесажъ, обѣими руками черпавшій въ литературѣ

плутовскихъ романовъ матеріалы для своего «Жильблаза» и «Хромого Бѣса», многое заимствовалъ у Кеведо. Въ Германіи произведенія испанскаго юмориста стали извѣстны еще при его жизни; между прочимъ, писатель XVII столѣтія, Мошерошъ, перевелъ «Грезы» Кеведо тотчасъ же вслѣдъ за ихъ появленіемъ въ свѣтъ, и издалъ подъ заглавіемъ «Geschichte Philanders von Sittewald».

Современники Кеведо превозносили его до небесъ. Испанцы, какъ и всѣ жители юга, вообще склонны къ преувеличеніямъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если Лопе де-Вега называетъ Кеведо «чудомъ природы, красою своего вѣка, первымъ среди поэтовъ и самымъ ученымъ среди представителей науки». Другой современникъ выражалъ желаніе, чтобы были открыты новые міры, гдѣ могла бы распространиться «слава остроумнаго, серьезнаго, славнаго, возвышеннаго Кеведо, князя лирическихъ пѣвцовъ, перваго поэта въ мірѣ послѣ Аполлона».

Въ настоящее время отъ этой колоссальной репутаціи осталось очень немногое. Вотъ, что говоритъ даровитый поэтъ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и историкъ испанской литературы, Кинтана (въ сборникѣ Poesias selectas castellanas):

«Кеведо, по мнѣнію однихъ, является отцомъ смѣха, сокровищемъ каламбуровъ, источникомъ остроумія, изобрѣтателемъ множества удачныхъ выраженій и пословицъ, словомъ — онъ великій мастеръ искусной рѣчи и юмора. Для другихъ онъ является, напротивъ, писателемъ изысканнымъ и тяжеловѣснымъ; они говорятъ, что его талантъ, вмѣсто того, чтобы быть веселымъ, пускается въ шутовство; что онъ опустошилъ испанскій языкъ, лишивъ его возможности употреблять множество выраженій, которыя прежде считались благородными и приличными, а теперь, по винѣ Кеведо, сдѣлались низкими и неприличными; и что если онъ иногда и забавляетъ, то единственно благодаря эксцентричности своихъ оригинальныхъ выходокъ. Оба эти приговора, столь противоположные одинъ другому, должны быть признаны въ извѣстной степени справедливыми; внимательный разборъ сочиненій Кеведо покажетъ, на чемъ основываются мнѣнія его хвалителей и порицателей. Кеведо былъ человѣкъ крайностей: въ серьёзныхъ сочиненіямъ ни одинъ писатель не выказывалъ столько сухой важности и столько строгой морали; точно такъ же и въ шуточныхъ вещахъ никому не удавалось достигнуть такого веселаго, живого и непринужденнаго юмора. Этими противоположными свойствами писателя опредѣляется и выборъ имъ сюжетовъ для своихъ произведеній. Алгвасилы, подъячіе, разные плуты, легковѣрные мужья, сводники и легкаго поведенія женщины —

вотъ основной матеріалъ его юмористическихъ разсказовъ, и, надо сознаться, что въ большинствѣ случаевъ онъ изображаетъ ихъ мастерски...

«Этимъ пристрастіемъ къ противоположнымъ крайностямъ объясняется сила и стремительность слога Кеведо въ обоихъ родахъ его произведеній. Его стиль, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, какъ въ серьёзныхъ, такъ и въ шутливыхъ произведеніяхъ, всегда лакониченъ, часто лишенъ связности и постепенности; онъ нерѣдко жертвуетъ естественностью и правдивостью ради преувеличенія и каррикатуры. Онъ обладалъ воображеніемъ очень живымъ и блестящимъ, хотя поверхностнымъ и небрежнымъ; одушевляющій его поэтическій геній искрится, но не воспламеняетъ, удивляетъ, но не трогаетъ и, не смотря на всю свою стремительность, никогда не держится на одинаковой высотѣ. Желаніе, или, вѣрнѣе, страсть выражаться какъ можно оригинальнѣе, заставляетъ его часто употреблять обороты и сравненія слишкомъ изысканныя и натянутыя, играть словами, извращая ихъ обычный смыслъ, и т. д.

«Кеведо видимо самъ часто забавляется тѣмъ, что̀ пишетъ, и намѣренно прибѣгаетъ къ самымъ страннымъ способамъ выраженія. Конечно, всѣ эти странности въ шутливыхъ сочиненіяхъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, и никто изъ испанскихъ писателей не превзошелъ Кеведо въ искусствѣ ими распоряжаться; но всему долженъ быть свой предѣлъ, и эти каламбуры, нагроможденные другъ на друга въ поразительномъ количествѣ, вмѣсто того, чтобы привлекать читателя, часто только утомляютъ его. Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ эти недостатки, безъ всякаго сомнѣнія очень важные, все-таки надо сказать, что Кеведо всегда будетъ читаться съ уваженіемъ и многими отдѣльными мѣстами его произведеній читатели всегда будутъ восхищаться. Его стихи всегда очень звучны, риѳмы богаты и легки; содержаніе ихъ представляетъ много смѣлыхъ, изящныхъ и сильныхъ образовъ и выраженій, поражающихъ слухъ и невольно остающихся въ памяти. Ни у одного испанскаго поэта нельзя найти такого множества отдѣльныхъ стиховъ и фразъ, обратившихся въ пословицы», и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, Кеведо, со всѣми своими достоинствами и недостатками, является писателемъ вполнѣ національнымъ; пользуясь всѣмъ богатствомъ родной рѣчи, онъ умѣлъ ярко и живо изображать современную ему общественную жизнь и нравы; это качество, въ соединеніи съ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, дѣлаетъ Кеведо однимъ изъ любимыхъ испанскихъ авторовъ, до сихъ поръ сохраняющихъ извѣстное значеніе и привлекатель-

ность, но вовсе не оправдываетъ даннаго ему прозванія — «испанскаго Вольтера». Къ Вольтеру онъ приближается только какъ авторъ сатирическихъ и нравоучительныхъ повѣстей; но дальше сравненіе идти не можетъ. Всемірное значеніе Вольтера основывается вовсе не на его повѣстяхъ и стихотвореніяхъ; серьезныя же сочиненія Кеведо никогда не имѣли и не могли имѣть и сотой доли того вліянія, какое выпало на долю статей и трактатовъ фернейскаго философа. Какъ Испанія никогда не становилась во главѣ умственнаго движенія въ Европѣ, а, напротивъ, со времени пріобрѣтенія политической самостоятельности, всегда шла позади и сильно отставала (чтб продолжается и до настоящаго времени), точно такъ же и самые выдающіеся представители испанской національной литературы никогда не бывали реформаторами, смѣлыми двигателями прогресса, какими справедливо гордится Франція. Тѣмъ менѣе могло случиться чтб-либо подобное въ Испаніи XVII вѣка.

П. Морозовъ.

РАЗДѢЛЪ ПОЛЬШИ

По оффиціальнымъ документамъ *).

—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества:—1) „Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ", томъ XII. Спб. 1873; томъ XIX. 1876.—2) „Переписка Императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II, томъ XX. 1877.—3) „Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ", томъ XXII, 1878; томъ XXXVII. Спб. 1883.

—Friedrich II und van Swieten. Berichte über die zwischen Oesterreich und Preussen geführten Verhandlungen, die erste Theilung Polens betreffend. Лейпцигъ, 1874.

Избраніе послѣдняго короля польскаго, Станислава-Августа Понятовскаго, послѣдовало 7 сентября 1764 года. Это избраніе, совершившееся по желанію русской императрицы и подъ дѣятельнымъ вліяніемъ Россіи, естественно привело въ восторгъ петербургскій дворъ. Панинъ, передъ воображеніемъ котораго уже рисовалась возможность осуществить его излюбленную систему «сѣвернаго аккорта», со включеніемъ въ него Польши, какъ дѣятельнаго и необходимаго члена, Панинъ радовался больше всѣхъ и убѣждалъ императрицу въ необходимости всѣми силами поддерживать новаго короля, какъ свое созданіе. Екатерина тѣмъ охотнѣе выслушивала эти убѣжденія своего министра, что въ нихъ почти и надобности не было, до такой степени они отвѣчали собственнымъ желаніямъ и видамъ императрицы. Для нея, и какъ для государыни, и какъ для женщины, избраніе Понято-

*) См. выше, авг., 96 стр.

скаго представляло великое торжество и большую, сердечную радость. Государыня имѣла полное право гордиться своимъ успѣхомъ и съ торжествующимъ тщеславіемъ побѣдителя смотрѣть на тайную зависть своихъ враговъ, интриги которыхъ потерпѣли полное пораженіе. Екатерина не отличалась особеннымъ постоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ; но она въ этомъ отношеніи тѣмъ отличалась отъ другихъ женщинъ, что никогда не забывала вполнѣ тѣхъ, кого разъ подарила своимъ расположеніемъ, и всегда сохраняла къ нимъ теплое, почти нѣжное чувство. Смѣняемые любимцы всегда щедро осыпаемы были ея милостями всякаго рода: и почестями, и деньгами. Сердце женщины было переполнено въ ней отъ весьма понятнаго восторга, при видѣ блестящей, какъ казалось, судьбы, которую она, никто иной, какъ именно она, своей властью и своимъ могуществомъ, устроила своему любимцу. Корона, королевская корона,—что еще выше и блистательнѣй этого можетъ подарить женщина человѣку, который если не въ то самое время, то когда-то прежде былъ ей дорогъ и близокъ. И кто можетъ теперь ей противиться и въ состояніи помѣшать ей? Разоренная, хотя все еще самонадѣянная Франція? Или обезсиленная Австрія, съ ея императрицей, надменно хвастающей древностью своего царскаго рода и своей безукоризненной добродѣтелью? Или, наконецъ, крошечная Саксонія, всюду низкопоклонствомъ вымаливающая себѣ покровительства? Почти вся Европа хотѣла видѣть польскимъ королемъ саксонскаго принца, но она, Екатерина, пожелала иначе. Она рѣшила, что сидѣть на польскомъ престолѣ и носить польскую корону будетъ ея избранникъ, ея любимецъ когда-то, графъ Понятовскій. Онъ не царской крови, онъ даже не магнатъ, не смотря на свое графское достоинство, потому что онъ бѣденъ, ему почти нечѣмъ было бы прилично жить, еслибъ она не осыпала его своими щедрыми милостями; но она его отличила въ былое время, онъ и теперь исключительно поклоняется ей, и это его право на престолъ; она рѣшила и ея рѣшеніе исполнено: ничтожный дворянинъ, виленскій стольникъ Понятовскій есть король Станиславъ-Августъ. И всѣ эти великія державы, такъ усиленно старавшіяся стать поперегъ дороги его благополучію, все же вынуждены будутъ признать его королемъ; и всѣ эти гордые короли и королевы будутъ называть его своимъ братомъ. Только для нея онъ до конца дней своихъ остается подчиненнымъ и будетъ повиноваться малѣйшему ея слову. Да и можетъ ли быть иначе? Развѣ онъ не ея созданіе, не всѣмъ ей обязанъ? Чѣмъ бы онъ былъ безъ нея? Во-первыхъ, Стани-

славъ-Августъ можетъ лишь постольку пользоваться властью, поскольку ему будетъ оказываться мощная поддержка русской императрицы. А во-вторыхъ еслибъ у него была власть, еслибъ въ Станиславѣ-Августѣ, польскомъ королѣ, и шевельнулось желаніе уклониться, эманципироваться отъ чрезмѣрнаго вліянія русской царицы, то Станиславъ графъ Понятовскій не будетъ имѣть силы противиться Екатеринѣ. Не даромъ же онъ, честолюбивый и тщеславный, готовъ былъ отказаться отъ короны при одной мысли о томъ, что его могутъ женить на другой женщинѣ. Онъ такъ и написалъ: «не жените меня, умоляю васъ». Развѣ въ этихъ словахъ не выражается въ одно и то же время и паническій ужасъ передъ призракомъ нелюбимой жены, и тоскливое сознаніе, что даже этой жертвы Екатерина можетъ отъ него потребовать и онъ не посмѣетъ отказать ей. Да, онъ будетъ повиноваться. Онъ тщеславенъ, какъ всѣ пустые люди, но онъ безхитростенъ и слабъ характеромъ и самъ знаетъ свою слабохарактерность и свою полную неспособность къ утонченнымъ дипломатическимъ хитростямъ. Положеніе его крайне щекотливо: онъ непопуляренъ въ массахъ, въ средѣ шляхетства и магнатства его ненавидятъ изъ зависти къ его блестящей карьерѣ, духовенство встрѣтило его враждебно, какъ ставленника схизматической России. Въ этомъ мірѣ необузданнаго буйства съ одной стороны и темныхъ интригъ съ другой, онъ не съумѣетъ должнымъ образомъ поставить себя безъ разумнаго руководителя, погибнетъ безъ сильной поддержки. Это именно она и дастъ ему. Для него лично она будетъ руководительницей, для его немногочисленной партіи—могущественной поддержкой, для его враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ—безпощадной грозой. На его долю останется вся лицевая сторона царствованія: блескъ, величіе, почетъ и роскошь, а изнанку: постоянныя заботы, тяжелые труды и борьбу, она возьметъ на себя. Обоимъ достанется то, къ чему они призваны, но что прекраснѣй всего это, — что интересы государствъ ихъ будутъ совершенно обезпечены. Что Россіи въ высшей степени выгодно подчинить Польшу своему исключительному вліянію, объ этомъ и говорить нечего—вся исторія Россіи и Польши служитъ тому доказательствомъ. Но и Польша ничего не потеряетъ, и напротивъ—выиграетъ. Она теперь раздираема внутренней неурядицей и возмутительнымъ своеволіемъ шляхты, развращаемой и эксплуатируемой непокорнымъ магнатствомъ. Его надо сломить; надо, чтобъ магнаты познакомились, наконецъ, съ тѣмъ, чего они никогда еще не знали: съ властію, которую они должны были бы уважать и которой вынуждены были бы повиноваться. Для

этого придется допустить измѣненіе въ конституціи Польши, придется расширить и усилить королевскую власть. Будь королемъ польскимъ иностранный принцъ, тогда конечно, Польшѣ нельзя было бы позволить что-либо перемѣнить въ своемъ внутреннемъ строѣ. Но теперь, когда царствуетъ Станиславъ-Августъ, неужели позволить, чтобы воля русской самодержицы связывалась какими-то параграфами конституціи, которая дѣлала до сихъ поръ куклами всѣхъ королей и почти что сгубила страну? Неужели потерпѣть, чтобы самыя благія предначертанія, самые лучшіе и разумные планы, искуснѣйшимъ образомъ подготовленныя комбинаціи разрушались въ одинъ мигъ какимъ-нибудь подкупленнымъ врагомъ или пьянымъ шляхтичемъ, которому, вздумается крикнуть: «Nie pozwalam». Нѣтъ, этого быть не должно. То, къ чему стремились всѣ русскіе государи, но ни одинъ не съумѣлъ сдѣлать, то совершитъ она, Екатерина: Польша станетъ сперва вассаломъ Россіи, а потомъ ея провинціей. И совершитъ она это, какъ пишетъ король прусскій: безъ ужасовъ всеобщей войны, безъ кровопролитія, безъ насилій, одною силою своего генія.

Таково было настроеніе Екатерины, а, слѣдовательно, и всего русскаго двора. Никогда можетъ быть, въ теченіе всей исторіи, Польша и поляки не пользовались тамъ такими симпатіями, какъ въ первые мѣсяцы послѣ избранія Понятовскаго. Дѣйствія вполнѣ соотвѣтствовали настроенію. Екатерина съ материнской нѣжностью и предупредительностью заботилась о нуждахъ своего питомца. Гр. Кейзерлингъ, тогдашній русскій посланникъ въ Варшавѣ, получилъ приказаніе выдать новому королю 100,000 червонцевъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи суммъ. Изъ Петербурга ему послали столько же, а мѣсяца черезъ два еще 50,000 червонцевъ, затѣмъ еще и еще. Екатерина денегъ не жалѣла и не считала, она думала только объ обезпеченіи Понятовскому достойной его вѣнца обстановки и прочной партіи въ странѣ, чего безъ денегъ тоже сдѣлать было нельзя. Еще до избранія короля прибылъ въ Варшаву нѣкто Конфлансъ, агентъ французскаго двора, имѣвшій порученіе примирить австро-французскую партію съ партіей Чарторыжскихъ, съ цѣлью отвлечь послѣднюю отъ Россіи и въ то же время склонить поляковъ на поддерживаемое Австріей предложеніе о дотаціи принца Карла саксонскаго, въ пользу котораго предполагалось отдѣлить нѣсколько староствъ съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ взимались помянутымъ принцемъ и составляли его пожизненную собственность. Екатерина узнала объ этомъ лишь послѣ воцаренія Понятовскаго и пришла въ тѣмъ большее негодованіе, что, какъ ее извѣстили въ то же

время, извѣстная часть поляковъ готова была согласиться на эту ни съ чѣмъ несообразную комбинацію, равно невыгодную для русскаго вліянія, какъ и разорительную для Польши и не опиравшуюся притомъ ни на малѣйшую тѣнь права.... «Я узнала, —немедленно написала она Фридриху,—что Конфлансъ принимаетъ на себя въ Варшавѣ тонъ человѣка, ведущаго переговоры, старается сдѣлаться посредникомъ, старается создать принцу Карлу саксонскому положеніе въ Польшѣ и вообще преисполненъ разныхъ прекрасныхъ намѣреній въ этомъ вкусѣ, намѣреній, имѣющихъ лишь одинъ маленькій недостатокъ, именно: я не нахожу ихъ въ своемъ вкусѣ». Затѣмъ слѣдуетъ пространное и необыкновенно дѣльное и ловко составленное изложеніе причинъ, по которымъ обоимъ союзникамъ, Екатеринѣ и Фридриху, не слѣдуетъ допускать ничего подобнаго замышляемому Конфлансомъ. Учрежденіе доменовъ саксонскаго принца въ Польшѣ можетъ принести только вредъ общему дѣлу, ибо этотъ принцъ служилъ бы всегда опорой для всѣхъ недовольныхъ и мятежниковъ, и вниманіе общественное нѣкоторымъ образомъ раздѣлялось бы; при существованіи подобнаго учрежденія королю прусскому и ей, Екатеринѣ, трудно будетъ положить въ будущемъ конецъ интригамъ, источникомъ которыхъ служилъ бы принцъ, и еслибы они согласились на внѣдреніе его въ Польшѣ, то сами повредили бы тому, что такъ счастливо вели до сихъ поръ. Подобное положеніе вещей могло бы нарушить спокойствіе герцога курляндскаго и его страны, чего она, взявшая на себя охрану этого спокойствія, допустить никоимъ образомъ не можетъ. Кромѣ того, она однажды предлагала покойному польскому королю секуляризовать имѣнія нѣкоторыхъ епископовъ въ Германіи съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ служили вознагражденіемъ его сыну. На это онъ тогда даже не отвѣтилъ ей, а теперь она не можетъ спокойно смотрѣть, какъ Франція, въ сообществѣ съ Австріей, ведутъ переговоры объ учрежденіи, столь же мало пригодномъ для настоящаго, какъ и вредномъ, по своимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ, для будущаго! Она воспротивится этому всѣми силами, потому что обязана продолжать начатое дѣло. Наконецъ, республикѣ было бы просто неприлично заниматься устройствомъ положенія для принца саксонскаго, когда она еще не подумала дать чѣмъ существовать своему собственному королю. Письмо заканчивалось выраженіемъ надежды, что его величество, король прусскій будетъ помогать ей въ сильномъ сопротивленіи планамъ Франціи и Австріи. Надежда эта высказывалась въ тонѣ весьма и даже нѣсколько по-

велительномъ. Всего же любопытнѣе были заключительныя слова: «для лучшаго отвлеченія умовъ отъ внушеній нашихъ завистниковъ, было бы весьма полезно для праваго дѣла, чтобы пограничные начальники старались избѣгать всѣхъ, возникающихъ при непосредственномъ сосѣдствѣ, недоразумѣній, по крайней мѣрѣ хоть до мирнаго съѣзда». Эти слова больше всего остальнаго письма выдавали тотъ фактъ, что Екатерина заботится, не объ одной только личной особѣ польскаго короля но и объ интересахъ его государства, почти какъ о своихъ собственныхъ. Дѣло въ томъ, что на польско-прусской границѣ уже начались снова прекратившіяся было во время избранія пререканія властей и даже столкновенія такого рода, при которыхъ со стороны пруссаковъ не разъ пускалось въ ходъ оружіе. Кромѣ того, во вліятельныхъ кружкахъ королевской партіи, т.-е. среди людей, близкихъ къ Чарторыжскимъ, такъ какъ они были главами его партіи и руководителями короля, ихъ племянника, составлялись замыслы о томъ, какъ бы прекратить эксплуатацію страны иностранными товарами, и принималось рѣшеніе установить на будущее время пошлины на всѣ товары, входящіе въ предѣлы Польши. Это рѣшеніе, еслибъ оно получило форму закона, всего сильнѣе поразило бы Пруссію, которая издавна привыкла безданно-безпошлинно наводнять своими произведеніями Польшу и наживаться на ея счетъ; потому естественно, что Фридрихъ II съ своей стороны твердо вознамѣрился не допускать никакихъ подобныхъ узаконеній въ Польшѣ. Между тѣмъ Екатерина, напротивъ, вполнѣ одобряла поляковъ и какъ въ дѣлѣ пограничныхъ столкновеній, такъ и въ вопросѣ о пошлинахъ стояла всецѣло на ихъ сторонѣ. Разъ Екатерина поддерживаетъ поляковъ, Фридриху нельзя было и думать принудить ихъ пожертвовать своими собственными интересами въ пользу прусскихъ. Войны онъ не хотѣлъ, а мирныхъ средствъ воздѣйствія, помимо союза съ Россіей, у него не было никакихъ, да и самый союзъ этотъ былъ для него слишкомъ дорогъ, чтобы рисковать имъ изъ-за такихъ сравнительно мелочей. Легко поэтому представить себѣ, какое впечатлѣніе должны были произвести на него эти заключительныя слова въ письмѣ Екатерины.

Онъ прекрасно зналъ, въ какомъ она находится настроеніи относительно Понятовскаго и Польши. Его посланникъ Сольмсъ съ обычнымъ усердіемъ, изо дня въ день извѣщалъ его обо всемъ, о каждомъ словѣ Панина и императрицы. Какое значеніе все это имѣло для Фридриха, видно изъ того, что, не смотря на точность и подчасъ мелочность подробностей въ донесеніяхъ Сольмса, Фрид-

рихъ все-таки находилъ это недостаточнымъ. Въ каждой депешѣ его, относящейся къ первымъ мѣсяцамъ послѣ избранія Понятовскаго, неизмѣнно значится: «Прошу васъ тщательно слѣдить за дѣйствіями и настроеніемъ русскаго двора...»; «не упускайте изъ виду ничего...»; «поговорите еще разъ о томъ-то съ гр. Панинымъ и прослѣдите хорошенько за впечатлѣніемъ, какое это произведетъ на него...»; «разузнайте хорошенько, какъ отнеслась къ тому или этому императрица...»; «прошу васъ слѣдить и въ точности доносить мнѣ». Почти такъ же часто требовались отъ Сольмса точнѣйшія указанія, въ какомъ положеніи находится при дворѣ то или другое лицо, какъ смотритъ на него императрица, каковы его отношенія къ Орловымъ, къ Панину, ко всѣмъ вообще выдающимся и вліятельнымъ при дворѣ лицамъ. Излишне прибавлять, что Сольмсъ исполнялъ все это съ истинно нѣмецкой акуратностью, такъ что Фридрихъ, этотъ мудрѣйшій политикъ и великій сердцевѣдъ, имѣлъ возможность совершенно безошибочно выводить свои заключенія.

А выводить ихъ было изъ чего. Это достаточно видно уже и изъ предъидущаго; но было еще нѣчто, болѣе важное, чѣмъ все сказанное, и нѣчто такое, что грозило разрушить въ зародышѣ всѣ планы Фридриха, обратить въ ничто всѣ его хлопоты и искусныя дипломатическія мины, сдѣлать даже приблизительно безполезнымъ союзъ его съ Россіей. Это было благосклонное отношеніе и почти данное уже согласіе Екатерины на измѣненіе польской конституціи. Въ Польшѣ давно уже существовала партія, вполнѣ сознававшая, на какомъ безусловно гибельномъ пути находится польское государство и какъ безвозвратно рѣшена его участь — подчиненія иноземному владычеству, если не прекратится то состояніе вѣчныхъ смутъ, вооруженныхъ столкновеній и волненій, непрерывный рядъ которыхъ издавна уже составлялъ всю исторію Польши. Эта партія стремилась уничтожить самый корень зла: отсутствіе власти, пользующейся достаточнымъ авторитетомъ въ странѣ и вооруженной достаточной силой, чтобы обуздать безграничное своеволіе шляхты и подчинить дѣйствію закона, поколѣніями привыкшее насмѣхаться надъ всякимъ закономъ и помыкать всякой властью, магнатство. Лучшіе люди партіи — а это были въ то же время и лучшіе люди Польши — хотѣли, для созданія стойкаго противовѣса буйной шляхтѣ, расширить политическія права мѣщанства, освободить и умственно, и экономически поднять крестьянство. Правда, немного, но находились однако и такіе люди, которые поднимали голосъ за надѣлъ крестьянъ землею. Проповѣдь обо всемъ этомъ дѣятельно

велась какъ въ общественныхъ собраніяхъ, такъ и путемъ печати, въ формѣ брошюръ, изобиловавшихъ въ то время въ Польшѣ. Но сами эти люди сознавали, что это путь, если и самый вѣрный, то все же слишкомъ долгій и слишкомъ трудный, а передъ Польшей времени было немного, она должна была спѣшить, потому что не теряли времени ея враги. Въ виду этого единственными средствами спасенія было: усиленіе власти короля, содѣланіе короны наслѣдственной и, главное—безъ котораго невозможны были и первыя — уничтоженіе несчастнаго, рокового для Польши права каждаго шляхтича однимъ своимъ veto дѣлать недѣйствительными всѣ постановленія сейма и «срывать» самый сеймъ.

Принципъ liberum veto самъ по себѣ, отвлеченный отъ условій мѣста и времени, могъ бы, пожалуй, разсматриваться какъ одинъ изъ лучшихъ и справедливѣйшихъ принциповъ. Ибо онъ въ совершеннѣйшей степени ограждаетъ интересы меньшинства отъ насилованія ихъ большинствомъ и, наконецъ, возможно представить себѣ и такой случай, когда во всей массѣ рѣшающихъ судьбу даннаго, весьма важнаго для государства вопроса только одинъ человѣкъ сохранитъ хладнокровіе и только его голосъ окажется голосомъ благоразумія, а всѣ остальные будутъ находиться въ состояніи возбужденія и увлеченія, подъ вліяніемъ которыхъ люди и въ массѣ, и даже въ массѣ болѣе, чѣмъ въ одиночку, способны принимать самыя безумныя и вредныя рѣшенія. Но такіе моменты къ счастію, чрезвычайно рѣдки, а государственный строй долженъ имѣть въ виду не исключительные, разъ въ нѣсколько столѣтій встрѣчающіеся случаи, а обыденную жизнь государства и народа. Въ обыденное же время liberum veto имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что для цѣлесообразнаго и благотворнаго пользованія имъ необходимо— sine qua non — чтобы умственное и нравственное развитіе всей массы народа и каждой отдѣльной личности въ немъ стояло приблизительно на одной и притомъ чрезвычайно высокой степени. Разъ этого условія нѣтъ, этотъ самый принципъ роковымъ образомъ долженъ выродиться въ нѣчто безобразное и абсолютно пагубное, долженъ сдѣлаться источникомъ буйства, подкупа, продажности, деморализаціи всякаго рода. Вышеупомянутая партія благоразумныхъ поляковъ—она же королевская и русская партія—понимала это и поставила себѣ цѣлію избавить Польшу отъ главной и самой болѣзненной язвы ея.

Однако, вслѣдствіе давности ея существованія и привычки къ ней организма, который она разъѣдала, быстро приближая

его къ могилѣ, къ этой язвѣ нельзя было прикасаться иначе, какъ съ величайшей осторожностью. Собственно масса народа, безправная и подавленная, относилась къ ней безразлично; но шляхта, которой она была выгодна, стояла за нее горой и даже чрезвычайно гордилась ею, какъ такой будто бы широкой мѣрой свободы, какой не пользовался ни одинъ народъ въ Европѣ. Да и сосѣднія иностранныя государства навѣрное весьма неблагосклоннымъ окомъ взглянули бы на уничтоженіе liberum veto, если бы сдѣлать это прямо, безъ стратегическихъ хитростей. Ни для кого изъ мыслящихъ поляковъ не было тайной, что ихъ сосѣди считаютъ (и весьма справедливо) анархію въ ихъ государствѣ лучшимъ оплотомъ своего вліянія въ Польшѣ и что на попытку прекратить эту анархію посмотрятъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не только какъ на нарушеніе своихъ интересовъ, но еще, пожалуй, какъ на покушеніе на ихъ законное и священное право. Въ особенности Пруссія и труда себѣ не задавала скрывать свои воззрѣнія на этотъ предметъ, а что касается до Россіи, то имп. Екатерина съ такой заботливостью охраняла «права и вольности польскаго народа», что и она, пожалуй, готова встать всѣми своими силами за неприкосновенность анархіи. Тогдашній первый министръ русскій, Панинъ, этого взгляда не раздѣлялъ, а Екатерина, вслѣдствіе стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, находилась въ благодушномъ настроеніи духа относительно поляковъ, такъ что являлась надежда, что они согласятся допустить, если не прямо уничтоженіе liberum veto, то хотя нѣкоторое измѣненіе въ конституціи.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе условія внутреннія и внѣшнія, приходилось, чтобы спасти Польшу, пускаться на хитрости, выдумывать компромисы и идти къ цѣли обходными путями. Королевская партія, во главѣ которой стояли князья Чарторыжскіе, дяди короля, нашли этотъ обходный путь въ отличіи liberum veto отъ liberum rumpo, т.-е. права депутата единичнымъ протестомъ «срывать» самый сеймъ, дѣлать не дѣйствительными не только то рѣшеніе, по которому послѣдовалъ протестъ, но и всѣ остальныя уже принятыя, или имѣющія быть принятыми постановленія сейма, вслѣдствіе чего ему ничего не оставалось болѣе, какъ разойтись.

Liberum rumpo былъ новый, изобрѣтенный королевской партіей терминъ, но собственно новаго понятія онъ въ себѣ не заключалъ, ибо право срывать сеймъ представляло не столько право, сколько постепенно вошедшее въ употребленіе и освященное временемъ злоупотребленіе. Дѣйствительно, оно основы-

валось, такъ сказать, на обычномъ правѣ, не на писанномъ законѣ, ибо въ конституціи оно не было точно обозначено, такъ что отмѣна liberum rumpo не нарушала бы конституціи, и въ сущности, руководствуйся сосѣднія державы дѣйствительно правомъ, а не одною лишь силою въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, имъ не представлялось бы законнаго предлога къ вмѣшательству, не смотря на то, что онѣ, т.-е. Россія и Пруссія—гарантировали республикѣ неприкосновенность ея конституціи. Малая, очень малая, но все же существовала надежда просьбами и убѣжденіями добиться ихъ согласія. Хлопоты объ этомъ при русскомъ дворѣ возложены были королемъ и его партіей на графа Ржевусскаго, экстраординарнаго посла, отправленнаго въ Петербургъ для извѣщенія о восшествіи Станислава-Августа на польскій престолъ. При этомъ—характерный фактъ—ему было поручено чуть ли не раньше еще, чѣмъ съ Панинымъ, повидаться съ прусскимъ посланникомъ Сольмсомъ и его постараться склонить на свою сторону. Екатерина приняла Ржевусскаго въ высшей степени милостиво (Панинъ, нечего и говорить, тотчасъ же сталъ другомъ и дѣятельнымъ помощникомъ его). Онъ въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался постояннымъ гостемъ при дворѣ и даже удостоился приглашенія на вечеръ въ интимный кружокъ императрицы. Она не сразу высказалась положительно насчетъ его главнаго порученія, которое онъ передалъ и ей, и Панину тотчасъ же по пріѣздѣ; но уже тотъ фактъ, что она не отвергла его, а обѣщала подумать и обсудить, чтó тутъ можно сдѣлать, давалъ право надѣяться на благополучный исходъ, тѣмъ болѣе, что, не давая отвѣта оффиціально, она въ частныхъ разговорахъ относилась о польскомъ проектѣ весьма симпатично. Въ особенности внушало надежду то знаменательное обстоятельство, что Екатерина, до сихъ поръ шагу не дѣлавшая безъ предварительнаго совѣщанія съ прусскимъ королемъ, на этотъ разъ не только не попросила его совѣта, но даже и не увѣдомила его ни о проектѣ польскаго короля и его партіи, ни въ особенности о томъ, что они уже обратились къ ней съ просьбою согласиться на него и оказать имъ поддержку. Все это Фридрихъ узналъ отъ Сольмса и отъ своихъ агентовъ въ Варшавѣ а не отъ Екатерины и даже не отъ Панина, который, въ противность своему обыкновенію, тогда лишь вступилъ въ объясненія съ Сольмсомъ, когда тотъ самъ заговорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ. Очевидно было, что какъ польскія, такъ и прусскія дѣла находятся при русскомъ дворѣ совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ какомъ были еще полгода назадъ. Нужно ли говорить, какъ отнесся

ко всему этому прусскій король и какого рода дѣйствія это вызвало съ его стороны!

Въ началѣ, повидимому, не довѣряя безповоротности рѣшенія Екатерины, онъ попробовалъ подѣйствовать на нее обычнымъ путемъ убѣжденій. Затѣмъ, когда этого оказалось недостаточно, онъ приступилъ къ воздѣйствію иного рода. Впрочемъ, вся эта исторія отношенія обоихъ государствъ—Пруссіи и Россіи—къ попыткѣ поляковъ спасти свою страну измѣненіемъ внутренняго строя ея, такъ характерна и такъ рельефно выказываетъ роль каждаго изъ нихъ въ конечной гибели несчастной республики, что мы предпочитаемъ говорить объ этомъ подлинными словами оффиціальныхъ документовъ, служащихъ намъ матеріалами. Теперь никто уже не будетъ отрицать серьезной политической важности вопроса о русско-нѣмецко-польскихъ отношеніяхъ. Существовавшая одно время мода на такое отрицаніе прошла довольно скоро и едва ли вернется когда-нибудь. Особенно въ послѣднее время вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ частыхъ и многочисленныхъ обсужденій въ печати какъ русской, такъ и нѣмецкой. При этомъ—фактъ весьма замѣчательный—постоянно всплываетъ на поверхность вопросъ о томъ: съ кѣмъ выгоднѣе, лучше и безопаснѣе полякамъ идти въ будущемъ рука объ руку, съ русскими или съ нѣмцами? Его большею частію избѣгаютъ ставить прямо. Откровенно и всегда дѣлаютъ это одни поляки, русскіе—рѣдко, нѣмцы—почти никогда. Но не смотря на уклончивость постановки и на маскировку, именно этотъ, а не иной вопросъ постоянно чувствуется читателями во всѣхъ разсужденіяхъ и читается ими тамъ между строкъ,—но отвѣта на него не получается. Одни изъ самолюбія, другія изъ боязни ошибиться, третьи, чтобъ не связать себѣ рукъ на будущее время, четвертые просто вслѣдствіе неизвѣстности будущаго и неимѣнія твердой опоры въ настоящемъ, нг никто не говоритъ опредѣленно и ясно, всѣ только ходятъ около вопроса. Гдѣ же найти отвѣтъ на него? Очевидно въ исторіи, и въ этомъ отношеніи, что можетъ быть поучительнѣе оффиціальныхъ актовъ и документовъ, которые даютъ читателю одну голую истину, не искаженную тенденціозностію, не прикрашенную субъективнымъ взглядомъ изслѣдователя? Читая интересные документы, изданные Русскимъ Историческимъ Обществомъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнные, что они писаны нѣмцами для нѣмцевъ, безъ малѣйшаго подозрѣнія о будущемъ преданіи ихъ гласности, читатели убѣдились бы, изъ устъ самихъ нѣмцевъ, какъ въ дѣйствительности относилась къ Польшѣ Россія и какъ Пруссія, въ комъ встрѣчали поляки подъ грубостію внѣш-

нихъ формъ все-таки извѣстное сочувствіе и въ комъ безпощадную ненависть. Всѣхъ документовъ привести нельзя; желающіе познакомиться съ ними должны обратиться къ изданіямъ Р. И. Об., но нѣкоторые, наиболѣе характерные необходимо, кажется намъ, привести цѣликомъ и мы увѣрены, что читатели не посѣтуютъ за это на насъ.

Итакъ, Станиславъ-Августъ и его партія изобрѣли новый терминъ и, отдѣливъ отъ liberum veto понятіе о liberum rumpo, разумѣли первое оставить, а второе уничтожить и провести эту мысль при русскомъ дворѣ поручили гр. Ржевусскому, вмѣнивъ ему, между прочимъ, въ обязанность (имѣли неосторожность вмѣнить въ обязанность) искать поддержки и у прусскаго посланника, гр. Сольмса, которому мы и уступаемъ теперь слово. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу своему королю и повелителю, въ половинѣ сентября 1764 г.: «Польскій посланникъ объяснилъ мнѣ это (подробности проекта измѣненія конституціи) съ намѣреніемъ, чтобы я поддержалъ его предложеніе въ глазахъ гр. Панина и сообщилъ его вашему величеству, а также въ желанія показать, что поляки, требуя косвенно дѣйствительности своего сейма, не думаютъ добиваться независимости отъ сосѣднихъ державъ, но патріоты хотятъ только искоренить злоупотребленія, вкравшіяся къ нимъ подъ прикрытіемъ кажущейся свободы.

«Гр. Панинъ одобрилъ это предложеніе. Ему кажется, что установленная между его дворомъ и вашимъ величествомъ система выиграетъ, если Польша достигнетъ положенія, въ которомъ она можетъ быть сколько-нибудь полезною для своихъ союзниковъ, а по отношенію къ Россіи—въ состояніи будетъ хотя бы частію вознаградить, въ случаѣ войны съ Портою, потерю, которую она почувствуетъ, лишившись искренней помощи Австріи. Такъ какъ намѣреніе (русскаго двора) навсегда отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Австріи остается по прежнему неизмѣннымъ, то онъ находитъ, что неблагоразумно было бы надѣяться на какую бы то ни было помощь съ ея стороны въ подобномъ случаѣ. Поэтому, имѣя цѣлію поставить Польшу на ту степень могущества, при которой она могла бы съ пользою поддерживать систему, онъ полагаетъ, что, допустивъ тамъ введеніе большаго порядка въ отправленіи правосудія и въ устройствѣ торговли и внутренней полиціи, эта цѣль будетъ достигнута и въ то же время нечего опасаться, чтобы подобная реформа сдѣлала Польшу такимъ государствомъ, могущество котораго сдѣлается грознымъ для ея сосѣдей новаго союза, такъ какъ послѣдніе,

своимъ согласнымъ и одинаковымъ образомъ дѣйствій въ отношеніи республики, всегда сохранятъ значительную долю участія въ управленіи ею. Впрочемъ, онъ признаетъ, что эта мысль, по новизнѣ и неожиданности своей, не можетъ не поразить и даетъ поводъ подозрѣвать, что люди, ее предлагающіе, имѣютъ затаенныя цѣли, которыхъ нельзя пока распознать; и такъ какъ благоразуміе не дозволяетъ слѣпо полагаться, въ дѣлѣ такой важности, на гр. Ржевусскаго, будто его предложеніе вполнѣ согласно съ законами и конституціей республики, то гр. Панинъ рѣшилъ представить сперва подробное донесеніе объ этомъ государынѣ, чтобы ознакомить ее съ вопросомъ, а, получивъ ея одобреніе, передать его гр. Кейзерлингу. Будучи знакомъ съ законами и конституціей Польши и имѣя возможность тамъ, на мѣстѣ, ознакомиться съ ними еще лучше, онъ обсудитъ дѣло и, руководствуясь пріобрѣтенными свѣдѣніями, вступитъ въ переговоры съ королемъ и вождями республики, а затѣмъ пришлетъ сюда проектъ новаго закона, изложенный въ такихъ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, которыя въ будущемъ не могли бы дать партіи недовольныхъ повода поражать насъ нашимъ собственнымъ оружіемъ.

«Я счелъ долгомъ потребовать, чтобы дѣло не рѣшилось безъ одобренія и участія вашего величества, и онъ увѣрилъ меня, что ни къ чему не будетъ приступлено прежде, чѣмъ состоится формальное соглашеніе объ этомъ обоихъ дворовъ».

Мы сказали выше, что вожди республики имѣли неосторожность приказать Ржевусскому искать поддержки Сольмса. И, повидимому, это дѣйствительно была большая неосторожность, потому что, судя по дѣйствію, какое донесеніе Сольмса произвело при берлинскомъ дворѣ, надо полагать, что полякамъ на этотъ разъ удалось, par extraordinaire, сохранить свои намѣренія въ тайнѣ отъ прусскихъ агентовъ, такъ что въ Берлинѣ ничего не знали. Получивъ донесеніе Сольмса, министры Финкенштейнъ и Герцбергъ сильно переполошились и тотчасъ же послали королю въ Потсдамъ слѣдующее донесеніе: «Изъ послѣдней депеши гр. Сольмса ваше величество видите, что гр. Ржевусскій, польскій министръ въ Петербургѣ, просилъ согласія императрицы на уничтоженіе права liberum rumpo на польскомъ сеймѣ, съ оставленіемъ одного лишь liberum veto. Это предложеніе показалось намъ столько важнымъ, что мы не можемъ обойтись безъ приказаній вашего величества относительно того, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ дать инструкціи министрамъ петербургскому и варшавскому, а пока мы ограничиваемся тѣмъ, что спрашиваемъ мнѣнія этихъ послѣднихъ прилагаемой при семъ депешей. Если дозволено намъ будетъ

высказать свое мнѣніе, то намъ кажется весьма опаснымъ соглашаться на уничтоженіе въ Польшѣ liberum rumpo, потому что оно безспорно составляетъ главное оружіе, которымъ иностранныя державы могутъ пользоваться для противодѣйствія планамъ короля или партіи недовольныхъ въ Польшѣ; для вашего же величества всегда будетъ выгоднѣе, чтобы Польша оставалась въ настоящемъ своемъ анархическомъ состояніи. Даже самой Россіи придется, пожалуй, когда-нибудь пожалѣть, если она имъ посодѣйствуетъ или дозволитъ полякамъ развить свои весьма значительныя природныя силы». Оказалось, что министры безпокоились напрасно. Король, котораго они являлись только вѣрными отголосками, успѣлъ ужъ не только прочесть донесеніе Сольмса, но и написать и отправить отвѣтъ на него. Вотъ этотъ отвѣтъ: «Берегитесь оказать какую бы то ни было поддержку предложенію, изложенному гр. Ржевусскимъ въ запискѣ на имя гр. Панина, относительно liberum veto поляковъ. Меня даже изумило, что послѣднему оно, повидимому, очень понравилось. Вотъ ужъ именно, что называется торопиться; съ перваго раза оно можетъ показаться бездѣлицей, но это далеко не такъ, это пунктъ первостепенной важности, послѣдствіемъ котораго будетъ не только постепенное уничтоженіе конституціи республики, но даже опасность для всѣхъ сосѣдей, а для интересовъ Россіи весьма большой вредъ. Правда, что въ настоящую минуту, въ виду зависимости, въ которой республика находится отъ Россіи, опасаться нечего; но обстоятельства могутъ измѣниться со дня на день, и Россіи, подобно прочимъ сосѣдямъ республики, придется, можетъ быть, раскаяться въ поддержкѣ этого предложенія, во всѣхъ отношеніяхъ весьма вреднаго. Надо имѣть въ виду, что какъ только будетъ измѣнена одна какая-нибудь статья въ настоящей формѣ правленія или въ конституціи Польши, то на этомъ дѣло не остановится и нельзя ужъ будетъ помѣшать тогда паденію всей этой формы правленія, а это событіе прежде всего отразится на самой Россіи. Вотъ что вы должны хорошенько объяснять гр. Панину, заставляя его понять громадную важность этого дѣла и необходимость для него не слишкомъ торопиться, а прежде, чѣмъ рѣшить что-либо, получше обдумать вредныя и опасныя послѣдствія, могущія произойти, если когда-нибудь сосѣди помогутъ полякамъ прикоснуться къ настоящей формѣ правленія и измѣнить въ ней хотя бы одинъ пунктъ».

За этой депешей, собственноручно написанной Фридрихомъ, безостановочно слѣдовали другія, все того же содержанія и на разстояніи никакъ не болѣе трехъ-четырехъ дней. 27-го октября

министры пишутъ отъ имени короля: «Нѣсколько времени тому назадъ я сообщилъ вамъ, почему нахожу неудобнымъ удовлетворить просьбѣ, представленной поляками въ Петербургѣ относительно liberum rumpo. Одно мѣсто въ послѣднихъ, полученныхъ мною депешахъ изъ Варшавы доставляетъ мнѣ случай сегодня вновь коснуться этого предмета, кажущагося мнѣ весьма важнымъ по послѣдствіямъ, къ которымъ онъ можетъ привести. Продолжаютъ серьезно подумывать объ установленіи большинства голосовъ вмѣсто единогласія (на сеймахъ), и нѣкто отецъ Канарскій издалъ даже брошюру, гдѣ старается доказать, что поляки этимъ не сдѣлаютъ никакого нововведенія, а только возстановятъ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ они были прежде. Не сомнѣваюсь, что эта брошюра, распространившаяся въ Польшѣ, была прислана и въ Петербургъ, а потому не стану говорить вамъ болѣе подробно о ея содержаніи. Единственное размышленіе, которое я выскажу по поводу ея, это то, что предлагаемыя поляками ограниченія, для успокоенія своихъ сосѣдей насчетъ замышляемой ими перемѣны, отнюдь не кажутся мнѣ достаточными. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что въ существующей формѣ правленія Польши не должно допускать ни самомалѣйшаго измѣненія, какимъ бы невиннымъ ни казалось оно съ перваго взгляда. Не сомнѣваюсь, что когда русское министерство серьезно о немъ подумаетъ, то придетъ къ тому же мнѣнію. А въ такомъ случаѣ ему не слѣдуетъ терять времени, надо помѣшать республикѣ принять, на коронаціонномъ сеймѣ, мѣры, клонящіяся ко вреду сосѣднихъ державъ; иначе петербургскому двору первому, можетъ быть придется раскаяться. Итакъ, не пренебрегайте этимъ предметомъ въ вашихъ разговорахъ съ гр. Панинымъ и сообщайте мнѣ, какія, соотвѣтственно этому, мѣры вызоветъ онъ со стороны государыни»... 30-го октября отправилась новая депеша: «Поляки, повидимому, все еще подумываютъ объ уничтоженіи liberum rumpo. Я уже васъ извѣстилъ, по какой причинѣ считаю это нововведеніе однимъ изъ самыхъ опасныхъ для сосѣднихъ державъ, и остаюсь по прежнему того мнѣнія, что надо стараться непремѣнно предотвратить его. Мои министры въ Варшавѣ сообщаютъ мнѣ, однако, что невозможно будетъ не допустить его, если только русская императрица не прикажетъ прямо объявить полякамъ черезъ кн. Репнина, что она не выведетъ изъ Польши своего войска, пока они не откажутся формально отъ намѣренія измѣнить свою форму правленія, а въ особенности отмѣнить liberum rumpo. Это, въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе дѣйствительное средство, какое только можно употребить, чтобы заставить этихъ людей

отказаться отъ своего опаснаго плана; но такъ какъ я не знаю, насколько гр. Панинъ пожелаетъ раздѣлить эту мысль, то вы постараетесь вывѣдать это настолько, чтобы быть въ состояніи сообщить мнѣ въ точности его взглядъ на этотъ важный предметъ». 3-го ноября опять повторяется: «Полученныя мною изъ Варшавы письма подтверждаютъ то, что уже мнѣ было сообщено о намѣреніи поляковъ принять на будущемъ коронаціонномъ сеймѣ мѣры, которыя впослѣдствіи могутъ оказаться одними изъ самыхъ вредныхъ для сосѣднихъ державъ. Изъ предъидущихъ моихъ приказаній вамъ извѣстно, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь. Замышляемыя нововведенія принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ. Кромѣ того, что я вамъ уже говорилъ относительно уничтоженія liberum rumpo, намѣреваются еще усилить войско, на что тоже, конечно, нельзя смотрѣть равнодушно. Увѣряютъ, что гр. Ржевусскій старается убѣдить русскій дворъ взглянуть сквозь пальцы на предложенное въ Польшѣ увеличеніе арміи въ 10,000 человѣкъ, и этого, пожалуй, дѣйствительно трудно будетъ не допустить, такъ какъ, въ силу pacta conventa, польскій король обязался, кромѣ 1,200 человѣкъ, набирать еще число войскъ, равное четыремъ полкамъ коронной гвардіи, оставленныхъ республикою въ его распоряженія. Но, по крайней мѣрѣ, надо всѣми силами стараться воспрепятствовать осуществленію другихъ плановъ, которые умышляются и мною уже сообщены вамъ. Мои министры въ Варшавѣ остаются при томъ же мнѣніи, т.-е. что такъ какъ предстоящій сеймъ будетъ еще подъ вліяніемъ конфедераціи и, слѣдовательно, рѣшать большинствомъ голосовъ, то только русскій дворъ можетъ разрушить упомянутые планы, пригрозивъ полякамъ, что онъ не выведетъ свои войска, пока они не обяжутся воздержаться отъ какого бы то ни было измѣненія въ существующей формѣ ихъ правленія. Но для достиженія этой цѣли не слѣдуетъ терять времени; срокъ созванія коронаціоннаго сейма ужъ близокъ, и если кн. Репнину не будутъ даны безотлагательно точныя приказанія сдѣлать надлежащія внушенія, то ударъ будетъ нанесенъ и его ужъ не воротить». Такъ писали король и министры своему послу, который, разумѣется, въ точности исполнялъ ихъ приказанія и интриговалъ, что было силы, противъ поляковъ. Но кромѣ того Фридрихъ не упускалъ случая воздѣйствовать и непосредственно на Екатерину. Въ одинъ день съ отправкой депеши къ Сольмсу, 30-го октября, онъ писалъ и лично императрицѣ: «...Безъ сомнѣнія ваше императорское величество увѣдомлены о томъ, что многочисленная часть польскихъ магнатовъ рѣшила уничтожить

единогласіе при рѣшеніяхъ сейма и установить законъ, которымъ допускается большинство голосовъ. Этотъ проектъ крайне важенъ по своимъ послѣдствіямъ для всѣхъ сосѣдей Польши. Я полагаю, что напрасно было бы тревожиться по поводу этой перемѣны въ продолженіе правленія настоящаго короля; но, государыня, политика, объемлющая и будущее, заставляетъ разсматривать въ подобной перемѣнѣ не только ближайшее ея дѣйствіе, но и то, какое она можетъ возъимѣть со временемъ. Если ваше императорское величество согласитесь, то впредь можете раскаяться въ томъ, а Польша можетъ стать державою, опасною для своихъ сосѣдей; тогда какъ, государыня, поддерживая старые законы этого государства, за которое вы поручились, вы всегда будете имѣть возможность произвести въ немъ перемѣны, когда найдете то возможнымъ. Впрочемъ, государыня, я не вижу лучшаго средства къ тому, чтобы воспрепятствовать полякамъ предаваться первымъ порывамъ восторга, какъ оставить ваши войска въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока сеймъ не будетъ оконченъ. Я говорю съ вашимъ величествомъ съ величайшей искренностью, а гдѣ можно лучше употребить ее, какъ не высказывая таковую самой просвѣщенной государынѣ Европы, дарованія которой объемлютъ все».

Такъ Фридрихъ училъ петербургскій дворъ тому, что онъ долженъ дѣлать. Какое же впечатлѣніе производили эти поученія на русскаго министра и императрицу? Послушаемъ на этотъ счетъ гр. Сольмса. Вотъ его донесенія, служащія отвѣтомъ на только-что приведенныя депеши:

«30-го октября. Я имѣлъ случай выставить гр. Панину причины, выраженныя въ непосредственной депешѣ вашего величества отъ 6-го октября, по которымъ, въ интересахъ обоихъ нашихъ дворовъ, оказывается неудобнымъ согласиться на то, чтобы поляки отмѣнили въ своей конституціи принятый до сихъ поръ способъ срывать сеймы. Онъ хотя и нашелъ ихъ правильными и весьма вѣскими, но счелъ долгомъ противупоставить имъ слѣдующія возраженія. Онъ не думаетъ, чтобы можно было принять за правило, будто бы въ интересѣ державъ не позволить полякамъ дѣлать измѣненія въ ихъ формѣ правленія. Онъ берется доказать фактами изъ исторіи предъидущихъ сеймовъ, что въ конституціи республики дѣлались измѣненія такъ часто, какъ этого требовали интересы двора, пользовавшагося въ данное время наибольшимъ вліяніемъ въ странѣ, и точно также многія статьи относительно диссидентовъ, принятыя въ другое время и получившія силу закона, были измѣнены въ этотъ разъ (на

конвокаціонномъ сеймѣ), безъ всякаго вмѣшательства въ пользу этого со стороны другихъ дворовъ, въ томъ числѣ вашего величества и Россіи. Измѣненіе это, въ случаѣ успѣха, отмѣнитъ законы, изданные противъ диссидентовъ на многихъ предшествовавшихъ сеймахъ, и потому самому можетъ быть сочтено за измѣненіе въ конституціи республики. Но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не объ отмѣнѣ закона, а только объ ограниченіи доведеннаго до крайности злоупотребленія свободой, то ему кажется, что было бы немножко жестоко останавливать попытку поляковъ выйти изъ того, нѣкоторымъ образомъ варварскаго состоянія, въ которомъ они пребываютъ вслѣдствіе такого злоупотребленія свободой. Тѣмъ болѣе, что видоизмѣненіе права срывать сеймъ можетъ быть столько же полезно для системы обоихъ дворовъ, сколько и вредно, смотря по тому, въ какихъ обстоятельствахъ они будутъ находиться и что̀ для нихъ будетъ желательнѣе—дѣйствительность ли сейма, или разрывъ его.

«Впрочемъ, это только личное мнѣніе гр. Панина, но я могу увѣрить ваше величество, что ничего еще не рѣшено по означенному вопросу, и я сомнѣваюсь, чтобы скоро было рѣшено, тѣмъ болѣе, что въ настоящую минуту некому и двигать дѣло, такъ какъ гр. Ржевусскій, по несчастью, заболѣлъ и не можетъ хлопотать о немъ». Затѣмъ, 9-го ноября, Сольмсъ снова увѣдомляетъ: «Вчера, посѣтивъ ген. Панина, по случаю смерти его жены, я засталъ тамъ его брата, министра, который самъ началъ со мною разговаривать объ измѣненіи права liberum veto на польскихъ сеймахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что чѣмъ больше обдумываетъ это дѣло, тѣмъ меньше видитъ основаній отвергнуть его. Онъ соглашается, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, Россія болѣе заинтересована въ этомъ измѣненіи, чѣмъ ваше величество; но такъ какъ вы ничего не теряете съ нимъ, то, разсматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, слѣдуетъ скорѣе согласиться на него. Измѣненіе это, выгодное для настоящей системы, легко, конечно, можетъ оказаться невыгоднымъ тому или другому изъ нашихъ дворовъ впослѣдствіи, въ случаѣ если бы они разошлись въ своихъ интересахъ; но почти во всѣхъ системахъ встрѣчается, что то обстоятельство, которое подходитъ сегодня, можетъ не соотвѣтствовать при другихъ условіяхъ, и это соображеніе не мѣшаетъ, однако, союзникамъ трудиться на пользу настоящаго ихъ интереса. Если дѣлать предположенія, то онъ предпочитаетъ полагать, что союзъ Пруссіи съ Россіей будетъ проченъ и продлится на будущіе вѣка. Присоединеніе Польши было бы, несомнѣнно, весьма выгодно для этого союза и въ

особенности для сѣверной системы; но, чтобы ожидать сколько-нибудь дѣйствительной пользы отъ этого государства, ему кажется, что, не усиливая его существенно, слѣдуетъ, однако, поставить его въ такое положеніе, при которомъ оно могло бы сдѣлать нѣкоторыя усилія, когда общій интересъ нашего союза заставитъ къ нимъ прибѣгнуть. Впрочемъ, не опасаясь впасть въ преувеличеніе, онъ считаетъ возможнымъ надѣяться, что кредитъ и вліяніе обоихъ дворовъ въ дѣлахъ Польши останутся всегда столь значительными, что мы въ состояніи будемъ направлять рѣшенія сейма согласно нашему общему интересу. Послѣднее высказанное имъ соображеніе заключалось въ томъ, что если поляки, въ негодованіи на отказъ обоихъ дворовъ согласиться на уничтоженіе этого зла въ ихъ конституціи и не взирая на него, вздумаютъ сами сдѣлать это, то не придется ли тогда нашимъ дворамъ употребить силу противъ силы. Между тѣмъ, допустивъ означенное измѣненіе, мы можемъ надѣяться снискать ихъ дружбу и ихъ довѣріе, тогда какъ, воспротивившись этому, мы рискуемъ охладить ихъ и подать мысль обратиться къ содѣйствію Австріи для возведенія себя на степень благоустроеннаго государства.

«Я, государь, опровергалъ эти разсужденія гр. Панина доводами, высказанными вами въ непосредственной депешѣ отъ 6-го октября. Не могу, однако, утверждать, что я разубѣдилъ его; я не нашелъ, чтобъ онъ упорно держался этого взгляда, но несомнѣнно, что онъ крайне предубѣжденъ въ пользу его. На вопросъ мой о томъ, приступлено ли уже къ какимъ-нибудь переговорамъ съ поляками по этому дѣлу, онъ меня положительно увѣрилъ, что еще нѣтъ, что онъ даже не говорилъ ничего императрицѣ и желаетъ сперва получить одобреніе вашего величества, а затѣмъ уже останется только дать знать полякамъ, что этому не воспротивятся и они сами примутъ надлежащія мѣры». 13-го ноября Сольмсъ пишетъ снова: «Всѣми силами постараюсь снова добиться разговора съ министромъ Панинымъ, чтобы увѣдомить его о мнѣніи вашего величества касательно измѣненія liberum veto на польскихъ сеймахъ. Не знаю удастся ли мнѣ уговорить его отправить кн. Репнину инструкціи, чтобы онъ употребилъ угрозы для предотвращенія удара. Онъ очень предубѣжденъ въ пользу этой идеи и считаетъ долгомъ человѣколюбія помочь полякамъ выйти изъ хаотическаго состоянія, не позволяющаго гражданамъ этого государства жить такъ же, какъ живутъ другіе образованные народы. Хорошо еще, если онъ оставитъ это дѣло и не вздумаетъ помогать его успѣху».

Панинъ, несомнѣнно, помогалъ и несомнѣнно говорилъ императрицѣ. Въ Берлинѣ это очень хорошо знали и въ особенности Фридрихъ не сохранялъ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій. Какъ мы видѣли выше, онъ самъ писалъ обо всемъ Екатеринѣ и, разумѣется, не могъ утѣшать себя фантастической мыслію, будто ей ничего неизвѣстно о намѣреніяхъ королевской партіи въ Польшѣ. Черезъ своихъ варшавскихъ агентовъ, онъ прекрасно зналъ, что Понятовскій не разъ уже писалъ Екатеринѣ и получалъ письма отъ нея, да и неимѣніе инструкцій, на которое ссылался кн. Репнинъ, слишкомъ выдавало дѣйствительное отношеніе императрицы къ дѣлу поляковъ, чтобы Фридрихъ могъ не понять его настоящаго характера. Несмотря на всегдашнюю (и часто выводившую Фридриха изъ терпѣнія) медленность и даже небрежность въ этомъ отношеніи русскаго двора, все же невозможно было допустить, чтобы этотъ дворъ въ теченіе двухъ почти мѣсяцевъ оставлялъ безъ инструкцій новаго посла на такомъ постѣ, какъ варшавскій. А Репнинъ являлся дѣйствительно почти новымъ посломъ, такъ какъ, за послѣдовавшей еще въ сентябрѣ смертію гр. Кейзерлинга, помощникомъ котораго онъ былъ, онъ остался одинъ представителемъ Россіи при польской республикѣ. Положеніе дѣлъ тамъ было такъ серьезно, а его собственное такъ отвѣтственно, что если бы и случился такой невѣроятный фактъ, что императрица и ея первый министръ забыли бы послать ему спеціальныя инструкціи, то онъ навѣрное попросилъ бы самъ. А такъ какъ, въ завершеніе всего, онъ былъ еще близкимъ родственникомъ Панина, его роднымъ племянникомъ, то было совершенно очевидно, что онъ просто отдѣлывался отъ прусскаго министра, увѣряя его, будто не получалъ никакихъ приказаній отъ своего двора. И эти увѣренія были тѣмъ знаменательнѣе, что, не получивъ будто бы спеціальныхъ инструкцій и, слѣдовательно, обязанный руководствоваться тѣми, какія были даны покойному Кейзерлингу, Репнинъ, тѣмъ не менѣе, отнюдь не считалъ нужнымъ придерживатся образа дѣйствій своего предшественника относительно поляковъ, и замѣтно мягче, дружелюбнѣе относился къ нимъ, видимо нисколько не опасаясь прогнѣвить свой дворъ. Наконецъ, тотъ фактъ, что Екатерина не отвѣтила Фридриху на то письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее о намѣреніяхъ поляковъ и подавалъ ей совѣты насчетъ этого — этотъ фактъ достаточно краснорѣчиво говорилъ самъ за себя; столь же краснорѣчиво говорило и то невниманіе, съ которымъ въ Петербургѣ отнеслись къ просьбѣ жителей города Торна, просившихъ заступничества императрицы по дѣлу

о лютеранской церкви, которую ихъ хотѣли будто бы заставить сломать. Въ самомъ ли дѣлѣ было такое намѣреніе, неизвѣстно, но дѣйствительно въ pacta conventa была статья, по которой Станиславъ-Августъ обязывался произвести изслѣдованіе о томъ, по какому праву выстроена въ Торнѣ лютеранская церковь. По поводу этой-то статьи торнскіе лютеране и просили тогда имп. Екатерину о защитѣ. Сольмсу было поручено разузнать въ точности, что думаетъ сдѣлать императрица относительно ходатайства города Торна. На распросы его объ этомъ отвѣтили, что такое ходатайство никогда не было обращаемо къ ея величеству, по крайней мѣрѣ о немъ въ Петербургѣ никто ничего не знаетъ. Фридриху, очень хорошо знавшему, что ходатайство послано русской императрицѣ и ею получено—это отрицаніе должно было показаться намѣренной увёрткой, и это опять выдавало настоящій образъ мыслей Екатерины. Впрочемъ, скоро и Сольмсъ убѣдился самъ и сообщилъ своему королю, какъ стоитъ дѣло въ этомъ отношеніи. Въ тотъ же день, которымъ помѣчена послѣдняя изъ приведенныхъ нами депешъ его, онъ писалъ слѣдующее: «Изъ достовѣрнаго источника узналъ сейчасъ, что гр. Панинъ представилъ уже ея величеству донесеніе о предложеніи поляковъ и ея величество на-отрѣзъ отказалась содѣйствовать введенію большинства голосовъ на сеймахъ анти-конфидеративныхъ... Что же касается различія liberum rumpo отъ liberum veto и значенія послѣдняго, которое, будучи произнесено на всеобщемъ сеймѣ, не должно уничтожать дѣйствительности всего сейма, хотя и можетъ отвергать извѣстное предложеніе, противъ котораго будетъ направлено, то ея величество менѣе противорѣчила ему и не нашла, чтобы можно было ожидать какихъ-нибудь опасныхъ послѣдствій, если державы допустятъ такое измѣненіе. Больше не могъ узнать сегодня, но постараюсь слѣдить за этимъ дѣломъ, чтобы въ слѣдующій разъ быть въ состояніи представить вашему величеству болѣе точныя свѣдѣнія». Черезъ три дня, прусскій посланникъ могъ уже съ полной увѣренностію (ибо узналъ это офиціально) повторить, что «ея величество намѣрена допустить уничтоженіе liberum rumpo для всеобщихъ, собирающихся обыкновенно разъ въ два года, сеймовъ, чтобы тѣмъ дать полякамъ возможность принимать, для внутренняго устройства своей страны, мѣры полицейскія, которыя не могутъ быть вредными для сосѣднихъ державъ, и способствовать улучшенію участи гражданъ, которые терпятъ вслѣдствіе злоупотребленія правомъ срывать сеймы и тѣмъ отвергать даже и предложенія, уже разъ принятыя». Гр. Панинъ, съ

своей стороны, повторилъ еще разъ, что въ интересѣ Россіи возбудить нѣкотораго рода дѣятельность въ Польшѣ, и въ то же время увѣдомилъ Сольмса, что просьба торнцевъ получена уже давно и кн. Репнину уже послано приказаніе принять участіе въ этомъ дѣлѣ и уладить его къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ. Поэтому онъ, Панинъ, предоставляетъ усмотрѣнію его величества, не найдетъ ли онъ нужнымъ приказать своимъ министрамъ въ Варшавѣ войти по этому предмету въ соглашеніе съ Репнинымъ и дѣйствовать заодно съ нимъ.

Это, конечно, было не то, чего хотѣлъ Фридрихъ и не для «улаженія къ обоюдному удовольствію» возникло, безъ всякой основательной причины, дѣло города Торна. Однако, онъ не высказалъ своего неудовольствія ни единымъ словомъ, по крайней мѣрѣ ни въ перепискѣ его съ Екатериной, ни въ депешахъ къ Сольмсу, нѣтъ на это никакого намека. Оставался ли онъ все это время въ бездѣйствіи, ограничиваясь одними переговорами и убѣжденіями русскаго двора? Въ этомъ можно сомнѣваться, хотя съ виду онъ и его агенты были непричемъ въ быстро наступившемъ радикальномъ измѣненіи взгляда Екатерины. А измѣненіе это произошло такъ, можно сказать, скоропостижно, что его только и можно объяснить себѣ только тѣмъ, что въ этой замѣчательной правительницѣ, обладавшей чисто мужскими силой ума, неустрашимостію и энергіей, сказалась, однако, женская натура и женская слабость. Обратимся опять къ Сольмсу, пусть онъ разскажетъ намъ о томъ, что произошло при русскомъ дворѣ. Какъ сказано, послѣдняя приведенная депеша его была послана 13 ноября; 20-го т.-е. черезъ недѣлю послѣ этого, онъ пишетъ уже слѣдующее: «Хотя съ послѣдней почтой я доносилъ, что ея величество, русская императрица рѣшила согласиться на измѣненіе польской конституціи съ цѣлію придать болѣе дѣйствительности рѣшеніямъ всеобщихъ сеймовъ и что гр. Панинъ оффиціально просилъ меня предупредить о томъ ваше величество и также объявилъ это гр. Ржевусскому, но сегодня я могу, однако, сообщить вашему величеству, что ея величество императрица измѣнила свое мнѣніе по этому предмету и, не желая слышать о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ, требуетъ положительно, чтобы въ Польшѣ дѣла оставались въ томъ видѣ, въ какомъ они были. Этотъ случай очень огорчаетъ гр. Панина. Независимо отъ утраты славы, которою онъ думалъ покрыть, себя, доставивъ, во время управленія своего министерствомъ, эту выгоду полякамъ, его печалитъ—и болѣе, чѣмъ онъ высказываетъ — внезапная перемѣна во взглядахъ ея величества императрицы. Это поставило его въ

необходимость самому опровергнуть слова, сказанныя имъ мнѣ, и увѣренія, данныя имъ польскому министру. Онъ скрылъ отъ меня свою затаенную досаду, объяснивъ мнѣ дѣло только въ тѣхъ словахъ, въ какихъ я изложилъ его выше, и добавивъ, что онъ ничего не слыхалъ о предполагаемомъ поляками увеличеніи войскъ на 10,000 человѣкъ. Но я знаю отъ другихъ, что это дѣло его глубоко огорчаетъ, главнымъ образомъ потому, что онъ приписываетъ такую перемѣну въ государынѣ внушеніямъ гр. Орлова, котораго назидаетъ гр. Бестужевъ. Я не имѣю возможности судить, насколько это вѣрно, но для него достаточно уже одного подозрѣнія, чтобы почувствовать сильное страданіе отъ упрековъ, которые онъ долженъ дѣлать самому себѣ за то, что упустилъ бывшіе у него въ рукахъ случаи совершенно удалить этого старика. — Я знаю также, что онъ надѣется еще вернуть императрицу къ первоначальному взгляду; но, предположивъ даже, что это возможно, я думаю, будетъ поздно примѣнять его на предстоящемъ сеймѣ. Гр. Ржевускій въ отчаяніи, что, получивъ такія надежды, онъ потерпѣлъ неудачу въ своемъ порученіи».

Еще черезъ три дня посланникъ извѣщалъ уже короля, что въ Петербургѣ «усердно занимаются составленіемъ инструкцій, которыя хотятъ послать въ Варшаву, чтобы недопустить на сеймахъ измѣненія, замышляемаго поляками»...

Итакъ, вотъ какъ отнеслись къ попыткѣ поляковъ русскіе и нѣмцы. Со стороны послѣднихъ — безпощадная вражда, безъ малѣйшаго колебанія произносимый смертный приговоръ; со стороны первыхъ — искреннее стремленіе оказать помощь и поддержку. Это стремленіе осталось безполезнымъ, но не вслѣдствіе какой-нибудь принципіальной ненависти русскаго къ поляку, а вслѣдствіе чисто внѣшнихъ условій: во-первыхъ, историческихъ особенностей русской жизни, во-вторыхъ потому, что русскимъ пришлось въ этомъ случаѣ столкнуться съ другимъ элементомъ, значительно превышавшимъ ихъ и умственнымъ своимъ превосходствомъ, и стойкостію въ стремленіи къ разъ намѣченной цѣли и, наконецъ, беззастѣнчивостію въ выборѣ средствъ. Не смотря на безуспѣшность ихъ стремленій, все таки характерно то обстоятельство, что именно русскіе — Панинъ и Репнинъ — на первыхъ порахъ съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ намѣреніямъ поляковъ, а потомъ, когда воля императрицы вынудила ихъ отказаться отъ мысли помочь полякамъ, долго, до самаго конца съ негодованіемъ отвергали мысль о раздѣлѣ Польши и боролись противъ нея, всѣми силами

стараясь отыскать какой-нибудь обходный путь, который позволилъ бы Россіи избѣжать этого рокового шага. Екатерина... Но Екатерина не была русская по крови, и притомъ — она была женщина. Чисто женское чувство къ когда-то любимому человѣку заставило ее не столько силою генія, сколько чутьемъ сердца понять, послѣ избранія Понятовскаго, настоящіе интересы Россіи въ дѣлахъ Польши и на женское же чувство подѣйствовали враги и Польши, и Россіи, чтобы совратить ее съ этого пути. То, что мы скажемъ сейчасъ, есть только предположеніе, для подтвержденія котораго нѣтъ фактическихъ данныхъ; но косвенныя улики кажутся намъ столь сильными, что мы рѣшаемся считать это предположеніе лишённымъ основательности. Оно состоитъ въ томъ, что Бестужевъ былъ рѣшительно не при чемъ въ дѣлѣ наущенія Орлова дѣйствовать у Екатерины противъ польскихъ интересовъ, а это, какъ и многое другое, было дѣломъ прусскаго посланника Сольмса. Бестужевъ, этотъ старый елизаветинскій канцлеръ, если и не особенно любилъ поляковъ, то вовсе и не чувствовалъ къ нимъ органической антипатіи, а Пруссію и въ особенности ея короля, наоборотъ, ненавидѣлъ такой непримиримой ненавистью, что изъ желанія сдѣлать имъ непріятность или существенное зло, онъ навѣрное не задумался бы пожертвовать не только интересами Орловыхъ, но и своими собственными. Когда существовала — если она существовала когда либо—опасность, какъ бы Екатерина не вздумала выдти замужъ за Понятовскаго, онъ могъ, конечно, интриговать противъ этого, испугавшись за положеніе Орловыхъ, которые одни помогали ему держаться при дворѣ, не смотря на антипатію къ нему государыни. Но разъ эта опасность была устранена и съ этой стороны ничто не угрожало Орловымъ, то интриговать противъ измѣненія внутренняго строя Польши, измѣненія, которое, какъ онъ не могъ не знать, прямо идетъ въ разрѣзъ съ желаніями Фридриха II и грозитъ самымъ жизненнымъ интересамъ ненавистной Пруссіи — ему не было никакой причины. Совсѣмъ напротивъ, были весьма вѣскія данныя желать этого. Что касается до самого Орлова, то извѣстно, что гр. Григорій Александровичъ такъ мало занимался дѣлами вообще и притомъ былъ такъ непроницателенъ, что навѣрное или и не зналъ бы вовсе, или, узнавши, не сообразилъ бы всей важности задуманной поляками перемѣны, а возставать противъ нея ему не пришло бы и въ голову, если бы его не надоумилъ какой-нибудь услужливый другъ. Кто могъ разыграть роль этого друга? Въ данномъ случаѣ пользу извлечь изъ Орлова могъ только Сольмсъ, потому что одной Прус-

сіи выгодно было помѣшать Екатеринѣ выполнить свое первое благое намѣреніе, и одинъ Фридрихъ хлопоталъ объ этомъ. Правда, Орловъ, подобно Бестужеву, не любившій Пруссію и бывшій сторонникомъ Австріи, не особенно благоволилъ къ Сольмсу; но Сольмсъ умѣлъ, да и по обязанности долженъ былъ сквозь пальцы смотрѣть на личное нерасположеніе къ нему лицъ, вліятельныхъ и высокопоставленныхъ при томъ дворѣ, при которомъ онъ состоялъ: не даромъ его король спеціально приказывалъ ему отнюдь не увлекаться личными чувствами, а стараться быть въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми и сблизиться даже съ такимъ отъявленнымъ врагомъ Пруссіи, какъ Бестужевъ. А ужъ объ Орловѣ нечего и говорить. Долгъ честнаго человѣка могъ бы не допустить Сольмса прибѣгать къ такимъ средствамъ воздѣйствія, какъ лживое внушеніе опасеній и возбужденіе ревнивой подозрительности Орлова; но Сольмсъ былъ дипломатомъ, а въ дипломатіи существуютъ объ этомъ свои собственныя понятія. Обыкновенная честность, въ общепринятомъ значеніи этого слова, называется въ дипломатіи не честностію, а глупостію, и надъ нею издѣваются.

Велика была, надо полагать, радость Фридриха, когда онъ узналъ о «внезапномъ измѣненіи во взглядахъ ея величества императрицы русской»; но она была не продолжительна. Скоро выяснилось до очевидности, что, хотя Екатерина и побаловала Орлова отмѣною своихъ уже сдѣланныхъ распоряженій насчетъ польскихъ дѣлъ, но что это было въ сущности не полный отказъ отъ прежнихъ намѣреній, а только отсрочка ихъ исполненія. Прежде всего оказалось, что строгія инструкціи Репнину касательно оставленія въ силѣ liberum veto во всемъ его прежнемъ объемѣ, инструкціи, встрѣченныя въ Берлинѣ съ восторгомъ (чтó и было выражено въ одной изъ депешъ къ Сольмсу), были даны лишь условно: если поляки будутъ противиться благимъ намѣреніямъ императрицы, —и въ инструкціяхъ значится, между прочимъ, хотя и высказанное довольно уклончиво, обѣщаніе заняться вопросомъ о возможныхъ измѣненіяхъ въ конституціи впослѣдствіи, при обсужденіи новаго союзнаго договора съ республикой. Затѣмъ былъ вновь ратификованъ прежній трактатъ 1686 года, чего Фридрихъ вовсе не желалъ и даже прямо отсовѣтовалъ. На коронаціонномъ сеймѣ все обошлось какъ нельзя спокойнѣй и попытка вызвать безпорядокъ, или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣнія оказалась совершенно безполезною. По почину прусскаго министра, Бенуа, Репнинъ вмѣстѣ съ нимъ сдѣлалъ представленіе въ пользу диссидентовъ; но когда сеймъ не пожелалъ даже выслушать предложеніе короля и примаса просто о свободѣ вѣроисповѣданій, то русскій министръ, не смо-

тря на всѣ убѣжденія своего прусскаго товарища, отнесся къ этому чрезвычайно равнодушно и не только не предпринялъ никакихъ болѣе или менѣе насильственныхъ мѣръ, но даже не выказалъ ни малѣйшаго охлажденія къ королю и къ Чарторыжскимъ. Въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ дружескихъ представленій прусскаго короля, немного взволновались-было, но къ мѣропріятіямъ тоже не сочли нужнымъ прибѣгать; напротивъ, одобрили миролюбивый и умиротворящій образъ дѣйствій своего посла и даже весьма охотно согласились на постановленіе сейма, чтобы конфедерація продлила свое существованіе до слѣдующаго сейма. Это постановленіе представляло прямой обходъ запрещенія отмѣнять liberum rumpo и даже болѣе того—косвенно вводило, хотя и на время только, большинство голосовъ вмѣсто единогласія, такъ какъ, на основаніи конституціи, во время конфедерацій, liberum veto не примѣнялось. Русскій дворъ, дѣлая видъ, будто не понимаетъ всего значенія этой уловки, тѣмъ самымъ показывалъ, что онъ не пожелалъ проникнуться той истиной, которую Фридрихъ такъ характерно выразилъ въ слѣдующей, замѣчательной по своему откровенному цинизму фразѣ: «Я чрезвычайно доволенъ оборотомъ, какой это дѣло (о liberum rumpo) приняло, потому что убѣждаюсь все болѣе и болѣе, вслѣдствіе замѣчаемаго мною въ новомъ королѣ честолюбія быть государемъ народа, сдѣлавшагося, благодаря ему, болѣе заслуживающимъ уваженія, въ опасности дозволить ему хотя бы самомалѣйшее измѣненіе въ существующей формѣ правленія». Очевидно, русскій дворъ еще не усвоилъ себѣ понятія, будто пріобрѣтеніе поляками права на уваженіе грозитъ смертельной опасностью всѣмъ ихъ сосѣдямъ вообще и Россіи въ частности. Опять выступили на сцену заботы о матеріальныхъ интересахъ польскаго короля, объ обезпеченіи за нимъ приличнаго дохода. Гр. Панинъ желалъ увеличить этотъ доходъ настолько, чтобы, въ случаѣ войны между Оттоманской Портой и Россіей, Станиславъ-Августъ могъ выставить къ границамъ Турціи нѣсколько корпусовъ для предохраненія границъ Россіи отъ вторженія татаръ. Источникъ, изъ котораго рѣшено было извлечь этотъ доходъ, нашли въ обложеніи всѣхъ вообще товаровъ и лицъ, переходящихъ границу республики, таможенными пошлинами. Эта мѣра, болѣе всѣхъ долженствовавшая отразиться на Пруссіи, была на сеймѣ принята, несмотря на сопротивленіе всѣхъ депутатовъ польской Пруссіи (въ большинствѣ нѣмцевъ) и на протестъ прусскаго резидента. Послѣдній, ссылаясь на веловскій трактатъ, на основаніи котораго республика обязана была будто бы предварительно условиться съ прусскимъ коро-

лемъ насчетъ такой мѣры, прямо противной его интересамъ, подалъ формальный протестъ польскому двору и при этомъ требовалъ, какъ всегда, чтобы русскій посолъ поддержалъ его. Но Репнинъ и не подумалъ оказать ему никакой поддержки, а, напротивъ, высказалъ въ этомъ вопросѣ полное сочувствіе полякамъ, что затѣмъ сдѣлалъ и русскій дворъ. А когда Фридрихъ, въ отместку за эти пошлины (ему одному изъ первыхъ пришлось заплатить ихъ за лошадей, которыхъ онъ закупалъ гдѣ-то и провелъ черезъ польскую территорію), восстановилъ у себя въ Маріенвердерѣ чрезвычайно стѣснительныя и высокія пошлины и приказалъ взыскивать ихъ съ драконовской строгостью, тогда русскій дворъ вступился весьма энергически — за поляковъ же. Поводомъ послужило серьезное столкновеніе, при которомъ прусскіе солдаты убили нѣсколькихъ поляковъ. По этому случаю Екатерина написала Фридриху длинное письмо, которое мы опять приведемъ почти цѣликомъ. Письмо это чрезвычайно характерно. Екатерина тутъ вся, какъ живая, со всѣми своими слабостями и недостатками и со всѣми ея великими качествами. Въ сущности неискреннее, надменное и жесткое, письмо это написано съ такой обаятельной прелестью, ловко и легко составленныя фразы его перепутаны такъ умно, а тонъ дышетъ такимъ истинно-царственнымъ величіемъ, что оно можетъ служить образцомъ и дипломатической и женской хитрости.

«Государь, братъ мой, ваше величество, безъ сомнѣнія, увѣдомлены, черезъ своего министра, пребывающаго при моемъ дворѣ, о ходѣ моихъ дѣлъ; льщу себя надеждою, что вы не нашли въ нихъ ничего, и впослѣдствіи, конечно, тѣмъ болѣе не найдете чего-либо несогласнаго съ нашимъ союзомъ, тѣмъ болѣе совершеннымъ, что онъ разомъ утвержденъ на просвѣщенномъ началѣ общаго и постояннаго интереса нашихъ монархій и на чувствахъ нашей взаимной дружбы; я признаю всюду искренность нашихъ чувствъ и прошу ваше величество быть увѣреннымъ, что мои чувства неизмѣнны и останутся всегда таковыми въ силу высокаго уваженія и довѣрія, какое я имѣю къ вашему величеству. Не скрою отъ васъ, что я хвалю себя за избраніе системы, которая приводитъ сѣверъ къ политической независимости отъ иноземныхъ державъ, главныя цѣли которыхъ состоятъ лишь въ томъ, чтобы раздѣлить эту часть Европы; я конечно, цѣню нашъ союзъ, какъ прочное учрежденіе этой системы, и ваше величество можете всегда быть увѣрены, что никогда не найдете союзника болѣе искренняго и болѣе точнаго въ исполненіи своихъ обязательствъ, ни друга болѣе вѣрнаго, чтобы со-

глашать ваши намѣренія и благопріятствовать вашимъ интересамъ. Ваше величество, повидимому, опасалось, чтобы на сеймѣ, собранномъ для коронованія въ Польшѣ, не произошло перемѣны: изъ единодушія на большинство голосовъ; я знала, что поляки желаютъ любого изъ двухъ: или доставить себѣ сказанную перемѣну на ихъ сеймикахъ, чтобы на ихъ общихъ сеймахъ не находилось бы малаго числа депутатовъ, рѣшающихъ однако судьбу палатинатовъ, такъ какъ часто избраніе депутатовъ можетъ не состояться по удобности расторженія ихъ сеймиковъ; или ввести въ общихъ сеймахъ свободу голосовъ, соглашаясь съ единогласіемъ, чтобы принимать или отвергать въ частности всякое предложеніе, которое составляетъ предметъ созыванія сейма, уничтожая возможность расторженія сейма, какъ только будетъ отвергнуто хотя одно изъ его предложеній. Таковы были истинныя домогательства поляковъ. Между тѣмъ сеймъ существовалъ и на немъ не было говорено слова о томъ. Я думаю, что наше дѣло касательно диссидентовъ имѣло бы тогда болѣе успѣха, но намъ пришлось бы бороться съ предразсудками и суевѣріемъ католическаго народа. Сохраненіе спокойствія составляетъ основаніе нашего союза и нашего частнаго соглашенія въ настоящихъ дѣлахъ Польши. Вашему величеству извѣстны мѣры, какія я предположила себѣ принять, вслѣдствіе этого правила, для достиженія цѣли, условленной между нами въ пользу диссидентовъ, и мнѣ казалось, по многимъ дружественнымъ конференціямъ между нашими министрами, что вы одобряете способъ переговоровъ, умиротворяющій умы, какой принятъ мною. Моя увѣренность въ познаніяхъ вашего величества и искренность чувствъ моей дружбы не позволяютъ мнѣ утаить отъ васъ того, что я не могу скрыть отъ самой себя. Я полагаю, что имѣю основаніе опасаться, что сказанные переговоры могутъ потерпѣть отъ новыхъ затрудненій. Столь строгій актъ возмездія въ маріенвердерской таможнѣ, по которому ваше величество приказали взыскать пошлины на Вислѣ, только возбудитъ умы во всей Польшѣ и произведетъ впечатлѣнія, весьма противныя нашему настоящему образу мыслей и правиламъ нашего союза. Отъ проницательности вашего величества, безъ сомнѣнія, не скроется дѣйствіе, какое производитъ въ тоже время у соперниковъ нашего тѣснаго союза малѣйшая вѣроятность измѣненія въ системѣ сѣвера, какую мы желаемъ установить. Кто знаетъ лучше вашего величества, какъ они искусны и изобрѣтательны охватывать всякое обстоятельство и пользоваться имъ? Я приказала г. Панину сообщить въ глубокой тайнѣ вашему министру, графу

Сольмсу, для доставленія въ собственныя руки вашего величества, копіи, извлеченныя изъ двухъ оригинальныхъ писемъ французскихъ министровъ. Ваше величество увидите изъ нихъ весь планъ интригъ и правила, какія соблюдаются при веденіи козней противъ нашего союза. Нынѣшняя перемѣна великаго визиря предоставитъ, конечно, новое поприще интригамъ нашихъ завистниковъ, и можетъ быть, никогда не будетъ болѣе полезнымъ и болѣе необходимымъ, какъ въ настоящее время, выказать полное единодушіе во всѣхъ нашихъ поступкахъ для обнаруженія ихъ коварствъ. Я увѣрена, что ничего изъ всего этого не скроется отъ обширныхъ познаній вашего ума, и возвращаюсь къ предмету, который довелъ меня до этого конфиденціальнаго отступленія, и который теперь, можетъ быть, уже служитъ побудительною причиною къ злобѣ: я хочу сказать о новой таможнѣ Пруссіи. Я весьма далека отъ того, чтобы оправдывать поведеніе Польши, равно какъ разсматривать ея права; напротивъ, я искренне порицаю первое и могла бы въ строгости сказать многое относительно окончательнаго предписанія XVII статьи велавскаго договора. Но король Польши увѣряетъ меня, что его новая таможня способствуетъ торговлѣ и облегчаетъ участниковъ ея дѣйствительнымъ уменьшеніемъ таксы и ограждаетъ ихъ отъ притѣсненій частныхъ лицъ, которыя беззаконнымъ обычаемъ присвоили себѣ право заставлять платить себѣ произвольныя пошлины съ тѣхъ подвозовъ, какія проходятъ черезъ ихъ земли. Ваше величество знаете, что эта общая пошлина установлена конституціею сейма, такъ что король Польши съ лучшими желаніями не можетъ измѣнить ея безъ созванія другого сейма, и я не могу представить себѣ, чтобы онъ пожелалъ созвать чрезвычайный (сеймъ) въ пользу предмета, который могъ бы показаться обременительнымъ для республики, особенно, если сущность дѣла не мѣшаетъ никому, слѣдовательно можетъ существенно вредить общимъ намѣреніямъ нашего союза, тѣмъ болѣе, что со стороны Польши ничего не приведено еще въ исполненіе, и король отложилъ все, лишь только узналъ, что ваше величество жалуется на то. Я говорю съ государемъ разсудительнымъ и вы, безъ сомнѣнія, отличите, что я не говорю о причинѣ пошлины, дѣло само по себѣ слишкомъ маловажное, еслибы оно, впрочемъ, не касалось важныхъ причинъ, но существенно принимаю участіе во всемъ, что̀ единственно осуществляетъ выгоды политической системы. Итакъ я не могу воздержаться, чтобы не сказать вашему величеству, что, по истинѣ, нашего новаго короля скорѣе должно жалѣть, чѣмъ порицать. Польша,

привыкшая уже 60 лѣтъ зависѣть въ своихъ политическихъ дѣлахъ отъ судьбы интересовъ Саксоніи, доставила этому королю вмѣсто министровъ—искусныхъ въ веденіи дѣлъ — начальниковъ партій и интригановъ, которые, соображая всѣ государственныя дѣла съ интересами партій, полагаютъ, что сдѣлали все, когда исполняютъ обрядности канцеляріи. Откровенность и искренность, съ какими я изложила здѣсь мой образъ мыслей, обязываютъ меня также просить ваше величество соблаговолить приказать отложить въ Маріенвердерѣ выполненіе удовлетворенія и согласиться на дружественное соглашеніе. Такъ какъ я убѣждена, что ваше величество требуетъ только того, чтó справедливо и правосудно, то я и могу увѣрить васъ, что дворъ Польши сдѣлаетъ съ своей стороны все, чтó въ его власти, для удовлетворенія притязаній вашего величества, и будетъ усердствовать въ этимъ переговорамъ, равно какъ выставитъ вамъ истинное основаніе и положеніе дѣла, о которомъ идетъ споръ».

Фридрихъ уступилъ Екатеринѣ, какъ въ мелочахъ всегда почти уступалъ ей. Онъ скрылъ въ душѣ понятное негодованіе и отмѣнилъ вновь взиманіе пошлинъ на Вислѣ, разумѣется, не преминувъ въ высокопарнѣйшихъ убѣжденіяхъ увѣрить, что приноситъ и эту жертву (по его счету онъ принесъ ихъ очень много уже) изъ желанія сохранить драгоцѣнный для него союзъ съ государствомъ, интересы котораго такъ безусловно тождественны съ интересами его собственной страны и изъ еще сильнѣйшаго, если возможно, стремленія угодить великой государынѣ, передъ геніемъ которой онъ благоговѣетъ и т. д. Но, затаивъ негодованіе, онъ тѣмъ тверже рѣшился отмстить за обиду, ему нанесенную. Конечно, не фактъ обиды игралъ тутъ главную роль—Фридрихъ былъ не такой человѣкъ, чтобы примѣшивать къ политикѣ личныя чувства, какъ бы они ни были сильны и глубоки. Еслибъ обида была исключительно личнаго характера, а не такого, который грозилъ ему вырвать у него политическую почву изъ-подъ ногъ, онъ навѣрное не обратилъ бы вовсе, или обратилъ бы весьма мало вниманія. Но въ томъ то и дѣло, что тутъ наносилась не личная, а политическая обида. Всѣ дѣйствія русскаго двора въ Польшѣ и въ особенности письма Екатерины во очію показали ему, что, при всей своей политической опытности, онъ ошибся, что императрица, его союзница и ея первый министръ способны, при случаѣ, имѣть свою волю и, когда находятся въ спокойномъ состояніи, упорно преслѣдовать свои цѣли, и что, слѣдовательно, игру съ ними надо вести въ болѣе широкихъ размѣрахъ, изъ частной превратить въ международную.

Въ самомъ дѣлѣ, въ виду могущества Россіи и самовластныхъ дѣйствій русскаго двора, что оставалось дѣлать Фридриху? Своей завѣтной, много лѣтъ преслѣдуемой цѣли: уничтоженія Польши въ пользу Пруссіи, достичь одинъ онъ не могъ. Даже при общей поддержкѣ Австріи и всей германской имперіи эта цѣль была неуловима, разъ Россія становилась между нимъ и ею. Только вмѣстѣ съ Россіей и ея руками можно было раздавить Польшу, а разъ Россія отказывается отдавать свои руки на служеніе такому дѣлу, разъ она вмѣсто того, чтобы быть самой орудіемъ Пруссіи, норовитъ ее сдѣлать своимъ орудіемъ, то остается выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ своей цѣли, или поставить Россію въ такое стѣсненное положеніе, чтобъ она не могла выбраться изъ нихъ одна и, нуждаясь въ помощи Пруссіи, вынуждена была идти по тому направленію, которое ей укажетъ Фридрихъ. Выборъ первой изъ этихъ перспективъ—отказа отъ цѣли, равнялся для Фридриха произнесенію смертнаго приговора надъ своимъ народомъ. Онъ долженъ былъ выбрать вторую и—выбралъ.

Необыкновенно любопытно слѣдить по разнообразнымъ документамъ, находящимся у насъ передъ глазами, за той мастерской игрой, которую, съ лѣта 1766 г., велъ король съ русскимъ дворомъ. Тяжело читать ихъ намъ, потому что представителямъ Россіи и роли въ этой драмѣ достались далеко незавидныя.

Послѣ упомянутой «жертвы», отношенія берлинскаго и петербургскаго дворовъ хотя и не измѣнились для свѣта, который по прежнему считалъ ихъ связанными тѣсными узами дружбы, но внутренно, между ними поселилась нѣкоторая сдержанность. Король прусскій былъ такъ изумленъ и огорченъ высказаннымъ въ Петербургѣ невниманіемъ къ его интересамъ, что затруднялся уже высказать это. Однако искренность его чувствъ къ великой государынѣ, которой весь міръ удивлялся, и къ сосѣдней имперіи, интересы которой были ему такъ же близки, какъ и свои собственные, не позволили ему сердиться на нихъ. Да и политическія дѣла были такого рода, что необходимо было постоянно совѣщаться насчетъ обоюдныхъ дѣйствій, потому что это вѣдь Россія думала какъ бы отдѣлиться отъ него, а онъ, Фридрихъ, никогда ничего подобнаго не дѣлалъ. Напримѣръ, петербургскій дворъ, возобновляя прежній трактатъ съ польской республикой, обязался въ извѣстный срокъ вывести войска изъ Польши. Но возможно ли это допустить? Стоитъ войскамъ переступить ногою за границу территоріи республики, какъ тамъ тот-

часъ начнутся безпорядки; а главное, только присутствіе русскихъ войскъ удерживаетъ поляковъ—Чарторыжскихъ и ихъ партію отъ новыхъ попытокъ измѣнить конституцію. Покуда длится конференція, русскія войска должны во что бы то ни стало оставаться въ Польшѣ. Это обязательно, отъ этого зависятъ жизненные интересы Россіи и всей Европы, потому что какъ скоро Чарторыжскіе попробуютъ измѣнить конституцію, противъ нихъ начнется возстаніе, Россіи придется прибѣгнуть къ силѣ и тогда Богъ знаетъ, что можетъ произойти, ибо неизвѣстно, что сдѣлаетъ Австрія. Этотъ мудрый и безкорыстный совѣтъ: отнюдь не выводить войскъ изъ Польши, повторялся Фридрихомъ разъ по меньшей мѣрѣ десять, хотя Екатерина и сама не выказывала ни малѣйшаго намѣренія оставить Польшу безъ столь осязательнаго признака своего въ ней преобладанія. Чего же боялся Фридрихъ? Коронаціонный сеймъ прошелъ очень спокойно, попытокъ измѣненія конституціи до новаго сейма не могло быть произведено никакихъ, въ странѣ, противъ обыкновенія, нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшихъ признаковъ волненія—зачѣмъ же ему нужны были въ Польшѣ русскія войска? Разсчетъ былъ ясенъ: войска нужны были именно для произведенія тѣхъ безпорядковъ и волненій, которые не возникали сами собой, и для разжиганія взаимной ненависти русскихъ и поляковъ. Возьмите самую лучшую, самую дисциплинированную армію въ мірѣ и помѣстите ее лагеремъ въ чужой странѣ, съ порученіемъ оберегать тамъ порядокъ—она непремѣнно будетъ болѣе или менѣе безчинствовать и непремѣнно вызоветъ и къ себѣ и къ своему государству ненависть населенія. Это ужъ роковой порядокъ вещей, котораго измѣнить невозможно, потому что онъ коренится въ самой натурѣ человѣка и въ специфическихъ свойствахъ солдата. Русская армія далеко не составляла исключенія изъ общаго правила; а такъ какъ въ добавокъ ею безконтрольно распоряжался Репнинъ, человѣкъ очень добрый и чрезвычайно расположенный къ полякамъ, которымъ зачастую потворствовалъ, даже въ противность инструкціямъ императрицы (онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ, въ особенности пруссаковъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ вспыльчивый до бѣшенства, то не трудно было предвидѣть неизбѣжные результаты пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ. Результаты эти сказались скоро, причемъ прусскіе агенты, оффиціальные и неоффиціальные, помогли имъ разростаться все шире и шире. Главный резидентъ, Бенуа, поощрялъ Репнина не церемониться съ поляками, а подъ рукою и самъ онъ и его помощники, тайные агенты, которыхъ множество разсыпано было по странѣ, подстрекали

недовольство поляковъ. Слухи объ этихъ подстрекательствахъ (о которыхъ, какъ извѣстно, свидѣтельствуютъ всѣ польскіе хроникеры того времени) ходили съ самаго начала, т.-е. съ самой той эпохи, о которой мы говоримъ. Но впослѣдствіи, когда разыгралось диссидентское дѣло, когда броженіе охватило все населеніе и вся страна покрылась маленькими конфедераціями, тогда факты подстрекательства со стороны прусскихъ агентовъ и поддержки, въ тайнѣ оказываемой Пруссіей враждебнымъ Россіи конфедераціямъ, сдѣлались на столько общеизвѣстны и очевидны, что о нихъ оффиціозно сообщали русскому двору изъ-за границы не только французскій, но и англійскій дворы—послѣдній даже черезъ своего посланника. Вѣрили ли имъ въ Петербургѣ? Надо полагать, нѣтъ, потому что Панинъ всѣ такія сообщенія немедленно передавалъ черезъ Сольмса Фридриху, и когда тотъ, отвергая ихъ съ негодованіемъ, утверждалъ, что это злостныя выдумки его враговъ, распускаемыя съ цѣлію разорвать ненавистный имъ тѣсный союзъ между Россіей и Пруссіей, то Панинъ не только удовлетворялся этими объясненіями, но и самъ клятвенно завѣрялъ, что думалъ именно такъ и что никто въ Россіи не вѣритъ гнуснымъ клеветамъ общихъ враговъ ея и Пруссіи. Какимъ образомъ Англія, оказавшая Россіи такія существенныя услуги во время войны ея съ Турціей, могла попасть въ число «общихъ враговъ», объяснить мудрено, но достовѣрно, что ея сообщеніе было также, какъ и другія, оставлено безъ вниманія. Лишнее прибавлять, какъ это развязывало руки прусскимъ агентамъ и позволяло имъ расширять кругъ своей, безспорно полезной для ихъ интересовъ дѣятельности. Вотъ непосредственная депеша Фридриха къ Бенуа, которая лучше всякой аргументаціи доказываетъ, какъ правъ былъ петербургскій дворъ въ своемъ довѣріи. «Чѣмъ больше въ Польшѣ будетъ междоусобицъ и безпорядковъ, чѣмъ больше будетъ въ ней смутъ, тѣмъ, можетъ быть, скорѣе сеймъ постарается уничтожить всѣ наилучшія и наивыгоднѣйшія постановленія, сдѣланныя Россіей. Я думаю, что это будетъ въ нашихъ интересахъ. Неудовольствіе Россіи противъ поляковъ можетъ быть лишь выгодно для насъ, ибо оно дѣлаетъ насъ нѣкоторымъ образомъ необходимыми для этой державы. Поэтому намъ весьма желательно, чтобы люди, при которыхъ вы состоите, дѣлали всевозможныя глупости и тѣмъ злили Россію и навлекали на себя ея гнѣвъ». Правда, эта депеша относится къ 1775 году; но едва ли можно сомнѣваться, что Фридрихъ придерживался того же взгляда и того же образа дѣйствій

и десять лѣтъ раньше, какъ придерживалась ихъ же Пруссія и сто лѣтъ спустя.

Не менѣе, чѣмъ о предупрежденіи затруднительныхъ для Россіи волненій въ Польшѣ, заботился Фридрихъ и объ огражденіи Россіи отъ серьёзной внѣшней войны. Какъ только онъ узналъ о косвенной временной отмѣнѣ liberum veto, путемъ продленія конфедераціи, и о согласіи Россіи на этотъ опасный шагъ, онъ, между прочими возможными гибельными послѣдствіями, какими грозилъ такой необдуманный поступокъ, указалъ русскому двору и на то, что Порта находитъ все это далеко не по своему вкусу. Она, по его словамъ, давно уже зорко слѣдитъ за всѣмъ, происходящимъ въ Польшѣ, и, находя серьезную опасность для себя въ измѣненіи формы правленія въ Польшѣ, не остановится передъ войной для предотвращенія такого бѣдствія. Франція и Австрія, эти вѣчно коварныя державы всѣми силами стараются поддержать это враждебное настроеніе Порты и сильно интригуютъ, чтобы побудить султана объявить войну и Станиславу-Августу и Екатеринѣ, за ихъ намѣреніе усилить власть короля въ Польшѣ. До сихъ поръ, благодаря дружескому расположенію къ Россіи великаго визиря, личнаго пріятеля и русскаго и прусскаго посланниковъ, удавалось парировать эти франко-австрійскія интриги. Но теперь, когда султанъ смѣнилъ этого визиря и назначилъ на его мѣсто другого, вполнѣ преданнаго Австріи,—Россіи слѣдуетъ быть осторожной и не раздражать Порту, иначе ей не избѣжать войны. Русскій дворъ испугался не на шутку. Немедленно къ константинопольскому послу Обрѣзкову, отправлены были инструкціи и успокоительная нота для Порты, гдѣ удостовѣрялось, что священное право liberum veto и дѣйствія Россіи объяснялись самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Недоразумѣніе скоро уладилось. Порта, убѣдившись, что liberum veto остается, власть польскаго короля отнюдь не усиливается и никто не посягаетъ ни на какія свободы и вольности поляковъ, — совершенно успокоилась. Но при этомъ открылось одно странное и совершенно для русскаго двора неожиданное обстоятельство: противъ Россіи интриговалъ въ Портѣ отнюдь не французскій и не австрійскій посланникъ, а главнымъ образомъ прусскій, г. Рексинъ, предлагавшій между прочимъ, отъ имени своего короля, оборонительный союзъ султану. Сильно былъ пораженъ русскій дворъ этимъ открытіемъ (онъ никакъ не могъ привыкнуть къ открытіямъ этого рода и всегда поражался ими); по обыкновенію, сейчасъ принесли Фридриху жалобу на его посланника, и по обыкновенію тотъ

попробовалъ свалить все на клеветы враговъ, завидующихъ обоюдно выгодному союзу; но на этотъ разъ русскій дворъ этому не повѣрилъ и даже замѣтилъ, что никакихъ въ данномъ случаѣ вражескихъ козней нѣтъ, а дѣйствительно прусскій посланникъ интригуетъ. Тогда Фридрихъ объявилъ, что это вещь совершенно невозможная и что вѣроятно въ свѣдѣніи русскаго двора смѣшаны двѣ эпохи: подстреканія противъ Россіи и предложеніе оборонительнаго союза происходили, правда, но гораздо раньше, именно въ послѣдніе дни царствованія Елизаветы, когда положеніе его, Фридриха, было такъ отчаянно, что ему нельзя было быть разборчивымъ насчетъ союзовъ — приходилось брать тѣ, какіе можно было. Но теперь... Пусть спросятъ Обрѣзкова, онъ, конечно, знаетъ все происходящее въ Константинополѣ и можетъ лучше всѣхъ удостовѣрить, что тутъ смѣшивается время. Это объясненіе такъ, повидимому, понравилось самому Фридриху, что онъ повторилъ его въ четырехъ депешахъ къ Сольмсу и въ собственноручномъ письмѣ къ Екатеринѣ. Но спрошенный Обрѣзковъ, вмѣсто свидѣтельства противнаго, прислалъ фактическія доказательства интригъ Рексина. Фридрихъ пришелъ въ величайшее негодованіе самъ. Какъ его министръ осмѣлился заводить интриги противъ его добрыхъ, вѣрныхъ союзниковъ, осмѣлился, когда ему такъ хорошо извѣстно, какъ высоко онъ, его государь, цѣнитъ этотъ союзъ, какъ онъ дорожитъ имъ, какъ онъ ему необходимъ! Это едва вѣроятно, онъ этому не можетъ повѣрить, но, чтобъ угодить великой государынѣ и доказать ей свою личную непричастность къ этой гнусности, онъ немедленно же назначаетъ другого посланника въ Константинополь, а Рексина вызываетъ въ Берлинъ и назначаетъ особую коммиссію для разслѣдованія этого дѣла. Если Рексинъ окажется виновенъ, въ чемъ онъ все еще сомнѣвается, то онъ подвергнетъ его строжайшему, безпощадному наказанію. И дѣйствительно Рексинъ былъ смѣненъ, но наказанію никакому, разумѣется, не подвергся, а четыре года спустя, когда Россія опять недостаточно скоро шла на-встрѣчу желанію Фридриха, какъ можно поспѣшнѣе раздѣлить Польшу, этотъ самый Рексинъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Варшаву.

И этотъ эпизодъ не произвелъ вліянія на русскій дворъ и его отношенія къ прусскому. Не только союзъ ихъ остался въ полной силѣ, но и безграничное довѣріе перваго къ послѣднему не поколебалось нисколько. За то о какой-либо прямой или косвенной поддержкѣ «вреднымъ и опаснымъ для сосѣдей стремленіямъ поляковъ сдѣлаться болѣе почтенными» не было больше

и помину. Репнинъ въ Варшавѣ и Панинъ въ Петербургѣ еще порывались по временамъ, но Екатерина никогда больше. Она еще не произнесла въ душѣ смертнаго приговора надъ Польшей, не рѣшила раздѣлить польскій народъ на нѣсколько частей: этого даже отъ нея Фридрихъ добился не скоро, она колебалась и уклонялась почти до послѣдней минуты. Но убѣжденіе, будто интересы Россіи тоже требуютъ того, чтобы Польша находилась постоянно въ состояніи междоусобицъ и смутъ, а поляки пользовались всеобщимъ презрѣніемъ—это убѣжденіе сложилось въ ея умѣ съ той поры и залегло тамъ такъ же незыблемо, какъ и въ умахъ всѣхъ прусскихъ государственныхъ людей. Повидимому, примѣръ султана подѣйствовалъ на нее сильнѣе, чѣмъ всѣ краснорѣчивыя увѣщанія Фридриха. Такимъ образомъ, самымъ важнымъ, по оказанному имъ вліянію, моментомъ въ игрѣ Фридриха явились упомянутыя будто бы чисто лично затѣянныя интриги Рексина. Но самыми ловкими были его маневры съ дискредитированіемъ Станислава-Августа и Чарторыжскихъ въ глазахъ Екатерины и съ диссидентскимъ дѣломъ.

Противъ короля польскаго онъ ни разу не сказалъ ничего прямо дурного. Напротивъ, онъ всегда выражалъ увѣренность и въ честности, и въ добротѣ, и даже въ преданности его Екатеринѣ. Но эта увѣренность высказывалась всегда въ такой примѣрно формѣ: «Нынѣшній польскій король слишкомъ честный человѣкъ, чтобы сдѣлать что-либо подобное (рѣчь почти всегда шла при этомъ о чемъ-нибудь такомъ, что каждый польскій король, если онъ только честный король и честный человѣкъ, обязательно долженъ былъ сдѣлать или отказаться отъ престола)»; «со стороны нынѣ царствующаго короля этого опасаться, конечно, нельзя (опять чего-нибудь такого, что неизбѣжно должно было случиться, потому что въ противномъ случаѣ онъ выказалъ бы черную неблагодарность относительно императрицы, которой онъ всѣмъ обязанъ»; «ваше величество, послѣ столькихъ благодѣяній, которыми вы осыпали, естественно въ правѣ ожидать отъ польскаго короля...» и т. п. Постепенно эта условная форма рѣчи превратилась въ положительную: «неблагодарность, высказанная въ этомъ случаѣ польскимъ королемъ, происходитъ скорѣе отъ слабости его характера, чѣмъ отъ дурныхъ свойствъ его, но тѣмъ не менѣе...»; «окружающіе польскаго короля и въ особенности дяди его, пользуясь его слабостью и нерѣшительностью, заставляютъ его забывать всѣ тѣ благодѣянія, которыя вы ему дѣлали и дѣлаете»...; и т. д. въ этомъ родѣ буквально въ каждой депешѣ въ теченіе болѣе года! Представлялся ли случай, или не представлялся,

но инсинуаціи о великихъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ Станиславу-Августу, о его черной неблагодарности и о томъ, что онъ человѣкъ-тряпка, съ которымъ ничего сдѣлать нельзя, повторялись постоянно. И это, какъ и все у Фридриха Великаго, было не случайностью, а глубоко обдуманной, сознательно веденной системой. Вотъ его мнѣніе о русскомъ дворѣ и о способѣ вліять на него, высказанное въ письмѣ къ министру Финкенштейну: «Не скрою отъ васъ наблюденія, сдѣланнаго мною относительно способа веденія переговоровъ съ Россіей... Чтобы имѣть съ ней успѣхъ, надо часто повторять ей однѣ и тѣ же вещи и не унывать, еслибы она сначала и сдѣлала нѣкоторыя затрудненія принять ихъ. Чѣмъ больше поешь ей одну и ту же пѣсню, тѣмъ больше ея слухъ усвоиваетъ ее; въ концѣ-концовъ не преминешь привести ее къ полнѣйшему согласію...» Тому же училъ онъ и Австрію, когда, въ 1771 году, велъ съ нею переговоры о мирѣ между Россіей и Турціей. «По правдѣ сказать, —говорилъ онъ австрійскому послу ванъ-Свитену,—съ ними (съ русскими) надо вести разговоръ совсѣмъ не въ томъ тонѣ, какой вы приняли въ послѣднемъ вашемъ отвѣтѣ. Вы начали слишкомъ высоко и если будете продолжать такъ же, эти люди встанутъ на дыбы. Съ ними надо аргументировать, они будутъ отвѣчать, вы станете повторять одно и то же въ различныхъ формахъ и они кончатъ тѣмъ, что придутъ туда, куда вы хотите». Этотъ способъ онъ примѣнилъ во всемъ его объемѣ къ дѣлу какъ польскаго короля, такъ и диссидентскому, причемъ послѣднее разукрасилъ еще значительнымъ количествомъ просьбъ и петицій самихъ диссидентовъ къ Екатеринѣ и отправкою ими депутатовъ къ русскому двору. Какъ по отношенію къ Станиславу-Августу боевыми коньками служили благодѣянія и черная неблагодарность, такъ относительно диссидентовъ ту же роль выполняли честь Россіи и слава великой государыни: «Ваше величество торжественно, передъ лицомъ всей Европы поручились»...; «блестящая слава царствованія ея величества была бы омрачена...» «Слава государыни и честь русскаго имени столько же, какъ и человѣколюбіе требуютъ, чтобы диссидентамъ было оказано покровительство»... «Мы потеряли бы вліяніе и наша слава уменьшилась бы въ глазахъ всего міра, если бы мы не бросили, не докончивъ его, дѣло, которое обѣщали поддерживать...»; «поляки стали бы смѣяться и утратили бы всякое уваженіе къ славѣ вашего величества, если бы вы теперь отступили передъ ихъ сопротивленіемъ»...

Въ обоихъ случаяхъ система Фридриха оказывалась без-

условно дѣйствительной. Можетъ быть, незамѣтно для самой себя, Екатерина дошла почти до ненависти къ Понятовскому и мало-по-малу поставила его въ положеніе, совершенно невозможное не только для короля, но и для простого поденщика. Ему не объясняли даже толкомъ, чего отъ него хотятъ, чего требуютъ, ему просто грозили и приказывали повиноваться русскому послу, дѣлать, что̀ онъ укажетъ, говорить, что̀ онъ продиктуетъ, не осмѣливаясь даже спрашивать о причинахъ и цѣляхъ такихъ дѣйствій словъ. Довольно сказать, что Сольмсъ возмущался отношеніемъ русскаго двора къ личности польскаго короля и, передавая, по просьбѣ Панина, королю содержаніе сначала собственнаго письма Панина, а потомъ письмо Екатерины къ Понятовскому, говоритъ, что онъ, Сольмсъ, позволилъ себѣ замѣтить русскому министру, что еслибъ въ письмахъ этихъ, кромѣ угрозъ и упрековъ, заключались еще и какія-нибудь положительныя требованія, или хоть указанія, то можетъ быть тогда король польскій и сталъ бы сообразоваться съ ними, а теперь онъ едва ли въ состояніи сдѣлать это. Дѣло дошло до того, что русскій дворъ порѣшилъ было совсѣмъ бросить Понятовскаго, свергнуть его, вступивъ въ соглашеніе со стремившейся именно къ такому сверженію конфедераціей, и избрать другого, болѣе податливаго короля. Такъ что въ концѣ-концовъ Фридриху же пришлось защищать его (самъ онъ хорошо зналъ, что еще болѣе податливаго человѣческаго существа даже въ деморализованной совсѣмъ Польшѣ найти невозможно) и для болѣе дѣйствительной защиты прибѣгнуть къ угрозѣ, напомнивъ, что охраненіе польскаго короля и гарантія его короны и цѣлости его владѣній составляютъ въ сущности единственную основу русско-прусскаго союзнаго договора.

По отношенію къ диссидентамъ происходило какъ разъ то же самое. Сначала русскій дворъ вполнѣ удовлетворялся простой вѣротерпимостью. Но по мѣрѣ того какъ слава и честь имени все неразрывнѣе соединялись въ его представленіи съ дѣломъ о диссидентахъ, онъ все увеличивалъ свои требованія и кончилъ всѣми политическими правами наравнѣ съ католиками, не соглашаясь ни на постепенное введеніе этого мало-по-малу, ни даже на самомалѣйшую отсрочку. И опять Фридриху, который еще до собранія коронаціоннаго сейма настойчиво убѣждалъ русскій дворъ никакъ не откладывать диссидентское дѣло и даже самъ первый поднялъ этотъ вопросъ, — Фридриху пришлось потомъ сдерживать неумѣренный пылъ русскихъ и убѣждать ограничиться на первый разъ вѣротерпимостью. Впрочемъ, послѣднее

онъ дѣлалъ лишь тогда, когда война съ Турціей была уже въ полномъ разгарѣ и Россія обѣими ногами стояла уже на томъ пути, который неизбѣжно долженъ былъ привести къ раздѣлу Польши. До тѣхъ же поръ онъ не только не старался сдержать Екатерину, а всячески поощрялъ ее, заботливо разсчитывая и опредѣляя, сколько войскъ надо послать въ Польшу и гдѣ именно размѣстить ихъ, какъ устроить конфедерацію диссидентовъ и пр. Онъ же, черезъ своихъ агентовъ, зорко слѣдилъ за всѣми сношеніями Чарторыжскихъ и другихъ вліятельныхъ въ государствѣ лицъ, докладывалъ Екатеринѣ о каждомъ ихъ шагѣ (иногда и о такомъ, котораго тѣ и не помышляли дѣлать), указывалъ, кого изъ нихъ надо задержать, къ кому въ имѣніе поставить отрядъ солдатъ, словомъ, командовалъ всѣми дѣйствіями Россіи и теперь точно также, какъ дѣлалъ это при избраніи короля. Нужно ли напоминать, что одновременно съ тѣмъ его тайные агенты дѣятельно возбуждали недовольство и фанатизмъ католиковъ?

А въ то же время другой коварный геній той печальной эпохи, кн. Кауницъ, велъ съ Турціей ту же самую игру, которую съ такимъ успѣхомъ игралъ Фридрихъ съ Россіей. Онъ всячески увѣрялъ султана, что его честь и безопасность его государства обязываютъ его вступиться за поляковъ, такъ какъ съ одной стороны онъ когда-то, по договору, принялъ на себя гарантію цѣлости и независимости Польши, съ другой же Россія, если ей удастся окончательно подчинить себѣ республику, непремѣнно всѣми своими, тогда удвоенными силами устремится на Турцію и тогда справиться съ нею будетъ нельзя. Султанъ слушалъ эти рѣчи и въ свою очередь доходилъ до бѣлаго каленія, искренно вѣря, будто и честь, и интересы оттоманской имперіи ставятъ ему въ священный долгъ броситься на защиту Польши, отъ которой Турція, кромѣ ожесточенной вражды и безпощадной борьбы, никогда ничего не видала и впредь не имѣла никакихъ шансовъ увидать.

Такимъ образомъ Европа присутствовала, въ концѣ прошлаго столѣтія, при печально-странномъ зрѣлищѣ двухъ физически могучихъ колоссовъ — Россіи и Турціи, которыхъ два же тщедушные, но мощные умственнымъ превосходствомъ генія — Фридрихъ II и Кауницъ—вели къ совершенно чуждымъ для нихъ самихъ цѣлямъ, натравливая ихъ другъ на друга. И колоссы позволили себя натравить...

Ходъ и результаты турецкой войны 1767—72 гг. извѣстны, и мы о нихъ говорить подробно не будемъ, тѣмъ болѣе, что

это и не входитъ въ планъ нашего очерка. Скажемъ только, что война эта покрыла неувядаемой славой русское оружіе и была одною изъ самыхъ блестящихъ, какія только знаетъ военная исторія. Матеріальныя силы Россіи и русскаго народа тутъ только въ первый разъ развернулись во всемъ своемъ величіи. Что же касается результатовъ, то Россія за громадныя жертвы, принесенныя ею, имѣла право и разсчитывала получить соотвѣтствующія всему этому вознагражденія, но не получила,—потому, что ей въ послѣднюю минуту измѣнилъ тотъ, въ которомъ она видѣла вѣрнаго друга и на чью поддержку разсчитывала.

Въ теченіе всей войны Фридрихъ оказывалъ самую горячую поддержку Россіи. Онъ помогалъ ей денежными субсидіями, которыя выплачивалъ съ аккуратностью, изумлявшею русскій дворъ; онъ обсуждалъ стратегическіе планы кампаній и своими совѣтами много помогалъ русскому военному министерству; онъ, наконецъ, занятымъ имъ положеніемъ, импонировалъ Австріи и не допускалъ ее дѣятельно вступиться за турокъ, на что кн. Кауницъ былъ готовъ одно время и чуть было не убѣдилъ Марію-Терезію и Іосифа II. Но когда, послѣ безконечнаго ряда удивительныхъ побѣдъ, зашла, наконецъ, рѣчь о мирѣ, и Россія, финансовыя силы которой были совсѣмъ почти истощены, предъявила свои условія, прося въ то же время Фридриха поддержать ихъ своимъ кредитомъ и вліяніемъ въ Константинополѣ, тогда Фридрихъ наотрѣзъ отказался. Условія мира, по его словамъ, были такъ несоразмѣрно тягостны и несправедливы, что Порта не можетъ согласиться на нихъ, да и онъ самъ не рѣшится склонять ее къ принятію ихъ. Это былъ тяжелый ударъ, который ошеломилъ русскій дворъ, но ему пришлось вынести ихъ нѣсколько, потому что за первымъ ударомъ послѣдовали второй и третій. Обстоятельства, не допускавшія и тѣни сомнѣнія, убѣдили и Екатерину, и Панина, что между Австріей и Пруссіей давно уже, съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ русскіе начали одерживать побѣду за побѣдой, состоялось соглашеніе о недопущеніи черезъ-чуръ большого роста Россіи и о сохраненіи равновѣсія; что всѣ вооруженія Австріи и дислокація войскъ въ послѣднее время дѣлались съ одобренія и отчасти по совѣщанію съ Фридрихомъ и что, въ случаѣ, еслибы Россія не согласилась умѣрить свои требованія отъ Турціи и дѣло дошло бы до войны съ Австріей, то Россіи нечего было разсчитывать на помощь Пруссіи. Фридрихъ очень откровенно заявилъ, что его трактатъ съ Россіей имѣетъ въ виду одни польскія дѣла и войну съ Турціей, начатую по поводу этихъ дѣлъ, а война съ Австріей

въ немъ не предусмотрѣна и помогать Россіи дѣлать завоеванія онъ не обязывался и не будетъ. Такимъ образомъ, въ тотъ самый моментъ, какъ Екатерина готовилась увѣнчать роскошное зданіе своего безпримѣрнаго торжества (или «воздвигнуть себѣ памятникъ славы на развалинахъ оттоманской имперіи», какъ иронически выражался Сольмсъ), она увидѣла себя одинокой, запертой со всѣхъ сторонъ врагами и вынужденной или начинать съ ними почти безнадежную борьбу, или отказаться отъ всѣхъ плодовъ своихъ побѣдъ. Выходъ былъ только одинъ — раздѣлъ Польши. Россіи съ этой стороны предоставлялось, мало того— предлагалось, навязывалось то вознагражденіе, котораго ей не позволяли взять съ Турціи, въ видахъ соблюденія «равновѣсія на востокѣ». И она это вознагражденіе взяла; хотя опять послѣ долгихъ колебаній, послѣ упорныхъ усилій уклониться какъ-нибудь отъ того, что Екатерина и Фридрихъ, по странной игрѣ чувствъ, которыя въ нихъ даже и предположить мудрено, называли, въ своей частной перепискѣ, не иначе какъ «правое дѣло», или «наше общее дѣло» [1]). Нежеланіе русскаго двора пойти на дѣло, предлагаемое Фридрихомъ, было такъ велико, что какъ Екатерина, такъ и Панинъ подавили въ себѣ ненависть къ вѣнскому двору и первые протянули ему руку, первые стали искать съ нимъ сближенія. Этого мало: они предлагали Австріи союзъ противъ Турціи, съ предоставленіемъ ей права забрать у послѣдней все, что въ состояніи будетъ взять. Главнымъ образомъ предоставлялся Бѣлградъ, который ей предлагалось получить слѣдующимъ способомъ: Россія вмѣсто того, чтобы просто возвратить завоеванныя ею Молдавію и Валахію Турціи, передала бы ихъ Австріи, а то промѣняла бы ихъ у Порты на Бѣлградъ. Не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить, кому именно принадлежитъ эта мысль: самому ли Панину или ее подсказалъ ему Фридрихъ, но что проектъ такой существовалъ, это фактъ. Фактъ и то, что Австрія отказалась отъ него. Россія руководствовалась при этомъ тѣмъ соображеніемъ (которое Панинъ и высказалъ потомъ Фридриху), что такъ какъ Австрія въ теченіе вѣковъ боролась съ Турціей, которая и теперь еще можетъ представить для нея серьёзную опасность, и такъ какъ она всегда имѣла виды на извѣстную часть турецкихъ владѣній, то ея главный интересъ состоитъ въ томъ, чтобы ослабить Турцію и отнять

---

[1]) Первый изъ этихъ условныхъ терминовъ употреблялся преимущественно Екатериной, второй — Фридрихомъ, но — и это довольно замѣчательное психологическое явленіе—ни одинъ изъ нихъ никогда не упоминалъ въ своихъ письмахъ о „раздѣлѣ" Польши.

у нея эти владѣнія, а съ кѣмъ, при чьей помощи, это будетъ для нея вопросъ безразличный. На основаніи точно такихъ же соображеній, русскій дворъ, получивъ отъ Фридриха категорическій отказъ не только заключить съ Россіей новый оборонительный и наступательный союзъ, на случай войны съ Австріей, но даже и показать вѣнскому двору русскія условія мира, до того неимовѣрно тяжкія, что они неизбѣжно должны вызвать немедленное же объявленіе войны — получивъ этотъ отказъ, русскій дворъ вздумалъ соблазнить прусскаго короля завоеваніями въ Германіи (насчетъ Австріи, разумѣется), которыя Россія, долженствовавшая помогать ему, бралась ему гарантировать. Русскіе государственные люди всегда почему-то пользовались репутаціей самыхъ тонкихъ и хитрыхъ дипломатовъ въ мірѣ, и они дѣйствительно можетъ быть заслуживаютъ эту репутацію; только въ данномъ случаѣ ея не видно. Имъ очевидно и въ голову не приходило, что можетъ существовать болѣе дальновидный разсчетъ, на основаніи котораго другіе предпочтутъ лучше примириться съ могуществомъ все еще небезопаснаго, но уже дряхлѣющаго врага, чѣмъ помочь развитія зарождающагося молодого друга — колосса, съ которымъ, если не остановить его во время, потомъ трудно будетъ сладить. Они не подозрѣвали, что истинно-государственные люди, могутъ скорѣе согласиться сдѣлать серьёзную уступку, или даже потерпѣть небольшую потерю, не говоря ужъ объ отсрочкѣ своихъ собственныхъ плановъ, чѣмъ принять при извѣстныхъ условіяхъ такія выгоды, за которыя придется заплатить гораздо болѣе дорогою цѣною, которая изъ временной выгоды сдѣлаетъ источникъ разоренія. Фридрихъ и Кауницъ были именно дипломатами послѣдняго образца; удивительно ли, что они перехитрили русскихъ дипломатовъ. Послѣдніе еще считали ихъ заклятыми врагами, когда они уже давно, еще при нейштадтскомъ свиданіи, обсуждали вопросъ о возрастающемъ могуществѣ Россіи и порѣшили не допускать его сдѣлаться грознымъ для ихъ собственныхъ государствъ, а изъ той степени роста его, которой они не въ состояніи будутъ помѣшать, извлечь возможно наибольшія для себя выгоды. Блистательные успѣхи русскихъ войскъ только сильнѣе укрѣпляли бывшихъ враговъ въ ихъ намѣреніи и къ началу переговоровъ о мирѣ, т.-е. послѣ двухъ лѣтъ русско-турецкой борьбы, они уже, по отношенію къ Россіи, дѣйствовали вполнѣ за-одно. Австрія, какъ сказано, отказалась отъ переданнаго ей черезъ Фридриха предложенія, а самъ Фридрихъ, на обѣщаніе поддержки въ Германіи, рѣзко отвѣтилъ черезъ Сольмса: «Пусть мнѣ не указываютъ

на завоеванія, какія я могу сдѣлать у Австріи. Я самъ знаю, чтó мнѣ нужно и чтò я могу дѣлать».

Онъ дѣйствительно зналъ, чтó ему нужно. Ему нужна была Польша и ее онъ постоянно имѣлъ въ виду. Колебанія русскаго двора злили, но не смущали его. Онъ не вѣрилъ ихъ искренности, онъ думалъ, что русскій дворъ старается только выиграть время и провести его и Австрію, чтобы не подѣлиться съ ними польской добычей. «Неужели ты не видишь, —писалъ онъ въ январѣ 1770 г. брату своему, Генриху,—неужели ты не видишь, что они хотятъ только освободить себѣ тылъ, чтобы, затѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, по собственному своему усмотрѣнію распорядиться съ Польшей». И далѣе въ томъ же письмѣ: «Не буду я рабски трудиться на пользу ихъ усиленія, надо, чтобъ и на мою долю досталось что-нибудь». Для достиженія этого результата онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни усилій. А ихъ потребовалось много, потому что если по отношенію къ Россіи между имъ и Австріей господствовало полное согласіе, то по отношенію къ Польшѣ это было далеко не такъ, ибо Австрія отнюдь не желала уничтоженія Польши. Тутъ опять потребовалась со стороны Фридриха сложная и напряженная дипломатическая игра, которую онъ провелъ съ обычнымъ своимъ совершенствомъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что эту игру вести ему было относительно легко, потому что страшное опасеніе всеобщей войны, въ которой ему волей-неволей придется принять участіе, — опасеніе, которымъ всѣ историки объясняютъ обыкновенно дѣйствія Фридриха въ эпоху сложныхъ и продолжительныхъ переговоровъ о русско-турецкомъ мирѣ, это опасеніе въ дѣйствительности не существовало или существовало одну лишь минуту, такъ что ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть серьёзнаго вліянія на его политику. При его невѣдомыхъ для русскаго двора, но тѣсныхъ сношеніяхъ съ Вѣной [1]), онъ скоро узналъ, что тамъ существуютъ два теченія: одно, представляемое Кауницомъ, чрезвычайно воинственное, другое, представляемое Маріей-Терезіей и Іосифомъ II — весьма миролюбивое и, что это последнее, какъ и слѣдовало ожидать, одержало верхъ. Такимъ образомъ, когда долгое время ничего этого не подозрѣвавшій

---

[1]) Интересенъ и удивительно характеренъ для русской политики того времени слѣдующій маленькій эпизодъ. Панинъ, узнавъ какъ-то, что между Вѣной и Берлиномъ то-и-дѣло разъѣзжаютъ курьеры, счелъ нужнымъ поставить это въ упрекъ Фридриху. Тотъ съ благороднымъ негодованіемъ отвергъ обвиненіе въ сношеніяхъ съ Вѣной и объявилъ, что это хитрый Кауницъ нарочно посылаетъ курьеровъ, чтобы компрометтировать его, Фридриха, и поссорить его съ Россіей.

посланникъ австрійскій, ванъ-Свитенъ, передавалъ ему угрожающія рѣчи князя-канцлера, нарочно оставлявшаго своего посла въ заблужденіи, чтобы онъ могъ энергичнѣе дѣйствовать на короля—Фридрихъ очень хорошо зналъ, что ни въ какихъ героическихъ средствахъ надобности нѣтъ, ибо миръ и такъ нарушенъ не будетъ. Поэтому, убѣждая Австрію отнестись снисходительнѣе къ Россіи и позволить ей получить хоть какое-нибудь вознагражденіе («надо же быть справедливыми,—нѣсколько разъ повторялъ онъ ванъ-Свитену:—они одержали цѣлый рядъ великихъ побѣдъ, принесли массу жертвъ, нельзя же имъ совсѣмъ ничего не получить за это»), иначе она, доведенная до крайности, вынуждена будетъ рѣшиться на войну; а Россію, въ это самое время, пугая вооруженіями Австріи и ея тѣснѣйшимъ будто бы союзомъ съ Франціей, которая будто бы неотступно уговариваетъ ее объявить войну Россіи,—дѣлая все это, Фридрихъ съ обѣими державами игралъ комедію, съ весьма понятной цѣлью заставить ихъ обѣихъ искать его дружбы, какъ лучшаго посредника и единственнаго спасителя. Онѣ такъ и поступали и обѣ предлагали ему союзъ. Россіи онъ, какъ сказано, рѣзко отказалъ; Австріи положительно обѣщалъ только нейтралитетъ, а союза хотя и не отвергъ категорически, но и не заключилъ его, и даже не захотѣлъ вступить въ объясненія на счетъ возможныхъ условій такого союза. Такими-то маневрами подводилъ онъ постепенно обѣихъ своихъ сосѣдокъ къ своей цѣли.

Понимали ли это сосѣдки? Очевидно, да. Россіи и трудно было бы не понимать, передъ ней Фридрихъ не скрывался, онъ постоянно и прямо указывалъ ей на Польшу, какъ на польскія земли, какъ на единственно безопасное средство вознаградить и себя за военныя издержки, и его, Фридриха за его субсидіи и за хлопоты. А что Австрія не обманывалась, она доказала это тѣмъ, что первая, не дожидаясь движенія Россіи въ этомъ направленіи, заняла нѣсколько старостствъ, которыя окружила сначала пограничными столбами съ своими гербами, а потомъ и ввела въ нихъ свое управленіе.

Въ сущности она это сдѣлала по ошибкѣ, потому лишь, что въ Вѣнѣ были убѣждены, будто на счетъ Польши между Петербургомъ и Берлиномъ давно уже состоялось формальное соглашеніе и что не сегодня—завтра извѣстныя части польской республики будутъ оффиціально отобраны отъ нея и присоединены къ русскимъ и прусскимъ владѣніямъ. Въ эту ошибку отчасти ввелъ ее опять Фридрихъ, который въ своихъ всегда необыкновенно длинныхъ личныхъ переговорахъ съ ванъ-Свитеномъ всегда

говорилъ такъ, что давалъ понять, будто у него съ Россіей ужъ все рѣшено, намекая при этомъ, что если Австрія желаетъ соблюсти свои интересы, то ей остается только присоединиться къ нимъ. Онъ съ такой увѣренностью и такъ ловко бросалъ эти намеки, что ванъ-Свитенъ почти въ каждой своей депешѣ повторялъ, что, повидимому, соглашеніе существуетъ, онъ увѣренъ, что существуетъ и притомъ не словесное только, а формальное, что король видимо спѣшитъ съ миромъ для того лишь, чтобъ поскорѣе захватить давно уже намѣченную и условленную часть и т. п. Вообразивъ, будто послѣ заключенія мира будетъ ужъ упущено время для полученія своей части добычи, Австрія захватила ее раньше всѣхъ, разумѣется, въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ ей предполагалось дать. Тутъ произошло взаимное надувательство: Фридрихъ обманывалъ Кауница, представляя ему расположеніе Россіи такимъ, какимъ оно далеко еще не было; Кауницъ, въ свою очередь, обманулъ Фридриха, предупредивъ его въ дѣйствіи. Но этимъ онъ не только не повредилъ Фридриху, а, наоборотъ, существенно помогъ, такъ какъ поступокъ Австріи придалъ новую силу аргументамъ прусскаго короля и положилъ конецъ всякимъ колебаніямъ Россіи.

Такъ какъ многіе историки, даже изъ русскихъ, и теперь еще утверждаютъ, что хотя иниціатива раздѣла Польши несомнѣнно принадлежала Фридриху II, но Россія очень охотно на него согласилась и никакихъ съ ея стороны колебаній не было, то мы опять предоставимъ слово Сольмсу и самому Фридриху. Ихъ переписка такъ ясна, что никакихъ постороннихъ коментаріевъ къ ней не требуется.

Австрія совершила свой захватъ еще въ 1770 г. Фридрихъ, вездѣ имѣвшій отличныхъ агентовъ, прекрасно это зналъ и слѣдилъ за всѣмъ съ величайшимъ вниманіемъ, но до поры до времени молчалъ. Наконецъ, когда дѣло было уже совершенно окончено, онъ счелъ своевременнымъ увѣдомить о немъ русскій дворъ, который, разумѣется, по обыкновенію своему, ничего не подозрѣвалъ. Бывшій въ то время посланникомъ въ Вѣнѣ князь Голицынъ извѣщалъ, правда, вскользь гр. Панина о намѣреніи Австріи занять какую-то польскую провинцію, въ обезпеченіе за какой-то давнишній долгъ венгерскому королевству; но чтобъ это былъ уже давно совершившійся фактъ, объ этомъ вѣнскій посланникъ не имѣлъ понятія, а гр. Панинъ, съ своей стороны, не придалъ никакого значенія его бѣглому замѣчанію. Онъ узналъ и понялъ всю серьёзность факта, только получивъ увѣдомленіе

отъ Сольмса, который слѣдующимъ образомъ доносилъ Фридриху о впечатлѣніи, произведенномъ на Панина.

«Говорилъ я съ этимъ министромъ (Панинымъ) о территоріи, занятой австрійцами въ Польшѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что въ самомъ дѣлѣ князь Голицынъ доносилъ ему объ этомъ какъ о вещи, которую онъ узналъ неоффиціальнымъ путемъ, что какъ будто она еще существуетъ только въ предположеніи, но онъ ему не говорилъ, чтобы она уже фактически осуществилась. Онъ очень смѣялся надъ призрачностью этого факта, будучи того мнѣнія, что если вѣнскій дворъ позволяетъ себѣ подобныя выходки, то вашему величеству и Россіи скорѣе должно помѣшать ему, чѣмъ слѣдовать его примѣру; что касается его, то онъ никогда не дастъ своей государынѣ совѣта завладѣть имуществомъ, ей не принадлежащимъ. Наконецъ, онъ меня просилъ не говорить въ этомъ тонѣ во всеуслышаніе и не поощрять въ Россіи идеи пріобрѣтенія на основаніи того, что поступать такъ удобно. Я не хотѣлъ оставить ваше величество въ невѣдѣніи относительно разныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, но, между тѣмъ, они тѣмъ не менѣе сильно хлопочутъ тутъ, чтобы въ точности разузнать, насколько въ этомъ истины».

Понятно, что этотъ отвѣтъ далеко не удовлетворилъ Фридриха, но и не смутилъ его. 20-го февраля 1771 г. онъ снова возвращается къ тому же предмету:

«Я уже написалъ вамъ прилагаемыя здѣсь приказанія, какъ получилъ вашу депешу отъ 5-го числа этого мѣсяца. Вы увидите изъ нихъ, что дѣйствія австрійцевъ въ Польшѣ, въ пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ провинцій этого королевства, меня весьма занимаютъ. Я, напротивъ, внимательно слѣжу за существующими признаками того, что они хотятъ сдѣлать тамъ пріобрѣтенія, и такъ какъ они рѣшительно ничего не сообщили мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, то и я не сдѣлалъ имъ ни малѣйшаго конфиденціальнаго сообщенія о томъ, что мой братъ, принцъ Генрихъ, и вы доводили отъ времени до времени до моего свѣдѣнія по этому предмету. Я имѣю двѣ причины, которыя меня побуждали не вступать ни въ малѣйшій споръ объ этомъ дѣлѣ, ни въ переговоры съ ними. Во-первыхъ, потому, что въ сущности дѣло это меня вовсе не касается, а во-вторыхъ, потому, что я былъ увѣренъ, что дворъ, при которомъ вы состоите, не замедлитъ прямо отъ себя объясниться съ нами; однако, все это не должно помѣшать вамъ употребить въ настоящее время все ваше знаніе, чтобы хорошо выполнить тѣ порученія, которыя заключаются въ прилагаемомъ приказѣ, и если вашимъ стараніемъ и умѣніемъ

вести дѣла вамъ удастся достигнуть цѣли, то вы можете быть увѣрены, что я навѣрно не забуду услуги, которыя вы окажете мнѣ въ этомъ случаѣ, и постараюсь выразить вамъ мою благодарность, наградивъ васъ по заслугамъ, такъ что вы останетесь довольны вполнѣ. Итакъ, не забудьте ничего, но примите всевозможныя мѣры для того, чтобы пріобрѣсть для меня нѣкоторую часть Польши, способомъ, указаннымъ мною въ моихъ приказаніяхъ».

Къ этой депешѣ пріобщено еще слѣдующее приложеніе:

«Я счелъ умѣстнымъ сообщить вамъ полученныя подробности на счетъ владѣній, занятыхъ австрійцами вдоль венгерской границы, и они мнѣ кажутся настолько интересными, что заслуживаютъ вниманія сосѣднихъ державъ. Я, въ самомъ дѣлѣ, только-что получилъ извѣстіе, что кромѣ Спишскаго воеводства въ австрійскій кордонъ включены еще воеводства Новитакъ, Зотинское и еще одинъ уѣздъ, не менѣе значительный; что такимъ образомъ занятая территорія простирается приблизительно до двадцати миль въ длину, считая отъ комитата Сароша въ Венгріи, до границы австрійской Силезіи; что все это вмѣстѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько городовъ и до девяноста-семи деревень; что вѣнскій дворъ уже дѣйствовалъ тамъ во многихъ случаяхъ какъ верховный владѣтель; что на жалобы, поданныя по этому случаю польской республикой, князь Кауницъ далъ отвѣтъ неопредѣленный, но ясно, однако, доказывающій намѣреніе предъявить древнія права, и что въ Вѣнѣ уже приступили къ выработкѣ подробнаго изложенія доказательствъ для оправданія и удержанія этихъ различныхъ владѣній. Я не сомнѣваюсь, что въ Петербургѣ уже извѣщены о большей части этихъ обстоятельствъ. Я даже помню, что первое извѣстіе на счетъ этого захвата породило во многихъ лицахъ при русскомъ дворѣ мысль о необходимости соотвѣтственнаго расширенія владѣній насчетъ Польши и для всѣхъ другихъ ея сосѣдей; и хотя я замѣтилъ, изъ одного изъ вашихъ донесеній, что эту мысль еще не всѣ вполнѣ раздѣляютъ, и отлично знаю основанія, на которыя можно согласиться для ея опроверженія, однако-жъ счелъ нужнымъ написать вамъ объ этомъ, потому что эти основанія заключаются въ томъ, что всѣ думаютъ, что вѣнскій дворъ откажется отъ своего предпріятія, хотя вполнѣ очевидно, что онъ твердо рѣшился не уступать въ этомъ дѣлѣ, какъ ясно видно изъ всего мною вамъ сказаннаго. Поставивъ такимъ образомъ вопросъ на настоящую почву, окажется, что все дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы помѣшать, чтобы это расчлененіе не причи-

нило вреда политическому равновѣсію могущества австрійскаго дома и моего, соблюденіе котораго такъ важно для меня и въ интересахъ самого русскаго двора. Я не вижу другого средства для сохраненія равновѣсія, какъ послѣдовать примѣру вѣнскаго двора и заявить подобно ему древнія права, находящіяся въ моихъ архивахъ, и завладѣть какой-либо маленькой провинціей въ Польшѣ съ тѣмъ, чтобы возвратить ее, еслибы австрійцы отказались отъ своихъ предпріятій, или же сохранить, если они захотятъ ссылаться и настаивать на своихъ правахъ, считаемыхъ ими законными. Вы сами понимаете, что пріобрѣтеніе такого рода не можетъ бросать тѣни на кого бы то ни было. Одни поляки были бы въ правѣ кричать, но они не заслуживаютъ своимъ поведеніемъ того, чтобы русскій дворъ, или мой щадили ихъ. Разъ, что первостепенныя державы согласились между собою, дѣло умиротворенія Польши изъ-за этого не будетъ остановлено; но я прежде всего хотѣлъ бы знать настоящее мнѣніе русскаго двора по этому предмету и предоставляю для этого на ваше усмотрѣніе выборъ средствъ самыхъ соотвѣтственныхъ и подходящихъ. Если вамъ удастся склонить императрицу и ея министровъ раздѣлить мои виды, то окажете мнѣ этимъ большую услугу, тѣмъ болѣе пріятную, что я въ этомъ вижу единственное средство для сохраненія равновѣсія между мною и вѣнскимъ дворомъ. Итакъ, я не сомнѣваюсь, что вы употребите все ваше знаніе и опытность, чтобы исполнить это порученіе вполнѣ соотвѣтственно моимъ желаніямъ и дадите мнѣ точный и полный отчетъ о томъ, какой оно будетъ имѣть успѣхъ».

Не успѣлъ Сольмсъ и приступить еще къ исполненію возложеннаго на него порученія, какъ горѣвшій нетерпѣніемъ король снова шлетъ ему приказаніе о томъ, съ приложеніемъ документовъ, долженствующихъ сильнѣе подѣйствовать на русскій дворъ:

«...Прилагаю еще копію съ паспорта, который былъ посланъ 8-го ноября 1770 года, начальникомъ того дистрикта въ Польшѣ, которымъ завладѣлъ вѣнскій дворъ, старостѣ Пеликанчику; изъ этого паспорта видно, что тотъ дворъ уже смотритъ на этотъ дистриктъ со всѣмъ къ нему принадлежащимъ, какъ на владѣнія, присоединенныя къ его венгерскому королевству. Этотъ образъ дѣйствій вполнѣ доказываетъ его рѣшеніе удержать эти земли за собой, и я имѣю полное основаніе думать, что онъ не уступитъ ихъ иначе, какъ если будетъ принужденъ къ тому силою оружія. Эта мысль весьма естественно навела меня на другую и заставила меня вывести заключеніе, что всего лучше будетъ, если Россія и я, мы точно также воспользуемся этимъ обстоя-

тельствомъ, послѣдуемъ примѣру вѣнскаго двора и сами позаботимся о нашихъ интересахъ и пріобрѣтемъ нѣкоторыя существенныя и соразмѣрныя выгоды. Мнѣ, право, кажется, что для Россіи должно быть рѣшительно все равно, съ какой стороны она получитъ вознагражденіе, котораго, судя по вашимъ вышепоименованнымъ депешамъ, она такъ желаетъ. Такъ какъ ея настоящая война возникла исключительно изъ-за польскихъ дѣлъ, то я не знаю, отчего бы ей и не искать вознагражденія въ территоріи этой же республики, а что до меня касается, то если только я не хочу дать перевѣсъ на сторону австрійцевъ, то и не могу отказаться пріобрѣсти себѣ такимъ же образомъ какую-нибудь маленькую часть Польши, какъ бы въ уплату за мои субсидіи и за потери и убытки, понесенные мною тоже въ эту войну».

Наконецъ Сольмсъ добился серьезнаго, оффиціальнаго разговора съ Панинымъ насчетъ Польши и дѣйствій Австріи въ ней, разговоръ одинъ изъ самыхъ характерныхъ, какіе только встрѣчаются въ перепискѣ. Вотъ цѣликомъ донесеніе Сольмса:

«Государь,—Я приступилъ съ графомъ Панинымъ къ дѣлу о пріобрѣтеніи одной польской провинціи для вашего величества. Какъ благонамѣренный и преданный вашему августѣйшему дому министръ, онъ, государь, своимъ отвѣтомъ далъ мнѣ понять, что его дворъ не имѣетъ никакого основанія завидовать такому пріобрѣтенію, но что они всѣ, напротивъ, вполнѣ желаютъ вамъ этого. Итакъ, не имѣя препятствій противъ самаго дѣла, онъ сдѣлалъ возраженія и изъявлялъ сомнѣніе только по поводу того, какимъ путемъ привести его въ исполненіе, и какъ онѣ заставили его заключить, что ваше величество, имѣя дружественное расположеніе къ Россіи, захотите посовѣтоваться съ нею объ этомъ, то онъ желалъ бы, государь, чтобы вы для нея отложили на нѣкоторое время приведеніе въ исполненіе вашего проекта. Главныя причины этого требованія суть слѣдующія: во-первыхъ, затрудненіе, въ которомъ Россія будетъ находиться, чтобы согласовать и оправдать свои гарантіи, основанныя на многихъ договорахъ съ Польшей въ пользу полнаго сохраненія ея провинцій, съ настоящимъ ихъ предполагаемымъ раздробленіемъ. Я на это возражалъ, что настоящее поведеніе поляковъ въ отношеніи къ Россіи не заслуживаетъ болѣе съ ея стороны сочувствія, которое она имѣла основаніе прежде выказывать для сохраненія нераздѣльности Польши. Этотъ пунктъ болѣе не обсуждался, и графъ Панинъ сосредоточилъ свои заключенія на препятствіяхъ, къ которымъ подобный ходъ дѣла могъ повести, относительно

успѣшнаго умиротворенія Польши, изъ-за недовѣрія, которое онъ породилъ бы въ полякахъ къ Россіи и къ вашему величеству, и которое заставило бы ихъ открыто перейти на сторону другой державы, обвинить настоящаго короля въ тайномъ заговорѣ съ нашими дворами, возстать открыто противъ него, возвеличить саксонскую партію и произвести новыя смуты въ то время, когда всѣ серьезно думаютъ усмирить старыя. Онъ думаетъ даже, что это можетъ помѣшать мирнымъ переговорамъ съ Портой, и что вѣнскій дворъ, хотя и самъ подалъ къ этому примѣръ, сталъ бы изъ подражанія другимъ стараться обезславить ихъ поведеніе и еще сильнѣе возбуждать турокъ и поляковъ противъ Россіи, чтобы еще болѣе продлить затрудненія, изъ которыхъ ей такъ хочется выйти. На это я возразилъ, что я не думаю, чтобы раздробленіе Польши между тремя державами, предпринятое одновременно, сдѣлало бы поляковъ болѣе отважными, такъ какъ я всегда полагалъ, что и Россія поступитъ въ этомъ дѣлѣ согласно съ двумя другими державами, и, напротивъ, думалъ, что, видя согласіе между ея сосѣдями—нежеланіе щадить ихъ болѣе, они тѣмъ скорѣе исполнятъ ихъ желаніе спасти что можно изъ владѣній республики и не сдѣлаться всѣмъ чьими-либо подданными, вмѣсто того, чтобы остаться свободными. Что мнѣ кажется невѣроятнымъ, это—чтобы Порта, нуждаясь въ мирѣ, захотѣла отклонить его на время изъ любви къ полякамъ, и что вѣнскій дворъ имѣлъ причины порицать поведеніе вашего величества и Россіи, которые въ то же время не порицаютъ же его собственное поведеніе. Но такъ какъ все это разсужденіе, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, основывалось только на предположеніяхъ, то и нужно было придти къ тому, что обстоятельства рѣшатъ это дѣло, и я настаивалъ на томъ, чтобы имѣть положительное завѣреніе того, что императрица Россіи не будетъ явно противиться предпріятію вашего величества. Графъ Панинъ мнѣ тогда на то замѣтилъ, что это дѣло такого рода, которое должно рѣшиться въ совѣтѣ, и хотя онъ долженъ былъ сознаться, что его тамъ вполнѣ одобрятъ и что оно даже вызоветъ рѣшеніе ему подражать, онъ, однако, боится, чтобы тѣ, которые въ настоящую минуту болѣе всего выкажутъ по этому дѣлу сочувствіе вашему величеству, не постарались бы, если вслѣдствіе этого пріобрѣтенія дѣла еще болѣе запутаются, породить охлажденіе между вашимъ величествомъ и его государыней. Такъ какъ эти предположенія показались мнѣ уже слишкомъ утонченными, то я не вступилъ по этому случаю въ споръ и сказалъ, что, зная чувства особенной дружбы императрицы къ

вашему величеству, я былъ увѣренъ, что она не захочетъ противиться вашимъ намѣреніямъ, и въ настоящее время не будетъ имѣть никакихъ подозрѣній противъ васъ; я сказалъ тоже, что надѣясь на нее, что она заставитъ замолчать тѣхъ, которые захотѣли бы впослѣдствіи вывести дурное заключеніе, и что это будетъ уже ея дѣло оправдать ваше величество. Вотъ, государь, самое существенное изъ этого перваго разговора; я умалчиваю еще о многомъ, что было говорено по этому дѣлу прежде, чѣмъ пришли мы къ этому заключенію».

Недолго спустя послѣ этой депеши русскій дворъ рѣшилъ вновь перемѣнить своего посла въ Варшавѣ. Кн. Репнинъ былъ уже давно смѣненъ, къ величайшему удовольствію Фридриха, нетерпѣвшаго его за его ненависть къ Пруссіи и расположеніе къ полякамъ и всячески противъ него интриговавшаго. Неистовый нравъ Репнина доставлялъ много поводовъ къ жалобамъ на него, легкомысліе заставляло его часто попадать въ разныя хитрыя ловушки, такъ что подкопаться подъ него было довольно нетрудно... Мѣсто Волконскаго, замѣнившаго Репнина и оказавшагося въ десять разъ хуже по тѣмъ неистовствамъ, которыя онъ позволялъ себѣ и другимъ, долженъ былъ занять Сальдернъ. Фридрихъ ненавидѣлъ этого Сальдерна, котораго называлъ всегда не иначе, какъ Саллеръ, желая тѣмъ показать, что это отнюдь не членъ извѣстной древней нѣмецкой фамиліи Сальдерновъ, а такъ какой-то проходимецъ, присвоившій себѣ чужое имя. Въ свою очередь и Сальдернъ ненавидѣлъ Фридриха. Нѣмецъ—самъ, онъ въ совершенствѣ понималъ его политику, понималъ, какъ она въ сущности враждебна и гибельна для его пріемной родины, которую онъ полюбилъ со всѣмъ фанатизмомъ неофита, и, будучи однимъ изъ умнѣйшихъ людей при русскомъ дворѣ, всегда старался противодѣйствовать ненавистному прусскому королю. На Панина онъ имѣлъ очень большое вліяніе и есть основаніе подозрѣвать, что идея знаменитой панинской сѣверной системы, въ составъ которой должны были войти не одни Россія и Пруссія, а всѣ государства сѣвера Европы—что эта идея принадлежала Сальдерну. И конечно, будь не подчиненнымъ, а начальникомъ Панина, онъ съумѣлъ бы осуществить ее и отнялъ бы, такимъ образомъ, почву у исключительнаго вліянія Пруссіи на Россію. Не даромъ Фридрихъ, осыпая злыми сарказмами нелѣпую, по его мнѣнію, идею, въ то же время настойчиво не допускалъ Россію сдѣлать хотя бы одинъ шагъ къ ея осуществленію. Даже безсильную и безвредную Саксонію онъ не позволилъ ей принять въ свой союзъ.

Итакъ, русскій дворъ посылалъ въ Варшаву Сальдерна. И вотъ инструкціи, которыя онъ далъ при этомъ врагу Фридриха; или собственно это были условія, на которыхъ, Сальдернъ брался за умиротвореніе Польши, и которыя Екатерина, обсудивъ сначала съ Панинымъ, потомъ въ совѣтѣ министровъ, одобрила и повелѣла сдѣлать изъ нихъ инструкціи послу. Прежде всего, такъ какъ объемъ гарантій Россіи по отношенію къ основнымъ законамъ республики (liberum veto и rumpo) и преимущества, данныя диссидентамъ послѣднимъ трактатомъ, встревожили поляковъ и довели ихъ до громаднаго возстанія, то Сальдерну предоставлялось право дать, въ случаѣ надобности, всяческія увѣренія и объяснительныя деклараціи, которыя могли бы успокоить недовольныхъ. Деклараціями этими онъ долженъ былъ доказать имъ, что императрица только и желаетъ возстановленія спокойствія и сохраненія довѣрія къ ней республики, и пригласить всѣхъ патріотовъ собраться, чтобы сообща заняться съ новымъ посломъ разъясненіемъ спорныхъ вопросовъ, примиреніемъ умовъ и возвращеніемъ сейму законной его дѣятельности. Для того же, чтобы собравшіеся патріоты могли убѣдиться, что императрица никогда не дѣлала и не желала дѣлать ничего такого, чтò бы могло повредить независимости республики, посолъ ея именемъ обѣщаетъ прекращеніе военныхъ дѣйствій на два мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы всѣ тѣ изъ различныхъ вооруженныхъ партій, которые сложатъ оружіе и придутъ въ Варшаву, были уполномочены объявить, что они согласны трактовать о вышеизложенныхъ дѣлахъ. За этой первой частію инструкціи, опредѣлявшей предметъ переговоровъ, слѣдовала вторая, излагавшая средства, которыми можно этого достичь. Сальдернъ требовалъ, а Екатерина согласилась, чтобы онъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, могъ объявить себя, во-первыхъ, вполнѣ безпристрастнымъ ко всѣмъ партіямъ, чѣмъ уничтожить распространившееся среди поляковъ мнѣніе, будто императрица намѣрена пожертвовать одною партіей для другой; во-вторыхъ—что онъ уполномоченъ дѣйствовать такъ, чтобы, по возможности, помочь справедливымъ притязаніямъ каждой партіи. Для этой послѣдней цѣли должны были на время прекратиться совсѣмъ военныя экспедиціи и въ особенности грабежи и иныя разоренія, совершавшіяся подъ разными наименованіями и, между прочимъ, подъ названіемъ секвестрованія, а войска должны были быть поставлены подъ непосредственное начальство посла, и имъ отданъ былъ строгій приказъ не начинать ничего безъ его согласія и одобренія. Наконецъ, пріѣхавъ въ Варшаву, Сальдернъ долженъ былъ возвѣстить миръ,

и, чтобы дѣло не противорѣчило слову, которое онъ объявитъ отъ имени ея величества русской императрицы, онъ получилъ право или угрожать каждому въ отдѣльности, или же обѣщать милости и благодѣянія, смотря по тому, какъ онъ найдетъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ для привлеченія людей на свою сторону и склоненія ихъ къ примиренію. Таково было содержаніе инструкцій, полученныхъ Сальдерномъ. Легко представить себѣ, какъ онѣ понравились Фридриху, которому ихъ, разумѣется, не преминули сообщить полностію. Впрочемъ, этого требовалъ и самъ Сальдернъ, который хоть и прекрасно зналъ, что встрѣтитъ враждебную оппозицію въ королѣ прусскомъ, тѣмъ не менѣе долженъ былъ, принимая во вниманіе существующія обстоятельства, наружно до извѣстной степени преклоняться передъ всемогущимъ союзникомъ Екатерины. Какое мнѣніе высказалъ Фридрихъ насчетъ этихъ новыхъ плановъ русскаго двора, не видно ни изъ депешъ его къ Сольмсу, ни изъ писемъ къ Екатеринѣ (въ душѣ онъ навѣрное сказалъ: «поздно»). За то видно, что онъ пуще прежняго сталъ запугивать русскій дворъ, бомбардируя его самаго устрашающаго содержанія донесеніями константинопольскаго и вѣнскаго пословъ своихъ, а затѣмъ снова принялся за толки о раздѣлѣ. Вотъ его депеша отъ конца марта:

«Я очень хорошо вижу, а также и вы, судя по содержанію депеши вашей отъ 8-го сего мѣсяца, что дворъ, при которомъ вы состоите, не скоро дастъ вамъ положительный отвѣтъ на предложенія, которыя я поручилъ вамъ сдѣлать ему, чтобы пріобрѣсть для меня частицу Польши. Его медленность хорошо извѣстна мнѣ, и я изъ нѣсколькихъ опытовъ по различнымъ дѣламъ вижу, что онъ въ такихъ дѣлахъ именно всегда встрѣчаетъ болѣе затрудненій, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ. Но если вы соберете всѣ доводы, которыми я снабдилъ васъ въ моихъ послѣдовательныхъ приказаніяхъ для успѣха этихъ переговоровъ, особенно же если вы приложите ваше стараніе дать понять, что я не соглашусь съ пріобрѣтеніями австрійцевъ въ Польшѣ, не сдѣлавъ того же для себя въ видахъ поддержанія равновѣсія при ея расширеніи, то смѣю надѣяться, что трудъ, который вы дадите себѣ для достиженія этого, вѣроятно, не будетъ безполезенъ. Въ этихъ видахъ и чтобы облегчить вамъ еще болѣе средства, я велѣлъ приготовить для васъ перечень требуемаго мною отъ Польши и посылаю вамъ его при этомъ, чтобы вы могли надлежащимъ образомъ воспользоваться имъ. Я помѣщаю въ перечнѣ очень подробно всѣ провинціи, но долженъ сказать вамъ для личнаго вашего свѣдѣнія, что изъ всѣхъ пріобрѣтеній, которыя бы я могъ получить, тѣ, которыя примыкаютъ къ моимъ

прусскимъ владѣніямъ, къ Неймарку, къ Силезіи или Помераніи, мнѣ были бы болѣе всего выгодны. Они послужили бы къ большему распространенію моихъ владѣній и потому были бы для меня удобнѣе. Допустивъ же, что Россіи трудно будетъ содѣйствовать мнѣ въ этомъ, тогда я удовольствуюсь воеводствомъ Кульмскимъ и, за неимѣніемъ его, Маріенбургскимъ и епископствомъ Вармійскимъ. Каково бы ни было, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтеніе, которое вы можете доставить мнѣ, и какимъ способомъ вы бы ни добились этого, вы всегда можете быть увѣрены, что я всегда буду помнить такую важную услугу и что не премину наградить васъ прилично и соразмѣрно вашему успѣху въ этомъ дѣлѣ. Пока я не вижу еще, чтобы отвращеніе русскаго двора отъ всякаго раздѣла Польши могло служить ему безусловной причиной къ отказу въ этихъ переговорахъ».

Положеніе было не таково, чтобы круто поступать съ Фридрихомъ. Какъ ни старался русскій посолъ такъ или иначе эмансипироваться отъ него, къ какимъ крайнимъ (по его мнѣнію, навѣрное даже обиднымъ) средствамъ ни рѣшался онъ прибѣгнуть въ Польшѣ, но все же приходилось болѣе или менѣе подчиняться деспотической волѣ союзника, ничѣмъ не связаннаго, вполнѣ свободнаго располагать своими дѣйствіями. Главное, финансы стѣсняли Россію. Екатеринѣ, правда, удалось достать 700 тыс. въ Генуѣ, но эта ничтожная сумма не могла обезпечить ее надолго, а попытка сдѣлать государственный заемъ въ 20 мил. въ Голландіи потерпѣла полную неудачу, потому что «банкиры не очень довѣряютъ правительству, глава котораго не считаетъ себя связаннымъ обязательствами своего предшественника», какъ съ злораднымъ смѣхомъ объяснилъ Фридрихъ ванъ-Свитену. И такъ, въ виду необходимости, русскій дворъ сдѣлалъ видъ, будто вполнѣ признаетъ право Фридриха получить за свои услуги вознагражденіе именно польскими землями, и Панинъ просилъ Сольмса передать своему государю просьбу императрицы—высказаться опредѣлительно на этотъ счетъ, обозначивъ въ точности, что именно онъ желаетъ получить. Самъ Панинъ объяснилъ при этомъ, что, напримѣръ, Эрмеландъ Россія съ величайшимъ удовольствіемъ отдастъ его величеству и почтетъ себя счастливой доставить это владѣніе своему вѣрному другу, интересы котораго принимаетъ такъ же близко къ сердцу, какъ и свои собственные. Это предложеніе, столь ничтожное сравнительно съ его желаніями, естественно возмутило Фридриха. «Они думаютъ отдѣлаться отъ меня Эрмеландомъ,—писалъ онъ своему брату.— Ну, нѣтъ, это слишкомъ мало. Я возьму столько же, сколько они и Австрія». Но русскимъ онъ этого, конечно, не высказалъ,

а поспѣшилъ послать имъ обстоятельную записку съ точнымъ изложеніемъ всѣхъ своихъ притязаній и наименованіемъ мѣстностей, которыя рѣшился захватить, т.-е. именно всѣхъ прилегавшихъ къ его владѣніямъ, со включеніемъ въ нихъ Данцига и Торна. Чувствуя и для себя также необходимость до нѣкоторой степени щадить русскій дворъ, онъ писалъ при этомъ Сольмсу: «Я очень хорошо сознаю, что не съумѣю отстоять на почвѣ права всѣхъ моихъ притязаній, а потому, могу сказать, что этого не было ни въ мысляхъ, ни въ намѣреніяхъ моихъ и... я ничего не предприму безъ полнаго согласія того двора, при которомъ вы состоите».

Одновременно съ просьбой опредѣленныхъ указаній насчетъ собственной его добычи, Панинъ просилъ Фридриха разузнать, какъ и чѣмъ мотивируетъ свои захваты вѣнскій дворъ. Фридрихъ конечно съ радостью взялся за это. «Я не премину спросить объясненія у вѣнскаго двора, какъ того желаетъ гр. Панинъ, —объяснялъ онъ въ томъ же письмѣ къ Сольмсу,—и не замедлю переслать вамъ его отвѣтъ. Отчасти я предвижу его. Относительно Спишскаго графства онъ предъявитъ законныя права свои, относительно же другихъ заявитъ, что взялъ ихъ какъ вознагражденіе за убытки». Ему не трудно было предсказывать такимъ образомъ, ибо говорилъ онъ навѣрняка, такъ какъ самъ же диктовалъ отвѣтъ вѣнскому двору. Онъ ужъ тогда и съ этимъ дворомъ не стѣснялся и въ разговорахъ съ ванъ-Свитеномъ глумился надъ нимъ довольно безпощадно. «Ну, смотрите же,—училъ онъ его,—велите хорошенько поискать въ вашихъ архивахъ, не найдется ли тамъ какихъ документовъ, оправдывающихъ ваши права еще на что-нибудь побольше того, что вы уже захватили, на какой-нибудь подходящій для васъ палатинатъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Повѣрьте мнѣ, надо пользоваться случаемъ, я тоже возьму свою часть, а Россія свою. Ни для кого изъ насъ это не представитъ особенно значительнаго увеличенія владѣній, но всѣмъ представитъ нѣкоторыя удобства. И потомъ имѣя въ виду, что вашъ дворъ и мы желаемъ умиротворить Польшу и сохранить тамъ спокойствіе, надо же намъ имѣть возможность наблюдать за этимъ дѣломъ какъ можно лучше, а новыя наши владѣнія какъ разъ доставятъ намъ средство къ этому». Въ тоже самое время онъ собственноручнымъ письмомъ приказывалъ своему министру Финкенштейну: «Вы, конечно, видѣли изъ реляціи, которую я только-что получилъ отъ Сольмса, что мы имѣемъ лучшія надежды на успѣхъ въ нашихъ дѣлахъ. Русскіе желаютъ, чтобы я освѣдомился у австрійцевъ, на чемъ основываются претензіи, которыя они имѣютъ на староства, которыми они завла-

дѣли. Итакъ, вы будете такъ добры поговорить съ г-мъ Свитеномъ и сказать ему, что я получилъ негласно это порученіе, что вмѣсто того, чтобы въ нихъ отъ того возбудилась зависть, я имъ совѣтую распространить свои владѣнія какъ имъ удобнѣе, что я въ восхищеніи, что могу сдѣлать этотъ подарокъ императору, и что онъ можетъ это сдѣлать съ тѣмъ большею безопасностью, что ихъ примѣръ могъ найти себѣ подражателей въ другихъ сосѣдяхъ Польши, и ему только остается отвѣтить мнѣ, что они сдѣлали эти завладѣнія въ силу старинныхъ правъ. Вы будете такъ добры сообщить ему все это; можетъ быть, онъ будетъ дожидаться приказаній отъ своего двора, чтобы отвѣчать мнѣ, въ такомъ случаѣ вы соблаговолите представить ему этотъ отвѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ можно будетъ сообщить его Россіи, и если онъ заставитъ насъ ждать отвѣта вѣнскаго двора, то этотъ отвѣтъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ разниться отъ того отвѣта, который я имъ отправилъ».

Было бы слишкомъ долго, да въ сущности и безполезно разсказывать всѣ подробности и приводить всѣ депеши, относящіяся къ этому дѣлу. Этихъ депешъ болѣе сотни, и онѣ всѣ носятъ одинъ и тотъ же характеръ. Сольмсъ въ Петербургѣ вмѣшалъ въ дѣло гр. Орловыхъ и Чернышевыхъ, «враговъ польскаго короля, которымъ они очень желали бы пожертвовать». Онъ сначала колебался сдѣлать это, боясь, какъ бы они не испортили дѣла излишней горячностью, но потомъ кончилъ-таки этимъ. Фридрихъ все пугалъ Россію и все указывалъ ей на Австрію. «Люди подаютъ намъ примѣръ. Ясно, что императрица и я имѣемъ право поступить точно также», повторялъ онъ безпрестанно покуда, наконецъ, усилія его увѣнчались успѣхомъ: русскій дворъ согласился съ нимъ вполнѣ и безусловно, Екатерина вошла во вкусъ раздѣла Польши и взялась за него не менѣе горячо, чѣмъ Фридрихъ. Этому опять поспособствовала Австрія и опять по ошибкѣ. Убѣдившись, что она поступила опрометчиво, вообразивъ формальное соглашеніе тамъ, гдѣ его не было еще и въ поминѣ, и что именно ея захватъ далъ рѣшающій толчекъ дѣлу раздѣла Польши, она вдругъ предложила возвратить занятыя ея войсками провинціи республикѣ, если Россія и Пруссія обяжутся съ своей стороны гарантировать цѣлость и нераздѣльность ея владѣній. Этотъ неожиданный эпизодъ одинаково взволновалъ какъ Фридриха, такъ и Екатерину и сплотилъ окончательно ихъ союзъ. Этотъ союзъ продолжался цѣлый вѣкъ, вплоть до тѣхъ поръ пока, ровно столѣтіе — годъ въ годъ — спустя послѣ перваго раздѣла Польши, Россія не помогла Пруссіи вырости въ германскую имперію...

Когда все было рѣшено и къ дѣлу приступлено, Фридрихъ, по обыкновенію, сталъ давать «добрые совѣты», болѣе похожіе на предписанія, русскому двору. Такъ въ октябрѣ 1771 г. онъ писалъ: «Вотъ вопросъ: если императрица завладѣетъ своими новыми провинціями въ Польшѣ, не наставитъ ли она тамъ столбовъ съ своимъ гербомъ? Не потребуетъ ли она прежде всего присяги отъ своихъ новыхъ подданныхъ? Я полагаю, что это будетъ самый подходящій способъ убѣдить подобнымъ рѣшительнымъ поступкомъ этотъ народъ (поляковъ), что безповоротно рѣшили оставить ихъ въ своемъ владѣніи. Если же сдѣлаютъ вещи наполовину, въ ожиданіи окончанія польскаго сейма, то всѣ эти люди останутся въ неизвѣстности, а это дастъ поводъ наполовину лишь порабощеннымъ полякамъ возбудить сотни интригъ и враждебныхъ заговоровъ».

Покончивъ съ Россіей, Фридрихъ Вѣны не боялся. Онъ зналъ, что тамъ противъ ихъ союза ничего не сдѣлаютъ, да и не пойдутъ. «Вѣнскія письма показываютъ болѣе дурного расположенія духа, чѣмъ преднамѣреннаго умысла повредить,—писалъ онъ Финкенштейну.—Я думаю, что императрица-королева смягчится, наконецъ, до того, что, изъ любви къ миру и равновѣсію державъ, захочетъ принять часть Польши. Раздѣлъ будетъ, конечно, окончаніемъ всѣхъ этихъ смутъ». Тѣмъ не менѣе онъ все-таки до конца старался приписать инвиціативу дѣла Россіи и даже, если возможно, въ глазахъ австрійцевъ, которые, кажется, могли и сами знать все довольно хорошо, возложить отвѣтственность на Россію. «Я забылъ, любезный графъ,—поручаетъ онъ Финкенштейну,—когда писалъ вамъ сегодня утромъ, одно обстоятельство, заслуживающее вниманія. Именно, замѣтьте г. Свитену, что проектъ раздѣленія нѣкоторыхъ областей Польши исходитъ прямо отъ русскаго двора, а не изъ моей лавочки»...

Проектъ такъ мало исходилъ отъ русскаго двора, что даже и послѣ начала раздѣла Россія все еще не могла рѣшиться совершить его вполнѣ по рецепту Фридриха, и все еще торговалась съ нимъ за каждую пядь земли. Особенно по поводу Данцига шли безконечные переговоры. Фридрихъ приходилъ въ бѣшенство по поводу ихъ, но все же принужденъ былъ уступить: Данцигъ не достался ему на этотъ разъ. Не надолго, впрочемъ, Россія одержала этотъ успѣхъ. Ей не удалось спасти Польшу, не удалось обезпечить ей хотя какое-нибудь независимое существованіе. Страна была слишкомъ деморализована и раздѣлъ окончательно убилъ въ ней всякія жизненныя силы. Да и сама Россія, разъ вступивъ на роковой путь, не могла болѣе остановиться на немъ и вынуждена была противъ воли идти до конца

и послѣ перваго раздѣла допустить второй и третій, покуда Польша не исчезла совсѣмъ съ карты Европы.

А теперь намъ остается только привести маленькій документъ, указывающій какъ нельзя лучше, какъ странно ошибаются историки, которые полагають, будто только опасность войны Австріи противъ Россіи, въ которой Фридрихъ по всѣмъ вѣроятіямъ принужденъ былъ бы принять участіе, и сильное желаніе во что бы то ни стало сохранить миръ, навели Фридриха на мысль о раздѣлѣ Польши, какъ на единственное средство вовлечь Австрію въ сферу русско-прусскихъ интересовъ и примирить ее съ Россіей. Вотъ этотъ документъ:

«Гр. Линаръ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы выдать замужъ свою дочь за гр. Камеке. Это—тотъ самый, который заключилъ клостеръ-северскій миръ. Онъ большой политикъ и еще въ настоящее время управляетъ Европой изъ своей деревни, въ которую удалился на жительство. Гр. Линаръ возъимѣлъ довольно странную мысль соединить въ пользу Россіи интересы всѣхъ государей и разомъ дать дѣламъ Европы другой оборотъ. Онъ хочетъ, чтобы Россія предложила вѣнскому двору, за его содѣйствіе противъ турокъ, городъ Львовъ съ его окрестностями и Спишское графство, а намъ польскую Пруссію съ Варміею и право покровительствовать Данцигу. Россія же, чтобы вознаградить себя за военныя издержки, взяла бы такую часть Польши, какую захочетъ. Тогда всякая зависть между Австріей и Пруссіей прекратилась бы, и онѣ наперерывъ другъ передъ другомъ помогали бы Россіи противъ турокъ»...

Этотъ документъ былъ посланъ Фридрихомъ въ Петербургъ 2-го февраля 1769 г., т.-е. тогда, когда война съ Турціей только-что начиналась и блестящихъ успѣховъ Россіи никто не предчувствовалъ, не исключая и самого Фридриха. Конечно, это только «проектъ гр. Линара», но кто же рѣшится предположить, будто Фридрихъ такъ спроста послалъ его русскому двору. Разумѣется, это былъ пробный шаръ; только тогда онъ не произвелъ никакого дѣйствія: русскій дворъ не отвѣтилъ на него ни единымъ словомъ и одинъ лишь Панинъ, уступая настойчивымъ вопросамъ Сольмса, въ свою очередь дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ настойчивыхъ приказаній Фридриха, сказалъ, что находитъ этотъ проектъ рѣшительно ни съ чѣмъ несообразнымъ и совершенно лишеннымъ всякой политической цѣли.

Н. С.

НЕ ПАРА

Изъ записокъ женщины врача.

У каждаго въ жизни есть «случаи»; былъ и у меня такой, не продолжительный по времени, но оказавшій вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу мою. Постараюсь разсказать его безъ утаекъ и безъ прикрасъ: telle je suis et telle je veux paraître.

Я была тогда еще на третьемъ курсѣ начинавшихся въ то время женскихъ врачебныхъ курсовъ. Намъ, первымъ курсисткамъ, жилось нелегко: кругомъ бѣдность, доходившая до того, что многимъ по два, по три дня сряду не на что было пообѣдать и приходилось питаться чаемъ да хлѣбомъ. Ни около насъ, ни въ обществѣ мы не замѣчали много сочувствія; надобно было считаться и съ предразсудками; въ печати находились органы, пускавшіе въ насъ прямо ругательствами, а другіе, если имъ и случалось обмолвиться добрымъ словечкомъ въ нашу пользу, чувствовали себя виноватыми и печатали письма въ родѣ: «Всякому овощу свое время», гдѣ разумѣлось, конечно, что женщина-врачъ — овощь не по времени. Особенно любили тогда всякій не только дѣйствительный «случай», но даже и какой-нибудь слухъ ставить на счетъ всѣхъ и приписывать его существованію самихъ курсовъ. Мой «случай» былъ бы находкой для публицистовъ не только пишущихъ, но и «взывающихъ»; а кончи я курсъ въ какомъ-нибудь институтѣ — никто и не подумалъ бы напасть на институты вообще! Недовѣріе къ намъ доходило до того, что курсисткѣ не легко было найти даже квартиру или комнату для житья. Всѣ эти частныя невзгоды дополнялись почти ежедневной тревогой по поводу постоянно мѣнявшихся слуховъ о будущей судьбѣ нашихъ курсовъ и насъ самихъ. То говорили, что курсы

закроютъ, то переведутъ куда-нибудь, то намъ дадутъ права наравнѣ съ врачами, то никакихъ правъ намъ не будетъ, и т. д. и т. д. Мы волновались, развѣдывали, разспрашивали. Въ отвѣтъ намъ одни пожимали плечами и отмалчивались, другіе или грубо отвѣчали: «такъ вамъ и надо», или съ вѣжливостію и любезностію давали намъ понять, «что корень всѣхъ нашихъ затрудненій именно въ нашемъ безпокойствѣ о своей судьбѣ: стóитъ только намъ не думать о предстоящей намъ участи, и все пойдетъ какъ по маслу». Не смотря на все то, мы учились, учились и учились; къ тому же по временамъ насъ поддерживало—то сильное слово въ нашу пользу кого-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ, умѣрявшее направленное противъ насъ усердіе, то какое-нибудь земство, назначая на курсы стипендіатокъ, тѣмъ самымъ доказывало, что нашу будущую дѣятельность признаютъ не безплодною. Наконецъ, частныя, иногда довольно крупныя пожертвованія на поддержаніе курсовъ давали намъ понять, что міръ не безъ добрыхъ людей и что въ обществѣ существуютъ не одни враждебные намъ элементы. Но главное, что̀ насъ поддерживало, это—существовавшая между курсистками тѣсная связь, постоянная готовность каждой изъ нихъ идти на помощь другой. Благодаря, вѣроятно, этому въ средѣ курсистокъ, по крайней мѣрѣ на сколько я знаю, не было примѣра тѣхъ печальныхъ катастрофъ, которыя зачастую проявлялись въ то время среди учащейся молодежи, особенно женской.

Я лично, впрочемъ, вовсе не была въ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи и имѣла опредѣленныя, хотя и небольшія средства. Дядя, братъ моей матери, которая и жила у него, помѣщикъ полтавской губерніи, назначилъ мнѣ, когда я ѣхала учиться, по 30 рублей въ мѣсяцъ на всѣ пять лѣтъ и аккуратно высылалъ мнѣ ихъ. Къ этому я получала нѣсколько десятковъ рублей въ годъ отъ матушки, за которою въ имѣніи брата числилось около сотни десятинъ земли. Все вмѣстѣ это было весьма скромно, но гораздо больше, нежели имѣли многія другія. Когда я была на второмъ курсѣ, средства мои значительно увеличились. По рекомендаціи одной изъ подругъ я получила весьма, по нашему, выгодный урокъ въ домѣ довольно крупнаго чиновника: за преподаваніе его дочери, тринадцати-лѣтней дѣвочкѣ, «русскихъ предметовъ» четыре раза въ недѣлю по полтора часа я получала 25 рублей въ мѣсяцъ. Такой урокъ для курсистки могъ считаться чѣмъ-то въ родѣ ниспавшей съ неба манны, такъ какъ обыкновенная плата, напримѣръ, за двухчасовыя занятія, не превышала 12—15 рублей. Мнѣ, не особенно нуждавшейся, было

даже нѣсколько совѣстно брать этотъ урокъ. Помню, что, явившись для переговоровъ къ «генералу»—такъ называлъ его отворившій мнѣ дверь курьеръ—я было вздумала повеликодушничать и завела рѣчь о томъ, что есть курсистки, болѣе меня нуждающіяся, и потому нельзя ли передать этотъ урокъ кому-нибудь изъ нихъ. На это «генералъ» съ улыбкой замѣтилъ, что, приглашая меня, онъ имѣлъ въ виду условиться объ урокахъ его дочери, а не о лучшемъ способѣ оказать помощь нуждающимся курсисткамъ. Отъ меня зависитъ или принять уроки, или отъ нихъ отказаться. Въ тайнѣ я была этому очень рада; я знала, что матушка, посылая мнѣ деньги, отказывала себѣ въ послѣднемъ. Урокъ оказывался тѣмъ выгоднѣе, что на лѣто я должна была ѣхать съ «генеральшей» и съ дѣтьми въ деревню и, такимъ образомъ, жизнь въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ мнѣ ничего не стоила. Такъ что, когда, за три мѣсяца до того времени, съ котораго начинается мой разсказъ, я возвратилась изъ деревни, я была капиталисткой, умѣвшей скопить про запасъ на черный день болѣе сотни рублей. Благодаря случаю, мое положеніе какъ преподавательницы въ домѣ «генерала» не только упрочилось, но и ежемѣсячный гонораръ увеличился. Братъ моей ученицы, гимназистъ 2-го класса, не выдержалъ переходнаго экзамена изъ латинскаго языка и ему послѣ каникулъ была назначена переэкзаменовка. Какъ-то во время урока въ комнату, гдѣ я занималась съ моей ученицей, вошелъ генералъ.

— Pardon, что мѣшаю. Скажите, пожалуйста, Дарья Михайловна, вы вѣдь знаете по-латыни.

— Училась, если только можно назвать ученьемъ скороспѣлую подготовку элементарнаго курса къ экзамену.

— Не можете ли вы выручить меня изъ затруднительнаго положенія? Боря не выдержалъ экзамена изъ латинскаго языка. Самъ я заняться съ нимъ не могу; все лѣто я буду въ разъѣздахъ; искать и брать репетитора такая обуза. Не согласитесь ли вы заняться съ нимъ? Подумайте и завтра скажите.

Я подумала, справилась и согласилась. Къ моему благополучію занятія увѣнчались успѣхомъ; Боря экзаменъ выдержалъ. По этому случаю я была оставлена обѣдать, пили шампанское и «генеральша» просила у меня позволенья прислать мнѣ маленькій свертокъ. Свертокъ въ тотъ же вечеръ былъ доставленъ и въ немъ оказалось очень хорошая матерія на два платья. Сверхъ того курьеръ подалъ мнѣ пакетъ съ надписью «отъ Бориса» съ цѣннымъ анатомическимъ атласомъ. На другой день

«генералъ» снова явился ко мнѣ на урокъ и предложилъ репетировать съ сыномъ латинскіе уроки, съ платою еще 15 рублей.

Словомъ мои дѣла шли на славу. Я купила сторублевый банковый билетъ и запрятала его на самое дно подаренной мнѣ матерью шкатулки, съ твердой рѣшимостью вынуть его только въ крайней нуждѣ. Затѣмъ я дала себѣ слово ежемѣсячно откладывать по 15 рублей, и скоро у меня сверхъ билета оказалось нѣсколько десятковъ рублей. Большею частію деньги эти ходили по рукамъ, но все-таки время отъ времени они возвращались ко мнѣ, ежемѣсячно увеличиваясь новыми сбереженіями. Благодаря возможности почти всегда ссудить нуждающуюся курсистку нѣсколькими рублями, я вскорѣ перезнакомилась со всѣмъ составомъ нашихъ курсовъ, и на своемъ была единогласно выбрана одной изъ завѣдующихъ существовавшею у насъ кассою пособій, образовывавшеюся изъ періодическихъ, весьма незначительныхъ взносовъ самихъ студентокъ. Впослѣдствіи, какъ я слышала, касса эта прекратила свое существованіе; впрочемъ и въ мое время она была по большей части пуста: если было необходимо спѣшное пособіе, кто-нибудь изъ распорядительницъ находилъ нужную сумму, пособіе выдавалось, а затѣмъ по мѣрѣ поступленія взносовъ возвращалось тому, у кого взяты были деньги.

Возложенная на меня обязанность распорядительницы по кассѣ и была косвенной причиной тѣхъ перипетій въ моей жизни, о которыхъ я хочу разсказать. Какъ-то въ началѣ октября я вышла изъ дому, отправляясь на урокъ, и у подъѣзда встрѣтила одну изъ слушательницъ 2-го курса, Шамшареву.

— А я шла къ вамъ, Дружинина. Я хотѣла сказать вамъ объ Ильиной. Она больна и сидитъ безъ копѣйки. Третьяго дня я достала для нея рубль, хотѣла достать еще, но она объявила, что больше не возьметъ отъ меня; говоритъ, что глупо обирать нищихъ въ пользу одного изъ нихъ для того, чтобы дать ему возможность протомиться нѣсколько лишнихъ дней. Вообще она въ какомъ-то очень нехорошемъ расположеніи духа. Не зайдете ли вы къ ней; быть можетъ, вы какъ-нибудь на нее повліяете.

— Да я ее почти не знаю. Я могу теперь же дать вамъ нѣсколько рублей, а завтра переговорю съ другими распорядительницами по кассѣ.

— Нѣтъ, пожалуйста, зайдите сами; иначе она не возьметъ денегъ. Всѣ курсы знаютъ, какая вы мастерица ободрять и улаживать.

Я вернулась домой и взяла нѣсколько денегъ. Ильчна жила

въ одномъ изъ переулковъ, выходящихъ на Знаменскую. Это мнѣ было почти по дорогѣ.

— Зайдемъ вмѣстѣ,—сказала я Шампаревой.

— Нѣтъ, нѣтъ; зайдите однѣ. Мое присутствіе стѣснитъ и васъ, и ее и все испортитъ. Вы даже и не говорите ей, что знаете о ея положеніи отъ меня; скажите, что слышали на курсахъ.

Я шла къ Ильиной съ большой неохотой. О ней я знала весьма мало. Она была студентка 2-го курса, замужняя и пріѣхала откуда-то издалека, изъ Саратова или Воронежа. Она получала «изъ дому», какъ у насъ говорилось, какія-то средства, кажется, весьма небольшія; откуда именно, я не знала. Ильина, по слухамъ, отличалась нелюдимымъ, замкнутымъ, какъ-то надменно-неприступнымъ характеромъ и ни съ кѣмъ не была близка. Изрѣдка она обращалась къ кому-нибудь изъ сокурсницъ за лекціями или книгой. Занималась она чуть ли не прилежнѣе всѣхъ и буквально цѣлые дни проводила за книгой. По основательности знаній она считалась на курсѣ первой. Если кто-нибудь обращался къ ней съ просьбой объяснить или разсказать что-либо не понятое на лекціи, она ни разу не отказывалась, никогда не показала неохоты, объясняла всегда сжато и понятно, но дѣлала все это до того автоматически сухо и безучастно, что къ ней прибѣгали только въ крайнемъ случаѣ. Вопреки распространенному на курсахъ обычаю, при подготовленіи къ экзамену, да и во время года заниматься съ кѣмъ-нибудь, съ взаимной повѣркой знаній, Ильина занималась всегда одна.

Оказалось, что она занимала комнату въ квартирѣ какого-то ремесленника, въ третьемъ этажѣ. Войдя въ прихожую, за перегородкой, отдѣлявшей прихожую отъ кухни, я увидѣла пожилую и сердитую на видъ нѣмку, возившуюся у печки. На мой вопросъ, дома ли Ильина, нѣмка съ недовольнымъ видомъ ткнула рукою на дверь. Слегка постучавшись, я вошла. Комната была небольшая съ однимъ окномъ, выходившимъ во дворъ. Ильина съ книгой въ рукахъ полулежала, покрывшись пледомъ, на небольшомъ клеенчатомъ диванѣ. При входѣ моемъ она немного приподнялась.

— Здравствуйте, Ильина.

— Здравствуйте, Дружинина.—Она отодвинулась, давая мнѣ мѣсто на диванѣ. Когда я взяла ея руку, рука оказалась холодна какъ ледъ.

— Вы больны?

— Вѣроятно простудилась. Больше недѣли меня мучитъ лихорадка.

— Отчего вы не пригласите доктора. Хотите я привезу къ вамъ кого-нибудь изъ нашихъ.

— Нѣтъ, пройдетъ и такъ. Со мной это часто бывало.

Я внимательно взглянула на Ильину. Это была небольшого роста худощавая женщина съ тонкимъ смуглымъ лицомъ, обрамленнымъ роскошной шевелюрой темныхъ волосъ. Въ этомъ лицѣ поражали глаза: большіе, темные, жгучіе, они смотрѣли куда-то далеко въ глубь, точно пронизывали. Въ лицѣ Ильиной было что-то не русское, на первый взглядъ, что-то цыганское или болгарское. Но серьёзный, упорный взоръ, рѣзко очерченныя сжатыя губы, ровный красивый лобъ обозначали присутствіе большого ума и большой силы воли и устраняли невыгодное сравненіе. Чѣмъ больше я всматривалась въ Ильину, тѣмъ яснѣе понимала, что передо мною женщина далеко не заурядная. Въ послѣдствіи, когда я больше узнала жизнь и людей и вспоминала объ Ильиной, я больше и больше убѣждалась, что эта, для непривычнаго глаза невидная и даже невзрачная женщина—одна изъ тѣхъ, которыя доводятъ мужчинъ до сумасшествія, самоубійства и преступленій. Но и тогда уже я чувствовала въ ней какую-то роковую силу, ускользавшую отъ моего опредѣленія.

Нужно было перейти къ цѣли моего посѣщенія.

— Я слышала, Ильина, что вы не получили во время денегъ и сидите безъ копѣйки. Не хотите ли взять пока изъ кассы?

— А у васъ въ кассѣ много денегъ лишнихъ?—спросила Ильина, не поднимая взора, равнодушнымъ тономъ, въ которомъ чувствовалась насмѣшка.

— Я не знаю, сколько денегъ въ кассѣ, я еще не справилась. Услышавъ, что вы больны, я прямо пришла къ вамъ. Но деньги должны быть, и рублей двадцать касса по всему вѣроятію не затруднилась бы вамъ выдать.

Ильина подняла на меня свои серьёзные глаза.

— Ломаться съ моей стороны было бы глупо. Не придите вы, я могла бы умереть отъ изнурительной лихорадки и истощенія. Но вы должны знать мое дѣйствительное положеніе. У меня нѣтъ ничего и надѣяться мнѣ не на что: во всемъ свѣтѣ у меня нѣтъ близкаго человѣка. До сихъ поръ деньги, немного, высылалъ мнѣ мужъ. Многаго онъ и не могъ высылать, но и на то, что онъ давалъ, я никакого права не имѣю. Я не люблю его и разсталась съ нимъ навсегда. Объясненіе, какъ и почему,—для васъ было бы не интересно, а для меня утомительно, да, пожалуй, я и не съумѣла бы объяснить. Я брала отъ него деньги только вслѣдствіе безвыходнаго положенія и съ твердой рѣши-

мостью рано или поздно возвратить ему все до копѣйки, но я скорѣе сто разъ умру съ голоду, нежели попрошу его о деньгахъ. Третій мѣсяцъ я ничего не получаю; быть можетъ, и не буду больше получать. Онъ звалъ меня пріѣхать хоть на нѣсколько дней, я отказалась. Все лишнее, всякія бездѣлки, какія у меня были, я продала еще раньше. Въ послѣдніе полтора-два мѣсяца я заложила все, что́ могла заложить. Обсудите сами, удобно ли мнѣ при такомъ положеніи пользоваться помощью курсовъ. Не говорю уже о томъ, что я едва ли буду въ состояніи возвратить взятое, но не смотря на помощь недѣли черезъ три, черезъ мѣсяцъ я опять могу очутиться въ томъ же положеніи, въ какомъ нахожусь теперь: средства кассы будутъ потрачены безполезно. На уроки или какія-либо занятія разсчетъ плохой. Уроковъ не найдешь или найдешь такіе, что обуви износишь больше, чѣмъ получишь. Занятія,—но какія занятія можетъ взять на себя студентка? Потомъ нужно платить за объявленія въ газетахъ. Я печатала объявленія—ко мнѣ являлись, но съ предложеніями совсѣмъ иного рода. Вотъ если бы студенткѣ можно было фигурировать на сценѣ, хоть, напримѣръ, на сценахъ загородныхъ петербургскихъ гуляній—Ильина усмѣхнулась—я не умерла бы съ голоду: у меня и голосъ есть, и пѣть я немножко умѣла... Вѣроятно тѣмъ и придется кончить: промѣнять медицину на подмостки...

Я не хотѣла прерывать Ильину, пока она сама не замолчала. Я взяла ее за руку: рука начинала горѣть.

— Вы больны, потому и смотрите такъ мрачно на будущее. Вѣроятно все это устроится. Теперь дѣло идетъ не о будущемъ, а о настоящемъ; ни курсы, ни касса не могутъ оставить васъ безъ помощи въ томъ положеніи, въ какомъ вы находитесь.

— Я вамъ сказала, что я ломаться не буду.

Ильина по немногу освободила изъ моей свою руку, которую въ забывчивости я продолжала держать.

— Другихъ распорядительницъ кассы я сегодня не увижу. Поэтому пока я оставлю вамъ 10 рублей, а завтра, или вѣрнѣе послѣ-завтра зайду къ вамъ.

Я положила на столъ десятирублевую бумажку.

— Но вѣдь это ваши собственныя деньги?

— Пока мои. Когда выдадутъ изъ кассы, вы мнѣ ихъ возвратите.

— А если не выдадутъ?

— Въ такомъ случаѣ вы возвратите мнѣ, когда у васъ будутъ.

Ильина какъ будто колебалась.

— Хорошо. Лучше быть обязанной вамъ, нежели этимъ скотамъ,—она кивнула по направленію къ двери,—которые не подадутъ мнѣ самовара безъ ворчанья, вслѣдствіе того, что впередъ за комнату я могла отдать пока четыре рубля, а не всѣ девять.

— Послушайте, Ильина, вы очень хандрите. Теперь я иду на урокъ, но часа черезъ два буду свободна. Погода прекрасная. Я зайду за вами, пойдемъ ко мнѣ, или вѣрнѣе къ намъ, пообѣдаемъ вмѣстѣ, поболтаемъ; вы немного разсѣетесь.

— Благодарю васъ, но право не хочется. Я скучная собесѣдница, да мнѣ и нездоровится. Когда пройдетъ пароксизмъ, я выйду, похожу немного около дома.

Я видѣла, что настаивать было бы напрасно. Денегъ въ кассѣ оказалось всего три рубля, но затрудненіе и на этотъ разъ, какъ и всегда, было устранено одною изъ распорядительницъ. Личность эта стоитъ того, чтобы на ней остановиться. Это одна изъ тѣхъ, чьи имена должны быть вписаны золотыми буквами въ исторіи женскихъ врачебныхъ курсовъ, если имъ суждено когда-нибудь выйти изъ перипетій, которымъ они такъ долго подвергались. Женщина уже не молодая, мать большихъ дѣтей, имѣвшая и состояніе, и положеніе въ обществѣ, она положила душу и сердце въ заботы объ успѣхахъ курсовъ и сама была одною изъ усерднѣйшихъ студентокъ четвертаго курса. Скромная, ничѣмъ не отличавшаяся изъ общей среды въ нашей обыденной жизни, она становилась неутомимо дѣятельной, когда дѣло шло объ интересахъ курсовъ, о помощи курсисткамъ и даже объ ихъ удовольствіяхъ. Воздымалась ли надъ нашими головами буря въ видѣ преслѣдованій излишне самолюбиваго профессора, оскорбленнаго тѣмъ, что мы не понимали его лекцій, — она становилась во главѣ депутаціи, вела переговоры съ сильными нашего мірка, ей по большей части лично знакомыми, и не мало содѣйствовала тому, что буря унималась, а на профессора налагалась узда въ видѣ присутствованія ассистента на его экзаменахъ и обсужденія въ конференціи программы его лекцій. Устраивался ли спектакль или вечеръ въ пользу курсистокъ, опять она являлась главной, наиболѣе дѣятельной и умѣлой распорядительницей. Затѣвалась ли, наконецъ, вечеринка въ складчину для самихъ курсистокъ (къ слову сказать, на такія вечеринки не допускались мужчины) —отъ нея являлись цѣлые ящики припасовъ и лакомствъ, уцѣлѣвшіе, по ея словамъ, отъ когда-то бывшаго общаго праздника. Если курсисткѣ нужны были взаймы нѣсколько десятковъ рублей,

она смѣло шла къ ней и не встрѣчала отказа. Разумѣется тѣ, кто нуждался не въ займѣ, а въ пособіи, лично къ ней не обращался; не стоило ей стороной узнать о сильно нуждающейся курсисткѣ и у нея всегда оказывалось двадцать-тридцать рублей, полученные ею именно для пособія отъ какого-то, никому невѣдомаго, благотворительнаго общества.

Такъ и теперь, едва она услышала о положеніи Ильиной, какъ тотчасъ же вынула 25 рублей. Я предложила дать Ильиной эти деньги пополамъ.

— Зачѣмъ? Я говорю вамъ, что это не мои деньги. Во всякомъ случаѣ я могу получить ихъ изъ кассы; вы такъ отъ кассы ихъ ей и передайте.

Къ Ильиной я пошла на третій день послѣ перваго посѣщенія, часу въ первомъ. Это было въ воскресенье. За ея дверью мнѣ послышался мужской голосъ; я постучалась.

— Войдите.

Ильина сидѣла на томъ же диванѣ и въ той же позѣ, какъ и въ первое мое посѣщеніе и такъ же съ книгой въ рукахъ. Передъ нею на стулѣ стоялъ не допитый стаканъ чаю. Все это сразу бросилось мнѣ въ глаза, такъ какъ диванчикъ помѣщался прямо противъ двери. Въ сторонѣ у столика, стоявшаго передъ окномъ, сидѣлъ мужчина. При моемъ появленіи онъ съ поклономъ приподнялся. Ильина, не вставая, протянула мнѣ руку.

— Григорій Ивановичъ, мужъ мой. Госпожа Дружинина, курсистка,—отрекомендовала она насъ другъ другу.

Я подала ему руку. Это былъ высокій бѣлокурый мужчина съ довольно красивымъ и выразительнымъ лицомъ, обрамленнымъ свѣтлорусою бородой и усами. Въ общемъ на мой взглядъ онъ производилъ пріятное впечатлѣніе.

— Садитесь, пожалуйста.

— Я на минуту, по поводу нашего разговора третьяго дня... —я остановилась.

— Не стѣсняйтесь, говорите, у меня секретовъ нѣтъ.

— Изъ кассы мнѣ выдали для васъ 25 рублей и я вамъ ихъ принесла.

Я вынула портъ-моне. Ильинъ пытливо, искоса посмотрѣлъ на меня. Ильина нахмурилась и сжала и безъ того уже сжатыя губы. Всѣ молчали. Наконецъ, какъ бы пересиливая себя, она обратилась къ мужу:

— Ты мнѣ дашь сколько-нибудь денегъ, Григорій Ивановичъ? Я не прошу, я только спрашиваю; если нѣтъ у тебя, я обойдусь.

— Да, я привезъ...

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается на этотъ разъ поблагодарить васъ за заботливость и хлопоты.

Я хотѣла-было сказать, что деньги уже даны и ей лучше оставить ихъ пока у себя, а потомъ она увидитъ, нужны ли онѣ ей, но я была остановлена вопросомъ Ильина, обращеннымъ ко мнѣ.

— Вы, сударыня, изволите состоять, вѣроятно, членомъ какого-нибудь благотворительнаго комитета, имѣющаго цѣлью помогать женамъ, обиженнымъ мужьями или судьбою?

— Я одна изъ выбранныхъ распорядительницъ кассы курсистокъ, которая, не разбирая, кто кѣмъ обиженъ и обиженъ ли, старается по мѣрѣ возможности приходить на помощь слушательницамъ, находящимся почему-нибудь временно въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

— Временно... а если не временно?

— Разумѣется, тоже, если есть возможность. Я не ловко выразилась.

— Позволяю себѣ думать, что вы выразились именно такъ какъ хотѣли: этимъ «временно» вамъ угодно было пощадить самолюбіе мужа, жена котораго вынуждена прибѣгать къ постороннему пособію. Я вамъ очень благодаренъ. Впрочемъ, дѣйствительно бываютъ и временно нуждающіеся и временно обиженные, особенно жены. О мужьяхъ это сказать труднѣе: тѣ, если нуждаются или обижены, то постояннѣе.

— Такія добрыя души, какъ ваша, Дружинина,—проговорила Ильина,—скитаясь съ благотворительными цѣлями по разнымъ трущобамъ, всегда должны быть готовы напасть на какую-нибудь сцену изъ водевиля или мелодрамы. Григорію Ивановичу угодно, повидимому, сдѣлать васъ повѣренной своихъ обидъ.

— Зачѣмъ же своихъ? Мы ведемъ разговоръ на общую тему. Вы изволите быть замужемъ?

— Нѣтъ, я не замужемъ.

— Въ такомъ случаѣ вы этого и знать не можете, а случается, что и мужья бываютъ обижены, хотя хорошенько и не разберешь, въ чемъ обида. Женился ты, напримѣръ, и все какъ-будто ладно. Вдругъ годика этакъ черезъ два дражайшая половина объявляетъ, что никакихъ-молъ чувствъ моихъ къ тебѣ нѣтъ, ты мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ противенъ, половиной больше я быть не хочу и прошу оставить меня въ покоѣ. Всего же лучше, молъ, если ты, назначивъ мнѣ содержаніе по силѣ любви своей, позволишь мнѣ удалиться, куда знаю.

— Я вамъ предсказывала мелодраму, хотя, благодаря остроумію Григорія Ивановича, на этотъ разъ она оказывается на подкладкѣ оперетки. Вѣроятно, мало-по-малу мы дойдемъ и до трагедіи съ тѣмъ же оттѣнкомъ,—вставила Ильина, не поднимая глазъ отъ лежавшей у ней на колѣняхъ книги.

Ильинъ пристально въ упоръ посмотрѣлъ на жену; глаза его блеснули не совсѣмъ покойно. Я давно уже только о томъ и думала, какъ бы мнѣ выбраться. Я встала и протянула руку Ильиной. Мужъ ея тоже всталъ. Желая съ нимъ проститься я на него посмотрѣла: сжатыя губы его подергивались, на глазахъ стояли слезы.

— Вы вспомнили свою прежнюю терминологію,—говорилъ онъ женѣ,—но на этотъ разъ вы ошибетесь—до трагедій мы не дойдемъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, сталъ-было открывать его, но потомъ бросилъ на столъ.

— Тутъ все и письма ваши, и карточка... деньги... не знаю, полтораста, двѣсти рублей... всѣ, больше у меня нѣтъ... затѣмъ не знаю уже когда... едва ли увидимся... скоро.

Ильинъ сталъ искать что-то, вѣроятно, фуражку; жена его не перемѣнила позы и даже на него не взглянула. Я поспѣшила выскользнуть за дверь.

Въ воротахъ поровнялся со мной Ильинъ, не обративъ на меня вниманія. Онъ шелъ скорыми шагами, опустивъ голову и изъ воротъ пошелъ направо. Мнѣ нужно было идти налѣво и я готова была уже повернуть своей дорогой; внезапная мысль приковала меня къ мѣсту. Моему воображенію вдругъ представился человѣкъ, раздавленный поѣздомъ, почудился выстрѣлъ въ номерѣ гостинницы,—я громко позвала Ильина по имени. Онъ обернулся и медленно, какъ бы нехотя, подошелъ ко мнѣ.

— Виноватъ, я не простился съ вами, — произнесъ онъ, приподнимая шляпу.

— Вы торопитесь куда-нибудь?

— Н-нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ проводите меня до дому, здѣсь недалеко.

Я сдѣлала нѣсколько шаговъ по тротуару. Ильинъ шелъ рядомъ.

— Смѣю спросить ваше имя и отчество.

— Дарья Михайловна.

— Я долженъ просить у васъ извиненіе за тѣ, по выра-

женію Варвары Николаевны, водевили и оперетки, которые позволилъ себѣ разыграть въ вашемъ присутствіи.

Отвѣчать мнѣ было, разумѣется, нечего; нѣсколько минутъ мы шли молча.

— Желѣзная дорога удивительно разстроиваетъ нервы, я ѣхалъ болѣе трехъ сутокъ и три ночи почти не спалъ.

— Вы сегодня пріѣхали?

— Да... И потомъ эта полуторачасовая пытка... Когда я вошелъ: «а, это ты!» и затѣмъ ни слова, ни одного слова вплоть до вашего прихода. Самый терпѣливый человѣкъ потеряетъ самообладаніе.

— Жена ваша недѣли двѣ хвораетъ, каждый день у нея лихорадка. Не мудрено, что вы застали ее не совсѣмъ въ нормальномъ положеніи.

Ильинъ махнулъ рукой.

— Болѣзнь или здоровье тутъ не причемъ. Да что объ этомъ толковать!

— Вы съ желѣзной дороги пріѣхали прямо сюда?

— Нѣтъ, я заѣхалъ въ какую-то гостинницу возлѣ вокзала оставить вещи; я не зналъ, найду ли ее на той же квартирѣ, да и приметъ ли она меня.

— Вотъ и домъ, гдѣ я живу.

— Въ такомъ случаѣ позвольте проститься съ вами.

— Не зайдете ли ко мнѣ; я могу угостить васъ чаемъ.

— Благодарю васъ. Я у васъ никого не встрѣчу?

— Можетъ быть, и войдетъ кто-нибудь изъ подругъ; въ квартирѣ насъ живетъ шестеро.

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ не называть моей фамиліи... мнѣ не хочется путать какъ-нибудь *ее*.

У меня Ильинъ просидѣлъ довольно долго и мало-по-малу разговорился. Въ короткихъ словахъ онъ разсказалъ свою біографію. Родился онъ въ Воронежѣ, тамъ же окончилъ курсъ гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ харьковскій университетъ по юридическому факультету. Вслѣдствіе одной изъ студенческихъ исторій долженъ былъ выйти съ третьяго курса. По рѣшенію университетскаго суда, онъ былъ уволенъ на годъ, но пережидать этотъ годъ онъ не имѣлъ средствъ и долженъ былъ опредѣлиться на службу. Ему черезъ знакомыхъ предложили мѣсто въ одномъ изъ губернскихъ учрежденій въ Ставрополѣ, гдѣ онъ и прослужилъ около трехъ лѣтъ. Тамъ онъ и женился, но именно обстоятельства женитьбы («которыхъ я не буду касаться», вставилъ Ильинъ) побудили его перевестись на службу въ Воронежъ, гдѣ

была жива еще его мать и былъ домишко. Послѣдніе полгода мать болѣла и мѣсяцъ тому назадъ умерла. Болѣзнь матери поглотила все, что̀ онъ получалъ, и высылать женѣ ему было нечего. Притомъ на его приглашеніе пріѣхать проститься съ матерью, она отвѣтила, что пріѣхать не можетъ, а въ средствахъ пока не нуждается. Похоронивъ мать, онъ кое-что продалъ, призанялъ немного денегъ, взялъ отпускъ и пріѣхалъ.

— Но пора и честь знать,—закончилъ Ильинъ.—Я уже надоѣлъ вамъ. Прощайте.

— Хорошо. Присядьте только на минуту. Такъ какъ судьба столкнула насъ, то маленькая нескромность съ моей стороны. Что у васъ было въ мысляхъ, когда я васъ остановила?

— Право не помню. Мало ли что взбредетъ въ голову человѣку, не спавшему и голодному. Знаю только, что теперь, благодаря вамъ, нервы мои почти совершенно отдохнули.

Онъ наклонился и крѣпко поцѣловалъ мою руку.

— Вы идете теперь къ женѣ?

— Я больше не пойду къ ней.

— Въ такомъ случаѣ какъ же вы будете, вѣдь у васъ нѣтъ денегъ.

— Я и забылъ объ этомъ; какъ-нибудь устроюсь, кого-нибудь отыщу въ Петербургѣ.

— Берите пока 25 рублей, приготовленные для вашей жены. Такимъ образомъ окажется, что наша касса помогаетъ не только женамъ, но и мужьямъ, находящимся *временно* въ затруднительномъ положеніи.

— Ужъ не думаете ли вы, въ самомъ дѣлѣ, что я имѣю право на пособіе курсовъ въ качествѣ прогнаннаго мужа одной изъ курсистокъ?

— Я просто думаю, что имѣю возможность на нѣкоторое время располагать этими деньгами. Берите же, не то спрячу.

— Пусть такъ. Лишній разъ быть вамъ обязаннымъ значитъ лишній разъ чувствовать себя счастливымъ.

— Это у васъ въ Воронежѣ такъ галантно выражаются? Ну, до свиданья.

— Когда же можно васъ увидѣть?

— Когда хотите, если застанете дома.

— Сегодня вечеромъ можно?

Я подумала.

— Пожалуй, приходите, но немного попозже, часу въ девятомъ. Если не застанете, подождите немного.

Я рѣшилась повидаться и переговорить съ Ильиной и послѣ

обѣда пошла къ ней. Я ее не застала, прошлась довольно далеко и черезъ часъ вернулась. Ильина была дома. Она лежала на кровати, подложивъ руки подъ голову.

— Здравствуйте, Дружинина. Извините, что не встаю. Я прошлась немного и очень устала. Садитесь.

— Какъ ваше здоровье теперь? утромъ я не успѣла васъ спросить.

— Второй день лихорадки нѣтъ. Я знала, что это пустяки, стоило только немного оправиться и два раза сытно пообѣдать. Вы хотите сказать мнѣ что-нибудь?

— Я хотѣла поговорить съ вами объ утреннемъ...

— О чемъ это?

— О вашемъ мужѣ. Съ моей стороны, быть можетъ, очень назойливо мѣшаться въ ваши дѣла, но когда они дошли до такой напряженности, чужое вмѣшательство можетъ играть роль громоотвода, нѣсколько разряжая атмосферу, слишкомъ насыщенную электричествомъ.

— Какъ это картинно и краснорѣчиво; я не умѣю такъ говорить. Но я васъ слушаю. Чтó вы хотите мнѣ сказать?

— Я хочу спросить васъ: вамъ не пришло въ голову, что если человѣкъ уходитъ такъ, какъ ушелъ вашъ мужъ, онъ идетъ покончить съ собою?

— Надѣюсь, вы не пришли сообщить мнѣ о его смерти?

— Нѣтъ, онъ живъ и на жизнь свою не покушался, но этого можно было ожидать.

— Вы хотите сказать, что это и случилось бы, если бы не вы. Но причемъ же я тутъ? Потомъ... Послушайте, Дружинина, мы съ вами однихъ лѣтъ, но въ житейскихъ вопросахъ я считаю себя опытнѣе. Я о нихъ думала столько, сколько вамъ дай Богъ не передумать во всю жизнь. Повѣрьте, что въ жизни каждаго такъ много тяжелаго и горькаго и такъ мало отраднаго, что рѣдко кто на вѣку своемъ не разъ готовъ бы былъ разстаться съ жизнію. Дѣло только въ томъ, что въ насъ есть непреоборимый и не засыпающій инстинктъ самосохраненія и жизни, благодаря которому убить себя не такъ-то легко; гораздо легче убить другого. Убійцъ гораздо больше нежели самоубійцъ.

— Взамѣнъ моей картинности, ваше краснорѣчіе блещетъ умомъ и логикой.

— Я просто хотѣла устранить изъ нашего разговора тѣ мнимые ужасы, предвидѣнье которыхъ произвело на васъ, повидимому, такое сильное впечатлѣніе. Пойдемъ дальше. Согласитесь, если принимать въ разсчетъ чью-нибудь угрозу убить себя, при-

шлось бы всю свою жизнь подчиняться не только чужой волѣ, но самымъ нелѣпымъ и безобразнымъ требованіямъ и капризамъ. Подобныя угрозы хороши только въ водевилѣ, гдѣ герой прикладываетъ ко лбу шоколадный пистолетъ и тѣмъ одерживаетъ побѣду надъ всѣми препятствіями. Если бы мнѣ сказалъ кто-нибудь: выпей стаканъ воды, не то я застрѣлюсь, то какъ бы я ни была увѣрена въ искренности говорящаго, я все-таки отвѣтила бы—стрѣляйся, а пить мнѣ не хочется и пить я не буду.

Ильина приподнялась и сѣла на кровати.

— Мнѣ уже пришлось недавно исповѣдываться предъ вами; приходится сдѣлать то же и во второй разъ, но пусть ужъ это будетъ и въ послѣдній.

— Я рѣшительно не напрашиваюсь на вашу исповѣдь,— отвѣчала я, вставая и протягивая на прощанье Ильиной руку.

— Садитесь, пожалуйста. Я вовсе и не думала ни оскорблять, ни упрекать васъ. Я очень хорошо понимаю, что и теперь вы пришли изъ такихъ же великодушныхъ побужденій, съ какими три дня тому назадъ пришли спасти меня отъ голодной смерти. Благодарность не только наружная, но даже и душевная не въ моемъ характерѣ, но дурное сердце не мѣшаетъ головѣ различать и людей, и руководящія ими побужденія. Если предъ кѣмъ исповѣдываться, то предъ вами. Впрочемъ, мнѣ и самой полезно выяснить свое положеніе.

Во взорѣ Ильиной мнѣ читалось столько печали, онъ такъ былъ полонъ обаянія, что я снова разчувствовалась. Я взяла ее за руку.

— Ильина, дорогая моя, вы умышленно дѣлаете несчастными и себя, и другихъ; въ васъ вовсе нѣтъ той жесткости, которую вы на себя напускаете.

Она освободила свою руку.

— Вы или не можете или, вѣрнѣе, не хотите понять меня. Я какъ волкъ; я щетинюсь при всякомъ приближеніи ко мнѣ; я всегда готова укусить руку, собирающуюся меня приласкать. Но вернемся къ тому, съ чего начали; вы тогда лучше поймете. Я не стану вамъ разсказывать, какъ я вышла замужъ. Григорій Ивановичъ разскажетъ вамъ это со всѣми подробностями и я противъ этого ничего не имѣю. Довольно сказать, что нѣсколько мерзавцевъ едва не погубили меня. Григорій Ивановичъ спасъ меня отъ нихъ. Я пошла къ нему и за него, какъ пошла бы ко всякому и за всякаго, кто былъ бы на его мѣстѣ. Я его не любила; я никогда и никого въ жизни не любила и даже не могу себѣ ясно представить, что̀ значитъ любить, хотя ви-

дѣла и вижу, что люди любятъ. Можетъ быть, когда-нибудь придетъ и мой чередъ,—не знаю. Упрекнуть въ чемъ нибудь мужа я не могу, но два года, что я провела съ нимъ, были для меня невыносимой пыткой. Я билась какъ птица въ клѣткѣ, не имѣя возможности расправить крылья, подавляя въ себѣ всѣ порывы къ чему-нибудь серьезному въ жизни. Наконецъ, я вырвалась, я на свободѣ. Моя жизнь у всѣхъ на виду: я не злоупотребила свободой. По цѣлымъ мѣсяцамъ я выхожу изъ комнаты только на лекціи, почти никого не вижу. Но я не въ клѣткѣ, у меня есть цѣль впереди. Мужъ писалъ мнѣ и страстныя, и умоляющія, и слезливыя письма, убѣждая вернуться къ прежнему, вспоминая прежнее счастье, котораго для меня никогда не существовало. Теперь самъ пріѣхалъ съ тѣми же мольбами. Вашъ приходъ прервалъ ихъ полуторачасовое изліянье. Къ чему прежнему? Что ему нужно? Я, мое тѣло? Какъ это ни противно, съ этимъ я готова бы еще помириться. Но этого окажется недостаточно. Потребуются заботы, ухаживанье, вниманіе, подчиненіе своей волѣ, пресловутая любовь, словомъ, потребуется душа моя. И кому я должна буду ею поступиться? Вы видѣли... Этого я не вынесу, какъ не вынесла и прежде. Я или уйду, т.-е. приду къ тому же, при чемъ мы и теперь, но потеряю время и, можетъ быть, цѣль жизни, или—и это вѣроятнѣе—въ одинъ прекрасный день или въ одну прекрасную ночь онъ меня задушитъ. Кому отъ этого будетъ легче?

Нѣсколько минутъ мы обѣ молчали.

— Если положеніе такъ безповоротно, то лучше рѣшить разомъ.

— Какимъ образомъ? Развода у насъ нѣтъ или есть, но на условіяхъ для насъ невозможныхъ.

— По крайней мѣрѣ скажите Григорію Ивановичу все то, что вы мнѣ сказали. Онъ пойметъ невозможность вновь сойтись вамъ.

— Я фактически доказывала это два года и все то же канюченье. Примите на себя трудъ передать ему то, что̀ отъ меня слышали. Быть можетъ, вы его убѣдите. Вы его увидите?

— Онъ обѣщалъ придти ко мнѣ.

— Скажите, что на всякое матеріальное условіе я согласна. Пусть ничего не даетъ мнѣ. Кстати, онъ оставилъ бумажникъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Онъ вамъ отдалъ эти деньги.

— Онъ себѣ ничего не оставилъ. Я до такой степени считаю себя ему чужою, что вы больше имѣете права знать его

дѣла, нежели я. Пожалуйста, вонъ бумажникъ, я его не трогала, сочтите деньги.

Денегъ оказалось около 230 рублей.

— Оставьте мнѣ сто рублей; остальные возвратите ему. Это послѣднія деньги, что я беру отъ него. Рано или поздно я возвращу все.

— Здѣсь еще ваши письма и фотографическая карточка.

— Съ этимъ дѣлайте, что хотите, бросьте, возвратите ему, мнѣ все равно. Ну, кажется, все кончили?

— Кажется.

— И слава Богу; у меня голова трещитъ. Хотите чай пить?

— Я рада съ вами и чай пить, и сидѣть, и болтать, но подъ условіемъ, что вы не будете щетиниться и кусаться.

— Не пытайте меня, Дружинина. Въ вашихъ цѣляхъ, т.-е. въ цѣляхъ умиротворенія, это безполезно: волчью натуру не передѣлаете ни въ овечью, ни въ собачью. Для меня это тяжело.

— Прощайте, Ильина. У меня тоже нервы начинаютъ разстраиваться.

— Прощайте. Слушайте. Если когда нибудь вы очутитесь въ затруднительномъ положеніи и я буду въ состояніи быть вамъ полезной, я не забуду вашего участія ко мнѣ. Но привязанности или признательности отъ меня не ждите.

Chacun a son défaut, où toujours il revient:
Honte ni peur n'y remédie.

Смыслъ тирады Ильиной я пропустила мимо ушей, но послѣднюю фразу она произнесла такъ по французски, что я остановилась.

— Мнѣ кажется, что средство выйти изъ денежныхъ затрудненій у васъ въ рукахъ: вы, должно быть, прекрасно говорите по-французски.

— Не мудрено, моя мать была француженка.

— А отецъ?—сорвалось у меня.

— Отецъ... я не знаю, кто былъ мой отецъ. Вѣроятно, русскій, я православная. Моя дѣвичья фамилія была Пикаръ, по матери. Прощайте, Дружинина.

Было около восьми часовъ, часъ, назначенный Ильину, но мнѣ до того не хотѣлось никого видѣть, что я пошла не домой, а просто бродить по улицамъ. Два-три предложенія проводить заставили меня повернуть въ менѣе людныя улицы и скоро я сама не знала, куда зашла. Благо подвернулся извощикъ. Когда я пріѣхала домой, былъ десятый часъ. Ильина я застала у себя

въ комнатѣ въ веселой болтовнѣ съ одной изъ сожительницъ-курсистокъ.

— Правда ли, что фамилія вашего знакомаго господинъ Игрекъ?—спросила та.

— Совершенная правда.

— Гдѣ вы такъ долго засидѣлись?

— Бродила по улицамъ, хотѣла освѣжиться послѣ всѣхъ сегодняшнихъ разговоровъ.

Ильинъ отуманился и сталъ молча ходить по комнатѣ. Когда подруга ушла, я буквально передала ему изъ разговора съ его женою все, что касалось ихъ отношеній. Я тогда была очень неопытна и еще не знала, что при подобномъ вмѣшательствѣ рано или поздно приходится платиться непрошенному посреднику. Ильинъ долго не отвѣчалъ, продолжая ходить взадъ и впередъ.

— Дѣйствительно, положеніе становится невыносимымъ,—заговорилъ онъ наконецъ.—Такъ или иначе нужно выйти изъ него. Разойтись, такъ разойтись, но ужъ разъ и навсегда. Знаете ли что: именно сегодня, въ первый разъ со смерти матери я почему-то не чувствую себя одинокимъ и безпріютнымъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ у меня ни разу не было такъ легко на душѣ: точно спалъ съ меня давившій меня все время кошмаръ. Чему и кому я этимъ обязанъ, вы можете догадаться.

Когда теперь я вспоминаю это, я всегда представляюсь себѣ въ видѣ простоватой вороны, развѣсившей съ дерева уши на льстивыя рѣчи. Признаюсь, съ гораздо меньшею поспѣшностью, нежели слѣдовало, я догадалась отдернуть руку, которую взялъ Ильинъ и снова поцѣловалъ.

— Однако прощайте, вамъ пора успокоиться.

— Сидите, но пожалуйста перемѣнимъ тему разговора и объ этомъ больше ни слова сегодня.

Ильинъ оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ кое-что зналъ, кое-что читалъ, кое-что видѣлъ, былъ не лишенъ остроумія. Двѣ изъ курсистокъ, только-что возвратившіяся домой, пришли ко мнѣ на самоваръ, пришла и та, которую я застала у себя раньше. «Господинъ Игрекъ», какъ его все называли, разсказывалъ объ университетѣ, изображалъ въ лицахъ разныхъ дѣятелей Воронежа и Ставрополя. Наши также удачно копировали профессоровъ, особенно одна, читавшая цѣлыя лекціи такъ забавно и такъ похоже, что мы всѣ помирали со смѣху. Относительно Ильина все общество тутъ же рѣшило принять его къ намъ на обѣдъ въ качествѣ компаніона. Въ средѣ студентокъ,

въ которую мужчины вообще допускались очень рѣдко и очень неохотно, это была особенная милость; такъ онъ всѣмъ понравился. Ильинъ объявилъ, что завтра же пріищетъ себѣ комнату поближе къ намъ.

— Развѣ вы долго пробудете еще въ Петербургѣ?

— Пока самъ не знаю. Я вспомнилъ о нѣсколькихъ университетскихъ товарищахъ, съ которыми былъ когда-то близокъ и изъ которыхъ кто-нибудь да долженъ быть въ Петербургѣ. Нужно отыскать ихъ и разузнать. Въ Воронежѣ я больше не останусь. Такъ или иначе, съ какимъ бы то ни было мѣстомъ, но черезъ мѣсяцъ или два я петербуржецъ.

Мы просидѣли до второго часу. Всѣмъ было весело и Ильину, повидимому, въ особенности: утренняго отчаянія и слѣдъ простылъ. Что до меня, то среди шумной болтовни и хохота мысль моя не разъ уносилась въ маленькую комнату къ маленькой суровой женщинѣ съ проникающими въ душу глазами. «Не пара», —думалось мнѣ. «Кто же ей пара?» —задавалась я вопросомъ и не могла найти на него отвѣта.

Въ слѣдующіе дни Ильинъ сдѣлался у насъ точно своимъ человѣкомъ. Иногда онъ заходилъ утромъ, почти ежедневно являлся къ обѣду и просиживалъ до вечера или вновь приходилъ вечеромъ, мѣшая мнѣ заниматься. Все это онъ дѣлалъ такъ развязно, съ такою импонирующею безцеремонностью, что у меня просто не хватало духа дать ему замѣтить, что для меня это не совсѣмъ удобно. Между мною и имъ установились какія-то до нельзя странныя отношенія. Точно я была старшая крайне снисходительная сестра, а онъ балованный младшій братъ, видѣвшій во всемъ мірѣ единственную достойную общаго вниманія особу—свою собственную. Не показываясь иногда цѣлый день, онъ являлся часу въ десятомъ вечера, просилъ напоить его чаемъ и сидѣлъ до полуночи, разсказывая, гдѣ онъ былъ, съ кѣмъ видѣлся, что̀ ему обѣщали, на что онъ надѣется, точно у насъ общіе интересы, точно онъ и допустить не могъ, чтобы его надежды и успѣхи не занимали и не радовали меня. И они меня дѣйствительно занимали и радовали. Необъяснимымъ для меня образомъ я въ недѣлю, вѣрнѣе въ одинъ день, вошла въ роль самой заботливой, беззавѣтно преданной и ужъ черезчуръ непритязательной опекунши. Ильинъ, повидимому, подмѣтилъ это и не стѣснялся. Онъ безъ церемоніи бралъ мою руку и не выпускалъ ее по нѣскольку минутъ, то принимался цѣловать ее и я не имѣла рѣшимости серьёзно разсердиться.

Все это, наконецъ, становилось крайне неловко. Подруги

сожительницы, отнесшіяся сначала къ Ильину безъ церемоніи, по-товарищески, дѣлались сдержаннѣе и сторонились: Онѣ не входили ко мнѣ въ комнату, если у меня былъ Ильинъ, и вообще стали рѣже ко мнѣ заглядывать; никогда не заводили со мною о немъ рѣчи; съ нимъ почти не заговаривали. Дней черезъ десять я была вынуждена, если Ильинъ обѣдалъ у насъ, просить его уходить тотчасъ послѣ обѣда и уже не возвращаться. Взамѣнъ я имѣла слабость согласиться на его просьбы выходить гулять по вечерамъ, и мы рука объ руку бродили по улицамъ цѣлые часы, не смотря на погоду. Какъ-то я не вышла въ назначенное время, и черезъ полчаса Ильинъ былъ уже у меня.

Перемѣну во мнѣ замѣчали всѣ. «Дружинина влюблена», шептали про меня на курсахъ. Оно до нѣкоторой степени было вѣрно и только я объ этомъ не догадывалась. Кто-то сказалъ, что ближайшій путь къ сердцу женщины—возбудить ея сострадание. На мнѣ это вполнѣ оправдалось, хотя сама я была убѣждена, что не выхожу изъ роли друга. Das ist eine alte Geschichte, doch ist sie immer neu.

Ильину давно уже нечего было дѣлать въ Петербургѣ, такъ какъ устроиться онъ уже успѣлъ. Въ числѣ нѣсколькихъ университетскихъ товарищей, которыхъ онъ отыскалъ въ Петербургѣ, одинъ занималъ видное мѣсто въ какомъ-то министерствѣ. Тотъ принялъ его радушно, но съ грубоватой откровенностью, которая очень понравилась Ильину. Григорій Ивановичъ такъ передавалъ мнѣ свой лаконическій разговоръ съ полу-сановникомъ.

— Принять васъ къ себѣ значило бы оказать плохую услугу и вамъ, и себѣ. Меня упрекали бы въ непотизмѣ, а я долженъ былъ бы быть къ вамъ и строже, и скупѣе, чѣмъ къ другимъ. Вы сколько получали жалованья въ Воронежѣ?

— Тысячу двѣсти рублей, я согласенъ получать здѣсь хотя и меньше.

— Зачѣмъ? Жизнь въ Петербургѣ дороже. Какой у васъ чинъ?

— Титулярный совѣтникъ.

— Малъ, и то небось получили за отличіе, внѣ правилъ?

— Внѣ правилъ.

— Вотъ оно что значитъ не имѣть выдержки и портить себѣ карьеру. Были бы теперь то же, что и я. Ну да ничего, подгонимъ. Слушайте, Ильинъ! растабарывать мнѣ съ вами не о чемъ, валандаться и нѣжничать некогда. Но что нужно сдѣлать—сдѣлаю; нужно денегъ—дамъ. Прощайте. Зайдите въ кан-

целярію, запишите вашъ адресъ — пожалуйста, не переврите — и прикажите положить ко мнѣ въ портфель. Дня черезъ три получите увѣдомленіе.

Дѣйствительно дня черезъ три Ильинъ получилъ приглашеніе явиться въ департаментъ одного изъ министерствъ для подачи прошенія о переводѣ на службу въ Петербургъ. Прошеніе онъ подалъ, и теперь все дѣло только въ формальномъ обмѣнѣ нѣсколькихъ бумагъ. Чѣмъ скорѣе ѣхать въ Воронежъ, тѣмъ скорѣе можно возвратиться въ Петербургъ. Я торопила его; онъ увѣрялъ, что черезъ два дня уѣдетъ непремѣнно и со дня на день откладывалъ свой отъѣздъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Послѣднимъ предлогомъ было то, что у него денегъ мало и онъ ждетъ присылки жалованья изъ Воронежа.

— Да я вамъ дамъ денегъ, я гораздо богаче, нежели вы думаете,—и я показала ему банковый билетъ.

— Если бы нужно было ѣхать не отъ васъ, а къ вамъ, я взялъ бы ваши деньги, а теперь, что я потеряю, прождавъ нѣсколько дней?

— Скорѣе вернетесь.

— За то раньше уѣду. Теперь мнѣ такъ хорошо, какъ никогда не бывало. Отъ добра добра не ищутъ.

Кто знаетъ, что найду я, возвратясь,
И сколько, можетъ быть, утрачу?

Я не возражала, и мы гуляли, и онъ цѣловалъ мою руку, и дни, одинъ за другимъ, мчались незамѣтно.

Наконецъ и деньги были получены. Ихъ оказалось у него съ прежними столько, что онъ чрезъ Шамшареву могъ послать 80 рублей женѣ, съ короткимъ извѣщеніемъ, что она и впредь будетъ получать отъ него отъ 40 до 50 рублей ежемѣсячно.

Ильинъ рѣшилъ, что ѣдетъ на слѣдующій день, но съ условіемъ—у него постоянно были условія — что я пріѣду въ вокзалъ проводить его. Я проводила его, но не на вокзалъ только, а еще три станціи вплоть до встрѣчнаго поѣзда.

Никогда мы не сидѣли такъ близко другъ къ другу. Все время онъ не выпускалъ моей руки. Не помню, о чемъ мы говорили, да и говорили ли о чемъ, но время прошло такъ быстро, что я очень удивилась, когда оказалось, что мы подъѣзжаемъ къ третьей станціи. Ильинъ сталъ уговаривать меня проводить его и дальше, до Москвы. Къ стыду своему я должна сознаться, что колебалась. Но мы спохватились и расхохотались: ни у него, ни у меня съ собою не было на это денегъ. Поѣздъ

остановился, я встала. Ильинъ обнялъ меня; я съ испугомъ отшатнулась.

— Что вы, на народѣ!

— Что же за бѣда, кто знаетъ, что вы не жена мнѣ? Какъ бы хорошо, если бы это дѣйствительно было!

Онъ привлекъ меня къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ въ губы. Это былъ въ моей жизни первый поцѣлуй мужчины. Какъ я вышла изъ вагона, какъ простилась съ нимъ, какъ взяла въ кассѣ билетъ—ничего не помню. Я пришла въ себя только въ вагонѣ на обратномъ пути.

Черезъ два дня я получила отъ Ильина изъ Москвы страстное письмо; черезъ три дня затѣмъ еще одно, потомъ опять и опять. Каждый день, возвращаясь домой, я такъ и ожидала, что кто-нибудь изъ подругъ встрѣтитъ меня словами: «вамъ опять письмо, Дружинина!..»

Говорятъ, нѣтъ существа безпощаднѣе влюбленной женщины. Я и это испытала на себѣ. Прежде столь чуткая къ чужой бѣдѣ, къ чужому страданію, я вдругъ какъ-то одеревенѣла. Меня не узнавали, всѣ толковали о томъ, что со мной случилось что-то необычайное. Да, я была влюблена и именно не столько любила, сколько была влюблена. Теперь мнѣ, тридцатилѣтней женщинѣ-врачу, совершенно позволительно отличать любовь отъ влюбленности, характеризуя послѣднюю преобладаніемъ элемента чисто физіологической страстности. Не будь этого, для меня оставался бы неразрѣшимымъ вопросъ, какъ я могла влюбиться въ Ильина, гдѣ были у меня и глаза, и разсудокъ. Какой-то сердцевѣдецъ давно сказалъ, что любовь существуетъ сама по себѣ, а любимый предметъ является только предлогомъ. Если бы любовь была подчинена человѣческому разсужденію и обыденной логикѣ, она не была бы зиждительницею міра, неодолимымъ факторомъ вѣчнаго обновленія.

Съ Ильиной я встрѣчалась всего раза три-четыре и то мелькомъ на курсахъ. Разъ, когда мы встрѣтились лицомъ къ лицу, она мнѣ подала руку, но не сказала ничего. Остальные разы—издали кивнула головой. Знала ли она, что мужъ ея такъ сблизился со мною? Вѣроятно, да, Ильина видѣла у меня Шамшарева, единственная изъ курсистокъ, сблизившаяся до нѣкоторой степени съ Ильиной, и, вѣроятно, передала ей о появившейся въ нашемъ обществѣ новой личности. Ильиной не трудно было догадаться, кто эта личность и пожалуй даже опредѣлить характеръ этого сближенія. На курсахъ, какъ мнѣ передавали, ходилъ слухъ, что Игрекъ есть Ильинъ, что онъ влюбленъ въ

меня, а я въ него. Нѣкоторыя шли даже далѣе, такъ сказать, предупреждая событія.

Между тѣмъ въ отсутствіе Ильина, не смотря на его безпрестанныя письма, я по-немногу приходила въ себя и недѣли черезъ три совершенно овладѣла собою. Въ первые дни по отъѣздѣ Ильина мнѣ дѣйствительно трудно было серьёзно приняться за занятія, прерванныя пребываніемъ его въ Петербургѣ, но затѣмъ чадъ мало-по-малу разсѣялся и объ Ильинѣ я думала все меньше и меньше. Онъ постоянно умолялъ писать ему, но я написала ему только разъ, и письмо весьма разсудительное. Я писала, что на характеръ нашихъ отношеній въ послѣдніе дни я смотрю какъ на шалость, очень дурную и неприличную, извиняемую до нѣкоторой степени тѣмъ ненормальнымъ состояніемъ, въ которомъ находится онъ, а по милости его стала и я. Что такія отношенія продолжаться не должны и не могутъ, и что только подъ этимъ условіемъ я не отказываюсь, и то изрѣдка, видѣть его у себя.

Разумѣется, если бы я въ это время могла допустить мысль о возможности зайти нашимъ отношеніямъ такъ далеко, какъ это позднѣе случилось, я приняла бы противъ этого самыя дѣйствительныя мѣры. Но бѣда въ томъ, что подобная мысль мнѣ и въ голову тогда не приходила.

Въ отвѣтъ на мое письмо я получила отъ Ильина увѣдомленіе, довольно короткое, что въ Воронежѣ съ дѣлами онъ покончилъ, и немедленно выѣзжаетъ въ Петербургъ. Дней пять спустя, когда я возвратилась съ лекцій, кухарка съ нѣкоторою суровою таинственностью объявила мнѣ, что былъ господинъ Ильинъ и пріѣдетъ вечеромъ. Часу въ восьмомъ постучались въ мою дверь, и прежде чѣмъ я успѣла приподняться со стула, Ильинъ обнималъ меня и осыпалъ горячими поцѣлуями мое лицо и руки. На этотъ разъ я имѣла силу очень энергично освободиться отъ его объятій и даже сдѣлать сердитое лицо.

— Григорій Ивановичъ,—заговорила я, — если послѣ того, что я вамъ писала, вы нашли возможнымъ при первомъ же свиданіи обращаться со мной такимъ образомъ, то мнѣ остается одно: просить васъ разъ навсегда прекратить ваши посѣщенія и вообще забыть, что я существую на свѣтѣ.

Этимъ мнѣ нужно было и кончить. Но при видѣ смущенія Ильина я снова поддалась жалости и, забывъ правило: qui prouve trop ne prouve rien, принялась пространно доказывать невозможность установившихся между нами отношеній.

— Вѣдь не хотите же вы и не можете разсчитывать,—за-

ключила я, — сдѣлать меня своей любовницей, особенно здѣсь, бокъ-о-бокъ съ вашей женой, съ которой вы рано или поздно опять сойдетесь.

Отвергая возможность сойтись съ женою, которая, по его словамъ, стала ему ненавистна, Ильинъ во всемъ остальномъ соглашался со мною, сидѣлъ печальный, увѣрялъ, что если пребываніе въ Петербургѣ имѣло для него цѣну, то только ради меня; если онъ долженъ отъ меня отказаться, ему остается одно: просить о переводѣ куда-нибудь далеко на Кавказъ, въ Сибирь, въ Туркестанъ. Онъ такъ и сдѣлаетъ: знать, что я такъ близко отъ него и въ то же время для него недоступна, хуже смерти.

Не прошло получаса, и Ильинъ снова цѣловалъ мои руки и умолялъ не лишать его счастія видѣть меня.

Теперь, черезъ семь лѣтъ, когда я вспоминаю объ всемъ этомъ, мнѣ становится не столько смѣшно, сколько досадно и противно. Съ какою искренностью продѣлывали мы, по крайней мѣрѣ, я, всю эту комедію, старую какъ міръ, тысячи разъ описанную въ романахъ и милліоны разъ повторявшуюся въ жизни. Словомъ, мы не только чуть не ежедневно видѣлись съ Ильинымъ, но раньше мѣсяца онъ убѣдилъ уже бывать у него, и посѣщенія эти становились все чаще и припимали болѣе и болѣе особый характеръ. Я уже не отнимала у него руки своей, и довольно слабо защищалась отъ него. Устройство совмѣстной жизни было неистощимой темой нашихъ разговоровъ. Встрѣтивъ въ началѣ эту мысль рѣшительнымъ отпоромъ, я мало-по-малу поддавалась, и то, что̀ на первый разъ казалось мнѣ немыслимымъ, теперь начинало казаться затруднительнымъ, но не неосуществимымъ. Мы стояли на наклонной плоскости, которая становилась все наклоннѣе и наклоннѣе и на которой мнѣ дѣлалось труднѣе и труднѣе удержаться.

Но туманъ, столько времени застилавшій мою голову, разомъ разсѣялся, и, какъ всегда бываетъ, разсѣялся тогда, когда было уже поздно; мнѣ оставалось только удивляться, отчего мнѣ вчера не было ясно то, что я такъ хорошо понимаю сегодня. Страсть, доходившая еще наканунѣ до такого высокаго діапазона, разомъ упала. Возлѣ меня стоялъ человѣкъ мнѣ совершенно чужой; я чувствовала, къ своему собственному удивленію, что вовсе не люблю его. Въ довершеніе, среди разнообразныхъ ощущеній и думъ, осаждавшихъ меня, мнѣ чудилась маленькая комната и въ ней на диванѣ темная фигура, покрытая пледомъ, съ книгою въ рукахъ. Я сознавала, что любила не Ильина, которому только-что отдалась, а ее, эту маленькую непреклонную

женщину съ серьезными глазами; искреннее пожатіе маленькой ручки мнѣ было бы дороже всего на свѣтѣ.

Теперь, оглядываясь назадъ, я очень хорошо понимаю, что не смотря на все случившееся, самое благоразумное съ моей стороны было бы все-таки разомъ порвать связь. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что я искала въ себѣ любви къ этому человѣку и не находила ея. Но, какъ извѣстно, одну глупость въ жизни всегда поправляешь другою, еще большею. Я какъ-то безъ разсужденій сочла судьбу свою безповоротно связанной съ судьбою Ильина. Разрывъ внезапный являлся въ моихъ глазахъ признакомъ такого паденія, которое окончательно должно было погубить меня, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ моихъ подругъ. Я тогда не могла ясно уразумѣть, что признакъ паденія крылся не въ томъ, на день или на годы я сошлась съ Ильинымъ, а въ томъ, что я отдалась человѣку, съ которымъ у меня почти не было никакой нравственной связи.

— Какъ же быть дальше?—спросила я, сидя у Ильина въ квартирѣ.

— Это будетъ зависѣть отъ тебя, моя дорогая. Я готовъ устроиться такъ, какъ ты только пожелаешь.

Я порывисто встала. Лицо мое, какъ я это чувствовала, сильно горѣло.

— Но у васъ были же какіе-нибудь планы, когда вы заставили меня остаться. Вы мнѣ толковали о нихъ цѣлый мѣсяцъ.

— Милая Даша, изъ-за чего ты сердишься? Садись, пожалуйста, и поговоримъ.

Онъ усадилъ меня рядомъ съ собою на диванъ.

— Мое постоянно желаніе ни на минуту, если это можно, не разставаться съ тобою. Вопросъ въ томъ, какъ это устроить. Ты хорошо понимаешь, что я такъ же мало, какъ и ты, ожидалъ, что то, что случилось, случится именно сегодня. Никакого практическаго готоваго плана у меня нѣтъ; намъ нужно его найти и обдумать.

— На свою квартиру я возвратиться не могу, или если возвращусь, это будетъ значить, что мы съ вами больше никогда не увидимся.

— Боже мой! Въ такомъ случаѣ, значитъ, тебѣ туда возвращаться не слѣдуетъ, и пока—нужно остаться здѣсь.

— А потомъ?

— Какъ быть потомъ, объ этомъ нужно поговорить и подумать.

— Григорій Ивановичъ! обвинять васъ я не могу; если вы поступили необдуманно, то я поступила вдвое легкомысленнѣе и непростительнѣе. По дѣломъ вору и мука. Разойдемся, и дѣлу конецъ.

— Даша, какъ тебѣ не стыдно. Развѣ мы сошлись для того, чтобы разойтись!—Онъ въ первый разъ въ это утро крѣпко поцѣловалъ меня.

— Согласиться продолжать наши отношенія,—говорила я,—я могу только на томъ условіи, что жизнь наша получитъ характеръ правильной, семейной жизни съ взаимными правами и обязанностями. Наша связь должна быть также явна и открыта, какъ бракъ, или ея вовсе не будетъ... Дайте досказать, — прибавила я, видя, что онъ хочетъ прервать меня.—Вы можете замѣтить, что обо всемъ этомъ слѣдовало предупредить заранѣе, пока не было поздно. Но если это поздно, то только для меня: отъ васъ я ничего не требую, ни къ чему васъ не обязываю. Выбирайте: или жизнь рука объ руку съ общими нераздѣльными интересами, или разстанемся.

— Если бы ты мнѣ сказала: или разстанемся, или я отрублю тебѣ голову, я бы отвѣтилъ: руби голову, но позволь не разставаться. Ты мнѣ говоришь: или разстанемся, или я устрою тебѣ рай. Какъ ты думаешь, что я могу на это отвѣтить? Разцѣловать тысячу разъ твои руки и краснорѣчивыя губки, тратившія, впрочемъ, на этотъ разъ свое краснорѣчіе даромъ: ты убѣждала убѣжденнаго.

— Но нужно все-таки на чемъ нибудь остановиться,—возражала я, уклоняясь отъ его поцѣлуевъ.

— Не хитри, Даша, ты навѣрное уже придумала и остановилась. Я заранѣе на все согласенъ и только слушаю, что прикажешь дѣлать.

— Прежде всего нужно найти квартиру и обзавестись хозяйствомъ.

Ильинъ немного смутился.

— Не знаю, Даша, найду ли я сейчасъ же достаточно для этого денегъ.

— Я тебѣ говорила,—я въ первый разъ сказала ему «ты»,—что немного денегъ у меня есть, да на-дняхъ я получу за урокъ, всего рублей 200; ихъ станетъ, чтобы устроиться на первый разъ и прожить до твоего жалованья.

— Итакъ, сударыня, на первый разъ я поступаю къ вамъ на содержаніе,—шутя замѣтилъ Григорій.

— Между нами даже въ шутку не должно быть такихъ

рѣчей. За исключеніемъ того, что ты будешь давать женѣ, у насъ будетъ все общее и каждый станетъ заработывать сколько можетъ для нераздѣльной жизни.

— У тебя, что ни слово, то просто Цицеронъ съ языка слетаетъ! — говорилъ Григорій, цѣлуя меня. — Нужно значить искать квартиру, только я такъ еще плохо знаю Петербургъ, что едва ли обойдусь въ этомъ безъ твоей помощи.

— Все это я беру на себя, и квартиру найти и устроиться. Мнѣ помогутъ подруги. Черезъ недѣлю все будетъ готово.

— А до тѣхъ поръ ты останешься у меня?

— Нѣтъ, пока я останусь на моей прежней квартирѣ, но я прошу тебя, и очень серьезно, ни разу не приходить ко мнѣ; я у тебя тоже не буду. Мы разомъ и вмѣстѣ переѣдемъ на новую квартиру.

— Даша, къ чему еще это испытаніе, почему намъ не видѣться? Послѣ того, что было и въ виду того, что черезъ недѣлю мы снова сойдемся, не все ли равно тебѣ провести со мной эти нѣсколько дней.

— Къ чему—я тебѣ не могу хорошенько объяснить. Мнѣ кажется, что это какъ будто подыметъ меня хоть немного въ собственныхъ глазахъ. Я прошу тебя согласиться и не настаивать.

— А если я не соглашусь и буду настаивать?

— Я отвѣчу: разстанемся.

— Ты просто упрямишься, хочешь испытать надо мной свою силу и съ перваго же раза пріучить къ безусловному повиновенію. Пусть будетъ такъ: такой милой опекуншѣ весело подчиняться во всемъ.

— Я не упряма, ты въ этомъ убѣдишься. Ты хочешь знать причину. Повторяю тебѣ и повторяю очень серьезно: то, что между нами было, не считай ни безповоротнымъ, ни обязывающимъ тебя къ чему нибудь. Еще недѣлю, ты свободенъ. Передумаешь,—скажи, и, увѣряю, я даже въ душѣ не стану упрекать тебя. Мы оба увлеклись одинаково и если я поплачусь больше, это не твоя вина. Будетъ хуже, если раздумье и раскаяніе придетъ позже.

— Ты очень хорошо знаешь, что черезъ недѣлю я и думать, и чувствовать буду тоже, что и теперь.

— Это твое дѣло, но помни, съ той минуты, какъ мы вступимъ подъ одну кровлю, и тебя, и себя я буду считать связанными не менѣе, чѣмъ связываетъ клятва предъ алтаремъ.

— Даша, ты хватаешь черезъ край и въ предосторожностяхъ, и въ мнѣніи обо мнѣ. Мнѣ и отвѣчать тебѣ нечего... Но въ теченіе этой недѣли можно писать тебѣ по крайней мѣрѣ?

— Сдѣлай одолженіе, хоть по десяти писемъ въ день; только не очень длинныхъ,—прибавила я, улыбаясь, — а то за чтеніемъ ихъ мнѣ некогда будетъ устраиваться.

— Удивительное дѣло эти женщины! Обрядность имѣетъ для нихъ такое значеніе, что если нельзя примѣнить установленнаго,—онѣ свой обрядъ выдумаютъ.

— Остается, слѣдовательно подчиниться и женщинамъ и обрядности.

— Подчиняюсь.

— Прощай.

— На недѣлю? Ой, какъ долго! Я читалъ какъ-то египетскую повѣсть; въ ней мужъ и жена, страстно влюбленные другъ въ друга, разводились чуть не каждую недѣлю, чтобы имѣть счастіе снова отпраздновать свою свадьбу. Навѣрное, это жена придумала.

— Безъ сомнѣнія. Прощай.

Прежде всего мнѣ нужно было объявить моимъ сожительницамъ о своемъ выходѣ изъ ихъ общества. Какъ я уже упоминала, мы жили небольшой колоніей, состоявшей изъ шести курсистокъ; мы нанимали квартиру въ пять комнатъ. Двѣ изъ насъ помѣщались вмѣстѣ, у остальныхъ было по отдѣльной комнатѣ. Мебель кое-какая у насъ была своя, остальную мы брали на прокатъ. Расходы на столъ, прислугу и пр. распредѣлялись поровну. Такая жизнь съ чаемъ, бѣльемъ и освѣщеніемъ обходилась до 30 рублей каждой. Въ случаѣ уменьшенія числа колонистокъ расходы каждой должны были увеличиться. Поэтому было условлено, что до конца года выйти изъ колоніи можно не иначе, какъ пріискавъ кого-нибудь на свое мѣсто и вдобавокъ такую, на пріемъ которой были бы согласны всѣ обитательницы квартиры. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, мы вполнѣ полагались на выборъ главы нашей колоніи, студентки 5-го курса Гельбихъ, къ слову сказать, русской, несмотря на нѣмецкую фамилію. Это была всѣми уважаемая, серьезная, трудящаяся дѣвушка лѣтъ 28, постоянно печальная, съ тѣхъ поръ какъ женихъ ея, года полтора назадъ, былъ сосланъ. Она ждала только окончанія курса, чтобы ѣхать къ нему куда-то очень далеко, чуть ли не въ Якутскую область. У нея были маленькія средства, но ѣхать

раньше окончанія курса она не хотѣла, считая, что въ такомъ случаѣ будетъ не помощницей, а обузой будущему мужу.

Гельбихъ я застала дома и сказала, что черезъ недѣлю думаю ихъ покинуть.

— Что такъ?

— Я буду жить не одна.

— Съ Ильинымъ?

— Да.

Она задумалась.

— Это рѣшено?

— Рѣшено.

— Въ такомъ случаѣ дай Богъ вамъ счастья.

Квартиру я нашла на другой день на Бассейной, три комнаты съ отопленіемъ, правда довольно дорого, за сорокъ рублей, но въ это время года едва ли можно было найти удобную квартиру дешевле. Я написала Григорію, чтобы онъ посмотрѣлъ ее, и получила отвѣтъ, что онъ нашелъ ее вполнѣ удовлетворительной. Оставалось запастись мебелью и посудой. Очень плохихъ вещей мнѣ покупать не хотѣлось и чтобы не стѣсняться въ выборѣ, я взяла сто рублей у Вельяшевой. Въ пять дней все было куплено, перевезено и установлено — и мебель, и занавѣси, и даже лампы. Въ одной комнатѣ я устроила спальню, другая комната была рабочей, съ шкафомъ для книгъ, письменнымъ столомъ для Григорія и съ небольшимъ столомъ для меня. Третья должна была служить вмѣстѣ столовой и гостиной. Прислуга, дѣвушка Анюта, которую я давно знала, была нанята въ первый же день. Подруги принимали также участіе въ моемъ переселеніи и усердно помогали мнѣ разставлять, прибивать и развѣшивать. Я уже нѣсколько дней жила въ новой квартирѣ, но только наканунѣ истеченія условленной недѣли написала Григорію, что на другой день, если хочетъ, онъ можетъ явиться и что къ 9 часамъ утра я буду уже на новой квартирѣ.

Въ девять часовъ безъ четверти раздался звонокъ и я встрѣтила Григорія хозяйкой за самоваромъ на опрятно накрытомъ столѣ. Онъ ото всего былъ въ восторгѣ.

— Злодѣйка!—закричалъ онъ, обходя комнаты.—Ты давно уже живешь здѣсь, а я тамъ изнывалъ одинъ. Какъ я былъ глупъ, что не догадался навѣдаться.

Онъ схватилъ меня на руки, какъ ребенка, носилъ по комнатамъ, обнималъ и цѣловалъ, и хохоталъ какъ сумасшедшій. Анюта ему вторила.

— Довольно, Григорій, пусти. Ты все хочешь обращаться

со мной, какъ съ любовницей. Ты долженъ отвыкнуть отъ этого. На все есть свое время.

— Неужели не позволительно подурачиться, празднуя медовый мѣсяцъ?

— Намъ некогда праздновать. Мнѣ пора на лекціи; я и такъ почти не бывала на нихъ цѣлую недѣлю. Пей чай и затѣмъ я пойду на курсы, а ты на службу. Для того, чтобы вдвоемъ было жить удобно, легко и не скучно, необходимо съ перваго дня установить строгій режимъ и изъ прихоти не отступать отъ него.

— Какая ты педантка! Ты бы рядомъ съ росписаніемъ лекцій повѣсила бы и росписаніе, сколько разъ въ день и въ какіе часы можно поцѣловать тебя.

— Въ какіе хочешь, только не въ тѣ, когда нужно заниматься дѣломъ.

— Ну, ты меня совсѣмъ упорядочишь. Давай-ка въ самомъ дѣлѣ чаю; давно пить хочется.

Я непремѣнно хотѣла отпраздновать свое новоселье, пригласивъ къ себѣ вечеромъ нѣсколькихъ подругъ. Признаюсь, въ этомъ была нѣкоторая посторонняя цѣль: мнѣ хотѣлось показать, что я не скрываюсь. Хорошо ли, дурно ли я поступила, но что я сдѣлала,—сдѣлала; пусть видятъ и судятъ.

Мое предложеніе Григорій принялъ съ большимъ удовольствіемъ и просилъ не откладывать; мы рѣшили пригласить въ эту же субботу, то-есть черезъ три дня.

Въ назначенный день гости собрались довольно рано, почти тотчасъ послѣ нашего обѣда. Григорія въ это время не было дома; онъ пошелъ покупать фрукты, лакомства и вино. Когда онъ вернулся, почти всѣ приглашенныя были въ сборѣ. Съ большею частью изъ нихъ онъ былъ знакомъ еще въ первый пріѣздъ свой. При его входѣ въ комнату раздались шумныя восклицанія.

— А, monsieur Игрекъ, здравствуйте, съ новосельемъ!

— Какъ же тебя теперь звать?—обратился кто-то ко мнѣ.

— Госпожа Игречка! Госпожа Игрекисса! Madame Игрекиня! Madame Игречиха!

— Ильина!—шепнулъ чей-то голосъ, и этотъ едва слышный шопотъ заглушилъ шумныя восклицанія и разомъ нагналъ на всѣхъ смущеніе. Всѣ вдругъ притихли.

Смущеніе прошло не скоро. Только мало-по-малу, за самоваромъ, возобновились шутки и смѣхъ. Но мнѣ цѣлый вечеръ было не по себѣ. Мнѣ такъ и чудилось, что среди насъ есть

еще кто-то, призракъ, *она*, незримая, безмолвная и внимательная. Тщетно я убѣждала себя, что я ничьего мѣста не заняла, ничьихъ правъ не отняла, ничѣмъ чужимъ не завладѣла, — сердце сжималось, какъ передъ бѣдой и на душѣ тяготѣло точно сознаніе какого-то преступленія.

Теперь я хорошо понимаю, что наша игра была проиграна заранѣе. Ни во мнѣ, ни въ Григорьѣ не было того, что единственно могло бы дать возможность выйти изъ ненормальнаго положенія, въ какое мы себя поставили: сильнаго характера, при которомъ препятствія и неудачи не ослабляютъ, а удвоиваютъ энергію. Въ насъ не было и страстной любви, которая въ данномъ случаѣ могла быть субститутомъ характера и давать намъ силу, находя другъ въ другѣ источникъ радости, равнодушно относиться ко всему остальному. Такой любви не было ни во мнѣ, ни, какъ нужно думать, въ Григорьѣ, несмотря на безпрерывныя и шумныя заявленія его привязанности. Ей неоткуда было и взяться.

Я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ я, дѣвушка не экзальтированная, скромная и, по отзыву всѣхъ, благоразумная, могла вдругъ очутиться въ ненормальномъ положеніи сожительницы женатаго человѣка, въ добавокъ человѣка, ни по уму, ни по характеру, ни по образованію и развитію не выходившему изъ предѣловъ самой заурядной посредственности. Что касается до Григорія, то какого бы высокаго мнѣнія я ни была о своей особѣ, я не могла не догадываться, что въ его любви ко мнѣ много напускного. Три мѣсяца назадъ онъ любилъ жену и приходилъ въ крайнее отчаяніе отъ ея холодности, а холодность, какъ извѣстно, не ослабляетъ, а усиливаетъ страсть мужчины. Я уже не говорю ни о личныхъ качествахъ Ильиной, ни о томъ неотразимомъ обаяніи, какое она производила. Ко мнѣ Григорій обратился такъ, какъ промотавшійся хватается за карты, какъ человѣкъ опустившійся прибѣгаетъ къ чаркѣ. Съ первыхъ же дней нашей совмѣстной жизни я почувствовала тревогу и только не могла предугадать, откуда должна прійти бѣда.

Впрочемъ, я дала себѣ слово не терять бодрости и старалась устроить нашу жизнь наиболѣе сноснымъ образомъ. Я была убѣждена, что первое условіе этого — самый строгій порядокъ. Раннимъ утромъ застланныя постели и прибранныя комнаты, во-время поданный чай, во-время и опрятно изготовленный обѣдъ, чисто вымытое и хорошо выглаженное бѣлье — играютъ въ согласной семейной жизни не меньшую роль, нежели ровность характера и взаимная уступчивость. Несмотря на то, что я дѣ-

лый день была занята, мнѣ удалось, благодаря Анютѣ, устроить жизнь какъ мнѣ хотѣлось. Подтрунивая надъ моею педантичностью, Григорій въ дѣйствительности, какъ самъ не разъ мнѣ признавался, былъ ею болѣе нежели доволенъ.

Съ нимъ вообще было легко ужиться: онъ былъ мягокъ, не требователенъ, не придирчивъ, не имѣлъ дурныхъ привычекъ. Мало этого: съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе убѣждалась въ его добротѣ, безусловной честности его убѣжденій, впечатлительности и отзывчивости на все хорошее. Привязанность моя къ нему, не мѣняя своего будничнаго характера, понемногу росла. Несомнѣнно, если бы мы съ нимъ стояли въ нормальныхъ общепринятыхъ отношеніяхъ, т. е. были вѣнчанными мужемъ и женой, мы жили бы долго и мирно, народили бы дѣтей и съумѣли бы воспитать изъ нихъ людей честныхъ и полезныхъ. Но этой-то нормальности намъ и недоставало.

Первая и самая большая тяжесть, упавшая на меня, было письмо къ матери. Мнѣ казалось необходимымъ увѣдомить ее о случившемся; если бы она узнала со стороны, было бы хуже. Я знала, что нанесу ей тяжелый ударъ, откладывала, но наконецъ рѣшилась. Что я ей писала, теперь не помню. Я писала какъ въ горячкѣ и не рѣшилась даже перечесть написаннаго: я и оправдывалась, и просила прощенья, и даже прилгала немного: написала, что вопросъ идетъ о разводѣ Григорія съ женою и о женитьбѣ его на мнѣ. Отвѣтъ матери былъ полонъ отчаянія; прежде всего она не знала, какъ сказать обо мнѣ дядѣ. Я дѣйствительно сдѣлала ошибку: мнѣ нужно было написать сперва не матери, а дядѣ. Какъ бы онъ ни разсердился, мужчины легче смотрятъ на подобныя отношенія, нежели женщины. Мать во всякомъ случаѣ не была бы по отношенію къ нему въ мучительно неловкомъ положеніи...

Второе непріятное послѣдствіе моего «гражданскаго брака», какъ тогда говорилось, былъ отказъ отъ уроковъ въ домѣ «генерала». Это происшествіе не лишено комическаго характера и заслуживаетъ, чтобы о немъ разсказать подробнѣе.

«Генерала» звали Викторъ Николаевичъ Синедольскій. Минувшее лѣто, какъ я уже сказала, я провела у нихъ въ деревнѣ. Самъ «генералъ», впрочемъ, съ нами не жилъ и провелъ все лѣто въ разъѣздахъ. По его шутливому выраженію, точно такъ же какъ полуденный сонъ Мономаха, самимъ Богомъ установлено, чтобы видные петербургскіе чиновники лѣто и раннюю осень проводили въ командировкахъ для ревизій въ разныя благодатныя окраины нашего отечества: въ Крымъ, на Кавказъ или на Волгу.

Самъ онъ съѣздилъ сначала въ Крымъ, потомъ спѣшилъ въ Петербургъ для какого-то спѣшнаго доклада министру, потомъ еще куда-то поѣхалъ. Къ намъ онъ заѣзжалъ два раза, и каждый разъ дня на два, на три. Мнѣ все лѣто пришлось провести съ глазу-на-глазъ съ «генеральшей». Это была женщина лѣтъ слишкомъ за сорокъ, почти однихъ лѣтъ съ «генераломъ». Она была, какъ я слышала частью отъ нея, частью отъ другихъ, изъ стариннаго и богатаго дома и вышла за Синедольскаго не очень молодою и по любви. Была ли любовь взаимная — не знаю. Но во время моего пребыванія «генеральша» не очень вѣрила въ вѣрность своего «генерала» и въ крайнюю необходимость для отечества его отлучекъ. Со мной она обращалась вообще довольно сухо и надменно, во-первыхъ какъ съ учительницей, во-вторыхъ какъ съ студенткой, что̀ въ ея глазахъ было еще низменнѣе. Тѣмъ не менѣе, однако, разъ она не выдержала. Это было въ день второго отъѣзда генерала изъ деревни. Поздно вечеромъ, вѣрнѣе уже ночью, она позвала меня гулять въ садъ и разговорилась. Разговоръ кончился очень откровенными, съ плачемъ, жалобами на фривольную жизнь «генерала»... Съ Синедольской это насъ, слава Богу, не сблизило: слѣдующіе дни я старалась избѣгать ее насколько возможно, а она относилась ко мнѣ еще суше...

Теперь именно въ лицѣ добродѣтельнаго «генерала» и предстала предо мной Немезида, мстя за оскорбленіе общественнаго приличія.

Когда я пришла на урокъ, курьеръ, отворявшій мнѣ дверь, почтительно доложилъ, что его превосходительство просятъ меня пожаловать къ нимъ въ кабинетъ. Генералъ прилежно занимался дѣлами.

— А, Дарья Михайловна, здравствуйте.

«Генералъ» не вставая протянулъ мнѣ руку. Петербургскіе сановники — мнѣ объ этой особенности передавали — въ отличіе отъ провинціальныхъ, всегда знаютъ имя и отчество малыхъ міра сего, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло.

— Садитесь, пожалуйста.—Онъ глазами показалъ на стулъ, стоявшій противъ его кресла по другую сторону стола.

— Ну, дорогая Дарья Михайловна, я кое-что долженъ сообщить вамъ и, признаюсь, не очень пріятное. Прочтите, пожалуйста, это.

Небрежнымъ движеніемъ руки онъ перебросилъ мнѣ сложенный вчетверо листъ почтовой бумаги; на немъ крупнымъ и красивымъ шрифтомъ, какъ въ прописяхъ, было начертано слѣдующее:

«Во избѣжаніе непріятныхъ недоразумѣній, имѣютъ честь

увѣдомить его превосходительство Виктора Николаевича, что обучающая дѣтей его студентка Дарья Дружинина состоитъ въ явномъ сожительствѣ на одной общей квартирѣ съ чиновникомъ Ильинымъ, котораго оная Дружинина отвлекла отъ его, Ильина, жены, также въ Петербургѣ проживающей. Безъ сомнѣнія ваше превосходительство не преминете принять сообщаемое къ свѣдѣнію».

— Ну, что вы на это скажете?

— Скажу, что я никому не обязана отчетомъ въ томъ, что касается меня одной.

— То-есть, кому вы это говорите: тому ли, кто писалъ, или мнѣ?

— Того, кто писалъ, я не знаю. Вы меня спрашиваете, я вамъ отвѣчаю.

— Ну вотъ и разговаривай!—генералъ благодушно развелъ руками.—Я вамъ далъ прочесть; ожидалъ, что вы мнѣ скажете: все это ложь! И всякому разговору былъ бы конецъ. А вы мнѣ же реприма̀ндъ дѣлаете. Благодарю, не ожидалъ.

— Что это ложь, я сказать не могу; мужа у Ильиной я не отбивала, но что живу съ Ильинымъ, это правда.

Генералъ поморщился и помолчалъ, чмокая губами, что̀ очевидно должно было знаменовать раздумье.

— Видите ли, я не ригористъ; самъ я былъ студентомъ, въ свое время красной дѣвушкой не слылъ и въ разрядѣ неудачниковъ не числился. Но есть манера и манера. Кто говоритъ! когда бываетъ молодость безъ грѣха! На то она и молодость. Особенно теперь, когда и молодые люди, и молодыя дѣвушки, такъ сказать, въ перемежку. Тутъ безупречности отношеній никто не ожидаетъ, да и не требуетъ. Но къ чему афишировать эти отношенія къ вящшему соблазну общества? Къ чему эта прямолинейность? Замѣтьте, не прямота,—ее что-то не очень много въ современномъ молодомъ поколѣніи—а именно прямолинейность, т.-е. тупая неповоротливость, недопускающая посторониться, чтобы не задѣть лбомъ о стѣну?.. Ну посидѣли, потолковали, поцѣловались тамъ, и разошлись. И все шито и крыто, и нѣтъ повода этимъ скотамъ писать подобныя записки.

— Эти скоты ихъ пишутъ потому, что находятся люди, которые ихъ читаютъ и обращаютъ на нихъ вниманіе.

— А какъ же я ихъ не буду читать и не обращу на нихъ вниманіе? Я васъ спрашиваю: почему я знаю, кто мнѣ это пишетъ и какое полномочіе имѣетъ писать мнѣ это?

— Объ этомъ, разумѣется, я меньше васъ могу знать что-нибудь.

— Въ томъ-то и дѣло. Но вы мнѣ не отвѣтили. Я васъ спрашивалъ, къ чему эта бравада, къ чему эти такъ-называемые на вашемъ языкѣ гражданскіе браки, волнующіе и смущающіе общество? Къ чему это открытое, вызывающее сожительство? Ну вотъ я и женатъ, — генералъ понизилъ голосъ и жестомъ указалъ на дверь, противуположную той, въ которую я вошла, —что-жъ я такъ и сижу пришитымъ къ жениной юбкѣ? Да мы по недѣлямъ не видимся или видимся только для того, чтобы сказать здравствуй и прощай. А я въ монахи, слава-Богу, еще не думалъ записываться.

Я разсмѣялась: защита общественной морали выходила очень оригинальная.

— О нравственности общества, возмущающагося «гражданскими браками», даже въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе какой-нибудь исключительно формальной причины не возможны церковные,—такъ много писалось, что говорить объ оскорбленномъ общественномъ чувствѣ просто не стоитъ. Не потому ли оно и возмущается, что даже «гражданскіе браки» представляютъ обличающій протестъ противъ господствующей въ немъ распущенности. Позвольте спросить, въ свою очередь, васъ, почему вы допускаете для молодыхъ людей возможность сойтись, потолковать и разойтись, и не допускаете возможности болѣе прочныхъ отношеній, основанныхъ на потребности обмѣна мыслей, взаимной поддержки и помощи, т.-е. отношеній не животныхъ, а человѣческихъ?

— Почему? Я вамъ скажу, почему. Потому, что на это есть бракъ; потому что поддѣлка подъ него преслѣдуется и должна преслѣдоваться какъ всякая поддѣлка, и преслѣдоваться тѣмъ строже, чѣмъ ближе подходитъ къ поддѣлываемому, чѣмъ легче, слѣдовательно, можетъ обмануть несвѣдущихъ и легковѣрныхъ; потому что такія отношенія, представляя условія болѣе льготныя, нежели бракъ, до нѣкоторой степени его упраздняютъ...

— Значитъ, нужно облегчить условія брака.

— Это другой вопросъ. Позвольте я еще не кончилъ. Потому, наконецъ, что такимъ путемъ являются на свѣтъ Божій существа, лишенныя законной и естественной защиты, и имъ потомъ дорого приходится расплачиваться за не по времени либеральныя понятія отца и матери... Вы намъ, обществу, бросили упрекъ въ безнравственности. Спорить я не буду: не изъ Катоновъ же оно состоитъ въ самомъ дѣлѣ. Но отдѣльный случай слабости, увлеченія, положимъ, безнравственности, вредный

и не похвальный въ частности, не колеблетъ общаго, не колеблетъ принципа. Напротивъ, какъ и всякое исключеніе, онъ не опровергаетъ, а подтверждаетъ общее правило. Если ужъ пошло на то, скажу хоть про себя. Обо мнѣ разсказываютъ гораздо больше, чѣмъ есть въ дѣйствительности; на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Но, говорю откровенно, я не монахъ! Не прикажете ли вы мнѣ такъ ужъ и ломиться съ объятіями къ моей Катеринѣ Алексѣевнѣ? Ей и не до того, да и не по лѣтамъ. Но что-жъ изъ этого? Ни соблазна, ни афишированія, ни симиляціи брака—замѣтьте!—ни, главное, дѣтей.

— Но вѣдь дѣти все-таки могутъ быть.

— Могутъ! Мало ли, что̀ можетъ быть, но нѣтъ! Какъ и почему нѣтъ, я не знаю и знать не хочу, но нѣтъ!

Съ самаго начала разговора я рѣшилась, подавая маленькія реплики, не спорить и не оскорбляться, что̀ бы ни услышала. Мнѣ очень хотѣлось выяснить себѣ міровоззрѣніе «генерала». Поэтому я только про себя смѣялась цинизму, съ которымъ генералъ старался *афишировать* предо мною свое донжуанство. Но тутъ я не выдержала и разсмѣялась вьявь. Въ самомъ дѣлѣ qui pro quo было восхитительно. Я, которая многимъ пожертвовала для того, чтобы даже незаконной связи придать характеръ прочнаго семейнаго союза, и которая, разумѣется, предпочла бы ей установленный бракъ, если бы онъ былъ въ данномъ случаѣ возможенъ, — я являлась разрушительницей принципа семьи и брака. Онъ же, проповѣдующій самую грязную распущенность, оказывался его охранителемъ! Я должна, однако, замѣтить, что въ дѣйствительности «генералъ» былъ гораздо умнѣе, нежели можно заключить по его рѣчамъ, но таинственная записка, очевидно, сбила его, какъ говорится у насъ на югѣ, съ панталыку.

— Но, — спохватился «генералъ», прибѣгая къ обычной въ этихъ случаяхъ уловкѣ посматриванія на часы,—наши разглагольствованія не перемѣнятъ теченія дѣлъ міра сего: sunt verba et voces praetereaque nihil. Возвратимся къ началу нашего разговора.

«Генералъ» всталъ. Оказалось, однако, что онъ не могъ разстаться еще съ излюбленной темой.

— Извините еще разъ. Объясните мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ вы, дѣвушка, съ которой можно говорить цитатами изъ Цицерона и Горація, дѣвушка знающая и талантливая—я вѣдь слышалъ ваши уроки и разсужденія съ дѣтьми, наконецъ, дѣвушка...—«Генералъ» неожиданно взялъ меня фамильярно за руку и подвелъ къ стоявшему въ простѣнкѣ зеркалу.—Посмо-

трите... Такъ я спрашиваю, какимъ образомъ дѣвушка, которая могла бы быть украшеніемъ общества, поставила себя въ положеніе отщепеницы. И изъ за чего? Я, разумѣется, не позволю себѣ ни на іоту коснуться личности вашего избранника, но позволю себѣ спросить васъ, сколько времени вы его знали прежде, нежели рѣшились соединить съ нимъ судьбу свою?

Я молчала.

— Вы вѣдь поборница принципа: все на лицо. Сколько же?

— Три съ чѣмъ-то мѣсяца.

— Изъ нихъ мѣсяцъ вы хлопотали о сближеніи его съ женою—я вѣдь прежде чѣмъ безпокоить васъ навелъ обстоятельныя справки, полтора мѣсяца его здѣсь не было. Слѣдовательно на рѣшеніе вопроса о всей вашей будущности и на то, чтобы узнать человѣка, на которомъ остановился вашъ выборъ, вы употребили около трехъ недѣль!

Я покраснѣла. Въ этомъ «генералъ» былъ совершенно правъ. Я могла возразить ему только: не три недѣли, а цѣлый мѣсяцъ.

— Англійскія дѣвушки, въ случаѣ препятствій, по десяти лѣтъ ждутъ суженаго, чистыя и любящія, и это не лишаетъ ихъ возможности ни обмѣна чувствъ, ни взаимной поддержки.

Мнѣ очень хотѣлось спросить, ну а суженые также всѣ эти десять лѣтъ остаются чистыми и любящими, но удержалась.

— Такъ-то-съ,—прибавилъ Синедольскій, слегка отечески коснувшись моего плеча, — не намъ съ вами бросать обществу укоръ въ его распущенности: мы исчадіе и факторы ея!

Послѣдней эффектной фразой «генералъ» остался, повидимому, очень доволенъ и потому счелъ возможнымъ кончить его обсужденіе общаго вопроса. Лицо его приняло серьёзное, озабоченное выраженіе.

— Ну, дорогая Дарья Михайловна, вернемся къ нашему дѣлу. Сказать, что мы были довольны вашимъ преподаваніемъ и вашимъ вліяніемъ на дѣтей значило бы сказать очень мало. Бояться, что вы можете внушить превратныя понятія Сонѣ—я также не боюсь: всю вашу исторію я зналъ уже тотчасъ—слухомъ земля полнится—и даже не сказалъ о ней женѣ. Но это проклятое письмо! Почему я знаю, отъ кого оно? Кто мнѣ поручится, что къ словамъ: «не преминете принять къ свѣдѣнію» только изъ деликатности не прибавлено: «и къ исполненію?»

Я взяла бумагу и перечла ее еще разъ, чтобы лучше запомнить. Когда я положила ее обратно, генералъ потянулъ ее къ себѣ и заперъ въ ящикъ стола, точно опасаясь, чтобы я не стащила эту драгоцѣнность.

— Position oblige, а время, знаете, какое! Кто мнѣ поручится, что въ васъ не таится Богъ-знаетъ кто... А вѣдь это собственной шкурой пахнетъ: скажутъ — предупреждали!.. Жаль, очень жаль, но приходится разстаться, по крайней мѣрѣ на время. Впрочемъ вамъ и самой, пожалуй, скоро будетъ не до уроковъ.

— Почему?

— Почему?—законъ природы. Но, что объ этомъ толковать. Къ дѣлу. Во-первыхъ разсчетъ. Здѣсь—«генералъ» подалъ мнѣ конвертикъ—за два мѣсяца не въ зачетъ... прошу не возражать: я служу двадцать-пять лѣтъ и порядки знаю. Протестъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, если сочтете себя обиженной. Во-вторыхъ, если круто придется, черкните: денегъ немножко, вліяніе... видимся не въ послѣдній разъ, сочтемся. Наконецъ,—«генералъ» на секунду остановился,—если господинъ Ильинъ человѣкъ способный, пришлите его ко мнѣ,—не сюда, а въ департаментъ — очень можетъ быть, что я предложу ему что-нибудь лучшее, чѣмъ онъ теперь имѣетъ.

— А если онъ окажется неблагонадежнымъ?

— А мнѣ что за дѣло, пока я самъ чего не замѣтилъ или мнѣ не сказали? Вѣдь у него на лбу не написано. Меня предупреждали о васъ, а не о немъ.

— Во всякомъ случаѣ насъ обвиняютъ въ одномъ и томъ же преступленіи.

«Генералъ» смѣялся.

— Такъ, да не такъ. Преступленіе это только для васъ. То, чтó по отношенію къ вамъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ превратныхъ понятій, по отношенію къ нему, наоборотъ, можетъ служить ручательствомъ безвредной благонадежности.

На этотъ разъ мнѣ оставалось развести руками.

— Кстати, старый другъ лучше новыхъ двухъ. Мы съ вами знаемъ другъ друга не три мѣсяца. Чтò мы съ вами тутъ болтали, пусть такъ и остается между нами; старыхъ друзей не мѣняютъ на новыхъ и не выдаютъ. Это и не выгодно и не... изящно. Прощайте.

Генералъ позвонилъ и проводилъ меня до двери, у которой показался курьеръ, а самъ пошелъ къ противуположной. Когда я проходила чрезъ пріемную, до меня донесся голосъ «генеральши»: «вы ужъ кончили? слава Богу, а я начинала думать, что пріятная аудіенція будетъ продолжаться до утра».

Какъ ни восхитительно было это «къ свѣдѣнію и исполненію», но когда я вышла отъ «генерала», мнѣ уже не хотѣлось смѣяться.

Его разговоръ равнялся цѣлому ушату грязи, вылитому мнѣ на голову. Я спрашивала себя, возможенъ ли былъ бы подобный разговоръ, если бы я не была «отщепеницей», если бы кто-нибудь имѣлъ законное право за меня заступиться.

Григорію изъ разговора съ Синедольскимъ я не передала ничего; сказала только объ отказѣ отъ уроковъ вслѣдствіе анонимнаго сообщенія и о денежномъ разсчетѣ генерала. Врученная мнѣ плата была сосчитана пунктуально день въ день, считая и послѣдній, когда, вмѣсто урока, я пробесѣдовала съ «генераломъ», и къ ней прибавлено 70 рублей, т.-е. двухмѣсячный гонораръ. Григорій стоялъ-было на томъ, чтобы эти 70 рублей возвратить, но я съ этимъ не согласилась. Я занималась больше года, занималась добросовѣстно и не безуспѣшно. Если самъ Синедольскій считалъ отстраненіе мое отъ уроковъ, вызванное его личными соображеніями, настолько несправедливымъ, что считалъ обязанностію вознаградить меня до пріисканія новыхъ занятій, то собственное бичеваніе въ этомъ отношеніи было бы положительной глупостью. Григорій говорилъ, что возвратъ денегъ былъ бы протестомъ противъ генеральскаго поступка. Но въ такомъ случаѣ изъ послѣдовательности слѣдовало бы уморить себя голодомъ передъ его окнами. Это былъ бы протестъ еще болѣе сильный.

Другой вопросъ, который насъ занималъ, что это за анонимное письмо, отъ кого оно?.. этотъ вопросъ такъ и до сихъ поръ остался для меня не разъясненнымъ.

— Не Варя же?—проговорилъ въ раздумьѣ Григорій. Въ первый разъ между нами было упомянуто о женѣ его. Уменьшительное имя, которымъ назвалъ ее Григорій, показалось мнѣ какъ-то очень страннымъ.

— Что за мысль!.. Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ.

Мы остановились на томъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ непризванныхъ блюстителей нравственности и порядка, которые въ эпохи, подобныя той, какую мы переживали, выползаютъ какъ черви послѣ дождя.

Такъ какъ имя Варвары Николаевны было произнесено, то въ тотъ же день вечеромъ я, опираясь на ея разрѣшеніе, просила Григорія разсказать подробности его женитьбы. Все, что касалось Варвары Николаевны, слишкомъ интересовало меня; я давно хотѣла спросить, но все не рѣшалась. Просьбу мою Григорій принялъ съ видимымъ неудовольствіемъ, но пересилилъ себя.

— Хорошо, я разскажу, только пожалуйста безъ большихъ

подробностей. Скучно... Въ Ставрополь пріѣхала труппа и въ составѣ ея была теперешняя жена моя. Фамилія ея была Пикаръ. Какъ она попала въ труппу, хорошенько не знаю. Съ одной стороны, вѣроятно, нужда, съ другой любовь къ театру. Ей былъ девятнадцатый годъ, она была не безъ таланта и вскорѣ сдѣлалась первою звѣздою нашей сцены. Актрисы провинціальныхъ театровъ рѣдко отличаются большою скромностью. Онѣ всегда окружены обожателями, съ которыми, по меньшей мѣрѣ, кокетничаютъ. Варя въ этомъ отношеніи представляла исключеніе. Это навлекло ей ненависть ея товарокъ и бѣсило селадоновъ, привыкшихъ къ всякимъ побѣдамъ за кулисами. Какъ это всегда бываетъ въ провинціи, образовались партіи; одни неистово хлопали, другіе съ остервенѣніемъ шикали. Городская хроника была полна разсказами о столкновеніяхъ пикаристовъ и антипикаристовъ. Страсти разгорались. Затѣялась даже дуэль и не состоялась только потому, что губернаторъ серьёзно пригрозилъ антагонистамъ. Варя хотѣла уѣхать, но антрепренеръ, которому все это было какъ нельзя больше на-руку, сталъ умолять ее; образовывались депутаціи ея поклонниковъ; словомъ, пошла писать губернія. Варя осталась. Я въ то время пописывалъ театральныя рецензіи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ качествѣ критика былъ ей представленъ самимъ антрепренеромъ и не разъ бесѣдовалъ съ ней на темы объ искусствѣ, о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе; словомъ, былъ съ ней знакомъ. Нравилась она одинаково всѣмъ, и поклонникамъ, и зоиламъ. Какъ-то по окончаніи спектакля, когда я выходилъ изъ театра, до моего слуха донесся разговоръ въ полголоса:—Куда?—Пойдемъ скорѣе, посмотримъ, какъ будутъ похищать Пикаръ. Я бросился къ заднему подъѣзду. Недалеко стояла карета. Изъ театра вышла Пикаръ въ сопровожденіи одной изъ актрисъ и обѣ направились къ каретѣ. Едва Варя ступила на подножку, ее втащили, актриса стушевалась; мнѣ послышался крикъ, карета тронулась, но я успѣлъ отворить дверцу и вскочить въ карету. Въ каретѣ происходила борьба; двое мужчинъ держали Варю, зажавъ ей ротъ. Я вышибъ переднее стекло кареты и приказалъ кучеру остановиться. Похитители, отворивъ противуположную дверцу, бѣжали, такъ что я въ темнотѣ не успѣлъ даже разглядѣть ихъ. Варя рыдала въ истерикѣ. Я успокоивалъ ее и предложилъ проводить ее до ея квартиры.

— Нѣтъ, нѣтъ, я туда не поѣду, ко мнѣ ворвутся, меня продали.

Оставалось везти ее къ себѣ... короче сказать, черезъ недѣлю

мы повѣнчались. Въ театрѣ и въ городѣ ходили шумные толки и сплетни и скоро въ роли похитителя фигурировалъ уже я. Мѣстное начальство старалось замять исторію. Мнѣ посовѣтовали скорѣе вѣнчаться и уѣзжать изъ города, по крайней мѣрѣ въ отпускъ, а еще лучше совсѣмъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ скандаловъ. Я уѣхалъ къ матери въ Воронежъ и вскорѣ меня перевели туда на службу, почти помимо моего вѣдома и даже съ повышеніемъ.

— Такъ и не открыли похитителей?

— Нечего было и открывать; личности ихъ ни для кого не были тайной; чуть не полгорода знало о готовящемся похищеніи за недѣлю. Но по формальнымъ справкамъ оказалось, что тѣхъ, на кого указывала молва, въ это время въ городѣ вовсе не было: одинъ дня четыре предъ тѣмъ уѣхалъ куда-то по службѣ, а другой еще за недѣлю выѣхалъ въ Тифлисъ.

— Ну да все это вздоръ,—закончилъ Григорій:—давно прошло, нечего и вспоминать!—Онъ въ раздраженіи сталъ ходить по комнатѣ. Я была очень недовольна, что затѣяла этотъ разговоръ.

Прошло ровно мѣсяцъ съ того дня, какъ мы поселились вмѣстѣ съ Григоріемъ. Я подвела итогъ расходамъ; оказалось, что мы на жизнь издержали почти все, что̀ оба получили за мѣсяцъ; между тѣмъ никакого посторонняго и въ то же время необходимаго расхода, напр., на обувь, платье, книги и т. п. за это время сдѣлано не было. Такимъ образомъ, особенно съ потерей моихъ уроковъ, въ будущемъ видѣлся дефицитъ, который при какомъ-нибудь обстоятельствѣ, выходящемъ изъ ряда, напримѣръ, болѣзни, могъ сдѣлаться очень чувствительнымъ. Необходимо было или мнѣ, или Григорію имѣть какихъ-нибудь дополнительныхъ занятій. У него на это было больше времени, такъ какъ у него по большей части по вечерамъ не было никакой работы. Но занятій пока не находилось, да и надежда на будущее была въ этомъ отношеніи очень плоха. Онъ толкнулся было въ редакціи газетъ, но, разумѣется, редакціи оказались запруженными. Любезное обѣщаніе съ удовольствіемъ принять каждую доставленную имъ статью, если она будетъ годиться, не подвигало дѣла. Объ урокахъ также нечего было думать: мелкіе частные уроки разобраны учащеюся молодежью обоего пола по невозможно дешевой цѣнѣ; уроковъ въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи Григорій не могъ надѣяться получить за неимѣніемъ университетскаго диплома, а главное, за неимѣніемъ знакомствъ въ учебномъ мірѣ.

Впрочемъ, отсутствіе занятій для Григорія безпокоило меня

не столько въ матеріальномъ, сколько въ нравственномъ отношеніи: онъ очень скучалъ. Единственнымъ рессурсомъ было чтеніе, но этого не могло быть достаточно, тѣмъ болѣе, что я, въ виду приближающихся экзаменовъ, цѣлый день была занята, часто уходила на лекціи даже по вечерамъ; раза два въ недѣлю Григорію даже обѣдать приходилось безъ меня.

— Отчего ты почти нигдѣ не бываешь?—спрашивала я его.

— Какъ тебѣ сказать... бывая у другихъ, нужно приглашать и къ себѣ.

— Чтоже, можно пригласить иногда.

— Не знаю, какъ это сдѣлать. Всѣ знаютъ, что я женатъ, между тѣмъ придется объяснять, что ты мнѣ не жена, словомъ, придется входить въ такія разоблаченія, которыя были бы вовсе не желательны. Скрываться же и прятать тебя мнѣ бы не хотѣлось.

— Я и не согласилась бы на это. Я сошлась съ тобой не на годъ, не на два и крѣпко держусь того, что всѣ выгоды и невыгоды нашего положенія должны падать на насъ одинаково. Я ни передъ кѣмъ не отрекусь отъ тебя и была бы очень опечалена, если бы ты передъ кѣмъ-нибудь меня стыдился.

— Даша, я самъ съ того же началъ. Затѣмъ вопросъ вовсе не въ томъ, чтобы я тебя стыдился. Не стыдиться, а гордиться тобою я могу. Я говорилъ только о неудобствѣ объясняться съ каждымъ, открывая, такъ-сказать, всю внутреннюю сторону своей жизни.

— Мнѣ кажется, въ этой мысли о необходимости какихъ-то объясненій и заключается ошибка. Фактъ на лицо, мы его ни отъ кого не скрываемъ и нужно предоставить каждому отнестись къ этому, какъ онъ знаетъ. Всякія объясненія на этотъ счетъ похожи на оправданіе, а оправдываться намъ не въ чемъ. Если бы даже мы и были виноваты, то все-таки выгоднѣе не самимъ отыскивать эти вины, а предоставить это другимъ. Стыдиться своего положенія значитъ дать поводъ каждому дураку, а подчасъ и умному, тыкать на насъ пальцемъ.

— Какъ и всегда, ты совершенно права. Я малодушнѣе тебя... и глупѣе.

— У тебя слишкомъ много времени на пересуживаніе такихъ вещей, на которыя удобнѣе всего не обращать ни малѣйшаго вниманія. Худо то, что ты скучаешь.

Скука дѣйствительно являлась въ то время въ моихъ глазахъ самымъ опаснымъ врагомъ нашей жизни. Нѣсколько разъ, когда мнѣ казалось, что Григорій особенно хандритъ, я бросала за-

нятія и убѣждала его идти вмѣстѣ гулять или въ театръ. Григорій оживлялся, я тоже была очень счастлива провести весело вечеръ, но такіе вечера стоили довольно много денегъ и, главное, для меня слишкомъ много времени, и не могли часто повторяться.

Изъ своихъ сослуживцевъ Григорій какъ-то пригласилъ къ себѣ вечеромъ двухъ холостыхъ. Представляя ихъ мнѣ, Григорій назвалъ имъ меня просто по имени: Дарья Михайловна. Такъ какъ мы съ Григоріемъ говорили другъ другу «ты», а я несомнѣнно играла роль хозяйки, то объ отношеніяхъ нашихъ догадаться было не трудно. Оба приглашенные были весьма порядочные люди, не глупые, и вечеръ прошелъ довольно весело. Послѣ чаю я ушла заниматься, а они усѣлись играть въ карты; потомъ сошлись за ужиномъ и проболтали до поздней ночи.

Мы вмѣстѣ съ Григоріемъ изрѣдка бывали у одной замужней студентки, мужъ которой занималъ какое-то частное мѣсто и готовился къ магистерскому экзамену. Они тоже провели у насъ какъ-то вечеръ. Но этими рѣдкими посѣщеніями все дѣло и ограничивалось. Словомъ, сношенія завязывались очень туго. При изолированности столичной жизни даже для правильно семейнаго человѣка въ положеніи Григорія, т.-е. для мелкаго чиновника, только-что пріѣхавшаго въ Петербургъ, прочныя отношенія и связи съ людьми очевидно не могли создаться. Но все-таки приходило въ голову, что причина этому наша выходящая изъ ряда жизнь.

Обдумывая не разъ наше положеніе, я не могла не прійти къ довольно безотраднымъ выводамъ: жизнь въ перспективѣ являлась какою-то безсодержательною. Григоріемъ все больше и больше овладѣвала тоскливая апатія. По временамъ онъ какъ будто старался стряхнуть ее съ себя. Онъ осыпалъ меня страстными ласками, строилъ разные планы будущаго, принимался за трудъ—на этотъ разъ беллетристическій—онъ даже разсказалъ мнѣ фабулу задуманной имъ повѣсти, читалъ отрывки, но черезъ два дня снова ходилъ молча по комнатѣ или лежалъ на диванѣ, подогнувъ руки подъ голову.

О женѣ его мы ни разу не заговаривали, но мнѣ все почему-то казалось, что думаетъ о ней онъ гораздо чаще, нежели это слѣдовало для прочности нашего союза.

Разъ какъ-то вечеромъ, когда Григорія не было дома, я пошла къ одной изъ подругъ за книгой и проходила по улицѣ, гдѣ жила Ильина. При свѣтѣ фонаря мнѣ показалось, что у ея дома, на другой сторонѣ улицы, я узнаю Григорія. Онъ повернулся и пошелъ обратно. Я перешла чрезъ улицу и пошла за

нимъ, черезъ нѣсколько шаговъ мы встрѣтились лицомъ къ лицу. Такимъ образомъ оказывалось, что онъ ходилъ взадъ и впередъ передъ домомъ, гдѣ жила жена его.

— Откуда ты, Григорій?

— Гулялъ и иду мой.—А ты куда?

— Къ подругѣ за книгой, тутъ, недалеко.

— Можно проводить тебя?

— Разумѣется, что за вопросъ?—Очень рада.

Григорій всю дорогу молчалъ. По возвращеніи домой онъ былъ очень оживленъ, болталъ, безпрестанно цѣловалъ меня, говорилъ, что я Богомъ посланное ему утѣшеніе въ жизни, — словомъ, казался страстно влюбленнымъ. Притворство было не въ натурѣ Григорія. Онъ и не притворялся. Это былъ одинъ изъ тѣхъ порывовъ, которыми онъ хотѣлъ какъ бы пересилить себя и въ искренности которыхъ самъ себя пытался убѣдить. Когда онъ заснулъ, лицо его было такъ безмятежно покойно, что его можно было считать самымъ счастливымъ человѣкомъ.

Я не спала почти всю ночь. Въ головѣ и въ душѣ моей былъ такой наплывъ мыслей и чувствъ, что въ хаосѣ ихъ мнѣ было не легко разобраться. Но необходимо было и разобраться и на что-нибудь рѣшиться. Самымъ простымъ казалось бы такое рѣшеніе: «ты о ней думаешь, вѣроятно, любишь ее, быть можетъ, считаешь меня препятствіемъ къ вашему сближенію, — оставь меня и иди къ ней». За такое рѣшеніе говорила во мнѣ женская гордость. Но я еще прежде твердо рѣшила ни однимъ необдуманнымъ словомъ не ухудшать и безъ того уже затруднительнаго нашего положенія. Сказать это и не настоять на разлукѣ, позволить уговорить себя—значило бы свести все дѣло къ упреку и, пожалуй, положить начало тѣмъ обостреннымъ отношеніямъ, которыя часто одни являются причиной окончательнаго семейнаго разстройства. Сказать и настоять — что должно было изъ этого выйти? Сойтись съ женою Григорій не могъ. Если она и прежде не соглашалась на это, то теперь согласилась бы еще менѣе. Но, положимъ, это и удалось бы ему, — черезъ мѣсяцъ, черезъ два, много черезъ полгода, разрывъ повторился бы снова и я снова увидѣла бы Григорія предъ собой на колѣняхъ, въ отчаяніи и съ мольбами, — и правду сказать, оттолкнуть его даже послѣ такой *измѣны* можно было бы только изъ крайняго самолюбія. Виноватъ ли онъ, что привязанность, развивавшаяся годами, не могла быть вырвана изъ его сердца въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ?

Результатомъ размышленія было то, что я рѣшилась побороть

свою гордость и вмѣсто героическихъ средствъ прибѣгнуть къ мѣрамъ мягкимъ и неторопливымъ. Удвоить заботы о Григорьѣ, сдѣлать жизнь ему какъ можно пріятнѣе, сдѣлаться самой совершенно необходимой для него, давъ ему свободу убѣдиться въ невозможности сойтись съ женою,—такова была моя программа. Удастся это или не удастся, но я съ своей стороны сдѣлаю все, что̀ можно, для счастья человѣка, съ которымъ судьба свела меня.

Первая вѣсточка, которую подала намъ о себѣ жена Григорія, состояла въ коротенькой запискѣ, переданной чрезъ Шамшареву. Варвара Николаевна писала, что такъ какъ она нашла очень выгодный урокъ, а я, напротивъ, его лишилась, то она проситъ денегъ ей болѣе не присылать. На мой вопросъ Шамшарева сказала, что урокъ этотъ у какого-то барона Ридинга, но на какихъ условіяхъ, она не знаетъ.

Пасха въ этотъ годъ была поздняя, около половины апрѣля. Григорію изъ департамента дали денегъ къ праздпику, и мы временно стали богаты. Страстна́я и пасхальная недѣли пролетѣли для насъ незамѣтно. Григорій дѣятельно занялся разными покупками къ празднику и оказался въ нихъ большимъ мастеромъ. Прилежно занимаясь подготовленіемъ къ экзамену съ ранняго обѣда и часть ночи, вечера я проводила съ Григоріемъ. Погода стояла прекрасная. Напившись чаю, мы выходили; гуляли вдоль Невы; на страстной недѣлѣ заходили въ церкви. Пасхальный столъ былъ у насъ приготовленъ очень мило и обильно. На розговѣнье мы пригласили нѣсколькихъ подругъ моихъ и тѣхъ двухъ сослуживцевъ Григорія, о которыхъ я говорила. Мы уговорились сойтись въ одной изъ ближайшихъ церквей къ началу заутрени. Это не состоялось, мы не могли отыскать другъ друга въ толпѣ, но послѣ обѣдни всѣ приглашенные были уже у насъ. Когда мы весело христосовались въ нашей ярко освѣщенной гостиной и весело принялись за куличъ и кофе, я готова была думать, что программа моя мнѣ удастся и что жизнь наша рано или поздно установится.

Въ концѣ пасхальной недѣли Шамшарева, обязательно принявшая на себя исполнять порученія Ильиной къ намъ, какъ-то утромъ принесла мнѣ какой-то свертокъ и пакетъ. Оказывалось, что Григорій передъ праздникомъ занесъ или отослалъ женѣ матеріи на платье и 50 р. денегъ. И то, и другое она возвращала съ лаконической запиской безъ адреса: «очень благодарна, но въ настоящемъ положеніи это для меня совершенно лишнее». По словамъ Шамшаревой, Ильина поручила ей все это передать

мнѣ и никакъ не при Григорьѣ. Я, однако, возвратила пакеты съ просьбой не путать меня и отослать все это прямо Григорію. Какая судьба затѣмъ постигла эти подарки, мнѣ осталось неизвѣстно. Я, разумѣется, ни слова не сказала о нихъ Григорію.

Вскорѣ Григорій сталъ снова мраченъ и раздражителенъ. Но, признаюсь, слѣдить за всѣми перипетіями его хандры и унынія, приведшими къ роковой развязкѣ, мнѣ не по силамъ. Отмѣчу только выдающееся.

Около половины мая, на курсахъ мнѣ подали письмо, полученное на мое имя по городской почтѣ. При видѣ конверта во мнѣ какъ-то екнуло сердце. Въ послѣднее время я была вообще въ такомъ нервномъ состояніи, что меня все пугало и тревожило. Конвертъ былъ отъ *нея* и заключалъ въ себѣ двѣ записки. Въ первой значилось: «Если Григорію Ивановичу угодно согласиться на разводъ, то нужныя на это деньги я найду. Указанныя въ законѣ для развода условія должны падать на него. Въ случаѣ его согласія къ нему явится адвокатъ, который все устроитъ».

Другая записка была лично ко мнѣ. Ильина писала: «Разумѣется, Дружинина, вы ни подъ какимъ видомъ не можете и не должны фигурировать въ процессѣ о разводѣ. Если бы я могла это допустить, то, вѣроятно, не нуждалась бы для развода въ чьемъ бы то ни было согласіи. Разводъ развязываетъ меня, но онъ былъ бы не менѣе удобенъ и для васъ. Я не прошу вашего содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, я сообщаю вамъ только побужденія, которыми руковожусь. Отъ васъ зависитъ не сообщать Григорью Ивановичу, что вы знаете содержаніе моей записки; на этотъ случай прилагаю конвертъ съ его адресомъ».

Не желая портить Григорію аппетитъ, я только въ концѣ обѣда сказала, что получила записку отъ его жены. Онъ поблѣднѣлъ и встревожился.

— Что такое? Что-нибудь непріятное?

— Непріятнаго ничего; сейчасъ принесу.

Я подала ему обѣ записки, а сама ушла въ спальную и легла; мнѣ замѣтно нездоровилось. Григорій съ полчаса ходилъ по комнатѣ. Затѣмъ показался у дверей спальной.

— Я пойду пройдусь, что-то голова болитъ.

— Иди, мнѣ тоже нездоровится; я, вѣроятно, засну.

Онъ возвратился около трехъ часовъ; было совсѣмъ свѣтло. Я въ ожиданіи его сидѣла за книгой.

— Ты еще не спишь, Даша? Ты себя совсѣмъ замучишь.

— Я ждала тебя. Ты гдѣ былъ?

— Я зашелъ къ Савицкому (одинъ изъ сослуживцевъ Григорія) и онъ уговорилъ меня ѣхать въ Ливадію. Ночь и утро такія, что не хотѣлось разстаться съ воздухомъ и Невой. Я все время жалѣлъ, что тебя не было.

— А голова твоя?

— Прошла. Но пора спать.

Григорій молча улегся. Прошло добрыхъ полчаса.

— Ты не спишь, Даша?

— Нѣтъ.

— Что ты думаешь о предложеніи Варвары... Николаевны.

— Я не совсѣмъ поняла ея записку: какія условія должны упасть на тебя?

Григорій разсказалъ мнѣ объ условіяхъ, при которыхъ по нашимъ законамъ возможенъ разводъ, и о грязномъ процессѣ, необходимомъ для развода.

— Такъ какъ же?—закончилъ онъ.

Я въ свою очередь минутъ десять молчала.

— Я думаю, что наша совмѣстная жизнь даетъ Варварѣ Николаевнѣ полное право начать дѣло о разводѣ, если она этого желаетъ. Но устраивать поводъ къ нему искусственно, при посредствѣ нанятыхъ для этого женщинъ,—это такъ грязно, такъ возмутительно, что если бы ты сдѣлалъ это, я бы тебя оставила.

Разговоръ нашъ на этомъ кончился. Я старалась заснуть, но мнѣ это удалось очень не скоро, да и то сонъ мой былъ тревоженъ. Мнѣ снилась *она*, какъ-то парившая надо мной и повелительно-суровымъ жестомъ указывавшая на разверстую предо мной бездну... въ ужасѣ я бросалась, летѣла... и, вздрагивая, проснулась.

Было около восьми часовъ. Когда я ушла изъ дому, Григорій еще спалъ. Послѣ обѣда онъ настоятельно сталъ упрашивать меня куда-нибудь поѣхать съ нимъ. Мы поѣхали въ Зоологическій садъ, провели вечеръ довольно пріятно и къ 12 часамъ вернулись домой. Григорій былъ снова въ шумномъ расположеніи духа, заигрывалъ со мной, но у меня, какъ говорится, скребли кошки по сердцу и я употребляла всѣ усилія, чтобы не разрыдаться. Я вообще замѣчала, что въ послѣднее время со мной творится что-то неладное, мнѣ не по себѣ. Я это приписывала усталости отъ экзаменовъ и тѣмъ волненіямъ, которыя мнѣ пришлось испытать въ послѣдніе дни. Разумѣется, мысль о предложеніи Ильиной не покидала меня. Переворачивая ее на всѣ лады, я, однако, постоянно приходила къ одному и тому же выводу.

Теперь, черезъ семь лѣтъ, размышляя объ этомъ, я все-таки прихожу къ заключенію, что на подобное предложеніе не могла бы отвѣтить иначе, чѣмъ отвѣтила и тогда. Но теперь мнѣ приходитъ въ голову и иное: я вспоминаю отвѣтъ Цезаря одному изъ своихъ приверженцевъ, спрашивавшаго, не отрубить ли канатъ корабля, на которомъ находился въ гостяхъ Помпей: «это нужно было сдѣлать, а не спрашивать». Если бы Григорій дѣйствительно хотѣлъ развода, онъ такъ бы и поступилъ: онъ не сталъ бы грязнить моего воображенія, требуя моего мнѣнія по такому дѣлу...

Оставалось три дня до послѣдняго экзамена, одного изъ самыхъ трудныхъ. Еще три дня, думалось мнѣ, и я буду свободна и авось все пойдетъ иначе. Мы будемъ искать дачу, уѣдемъ на время изъ Петербурга (на мѣсяцъ Григорій хотѣлъ взять отпускъ) и все перемелется. Эти три дня я почти ни о чемъ не говорила съ Григоріемъ и мало его видѣла: только за обѣдомъ да вечеромъ передъ сномъ. Онъ казался мнѣ задумчивъ, въ вечеръ выходилъ нѣсколько разъ и скоро возвращался. Не много осталось, думалось мнѣ. Послѣдній экзаменъ былъ 20 мая.

Девятнадцатаго мая, наканунѣ рокового дня, Григорій улегся рано, часовъ въ 11, но изъ сосѣдней комнаты я слышала, что онъ ворочается въ постели. Около двухъ часовъ и я пошла спать. Григорій лежалъ съ закрытыми глазами, но мнѣ показалось, что онъ не спитъ. Я его окликнула, онъ не отвѣтилъ. Я легла, но не могла заснуть; часы въ гостиной пробили три. Григорій приподнялся, повернулся и снова легъ. Я встала и подошла къ нему.

— Ты не спишь, Григорій?

Не отвѣчая, онъ притянулъ меня къ себѣ. Я положила ему руку на голову. Голова, какъ мнѣ показалось, была горяча.

— Тебѣ нездоровится?

Онъ снова не отвѣтилъ, но еще крѣпче меня обнялъ. Пробило четыре.

— Пора спать, Григорій; завтра у меня экзаменъ, слава Богу, послѣдній.

Я его поцѣловала. Онъ стиснулъ меня и выпустилъ.

Утромъ, когда Анюта разбудила меня въ восемь часовъ, Григорія не было дома. Анюта сказала, что онъ пошелъ прогуляться, но къ чаю вернется. Мнѣ нужно было идти въ 9 часовъ. Я уже готова была выйти изъ дома, когда возвратился Григорій. На мой вопросъ, гдѣ онъ былъ, онъ отвѣчалъ, что болѣла голова, не спалось и онъ вышелъ пройтись немного.

— Ты пойдешь сегодня на службу?

— Пойду.

— А когда вернешься?

— По обыкновенію, часу въ пятомъ; можетъ быть, и раньше.

На этомъ мы разстались. Мнѣ нужно было зайти къ одной изъ подругъ просмотрѣть кое-что къ экзамену, потомъ мы вмѣстѣ съ нею отправились на курсы. Мнѣ приходилось экзаменоваться одной изъ послѣднихъ, часа въ два. До меня доходила уже очередь, когда я замѣтила въ аудиторіи нѣкоторое волненіе: курсистки перешептывались, обращались къ появившейся тутъ же Шампаревой, поглядывали, какъ мнѣ показалось, на меня. Ко мнѣ подошла Вельяшева.

— Когда кончите экзаменъ, Дарья Михайловна, не уходите и отыщите тотчасъ меня. Мнѣ нужно поговорить съ вами.

Распрашивать было некогда, такъ какъ профессоръ позвалъ меня. Окончивъ экзаменъ, я пошла отыскивать Вельяшеву. Мнѣ опять показалось, что на мнѣ останавливаются съ любопытствомъ взоры курсистокъ, но, точно по уговору, изъ нихъ никто не подходитъ ко мнѣ, никто не заговариваетъ. Чувствуя сама, какъ блѣднѣю, я отыскала Вельяшеву.

— Поѣдемъ ко мнѣ,—сказала она,—мнѣ нужно поговорить съ вами.

— Ради Бога, говорите, что такое случилось?

— Это длинно, поѣдемъ; дорогой разскажу.

Мы сѣли въ карету Вельяшевой. Съ большими прелюдіями она разсказала мнѣ, наконецъ, то, что̀ служило предметомъ толковъ на курсахъ: часа три тому назадъ Григорій въ комнатѣ жены своей сперва выстрѣлилъ въ нее и слегка ее ранилъ; вслѣдъ затѣмъ застрѣлился самъ.

Теперь мнѣ трудно передать, что̀ со мной было при этомъ извѣстіи: на меня напалъ столбнякъ, мнѣ казалось, что все происходившее въ послѣдніе дни отодвинулось куда-то далеко, что все было давно, давно и имѣло со мною весьма мало связи... Мною овладѣло даже чувство нѣкотораго успокоенія, какъ бываетъ съ человѣкомъ, надъ которымъ, послѣ долгаго напряженнаго ожиданія бѣды, бѣда, наконецъ, разразилась. Я ничего не возражала Вельяшевой, когда она повезла меня къ себѣ, уложила въ постель, принесла мнѣ бульону и чаю. Я исполняла машинально все, что̀ она говорила. Меня била лихорадка. Я заснула и нѣсколько часовъ проспала мертвымъ сномъ.

Проснулась я съ весьма смутнымъ сознаніемъ того, что̀ происходило. Въ комнатѣ было темно отъ спущенныхъ занавѣсей

и я не сразу сообразила, гдѣ я. Вошла Вельяшева. Она сказала, что меня ожидаетъ Анюта, прибавивъ, что она отъ себя меня не отпуститъ, что домой ѣхать мнѣ незачѣмъ. Вельяшева сама всѣмъ распорядилась: управляющему домомъ она поручила сдѣлать все, чтó нужно, тотъ былъ и въ квартирѣ, и въ полиціи, и въ департаментѣ, гдѣ служилъ Григорій, и, наконецъ, у мирового судьи. Словомъ, вся формальность, безъ которой человѣкъ, отправившійся ad patres своею ли волей или волею судебъ, не долженъ покинуть эту юдоль благополучія и радости, была исполнена безъ моего участія. Мнѣ нужно было подписать только какую-то довѣренность.

Вельяшева успѣла уже побывать у Шамшаревой и видѣлась съ Ильиной. Та просила передать мнѣ, что она не причемъ въ этой смерти, что она старалась ничѣмъ не раздражать Григорія Ивановича. По ея словамъ, онъ былъ у нея три раза, не считая того, когда не заставалъ ее дома, и всѣ три раза въ очень возбужденномъ состояніи и съ однимъ и тѣмъ же. Онъ все допытывался, почему именно теперь она вспомнила о разводѣ, откуда надѣялась получить нужныя для этого деньги, высказывалъ подозрѣніе, что у нея есть любовникъ, упрекалъ въ прошломъ.

— Я,—говорила Ильина Вельяшевой,—отвѣчала ему неизмѣнно одно: перебирать прошлое не стоитъ; я готова согласиться, что во многомъ виновата, но это сознаніе ни къ чему не ведетъ и ничего не измѣнитъ. Любовниковъ у меня не было, нѣтъ и никогда не будетъ. Откуда я возьму деньги, это для него все равно, такъ какъ дѣло идетъ именно о томъ, чтобы ими на вѣки освободить себя другъ отъ друга. Разводъ нуженъ для него больше, нежели для нея: ей еще предстоитъ устраивать свою судьбу, для него же будущность уже сложилась и сложилась самымъ счастливымъ образомъ. Я постоянно во время этихъ свиданій думала о Дружининой и избѣгала всего, чтó могло бы довести Григорія Ивановича до крайности. Сегодня онъ пришелъ ко мнѣ въ десятомъ часу, съ тѣми же рѣчами, съ тѣмъ же перебираньемъ прошлаго и упреками, что я его погубила. Наконецъ, онъ бросился предо мной на колѣни, ловилъ мои руки, клялся, что только одну меня онъ дѣйствительно любилъ и любитъ и никому меня не уступитъ. Я встала съ дивана и, захвативъ мимоходомъ шляпу и пальто, пошла къ двери. У меня за спиной раздался выстрѣлъ, пуля скользнула по плечу и пробила дверь. Я вышла, не оглядываясь; послышался другой вы-

стрѣлъ и что-то грохнуло на полъ... Я хотѣла уйти, хозяева удержали меня. Въ это время пришла Шампарева.

Итакъ, четырехмѣсячный романъ мой кончился и кончился громко, съ шумомъ: о насъ говорилъ весь городъ. Исторія самоубійства Григорія послужила интереснымъ матеріаломъ для газетныхъ статей, въ которыхъ и я фигурировала подъ иниціалами. Петербургскія газеты были сдержаннѣе и явно страдали бѣдностію воображенія. Одна изъ московскихъ газетъ, не стѣсняясь фактами, напечатала по этому поводу ядовитую статью, обсуждавшую *идеалъ современной семьи на новыхъ началахъ и ея логическій финалъ.*

Почтенная газета ошиблась въ одномъ: это былъ еще не финалъ. Хорошо, что газеты въ то время хоть объ этомъ не освѣдомились. То, что̀ я смутно подозрѣвала въ послѣднее время, стало для меня несомнѣннымъ еще наканунѣ страшнаго дня. Я была беременна. Я не рѣшилась или не успѣла сказать объ этомъ тотчасъ же Григорію. Скажи я ему это, — кто знаетъ, жизнь наша могла бы направиться иначе.

Я имѣла въ виду разсказать только одинъ эпизодъ своей жизни и исполнила это. Собственно о себѣ далѣе мнѣ и разсказывать было бы нечего, такъ какъ со мной съ тѣхъ поръ никакихъ «исторій» не происходило, а теперь я окончательно достигла пристани. Все хорошо, что̀ хорошо кончится, а я, повидимому, кончаю хорошо. Мнѣ 31 годъ; если такой возрастъ и не совсѣмъ конецъ въ жизни женщины, во всякомъ случаѣ это начало конца во многихъ отношеніяхъ. Я мать шестилѣтняго бодраго и неглупаго мальчугана и вотъ уже третій годъ состою, въ качествѣ врача, на службѣ одного изъ южныхъ земствъ. Если, не смотря на собственныя весьма лестныя аттестаціи моей дѣятельности, земство вздумало бы прогнать меня,— случалось это со многими,—то и въ такомъ случаѣ я надѣюсь, что буду имѣть возможность до конца жизни прожить безбѣдно. Разсказывать же о мелкихъ испытаніяхъ, путемъ которыхъ я добралась до этого, не стоитъ. Но дѣло въ томъ, что въ моемъ разсказѣ фигурируютъ личности, судьба которыхъ гораздо болѣе, нежели моя собственная, можетъ заинтересовать читателя моей рукописи. А у меня именно есть уже такой, такъ сказать, законтрактованный читатель, ради котораго и появляются на свѣтъ эти записки. Изъ этихъ личностей на первомъ планѣ, разумѣется, *она*. О *ней* я и буду преимущественно говорить, упоминая о

себѣ лишь настолько, насколько это нужно, чтобы мой разсказъ былъ понятенъ. Начну я, однако, не съ *нея*.

Черезъ годъ слишкомъ послѣ смерти Григорія возвратилась я въ Петербургъ съ восьмимѣсячнымъ Сашей. Правдами и неправдами, чуть не силой, удалось мнѣ снова водвориться въ нашей колоніи, хотя уже безъ милой Гельбихъ, уѣхавшей далеко, туда, куда влекло ее сердце и долгъ, какъ она его понимала. Мѣсяца черезъ полтора по возвращеніи я получила записку отъ «генерала». «Если вы, дорогая Дарья Михайловна,—писалъ онъ,—не слишкомъ на насъ сердитесь, то, быть можетъ, не откажетесь завернуть къ намъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; всего удобнѣе было бы сегодня же вечеркомъ или завтра утромъ этакъ между двѣнадцатью и двумя. Преданный вамъ Н. Синедольскій».

Дѣло шло, очевидно, объ урокахъ; каждый лишній рубль значилъ лишнее удобство для Саши, и на другой день я отправилась. Меня встрѣтилъ тотъ же курьеръ, такъ же почтительно проводилъ до дверей генеральскаго кабинета, гдѣ за тѣмъ же столомъ и за бумагами, нужно надѣяться, уже другими, сидѣлъ «генералъ». На этотъ разъ онъ приподнялся мнѣ на встрѣчу.

— Очень радъ увидѣться опять съ вами, Дарья Михайловна. Садитесь и на этотъ разъ начнемъ прямо съ дѣла. Мы къ вамъ съ поклономъ: дѣвочка наша совсѣмъ отъ рукъ отбилась съ тѣхъ поръ, какъ вы насъ покинули.

При словѣ «покинули» я улыбнулась.

— Да, покинули, нарочно устроили такъ, чтобы насъ покинуть!—капризнымъ голосомъ проговорилъ генералъ.—Не хочетъ учиться, сколько ни мѣняли мы учителей и учительницъ; твердитъ: они меня не учатъ, а мучатъ; только одну ее я любила и любила потому, что она любила меня.—Не мучьте же: согласны?

— Да теперь я, незамужняя мать, вѣроятно, оказываюсь въ вашихъ глазахъ еще преступнѣе, чѣмъ прежде.

— Э, полноте; во-первыхъ, тогда было одно, теперь другое. Tempora mutantur. Во-вторыхъ... впрочемъ и во-вторыхъ и въ третьихъ... объ этомъ послѣ. Значитъ, съ этого дня вы наша. Сейчасъ пойдемъ къ Сонѣ; она будетъ въ восторгѣ. Катерина Алексѣевна выѣхала куда-то. Разумѣется, условія нѣсколько иныя; съ Борей вамъ едва ли удобно заниматься: онъ васъ пожалуй переросъ; Сонѣ пятнадцать лѣтъ, слѣдовательно, нужны занятія болѣе серьезныя. Мы съ вами подробнѣе переговоримъ о про-

граммѣ. Что касается до гонорара, я могу предложить вамъ сорокъ рублей. Не нужно ли вамъ денегъ?

— Пока у меня есть довольно.

— Когда будетъ нужно, скажите безъ церемоніи. Вы знаете, я тогда же послѣ этого несчастія отыскивалъ васъ, но мнѣ сказали, что Вельяшева увезла васъ къ себѣ въ деревню; потомъ опять нѣсколько разъ справлялся о васъ. Помните нашъ послѣдній разговоръ? Вы должны согласиться, что я былъ не совсѣмъ неправъ и было бы не дурно, если бы тогда слова мои вы приняли къ свѣдѣнію.

— И къ исполненію?

— Да и къ исполненію. — Генералъ на секунду нахмурился.—Если опытъ имѣетъ какую-нибудь цѣну, то именно потому, что по извѣстнымъ даннымъ онъ даетъ возможность приблизительно предвидѣть послѣдствія.

— Но если бы я и не жила вмѣстѣ съ Ильинымъ,—а объ этомъ вы преимущественно говорили,—не измѣнилось бы ничего. Могло быть не лучше, а только хуже.

— Мм... это бабушка на-двое сказала. Человѣческая душа, какъ и вообще человѣческій организмъ, потемки. Человѣкъ упадетъ въ прорубь и выйдетъ здравъ и невредимъ и тотъ же человѣкъ подойдетъ къ открытой форточкѣ и смертельно простудится. Вамъ, какъ будущему медику, это лучше знать. Въ этихъ случаяхъ важна не столько сила акціи, сколько степень реакціи. Во всякомъ случаѣ вы были бы въ сторонѣ... Да, кстати, ваша Ильина теперь—не Ильина, а баронесса Ридингъ,—вѣдь она не оставила курсовъ.

— Нѣтъ, она теперь на пятомъ курсѣ.

— Что это за женщина! Впрочемъ, скорѣе не женщина, а богиня, хотя богиня скорби и гнѣва. Я понимаю, что мужъ такой женщины, лишившись ея, не только могъ, долженъ былъ застрѣлиться.

«Генералъ», порхая съ легкостію мотылька, спохватился, однако, опасаясь, что задѣлъ мое самолюбіе.

— Pardon, я откровененъ. Совершенно искренне скажу вамъ, еслибы я былъ молодъ и мнѣ предстоялъ выборъ жены между ею и вами, я выбралъ бы васъ и не раскаялся бы въ этомъ. Но это не помѣшало бы ей—я немножко художникъ—черезъ мѣсяцъ свести съ ума меня. Очень радъ, что теперь лѣтами я отъ этого застрахованъ. Я съ ними знакомъ и бываю у нихъ иногда по вторникамъ. Что за рѣчь: страстная, сжатая, мѣткая, злая, полная сарказма и подавляющей ироніи! Что за

умѣнье схватить сущность предмета и представить его именно въ томъ свѣтѣ, какъ ей хочется! А самообладаніе, а грація! А глаза: глубокіе, горящіе энергіей, неумолимые какъ судьба. Я не видѣлъ ни разу на лицѣ ея свѣтлой улыбки, но я понимаю, что если бы этой грозной богинѣ вздумалось измѣнить гнѣвъ на милость,—за ея улыбку можно было бы отдать жизнь.

Еще до пріѣзда въ Петербургъ я знала, что бывшая Ильина стала баронессой Ридингъ, но теперь съ удивленіемъ я узнала, что она съумѣла перейти, еще въ прошломъ году, прямо со второго курса на четвертый, выдержавъ половину экзаменовъ до каникулъ, а другую—послѣ. Не даромъ, не смотря на всѣ свои способности, она не оставляла книги и боялась тратить время на постороннія занятія.

Курсистки говорили о Ридингъ не охотно, но все-таки говорили. Оказывалось, что съ курсистками она также замкнута, какъ и прежде, и только по прежнему ближе другихъ къ Шамшаревой, хотя и съ ней видится не часто.

Шамшарева, потерявъ возможность ежедневно поклоняться своему идолу—онѣ оказались на разныхъ курсахъ—привязалась ко мнѣ или, вѣрнѣе, къ моему Сашѣ. По нѣскольку разъ въ день появлялась она у насъ въ квартирѣ, возилась съ мальчикомъ, забавляла его и убаюкивала, отстраняя няню, и затѣмъ быстро исчезала. О Ридингъ она говорить не любила. Только разъ, когда Саша былъ нездоровъ и Шамшарева цѣлую ночь не хотѣла уйти отъ меня, удалось вызвать ее на откровенность. Взявъ съ меня слово никому не открывать того, что я отъ нея услышу, она разговорилась. Она играла у баронессы роль соглядатая: она обязалась слѣдить за жизнью бѣдныхъ студентокъ и указывать Ридингъ, если кто-нибудь изъ нихъ особенно нуждался. Помощь приходила немедленно: то въ видѣ урока, то какой-нибудь работы, переписки или перевода, то, наконецъ, прямого пособія, полученнаго отъ неизвѣстнаго и передаваемаго начальницею нуждающейся. Все это дѣлалось и дѣлается такъ, что одна Шамшарева знаетъ, откуда идетъ эта помощь.

— Что же она счастлива въ своей новой жизни,—спросила я.

Шамшарева покачала головой.

— Знаете, что мнѣ приходитъ въ голову: не смотря на весь умъ ея, она или сумасшедшая, или у нея есть что-нибудь на душѣ, чего никто не знаетъ. Она добромъ не кончитъ.

Неожиданно Шамшарева разрыдалась.

— Раза два въ мѣсяцъ она пріѣдетъ ко мнѣ, отошлетъ экипажъ, возьметъ первую попавшуюся книгу, заберется съ но-

гами на диванъ и сидитъ цѣлые часы, не говоря ни слова. Разъ самъ баронъ пріѣхалъ за нею. «Милая Варя, вѣдь ты знаешь, у насъ сегодня обѣдаютъ, пора!» Она молча тотчасъ же встала.

— Вы знакомы съ барономъ?

— Да, онъ нѣсколько разъ былъ у меня по ея порученію. Когда я бываю у нея, онъ приходитъ и сидитъ съ нами. Мы при немъ говоримъ открыто о всѣхъ нашихъ дѣлахъ. Относительно помощи студенткамъ онъ все и устраиваетъ.

— Что же это за человѣкъ?

— Воспитанный, приличный, должно быть, очень добрый, и, повидимому, страстно ее любитъ.

— А она его?

— Не знаю. Она съ нимъ ровна и внимательна.

— Онъ молодъ?

— Ему лѣтъ за сорокъ.

— А дѣтей его она любитъ? Вѣдь у него есть дѣти, онъ вдовецъ?

— Да, мальчикъ и дѣвочка пяти и шести лѣтъ. Ихъ она очень любитъ; когда она дома, дѣти не отходятъ отъ нея и цѣлый день въ ея комнатѣ; пристаютъ къ ней, теребятъ ее, цѣлуютъ. Только съ ними я и видѣла ее веселой и счастливой. Мы сидимъ у нея, она насъ слушаетъ, говоритъ съ нами, и на минуту не спускаетъ глазъ съ дѣтей. Своихъ трудно любить нѣжнѣе. Баронъ не разъ замѣчалъ, шутя, что онъ положительно ревнуетъ ее къ дѣтямъ. Но довольно о ней, а то я опять разрыдаюсь.

Не смотря на нелюдимость Ридингъ, однокурсницы не очень чинились съ нею. Онѣ по прежнему обращались къ ней за разъясненіями по лекціямъ и она по прежнему удовлетворяла просьбы сухо, сжато и понятно. При переѣздахъ съ лекцій въ больницы и обратно,—а такіе переѣзды на пятомъ курсѣ совершаются ежедневно,—карета Ридингъ биткомъ набивалась курсистками прежде самой хозяйки. «Садитесь ко мнѣ на колѣни, Ридингъ», бойко приглашала ее кто-нибудь, когда она появлялась. «Нѣтъ, ужъ вы мнѣ дайте мѣстечко въ уголкѣ, потѣснимся, помѣстимся».

Къ ней на домъ курсистки ходили рѣдко. Но если кто приходилъ, стоило сказать, что курсистка, предъ пришедшей растворялись двери и лакей спрашивалъ, куда угодно пройти, въ гостиную или въ кабинетъ баронессы. Въ какое бы это ни было время, кто бы у нея ни былъ, она немедленно появлялась къ

пришедшей. Если ея не было дома, выходилъ самъ баронъ. Но никогда она никого не удерживала, никогда ничѣмъ не угощала не за-урядъ. И студентки все-таки не любили Ридингъ, какъ прежде не любили Ильину.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ я какъ-то встрѣтилась съ нею глазами въ аудиторіи. Она поклонилась мнѣ продолжительнымъ склоненіемъ головы. Мѣсяца три спустя я, выходя съ лекціи, увидѣла ее въ корридорѣ; она, повидимому, ждала меня.

— Дружинина, можно къ вамъ прійти? — торопливо спросила она, когда я съ нею поровнялась.

Я также оторопѣла.

— Зачѣмъ? У меня сынъ, — вырвалось у меня.—Я боюсь васъ, хотя и не переставала васъ любить.

— Спасибо и на томъ.

Она стиснула мнѣ руку, повернулась и ушла.

Если я въ чемъ-нибудь каюсь въ жизни, то только въ этой минутѣ. Только эту минуту хотѣла бы я взять обратно. Я упустила случай еще разъ попытаться умиротворить эту гордую и больную душу.

Чрезъ полгода, когда Ридингъ кончала выпускной экзаменъ, я была еще въ деревнѣ у Вельяшевой. Когда я возвратилась къ началу октября, Ридингъ, какъ я узнала отъ Шампаревой, была за-границей.

Недѣли черезъ двѣ ко мнѣ явился какой-то солидный господинъ съ бумагами и письмомъ. Письмо было отъ нея: «Посылаю вкладной банковый билетъ на пять тысячъ рублей, т.-е. приблизительно на ту сумму, какую я считаю за собой въ долгу покойному Григорію Ивановичу. Уплачиваю свой долгъ его сыну. Едва ли вы имѣете право отказаться. Впрочемъ это все равно; деньги его и будутъ за нимъ числиться; отказомъ принять ихъ вы только вызовете лишнія хлопоты».

Это было послѣднее мое сношеніе съ Варварой Николаевной. Года полтора спустя, когда я уже окончила курсъ, но все еще мыкалась въ поискахъ мѣста, имя баронессы Ридингъ вдругъ прогремѣло во всѣхъ газетахъ заграничныхъ и русскихъ. Но самой ея уже не стало; Шампарева не ошиблась, она кончила недобромъ.

Сущность всѣхъ толковъ о происшествіи сводилась къ слѣдующему. Въ одномъ изъ отелей Висбадена проживалъ русскій, Семовъ, старый холостякъ, бывшій желѣзно-дорожный инженеръ и дѣятель, нажившійся при постройкѣ южныхъ нашихъ дорогъ. Вечеромъ явилась въ отель дама и послала Семову свою кар-

точку. Тотъ приказалъ просить и, по свидѣтельству лакея, отворившаго дверь, принялъ ее очень почтительно. Не прошло пяти минутъ, какъ въ номерѣ Семова раздался выстрѣлъ. Дама вышла въ корридоръ. Одинъ изъ оффиціантовъ бросился въ номеръ; другіе заступили ей дорогу. Она опустилась на первый попавшійся стулъ, что-то поднесла къ губамъ и чрезъ нѣсколько секундъ конвульсій предъ сбѣжавшейся толпой былъ безжизненный трупъ. Другой трупъ былъ рядомъ: въ креслѣ лежалъ съ простреленнымъ сердцемъ Семовъ. На полу валялся револьверъ, на столѣ лежала карточка баронессы Варвары Николаевны Ридингъ.

По справкамъ въ гостинницѣ, гдѣ жила баронесса, оказалось, что мужъ ея, баронъ Николай Ридингъ наканунѣ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Кёльнъ. Ему телеграфировали; онъ тотчасъ прибылъ, убитый отчаяніемъ. Двойная катастрофа являлась положительно непонятной. Семовъ уже много лѣтъ жилъ безвыѣздно за-границей; баронесса до сихъ поръ за-границей не бывала и теперь всего лишь съ недѣлю пріѣхала въ Висбаденъ. Было до очевидности ясно, что она не знала Семова, какъ и Семовъ не зналъ ея, что она въ первый разъ въ жизни заговорила съ нимъ всего лишь за пять минутъ до ихъ смерти. Зачѣмъ она пошла къ нему? Были перерыты всѣ бумаги, какъ Семова, такъ и баронессы, перечитаны всѣ ихъ письма и нигдѣ никакого намека. Двойное убійство это было бы по всей вѣроятности отнесено къ разряду тѣхъ таинственныхъ политическихъ убійствъ, которыя непрерывной чередой шли какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ. Для заграничной печати существовало готовое шаблонное объясненіе, которое и появилось въ нѣкоторыхъ газетахъ: Семовъ—заграничный тайный агентъ русскаго правительства; на баронессу Ридингъ, принадлежавшую къ партіи анархистовъ, палъ жребій привести въ исполненіе смертный приговоръ, произнесенный надъ Семовымъ за его доносы.

Было, однако, одно обстоятельство, дававшее ключъ къ иному объясненію катастрофы. Въ комнатѣ баронессы валялись въ углу исписанные мелкіе клочья бумаги. Клочья эти были собраны и искусно подобраны и подклеены. На нихъ по-русски рукою баронессы было написано: «Онъ погубилъ мою мать. Я не знаю, онъ ли мой отецъ, или другой. Я загадала: пусть рѣшитъ судьба. Я не стану его отыскивать. Если онъ мой отецъ, судьба не должна свести насъ. Если сведетъ, тогда... Какъ я глупа еще: для чего я пишу, точно хочу объясняться, оправдываться! за-

чѣмъ? предъ кѣмъ? Предъ тобой, Николай?.. Ты не былъ со мною счастливъ... Ты простишь».

Десять разъ писала я въ Петербургъ, къ Вельяшевой, къ Шамшаревой, которая по окончаніи курса живетъ у Ридинга воспитательницей его дѣтей. Наконецъ, мнѣ прислали копію съ *ея* портрета. Онъ на столѣ передо мною. На меня, какъ живые, глядятъ эти большіе, скорбные, полные затаенной думы глаза. И я рыдаю, какъ рыдала когда-то Шамшарева. Готовъ заплакать и тотъ, для кого я пишу эти записки и кто, наклонясь ко мнѣ, слѣдитъ за выливающимися изъ-подъ пера строками... Слеза его капнула мнѣ на плечо. Но...

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій.

Я живу, буду и хочу жить. Жизнь моя вступаетъ въ новый фазисъ, не похожій на прежніе: черезъ мѣсяцъ я выхожу замужъ. Бракъ этотъ не имѣетъ ни романическаго, ни сантиментальнаго характера: мнѣ, какъ я сказала, тридцать лѣтъ съ крупнымъ хвостикомъ; моему суженому, собрату по ремеслу, перевалило за сорокъ пять. Но онъ въ теченіе двухъ лѣтъ былъ мнѣ полезнымъ совѣтникомъ, терпѣливымъ и снисходительнымъ другомъ, разумнымъ учителемъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь предложеніемъ быть спутницей его жизни и я съумѣю быть ему преданной и *послушной* женой. Dixi et animam levavi.—То-то былъ бы доволенъ «генералъ», узнавъ, что я вступаю въ дѣйствительный, а не гражданскій бракъ, что произношу обѣтъ послушанія и подкрѣпляю его цитатой на языкѣ Цицерона и Горація.

Успокоится и мама въ дальнѣйшей судьбѣ моей и ей не нужно будетъ краснѣть, когда говорятъ обо мнѣ.

Ну, а ты, Саша? Не придется ли тебѣ поплатиться въ жизни за необдуманное увлеченіе твоей матери? Пока я жива, грудью своею я закрою тебя. А когда меня не станетъ, не станетъ и твоего пріемнаго отца?

Но развѣ человѣкъ для субботы, а не суббота для человѣка? Мало людямъ въ мірѣ независящихъ отъ нихъ бѣдствій, они сами еще творятъ ихъ себѣ.

А. В-щ-н-к.

ПОЭТЪ

и

ТЕНДЕНЦІОЗНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, въ трехъ томахъ. —Изданіе четвертое, дополненное авторомъ. Спб., 1884.

Первыя стихотворенія А. Н. Майкова вышли въ свѣтъ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Пушкинъ и Лермонтовъ только-что сошли со сцены; наслѣдство ихъ въ области прозы было уже принято Гоголемъ—оставалось узнать, найдутся ли у нихъ достойные наслѣдники въ области поэзіи. Мелкія звѣзды пушкинской плеяды угасали одна за другой; обаяніе Бенедиктова было уже разсѣяно Бѣлинскимъ, пустота громкихъ фразъ Языкова и Хомякова становилась замѣтной для всякаго сколько-нибудь развитого вкуса; Некрасовъ еще не нашелъ своей настоящей дороги. А между тѣмъ, поклоненіе передъ стихомъ, воспитанное и законнымъ господствомъ геніальныхъ поэтовъ, и незаконнымъ авторитетомъ болѣе или менѣе искусныхъ стихотворцевъ, процвѣтало еще въ полной силѣ; въ журналахъ, въ альманахахъ публика все еще искала стихотвореній, которыми можно было бы восхищаться; литературный центръ тяжести только начиналъ переходить, но еще не перешелъ окончательно къ прозѣ. Ожиданія публики раздѣлялись, до извѣстной степени, и передовою критикою; она жадно ловила каждый стихъ, дававшій надежду на появленіе новаго поэта—поэта не по имени только, но по

праву. Гдѣ бы ни встрѣтилось стихотвореніе, запечатлѣнное истиннымъ талантомъ, Бѣлинскій спѣшилъ обратить на него вниманіе читающей Россіи, освѣщалъ его яркимъ свѣтомъ, относился къ нему съ такимъ же искреннимъ восторгомъ, съ какимъ привѣтствовалъ, нѣсколько лѣтъ спустя, повѣсти Достоевскаго, романы Герцена и Гончарова. За порывомъ энтузіазма часто слѣдовало разочарованіе—но тѣмъ глубже была радость, когда первое впечатлѣніе подтверждалось послѣдующими произведеніями поэта. Одну изъ такихъ радостей доставилъ Бѣлинскому г. Майковъ, дарованіе котораго было угадано великимъ критикомъ по небольшой пьескѣ: «Сонъ», напечатанной, безъ имени автора, въ какомъ-то мало извѣстномъ провинціальномъ сборникѣ [1]). Онъ привелъ его цѣликомъ въ статьѣ, посвященной «Римскимъ элегіямъ» Гёте, привелъ его, какъ перлъ антологической поэзіи, выдерживающій сравненіе съ лучшими ея образцами. Года черезъ два или три ему пришлось говорить о первомъ собраніи стихотвореній г. Майкова—и на этотъ разъ онъ могъ уже утверждать рѣшительно и съ полнымъ правомъ, что въ области антологіи молодой писатель завоевалъ себѣ мѣсто рядомъ съ Пушкинымъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти полвѣка; *объемъ* сочиненій г. Майкова увеличился въ шесть или семь разъ—но въ развитіи его таланта давно наступилъ застой или регрессъ, и лучшими его произведеніями остаются, съ немногими только добавленіями, именно тѣ, которыя хвалилъ Бѣлинскій. Отступленія отъ жанра, въ которомъ г. Майковъ одержалъ свои первыя, наиболѣе блестящія побѣды, рѣдко удавались ему уже въ началѣ его поэтической карьеры; таже неудача преслѣдовала ихъ и потомъ, преслѣдуетъ ихъ до настоящаго времени. Односторонность дарованія, замѣченная въ 1842 г. критикою «Отечественныхъ Записокъ», оказывается и теперь отличительною чертою г. Майкова, не смотря на длинный рядъ попытокъ, сдѣланныхъ имъ почти во всѣхъ родахъ поэзіи.

Античное искусство, сонмъ греческихъ боговъ, красота природы, радостное сознаніе молодой жизни—таковы первые источники вдохновенія г. Майкова. Не все въ этой сферѣ дѣйствуетъ на него съ одинаковою силой; къ бурному, страстному, героическому онъ менѣе воспріимчивъ, чѣмъ къ мягкому, легкому, ласкающему глазъ или слухъ, убаюкивающему душу. Свѣтлая грусть, сладкое предчувствіе или воспоминаніе, тихое веселье, мирное наслажденіе—вотъ настроенія, которымъ онъ отдается свободно и

---

[1]) Въ новомъ изданіи она помѣщена на стр. 8-й перваго тома.

всецѣло; чтобы ударить по другимъ струнамъ, ему нужно сдѣлать усиліе надъ самимъ собою. Погруженный въ созерцаніе прекраснаго, онъ безъ труда находитъ прекрасную форму для выраженія своихъ ощущеній; любимый сюжетъ сообщаетъ его стиху плѣнительную звучность. Чѣмъ больше медлительности, плавности въ избранномъ имъ размѣрѣ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе; нѣжные образы тихо проходятъ передъ нами, словно аккомпанируемые мелодичнымъ ритмомъ. Въ первомъ отдѣлѣ перваго тома, озаглавленномъ: «въ антологическомъ родѣ» и обнимающемъ собою промежутокъ времени съ 1838 по 1842 г., полная гармонія между содержаніемъ и формой встрѣчается на каждомъ шагу; такія стихотворенія, какъ «Октава», «Пустыннику», «Пріапу», «На мысѣ семъ дикомъ», «Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ», «Овидій», «Искусство», «Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней», сохраняютъ до сихъ поръ неувядаемую свѣжесть [1]). Въ миніатюрномъ рисункѣ нѣтъ ни одного лишняго штриха; краски блестятъ ровнымъ, спокойнымъ блескомъ; все просто, знакомо—и вмѣстѣ съ тѣмъ все ново и чудно, въ своемъ поэтическомъ колоритѣ. Здѣсь точно разстилается лѣсъ или садъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ; тамъ точно слышится музыкальный аккордъ, прилетѣвшій издалека. Въ этомъ чудесномъ мірѣ не составляетъ диссонанса даже ветхій миѳологическій аппаратъ, не рѣжутъ уха давно наскучившія имена Вакха, Пана, Авроры; дѣйствительность и фантазія сливаются въ одно стройное цѣлое. Изрѣдка сквозь изящную оболочку сквозитъ глубокая мысль—но это вовсе не необходимо для эффекта картины; вѣдь никому же не приходитъ въ голову *требовать* мысли отъ пейзажа. Сравнимъ «Октаву» и «Искусство» съ обращеніемъ къ Пріапу—и мы затруднимся рѣшить, чему отдать преимущество, хотя послѣднее изъ этихъ стихотвореній гораздо бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ два первыя.

«Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы».

---

[1]) То же самое можно сказать о нѣкоторыхъ произведеніяхъ той же, приблизительно, эпохи, отнесенныхъ къ другимъ отдѣламъ („Элегіи“, „Подражанія древнимъ“)—напр., „Такъ, вѣтренъ я, друзья“, „О чемъ, въ тиши ночей, таинственно мечтаю“, „Мраморный фавнъ“, „Цинтія“, „Скажи мнѣ: чей челнокъ“, „Блеститъ чертогъ“ и др.

«Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье».

«Садъ я разбилъ; тамъ, подъ сѣнью развѣсистыхъ буковъ,
Въ мракѣ прохладномъ, статую воздвигъ я Пріапу.
Онъ, воздѣлатель мирный садовъ, охранитель
Гротовъ и рощъ, и цвѣтовъ, и орудій садовыхъ,
Юнымъ деревьямъ дастъ силу рости, увѣнчаетъ
Листьемъ душистымъ, плодомъ сладкосочнымъ обвѣситъ.
Подлѣ статуи, изъ грота шумя, упадаетъ
Ключъ свѣтловодный; его осѣняютъ вѣтвями
Дубы; на нихъ свои гнѣзда дрозды укрѣпляютъ...
Будь благосклоненъ, хранитель пустыннаго сада!
Ты, увѣнчанный вѣнкомъ изъ лозы виноградной,
Плюща и желтыхъ колосьевъ! Пролей свою благость
Щедрой рукою на эти орудья простыя,
Заступъ садовый, и серпъ полукруглый, и соху,
И нагруженныя туго плодами корзины.

Въ «Октавѣ» прекрасно намѣченъ тотъ элементъ поэзіи, который не пріобрѣтается изученіемъ, а коренится въ натурѣ поэта, пробуждаясь къ жизни подъ вліяніемъ красоты; въ «Искусствѣ» ярко обрисована связь между творческими силами поэзіи и природы; но главная прелесть обѣихъ пьесъ—удивительная внѣшняя отдѣлка, общая имъ съ «Пріапомъ» и многими другими. Какъ просты тѣ орудія, для которыхъ испрашивается благость Пріапа, такъ просты и средства, употребляемыя поэтомъ; изъ скромнаго уголка онъ создаетъ, немногими чертами, волшебный пріютъ, дышащій спокойствіемъ и нѣгой. Эпитеты выбраны вездѣ съ истинно эллинскимъ мастерствомъ; звучность стиха также напоминаетъ лучшія произведенія классической древности. Душевный миръ автора сообщается читателю; даже печальныя картины, въ родѣ погребенія рыбакомъ своего сына («На мысѣ семъ дикомъ»), не производятъ гнетущаго впечатлѣнія. Лучшія антологическія стихотворенія г. Майкова ничего не теряютъ даже при сопоставленіи съ Андре Шенье, изъ всѣхъ западно-европейскихъ поэтовъ наиболѣе, быть можетъ, близкимъ къ античному духу; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только

прочесть помѣщенный рядомъ съ ними превосходный переводъ превосходной пьесы: J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle» («Я былъ еще дитя: она уже прекрасна»...). Слабѣе всего, въ этомъ первомъ циклѣ произведеній г. Майкова, именно тѣ, въ которыхъ созерцаніе уступаетъ мѣсто размышленію, живопись—психологіи. «Горный ключъ» и «Мысль поэта» очевидно навѣяны господствовавшимъ тогда взглядомъ на поэзію и поэта, — взглядомъ, крайнимъ выраженіемъ котораго служитъ «Поэтъ» Пушкина. Въ «Думѣ» и «Раздумьѣ» чувствуется что-то натянутое; первая часть «Раздумья» художественно-изящна, потому что въ ней отражается обычное настроеніе автора — послѣдняя часть его полна реторическаго треска, потому что порывъ, въ ней изображенный, очевидно придуманъ, а не испытанъ («чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ и, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ, при общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать, на бездну упадать и въ небѣ утопать»). Въ стихотвореніи, озаглавленномъ: «Е. П. М.», описанъ процессъ творчества, свойственный автору; воспріятіе ощущеній, медленное, спокойное, на половину безсознательное, составляетъ прелестную картину, испорченную только неудачнымъ заключеніемъ: «тогда я слышу, какъ кипитъ во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горитъ, какъ стихъ слагается и *прозябаютъ мысли*» — испорченную именно потому, что кипѣніе, горѣніе, святой восторгъ совершенно чужды дарованію г. Майкова.

Чѣмъ дальше мы подвигаемся впередъ, тѣмъ меньше находимъ произведеній той манеры, которой г. Майковъ былъ обязанъ своей славой. Въ половинѣ, даже въ концѣ сороковыхъ годовъ ихъ встрѣчается еще довольно много, и нѣкоторыя изъ нихъ ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ изъ числа юношескихъ стихотвореній автора. Особенно богатъ, въ этомъ отношеніи, отдѣлъ: «Очерки Рима» (1843—46); назовемъ, для примѣра, «На пути», «Ахъ, чудное небо, ей Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ», «Послѣ посѣщенія ватиканскаго музея», «Fortunata», «Художникъ», «Fiorina», «Антики». Мотивы здѣсь тѣ же, что и прежде — наслажденіе природой, преклоненіе передъ искусствомъ, увлеченіе женской красотой; небольшія жанровыя картинки чередуются съ высокими образами древняго міра. Контрасты, которыми наполненъ Римъ, отражаются и въ стихахъ поэта, то величественныхъ, то жаркихъ, то игривыхъ.

«Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
Какъ Скиѳы дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора.

Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи»...
«Я любви не числю и не мѣрю...
Вѣрь въ любви, что счастью не умчаться,
Вѣрь, какъ я, о гордый человѣкъ,
Что намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцѣлуя ввѣкъ».

Когда бы ни возвратился поэтъ въ свою родную область, онъ постоянно черпаетъ въ ней новыя силы. Не стѣсняясь границами отдѣловъ, перечислимъ, въ хронологическомъ порядкѣ, стихотворенія, напоминающія прежняго Майкова: «Люблю, если тихо къ плечу моему головой прислонившись» (1850), «У храма» (1851), «Юношамъ», «Порывы нѣжности обуздывать умѣя» (1852), «Аспазія», «Пейзажъ» (1853), «Мечтанія» (1855), «Импровизація», «Подъ дождемъ», «Нива» (1856), «Весна», «Поле зыблется цвѣтами», «Въ лѣсу» (1857), «Осенніе листья по вѣтру кружатъ» (1864), «Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ» (1868), «Панъ», «Осыпались желтые клены» (1870), «Утрата давняя досель свѣжа въ тебѣ» (1871). Прежній источникъ вдохновенія оскудѣваетъ, какъ видно изъ этого ряда цифръ, все больше и больше; въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ онъ является совершенно изсякшимъ. Всѣ названныя нами пьесы блестятъ прелестью стиха, художественностью образовъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ красотѣ формы присоединяется поэтическая мысль или глубокое чувство [1]). Попасть во всѣ дѣтскія хрестоматіи, повторяться сначала на всѣхъ публичныхъ чтеніяхъ, потомъ на всѣхъ экзаменахъ—такая же бѣда для стихотворенія, какъ для мелодіи — попасть въ репертуаръ шарманокъ; «Нивѣ» удалось побѣдоносно выдержать эту пробу, такъ гармонично слита въ ней заключительная молитва съ картиной русской природы. Побѣдительницей изъ того же испытанія вышла и «Весна», благодаря счастливому сравненію, выраженному удивительно-музыкальными стихами:

«Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ-цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый,
Послѣдній снѣжокъ...

---

[1]) Особнякомъ отъ тѣхъ пьесъ, которыя напоминаютъ первую манеру г. Майкова, но близко къ нимъ по внутреннему достоинству, стоитъ симпатичная идиллія: «Дурочка» (1851), а также небольшой циклъ стихотвореній, соединенныхъ подъ общимъ именемъ: «Дочери» (1855—67). Въ «Рыбной ловлѣ» (1855) есть удачныя описанія природы; чтобы восхищаться ею какъ цѣлымъ, нужно принадлежать къ числу тѣхъ, кому она посвящена, т.-е. быть человѣкомъ, «понимающимъ дѣло».

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьи иномъ»...

Попытка наблюденія надъ процессомъ творчества удалась г. Майкову, на склонѣ лѣтъ, даже лучше, нежели въ молодости; выше, чѣмъ стихотвореніе: «Е. П. М.», относящееся къ 1842 г., стоитъ, въ нашихъ глазахъ, слѣдующая пьеса, написанная четверть вѣка спустя:

«Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ;
Поэтъ ужъ въ первую минуту ихъ рожденья
Въ нихъ чуетъ сѣмена грядущаго творенья.
Онѣ какъ будто спятъ, и зрѣютъ въ тихомъ снѣ,
И ждутъ мгновенія, чьего-то ждутъ лишь знака,
Удара молніи, чтобъ вырваться изъ мрака...
И сходишь къ нимъ порой украдкой и тайкомъ,
Стоишь, любуешься таинственнымъ ихъ сномъ,
Какъ мать, стоящая съ заботою безмолвной
Надъ спящими дѣтьми, въ свѣтлицѣ, тайны полной»...

Уже весьма рано, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, г. Майковъ старался раздвинуть кругъ своей дѣятельности, присоединить къ небольшимъ антологическимъ пьесамъ произведенія болѣе крупныя по объему, болѣе широкія по замыслу. Первый опытъ его въ этомъ родѣ былъ не совсѣмъ удаченъ; въ основаніи отрывка, озаглавленнаго: «Іафетъ», лежитъ явная фальшь, не выкупаемая достоинствами исполненія. Представитель до-историческаго человѣчества выведенъ здѣсь на сцену какимъ-то Фаустомъ, снѣдаемымъ жаждою знанія, изнемогающимъ въ борьбѣ съ сомнѣньемъ.

...«Во глубинѣ науки
Обрѣлъ я гибельныя муки
И отравилъ остатокъ дней
Какой-то карой безпощадной.
Я чуялъ въ сердцѣ—острый змѣй
Его терзалъ, иль коршунъ хладной
Его живое исклевалъ.
Какой-то демонъ безпокойной
Меня тревожилъ жаждой знойной,
Сомнѣньемъ мысль мою смущалъ».

Читая эти напыщенные стихи, трудно повѣрить, что написавшая ихъ рука создавала въ то же самое время «Искусство», «Сонъ», «Пріапу». Еще слабѣе «Духъ вѣка» (1844) и «Грезы» (1845); въ первомъ банально выражена банальная мысль объ утратѣ идеаловъ, о господствѣ золотого тельца, въ послѣднихъ

жалобы разочарованной, мало интересной героини перемѣшаны съ отступленіями, неудачно подражающими то Пушкину, то Лермонтову. Античный міръ, сослужившій г. Майкову такую великую службу въ области лиризма, выручилъ его и на новой дорогѣ, внушивъ ему драматическую поэму: «Три смерти» (1852). Вмѣстѣ съ лучшими антологическими стихотвореніями поэта, она составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу литературу —вкладъ, въ сравненіи съ которымъ меркнутъ всѣ остальныя произведенія того же автора. «Савонарола» и «Клермонтскій соборъ» (1851 и 1853)—прекрасные эскизы, но незаконченныя картины; художественность формы не достигаетъ въ нихъ той высоты, на которой стоятъ «Три смерти». Изъ другихъ, позднѣйшихъ поэмъ замѣчательны только «Приговоръ» (1860) и «Исповѣдь королевы» (1861)—и то больше по замыслу, чѣмъ по исполненію; весьма эффектно звучитъ въ нихъ (особенно въ первой) ироническая нота, рѣдко удающаяся г. Майкову. Въ «Бальдурѣ», въ «Радойцѣ» такъ же мало оригинальнаго, какъ и въ былинахъ, содержаніе которыхъ почерпнуто изъ сербскихъ и словацкихъ источниковъ; «Странникъ» — пересказъ повѣсти Мельникова и раскольническихъ писаній; «Пульчинелль» могъ бы быть интересенъ, еслибы изображеніе контраста, комическаго для публики, трагическаго для актера, не уступало мѣсто такъ скоро заурядному повѣствованію о безнадежной любви и мужественно сдерживаемой ревности. «Судъ предковъ», «Два бѣса» и «Княжна» принадлежатъ къ числу тѣхъ тенденціозныхъ произведеній г. Майкова, о которыхъ рѣчь еще впереди; теперь для насъ достаточно замѣтить, что даже самый ревностный поклонникъ послѣдней манеры поэта едва ли отважится поставить ихъ на одинъ уровень съ «Тремя смертями». Недовѣрчиво и недружелюбно смотритъ на эту поэму только самъ ея авторъ. Продолженіе ея: «Смерть Люція», уступающее ей во многомъ, но все же тѣсно связанное съ нею, онъ вовсе не включилъ въ собраніе своихъ сочиненій; трагедія: «Два міра» должна, по мысли г. Майкова, замѣнить, упразднить собою и «Смерть Люція», и «Три смерти», въ виду «недостаточности, внѣшности чертъ», какими характеризованы въ этихъ «опытахъ» отживающее язычество и юное христіанство. Чтобы понять странное отношеніе поэта къ лучшему изъ крупныхъ его созданій, необходимо изучить перемѣну, происшедшую въ міросозерцаніи г. Майкова и раздѣляющую его дѣятельность на двѣ полосы, рѣзко отличныя между собою.

До начала пятидесятыхъ годовъ творчество г. Майкова почти

безусловно подходило подъ формулу: искусство для искусства. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ броженія, охватившаго нашу литературу, не принадлежалъ ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ, не касался политическихъ и соціальныхъ мотивовъ, отголосокъ которыхъ, не смотря на всѣ цензурныя строгости, слышался уже у Лермонтова, крѣпчалъ все больше и больше у Бѣлинскаго, Герцена, Тургенева, Некрасова, Достоевскаго. Судя по поэмѣ: «Двѣ судьбы», не вошедшей въ составъ настоящаго изданія, можно предполагать, что сочувствіе г. Майкова было скорѣе на сторонѣ новизны, на сторонѣ движенія; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что преобладающею его чертою былъ индифферентизмъ, часто свойственный созерцательнымъ, художественнымъ натурамъ. Весьма характеристично, съ этой точки зрѣнія, небольшое стихотвореніе: «Газета», относящееся къ 1845 г. Звуки борьбы, происходящей за Альпами, долетаютъ до Рима и смущаютъ тамъ на минуту сладкій покой поэта — но онъ скоро освобождается изъ-подъ ихъ власти, успокоивая себя мыслью о «жалкихъ Ахиллахъ и мелкихъ Улиссахъ журнальнаго міра», вспоминая о ихъ корысти, какъ о «двигателѣ — впрочемъ великаго — дѣла». Дѣло, для очистки совѣсти, признано великимъ — а случайные его наросты приняты за достаточный поводъ отвернуться отъ докучной суеты и возвратиться въ объятія Нины. Припомнимъ, съ другой стороны, сатирическія произведенія г. Майкова, написанныя до половины пятидесятыхъ годовъ; они не идутъ дальше нападокъ на пустоту свѣтской жизни, на бракъ по разсчету, на фарисейскую благотворительность («Барышнѣ», «Послѣ бала», «Филантропы», «И городъ вотъ опять»), или имѣютъ чисто личный характеръ, дѣлающій ихъ неудобопонятными для современныхъ читателей («Утопистъ», «Уйди отъ насъ! языкъ твой насъ пугаетъ!»). Не требуетъ комментаріевъ только рѣзкій ударъ, нанесенный Булгарину или Гречу («Надъ прахомъ генія свершать святую тризну») — но въ 1855 г. «Сѣверная Пчела» давно уже перестала быть силой, съ которой стоило бороться. Такія пьесы, какъ: «Зачѣмъ, среди общаго волненія и шума» (1841), «Двойникъ» (1844) позволяютъ думать, что къ политическому индифферентизму присоединялась у г. Майкова и значительная доля скептицизма. Предаваясь всецѣло своимъ эстетическимъ инстинктамъ, онъ былъ самимъ собою, онъ могъ сказать, вмѣстѣ съ Мюссе: «mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre». Древній міръ рисовался передъ нимъ во всей своей величественной цѣлости, не затемняемый узкой тенденціей, предвзятою мыслью. Отсюда

необыкновенная объективность, составляющая главную прелесть «Трехъ смертей». Сенека, Луканъ, Люцій являются здѣсь такими, какими они могли быть на самомъ дѣлѣ; авторъ не возвышаетъ одного на счетъ другихъ, не морализируетъ, не критикуетъ ни стоицизма, ни эпикуреизма, оттѣняя ихъ только путемъ естественнаго, внутренняго ихъ контраста. Люцій такъ же симпатиченъ, какъ и Сенека; если въ любви поэта къ созданіямъ своей фантазіи и можно уловить степени, оттѣнки, то развѣ въ смыслѣ невольнаго влеченія къ веселому, спокойному, безстрашному эпикурейцу [1]). Пять лѣтъ спустя послѣ «Трехъ смертей» появилась небольшая поэма г. Майкова: «Послѣдніе язычники». Здѣсь отношеніе его къ древности уже совершенно другое; глубоко убѣжденные люди являются у него упорствующими въ заблужденіи («смотрѣли молча старики на эту роскошь новой славы, *полны завистливой тоски, стыдясь промолвить: мы неправы*... давно была смѣшна для всѣхъ *тупая, старческая злоба*»). Константинополь второй половины IV-го вѣка, театръ преслѣдованій и интригъ, средоточіе прогрессирующаго упадка нравовъ, оказывается какою-то обѣтованною землею, обаянію которой могло противостоять только безумное упрямство. Однажды открывъ дверь тенденціи, г. Майковъ подчинялся ей все больше и больше—и утратилъ, подъ ея гнетомъ, всѣ лучшія силы своего таланта.

„О трепещущая птичка,
Пѣснь, рожденная въ слезахъ!
Что, неловко, знать, у этихъ
Умныхъ критиковъ въ рукахъ?
Ты бы имъ про солнце пѣла,
А они тебя корятъ,
Отчего подъ ихъ органчикъ
Не выводишь ты руладъ!“

---

[1]) Пишущій эти строки принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые выучили „Три смерти“ наизусть еще въ то время, когда поэма, по цензурнымъ причинамъ, не появлялась въ печати—и не забыли ея до сихъ поръ. Первоначальнаго печатнаго ея текста у насъ нѣтъ подъ руками; но въ рукописи, обращавшейся въ публикѣ, послѣдняя часть предсмертнаго монолога Сенеки была изложена не такъ, какъ въ настоящемъ изданіи. Теперь Сенека прямо указываетъ на христіанъ и допускаетъ возможность вредной ошибки въ собственномъ своемъ ученіи („быть можетъ, вѣруя упорно въ преданья юности своей, *мы леденимъ, какъ вихрь тлетворный, жизнь обновленную людей*“); тогда онъ ограничивался слѣдующимъ восклицаніемъ: „міръ палъ, и нашихъ жертвъ не приметъ, и только Богъ своей рукой изъ мрака—падшаго подниметъ и обновитъ въ немъ ѳбразъ свой“. Когда г. Майковъ былъ ближе къ исторической и поэтической правдѣ—это не требуетъ поясненій.

Хорошо было бы, еслибы птичка, о которой говоритъ здѣсь г. Майковъ, продолжала пѣть «про солнце», т.-е. про природу, про любовь, про искусство! Вся бѣда заключается именно въ томъ, что она стала «выводить рулады подъ органчикъ» — не подъ тотъ, конечно, на которомъ играли «умные критики», но подъ другой, надтреснутый и скудный мелодіями. Этотъ органчикъ—славянофильство, съ примѣсью рутиннаго консерватизма. Его вліяніе проявляется, прежде всего, въ выборѣ сюжетовъ. На мѣсто классической древности, столь родственной г. Майкову, выступаетъ славянскій міръ, слишкомъ бѣдный именно тѣмъ, на что привыкло отзываться вдохновеніе поэта. Сравните «Любушу и Премысла» или «Саблю царя Вукашина» съ написаннымъ въ то же самое время «Паномъ»—и вы почувствуете, что привольно поэту только въ послѣдней сферѣ; тамъ онъ точно въ гостяхъ, здѣсь—дома. До перелома пятидесятыхъ годовъ русская исторія внушила г. Майкову лишь одно стихотвореніе: «Кто онъ», крайне слабое въ сравненіи съ другими произведеніями той же эпохи. Предостереженіе, заключавшееся въ этой неудачѣ, теперь игнорируется авторомъ; онъ пишетъ цѣлый циклъ пьесъ, соединенныхъ въ новомъ изданіи подъ общимъ именемъ: «Отзывы исторіи» — и возвышается надъ посредственностью развѣ въ одномъ «Емшанѣ», въ которомъ чисто-поэтическій элементъ не оставляетъ мѣста для тенденціи. Можно ли было бы думать, что перо, написавшее столько благозвучныхъ пѣсней, низойдетъ до стишковъ въ родѣ «Менуэта» («Да-съ, видалъ я менуэтецъ — Ого-го!.. посыланъ былъ въ Петербургъ я разъ — пакетецъ къ государынѣ возилъ... Передъ ней склоняютъ выи, и она лишь, какъ живой образъ—такъ сказать—Россіи и видна надъ всей толпой») или до парафразы трескучихъ газетныхъ статей, въ родѣ отрывка: «Изъ посланія», заканчивающагося слѣдующими невѣроятно-тяжеловѣсными строками: «И въ жизни путь всегда увидишь правый, и посрамишь всякъ умыселъ лихой, всякъ вражій ковъ, и всякъ соблазнъ лукавый».

«Мы—москвичи! что дѣлать, милый другъ!
Кинь насъ судьба на сѣверъ иль на югъ,—
У насъ вездѣ, со всей своею славой,
Въ душѣ—Москва и Кремль золотоглавый...
Тамъ, у гробовъ іерарховъ и царей,
Намѣтившихъ великія ей цѣли,
Онѣ виднѣй, и ты поймешь яснѣй,
Куда идти,—и какъ мы шли доселѣ,

И отчего, во дни народныхъ бѣдъ,
И внѣшнихъ бурь, и всякаго шатанья,
Для всей Руси, какъ дѣдовскій завѣтъ,
Родной Москвы звучало увѣщанье».

Холодомъ и искусственностью вѣетъ отъ подобныхъ передовыхъ статей, переложенныхъ въ прозаическіе стихи—и даже излюбленная ссылка на Москву, какъ на третій Римъ, производитъ впечатлѣніе развѣ на тѣхъ, кого волнуютъ до сихъ поръ творенія Сергѣя Глинки. Смыслъ иныхъ стихотвореній того же цикла остается загадкой для непосвященныхъ читателей: что значитъ, напримѣръ, призывъ «стараго воеводы», помѣченный 1870 годомъ? какой наставалъ тогда часъ, нарочито требовавшій «чистой и бѣлой совѣсти», какая начиналась борьба «на землѣ, на моряхъ, и въ невидимой области духа»?.. Въ «Завѣтѣ старины» выражается желанье, чтобы Русь, какъ «Богоносица святая», вела за собой міръ «въ свѣтъ, къ свободѣ безконечной изъ-подъ рабства суеты—на исканье правды вѣчной и душевной красоты». Что это такое, какъ не повтореніе давно устарѣвшихъ Хомяковскихъ фразъ — фразъ, сносныхъ еще въ первомъ изданіи, но ничѣмъ неизвинимыхъ въ десятомъ или двадцатомъ?

Не довольствуясь куреніемъ ѳиміама передъ своимъ новымъ кумиромъ, г. Майковъ вступилъ въ открытый бой съ его противниками. Такія стихотворенія, какъ «Вопросъ» («Мы всѣ, блюстители огня на алтарѣ»), какъ «Для нихъ свобода—что видѣнье», «Духъ вѣка вашъ кумиръ» не выходятъ за предѣлы борьбы, которую въ правѣ вести всякій художникъ; далеко уступая прежнимъ созданіямъ автора, они не чужды, однако, изящества формы, не грѣшатъ ни грубостью пріемовъ, ни явнымъ отступленіемъ отъ правды. Нельзя, къ сожалѣнію, сказать того же самаго о «Княжнѣ», о «Судѣ предковъ», о «Двухъ бѣсахъ». Въ первой изъ этихъ поэмъ, названной «Трагедіей въ октавахъ», авторъ задумалъ изобразить контрастъ между двумя поколѣніями русскихъ женщинъ—отживающимъ и вновь вступающимъ на сцену. Представительницею перваго является сама княжна, для которой «великія стремленья и всякій высшій вѣка идеалъ доступенъ былъ и близокъ». Не совсѣмъ совмѣстны съ этимъ опредѣленіемъ другія черты, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ поэмы; намѣреніе автора, однако, несомнѣнно клонилось къ тому, чтобы вознести свою героиню на пьедесталъ по возможности высокій—и противопоставить ей ея воспитанницу или дочь, какъ жалкую жертву новыхъ вѣяній. Для большей яркости красокъ, апоѳеоза княжны распространяется и на ея предковъ.

«Видали-ль вы временъ Екатерины
Ея штатсъ-дамъ портреты? ...Всѣ, полны
Величія полунощной Аѳины
И геніемъ ея осѣнены,
Онѣ глядятъ какъ бы съ пренебреженьемъ
Во слѣдъ идущимъ мимо поколѣньямъ...
Могучій духъ, не знающій оковъ,
Для подвиговъ не знающій границы,
Безъ похвальбы свершавшій ихъ, безъ словъ,—
Все говоритъ, что это тѣ орлицы,
Къ кому изъ царства молній и громовъ
Свершители словесъ своей царицы,
Ея орлы—съ поднебесья порой
Спускалися на мигъ вкусить покой...
Изъ этой же породы самобытной
Была княжна, хоть сгладился ужъ въ ней
Весь этотъ пылъ, весь пламень ненасытный
Подъ вѣяньемъ иныхъ, счастливыхъ дней.
Тамъ—гордый стражъ пустыни, сфинксъ гранитный,
Въ тысячелѣтней простотѣ своей;
Здѣсь—Праксситель или рѣзецъ Кановы,
Гдѣ грація и духъ ужъ вѣетъ новый».

И этотъ наборъ фразъ выдается за историческую картину! «Могучій духъ, не знающій оковъ», «тысячелѣтняя простота гранитнаго сфинкса»—это характеристика русскихъ придворныхъ дамъ XVIII-го вѣка! «Екатерининскіе орлы», «Полунощная Аѳина»—все это хорошо на своемъ мѣстѣ, въ произведеніяхъ, написанныхъ другимъ языкомъ, въ другое время; это нѣчто въ родѣ рыцарскихъ доспѣховъ, красивыхъ какъ украшеніе музея или арсенала, но смѣшныхъ, если надѣть ихъ на черный фракъ, подъ цилиндрическую шляпу. Не довольствуясь архивными клише, г. Майковъ идетъ еще дальше, до самыхъ крайнихъ границъ старозавѣтной реторики; къ «екатерининскимъ орламъ»—фигурѣ все-таки понятной и до извѣстной степени законной—онъ присоединяетъ небывалыхъ и невозможныхъ «екатерининскихъ орлицъ». Таково введеніе къ поэмѣ; «трагедія», обѣщанная заглавіемъ, подвигается впередъ вяло, апатично; самый стихъ рѣдко напоминаетъ прежняго поэта.

«Конечно все, какъ при внезапномъ громѣ,
Что было дворъ, что около двора,
Что проживало въ старомъ барскомъ домѣ,
Все—въ будуаръ! Явились доктора,
Но, главное, при эдакомъ содомѣ
Швейцаръ, безъ ногъ и впопыхахъ съ утра,
И не въ домёкъ, чтобъ, при событьи этомъ,
Отказывать явившимся каретамъ».

Такихъ прозаическихъ строфъ, не ладящихъ даже съ грамматикой, въ «трагедіи» найдется не мало. О юморѣ, кое-гдѣ оттѣняющемъ драму, можно судить по слѣдующимъ строкамъ:

...«Эхъ, шутимъ мы, трунимъ
Надъ смертію, надъ судищемъ и адомъ,—
А покажись чуть-чуть она—ей, ей,
Раскланяться забудемъ даже съ ней!»

Дѣйствующія лица поэмы ведутъ такіе, между прочимъ, разговоры:

«Нѣтъ! встань на Гималай, смотри съ Балканъ,
Лишь тамъ поймешь ты этотъ Океанъ» (т. е. Россію!)
...«И только бъ раздалось
Съ высотъ Кремля и до высотъ Тайгета
Одно словцо,—и разрѣшенъ хаосъ!
Словцо—Восточный Императоръ»...

Рука объ руку съ «Княжной» идетъ «Судъ предковъ», эпиграфомъ котораго служитъ слѣдующій отрывокъ «изъ одного разговора»: «Попы увели народъ въ унію, попы и назадъ приведутъ... Такъ и наука»... Князь Сергѣй, не вѣрящій «ни въ загробный міръ, ни въ міръ чертей», читаетъ въ церкви, ночью, псалтырь надъ умершимъ отцомъ, согласно предсмертному желанію послѣдняго—и видитъ сонмъ предковъ, собравшихся для суда надъ покойнымъ: «за душу свою отвѣтишь Богу, молъ, а намъ повѣдай, какъ служилъ царю, хулы не нажилъ ли отцамъ»...

...«Это сонъ—
Онъ повторялъ, но мысль неслась
Туда, въ ту глубину временъ,
Что вдругъ раскрылась передъ нимъ
Уже не мертвой пустотой,
А чѣмъ-то цѣлымъ и живымъ—
Какой-то силой роковой,
Которой все уже давно,
Что насъ волнуетъ и крутитъ,
Разрѣшено, умирено»...

Подъ вліяніемъ видѣнья, князь сначала дѣлаетъ передѣлки въ фамильномъ склепѣ и приказываетъ позолотить крестъ, а потомъ принимается писать исторію своего рода.

...«И чудно всѣмъ:
Совсѣмъ нельзя узнать его!
Другой сталъ человѣкъ совсѣмъ!
Россія стала для него
Святыней, избранной страной;
Ея началамъ торжество,

Пророчитъ въ жизни міровой.
«Не могутъ-де ея понять;
Все точку зрѣнія берутъ
На міръ изъ Рима! надо взять
Изъ Византіи—и поймутъ!»

Итакъ, солидарность, у насъ въ Россіи или по крайней мѣрѣ въ средѣ русской знати, потомковъ съ предками, чистота и правота послѣднихъ, дѣлающая ихъ достойными судьями надъ первыми, разрѣшеніе княжескимъ прошедшимъ всѣхъ волнующихъ насъ вопросовъ, легкій способъ пониманія міра съ помощью византійской точки зрѣнія—сколько драгоцѣнныхъ открытій въ одной небольшой поэмѣ! Какъ жаль, что она прошла безслѣдно, что у насъ нѣтъ и не будетъ почвы, которую могли бы оплодотворить разсыпаемыя ею сѣмена! Переведенная, mutatis mutandis, на англійскій языкъ, она произвела бы, можетъ быть, нѣкоторое впечатлѣніе (предполагая, что стихъ перевода былъ бы получше, чѣмъ стихъ подлинника); на русскомъ языкѣ она обречена на забвеніе, по той простой причинѣ, что въ ней, кромѣ чтенія псалтыря, нѣтъ ничего русскаго. *Такой* отчетъ передъ предками, какого требуютъ судьи въ видѣніи князя Сергѣя—не русское понятіе; это черта, возможная только при аристократическомъ строѣ жизни, и прежде, и теперь чуждомъ Россіи. Въ «Судѣ предковъ», какъ и въ «Княжнѣ», г. Майковъ является не поэтомъ, а сочинителемъ—и приведенныя нами цитаты даютъ понятіе о томъ, какъ отразилось это сочинительство на формѣ обѣихъ поэмъ.

«Два бѣса»—пьеса крайне странная. Всего проще было бы принять ее за шутку—но съ такимъ толкованіемъ не вяжутся нѣкоторыя ея черты, въ особенности рѣчь второго бѣса и кое-что въ заключеніи. Авторъ какъ будто иронизируетъ надъ товарищами семинариста, осмѣявшими разсказъ его о бѣсахъ, надъ учителями, вошедшими съ докладомъ о томъ, «что дѣлать, молъ, съ подобнымъ ретроградомъ», надъ начальствомъ, положившимъ резолюцію: «считать его въ разсудкѣ поврежденнымъ». Итакъ, разговоръ бѣсовъ—фактъ дѣйствительный или по крайней мѣрѣ возможный? Предоставляемъ разрѣшеніе этого вопроса будущимъ комментаторамъ мнѣній г. Майкова о «мірѣ чертей»; какъ произведеніе искусства, поэма о двухъ бѣсахъ равняется, во всякомъ случаѣ, безконечно малой или даже отрицательной величинѣ.

Отъ трехъ, только-что разобранныхъ нами поэмъ отрадно перейти даже къ трагедіи: «Два міра»; но если сравнить ее

съ «Тремя смертями», впечатлѣніе получается совершенно иное. Въ «Смерти Люція,—говоритъ г. Майковъ въ предисловіи къ трагедіи,—героемъ-представителемъ древняго міра у меня являлся эпикуреецъ; но этого мнѣ показалось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что̀ древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ римлянинъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности. Эпикуреецъ остался далеко назади предъ этимъ образомъ». Объяснивъ, далѣе, какого труда ему стоила часть трагедіи, посвященная христіанству, сколько разъ онъ ее измѣнялъ и дополнялъ, г. Майковъ прибавляетъ: «можетъ быть, многимъ покажется страннымъ, что человѣкъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественною идеей, или по крайней мѣрѣ столько разъ къ ней возвращается. Но видно я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что-нибудь одно, да по мѣрѣ силъ». Намъ кажется, что «инстинктъ», въ этомъ случаѣ, обманулъ автора. Безконечныя передѣлки, въ области искусства, рѣдко приводятъ къ желанному результату; говоря словами извѣстной французской поговорки, «лучшее» (т.-е. *предполагаемое* лучшее) часто оказывается врагомъ хорошаго. Слишкомъ продолжительная остановка на одной тэмѣ охлаждаетъ, въ бо̀льшей части случаевъ, и автора, и читателей; первый теряетъ чувство мѣры, сосредоточивается на мелочахъ, перестаетъ видѣть лѣсъ изъ-за деревьевъ—послѣдніе устаютъ слѣдить за медленной переработкой деталей и остаются вѣрными первому впечатлѣнію, справедливо предпочитая свѣжесть — дѣланности, увлеченіе — усилію. Эпикуреецъ Люцій былъ живымъ человѣкомъ, — «великій патріотъ» Децій является блѣднымъ отвлеченіемъ; попытка вмѣстить все прекрасное древняго міра въ одно лицо оказалась настолько же неудачной, насколько она была ненужна, въ виду того, что рядомъ съ Люціемъ стояли Луканъ и Сенека. Мѣсто трехъ фигуръ, художественно обрисованныхъ и исторически возможныхъ, заступила одна, точно сложенная изъ кусковъ и невѣрная дѣйствительности. Мы имѣли уже случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ [1]), что ожесточеніе Деція противъ христіанъ, какъ противъ враговъ историческаго Рима, римской государственной идеи— явный анахронизмъ; такъ могли смотрѣть на христіанство столѣтіе спустя, когда обрисовалась его сила, когда сдѣлались мыслимыми догадки о его результатахъ—но отнюдь не во вре-

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1882 г. № 4, „Изъ общественной хроники“, стр. 865.

мена Нерона. Въ «Трехъ смертяхъ» римская жизнь изображена художникомъ, въ «Двухъ мірахъ»—моралистомъ, обращающимся съ нею, если можно такъ выразиться, какъ съ repoussoir, низводящимъ ее на степень мрака, рядомъ съ которымъ рѣзче бросается въ глаза яркій свѣтъ. Ошибки замысла становятся еще виднѣе отъ недостатковъ исполненія. Звучный, сильный стихъ «Трехъ смертей» встрѣчается здѣсь только въ видѣ рѣдкаго исключенія; истинно-поэтическихъ страницъ нѣтъ почти вовсе. Сравнимъ, для примѣра, слѣдующія два мѣста обѣихъ поэмъ, близкія по содержанію:

«Съ Нерономъ спорить я дерзалъ,
А кто же спорить могъ съ Нерономъ!
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ трономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
И въ залѣ шопотъ пробѣгалъ...
Что-жъ? не былъ я его сильнѣе,
Когда, не властвуя собой,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И вышелъ—полотна бѣлѣе?»
(«Три смерти», первый монологъ Лукана»).

«Ему (Нерону), на чтеньи, три лица
Своимъ присутствіемъ ужъ въ залѣ—
Помпоній, Руфъ и я—мѣшали,
И крикнулъ онъ: три мертвеца!
И вышелъ, въ насъ швырнувши свитокъ»...
(«Два міра», слова Деція во второй сценѣ первой части).

Насколько превосходенъ первый отрывокъ, настолько слабъ и блѣденъ второй; тамъ—цѣлая картина, здѣсь—неудачно выраженный намекъ на мало-вѣроятное событіе. Приведемъ еще нѣсколько параллелей:

«Бываютъ точно времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но жизнь понявъ, остаться жить,
Клянусь, не малое геройство!»
(Люцій, въ «Трехъ смертяхъ»).

«Въ какое время мы живемъ!..
И жизнь, и смерть—всему значенье,
Цѣна утрачена всему!»
(Ювеналъ, въ «Двухъ мірахъ»).

Слова Люція великолѣпно характеризуютъ цѣлую эпоху; въ словахъ Ювенала, созданнаго г. Майковымъ, слышится явно невѣрная мысль, такъ какъ именно тогда значенье смерти было велико и несомнѣнно. Припомнимъ формулу Сенеки: «patet exitus».

«Взгляни на лавры вѣковые—
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ
Перемѣняются, что годъ—
Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ
И листья будто вѣчно тѣ-жъ»...
(Люцій, въ «Трехъ смертяхъ»).
...«Человѣкъ
Самъ по себѣ что̀ значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится»...
(Децій, въ „Двухъ мірахъ»).

Второй отрывокъ—точно отдаленное эхо перваго, точно копія, снятая съ него ученической рукою. Ювеналъ, нѣсколько дальше, говоритъ Децію:

... „Не знаешь
На чемъ стоишь! почти теряешь
Ужъ и понятіе о томъ,
Что̀ называть добромъ и зломъ!"

Развѣ это не проза, уложенная въ риѳмованныя строчки? Развѣ есть что-нибудь похожее на поэзію въ отвѣтѣ Деція:

„Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!"

Форма на каждомъ шагу измѣняетъ автору; чѣмъ выше предметъ, котораго онъ касается, тѣмъ болѣе замѣтна несоразмѣрность между мыслью и дѣломъ. Если вторая часть поэмы (сцена въ катакомбахъ) не лишена, мѣстами, нѣкоторой силы, то эта сила почти всецѣло зависитъ отъ сюжета, величіе котораго выступило бы на видъ, быть можетъ, еще ярче въ простомъ, безъискусственномъ разсказѣ. Плохіе стихи скорѣе ослабляютъ, чѣмъ усиливаютъ впечатлѣніе, производимое, напримѣръ, радостною готовностью христіанъ идти на встрѣчу мученіямъ и смерти,—а можно ли назвать иначе, какъ плохими, стихи въ родѣ слѣдующихъ (рѣчь идетъ объ овцахъ, которыхъ зоветъ пастырь):

«Когда бы, гдѣ-бъ ни прозвучалъ
Твой рогъ призывный—гдѣ преграды,
Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
Который ихъ бы удержалъ
На зовъ твой ринуться мгновенно!»

Такихъ цитатъ можно бы привести еще много; ограничимся небольшой коллекціей отдѣльныхъ стиховъ, особенно наглядно свидѣтельствующихъ объ упадкѣ таланта: «съ дубиной? Этою скотиной, не знаю, кто насъ подарилъ!.. Только онъ сказалъ, что ты, да я, и восхитился!.. Вдругъ воспылалъ я страстью — да!.. Что изъ дѣтей, окромѣ двухъ, тѣ всѣ сироты, я прежде зналъ... Я — какъ вчера еще была, — той что̀ теперь — и судъ и кара... Плачь, кому онъ скажетъ въ осужденье, что ни студёнъ ты, ни горячъ... Я бъ васъ гналъ, когда бы жилъ еще! терзалъ звѣрьми бъ, живого бъ не оставилъ... Ты бъ гналъ, покуда бъ не узналъ... Прощать ты бъ научился — да, прощать!» — Диссонансамъ формы часто соотвѣтствуютъ диссонансы содержанія. Молодой Ювеналъ восклицаетъ въ разговорѣ съ самимъ собою: «въ душѣ кипитъ негодованье, подъ нимъ же, боги, пустота!» Не ясно ли, что его устами говоритъ здѣсь самъ г. Майковъ? Естественно ли, дальше, чтобы благодушный, кроткій Марцелъ уподоблялъ Деція жадному, пьяному цинику, обращаясь къ нему, въ торжественную минуту, съ такими оскорбительными словами:

«Вотъ твой Римъ
Тебя зоветъ: къ его объятьямъ
Стремись скорѣе—что нужды,
Что этотъ мужъ (циникъ) въ своемъ пареньѣ
Не видитъ далѣе ѣды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!»

Что значитъ послѣдняя часть того завѣта, который Децій, готовясь къ смерти, поручаетъ передать Нерону:

«Пускай онъ знаетъ,
Что съ легіонами рабовъ
Не сломитъ въ насъ онъ духъ отцовъ,
Что кесарь--самъ онъ забываетъ,
Что этотъ духъ въ лицѣ его
Себя лишь чтитъ за божество
И кесарь онъ—пока лишь полонъ
Самъ этимъ духомъ!»...

Если авторъ хотѣлъ сказать, что поклоненіе римлянъ передъ императоромъ основывалось на воплощеніи въ его лицѣ всего римскаго народа, то остается еще рѣшить, какимъ образомъ Децій, «великій патріотъ» Децій могъ видѣть въ этомъ воплощеніи нѣчто согласное съ «духомъ отцовъ»? Еще менѣе понятно въ устахъ Деція указаніе на то, что Неронъ — Неронъ! — исполненъ «духа отцовъ» и имъ держится на престолѣ.

Мы прослѣдили, въ главныхъ чертахъ, продолжительную дѣятельность г. Майкова; мы видѣли въ немъ сначала поэта, потомъ — тенденціознаго писателя. Это, конечно, не значитъ, чтобы тенденція была несовмѣстима съ поэзіей; это значитъ только, что онѣ оказались несовмѣстимыми для г. Майкова. Чѣмъ полнѣе онъ отдается во власть политической партіи или группы, тѣмъ больше меркнетъ и слабѣетъ его художественное дарованіе. Одну изъ причинъ этого явленія мы уже указали: самое свойство таланта, прирожденнаго г. Майкову, предназначало его быть пѣвцомъ красоты, стоящимъ въ сторонѣ отъ злобы дня. Измѣнивъ этой роли, онъ неизбѣжно долженъ былъ попасть на чуждую ему дорогу и растерять понапрасну значительную часть своей творческой силы. Довершеніемъ бѣды послужилъ самый выборъ дороги; среда, поглотившая г. Майкова, наименѣе благопріятна для поэтическаго вдохновенія. Между великими поэтами послѣднихъ двухъ столѣтій можно встрѣтить индифферентовъ (Гёте, Мюссе), но едва ли найдется хоть одинъ реакціонеръ или закоренѣлый консерваторъ. Именамъ Шиллера, Гейне, Байрона, В. Гюго, Барбье, Леонарди нельзя противопоставить, на другомъ полюсѣ, ничего иного, какъ только имена малыхъ свѣтилъ, второстепенныхъ дарованій. У насъ общій законъ подтверждается вполнѣ — и это не можетъ быть иначе, потому что наша старина менѣе богата поэтическими элементами, чѣмъ прошедшее нашихъ сосѣдей, потому что застой въ Россіи имѣетъ еще менѣе оправданій, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ западно-европейскомъ государствѣ. Чѣмъ угрожаетъ у насъ таланту, даже генію союзъ съ ультра-консерватизмомъ — объ этомъ всего краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ судьба Гоголя. Хорошо еще, если художникъ отдается въ объятія реакціи не всецѣло, если онъ служитъ ей только мимоходомъ, продолжая идти впередъ по другой, нейтральной дорогѣ; небольшіе грѣхи — отъ которыхъ несвободны, напримѣръ, стихотворенія графа А. К. Толстого — выкупаются тогда крупными произведеніями не-тенденціознаго свойства (драматическая трилогія и «Посадникъ» того же автора). О г. Майковѣ и этого сказать нельзя: произведеній, не окрашенныхъ тенденціею, послѣднія десять, даже двадцать лѣтъ его творчества представляютъ весьма немного. Ожидать поворота въ другую сторону уже поздно; препятствіемъ ему послужила бы, впрочемъ, и та оцѣнка, которую даетъ самъ себѣ г. Майковъ. Выраженіемъ этой оцѣнки являются слѣдующія два стихотворенія (особенно послѣднее, помѣщенное, въ видѣ снимка

съ рукописи, во главѣ полнаго собранія сочиненій г. Майкова, вслѣдъ за его портретомъ):

«Чужой для всѣхъ,
Со всѣми въ мирѣ—
Таковъ, поэтъ,
Твой жребій въ мірѣ!
Ты—на горѣ,
Они—въ долинѣ;
Но—Богъ и свѣтъ
Въ твоей пустынѣ.
Ихъ духъ привыкъ
Ко тьмѣ и ночи,
И голый свѣтъ
Имъ рѣжетъ очи—
Но вѣдь и имъ,
На самомъ пирѣ,
Имъ *нужно* знать,
Что *есть* онъ въ мірѣ,
Что гдѣ-нибудь
Еще онъ свѣтитъ,
Что воззовешь—
И онъ отвѣтитъ!»

Вотъ и другое стихотвореніе:

«И ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь».

Вмѣстѣ взятыя, эти пьесы образуютъ нѣчто въ родѣ «Памятника», который г. Майковъ, по образцу Пушкина, воздвигнулъ себѣ при жизни. Что-жъ, статуи бываютъ разныя — и судьба ихъ также различна. Передъ однѣми благоговѣйно останавливается всякій, мимо другихъ равнодушно или съ пожиманіемъ плечъ проходитъ громадное большинство, и преклоняетъ колѣна только горсть людей, возбуждая общее недоумѣніе. Мы ошиблись, впрочемъ, сравнивъ «Пустынника» и «Поэта» г. Майкова съ «Памятникомъ» Пушкина. Великій нашъ писатель разсчитывалъ только на благодарную память тѣхъ, въ которыхъ его лира возбуждала добрыя чувства; авторъ «Княжны» и «Суда предковъ» считаетъ себя хранителемъ священнаго огня, о который зажгутся, со временемъ, свѣтильники жаждущихъ истины. Намъ кажется, что эта скромная формула требуетъ по-

правки: черпать изъ сокровищницы г. Майкова кое-кто, можетъ быть, и будетъ, но только не Истину и не Свѣтъ, а развѣ матеріалъ для новыхъ фразъ о «Восточномъ императорѣ» и «Третьемъ Римѣ». Есть, конечно, у г. Майкова и другая сокровищница, которая долго еще можетъ служить источникомъ художественныхъ наслажденій; но отъ нея отрекается авторъ, восклицая: «о, какъ ты блѣдно, юныхъ дней моихъ солнце! Какъ онъ ничтоженъ и пустъ, гимнъ, что мы пѣли тебѣ» («Близится вѣчная ночь», 1882). Нѣтъ, это солнце не блѣдно, гимнъ, сложенный въ честь его, не ничтоженъ; блѣдны тѣ искусственные лучи, въ пользу которыхъ измѣнилъ ему художникъ.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ новаго изданія сочиненій г. Майкова. Объ одномъ недостаткѣ его—неполнотѣ—мы уже говорили; кромѣ поэмъ: «Двѣ судьбы», «Олинѳъ и Эсѳирь», «Смерть Люція», мы не нашли въ немъ извѣстнаго въ свое время стихотворенія: «Коляска». Другой недостатокъ — произвольное раздробленіе на отдѣлы, затрудняющее общій обзоръ дѣятельности автора. Почему, напримѣръ, «Исповѣдь» выдѣлена изъ числа стихотвореній «въ антологическомъ родѣ» и помѣщена въ разрядъ элегій, съ которыми она имѣетъ гораздо меньше общаго? Почему отдѣлъ: «На волѣ», помѣщенный въ первомъ томѣ, обособленъ отъ отдѣла: «Дома», помѣщеннаго во второмъ? И тамъ, и тутъ мы встрѣчаемъ стихотворенія одной и той же эпохи, одного и того же рода. Почему такія близкія по духу пьесы, какъ «Поэтъ» и «Пустынникъ», помѣщены въ разныхъ отдѣлахъ (первое — въ отдѣлѣ: «Изъ дневника», второе—въ «Разныхъ стихотвореніяхъ»)? Не лучше ли было бы раздѣлить всѣ произведенія г. Майкова на нѣсколько крупныхъ группъ (поэмы, переводы, подражанія древнимъ, лирическія стихотворенія и т. п.) и внутри каждой группы строго держаться хронологическаго порядка?

К. Арсеньевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое декабря, 1883.

Тэмы, занимающія нашу печать.—Спорный еврейскій манифестъ и возможное его значеніе.—А. И. Кошелевъ и бар. Н. А. Корфъ †.—Труды губернскихъ коммиссій по питейному вопросу.—Необходимая предпосылка коренной питейной реформы.—Уничтоженіе кабака; общественныя винныя лавки и трактиры.—Удачная мысль херсонской коммиссіи.—Судъ надъ кассаціоннымъ судомъ.

Если бы теорія прямолинейнаго, непрерывнаго прогресса требовала еще опроверженій, то однимъ изъ самыхъ наглядныхъ аргументовъ противъ нея могла бы служить исторія нашей періодической печати. Сколько разъ она приближалась, съ своимъ Сизифовымъ камнемъ, къ вершинѣ крутой горы — и сколько разъ скатывалась обратно, не имѣя, въ противоположность Сизифу, даже возможности тотчасъ же возобновить свое восхожденіе! Никогда, кажется, перемѣны въ ея судьбѣ не совершались съ такою быстротою, какъ въ послѣдніе четыре года. 1880-ый годъ она начинаетъ почти у самой подошвы горы—а заканчиваетъ его въ такой близости отъ желанной цѣли, какой не достигала ни разу со времени появленія первыхъ тучъ, надвинувшихся на законъ 6-го апрѣля. Въ 1881 г., Сизифовъ камень находится въ положеніи „неустойчиваго равновѣсія"; движеніе вспять уже начинается, но тэмпъ его еще задержанъ. 1882-мъ годомъ паденіе камня рѣшено въ принципѣ; 1883-мъ—осуществлено на самомъ дѣлѣ. Новыя правила о печати, изданныя осенью прошедшаго года, получаютъ въ текущемъ году широкое примѣненіе; мы не видимъ, правда, газетъ, возвращенныхъ подъ цензуру—но не видимъ только потому, что и „Страна", и „Голосъ" предпочли вовсе сойти со сцены. Конецъ года ознаменованъ расширеніемъ области духовной цензуры; вѣдѣнію ея подчиненъ, мѣсяцъ тому назадъ, „Церковно-Общественный Вѣстникъ". Говоря объ этой мѣрѣ, какъ о чемъ-то вѣроятномъ, но еще не рѣшенномъ, подверг-

шаяся ей газета спрашивала себя, останется ли она безцензурнымъ изданіемъ въ тѣхъ своихъ отдѣлахъ, которые не касаются духовнаго вѣдомства (общественная жизнь, политическія извѣстія, судебная хроника, биржевая хроника, смѣсь и т. п.). Недоумѣніе газеты въ настоящее время разрѣшено: она подчинена духовной цензурѣ безъ всякой оговорки, т.-е. въ полномъ своемъ объемѣ.

Положеніе печати опредѣляется не только прямыми, но и косвенными результатами регулирующаго ее порядка. Число запрещеній, предостереженій и другихъ ограниченій свободы—симптомъ, съ этой точки зрѣнія, несомнѣнно важный, но далеко не исчерпывающій діагнозу болѣзни. О *чемъ* говоритъ, и о чемъ не говоритъ печать, *какъ* она касается одного, и какъ обходитъ другое — вотъ что необходимо имѣть въ виду для характерности переживаемаго ею момента. Когда второстепенные вопросы выдвигаются на первый планъ, когда газетная полемика, однажды овладѣвъ предметомъ, долго не можетъ съ нимъ разстаться, когда возрастаетъ, безъ всякой видимой причины, интересъ ко всему совершающемуся за границей, тогда можно предположить, не рискуя ошибкой, что не все благополучно въ журнальномъ мірѣ. Вопросъ объ элеваторахъ, съ такою чрезвычайною ревностью и не менѣе чрезвычайнымъ многословіемъ обсуждаемый нашими газетами, не лишенъ, конечно, серьёзнаго значенія—но года три тому назадъ ему едва ли пришлось бы стать героемъ минуты. Не затянулся бы тогда до безконечности и споръ о еврейскомъ вопросѣ—споръ, не приводящій ни къ какимъ практическимъ выводамъ, постоянно вращающійся точно въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ. Новымъ яблокомъ раздора сдѣлался тутъ заимствованный „Русью" изъ французской газеты: „l'Antisémitique" манифестъ, съ которымъ президентъ „Всемірнаго Израильскаго союза" обратился, будто бы, къ евреямъ всего міра, при самомъ основаніи общества. Въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ манифестомъ стоитъ первое воззваніе союза, перепечатанное „Новостями", въ дословномъ переводѣ, изъ подлинныхъ протоколовъ союза. Не особенно правдоподобнымъ документъ, обнародованный „Русью", представляется уже потому, что онъ по необходимости долженъ былъ быть окруженъ тайной—а мыслимо ли разсчитывать на тайну, когда обращаешься къ десяткамъ или сотнямъ тысячъ? Достаточно перехода въ христіанство одного изъ членовъ союза — скажемъ болѣе, достаточно простого случая,—чтобы дать гласность самому секретному воззванію вождей ассоціаціи. Допустимъ, однако, подлинность манифеста, сообщеннаго „Русью", и спросимъ себя, что слѣдуетъ изъ него въ примѣненіи къ русскимъ евреямъ? Какое заключеніе должна извлечь изъ него хотя бы такъ-называемая „еврейская коммиссія", внима-

нію которой его рекомендуетъ редакція „Руси"? Можно ли сказать милліонамъ евреевъ, живущимъ въ Россіи: „ваши единовѣрцы признаютъ для себя чуждыми всѣ страны, по которымъ разсѣяла ихъ судьба — и мы, слѣдовательно, въ правѣ признать васъ чуждыми нашей странѣ, разсматривать васъ какъ иностранцевъ, ничѣмъ не связанныхъ съ нею?" Громадному большинству русскихъ евреевъ нетрудно было бы отвѣтить: „мы не знаемъ о какихъ единовѣрцахъ вы намъ говорите; намъ Россія не чужда, потому что въ ней жили наши предки, живемъ мы сами, и уходить изъ нея намъ некуда, да и нѣтъ причины". Мечты, которыми наполненъ мнимый или подлинный манифестъ, не могутъ быть достояніемъ всего еврейскаго міра; досужная мысль обезпеченнаго меньшинства можетъ увлекаться видѣніями блестящаго будущаго—для трудящейся еврейской массы важнѣе всякихъ видѣній остается окружающая ее дѣйствительность. Уступимъ, наконецъ, нашимъ антисемитамъ еще одну позицію; предположимъ, что масса евреевъ, въ Россіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, прониклась или проникнется вполнѣ началами, выраженными въ манифестѣ. Возникнетъ ли, вслѣдствіе того, для западно-европейскихъ правительствъ обязанность и право возвратиться, по отношенію къ евреямъ, къ только-что оставленной ими политикѣ ограниченій и стѣсненій, а для русскаго правительства—обязанность и право удержать въ силѣ или обострить эту политику? Едва ли. *Требовать* отъ подданныхъ любви, сердечной преданности, государство не можетъ уже по той простой причинѣ, что не открыто еще средство опредѣлять, по внѣшнимъ признакамъ, отсутствіе или наличность этого чувства. Кто исполняетъ свой долгъ передъ государствомъ, тотъ имѣетъ право и на гражданскую полноправность, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія *побужденій*, заставляющихъ его повиноваться законамъ, слѣдовать призыву власти, служить правительству или обществу. Пускай еврей живетъ душой въ будущемъ іерусалимскомъ царствѣ, пускай онъ предвосхищаетъ мысленно тотъ блаженный день, когда „еврейское ученіе наполнитъ весь міръ" и „всѣ богатства земли будутъ исключительно принадлежать евреямъ" — это еще не основаніе для безправія его въ настоящемъ. Чѣмъ больше открыто дорогъ для хожденія по землѣ, тѣмъ меньше поводовъ къ порывамъ за облака, въ воздушное пространство. Нужно ли прибавлять, что еврей съ головы до ногъ, абстрактный еврей, ничего не заимствующій изъ страны, въ которой онъ живетъ, отъ народа, среди котораго обращается, всегда будетъ рѣдкимъ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ? Какіе бы манифесты ни писалъ Кремьё, онъ несомнѣнно былъ французскимъ гражданиномъ, успѣвшимъ заслужить и сохранить и уваженіе французскаго общества, и довѣріе могущественной партіи. Изъ русскихъ

евреевъ, съумѣвшихъ быть въ одно и то же время и евреями, и русскими, назовемъ покойнаго Оршанскаго, обнаружившаго въ своихъ этюдахъ о крестьянскомъ судѣ и знаніе нашего народа, и искреннее сочувствіе къ нему. Правда, такихъ именъ у насъ еще мало — но давно ли и открыты у насъ евреямъ пути къ высшему образованію, сглаживающему все узко-національное, освобождающему отъ традиціонныхъ предразсудковъ? Повторяемъ еще разъ: къ правильному разрѣшенію еврейскаго вопроса могутъ привести не огульныя обвиненія, хотя бы и подтвержденныя безспорными документами, а предложенія, практически осуществимыя и ограждающія права одной стороны, безъ нарушенія правъ другой. Русскому народу вредны не тѣ евреи, которые тѣшатъ себя иллюзіями и твердятъ старую пѣсню объ избранномъ племени, а тѣ, которые участвуютъ въ эксплуатаціи крестьянина, ремесленника, рабочаго. Объектомъ борьбы должно быть не вѣроученіе, не національность, а тотъ паразитизмъ, представителями котораго въ одномъ мѣстѣ являются евреи, въ другомъ — нѣмцы, въ третьемъ — чистѣйшіе великоруссы (евреи — въ бо́льшей только, *сравнительно*, пропорціи, чѣмъ другіе); орудіемъ борьбы должна служить не урѣзка правъ, ни къ чему не ведущая и ничуть не уменьшающая силы туго набитаго кармана, а дѣятельная помощь, матеріальная и нравственная, той массѣ, которая достается въ добычу паразитамъ, какой бы національности они ни принадлежали.

Въ наше трудное время болѣе чувствительна, чѣмъ когда-либо, утрата такихъ людей, которые посвятили бо́льшую часть своей жизни свободной общественной дѣятельности, во всѣхъ доступныхъ, для русскаго человѣка, ея видахъ. Годъ, приближающійся къ концу, особенно богатъ потерями этого рода. За В. Ѳ. Коршемъ—не говоримъ о Тургеневѣ—послѣдовали, въ минувшемъ мѣсяцѣ, А. И. Кошелевъ и баронъ Н. А. Корфъ. Для полной характеристики А. И. Кошелева не настало и можетъбыть еще не скоро настанетъ время. Значительная часть его сочиненій не появлялась до сихъ поръ, оффиціально, по сю сторону русской границы; его служба въ царствѣ польскомъ, вмѣстѣ съ Н. Милютинымъ и княземъ Черкасскимъ, извѣстна пока сравнительно не многимъ. Для насъ, какъ и для массы публики, А. И. Кошелевъ— преимущественно основатель „Русской Бесѣды“ и „Сельскаго Благоустройства“, дѣятельный сотрудникъ „Бесѣды“, „Русской мысли“ и „Земства“. Рано примкнувъ къ славянофильству и водрузивъ его знамя въ одномъ изъ первыхъ журналовъ, созданныхъ движеніемъ второй половины пятидесятыхъ годовъ, Кошелевъ остался въ сторонѣ отъ того новорота, который выразился всего яснѣе въ направ-

леніи „Руси"; онъ не сдѣлался нео-славянофиломъ, союзникомъ „Московскихъ Вѣдомостей", громителемъ либерализма и либераловъ, приверженцемъ „властной руки", проповѣдникомъ уѣздной реформы, какъ панацеи противъ всѣхъ болѣзней. „Земство" и „Русь", основанныя почти въ одно и то же время, пошли по совершенно различнымъ дорогамъ. Полной солидарности, правда, не было у г. Кошелева и съ „Земствомъ"; оно шло, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, дальше, смотрѣло шире (припомнимъ, напримѣръ, вопросъ о всесословной волости)—но въ общемъ, существенномъ, редакція и ея главный помощникъ были согласны между собою. Въ критическую эпоху 1880—82 г. они дружно стояли на сторонѣ движенія, подавали руку всѣмъ прогрессивнымъ элементамъ, не возводили ни на кого легкомысленныхъ обвиненій, не вторили крику: „домой", и не дрожали передъ страшнымъ словечкомъ: „лакеи европеизма". Человѣку пожилому, не только выросшему, но и созрѣвшему въ эпоху крѣпостного права, простительно было не признавать одного изъ логическихъ результатовъ великой реформы—уравненія сословій въ мелкой земской единицѣ, обязательности для помѣщика, какъ и для крестьянина, законныхъ предписаній волостного старшины; хорошо уже и то, что воспоминанія и привычки не мѣшали Кошелеву быть сначала горячимъ защитникомъ освобожденія крестьянъ съ землею, потомъ—искреннимъ приверженцемъ объединенія сословій на земской почвѣ. Его отличительною чертою было довѣріе къ самоуправленію, къ голосу общества и народа. Дожить до осуществленія завѣтной мечты ему не было суждено — но онъ могъ сказать себѣ передъ смертью, что умѣлъ стоять, не унывая и не утомляясь, за свою любимую идею.

Какъ гласному рязанскаго земства и московской городской думы, А. И. Кошелеву не удалось связать свое имя съ какимъ-нибудь крупнымъ дѣломъ, съ какою-нибудь выдающеюся иниціативой. Онъ пользовался, по общему отзыву, большимъ вліяніемъ въ собраніяхъ, но не принадлежалъ къ числу немногихъ дѣятелей, налагающихъ свою печать на ту или другую отрасль земскаго или городского самоуправленія. Такимъ дѣятелемъ безспорно былъ баронъ Н. А. Корфъ. Извѣстный въ качествѣ публициста, въ качествѣ автора книгъ о народной школѣ и для народной школы, онъ былъ еще болѣе извѣстенъ какъ организаторъ школьнаго дѣла. Покойный былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ у насъ людей, которые посвящаютъ себя всецѣло любимому дѣлу, работаютъ для него неутомимо, на разныхъ дорогахъ, не смущаются неудачами, не отступаютъ передъ злословіемъ и интригой—и достигаютъ если не всего, къ чему стремились, то во всякомъ случаѣ многаго. Семнадцать лѣтъ тому назадъ, нужно было

положить основаніе земской начальной школѣ, доказать на практикѣ возможность живой связи ея съ народомъ, обновить методы обученія, поставить народнаго учителя въ нормальныя отношенія къ ученикамъ, къ родителямъ, къ земству. Бар. Корфъ употребилъ на это нѣсколько лѣтъ своей жизни—и сдѣлалъ, въ своемъ кругѣ дѣйствій, все зависящее отъ силъ одного человѣка. Въ это время его имя пріобрѣло заслуженную популярность во всей Россіи. Большой ошибкой, конечно, было бы утверждать, что безъ него школьное земское дѣло не пошло бы на ладъ, что оно имъ создано или выдвинуто на настоящую дорогу; но изъ отдѣльныхъ лицъ никто, безъ сомнѣнія, не оказалъ ему болѣе цѣнной услуги. Въ другихъ мѣстахъ предпринималось, быть можетъ, то же самое, предпринималось съ такимъ же усердіемъ и искусствомъ—но никто почти объ этомъ не зналъ, ни для кого это не было поощреніемъ и примѣромъ. Барону Корфу сослужило здѣсь особенно большую службу его литературное дарованіе. Знанія и опытъ, пріобрѣтенные въ глухомъ провинціальномъ уголкѣ, были пущены имъ въ оборотъ—въ газетныхъ статьяхъ, въ публичныхъ рѣчахъ, въ книгахъ, скоро сдѣлавшихся общимъ достояніемъ всѣхъ друзей народной школы. О значеніи, пріобрѣтенномъ педагогическою profession de foi бар. Корфа—„Русской начальной школой"—можно судить уже по числу экземпляровъ, въ которыхъ разошлась эта книга (32,000). „Руководство къ обученію грамотѣ" больше всѣхъ другихъ подобныхъ учебниковъ способствовало повсемѣстной побѣдѣ звукового метода. О „Нашемъ Другѣ" образовалось, въ нашихъ педагогическихъ сферахъ, два существенно различныхъ мнѣнія—но даже противники его не отрицаютъ пользу, которую онъ можетъ принести въ связи съ другими книгами для народнаго чтенія. Послѣ короткаго промежутка, отданнаго, по необходимости, другимъ занятіямъ, Корфъ возвращается въ свою родную сферу—и второй періодъ его дѣятельности отличается такою же разносторонностью, какъ и первый. Открывая на югѣ Россіи повторительныя школы, онъ ратуетъ за нихъ въ газетахъ и журналахъ, посвящаетъ имъ значительную часть своей послѣдней книги („Наши педагогическіе вопросы"), составляетъ для нихъ программу занятій, могущую облегчить трудъ учителя; предсѣдательствуя на учительскихъ съѣздахъ въ Херсонѣ и Бердянскѣ, изучая настоящее положеніе учительскихъ семинарій, онъ даетъ матеріалы для оцѣнки учрежденій, съ трудомъ проникшихъ въ русскую жизнь и далеко не получившихъ еще въ ней права гражданства. Смерть застала его, можно сказать, на полѣ битвы, полнымъ энергіи и надежды. Его книги могутъ устарѣть, его педагогическіе пріемы могутъ уступить другимъ, болѣе совершеннымъ—но борца за новорожденную народную школу не забудутъ въ немъ

и тогда, когда она созрѣетъ и окрѣпнетъ, когда перенесенныя ею невзгоды, встрѣченныя ею преграды, отойдутъ въ разрядъ „преданій старины глубокой".

Губернскія коммиссіи, учрежденныя лѣтомъ прошедшаго года для предварительной разработки питейнаго вопроса, окончили свои занятія; предположенія, ими представленныя, разсматриваются теперь особою коммиссіею при министерствѣ финансовъ. Въ составъ этой коммиссіи входятъ исключительно должностныя лица разныхъ вѣдомствъ; представители общества, допущенные, если можно такъ выразиться, къ участію въ вывозкѣ строительныхъ матеріаловъ, устранены отъ участія въ постройкѣ. А между тѣмъ, разобраться въ грудахъ привезеннаго со всѣхъ сторонъ матеріала, отличить годное отъ негоднаго, прочное отъ ломкаго и хрупкаго—задача крайне трудная. „Масса противурѣчивыхъ, несогласованныхъ между собою мнѣній— говорили мы, годъ тому назадъ, по поводу учрежденія губернскихъ коммиссій [1]) — скорѣе затруднитъ, чѣмъ облегчитъ выборъ пути, ведущаго къ желанной цѣли. Каждая коммиссія, дѣйствуя отдѣльно отъ прочихъ, потратитъ много времени на исполненіе одной и той же работы, на мотивированіе предложеній, надъ опроверженіемъ которыхъ успѣшно, можетъ быть, трудятся ея сосѣди. Взглядъ, выраженный въ заключеніи коммиссіи, не можетъ быть разсматриваемъ какъ послѣднее ея слово; онъ измѣнился бы, быть можетъ, весьма существенно, еслибы коммиссія познакомилась съ другими мнѣніями о томъ же предметѣ. При такой разрозненности и вынужденной односторонности отзывовъ, мысль, принятая большинствомъ коммиссій, не будетъ имѣть никакого преимущества передъ мыслью меньшинства; оцѣнку той и другой придется произвести въ Петербургѣ, въ канцеляріяхъ, рискуя при этомъ впасть въ ошибки, предупрежденіе которыхъ было, безъ сомнѣнія, главною цѣлью учрежденія коммиссій". Трудами коммиссій, теперь лежащими передъ нами, эти слова подтверждаются вполнѣ. Нѣтъ такой стороны задачи, по которой коммиссіи пришли бы къ единогласному выводу. Многіе важные вопросы разрѣшаются въ діаметрально-противоположномъ смыслѣ; значительнымъ большинствомъ не обладаетъ почти ни одно мнѣніе; голоса (если считать за каждой коммиссіей одинъ голосъ) часто раздѣляются почти поровну. Тождество того или другого окончательнаго вывода не устраняетъ разногласія въ подробностяхъ. Общихъ разсужденій гораздо больше, чѣмъ фактическихъ доказательствъ— а общія разсужденія могутъ считаться убѣдительными только тогда,

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе, № 9 „Вѣстника Европы" за 1882 г.

когда они выдержали пробу состязанія, повѣрку свободнаго спора. При такомъ положеніи дѣла, о простомъ счетѣ голосовъ очевидно не можетъ быть и рѣчи; придется *взвѣшивать* ихъ — а точными, чувствительными вѣсами центральная коммиссія едва ли располагаетъ. Предположенія губернскихъ коммиссій естественно заслоняютъ собою работу уѣздныхъ, самая многочисленность которыхъ до крайности затрудняла бы знакомство съ ихъ трудами; а въ губернскихъ коммиссіяхъ почти вовсе отсутствовалъ тотъ элементъ, изъ-за котораго преимущественно и задумана реформа—отсутствовали представители крестьянскаго сословія [1]). Одинъ этотъ пробѣлъ былъ бы уже достаточенъ для того, чтобы подорвать вѣру въ успѣхъ предпріятія. Удобное время для пополненія пробѣла и вообще для вступленія на другую, болѣе широкую дорогу, безъ сомнѣнія, еще не упущено; но мы не видимъ признаковъ, которые позволяли бы ожидать желаннаго поворота. Подобно книгамъ, и вопросы имѣютъ свою судьбу; для питейнаго вопроса часъ правильнаго разрѣшенія едва ли близокъ— и это вполнѣ понятно, въ виду тѣсной его связи съ общимъ движеніемъ государственной и народной жизни.

Какъ поставлена чисто-бюрократическая коммиссія, при комъ и изъ кого она состоитъ — это обстоятельство второстепенное; нельзя не замѣтить, однако, что пріуроченіе центральной коммиссіи по питейному вопросу къ министерству финансовъ способствуетъ уменьшенію надеждъ на успѣшное окончаніе дѣла. Питейная реформа предпринята не въ видахъ увеличенія государственнаго дохода, не въ видахъ болѣе правильнаго его поступленія, а съ цѣлью уменьшенія вреда, происходящаго отъ пьянства; значеніе ея — общегосударственное, а не спеціально-финансовое. Относиться къ ней съ этой точки зрѣнія всего труднѣе именно для министерства финансовъ, неизбѣжно придающаго наибольшую важность фискальной сторонѣ вопроса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только обратить вниманіе на особыя мнѣнія управляющихъ акцизными сборами, какъ членовъ губернскихъ коммиссій. Такихъ особыхъ мнѣній довольно много— и они направлены, бóльшею частью, противъ нововведеній, угрожающихъ такъ-называемому казенному интересу. Такъ, напр., одинъ изъ управляющихъ акцизными сборами, возставая противъ сокращенія числа питейныхъ заведеній, противъ строгихъ каръ за нарушеніе установленнаго для нихъ порядка, противъ земскаго надзора за питейной торговлей, заканчиваетъ свои замѣчанія слѣдующими словами: „порокъ пьянства есть болѣзнь, и лечить ее можно только нравствен-

[1]) На присутствіе крестьянъ въ губернскихъ коммиссіяхъ мы встрѣтили только три указанія (Москва, Орелъ и Калуга).

ными средствами, *а не воздѣйствіями на неповинный (!) кабакъ*". Другой управляющій, высказываясь за отвергаемую большинствомъ коммиссіи распивочную продажу изъ кабака, предлагаетъ разрѣшить открытіе питейнаго дома, въ собственной усадьбѣ, каждому крестьянину, лишь бы только онъ торговалъ виномъ лично, а не черезъ приказчика. Третій, основываясь на привычкѣ народа къ кабаку, считаетъ необходимымъ „остаться при существующемъ типѣ питейныхъ заведеній". Опасенія за цифру питейнаго дохода, лежащія въ основаніи всѣхъ этихъ мнѣній, имѣютъ свой raison d'être. Количество вина, выпиваемаго русскимъ народомъ, не можетъ быть названо чрезмѣрно большимъ; оно могло бы увеличиться безъ всякаго вреда для народнаго благосостоянія и народной нравственности, лишь бы только потребленіе вина сдѣлалось болѣе равномѣрнымъ, болѣе правильнымъ, лишь бы только мѣсто штофовъ, выпиваемыхъ заразъ, заняли чарки, выпиваемыя ежедневно. Такая перемѣна, однако, не можетъ совершиться вдругъ; легче достигнуть уменьшенія пьянства, чѣмъ включенія водки въ число постоянныхъ составныхъ частей крестьянскаго обѣда. Къ первому результату можно, до нѣкоторой степени, придти путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ — къ послѣднему приведетъ только постепенная переработка народныхъ привычекъ, идущая рука объ руку съ поднятіемъ народнаго экономическаго быта. Тѣ ведра водки, которыя идутъ теперь на разгулъ, не сразу пойдутъ на укрѣпленіе силъ, на улучшеніе питанія трудящагося люда. Уменьшеніе пьянства *со временемъ* увеличитъ народныя средства, а слѣдовательно и средства государственной казны; но *ближайшимъ* послѣдствіемъ его, по всей вѣроятности, будетъ дефицитъ, болѣе или менѣе значительный. Выборъ предстоитъ, поэтому, между двумя рѣшеніями, едва ли допускающими средину. Господствующее значеніе можетъ быть дано либо соображеніямъ финансоваго характера, либо соображеніямъ народной пользы. Въ первомъ случаѣ дѣло не пойдетъ дальше палліативныхъ мѣръ, ничего, въ сущности, не измѣняющихъ въ значеніи кабака, но не колеблющихъ главной бюджетной опоры; только во второмъ случаѣ можно будетъ предпринять цѣлый рядъ радикальныхъ преобразованій, заранѣе приготовясь къ временному пониженію питейнаго дохода. Успокоивать себя увѣренностью, что можно существенно улучшить настоящіе питейные порядки, не подвергая казну никакимъ потерямъ, значитъ рисковать остановкой реформы на полъ-дорогѣ или взятіемъ ея назадъ, какъ только обнаружится ея вліяніе.

Правы ли мы, однако, утверждая, что нельзя стремиться въ одно и то же время къ неприкосновенности питейнаго дохода и къ коренной реформѣ питейнаго дѣла? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ

вопросъ можетъ служить разборъ единственнаго предложенія, на сторонѣ котораго оказывается значительное большинство губернскихъ коммиссій—предложенія уничтожить *питейный домъ* и до крайности ограничить распивочную продажу вина, особенно въ уѣздахъ. За сохраненіе существующаго порядка стоятъ только *двѣ* коммиссіи (изъ числа пятидесяти), и притомъ такія, въ которыхъ чрезвычайно слабо—за отсутствіемъ земскихъ учрежденій—представленъ выборный, общественный элементъ (виленская и гродненская). Псковская коммиссія не требуетъ закрытія питейныхъ домовъ, усиливая только регламентацію производимой въ нихъ торговли. Комиссіи: петербургская, московская, черниговская и могилевская, полагаютъ оставить питейные дома только въ городахъ; коммиссіи ярославская, воронежская и ковенская—только въ городахъ и большихъ торговыхъ селахъ; коммиссіи рязанская и минская—только въ большихъ торговыхъ и проѣзжихъ селахъ. Остальныя, затѣмъ, *тридцать восемь* коммиссій безусловно высказываются противъ кабака; одна изъ нихъ (владимірская) находитъ возможнымъ вовсе уничтожить распивочную продажу вина [1]); десять коммиссій (архангельская, олонецкая, калужская, нижегородская, орловская, симбирская, волынская, кіевская, кубанская и терская) предлагаютъ разрѣшить ее трактирамъ и постоялымъ дворамъ только въ городахъ, остальныя двадцать семь склоняются въ пользу разрѣшенія ея изъ заведеній этого рода, съ большими или меньшими ограниченіями, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ [2]). Предположимъ, что мнѣніе большинства коммиссій не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что существованію кабака—т.-е. питейнаго заведенія, промышляющаго исключительно или преимущественно распивочной продажей крѣпкихъ напитковъ—будетъ положенъ конецъ, и притомъ не только на бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ; неужели это не отразится на количествѣ потребляемаго вина? Неужели всѣ тѣ, которые пьютъ теперь въ кабакѣ, подъ вліяніемъ его разнообразныхъ соблазновъ, выберутъ какъ разъ столько же вина изъ винной или штофной лавки, для домашняго употребле-

---

[1]) За безусловное уничтоженіе распивочной продажи *въ уѣздахъ* высказываются коммиссіи московская и могилевская.

[2]) Наша группировка коммиссій не сходится съ тою, которая принята, по этому вопросу, въ оффиціальномъ „систематическомъ сводѣ заключеній коммиссій". Въ этой послѣдней группировкѣ, коммиссіи, вовсе отвергающія кабакъ, не отдѣлены съ достаточною ясностью, отъ коммиссій, его допускающихъ, коммиссіи, безусловно возстающія противъ распивочной продажи вина въ уѣздахъ—отъ коммиссій, разрѣшающихъ ее для трактировъ и постоялыхъ дворовъ. Есть въ оффиціальномъ сводѣ и положительныя ошибки; такъ, напр., къ числу коммиссій, допускающихъ, въ городахъ, распивочную продажу вина изъ питейныхъ домовъ, неправильно отнесены коммиссіи олонецкая, вятская и области войска донского.

нія? Кабакъ осуждается и преслѣдуется именно какъ источникъ *чрезмѣрнаго* употребленія вина; очевидно, что возстановленіе мѣры повлечетъ за собою уменьшеніе потребленія, пока оно не возраститъ инымъ путемъ, въ иныхъ формахъ. Повторяемъ еще разъ: если рука объ руку съ рѣшимостью пересмотрѣть питейный уставъ не идетъ рѣшимость отказаться на время отъ части питейнаго дохода, то лучше отложить въ сторону всякія преобразовательныя стремленія; цѣли они все равно не достигнутъ, а развѣ только замаскируютъ зло, теперь ясное для каждаго. Вотъ почему мы думаемъ, что главная роль въ питейной реформѣ должна была бы принадлежать не министерству финансовъ; его спеціальной задачей могло бы остаться пріисканіе средствъ къ пополненію дефицита, обусловливаемаго вѣроятнымъ пониженіемъ питейнаго дохода. Нужно ли прибавлять, что изъ двухъ золъ — временнаго оскудѣнія одной бюджетной статьи и постояннаго оскудѣнія народныхъ средствъ—первое несравненно меньше второго, что для достиженія такой цѣли, какъ уменьшеніе пьянства, можно и должно не отступать даже передъ значительнымъ сокращеніемъ государственныхъ расходовъ?

Возвратимся къ вопросу о кабакѣ и о распивочной продажѣ. Наиболѣе правильнымъ кажется намъ мнѣніе тѣхъ коммиссій, которыя безусловно отвергаютъ первый, но не доходятъ до рѣшительнаго запрещенія послѣдней, хотя бы для однихъ лишь уѣздовъ. Распивочная продажа вредна въ особенности тогда, когда она является чѣмъ-то самостоятельнымъ, отдѣльнымъ, когда люди собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ только для того, чтобы пить вино. Такимъ именно мѣстомъ является питейный домъ, кабакъ—средоточіе пьянства, источникъ разоренія и порчи, противъ котораго справедливо вооружаются представители общества и администраціи во всѣхъ концахъ Россіи. Его можно уничтожить, не нарушая требованій жизни, не оставляя безъ удовлетворенія законной потребности народа. Совершенно другое дѣло—распивочная торговля виномъ въ гостинницѣ, въ трактирѣ, на постояломъ дворѣ, въ станціонномъ буфетѣ, гдѣ она соединена съ продажей чаю, кофе, горячаго кушанья. Не даромъ же изъ всѣхъ губернскихъ коммиссій только одна довела войну съ распивочной продажей до крайняго логическаго конца—до повсемѣстнаго ея уничтоженія, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ; да и эта коммиссія, можетъ быть, поколебалась бы въ своемъ окончательномъ выводѣ, еслибы ей напомнили, что подъ дѣйствіе его должны подойти рестораны и клубы. Весьма характеристично и то, что иныя коммиссіи высказываются за безусловное запрещеніе распивочной продажи въ уѣздахъ, иныя—въ городахъ, опровергая, такимъ образомъ, другъ друга. Существуетъ ли, въ

самомъ дѣлѣ, достаточный поводъ къ установленію, съ этой точки зрѣнія, принципіальнаго различія между уѣздами и городами? За допущеніе въ городахъ трактировъ и тому подобныхъ заведеній, съ правомъ распивочной продажи, говоритъ наплывъ пріѣзжихъ, а также бездомность, безсемейность значительной части городского населенія, особенно пришлаго, временного; за допущеніе ихъ въ уѣздахъ говоритъ съ одной стороны движеніе по проѣзжимъ дорогамъ, съ другой—существованіе пунктовъ, играющихъ для сельскаго населенія, до извѣстной степени, роль города (мѣста пребыванія мирового судьи или станового пристава, мѣста открытія ярмарокъ или базаровъ). И тамъ, и здѣсь, безусловное запрещеніе распивочной продажи было бы явнымъ игнорированіемъ дѣйствительности, заранѣе обреченнымъ на неудачу, т.-е. прямо вызывающимъ обходъ закона. Тайный кабакъ до такой степени вкоренился въ сельскіе—да отчасти и въ городскіе нравы, что борьба съ нимъ будетъ во всякомъ случаѣ крайне затруднительною; отнятіе у трактировъ и постоялыхъ дворовъ права распивочной продажи сдѣлало бы эту борьбу совершенно безнадежною. Само собою разумѣется, что трактиръ или постоялый дворъ, производящій распивочную продажу, можетъ обратиться въ кабакъ, отличаясь отъ него только именемъ или усвоивая себѣ всѣ его дурныя стороны; но въ мнѣніяхъ коммиссій, на сторону которыхъ мы становимся, указанъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію такого результата. Разборъ этихъ мѣръ потребовалъ бы слишкомъ много мѣста; главныя изъ нихъ касаются сокращенія числа заведеній, торгующихъ крѣпкими напитками, усиленія надзора и опредѣленія условій, которымъ долженъ соотвѣтствовать трактиръ или постоялый дворъ.

Долговременное процвѣтаніе кабаковъ выработало у насъ особый типъ кабатчика, который сразу, безъ сомнѣнія, не исчезнетъ. Весьма важно было бы устранить, по возможности, представителей этого типа отъ всякаго участія въ обоихъ видахъ питейной торговли, допускаемыхъ большинствомъ коммиссій: торговли на выносъ, изъ винныхъ или штофныхъ лавокъ, и торговли распивочной, на постоялыхъ дворахъ и въ трактирахъ. Нѣкоторыя коммиссіи находятъ необходимымъ запретить содержаніе питейныхъ заведеній лицамъ, изобличеннымъ въ нарушеніи питейнаго устава; другія предлагаютъ требовать отъ каждаго, желающаго заниматься питейной торговлей, свидѣтельства о благонадежности, выданнаго обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ. Ни одна изъ этихъ мѣръ не приведетъ къ желанной цѣли; свидѣтельства всякаго рода слишкомъ легко обращаются въ пустую формальность, а судятся и приговариваются за нарушенія питейнаго устава далеко не всегда самые опасные его

нарушители. Болѣе радикальное предложеніе сдѣлано только орловскою губернскою коммиссіею; оно заключается въ томъ, чтобы право торговли въ винныхъ лавкахъ (другихъ питейныхъ заведеній коммиссія въ уѣздахъ не допускаетъ) было предоставляемо сначала преимущественно, а потомъ и исключительно, лицамъ, прослужившимъ извѣстное число лѣтъ въ военной, гражданской или общественной (особенно земской) службѣ и получившимъ рекомендацію отъ своего вѣдомства. Другими словами, право питейной продажи должно сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ пенсіи, содержатели винныхъ лавокъ—чѣмъ-то въ родѣ должностныхъ лицъ, назначаемыхъ администраціею. Чтобы понять мнѣніе орловской коммисіи, необходимо имѣть въ виду, что она высказывается, въ принципѣ, за обращеніе питейной торговли въ казенную регалію, за сосредоточеніе ея всецѣло въ рукахъ государства. При такой системѣ раздача винныхъ лавокъ пенсіонерамъ была бы столь же естественна, какъ естественна во Франціи, при существованіи табачной монополіи, раздача табачныхъ лавочекъ лицамъ, пользующимся расположеніемъ администрація; но если наше правительство еще недавно, при пересмотрѣ табачнаго устава, не признало возможнымъ ввести у насъ даже табачную монополію, то объ установленіи питейной монополіи, несравненно болѣе обширной и сложной, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Лишенное своей исходной точки, предложеніе орловской коммиссіи падаетъ само собою, и жалѣть о его паденіи едва ли есть основаніе. Питейная торговля не принадлежитъ къ разряду тѣхъ занятій, которыя, въ настоящее время, охотно взяли бы на себя лучшіе изъ нашихъ отставныхъ чиновниковъ или удалившихся на покой земскихъ дѣятелей; претендентами на нее явились бы, большею частью, такія лица, которыя наименѣе соотвѣтствовали бы ожиданіямъ орловской коммиссіи. Незнакомыя съ торговыми пріемами, они ограничивались бы, притомъ, весьма часто ролью номинальнаго хозяина лавки, предоставляя дѣйствительное веденіе торговли лицамъ, мало чѣмъ отличающимся отъ нынѣшнихъ цѣловальниковъ. Повторилось бы, однимъ словомъ, то явленіе, которое мы видѣли при раздачѣ должностнымъ лицамъ земель въ оренбургскомъ краѣ и иныхъ мѣстахъ Россіи; предполагалось, на бумагѣ, что земля останется въ рукахъ просвѣщеннаго владѣльца, а на самомъ дѣлѣ она переходила въ руки промышленника и становилась орудіемъ эксплуатаціи сосѣдняго населенія.

Прежде чѣмъ идти дальше, остановимся на тѣхъ мотивахъ, по которымъ орловская коммиссія считаетъ возможнымъ и цѣлесообразнымъ немедленное обращеніе питейной торговли въ монополію государства. „Коммиссія,—читаемъ мы на стр. 123 оффиціальнаго изда-

нія,—хотя и сознаетъ всю трудность настоящаго предложенія, но увѣрена въ возможности его осуществленія, зная, что правительство въ настоящее время имѣетъ въ своемъ распоряженіи такой испытанный и приготовленный корпусъ лицъ, служащихъ по акцизному вѣдомству, какимъ не обладаетъ ни одно вѣдомство въ имперіи. Двадцатилѣтнее существованіе акцизнаго вѣдомства доказало, что лица, стоящія въ его главѣ, одушевляемыя патріотизмомъ, энергіею и любовью къ правдѣ, съумѣли создать штатъ служащихъ, пользующихся безупречною репутаціею. Подобное вѣдомство, съ нынѣ существующимъ центральнымъ управленіемъ, можетъ смѣло взвалить на свои могучія плечи всю торговлю виномъ; причемъ это будетъ, конечно, высокимъ патріотическимъ подвигомъ какъ относительно народа, который оно спасетъ отъ нравственнаго растлѣнія, такъ и государства, которому оно принесетъ значительный доходъ". Не напоминаетъ ли этотъ наборъ громкихъ фразъ медового мѣсяца акцизной системы, когда акцизные чиновники, по счастливому выраженію нашего сатирика, являлись чѣмъ-то въ родѣ піонеровъ новаго порядка, призванныхъ возродить бюрократію и положить основаніе всеобщему счастью? Увы! этотъ медовый мѣсяцъ миновалъ уже весьма давно, и акцизные піонеры не составляютъ больше избранной бюрократической дружины. „Плечи" акцизнаго вѣдомства оказались развѣ немногимъ болѣе могучими, чѣмъ плечи остальныхъ вѣдомствъ; есть полное основаніе сомнѣваться въ томъ, посильно ли для нихъ даже теперь несомое ими бремя. Хорошимъ противовѣсомъ увлеченію орловской коммиссіи можетъ служить хотя бы книга барона Нольде: „Питейное дѣло и акцизная система"; факты, приводимые въ ней, свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ акцизной сферѣ, внизу и наверху, далеко не все обстоитъ благополучно. Удивительнаго въ этомъ, безъ сомнѣнія, нѣтъ ничего; удивительна была бы только полная свобода одного вѣдомства отъ вліянія среды, которому подчиняются, въ бóльшей или меньшей степени, всѣ другія. Допустимъ, однако, что акцизные чиновники всѣ поголовно добродѣтельны, искусны и могучи; отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы составляемый ими „корпусъ" могъ вынести на своихъ плечахъ тяжесть питейной монополіи. Для того, чтобы справиться съ такимъ огромнымъ дѣломъ, „корпусъ" придется увеличить во много разъ—и ветераны окажутся безсильными вселить свой духъ въ новобранцевъ, тѣмъ болѣе, что имъ самимъ придется справляться съ совершенно новыми для нихъ задачами. Питейная монополія, введенная въ настоящее время, слишкомъ легко могла бы сдѣлаться переходною ступенью къ питейному откупу, именно вслѣдствіе затрудненій, сопряженныхъ съ продажей вина черезъ посред-

ство правительственныхъ агентовъ [1])—а хуже откупа ничего нельзя себѣ представить.

Если казенная продажа вина, въ настоящее время, должна быть признана невозможной, если, съ другой стороны, между частными виноторговцами преобладаетъ типъ кабатчика, неискоренимый никакими палліативными мѣрами, то нельзя ли отыскать такой способъ организаціи питейной торговли, который соединялъ бы въ себѣ хорошія стороны казенной продажи, не представляя ея неудобствъ и затрудненій? Намъ кажется, что этимъ условіямъ соотвѣтствовало бы сосредоточеніе питейной торговли, мало-по-малу, въ рукахъ сельскихъ и городскихъ обществъ [2]). Вопросъ объ общественныхъ питейныхъ заведеніяхъ не былъ, къ сожалѣнію, включенъ въ программу занятій губернскихъ коммиссій, и большинствомъ коммиссій, поэтому, вовсе не затронутъ. Изъ числа девяти коммиссій, не упустившихъ его изъ виду, за утвердительное разрѣшеніе его высказались три, за отрицательное—шесть. По мнѣнію послѣднихъ, соединеніе общественныхъ интересовъ съ питейной торговлей немыслимо: „общественный питейный домъ, гдѣ каждый крестьянинъ сознаетъ себя хозяиномъ и гдѣ пропитыя деньги остаются въ обществѣ, а не переходятъ въ чужой карманъ, не только не будетъ въ чемъ-либо способствовать уменьшенію пьянства, но еще разовьетъ его и увлечетъ даже трезвую часть общества, связанную съ питейнымъ домомъ участіемъ въ денежныхъ его оборотахъ“. Этимъ предположеніямъ можно противопоставить фактическія данныя, приводимыя черниговскою губернскою коммиссіею; немногіе общественные шинки, существующіе въ черниговской губерніи, доказываютъ, по словамъ коммиссіи, что „сельскія общества могутъ разумно и съ выгодой вести дѣло виноторговли“. Замѣтимъ, прежде всего, что поощреніе общественной питейной торговли нисколько не исключаетъ тѣхъ радикальныхъ перемѣнъ, о которыхъ мы говорили выше. *Кабакъ* былъ бы вреденъ и въ рукахъ общества; необходимо замѣнить его винной лавкой, продающей вино только на выносъ, и трактиромъ, открываемымъ только въ извѣстныхъ мѣстахъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій—но какъ винная лавка, такъ и трактиръ могутъ сдѣлаться предпріятіями общественными. Только этимъ путемъ будетъ постепенно упраздненъ тотъ классъ людей, который ютится теперь около кабака и трактира, эксплуатируя населеніе, увеличивая число пьяницъ и интенсивность пьянства. Помимо

---

[1]) Весьма дѣльный очеркъ этихъ затрудненій можно найти въ отзывѣ черниговской губернской коммиссіи, одинъ изъ членовъ которой предложилъ высказаться въ пользу казенной продажи вина. Подробно разобравъ это предложеніе, коммиссія признала его непрактичнымъ и неудобоисполнимымъ

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ №№ 9 и 11 «Вѣстника Европы» за 1881 годъ.

за кабацкой наживой, со всѣми ея послѣдствіями, не уничтожать никакія законодательныя мѣры, пока питейная торговля будетъ оставаться всецѣло въ рукахъ частныхъ лицъ; дѣйствительнымъ ограниченіемъ ея послужитъ только такой порядокъ, при которомъ никто не будетъ заинтересованъ въ спаиваніи народа, при которомъ доходъ отъ продажи вина будетъ раздѣляться между государствомъ и обществомъ, безъ посредствующихъ лицъ, стремящихся набить себѣ карманы какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало. Опасаться, вмѣстѣ съ нѣкоторыми коммиссіями, что желаніе увеличить доходъ съ общественной торговли вовлечетъ въ пьянство даже трезвую часть общества, значитъ считать крестьянъ уже черезчуръ неспособными къ размышленію; нельзя же предполагать, что каждый общественникъ согласится купить возвышеніе общественнаго дохода цѣною собственнаго разоренія. Намъ скажутъ, можетъ быть, что уполномоченными общества для производства питейной торговли явятся, въ большинствѣ случаевъ, тѣ же цѣловальники, царству которыхъ мы хотѣли бы положить конецъ; но вѣдь большая разница торговать за собственный счетъ или по порученію, которое можетъ быть взято назадъ во всякое время (отдача общественныхъ заведеній въ арендное содержаніе должна быть запрещена безусловно). Особенно большой пользы отъ дозволенія обществамъ производить питейную торговлю губернскія коммиссіи, стоящія за дозволеніе, не ожидаютъ — и это недовѣріе вполнѣ понятно, пока самоуправленіе въ городѣ и деревнѣ остается такимъ, какимъ мы его видимъ въ настоящее время. Высказываясь, два года тому назадъ, за общественныя питейныя заведенія, мы выразили убѣжденіе, что существующіе порядки могутъ испортить самое лучшее дѣло, повредить самому полезному начинанію. Правильный ходъ общественной питейной торговли немыслимъ безъ постояннаго контроля, для котораго нынѣшнее крестьянское самоуправленіе не представляетъ ни органовъ, ни гарантій; онъ немыслимъ и при томъ искусственномъ преобладаніи одной группы населенія надъ остальными, какое создано въ городахъ трехклассной избирательной системой. Вопросъ о питейной торговлѣ не можетъ быть отдѣленъ отъ другихъ, вмѣстѣ съ нимъ поставленныхъ на очередь; удачное разрѣшеніе его возможно только въ благоустроенномъ городѣ, въ благоустроенной деревнѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ, за недостаткомъ мѣста, множество интересныхъ вопросовъ, разнообразно рѣшаемыхъ губернскими коммиссіями—напр., вопросъ о свободной торговлѣ виномъ (на вынось) не только изъ спеціальныхъ винныхъ, но и изъ всякихъ другихъ лавокъ,—обратимъ вниманіе читателей на одно, весьма практичное,

какъ намъ кажется, предложеніе херсонской коммиссіи (принадлежащей къ числу тѣхъ, которыя стоятъ за совершенное уничтоженіе кабака). „Кабакъ,—говоритъ коммиссія,—не только мѣсто для выпивки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ для простолюдина тѣмъ же, чѣмъ для интеллигентнаго класса клубъ и даже въ нѣкоторой степени биржа. Въ кабакѣ сообщаются всевозможныя новости, узнаются продажныя и покупныя цѣны на необходимые для крестьянина предметы; нерѣдко читается какой-нибудь, случайно попавшійся, номеръ газеты; заключаются сдѣлки по куплѣ и продажѣ; однимъ словомъ, кабакъ въ извѣстной степени удовлетворяетъ общечеловѣческой потребности крестьянина. За исключеніемъ кабака, у крестьянина кромѣ улицы, нѣтъ мѣста, гдѣ бы онъ могъ посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ, подѣлиться своими мыслями, обсудить предварительно общія нужды своихъ односельцевъ и т. п. Между тѣмъ, жизнь крестьянская въ послѣднее время настолько измѣнилась, что для крестьянина болѣе необходимо мѣсто частныхъ совѣщаній, чѣмъ для горожанина —клубъ и для торговца — биржа. Посѣтители клуба и биржи еще могли бы и безъ этихъ учрежденій подѣлиться своими мыслями или узнать существующія цѣны,—для нихъ есть газета и книги; крестьянинъ же лишенъ и этого — а между тѣмъ крестьянскія учрежденія пользуются большей самостоятельностью, нежели всѣ другія... Совершенное игнорированіе духовныхъ потребностей крестьянина отзовется рано или поздно и дастъ о себѣ знать. Могутъ явиться тайные притоны, гдѣ будутъ твориться всякія беззаконія, можетъ быть даже болѣе безобразныя и вредныя для народной нравственности, чѣмъ въ растлѣвающемъ кабакѣ“. Исходя изъ этихъ, совершенно справедливыхъ мыслей, херсонская коммиссія предлагаетъ допустить устройство въ каждомъ селеніи, безъ особаго каждый разъ дозволенія, *сборной избы* (или нѣсколькихъ, смотря по цифрѣ населенія), куда бы могли сходиться посѣтители во всякое время, и въ этихъ избахъ разрѣшить устройство читаленъ и продажу чаю, всякихъ закусокъ и горячихъ кушаньевъ. Всѣ хозяйственные въ сборныхъ избахъ распорядки должны, по мнѣнію коммиссіи, зависѣть отъ усмотрѣнія общества. И здѣсь, слѣдовательно, выступаетъ на сцену мысль объ общественномъ хозяйствѣ, безъ котораго сборная изба легко могла бы сдѣлаться слишкомъ точной копіей съ упраздняемаго кабака. Согласиться съ проектомъ херсонской коммиссіи мы не можемъ только въ одномъ: она полагаетъ разрѣшить всякому посѣтителю сборной избы приносить съ собою вино и пиво и угощать ими пріятелей, лишь бы только угощеніе не обращалось въ продажу. Далеко не одно и то же — слѣдить за тѣмъ, чтобы въ сборной избѣ *вовсе* не было и не потреблялось крѣпкихъ напитковъ, или за тѣмъ, чтобы

приносимые туда и распиваемые тамъ напитки не были отпускаемы за деньги; первое вполнѣ возможно—въ особенности если отвѣтственность за всякое нарушеніе установленныхъ правилъ будетъ возложена на цѣлое общество,—послѣднее до крайности затруднительно и почти немыслимо. Вмѣстѣ съ крѣпкими напитками въ сборной избѣ появится притонъ и пьянство; она приметъ характеръ кабака и оттолкнетъ отъ себя всѣхъ тѣхъ, кто желалъ бы посѣщать ее для мирнаго развлеченія и спокойной бесѣды. Устройство трактировъ и постоялыхъ дворовъ, съ правомъ распивочной продажи, херсонская коммиссія совершенно основательно допускаетъ только въ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ и на большихъ проѣзжихъ дорогахъ; дозволить потребленіе вина въ сборныхъ избахъ, значило бы парализовать дѣйствіе этого правила, подарить каждое селеніе если не кабакомъ, то по крайней мѣрѣ безпатентнымъ трактиромъ. Помимо отмѣченной нами черты, мысль херсонской коммиссіи о сборныхъ избахъ заслуживаетъ полнаго сочувствія; одержать прочную побѣду надъ тайнымъ кабакомъ можно будетъ только съ помощью подобной мѣры.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ намъ случилось говорить о систематическомъ преслѣдованіи, воздвигнутомъ „Московскими Вѣдомостями" противъ перваго департамента сената; теперь очередь преслѣдованія настала для уголовнаго кассаціоннаго департамента. Причина обоихъ явленій одна и та же: защитниковъ произвола возмущаетъ самостоятельность сената, раздражаетъ истинно-судейскій взглядъ, игнорирующій всякія побочныя соображенія, обращающій вниманіе только на дѣло, а не на лица. Поводомъ къ открытію новой кампаніи послужила отмѣна сенатомъ рѣшенія варшавской судебной палаты по извѣстному дѣлу Жуковича. Кассаціонный судъ не въ правѣ задаваться вопросомъ, какія практическія послѣдствія будетъ имѣть то или другое его опредѣленіе; онъ долженъ помнить, что каждое его рѣшеніе получаетъ силу прецедента, что толкованіе закона не можетъ быть сегодня одно, завтра — другое. Соблюденіе этихъ простыхъ, элементарныхъ началъ—безспорная заслуга сената, по крайней мѣрѣ настолько, насколько можетъ быть заслугой исполненіе обязанности, вѣрность призванію и долгу. Не такъ смотрятъ на дѣло тѣ, которые nigrum in candida vertunt—обращаютъ черное въ бѣлое, и наоборотъ; на мѣсто заслуги является у нихъ чуть не преступленіе. „Сенатъ лучше бы поступилъ, еслибы не очень заботился о святости 889-ой статьи устава... Можетъ быть ему, въ качествѣ кассаціонной инстанціи, пришлось бы по существу истолковать значеніе и силу состоявшагося приговора. Это было бы какъ

нельзя болѣе полезно, особенно въ нынѣшнее смутное время, предполагая разумѣется, что сенатъ могъ сдѣлать это лишь въ сознаніи святости своего государственнаго долга". Другими словами, кассаціонный судъ долженъ былъ разсмотрѣть дѣло по существу и рѣшить его не по закону, а по соображеніямъ высшей политики. Во что обратилось бы все наше судопроизводство, еслибы подобные взгляды проникли въ среду высшаго кассаціоннаго суда! А между тѣмъ, не слѣдуетъ обманывать себя на счетъ послѣднихъ цѣлей, къ которымъ стремятся теоретики „усмотрѣнія". Съ *судомъ*, достойнымъ этого названія, они никогда не примирятся; успокоить ихъ можетъ только возвращеніе къ до-реформенному типу суда, ничѣмъ существенно не отличающагося отъ администраціи.

Въ статьѣ о дѣлѣ Жуковича противники сената играли cartes sur table; въ статьѣ, вызванной дѣломъ мирового судьи Бузова, они высказываются не такъ ясно, но назначеніе ея все то же—дискредитировать судъ, позволяющій себѣ охранять „святость закона". Еслибы рѣчь шла о безпристрастной юридической критикѣ, направленной противъ отдѣльной ошибки суда, а не противъ основныхъ началъ судебныхъ уставовъ, то редакція не стала бы, безъ сомнѣнія, судить о дѣлѣ по немотивированной резолюціи и короткому стенографическому отчету, а дождалась бы рѣшенія, изложеннаго въ окончательной формѣ. Тогда разъяснились бы, можетъ быть, всѣ недоумѣнія газеты, обнаружились бы причины, по которымъ сенатъ не призналъ нужнымъ производить изслѣдованіе о подлинности росписки, выданной Милютинымъ, и присудилъ по ней съ Бузова именно 9,500 рублей. Дѣло Бузова извѣстно намъ только по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ „Московскими Вѣдомостями"; но даже въ этихъ свѣдѣніяхъ мы находимъ кое-что, могущее служить отвѣтомъ на вопросы и сомнѣнія газеты. Резолюція сената, въ томъ видѣ, какъ она приведена „Московскими Вѣдомостями" (признать подлежащими удовлетворенію гражданскіе иски, предъявленные къ Бузову по настоящему дѣлу: повѣреннымъ Милютина въ суммѣ 9,500 рублей и т. д.), даетъ поводъ предполагать, что Милютинъ взыскивалъ съ Бузова *только* присужденные ему сенатомъ 9,500 р., а самое присужденіе этой суммы можетъ быть объяснено тѣмъ, что выраженный въ роспискѣ отказъ Милютина отъ претензіи къ Бузову не освобождалъ послѣдняго, какъ должностное лицо, отъ гражданской отвѣтственности передъ Милютинымъ. Ошибочны наши догадки или неошибочны — во всякомъ случаѣ ясно, что серьезный разборъ мотивированнаго рѣшенія требуетъ прежде всего знанія его мотивовъ. Торопливое нападеніе на судъ, основанное на однихъ предположеніяхъ, можетъ быть названо какъ угодно, только не критикой. Любопытно было бы знать, насколько увеличится въ тѣхъ же сфе-

рахъ раздраженіе противъ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, въ виду состоявшейся недавно отмѣны рѣшенія с.-петербургскаго окружнаго суда по дѣлу кронштадтскаго коммерческаго банка [1]) — рѣшенія, которымъ былъ оправданъ кн. Оболенскій, постоянно пользовавшійся защитой „Московскихъ Вѣдомостей? Судя по резолюціи сената, кассаціонная жалоба кн. Оболенскаго, въ которой онъ доказывалъ неправильность самаго привлеченія его къ дѣлу, оставлена безъ послѣдствій, а рѣшеніе кассировано лишь вслѣдствіе протеста прокурора и жалобъ гражданскихъ истцевъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Саратовъ.—Ноябрь, 1883.

Въ послѣднее время у насъ, въ Саратовѣ, мѣстное общество обратило весьма серьёзное вниманіе на матеріальную поддержку учащихся, очень часто нуждающихся въ насущномъ кускѣ хлѣба.

Странно видѣть, какъ съ одной стороны проявляется повсюду неудержимое влеченіе къ грамотѣ, а съ другой — крайняя бѣдность, заставляющая дѣлать въ народномъ образованіи два шага впередъ и шагъ назадъ! Жажда грамотности и знаній, развивающаяся съ теченіемъ времени все сильнѣе и сильнѣе во всѣхъ слояхъ населенія, становится непреодолимою. Лѣтъ десять-девять назадъ говорили, что причиною тому былъ „Уставъ о воинской повинности", представляющій школьному аттестату извѣстныя льготы. Не отвергаемъ нѣкоторой доли справедливости въ этомъ мнѣніи; но нельзя не замѣтить и того, что если уставъ и имѣлъ значеніе двигателя къ образованію, то лишь въ первые года его существованія и притомъ далеко не общее для всѣхъ. Въ настоящее время, когда воинскую повинность успѣли отбыть уже нѣсколько возрастовъ молодыхъ людей изъ высшаго и средняго общественныхъ классовъ, къ этой новинкѣ присмотрѣлись настолько, что она не пугаетъ уже никого, и потому давно перестали говорить, что въ дѣлѣ народнаго образованія уставу при-

[1]) Объ этомъ дѣлѣ см. Внутр. Обозр., въ №№ 5 и 6 „Вѣстника Европы за текущій годъ.

надлежитъ чуть ли не первенствующее мѣсто. Извѣстно также, что воинская повинность на женщинъ не распространяется, а между тѣмъ число обучающихся дѣвочекъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Нѣтъ; поставило населеніе на образовательный путь, еще ранѣе устава, — освобожденіе крестьянъ, а потомъ дарованіе народу самоуправленія, на обязанности котораго лежитъ и народное образованіе. Оно пересоздало весь складъ жизни и указало на ея требованія и нужды, не матеріальныя только, но и духовныя. Населеніе было поставлено лицомъ къ лицу съ этою нуждою, а разъ ему предоставили самолично справляться съ своимъ мірскимъ дѣломъ и заботиться о собственной пользѣ, не могло же оно блуждать въ потьмахъ; желаніе устроить свою жизнь, если не лучше, то по меньшей мѣрѣ вровень съ другими и придать этому устройству основательность и прочность, заставляло искать способъ къ улучшенію, а это достигается не всегда одною опытностію, но грамотою и знаніемъ.

Приведу примѣръ. Въ дореформенное время въ селеніяхъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ существовали волостныя училища,—обставленныя довольно хорошо; но крестьянство, состоявшее тогда въ административной опекѣ, которой принадлежалъ весь внутренній распорядокъ его жизни, всѣ заботы о его пользахъ и нуждахъ,—не сознавало потребности въ грамотѣ (говорю о массѣ), смотрѣло на ученье какъ на повинность и употребляло всѣ возможныя и невозможныя средства, чтобы избавиться отъ нея. Продолжалось это до 19-го февраля 1861 года, и хотя Положеніе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ не касалось пока крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ, но уже и въ ихъ средѣ начало пробиваться сознательное отношеніе къ грамотѣ; нынѣ же крестьяне сами подаютъ петиціи земству объ открытіи у нихъ школъ, горячо отстаиваютъ на собраніяхъ школьное дѣло и сѣтуютъ, если просьбы ихъ остаются неудовлетворенными. Не говоря о старшихъ, сами дѣти терзаются и плачутъ, оставшись не принятыми въ школу по тѣснотѣ помѣщенія или по недостатку свободныхъ вакансій.

Существованіе въ крестьянской средѣ духовной потребности къ ученью не подлежитъ въ наше время ни малѣйшему сомнѣнію, и отрицать ее могутъ только люди, сами закоснѣвшіе въ дореформенныхъ традиціяхъ. Но высшія духовныя потребности сами по себѣ, а на ряду съ ними усиленному распространенію грамотности въ крестьянствѣ помогали и мѣстныя экономическія условія. Не разъ приходилось слышать, какъ крестьянинъ „по нонѣшнимъ временамъ" считаетъ необходимымъ посылать „парнишку" въ школу въ соображеніяхъ чисто практическихъ, твердо вѣруя, что онъ, по выходѣ изъ училища, будетъ знать счетъ, сможетъ написать росписку, а, по-

жалуй, и прошеніе. Эти: счетъ, росписка и прошеніе—чисто уже мѣстныя бытовые признаки, созданные эксплоататоромъ нашего многоземелья. Не имѣя другихъ средствъ бороться съ недобросовѣстностію „Колупаева", крестьянинъ ищетъ въ грамотѣ того оплота, которымъ надѣется оградить въ будущемъ своихъ дѣтей.

Стремленіе къ образованію въ городѣ еще значительнѣе деревенскаго; но ищущему научныхъ познаній нерѣдко приходится отступать предъ тѣми препятствіями, которыя встрѣчаются на этомъ пути.

Такую горькую участь испытываютъ, конечно, не всѣ, а извѣстное число семействъ, для дѣтей которыхъ школа необходима несравненно больше, нежели для дѣтей людей состоятельныхъ. Въ крайнемъ случаѣ, послѣдніе имѣютъ возможность, не задерживая образованія своихъ дѣтей, воспитывать ихъ или дома, или въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а неимущему человѣку недоступно ни то, ни другое, и единственнымъ спасеніемъ для его дѣтей является школа. Потому-то во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и преобладаетъ большинство бѣдняковъ.

Однако же прежде, чѣмъ ребенокъ поступитъ въ школу, и самъ онъ, и вся семья его переживаютъ цѣлый рядъ мучительныхъ заботъ и нравственныхъ терзаній. Необходимо научно подготовить ребенка, прилично одѣть и обуть его, чтобы представить на пріемный экзаменъ и, наконецъ, сдать этотъ экзаменъ. А пріемные экзамены въ наши дни стали похожими на лотерею, ибо на каждую свободную вакансію является по десяти кандидатовъ, а вслѣдствіе этого, если желаешь, напримѣръ, помѣстить мальчика въ первый классъ, приготовь его ко второму, надежнѣе будетъ. Теперь, прошу васъ, вникнуть въ положеніе испытываемаго ребенка, когда онъ заранѣе знаетъ, что изъ десяти кандидатовъ девять должны быть забракованы! А положеніе его старшихъ еще отчаяннѣе. Куда дѣть мальчика, если не примутъ?—Вотъ вопросъ, который не даетъ имъ покоя. Ожидать слѣдующаго года—значитъ подготовлять опять, но уже къ высшему классу, а тамъ, на пріемномъ испытаніи можетъ повториться то же, что случилось въ прошломъ году. Но, оставлю въ сторонѣ эти по истинѣ тяжкія и самыя скорбныя въ жизни минуты; если ужъ и онѣ не сдерживаютъ стремленія къ школѣ—значитъ потребность въ образованіи стала насущной.

Предположимъ, что ребенокъ удачно выдержалъ испытаніе и поступилъ въ школу, посѣщаетъ классы и началъ уже освоиваться съ училищной жизнью; но приближается осень, нужно „построить" теплое платье, требуется взнести полугодичную плату за право ученія; сло-

вомъ—нужны деньги и деньги, а ихъ нѣтъ, и чѣмъ дальше продолжается ученіе ребенка, тѣмъ чаще повторяются подобные случаи.

Такое-то положеніе дѣлъ и помогло нашему обществу выказать сочувствіе къ дѣтямъ бѣдныхъ семействъ и нераздѣльно съ тѣмъ къ дѣлу народнаго образованія. Сочувствіе общества выражается въ видѣ благотворительности одинаково помогающей всѣмъ дѣтямъ, безъ различія ихъ общественнаго положенія. Въ этомъ-то, на мой взглядъ, и заключается достоинство филантропіи и свѣтлая сторона чистоты ея намѣреній, свидѣтельствующія, между прочимъ, о проникшемъ въ сознаніе общества убѣжденіи, что грамотою, какъ свѣтомъ и воздухомъ, могутъ пользоваться всѣ равномѣрно.

Не иначе, какъ сознаніе подобной истины подсказало намъ, два года тому назадъ, о необходимости учрежденія въ Саратовѣ особаго общества, съ цѣлію вспомоществованія неимущимъ дѣтямъ, обучающимся въ городскихъ школахъ. При помощи членскихъ взносовъ и особыхъ пожертвованій, общество это имѣетъ возможность матеріально помогать не малому числу бѣдняковъ, одѣвая и обувая ихъ (за право ученія въ городскихъ школахъ платы не полагается). Можетъ быть это и не особенно еще много, но большаго развитія дѣятельности, согласно назначеніямъ, опредѣленнымъ въ уставѣ, достигнуть общество не могло, по самой краткости срока своего существованія; на первый же разъ хорошо и то, что сдѣлано; дѣти все-таки получаютъ возможность посѣщать школу исправно, не пропуская уроковъ, а такая исправность, при условіяхъ прохожденія четырехлѣтняго курса по установленной программѣ, имѣетъ очень вѣское значеніе; ученикъ идетъ вровень съ другими и не оставляется въ классѣ на другой годъ по отсталости.

Послѣ того, образовалось подобное же общество въ пользу воспитанницъ женской гимназіи. Оно существуетъ всего второй годъ и дѣятельность его только еще въ починѣ; но и здѣсь не мало уже осушено слезъ.

Не упоминая о безпрерывномъ рядѣ пособій, оказываемыхъ нуждающимся въ нихъ, учрежденныя общества принесли пользу и въ томъ отношеніи, что помогли выяснить число дѣтей, нуждающихся въ посторонней помощи; при ихъ же посредствѣ обнаружились такія печальныя бытовыя картины, о которыхъ многіе не только не знали, но можетъ быть и не подозрѣвали даже существованія чего-либо подобнаго. Нужда опредѣляется однимъ общимъ именемъ, къ которому всѣ настолько прислушались, что оно не напоминаетъ уже о заключающейся въ немъ драмѣ, а между тѣмъ виды нужды очень различны. Есть, напримѣръ, нужда, когда человѣкъ считаетъ себя

несчастнѣйшимъ существомъ, если лишенъ возможности повинтить въ клубѣ; есть и такая, когда цѣлая семья имѣетъ горячую пищу только изрѣдка и покупаетъ мясо въ праздничные лишь дни; встрѣчаются, наконецъ, и такія, которыя ни того, ни другого не имѣютъ вовсе. Дѣтямъ этихъ-то послѣднихъ семействъ и помогаютъ существующія у насъ общества.

Остается мужская гимназія, самое дорогое изъ всѣхъ учебныхъ заведеній и потому болѣе другихъ обилующее бѣдняками, сторонняя помощь которымъ оказывается неизбѣжною. Дороговизна этого заведенія, не говоря о сорокарублевой платѣ за право ученія, обусловливается, главнымъ образомъ, формою. Форма гимназистокъ ограничена однимъ форменнымъ платьицемъ изъ самой дешевенькой матеріи; платьице простого покроя и носить его можно весь учебный годъ безъ перемѣны; форменнаго же верхняго платья и форменныхъ шляпокъ для нихъ не полагается вовсе. У гимназистовъ, напротивъ, три формы: мундирная пара, зимнія суконныя блузы и лѣтнія блузы, а какъ послѣднія дѣлаются изъ свѣтлой матеріи, то ихъ для самаго бережливаго и аккуратнаго мальчика все-таки требуется не меньше двухъ. За тѣмъ: пальто тоже форменное зимнее и лѣтнее, фуражки форменныя и опять зимнія синяго сукна и лѣтнія бѣлыя, даже галстухи и пояса къ блузамъ форменныя и, наконецъ, ранцы. Если сдѣлать все это попроще, то, соображаясь съ мѣстными цѣнами на матеріалы и работы, обойдется ни какъ не меньше 90 руб., а форменное платье приходится возобновлять каждый годъ, потому что, не говоря уже о нóскѣ, мальчикъ ростетъ и платье дѣлается негоднымъ къ употребленію.

Отнюдь не возражая противъ полезности формы, по существу, воспользуюсь случаемъ, чтобы привести тѣ практическія соображенія, которыя подсказываютъ условія современной жизни противъ обильнаго ея разнообразія. А именно: при увеличеніи цѣнъ на всѣ предметы существованія, разнообразіе это становится очень обременительнымъ для семействъ даже средней достаточности, потому что паденіе курса кредитнаго рубля ни на комъ не отозвалось такъ тягостно, какъ на людяхъ, существующихъ службою и заработкомъ. Большинство учениковъ гимназіи—дѣти лицъ, состоящихъ на службѣ военной, гражданской и частной; всѣ они продолжаютъ получать по своей службѣ опредѣленные оклады, а между тѣмъ прежняя сотня рублей превратилась теперь въ 60 и получаемое по службѣ содержаніе сократилось въ дѣйствительности на 40%; цѣны же на жизненные потребности не только не упали, но, какъ сказано выше, возвышаются, и возвышеніе это идетъ пропорціонально пониженію курса. Фактъ

такого свойства, настолько для всѣхъ очевиденъ и осязателенъ, что, въ ожиданіи вниманія свыше, о немъ можно бы и не упоминать; но нужда настоятельно стучитъ въ двери и не ждетъ, когда улучшатся обстоятельства. Мы видѣли, что, не считая обуви, учебниковъ, письменныхъ и учебныхъ принадлежностей, на что по снисходительному разсчету израсходуется ни какъ не менѣе 35 руб. въ годъ, только форма и плата за ученіе обходятся во 130 руб.; слѣдовательно, во сколько же обойдется все-то содержаніе одного мальчика въ гимназіи? А если у кого ихъ два, или три? Дальше. Если форма имѣетъ дисциплинарное значеніе, то и въ этомъ случаѣ она должна быть упрощена и удешевлена до минимума, какъ, напримѣръ, сдѣлано это для гимназистокъ. Кромѣ всего сказаннаго, нельзя не обратить вниманія и на то весьма важное въ дѣлѣ воспитанія обстоятельство, что при разнообразномъ обиліи формы дѣти излишне изнѣживаются, тогда какъ всѣмъ имъ, и въ недалекомъ будущемъ, придется служить солдатами, гдѣ обстановка совсѣмъ уже иная и привыкать къ ней будетъ не легко.

Послѣднее, тоже не маловажное въ дѣлѣ воспитанія обстоятельство заключается въ томъ, что недостатокъ того или другого форменнаго платья становится иногда поводомъ къ пропуску уроковъ.

По этому поводу приведу случай, бывшій въ нашей гимназіи. Одинъ изъ воспитанниковъ перестадъ посѣщать классы. Узнавъ объ этомъ, директоръ гимназіи навѣстилъ его и засталъ такую картину, которая выше всякаго описанія. Ученикъ сидѣлъ на печи и повторялъ Корнелія Непота. Оказалось, что классику не въ чемъ выйти изъ дома; форма, сто разъ чиненная, развалилась, наконецъ, до невозможности починить ее; у воспитанника не было даже бѣлья; квартира (не буду говорить какая) не отоплена, семья вторыя сутки безъ пищи. Директоръ взялъ классика съ собою, накормилъ его, свозилъ въ баню и отмылъ тамъ, купилъ ему платье, бѣлье, обувь и назначилъ пособіе.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходится учиться и учить, а не учиться нельзя уже и потому, что воспитанникъ идетъ очень успѣшно.

Говорятъ: „бѣдность—не порокъ“; конечно, не порокъ, тѣмъ менѣе для мальчика нисколько въ ней не повиннаго; но она конфузитъ его, отравляетъ бытіе, извращаетъ жизнь. Слѣдовательно, чѣмъ менѣе причинъ къ проявленію бѣдности, тѣмъ полезнѣе и лучше.

Устраненіемъ подобныхъ то причинъ и озабочено наше общество. Нужда, подобная разсказанной мною, въ *доброе* старое время прошла, пожалуй, бы незамѣченною. „Бѣденъ—не учись“—сказали бы тогда —и только! Не въ чемъ мальчику ходить въ школу, перестаяъ онъ

посѣщать ее, черезъ извѣстный срокъ его исключили, тѣмъ и закончился бы образовательный періодъ ребенка. Въ какой порѣ умственнаго и нравственнаго развитія застигло его подобное несчастіе, какъ отозвалось оно на дальнѣйшей его судьбѣ — подобными вопросами никто себя не обременялъ. Теперь совсѣмъ не то. Заботы правительства о народномъ просвѣщеніи не остаются безъ подражанія и со стороны народа, и помогаетъ онъ ему въ той формѣ, какая для него доступна, т.-е. посредствомъ благотворительности.

Такъ, напримѣръ, въ прошломъ мартѣ мѣстныя газеты наши извѣстили, что изъ мужской гимназіи предназначено къ исключенію за невзносъ платы 168 учениковъ. Въ обществѣ тотчасъ же нашлись люди, способные откликнуться подобной бѣдѣ и взнесли плату. Въ минувшемъ октябрѣ повторилось опять то же [1]). Кромѣ мужской гимназіи, и въ женской угрожало исключеніе 160 воспитанницамъ по той же причинѣ. Въ пользу ихъ былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ, чистый сборъ съ котораго, за покрытіемъ расходовъ, далъ свыше 1000 руб. и кромѣ того, были особыя пожертвованія. Нужда была отвращена. Наконецъ, въ пользу недостаточныхъ учениковъ городскихъ школъ былъ данъ концертъ-спектакль. Сборъ, вмѣстѣ съ пожертвованіями, далъ тоже весьма солидную цифру.

Отрадно сообщать о явленіяхъ подобнаго рода, потому что въ этихъ дружныхъ пожертвованіяхъ каждая копѣйка служитъ указателемъ чувства, переживаемаго въ извѣстный моментъ цѣлымъ обществомъ. А подобныя чувства не свидѣтельствуютъ ли о пробужденіи общества, о благородномъ стремленіи его къ развитію грамотности? Не доказываютъ ли также и того, что жажда къ ученію одинаково охватываетъ всѣ общественныя сословія?

Подъ руками у меня есть за нѣкоторые годы отчеты мѣстнаго статистическаго комитета. На основаніи заключающихся въ нихъ цифръ, приведу сдѣланные мною выводы, показывающіе развитіе образованія въ саратовской губерніи. Къ сожалѣнію, отчетовъ за 1873—76 года у меня совсѣмъ нѣтъ, а въ остальныхъ — свѣдѣнія по взятому мною отдѣлу такъ сжаты и не ясны, что ручаться за бухгалтерскую точность приводимыхъ ниже цифръ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, не могу и потому буду просить считать эти выводы приблизительными. Такъ, напримѣръ, по неуказанію какъ велико было число учащихся въ 1870 году, цифра выведена мною на основаніи процентнаго вычисленія; въ отчетѣ за 1882 годъ не показано—вошли ли въ общій счетъ магометанскія національныя школы, и потому татарское населеніе мною исключено.

---

[1]) Не представившихъ плату было несравненно меньше.

	На какое число жителей причиталось одно учебное заведеніе: въ Саратовѣ.	въ уѣздн. городахъ.	въ уѣздахъ.	Общее число уч. заведеній въ губерніи.	Число учащихся. Мальч.	Дѣвоч.	Всего.
1870	3395	5132	6911	326	7407	736	8143
1871	2846	3889	3175	547	25705	12146	37851
1872	2606	3488	2814	618	34815	16979	51795
1877	2688	4028	2792	678	46255	18462	64717
1878	2205	3001	3005	652	42361	17765	60126
1879	2310	2912	3474	577	43022	20185	63207
1880	2445	3022	3815	603	44593	20579	65112
1881	2266	2964	2882	587	44174	20183	64357
1882	2296	2867	2700	719	60150	35010	95160

Частное распредѣленіе цифръ за 1882 годъ показываетъ, что всѣхъ учебныхъ заведеній въ этомъ году было: въ Саратовѣ, при населеніи свыше 112 т., 49 (въ томъ числѣ 5 частныхъ); обучалось въ нихъ: м. 3,904 и д. 3,195, всего 7,135, т.-е. среднимъ числомъ по 145,6 въ каждомъ заведеніи.

Въ девяти уѣздныхъ городахъ и одномъ безъуѣздномъ, при общей цифрѣ населенія свыше 172 т., 60 учебныхъ заведеній (въ томъ числѣ 4 частныхъ); обучалось: м. 4,837 и д. 2,006, всего 6,843; причитается на школу 114 дѣтей.

Въ 10-ти уѣздахъ, при населеніи свыше 1,746 т., 610 школъ (въ числѣ ихъ 1 частная и 1 земледѣльческое училище); обучалось: м. 51,373 и д. 29,809, всего 81,182, по 133 на каждую школу.

Вообще же за 13-ти лѣтній періодъ времени по статистическимъ отчетамъ можно сдѣлать такіе выводы: народонаселеніе губерніи увеличилось на 25%. Число школъ больше чѣмъ удвоилось, число учащихся увеличилось больше чѣмъ въ одиннадцать съ половиною разъ, среднее число учениковъ въ каждой школѣ съ 25-ти въ 1870 году достигло въ 1882—131; наконецъ, по отношенію къ общему числу жителей 1 учащійся причитался:

	Въ Саратовѣ. м.	д.	Въ городахъ. м.	д.	Въ уѣздахъ. м.	д.	Всего. м.	д.
Въ 1870 году.	30,8	36,6	44,1	134,1	108	1200	61	458
» 1882 »	15,3	16,2	17,1	44,6	16,6	29,8	16,3	30,2

Основываясь на приведенныхъ данныхъ, обратимъ вниманіе прежде всего на тотъ фактъ, что успѣхи развитія народнаго образованія дѣйствительно находятся въ прямой и непосредственной зависимости отъ матеріальной обезпеченности, отъ условій экономическихъ, и что въ тяжкіе годы всеобщаго оскудѣнія оно сокращается, при условіяхъ же болѣе благопріятныхъ возрастаетъ опять. Такъ, изъ первой таблицы видно, что въ 77-мъ году число школъ воз-

расло до 678, а число учащихся до 64,717, а потомъ, по случаю неурожаевъ, прямымъ послѣдствіемъ которыхъ были голодъ и болѣзни, цифры начинаютъ колебаться и только въ 1882 году, т.-е. послѣ двухъ лѣтъ кряду средняго урожая въ губерніи, число школъ разомъ увеличивается на 132, а число учащихся на 30 т. Нельзя не признать, что это послѣднее обстоятельство, какъ нельзя осязательнѣе, доказываетъ, что грамотность была поставлена народомъ въ числѣ первыхъ потребностей, которую онъ счелъ нужнымъ выполнить, оправляясь послѣ бѣдствій неурожаевъ. Не отражается ли по этому на крестьянской школѣ, ощутительнѣе нежели на чемъ другомъ, по опредѣленію Гл. Успенскаго „власть земли"? Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ въ селахъ прибавилось 91 школа, а тамъ вѣдь нѣтъ благотворительныхъ обществъ и помогать учащемуся некому. Тамъ одни Святогоры хлопочутъ надъ тѣмъ, чтобы поднять котомку Микулы Селяниновича, въ которой лежитъ „земская тягота" и хлопочутъ, какъ указываютъ намъ цифры, не безъ успѣха: процентъ учащихся въ деревнѣ перегналъ уѣздный городъ, да и до Саратова осталось не особенно далеко. Совсѣмъ иное явленіе представляютъ намъ наши города, такъ называемые центры умственнаго и промышленнаго развитія. Въ уѣздныхъ городахъ прибавилось за это время только 6 школъ, а въ Саратовѣ—ровно ни одной. Здѣсь вотъ уже 4 года число учебныхъ заведеній не выходитъ изъ цифры 49, а между тѣмъ число желающихъ учиться и не принятыхъ въ школы, по неимѣнію мѣстъ, увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ чемъ отыскивать причину такой остановки, объяснить не трудно: „По неимѣнію средствъ" и т. д. Мало того, что въ Саратовѣ недостаетъ городскихъ школъ, у насъ до сихъ поръ одна мужская гимназія и одна женская, и на Саратовъ, и на смежные уѣздные города, и на прилегающій къ намъ новоузенскій уѣздъ самарской губерніи. Въ мужской гимназіи помѣщается до 600 воспитанниковъ, въ женской—около того. Можете по этому представить—что это за тѣснота! Если ужъ не ради успѣховъ просвѣщенія, то, по меньшей мѣрѣ, въ цѣляхъ гигіеническихъ и санитарныхъ, слѣдовало бы озаботиться городскому управленію объ учрежденіи двухъ прогимназій, ради сохраненія здоровья и силъ дѣтей; но объ этомъ слуховъ пока нѣтъ. Городское управленіе озабочено въ настоящее время вопросомъ о введеніи въ Саратовѣ—электрическаго освѣщенія!

Желалъ бы сообщить и по этому предмету нѣкоторыя свѣдѣнія; но письмо и безъ того длинно; отложу до другого раза.

Н. И.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое декабря, 1883.

Событія въ Сербіи и Болгаріи.—Слабость монархическихъ традицій и несоотвѣтствующая ей политика.—Министерство Христича и междоусобная война. — Отзывы европейской печати и „предостереженіе“ Гладстона.—Программа сербскихъ радикаловъ.—Особенности болгарскаго кризиса. — Князь Александръ I и король Миланъ.—Газетныя разсужденія о войнѣ.—Свиданіе двухъ министровъ и быстрый поворотъ въ сторону мира.—Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ.

Странное и въ то же время поучительное зрѣлище представили мелкія славянскія государства Балканскаго полуострова къ концу 1883 года.

Народы, находившіеся подъ властью турокъ, долго и упорно стремились къ самостоятельному управленію; они мечтали о томъ времени, когда будутъ имѣть особыхъ христіанскихъ государей, и когда правильное внутреннее развитіе сдѣлается возможнымъ подъ покровомъ внѣшней независимости. Этотъ идеалъ осуществился уже сравнительно давно для сербскихъ патріотовъ; отчасти онъ достигнутъ и болгарами. Чтó же оказывается въ результатѣ? Правители, которыхъ избрали себѣ освобожденные народы, ведутъ съ ними явную или тайную борьбу, забывъ и происхожденіе, и характеръ своихъ полномочій. Въ Сербіи дѣло дошло до открытаго возстанія, и оружіе, дѣйствовавшее когда-то противъ турокъ, направилось нынѣ противъ новаго христіанскаго режима, продолжающаго во многихъ отношеніяхъ турецкія традиціи. Болѣе мягкія формы принялъ кризисъ въ Болгаріи, отчасти благодаря тому, что болгарская армія, организованная подъ руководствомъ русскихъ офицеровъ, не находится еще въ полномъ распоряженіи князя Александра и не можетъ быть употреблена имъ противъ населенія.

Сербія не была особенно счастлива въ выборѣ своихъ правителей; она мѣняла ихъ нѣсколько разъ со времени своего освобожденія и не могла еще до сихъ поръ обезпечить за собою надлежащее политическое спокойствіе. Войны за независимость въ началѣ текущаго столѣтія выдвинули двухъ вождей, съумѣвшихъ воспользоваться своимъ положеніемъ для пріобрѣтенія власти надъ народомъ; это были родоначальники двухъ династій—Карагеоргіевичей и Обреновичей. Милошъ Обреновичъ, родомъ изъ крестьянъ Ужицкаго уѣзда, занялъ мѣсто правителя послѣ смерти народнаго героя, Георгія Чернаго. Получивъ отъ народной скупштины титулъ сербскаго

князя, онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи султаномъ; затѣмъ княжескій титулъ признанъ наслѣдственнымъ въ фамиліи Обреновичей. Милошъ управлялъ настолько круто, что его господству былъ скоро положенъ конецъ; онъ вынужденъ былъ отречься отъ престола въ пользу своихъ сыновей. Въ 1842 году бѣгство князя Михаила побудило сербскую скупштину сдѣлать новый выборъ: княземъ назначенъ былъ сынъ Георгія Чернаго, Александръ. Но впослѣдствіи и этотъ князь утратилъ популярность; Обреновичи вновь вернули себѣ власть, въ лицѣ Михаила. Въ 1868 году князь Михаилъ погибъ жертвою заговора, въ которомъ подозрѣвали участіе Карагеоргіевичей. Подъ вліяніемъ общаго раздраженія, вызваннаго этимъ убійствомъ, въ достоинство князя былъ немедленно возведенъ племянникъ убитаго, юный Миланъ, воспитывавшійся въ то время въ Парижѣ. Въ періодъ его несовершеннолѣтія (до 1872 года) Сербія управлялась регентствомъ, во главѣ котораго стоялъ энергическій Іованъ Ристичъ.

Такимъ образомъ, нынѣшній король сербскій, Миланъ Обреновичъ IV, не имѣетъ за собою особенно сильныхъ монархическихъ преданій; своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ прежде всего случаю и доброй волѣ народа. Многіе сербскіе старожилы помнятъ еще старика Милоша; и имъ трудно, конечно, смотрѣть на Милана, какъ на монарха въ европейскомъ историческомъ смыслѣ этого слова. Самъ князь Миланъ сознавалъ особенность своего положенія, пока не сблизился съ атмосферою вѣнскаго двора. Въ роскошной обстановкѣ одной изъ древнѣйшихъ династій въ Европѣ, принятый на равной ногѣ съ могущественными друзьями и союзниками австрійскаго императора, пользуясь всевозможнымъ вниманіемъ принцевъ и сановниковъ, молодой правитель Сербіи чувствовалъ себя настоящимъ потентатомъ; онъ легко усвоилъ себѣ понятія, не имѣющія ничего общаго съ политическимъ положеніемъ Сербіи. Онъ научился тому, что вышло уже изъ моды въ самой Австріи, онъ пересталъ дорожить мнѣніями сербскаго народа и втянулъ страну въ кругъ австрійскихъ интересовъ, несмотря на крайнюю непопулярность ихъ среди населенія. Отсюда возникъ разладъ, который плохо прикрывался жалобами на усиленіе оппозиціоннаго духа и на мнимыя опасности радикализма. Мягкій и мирный по природѣ, князь Миланъ считалъ для себя обязательнымъ твердо держаться системы, принятой между сторонниками крѣпкой власти въ военно-монархическихъ государствахъ. Иностранныя придворныя вліянія дѣйствовали на него какъ-то своеобразно, особенно послѣ возведенія его въ санъ короля; наиболѣе крутыя убѣжденія вынесъ онъ, повидимому, изъ германскихъ маневровъ близъ Гомбурга, гдѣ его окружала, въ теченіе нѣсколькихъ дней, блестящая и воинственная свита императора Вильгельма.

Когда выборы въ народную скупштину оказались не въ пользу министерства Пирочанца, то во всей европейской печати не было ни одного голоса, который усомнился бы въ обязанности короля Милана измѣнить свою политику, сообразно желаніямъ большинства избирателей. Но король поступилъ совершенно иначе: пріѣхавъ изъ Гомбурга, онъ сдѣлалъ своего рода государственный переворотъ, поразившій всѣхъ своею неожиданностью. Онъ поручилъ составленіе кабинета старому служакѣ, Николаю Христичу, бывшему фельдфебелемъ еще при Милошѣ Обреновичѣ и давно уже удалившемуся отъ дѣлъ. Христичъ, человѣкъ крутого нрава, долженъ былъ усмирить оппозицію и подавить народныя симпатіи, выразившіяся въ избраніи либераловъ. Скупштина была распущена, произведено много арестовъ, и приступлено къ весьма рискованной мѣрѣ—къ отнятію у поселянъ оружія, съ которымъ они не разставались со времени войнъ за освобожденіе. Время и способъ исполненія этой мѣры выбраны были какъ будто нарочно для того, чтобы произвести вооруженное столкновеніе между войсками и народомъ. Цѣль была достигнута: поселяне вспомнили старину, когда приходилось воевать съ турками, и образовали значительные отряды, подъ предводительствомъ мѣстныхъ дѣятелей, для защиты своихъ старинныхъ правъ. Очень можетъ быть, что народъ придавалъ ошибочное значеніе дѣйствіямъ правительства, видя въ нихъ посягательство на свои права и на свою свободу; возможно также, что сопротивленіе организовалось при участіи такъ-называемой радикальной партіи, недовольной королемъ Миланомъ и его совѣтниками. Распоряженія Христича во всякомъ случаѣ послужили ближайшимъ поводомъ къ возстанію, которое вскорѣ охватило восточныя и южныя мѣстности Сербіи. Возставшіе дѣйствовали по извѣстному плану; противъ нихъ выставлена была почти половина всей сербской арміи, подъ начальствомъ генерала Николича. Произошло нѣсколько сраженій, въ которыхъ погибло болѣе 300 человѣкъ. Войска вытѣснили инсургентовъ изъ занятыхъ ими городовъ—Зайчара, Княжеваца и Алексинаца; нѣкоторые отряды разбѣжались, оставивъ своихъ вождей въ рукахъ побѣдителей. Многіе члены скупштины попались въ плѣнъ или арестованы, въ качествѣ предполагаемыхъ или дѣйствительныхъ участниковъ мятежа; всѣ члены радикальнаго комитета, существовавшаго въ Бѣлградѣ, захвачены и преданы суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Особыми королевскими указами введено осадное положеніе въ мятежныхъ округахъ, пріостановлено дѣйствіе законовъ о печати и о сходкахъ, учрежденъ спеціальный судъ для политическихъ и общихъ преступленій.

Наружное, уличное спокойствіе водворилось въ Сербіи; обществен-

ное недовольство ушло внутрь, скрываясь до болѣе удобнаго случая. Народъ начинаетъ смотрѣть на правительство какъ на своего врага, благодаря усердію охранителей. Затаенное раздраженіе связывается съ воспоминаніями о недалекомъ прошломъ: всѣ лучшіе элементы сербскаго общества оглядываются вокругъ, отыскивая какъ будто точку опоры для остановленнаго мирнаго развитія страны. Иностранная печать, даже австрійская, единодушно осуждала сербскихъ министровъ и не находила никакого оправданія внезапному нарушенію государственныхъ законовъ Сербіи. Даже самыя консервативныя вѣнскія газеты признавали, что король Миланъ не можетъ и не долженъ держаться политики, которой не одобряетъ большинство сербскихъ избирателей. Въ Австріи и Германіи никому не приходило въ голову, что паденіе сочувственнаго нѣмцамъ кабинета Пирочанца можетъ остаться безъ вліянія на направленіе сербскаго правительства; повсюду ожидали, что король по необходимости обратится къ дѣятелямъ, которыхъ указало ему общественное мнѣніе, выразившееся въ результатѣ выборовъ. Нужно замѣтить, что эти дѣятели относились враждебно къ австрійскому покровительству и стояли за болѣе самостоятельную политику; поэтому торжество ихъ должно было считаться крайне непріятнымъ для Австро-Венгріи. Однако, нѣмецкія газеты съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ высказывались въ пользу строго конституціоннаго рѣшенія кризиса, хотя бы въ ущербъ австрійскимъ интересамъ; ибо въ западной Европѣ господствуетъ старая аксіома, что въ государственныхъ дѣлахъ ничто не прочно безъ поддержки и одобренія народа. Въ этомъ смыслѣ дѣйствія Христича порицаются даже вѣнскою „Neue freie Presse“, несмотря на то, что она готова видѣть въ сербскихъ радикалахъ слѣпое орудіе Россіи. Мюнхенская „Allgemeine Zeitung“ полагаетъ, что король Миланъ рискуетъ потерять свой престолъ, если онъ будетъ дѣйствовать наперекоръ народнымъ желаніямъ. „Слѣдовало бы самымъ настоятельнымъ образомъ удерживать правительство Сербіи отъ подобныхъ мѣръ, — говоритъ названная газета: — энергія, которою хвалятся совѣтники короля, и которую они стараются доказать своими суровыми распоряженіями, полезна только въ томъ случаѣ, когда она руководится правильнымъ пониманіемъ и оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Такихъ мотивовъ не видно въ послѣднихъ мѣрахъ министерства Христича. Это министерство совершенно не понимаетъ своей задачи, если находитъ ее въ грубой борьбѣ противъ законныхъ учрежденій страны“.

Странность сербскихъ событій заключается именно въ томъ, что они разыгрались послѣ сближенія короля Милана съ двумя просвѣщенными державами центральной Европы. Наивные проповѣдники само-

бытности могутъ видѣть въ этомъ фактѣ доказательство вреднаго вліянія Запада; но какъ смотрятъ на новѣйшій поворотъ въ сербскихъ дѣлахъ даже заинтересованные въ нихъ элементы общественнаго мнѣнія на Западѣ, — это лучше всего можно видѣть изъ рѣзкихъ замѣчаній австрійскихъ и германскихъ газетъ. Въ томъ же духѣ выразился несравненно болѣе авторитетный представитель западной Европы, глава британскаго кабинета, Гладстонъ, въ устахъ котораго отзывъ о дѣйствіяхъ короля Милана пріобрѣтаетъ важность дипломатическаго предостереженія. Конечно, Гладстонъ ограничился общимъ указаніемъ, не называя никого по имени; но кто прочиталъ его рѣчь, произнесенную 9 ноября на обычномъ банкетѣ лондонскаго лорда-мэра,—тотъ не могъ не обратить вниманія на слѣдующія слова министра: „Мы увѣрены и надѣемся, что мелкіе государи, которые, можно сказать, только недавно получили свое существованіе, не отстанутъ отъ великихъ державъ по благоразумію своихъ воззрѣній, и что на Балканскомъ полуостровѣ правители отдѣльныхъ народностей будутъ искать свою силу въ простомъ, естественномъ и постоянномъ источникѣ силы, — а именно, въ добрыхъ чувствахъ и мнѣніяхъ населенія, основывающихся на доказанномъ опытомъ желаніи правительствъ соблюдать принятыя на себя обязательства и поддерживать общественные интересы". Король Миланъ и князь Александръ болгарскій, вѣроятно, приняли къ свѣдѣнію замѣчаніе англійскаго премьера, которое служитъ лишь вѣрнымъ отголоскомъ общаго европейскаго мнѣнія относительно правъ и обязанностей правительствъ.

Любопытно, что въ Сербіи такъ-называемая радикальная оппозиція стоитъ за союзъ съ Россіею и разсчитываетъ на ея поддержку, тогда какъ консерваторы склоняются на сторону Австро-Венгріи. То же явленіе замѣчается и въ Болгаріи, гдѣ приверженцы русской политики называются либералами. Названія партій, впрочемъ, не отличаются точностью въ обѣихъ странахъ. Партія бывшаго министерства Пирочанца, имѣющая своимъ органомъ газету „Видело", носитъ названіе прогрессистской, хотя она въ сущности вполнѣ консервативна; а радикалы, которымъ приписываются самыя превратныя и вредныя тенденціи, сходятся во многомъ съ требованіями здраваго либерализма, которыя выставлялись ими болѣе или менѣе рѣзко въ газетѣ „Самоуправа". Для доказательства того, что стремленія радикаловъ преступны, газета „Видело" обнародовала проектъ пересмотра конституціи, составленный членами сербской радикальной партіи въ Бѣлградѣ, лѣтомъ настоящаго года. Сербскій государственный „уставъ" 1869 года довольно либераленъ: онъ признаетъ министровъ отвѣтственными передъ народ-

нымъ собраніемъ, предоставляетъ законодательную власть скупштинѣ и князю, подтверждаетъ права скупштины, какъ совѣщательной палаты, созываемой ежегодно, и, наконецъ, учреждаетъ государственный совѣтъ (изъ прежняго сената) для выработки новыхъ законовъ. Какія же измѣненія или нововведенія предлагаются радикалами въ ихъ „преступномъ" проектѣ? Большею частью они относятся къ такимъ принципамъ, которые и безъ того фактически существуютъ въ демократическомъ устройствѣ Сербіи; или они касаются правилъ второстепенныхъ, не имѣющихъ особеннаго значенія для вопроса о пересмотрѣ конституціи. Радикальный проектъ почти не затрогиваетъ тѣхъ „основъ", потрясеніе которыхъ предусмотрѣно уголовнымъ закономъ; въ проектѣ не говорится ни о республикѣ, ни о соціализмѣ. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые пункты проекта могутъ показаться страшными людямъ, не привыкшимъ къ терминологіи конституціонныхъ порядковъ; такъ въ первой же статьѣ высказано положеніе, что „сербскому народу принадлежитъ верховенство въ сербскомъ королевствѣ"; въ дальнѣйшихъ статьяхъ постановлено, что „никто изъ гражданъ Сербіи не можетъ пользоваться особыми преимуществами ни по рожденію, ни по мѣсту, ни по заслугамъ; никто не имѣетъ права на какіе-либо титулы"; граждане имѣютъ право собираться во всякое время и обсуждать свои дѣла, безъ разрѣшенія властей; они могутъ также учреждать всякаго рода общества экономическія, образовательныя и политическія; всѣмъ и каждому предоставляется свободно выражать свои мнѣнія, а газеты конфискуются только въ случаѣ прямого воззванія къ оружію; проступки, совершаемые путемъ печати, подлежать суду присяжныхъ; народная милиція признается народнымъ установленіемъ,—она не можетъ быть ни распущена, ни разоружена; сербское войско не можетъ быть употребляемо противъ кого бы то ни было въ странѣ, безъ разрѣшенія скупштины, за исключеніемъ случаевъ внезапнаго нашествія иноземной арміи; войско не можетъ быть отдано подъ начальство иностранца; оно не можетъ также соединиться съ чужою арміею безъ особаго разрѣшенія „великой народной скупштины"; всѣ военные и гражданскіе чины даютъ присягу на вѣрность конституціи.

Такова въ общихъ чертахъ программа сербской радикальной партіи. Въ ней не трудно найти намеки на то, чтó въ данное время наиболѣе безпокоитъ передовые кружки сербскаго общества; но намековъ на революцію тутъ нѣтъ никакихъ, и связывать приведенный проектъ съ возникшимъ впослѣдствіи междоусобіемъ было-бы неосновательно. Сербскіе поселяне, какъ и земледѣльцы другихъ странъ, отличаются вообще консервативнымъ характеромъ; они не могли бы рѣшиться на вооруженное сопротивленіе мѣрамъ правительства, еслибы

самыя эти мѣры не побудили ихъ къ отпору и еслибы притомъ не существовало общаго неудовольствія противъ образа дѣйствій короля Милана и его совѣтниковъ. Очевидно, что столь серьёзное возстаніе было бы совершенно немыслимо, при правительствѣ популярномъ и пользующемся заслуженнымъ общественнымъ довѣріемъ. Самое отобраніе оружія могло бы совершиться вполнѣ спокойно при нормальныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что эта мѣра въ сущности вытекала изъ новаго закона объ организаціи арміи, принятаго скупштиною въ прошлогоднюю сессію. Народная милиція упразднена, и взамѣнъ ея введена система пополненія регулярнаго войска на началахъ всеобщей воинской повинности; поэтому вопросъ о возвратѣ старыхъ казенныхъ ружей, остававшихся у поселянъ, не могъ бы возбудить особенныхъ затрудненій, еслибы онъ не имѣлъ за собою неудобной политической подкладки. Назначивъ главою министерства Николая Христича и распустивъ скупштину, прежде чѣмъ она успѣла приступить къ своимъ законнымъ занятіямъ, король Миланъ возстановилъ противъ себя значительную часть сербскаго населенія. Не такими способами укрѣпляется власть надъ народомъ, сознающимъ свои права и интересы; а сербы въ политическомъ отношеніи весьма развиты и настойчивы, по свидѣтельству даже враждебныхъ имъ наблюдателей.

Совершенно другимъ путемъ развился болгарскій кризисъ. Князь Александръ началъ съ того, что потребовалъ исключительныхъ полномочій на семилѣтній срокъ для устройства Болгаріи въ консервативномъ духѣ; а кончилъ онъ тѣмъ, что самъ же возстановилъ Тырновскій уставъ и вновь призвалъ къ власти тѣхъ популярныхъ дѣятелей, которые недавно еще преслѣдовались, въ качествѣ опасныхъ для князя народниковъ. Такому исходу кризиса содѣйствовало главнымъ образомъ вліятельное положеніе русскихъ офицеровъ и чиновниковъ въ Болгаріи. Отвергая народную партію, князь Александръ долженъ былъ опираться всецѣло на русскіе элементы, которые при всемъ своемъ важномъ значеніи не могли, конечно, замѣнить для него болгарскій народъ и его дѣйствительныхъ представителей. Покровительство Россіи чрезвычайно полезно и даже необходимо для Болгаріи; но все-таки управлять страною исключительно при внѣшней поддержкѣ, безъ содѣйствія туземныхъ общественныхъ силъ,—оказалось въ высшей степени неудобнымъ. Князь не всегда и не во всемъ былъ согласенъ съ русскими генералами, стоявшими во главѣ его администраціи; часто происходили разногласія и столкновенія, затруднявшія правильный ходъ дѣлъ и предвѣщавшія неминуемый кризисъ. Не чувствуя подъ собою надежной почвы, князь Александръ рѣшился сойтись съ отвергнутою народною партіею, выражающею

стремленія и чувства большинства образованныхъ болгаръ. Составлено было министерство Цанкова, Балабанова и другихъ; русскіе генералы получили разрѣшеніе выйти въ отставку и удалились изъ Болгаріи. Въ отвѣтъ на отозваніе изъ Софіи двухъ русскихъ офицеровъ, состоявшихъ лично при князѣ и которыми онъ особенно дорожилъ, князь Александръ принялъ мѣру нѣсколько крутую,—онъ уволилъ отъ службы всѣхъ вообще русскихъ, находившихся въ данное время въ составѣ болгарской арміи. Въ Европѣ крайне удивились этой рѣшимости болгарскаго князя вступать въ открытый споръ съ покровительствующею державою; отношенія Россіи къ Болгаріи настолько неизбѣжно-близки и касаются вопросовъ столь деликатныхъ, что попытка князя освободиться отъ русскаго вліянія должна была вызвать сильнѣйшее безпокойство въ мирныхъ сферахъ европейской дипломатіи. Давно уже извѣстно, что малѣйшее международное замѣшательство въ дѣлахъ Балканскаго полуострова способно сдѣлаться исходною точкою событій, которыхъ никто предвидѣть не можетъ; изъ ничтожныхъ волненій въ Герцеговинѣ выросла война 1877—1878 годовъ, не смотря на все миролюбіе тогдашнихъ правительствъ. Вотъ почему болгарскому кризису придано было важное значеніе въ Европѣ; опасались всякой перемѣны, могущей привести въ движеніе роковой восточный вопросъ. Въ Софію посланъ былъ энергическій и свѣдущій представитель Россіи по дѣламъ балканскимъ, назначенный недавно, какъ бы случайно, посланникомъ въ Бразилію. Въ то же время полковнику барону Каульбарсу поручено вести переговоры объ устройствѣ военнаго дѣла въ Болгаріи. Соглашеніе не заставило себя ждать, къ удовольствію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Сущность этого соглашенія заключается въ признаніи законнаго участія русскихъ офицеровъ въ болгарской военной организаціи, съ сохраненіемъ подчиненности ихъ русскому правительству. Военный министръ назначается княземъ изъ русскихъ офицеровъ, по соглашенію съ петербургскимъ кабинетомъ. Онъ отвѣтственъ предъ княземъ и народнымъ собраніемъ въ вопросахъ военныхъ и бюджетныхъ, оставаясь въ сторонѣ отъ всякихъ дѣлъ внутренней политики; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ русскій подданный, онъ подчиняется уполномоченному Россіи въ Болгаріи, согласно общимъ русскимъ законамъ. Русскіе офицеры принимаются въ болгарскую службу съ согласія русскаго правительства и не могутъ занимать должностей, соединенныхъ съ исполненіемъ полицейскихъ или гражданскихъ обязанностей; въ служебномъ отношеніи они зависятъ отъ военнаго министра. Соглашеніе имѣетъ силу на три года, и послѣ этого срока нынѣшніе русскіе офицеры, состоящіе на службѣ въ Болгаріи, должны быть замѣнены другими.

Такъ разрѣшился послѣдній кризисъ, поднявшій столько шуму въ патріотическихъ русскихъ газетахъ и отчасти также въ иностранной печати. У насъ повторялись старые упреки по поводу неблагодарности болгаръ, съ различными комментаріями, болѣе или менѣе обидными для народа, который долженъ обязательно питать къ намъ самыя лучшія чувства. Жалобы на неблагодарность раздавались уже во время войны, въ тотъ періодъ ея, когда заступничество наше навлекло на болгаръ страшныя бѣды и когда благодарить было еще не за что. „Вопросъ объ этой благодарности вовсе не праздный, — замѣчалъ г. Е. Утинъ въ своихъ „Письмахъ изъ Болгаріи", еще въ 1877 г.—такъ какъ порождая въ данную минуту нѣкоторую холодность, въ будущемъ онъ можетъ содѣйствовать установленію до извѣстной степени недружелюбныхъ отношеній между нами и другими славянскими народами". Частыя обвиненія болгаръ въ неблагодарности объясняются, по словамъ автора, недостаточнымъ знакомствомъ съ исторіею болгарскаго народа, преувеличеннымъ представленіемъ о тѣхъ мнимыхъ благодѣяніяхъ, которыя мы оказывали болгарамъ въ ихъ прошломъ, и наконецъ какимъ-то чисто-фантастическимъ понятіемъ о безпредѣльной любви, питаемой къ намъ южными славянами. „Народъ чуждъ сантиментальности, онъ не знаетъ платонической любви. Любовью своею онъ платитъ только за дѣйствительно оказанныя ему услуги, а не за слова и намѣренія; между тѣмъ до результатовъ послѣдней войны, кромѣ добрыхъ намѣреній, болгары отъ насъ не имѣли ничего другого. Да наконецъ и эти намѣренія могли представляться имъ не вполнѣ искренними" (стр. 242 и др.). По догадкѣ того же автора, мы требуемъ и ждемъ благодарности отъ другихъ отчасти потому, что сами привыкли благодарить и быть благодарными по отношенію къ начальству: „Въ силу историческихъ преданій, мы только и знаемъ, что благодаримъ. Благодарность не сходитъ съ нашихъ устъ. Каждый успѣхъ въ нашей общественной жизни мы разсматриваемъ какъ подачку, которая зависитъ отъ благопріятной случайности. Хотятъ—дадутъ, хотятъ—не дадутъ; сегодня дали, завтра взяли. Что же мудренаго, если мы, такъ сказать, исторически воспитавшіеся въ чувствѣ благодарности, требуемъ ея и отъ другихъ, имѣющихъ счастье или несчастье приходить съ нами въ столкновеніе". Характеристика русско-болгарскихъ отношеній, сдѣланная пять лѣтъ тому назадъ, во многомъ сохраняетъ свою силу по настоящее время. Страсти, возбужденныя войною, давно улеглись; недоразумѣнія и неудачи позабыты, а слово „благодарность" все еще раздается громко всякій разъ, когда нашимъ газетнымъ патріотамъ приходится обсуждать дѣла Болгаріи. Грубые и по меньшей мѣрѣ безтактные попреки не могутъ, конечно, вызывать или

поддерживать то чувство, о которомъ идетъ рѣчь; скорѣе они должны раздражать даже тѣхъ, которые безъ этихъ постоянныхъ напоминаній были бы искренно проникнуты признательностью къ Россіи. Еще менѣе смысла имѣютъ угрозы, которыя высказывались нѣкоторыми московскими газетами по поводу возможнаго будто бы занятія Болгаріи русскими войсками. Угрозы порождаютъ опасенія, а послѣднія не вяжутся уже ни съ довѣріемъ, ни съ благодарностью. Требовать отъ болгаръ, чтобы они не имѣли своихъ мнѣній объ отдѣльныхъ русскихъ людяхъ, на томъ основаніи, что Россія облагодѣтельствовала Болгарію—болѣе чѣмъ странно. Нельзя къ каждому русскому человѣку въ отдѣльности примѣнять ту мѣрку, которая опредѣляетъ отношенія къ цѣлому великому народу. Можно имѣть весьма высокое понятіе о Россіи и въ то же время не уважать отдѣльныхъ русскихъ или даже цѣлыхъ классовъ въ русскомъ обществѣ, напримѣръ, какихъ-нибудь „ташкентцевъ". Изъ чувствъ болгаръ къ немногимъ русскимъ офицерамъ, оставшимся въ ихъ странѣ, нелѣпо дѣлать какіе-либо выводы о чувствахъ болгаръ къ Россіи вообще. Трудно понять, почему эти столь простыя и ясныя вещи перепутались въ сознаніи нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, дѣйствующихъ подъ знаменемъ, будто-бы, патріотизма. Надо полагать, что теперь, послѣ благополучнаго разрѣшенія кризиса, наша воинственная печать поведетъ себя благоразумнѣе относительно „благодарныхъ" намъ балканскихъ народностей и перестанетъ систематически возбуждать ихъ противъ Россіи своими назойливыми попреками и требованіями.

При оцѣнкѣ послѣднихъ событій въ Сербіи и Болгаріи, невольно возникали предположенія о степени прочности новыхъ династій въ неокрѣпшихъ еще балканскихъ государствахъ. Безъ сомнѣнія, король Миланъ тѣснѣе связанъ съ своимъ народомъ, чѣмъ князь Александръ, — не только потому, что онъ сербъ по рожденію, но и по сравнительной продолжительности господства фамиліи Обреновичей въ Сербіи. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы сербскій престолъ былъ прочнѣе и надежнѣе болгарскаго. Сербы привыкли уже къ самостоятельной политической жизни и перестали бояться иностраннаго вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла; они не разъ дѣлали опыты смѣщенія правителей, безъ опасныхъ для страны послѣдствій, а въ настоящее время существуетъ на готовѣ кандидатъ, пользующійся большою популярностью въ народѣ, — молодой князь Петръ Карагеоргіевичъ, зять князя Николая Черногорскаго. Кандидатура эта имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что она сблизила бы Сербію съ горнымъ княжествомъ, призваннымъ играть значительную роль въ судьбахъ балканскихъ славянъ. Говорятъ также, что фамилія Карагеоргіевичей, породнившись съ черногорскимъ княземъ, пріобрѣла

могущественныя иностранныя симпатіи, имѣющія особенный вѣсъ въ глазахъ сербовъ. Все это пока соображенія теоретическія, которыя перешли бы въ дѣйствительность только въ случаѣ какого-нибудь фатальнаго промаха въ политикѣ короля Милана. Покончивъ съ возстаніемъ, король не можетъ не сознавать опасности пережитаго имъ момента; онъ по необходимости долженъ будетъ позаботиться объ устраненіи причинъ, порождающихъ подобныя „случайности" и дѣлающихъ его королевскій тронъ весьма шаткимъ. Содѣйствіе такихъ людей, какъ Христичъ, можетъ принести кратковременную пользу, когда нужны лишь слѣпые исполнители энергическихъ военныхъ мѣръ; но гроза прошла, и интересы мирнаго управленія требуютъ вновь полнаго взаимнаго довѣрія между народомъ и представителями власти. Если не удастся возстановить это довѣріе, то положеніе короля становится сомнительнымъ.

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ находится князь Александръ. Политическія права Болгаріи кажутся еще слишкомъ мало обезпеченными для того, чтобы позволительно было думать о перемѣнѣ правителя; болгарское населеніе готово мириться съ какою угодно правительственною системою, лишь бы не подвергнуться риску вновь открыть болгарскій вопросъ передъ ареопагомъ европейской дипломатіи. Кто поручился бы, что Болгарія не лишилась бы части своихъ правъ, что она не была бы присоединена къ сосѣдней привилегированной провинціи султана, именуемой „Восточною Румеліею", и что она не сдѣлалась бы яблокомъ раздора между державами? Пока во главѣ княжества стоитъ нѣмецкій принцъ, утвержденный въ званіи князя турецкимъ султаномъ и главными европейскими кабинетами, до тѣхъ поръ болгары считаютъ себя въ правѣ быть спокойными насчетъ своего политическаго существованія; они находятъ себя подъ защитою Германіи, Россіи и другихъ великихъ государствъ; имъ кажется важнымъ и то обстоятельство, что князь Александръ имѣетъ родственныя связи съ царствующими фамиліями двухъ первоклассныхъ державъ материка. Осторожный, разсудительный болгаринъ взвѣшиваетъ все это и рѣшаетъ, что необходимо, во что бы то ни стало, избѣгать открытія вакансіи на княжескій престолъ; ибо такое событіе дало бы Европѣ право вмѣшаться въ неустроенныя еще дѣла страны; вмѣшательство могло бы послѣдовать и со стороны Турціи, къ которой Болгарія поставлена въ вассальныя отношенія; наконецъ, что̀ сказалъ бы князь Бисмаркъ и куда дѣвалась бы протекція его, столь драгоцѣнная для принца Александра Баттенберга? Эти разнообразные мотивы главнымъ образомъ и побуждали болгаръ подчиняться всѣмъ распоряженіямъ князя, даже такимъ, какъ указъ 1-го іюля 1881 года, отмѣнившій консти-

туцію, и какъ позднѣйшія гоненія на заслуженныхъ патріотовъ, въ родѣ Цанкова. Болгарское населеніе терпѣливо выжидало лучшихъ временъ и заявляло свою преданность князю, въ надеждѣ на неизбѣжную перемѣну обстоятельствъ. Повидимому, разсчетъ оказался вѣрнымъ: внутреннія недоразумѣнія въ концѣ концовъ уладились къ выгодѣ болгаръ и безъ ущерба для авторитета покровительствующей державы.

Правда, часть русской печати смотрѣла иначе на болгарскія дѣла и намекала на предстоящую будто бы замѣну князя Александра другимъ лицомъ, представляющимъ болѣе солидныя гарантіи международной благонадежности. „Московскія Вѣдомости“ высказали даже смѣлую мысль, что монархическое устройство не годится для такого едва только народившагося государства, какъ Болгарія, и что было бы гораздо лучше сдѣлать изъ нея республику, или даже присоединить ее къ Восточной Румеліи, которою очень хорошо управляетъ полунезависимый генералъ-губернаторъ Алеко-паша. „Республиканскій“ проектъ московской газеты могъ удивить очень многихъ; но впечатлѣніе было испорчено указаніемъ на возможность отдачи Болгаріи подъ власть правителей Восточно-Румелійской области. Болгарскіе патріоты мечтаютъ о присоединеніи этой области къ княжеству, а московскій органъ ставитъ имъ обратную перспективу—низведеніе княжества на степень турецкой провинціи, надѣленной самоуправленіемъ подъ гарантіею и контролемъ великихъ державъ. Мысль о подобной комбинаціи должна еще болѣе укрѣпить болгаръ въ стремленіи сохранить свое нынѣшнее устройство, при всѣхъ его неудобствахъ. Всѣ эти опасенія, заставляющія болгаръ быть консервативными и сдержанными, не существуютъ очевидно въ Сербіи, гдѣ не ожидалось бы ни иностранное вмѣшательство, ни заступничество иноземныхъ родственниковъ короля, въ случаѣ перехода власти въ руки Карагеоргіевича или другого энергическаго правителя. Сербія—самостоятельное королевство, и никакая держава не имѣла бы основанія вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, за исключеніемъ развѣ невѣроятнаго случая полной анархіи; но и въ такомъ случаѣ не могло бы быть и рѣчи о какомъ-либо коренномъ переворотѣ въ судьбахъ Сербіи, во вредъ ея будущему. Поэтому сдержанность и благоразуміе обязательны для короля Милана гораздо болѣе, чѣмъ для князя Александра, за котораго дѣйствуютъ обстоятельства и пружины, которыхъ нѣтъ на лицо въ положеніи сербскаго короля.

Политическіе кризисы въ Сербіи и въ Болгаріи не произвели замѣтнаго вліянія на общее настроеніе въ Европѣ, хотя они задѣвали именно ту группу дипломатическихъ интересовъ, которая всегда оказывалась наиболѣе чувствительною ко всякимъ внѣшнимъ пер-

турбаціямъ. Восточный вопросъ остался, однако, въ покоѣ, и мѣстные кризисы, о которыхъ мы говорили выше, коснулись только его поверхности. Въ общественномъ мнѣніи преобладаетъ неопредѣленное чувство страха передъ ближайшимъ даже будущимъ; но это чувство соединяется съ твердою увѣренностью, что опасность грозитъ не со стороны восточнаго вопроса.

На сцену выдвинулся новый призракъ, гораздо страшнѣе предъидущихъ, — призракъ, все болѣе смущающій умы просвѣщенныхъ европейцевъ. Въ послѣднее время все чаще обсуждается газетами одна подавляющая тэма — о неминуемой будто бы колоссальной войнѣ между двумя сосѣдними имперіями, жившими до сихъ поръ въ постоянной дружбѣ между собою. Несмотря на явную нелѣпость этого предположенія, оно постепенно входитъ въ общее сознаніе, повторяется на всѣ лады европейскою печатью и даже оправдывается чуть-ли не „научными" доводами. Въ одной изъ нашихъ газетъ доказывается, между прочимъ, что война вытекаетъ будто бы изъ современнаго положенія Германіи, и что она будетъ полезна для нея уже тѣмъ, что „разрѣдитъ ея увеличившееся рабочее населеніе". И это говоритъ газета, которая справедливо возмущалась, когда нападенія на евреевъ оправдывались необходимостью „разрѣдить" чрезмѣрное еврейское населеніе въ нашемъ западномъ краѣ. Нѣтъ надобности объяснять, насколько безсмысленно указаніе на пользу уменьшенія населенія путемъ повальной международной рѣзни. Если бы въ этомъ дѣйствительно заключался смыслъ войны, то той же цѣли можно было бы достигнуть гораздо проще, съ меньшею жестокостью и безъ подавляющихъ затратъ на содержаніе арміи и флота; стоило бы только періодически сбрасывать съ Тарпейской скалы „излишніе рты", поощрять дѣтоубійство и изгнаніе плода, ограничить и затруднить вступленіе въ бракъ, выселять излишнихъ людей въ центральную Африку и т. п., — всѣ эти мѣры были бы несравненно дѣйствительнѣе и обходились бы неизмѣримо дешевле, чѣмъ война. Къ чести серьезныхъ иностранныхъ органовъ надо сказать, что они рѣдко прибѣгаютъ къ подобнымъ нелѣпымъ натяжкамъ для оправданія воинственныхъ плановъ, пугающихъ воображеніе мирнаго большинства людей. Въ защиту войны приводятся доводы другого рода, касающіеся вопросовъ о соперничествѣ между государствами и народами; толкуютъ о томъ, что Германія должна обезпечить свою безопасность съ Востока для болѣе успѣшной защиты противъ Франціи.

Что эти доводы не особенно сильны и легко уступаютъ малѣйшей перемѣнѣ политическаго вѣтра,—въ этомъ наглядно убѣждаетъ насъ то громадное значеніе, которое фактически придается дѣйствіямъ и

намѣреніямъ отдѣльныхъ личностей въ вопросахъ мира и войны. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, на пути въ Монтрэ, заѣхалъ въ резиденцію князя Бисмарка, Фридрихсруэ, и провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ въ дружеской бесѣдѣ:—одного этого факта достаточно было для коренной перемѣны настроенія во всей континентальной печати. Глухое ожиданіе какой-то невѣдомой грозы, разсужденія о сборахъ войскъ вдоль русско-германской границы, пессимистическій взглядъ на близкое будущее,—все это разсѣялось и сразу уступило мѣсто самодовольнымъ толкамъ о прочности мира въ Европѣ. Заговорили уже о желаніи Россіи не только вновь сблизиться съ Германіею, но и вступить въ тройственный союзъ съ обѣими сосѣдними державами. Въ Вѣнѣ обнаружилось даже безпокойство по поводу того, что присоединеніе Россіи можетъ ослабить интимность союза Австріи съ германскою имперіею. Вѣнскія газеты стали утверждать, что для Россіи обязательно сближеніе съ Австро-Венгріею, если русская дипломатія желаетъ сблизиться по прежнему съ берлинскимъ кабинетомъ. Жажда мира и дружбы проявлялась даже въ комическихъ недоразумѣніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ „Journal de St.-Pétérsbourg“ помѣщена была библіографическая замѣтка по поводу вышедшаго недавно новаго тома „Собранія международныхъ трактатовъ“ профессора Мартенса; ссылаясь на матеріалы этого тома, касающіеся спеціально отношеній между Россіею и Пруссіею, наша дипломатическая газета выразила пожеланіе, чтобы и впредь отношенія между этими двумя государствами сохранили свой старый дружескій характеръ. Объ этой замѣткѣ была послана телеграмма въ австрійскія газеты; а послѣднія снабдили „важное заявленіе“ русскаго министерскаго органа различными комментаріями, сущность которыхъ сводится къ тому, что для Австріи обидно умолчаніе газеты объ отношеніяхъ Россіи съ этою имперіею, когда рѣчь идетъ о возстановленіи старинной русско-германской дружбы. Нашей французской газетѣ пришлось оправдываться тѣмъ, что въ замѣткѣ о собраніи трактатовъ между Россіею и Пруссіею не было никакого повода упоминать объ отношеніяхъ съ Австро-Венгріею.

Чтó доказываютъ эти крупные и мелкіе признаки мира въ настоящемъ политическомъ положеніи Европы? Если достаточно одной поѣздки русскаго министра за границу для устраненія признаковъ войны, то это говоритъ лишь въ пользу необычайной легкости сохраненія мира, и даже пріобрѣтенія близкой дружбы могущественныхъ сосѣднихъ имперій. Бываютъ недоразумѣнія, которыя могутъ оказаться роковыми, если не разсѣять ихъ своевременно, и къ числу этихъ недоразумѣній принадлежитъ упорно распространяемый на Западѣ взглядъ, что русское общество горитъ желаніемъ кровавой

борьбы, для осуществленія славянофильскихъ идеаловъ, проповѣдуемыхъ горстью фантазеровъ и шовинистовъ. Всякая воинственная замѣтка какой-нибудь русской газеты принимается иностранцами за нѣчто внушенное или одобренное свыше, на томъ основаніи, что у насъ печать подчинена цензурному контролю. Изъ статей того или другого русскаго òргана выводятся заключенія о политикѣ и намѣреніяхъ Россіи. Видя, однако, что во время общихъ толковъ о войнѣ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ отправляется съ визитомъ къ князю Бисмарку, европейскіе публицисты вполнѣ основательно заключаютъ, что въ данную минуту Россія не думаетъ вовсе воевать съ нѣмцами, и что скорѣе, напротивъ, хочетъ вступить въ мирный союзъ, для поддержанія своего внѣшняго кредита и т. п. Все это строится на такихъ же случайныхъ и шаткихъ данныхъ, какъ и предшествовавшія опасенія и предположенія относительно вѣроятностей войны.

Очевидно, эта шаткость и случайность общаго настроенія зависятъ отъ того, что дѣйствительная жизнь Россіи, ея истинныя стремленія и идеалы, ея нужды и потребности, ея симпатіи и антипатіи, окутаны непроницаемымъ мракомъ для остальной Европы, тогда какъ политическія дѣла и заботы другихъ государствъ болѣе или менѣе открыты для взоровъ наблюдателей. Публичное обсужденіе общественныхъ и политическихъ интересовъ въ Англіи, Германіи или Австріи даетъ доступъ иностранцамъ къ пониманію внутренней и внѣшней политики этихъ державъ;—а возможность взаимнаго пониманія есть первое условіе довѣрія и лучшее средство противъ пагубныхъ недоразумѣній.

Главнымъ оплотомъ мира въ Европѣ считается германская имперія, которая при своемъ центральномъ положеніи притягиваетъ къ себѣ окружающія государства и народы. Къ числу нѣмецкихъ союзниковъ прибавился еще одинъ, далеко не второстепенный, въ лицѣ испанскаго короля Альфонса. Испанія польщена пріѣздомъ германскаго наслѣднаго принца, который съ неожиданною скоростью отвѣтилъ на визитъ короля, проведшаго нѣсколько дней въ Германіи во время маневровъ близъ Гомбурга. Франція озабочена перспективою войны съ Китаемъ изъ-за обладанія Тонкиномъ и мало интересуется въ настоящее время политическими комбинаціями, касающимися государствъ материка. Отношенія Франціи съ Англіею значительно улучшились, — благодаря отчасти усиліямъ французскаго посла въ Лондонѣ, Ваддингтона, англичанина по крови и симпатіямъ, а также вслѣдствіе выхода въ отставку Шалльмель-Лакура, которому не безъ основанія приписывалось недоброжелательное отношеніе къ Англіи. Мѣсто Шалльмель-Лакура занялъ президентъ совѣта министровъ

Жюль Ферри, который и ранѣе оказывалъ руководящее вліяніе на иностранную политику кабинета. Вмѣсто Ферри министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ Фалльеръ, неудачный глава министерства въ теченіе короткаго времени, въ періодъ обсужденія мѣръ противъ орлеанскихъ принцевъ. Судя по общему тону французской печати, можно полагать, что средніе классы недовольны тою неопредѣленностью, которая господствуетъ во внѣшнихъ колоніальныхъ предпріятіяхъ правительства и въ положеніи финансовъ, а рабочее населеніе недовольно отсутствіемъ серьезныхъ экономическихъ и общественныхъ реформъ. Такое же недовольство трудящагося большинства населенія все сильнѣе и рѣзче выражается въ Англіи, гдѣ приходится еще добиваться разрѣшенія вопросовъ, давно уже рѣшенныхъ во Франціи. Вотъ тѣ серьезныя задачи, въ области внутренней политики первоклассныхъ европейскихъ государствъ, которыя достаются въ наслѣдство наступающему новому году: заботы о поддержаніи внутренняго мира должны будутъ идти рука объ руку съ заботами о сохраненіи внѣшняго мира—и даже преобладать надъ послѣдними.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1888.

— Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное время. Соч. *Ивана Забѣлина.* Москва, 1883.
— Преображенское или Преображенскъ, московская столица достославныхъ преобразованій перваго императора Петра Великаго. Соч. *Ив. Забѣлина.* Москва, 1883.
— Домострой, по списку Импер. Общества исторіи и древностей россійскихъ. Москва, 1882.

Уже съ давняго времени, въ теченіе почти сорока лѣтъ, каждый новый трудъ И. Е. Забѣлина бывалъ пріятнымъ явленіемъ для любителей русской исторіи и важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки—или по новому матеріалу, котораго такъ много извлекъ авторъ изъ богатыхъ московскихъ архивовъ, или по новому освѣщенію старины. Сочиненіе о Мининѣ и Пожарскомъ является, впрочемъ, не въ первый разъ. Первоначально оно явилось въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 и (одна статья) въ „Древней и Новой Россіи“ 1875 г. Поводомъ къ этому сочиненію были нѣкоторыя новыя изслѣдованія о Смутномъ времени, въ которыхъ автору видѣлось „отрицательное направленіе“; онъ именно оспаривалъ мнѣніе г. Костомарова о личностяхъ Минина и Пожарскаго; г. Костомаровъ въ свое время отвѣчалъ (въ Вѣстн. Евр. 1872, сентябрь) на статьи г. Забѣлина, и въ настоящемъ изданіи своего труда, г. Забѣлинъ вновь пересмотрѣлъ свои прежнія изслѣдованія и значительно дополнилъ ихъ, разобравъ между прочимъ и возраженіе г. Костомарова.

Сущность труда г. Забѣлина заключается въ объясненіи „смуты“ междуцарствія, которая изображается какъ результатъ себялюбивыхъ стремленій и характера служилаго сословія, и противникомъ которой, наконецъ одержавшимъ побѣду, является народъ, земство. Всѣ сочувствія автора принадлежатъ именно этому „сиротѣ“-народу и его представителямъ, Минину и Пожарскому. Автору казались крайне

несправедливыми отзывы историковъ, находившихъ въ обоихъ героахъ народнаго движенія недостатки личнаго и общественнаго характера, и онъ употребляетъ всѣ средства историческихъ фактовъ и соображеній на ихъ адвокатскую защиту. Мы сказали бы только, что напрасно было бы приписывать упомянутые отзывы какому-нибудь намѣренному пессимизму „отрицателей" (такого спеціальнаго разряда историковъ мы не знаемъ): ихъ источникъ есть—та самая „великая сила исторіи", которая по словамъ г. Забѣлина (стр. 172) „настойчиво противится собственной способности и наклонности исторіи, какъ искусства, превращаться время отъ времени въ одно лишь привлечиваное и заманчивое, нерѣдко даже художественное сплетеніе фантазій, басенъ, сказокъ, легендъ и всяческихъ измышленій", — т.-е. историческая критика. Если иногда историки и впадали въ осужденія преувеличенныя, даже ошибочныя, то во многихъ случаяхъ эти осужденія несомнѣнно бывали лишь противовѣсомъ прежнему, обязательно господствовавшему въ книгѣ, „заманчивому сплетенію фантазій". Извѣстно, что еще на памяти нынѣ дѣйствующихъ писателей свобода историческаго изысканія была такъ стѣснена, что извѣстные взгляды были обязательны, а извѣстные періоды исторіи напротивъ закрыты для изслѣдованій. Наконецъ, ошибка можетъ быть легко исправлена другимъ историкомъ, который ее увидитъ и докажетъ. Въ этомъ и состоитъ обязанность и дѣятельность исторической критики,—и случается это не только у насъ, но вездѣ, гдѣ существуетъ историческая наука.

Дѣйствующіе слои и лица Смутнаго времени авторъ характеризуетъ въ самомъ заглавіи какъ „прямыхъ" и „кривыхъ". Объясненіе этихъ обозначеній, проведенныхъ черезъ всю книгу, находится между прочимъ, въ слѣдующемъ общемъ положеніи (стр. 214): „У исторіи можетъ существовать лишь одна мѣра нравственной оцѣнки людскихъ дѣлъ и подвиговъ, а слѣдовательно и событій, это—мѣра достигаемаго тѣми дѣлами и подвигами всенароднаго (общечеловѣческаго) счастія, мѣра достигаемой, не ложной, но истинной и всесторонней свободы *для всѣхъ*, для всего народа и для всего человѣческаго *рода*, ибо родовое, но отнюдь не видовое, не сословное, но всенародное, общечеловѣческое счастіе и свобода и составляютъ прямую, да и единственную цѣль общечеловѣческаго всенароднаго развитія. Примирить, уравновѣсить и объединить потребности родового счастія съ потребностями счастія личнаго, единичнаго, — вотъ эта высокая и далекая цѣль и задача всеобщей человѣческой жизни, вотъ изъ-за чего происходитъ неумолкаемая борьба и историческій шумъ каждый божій день и до настоящей минуты.—Кто служилъ и служитъ этой цѣли, тотъ самъ собою пріобрѣтаетъ въ исторіи слав-

ное великое имя спасителя и устроителя человѣческаго счастія; кто отбиваетъ народное развитіе отъ этой цѣли, тотъ самъ собою пріобрѣтаетъ въ исторіи заслуженное осужденіе и даже проклятіе потомства"... Въ данномъ случаѣ, по этой мѣрѣ, предаются осужденію тѣ дѣятели Смутнаго времени, которые имѣли въ виду сословные интересы, и возвеличиваются тѣ, которые защищали интересы сироты-народа. Въ Смутное время интересы столкнулись такъ рѣзко, что историкъ, быть можетъ, имѣлъ поводъ къ подобному нравственному приговору; но приложимъ ли онъ вообще такъ прямо къ историческому изложенію? Было бы, безъ сомнѣнія, очень любопытно и поучительно прочесть русскую исторію, отъ начала до настоящаго времени, написанную съ точки зрѣнія различенія „прямыхъ" и „кривыхъ"; г. Забѣлину извѣстно, что извѣстные трактаты по русской исторіи и написаны отчасти съ такими цѣлями — но едва ли онъ ими удовлетворяется. Раздѣлить „прямыхъ" и „кривыхъ", съ другой стороны, и не такъ легко. Здѣсь признаются „кривыми" сословныя, исключительныя стремленія; но эти стремленія могутъ являться весьма естественно, если существуютъ сами сословія, — а сословія образуются не безъ причины, вслѣдствіе разныхъ условій и даже потребностей самого народа, какъ напр. выдѣлялось военное сословіе и дружина. Если бы мы хотѣли быть послѣдовательны, то наше негодованіе противъ ихъ исключительности должны бы возвести чуть не въ до-историческія времена. Какъ бы ни было, однако, прискорбно нарушеніе первобытнаго человѣческаго равенства (которое было въ дѣйствительности нарушено еще въ періодъ дикаго состоянія) возникновеніемъ и утвержденіемъ сословій, но въ нихъ же бывалъ и зародышъ развитія общества — просвѣщенія и искусства. Бо́льшая экономическая обезпеченность, принадлежавшая высшимъ сословіямъ и дававшая досугъ, утвердила за этими классами и возможность отдавать свое время вопросамъ знанія и художества, развитіе которыхъ становилось потомъ силою цѣлой націи. Подобнымъ образомъ, хотя нѣкоторыя сословія, какъ рыцарство и т. п., тяготѣли надъ народомъ и порабощали его, — но опять въ нихъ же и въ сословіяхъ городскихъ возникали первыя автономическія движенія, которыя послужили послѣ источникомъ гражданской свободы, распространившейся и на массы народа. Въ періоды еще неопредѣлившейся идеи разумныхъ общественно-политическихъ отношеній, въ сословіяхъ привилегированныхъ господствовало обыкновенно высокомѣрное и притѣснительное отношеніе къ народу: они считали только себя гражданами, заботились только о своихъ интересахъ, и ихъ эгоизмъ ни мало не способенъ возбуждать къ нимъ сочувствія; но бывала и другая сторона, гдѣ въ ихъ

стремленіяхъ сказывались побужденія, связанныя съ историческимъ смысломъ самого сословія, гдѣ ихъ дѣйствія опредѣлялись прошедшимъ, и вина ихъ характера была въ условіяхъ воспитывавшей ихъ среды. Почтенный авторъ, конечно, не подумаетъ, что мы намѣреваемся защищать Трубецкихъ, Заруцкихъ, Шуйскихъ и т. п. Мы хотѣли только сказать, что исторіи едва ли удобно по одному историческому эпизоду раздавать наименованія „прямыхъ" и „кривыхъ" —не опредѣливши ясно и положительно, чтó этихъ кривыхъ сдѣлало кривыми, и почему прямые не сдѣлали раньше ничего, чтобы предотвратить такое размноженіе кривыхъ. Въ данномъ случаѣ, боярство должно было еще очень помнить недалекія времена Грознаго, едва ли способствовавшія здравому воспитанію умовъ и характеровъ.— Есть и другое неудобство въ подобныхъ категорическихъ наименованіяхъ—относительно товарищей-историковъ. Описываемыя времена —какъ бы ни защищалъ г. Забѣлинъ достаточность источниковъ— представляютъ значительное число темныхъ пунктовъ и слѣдовательно обширное поле для разнообразныхъ мнѣній. Если какому-либо историку представится иной взглядъ на историческаго дѣятеля, объявленнаго „прямымъ", или извѣстное оправданіе для того, кто прославленъ „кривымъ",—самому историку придется подвергнуться обличеніямъ во враждѣ къ „прямымъ", и въ сочувствіи „кривымъ".

Во 2-й главѣ своей книги авторъ говоритъ о воспитательномъ значеніи исторіи (т.-е. научной и художественной исторіографіи) и сожалѣетъ, что у насъ это значеніе ея вообще такъ невелико, вслѣдствіе недостаточной разработки или ложнаго „отрицательнаго" направленія, устраняющаго или заглушающаго въ изложеніи исторіи лучшія идеальныя черты народа и отдѣльныхъ дѣятелей. На это можно было бы замѣтить, что разработку русской исторіи никакъ нельзя считать такой установившейся, чтобы можно было приписать ей особенное вліяніе даже на умы общества; самъ авторъ указываетъ (стр. 17), что у насъ очень *немного* даже *біографій*, и тѣ, по его собственнымъ словамъ, „по большей части писаны безъ всякой критики" (хороша историческая литература!),—но вѣдь такъ-называемое имъ „отрицательное" направленіе и есть именно одно изъ примѣненій этой критики. Цѣль исторіи есть отысканіе *правды*, говоритъ г. Забѣлинъ; но правда только и можетъ быть отыскана, когда выслушивается и оцѣняется „altera pars", и едва ли есть основаніе огорчаться при первыхъ, въ сущности весьма скромныхъ опытахъ этой критики, которая все еще вращается только въ древнихъ періодахъ и едва начинаетъ касаться новѣйшихъ временъ и существенныхъ сторонъ нашей исторической жизни.—Далѣе, въ общемъ составѣ литературы исторіографія несомнѣнно играетъ свою роль и

имѣетъ долю вліянія на умы, — но предъявить къ ней строгія требованія на этомъ основаніи можно только тогда, когда она свободно движется въ своей области, когда для ея критики открыты всѣ основныя явленія исторической жизни, старой и новой. Съ другой стороны, не преодолѣвается ли вообще вліяніе литературы, и въ частности исторіографіи, на воспитаніе новыхъ поколѣній, всѣми наглядными и осязательными вліяніями общественно-политическаго склада и всѣми фактами дѣйствительности?

Затѣмъ о самой книгѣ г. Забѣлина довольно прибавить, что она отличается всѣми извѣстными достоинствами, свойственными трудамъ заслуженнаго историка: внимательнымъ обзоромъ и критикой источниковъ, нагляднымъ изложеніемъ и рѣдко у кого высказывающейся такъ искренно любовью къ старинѣ, въ которой онъ отыскиваетъ и объясняетъ лучшія человѣческія стороны и движенія.

Брошюра о Преображенскомъ написана по поводу коронаціонныхъ торжествъ, и совпавшаго съ ними 200-лѣтняго юбилея нашихъ регулярныхъ войскъ. Въ Преображенской слободѣ начались тѣ извѣстныя потѣхи молодого Петра, съ которыхъ уже вскорѣ началось образованіе правильнаго войска въ европейскомъ стилѣ. Разсказъ г. Забѣлина есть прекрасно исполненная картинка изъ юности Петра Великаго; написанный съ обычной автору исторической точностью, онъ соединяетъ съ этимъ легкое изложеніе и занимательность повѣсти. Книжка назначалась для раздачи участникамъ юбилейнаго торжества и въ то время не поступала въ продажу.

Знаменитый „Домострой", напечатанный въ „Чтеніяхъ" и вышедшій послѣ отдѣльно, по объясненію г. Забѣлина въ предисловіи, былъ печатанъ покойнымъ Андреемъ Н. Поповымъ, такъ рано умершимъ знатокомъ старой русской литературы. Настоящее изданіе представляетъ, какъ думаетъ издатель, самый древній, дошедшій до насъ списокъ этого произведенія. Для наиболѣе точной передачи оригинала онъ напечатанъ буква въ букву церковнымъ шрифтомъ со всѣми титлами и значками.—А. Н.

— *Сочиненія Глѣба Успенскаго.* Томъ первый. Спб, 1883.

Глѣбъ Успенскій—одно изъ самыхъ крупныхъ именъ нашей *дѣйствующей* беллетристики; выше его, или на ряду съ нимъ, въ этой области стоятъ, можетъ быть, только г. Салтыковъ и Крестовскій (псевдонимъ). Онъ пишетъ уже болѣе двадцати лѣтъ, а для полнаго знакомства съ его дѣятельностью все еще приходится обращаться къ старымъ книгамъ журналовъ; въ отдѣльно изданныхъ сборни-

никахъ нашли мѣсто далеко не всѣ очерки его и разсказы. Полное собраніе его сочиненій, предпринятое г. Павленковымъ, является, поэтому, какъ нельзя болѣе кстати. Въ составъ перваго тома, за которымъ скоро должны послѣдовать еще два, вошли три серіи разсказовъ, относящіяся къ шестидесятымъ годамъ: „Нравы Растеряевой улицы", „Растеряевскіе типы и сцены" и „Столичная бѣднота". Это произведенія первой манеры г. Успенскаго; онъ не выходитъ еще въ нихъ изъ роли разсказчика, черпающаго, притомъ, свои сюжеты исключительно изъ сферы городского быта. Наблюдательностью и юморомъ богата и здѣсь почти каждая страница — но лѣтописцу Растеряевой улицы еще далеко до многосторонняго изслѣдователя деревни, до художника-мыслителя, проникающаго въ глубину народной жизни. На настоящую свою дорогу г. Успенскій вышелъ позже, въ семидесятыхъ годахъ; только тогда, измѣнивъ и предметъ изученія, и способъ изображенія его, онъ создалъ тотъ литературный родъ, который инымъ кажется *литературною уродливостью* [1]), а намъ — оригинальнымъ, но законнымъ расширеніемъ области искусства. Не замѣчательно ли, въ самомъ дѣлѣ, что г. Успенскій становится въ ряды первоклассныхъ писателей именно тогда, когда перестаетъ замыкаться въ обычную форму, въ обычныя границы беллетристики? Существуетъ преданіе о философскомъ спорѣ, въ которомъ одна сторона отрицала движеніе, а другая доказывала его, переходя съ мѣста на мѣсто. Нѣчто въ этомъ родѣ происходитъ на нашихъ глазахъ по поводу г. Успенскаго: критики, руководствующіеся старыми эстетическими взглядами, оплакиваютъ ошибку автора, перемѣшивающаго образы съ разсужденіями, а авторъ, не сходя съ однажды избраннаго имъ пути, завоевываетъ все больше и больше, и по праву, вниманіе и сочувствіе публики.

Художествомъ, по мнѣнію консервативныхъ критиковъ, можно назвать только „изображеніе души и дѣйствій человѣка въ жизнеподобныхъ образахъ". Буквальный смыслъ этого опредѣленія не обнимаетъ собою даже лирическую поэзію; чистый лиризмъ не создаетъ образовъ, отражая въ себѣ только внутренній міръ самого поэта. Распространивъ понятіе о „жизнеподобныхъ образахъ" до крайнихъ его предѣловъ, мы все-таки не подведемъ подъ него сатириковъ въ родѣ Ювенала, Барбье, Поль-Луи Курье, которымъ никто еще не отказывалъ въ имени художника. Образъ—только одно изъ выраженій художественнаго творчества, а не альфа его и омега; въ область искусства можетъ входить и отвлеченная мысль, и субъективное чувство. Комбинація разсужденія съ описаніемъ не регули-

---

[1]) См. „Журнальное обозрѣніе" въ № 41 „Недѣли".

руется никакими предустановленными правилами; единственнымъ ея масштабомъ служитъ художественный тактъ, а не реторическая рутина. „Авторскія отступленія“, безусловно осуждаемыя старымъ критическимъ кодексомъ, могутъ быть умѣстны или неумѣстны, хороши или нехороши, могутъ уменьшать, но могутъ и увеличивать цѣнность произведенія; все зависитъ отъ содержанія ихъ и формы, отъ отношенія ихъ къ цѣлому. Раскройте Пушкина (напр. „Евгенія Онѣгина“), Лермонтова („Сказка для дѣтей“), Альфреда Мюссе (всѣ поэмы), Байрона, Диккенса, Теккерея, Бальзака, Ж. Занда, Гёте („Вильгельмъ Мейстеръ“),—вы найдете у каждаго изъ нихъ множество „отступленій“, блещущихъ силой и красотой, отступленій, которыхъ не рѣшились бы принести въ жертву самые строгіе доктринеры прямолинейности и „единства“. Намъ указываютъ на философскія размышленія въ „Войнѣ и Мирѣ“, какъ на диссонансы, вредящіе эффекту замѣчательнаго романа; въ примѣненіи къ данному случаю это указаніе совершенно справедливо, но никакихъ общихъ выводовъ изъ него сдѣлать нельзя. Размышленія графа Л. Н. Толстого недостаточно связаны съ дѣйствіемъ романа; они слишкомъ тяжеловѣсны, внутреннее достоинство ихъ бóльшею частью не можетъ быть названо высокимъ; чередуясь чисто внѣшнимъ образомъ съ яркими картинами общественнаго быта, съ тонкимъ анализомъ характеровъ, они нарушаютъ полноту и цѣлость впечатлѣнія, ничѣмъ не вознаграждая читателей за досадный перерывъ, вызванный исключительно авторскимъ произволомъ. Зачеркните въ „Войнѣ и Мирѣ“ всѣ вставки метафизическаго свойства—романъ много выиграетъ и ровно ничего не потеряетъ; попробуйте зачеркнуть разсужденія въ „Власти земли“, или въ другихъ новѣйшихъ очеркахъ г. Успенскаго—получится рядъ отрывочныхъ картинъ, недостаточно связанныхъ между собою, померкнетъ на половину свѣтъ, вносимый авторомъ въ изслѣдуемую имъ область.

Именно въ этомъ—могутъ сказать намъ—и заключается слабая сторона г. Успенскаго: художественные óбразы должны говорить сами за себя, не нуждаясь въ комментаріяхъ. Нѣтъ: одна и та же цѣль можетъ быть достигнута различными средствами. Могучъ и высокъ тотъ талантъ, которому удается соединить проповѣдь идеи съ созданіемъ типа, изобразить жизнь какъ она есть, въ самыхъ ея явленіяхъ и процессахъ; но рядомъ съ нимъ остается мѣсто и для другихъ дарованій, для другихъ пріемовъ. Не странно ли навязывать писателю форму, которой онъ, по той или другой причинѣ, избѣгаетъ, не странно ли требовать, чтобы человѣкъ, для котораго главное—убѣжденіе, проводилъ его въ жизнь такъ, а не иначе. Если г. Успенскій найдетъ возможнымъ написать романъ или повѣсть по обще-

принятой нормѣ, безъ экскурсіи въ сферу политики и соціологіи, мы будемъ этому очень рады—но покамѣстъ мы довольны и особой его манерой, потому что она вылилась изъ его натуры, потому что она не мѣшаетъ ему широко и свободно развертывать свои силы. Задачи критики, какъ мы ее понимаемъ, — не предъявленіе къ художнику притязаній, можетъ быть для него неисполнимыхъ, а оцѣнка того, что онъ даетъ, оставаясь самимъ собою. Съ этой точки зрѣнія немыслимо проходить молчаніемъ именно то, что всего больше поражаетъ и выдается въ сочиненіяхъ г. Успенскаго — немыслимо относиться къ нему, какъ къ Флоберу или Гонкуру, какъ къ представителямъ объективнаго творчества или чистаго искусства. Не замѣтить, напримѣръ, разсужденій г. Успенскаго о „власти земли" — значило бы быть въ кунсткамерѣ и не видѣть слона, вмѣстѣ съ „Любопытнымъ" Крылова. „Власть земли" — это та красная нить, которая проходитъ черезъ цѣлый рядъ очерковъ и сообщаетъ имъ внутреннее единство; это такой же центръ, какимъ является въ психологическомъ романѣ главное дѣйствующее лицо, въ романѣ факта и интриги — главное событіе, обусловливающее собою всѣ остальныя. Слѣдуетъ ли отсюда, что г. Успенскій—публицистъ, слегка усложненный беллетристомъ, и что это усложненіе — излишній балластъ, который всего лучше было бы выкинуть за бортъ? Нисколько! Діалектика и лиризмъ, обобщенія и конкретные, рѣзко освѣщенные факты, самостоятельная работа мысли и живое изображеніе возбуждающихъ ее данныхъ, своеобразный языкъ „отступленій" и мастерское воспроизведеніе рѣчи, свойственной крестьянину и мастеровому, труженику-рабочему и кулаку, земледѣльцу старой формаціи и пролетарію, выброшенному изъ деревни въ городъ или на фабрику—все это сливается у г. Успенскаго въ одно цѣлое, непривычное, можетъ быть, для глаза, но несомнѣнно гармоническое, свободное отъ неестественныхъ, кричащихъ сочетаній. Соединительнымъ звеномъ разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ строются новѣйшіе очерки автора „Власти земли", всегда служитъ опредѣленная мысль, часто соприкасающаяся съ „злобою дня". Сожалѣть объ этомъ мы не видимъ причины. Въ жизни общества и народа *дни* измѣряются не часами, а годами; „злоба дня" сплошь и рядомъ переходитъ здѣсь по наслѣдству, отъ поколѣнія къ поколѣнію, измѣняясь развѣ въ деталяхъ. Отсюда возможность долговѣчности для порожденныхъ ею произведеній, лишь бы только они соединяли въ себѣ другія условія художественнаго переживанія. Чѣмъ инымъ, какъ не „злобою дня", были внушены комедіи Аристофана и Мольера, Грибоѣдова и Гоголя? Она отразилась и въ „Kabale und Liebe" Шиллера, и въ „Châtiments" В. Гюго, и въ „Тяжелыхъ временахъ" Диккенса; зачѣмъ же пугаться

ся въ сочиненіяхъ нашего народнаго беллетриста? Онъ останавливается, бо́льшею частью, не на мелкихъ вопросахъ минуты, а на тѣхъ типическихъ чертахъ, которыя знаменуютъ собою цѣлую эпоху. Переходъ народныхъ массъ отъ одной формы экономическаго быта къ другой, колебанія въ народномъ міросозерцаніи, появленіе новыхъ общественныхъ классовъ, новыхъ видовъ эксплуатаціи и протеста— вотъ громадная тэма, занимающая г. Успенскаго. Есть ли основаніе предполагать, что она скоро потеряетъ свой интересъ, скоро сойдетъ со сцены?

Заговоривъ о первыхъ опытахъ г. Успенскаго, мы невольно перешли къ его послѣднимъ произведеніямъ; огромный шагъ впередъ, сдѣланный авторомъ, выступаетъ на видъ особенно наглядно при сравненіи крайнихъ пунктовъ его дѣятельности—и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ упрековъ, дѣлаемыхъ ему во имя узкой критической доктрины. Общую оцѣнку всего написаннаго г. Успенскимъ нашъ журналъ постарается представить тогда, когда будетъ приведено къ концу изданіе его сочиненій.—К. К.

— Очерки первобытной экономической культуры. Сочиненіе *Н. И. Зибера*. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1883.

Соціальныя науки все болѣе удаляются отъ сферы отвлеченныхъ умозрѣній и постепенно становятся на реальную почву, погружаясь въ богатый фактическій матеріалъ, представляемый антропологіею, этнографіею и статистикою. Изученіе жизни первобытныхъ народовъ дало сильный толчокъ соціологическимъ изслѣдованіямъ; разнообразныя ступени, черезъ которыя проходитъ человѣчество, сдѣлались доступными непосредственному наблюденію, и темная область нашего собственнаго до-историческаго прошлаго значительно освѣтилась при помощи сравнительнаго метода. Кругозоръ изслѣдователя расширился, произвольныя обобщенія отвергнуты, выводы дѣлаются съ большею осторожностью, и въ то же время сами собою являются плодотворныя сближенія, поражающія нерѣдко своею неожиданностью. Громадная масса данныхъ, накопленныхъ путешественниками и этнографами, пропадала прежде безслѣдно для соціологіи; теперь она служитъ ей прочнымъ фундаментомъ, на которомъ могутъ спокойно возводиться теоретическія построенія, безъ опасности крупныхъ ошибокъ и одностороннихъ увлеченій. Многіе существующіе обычаи, которые прежде считались лишь продуктомъ народнаго невѣжества, получаютъ свое объясненіе и оправданіе, въ качествѣ уцѣлѣвшихъ остатковъ исчезнувшаго строя жизни, встрѣчаемаго одновременно у различныхъ племенъ на извѣстной ступени ихъ развитія. Многое изъ того, чѣмъ мы гор-

дились какъ нашею самобытною національною особенностью, оказывается общимъ достояніемъ человѣчества при извѣстныхъ условіяхъ его существованія. Лучшіе и наиболѣе оригинальные труды новѣйшихъ соціологовъ опираются уже всецѣло на эту антропологическую почву. Гербертъ Спенсеръ отчасти обязанъ своимъ успѣхомъ и распространенностью именно тому, что онъ впервые въ широкихъ размѣрахъ утилизировалъ матеріалы изъ жизни первобытныхъ народовъ.

Обширный трудъ г. Зибера, заглавіе котораго приведено выше, является поэтому весьма серьезнымъ и полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу. Трудъ этотъ тѣмъ серьезнѣе, что онъ предпринятъ лицемъ, долго занимавшимся теоретическими вопросами политической экономіи и много содѣйствовавшимъ у насъ популяризаціи ученій такихъ теоретиковъ, какъ Рикардо и Марксъ. Нѣтъ ничего благотворнѣе этого совмѣщенія твердыхъ теоретическихъ взглядовъ съ изслѣдованіемъ положительныхъ и разнообразныхъ явленій жизни.

Г-нъ Зиберъ поставилъ себѣ задачею подвергнуть сравнительному разсмотрѣнію фактическія данныя, касающіяся свойствъ экономической организаціи и нѣкоторыхъ учрежденій права у первобытныхъ народовъ, насколько они выясняются изъ показаній путешественниковъ. Авторъ останавливается преимущественно на описаніи общинныхъ формъ жизни, присущихъ почти всѣмъ народамъ арійскаго происхожденія въ раннюю эпоху ихъ развитія. Весьма важнымъ препятствіемъ къ правильной оцѣнкѣ первобытныхъ учрежденій и обычаевъ было до сихъ поръ то обстоятельство, что европейскіе наблюдатели разсматривали изучаемый бытъ съ точки зрѣнія своихъ европейскихъ представленій, прилагая повсюду однообразную мѣрку, совершенно неподходящую къ условіямъ данной страны. Путешественники, говоритъ г. Зиберъ, сплошь и рядомъ вносили свои европейскія понятія въ объясненіе чуждыхъ имъ общественныхъ явленій и открывали феодальныя учрежденія, королевскую власть, право маіората, право частной собственности на землю и пр.—тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. Необходима поэтому надлежащая критика источниковъ, причемъ истинный характеръ учрежденій раскрывается экономическимъ строемъ общества — организаціею общественнаго труда, производства и потребленія. Этотъ логическій методъ даетъ возможность опредѣлять общія черты политическаго и общественнаго устройства, не впадая въ грубые промахи. Гдѣ существуетъ, напримѣръ, бродячее земледѣліе, тамъ не можетъ быть и рѣчи о частной собственности на землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о феодальныхъ порядкахъ и о королевской власти, которыя повсюду сопровождаются прочною территоріальною осѣдлостью. „Одно только изученіе организаціи

общественнаго труда способно—по словамъ автора, — нагляднымъ и правильнымъ образомъ разъяснить внутреннюю природу и особенности политическихъ, юридическихъ, религіозныхъ, умственныхъ и многихъ другихъ явленій общественной жизни первобытныхъ народовъ. Возможно ли, напр., составить себѣ правильную идею о происхожденіи общиннаго землевладѣнія, не имѣя представленія о тѣхъ общихъ сельскихъ работахъ, которыя ему предшествуютъ и которыя его сопровождаютъ? Равнымъ образомъ и пониманіе частнаго землевладѣнія неразлучно съ идеею о томъ, какія дальнѣйшія преобразованія, въ смыслѣ раздѣленія и обособленія, испытываетъ комбинація общественныхъ работъ".

Книга г. Зибера, по своему содержанію и изложенію, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя представляютъ интересъ для всей вообще читающей публики. Какъ описанія путешественниковъ интересны для всякаго, такъ и общій систематическій сводъ этихъ описаній даетъ легкое, поучительное чтеніе. Объяснивъ цѣль и характеръ труда въ предисловіи, авторъ затѣмъ уже избѣгаетъ всякихъ спеціальныхъ теоретическихъ разсужденій и предоставляетъ говорить самимъ фактамъ, которые собраны имъ въ большомъ количествѣ. Существующею русскою литературою предмета, описаніями быта нашихъ инородцевъ, авторъ могъ пользоваться только въ незначительной мѣрѣ, вслѣдствіе своего постояннаго пребыванія заграницею, какъ объясняетъ онъ самъ въ предисловіи. Однако, авторъ при случаѣ приводитъ и наши русскіе народные и инородческіе обычаи, сопоставляя ихъ съ подобными же обычаями другихъ народовъ.

Наиболѣе любопытный отдѣлъ книги касается поземельныхъ и семейныхъ отношеній (стр. 216—368), а также политической и общественной организаціи первобытныхъ обществъ (стр. 407—505). Частыя недоразумѣнія, происходящія вслѣдствіе наклонности приписывать разнымъ племенамъ наши юридическія понятія, иллюстрируются многими характерными примѣрами и фактами. Какой-нибудь начальникъ племени допускаетъ европейцевъ къ пользованію землею, къ ея обработкѣ и обстройкѣ, не думая вовсе отдавать ее вполнѣ и навсегда, ибо такого права на землю онъ самъ не имѣетъ и никто имѣть не можетъ, по его представленію, а европейцы полагаются на пріобрѣтенное будто бы право собственности и удивляются притязаніямъ туземцевъ, ихъ рѣшительнымъ протестамъ и нападеніямъ, вытекающимъ изъ совершенно иного взгляда на землю. Прежде всего право собственности относится только къ плодамъ жатвы и деревьевъ, а также къ болѣе или менѣе постояннымъ жилищамъ; позднѣе оно переходитъ постепенно на самыя деревья, и наконецъ, уже на почву подъ ними, оставляя остальную неразработанную землю доступною

общему пользованію. По той же причинѣ, при дальнѣйшемъ ходѣ этого движенія, „поля становятся собственностью скорѣе, чѣмъ луга,—луга скорѣе, чѣмъ лѣса,—лѣса скорѣе, чѣмъ пустыри и неудобныя мѣста". Непониманіе этихъ условій со стороны европейцевъ ведетъ къ постояннымъ столкновеніямъ и жалобамъ; пріобрѣтеніе земель отъ дикихъ племенъ, какое достигнуто было, напримѣръ, недавно французскимъ путешественникомъ Брацца въ области рѣки Конго, оказывается просто временною уступкою для устройства жилищъ и для обработки, между тѣмъ какъ европейцы имѣютъ въ виду нѣчто совсѣмъ другое и на этомъ основаніи предпринимаютъ экспедиціи, кончающіяся истребительною войною и подчиненіемъ несчастныхъ, слишкомъ гостепріимныхъ или довѣрчивыхъ туземцевъ. Такимъ же образомъ старѣйшины дикихъ племенъ принимаются за „королей", а повинующіеся имъ люди—за подданныхъ, хотя въ дѣйствительности все устройство даннаго племени основано на общинно-родовыхъ отношеніяхъ, и никакихъ монархическихъ порядковъ не существуетъ; если же они появляются со временемъ, то часто только благодаря вліянію и поддержкѣ европейцевъ.

Чрезвычайно интересны приводимые авторомъ факты, относительно семейныхъ и брачныхъ отношеній. У многихъ народовъ сохранились еще слѣды общиннаго брака и связанной съ нимъ свободы связей между молодежью обоего пола. Въ семьѣ господствуетъ женщина и мать; материнское право предшествуетъ отцовскому, которое развивается только въ позднѣйшій періодъ. Общепринятое мнѣніе о патріархальномъ характерѣ первобытной семьи совершенно невѣрно, по словамъ г. Зибера,—ибо для этого ей недостаетъ такого существеннаго элемента, какъ отцовская власть. Семья можетъ быть названа скорѣе патріархальною, такъ какъ въ ней преобладаетъ мать. Дѣвушки до замужества живутъ свободно, не стѣсняясь никакимъ контролемъ, и грѣхи ихъ пользуются даже особымъ поощреніемъ родителей и знакомыхъ, въ предѣлахъ общины. Оригинальные обычаи, описываемые въ книгѣ со словъ путешественниковъ,—какъ напр. обычай угощать женами и дочерьми, собираніе приданаго цѣною извѣстныхъ уступокъ желающимъ, временныя удаленія женъ въ извѣстные притоны для заработка, случаи повальнаго смѣшенія половъ безъ соблюденія родства (стр. 310—351)—соединяются въ поразительную общую картину, которая какъ нельзя нагляднѣе освѣщаетъ передъ нами пропасть, отдѣляющую наши европейскія понятія о нравственности отъ понятій и привычекъ первобытныхъ народовъ.

Въ послѣдней главѣ приведены свѣдѣнія о рабствѣ у дикихъ племенъ, сравнительно съ болѣе утонченными и крѣпкими „цивилизованными" формами рабскаго состоянія. Авторъ приходитъ къ за-

ключенію, что новѣйшій видъ рабства, введенный европейцами въ отдаленныхъ колоніяхъ для промышленныхъ цѣлей, есть наиболѣе ненавистный и гнусный изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ. „Даже принесеніе рабовъ въ жертву у первобытныхъ народовъ,— замѣчаетъ г. Зиберъ,—можетъ найти свое относительное оправданіе въ общемъ складѣ жизни этихъ народовъ, порождающемъ грубые военные нравы и суровое военное міровоззрѣніе. Рабство на востокѣ, рабство въ Римѣ, могутъ быть объяснены, если не оправданы, подобными же общими причинами. Но нѣтъ человѣка въ мірѣ, который могъ бы найти хоть одно слово въ защиту той новѣйшей системы рабства, которая служила и служитъ единственно для цѣлей накопленія капитала, и для обогащенія класса цивилизованныхъ изверговъ, прикрывающихъ свою алчность соображеніями какой-то фиктивной общественной пользы" (стр. 504). Это замѣчаніе находится, конечно, въ связи съ общимъ духомъ человѣчности, которымъ проникнутъ трудъ г. Зибера. Книга заканчивается краткимъ указаніемъ на условія, въ силу которыхъ экономическая функція производства и распредѣленія постепенно отдѣляется отъ общественной власти, съ которою она соединена у первобытныхъ обществъ, и уступаетъ мѣсто другому порядку вещей, породившему непопулярный нынѣ принципъ невмѣшательства государства въ экономическую жизнь.

— Гражданское право древняго Рима. Лекціи Сергѣя Муромцева, профессора московскаго университета. Москва, 1883.

Капитальный трудъ проф. Муромцева пополняетъ собою весьма существенный пробѣлъ въ нашей ученой литературѣ. До сихъ поръ у насъ не было хорошаго руководства по римскому гражданскому праву: переводные учебники, которыми приходилось пользоваться при изученіи этого предмета, страдаютъ схоластическою односторонностью и не соотвѣтствуютъ потребностямъ юридическаго образованія въ Россіи. Римское право не имѣетъ и никогда не имѣло у насъ той непосредственной практической важности, какую оно сохранило, напримѣръ, въ Германіи; поэтому и система изученія этого права должна быть у насъ другая, чѣмъ у нѣмцевъ. Юридическая догматика, которой принадлежитъ главное мѣсто въ нѣмецкихъ изслѣдованіяхъ по римскому праву, не можетъ представлять для насъ особеннаго интереса; она имѣетъ цѣнность только въ той мѣрѣ, въ какой совпадаетъ съ существующими понынѣ общими понятіями о правѣ. Римское право интересно для насъ главнымъ образомъ съ исторической точки зрѣнія; съ этой именно точки зрѣнія излагается предметъ въ лекціяхъ проф. Муромцева. Въ самой Германіи, по

справедливому замѣчанію автора, начинають сознавать, что отдѣльное догматическое изученіе римскаго права потеряло прежнюю цѣну; тѣмъ болѣе неосновательно было бы поддерживать „догму" его въ Россіи. „Догма имѣетъ значеніе только по отношенію къ праву дѣйствующему, и потому догмѣ римскаго права мало условій для самостоятельнаго развитія въ русскихъ университетахъ" (Предисл., стр. V). Историческое изложеніе приноситъ учащимся несомнѣнную образовательную пользу, отвлекая ихъ отъ господствующей между юристами-теоретиками наклонности къ отвлеченной схоластикѣ; она бросаетъ свѣтъ на реальныя основы права—общественныя, экономическія и политическія,—имѣющія неодинаковый характеръ у различныхъ народовъ и въ различныя эпохи, почему и самое право не можетъ играть роль твердой и законченной логической системы. Г-нъ Муромцевъ указываетъ еще на то обстоятельство, что только при историческомъ изложеніи „обнаруживается, въ какой огромной степени прогрессъ гражданскаго права и его высокое состояніе могутъ зависѣть отъ широкаго развитія суда по совѣсти или по убѣжденію (суда присяжныхъ),—результатъ, очень поучительный для тѣхъ странъ, которыя не выяснили еще окончательно своихъ задачъ по отношенію къ гражданскому правосудію".

Итакъ, курсъ проф. Муромцева дастъ начинающимъ юристамъ весьма богатый матеріалъ, освѣщенный трезвымъ научнымъ взглядомъ и изложенный ясно и легко, въ систематическомъ порядкѣ, безъ того тяжелаго литературнаго балласта, который дѣлаетъ столь затруднительнымъ чтеніе нѣмецкихъ сочиненій подобнаго рода. Въ концѣ книги помѣщены указатели—хронологическій и алфавитный; особенно важенъ первый изъ нихъ, заключающій въ себѣ перечисленіе главнѣйшихъ политическихъ и законодательныхъ событій римской исторіи отъ основанія города до императора Юстиніана.—Л. З.

НЕКРОЛОГЪ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ.

Неутомимому труженику, въ которомъ такъ много потеряло русское школьное дѣло, не было еще пятидесяти лѣтъ отъ роду. Окончивъ курсъ, зимою 1854 — 55 г., въ александровскомъ лицеѣ, онъ поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Восточная война только что начинала тогда пробуждать наше общество отъ долговременнаго, на половину вынужденнаго, на половину добровольнаго сна. Понимали настоящую причину нашихъ неудачъ еще немногіе; необходимость движенія ясно сознавалась и горячо чувствовалась только въ небольшихъ кружкахъ, не оправившихся еще послѣ усиленнаго гнета. Громадное большинство молодежи, особенно той, которая оканчивала курсъ въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, вступало въ жизнь съ полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему выходившему изъ сферы личныхъ интересовъ. Служебная карьера тѣмъ полнѣе поглощала вниманіе, чѣмъ больше она представляла шансовъ быстраго повышенія. Баронъ Корфъ, котораго именно въ то время близко зналъ пишущій эти строки, съ самаго начала примкнулъ къ меньшинству. Служба оставляла его совершенно равнодушнымъ; онъ мечталъ о литературномъ трудѣ, пробовалъ свои силы въ критическихъ и публицистическихъ статьяхъ, которыхъ, впрочемъ, не предназначалъ для печати, трудился даже надъ романомъ, но, кажется, не довелъ его до конца. Сдѣлаться литераторомъ по профессіи въ 1855 г. было не такъ легко, какъ нѣсколько лѣтъ спустя; журналовъ было мало, цензурныя строгости только-что начинали смягчаться; самое литературное дарованіе барона Корфа было, притомъ, такого рода, что могло развиться только въ связи съ какимъ-нибудь практическимъ дѣломъ, которому бы онъ отдался всецѣло. Исканіе *дѣла*—реальнаго, не бумажнаго—заставило его, уже въ 1856 г., оставить службу и поселиться въ деревнѣ, въ екатеринославской губерніи. О жизни его тамъ до второй половины шестидесятыхъ годовъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній; знаемъ только, что онъ не переставалъ думать о литературной дѣятельности, сдѣлался корреспондентомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", вскорѣ

послѣ перехода ихъ подъ редакцію В. Ѳ. Корша, и горячо отдался земскому дѣлу. Настоящую свою дорогу онъ нашелъ только тогда, когда сталъ, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, руководителемъ земскихъ народныхъ школъ александровскаго уѣзда. Трудясь для нихъ, онъ трудился вообще для русской начальной школы. Заслуги его на этомъ поприщѣ выставлены на видъ въ другомъ мѣстѣ нашего журнала [1]). Педагогическая дѣятельность сдѣлала барона Корфа не только авторомъ спеціальныхъ сочиненій, но и публицистомъ; бо́льшая часть его журнальныхъ и газетныхъ статей посвящена тѣмъ самымъ любимымъ идеямъ, которыя онъ проводилъ въ жизнь и всѣми другими, доступными для него средствами. Въ нашемъ журналѣ баронъ Корфъ принималъ участіе почти съ самаго его основанія; однимъ изъ первыхъ его вкладовъ былъ замѣчательный очеркъ мирового суда въ провинціи, и до сихъ поръ сохранившій свою свѣжесть. Недостатки мировой юстиціи, указанные имъ на основаніи собственнаго опыта (онъ былъ почетнымъ мировымъ судьею и предсѣдательствовалъ одно время въ александровскомъ мировомъ съѣздѣ), съ тѣхъ поръ выяснились еще больше — и все еще остаются неисправленными. Остальныя статьи бар. Корфа въ „Вѣстникѣ Европы" вызваны были, большею частью, текущими педагогическими вопросами; послѣдняя изъ нихъ, написанная по поводу одной изъ учительскихъ семинарій, была вмѣстѣ съ тѣмъ превосходной защитой этого учрежденія, надъ которымъ опять собираются грозныя тучи. Наши читатели не забыли еще, безъ сомнѣнія, параллель, проведенную имъ недавно между петербургскими и московскими начальными городскими училищами, а также блестящую картину школьнаго дѣла, организованнаго преимущественно крестьянствомъ (въ бердянскомъ уѣздѣ).

Тяжело и грустно вспомнить, какими невзгодами была омрачена жизнь человѣка, такъ много потрудившагося на общую пользу. Что баронъ Корфъ былъ забаллотированъ, десять лѣтъ тому назадъ, на александровскомъ съѣздѣ крупныхъ землевладѣльцевъ — это было, до извѣстной степени, въ порядкѣ вещей (если только можно назвать „порядкомъ" устройство, дающее подобные результаты); неудача, его постигшая, уравновѣшивалась, притомъ, съ избыткомъ избраніемъ его въ гласные на трехъ (изъ числа пяти) крестьянскихъ избирательныхъ съѣздахъ. Невознагражденной и невознаградимой осталась прошлогодняя печальная исторія приглашенія бар. Корфа на должность завѣдывающаго начальными училищами города Москвы.

---

[1]) См. выше: Внутреннее Обозрѣніе, стр. 828.

Только въ наше время травля, поднятая двумя-тремя газетами, могла помѣшать заранѣе рѣшенному избранію, которое дало бы Москвѣ the right man in the right place—человѣка, вполнѣ достойнаго занять предназначенное ему мѣсто. Мелочность, низменность вражды, игравшей главную роль въ давленіи на московскую городскую думу, всего лучше доказывается тѣмъ, что эта вражда пережила смерть барона Корфа. Въ то самое время, когда ему отдають справедливость даже газеты, при жизни его кидавшія въ него грязью, одно только московское изданіе игнорируетъ его кончину, какъ будто бы сошелъ со сцены заурядный, никому за предѣлами своего уѣзда неизвѣстный земскій дѣятель. Если припомнить, впрочемъ, молчаніе той же газеты послѣ смерти Тургенева, то приходится признать, что и она почтила, по своему, память барона Корфа.

А-н—

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е декабря, 1883.

Опасная шутка и опасное усердіе.—Пренія о Тургеневской улицѣ въ одесской городской думѣ.—„Повелительное полномочіе", призываемое на помощь противъ земской учительской школы.—Вопросъ о нравственности въ искусствѣ, по поводу новой драмы „Около денегъ".

Нашъ общій знакомый Молчалинъ, высказавъ совершенно справедливую мысль, что у каждаго есть „свой талантъ", иллюстрировалъ ее присвоеніемъ самому себѣ цѣлыхъ двухъ „талантовъ"—умѣренности и аккуратности. Его примѣру могла бы послѣдовать, въ наши дни, извѣстная московская газета: рядомъ съ монополіей благонамѣренности она безспорно укрѣпила за собою монополію тоски. Разверните листъ „Московскихъ Вѣдомостей"—и въ девяти случаяхъ изъ десяти вы найдете передовую статью, въ тысяча-первый разъ обсуждающую какой-нибудь частный, мало интересный хозяйственный или дипломатическій вопросъ. За нею идетъ длинный рядъ текущихъ извѣстій—и только иногда, на четвертой страницѣ, утомительное однообразіе мелкихъ фактовъ уступаетъ мѣсто какому-нибудь незатѣйливому разсказу, мирному очерку Италіи, Пиринеевъ и т. п. Праздничными днями для подписчиковъ должны быть тѣ, когда на сцену выдвигаются молніи и громы противъ новыхъ судовъ, противъ университетовъ, противъ петербургской либеральной печати. Правда, молніи эти блѣдны, громы звучатъ не столько величественно, сколько ворчливо, весь аппаратъ грозы сильно устарѣлъ—но даже буря въ стаканѣ воды занимательнѣе полнѣйшаго затишья. Изрѣдка роль интермедіи разыгрываетъ не гроза, а шутка—шутка пасмурная, тяжеловѣсная, съ желчно-обвинительной подкладкой, и потому опасная, но все же вносящая нѣкоторую пестроту въ тускло-сѣрый фонъ картины. „Страны свѣта перевернулись — такъ начинается одна изъ этихъ шутокъ;—чуть ли теперь не мы самая западная держава. Французская республика въ западности отстаетъ отъ насъ". Не правда ли, приступъ недурной, вполнѣ соотвѣтствующій правиламъ реторики? Серьёзно утверждать нѣчто явно несообразное—одно изъ лучшихъ средствъ насмѣшить читателей. Такимъ же шуточнымъ характеромъ отличается и конецъ статьи, стараясь доказать, что наши „автономныя учрежденія" опередили—horribile dictu—даже парижскій муниципальный совѣтъ: московская газета ссылается... на постановленіе череповецкой городской думы о выраженіи англійскому правительству

порицанія за мѣры, принимаемыя имъ къ подавленію феніанскаго движенія въ Ирландіи. Само собою разумѣется, что это постановленіе оказалось уткой; болѣе чѣмъ вѣроятно, что такъ на него смотрѣли и сами шутники. Не хорошо только то, что̀ довольно ясно написано между строками „шутки". Рѣчь идетъ о мотивахъ, по которымъ французская палата депутатовъ отвергла предложеніе учредить или, правильнѣе, возстановить парижскую центральную мерію. „Республиканскую палату,—читаемъ мы въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей",—испугала возможность столкновенія думы съ администраціей, и автономію городскую, которую считаетъ возможною для провинціи, признала опасною для столицы [1]). Палата нашла, что за городскимъ совѣтомъ столицы можно оставить только *языкъ*, а *рукъ* ему не давать: пока онъ только болтаетъ, его можно не слушать"... (многоточіе въ подлинникѣ). A bon entendeur salut; научиться коечему можно вѣдь и у республиканской палаты, на основаніи стариннаго правила: fas est et ab hoste doceri. Если даже французская вольница примѣняетъ къ Парижу русскую поговорку: „языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай", то не слѣдуетъ ли тѣмъ паче вспомнить объ этой поговоркѣ въ Петербургѣ и Москвѣ? Порядокъ—прежде всего; *западность* не пристала къ востоку, и „перевернувшіяся" страны свѣта надлежитъ безотлагательно привести въ прежнее положеніе. Напрасно было бы выставлять на видъ всю громадную разницу между Парижемъ и Москвой, между преданіями Гревской площади и Воздвиженки; напрасно было бы говорить о томъ, что нашимъ „рукамъ", какъ и нашему „языку", нигдѣ и никогда не было предоставляемо излишней воли. Московскіе шутники все это прекрасно помнятъ и знаютъ—но разъ, что аналогія для нихъ удобна, заботиться о точности ея они считаютъ излишнимъ. Москва—такова основная мысль шутливой статьи, обращающая ее уже вовсе не въ шутку—остается теперь, по собственной винѣ своей, безъ *рукъ*, или по крайней мѣрѣ безъ правой руки; не мѣшало бы воспользоваться этимъ положеніемъ и вовсе лишить ее рукъ, оставивъ за нею, jusqu'à nouvel ordre, одинъ языкъ. Отсюда уже сама собою слѣдовала бы такая же операція и относительно Петербурга, хотя и снабженнаго руками въ надлежащемъ комплектѣ.

Случайно или не случайно, не знаемъ—но въ томъ же номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей", гдѣ киваютъ на Москву, говоря о Парижѣ, появилось открытое письмо Н. И. Мамонтова къ гласнымъ московской городской думы. Цѣль г. Мамонтова не имѣетъ ничего

---

[1]) Въ этой фразѣ кое-чего недостаетъ съ грамматической точки зрѣнія, но мы цитируемъ буквально.

общаго съ редакціонной „шуткой"; напротивъ того, онъ особенно дорожитъ *рукой* (у насъ, какъ извѣстно, рука называется головою) и настаиваетъ на скорѣйшей ея приставкѣ къ туловищу—но нѣкоторые изъ его аргументовъ подливаютъ воду на мельницу „Московскихъ Вѣдомостей", и обличаютъ въ ораторѣ опасное усердіе. По словамъ г. Мамонтова, „далѣе идти московскому городскому самоуправленію по настоящему его пути есть уже преступленіе" — а за преступленіемъ логически слѣдуетъ наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ (*capitis* diminutio — выраженіе какъ разъ подходящее къ данному случаю). Еще болѣе рискованна та мысль открытаго письма, что во всѣхъ недочетахъ и недодѣлкахъ московскаго городского самоуправленія виноваты *исключительно* представители его, что городовое положеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго, что администрація никогда и ни въ чемъ не мѣшаетъ думѣ. Авторъ письма не замѣчаетъ, что самъ постоянно впадаетъ въ противорѣчіе съ этою мыслью. *Несомнѣнное*, по мнѣнію г. Мамонтова, большинство гласныхъ правильно понимаетъ задачи городского самоуправленія; „къ несчастію, большинство это не всегда составляетъ большинство въ думѣ". Что значитъ сей сонъ, какимъ образомъ большинство можетъ не быть большинствомъ? Быть можетъ, г. Мамонтовъ хотѣлъ сказать, что правильное пониманіе задачи не всегда идетъ рука объ руку съ усерднымъ ея исполненіемъ, что наиболѣе разумные изъ числа гласныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе равнодушные члены думы, наименѣе аккуратные посѣтители ея засѣданій? Нѣтъ; „громадное большинство изъ васъ, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ — несомнѣнно любитъ дорогое всему обществу дѣло городского самоуправленія и желаетъ принести посильную пользу"; объ индифферентизмѣ большинства не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи. Корень зла, если вѣрить г. Мамонтову—это отсутствіе „нравственнаго объединяющаго центра для осуществленія добрыхъ стремленій"; такимъ центромъ долженъ быть городской голова. Но безголовье Москвы продолжается только три или четыре мѣсяца, а неурядицы, перечисляемыя авторомъ письма, имѣютъ за собою длинную, многолѣтнюю исторію. Отчего же просвѣщенные и усердные гласные не объединились уже давно вокругъ своего естественнаго центра? Развѣ центръ противодѣйствовалъ, активно или пассивно, такому объединенію? Едва ли! между московскими городскими головами были люди, вполнѣ способные къ объединяющей роли. Допустимъ, однако, что ни одинъ изъ нихъ не былъ на высотѣ своего положенія; гдѣ же ручательство въ томъ, что ея достигнетъ вновь избранный городской голова? Правда, г. Мамонтовъ говоритъ еще о какомъ-то совѣтѣ при городскомъ головѣ,

въ составъ котораго должны войти представители различныхъ группъ думы; но не странно ли возлагать надежды на новое колесо въ машинѣ, безъ того уже достаточно сложной? Къ чему, въ добавокъ, приведетъ это колесо, если ось, около которой оно будетъ вертѣться, опять окажется непрочной? Предположенія и предложенія г. Мамонтова одинаково висятъ на воздухѣ; анализируя воду, онъ не обратилъ вниманія на ея источникъ. При трехклассной избирательной системѣ, подчиняющей думу искусственному преобладанію небольшой горсти людей, при невозможныхъ избирательныхъ порядкахъ, обращающихъ выборы гласныхъ въ какую-то безтолковую лоттерею, городская дума — и меньше всего дума столичная—вовсе не служитъ настоящимъ представительствомъ города; ея неудачи отнюдь не могутъ быть поставлены на счетъ самаго принципа самоуправленія. Мы далеки отъ мысли, чтобы городскимъ думамъ, впредь до пересмотра городового положенія, оставалось только умыть руки и систематически отказаться отъ всякаго дѣла. Бороться и работать слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ — необходимо только имѣть въ виду, что впредь до измѣненія условій немыслимъ полный успѣхъ борьбы, невозможенъ крупный результатъ работы. Общественный дѣятель, свободный отъ тисковъ предвзятаго взгляда, не скажетъ своимъ товарищамъ: „все вокругъ насъ отлично, нехороши только мы сами"—не скажетъ этого уже потому, что при такой постановкѣ вопроса нѣтъ, собственно говоря, и мѣста для перемѣны къ лучшему; кто ничего не дѣлаетъ, имѣя полную возможность сдѣлать многое или все, того не исправитъ никакое наставленіе, никакая проповѣдь. Гораздо практичнѣе и основательнѣе было бы обратиться къ московскимъ гласнымъ съ такою рѣчью: „наше положеніе крайне неудовлетворительно, коренная передѣлка его необходима; постоянно помнить и напоминать объ этомъ, подготовлять матеріалы для реформы — наша прямая обязанность; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы обязаны заботиться и теперь, насколько это отъ насъ зависитъ, о неотложныхъ потребностяхъ города; и доказать (если это еще требуетъ доказательствъ), что даже плохо-организованное самоуправленіе лучше порядковъ, которые оно замѣнило".

Довольно характеристичною иллюстраціею къ вопросу о томъ, чтó такое наши теперешнія городскія думы, можетъ служить слѣдующій фактъ изъ лѣтописей одесскаго городского управленія. Въ Одессѣ возникла мысль почтить память Тургенева, назвавъ его именемъ одну изъ городскихъ улицъ; оффиціально одобренная градоначальникомъ, мысль эта встрѣтила оппозицію между гласными думы. Одинъ изъ нихъ (г. Базили) возсталъ противъ нея, какъ противъ чего-то совершенно новаго, никогда нигдѣ въ Россіи не практико-

вавшагося. „Не въ обычаяхъ нашихъ предковъ,—воскликнулъ онъ,—называть улицы и площади именами писателей, совершенно чуждыхъ (?!) городу. Чтó сдѣлалъ Тургеневъ для Одессы (на какомъ же языкѣ говорятъ въ Одессѣ?); какое онъ имѣетъ отношеніе къ ней? Назовемъ, господа, площадь именемъ Крылова! По Крылову учатся наши дѣти (кстати: Крыловъ же написалъ басню—„Осёлъ и Соловей", и много другихъ басенъ, полезныхъ и для взрослыхъ); но не знаю, есть ли такія дѣти, которыя учатся по Тургеневу. Его произведенія читаютъ и... только! Тургеневу до Крылова такъ же далеко, какъ до звѣзды небесной". Другой гласный (г. Бухтѣевъ) пошелъ еще дальше; изъ человѣка безполезнаго для Одессы Тургеневъ обратился въ человѣка вреднаго—для Россіи! „Произведенія Тургенева принесли значительно больше вреда молодежи, чѣмъ пользы. Достоевскій высказалъ, что Тургеневскій „Дымъ" слѣдуетъ сжечь черезъ палача. Я протестую противъ того, что Тургеневъ способствовалъ отмѣнѣ крѣпостного права. Она была вызвана сознаніемъ русскаго народа" (а сознаніе-то чѣмъ было вызвано?). Не знаемъ, на чьей сторонѣ оказалось большинство одесскихъ гласныхъ; очевидно только то, что въ ихъ средѣ нашло удобную почву такъ называемое „переживаніе" обычаевъ и взглядовъ. Развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, назвать иначе противодѣйствіе новизнѣ, основанное только на томъ, что она новизна? Наши предки, безъ сомнѣнія, не называли улицъ и площадей именами писателей; но много ли у нихъ было и писателей, заслуживавшихъ такой чести? Цѣнилось ли въ то время литературное дарованіе, какъ оно цѣнится теперь, существовало ли, рядомъ съ понятіемъ о военной славѣ, самое понятіе о славѣ литературной или вообще мирной, гражданской? Имя писателя, обращающееся въ названіе улицы—это своего рода памятникъ писателю; а исторія памятниковъ сдѣлается со временемъ—и не для одной только Россіи—одною изъ страницъ исторіи общественной мысли. Давно ли еще они считались монополіей полководцевъ, спасителей отечества? У насъ первыя отступленія отъ этой теоріи восходятъ не дальше, какъ къ половинѣ нынѣшняго столѣтія — и какъ медленно, какъ постепенно они проникаютъ въ жизнь! Бюсты или статуи, бóльшею частью небольшого размѣра, воздвигаются въ отдаленныхъ городахъ (напр., памятникъ Карамзину — въ Симбирскѣ), скромно помѣщаются во дворахъ или садахъ (бюстъ Ломоносова въ Москвѣ, памятникъ Крылову въ Петербургѣ); нужно было преодолѣть много препятствій, чтобы завоевать для памятника Пушкину мѣсто на одномъ изъ московскихъ бульваровъ. Памятникъ Гоголю пріютился въ Нѣжинѣ, памятникъ Лермонтову предполагается поставить въ Пятигорскѣ. Еще тише

подвигается впередъ дѣло повидимому болѣе простое — украшеніе улицъ и площадей именами, никогда не гремѣвшими на полѣ битвѣ. Къ площадямъ Суворовской и Румянцевской, къ Потемкинской улицѣ только недавно присоединилась въ Петербургѣ улица Пушкинская— и за первымъ шагомъ, если мы не ошибаемся, еще не послѣдовало второго. Туго поддаются заставы и задвижки, поддерживаемыя привычкой; мысль о чествованіи людей, которыхъ *только* читаютъ, все еще не можетъ пріобрѣсти правъ гражданства. Едва отворится передъ нею одна дверь, какъ уже затворяется другая, и ей опять приходится ожидать у порога. Хорошо уже и то, что противники новизны чувствуютъ потребность вступать съ ней въ компромиссы, что охранители дѣдовскихъ преданій, возставая противъ тургеневской улицы, готовы допустить крыловскую площадь. Оппозиція, готовая пожертвовать принципомъ и спорящая только изъ-за его примѣненія, на половину побѣждена и сама предчувствуетъ свое пораженіе. Указаніе на вредъ, причиненный молодежи сочиненіями Тургенева — отчаянное средство, къ которому не стали бы прибѣгать честные борцы, вѣрящіе въ правоту своего дѣла.

Московской городской думѣ предстоитъ, если вѣрить неумѣлымъ друзьямъ ея, чуть не борьба за существованіе; въ одесской городской думѣ происходитъ борьба за старую уличную номенклатуру; петербургскую городскую думу приглашаютъ къ борьбѣ... противъ петербургскаго губернскаго земства, безжалостно пожирающаго столичныя средства. Не ужасно ли, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что Петербургъ тратитъ на земское дѣло цѣлыхъ сто тысячъ рублей, т.-е. одну пятидесятую часть своего пятимилліоннаго бюджета!? Еще ужаснѣе то, что почти треть этой суммы идетъ на земскую учительскую школу, бывшіе ученики и ученицы которой не всѣ поголовно поступаютъ въ училища петербургской губерніи. Непроизводительная издержка, упадающая, вслѣдствіе этого, на долю города Петербурга, простирается до десяти, можетъ быть даже до двѣнадцати тысячъ рублей. До сихъ поръ защитниками земской школы—защитниками ея противъ нападеній, которыя она почти ежегодно вызывала въ губернскомъ земскомъ собраніи—являлись не только гласные отъ уѣздовъ, но и гласные отъ столицы. Положить конецъ такой вопіющей аномаліи рѣшился гр. А. А. Бобринскій, гласный городской думы и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ представителей ямбургскаго уѣзда въ губернскомъ земскомъ собраніи. Обративъ вниманіе думы на приведенныя выше цифры, онъ предложилъ думѣ „уполномочить губернскихъ гласныхъ отъ столицы употребить, въ предстоящей сессіи губернскаго собранія, всѣ усилія къ сокращенію расхода на земскую школу, т.-е. къ исходатайствованію передъ правительствомъ принятія

ея на правительственный счетъ". Любопытна, прежде всего, самая редакція этого предложенія. *Уполномочивать* столичныхъ гласныхъ на борьбу противъ злополучной школы нѣтъ, очевидно, никакой надобности; наравнѣ со всѣми другими членами губернскаго собранія, они имѣютъ полное право подать голосъ за сокращеніе или совершенное прекращеніе всякаго расхода, входящаго въ составъ губернской земской смѣты. Вмѣсто *уполномочить* нужно поэтому читать: *вмѣнить въ обязанность*. Дѣло идетъ, очевидно, о введеніи, по крайней мѣрѣ по одному предмету, такъ называемаго *повелительнаго полномочія* (mandat impératif). Губернскихъ гласныхъ хотятъ заставить смотрѣть на земскую школу не своими собственными глазами, а глазами думскаго большинства, едва ли знакомаго съ прошедшимъ и настоящимъ этой школы. Къ числу представителей столицы въ губернскомъ собраніи принадлежитъ одинъ изъ основателей школы (баронъ П. Л. Корфъ)—и онъ также долженъ будетъ наложить руку на своё созданіе?! Есть, правда, простой выходъ изъ затрудненій, создаваемыхъ „повелительнымъ полномочіемъ"—это отказъ отъ самаго полномочія, т.-е. отъ званія, съ которымъ оно сопряжено; но во что обратится, послѣ нѣсколькихъ такихъ отказовъ, представительство столицы въ губернскомъ собраніи? Повелительное полномочіе не существуетъ ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ; менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь оно было бы умѣстно у насъ въ Россіи, какъ вслѣдствіе неудовлетворительности нашихъ избирательныхъ системъ, такъ и вслѣдствіе недостаточно выработанной привычки къ общественной дѣятельности. Нашимъ собраніямъ нужны люди стойкіе въ своихъ мнѣніяхъ, самостоятельные въ своемъ образѣ дѣйствій, а не слѣпые исполнители чужихъ велѣній. Такъ ли важно, наконецъ, ничтожное сбереженіе городскихъ денегъ, чтобы выдвигать изъ-за него на сцену тяжелую артиллерію „повелительнаго полномочія"? Такъ ли безполезна для губерніи и для самой столицы земская учительская школа, чтобы стремиться, во что бы то ни стало, къ освобожденію отъ бремени, налагаемаго ею на столичный бюджетъ? Въ губернскомъ земскомъ собраніи походъ гр. Бобринскаго противъ земской школы остался безъ успѣха; мы надѣемся, что та же судьба постигнетъ его и въ думѣ. Земская учительская школа — одно изъ тѣхъ учрежденій, о дѣятельности которыхъ слѣдуетъ судить не столько по количественнымъ, сколько по качественнымъ даннымъ. Поступленіе нѣкоторыхъ учениковъ ея въ начальныя училища другихъ губерній—зависящее, притомъ, отчасти отъ всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управъ, не всегда заботящихся о замѣщеніи вакансій именно лицами, окончившими курсъ въ земской школѣ—не имѣетъ большого значенія, въ виду той пользы, которую приносятъ остальные именно

петербургской губерніи. Есть уѣзды, въ которыхъ контингентъ учителей и учительницъ изъ земской школы возрастаетъ съ каждымъ годомъ—а чтобы убѣдиться въ томъ, какую роль играетъ этотъ контингентъ сравнительно съ другими, стоитъ только побывать на одномъ изъ уѣздныхъ учительскихъ съѣздовъ. Лучшіе изъ бывшихъ воспитанниковъ земской школы (въ особенности учительницы) наполняютъ собою столичныя начальныя училища. Весьма важно и то, что при отсутствіи обязанности прослужить извѣстное число лѣтъ въ предѣлахъ петербургской губерніи, большинство учениковъ и ученицъ земской школы остается здѣсь добровольно—а нужно ли доказывать преимущество добровольной службы надъ обязательною? Напрасно было бы разсчитывать на то, что школа, въ высшей степени дорогоцѣнная для губерніи, переживетъ отказъ земства отъ сопряженныхъ съ нею расходовъ и обратится въ правительственное учрежденіе. Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ уже въ петербургской губерніи учительскую семинарію (гатчинскую); въ Павловскѣ существуетъ, сверхъ того, учительская семинарія воспитательнаго дома. Присоединять къ нимъ еще третью правительство едва ли найдетъ нужнымъ. Въ правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ обучаются, притомъ, только мужчины—а одно изъ главныхъ достоинствъ земской школы состоитъ въ томъ, что она открыта и для женщинъ. О значеніи народныхъ учительницъ нашъ журналъ говорилъ часто и много; замѣтимъ только, что ими особенно дорожитъ именно петербургская столичная училищная коммиссія—и это совершенно понятно уже потому, что средній уровень образованія между ними гораздо выше, чѣмъ между учителями. Для дальнѣйшаго процвѣтанія земской учительской школы желательно только одно—совершенное прекращеніе той войны, которая ведется противъ нея уже лѣтъ пять то въ губернскомъ земскомъ собраніи, то въ городской думѣ. Она постоянно чувствуетъ себя висящею на волоскѣ — и это въ концѣ концовъ должно отразиться и на числѣ учениковъ, и на личномъ составѣ преподавателей. Пускай дѣятельность школы и бывшихъ воспитанниковъ ея подвергается самому строгому контролю, лишь бы только было признано за нею разъ навсегда право на существованіе, именно въ качествѣ *земской* школы.

Представленіе въ Петербургѣ и Москвѣ новой драмы: „Около денегъ“, выдвинуло на сцену старый вопросъ о нравственности въ литературѣ и театрѣ. Пожилая дѣвушка, безумно влюбляющаяся въ молодого парня и доходящая, подъ его вліяніемъ, до похищенія денегъ изъ отцовскаго сундука; ея любовникъ, хладнокровно расс

тывающій, что для него выгоднѣе—связь съ хозяйской дочерью, или съ хозяйской невѣсткой, и готовый, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать себѣ вторую доходную статью изъ отношеній своей жены къ хозяйскому сыну; старый купецъ—снохачъ, закоренѣлый эгоистъ и деспотъ; его сынъ, на все смотрящій сквозь пальцы, лишь бы только можно было раскутиться во всю душу; молодая хозяйка, принимающая подарочки отъ тестя и вмѣстѣ съ тѣмъ заигрывающая съ красивымъ работникомъ—вотъ неутѣшительная картина, развертываемая драмой. Новаго въ ней мало; явленія, затронутыя ею, были много разъ предметомъ романовъ, повѣстей, этюдовъ, почерпнутыхъ изъ крестьянскаго быта; яркость впечатлѣнія зависитъ отъ сценической обстановки, на этотъ разъ, въ добавокъ, вполнѣ удовлетворительной, отчасти даже прекрасной. Въ реальности дѣйствующихъ лицъ, въ вѣрности красокъ, которыми они изображены, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Заглавіе драмы (передѣланной, какъ извѣстно изъ романа того же имени) весьма характеристично; деньги составляютъ въ ней какъ бы фокусъ, притягивающій однихъ, иссушающій другихъ, тяготѣющій, такъ или иначе, надъ всѣми и каждымъ. Въ несложномъ, сравнительно, бытѣ ихъ власть чувствуется съ удвоенною силой; въ другихъ сферахъ она, можетъ быть, и не менѣе велика, но менѣе замѣтна, потому что переплетается съ другими, разнообразными элементами. Богатство, пріобрѣтенное per fas et nefas, искажаетъ, прежде всего, самого пріобрѣтателя и людей, къ нему наиболѣе близкихъ; затѣмъ вокругъ него образуется особая атмосфера, какъ вокругъ падали, привлекающей къ себѣ и стаи вороновъ, и рои мухъ. Мухи, вкусившія отъ падали, разносятъ заразу все дальше и дальше. „Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu"—изученіе ея непривлекательно, но необходимо. Въ нашей общественной жизни явленія, резюмируемыя словами: „около денегъ", играютъ такую широкую и постоянно растущую роль, что ихъ не можетъ и не должна миновать ни одна отрасль искусства. Незачѣмъ брезгливо отворачиваться отъ нихъ; незачѣмъ изгонять изъ театра то, что безпрерывно преслѣдуетъ насъ въ жизни. Весь вопросъ сводится къ тому, *какъ* изображать подобныя явленія. Сдержанность кисти или пера получаетъ здѣсь особенную важность — и въ драмѣ, въ комедіи, еще болѣе, чѣмъ въ романѣ, именно потому, что онѣ сильнѣе бьютъ по нервамъ. Есть ли въ драмѣ, о которой мы говоримъ, излишнія детали, слишкомъ рѣзко или слишкомъ тонко—подчеркивающіе житейскую правду? Останавливается ли она слишкомъ часто или слишкомъ долго на грязи, которую можно указать, но не нужно исчерпывать до дна? Оставляетъ ли она въ зрителяхъ впечатлѣніе, до извѣстной степени подкупающее въ пользу

неприглядныхъ явленій, скрашивающее ихъ черноту, примиряющее съ ними? По нашему глубокому убѣжденію—нѣтъ. Смѣхъ, раздающійся въ театрѣ, вызывается только ломаньемъ вновь испеченной купчихи (Марины Федотовны), крестьянки, лѣзущей въ мѣщанство, какъ нѣкогда мѣщане лѣзли въ дворянство—фигурой туповатаго купеческаго сынка, гораздо болѣе забавной, чѣмъ противной—веселостью Капитоновой жены, сохранившей, несмотря на всѣ соблазны, и сердечную теплоту, и своеобразную честность. Все печальное и отвратительное остается именно такимъ—и едва ли найдется хотя одинъ зритель, въ которомъ запоздалая страсть Степаниды, гнусная разнузданность ея отца, даже животная чувственность Матрены Карповны отозвалась бы иначе, чѣмъ могъ бы желать самый строгій моралистъ. Игра актеровъ способствуетъ этому въ такой же мѣрѣ, какъ и намѣренія авторовъ; чувственный элементъ въ любви Степаниды къ Капитону стушеванъ, напримѣръ, госпожею Стрепетовою на столько, что одинъ лишній шагъ на этомъ пути былъ бы уже нарушеніемъ драматической правды. Особенно выдающимся, высоко художественнымъ произведеніемъ—„Около денегъ", конечно, назвать нельзя—но это честная пьеса, авторы которой съумѣли быть правдивыми—безъ излишняго реализма, и нравственными — безъ морализирующей тенденціи. Передъ нами проходитъ все то же „темное царство", которое, четверть вѣка тому назадъ, описалъ Добролюбовъ; оно немножко почистилось снаружи, немножко пріодѣлось, но лучшимъ отъ этого не стало. Что̀ довело Степаниду до преступленія, Капитона — до горячечной погони за „таланомъ"—это мы видимъ воочію (какъ характеристичны, напримѣръ, съ этой точки зрѣнія слова Терентія Савельича, обращенныя къ дочери: „Я къ тебѣ привыченъ!"). Какъ сложился самый очагъ, около котораго разгораются страсти—денежный сундукъ Терентія Савельича,—на это нѣтъ указаній въ драмѣ; но кто же не знаетъ исторію подобныхъ очаговъ, почти вездѣ и всегда, въ главныхъ чертахъ, одну и ту же! Непосредственныхъ практическихъ результатовъ отъ драмы ни требовать, ни ожидать нельзя; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что пьеса: „Около денегъ" прибавляетъ еще одну черту къ поучительной картинѣ, давно уже рисуемой нашими народными беллетристами—черту, заимствующую особую яркость отъ театральныхъ подмостковъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1883 году.

Въ 1883-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Херсонск. .	235	23.	Волынская .	59	45.	Московская.	34
2.	Кіевская. .	202	24.	Рязанская .	55	46.	Витебская .	33
3.	Екатеринос.	177	25.	Симбирская.	55	47.	Забайк. об.	33
4.	Харьковск..	156	26.	Калужская .	49	48.	Уфимская .	31
5.	Тифлисская.	120	27.	Новгородск.	49	49.	Гродненская	30
6.	Таврическ..	115	28.	Обл. В. Дон.	48	50.	Кутаисская.	29
7.	Полтавская.	107	29.	Кубанск. об.	47	51.	Могилевск..	29
8.	Варшавск. .	100	30.	Терская об.	47	52.	Томская . .	28
9.	С.-Петерб. .	84	31.	Тверская. .	46	53.	Астраханск.	27
10.	Казанская .	83	32.	Иркутская .	45	54.	Ковенская .	27
11.	Воронежск..	81	33.	Сыръ-Д. об.	44	55.	Вологодская	26
12.	Саратовск. .	78	34.	Виленская .	43	56.	Люблинская	26
13.	Курская . .	77	35.	Ярославская	43	57.	Бакинская .	26
14.	Черниговск.	77	36.	Вятская .	41	58.	Примор. об.	22
15.	Подольская.	76	37.	Пензенская.	41	59.	Акмол. об.	22
16.	Тамбовская.	76	38.	Оренбургск.	40	60.	Тобольская.	19
17.	Пермская. .	75	39.	Владимірск.	39	61.	Енисейская.	19
18.	Орловская .	73	40.	Костромская	38	62.	Олонецкая .	19
19.	Нижегород.	69	41.	Минская. .	38	63.	Нюландская	18
20.	Бессарабск.	65	42.	Самарская .	36	64.	Елисаветпол.	18
21.	Смоленская.	60	43.	Псковская .	35	65.	Эриванская.	18
22.	Тульская. .	60	44.	Лифляндск.	34	66.	Дагест. обл.	16

67.	Ставропол. .	16	77.	Ломжинская.	12	87.	Уральск. об.	7
68.	Радомская .	16	78.	Сувалкская.	12	88.	Батумская .	4
69.	Сѣдлецкая .	16	79.	Семипал. об.	11	89.	Закат. окр.	1
70.	Карская. об.	15	80.	Ферганская.	11	90.	Кульдж. р.	1
71.	Петроковск.	15	81.	Калишская.	11	91.	С.-Михельск.	1
72.	Семирѣченс.	15	82.	Плоцкая . .	11	92.	Тавастгуская.	1
73.	Архангельс.	14	83.	Эстляндская	10	93.	Черном. ок.	1
74.	Амурск. об.	12	84.	Якутск. об.	9			
75.	Курляндск.	12	85.	Заравш. окр.	8			4030
76.	Кѣлецкая. .	12	86.	Выборгская.	8			

II. Въ С.-Петербургѣ. 1115

III. Въ Москвѣ 476

IV. За границей 171

Всего: экз. 5792

А. Хомиховскій

Экспед. редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1883 году.

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Настроеніе общества на рубежѣ двухъ годовъ.—Вопросы о самобытности и о либерализмѣ; необходимость другой ихъ постановки. — Характеристическія событія прошедшаго года, въ связи съ видами на будущее. — Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Еще нѣсколько словъ о проектѣ уголовнаго уложенія (*Январь, 365*).—Общая характеристика нашего финансоваго положенія и виды въ ближайшемъ будущемъ.—Отчетъ главнаго тюремнаго управленія, въ его связи съ проектомъ новаго уголовнаго уложенія. — Смѣта города С.-Петербурга. — Сотрудничество чиновниковъ въ періодическихъ изданіяхъ. — Абсентеизмъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ (*Февраль, 814*).—Мнѣніе „умнаго и опытнаго сановника" о современномъ настроеніи русскаго общества. — Разнообразіе понятій, соединяемыхъ со словомъ „общество" и проистекающія отсюда недоразумѣнія.—Рязанское земство и статистика.—Своевременны ли работы по пересмотру гражданскихъ законовъ?—Возможность совмѣстнаго дѣйствія народныхъ обычаевъ и гражданскаго уложенія. — Роль „сочинительства" въ составленіи кодекса (*Мартъ, 370*). — Введеніе судебнаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ въ составъ департамента полиціи.—Ожидаемое измѣненіе законовъ о раскольникахъ.—Проектъ общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ; фиктивная передача акцій и возможныя противъ нея мѣры; составъ и дѣятельность желѣзно-дорожныхъ правленій; подсудность исковъ, предъявляемыхъ къ желѣзнымъ дорогамъ. — Новый налогъ на заграничные паспорты. — Пятидесятилѣтіе петербургскаго коммерческаго суда.—Что думаютъ „Московскія Вѣдомости" о пятидесятилѣтіи нашихъ общихъ судовъ (*Апрѣль, 803*). — Новая категорія „униженныхъ и оскорбленныхъ", розысканная „Московскими Вѣдомостями".—Вакханаліи въ печати.—Чрезвычайная сессія с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія. — Возраженія желѣзно-дорожныхъ дѣятелей противъ проекта общаго желѣзно-дорожнаго устава. — Значеніе частныхъ уставовъ, какъ договоровъ и какъ сепаратныхъ законовъ.—Формализмъ, подкапывающійся подъ самыя основы реформы.—Ожиданія народныхъ массъ въ остзейскомъ краѣ (*Май, 342*).—Пятнадцатое мая—день всенароднаго торжества. — Общая характеристика движеній въ русской общественной жизни. — Вопросъ о нашемъ самоуправленіи, и отвѣтъ проф. А. Д. Градовскаго по этому предмету. — Отчеты о призывѣ 1882 г. и конской переписи въ Петербургѣ.—Слухи изъ педагогическаго міра.—По поводу проекта института ученыхъ акушерокъ. — Правила дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка, и кредитъ землевладѣльцамъ. — Дѣло кронштадскаго банка, и фиктивные вклады. — Г. Катковъ о кабакѣ и интеллигенціи (*Іюнь, 813*). — Милостивый манифестъ 15-го мая.—Новый законъ о раскольникахъ: его достоинства и недостатки. — Главное препятствіе къ правильному разрѣшенію вопроса о расколѣ. — Законъ о выморочныхъ дворянскихъ имуществахъ.—Толки о „дворянскомъ принципѣ".—Прекращеніе закавказскаго транзита. — Законы объ акціонерныхъ коммерческихъ банкахъ и земскихъ эмеритальныхъ кассахъ (*Іюль, 350*).—Метафизика въ теоріи и практикѣ юриспруденціи. — „Обратная сила закона и пріобрѣтенное право" въ примѣненіи къ частнымъ банкамъ.—„Свобода акціонерныхъ собраній" и государственный соціализмъ. — Предубѣжденія противъ слова, мѣшающія правильному

отношенію къ дѣлу.—Соглашеніе съ римской куріей.—Новѣйшія законодательныя мѣры (*Августъ*, *798*). — Екатеринославскій погромъ.—Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія по вопросамъ гимназической дисциплины.—Новое положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ. — Оффиціальныя или псевдо-оффиціальныя возраженія противъ общаго желѣзно-дорожнаго устава.—Правила о взысканіяхъ за нарушеніе питейнаго и табачнаго уставовъ. — Запрещеніе уплачивать рабочимъ наемную плату купонами.—Примѣненіе на практикѣ закона о землевладѣльческомъ кредитѣ (*Сентябрь*, *352*). —Смерть Тургенева, какъ событіе въ исторіи нашего общества. — Вопросъ о неприкосновенности банковыхъ уставовъ, въ связи съ общими понятіями о договорѣ и законѣ, о государственномъ и частномъ интересѣ.—Уголовная статистика за 1878 годъ; запоздалое обнародованіе ея.—Строгость репрессіи въ судѣ присяжныхъ и въ судѣ коронномъ. — Выводы изъ числа обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ (*Октябрь*, *779*).—Положеніе работъ въ коммиссіи М. С. Каханова.—Вопросъ объ устройствѣ волостного управленія. — Проектъ реформы промысловаго налога; общій его характеръ, хорошія и слабыя его стороны. — Дѣло о супружескихъ несогласіяхъ. — Еще нѣсколько словъ о сводѣ уголовно-статистическихъ свѣдѣній за 1878 годъ; пробѣлы свода и желательныя дополненія къ нему (*Ноябрь*, *343*).—Тэмы, занимающія нашу печать.—Спорный еврейскій манифестъ, и возможное его значеніе. — А. И. Кошелевъ и бар. Н. А. Корфъ †. — Труды губернскихъ коммиссій по питейному вопросу.—Необходимая предпосылка коренной питейной реформы. — Уничтоженіе кабака; общественныя винныя лавки и трактиры. —Удачная мысль херсонской коммиссіи. —Судъ надъ кассаціоннымъ судомъ (*Декабрь*, *824*).

II. Иностранное Обозрѣніе.—Особенности и послѣдствія вооруженнаго мира.—Внутренняя политика въ европейскихъ государствахъ.—Полемика въ нѣмецкой печати и дипломатическія разоблаченія. — Отношенія между Россіею и Германіею.—Германскія дѣла.—Законъ о соціалистахъ, и республиканцы въ парламентѣ.—Аристократическій соціализмъ въ Австріи.—Колоніальная политика Франціи и французскіе финансы.—Рѣчь лорда Дерби и египетскій вопросъ. — Письмо Араби-паши.—Министерская комедія въ Константинополѣ и ея печальныя причины (*Январь*, *400*).—Французская, англійская и нѣмецкая печать о Гамбеттѣ.—Г. Аксаковъ и его разоблаченія относительно Гамбетты. — Роль Гамбетты во французской и европейской политикѣ.—Его жизнь и дѣятельность при второй Имперіи.—Эпоха національной обороны и важность ея для республики. — Образъ дѣйствій Гамбетты въ позднѣйшіе годы.—Значеніе его смерти для Франціи. — Манифестъ принца Наполеона и министерскій кризисъ (*Февраль*, *846*).—Министерское междуцарствіе во Франціи и мѣры противъ претендентовъ.—Кабинетъ Жюля Ферри. —Открытіе парламентской сессіи въ Англіи. — Ирландскія разоблаченія и политика Гладстона.—Дунайская конференція въ Лондонѣ.—Церковный вопросъ въ Германіи. — Прусскій сеймъ. — Австрійскія дѣла. — Положеніе дѣлъ въ славянскихъ земляхъ (*Мартъ*, *388*). — Князь А. М. Горчаковъ и его „полуполитика“.—Признаніе въ „Journal de St.-Pétersbourg“.—Задачи русской дипломатіи и ошибочное ихъ пониманіе. — Динамитная партія въ Англіи.—Обстановка ирландскаго движенія.—Внутреннія дѣла Франціи.—Министерская шаткость въ Пруссіи.—Личная политика кн. Бисмарка, и ея послѣдніе результаты (*Апрѣль*, *852*).—Новый тройственный союзъ.—Германскій парламентъ и соціально-политическіе проекты.—Положеніе дѣлъ въ Италіи. — Французскія дѣла.—Общество „друзей мира“.—Планы Вальдека - Руссо. — Исключительные законы въ Англіи, и ихъ также исключительный характеръ (*Май*, *372*). — Разсужденія иностранцевъ о Россіи и о рус-

скихъ дѣлахъ.—Возможныя недоумѣнія и ихъ разгадка.—Правители Черногоріи и Болгаріи.—Новѣйшая французская политика и ея значеніе.—Соціальный вопросъ въ Англіи.—Британская нетерпимость.—Шульце-Деличъ и Эд. Лабулэ (*Іюнь, 851*). —„Потѣшные“ парламенты въ Англіи.—Юбилейная недѣля въ Бирмингамѣ. — Рѣчи Брайта и Чамберлена.—Англійскіе радикалы и консерваторы. — Политическая жизнь въ Германіи. — Упадокъ національно-либеральной партіи.— Беннигсенъ и Ласкеръ.—Французская политика, внутренняя и внѣшняя (*Іюль, 390*). — Графъ Шамборъ и графъ Парижскій.— Надежды и колебанія французскихъ консерваторовъ.—Парламентскія сцены; нападки на правительство и на республику. — Разстройство финансовъ и его причины. — Централизація и чиновничество во Франціи. — Внѣшняя французская политика; недоразумѣнія съ Англіею.—Республиканская годовщина въ Америкѣ.— Русское соглашеніе съ Ватиканомъ (*Августъ, 818*).—„Предостереженіе“, данное Франціи изъ Берлина.—Внезапная воинственность нѣмецкихъ оффиціозовъ и ихъ фактическая подкладка. — Охлаждающее вліяніе русскаго нейтралитета. — Положеніе дѣлъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.— Роль иноземной „интриги“. — Причины и послѣдствія эльзасскихъ недоразумѣній.—Свиданіе въ Ишлѣ и совѣщанія въ Зальцбургѣ.—Секреты сильныхъ міра сего. —Французская политика и смерть графа Шамбора (*Сентябрь, 380*).—Процвѣтаніе внѣшней политики и культъ князя Бисмарка. — Восторженная статья въ „Deutsche Rundschau“.—Канцлеръ, какъ „центральный мыслительный органъ“ имперіи. —Національный памятникъ близъ Рюдесгейма.—Надежды и ламентаціи Шарля де-Мазада въ „Revue des deux Mondes.“— Графъ Парижскій и президентъ Греви.— Вопросъ о монархіи во Франціи и правильная его постановка.—Рѣчь Вальдека-Руссо при освященіи статуи Лафайета.— Господство адвокатовъ въ правительствѣ. —Русскіе генералы въ Болгаріи и возвратъ къ прошлому. — Король Миланъ и сербскій кризисъ. — События въ Австро-Венгріи (*Октябрь, 799*).—Политика „здраваго смысла“ во Франціи. — Заявленіе Жюля Ферри.—Оцѣнка республиканскаго правительства въ „Nouvelle Revue“ и въ „Revue de deux Mondes“. — Внѣшнія дѣла Франціи. –Австро-германскій союзъ по объясненіямъ графа Кальноки. — Намеки на враждебность русскаго „народа“. —Восточные интересы и положеніе Австріи.—Споры о миролюбіи и о мѣрахъ къ его поддержанію.—Внутренніе вопросы въ Англіи (*Ноябрь, 397*).—Событія въ Сербіи и въ Болгаріи. — Слабость монархическихъ традицій и несоотвѣтствующая ей политика.—Министерство Христича и междоусобная война. — Отзывы европейской печати и „предостереженіе“ Гладстона. — Программа сербскихъ радикаловъ.—Особенности болгарскаго кризиса. —Князь Александръ I и король Миланъ. —Газетныя разсужденія о войнѣ. — Свиданіе двухъ министровъ и быстрый поворотъ въ сторону мира. — Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ (*Декабрь, 852*).

III. Литературное Обозрѣніе. — А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, А. Незеленова.—В.—„Кіевская старина“, 1882.— Юбилейныя изданія Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея.—Н. (*Январь, 440*).—Сочиненія Пушкина, изд. восьмое. —Н.—Эммануэля Бенъ-Сіона, Евреи-реформаторы.—М. Филиппова, Русско-еврейскій вопросъ, ч. 1. — Autoemancipation, von einem russ. Juden. — К. (*Февраль, 866*). — С. Капустинъ, Что такое поземельная община? — J. v. Keussler, Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland, Th. II.—Б. Чичеринъ, Собственность и государство. Двѣ части.—К.—Альбомъ Московской Пушкинской выставки, п. р. Поливанова.—Н. (*Мартъ, 405*).—Исторія русской церкви Макарія, митрополита Московскаго, т. XII. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Д. Кобеко.—Жуковскій и его произведенія, соч. П. Загарина.—Статьи для публики, по вопросамъ историческимъ, политическимъ, и пр., В. И. Модестова.

лѣзни, Е. Дюкло, пер. Шмулевичъ.—Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми, Гетца, пер. Н. Воронихинъ.—Третье прибавленіе къ росписи книгамъ магазина И. И. Глазунова, составилъ В. Межовъ (*Февраль*).—Мазепа, историческая монографія Н. И. Костомарова.—Краткій обзоръ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ.—Родная старина. Сост. В. Д. Сиповскій.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Алексѣя Веселовскаго.—М. П. Соловьевъ. Очерки исторіи Прибалтійскаго края (*Мартъ*).—Искусство Италіи. А. Вышеславцева.—Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству. И. Л. Яворскаго.—Исторія XIX вѣка. Мишле.—Не въ бровь, а въ глазъ. Дмитрія Минаева (*Апрѣль*).—Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи. А. Н. Н—на.—Кавказскія минеральныя воды, въ медицинскомъ отношеніи, О. А. Халецкаго. — Путеводитель по кавказскимъ водамъ, И. П. Золотницкаго. — Начало русскаго и государственнаго права, А. Градовскаго.—Очеркъ исторіи физики, Ф. Розенбергера, пер. п. р. А. М. Сѣченова. — Baedeker's Russland. (*Май*).—Жизнь Державина, описанная Я. Гротомъ. — Посошковъ и его сочиненія, Алексѣя Царевскаго.—Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, составилъ Лубенецъ.—Учебный курсъ теоріи словесности, А. В. Савицкаго (*Іюнь*). — Кремль въ Москвѣ. М. П. Фабриціусъ.—Очеркъ дипломатической исторіи восточнаго вопроса. В. А. Уляницкаго.—Э. Люкасъ, Математическія развлеченія.—Эдгаръ Зевортъ, Исторія новаго времени (*Іюль*). — Что сдѣлалъ для науки Чарльзъ Дарвинъ, Ф. Павленкова. — Новѣйшіе русскіе писатели, А. А. Цвѣткова. — Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени, П. Жуковича.—Путешествіе на Востокъ князя П. А. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева. —Опытъ разбора повѣсти Гоголя: „Тарасъ Бульба“, К. Хоцянова (*Августъ*).—Очерки новѣйшей исторіи, И. И. Григоровича.—На Араратъ. Д. Л. Мордовцева.—Исламъ и наука. Рѣчь, произнесенная Эрнестомъ Ренаномъ. — Педагогическая психологія. П. Каптерева. — Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи, И. П. Мержеевскаго (*Сентябрь*). — Тикноръ. Исторія испанской литературы, Н. И. Стороженко.—Мининъ и Пожарскій; Преображенское или Преображенскъ, Ивана Забѣлина.—Исторія евреевъ, проф. Г. Гретца.—Мировой судъ въ провинціи. Влад. Березина (*Октябрь*). — Записки степняка, А. Эртеля.—Н. А. Гродековъ, Хивинскій походъ 1873 года.—О письмѣ вообще. М. М. Манасеиной. — Петербургскій Некрополь, Влад. Саитова.—О развитіи въ дѣтяхъ чувства народности, А. А. Калиновскаго (*Ноябрь*). — Иннокентій, митрополитъ московскій и пр., Н. Барсукова.—Война въ Туркменіи, т. II, Н. И. Гродекова.—Замѣчательныя и загадочныя личности, Е. П. Карновича. — Очерки мелкаго народнаго кредита, вып. II, А. Мудрова.—Дѣтскіе разсказы. П. Незванова (*Декабрь*).

VI. Извѣстія.—Списокъ лицъ, жертвующихъ въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ (*фев. 902*; *сент. 432*).—Отъ московскаго университета о подпискѣ на стипендію и премію имени проф. Соловьева (*мар. 447*).—Подписка на памятникъ Жуковскому (*авг. 894*). — Подписка на памятникъ И. С. Тургеневу (*ноябрь 460*).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1883.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

стр.